

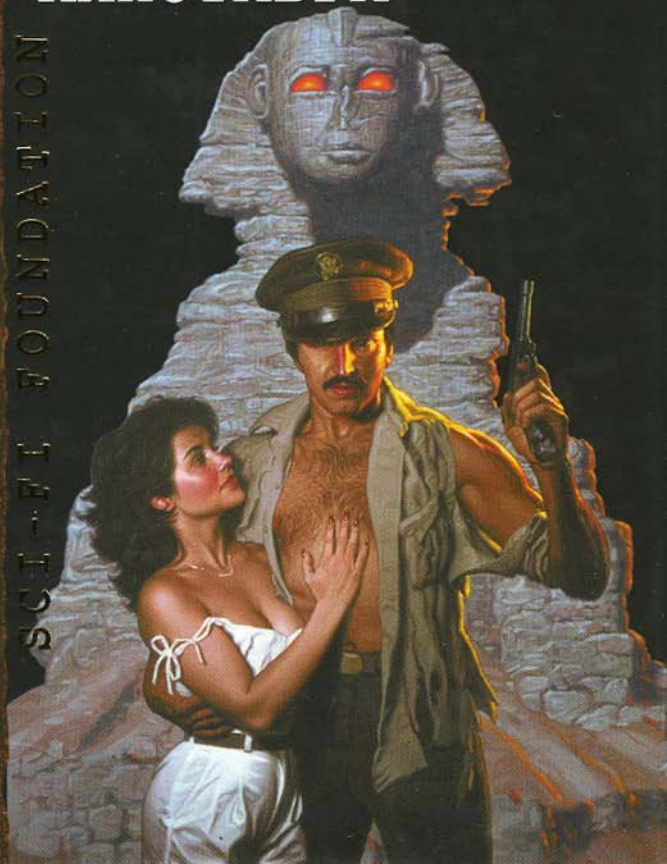
Весь

ШЕКАИ

ЛАБИРИНТ
МИНОТАВРА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь
ШЕКЛИ

Весь
ШЕКЛИ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

ОТНЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТНЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Роберт
ШЕКЛИ

ЛАБИРИНТ
МИНОТАВРА

Москва

ЭКСМО

2005

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)
Ш 40

Robert SHECKLEY

THE ALCHEMICAL MARRIAGE OF ALISTAIR CROMPTON
THE GRAND GUIGNOL OF THE SURREALISTS

GODSHOME
MINOTAUR MAZE
SHORT STORIES

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

АЛХИМИЧЕСКИЙ МАРЬЯЖ ЭЛИСТЕРА КРОМПТОНА

Ш 40 Шекли Р.
Лабиринт Минотавра: Фантастические произведения /
Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 960 с. (Отцы-основатели. Весь Шекли).

ISBN 5-699-11501-3

В пятый том собрания сочинений знаменитого американского писателя вошли популярные романы «Алхимический марьяж Элистера Кромптона» и «Великий гуиньоль сюрреалистов», а также произведения, главными действующими лицами которых являются боги, мифологические герои и сверхъестественные существа.

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)

© Robert Sheckley, 1953...2003. Публикуется с разрешения автора

© Перевод. В. Баканов, О. Битов, Нора Галь, Р. Гальперина, В. Гольдич, И. Гурова, Н. Евдокимова, М. Жужунова, М. Ильина, Б. Клоева, А. Кон, Д. Мальцев, А. Мельникова, В. Мидянин, А. Нефедов, И. Оганесова, Н. Рейн, А. Роголина, В. Серебряков, И. Тогоева, М. Черняев, Т. Шинкарь. 2003

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2005

ISBN 5-699-11501-3

Проблема противоположностей играет огромную, если не решающую роль в алхимии, поскольку она является ведущей в заключительной фазе создания союза противоположностей в его исконной форме *gamos*¹ или «алхимического марьяжа».

К. Г. Юнг², «Психология и алхимия»

Часть первая

Глава 1

Вывеска на обочине 29-й дороги гласила: «Добро пожаловать в Бергамот, Нью-Джерси, «Хоум Сайкосмелл, Инк.».

Любознательный путешественник даже отсюда, издалека, по незначительным признакам, доступным его восприятию, мог составить некоторое представление о том, чем занимается эта фирма. А окажись здесь случайно некий ароматолог, он различил бы запахи кассии и гвоздики, корицы и розмарина, сассифраса и вербены, терпкий аромат лимона, имбиря и линалое.

Примерно на двадцати акрах огороженного двойным забором и раскинувшегося на холмистой местности загородного парка беспорядочными рядами двухэтажных терракотовых строений растянулись корпуса главного завода.

Вахтенный — мускулистый андроид, смахивающий на сильно подавшего ирландца из «Ночного дозора», — внимательно разглядывал медленно подъехавший «силлз-максвелл», за рулем которого сидел небольшой человек в кислородной маске в клеточку. Страж помедлил секунду, пока не сообразил что-то своими ленивыми мозгами, затем расплылся в улыбке и шутливо отсалютовал.

— Ага, вот теперь ясно, это мистер Элистер Кромптон, наш главный эксперт. Как дела на любовном фронте, Эл?

— Трахни себя в зад, — ответил Кромптон.

Любой андроид воспринял бы это как ужасное оскорбление, ибо эти несчастные физически неспособны на подобное анатомическое извращение. Но Майк Меджиннис не обиделся. Вот уже десять лет он таким образом приветствовал Кромптона и

¹ Священный брак (греч.). (Здесь и далее — примеч. пер.)

² Юнг Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психиатр, ученый, основатель направления «глубинной психологии».

всегда слышал один и тот же ответ. Любое другое приветствие смутило бы его.

— Как я рад, мистер Кромптон, право же, я очень рад! — со смехом сказал псевдоирландец и помахал рукой вслед проехавшему в ворота Кромптону.

Через несколько минут, поставив свой «Силлз-Максвелл» на обычное место, Кромптон уже шествовал по безукоризненно чистым коридорам «Сайкосмелл, Инк.». Как всегда, он вошел в помещение ровно в 8.52 и теперь шагал своим обычным путем по Лавандовому проходу — так непочтительно называли главный коридор. Кивнул мистеру Демиджеру, главному мацератору, и мисс Резьют, помощнице дистиллятора. Миновал неизбежную группу экскурсантов и услышал, как Доминик Спеллинг из «Паблик рилейшнз мен» распространяется перед небольшой группой туристов о том, как якуты на юго-западе Малой Азии сдирают кору со стиракса, как бальзам в результате сочится по стволу, его собирают, потом кипятят...

Кромптон продолжил свой путь мимо ароматных кладовых, набитых охапками кассий и гиацинтов, розмарина и мяты, герани и пачулей. Он прошел кладовые для внеземных субстанций. Каждая кладовая была снабжена особым устройством для контроля за составом воздуха, влажностью и температурой. В этих кладовых хранились сравнительно дешевые внеземные растения, такие, например, как индригита с Цефеуса II, ломтики каннотии (отвратительно воняющие, пока их не смешаешь с маслом из пальмерозы и иононом), лепестки ночного цветка оцепти и тому подобное.

Дальше коридор раздваивался. Кромптон повернул налево и подошел к двери в конце коридора с табличкой «Кабинет главного эксперта». Это был его кабинет, центр его маленькой империи внутри монополии. Именно здесь Кромптон создавал свои композиции, которые привлекли к нему внимание ведущих ароматологов и стали образцом для специалистов в этой области.

Его помощница мисс Анакос, гибкая брюнетка с модной прической а-ля Медуза, уже восседала за одним из рабочих столов.

— Доброе утро, мистер Кромптон, — сказала она.

Кромптон галантно поклонился. Все два года, пока она была его помощницей, Кромптон испытывал к ней страстное влечение. Но никогда не обнаруживал своих чувств, потому что это было бы неприлично, недостойно и бесполезно: хорошенькие

молодые женщины существовали не для таких, как Кромптон, — непривлекательных физически, умственно и духовно.

— О, мистер Кромптон, наконец наступил этот великий день, не правда ли? Ваш великий день, мистер Кромптон. Вы взволнованы?

Кромптон скинул с себя кислородную маску — в сверхчистой атмосфере с гипервентиляцией она была не нужна.

— Право же, все это ерунда, — пожал он узкими плечами. — Хотя для поднятия духа, пожалуй, неплохо.

— Для поднятия *вашего* духа! — Мисс Анакос любила подчеркивать отдельные слова, что действовало Кромптону на нервы. — Вы же, как-никак, наша «звезда» сегодня.

— Не могу сказать, что мне безразличен почет, — отозвался Кромптон, — но ваши поздравления несколько преждевременны. Ровно в полдень соберется Совет директоров, где состоится моя презентация. Как еще отнесется к ней мистер Блаунт.

— Он будет в восторге! — сказала мисс Анакос. — Вы лучший в мире изобретатель психозапахов, мистер Кромптон, и вы сами это прекрасно *знаете!*

Непомерные похвалы мисс Анакос в адрес его талантов — без единого намека на восхищение им как мужчиной — начали раздражать Кромптона. Он сел за стол и сказал:

— Все может быть, мисс Анакос. А теперь за работу! Принесите препарат Эйч. Мне потребуются также компоненты из четвертой серии реактивов.

— Да, сэр!

Она проскользнула совсем рядом, и он уловил легкий аромат ее кожи.

«Бог мой, — подумал он, — как бы я хотел закупорить в бутылку *этот запах!*»

И решительно погрузился в текущую работу. Оттого, что он сотворит за ближайшие несколько часов, зависело очень многое. Даже мисс Анакос не подозревала, *насколько* многое.

Уже в далекой древности знали о способности запахов пробуждать воспоминания. Гермипп из Смирны в своих «Ботанических исследованиях» рассказывает, как король Фересид из Салоник заплатил двести талантов серебра за малюсенький кусочек арабского аницеруса, который в смеси с мирром, ладаном, истолченным в порошок рогом антилопы и с гирканьянским медом вызывал у него видение огромного, мрачного мраморного замка, расположенного высоко в горах Кавказа. В Вавилоне, еще до хеттов, искусные лекари излечивали чуму и шистосоматоз.

тоз смесью благовоний. В Китае считали, что масло, выжатое из ночных цветков асфодели, смешанное с серебром, истолченной слоновой костью и корнями лотоса, завернутое в красные ивовые листья и выдержанное в течение десяти лет в гранитной чаше, позволяет людям вспомнить, как они выглядели до своего рождения.

Но лишь в XXI веке это свойство запахов пробуждать память, мечты и видения систематизировали и сделали предметом коммерции. Стимулом послужило неожиданное появление вземных благовоний с их необычайными, сенсационными возможностями. Дальтон из своей экспедиции на Слиу II привез корни агании, кперсию и ныне широко известный лист менингии. Фон Кеттер трижды посетил Миры Рашида, и в результате на Земле появились сисия, масло мнуи и несравненное эфирное масло брунхиоза. Все они обладали психотропными свойствами и прекрасно сочетались с некоторыми земными субстанциями. Землянам, крепко прикованным к своей планете высокими ценами на космические путешествия, эти вещества подарили аромат неизведанного, пьянящий дурман и сладостно-горькую возможность погрузиться в потайные уголки своей памяти.

Ловкие дельцы создали Гильдию вземных ароматов и наглухо монополизировали все производство. Люди среднего достатка могли приобрести у них один из двенадцати запахов, способных раскрепостить память. Богатые пользовались услугами фирм типа «Сайкосмелл, Инк.», где за известную плату эксперты вроде Кромптона составляли индивидуальные ароматы, подобранные с учетом расположения желтовато-коричневых волокон, связанных с нервными узлами обонятельных органов клиента. Специалисты класса Кромптона могли совершенно точно определить, какие возбудители вызывают те или иные обонятельные реакции и, таким образом, вызывать по заказу любые видения.

Но самое главное испытание лучших творений Кромптона, окончательная оценка его искусства происходили раз в пять лет, когда из разных миров в свою «alma mater» в Нью-Джерси собирались члены Совета директоров. По такому случаю главный эксперт обычно составлял особую субстанцию для величайшего из гурманов по запахам — легендарного Джона Блаунта.

Кромптон был снабжен исчерпывающими данными об обонятельных реакциях Блаунта. Пользуясь инфракрасными фотографиями обонятельных емкостей и химическими анализами

слизистых оболочек, покрывающих нервные ганглии Блаунта, Кромптон готовил свой очередной шедевр.

В такие исключительные дни не жалели никаких затрат. Из глубочайших погребов Кромптон заказывал самые дорогие субстанции: масло редоленса с Тармака II; целых десять щепоток коры ржиа с Алклептона, одна унция которой стоила шестьдесят тысяч долларов; и даже шестьдесят граммов несравненных почек люристии, сверхценного растения, которое произрастает только на пяти акрах священной земли на грязной планете Альфон IV.

Все эти субстанции, стоявшие на черном рынке запахов целое состояние, доставали только в этот особый день. И Кромптон творил из них чудеса.

Подготовить смесь нужно было за мгновение до презентации, ибо такими летучими были некоторые из этих редких масел, такими нежными были эфиры и капризными кетоны, что драгоценный плод трудов за несколько часов мог превратиться в свою противоположность.

Кромптон работал, а все сотрудники «Сайкосмелла», затаив дыхание, ждали результатов, так как успех или поражение Кромптона они разделят с ним. Сумму вознаграждения для работников фирмы старый Джон Блаунт выделит в зависимости от настроения. А настроение его будет целиком зависеть от того, как он отнесется к стряпне Кромптона.

После презентации завод закроется на ежегодный двухнедельный отпуск, а перед этим сотрудникам объявят о причитающихся им премиях. Так что от Кромптона будет зависеть, проведут ли они неделю на Луне — в случае, если все пойдет хорошо, или денек в Асбери-парке — во всех остальных случаях.

Кромптон трудился, не замечая царившей вокруг него почти осязаемой атмосферы напряженности. Он бестрепетно отхватил целый грамм люристии — десяти тысячную долю всех галактических запасов! У мисс Анакос при виде этого перехватило дыхание, но она *надеялась*, что он не переборшит с редкой разновидностью, что он понимает: шок от злоупотребления дорогостоящим веществом не обеспечит нужного эффекта. Старый Джон Блаунт был слишком хитрой лисой, чтобы попасться на эту удочку!

Целиком погруженный в работу, Кромптон бесстрастно колдовал над своими бальзамами, смолами, черенками, прутиками, кусочками коры, листочками, мускусом, шелухой, корнями, спрессованными лепестками цветов, плодами, семенами и про-

чими компонентами. Наблюдая, с каким хладнокровием он действует, мисс Анакос готова была разрыдаться. Она, конечно, знала, что Кромптон в известном смысле уродец, неполноценный человек. Правда, знала она не слишком много: поговаривали, что при родах произошел какой-то несчастный случай и в раннем возрасте его подвергли операции по ныне дискредитированному психомеханическому методу массированного расщепления. Мисс Анакос догадывалась, что это означает, что Кромптону *недостает каких-то качеств*. Но каких именно, она не знала и не особенно этим интересовалась. Она привыкла видеть в Кромптоне робота без личных вкусов и прошлого. Так же думали о Кромптоне многие — как о человеке сухом, бездушном и бесчувственном.

И все они ошибались. Еще немного — и Кромптон покажет им, какая у него глубокая натура.

Стрелки настенных часов неуклонно подползали к двенадцати. Мисс Анакос заскрипела зубами: что он там копается? Почему не кончает? Он что, не понимает — ведь ее *премия* зависит от того, что произведут его талантливый нос и искусные белые костлявые руки!

Без пяти минут двенадцать Кромптон встал из-за стола, держа в руках простой пузырек для проб из розового кварца. Он спокойно сказал:

— Теперь я подымусь в зал Совета. Вы можете присоединиться к другим сотрудникам в зале заседаний. Потом я сам здесь все приберу, как обычно.

— Да, сэр! — воскликнула мисс Анакос и помчалась из комнаты, унося с собой специфический женский аромат, более тонкий и прекрасный, чем самые изысканные кристаллические консерванты.

Кромптон проводил ее взглядом. На его иссохшем лице не отразилось никаких чувств. Однако он был рад, что напоследок посмотрел на мисс Анакос и вдохнул ее аромат. Победит ли он, или потерпит поражение, или исчезнет — что бы с ним ни случилось, ее запахи больше не потревожат его. Да-да, в последний раз он вдохнул их! Потому что скоро, очень скоро наступит момент, когда он...

Он оборвал свою мысль: не стоит загадывать наперед, это опасно. Он знал, что ему нужно сделать. И сделать это необходимо быстро и чисто — как хирургический разрез.

Держа в руках драгоценное вещество, заключенное в кварцевый сосуд, Кромптон покинул свой кабинет и направился к директорским апартаментам, где его ожидал почти легендарный Джон Блаунт.

Глава 2

Тридцать лет назад в Антарктиде, на Земле Мэри Бэрд, в городке Амундсвилле родился мальчик. Родителями его были Бесс и Лиль Кромптоны. Лиль работал техником на шотландских плутониевых рудниках. Бесс была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на местном радиозаводике. У них обоих было зарегистрировано вполне удовлетворительное физическое и умственное здоровье. Ребенок, названный при крещении Элистером, проявлял все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые десять лет жизни Элистер рос во всех отношениях нормальным ребенком, разве что был несколько угрюм, но дети часто без всяких на то причин бывают угрюмыми. А вообще-то Элистер был любознательным, подвижным, привязчивым и беззаботным созданием, а по интеллекту даже превосходил своих сверстников.

На десятом году жизни замкнутость Элистера заметно возросла. Бывали дни, когда ребенок часами оставался сидеть в полном одиночестве, уставясь в пустоту и порой даже не откликаясь на свое имя.

Никому не пришлось в голову расценить эти приступы зачарованности как симптомы заболевания. Посчитали, что он просто впечатлительный, нервный ребенок, что он предается мечтам и что со временем у него это пройдет.

Периоды зачарованности стали чаще и интенсивнее на одиннадцатом году его жизни. Мальчик сделался раздражительным, и местный врач выписал ему успокоительные таблетки. Однажды, когда ему было десять лет и семь месяцев, Элистер без всякой причины ударил маленькую девочку. Когда она закричала, он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял учебник и попытался раскроить ей череп. Какой-то взрослый отташил брыкающегося, орущего Элистера от ребенка. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

А Элистер, когда его расспрашивали об этом случае, утверждал, что ничего такого не делал. Может, это был кто-то другой.

Чтобы он причинил кому-нибудь зло — да никогда! И вообще — ему нравилась эта девочка и он собирался жениться на ней, когда они вырастут. Дальнейшие расспросы привели к тому, что он впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Тогда еще можно было спасти Элистера, если бы кто-нибудь распознал у него ранние симптомы вирусной шизофрении.

В средней полосе очаги вирусной шизофрении существовали в течение многих веков, иногда вспыхивали и настоящие эпидемии — такие, например, как эпидемии кликушества во времена Средневековья. Иммунологи никак не могли найти вакцину против вируса. Поэтому обычно, пока шизоидные компоненты были достаточно податливы, прибегали к массированному расщеплению; затем определяли и оставляли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты с помощью проектора Миккльтона перемещали в инертное вещество тел Дюрера.

Тела Дюрера были способными к росту андроидов со сроком жизни в сорок лет. Однако Федеральный закон разрешал попытку реинтеграции личности по достижении ею тридцати лет. Отторгнутые личности, развивавшиеся в дюреровых телах, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело, где все они благополучно воссоединялись друг с другом — но только если расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмороживаниями, снежной слепотой, пингвиновой лихорадкой и другими антарктическими заболеваниями, но в болезнях средней полосы не разбирался.

Элистера положили на пару недель на обследование в городской изолятор.

Первую неделю он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь изредка прорывалась его бывшая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая, в свою очередь, называла его «милым ребенком». Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова становится самим собой.

Но вечером на тринадцатый день пребывания в изоляторе Элистер совершенно неожиданно располосовал лицо нянечки разбитым стаканом, а потом предпринял отчаянную попытку перерезать себе горло. В госпитале, куда его поместили, чтобы залечить раны, он впал в каталепсию, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали абсолютный покой и тишину,

что при данных обстоятельствах было самым худшим из всех возможных решений.

После двухнедельного ступора с характерной для кататонии мышечной расслабленностью болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в Нью-Йорк в клинику имени Эла Смита. Там незамедлительно поставили точный диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистеру было уже двенадцать лет, но он мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы специалисты смогли выявить его наклонности. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты становились все более несовместимыми. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом сумеречном мире, полном кошмарных видений. Массированное расщепление в таком случае вряд ли могло привести к хорошим результатам. Но отказаться от операции значило обречь Элистера провести остаток жизни в клиниках, навеки погребенным в сюрреалистических темницах его разума.

Родители выбрали меньшее из зол и подписали согласие на запоздалую, отчаянную попытку расщепления.

Под глубоким синтогипнозом у него были выявлены три независимые одна от другой личности. Врачи поговорили с ними и сделали выбор. Двум из них дали новые имена и поместили в тела Дюрера. Третью, собственно Элистера, которую они нашли наиболее подходящей и надежной, оставили в его подлинном теле. Все три личности при операции несколько пострадали, поэтому исход ее признали ограниченно удовлетворительным.

Доктор Власек, лечащий нейрохирург, отметил в своем отчете, что для всех троих в силу их неадекватности нет никакой надежды на последующую реинтеграцию по достижении ими тридцати лет. Слишком поздно было произведено расщепление, и шизоидные компоненты утратили взаимопонимание, а также начисто лишились каких бы то ни было общих черт характера. Он подчеркнул, что о реинтеграции не может быть и речи и что каждому из них придется жить по-своему в пределах собственной суженной личности.

Стремясь предотвратить нежелательную, да и невозможную попытку реинтеграции, двух Дюреров отправили к приемным родителям на планеты Эйя и Йигга. Доктора пожелали им всего наилучшего, сами, впрочем, не веря в это.

Элистер Кромптон, доминирующая личность, оставшаяся в подлинном теле, поправился после операции, но двух третей его

натуры, утеранных после отторжения шизоидных частей, ему всегда недоставало. Его навек лишили таких человеческих черт, эмоций и особенностей, которые ничем невозможно заменить.

Кромптон вырос и превратился в болезненно худого юношу среднего роста, остроносого, тонкогубого и лишенного обаяния. Его тусклые глаза скрывались за линзами очков, на лбу наметились залысины, а на подбородке кое-где пробивалась реденькая растительность.

Высокий интеллект и необычайно талантливое обоняние Кромптона обеспечили ему хорошую работу и быстрое продвижение по службе в «Сайкосмелл, Инк.»; в тридцать лет он занимал уже должность главного эксперта, предел мечтаний любого работника в этой области, что принесло ему почет и вполне приличный доход. Но Кромптон не чувствовал полного удовлетворения.

Он с завистью видел вокруг себя людей с изумительно сложными, противоречивыми характерами, людей, которые постоянно вырывались из стереотипов, навязываемых обществом. Ему встречались абсолютно бессердечные проститутки и армейские сержанты, ненавидевшие жестокость; богачи, не жертвовавшие ни цента на благотворительность, и ирландцы, которые терпеть не могли сплетен; итальянцы, не способные пропеть ни одной мелодии, и французы, действовавшие без расчета и логики. Кромптону казалось, что большинство людей живет удивительно яркой, полной неожиданностей жизнью, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в равнодушный покой; они говорят одно, а делают совсем другое; поступают наперекор своей собственной натуре и превосходят свои возможности, сбивая тем самым с толку психологов и доводя до запоев психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого врачи ради сохранения его рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою сознательную жизнь, день за днем, с отвратительной методичностью работа в 8.52 Кромптон прибывал в «Сайкосмелл». В пять пополудни он убирал свои масла и эссенции и возвращался в меблированную квартиру. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пачки, разгадывал кроссворд и растягивался на узкой одинокой постели. Каждую субботу, протолкавшись сквозь тусовку безалаберных, веселых подростков, Кромптон ходил в кино. По воскресным и праздничным дням он изучал «Никомахову этику» Аристотеля, потому что верил в самосовершенствование. А раз в

месяц Кромптон крадучись отправлялся к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. Дома, в полном уединении, он с жадностью поглощал его, а потом в порыве самоуничтожения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, понимал, что врачи превратили его в стереотип ради его же блага, и пытался смириться с этим. Некоторое время он поддерживал компанию с такими же заурядными, ограниченными личностями. Но все они были высокого мнения о себе и закоснели в собственном самодовольном невежестве. Они были такими от рождения и потому не чувствовали своей неполноценности, не мучились жаждой самовыражения и не хотели видеть дальше своего носа. Кромптон скоро признал, что люди, похожие на него, невыносимы, а значит, и сам он невыносим для окружающих.

Он изо всех сил старался вырваться за грани удручающей неполноценности своей натуры. Он посещал лекции по самообразованию и читал духовную литературу. Он даже обратился в нью-йоркское бюро знакомств, которое организовало ему свидание. Кромптон воткнул белую гвоздику в петлицу и отправился к театру «Лоу Юпитер» на встречу с загадочной незнакомкой, однако за квартал до театра его пробрала такая дрожь, что он вынужден был повернуть назад.

В характере Кромптона были всего четыре основные черты: интеллект, целеустремленность, настойчивость и воля. Неизбежное разрастание этих свойств превратило его в исключительно рациональную, монолитную личность, сознающую свои недостатки и страстно желающую восполнения и слияния с отторгнутыми компонентами. Как Кромптон ни бился, он не мог вырваться из жестких границ своей натуры. Его гнев на себя и на доброжелателей-врачей становился все сильнее, и так же сильно нарастала в нем потребность шагнуть за пределы возможного. Но у Кромптона был всего один путь к обретению чудесной многогранности, внутренних противоречий и страстей — словом, всего человеческого. И путь этот лежал через реинтеграцию.

Глава 3

И вот в день, когда ему исполнилось тридцать — законный возраст для реинтеграции, — Кромптон отправился к доктору Власеку, нейрохирургу, который в свое время оперировал его. Кромптон был взволнован, жаждал узнать имена и адреса своих

недостающих компонентов, мечтал воссоединиться с ними и стать полноценным человеком.

Доктор Власек запросил его больничную карту, обследовал Кромптона с помощью когноскопа, ввел данные в компьютер и, просмотрев результат, покачал головой.

— Элистер, — сказал он, — очень сожалею, но советую вам отказаться от реинтеграции и смириться со своей теперешней жизнью.

— Но почему же?

— Согласно компьютерным данным, у вас не хватит ни сил, ни стойкости, чтобы уравновесить ваши компоненты, слиться с ними.

— Но у других-то получается! — воскликнул Кромптон. — А у меня не выйдет? Почему?

— Потому что слишком поздно прибегли к расщеплению. Шизоидные сегменты слишком закоснели.

— Все равно я хочу попробовать, — сказал Кромптон. — Пожалуйста, назовите мне имена и адреса моих Дюрберов.

— Умоляю, откажитесь от ваших намерений, — сказал Власек. — Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти.

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь с ними. И когда они целиком подчинятся моей воле, произойдет слияние. Мы станем единым целым, и я наконец буду полноценным человеком.

— Да вы даже не представляете себе, что такое эти ваши Дюрберы! — возразил доктор. — Вы считаете себя неполноценным? Да вы жемчужное зерно в куче этого навоза!

— Мне все равно, какие они, — сказал Кромптон. — Они — часть меня. Пожалуйста, их имена и адреса.

Горестно покачав головой, доктор написал записочку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, эта авантюра не имеет никаких шансов на успех. Умоляю — еще и еще раз подумайте...

— Спасибо, доктор Власек, — сказал Кромптон и с легким поклоном покинул кабинет.

Стоило Кромптону очутиться в коридоре, как от его самоуверенности не осталось и следа. Он не посмел признаться доктору Власеку в своих сомнениях, не то добрый старик отговорил бы его от реинтеграции. Но теперь, когда имена были у него в

кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера обуял страх. Его затрясло крупной дрожью. Он подавил приступ, добрался на такси до дома и сразу же бросился в постель.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, словно утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом припадок кончился. Он сумел унять дрожь в руках настолько, чтобы вытащить из кармана и прочитать записку, которую дал ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса, проживающего на планете Эйя. Вторым — имя Дэна Стэка, жителя планеты Йигга.

На что похожи эти две составные части его личности? Какой характер, какие типичные черты приобрели отторгнутые от него сегменты?

В записке об этом ничего не говорилось. Он разложил пасьянс, прикидывая, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный шизоидный рассудок был явно одержим манией убийства. В случае слияния исчезнет ли эта одержимость? А может, он выпустит на волю потенциального убийцу? И, кроме того, разумно ли идти на этот шаг, который грозит ему умопомешательством или даже смертью?

Если верить доктору, шансы на успех невелики, но Кромптон был полон решимости сделать попытку. В конце концов, смерть или безумие не хуже, чем его теперешняя жизнь, да и не так уж сильно отличаются от нее.

Итак, решено. Но оставались еще чисто практические трудности. Чтобы воссоединиться, ему придется слетать на Эйю, а потом на Йиггу. Однако межзвездные путешествия крайне дороги, а между Эйей и Йиггой пролегло чуть не полгаллактики.

Он просто не в состоянии собрать такую кучу денег, чтобы оплатить перелет и прочие неизбежные затраты. Точнее говоря, он не в состоянии собрать нужную сумму *законным способом*.

Кромптон был до щепетильности честным человеком. Но речь шла о жизни и смерти. В его положении приходилось выбирать между кражей и психическим самоубийством.

Кромптон не был самоубийцей. Он тщательно обдумал свое решение, взвесил шансы и составил план действий.

Глава 4

Элистер Кромптон, крепко сжимая в руках розовый кварцевый пузырек, неслышными шагами прошел по тропе Первоцвета, как называли светло-фиолетовый коридор, ведущий к административному центру. Лицо его было бесстрастно.

В конце коридора находилась огромная дубовая дверь, над которой был изображен единорог, нюхающий букет весенних полевых цветов из рук жеманно улыбающейся красотицы в пышной юбке. Так выглядел герб «Сайкосмелл, Инк.». Ниже можно было прочесть горделивый девиз компании — измененную на одно слово строку Марциала¹: «Vene olet, qui bene semper olet»².

Дверь бесшумно растворилась, и Кромптон вошел в зал. Прямо перед ним полукругом стояло шесть кресел, в которых сидели члены Совета. В центре полукруга, на возвышении, в огромном кресле восседал легендарный Джон Блаунт, основатель фирмы и председатель Совета директоров.

— Вы Кромптон, не так ли? — проскрипел он дрожащим надтреснутым голосом. — Проходите, Кромптон, дайте взглянуть на вас.

Джон Блаунт был древним стариком с точки зрения продолжительности существования его как личности. Но если подсчитать средний возраст отдельных частей его организма, получаюсь, что он совсем еще юноша. За прошедшие годы органы Блаунта были либо восстановлены, либо полностью заменены. К примеру, его неприлично розовая, блестящая кожа насчитывала не более десяти лет. Но мозг оставался подлинным, так же, как и древние, непостижимые глаза, такие же неуместные на этом крепком юношеском лице, как глаза монстра гелы³, выглядывающие из бочки с апельсиновым желе.

— Ну-с, Кромптон, как поживаете? — старческий голос странно контрастировал с молодым сильным телом. Блаунт отказался изменить голос и оставил свои собственные руки, постоянно подчеркивая, что он наслаждается старостью и ему претит поддельная молодость. Он хотел оставаться старым, но полным жизни, и делал только самое необходимое для того, чтобы поддерживать себя в этом состоянии.

— Прекрасно, сэр, — ответил Кромптон.

— Рад, Кромптон, рад слышать это. Я слежу за вашей карьерой с интересом. Вы проделали колоссальную работу для фирмы, мой мальчик. Хи-хи-хи! А теперь вы пришли порадовать меня новым творением вашего гения?

— Надеюсь, вам понравится, сэр, — сказал Кромптон, с трудом удерживаясь от неожиданного, совершенно иррационально-

го побуждения броситься старику в ноги и униженно пресмыкаться перед ним. Кстати сказать, такое желание возникало в присутствии Блаунта у многих, даже у его жены, у которой на коленях выросли мозоли в полдюйма толщиной, оттого что она не сдерживала своих порывов.

— Ну что ж, тогда приступим, хи-хи-хи.

Блаунт протянул сухую корявую руку, похожую на лапу королевского грифа. Кромптон вложил в эту руку кварцевую бутылочку и отступил назад.

Основатель откупорил пузырек и осторожно понюхал (своим подлинным, данным ему от рождения носом — из чувства гордости и благоразумия он не стал подделывать орган, который сделал его сказочно богатым).

— Итак, что мы тут имеем? — вслух подумал Блаунт, с силой раздувая ноздри, чтобы полностью впитать аромат своим старым, заскоружлым, но еще очень чувствительным обонятельным органом.

Какое-то время он молча сидел, закинув голову назад и так работая ноздрями, будто это была пара кузнечных мехов. Кромптон знал, что сначала старик проанализирует самые основы композиции, разделив смесь и оценив качество различных запахов — цветочных, фруктовых, гнилостных, пикантных, смолистых и горелых. Затем, с точностью ольфактометра¹, измерит интенсивность компонентов и разберет каждый из них в отдельности. И только завершив этот многосторонний анализ, позволит себе расслабиться и насладиться воздействием всей субстанции.

— Первые впечатления — берег моря Наслаждений, беседка, увитая розами, ветры пустыни, нежное детское лицо, запах северо-восточного ветра... Совсем неплохо, Кромптон! А вот и более глубокое восприятие — солнце на морской волне, ряды ламинарий, серебряные скалы, железная гора и... девушка!.. девушка!..

Директора неловко заерзали при звуках дрожащего крика, исторгнутого из глотки искусственно омоложенного старика. Уж не дал ли маху Кромптон — может, неправильно рассчитал угол вращения радикала?

— Девушка! — вопил Основатель. — Девушка в белой кружевной мантилье! О, Нивс, как я мог забыть тебя! А сейчас передо мной черная вода озера Титикака, волны плещутся о железные сваи причала. Огромная птица, кондор, низко парит над нашими головами — дурная примета; из-за тяжелых пурпурно-розо-

¹ Марциал, Марк Аврелий, римский поэт примерно 40—104 гг.

² Пахнет хорошо, что пахнет хорошо всегда (*лат.*).

³ Гела — ядовитая ящерица, водится на реке Гела на юго-востоке США.

вых туч выглядывает солнце. Нивс, ты держишь меня за руку, ты смеешься и не знаешь...

Основатель умолк. Долгую, нескончаемую минуту он сидел неподвижно. Потом опустил голову, возвращаясь к действительности. Видение растаяло.

— Кромптон, — сказал он наконец. — Вы создали превосходный эликсир. Не знаю, как отнесутся к нему мои коллеги, но мне он доставил мгновения редчайшего наслаждения. Воспоминания, конечно, не мои, но картина настолько яркая, что наверняка кто-то пережил все это. Джентльмены, даю двойную премию! Кромптон, я на треть увеличиваю ваш оклад, каким бы он ни был на сегодняшний день.

Кромптон поблагодарил его. Пока кварцевая бутылочка переходила из рук в руки, он выскользнул из зала, и огромная дубовая дверь бесшумно закрылась у него за спиной.

Новость, как пожар, распространилась по кабинетам «Сайкосмелла». Кругом царил веселье и всеобщее ликование. Кромптон, совершенно бесстрастный, вернулся в свой кабинет, запер за собой дверь и, как всегда после трудного дня, сильно потянулся. Потом быстро закупорил драгоценные вещества и сунул их в желоб, по которому они скатились в вакуумные погреба и вернулись в свои герметические хранилища.

Только одно отступление от правил нарушило привычный каждодневный ритуал. Взяв колбу с очищенной эссенцией люристы, самого дорогого в Галактике вещества, Кромптон без колебаний перелил содержимое в плоский герметичный сосуд и опустил его в карман. Затем налил в колбу обычное масло иланг-иланга и отправил ее в погреб.

Теперь он стал единоличным владельцем девятнадцати граммов люристы — субстанции, которую получают в результате двухгодичной ручной выжимки из единственного на Альфоне IV дерева, сверхтвердого и сухого. У Кромптона в кармане оказалось целое состояние, которого хватит, чтобы слетать и на Эйю, и на Йиггу.

Он перешел Рубикон — сделал первый и бесповоротный шаг к реинтеграции. Начало положено. Только бы все окончилось благополучно!

Глава 5

— Они и сами не знают, чего плетут, — заявил пьянчужка в красноватой шляпе пирожком, обращаясь к Элистеру Кромптону.

— Да и вы тоже не знаете, — резко осадил его Кромптон.

Он сидел за извилистой стойкой Дамбалла-клуба в Гринвич-Виллидже — районе с сомнительной репутацией. Проигрыватель наяривал старый шлягер «Беби, набей свой животик» в исполнении Генджиса Хана. Кромптон, потягивая безалкогольное пиво, поджидал своего знакомого, Элигу Рутински — главного агента (Н)ГСН.

— Конечно, и я не знаю, — отвечал веселый красношляпый сосед с высокого, как обелиск, табурета, зажав в лапе с черными ногтями и разбитыми костяшками наполовину пустой (или наполовину полный) бокал «Олд Пингслоппа», очищенного сухого виски. — Но я-то, по крайней мере, знаю, что не знаю, а это уже кое-что. И даже до того, как я узнал, что не знаю, я уже знал, что понятия не имею, чего это я плету. Ну вот возьмите, к примеру, нас с вами. Вы, наверное, думаете, что я здесь оказался чисто случайно — просто первый встречный, а то и предмет, на котором вы остановили свой взгляд, а?

Кромптон ничего не ответил. Все это время он крепко держал себя в руках, начиная с того самого мгновения, когда, покинув кабинет, сел в «Силлз-Максвелл» и поехал в Манхэттен, чтобы встретиться здесь с человеком, который опаздывал уже на десять минут. Сосуд с люристией жег ему бок, словно путеводная звезда, предвещающая встречу с потерянными родственниками. А подонок в красноватой шляпе пирожком вдруг наклонился к нему вплотную и обдал его чувствительные ноздри мерзким запахом перегара.

— *Mi soche no va*¹, — неожиданно произнес красношляпый.

Это был пароль, придуманный давным-давно, когда в мирной обстановке Кромптон обдумывал весь этот план.

— Вы Элигу Рутински! — прошептал Кромптон.

— Он самый, к вашим услугам, — сказал пьянчужка, срывая с головы шляпу, а вместе с нею искусную маску и видимость опьянения и обнаруживая серебряную гриву, обрамляющую длинное печальное лицо неуловимого бдительного Рутински. — Предосторожности не бывают лишними, — проговорил он с едва заметной улыбкой.

В качестве главного агента (Нелегальной) Гильдии свободных нюхальщиков (Н)ГСН, этот человек отвечал за демократизацию и монополизацию психонюхания в Албании, Литве и Трансильвании. Гильдия, хотя и занимала в США нелегальное

¹ Моя машина не едет (лат.).

положение, была должным образом зарегистрирована и платила налоги, как и положено всем нелегальным организациям.

— Побыстрее, приятель, дорога каждая минута, — сказал Рутински.

— Что до меня, то я времени зря не терял, — возразил Кромптон. — Я пришел вовремя. Вы сами превратили простую преступную сделку в драму плаща и кинжала.

— А если во мне пропадает талант драматического актера? — сказал Рутински. — Это что, преступление? А кроме того, я проявил бдительность. Можно ли осуждать человека за это?

— Я вас вовсе не осуждаю, — сказал Кромптон. — Я пытаюсь доказать, что *меня* торопить ни к чему, потому что не я тратил время зря. Так приступим к делу?

— Нет. Вы оскорбили меня в лучших чувствах, задели мою честь и усомнились в моей храбрости. Пожалуй, надо выпить еще.

— Ну хорошо. Если мои слова так расстроили вас, я приношу свои извинения. А теперь, может быть, перейдем к делу?

— Нет, мне кажется, вы неискренни, — мрачно заявил Рутински, кусая ногти и сопя.

— Господи, и как это вам удалось стать главным агентом нюхальщиков? — разозлился Кромптон.

Рутински взглянул на него и вдруг ослепительно улыбнулся.

— Я стал им потому, что я был умный, находчивый, смелый и очень деятельный. Понятно? А теперь я плевал на все это. Покажите-ка мне свою бутылку.

Кромптон протянул ему флакончик, завидуя про себя темпераменту Рутински. Когда-нибудь, после реинтеграции, он тоже будет ошеломительно *non sequitors*¹.

Молча, молниеносным движением Рутински достал из кармана миниатюрный ольфактометр и прижал его к флакону. Для начала он убедился, что это действительно люристыя. Затем, удовлетворенный результатом, приступил к измерению интенсивности, чтобы убедиться, что Кромптон не добавил туда никакого желе или жидкости.

Стрелка на шкале описала полный круг и уперлась в последнюю точку.

— Н-да, вот это вещь! — благоговейно протянул Рутински и посмотрел на Кромптона увлажнившимися глазами. — Друг мой, вы просто не представляете, что вы сделали для нас! С по-

мощью этой маленькой бутылочки я освобожу свободных нюхальщиков от всех проблем. От имени святого Эдвина Паджера, седовласого главы нашей организации, благодарю вас за услугу, мистер Кромптон!

— Никакая это не услуга, это криминальная сделка. Короче, давайте деньги!

— Само собой. — Рутински достал из кармана набитый бумажником и начал отсчитывать банкноты. — Так, посмотрим... Мы договаривались на сумму 800 тысяч СВУ в валюте Эйи и Йигги поровну. По нынешнему курсу это составляет 18 276 эйянских пронигов и 420 087 йигганских дранмушек. Вот. Надеюсь, тут все правильно.

Элистер распахнул деньги по карманам — и остолебенел, услышав пронзительный свист, доносившийся откуда-то из живота Рутински.

— Что это? — спросил он.

— Радиосигнал, — сказал Рутински, вынимая из кармана жилета крошечный радиоприемник, размером и формой напоминавший додеканесскую¹ табакерку. — Это специальная передача ССКО. Без нее никак нельзя.

— Бога ради, что это еще за ССКО? — спросил Кромптон.

— Служба скорого криминального оповещения, — объяснил Рутински. — Вы не слыхали о ней? Давайте послушаем, что они скажут.

«Добрый день, друзья преступники, — раздался из миниатюрного квадрафонического динамика веселый голос диктора. — Ваш старый приятель Джек Потрошитель вещает на секретных частотах с подпольной мобильной радиостанции, запрятанной в горах Сангре-де-Кристо в старой романтической Мексике. У нас есть о чем рассказать вам, ребята: вы услышите последние известия об ограблениях банков, а наше справочное бюро, как всегда, предоставит вам ежедневный список переполненных богатыми простофилями городов, в которых законы наиболее снисходительны, а то и вовсе не существуют. Сегодняшнюю передачу подготовили для вас «Разбойничьи Портные» — изобретатели пальто с тысячей карманов, фирма «Мартин энд Мишкин», специализирующаяся на инструментах для медвежатников, и «Олд Гейдельберг», выпускающая таблетки цианида для тех, у кого не клеится с делами. Обо всем этом и о других превосходных изделиях вы услышите в нашей передаче немного

¹ Непоследовательным (*лат.*).

¹ Додеканес (Спорады Южные) — острова в Эгейском море.

позже. А сейчас самая свежая новость, с пылу с жару: из надежных источников нам стало известно, что фирму «Сайкосмелл, Инк.», этого спрута-монополиста в мире запахов, накололи на девятнадцать граммов люристии — самого драгоценного субстрата во всей Галактике! Имя подозреваемого уже объявлено, так что мы не раскрываем никаких тайн: это Элистер Кромптон! Если вы нас слышите — значит, успели смыться не так уж далеко. Удачи, Элистер! Она вам скоро очень понадобится! А теперь несколько отрывков из «Оперы нищих»...

Рутински выключил радио.

— Рухнули планчики, а?

— Это невозможно! — пробормотал Кромптон. — Еще две недели все должно было оставаться шито-крыто. Меня же никто не проверяет! Не понимаю...

— Понимание для вас сейчас — непозволительная роскошь, — изрек Рутински. — Прощайте, Кромптон! Если вас схватят, скажите, что Рутински смеется им в лицо.

С этими словами он вытащил из кармана нуль-гиперэнергетический плащ, быстро расправил складки украденного одеяния (по закону носить его имели право только сотрудники ФБР высочайшей категории), набросил его на плечи и мгновенно исчез. Только красноватая шляпа пирожком осталась лежать на стойке бара. Знак Рутински!

Кромптон расплатился и устремился наружу, во враждебный и ничего хорошего не предвещающий мир.

Глава 6

«Наконец-то я с тобой наедине, моя капризуля! Итак — пену, пожалуйста!»

— Если не трудно, выключите приемник, — попросил Кромптон.

— Черта с два, приятель, — прорычал обливающийся потом водитель велокеба. — Я постоянно слушаю «Шагреневый дом», это моя любимая передача.

«Разрешите мне показать вам, как это делается в Джибути, — шепетало радио, — с бабочками...»

Кромптон откинулся на спинку сиденья, стараясь сохранить хладнокровие. Что случилось? Как они сумели выйти на него? Сможет ли он выкрутиться? Он направлялся в нью-йоркский космопорт, расположенный на месте бывшего Бруклина. Вело-

кеб уже проехал Стоун-стрит и Джей-авеню — погони не было. До космопорта оставалось совсем немного.

«Дитмас, во имя лакмусовой бумажки, убери руку с моей задней ноги!» — продолжал верещать приемник.

Теперь такси огибало памятник Уильяму Бендиксу. Впереди показались две выпуклые башни космопорта. Машина еле двигалась в дорожной сутолоке: велосипеды, велокебы, трехколесные велосипеды, мужчины на роликах, женщины на ходулях с пружинками, люди на трясучках — именно из-за этих разнообразных средств передвижения Нью-Йорк и прозвали «Городом потных ляжек». Наконец велокеб добрался до главных ворот космопорта.

«Рутабага? — вопрошало радио. — Само собой, этому есть объяснение и попроще...»

— Водитель, остановите, я схожу, — сказал Кромптон.

— С вас пять шестьдесят.

«Гроутстак? Полагаю, нет...»

— У вас нет более мелких?

— Сдачу оставьте себе!

«Диффамация, моя бедная Сильвия, это для новичков, а человеку искушенному нравится его *not just!*...»

Спрыгнув с велокеба, чуть не угодив при этом под телегу, запряженную волами, которой управлял усатый возница, Кромптон проскочил через главные ворота с видом человека, опаздывающего на корабль, что, кстати, соответствовало действительности.

Он пробежал мимо Дисней-стенда, миновал продавца сильнодействующих «колес», модную лавку «Наказание» и, задыхаясь, подошел к стойке «Транс Пан Интерстеллар Спейсвейс Систем» (ТПИСС) с гордым девизом: «*Non est ad astra mollis e terra via*²».

Робот, очень, кстати, похожий на Альберта Деккера, взял у него талон на зарезервированное место.

— Ага, очень холосо, — сказал андроид с дурно налаженным произношением. — Но, Дзек, пидеса запласить! Не заплатис — не поедис! Ни билета, ни полета!

— Конечно, я заплачу, — сказал Кромптон. — Как лучше — в эйянских прониках или йигганских дранмушках?

— Мы только полусить бетельгейзенские фьовики, улановых

¹ Меткое словечко (фр.).

² Нет на земле дороги к звездам мягче (лат.).

не нада, а есе, позалуста, амеликанские секи на эксплес-путесегвие. У вас нету? Бланк мозет поменять, о'кей, Дзо?

Кромптон кинулся в банк, где пышная красotka с Друмгеры IV своими выгнутыми губами ловко поменяла ему деньги. Он поспешил обратно к стойке ТПИСС и протянул банкноты андроиду.

— Прекрасно, сэр, — сказал андроид. — Прошу прощения за свое недавнее псевдокитайское произношение. В моей схеме нарушилась система самоконтроля, а я никак не мог найти электронщиков. Эти ребята обходятся в целое состояние и в конце концов все равно отсылают вас к специалисту. Приходится терпеть, а что я могу поделаться, при моем-то жалованье? Обычно все было о'кэй, но сегодня — сплошное невезенье: цикл солнечных пятен совпал с показом картины Фу Манху в верхней комнате отдыха, а фотосинтетическая дифракция довершила дело, и в результате остался я дурак-дураком...

— Билет! — выдохнул Кромптон.

— Вот он, сэр, — сказал андроид. — Первая остановка на Эйе. Билет действителен в течение десяти лет, со всеми остановками. В пути вас будут кормить обедом, а в космосе вы сможете приобрести психоделики. Приходилось вам видеть фильмы Альберта Деккера? Сейчас в южной комнате отдыха проходит его фестиваль, от всего сердца советую посмотреть...

Но когда андроид с лицом контрабандиста (свое он одолжил антрепренеру Альберта Деккера, за что мог бы поплатиться работой, если бы закон о «собственном обличье» строго соблюдался) повернулся к своему собеседнику, перед ним никого не оказалось: Кромптон сбежал.

— Кромптон, *Кромптон*, — сказал андроид, и от напряжения брови у него встали уголками. — Ах да! Рифмуется с Помптоном! — И он отвернулся, успокоенный. Андроиды никогда не горюют подолгу.

Люди, особенно относящиеся к категории *Кромптонов*, часто чувствуют себя несчастными и запуганными. Бледный, задыхающийся, с потными лжками (как и у всех ньюйоркцев), Кромптон добежал до выхода на взлетное поле, и тут его сжали железной хваткой чьи-то руки. Кромптон поднял голову и увидел над собой плоское желтое лицо огромного андроида, похожего на маньяка-убийцу.

Надтреснутый, дрожащий голос произнес:

— Хорошо, Тото, держи его, но смотри не сломай. Мне еще надо поговорить с парнем, хи-хи-хи!

Сердце Кромптона провалилось в бесконечную пустоту, куда-то вниз живота. В отчаянии он повернулся и столкнулся взглядом с древними глазами, сиявшими на молодом лице Джона Блаунта.

Глава 7

— Ну-с, Элистер, что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил Блаунт.

Кромптон пожал плечами. Космический корабль находился в каких-то жалких двадцати ярдах от него, дразня своей близостью — и, увы! — недостижимостью.

— Почти ничего, — сказал он. — Как вы узнали?

Блаунт сочувственно улыбнулся.

— Только административная верхушка фирмы имеет полное представление о нашей системе безопасности, Элистер. Специальные сенсорные установки, расположенные в погребах, регистрируют количество наиболее ценных субстанций на каждый данный момент. Эти сведения передаются в компьютер, который соотносит их с точными, официально подтвержденными данными и выдает результат. Расхождение на один грамм сразу же по тревоге поднимает силы безопасности, и одновременно об этом сообщают мне. Проанализировав обстоятельства пропажи, я сразу понял, что винить в ней можно только вас, и решил собственноручно заняться этим делом.

— Это очень интересно, я не сомневаюсь, — сказал Кромптон. — И что теперь?

Старый Джон Блаунт осклабился своей мерзкой мертвецкой ухмылкой.

— А теперь, Элистер, вам придется целиком положиться на мое милосердие.

Элистера начало трясти. Заметив, что дрожит, он озадаченно нахмурился. Выглядело так, будто он боится этого человека, от которого теперь зависит его жизнь, хотя на самом деле страха он не испытывал. Потому что его поступок был поступком настоящего мужчины. Даже поражение, в конечном счете, ничего не меняло. Главное — он сделал все, что мог.

— Очень сомневаюсь в вашей милосердии, — произнес он ровным голосом. — И полагаться на него я не собираюсь. Лучше

я пошлю вас куда подальше, и будь что будет. Идите-ка вы на хрен, мистер Блаунт!

Лицо Блаунта, не поверившего своим ушам, исказила гримаса крайнего изумления, превратившая его на миг в слабоумного старого маразматика. Как слепой, он вытянул руку вперед и заорал, задыхаясь от гнева и брызгая слюной:

— Ты... ты...

— Хи-хи-хи, — передразнил его Кромптон.

Тото реагировал на расстройство хозяина поднятием огромного кулака и готовностью размазать Кромптона по стенке. Кромптон вздрогнул, но даже бровью не повел.

Блаунт выкрикнул:

— Нет, не бей его!

Тото успел отвести удар, правда, ценой двойного перенапряжения — физического и морального.

— Кромптон, — проворковал старик легким и нежным голосом, подобным дуновению летнего ветерка, — вы знаете, что полагается за ваше преступление?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Кромптон.

— Десять лет тюрьмы.

— Я их запросто могу простоять на голове, — отпарировал Кромптон.

— Не сомневаюсь, что можете, — сказал Блаунт. — Именно поэтому я не собираюсь арестовывать вас.

— Не собираетесь?

Старик покачал головой и ехидно хихикнул.

— Вы свободны и можете отправляться в любой конец Галактики в поисках своих ненаглядных компонентов.

— Вы и об этом знали!

— А как же! Это входит в мои обязанности — знать обо всех уродцах, работающих у меня на фирме. Говорю вам, Кромптон, отправляйтесь на свои продолжительные и безнадежные поиски. Десять лет в кутузке — слишком легкое наказание для вас, однако это все, что наше коррумпированное мягкотелое правосудие воздаст вам за воровство, предательство и дурные манеры. Я хочу большего! Я сам хочу расплатиться с вами. Так что отправляйтесь, бегите от земных законов. Я найду вас. У меня длинные руки, бессчетное множество агентов, и месть моя вам гарантирована.

— Что вы собираетесь сделать со мной? — спросил Кромптон.

— Мое наказание будет достойно если не преступления, то преступника. Кромптон, вы когда-нибудь думали об *асномии*?

— Вы не сделаете этого, — сказал Кромптон, чувствуя, как начинают сдавать нервы.

— А по-моему, это превосходная идея — вывести из строя ваш драгоценный нос! — прокудахтал старый Основатель. — Можно ли придумать более изысканную месть: вы, обладатель самого тонкого обоняния на планете, больше не ощущаете никаких запахов, а?

— Да я скорее умру, — сказал Кромптон.

— Умрете, конечно, — всему свое время! Но сначала я лишу вас самой большой вашей ценности — несравненного обонятельного дара. Я отниму у вас запах морского прибоя на заре, креозота и махорки, бекона, шкворчащего на сковородке, тумана в осеннем лесу и аромат молодой женской груди! Все это станет вам недоступно, Кромптон! Вот оно, проклятие асномиков, и я вам его обещаю!

Кромптон повернулся и пошел прочь, онемев от страшных, но каких-то ребяческих угроз этого «юноши». Он вручил свой билет контролеру, тот прокомпостировал его в правом верхнем углу, и Кромптон прошел в оранжево-серый модуль, который доставлял пассажиров на орбиту за много миль от Земли, где их ждал космический корабль.

Оцепенение Кромптона прошло, как только модуль устремился вверх, к золотому солнечному сиянию. Даже мысли о смерти и асномии не могут расстроить человека, впервые в жизни оказавшегося в космосе. Путешествие в неизведанное как рукой снимает все тревоги, по крайней мере на время.

Часть вторая

Глава 1

Пассажиры космического корабля, пристегнув ремни, потягивали апельсиновый сок из бумажных пакетов. Им пришлось пережить не слишком приятные мгновения, когда отключили генератор искусственной гравитации и стюардессы, продолжая улыбаться, взмыли в воздух. Но скоро все пришло в норму. Зажглись красные лампочки старта.

— С вами говорит капитан Эдди Ремонстратор, — раздался из динамиков приятный голос с легким средне-западным акцентом. — Леди и джентльмены, мы находимся в предстартовом положении, и, возможно, вам будет небезынтересно услышать от меня описание процедуры старта, поскольку это самый захватывающий момент во всем путешествии. Так вот: поисковые щупы порта и корабля работают на полную мощь, охватывая девяносто градусов по кругу. Как вам, наверное, известно из журнальных публикаций, они исследуют космическую структуру, выискивая так называемые «области прорывов Фостера-Гарриса», или, попросту говоря, ФГопы. Эти ФГопы, друзья мои, представляют собой как бы дырки в космическом пространстве, которые можно сравнить с дырой, проделанной насквозь в сложенном вдвойне куске материи. Видите ли, у космоса нет субстанции, но есть конфигурация. Это было доказано в ...09 году Эдквайзером и Брейнтри, что и открыло возможность скоростных межзвездных перелетов. Но вы, должно быть, помните, что космическая конфигурация существует только в величинах одного порядка.

Так вот, обнаружив подходящий ФГоп... Извините, я на минутку. О'кей, я снова тут. Корабельный зонд нащупал жирный ФГоп, и мне предстоит запустить нашу старенькую посудину в эту ФГоп-спираль, потому что, друзья мои, на самом деле это вовсе не дыра. Это скорее труба, закрученная спиралью, и мы должны пройти через нее. Космические конфигурации всегда имеют форму спирали, только не вблизи от серых звезд. Так гласит закон фон Грешама.

О'кей, ребята, мы приближаемся. Скоро наш корабль мягко проскользнет по спиральной дорожке, которая в n-мерном пространстве прочерчивает прямую линию. Мы приближаемся... Боцман, выровнять курс! Так держать... Держись сигнальной линии по внешнему отсеку... Да лево же руля! Давай, давай, входи!.. Да потише, черт тебя дери! Закрой головные клапаны! Табулятор суммирующего устройства — на девять сотых! Втягивай наружную антенну! Приоткрой на семь градусов заглушки на двухклапанном ремуладе! (Тут голос капитана стал удаляться, речь сделалась прерывистой и неразборчивой.) О'кей, теперь этот болотный разрыв барабанных перепонок быстро закроется! А ну-ка на скрипочке сыграй! (Этого он не мог сказать, подумал Кромптон, мне просто послышалось.) А теперь обернулись вокруг двух дядюшек — и круши к черту эти размахавшиеся турникеты-роторы! А теперь поцелуй старого осла в зад и дуй прямиком сквозь тромбоновые запоры! (Нет, подумал Кромптон, этого он точно сказать не мог!) Смотри за тормозами — они то и дело дурака валяют. Ну-ну, пошло-поехало! Кидай его в старую дыру, как коня в стог сена! Теперь застегни штаны, умерь свой пыл и — вперед, по наезженной дорожке!

Воцарилась тишина. Потом капитан сказал:

— Ну что ж, братцы, теперь вы более или менее усекли, каким образом корабль отправляется в путь. По этой ФГоп-спирали мы будем лететь около двадцати часов субъективного времени, так что расслабьтесь и чувствуйте себя как дома. Наша стюардесса примет заказы на психоделики у тех, кто хочет вознестись к небесам, путешествуя в космосе. В носовой комнате отдыха крутят кино, говорят, классное, что-то об Альберте Деккере. Наслаждайтесь, друзья мои, капитан Ремонстратор заканчивает передачу.

Кромптон энергично потер нос в сомнении, то ли он чего-то недослышал, то ли капитан Ремонстратор ведет себя несколько странно. Впрочем, возможно, и то, и другое одинаково справедливо.

— Да, так оно примерно и есть, — заметил человек, сидевший в соседнем кресле.

— Что, простите? — спросил Кромптон.

— Справедливо и то, и другое.

— О чем это вы? — изумился Кромптон.

— Я имею в виду вашу мысль перед тем, как мы заговорили.

Вы раздумывали, слышалось вам все это или капитан действительно вел себя необычно. Потом вы решили, что, наверное, правильно и то, и другое, — вывод совершенно справедливый и свидетельствующий о вашем интуитивном понимании вариативности дихотомии наблюдателя-наблюдаемого.

— Так вы читаете мои мысли, — сказал Кромптон и внимательно посмотрел на собеседника. Он увидел свежее лицо молодого человека, подстриженного ежиком, в сером свитере, коричневых спортивных брюках и белых замшевых туфлях.

— Если настроюсь соответственно, то читаю.

— Но это же посягательство на мою личную жизнь, — заявил Кромптон.

— Почему? Когда вы произносите вслух какие-то слова, вы ведь ожидаете, что окружающие услышат их? Чем они отличаются от мыслей, которые вы произносите про себя?

— Однако я произношу вслух не все мысли, которые приходят мне в голову.

— Вот как? Забавно. В общем-то мысли не так уж сильно отличаются одна от другой. Это просто сотрясение воздуха, в них нет ничего личного. С давних пор многие существа обмениваются таким образом мыслями друг с другом и не становятся от этого ни лучше, ни хуже.

— Уж не из тех ли вы юнцов, которые обожают разглагольствовать на серьезные темы? — заинтересовался Кромптон.

— Мне еще нет миллиона лет, — ответил сосед. — По галактическим меркам я достаточно молод. Но время от времени я встречал подобных субъектов.

— Меня ваши шуточки ничуть не забавляют, — сказал Кромптон.

— Я — эйянин, — сказал молодой человек. — Я всегда говорю правду, даже тогда, когда лгу. А все эйянские шутки отличаются дурным вкусом, потому что мы слишком стары, чтобы оттачивать их. Но, кажется, вам требуются доказательства.

— Я бы не возражал, — сказал Кромптон.

— Тогда держитесь.

Юноша с нежным лицом поднял руку и коснулся кончика носа. В ту же секунду лицо его превратилось в изборожденную морщинами старческую физиономию, одежда — в драный серый халат, а заговорил он резким визгливым голосом:

— Одна хорошая метаморфоза стоит миллиона слов.

— О, пожалуйста, не делайте этого! — воскликнул потрясенный Кромптон.

Старик вернулся в обличье нежнокожего юноши.

— Хотите, я продемонстрирую вам еще какие-нибудь сверхчеловеческие возможности?

— Лучше не надо, — сказал Кромптон. — Я вам и так верю. Дайте мне время привыкнуть к этому.

— Да, конечно, Кромптон, — сказал эйянин. — Хочешь выжить — умей вертеться. За пределами Земли происходят всякие необычные вещи — не стоит терять время, оглядываясь вокруг в изумлении. Ваше отношение ко всему здесь должно быть *pi*¹: ну случилось нечто странное — подумаешь, эка невидаль; а еще что новенького? Иначе вы не сумеете правильно отреагировать, столкнувшись с чем-то поистине необычайным.

Кромптон глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вы эйянин, вам миллион лет, и вы обладаете сверхчеловеческими способностями. А еще что новенького?

— Вот так-то лучше. Что новенького? Вот вы садитесь в космический корабль, и вашим соседом по креслу оказывается представитель той планеты, на которую вы летите. Совершенно очевидно, что я многое о вас знаю. Так же очевидно, что у меня есть свои планы на ваш счет. И абсолютно ясно, что мы с вами собираемся прийти к определенным соглашениям.

— Очевидно, — кивнул Кромптон. — И что еще новенького?

— Не умничайте, дорогой, — сказал эйянин. — Хотите узнать, к чему все это?

— Жду с нетерпением.

— Кромптон, мы, эйяне, старейшая из разумных рас в Галактике. И одна из умнейших. Мы в какой-то степени бессмертны. Мы видали лучшие времена. Давным-давно мы завоевали эту Вселенную, но скоро поняли, что радости от этого никакой, и вернули все владения. И делать нам стало нечего, по крайней мере, не было ничего стоящего по нашим понятиям. Так что мы ничего и не делаем, только играем в нашу Игру.

— Я слышал об эйянской Игре, — сказал Кромптон. — Но, по-моему, никто толком о ней ничего не знает.

— Это не оттого, что мы держим что-то в тайне, — сказал эйянин. — Просто наша Игра не поддается объяснениям. Ее абсолютно невозможно описать, потому что она постоянно меняется в соответствии с правилами, которые мы попутно выдумываем.

¹ Простое, без иллюзий (*фр.*).

— И что же — вы действительно ничем больше не занимаетесь? — спросил Кромптон.

Эйянин пожал плечами.

— У древних, совершенных народов есть свои особые проблемы, Кромптон. К примеру, что делать, став абсолютно просвещенным? Не думаете же вы, что мы выстраиваемся в круг, улыбаясь друг другу. Вот мы и играем в свою Игру. Наше веселье состоит в том, чтобы превзойти друг друга. При этом мы всегда помним, что каждый из нас — это все мы и что одерживая верх над другими, мы одерживаем верх над собой. И это нам нравится, так как Игра не должна приносить больших доходов. Но играть надо серьезно и честно, согласно существующим на данный момент правилам.

— Все это очень интересно, — сказал Кромптон. — Но зачем вы мне рассказываете об этом?

— Да так уж вышло, Кромптон, что вы включены в мою Игру. Или включитесь, как только в ней произойдет нужный оборот. Вы будете одной из пешек, управлять которыми стану я. Забавно, верно?

— Нет, совсем не забавно, — возразил Кромптон. — Исключите меня из вашей Игры.

— Успокойтесь, — сказал эйянин. — Ведь я тоже пешка, которой *вы* будете управлять в *вашей* Игре.

— Знаете, в эти дни у меня будет полно забот, — сказал Кромптон. — У меня на это просто времени не хватит.

— Для вас жизненно важно разыскать ваши утерянные компоненты и добиться реинтеграции, не так ли? В этом и будет состоять ваша Игра. Чтобы достичь успеха, вам понадобится моя помощь. Без нее вы с таким же успехом могли остаться на Земле и продолжать разгадывать свои кроссворды.

— А если конкретно, в чем мне понадобится ваша помощь? — спросил Кромптон.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил эйянин. — Откуда мне знать, если Игра еще и не начиналась?

— Если вы этого не знаете, — сказал Кромптон, — откуда вы знаете, что возникнут такие обстоятельства, которые заставят меня обратиться за помощью к вам?

— Это *то немногое*, что мне дано знать, — ответил эйянин. — В конце-то концов, супермен я или нет?

Кромптон принялся обдумывать услышанное, и чем больше он размышлял, тем меньше ему все это нравилось.

— Не слишком ли вы ускоряете события? — сказал он. — Я не думал, что все обернется таким образом.

— Конечно, не думали, — согласился эйянин. — Как и большинство людей, вы хотите, чтобы все было по-вашему — и только там и тогда, когда вам захочется. Но, виноват. Вселенная не управляется вашими желаниями, Кромптон. Вот она! Вы можете дуться, настаивать на своем — и скорее всего вас убьют до того, как вы успеете сделать что-нибудь интересное, но вы можете согласиться на мое предложение, и в результате мы оба позабудемся.

— Ладно! — сказал Кромптон. — У меня, кажется, не такой уж большой выбор! Что дальше?

— Дальше я назову вам свое имя. Меня зовут Секюйль. Запомните его. Позднее мы снова встретимся в первый раз и тогда займемся делами.

— Подождите минутку... — начал было Кромптон.

— Эта встреча не в счет, — прервал его Секюйль. — Тут временные последовательности ни при чем. Все будет так, как будто ничего не было.

— Вы хотите сказать, что практически сейчас мы с вами и не встречались?

— Совершенно верно. Уже интересно, не так ли? Иногда бывает ужасно скучно ждать, пока те или иные события произойдут сами собой, а космические перелеты — это и вовсе потерянное время.

— Никак не пойму, — сказал Кромптон, — как мы с вами сможем увидеться в первый раз, если мы уже встретились сегодня?

— Но я же объяснил вам, — сказал Секюйль, — что эта встреча не в счет. Мне придется заплатить штраф за то, что я так поступаю. Я не буду помнить об этой встрече, когда на самом деле встречу вас.

— Ну, это уж совсем бессмыслица какая-то.

— А правила всегда бессмысленны, разве нет? — сказал Секюйль. — Однако так оно и будет. Я вас не узнаю, но вы узнаете меня и расскажете о нашей встрече, а я пушу в ход свои сверхъестественные способности к адаптации, и Игра начнется.

— Может быть, вы и супермен, — сказал Кромптон, — но мне кажется, вы не в своем уме.

— Ха, это становится совсем забавно, — сказал Секюйль. — Но, похоже, я исчерпал все материалы своей лекции, так что — отбываю.

Он улыбнулся Кромптону и исчез.

Какое-то время Кромптон сидел неподвижно. Потом позвал стюардессу.

— Извините, мисс, не могли бы вы назвать мне имя молодого человека, сидевшего рядом со мной?

— Вы, должно быть, шутите, сэр, — ответила она. — Это место было свободно все время полета.

— Этого я и боялся, — сказал Кромптон.

— Хотите еще апельсинового сока?

— Пожалуй, да, — тяжело вздохнул Кромптон.

Глава 2

«Странствующие и путешествующие, добро пожаловать на планету Эйя, и в ее столицу Ситесф, и в отель «Грандспрюиндж», расположенный в историческом районе Невратидэ, и на виднеющиеся вдали величественные Олеонианские Альпы. В этой брошюре мы расскажем вам о нашей планете, чтобы вы получили как можно более полное наслаждение и радость от знакомства с нашей уникальной цивилизацией.

Как вы, возможно, знаете из «Книги вселенских рекордов» Гиннеса, Эйя — древнейшая планета в Галактике, которую на протяжении всей ее истории населяла единственная коренная раса. Эта редкая цельность да еще тот факт, что на Эйе в течение последних 900 тысяч лет не было никаких войн, создает на планете атмосферу уверенности и домашнего уюта, не сравнимую ни с чем в Галактике.

Общество эйян немногочисленно — в нем ровно миллиард членов. Некоторые считают их бессмертными, но сами они называют себя просто сверхдолгожителями. Старейшему долгожителю Эйи, Трачу Нивере, по меньшей мере тринадцать миллионов лет, что доказал анализ ногтя его большого пальца, проведенный с помощью изотопов Швейцарским бюро подтверждений. (Увидеть мистера Ниверу можно по пятницам вечером в клубе «Кот Крот» в Западном Ситесфе, где он последние семьсот лет проводит сеансы чтения стихов.)

Многие интересуются, как развлекаются эйяне, которые живут так долго и знают так много. На этот вопрос ответить не просто, поскольку эйяне в большинстве своем являются индивидуалистами. Они занимаются множеством разных вещей и изучают много любопытных и полезных фактов. Ничего иного не приходится ожидать от народа, два миллиона лет тому назад отказавшегося от постоянного обличья и осознанно подбираю-

щего себе тела, эмоции, концепции и другие ценности. В этом смысле эйяне проживают бесчисленное количество жизней.

Эйяне не обладают какой-то фиксированной индивидуальностью. Они выбирают себе то или иное тело, чувства, ценности, а через какое-то время сбрасывают все это и переходят в новое обличье. Поэтому эйян можно назвать довольно веселой и дружелюбной расой, хотя те, кто не знаком с их обычаями, считают, что в деловых отношениях на них полагаться нельзя. (И все же справиться с этим достаточно просто: прежде чем заключить сделку с эйянином, спросите его о дате окончания его текущего психосоматического состояния. В этот период он будет строго выполнять все свои обязательства, следуя старинному эйянскому правилу: «Говори, что делаешь, и делай, что говоришь», сформулированному в свое время Амирром Таубой, создателем «Универсального этического кодекса всех мыслящих существ».)

Но вернемся к проблеме развлечений: несмотря на разнообразные трудности, с которыми эйяне сталкиваются в своих последовательных существованиях, всех их объединяет приверженность к Игре. В нашей брошюре мы даже не пытаемся охарактеризовать Игру. Если вас заинтересует этот вопрос, обратитесь к работам «Игроки азартных галактических игр» Уолшмидта и «Стратегия несовместимости» Шарлеруа.

У каждого туриста есть возможность выбрать себе развлечение по вкусу. Особенно стоит отметить Сады Рюи в Восточном Ситесфе. Этот огромный развлекательный комплекс расположен на десяти миллионах акров живописной сельской местности, которую омывают фиолетовые воды (такими их сделали морские организмы под названием «груниус») Пираметикового моря. Комплекс сооружен в память о знаменитой космической битве в проливе Инфердунг, когда вооруженные силы Эйи разбили орду диких митсумианских кочевников, возглавляемую безумным Астарком Летумом. Сады устроены таким образом, чтобы обеспечить максимум удовольствий любому представителю девятнадцати цивилизованных видов. В общем, развлечений тьма, а цены весьма умеренные. Любители острых ощущений найдут для себя наслаждения, удовлетворяющие самым порочным и глубоко запятанным желаниям — их вам поможет раскрыть и осуществить многочисленный штат служащих вашей же разновидности, и вы несомненно получите подлинное наслаждение — не то что в лунапарке Гувилля на Дрогхвасте II, где все обслуживание, вплоть до сексуального, осуществляет меняющийся формы (и порой очень рассеянный!) Дувериан Хунгорфьердс.

Но как справедливо заметил Амирра Тауба, сидя в раздумьях над картой Галактики, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Слова, в конечном итоге, так же бессмысленны, как и дела, но при этом гораздо менее забавны. Итак, добро пожаловать на Эйю! И мы обещаем, что проведенное здесь время станет для вас временем второго рождения!»

Кромптон сунул брошюру в карман. Он сидел в холле отеля «Пингала Армз» в центре Ситесфа. Двенадцать часов назад его корабль «выбрался из трубы», как шутливо выразился капитан Ремонстратор. Кромптон заранее по телегному заказал себе комнату в отеле и теперь ждал человека, который должен был помочь ему.

Эдгар Лумис, которого он разыскивал, был той частью его ограбленной личности, которая ведала удовольствиями. Искатель приключений, чувственный любовник — без него Кромптон был лишен остроты, непосредственности восприятия жизни. Лумис в этом смысле был незаменим. Но оказалось, что найти его будет нелегко.

Почти сразу после прибытия на планету Кромптон отправился в справочное бюро, где были аккуратно подобраны все данные о проживающих на Эйе. Ему сообщили, что Эдгар Лумис пребывает в добром здравии и работает в Садах Рюи. Этим и ограничилась информация, ибо по недавно принятому закону адреса работающих в Садах Рюи были засекречены. Чиновник-андроид, хотя и посочувствовал Кромптону, и согласился, что такой закон не имеет никакого смысла, ничем не мог ему помочь, разве только посоветовать ему собственноручно заняться розысками Лумиса в Садах.

Кромптон решил иначе. Ясно было, что такие розыски совершенно бесполезны, если принять во внимание необозримую территорию Садов и огромный штат сотрудников, для которых — по крайней мере, для определенной части — по роду их занятий были крайне нежелательны неожиданные встречи с особями мужского пола собственной расы.

Он попросил совета у портье гостиницы «Пингала Армз». Тот намекнул, что при известных обстоятельствах можно было бы кое-что предпринять, однако обстоятельства эти трудно определимы. Кромптон после некоторого замешательства наконец сообразил, чего от него ждут, и, пунцовый от смущения, протянул портье пригоршню проников. Тот, как ни в чем не бывало, телегнировал кому-то и велел Кромптону подождать в холле, пока к нему не подойдет.

Центральный вход в отель раздвинулся, и в него проскользнул маленький горбун в длинном драном плаще и разбитых ботинках.

— Вы Кромптон? — спросил он. — Идите за мной.

Он вывел Кромптона на улицу к ожидавшему их лимузину. (Позднее Кромптон узнал, что машину снабжает энергией небольшой психофизический конвертер, который выжимает из специально выращенных для этой цели шимпанзе их волю и превращает ее в энергию вращения.) Горбун подождал, пока Кромптон заплатил ему шестьсот проников, а затем дал какие-то указания водителю, и экипаж тронулся в путь.

— Я ничего вам не гарантирую, — сказал горбун, — но я доставлю вас к единственному человеку, который может помочь вам, если пожелает.

— И кто же он? — спросил Кромптон.

— Недавно избранный член Совета Восточного Ситесфа. Именно он провел в жизнь закон, запрещающий разглашать те сведения, которые вам нужны.

— Чем же он может мне помочь?

— Так уж принято на Эйе: человек, ответственный за новый закон, имеет право делать из него исключения — для себя или для кого-нибудь другого.

— Вы хотите сказать, что человеку, который проводит новый закон, дается законное право нарушать его?

— Совершенно верно.

— Но это аморально! Это же явная коррупция!

— Напротив, закон предотвращает коррупцию, узаконивая ее.

— Мне это кажется совершенно бессмысленным, — сказал Кромптон. — Между прочим, с какой стати этот чиновник станет мне помогать?

— Причина та же, что и у меня, — сказал горбун. — Взятка.

— Понятно, — холодно сказал Кромптон.

— В этом веке мы все погрязли во взяточничестве, — объяснил горбун. — Это стало просто массовым помешательством.

Кромптон презрительно молчал.

— Насколько я понимаю, вы считали нас более добродетельными?

— Ну...

— Большинство туристов думает так же. Но нам, эйянам, остоучертело быть добродетельными много тысячелетий тому назад. Нет в этом ничего забавного, да и Игре мешает.

— Понятно, — сказал Кромптон.

Какое-то время они ехали молча. Потом горбун сказал:

— Вижу, вам кажется странным — почему это я, эйянин, способный принимать любой облик, разгуливаю с горбом и в драной одежде.

— Мне не нравится, что вы читаете мои мысли, — отрезал Кромптон.

— Извините, — сказал эйянин.

Помолчав, Кромптон спросил:

— И все же, раз уж вы затронули эту тему, действительно, почему?

— Несколько столетий назад я сделал неудачный ход в Игре и теперь должен оставаться в таком виде еще восемьдесят лет. Горб — это еще куда ни шло, в нем можно воду хранить, но вдобавок я получил такую диспепсию — с ума сойти можно!

— Хм, — сказал Кромптон.

— Да, вас не назовешь слишком интересным собеседником, — проговорил горбун. — Вот мы и приехали. — Машина подкатила на стоянку перед небольшим зеленым зданием. — Идите по главному коридору, первая дверь направо. Желаю удачи.

Машина затарахтела и умчалась прочь. Кромптон вошел в учреждение. Нашел дверь, о которой говорил горбун. Постучался.

— Входите, — ответили ему.

Кромптон открыл дверь и вошел в богато обставленный кабинет. Из-за стола на него смотрел эйянин со знакомым лицом и стрижкой ежиком. Это был Секюиль.

Глава 3

Секюиль смотрел на него так, будто видел его впервые.

— Чем могу быть полезен? — спросил он приятным, чуть хрипловатым голосом.

— Я Элистер Кромптон, — сказал Кромптон. — Вы не помните меня?

Секюиль внимательно изучил его лицо и покачал головой.

— Боюсь, что нет. Вы, по-видимому, спутали меня с кем-то.

— Ваше имя Секюиль, — сказал Кромптон. — Мы встретились два дня назад на космическом корабле. Почти час мы беседовали с вами, а потом вы испарились.

— Два дня назад? — удивился Секюиль. — Вы уверены?

— Ну в этом-то я ошибиться никак не могу. Вы говорили мне, что участвуете в Игре или собираетесь начать играть. Вы сказали, что я буду пешкой в вашей Игре.

— Чертовщина какая-то! — Секюиль хлопнул себя по лбу. — Минуточку, я проверю по Гигантскому Компьютеру.

Он нажал кнопку на терминале маленького фиолетового настольного компьютера, расположенного слева от книги записей.

— Участвовал я в Игре в последние несколько дней? И в этот период нарушал ли я временную последовательность? — Он проследил за мельканием огней на считывающей панели, потом сказал: — Ясно. Спасибо тебе, Гигантский Компьютер. — И обратился к Кромптону: — Что еще я говорил вам?

— Вы говорили, что было бы забавно рассказать мне о всяких вещах вне временной последовательности. И сказали, что все забудете и что я должен буду напомнить вам...

— Понятно, — сказал Секюиль. — Да, подобные выходы в моем вкусе. На вечеринке на прошлой неделе нас угощали какими-то классными суперхреновинами. Мы, эйяне, принимаем все, знаете ли, так как отравить нас попросту невозможно. Может, нас и вовсе нельзя убить — во всяком случае, не таким способом. Так что мы кидали что-то в наши старые глотки и занимались этим бог знает сколько тысячелетий — нас насилу отвалили от этого занятия. А потом мы почти все время ощущали горечь во рту. В общем, когда Кхаш со своим двойником притащили полежалую дерий-травку с Аптека II, я уже ничего не соображал. И следующие два дня прошли как в тумане. Хотелось бы мне еще нюхнуть этой смеси...

— Я ничего не понял, — сказал Кромптон. — Но у меня есть свои проблемы. Не дадите ли вы мне адрес Эдгара Лумиса?

— А кто это — Эдгар Лумис? — спросил Секюиль.

— Что, мне все снова надо повторять? — возмутился Кромптон. — На корабле вы сказали, что наша встреча, которая состоялась тогда вне временной последовательности, позволит нам избежать утомительных объяснений, когда мы встретимся по-настоящему, то есть сейчас, — или, по-вашему, эта встреча тоже не в счет?

— Успокойтесь, — сказал Секюиль. — Я позволил себе заглянуть в ваши мысли и выяснил все об Эдгаре Лумисе и прочих обстоятельствах. Теперь мне все ясно. Кстати, мне очень жаль, что я провел этот закон о служащих Садов Рюи. Никак не думал, что это коснется вас.

— А для меня абсолютно очевидно, что вы сделали это нарочно, чтобы заставить меня искать вас и просить об одолжении, — сказал Кромптон.

— Все не так просто, — возразил Секюиль. — Я — тот «я»,

что сейчас говорит с вами, — не имел понятия о вашем существовании и провел этот закон в полном неведении. Тот, что говорил с вами на звездолете, — совсем другой «я» — повлиял на меня и заставил принять такое решение.

— Сколько же у вас этих «я»? — поинтересовался Кромптон.

— Бесконечное множество, — ответил Секюйль.

— Трудно поверить, — сказал Кромптон.

— Это потому, что вы никогда не осознавали, какое влияние на то, кем вы являетесь в данный момент, оказывают ваши собственные личности из прошлого и настоящего. Кромптон, каждое чувствующее существо живет одновременно в различных временных рядах и старается улучшить свою жизнь, влияя на какое-то одно или сразу несколько своих тождеств. Внутренние голоса, подсказывающие вам порой, что делать и чего не делать, — это голоса ваших личностей из других времен и пространств, которые хотят улучшить свои собственные условия существования.

— Может, для вас это и так, — сказал Кромптон, — но не для меня. Я всегда остаюсь самим собой.

— Некоторые из ваших тождеств для вас сейчас недостижимы, — согласился Секюйль. — Но мои слова одинаково верны и для меня, и для вас. Вы в настоящий момент являетесь всего одним тонюсеньким голоском в мозгу некоего непонятливого Кромптона, который до сих пор даже и не думал о том, что это одно из его положений.

— Я ничего не понимаю, — признался Кромптон. — Но факт остается фактом: вы приняли закон, из-за которого я не могу узнать адрес Эдгара Лумиса. И, насколько я могу судить, вы дадите мне его координаты только в обмен на согласие быть пешкой в вашей Игре.

Секюйль изумился, потом откинулся на спинку кресла и расхохотался. Как правило, эйяне не позволяют себе смеяться от всей души в присутствии посторонних: будучи народом древним и мудрым, они насыщены взрывоопасной смесью разных психических сил. И неожиданный всплеск эмоций приводит к тому, что эти силы материализуются.

Что и случилось с Секюйлем. Его хохот породил чернокожую девицу с длинными черными волосами и пляшущими темными глазами, двух вавилонских демонов, йети и краснорожего мужчину в костюме в желто-коричневую клеточку.

— Ты видишь, что я вижу? — спросил один демон другого, тыкая пальцем в девицу. — Путана.

— Ее можно съесть? — отозвался его товарищ.

— Йи-и-и, — сказала девица.

— Подумать только, — произнес краснорожий мужчина, — оказаться всего лишь иллюзией в мозгу этого инопланетянина, о существовании которого я даже не подозревал! Но, может, он тоже только плод чьего-то воображения? Тогда получается, что я привидение второго порядка, если вести отсчет слева.

— Давай поженимся, — сказала девица, не обращая ни к кому конкретно.

— Ну ладно, хватит, — сказал Секюйль, и видения горестно обратились в дым, вернувшись через среднее ухо в голову эйянина, — все, кроме йети, который убежал через запасной выход и был доставлен на место несколько дней спустя Королевским отрядом северо-западных горных видений.

— Вы не уловили главного, Кромптон, — сказал Секюйль после того, как все успокоилось и было водворено под его контроль, а стул, опрокинутый убегающим йети, поднялся, несколько сконфуженный тем, что не устоял перед каким-то призраком. — Вы что, и в самом деле полагаете, что я собираюсь принудить вас включиться в мою Игру?

— А как еще я мог истолковать ваши слова?

— Вам показалось, — сказал Секюйль. — А мне кажется, что стрелка синхронизатора все ставит на место. Адрес мистера Лумиса: Пандерер Уэй 4567, южный берег Пальметто, Западные Сады, Южный Ситесф. Днем он работает в отделе эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рюи.

Кромптон был ошеломлен. И только спустя какое-то время сумел пролепетать:

— Премного вам благодарен.

— Всегда рад служить, — сказал Секюйль.

— А теперь что?

— Вы о чем?

— Вы мне оказали такую любезность. Чем я обязан?..

— Оставайтесь таким же милым, как сейчас, — сказал Секюйль.

— Но я-то думал, что нужен вам в вашей Игре!

— Это не важно, — сказал Секюйль.

— Я никогда не говорил, что не хочу помочь вам, — пробормотал Кромптон. — Все это произошло так...

Секюйль нежно проводил его до дверей.

— До свидания, Кромптон. Очень может быть, что мы встретимся при совсем других обстоятельствах. Но за поддержкой обращайтесь ко мне в любой момент. И, насколько временная комбинация связанных энергий может пожелать удачи другой такой же временной комбинации, — желаю вам всяческой удачи.

Дверь захлопнулась. Кромптон, чувствуя себя совершенно сбитым с толку, устремился в беспросветную ночную мглу.

Глава 4

Кромптон нанял дешевый орнитоцер и отправился в отдел эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рюи. Эта часть Садов была отведена под нужды гуманоидных существ и их ближайших сородичей. В данную группу входили: люди, алиноподы, гнолы, сабистые тэдики, барбизаны с Гростарка II, неугомонные двухсуставчатые трелизонды, коварные, приторно-улыбчивые лунтеры и их соседи — сверхизменчивые муны.

Миновав главные ворота, Кромптон заметил стройного, энергичной наружности молодого человека в джинсах и очках в черной оправе; он сидел и печатал на портативной машинке, пристроенной на коленях. Кромптон с удивлением посмотрел на него, тот поднял голову и сказал:

— В чем дело?

— Хотелось бы узнать, чем вы тут занимаетесь.

— Пишу роман, — ответил молодой человек, продолжая печатать. — Наш диалог тоже войдет в него, естественно. Завистники обвиняют меня в том, что я высасываю все из пальца, а я пишу только то, что слышу и вижу.

— Мне кажется... — начал было Кромптон.

— Не беспокойтесь, — сказал писатель. — Ни один диалог, начинающийся словами «мне кажется», не сулит ничего забавного. Давайте-ка я произнесу речь по этому поводу. Существует несколько прелестных эпиграмм, с которыми вам, вероятно, не довелось ознакомиться. Например...

— Терпеть не могу, когда предложение начинается со слова «например», — прервал его Кромптон.

— Я собирался переписать это. «Противоречу ли я себе? Тогда прекрасно, ибо в своих противоречиях я велик, я вмещаю

в себя чудеса». Как хорошо написал это старина Уитмен! До чего уместна здесь эта концепция...

— Мне нужно идти, — сказал Кромптон.

— До свидания, — сказал писатель. — Это будет короткая, но хлесткая сцена.

— Должно быть, хорошо быть писателем, — сказал Кромптон.

— Все равно что слизняком ползти по нескончаемому листу бумаги.

— Это ужасно, — сказал Кромптон. — Может быть...

Но писатель не слушал предложений, начинавшихся со слов «может быть». Его внимание привлекло неожиданное появление толстяка, прижимавшего к груди тяжелую скульптуру в виде черной птицы; следом за ним шли Хамфри Богарт, Мэри Астор, Питер Лорр, а также — о, неожиданное явление! — сам Альберт Деккер.

— Это уже перебор, — пробормотал писатель, продолжая яростно печатать с двумя сигаретами во рту.

Кромптон побрел дальше. Располагался отдел эпизодов на длинной, какой-то невнятной улице. Гуляя в поисках развлечения, здесь можно было услышать обрывки странных разговоров и увидеть фрагменты самых разных постановок. Вы могли продолжить свою прогулку и набрести на какой-то новый эпизод или остановиться где угодно и принять участие в развертывающихся перед вами событиях.

Хотя на самом деле все шло не так уж гладко: во время постановок то и дело возникали различные затруднения из-за непримиримых противоречий в требованиях многочисленных гуманоидных по форме, но несовместимых рас. Продюсеры эпизодов тем не менее поощряли тесное и весьма двусмысленное сближение гуманоидов, хотя публично порицали его; но диковинные акты близости всегда приманивают любопытных, несмотря на их благочестивые уверения в обратном. А это означает приток денег, то есть такого товара, ценность которого эйяне обсуждали и пытались определить вот уже несколько веков, просто чтобы проверить, так ли это на самом деле.

Кромптон, проходя мимо, услышал, как неугомонный двухсуставчатый трелизонд при полном осеннем плюмаже говорил трем своим братьям:

— Сегодня я уезжаю в Фунтрис, возможно, освободится мое место в гнезде.

А рядом стоя гнолов щекотала сабистых тэдики до парок-

сизмов, приговаривая при этом: «На дворе трава, на траве дрова», что приводило в ужас забравшегося на дерево молчаливого алинопода. По соседству одна женщина-человек говорила другой: «Уж и не знаю, кто тебе поможет, Джоси». А чуть дальше семь мунов пытались слиться в сексуальном псилликозе путем родительского смыкания, но тщетно: для этого им не хватало самого главного — бадминтонного инвентаря. Еще более зловещие дела творились на другой стороне улицы, где барбизан в кольчуге из листьев, с заостренным олимфатом, отстукивал сообщение о своем разочаровании на грудной клетке и брюшных щупальцах коварных, приторно-улыбчивых лунтеров, застигнутых во время запрещенного и невозможного акта псевдотрансформации.

Ни одна из этих сцен не произвела на Кромптона впечатления. Каждая из них была рассчитана на то, чтобы пощекотать чувства зрителей определенного гуманоидного вида — притом совсем необязательно человеческого. Большую часть того, что делали друг с другом эти существа, Кромптон не понимал, так же как и другие гуманоиды не понимают, что делают друг с другом люди. Это была ситуация абсолютного обоюдного непонимания, на фоне которого наше пресловутое непонимание самих себя и себе подобных выглядит сущим пустяком.

Кромптон в замешательстве глазел по сторонам, словно бесплотный разум, парящий над сценами из какого-то сюрреалистического ада, в котором карнавальные создания демонстрировали свои экзотические эмоции, воспроизводившие недоступные рассудку реалии их жизни.

Кромптон пришел к выводу, что продолжать в таком же духе совершенно бессмысленно. Повернув назад, он прошел мимо двух тэдигов, отбивавших чечетку на широком, похожем на лопату носу линияющего барбизана, миновал несколько еще менее аппетитных сцен и наконец добрался до главных ворот с печатающим на машинке писателем.

— Вы, кажется, много знаете, — обратился к нему Кромптон. — Не подскажете, где я могу найти Эдгара Лумиса?

— Вы правы, я как раз тот человек, который вам нужен, — сказал писатель, передвигая каретку и закручивая третью сигарету. — Знаете ли, я действую как собственный *deus ex machina*¹, так что элегантности моего замысла не будет нанесено никакого ущерба, если я скажу вам, что мистер Лумис находится слева от

вас на четвертых подмостках и его представление подходит к концу. Боюсь, вам, мой друг, следует поспешить. Но прежде чем вы покинете меня, позвольте мне в двух словах обрисовать вам вашу ситуацию в целом.

За чем последовала десятиминутная лекция на тему о всевозможных тонкостях и нюансах, которые Кромптон наверняка упустил, оценивая смысл происходящих событий. Все это время Кромптон простоял неподвижно, даже не моргая, замороженный лучами ружья-парализатора — обычного средства в руках членов Галактической гильдии писателей, с помощью которого они обеспечивали себе внимание и уважение неблагодарных слушателей во время скучных, но многозначительных выступлений.

Наконец писатель завершил свою лекцию цитатой из Рильке и выключил ружье-парализатор.

— А теперь, — сказал он, — немного аплодисментов и минимальную утвержденную гильдией плату в сто проников за не столько исключительную, сколько поучительную и высококоммерческую импровизацию.

— Еще чего! — взъярился Кромптон.

— Платите, — приказал писатель, — а не то я снова включу парализатор и прочитаю десятиминутную лекцию на тему о благодарности по стандартным расценкам.

Кромптон заплатил, небрежно поаплодировал и поспешил смыться.

Он прибежал к указанным подмосткам как раз в тот момент, когда бородатый мужчина в набедренной повязке произносил:

— И тогда на прелестном надгробии Антигоны будут выгравированы слова: «Она так и не дождалась его прихода!»

Публика — тридцать семь человек среднего возраста из города Феникса, штат Аризона — буквально помирала со смеху.

Бородач, поклонившись, исчез.

Кромптон схватил за рукав одного из сидевших в аудитории — по странному совпадению им оказался Джон Уинслоу Аудитор из Флагстафа — и спросил:

— Актеры! Куда девались актеры?

Джон Аудитор, ослепительный оживленный человек со стальными голубыми глазами и нелепым шрамом от дуэли на левой щеке, бесцеремонно вырвал свою руку у Кромптона.

— Что вы сказали? — резко спросил он, пережевывая встав-

¹ Бог из машины (*лат.*).

ными зубами фруктовую жвачку, последнее напоминание о днях, надежно похороненных теперь между толстыми и страшными страницами «Книги безвозвратно ушедшего времени».

— Я спросил: куда подевались актеры?

— А! Думаю, они за сценой, готовятся к выходу в главном финале, он должен начаться сию минуту, — охотно объяснил Аудитор.

— Не было ли среди них актера по имени Эдгар Лумис?

— Кажется, я видел это имя в программке, — сказал Аудитор, и жесткие глаза его мгновенно повлажнели. — Да, черт побери, Лумис... он был среди актеров.

— Как он выглядел?

— На нем была такая серебристая рубашка.

— И это все, что вы запомнили?

— Это больше всего бросалось в глаза. Да вы сами увидите его в финале. Смотрите, уже начинается.

Возле Кромптона поднялась большая сцена. На ней толпились всевозможные гуманоидные существа, участники сегодняшнего представления. Сзади них расположились два симфонических оркестра. На глазах у Кромптона все эти существа по-брасывали с себя одежды и стали смыкаться все теснее, теснее, корчась, извиваясь, скользя вокруг и вовнутрь друг друга в невообразимой мешанине рук, грудей, шупалец, крыльев, влагалищ, усиков, когтей, фаллосов, плеч, голов, яйцеклеток, гонад, экзоскелетов, пестиков, коленных чашечек, жвал, тычинок, присосок, плавников и тому подобного. И в этом неестественном, вывихнутом положении они еще умудрялись петь, булькать, скрипеть, свистеть и вибрировать такую песенку:

Люди, и гнолы, и хингер, и тэдики,
И барбизан с трелизондом, и мун —
Все мы сольемся в экстазе, как педики.
Все побеждает любовь, даже мерзостных грун!

Мерзостные жирные груны вдруг появились на самой верхушке колышащейся горы тел и шупалец. Груны улыбались! Такое случилось в Садах Рюи впервые! Полнокровные, волосатые груны действительно улыбались! Зрители, тронутые до слез, бешено захлопали в ладоши. Затрубили трубы, зазвенели рассыпчатой дробью литавры. Затаив дыхание, зрители наблюдали, как великая композиция-гора из тел, шупалец и прочих членов вздымалась и опадала, рычала и стонала, боролась и тужилась...

Кромптон углядел кусочек серебристого локтя в нижнем левом углу кучи. Лумис! Это был Лумис!

Затем вся эта гора переплетенных и взаимопроникающих гуманоидных форм одновременно содрогнулась в бело-зеленом оргазме, с разной силой извергая секреты. Зрители буквально упивались зрелищем, но Кромптон, до глубины души возмущенный, уже направился к выходу и на полных парусах устремился в отель, к своим кроссвордам.

Глава 5

Кромптон не был готов к такому порочному, грязному занятию, которым зарабатывал себе на жизнь Лумис. И вот теперь в тихом уюте гостиничного номера, разложив перед собой на столике двойной пасьянс, Кромптон мучился сомнениями. Он раздумывал над тем, действительно ли ему хочется, чтобы такой человек, как Лумис, стал его составной частью.

С Лумисом будут сплошные неприятности. Он не хотел его. Но, к сожалению, без него не обойтись. Реинтеграция невозможна без всех первоначальных компонентов.

А может, все обернется не так уж плохо. Ведь есть еще третий, Дэн Стэк; разыскав его и включив в свое сознание, Кромптон, несомненно, сумеет найти противовес основным побуждениям Лумиса. Не исключено, что Лумис даже испытает некоторую благодарность, освободившись от своего бессмысленного, стереотипного существования. Если в человеке есть хотя бы зачатки высокой нравственности, можно надеяться, что он сможет контролировать себя, по крайней мере до тех пор, пока все они не ассимилируются в новой многогранной личности, которой Кромптон рассчитывал стать.

Вдохновленный этой мыслью, Кромптон отложил в сторону карты и навел в комнате порядок. Потом решительно сжал зубы, завязал галстук и вышел на улицу.

Он сел в рейсовый орнитоптер и дал домашний адрес Лумиса. Его не интересовали чуждые достопримечательности, о которых журнал «Плейбой» последние три года писал как о «самых восхитительных в Галактике». Новый чувствительный удар обрушился на Кромптона, как всегда, не вовремя.

Орнитоптер приземлился на прелестной поляне перед облицованным алюминием домом с гаражом, плавательным бассей-

ном и кустом гибискуса на Пандерер Уэй 4567. Кромптон расплатился с водителем (веснушчатый студентом, подрабатывавшим на каникулах), а затем, стараясь держать себя в руках, поднялся на крыльцо и позвонил в мелодичный звонок.

Дверь отворили. Перед ним стояла девчушка лет пяти в перепачканных шортах.

— Сто вы зелаете?

— А-а... мистер Лумис дома?

— Затем он вам?

— По личному делу, — сказал Кромптон.

— Ты мне не нрависся, — сказал ребенок.

— Гвендквайфер! — раздался женский голос за спиной у девочки. — Иди, пожалуйста, сюда.

Девчушка скрылась. Темноволосая, яркая и очень привлекательная молодая женщина выглянула наружу, посмотрела на Кромптона.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Кромптон. Мне нужно видеть мистера Лумиса по делу, одинаково важному для нас обоих.

— Если вы кредитор, забудьте о нем: он разорен.

— Нет, ничего общего с его кредиторами я не имею, — сказал Кромптон.

Из глубины дома послышался мужской голос:

— Пропусти его, Джиллиам. Я с ним потолкую.

Дверь открылась. Мистер Лумис посмотрел на мистера Кромптона. Потрясающая сцена!

Две части одной личности узнают друг друга моментально и в любом обличье. Происходит это всегда одинаково, почти с безболезненным напряжением, как при яркой вспышке света. Парадоксальный миг одновременного влечения и отталкивания, а сказать что-нибудь — не получается, произнесенные слова замирают на устах. Ведь и в самом деле — *что* можно сказать, когда пройдет первоначальный шок? Начать панибратски: «Привет, пропавшая частица моей персоны! Рад тебя видеть, входи и снимай ботинки...»? Или более осторожно: «О, вы снова заглянули ко мне! Надеюсь, на этот раз вы будете вести себя прилично...»

Итак, два фрагмента одной личности вперились взглядом друг в друга. Кромптон заметил следы увядания дюрьевого тела. Он смотрел на прекрасное тонкое лицо Лумиса, правда, несколько расплывшееся, склонное к полноте. Не остались незамеченными и поредевшие прямые каштановые волосы, искусно

причесанные, и яркие глаза со следами косметики на веках, и сластолюбивый изгиб губ, и расслабленная манера держаться.

Это был законченный стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Здесь властвовал сангвинический Дух Огня, вызванный слишком горячей кровью, которая возбуждает в человеке беспричинную радость и чрезмерное влечение к плотским утехам. Здесь царил принцип всепоглощающей чувственности, свободной от таких жизненно важных составляющих, как разум и энергия. В Лумисе сосредоточились все потенциальные способности Кромптона к наслаждению, преждевременно отнятые у него и воплощенные в этом человеке; в нем была чувственность, первородная, чистейшая чувственность, которой так недоставало Кромптону, его телу/разуму.

Этот принцип голого наслаждения, который Кромптон всегда представлял себе существующим как бы *in vacuo*¹, оказался наделенным собственными чертами характера, не говоря уже о неожиданном осложнении в лице жены и дочери.

— Так, так, так, — насмешливо сказал Лумис, покачиваясь с пятки на носок. — Я предполагал, что рано или поздно вы обязательно здесь появитесь.

— Что это за слизняк? — спросила Джиллиам. (На самом деле она употребила слово *nmezpelt* из транстаньянского слэнга, почерпнутого ею из лексикона ее отца-четотчника. *Nmezpelt* означает «пораженный плесневым грибом», а в переносном смысле — «унылое повторение неприятных телодвижений».)

— Это мой единственный родственник, — сказал Лумис.

Джиллиам подозрительно осмотрела Кромптона.

— Он что, троюродный брат?

— Боюсь, что нет, — сказал Лумис. — Биологически он скорее представляет собой комбинацию из моего брата и отца. Вряд ли найдется какое-то слово, выражающее наши родственные отношения.

— Но ты же утверждал, что ты сирота!

Лумис пожал плечами.

— А ты говорила мне, что ты девственница.

— Ублюдок! Что все это значит?

— Что ж, такие вещи в конечном счете всегда вылезают наружу, — сказал Лумис. — Джиллиам, я должен покаяться перед тобой. Понимаешь, я не настоящий человек. Я всего лишь часть личности этого человека.

¹ В пустоте (*lat.*).

— Вот смех-то! — воскликнула Джиллиам и неприятно расхохоталась. — Ты же вечно похвалялся, какой ты великий человек, а теперь я узнаю, что ты и не человек вовсе!

Лумис улыбнулся.

— Моя дорогая, ты не могла удовлетворить даже дюрьерово тело; избави Бог, если бы я оказался полноценным человеком!

— Ах так! — взвизгнула Джиллиам. — Ну это уж слишком! Будь ты проклят! Детка, мы уходим, *тебя* здесь не ценят!

— Давай, иди ночной официанткой в свое кафе «Последний шанс», где я тебя подцепил! Это, без сомнения, тебе больше подходит!

— Уходим! За вещами я пришлю! И адвоката тоже!

Она схватила на руки Гвендквайфер, которая вопила:

— Не хотю идти! Хотю посмотлеть, что будет с папотькой!

— Не по годам развитая малютка, — заметил Лумис. — Прощайте, мои дорогие! — крикнул он вслед уходящим Джиллиам и Гвендквайфер.

Глава 6

— Вот мы и одни, — сказал Лумис, запирая дверь. Он оглядел Кромптона с головы до ног. Похоже, результат осмотра его не очень обрадовал. — Надеюсь, ваше путешествие было приятным, Элистер? Надолго к нам?

— Это зависит... — начал Кромптон.

— Давайте пройдем в гостиную и поболтаем.

Гостиная Лумиса потрясла Кромптона до глубины души. Он чуть не упал, когда ступни его утонули в глубоком ворсе восточного ковра. Комната освещалась золотистым неярким светом, по стенам непрерывной чередой бежали извилистые легкие тени, то сближаясь и сливаясь друг с другом, то принимая очертания животных или жутковатых чудовищ из детских кошмаров, а затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

Лумис пояснил:

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Ксану». Нравится?

Кромптон пожал плечами.

— Это, должно быть, дорогое удовольствие.

Лумис тоже пожал плечами.

— Представления не имею. Это подарок. Присаживайтесь, пожалуйста.

Кромптон опустился в глубокое кресло, которое сразу же обволокло его тело и стало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

— Деполимеризованную сарсапарель, если можно, — сказал Кромптон.

Лумис отправился за напитком. Кромптон слышал мелодию, которая будто сама рождалась у него в голове. Мелодия была медленная, и чувственная, и невыносимо горькая, и Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другом месте, в другом времени.

— Она называется «Свобода без конца», — сказал вернувшийся Лумис. — Прямая аудиопередача. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старался произвести на него впечатление. И надо отдать ему должное — это ему удалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон разглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель, безделушки; его чиновничьи мозги быстро подсчитали стоимость — вещи в этой комнате обошлись в кругленькую сумму.

Он глотнул из бокала. Это был эйянский коктейль; по телу Кромптона разлилось ощущение уюта.

— Очень неплох, — неохотно похвалил он.

Он никак не ожидал увидеть Лумиса таким уверенным в себе, таким, как говорится в кроссвордах, sangfroid¹. Это встревожило его. Достаток Лумиса, его спокойствие и умение владеть собой вызвали беспокойную мысль о том, что Лумис не такая уж ущербная личность, как он считал. А тогда что остается Кромптону? Место маленького или среднего человечка на стволе другой доминирующей личности? Нет, такого просто не может быть. Пройти через все эти сложности и добиться того, что им будет командовать это ничтожество, этот сластолюбец? Нет!

— Я приехал сюда, — сказал Кромптон, — чтобы осуществить реинтеграцию, что, как вам наверняка известно, является нашей законной моральной прерогативой.

— Приехали, чтобы снова заключить меня в ваше тело, да, Элистер? — весело спросил Лумис.

— Наша цель состоит в том, — продолжал Кромптон, — чтобы в результате слияния в единое, новое существо память каждого из нас в равной степени влилась в него, так что равенство в правах будет соблюдено.

¹ Хладнокровным (фр.).

— Так вот как это будет, — сказал Лумис. — Но я лично сильно сомневаюсь, что это необходимо. Зачем мне рисковать? Я и так безмерно счастлив.

— Счастье немыслимо для такой неадекватной и усеченной личности, как ваша, — возразил Кромптон.

— Да, между нами, мальчиками, говоря, я понимаю, что вы имеете в виду. Жизнь, посвященная только удовольствиям, без стремления к высшим ценностям, это жизнь собачья. Желания блекнут, Элистер, а я все продолжаю изо дня в день устало повторять одно и то же. Нет, наслаждение — дело нешуточное, наслаждение разрушительно.

— Ну так...

— Но в городе только в наслаждение и играют. Я ведь главным образом массовик-затейник, Эл, и уж никак не мыслитель. Конечно, удовольствия не всегда приятны, но кому мне жаловаться на это? Такова жизнь, не так ли? Человек должен выполнять свою работу, даже если его работа — сплошные развлечения, в которых он давно разочаровался. Вот что значит для меня быть человеком.

— Не думаю, что ваше определение выдержит более или менее глубокое испытание, — возразил Кромптон.

— Именно поэтому я и не собираюсь подвергать его испытанию, — сказал Лумис. — Мой девиз: будь смел, следуй своим побуждениям и игнорируй очевидное!

— И вы всегда живете согласно своему девизу? — спросил Кромптон.

— Пожалуй, да. Я всегда знал, что я не такой, как другие. Но в детстве меня это не волновало. В школе я пользовался большой популярностью. Естественно, не за мои познания, во всяком случае, не за те знания, которые там преподавали. Я многое познал на собственном опыте. Какие сокровища чувственности я открывал для себя в те дни! Раннее отрочество — прекрасное время. Но вы знаете, как это бывает у детей — одно дурачество, ничего серьезного. Серьезное у меня началось с мисс Тристаной де Куна, учительницей истории. Это была высокая дама лет двадцати с хвостиком. Под ее бесформенным школьным балахоном скрывалось тело нимфы. В сексе она была неутомима. А после нее была Гловис, потом Дженнифер...

— И как же долго продолжалось ваше обучение в школе?

— Я бросил ее в шестнадцать лет. Вернее, мне предложили уйти. Меня обвинили в совращении малолетних (хотя я и сам был малолеткой!). Заявили, что я устраиваю жуткие оргии. Все

это преувеличено, уверяю вас. Но так или иначе, школа никогда не была мне по душе. Я был молод, привлекателен, энергичен, полон энтузиазма и уже тогда знал, кем я хочу стать...

— И кем же?

— Я хотел стать спасателем на водах при клубе «Кантри». Я всегда обожал спасателей и завидовал им. Вот это работа так работа! Стоишь над толпой совершенно один, в трусах, сандалиях и белом тропическом шлеме. И, конечно же, с блестящим медным свистком на шее! При этом получаешь совершенно фантастический загар. А сама работа? Спасатель на водах — это полуголая фигура власти, а также символ летней чувственности. В семнадцать лет, после того как я поработал контролером в автобусе и официантом, я стал спасателем. И это было фантастикой!

— И что же случилось?

— Обычная вещь. Однажды несколько лет спустя прозвучала тревога. С кем-то что-то случилось за линией бакенов. Я вскочил в лодку и погреб. Тонула толстуха с Земли. Я попробовал за тащить ее в лодку, но она запаниковала и опрокинула лодку. Я барахтался с нею в воде, пытаюсь отбуксировать ее к перевернутой лодке, я умолял ее успокоиться и позволить мне доставить ее на берег. Но она совсем потеряла голову и в истерике сдвинула мне шею железной петлей. Мне оставалось только одно: двинуть разок ей в челюсть, а потом уже тащить ее, как спутанного кита. Но не успел я осуществить свое намерение, — как она сама вре- зала мне, вложив в оплеуху все свои триста фунтов веса и ярость берсерка¹. Я отключился. К счастью, нас заметили с берега и прислали другую лодку. В сущности, такое могло случиться с кем угодно.

— Но правление клуба думало иначе?

— Они обвинили меня в том, что я не умею плавать! Пред- ставляете? Это меня-то, проработавшего спасателем целых два года!

— Но вам ничего не стоило доказать им свою компетент- ность!

— По правде говоря, мне не хотелось унижаться перед ними. Раз им взбрело такое в голову, хрен с ними. Я ушел от них.

¹ Берсерк — в скандинавских сагах — воин, не знающий страха смер- ти. Перед боем берсерки с помощью наркотизирующих средств доводили себя до состояния неистовства и полного отсутствия инстинкта самосохранения, чем наводили ужас на своих врагов.

— И куда же вы ушли?
 — Я обдумывал ситуацию.
 — И как долго вы думали?
 — Около года.
 — На что же вы жили все это время?
 — К счастью, у меня появился спонсор, мисс Сьюзи Греч. Это была та самая женщина, из-за которой я лишился работы. Она испытывала ко мне чувство благодарности за то, что я спас ей жизнь...
 — Но не вы же спасли ей жизнь!
 — Она считала, что я. Это была крупная, щедрая женщина с ярко выраженными сексуальными способностями, скрытыми внутри ее неуклюжего тела. Она первая обнаружила у меня артистический талант и решила развивать его.
 — Какой еще артистический талант?
 — Я всегда прилично разыгрывал всякие сценки-пародии. И она заставила меня поверить, что я обладаю подлинным талантом, который нужно развивать. Благодаря ее поддержке я поступил в школу искусств.
 — И все это время вы жили с ней?
 — А как же! Бедняжка, она была так одинока! И это было то небольшое, что я мог сделать для нее. Нам было так хорошо! Со мной Сьюзи прожила лучшие годы своей жизни. Мелочь, которую я брал у нее на одежду и карманные расходы, ничего ей не стоила. Мы были бесконечно преданы друг другу. Она даже хотела выйти за меня замуж.
 — И что же?
 — Бедняжка Сьюзи! Она сделалась патологически, совершенно беспочвенно ревнива!
 — Почему?
 — У нее были глупые подозрения, что я путаюсь с натурщицами в классе изобразительных искусств.
 — А вы путались?
 — Конечно! Но я делал это так ловко, что она никак не могла меня уличить. А поскольку никаких доказательств у нее не было, ревность ее была беспочвенна. И все бы шло хорошо, если бы она не наняла детектива. Он тоже ничего существенного не обнаружил и, чтобы спасти свою репутацию, просто оговорил меня. Он подкупил трех натурщиц, и они поклялись, что вступали со мной в сношения, как по отдельности, так и ensemble¹. Самое

¹ Вместе (фр.).

интересное, что это была чистая правда, хотя он нас не застукал ни разу. И поэтому я не стал убеждать Сьюзи в том, что меня, мол, оговорили... Как вы сами понимаете, разыгралась довольно мерзкая сцена. Я вернул ей ножной браслет и покинул ее апартаменты.

Служба на водах была вершиной в карьере Лумиса. Позже ничего такого ему уже не попадалось. Правда, ему удалось получить место помощника бармена в одном из известных ночных клубов. Таким образом он занял неплохое положение: бармену обеспечен первый взор женщины-клиентки, равно как и внимание своих же клубных официанток. Он и впрямь хотел удержаться на этом месте. И очень старался. Но...

— Меня уволили, — признался он. — Потому что Лила устроила скандал, а хозяин решил, что это из-за меня. К тому времени я жил с Лилой что-то около месяца. Лила — это не настоящее ее имя. Она его взяла из какой-то книги. А скандал начался из-за того, что Мира, которую я незадолго до этого встретил, все время слонялась вокруг меня. Как будто я мог не пускать ее в бар!

— А зачем она слонялась вокруг вас? — спросил Кромптон.

— Она доверилась мне. Глупо, конечно, но я согласился помочь ей. Она обучалась экзотическим танцам, и ей нужен был партнер с крепкими руками, чтобы она могла выполнять все эти поддержки и шпагаты. Лила интерпретировала это в наихудшем виде, естественно.

— И у нее были основания?

Лумис раздраженно затряс головой.

— Она ни разу не застукала нас с Мирой! Откуда у нее взялась эта уверенность? Какое право она имела устраивать публичные скандалы, обвиняя меня без всяких доказательств в том, что я сплю с Мирой и с Банни? Любой галактический суд оправдал бы меня.

— Постойте, а что это за Банни?

— Банни — сестра Миры. Ей тогда было около шестнадцати. Очаровательная малышка с огромными голубыми глазами и тоненькой детской фигуркой.

— И что вы с ней делали?

— Только то, что должен был.

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, из экономии они жили в одной комнате. У Бан-

ни появились свои фантазии. А Мире было все до фени... Ах, эта Мира!

— Значит, Лила устроила сцену, и вам пришлось уйти с работы?

— Вот именно. Моя жизнь превратилась в непрерывную цепочку временных работ и временных женщин. Одной из таких женщин оказалась Джиллиам. Ну а дальше вы уже все знаете.

— Как вы решились на женитьбу с Джиллиам?

— Она очень настаивала. В общем-то она единственная все-речь настаивала на этом. Это любовь, правда ведь? И она была хорошенькая и богатая. Я все думал — насколько далеко заведут меня мои ошибки? И вот — результат налицо.

— Джиллиам богата? Вы же говорили, что она работала официанткой.

— Да она просто дурака валяла. Сначала я думал, что мы можем быть счастливы вместе — то есть я, она и ее деньги. Но ничего не вышло. Возникли кое-какие проблемы.

— Опять женщины?

— А то кто же! Это проклятие всей моей жизни — столь сильное влечение к женщине.

— Чисто сексуальное влечение, — уточнил Кромптон.

— Ну конечно! Ведь женщины именно такого влечения и жаждут от мужчин, Элистер. Женщины — это секс в голом виде. Очень немногие мужчины догадываются об этом.

— Думаю, вы ошибаетесь, — сказал Кромптон. — Насколько я могу судить, как раз мужчинам больше нужен секс.

— Это совсем не одно и то же, — возразил Лумис. — Интерес мужчины к сексу — это интерес к собственным ощущениям. И мало кто из мужчин интересуется сексуальной природой женщины. Она их пугает. Вы девственник, Эл, не так ли?

— Мы говорим о вас, а не обо мне. Если я правильно понял, вы живете на содержании у женщины.

— И все мы знаем, как это называется, — сказал Лумис. — Не задирайте нос, Элистер! Мужчины и женщины всегда живут на содержании друг у друга, за исключением разве что таких уродов, как вы.

— Да вы просто паразит и вымогатель! — сказал Кромптон.

— А это уж совсем несправедливо, — возмутился Лумис. — Ведь и богатые тоже чего-то хотят. Их нужды отличаются от нужд бедняков, но они не менее настоятельны. Бедных правительство обеспечивает едой, кровом, медицинским обслуживанием. А что оно делает для богатых?

У Кромптона вырвался короткий, резкий смешок.

— Если кому-то так тяжело бремя богатства, почему бы ему не сбросить его со своих плеч?

— Но кто же способен на такое? Бедным некуда деться от своей нищеты, богатые обременены богатством. Такова жизнь, ее не переделаешь. Богатые нуждаются в сочувствии, и я им сочувствую от всей души. Они хотят, чтобы возле них были люди, умеющие наслаждаться и ценить роскошь и при этом учить их наслаждению. Я выполняю эту функцию, Элистер, совершенствуя их способность к наслаждению тем, чем одарила их судьба. А богатые женщины, Элистер! У них тоже есть свои потребности. Они породисты, нервозны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны изысканность и утонченность, внимание мужчины с высоким полетом фантазии и исключительной чувственностью. В нашем никчемном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось — у меня на это талант.

Кромптон с ужасом смотрел на него. Ему трудно было поверить, что этот самодовольный растленный альфонс — часть его самого, а в будущем — и часть его души. Он был бы рад отделаться от Лумиса со всем его отвратительным сексуальным бизнесом. Но это было невозможно: непостижимая судьба обрекла всех мужчин, даже лучших из них, обладающих чистыми помыслами и ясным умом, на борьбу со своими низкими инстинктами, заставив их постоянно подавлять в себе (лучше всего — методом сублимации!) позорную мужскую потребность иметь много женщин, много развлечений и много денег за просто так.

Как это ни досадно, а Лумис ему необходим. Может, все еще обойдется. Кромптон не сомневался в своей способности обуздать это импульсивное, непредсказуемое, изменчивое существо, он даже надеялся превратить его вредные охотничьи инстинкты в страстную любовь к архитектуре, садоводству или чему-нибудь в том же духе.

— В общем-то, мне нет до этого никакого дела, — сказал Кромптон. — Как вам известно, я представляю собой подлинную личность Кромптона в его подлинном теле. И я прибыл на **Эйю** для реинтеграции.

— Я так и понял, — согласился Лумис.

— Полагаю, вам понадобится какое-то время, чтобы уладить дела?

— Мои дела всегда в полном порядке, — ответил Лумис. — Я ведь близок только с теми, с кем мне хорошо.

— Я имею в виду деловые отношения, такие, например как неотложные долги, урегулирование вопросов собственности и тому подобное.

— Я, как правило, этими вопросами не занимаюсь, — сказал Лумис. — Я считаю так: всю кучу неприятностей, которая останется после меня, пусть разгребают те, кому есть до этого дело. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Как вам будет угодно. Тогда приступим?

— Прошу прощения?

— К слиянию!

— Ах да, — сказал Лумис. — Но вот как раз в этом я сомневаюсь. — Он помолчал минуту, раздумывая. — Я размышлял над этим, Эл, и, знаете ли, мне совсем не хочется сливаться с вами. Тут нет никакой личной неприязни — просто я так чувствую.

— Вы отказываетесь от слияния со мной? — недоверчиво переспросил Кромптон.

— Совершенно верно, — ответил Лумис. — Мне чертовски жаль, я знаю, какой гигантский путь вы проделали, и все зря; но вы могли сначала написать, спросить меня... Во всяком случае, прошу прощения, но так уж все складывается.

— Вы, видимо, не понимаете, что вы недоукомплектованный, недоделанный экземпляр, карикатура на полноценного человека? — разозлился Кромптон. — Разве вы не видите, что чтобы обратиться из той помойки, в которую вы превратили свою жизнь, и обрести ясную, божественную атмосферу высшего существования вы можете только путем слияния со мной?

— Вижу, — со вздохом сказал Лумис. — И у меня иногда возникает желание найти что-нибудь чистое, святое, не тронутое рукой человека.

— Но тогда...

— Честно говоря, я недолго предаюсь подобным мечтаниям. Мне и так неплохо. Особенно сейчас, когда Джиллиам порвала со мной и я могу все начать по новой. В моей жизни осталось еще достаточно много удовольствий, чтобы пожертвовать ими ради переселения в вашу голову, Эл, — только не поймите меня превратно.

— Но ваше теперешнее счастье временно, вы же понимаете. Оно скоро пройдет, как проходят все эфемерные состояния, и вы снова погрузитесь в страдания, которые преследуют вас всю жизнь.

— Да нет, не так уж все страшно, — сказал Лумис. — Меня не пугает даже такая жизнь, какая была у меня раньше.

— Тогда учтите вот что, — сказал Кромптон, — ваша личность находится в дюръеровом теле, а срок его существования — сорок лет. Вам сейчас тридцать, и остается вам не более десяти лет.

— Хм, — сказал Лумис.

— И через десять лет вы умрете.

— Понятно, — сказал Лумис и задумчиво закурил самокрутку с красным пятнышком возле фильтра.

— Ничего плохого в реинтеграции нет, — убеждал его Кромптон, стараясь говорить как можно более дружелюбно. — Мы все — и я, и вы, и третий, до которого нам еще предстоит добраться, — мы постараемся. Мы разрешим все наши конфликты путем разумного, дружеского согласия, и все будет хорошо. Что вы на это скажете?

Лумис рассеянно мямлил сигарету в руке. Наконец он вздохнул и сказал:

— Нет.

— Но ваша жизнь...

— Я просто не способен на то, что вы мне предлагаете, — сказал Лумис. — Меня вполне устраивает ловить рыбку в мутной воде и плыть по течению. А десять лет — не такой уж маленький срок, за это время все может измениться.

— Ничего не изменится, — возразил Кромптон. — Через десять лет вы умрете. Просто умрете.

— Ну, кто знает...

— Умрете!

— И долго еще вы будете повторять это? — спросил Лумис.

— Но это правда. Вы непременно умрете.

— Да, непременно... — сказал Лумис. Он курил и думал. Потом вдруг лицо его просветлело. — Кажется, нам действительно необходимо слияние!

— Ну наконец-то!

— Через каких-нибудь девять лет.

— Да вы что! — возмутился Кромптон. — Значит, по-вашему, я девять лет буду околачиваться на этой потешной планете в ожидании вашего решения?

— А что вам еще остается? — резонно заметил Лумис. — Ну же, старина, не будем ссориться. Я не раз на собственном опыте убеждался, что в конце концов все устраивается само собой, если не обращать ни на что внимания и продолжать заниматься своим делом. Пойдемте со мной, Элистер, я хочу узнать ваше мнение кое о чем.

Он повел Кромптона вниз по лестнице в подвал, в свою мастерскую. В углу находилось сооружение, слегка напоминавшее электронный орган. Он был оснащен множеством рычажков, кнопок и ножных педалей и слегка походил на кабину старинного «Боинга-747». Возле него стояла маленькая скамеечка. Лумис сел и включил ток.

— Это машина самовыражения Вурлитцера-Венко, — объяснил он Кромпτονу и передвинул несколько рычажков. — Я включил ее и настроил на определенную тональность. Оранжевый и желтый цвета на стене означают, что основная тема композиции — это глубокая жалость к себе. Машина сейчас работает музыкальное и поэтическое оформление этого настроения и воспроизведет свои стихи в левом нижнем углу большого экрана. Слушайте же и смотрите, Элистер.

Лумис зарядил машину эмоциями, и та перевела их в цвета, формы, ритмы, напевные стихи, в танцевальные па, исполняемые изящными марионетками, в веселые ритмичные песенки и страстную декламацию, в просторы серого океана и черной ночи, в кроваво-красные закаты, сливающиеся с брызгами смеха и сотрясаемые приступами бессильного гнева. Туманные многокрасочные сцены проходили одна за другой, наполненные прозрачными людьми, которые разыгрывали какие-то странные драмы; в этой разношерстной репрезентальгии — так называлось это действо — ощущались наивные детские мечты, первые смущенные сексуальные желания, занудные школьные годы, первая любовь во время каникул и многое, многое другое. Все это было сплетено и закручено с помощью самых разнообразных художественных средств (кроме скульптур из мыльных пузырей — новшества, доступного только последней, пятой модели машины Вурлитцера-Венко) и завершалось блистательным парадоксальным финалом, в котором все разрозненные элементы выстраивались в стройный ансамбль различных человеческих качеств и создавали выпуклый образ личности, но не сливались в нем полностью, а подчеркивали и оттеняли друг друга, ярко высвечивая тем самым собственную неповторимость. На этом все кончилось, но два человека оставались молча сидеть на своих местах.

Наконец Лумис не выдержал.

— Как вам это понравилось? Будьте предельно искренни — тут вежливость ни к чему.

— Ну что ж, — ответил Кромптон, — должен сказать, что точно в такие же игры играют на всех машинах самовыражения.

— Понятно, — холодно отозвался Лумис, и его душевная боль отразилась лишь в том, что он принялся терзать свой нос.

Он еще помолчал в мрачном раздумье. Но затем, оживившись, сказал:

— А, к черту! Это же всего лишь хобби! Я просто развлекаюсь тут. Но как любитель я все-таки кое-чего достиг, вы не находите? Давайте иногда встречаться, выпивать вместе, а? Сколько вы еще здесь пробудете?

— Ровно столько, сколько понадобится для реинтеграции, — ответил Кромптон.

— Тогда это надолго, — заметил Лумис. — Потому что я остаюсь тем, что я есть.

Он опять повернулся к машине и сыграл веселую пьеску из звуков, запахов и образов похоти, алчности и опьянения. Кромптон ушел, не дожидаясь репризы.

Глава 7

Он бесцельно брел по улицам, пытаясь сообразить, что же теперь предпринять. Его блестящий план рухнул бесповоротно. Ему и в голову не могло прийти, что Лумис, несчастная и далеко не лучшая часть его самого, предпочтет идти своим путем.

Он заставил себя сосредоточиться и окликнул такси. Это оказался шестиногий полуробот «Форд Супергризер», модель ХФК с желудком емкостью 240 кубических дюймов и полусферическими почками. Кромптон сунул ноги в стремяна, запихнул в псевдоводителя адрес отеля и безутешно привалился к поношенной луке седла. Неожиданно, какими-то запутанными путями, пришло горькое озарение: лучше уж бездумный разврат, чем собственные вечные, изматывающие душу страдания. К глазам подступили слезы.

Такси скакало по забитым толпами народа улицам Ситесфа. Кромптон, погруженный в свое горе, даже не заметил Тестерианскую похоронную процессию, возглавляемую самим трупом, облаченным в веселый разноцветный костюм арлекина; плавники покойника то и дело оживали, когда шедшие за ним священники-техники пропускали через него электрический ток.

Такси подъехало к отелю «Грандспруиндж», но Кромптон распорядился следовать дальше. Им овладело какое-то беспокойство, охота к перемене мест — по-видимому, от сознания собственной беспомощности и незащитности. Хотя обычно он полностью контролировал себя — таков был его характер, обяза-

тельный и строгий, — сейчас он решил, что может позволить себе какое-нибудь безумство.

— Вы случайно не знаете, — обратился он к такси, — где находится «Притон духонастроев»?

Такси, хотя и было полуроботом и не обладало разумом в обычном смысле слова, тотчас развернулось на 180 градусов и по узкой аллее довезло Кромптона до лавки, над которой мигала неоновая вывеска «ДУХОНАСТРОИ ДЖО».

Кромптон слез с такси и расплатился. Он вошел в лавку в легкой лихорадке предвкушения. Ему пришлось напомнить себе, что он не совершает ничего *предсудительного*. Но в то же время он прекрасно осознавал, что обманывает сам себя.

Хозяин, потный лысый толстяк в нижней рубаше, оторвался от комикса ровно настолько, чтобы указать ему свободную кабинку. Кромптон зашел в нее и сбросил с себя одежду, оставшись в одном белье. Потом, тяжело дыша, прикрепил электроды к положенным точкам на лбу, руках, ногах и груди.

— Все в порядке, — сказал он. — Я готов.

— О'кэй, — сказал толстяк. — Вы знаете правила. Вы заказываете по одному номеру из колонки А и из колонки Б. Сегодняшнее меню висит на стене.

Элистер просмотрел меню.

— Колонка А — состояние духа. Я, пожалуй, возьму номер пятый — «Мужественное самообладание». Или лучше шестнадцатый — «Отважная беспечность», как вы думаете?

— Шестнадцатый сегодня немного жидковат, — сказал хозяин. — Я бы на вашем месте остановился на пятом. Или попробуйте семнадцатый — «Сатанинское коварство», очень пикантно, со специально подобранными восточными ингредиентами. Могу порекомендовать еще двадцать третий — «Всепошающее сострадание».

— Пусть будет пятый, — решил Кромптон. — Теперь колонка Б. Содержимое духа. Мне нравится номер двенадцать: «Компактные логичные мыслеформы, украшенные мистической интуицией и одобренные искрящимся пикантным юмором».

— Да, это хорошая штука, — согласился толстяк. — Но позвольте предложить вам подготовленный специально для этого вечера сто тридцать первый номер: «Вдохновляющая ассоциация с бледно-розовыми кисельными видениями, приправленными юмором и пафосом». Или наш знаменитый семьдесят восьмой: «Постельные откровения ветреницы — в шутку и всерьез».

— А можно заказать два номера из колонки Б? Я хорошо заплачу.

— Нет, приятель, это исключено, — сказал толстяк. — Слишком рискованно. Заболеете хронической лихорадкой, а меня лишат лицензии.

— Тогда я возьму двенадцатый, только уберите юмор. (Похоже, все это заведение буквально напичкано юмором.)

— Хорошо, — согласился хозяин. — Приготовились! — Он взялся за свои инструменты. — Поехали!

Хлынувший поток вызвал у Кромптона прилив удивления и благодарности. Он вдруг почувствовал себя спокойным, безмятежным и полным радостной уверенности. Приток энергии принес с собой интуитивные прозрения, утонченные и глубокие. Кромптон увидел огромную сложную паутину, соединившую воедино все части Вселенной, в центре которой стоял он сам, занимая законное место в системе вещей. Потом он неожиданно понял, что он не один человек, он — все люди, воплощение всего человечества. Непреодолимая радость наполнила все его существо; он обладал силой Александра, мудростью Сократа, кругозором Аристотеля. Он познал сущность вещей...

— Конец, приятель, — услышал он голос толстяка, и машина отключилась.

Кромптон пытался удержать подаренное ему духонастроем состояние, но оно ускользало, и он снова стал самим собой — существом, зажатым в тиски своих неразрешимых проблем. От сеанса осталось лишь смутное воспоминание. Но и это было лучше, чем ничего.

Так что в отель он вернулся несколько приободренным.

Но вскоре уныние с новой силой навалилось на Кромптона. Он лежал на кровати, и ему было очень жалко себя. Где справедливость, в самом-то деле! Он прилетел на Эйю с совершенно резонной надеждой найти в Лумисе существо еще более несчастное, чем он сам, страдающее от собственной неполноценности и бессмысленности своего существования, которое до слез обрадуется возможности обрести целостность.

А вместо этого он встретил человека, довольного собой и склонного продолжать свое грязное барахтанье в скотских сексуальных наслаждениях, которые, согласно мнению всех авторитетов, не приносят счастья.

Лумис не хотел его! Этот поразительный, необъяснимый факт подрывал самую основу планов Кромптона и лишал его последней надежды. Потому что он не мог *принудить* к воссоединению с собой свои отторгнутые части. Таков закон природы, возникший одновременно с расщеплением.

Но он должен заполучить Лумиса.

Кромптон взвесил свои возможности. Можно покинуть Эйю и отправиться на Йиггу, разыскать там другую свою часть, Дэна Стэка, соединиться с ним, а потом вернуться за Лумисом. Но между планетами пролегло чуть не полгалактики. Здесь неизбежно возникали технические трудности, да и денег пришлось бы ухлопать целую кучу, так что эта идея никуда не годилась. С Лумисом нужно было разбираться немедленно, не откладывая в долгий ящик.

А может, вообще отказаться от всей этой безумной затеи? Поселиться на какой-нибудь симпатичной планете земного типа и зажить там в свое удовольствие. А что, совсем неплохо! В конце концов, только труд, любимый и упорный, приносит радость, а в отказе от наслаждений тоже есть свое наслаждение, и есть свое горькое счастье в спокойном, осмотрительном, надежном существовании...

Ну уж нет, к чертям собачьим!

Он сел в кровати, на его узком лице была написана решимость. Лумис отказался от слияния с ним? Это только Лумису так кажется! Мало же он знает о железной воле Кромптона, его упорстве и непоколебимом мужестве. Лумис ребячливо упрям только в хорошем настроении, ему хватает настойчивости лишь тогда, когда все складывается в его пользу. Однако он подвержен быстрой смене настроений — а это верный признак психически неустойчивой, депрессивно-маниакальной, сладострастной натуры.

— Я не успею даже пальцем пошевелить, как он сам приползет ко мне на четвереньках и будет умолять о воссоединении, — решил Кромптон.

Придется немного потерпеть — но как раз терпения Кромптону не занимать. Выдержка, хладнокровие, решительность, немного жестокости — и легкомысленный компонент будет у него в руках.

Обретя утраченное было самообладание, Кромптон перешел к текущим проблемам. Во-первых, в отеле «Грандспрюиндж» оставаться было нельзя: слишком дорого. А деньги следовало поберечь — мало ли какие осложнения еще возникнут.

Он упаковал вещи, заплатил по счету и окликнул такси.

— Мне нужна недорогая комната, — сказал он шоферу.

— Si, hombre, porque no? ¹ — ответил водитель, направляясь к мосту Вздохов, который соединял роскошные кварталы центра Ситесфа с трущобами Восточного Ситесфа.

Глава 8

Такси доставило Кромптона в самые дебри Пигфэта — района, пользующегося дурной славой в Ситесфе. Улицы здесь были узкие, мощенные булыжником, и бежали они... скорее, спотыкались о множество крутых поворотов и тупичков. Постоянный серо-желтый туман нависал над районом, и все сточные канавы были заполнены жидкими вонючими помоями. Кромптон уезжал из «Грандспрюинджа» в полдень, но здесь всегда царили сумерки, постепенно переходящие в ночь.

Такси подкатило к покосившемуся домику. Над его дверями можно было прочесть: «Комнаты, Chambre, Zimmer, Ulmuch'thun». По всей видимости, это был пансионат самого низкого пошиба для инопланетян. Внутри, за треногим картонным столиком, служившим регистрационной стойкой, сидела горбатая старая карга с вороном на плече.

— Комната нужна? — спросила она. — Вам повезло, милорд, только что освободилось помещение, сегодня утром из двенадцатого вынесли бедняжку мистера Крэнка — может, и зарыли уже, — он ведь начал разлагаться, бедный ягненок.

— От чего он умер? — спросил Кромптон.

— Третичная зависть, так сказал студент-медик. Держите ключ. Ваша комната на верхнем этаже, под самой крышей, с прекрасным видом на рыбоконсервный завод.

Кромптон разобрал свои вещички и отправился осмотреть свой новый район.

На фоне чудесного центра Ситесфа Пигфэт выглядел какой-то странной непристойностью. Темный, опасный, пронизанный сыростью и зловонием — но именно таким и задумали его эйяне несколько лет назад, когда решили импортировать трущобные преступления, чтобы проверить, нет ли в них чего-нибудь веселенького или значительного. Запрограммированность этого убожества не делала его в глазах Кромптона менее мерзким.

Он шагал по бесчисленным гнусным улочкам, мимо пере-

¹ Да, господин, почему бы нет? (исп.)

полненных гниющими отбросами помоек и тлеющих тюфяков. Желтоглазые коты наблюдали за ним в дикой задумчивости. Мокрый желто-зеленый туман липнул к ногам, пронзительный ветер дергал за фалды пальто. Из забитых досками окон доносились детский плач, стоны совокупляющихся пар и собачий лай.

В ближайшем кабаке пьяный разгул был в самом разгаре. Кромптон поспешил прочь, но дверь «Летучей мыши» внезапно распахнулась, и какой-то человек фамильярно схватил его за рукав.

— Куда ты так торопишься, Профессор? — дружелюбно спросил незнакомец.

Кромптон одарил его взглядом, способным разбить на мелкие кусочки вонючий кочан капусты.

— Сэр, не припомню, чтобы мы были знакомы.

— Не знакомы! — воскликнул человек. — Ты хочешь сказать, что не помнишь старину Гарри Клейменого, с которым вместе отсидел шесть месяцев в тюрьме на Луне за жульничество при отягчающих обстоятельствах?

Кромптон посмотрел на кругленького, лысеющего человечка с влажными глазами спаниеля и толстым приплюснутым носом.

— Я никакой не профессор, — сказал он. — Я никогда не был на Луне. И я никогда прежде не видел вас.

— Во дает! — восхитился Клейменный, едва поспевая за Кромптоном. — Ну и артист же ты, Профессор! Не знал бы — ей-богу, поверил бы, что мы не знакомы!

— Но я вас не знаю!

— Не беспокойся, пусть будет по-твоему, — сказал Клейменный. — Сделаем вид, что мы встретились впервые.

Кромптон продолжал свой путь. Клейменный не отставал.

— Спорим — ты только что приехал, а, Профессор? Здесь уже полно наших ребят. Вот здорово, правда?

— О чем вы? — спросил Кромптон.

— Это эйяне так придумали... В общем, весь следующий месяц мы можем грабить дома в лучших кварталах города, набрасываться на женщин, избивать туристов — короче, резвиться от души, и они к нам лезть не будут. Они заявляют, что хотят испытать на себе моральное поругание. Но ты ведь и сам в курсе.

— Эйяне пригласили всех вас сюда на грабеж? — поразился Кромптон.

— Они даже ввели специальные чартерные рейсы для до-

ставки квалифицированных преступников. Да, надо отдать им должное — глубоко копают.

— Ничего не понимаю, — сказал Кромптон.

— А какой навар, Профессор!

— Да перестаньте вы называть меня профессором!

Клейменный от восторга замер с открытым ртом.

— Таких, как ты, Профессор, — один на миллион! Тебя не расколоть. Шесть месяцев мы провели в одной камере на Луне, и за все это время ты даже не спросил, как меня зовут. И ты не изменился. Вот это, я понимаю, выдержка!

— Оставьте меня! — взвизгнул Кромптон и бросился назад. За его спиной Клейменный объяснял какому-то зеваке:

— Это Профессор. Мы с ним отбывали срок на Луне. От этого человека фиг чего добьешься.

Глава 9

По-видимому, Клейменный широко распространил свою легенду, во всяком случае, Кромптон стал в Пигфэте предметом почтительного интереса. Впервые в его жизни к нему подходили совершенно незнакомые люди и предлагали выпить за их счет. Женщины не скрывали своего интереса, медленно прохаживаясь в баре мимо него. Все это забавляло Кромптона, но в то же время не нравилось ему: ведь интересовал их не он сам, а выдуманный тупыми и несомненно большими мозгами тип.

Как-то утром, когда Кромптон поглощал свою обычную овсяную кашу и тосты, Природа, которая не терпит статичности, подбросила-таки катализатор, чтобы сдвинуть с места установившиеся обстоятельства его жизни. Катализатором явился огромный, крепко скроенный, по-звериному красивый молодой блондин с голубыми глазами, занявший место за столиком напротив Кромптона.

— Надеюсь, ты не против моего вторжения, Профессор, — добродушно сказал великан. — Я прослышал, что ты в городе. Я давно восхищаюсь твоими успехами в рэжете. Это правда, что тебе принадлежит выдумка внедрить в ФБР этих бешеных албанских коммунистов-прокаженных?

— Вранье все это. Прошу вас, уходите, оставьте меня в покое наконец, — сказал Кромптон.

— А так со своими поклонниками не говорят, — заявил великан. — Счастье твое, что ты мой герой, а не то я башку-то тебе разможжил бы. Меня зовут Билли Берсеркер. Моя профессия —

уродовать людей. Но я хочу сменить ее на более высокооплачиваемую. Вот зачем ты мне понадобился.

Кромптон открыл было рот, чтобы возразить, но, заметив красные прыгающие искры в голубых глазах Берсеркера, призадумался.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он.

— Пошли со мной в одно местечко, — сказал Берсеркер. — Там я тебе все объясню.

Позднее, в отдельном кабинете таверны «Памяти Эль Капоне», Билли Берсеркер поведал все о себе. Берсеркер — это был его псевдоним, «nom de cime»¹. По-настоящему его звали Эдвин Гастенхаймер, вырос он в Патерсоне, штат Нью-Джерси, в семье Чарльза Дж. Гастенхаймера, грабителя банков с мировой известностью, и Эльвиры Гастенхаймер, управляющей совсем незнаменитого клуба «Хи-хи» в Гобоконе. Юный Эдвин старался превзойти своих преуспевающих предприимчивых предков. Школьные годы он провел в борделях Джерси-сити, а потом отправился в Колумбийский университет, где его трижды провозглашали Психопатом Года. По натуре он был хапугой и насильником, но высшие сферы преступности оставались для него недостижимыми. Так он и жил, калеча от скуки людей, без всякой перспективы на будущее. И вдруг услышал об открывающихся возможностях на Эйе.

— И здесь я встретил тебя, Профессор, — сказал Берсеркер. — Сама судьба свела нас. Мне нужна твоя помощь — хочу изменить свою жизнь. И сейчас я выложусь перед тобой весь как есть, до самого донышка. Но, пожалуйста, не смейся надо мной, не то я как всегда войду в раж и приблю тебя — недаром же меня называют Берсеркером.

— Так что же вам нужно от меня? — спросил Кромптон.

Берсеркер смутился и заговорил совсем другим тоном:

— Профессор, я ничего так не хочу, как стать уверенным в себе человеком и жить своим умом.

Кромптон задумался.

— И вы полагаете, что я могу помочь вам?

— Можешь! Ты станешь моим гуру, и я буду слушаться тебя и во всем следовать твоему примеру. Дано же человеку подняться до вершин по ступенькам его веры.

¹ Воровская кличка (фр.)

Разгоряченный своим выступлением, Берсеркер для вящей убедительности треснул по столу и при этом вогнал свою ложку в столешницу на двухдюймовую глубину. Этот жест произвел впечатление на Кромптона, который, поглядев на сидящего перед ним полного надежд и явно ненормального громилу, пришел к выводу, что придется смириться с обстоятельствами и надеяться на лучшее.

Он глубоко вздохнул и услышал свой голос:

— Мальчик мой, я не вижу, что могло бы помешать вам стать самым что ни на есть самоуверенным человеком. У вас хорошие задатки, а это самое главное, как вы сами понимаете. Вы все говорите прямо в лицо, и никто не посмеет заподозрить вас в вероломстве. Короче, под маской неотесанной свирепости в вас скрыта острая как рапира проницательность, которая глубоко зарыта в тайниках вашей души. Да, мальчик мой, я не предвижу никаких осложнений.

— Вот здорово, Профессор, просто гениально! — воскликнул гигант. — Ты все сечешь как надо!

— Вы меня радуете, — сказал Кромптон.

— Но что я теперь должен делать?

— Ах да, — произнес Кромптон, в отчаянии ломая голову над проблемой. — Мы вплотную подошли к практическим занятиям. Мы должны определить, что же вам делать... Что делать... Ха! Вы должны учиться! Вы должны изучить все эти штучки-дрючки — как одеваться, как вести себя: собственно, они-то и отличают по-настоящему самоуверенного человека.

— Точно, этого-то мне и не хватает! — вскричал Берсеркер. — Понимаешь, я просто не знаю, как ведут себя самоуверенные люди, и мне совсем не по душе выглядеть смешным. Это меня смущает, а когда я смущаюсь, меня охватывает ярость.

— Вы, без сомнения, должны приступить к занятиям, — сказал Кромптон. — Но как? Путем изучения приемов и манер самого уверенного в себе человека на планете Эйя.

— То есть вас!

— Ничего подобного. Мой конек — незаметность. Это вам никак не подойдет. Вам нужен человек обаятельный, с яркой наружностью — то есть с теми качествами, которыми вы уже обладаете, но в рудиментарной форме.

— Черт побери, Профессор! Да есть ли такой человек на планете?

— Есть, и вы должны будете наблюдать за ним. Это значит, что вы все время должны находиться рядом и не спускать с него глаз. И свои наблюдения вы не должны прерывать до тех пор,

пока в совершенстве не изучите его манеры. Таким образом вы станете поистине самонадеянным человеком.

— Кто этот парень? — загорелся Берсеркер.

— Его имя Эдгар Лумис, — сказал Кромптон. — Я сейчас напишу вам его адрес.

Глава 10

Из дневника Лумиса:

«Вчера я побывал на балу Кридру, самом важном событии года. Там собрались все хоть сколько-нибудь заметные фигуры Ситесфа, включая самого Элигу Рутински и нескольких кинозвезд, чьи имена я не запомнил. Я хотел, разумеется, показать себя — это вещь необходимая, чем бы ты ни занимался. Но была и другая причина: на балу должна была присутствовать мисс Сисси Пертурбски.

Бал состоялся в Аксиоматическом зале отеля «Геометрия», нового отеля, открывшегося на углу бульвара Булкример и Хеппенстенс-стрит. Я подъехал в светло-вишневом «Гондолини», который позаимствовал специально для этого случая. На мне был облегающий тело костюм, весь из серебряных оборо-чек, — новейшее изобретение, сильно поразившее представи-телей demimonde¹ и их друзей.

Должен ли я описывать оживленное подтрунивание, блеск в глазах, смех толпы? Там был даже знаменитый оркестр «Карпет-битеров» с саксофонистом Рагтом в главной роли.

Но перейду-ка я лучше сразу к рассказу о Сисси и обо мне, как мы остались наедине в маленькой спальне, примыкающей к бальному залу. Мы по взаимному побуждению проскользнули туда, и в слабом свете ночника Сисси с улыбкой обратила ко мне свое прелестное, похотливое кошачье личико. В прошлом году мы с ней однажды встретились на вечеринке. Уже тогда между нами пробежала искра, но нас как-то развели в разные стороны, и невысказанное взаимопонимание осталось всего лишь обещанием.

И вот она наконец передо мной, стройная, с торчащими гру-дями, именно такая, какой я запомнил ее, с экзотическими рас-косыми глазами, от которых в голове моей рождались фантазии, сцены игры в раба и господина. Она приоткрыла рот, облизала губы и сказала:

— Так вы не забыли меня?

¹ Полусвета (фр.).

Ее нежный венгерский акцент чуть не выбил у меня почву из-под ног. Но я овладел собой и холодно сказал:

— Конечно, детка, как тебе жилось?

(Некоторая бессердечность, грубоватое равнодушие — вер-ный и единственный ключ к успеху в этой игре.)

Она широко раскрыла глаза. Как сомнамбула, подошла ко мне и обвила руками мою шею. Ее груди прижались к серебря-ным оборкам моего костюма, немного прижав их; она привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до моих склоненных к ней, усме-хающихся губ. Волшебное мгновение! И вдруг в нашей крохот-ной спальне кто-то громко чихнул.

Мы отпрянули друг от друга. Я включил свет и увидел гро-мадного блондина, рассеявшегося в двухместном кресле в углу комнаты. Он держал в руке блокнот и что-то царапал в нем ог-рызком карандаша.

— Объясните, что вам здесь нужно, — прорычал я угрожающе.

Блондин поднялся — и я увидел, что он действительно очень большой.

— Продолжай заниматься тем, чем занимался, пупсик, — сказал он. — Я тебя изучаю.

— В самом деле? — спросил я. — А зачем собственно?

— Затем, что я хочу стать похожим на тебя.

Тут Сисси ушла. Даст Бог, повезет в следующий раз!

Я побеседовал с Билли Берсеркером, как он мне представил-ся, и узнал, что некто по прозвищу Профессор послал его изу-чать меня. Несколько слов из описания наружности Профессо-ра было достаточно для меня. Черт бы побрал этого Кромптона!

— Да, пожалуйста, изучайте меня, — согласился я, когда стало ясно, что выбора у меня нет. — По совести говоря, я сам подыскивал себе ученика, которому мог бы передать весь багаж своих великолепных познаний.

— Какое счастье, что мы встретились!

— Не правда ли? Я скоро встречусь с вами вновь и расскажу, как мы построим курс обучения. Пожалуйста, запишите свой адрес и телефон. А теперь идите домой и хорошенько подготовь-тесь к этой сложной работе.

Берсеркер, однако, на это не купился и покачал головой.

— Я сам буду выбирать время и начинаю прямо сейчас.

— Но я ваш учитель, — заметил я ему. — И мне виднее, как лучше.

— Это верно, только я еще не верю тебе.

— И что же вы предлагаете?

— Я буду при тебе постоянно, буду за тобой наблюдать, как велел Профессор.

— Мой дорогой друг! Да это просто немыслимо! Хотя бы потому, что я не смогу вести себя естественно — я имею в виду эффект Гейзенберга, если вам это о чем-то говорит. А в таком случае вам нечего будет изучать.

Берсеркер выпятил челюсть — очень неприятная манера! — и сказал:

— Или ты будешь вести себя естественно, или я вытрясу из тебя всю душу!

— И что вам это даст? Ни один самоуверенный человек не сможет вести себя естественно после побоев.

Он тяжело задумался. Я почти физически ощущал, как ленивые извилины в его мозгу ворочаются с боку на бок в попытках упростить полученную информацию до состояния, доступного его пониманию. Наконец он заявил:

— Если ты не будешь вести себя самоуверенно, я убью тебя и найду кого-нибудь другого, чтобы брать с него пример.

Я выдавил из себя веселый смешок.

— Но ведь я-то самый лучший, — напомнил я ему. — В сущности, я единственный по-настоящему уверенный в себе человек на этой планете. Вам придется перенимать второсортные манеры, и в результате сами вы станете в лучшем случае третьесортными.

— Но я и вправду хочу учиться у тебя, — сказал он. — Я же вижу — ты как раз то, что мне нужно.

— Вот тут вы правы, — сказал я, игриво похлопав его по плечу. — Вы моментально обретете уверенность в себе, если будете во всем меня слушаться.

— Спасибо, — сказал он. — Пусть это будет мой первый самоуверенный поступок: я буду следовать за тобой по пятам и не спущу с тебя глаз ни на минуту, как мне велел Профессор.

И это было его последнее заявление. Бандитское заявление, честное слово! Но мы еще посмотрим, кто кого!»

Глава 11

Из тайного дневника Джиллиам:

«Я наконец решилась — ушла от Эда, хотя он явно этого не хотел. Сначала я почувствовала такое облегчение! Но потом Гвендквайфер разнюнилась, и все сделалось беспросветно унылым, и я вспомнила, как нам хорошо порой бывало с Эдом, и в

конце концов я сказала ему, что передумала и возвращаюсь, а этот негодяй послал меня подальше!

Я знаю, это все его дружок с птичьим личиком, его влияние. После его появления Эд словно взбесился. (Эд, конечно, и раньше был несколько сумасбродным. Он говорит, что это у него от предков по материнской линии, сицилийцев, и от предков со стороны отца — афганцев. Я, правда, не разбираюсь в этих типах из стран третьего мира.)

Гвендквайфер буквально сводит меня с ума. Она без конца твердит, что скучает по своему папочке; ну ладно, Бог с ней, но она говорит, что скучает по папочкиным подружкам, а это уже чересчур — выслушивать такое от собственной дочери! Впрочем, чего я заиклилась на этой ерунде?

Несмотря ни на что, я все-таки решила вернуть Эда, хотя он заслуживает только того, чтобы всадить ему в сердце кол, оборотню поганому! Но он отец Гвен, и в общем-то он не хуже других мужчин. Вся проблема в том, что Эд сам не понимает, что хочет, чтобы я вернулась к нему, и виноват во всем этот недоносек, выдающий себя за родственника Эда. Я не больно разобралась в их родственных отношениях, но тут, верно, не обошлось без сицилийского и афганского кланов. Может, он напустил на Эда какую-то порчу, а может, Эд изо всех сил старается доказать свои дурацкие мужские достоинства? Он всегда был немного легкомысленным, но теперь зашел слишком уж далеко».

Другой отрывок:

«Я много раз звонила ему, я следила за ним и заметила, что возле Эда все время крутится огромный блондин, которого я никогда раньше не видела. Откуда он взялся? Их теперь водой не разольешь, и все это весьма похоже на какое-то извращение. Неужели Эд — гомик? Зарежьте меня, никогда бы не подумала. По-видимому, здесь что-то другое».

И еще отрывок:

«Этот блондин-гигант знает и Кромптона! Похоже, вся эта троица что-то замышляет. Но что? Придется выяснить, в чем тут дело».

Глава 12

Кромптон спокойно разгадывал кроссворд, когда в дверь неожиданно громко постучали. Он открыл ее, и Джиллиам ворвалась в комнату, требуя ответить ей, что он собирается делать с ее мужем.

Глава 13

— Я хочу, чтобы он соединился со мной, — ответил Кромптон.

— Что значит — соединился? Это что еще за фокусы?

— Разве вы ничего не знаете? — сказал Кромптон. — О вирусной шизофрении, дюрьеровых телах, реинтеграции?

— Что-то такое однажды показывали по телевизору. Так вы хотите сказать, что Эд и вы...

— Мы — это результат заболевания вирусной шизофренией, — объяснил Кромптон. — Мы с ним две части одного целого. Есть еще третья часть, Дэн Стэк, который живет на планете Йигга. Все трое мы являемся компонентами одной личности. И ни один из нас не может быть полноценным человеком без двух других частей.

— Продолжайте, — потребовала Джиллиам.

— Вы что-нибудь понимаете в реинтеграции? Лумис и Стэк — два моих компонента — имеют возможность покинуть свои тела (всего лишь дюрьеровы заменители) и соединиться в моем собственном, подлинно человеческом теле. В случае удачи произойдет слияние и трансформация, в результате которой мы станем полноценной личностью.

— Не так быстро, — попросила Джиллиам. — Я хочу разобраться с этими телами. Все присоединятся к вам, так, что ли? Хорошенькое дело! И, как я понимаю, вы будете главным?

— Да, — сказал Кромптон. — Ведь я и есть самая полноценная личность из нас троих, и это мое тело.

— А что станет с их телами?

— Они рухнут и умрут. Но это будет ненастоящая смерть, потому что индивидуальность, разум, «я», которое осознает себя Эдгаром Лумисом, уцелеет.

— Так, я разобралась, — сказала Джиллиам. — И я отвечаю — нет!

— Простите, я не понял.

— Он так легко от меня не отделается!

— О чем вы говорите?

— Этот фокус у вас не пройдет! — усмехнулась она презрительно. — Он что, в самом деле собирается ударить от меня, умертвив свое тело и отправив свою так называемую личность таскаться по дальним планетам? Фигушки, братишка, на-кося выкуси! Наверняка найдется такой закон, который не позволит превращать моего законного супруга черт знает в кого! А иначе чего стоит супружеский обет? Любой суд в Галактике подтвердит мои права.

И прежде, чем Кромптон успел ответить — если у него было что ответить, — она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Спустя несколько дней Кромптон встретился с Лумисом за ленчем в «Каза Ортодонтия», единственном на Эйе мексиканском ресторане. Кромптон немного припозднился, и к столику его проводил хозяин, величавый и дородный Эл Данте, бывший стоматолог из Эльмиры, штат Нью-Йорк.

— Заставляете ждать себя, — упрекнул его Лумис.

Как всегда, он был прекрасно одет. На нем был ворсистый джемпер в стиле Тони из Пимлико, ботинки от «Харбингера и Омена» позвякивали колокольчиками, встроенными в каблуки, а разноцветный пояс, сплетенный из крыльев японских жучков, великолепно подходил к синим клетчатым подтяжкам. Но несмотря на всю свою элегантность, Лумис выглядел неважно: нижняя губа его дрожала, выдавая внутреннее смущение.

Изучив меню, Кромптон заказал довольно старомодную комбинацию под номером два. Лумис предпочел экзотический тридцать седьмой номер. Они обменялись несколькими светскими фразами, но в конце концов Лумис не выдержал:

— Послушайте, Кромптон, прекратите наконец все это.

Кромптон вопросительно поднял брови.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Об этом белобрысом придурке, которого вы натравили на меня.

— Вы имеете в виду Билли Берсеркера?

— Теперь он зовет себя Сэмми Слик, — сказал Лумис. — Думаю, вам интересно будет узнать, что он живет с моей женой. И это единственное, что меня утешает во всем этом безобразии. Я принадлежу себе только в те, к сожалению, редкие мгновения, когда он с ней. А так он прилип ко мне ближе, чем моя собственная тень — даже ночью он рядом!

— У этого юноши серьезные намерения, — сказал Кромптон.

— Но из него никогда ничего приличного не получится. Трущобные ворюги — вот его компания, пусть с ними и якшается.

— Что ж вы сами-то не посоветовали ему это?

— Он просто записал мой совет в блокнот и продолжает преследовать меня. Кромптон, вы должны избавить меня от него! Я ничего не могу делать, когда он рядом. Как я могу выполнять мою работу — обольщать богатых женщин, — когда он толчется у меня под ногами! Элистер, как бы сильно вы ни обижались на меня, все равно это несправедливо — лишать человека средств к существованию.

Кромптон тщательно прожевал энчиладу, приготовленную из моркови и грецких орехов, потом аккуратно вытер губы.

— Лумис, — сказал он, — ваши доводы совершенно неуместны в данной ситуации. Наши разногласия — это не разногласия между двумя людьми. Это ссора между двумя частями одного человека. Согласен, обстоятельства весьма необычные, но в этом-то и есть суть проблемы. Для разрешения внутриличностных конфликтов не существует никаких правил.

— А я думаю иначе, — сказал Лумис. — Вы многое упускаете из виду. Да, мы части одной личности, но в то же время я живу отдельно и самостоятельно, и закон признает как мое право на такое существование, так и мое неотъемлемое право отказаться от реинтеграции, если я ее не желаю.

— Я много думал об этом, — сказал Кромптон. — Да, вы имеете законное право поступать как вам нравится — но не моральное право. Иначе говоря, я морально обязан свести всех нас воедино.

— Не вижу оснований, — возразил Лумис.

— Я считаю, — сказал Кромптон, — что жить надо по законам эволюции: организм должен постоянно обновляться, иначе наступает вырождение и смерть. Закон жизни — простите мою выпренность — побуждает меня восстановить утерянное. И ни о каком желании или нежелании не может идти речи. Если бы это зависело только от моего вкуса, я, скорее всего, постарался бы забыть обо всем и жить в согласии с самим собой. Но жизнь предоставила мне возможность излечиться, и я должен воспользоваться ею, хотим мы этого или не хотим.

Некоторое время они молча поглощали пищу. Кромптон не понравились жирные манча-мантеки, а вот поджаренной фасолью в тыквенном соусе он остался доволен. Лумис же с алчностью аллигатора заглатывал груши, фаршированные горячими маринованными перепелиными язычками, и запивал их из большого графина фруктовым «Антраша'44». Эл Данте с чопорным лицом и бегающими выпученными глазами бизнесмена подошел поинтересоваться, удовлетворены ли дорогие клиенты, а потом отправился обслуживать Билли Берсеркера, который уселся за соседний столик с блокнотом и огрызком карандаша в руках. Лумис сосредоточенно потыкал вилкой кусочек цапли. Потом холодно посмотрел на Кромптона, подчеркнуто медленно выговаривая слова:

— Теперь послушайте меня внимательно, Элистер. По характеру я легкомысленный, беззаботный, незлопамятный человек. И не в моих правилах иметь на кого-то зуб или — упаси Бог! — применить против кого-то насилие. Но в данном случае я готов изменить своим правилам. Вы слишком сильно прижали меня, будь я проклят.

— Можете сыграть это на своей машине самовыражения, — с некоторой долей ставшей уже привычной жестокости произнес Кромптон.

У Лумиса задрожали и побелели ноздри. Он встал, стараясь сохранить достоинство.

— Ладно, Элистер. Вы думаете, только вы обладаете силой воли и решительностью? Посмотрим. Помните, я предупредил вас.

Он вышел из ресторана в сопровождении Берсеркера, который оглянулся в дверях и подмигнул Кромптону.

Глава 14

В тот же вечер, когда Кромптон собирался выйти прогуляться, дверь его комнаты неожиданно распахнулась. Вошел Лумис, оглядел все вокруг, захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

— Ладно, ваша взяла, — сказал он. — Я решил согласиться на реинтеграцию.

Внезапное подозрение заглушило первый порыв радости Кромптона.

— Почему вы передумали?

— Это имеет какое-то значение? Разве мы не договорились обо всем?

— Прежде всего я хочу знать, почему вы решились.

— Это трудноато объяснить. Может, поговорим об этом после...

Раздался громкий стук в дверь.

— Я знаю, что ты тут, Лумис! — пробасил за дверью Берсеркер. — Выходи, или я сейчас войду!

У Лумиса затряслись руки.

— Мне угрожают физическим насилием. В конце-то концов, он куда здоровее меня, Элистер! Пожалуйста!

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

На лбу у Лумиса выступили капли пота.

— Сегодня зашла ко мне Джиллиам, ну и... В общем, сами знаете, как это бывает...

— Я знаю, как это бывает с *вами*, — сказал Кромптон. — И что же случилось потом?

— Этот ненормальный Берсеркер застал нас в постели и совсем спятил от ревности. Представляете? Меня чуть не убили за то, что я сплю с собственной женой! Все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. Знали бы вы, что этот псих хотел сделать со мной!

Дверь начала поддаваться под тяжелыми ударами.

Кромптон повернулся лицом к своему компоненту.

— Давайте, — сказал он, — будем реинтегрироваться.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу: две части, взыскующие целостности, два края пропасти, соединенные мостками; новая *gestalten*¹, трепещущая на пороге бытия. Лумис вздохнул, и его дюрьерово тело, словно тряпичная кукла, рухнуло на пол. В тот же миг колени у Кромптона подогнулись, как будто ему на плечи ввалили тяжелый груз.

Не выдержали и петли у двери, и Билли Берсеркер ввалился в комнату.

— Где он? — заорал Билли.

Кромптон указал на распростертое на полу тело.

— О! — в замешательстве произнес Берсеркер. — А впрочем, так ему и надо, этому паршивому ублюдку. Но к кому теперь мне идти учиться, Профессор? Что мне делать?

— Возвращайтесь к своему прежнему занятию — калечить людей, — посоветовал Кромптон. — Это вам лучше всего удается.

Часть третья

Глава 1

Путь от Эйи до Йигги далек, как его ни измеряй: субъективным ли временем или в световых годах. На этой трассе еще не использовались новые навигационные устройства, так что кораблю — западно-галактическому клиперу — пришлось медленно, по старинке преодолевать расстояние с помощью побочных спиралей в псевдопространственных структурах.

Кромптон не имел ничего против такого неспешного способа передвижения. Оно обеспечивало ему так необходимый после неурядиц на Эйе отдых и предоставляло возможность поближе познакомиться с персоной, с которой он теперь делил свою голову.

Реинтеграции в полном смысле слова, то есть слияния разрозненных частей в единое целое, конечно, не произошло, поскольку такое возможно лишь при наличии всех составляющих данной личности, да и то результаты бывают разные.

В первый день Лумис был молчалив и подавлен. Кромптон его почти не чувствовал. Но после хорошего сна Лумис явно оправился. Он принял предложение Кромптона, чтобы каждый из них по очереди брал на себя контроль над телом. Они были очень вежливы и предупредительны друг с другом, словно двое незнакомцев, вынужденных временно делить ночлег.

«Медовый месяц» кончился на третьи сутки в полдень. Кромптон съел легкий завтрак, подремал, принял холодный душ и уселся за кроссворд.

Немного спустя Лумис заявил:

— Мне скучно.

— Почему бы тебе не помочь мне с кроссвордом? — предложил Кромптон. — Это колоссальное удовольствие.

— Ну уж нет! — сказал Лумис с таким отвращением, что Кромптон содрогнулся.

— Тогда чем бы ты хотел заняться?

Лумис сразу повеселел.

— А что, если пойти в бар и подобрать там себе какое-нибудь дельце?

¹ Gestalt — форма, личность, структура (нем.).

— Дельце?

— Ну женщин. Или женщину. Я забыл, что нам с тобой и одной хватит.

Кромптон подскочил как ошпаренный и сказал сдавленным голосом:

— Ни в каких женщинах мы не нуждаемся.

— Ни в каких?

— Абсолютно ни в каких.

— Да в чем дело, ты что — гомик? Тогда, конечно, придется что-нибудь придумать.

— У меня нормальные сексуальные наклонности, — отрезал Кромптон. — Но в настоящее время я не собираюсь этим заниматься.

— Почему? — кротко поинтересовался Лумис.

— У меня на это есть свои причины.

— Понятно, — спокойно согласился Лумис. — Ну что ж, дело твое, конечно.

— Меня радует твое благоразумие.

— Каждому свое, как говорил один философ. Мне спешить некуда. Почему бы тебе не вздремнуть часок-другой, а я пока займусь нашим телом и своими делами?

— Ну нет, — сказал Кромптон. — Ни в коем случае.

— Минуточку, — сказал Лумис. — А что, у меня нет права решать, что хочет наше тело?

— Конечно есть, — сказал Кромптон. — Во всех других вопросах я буду куда сговорчивее, вот увидишь. А пока займись чем-нибудь другим — каким-нибудь хобби, например.

— Единственное мое хобби — это секс, — заявил Лумис. — Кроме того, это единственное мое занятие. Да пойми же, Эл, секс — это нормальная физиологическая потребность, такая же, как потребность в еде, и никто не заставит меня думать иначе!

— Я все прекрасно понимаю, — сказал Кромптон. — Но я считаю, что отношения с любимым человеком не сводятся к половому акту; это дело святое, кульминация любви, и поэтому *совершаться* это должно в атмосфере красоты и спокойствия.

— Элистер, ты что, взаправду девственник? — спросил Лумис.

— Какое это имеет значение? — возмутился Кромптон.

— Я так и думал, — с грустью сказал Лумис. — Пожалуй, придется просветить тебя насчет секса. Это действительно, как ты только что сказал, вещь великолепная, высокодуховная. Но кое-что ты упустил из виду.

— Что?

— А то, что секс — это еще и развлечение. Ты хоть раз в жизни развлекался по-настоящему?

— Я только мечтал об этом, — с тоской в голосе признался Кромптон.

— Так к черту мечтания! Дай мне на время контроль над телом. Развлечения — это моя стихия! Ты заметил, какая блондиночка сидела напротив, когда мы завтракали? Или сначала поищем кого-нибудь еще?

— То, на что ты намекаешь, просто исключено! — заорал Кромптон.

— Но Эл, ради моего здоровья и спокойствия духа...

— Хватит об этом, — сказал Кромптон. — Это мое тело, не правда ли? Я постараюсь утешить тебя как-нибудь иначе, но о сексе забудь.

Лумис больше не выступал, и Кромптон решил, что с этой деликатной темой покончено. Но очень скоро, когда они обедали в главном ресторане корабля, его заблуждение развеялось.

— Не ешь креветок, — сказал Лумис, когда подали закуску.

— Почему? Ты же любишь креветки. Мы оба их любим.

— Не важно. Мы не будем их есть.

— Но почему?

— Потому что они трейф.

— Не понял?

— Трейф — это еврейское слово, означающее нечистую пищу, евреям ее есть не полагается.

— Но Эдгар, ты же не еврей.

— Я только что обратился.

— Что? Что ты сказал?

— Я только что стал иудеем. К тому же ортодоксальным — не каким-нибудь современным неряшливым обрезком, благодаря покорно!

— Эдгар, это просто смешно! Невероятно! Не можешь же ты вот так, с бухты-барахты стать евреем?

— Почему нет? Или ты думаешь, что я не способен на религиозное откровение?

— Ничего более безумного в жизни не слыхал! Черт возьми, зачем тебе все это? — спросил Кромптон.

— Чтобы сделать тебе подлянку, или цорес, как говаривали мои предки по новообретенной религии. Боюсь, что вся эта еда нам не подходит.

— Почему?

— Это же не кошерная пища¹. Давай позовем стюарда и поговорим с ним. У них должны быть блюда, пригодные для верующих иудеев.

— Не стану я никого звать из-за твоего дурацкого богохульного заскока! Абсурд какой-то!

— Конечно, для такого гоя², как ты, это всего лишь абсурд. Слушай, как ты думаешь, на этой посудине есть шул³? Если я буду соблюдать диету согласно нашим законам, помолиться ведь тоже не помешает, а? И я хочу узнать у капитана, есть ли на корабле мои земляки-единоверцы: может, наберется миньян⁴, а нет — так хотя бы сыграем в бридж.

— Мы ни с кем не будем говорить! Я в этом не участвую!

— Ты запрещаешь мне исповедовать мою веру?

— Я не позволю тебе делать из меня дурака и издеваться над религией!

— Значит, ты вдруг стал высшим судьей в вопросах религии? — сказал Лумис. — Теперь, Кромптон, я знаю, кто ты такой, ты — неотесанный казак! Ой, за что мне этот мазел⁵ — надо же было попасть в башку такого фанатика! Кстати, ты не будешь оскорблен в лучших чувствах, если я возьму Библию в судовой библиотеке и почитаю ее про себя? Я займусь этим в каюте, чтобы не поставить тебя в неловкое положение.

— Лумис, хватит играть у меня на нервах! На меня уже и так люди смотрят. — Диалог Лумиса и Кромптона проходил неслышно, само собой разумеется, но на лице Кромптона, особенно в глазах, отражались возникавшие во время разговора эмоции, и в самый разгар беседы лицо его дергалось, словно счетчик спидометра. — Давай спокойно закончим обед, а потом обсудим, хм... все сразу.

— Что значит все сразу?

— Только то, что я сказал.

— Кромптон, уж не хочешь ли ты отлучить меня от вновь обретенной религии?

— Ни в коем случае. Я просто считаю, что мы можем прийти к согласию... хм... по всем вопросам. Давай есть суп.

— А что за суп?

¹ Разрешенная по законам иудаизма еда (*идиш*).

² Гой — не еврей, иноверец (*идиш*).

³ Школа (*идиш*).

⁴ Число, количество (*идиш*). Кворум, необходимый для отправления публичного богослужения (не менее 10 мужчин в возрасте старше 13 лет).

⁵ Счастье (*идиш*).

— Куриный бульон с ячменным отваром. Ну попробуй хотя бы.

— Ладно, только бисел¹. Но если ты думаешь, что это значит, что...

— Потом, потом потолкуем, — сказал Кромптон. — А теперь, *пожалуйста*, ешь суп.

Дальше обед проходил спокойно, только при переменах блюд Лумис неустанно поминал свою еврейскую маму. Покончив с обедом, Кромптон расслабился, задремал и в рассеянности упустил контроль над телом.

Лумис ловко воспользовался случаем и тотчас вступил в разговор со смешливой рыжеволосой дамой за соседним столиком. Она оказалась женой дизайнера по шлюзам с планеты Дрюиль V, а на Йиггу летела к родителям отдохнуть. Звали ее Алиса-Джун Нетти. Небольшого роста, очень живая, с сияющими глазами и стройной, но округлой фигуркой, она тоже скучала в этом долгом космическом путешествии.

Отстраненный, витающий в облаках Кромптон затуманенным взором наблюдал за развитием интимных отношений, за их подмигиваниями и кивками, жестами и легкими, не всегда пристойными намеками. Вскоре они уже танцевали, а потом Лумис великодушно отступил и предоставил Кромптону контроль над телом. Кромптон нервничал, краснел, ноги порой не слушались его, но он был безмерно доволен собой. И обратно к столику провожал ее уже *Кромптон*, и поговорил с нею немного тоже *Кромптон*, и *Кромптон* касался ее руки, в то время как вероломный Макиавелли-Лумис поглядывал на них со стороны.

В три часа ночи по корабельному времени бар закрыли. После прощального обмена любезностями с дамой Кромптон, пошатываясь, добрался до своей каюты на палубе Б и, счастливый, свалился в койку. Это был самый веселый день в его жизни. И теперь ему хотелось поваляться в постели и посмаковать свои впечатления.

Но это не входило в намерения Лумиса.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что?

— Быстренько посикаем и — вперед! Нас же пригласили!

— Я не слышал никакого приглашения, — сказал озадаченный Кромптон.

— Она же недвусмысленно назвала номер своей каюты, —

¹ Немного (*идиш*).

сказал Лумис. — А если учесть события этого вечера, то это было даже не приглашение, это было требование.

— Неужели все так и делается? — спросил Кромптон.

— Да, обычно именно так.

— Не могу поверить!

— Честное слово, Элистер, уж у меня-то есть опыт в этих делах. Так пошли?

Кромптон заставил себя подняться, но тут же снова свалился поперек постели.

— Нет, не хочу... не могу... То есть я хочу сказать, у меня нет...

— Да в таких делах отсутствие опыта — вовсе не проблема, — сказал Лумис, усаживая Кромптона на кровати. — Природа щедро помогает всякому раскрыть тайны важного, с ее точки зрения, акта, который совершают все живые существа, оказавшись вместе. Должен обратить твое внимание на то, что бобры, еноты, гремучие змеи, скарабеи и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, легко справляются с тем, что тебе представляется непреодолимым затруднением. Ты не должен унижать род человеческий, Эл!

Кромптон встал, вытер пот со лба и сделал два нерешительных шага по направлению к двери. Потом вернулся и снова сел на кровать.

— Нет, это невозможно.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Женидьба, — стал спокойно объяснять ему Лумис, — как свидетельствует вся история гомо сапиенс, изобретена совсем недавно. Задолго до этого существовали мужчины и женщины, и, соответственно, были между ними и определенные сексуальные отношения. Законы природы всегда выше и сильнее законов человеческих.

— И все же я считаю это аморальным, — вяло сопротивлялся Кромптон.

— Но с чего ты так решил? — удивился Лумис. — Ты-то не женат, а значит, твои действия ни у кого не могут вызвать нареканий.

— Однако молодая леди замужем.

— Да, замужем. Но это ее проблемы. В первую очередь она человек, а вовсе не собственность своего мужа. Богом ей дано право распоряжаться собой, и мы должны уважать это право.

— Мне такое и в голову не приходило, — сознался Кромптон.

— Итак, это по поводу жены. А что касается мужа — раз он ничего не узнает, он и не будет страдать. Более того, он даже выиграет. Алиса-Джун, чтобы загладить свою вину, будет с ним нежнее, чем прежде. Он все это отнесет на счет своей сильной личности, и его «я» воспрянет. Вот видишь, в результате всем будет только лучше и никто не пострадает. Разве это не замечательно?

— Все это пустая софистика, — проворчал Кромптон, снова вставая и направляясь к выходу.

— Давай, детка, — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. И тут же, будто что-то ударило ему в голову, захлопнул дверь и опять улегся в постель.

— Ну что еще? — спросил Лумис.

— Твои доводы, — сказал Кромптон, — могут быть справедливы или несправедливы — не мне о том судить, у меня нет опыта в этих делах. Но одно я знаю точно; *ничего такого я делать не буду, пока ты наблюдаешь за мной.*

Лумис был ошарашен.

— Будь ты проклят, Эл! Здесь нет ни тебя, ни меня. Я — это ты, и ты — это я. Мы две части одного целого!

— Еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два разных человека в одном теле. Потом, когда мы воссоединимся с Дэном Стэком и все трое сольемся в настоящей реинтеграции... Тогда другое дело. Но при нынешних обстоятельствах элементарное чувство приличия за-прещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это просто немыслимо, и оставим эту тему.

Лумис погрузился в гневное молчание. Кромптон разделся, натянул на себя пижаму и лег спать.

Глава 2

На следующее утро за кофе Кромптон заявил:

— Мне кажется, нам надо серьезно поговорить.

— Что у тебя на уме, дружище? — насмешливо спросил Лумис.

— Хочу напомнить, что нам предстоит важное и опасное дело. Мы должны разыскать и присоединить к себе Дэна Стэка, и как можно быстрее, поскольку наше положение сейчас в высшей степени ненадежно. И с этой минуты — никаких выпивок и

развлечений, отложим все это до лучших времен. Сейчас у нас есть чем заняться. А повторения вчерашнего я не допущу. Тебе ясно?

— Элистер, с тобой нелегко ладить, — устало сказал Лумис с ноткой печали и разочарования в голосе. — Я согласен, все это ужасно серьезно, но сейчас-то мы сидим в звездолете, и делать нам совершенно нечего.

— Я все обдумал, — сказал Кромптон. — Мы с пользой проведем время, занявшись изучением хот-йиггского языка, самого распространенного диалекта на планете Йигга.

— Учить язык, только и всего? У меня нет склонности к таким вещам.

— Тогда ты будешь сидеть тихо, а я позанимаюсь языком.

В корабельной библиотеке Кромптон нашел книгу Бендера «Диалектные варианты общеупотребительных выражений в хот-йиггском языке» и приступил к занятиям. Лумис развлекался, вспоминая подробности прошлого вечера, пока Кромптон не попросил его прекратить, так как это мешало ему сосредоточиться.

После ленча Кромптон вздремнул, потом еще час упражнялся в языке, потом поразгадывал кроссворд. Лумис не возражал. Но вечером ему захотелось стаканчик пива. Кромптон с радостью откликнулся на его просьбу — он вовсе не был законченным пуританином.

У пива был немного странный привкус. Кромптон сказал об этом Лумису. Лумис что-то ответил, но его слова растворились в необъятной, оглушающей пустоте, в которую вдруг целиком погрузились Кромптон. Столы, стулья, ярко-желтые салфетки закружились вокруг него хороводом, и он отключился.

Кромптон пришел в себя только на следующее утро. С опухшими глазами, резью в животе и невыносимой головной болью он сел в постели. Каюта выглядела так, как будто Тамерлан и воины Золотой Орды этой ночью отпраздновали в ней свою победу. На полу валялись бутылки, в пепельницах было полно окурков. Кругом были разбросаны различные принадлежности туалета, некоторые из них — явно женские. Ноздри Кромптона заполнил запах дешевых духов, смешанный с острым ароматом запрещенных наркотиков.

Кромптон, покачиваясь, встал на ноги. Левое бедро болело. Наклонившись, он увидел на нем следы укусов. Разглядел он и

пятна губной помады у себя на груди. Было немало других признаков половой неводержанности, о которых Кромптон даже думать стеснялся.

— Лумис, — сказал он, — ты опоил меня наркотиками, использовал мое тело и устроил тут безобразный дебош. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Только одно: плевал я на твои приказы, — нагло заявил Лумис. — По какому праву ты командуешь мной? Я тебе не раб! По всем законам я тебе ровня! А потому пусть днем тело принадлежит тебе, а по ночам — мне!

Кромптон с трудом сдерживал себя.

— Тело будет твоим только тогда, когда я тебе позволю!

— Но это несправедливо!

— Я бы с удовольствием уравнил тебя в правах на тело, если бы ты взял на себя также хотя бы минимальные обязанности. Но раз тебе на все наплевать, мне придется самому действовать в наших общих интересах.

— С какой это стати ты берешься судить о наших общих интересах? Типичный образчик свинско-фашистского мышления.

— Выбирай выражения! — предупредил Кромптон.

— Да пошел ты, свинья фашистская!

И тут терпение Кромптона лопнуло. Ярость овладела всем его существом. Его охватило властное желание покончить со своим отвратительным alter ego¹. Лумис, захваченный врасплох этим потоком разрушительных эмоций, пытался сопротивляться, стараясь восстановить нарушенное психическое равновесие.

Но все было тщетно. Ярость Кромптона неожиданно выработала в мозгу мощный поток антител — элементов психической энергии, подавляющих боль. Лумис боролся отчаянно: он знал, что, если частицы достигнут своей цели, он будет окончательно затерян, замурован где-нибудь в глухом забытом уголке сознания Кромптона.

— Элистер! — завопил он. — Не делай этого! Я тебе нужен для реинтеграции!

Кромптон услышал его и понял, что это правда. Собрав остатки разума, он подавил неожиданный всплеск, все еще бушевавший в его венах, и с громадным трудом восстановил контроль над своими чувствами.

Поток антител быстро иссяк, и Лумис, потрясенный, но целехонький, занял свое место.

¹ Другое «я» (лат.).

Сначала они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день, клялся и божился, что не простит Кромптону его жестокости никогда. Но он не умел ненавидеть. Все-таки в первую очередь он был сенсуалистом, жил сиюминутными ощущениями, не помнил прошлых обид и не задумывался о будущем. Его негодование улеглось, к нему вернулось прежнее, безмятежное настроение.

Кромптон как доминирующая часть личности признал свою ответственность за случившееся. Он упрекал себя за этот неистовый взрыв и очень старался поладить с Лумисом. Остальное время полета они поддерживали хорошие, хотя и немного натянутые отношения.

Наконец звездолет прибыл на Йиггу. Пассажиров отправили на спутник Индукцию, где они прошли таможенный досмотр и прочие иммиграционные службы. Им ввели сыворотки от ползучей лихорадки, чумы Зеленой реки, локотной гнили, рыцарской болезни, синдрома Чопстера, чесотки Галлорани и в конце концов позволили на челночной ракете спуститься в Йиггавиль.

Глава 3

Йигга была единственной планетой в системе карликовой звезды Иоаннис (БГТ-3444590). Грушевидная планета вращалась вокруг своего светила, отклоняясь в афелии на семь градусов семь минут, и по земным стандартам тянула на оценку 0,65892, а по минералам была типичным представителем класса Си, если не принимать во внимание необъяснимое отсутствие молибдена.

На планете было четыре континента; три из них, сплошь покрытые лавой, были практически необитаемы, если не считать микроскопических поедателей лавы и их паразитов. Четвертый континент, Клорапсемия, не уступал размерами Азии и Африке вместе взятым. Клорапсемия бесконечной неровной лентой извивалась вдоль экватора Йигги, климатом, флорой и фауной напоминая Землю в лучшие годы каменноугольного периода.

Коренные жители планеты, йиггане, вели свое происхождение от рептилий. Ростом около восьми футов, невероятно сильные, агрессивные и кровожадные, к тому же с недоразвитым чувством юмора, они представляли серьезную угрозу для немногочисленных землян, которые правили их планетой. Между двумя рабами то и дело разгорались необъявленные войны, осложненные

законом, запрещавшим убивать йигган, поскольку они находились под охраной межзвездных соглашений. Землян же эти соглашения не защищали, так как йиггане не признавали никаких законов, кроме собственных, которые, в свою очередь, не признавал никто, кроме них. Однако на их прегрешения смотрели сквозь пальцы, поскольку убивали они, как правило, самых никудышных, безработных землян, экономя тем самым для общества расходы на социальные нужды. К тому же земляне старательно замалчивали тот факт, что йиггане находятся в стадии вымирания и что уровень рождаемости у них упал до нуля после того, как земляне опрыскали планету суперциклоном «Б» — газом, стерилизующим рептилий и некоторые виды моли.

Йиггавиль, столица северо-западной Клорапсемии, был типичным тропическим городом с широкими пыльными бульварами, обрамленными палатками и ларьками, в которых улыбающиеся жители продавали блестящие кустарные безделушки, ходовой товар на процветающем рынке прикладного искусства на соседней планете Несбитт IV.

В ратуше Кромптон заставил упирающегося чиновника отыскать последний адрес Дэна Стэка. Это был город Ининой, центр добычи речного жемчуга на левом берегу Зеленой реки. Но добраться до него было непросто. Ининой лежал за Великим болотом Килби, занимающим площадь, равную всей Западной Европе, исключая Албанию. Одолеть это болото можно было только в составе какой-нибудь экспедиции, и Кромптону удалось отыскать небольшую группу, которая отправлялась в путь на следующее утро.

После бессонной ночи в отеле «Йигга», где смуглые плантаторы развлекались с визгливыми белокуроми гарпиями до самого утра, Кромптон направился на Коллекшн-стрит, откуда стартовала экспедиция.

Путешествие внутрь материка готовилось с большой тщательностью. Главным предметом забот были фелюги. Делали их из дерева типа земных бальзамовых; суда получались овальной формы и могли выдержать двенадцать человек или двух зирни. (Зирни, безрогие мулы с расклешенными копытами, прекрасно приспособлены для передвижения по болотам. Они похожи на восточно-индийских буйволов-амфибий, за одним только отличием: мускулы сфинктера расположены у них вокруг коленных суставов задних ног — а почему, этого никто не знает. Эти огромные, неутомимые животные способны с большой скоростью топтать по болотной жиже, состоящей из песка, воды, глины, со-

лода и кристаллов буры. Если их подстегнуть, зирни способны развить скорость до пяти миль в час или, еще лучше, расплескать своими ступнями-раструбами всю воду и таким образом создать временный проход, по которому можно легко отбуксировать фелюги. К недостаткам зирни относится их стремление к метаморфозам: в одно мгновение они могут превратиться в нечто плоское, длинное, похожее на бревно, и стать совершенно бесполезными для землян. Так что в некотором смысле они куда хуже своих земных сородичей, но зато отличаются беззлобным нравом и при этом вкусно пахнут.)

За довольно значительную плату Кромптон нанял себе зирни и погонщика. Пришлось также приобрести рюкзак, палатку, пластиковый розовый умывальник, походную кухню в оранжевом чехле, два компаса, запас питательных пилюль компактоплекса, швейцарский армейский нож и небольшой запас продуктов со сроком хранения двенадцать месяцев.

И вот наконец все готово. Начальник экспедиции дважды протрубил в носорожий охотничий рожок, и экспедиция отчалила, сопровождаемая хриплым пением гребцов-йигган. Вот как звучит весьма приблизительный перевод их песни:

Запутанными и странными путями дух тины
Переносит печаль в небеса и быстрые крылья в лицо
Тому, кто обитает в водных пустынях
и темных болотах Матери,
Чья тропа — ее ритуал и чьи смуглые нежные ноздри.

Точный перевод этого заунывного заклинания еще ждет своей публикации в специальной книге по психологии йигган. А пока можно лишь констатировать, что смысл большинства родовых песен Галактики остается для нас тайной за семью печатями.

Глава 4

Лумис сначала заявил, что он тоже будет участвовать в управлении телом. Но он слегка лукавил. На самом деле ему хотелось принимать участие в интересных событиях. Он жаждал ощутить запахи и вкус незнакомой пищи, испытать чувство утоления жажды, поглазеть на невиданные чудеса, послушать всякие забавные звуки. Но он не хотел осознавать и полностью ощущать все невзгоды этого путешествия.

А нескончаемый путь через болота, казалось, состоял из одних невзгод.

— Смотри в оба, — говорил Кромптон, и Лумис внезапно выпадал из мира грез, где он теперь почти все время пребывал, плавая в бесплотных просторах на волнах воображения, которые окутывали окружающий мир туманной полупрозрачной вуалью, и вдруг — трах! — и Лумис видит усталыми, слезящимися от боли глазами монотонную серо-зеленую растительность и грязные, искусанные насекомыми спины носильщиков.

Но что там визуальные впечатления — это еще куда ни шло! А вот вообразите, как вы, извлеченный из своего кокона, где не было никаких запахов, окунаетесь в атмосферу едкой вони, исходящей от носильщиков, смешанной с испарениями гниющих растений, напоминающими запах подгоревшего мяса, невыносимым хлорно-фиалковым зловонием от испражнений зирни и резким аммиачным запахом пота самого Кромптона.

То, что Кромптон, обладатель самого тонкого в мире обоняния, без жалоб и стонов терпел эту смердящую какофонию запахов, можно объяснить только поразительным стоицизмом этого человека. Лумис же находил ситуацию абсолютно невыносимой. (Запахи чуждых нам мест трудно описывать, но они куда более живо передают суть впечатлений, нежели зрительные образы. Кто не помнит утверждения Кларендона, что Алкмен V пахнет «точно как бизоний пердеж, пропущенный сквозь бочку протухшего козьего сыра»? Или слова Гриньбека о Гнуше II: «Запах смеси черной патоки и кольдкрема в животе разлагающегося муравья»?)

Но самым страшным в этом путешествии был даже не запах. Что было совсем невыносимо для добродушного, сонливого и ленивого Лумиса, так это необходимость время от времени брать на себя контроль над телом и страдать от экземы, которая разъедала кожу и непрерывно чесалась, гневно орать, напрягая охрипшее больное горло, на заевавшихся носильщиков, тревожно ожидать нападения туземцев, а самое главное — постоянно принуждать усталое тело двигаться вперед, подавлять желание наплевать на все и отказаться от этой дурацкой затеи. Лумис никогда не хотел пускаться в это безумное путешествие к цели, которая представлялась ему более чем сомнительной. К тому же, принимая на себя контроль над телом, он почему-то должен был во всем следовать приказаниям Кромптона, а это уж ни в какие ворота не лезло! Кромптон — идиот, он поставил их жизнь на карту, несмотря на энергичные протесты Лумиса, и теперь Лумис должен помогать и содействовать ему в этом? Дудки! Сопротивление Лумиса было вызвано одним из самых глубоких че-

ловеческих инстинктов: нежеланием оказаться в дураках. Таков был характер Лумиса, и нельзя судить его за нежелание, а потом и прямой отказ помогать Кромптону во время путешествия через болота. Тут он не мог быть союзником. Он был пленником, и ему выпадало немного света и свободы, только если он соглашался сотрудничать со своим тюремщиком. И честь ему и хвала, что он еще как-то боролся за свою собственную индивидуальность, да и самую жизнь теми ничтожными средствами, которые оставались в его распоряжении.

При всей необычности ситуации Лумис оставался личностью со всеми присущими ей правами. И что бы там ни говорили о неполноценности изолированного сегмента, принадлежавшего изначально другой личности, он прекрасно освоился с внешним миром. Многие люди с так называемой нормальной индивидуальностью считали бы, что им чертовски повезло, обладая они хотя бы десятой долей жизнерадостности Лумиса.

Лумис понимал, что для Кромптона он всего лишь средство добиться успеха, вещь, необходимая для превращения Кромптона в Суперкромптона путем ассимиляции и поглощения братьев по разуму. Сознать это было далеко не приятно. Лумис вынужден был смириться с этой мыслью, но надеялся, что не превратится в тень Кромптона.

Глава 5

— Хочешь сыграть на десятку? — предложил Лумису погонщик зирни.

— Почему бы и нет? — откликнулся Лумис.

Кромптон велел ему взять управление над телом, а сам решил перехватить часок-другой вполне заслуженного отдыха и немного соснуть. Лумис вел себя довольно сносно, если не считать его постоянных жалоб на боли в животе и тщетных попыток отравить существование Кромптона нехитрыми рассуждениями на тему: «оба мы погибнем, потерпев фиаско в этой безумной экспедиции». Он не принадлежал к числу молчаливых страдальцев.

А сейчас Лумис погрузился в игру ууув с погонщиком зирни. Погонщик принадлежал к народности груков — так называли себя креолы, родившиеся на Йигге. Он поставил на следующий ход большую сумму, и теперь его обычно гладкое лицо пошло рябью от возбуждения, с которым он наблюдал за Лумисом. Лумис прошептал молитву над парой кристаллов с расписными

гранями и бросил их в воронку из тикового дерева с зарубками внутри.

Кристаллы покатались и были пойманы фортуной на голубом витке спирали, подарив таким образом Лумису победу и выигрышную двадцатку.

На лице погонщика сквозь редкий желтенький пушок проступила бледность. Он рассчитывал на всем известную удачливость груков, и, как бывает в таких случаях, это сыграло с ним дурную шутку. На самом-то деле груки вовсе не так уж удачливы, потому что они слишком глупы, чтобы осознать собственную невезучесть. А погонщику еще и нечем было платить, за что его ждало крайне суровое наказание от Старого Рукса, самого сильного и самого глупого из всех груков в экспедиции, в чьи обязанности входило укреплять в груках священную веру в неполноценность их расы.

— Послушайте, мистер, — захныкал грук, — у меня есть для вас кое-что получше, чем деньги. Это секретная информация, которая для такого умного джентльмена, как вы, может представлять интерес и даже практическую ценность.

— Ха! Не можешь заплатить? — сказал Лумис. Он пронзил взглядом погонщика. В уголках его губ заиграла улыбочка, он согнал ее, и она переместилась в уголки губ его собеседника. — Черт побери, да деньги не имеют никакого значения. Что за информация?

Грук близко наклонился к Лумису и прошептал что-то ему на ухо. Глаза Лумиса вылезли из орбит. Он было нахмурился, но тут же позволил улыбочке вновь приподнять уголки своих губ.

— Это в самом деле интересно, — сказал он, — если не врешь.

— Я не вру, эфенди! — взвизгнул грук, в панике употребив словечко из языка народа, к которому он никак не мог принадлежать по своему происхождению.

Неожиданно проснулся Кромптон.

— Что тут творится? — спросил он.

Лумис непринужденно передал ему контроль над телом.

— Ничего особенного. Мы просто поболтали с парнишкой.

Погонщик съехался, шаркнул ножкой и испарился.

— Ты потрудились протереть тело досуха после похода? — спросил Кромптон.

— Естественно! За кого ты меня принимаешь?

— Не время ссориться, — сказал Кромптон. — Скоро экспедиция тронется в путь?

— Скоро, — сказал Лумис. — А знаешь, Эл, ты не так уж хорошо выглядишь.

Лумис имел в виду не тело, в котором они оба обитали; он намекал на самосознание Кромптона, которое каждый из них сохранял в неприкосновенности и посредством которого они общались.

Самосознание Кромптона было истощено, перетружено и напряжено до предела. Чтобы экспедиция не замедляла свое продвижение, он взвалил на себя кучу забот. Он организовал охрану лагеря по всему периметру от дьявольской ползучей травы, на что порой требовалась десятая часть всей экспедиции, и распределил между носильщиками ночные дежурства, которые до этого проходили без всякой очередности и вызывали массу скандалов и ругани.

Лумис оставался верен себе и ни в чем не помогал ему. Он признавал лишь один простейший способ обнаружения Стэка; обосноваться где-нибудь в комфортабельном отеле и написать ему письмо, а если из этого ничего не получится, нанять детектива.

Даже Кромптон потерял счет дням, проведенным в болотах с нескончаемым мышинным писком птиц бу-бу, мокрым шлепаньем и похрюкиванием пятнистых бурых аллигантилоп и постоянным стаккато, выбиваемым экстрактором сжатого воздуха. Дважды их отряд отбил незначительные набеги кочевых племен йигганских ренегатов и дегенератов, замаскированных под патриотов. В экспедиции за это время родились трое детей, а среди неженатых мужчин постарше разыгралась цинга. У интенданта совсем перевелся пудинг из тапиоки, и даже овсяные лепешки приходилось выдавать по нормам.

Но дух был тверд, и экспедиция продвигалась вперед — сложный микрокосм, пересекающий мокрое пространство.

Наконец в низких тучах появился просвет, на западе из болота выдвинулся мыс суши. Вскоре стали видны глинобитные крыши и белый забор сторожевой заставы Иниойо.

Экспедиция успешно подошла к концу. Оставалось только решить, кто первый насладится душем.

Глава 6

Иниойо оказался совсем маленьким городишкой. Кромптон зашел за постоянный двор на почту, откуда его сразу направили к потрепанному непогодой, крытому щепой домику на окраине.

Там, на покосившейся веранде, он обнаружил двух старичков, признавшихся, что они приемные родители Дэна Стэка.

— Точно, — сказал прокопченный солнцем крепкий старик с сильно выдающимся кадыком и пронзительными выпуклыми глазами на костлявом лице с высокими скулами. — Я был папа, — продолжил он просто, — она была мама.

— А малютка Дэн был хороший мальчик, — сказала старуха.

— Ну... — сказал старик.

— Да-да, это правда!

— А как насчет случая с лошадью мистера Уинтермьюта? — напомнил ей старик.

— Они никогда не докажут этого! У тебя уверенности-то побавилось бы, если бы ты выслушал и другую сторону.

— Но знаешь, Марта, лошадь теперь уже ничего не скажет, — сказал старик.

— А я не про лошадь говорю, старый ты дурачина! Я говорю — никто даже не выслушал Дэна.

— А не потому ли, старая, что он удрал из города, как тать в ночи, — сказал старик с той удивительной точностью в выражениях, которой необразованные люди порой достигают под влиянием больших количеств черного кофе.

— А как же, конечно, сбежал! — с негодованием сказала старушка. — Ему пришлось сбежать, не то его обвинили бы в ограблении банка.

— Может быть, вы знаете, где я могу найти его? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Лет пять, а то и шесть тому назад, — сказала старушка. — Ну а сейчас поди найди его. Клорапсемия — большой континент, хотя берега его очень изрезаны. У вас хорошее лицо, мистер! Поезжайте, найдите его, наставьте на путь истинный!

Она расплакалась, спрятав лицо в фартуке. Старик провел Кромптона мимо старого дуба на дощатую дорогу.

— Вы уж простите мою старуху, — сказал он. — С тех пор как Дэн ушел, прихватив с собой все, что попало под руку, в том числе и наши жалкие сбережения, мать совсем перевернулась.

— Понимаю, — сказал Кромптон. — Хочу, чтоб вы знали; я собираюсь отыскать Дэна и сделать из него цельного человека.

— Плюньте вы на него.

Старик сплюнул на свой шишковатый левый кулак, следуя какому-то туземному обычаю неизвестного происхождения, и побрел назад к покосившейся веранде.

— Забавный парень этот Стэк, — заметил Лумис. — Эл, в какую яму ты нас толкаешь?

— Да, он, пожалуй, человек не из приятных, — откликнулся Кромптон. — Но у нас просто нет выбора. Без него не будет реинтеграции.

Лумис тяжело вздохнул.

— Где, по крайней мере, находится этот У-Баркар?

— На юге, — сказал Кромптон. — В самой что ни на есть неизведанной глубинке этой допотопной планеты.

— О, Бог мой! Опять?

— Я доставляю нас туда. Я уверен, что справлюсь с задачей, чего бы мне это ни стоило.

— Знаю, знаю, — проворчал Лумис. — Разбуди меня, когда все закончится. И он заснул.

Глава 7

У-Баркар представлял собой скопление плантаций, на которых пятьдесят землян работали надсмотрщиками, а две тысячи аборигенов сажали, растили и собирали урожай с деревьев, произрастающих только на этой части планеты. Плоды *ли* созревали два раза в год и были незаменимой приправой к блюдам китайской кухни.

Кромптон встретился с десятником, краснолицым верзилой по имени Гаарис. На бедре у него болтался пистолет, а вокруг пояса был аккуратно намотан бич из удава.

— Дэн Стэк? — переспросил десятник. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом как-то внезапно исчез.

— Если вам не трудно, расскажите почему, — попросил Кромптон.

— Отчего же, пожалуй, — сказал десятник. — Только лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун. И там, потягивая пшеничное виски, поведал Кромптону историю Дэна Стэка.

— Он явился сюда с Восточного болота. Что-то у него там было с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Все мы здесь — или почти все — далеко не сахар, и думается мне, что там, в городах, были рады-раде-

шеньки избавиться от нас. Да-а-а... Так вот, я поставил Дэна надсмотрщиком над пятьюдесятью йигганами на поле в сотню акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с ними. — Десятник опрокинул стаканчик. Кромптон заказал еще и запла-тил. — Я ему советовал погонять их, чтобы от них был толк: здесь в основном работают аборигены из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный и крепкий. Мы заключили с их вождем контракт на двадцать лет в обмен на ружья. Этими же ружьями они пытаются расправиться с нами — ну да это уже другой разговор. У нас не принято делать два дела сразу.

— Контракт на двадцать лет? — уточнил Кромптон. — Выходит, йиггане фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился десятник. — Кое-кто из хозьев старается приукрасить это дело, называют его временной кабалой или феодальной экономикой. Но на самом-то деле рабство — оно и есть рабство, и нечего тут финтить. Да и другого способа цивилизовать этот народец просто не существует. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый, и с бичом управлялся — дай Бог каждому! Я думал, дело у него пойдет.

— Ну и... — подбодрил Кромптон десятника, заказывая очередную порцию виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Гаарис. — Лупил их своей удавкой, исправно получал свою долю и все такое прочее. Но не было у него чувства меры. Стал до смерти избивать своих ребят, а ведь замена тоже недешево стоит. Я угоривал его не перебарщивать, но он не слушал. Однажды его чипетцы взбунтовались, и ему пришлось пристрелить восьмь-рых, чтобы усмирить их. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил, что наша задача — заставить йигган работать, а не убивать их. Мы, конечно, списываем какой-то процент на потери, но Стэк зашел слишком далеко, и это стало сказываться на наших доходах.

Десятник вздохнул и закурил сигарету.

— Стэк слишком любил пускать в ход свой бич. Да и многим из наших парней это нравится, но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова подняли бунт, и ему пришлось прикончить целую дюжину. В драке он потерял руку. Руку с бичом. Думаю, чипетцы просто сжевали ее. Я поставил его на работу в сушиль-не, но и здесь он затеял драку и убил четырех чипетцев. Тогда терпение мое лопнуло. В конце-то концов, эти рабочие денег стоят, и мы не можем держать у себя бешеного идиота, который

вышибает из них душу, как только ему что-то не понравится. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда собирается идти? — спросил Кромптон.

— Он сказал, что йигган надо стереть с лица земли, чтобы расчистить пространство для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил десятника и спросил, где ему найти штаб-квартиру Бдительных.

— Они расположились лагерем на левом берегу реки Дождей, — сказал Гаарис, — и пытаются навязать свои условия сепаридам. Вам, видно, позарез нужен этот Стэк, а?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, ощущая внезапно подступившую к горлу тошноту.

Десятник внимательно посмотрел на него.

— Да-а-а, брат есть брат, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего брата я никого не встречал, а повидал я всякого на своем веку. Лучше не связывайтесь с ним.

— Я должен его найти, — сказал Кромптон.

Гаарис безнадежно махнул рукой.

— До реки Дождей дорога неблизкая. Могу продать вам вьючных мулов и провизию и прислать местного парнишку-проводника. Вы пойдете по замиренным районам, так что сможете спокойно добраться до Бдительных. Надеюсь, там все еще мирно.

Глава 8

Весь вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от продолжения поисков. Ясно ведь, что Стэк — вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким подонком?

Кромптон считал, что все не так просто. В конце концов, все эти рассказы о Стэке могли быть несколько преувеличены.

Но даже если все в них было правдой, это означало, что Стэк — всего лишь еще один стереотип, неадекватная моноличность, так же выпадающая за рамки нормальных человеческих отношений, как и Кромптон с Лумисом. Внутри целого, после слияния, Стэк станет другим. Он лишь восполнит то, чего недостает Кромптону и Лумису — внесет некую толику агрессивности, твердости, жизненных сил.

Лумис так не думал, но решил промолчать хотя бы до встречи с недостающим собратом.

Утром Кромптон за непообразимую цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении молодого чипетца по имени Рекки.

Девственными лесами вслед за проводником Кромптон вышел к острым горным хребтам Томпсона; потом долго карабкался на заоблачные вершины, пробираясь узкими гранитными ущельями, где ветер завывал, как мученик в аду, и наконец спустился в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону хребта. Лумис, напуганный тяжестью долгого пути, забился в самый отдаленный уголок сознания и возникал только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и висел гамак. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами брел, спотыкаясь, сквозь пышущие жаром джунгли, волоча на себе весь груз лишений и задаваясь вопросом, насколько еще хватит его сил.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть река Дождей. Двумя милями дальше они нашли лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, высокий, худощавый человек с серыми глазами, истощенный недавней лихорадкой, хорошо помнил Стэка.

— Да, какое-то время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. С одной стороны, его репутация... К тому же однорук. Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем другие — правой, да и культия у него заканчивалась бронзовым зажимом. Он сам его смастерил и сделал паз для мачете. Соображал парень, ничего не скажешь! Он был с нами почти два года. Потом я его отчислил.

— Почему? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению, мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы преследовать и казнить туземцев. Мы здесь для того, чтобы следить за соблюдением добровольного соглашения между йигганами и поселенцами, не допускать набегов как с одной, так и с другой стороны, а главное — чтобы поддерживать мир. Но втемашить это в тупую башку Стэка было трудно.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, и командир сочувственно кивнул ему.

— Вы ведь знаете, каков он, да? Так что легко представите себе, что случилось дальше. Я не хотел терять его. Он был силь-

ным, способным солдатом, легко освоил лесную и горную науку и в джунглях чувствовал себя как дома. Пограничные патрули разбросаны далеко один от другого, и у нас каждый человек на счету. Мы Стэка ценили. Я приказывал сержантам следить за ним и не допускать жестокости по отношению к туземцам. Сначала это действовало. Стэк очень старался. Поведение его было безупречным. И вдруг этот случай у пика Тени, о котором вы, полагаю, слышали.

— Нет, не слышал, — сказал Кромптон.

— Да ну? А я думал, на Йигге все знают о нем. Так вот как было дело. Патруль Стэка окружил сотню йигган из дикого племени, доставлявшего нам немало хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на пике Тени. На марше они учинили небольшую драчку. У одного из йигган был нож, он полоснул Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять вторую. Рана была пустяковая, но Стэк будто обезумел. Он пристрелил аборигена, а потом перестрелял и всех остальных. Остановить его не было никакой возможности, и лейтенанту пришлось вырубить его ударом по башке. В результате был нанесен страшный урон отношениям землян с йигганами. И я не мог оставить такого человека в своем полку. Ему необходим психиатр. Я его отчислил.

— Где он теперь? — спросил Кромптон.

— На что вам этот человек? — в свою очередь, раздраженно спросил командир.

— Мы родственники.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в порт Нью-Хэзлен и работал там в доках. Сошелся с неким Бартоном Финчем, оба попали в тюрьму за пьянство и дебош. Потом их выпустили, они вернулись на границу Белого Облака и теперь совместно владеют лавочкой где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и спросил:

— Как туда добраться?

— На каноэ, — ответил командир. — Нужно спуститься по реке Дождей до развилки. Ее левый рукав и есть Кровавая река. До самой Кровавой Дельты река судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это слишком рискованно. Во-вторых, бесполезно. Стэку помочь невозможно, он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, там он, по крайней мере, не сможет принести большого вреда.

— Я должен добраться до него, — выговорил Кромптон пересохшим ртом.

— Законом это не возбраняется, — сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Глава 9

Кровавая Дельта, как узнал Кромптон, находилась на самой границе освоенной человеком территории Йигги. Ее окружали враждебные племена грелов и тенгтцев; в отношениях с ними был достигнут непрочный мир, и приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В этом краю легко было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями и случайные находки, вроде резьбы по дереву из заброшенного города Альтерейна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое потом с энтузиазмом использовали против тех же торговцев и друг против друга. Так что в Дельте можно было обрести и состояние, и смерть — внезапную или же медленную и мучительную. В глубинах Кровавой реки, которая тихим потоком вливалась в самое сердце Дельты, таились свои, особые опасности, уносившие в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плавание.

Кромптон решительно отверг все разумные доводы. Теперь до Дэна Стэка, их недостающей части, было рукой подать. Конец их странствий был не за горами, и Кромптон намеревался достичь его. Он купил каноэ, нанял шестерых гребцов-туземцев, приобрел ружья, снаряжение, продовольствие и объявил о выходе из лагеря на следующее утро, на заре.

Ночь они провели в маленькой палатке на краю лагеря. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронами нагрудный патронташ и настолько погрузился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего вокруг.

— Выслушай меня наконец, — не выдержал Лумис. — Я признал тебя главным в нашем союзе. Я не предпринимаю попыток завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять бодрость духа, пока мы тащились по этой проклятушей Йигге. Верно?

— Да, — согласился Кромптон, неохотно откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но теперь с меня хва-

тит. Я тоже хочу реинтеграции, но не с маньяком-убийцей! И не толкуй мне о моноличности. Стэк — убийца, и я не желаю иметь с ним ничего общего!

— Он — часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон. Ты ведь самая трезвомыслящая часть из нас троих. А теперь тебя словно бес обуял — ты готов отправить нас на верную смерть в этой паршивой реке!

— Мы ее одолеем, — не очень уверенно сказал Кромптон.

— Одолеем ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают о Кровавой реке? Но предположим, мы благополучно пройдем эту речку — и что нас ждет в самой Дельте? Маньяк-убийца! Он нас прикончит, Эл!

Кромптон не нашел подходящего ответа. Чем больше в процессе поисков он узнавал о Стэке, тем больше ужасался и одновременно все сильнее хотел найти его. Лумис никогда не стремился к реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. Но Кромптона всю жизнь обуревала жажда выйти за искусственные рамки своей личности, стать полноценным человеком. Без Стэка это было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть даже призрачная.

— Мы продолжаем поиски, — сказал Кромптон.

— Ну пожалуйста, Элистер! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Эйю или на Землю.

Кромптон покачал головой.

— Ты не согласен? — спросил Лумис.

— Нет.

— Тогда держись, Эл!

Личность Лумиса неожиданно пошла в атаку и частично захватила контроль над двигательными функциями организма. Кромптон на мгновение остолбенел. Затем, почувствовав, что власть уплывает из его рук, схватился с Лумисом не на жизнь, а на смерть. Это была безмолвная война при свете коптящей керосиновой лампы, который с наступлением утра все больше бледнел. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу должно было стать тело Кромптона, которое тряслось мелкой дрожью в парусиновом гамаке и обливалось потом, вперив невидящий взор в керосиновую лампу и подрагивая жилкой у виска.

Личность Кромптона была доминирующей, но конфликт с Лумисом и чувство вины ослабили ее, к тому же она была подавлена грузом собственных сомнений. Лумис, хотя и был по натуре

слабее, на этот раз собрался, чувствуя уверенность в собственной правоте, и целиком отдался сражению; ему удалось завладеть двигательными центрами и заблокировать поток опасных антител.

На долгие часы две личности схватились в поединке, и тело Кромптона, подвешенное в гамаке, стонало и корчилось, словно в лихорадке. Наконец, когда забрезжили серые предрассветные сумерки, Лумис стал одолевать. Кромптон попытался собрать последние силы для решающего удара, но ничего не вышло. Тело угрожающе перегрелось в этой битве: еще немного, и ни для одной личности не осталось бы оболочки.

Лумис продолжал наступление, захватывая все новые жизненно важные синапсы и подчиняя себе моторные функции.

К рассвету победа целиком и полностью была за Лумисом.

Глава 10

Лумис встал на дрожащие ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы и огляделся. Теперь это было его тело. Впервые после того как он покинул Эйю, он видел и чувствовал непосредственно, сам; восприятие внешнего мира не фильтровалось и не ретранслировалось больше через личность Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать прикосновение одежды к телу, ощущать голод, просто *жить*! Он вернулся из мира теней в мир сверкающих красок. Чудесно! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедняжка Кромптон...

— Не волнуйся, старина, пойми, я и для тебя стараюсь.

Никакой реакции не последовало.

— Мы вернемся на Эйю, — продолжал Лумис, — и все образуется.

Кромптон то ли не хотел, то ли не мог ответить. Это слегка встревожило Лумиса.

— Где ты там, Эл? У тебя все в порядке?

Кромптон молчал.

Лумис нахмурился и поспешил в палатку командира.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Он и в самом деле слишком далеко зашел.

— По-моему, вы приняли мудрое решение, — сказал командир.

— Так что я немедленно возвращаюсь на Эйю.

— Все космические корабли отправляются из Йиггавилля, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто. Думаю, смогу дать вам проводника из местных. Вам снова придется пересечь хребет Томпсона, чтобы добраться до У-Баркара. Советую вам на сей раз идти долиной Дессета, так как по лесам бродят орды Кмикты, а от этих дьяволов всякого можно ожидать. В У-Баркар вы попадете в период ливневых дождей, так что на зирни в Иниойо проехать не удастся. Можете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через ущелье Ножа, если успеете. Если же опоздаете, направление легко определить по компасу, правда, при этом надо учитывать отклонения, характерные для данных областей. В Иниойо вы будете как раз в разгар муссонов. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сен-Дени, а потом — до Йиггавилля, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за *зикра*. Этот ветер очень опасен для авиации. Так что, может, лучше вам добраться до Восточного болота на колесном пароходе, а затем на грузовом судне спуститься до Инланд Зее. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно переждать ураган. Сам я предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Так что решайте, как вам удобнее.

— Спасибо, — сказал Лумис.

— Сообщите мне о вашем выборе, — попросил командир.

Лумис снова поблагодарил его и в сильном волнении вернулся в свою палатку. Он раздумывал о предстоящем путешествии через горы и болота, мимо первобытных поселений и диких бродячих орд. Он ясно представил себе, какие осложнения несут с собой ливневые дожди и *зикр*. Никогда еще его богатое воображение не проявляло себя с такой силой, как сейчас, рисуя жуткие картины обратного пути.

Трудно было добраться сюда; куда труднее будет возвращение. Ведь на этот раз его утонченная душа эстета будет лишена защиты спокойного, выносливого Кромптона. Ему, Лумису, придется ощутить на себе удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страх. Ему, Лумису, придется питаться грубой пищей и пить вонючую воду. И ему, Лумису, достанутся все утомительные будничные заботы, связанные с путешествием, которые раньше нес на своих плечах Кромптон.

Теперь на нем вся ответственность. Ему предстояло выбрать

дорогу и принимать решения в критические моменты ради сохранения своей жизни и жизни Кромптона.

Справится ли он? Он ведь дитя города, чистый продукт цивилизации. Его проблемы всегда были сопряжены с капризами и странностями людей, а никак не с причудами стихии. Обитая в тщательно отделанных человеческих норках внутри городов-муравейников, он никогда раньше не сталкивался с грубой, первозданной мощью солнца и небес. Отделенный от земли тротуарами, окнами, дверями и потолками, он никогда всерьез не принимал рассказы о несокрушимой силе того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую с таким увлечением описывали в своих произведениях писатели древности и которая являлась великолепным исходным материалом для стихов и песен поэтов. Лумису, привыкшему нежиться под ласковыми лучами солнца в спокойный летний день или сонно прислушиваться к завыванию ветра за окном в штормовую ночь, эти рассказы всегда казались сильно преувеличенными.

И вот теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжелую ношу бытия, и штурвал управления.

Лумис задумался об этом и внезапно увидел картину собственной смерти. В какой-то миг, когда силы покинут его, он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или, понутив голову, сидеть под проливным дождем в болоте. Он попытается продолжить путь, обрести так называемое второе дыхание. Но второе дыхание не придет, и он, одинокий, обессиленный, почувствует себя потерянным в этом огромном мире и решит, что жизнь требует от него слишком больших усилий и напряжения. И, как уже многие до него, он расслабится, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

И Лумис прошептал:

— Кромптон?

Ответа не последовало.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я отдаю тебе управление телом. Только вытащи нас из этой непомерно разросшейся оранжереи. Верни нас на Эйю или на Землю! Кромптон, я не хочу умирать!

Ответа не было.

— Ну хорошо, Кромптон, — сипло прошептал Лумис. — Твоя взяла. Ты победил. Делай что хочешь, я сдаюсь. Только, пожалуйста, *возьми все на себя!*

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и вернул себе контроль над телом.

Через десять минут он снова был в палатке командира и общал ему, что опять переменял решение. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что люди всегда останутся для него загадкой.

Вскоре Кромптон сидел в середине большого, выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного самыми разными товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря, пока они не исчезли за поворотом.

Глава 11

Путь по Кровавой реке показался Кромптону путешествием в первобытные времена. Шесть аборигенов бесшумно и дружно погружали весла в воду, и каноэ, словно водяной паук, скользило по раздольному, спокойному потоку. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники; они начинали мелко дрожать, когда каноэ приближалось к ним, и в жадном порыве тянулись к нему своими длинными ветвями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик и спешно выталкивали лодку на середину реки, и папоротники снова поникали над рекой, разомлев от полуденной жары. В некоторых местах ветви смыкались над их головами, образуя сплошной зеленый туннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку по течению, и слышали мягкие всплески падающих ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на свет, под ослепительное сияние белого неба, и аборигены брались за весла.

— Жуть! — сказал Лумис.

— Да, жутковато, — искренне согласился Кромптон.

Кровавая река несла их в самые глубины континента. По ночам, причалив к какому-нибудь валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных йигган. Однажды днем четыре лодки аборигенов погнались за ними. Гребцы Кромптона налегли на весла, и каноэ помчалось вперед. Враги следовали за ними по пятам; Кромптон вынул ружье и приготовился к бою. Но его гребцы, подгоняемые страхом, работали так усердно, что вскоре нападавшие отстали и исчезли за очередным изгибом реки.

Однако не успели они перевести дух, как в узкой протоке на них с обеих сторон дождем посыпались стрелы. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, упал замертво. Остальные снова нажали на весла и вывели лодку из протоки.

Убитого гребца сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. А огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, поплыло за лодкой в ожидании новой жертвы, то и дело высовывая из воды круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать это кошмарное создание.

Чудовище получило еще один обед, когда серая плесень, прокравшаяся в лодку по веслам, прикончила двух гребцов. Крабоподобное существо слопало их, но преследования не прекратило. Оно безумно раздражало Кромптона, но одновременно служило ему и его гребцам защитой: пустившаяся было в погоню банда аборигенов, заметив чудовище, подняла страшный крик и бросилась наутек в джунгли.

Чудовище сопровождало их все последние сто миль пути. А когда они, наконец добрались до замшелой пристани, оно остановилось, понаблюдало некоторое время за людьми и тронулось обратно, вверх по реке.

Лодка причалила к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, заляпанный красной краской. Он перевернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта, поселение 92».

Кругом не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Глава 12

Узкая, заросшая травой тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там среди деревьев виднелось нечто похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашенных домов. Городок в полном молчании пекся под полуденным солнцем, и, кроме шарканья своих собственных утопавших в грязи ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно брел по улице. Он прошел мимо складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена владельцев. Миновал пустой салун с болтавшейся на одной петле дверью и разбитыми окнами, завешенными противомоскитной сеткой. Оставил позади три заброшенных магазина и наконец увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч. Провиант».

Кромптон вошел. На полу лежали аккуратные связки товаров, свешивались они и со стропил. В лавке никого не было.

— Есть тут кто-нибудь? — позвал Кромптон и, не получив ответа, снова вышел на улицу.

В конце поселка он набрел на крепкое строение, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый усатый мужчина лет пятидесяти с револьвером за поясом и, казалось, дремал, опершись спиной о стену амбара.

— Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там, — махнул незнакомец.

Кромптон направился к двери. Усач шевельнулся, и револьвер внезапно оказался у него в руке.

— Прочь от двери! — заорал он.

— Почему? В чем дело?

— А то вы не знаете?

— Ничего я не знаю. Кто вы такой?

— Я Эд Тайлер, шериф. Назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот амбар пока что и есть тюрьма.

— Ну и сколько ему еще сидеть? — спросил Кромптон.

— Всего пару часов.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-а.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело, — сказал Тайлер. — Только, боюсь, он вам не ответит.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк пробудет в тюрьме только два часа по той причине, что в полдень мы повесим его на первом же суку, чтоб он сдох. Когда мы покончим с этим дельцем, пожалуйста, разговаривайте с ним сколько душе угодно. Но, как я уже сказал, сомневаюсь, чтобы он ответил вам.

Кромптон настолько устал, что даже не ощутил всей тяжести удара.

— За что?

— За убийство.

— Аборигена?

— Черта с два, — с отвращением ответил Тайлер, — кому какое дело до этих вонючих аборигенов! Стэк убил человека! Он убил Бартона Финча, своего собственного компаньона, Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый док сказал, что он не протянет и дня. Суд присяжных признал Стэка виновным в убийстве Бартона Финча, в том, что он сломал ногу Билли Ред-

берну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и вообще постоянно возмущает спокойствие поселка. Судья, то есть я, приговорил его повесить, и как можно скорее. Выходит, сегодня к полудню, когда ребята вернутся с дамбы, где они сейчас вкалывают, его и повесят.

— Когда был суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, зря времени не теряем, — с гордостью констатировал Тайлер.

— Я так и понял, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же сказал, что Финч вот-вот отдаст концы, — повторил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — А вы тут потише, не вмешивайтесь в дела правосудия Кровавой Дельты, иначе вам самому не поздоровится. Нам ни к чему все эти адвокатские штучки-дрючки, мы и сами разберемся, кто прав, а кто виноват.

— Оставь его, пойдем отсюда, — испуганно пролепетал Лумис.

Кромптон не обратил на него внимания.

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат, — сказал он шерифу.

— Тем хуже для вас, — сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо увидеться с ним. Всего на пять минут. Чтобы передать ему последние слова его матери.

— Ничего не выйдет, — сказал шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил замусоленную пачку банкнот.

— Всего две минуты.

— Ну, может, я и смогу... А, черт!

Проследив за взглядом Тайлера, Кромптон увидел толпу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Вот и парни идут, — сказал Тайлер. — Теперь уж точно ничего не получится, даже если бы я захотел. Но вы, пожалуй, можете посмотреть, как его будут вешать.

Кромптон отошел в сторонку. Их было человек пятьдесят, и к ним подтягивались все новые и новые люди. Все как на подбор жилистые, сухощавые, битые жизнью — таким палец в рот не клади, — и почти у каждого на лице усы и пистолет за поясом. Они перебросились несколькими словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Кромптона Лумис.
— А что я могу сделать?

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, тащившей осужденного в другой конец поселка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Кончай с ним! — орала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Стэка. — Дайте мне слово.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то. — Надо с ним кончать!

— Мое последнее слово! — возопил Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф.

— Пусть говорит, ребята. Это его право, право приговоренного к смерти. Давай, Стэк, только не тяни особенно.

Стэка поставили на фургон, накинули ему на шею петлю, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он с любопытством уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент его самого.

Дэн Стэк был крупный, крепко скроенный человек. Его грубое, изрезанное морщинами лицо несло на себе следы страсти и ненависти, страха и внезапных вспышек ярости, тайных пороков и затаенных горестей. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крепкими зубами и узкие вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на пылающий лоб, горящие щеки заросли черной щетиной. В его облике явственно проступал холерический Дух Воздуха, вызванный разлитием горячей желтой желчи, которая возбуждает в человеке беспричинный гнев и лишает его разума.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Потом медленно опустил голову, и бронзовая культия правой руки полыхнула красной вспышкой в ровном сиянии дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, — начал Стэк.

— И это ты нам рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был мошенником и вором, — закричал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, сильно ударил, чтобы изувечить. Я обокрал своих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов и даже людей. Я жил неправильно!

Толпа смеялась над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк, — я хочу, чтобы вы знали, что я сопротивлялся своей греховной натуре, я пытался победить ее. Я постоянно сражался со старым дьяволом, поселившимся в моей душе, знали бы вы, как я сражался с ним! Я вступил в отряд Бдительных и два года был человеком. А потом словно спятил — взял и убил...

— Ну, кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали вот что! — завопил Стэк, и глаза его чуть не выскочили из орбит на раскрасневшемся от волнения лице. — Я признаю, я сделал много плохого, я признаю это искренне и от всей души. *Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!*

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступать к делу.

— Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я пытался спасти его, я слегка встряхнул его, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверное, потерял голову, и тогда я расколошматил салун Мориарти и покалечил ребят. Но, клянусь Богом, я не причинял вреда Финчу!

— Ну, закончил ты наконец? — спросил шериф.

Стэк открыл рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Приступай! — сказал шериф.

Люди взялись за фургон, на котором стоял Стэк. Стэк обвел толпу последним отчаянным взглядом и заметил Кромптона.

И сразу понял, кто это.

Лумис торопливо нашептывал Кромптону:

— Осторожно, не верь ему, ничего не делай, вспомни его прошлое, вспомни его историю, он погубит нас, разобьет нас на кусочки. Он подавит нас, он сильный и злобный, он убийца!

В памяти Кромптона неожиданно всплыли слова доктора Власека: «Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти».

— Совершенно погибший тип, — продолжал бубнить Лумис, — злой, никчемный, полная безнадега...

Но Стэк был частью его! Стэк страстно хотел измениться, победить свою натуру, терпел поражения и снова отдавался борьбе. Стэк был не более безнадежен, чем Лумис или он сам.

Однако правда ли все то, что говорил Стэк? Или этой вдохновенной речью он надеялся тронуть аудиторию и изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть ему руку помощи.

Как только фургон тронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон быстро принял решение и впустил Стэка.

Толпа взревела, когда тело Стэка свалилось с повозки и после страшной короткой судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся от удара, когда сознание Стэка вошло в его мозг.

И упал в обморок.

Глава 13

Кромптон очнулся в небольшой полутемной комнатке на кровати.

— Как вы, в порядке? — услышал он чей-то голос.

В наклонившемся над ним человеке он узнал шерифа Тайлера.

— Да, в порядке, — автоматически ответил Кромптон.

— Оно и понятно, для такого цивилизованного человека повешение — вещь тяжелая. Теперь сможете обойтись без меня?

— Конечно, — вяло сказал Кромптон.

— Вот и хорошо. А то у меня там дел... Загляну к вам через часок-другой.

Тайлер ушел. Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Интеграция... Слияние... Завершение. Достиг ли он всего этого во время своего целительного обморока? Со всей осторожностью он занялся своими мозгами.

Он обнаружил там Лумиса, безутешно причитающего, безумно напуганного, лепечущего что-то об Оранжевой пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых горах, о женщинах, о роскоши, о чувствах и красоте. Был там я Стэк, тяжелый и неподвижный. Кромптон тут же понял, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, приобрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громы-хали, контрастируя с визгливыми причитаниями Лумиса. Это были великие планы отмщения, дикие мечты разорвать проклятого шерифа Тайлера на мелкие кусочки, расстрелять из пулемета весь поселок, собрать вокруг себя преданных людей, армию почитателей СТЭКА, вооружить ее железной дисциплиной, пере-

резать глотки всем Бдительным и открыть полный простор убийствам, мести, ярости, террору во всем мире!

Раздираемый на части противоречивыми желаниями своих компонентов, Кромптон постарался восстановить равновесие, распространив свою власть на них обоих. Он начал борьбу за слияние их в единое, устойчивое целое. Но его составные части, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии расщепления углублялись, раскол становился непреодолимым, и Кромптон почувствовал, что зашаталась его собственная стабильность, что над его рассудком нависла угроза.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорным, но тщетным стремлением к самосовершенствованию наступил момент просветления.

— Извини, — обратился он к Кромптону, — недостает еще одного, другого...

— Какого еще другого?

— Я ведь старался, — сказал Стэк. — Я старался измениться. Но слишком было во мне разного... Так что я пошел на расщепление.

— На что?

— Ты что, не слышишь? — сказал Стэк. — Я... я тоже был шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Йигге. Я поехал в Йиггавилль, обзавелся там еще одним телом Дюрьера и расщепился.

— Значит, есть еще один? — воскликнул Кромптон. — Вот почему мы не реинтегрируем! Кто он, где находится?

— Я старался, — стонал Стэк. — Ох, я же старался. Мы с ним были как братья, он и я. Я надеялся научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. И я учился. Потом он стал сдавать...

— Кто он? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, выбить из него эту блажь! Но ему совсем не хотелось жить, он быстро терял силы, и я будто спятил, и встряхнул его, и пошел громить салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча.

— Так Финч — наш последний компонент?

— Да! Вам нужно спешить, пока он не разрешил себе умереть, и надо принять его в свой мозг. Он лежит в задней комнатке, в лавке... Торопитесь...

И Стэк снова погряз в своих мечтах о кровавых побоищах, а Лумис забормотал о голубых пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял свое тело с постели и дотащил его до

двери. В конце улицы он разглядел лавку Стэка. «Доберись до лавки!» — приказал он себе и, спотыкаясь на каждом шагу, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он по горам, перебирался через реки, болота, спускался в пещеры, ведущие к центру Земли, и подымался вверх, и переплывал нескончаемые океаны до самых дальних берегов. А завершилось это путешествие в лавке Стэка.

В задней комнате, на кушетке, укрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на реинтеграцию. Взглянув на него, Кромптон понял всю тщетность своих усилий.

Финч лежал совсем тихо, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было белое, широкое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах застыло нечеловеческое спокойствие — он ничего не хотел, ничего не ждал. Тонкая струйка слюны стекала из рта, дыхание было почти незаметно. Самый неполноценный из четверых, он был олицетворением флегматичного Духа Земли, который делает человека пассивным и безразличным ко всему.

Кромптон подавил в себе подступающее безумие и подполз к кровати. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать и соединиться с ним.

Финч ничего не видел.

Кромптон уронил свое измученное, усталое тело на постель рядом с идиотом и стал безучастно наблюдать, как его сознание погружается в мир иррационального.

В это мгновение Стэк пробудился от мечтаний о мщении и одновременно преисполнился реформаторским рвением. Вместе с Кромптоном он принялся побуждать Финча посмотреть и увидеть их. Даже Лумис собрался с силами и присоединился к ним, преодолев свое изнеможение и страх.

Усилия всех троих были направлены в одну точку. И Финч, пробужденный тремя четвертями своего «я», отчаянно зывающими к воссоединению, наконец ожил. В его глазах мелькнуло осмысленное выражение. Он узнал. И присоединился к своим измученным братьям.

Часть четвертая

Глава 1

Город Бренх'а расположен на восточном рукаве Инланд Зее, недалеко от устья Злобной реки, в широкий и неспешный поток которой стекаются воды всех болот Дикой Данаиды. Прозванный Жемчужиной Захолустья, он по сути представляет собой современный и быстро растущий международный пакгауз на краю ойкумены, обеспечивающий всем необходимым разношерстное население Йигги и прибывающих на планету путешественников. Фактически это первый — или последний, в зависимости от точки зрения, — аванпост цивилизации, улицы которого, особенно субботними вечерами, обычно забиты пестрыми толпами народа.

Самой известной достопримечательностью Бренх'а безусловно является ресторан «Караван-сарай Макса» на улице Литл Дог, сразу за памятником Джону Чивви, нежному певцу Бэдленда. «Макс» — это целый музей с анфиладой залов, в которых представлено кулинарное искусство двадцати четырех миров. Это единственное место на Йигги, где привередливый нечкериз с планеты Рамбл может получить чашечку своей любимой скоблянки из мозгов и клубней, прибывший издалека моряк с Драмфитти насладится заливным из кошатинки, а ньюйоркцы с Сола III найдут свои родные пастроми, сувлаки и пикули с укропом.

И в это вот знаменитое заведение как-то вечером зашел сухопарый невысокий землянин. Судя по многочисленным красным пятнам на куртке, он явился сюда прямо с Кровавой реки. У него было суровое, не улыбочливое лицо клерка с крепко сжатыми губами. Ничего особо примечательного в нем не было, но какая-то атмосфера неуравновешенности, близкой к безумию, окружала его, и это не предвешало ничего хорошего.

Старший официант безошибочно учуял что-то неладное и сразу же отправил к посетителю Герту Симз.

Герта — крупная, полногрудая женщина с большим приятным лицом, обрамленным веселыми рыжими кудряшками,

умела управляться с такими странными типами. Она и сама была немного странной.

— С чего начнем? — приветливо спросила она, протягивая Кромптону огромное сувенирное меню с тремя тысячами тремя названиями блюд. — Выпьете плоточек для аппетита? Напитки у нас — на любой вкус.

— Ни с чего не начнем, — жестко заявил Кромптон. Он внимательно изучал меню, пока не дошел до раздела «Земные лакомства». — Мне, пожалуйста, дуврский палтус без масла, зеленый салат без приправ и большой стакан молока. Еще кусочек прожаренного тоста и...

Он замолк на полуслове. Герта ждала с карандашом наготове. Она заметила, как исказилось лицо клиента. Похоже, в нем шла какая-то внутренняя борьба: лицо его менялось беспрестанно, будто он надевал на себя то одну, то другую маску.

— Я знаю, как это бывает, когда не знаешь, что выбрать, — посочувствовала Герта.

Клиент с большим усилием взял себя в руки.

— Вы должны извинить меня, — сказал Кромптон, — у нас тут возникли трудности... то есть, у меня возникли кое-какие трудности.

— Не надо спешить, — сказала Герта. — Вы прямо из пустыни? Там не больно повыбираешь, что поесть.

— Совершенно верно, — согласился Кромптон. — В первый раз возникла такая проблема.

Лицо его снова задергалось, различные гримасы сменяли друг друга с неуловимой скоростью. Похоже, будто два парня спорят друг с другом, подумала Герта.

— Ну ладно, — сказал клиент, — принесите нам фунт нью-йоркского бифштекса с кровью, без овощей.

— Очень хорошо, — сказала Герта.

— А также сычуанские¹ лакомства. И палтус, пожалуйста. Боюсь, вам такой набор кажется не совсем обычным.

— Ах, если бы вы знали историю моей жизни, — вздохнула Герта, — вы поняли бы, что никакими странностями меня не удивить. Что будете пить?

Клиент снова изменился в лице, но быстро успокоился.

— Мы... я хотел бы кружечку «Лаки Лейджера», стакан молока и хорошего французского вина.

Когда стол был накрыт, Герта заметила, что клиент чередует разные блюда в строгой последовательности. Примечательно,

как при этом менялось выражение его лица: вот оно расплылось от удовольствия — и тут же скривилось в гримасе отвращения. Еда, похоже, его не успокоила, поскольку он беспрерывно что-то бормотал себе под нос.

Герта прислушалась.

— Я просто не выношу запах этого мяса... — ворчал клиент. — Шел бы ты куда подальше со своими китайскими помоями... Что это за гадость? Разве сейчас *твоя* очередь? Лумис, ты сожрал вдвое больше, чем мы оба вместе взятые...

К концу обеда клиент весь покрылся потом, руки его тряслись, казалось, его вот-вот хватит кондрашка.

И Герта приняла решение — решение, которое она принимала всегда при виде одинокого, больного странника, которого никто не пожалеет, разве что родная мать.

— Послушайте, — сказала она, — похоже, вы порядком взвинчены. У вас есть где остановиться?

Клиент прекратил свое ворчанье и взглянул на нее страдальческими глазами.

— Пока нет. Вы знаете какой-нибудь тихий отель?

— Вы шутите? Да ни в каком отеле вам не только комнаты не дадут, вас в таком виде даже на порог не пустят. Вот, держите, — и она положила перед ним ключ.

— Что это?

— Это ключ от моей комнаты. Подниметесь по служебной лестнице, в конце коридора — моя комната. Согласны?

— Очень мило с вашей стороны... — замялся Кромптон. — Право же, я не знаю... По лицу его прошла болезненная судорога, и он продолжил совсем другим тоном, обволакивающим и нежным: — Моя дорогая, как вы добры! Как только я немножко оправлюсь, я вам возьмешу... — Тут голос снова изменился, на сей раз он был грубым и хриплым: — Большое спасибо, леди. Я вам не помешаю...

Клиент расплатился и неуверенной походкой направился к лестнице, позвякивая ключом, словно это был ключ к вратам рая. Герта провожала его взглядом. К ней подошел старший официант и тоже посмотрел ему вслед.

— Герта, — сказал он, — куда ты вляпалась на сей раз?

Она пожала плечами и нервно рассмеялась.

— Что это за парень? — спросил официант.

— Не знаю, Гарри. Может, безработный чревовещатель, к тому же чокнутый. Послушал бы ты, как он тут разговаривал на разные голоса!

¹ Сычуань — провинция в центральном Китае.

Глава 2

Вернувшись к себе, Герта обнаружила, что мужчина, которого она приютила, распростерся на полу в жестокой горячке. Она с трудом уложила его на кровать, а сама пристроилась рядом на стуле, вслушиваясь в его бессвязные речи.

Вскоре она уже различала три голоса, препиравшиеся между собой, причем у каждого было свое имя. Кромптон был тот, с кем она разговаривала в ресторане вначале. Казалось, он был главным, но двое остальных яростно оспаривали его лидерство. Он был педантичен, рационален, сдержан, говорил негромко и взвешенно. Лумис показался ей легкомысленным малым, рафинированным и опытным сердцеедом. Третий, Стэк, производил впечатление человека крутого и буйного, но было в нем и что-то мальчишеское, легко ранимое. В его голосе звучали сила, страсть и упрямство. Иногда они обращались к четвертому, Финчу. Он, по-видимому, был одним из них, но ни разу не произнес ни слова.

Герта решила, что она любит их всех, только каждого по-своему. Но фаворитом был Кромптон, его она жалела.

Казалось, их спор никогда не кончится. К рассвету, когда речной туман прокрался в комнату, Герта озябла. Три голоса все не умолкали. Она попыталась вмешаться в разговор, но они ее не заметили. Тогда, поразмыслив немного, она забралась к ним в кровать.

Это сразу прекратило ссору. Они переключили все свое внимание на нее, и весьма безуспешно.

Позднее Герта никак не могла решить, было ли то, что произошло между ними, оргией. Но, как ни называй, это было хорошо: все эти мужчины давно не имели женщин. И все они были разными: Стэк был мужественным и любвеобильным, Лумис — искусным и забавным, а Кромптон, хотя и сопротивлялся поначалу, оказался неискушенным, ребячливым и бесконечно милым.

На следующий день Кромптон проснулся раньше других и поведал Герте обо всех своих мытарствах. Рыжеволосая женщина спокойно выслушала его рассказ.

— Что ж, — проговорила она, — пришлось вам хлебнуть, ничего не скажешь. Ну а теперь, когда все вы оказались в одной голове, что теперь будет?

— Мы должны слиться, — шепотом, чтобы не разбудить других, сказал Кромптон.

— Что это значит?

— Это значит, что мы должны стать одной цельной личностью. Но вот этого как раз и не получилось и, боюсь, не получится.

— А вы можете что-то сделать для этого?

Кромптон пожал плечами.

— Я сделал все, что только мог. Мой врач на Земле предупреждал, что шансы на успех реинтеграции невелики. Но я должен был попытаться.

— И что же теперь будет?

— Боюсь, я... мы сходим с ума. Ни один из нас не может взять верх. По идее, я самый устойчивый в этой команде, но я чувствую, что силы мои на исходе.

— А не могли бы вы, мальчики, как-нибудь договориться между собой? — спросила Герта.

— Мы пытались, — сказал Кромптон. — Но этого хватало ненадолго, даже в тех случаях, когда мы по очереди контролировали тело. Наши противоречия фактически неразрешимы. Герта, вы были добры к нам. А теперь я прошу вас — уйдите, пока остальные не проснулись. Они могут распалиться...

— Послушайте, у меня идея, — сказала Герта. — Почему бы вам не сходить к моему психиатру? Со мной он буквально сотворил чудеса.

— Это бесполезно, — сказал Кромптон. — Самые лучшие доктора на Земле занимались моим случаем и ничем не смогли мне помочь.

— Все равно, сходите к доктору Бейтсу! — сказала Герта. — А вдруг за это время что-то изменилось?

— Слишком поздно, — прошептал Кромптон. — Мои компоненты скоро проснутся, и это будет наше последнее представление. По совести говоря, я даже рад. Я так устал, что мне на все наплевать.

Кромптон уронил голову, глаза его закрылись, лицо погасло. Затем он внезапно сел и выпрямился. Широко открытые глаза смотрели в пространство со странным выражением, какого Герта у него еще не видела.

— Не пугайтесь, Герта, — произнес незнакомый голос, мягкий и глубокий.

— Кто вы?

— Герта, у вас должно быть такое лекарство — «Голубые сумерки».

— Это опасное средство. Откуда вы узнали, что оно у меня есть?

— Дайте им четыре капсулы.
— Черт возьми! Да это же огромная доза!
— Порошок не повредит им. Он подействует на них как снотворное.

— Я должна усыпить их? И что это даст?
— У Кромптона иммунитет к этой группе транквилизаторов. С помощью «Голубых сумерек» он продержится еще несколько дней и будет полностью контролировать тело,

— Я знаю, кто вы! — воскликнула Герта. — Вы Финч!
— Дайте им порошок, — настаивал глубокий, проникновенный голос. — Скажите Кромпτονу, что я советую ему навестить вашего доктора и последовать его рекомендациям.

Герта взяла снадобье и вложила Кромпτονу в рот четыре капсулы. Финч смотрел куда-то сквозь нее остановившимся бездумным взором.

— Почему вы раньше не помогали им? — спросила Герта. — Вы можете сделать для них еще что-нибудь? И что вы сами за личность?

— Я не личность, — сказал Финч. — Я даже не никто. Я ничего не сделал, а это уже кое-что. И вообще — может, все это просто приснилось вам.

И Финч исчез.

Когда Кромптон пришел в себя, Герта рассказала ему о Финче и «сумерках».

— Не нравится мне все это, — покачал головой Кромптон. — Финч вроде бы с нами, но он не вмешивается в наши разговоры. Я не знаю, чего он хочет.

— Думаю, он просто хочет жить, — сказала Герта.

— Сомневаюсь, что это его волнует... Но зато я действительно хочу жить!

Доктор Герты сразу согласился встретиться с Кромптоном.

— Четыре самостоятельные личности в одном теле! — воскликнул доктор Бейтс, откладывая в сторону когноскоп. — Явление редкое, но небеспрецедентное.

— Мы никак не можем соединиться, — объяснил ему Кромптон. — Мы даже не можем жить в согласии. Мы без конца деремся, и, кажется, конец наш близок. Вы можете помочь нам?

— Я бы с радостью, — ответил Бейтс. — У нас на Йигге такие случаи — большая редкость. Но, честно говоря, у меня нет ни нужного оборудования, ни средств, чтобы помочь вам.

— Тогда что вы предлагаете? Вернуться на Землю и там заняться лечением?

Бейтс в задумчивости покачал головой.

— Здесь необходимо самое лучшее и передовое техническое оснащение. Оно есть только в одном месте. Это абсолютно новое и, по правде говоря, пока экспериментальное предприятие. Вы слышали что-нибудь об Эйоне?

Глава 3

Добраться до Эйона оказалось легче, чем предполагал Кромптон: на местном корабле он перелетел из Бренх'а в Йиггавилль, в ближайшем трансгентстве взял билет на космолет, в тот же день доставивший его на Танг-Бредер, как раз вовремя, чтобы пересест на «Стар Вэлли Коннекшн», следующий до Эйона.

Путешествие было для Кромптона приятным отдыхом. Он подружился с корабельным доктором-андроидом, шотландцем и выпивохой, таким же фанатиком кроссвордов, как и сам Кромптон. Доктор снабдил его пачкой «Блотта-44», одного из новейших психостероидов. Благодаря его уникальному эффекту периферийного насыщения (ЭПН) Лумис и Стэк по-прежнему пребывали в глубокой спячке. На Финча это средство не действовало. Но Финча можно было не брать в расчет, хотя Кромптон постоянно ощущал его зловещее присутствие-отсутствие.

Впервые за много дней Кромптон был единоличным и полновластным хозяином своего ума и тела. Это доставляло ему истинное удовольствие, несмотря на побочные явления, такие, как сыпь на левой ноздре, зеленая слюна и зуд в указательных пальцах.

О, благословенные космические дни! Как бы хотелось Кромптону, чтобы этот полет длился вечно, и он оставался бы хозяином самому себе, отложив на время все свои заботы. Однако Кромптона предупредили, что через несколько дней Лумис и Стэк снова оживут и громогласно заявят о себе.

Он внимательно изучал брошюру об Эйоне, которую ему дали в трансгентстве. Она называлась «Предварительные заметки к статье о некоторых проблемах Эйона».

«Эйон, расположенный под куполом на непригодной для обитания планете Деметра V, раскинулся на десяти тысячах квадратных миль, пейзаж которых создавался по образу и подобию Калифорнии. В результате получилась зеленая благодатная местность с горами, долинами, чарующими пляжами, прекрас-

ными ресторанами, самыми разнообразными развлечениями и — конечно же! — со всеми видами психотерапии.

В Эйон за помощью прибывают существа самого разного происхождения, наклонностей, и прочая, и прочая. И мы со всеми стараемся обращаться как можно более деликатно. По нашему мнению, все виды лечения — только разные аспекты одного Универсального Лечения, так же как все виды разумных существ — это лишь различные аспекты Универсального Разума.

Соответствует эта концепция истине или нет, она настолько красива, что над нею стоит призадуматься.

Мы здесь, в Эйоне, не формалисты и не слепые почитатели академических знаний. Мы не пишем учебников, не проводим конференций по психологии и стараемся не злоупотреблять словечком «символ». Мы не претендуем на фундаментальные знания, на какое-то особое мастерство и категорически отвергаем роль гуру, которую нам иногда навязывают пациенты в своем бесплодном стремлении найти легкую дорожку к самосовершенствованию. И все-таки, пусть даже это прозвучит несколько парадоксально, все, что велено сделать для вас, мы сделаем, а *невозможное* вы с нашей помощью сделаете для себя сами. И все это, заметьте, по вполне доступным ценам!

Мы надеемся, таким образом, что нам удалось развеять одно из наиболее распространенных заблуждений, касающихся Эйона. А потому разрешите нам закончить словами: «Добро пожаловать!» Вы не ошиблись, выбрав такое благословенное место, как Эйон. Постарайтесь воспользоваться этой счастливой возможностью в полной мере, работайте прилежно, чтобы обрести спасение!»

Кромптон подумал, что все это звучит довольно туманно, но многообещающе. В любом случае, деваться ему было некуда. Корабль приземлился, и Лумис что-то забормotal во сне.

Глава 4

Кромптон прошел иммиграционные службы, таможню и карантин, а затем отправился в приемную, где хорошенькая блондинка в клетчатом трико помогла ему заполнить необходимые бумаги, получила с него плату (200 тысяч СВУ без сдачи) и вручила ему ключи от номера и карту с подробным описанием достопримечательностей Эйона, включая рестораны, модные лавки, кинотеатры, секс-шопы, кегельбаны, а также сотни разнооб-

разных частных клиник, которые наперебой приглашали к себе на прием.

— Вы можете идти куда захотите, — сказала блондинка, — все оплачено вашим взносом. Центр свяжется с вами, как только вы устроитесь. Счастливо.

— А вы сами проходили лечение? — спросил Кромптон.

Она покачала головой.

— Они не приняли меня. Велели прийти тогда, когда возникнут настоящие проблемы. Негодяи! И смеют еще толковать о сострадании! Меня это просто взбесило: я-то знаю, какая глубокая драма скрывается за моим внешним спокойствием! Вы этого не заметили, совсем не заметили?

— Да нет, — признался Кромптон.

Она вздохнула.

— А, ладно. Вы, наверное, очень больны, да?

— Ну, — сказал Кромптон, — у меня параноидальная шизофрения, во мне обосновались три личности, не считая моей собственной. Думаю, мне придется несладко, когда они вырвутся на свободу.

— Четыре личности, и все разные! — воскликнула она, посмотрев на Кромптона с нескрываемым интересом.

— Должен сказать, что один из них не говорит ни слова, и с ним никаких проблем нет. А вот двое других — это сплошное наказание.

Глядя на него заблестевшими глазами, блондинка проворковала влажными губками:

— Вы и в самом деле *тяжелый случай*, не правда ли? Я это сразу поняла. Как только увидела вас. Вокруг *тяжелых* всегда особая аура... Между прочим, меня зовут Сью. Если хотите, приходите сегодня вечером ко мне. Я приготовлю ужин, мы повеселимся, и, может быть, вы сможете мне разобраться в моих болезнях. Я знаю, что в глубине души я сумасшедшая, но прямые симптомы у меня не проявляются.

При виде ее пылающего от страсти лица с приоткрытым ртом Кромптон подумал, что безумие тоже имеет свою иерархию, своих героев и поклонников. Неудивительно, что в Эйоне, где процветает единственный вид индустрии — индустрия болезней, звездами считаются настоящие сомнамбулы, а обыкновенный невротик чувствует себя аутсайдером. Короче говоря, Эйон — не место для страдающих возрастными или сексуальными расстройствами домохозяек. Нет, Эйон — для сильно сдвинутых, таких, как Кромптон с его тремя «сожителями», ведущими

борьбу за власть над телом, со всеми вытекающими из этого последствиями. Вот *настоящее дело* для Эйона!

Ответ Кромптона был продиктован этой новой внутренней самооценкой.

— Спасибо, Сью, — сказал он, — но я воспользуюсь вашим предложением как-нибудь в другой раз. Сначала я должен разобраться, что к чему.

— Все *тяжелые* так говорят, — печально заметила Сью. — Ах да, вот идет ваш друг-на-два-часа.

К ним приближался высокий негр с веселой физиономией и густой вьющейся шевелюрой.

— Мой что? — переспросил Кромптон.

— Человеку с тяжелым психическим расстройством, — сказала Сью, — в первую очередь необходим друг, особенно когда он потрясен прибытием в незнакомое место.

— Не понимаю.

— «Эйон Фаундейшн» каждого вновь прибывшего гостя обеспечивает другом. На эту работу нанимают добровольцев, и только на два часа, потому что быть другом абсолютно чужого и неинтересного тебе человека — это тяжкий и изматывающий труд.

— Эй, — сказал негр, — я Кави с Фиджи.

— Не нужен мне никакой назначенный друг, — возмутился Кромптон. — Я отказываюсь...

— Не говорите это мне, — сказала Сью. — Скажите все это вашему другу. Затем он к вам и приставлен.

— Скажи мне, детка, все, что думаешь, — предложил Кави, и Кромптон послушно поплелся за фиджийцем к ожидавшему их на улице такси.

Глава 5

Кави помог Кромптону устроиться в современном однокомнатном номере на бульваре Поляни. В комнате была установлена автоматическая видеосистема, записывающая каждое произнесенное слово и каждое движение. Предназначалась она для того, чтобы пациент мог проследить за своим поведением и таким образом наблюдать за процессом выздоровления. Кромптон, как и многие до него, отключил систему. Он хотел знать, когда начнется настоящее лечение, в чем оно будет заключаться и сколько часов в день займет. Кави объяснил ему, что никаких строго определенных процедур не будет.

— Вы должны запомнить, — сказал добродушный фиджиец, достав из своей роскошной шевелюры сигарету, зажигалку и пепельницу, — что Эйон — самый передовой центр терапии во всей Галактике. Здесь не существует какого-то одного вида лечения или процедуры, здесь преобладает эклектизм. Как у нас принято говорить, «все зависит»...

— Но от чего зависит? — спросил Кромптон.

— Этого мне никогда не объясняли, — признался Кави.

— А как лечат вас?

— Ко мне каждую ночь прилетает черный ворон и просвещает меня. Вас будут лечить иначе, если вы не страдаете, как я, психосимволической ритуальной поллюцией.

— У меня параноидальная шизофрения, — сказал Кромптон.

— О, таких, как вы, здесь немного, — сказал Кави.

Два часа, отведенные им для дружбы, почти истекли. Новоприпеченные друзья договорились созвониться в ближайшие дни, вместе выпить и обсудить свои проблемы. Но это была чистая условность: друзья-на-два-часа редко поддерживали знакомство — может быть, отчасти по этой причине они и оказались в Эйоне.

Остаток дня Кромптон провел, осматривая центр города. Он ему очень понравился, особенно невысокие, окрашенные в пастельные тона дома, утопающие в зелени. Вокруг было много людей, и все они казались веселыми и дружелюбными. Большинство из них подвергалось групповым сеансам терапии прямо в пиццериях, кинотеатрах, парикмахерских и прочих заведениях. Это окутывало Эйон специфической атмосферой взаимопонимания и сочувствия, которая ощущалась даже в космосе, за сотни миль от планеты.

Тотальная приверженность Эйона к лечению и предельно искреннему общению приводила порой к мелким недоразумениям, как это случилось, например, с Кромптоном, когда он обратился в аптеку за лезвиями и кремом для бритья.

Продавец, бородатый коротышка в клетчатом костюме, отложил номер «Инслайта», журнала лилипутов-психологов, и спросил:

— Для чего вам эти предметы?

— Побриться, — ответил Кромптон.

— Но бриться вовсе не обязательно.

— Я знаю, — сказал Кромптон. — Но я люблю бриться.

— В самом деле? — понимающе улыбнулся продавец. — Не

хочу заострить ваше внимание, но намного рациональнее обходиться без бритвы.

— Не знаю, что вы считаете рациональным, — сказал Кромптон, — но я не понял, вы дадите мне крем и лезвия или нет?

— Не сердитесь, — сказал продавец. — Я просто пытался поставить себя на ваше место, используя те немногие данные, которыми располагаю. — Он выложил на прилавок набор лезвий и кремов. — Выбирайте, что вам нравится, и не обращайтесь на меня внимания, я всего лишь безликое ничтожество с единственным назначением в жизни — обслуживать вас.

— Я не хотел обидеть вас, — сказал Кромптон. — Мне только хотелось получить немного крема для бритвы.

— Мне совершенно ясно, — сказал бородач, — что у вас куча важных дел, таких, например, как бритье вашего глупого лица, и что вам недосуг пообщаться с ближним, которому в этот быстролетный момент вдруг захотелось поделиться с вами сообщением о том, что мы — это нечто большее, чем навязанная нам кем-то роль, чем наша телесная оболочка... что мы — это наше самосознание, встретившееся с самим собой в необычных условиях.

— Да что вы говорите? — удивился Кромптон и покинул аптеку.

Выходя, он услышал за спиной дружные аплодисменты, которыми наградила бородача его психотерапевтическая группа.

...Кромптон уже успел заметить, что люди в Эйоне общаются друг с другом по малейшему поводу, словно они всегда слегка под мухой и просто жаждут стычек. Немного позднее в этот же день ему повезло наблюдать этот эйонский стиль во всей красе.

Две машины слегка столкнулись на одном из перекрестков. Водители, абсолютно целехонькие, повыскакивали из своих машин. И хотя один из них был маленький и толстенький, а второй — выше среднего роста и худой, оба они походили на банковских служащих, переживающих острый средневозрастной кризис. И оба вежливо улыбались.

Высокий осмотрел повреждения и сказал томным и довольным тоном:

— Кажется, нас настигла длинная рука судьбы и привела к столкновению, так сказать. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что вы, как говорится, *заварили эту кашу* и потому вся ответственность за последствия ложится на вас. Я не хочу, чтобы вы

чувствовали себя виноватым, вы же понимаете; я просто пытаюсь все расставить по своим местам, разумно, беспристрастно и объективно — насколько это возможно.

Из быстро собравшейся толпы послышались возгласы одобрения. Теперь все взоры обратились к коротышке, который, заложив руки за спину, покачивался на пятках, как, говорят, любил делать Фрейд, размышляя над вопросом, существует ли инстинкт смерти. Потом он сказал:

— Не кажется ли вам, что аргументы, основанные на предположении о собственной объективности, мягко говоря, несколько некорректны?

В толпе согласно закивали. Высокий непринужденно продолжил:

— Допустим, что все частные суждения по своей природе не могут не быть предубеждением. Но суждение — это единственный инструмент познания действительности, которым мы располагаем, и мы, как существа живые и развивающиеся, естественно, сначала распознаем явление, а затем неизбежно даем ему оценку в виде суждения. И так и должно быть, несмотря на парадокс субъективности, который подразумевается в любом «объективном» утверждении. Вот почему я недвусмысленно заявляю: вы были не правы, и никакие ссылки на дихотомию наблюдателя-наблюдаемого ничего не изменят.

Толпа одобрительно загудела. Многие что-то записывали, а на обочине сформировался небольшой дискуссионный клуб.

Коротышка понял, что допустил тактическую ошибку, которая дала оппоненту возможность произнести длинную речь. Он сделал отчаянную попытку перехватить инициативу и перевел дискуссию в другую плоскость:

— А вам самому никогда не приходилось подвергать сомнению свои слова? — спросил он с ядовитой улыбкой Яго на устах. — Вы всегда прибегаете к таким вот сокрушающим атакам, чтобы доказать свою правоту? Как долго трудились вы над изобретением ситуаций, в которых всегда виноват кто-то *другой*, чтобы таким образом отдалить момент, когда вам придется волей-неволей признать свою изначальную и непоправимую вину?

Высокий, уже предвкушая победу, ответил:

— Друг мой, все это пустое психологизирование. Вы, очевидно, расстроены «демоническим» аспектом своего собственного поведения и намерены оправдать себя любой ценой.

— Ага, теперь вы уже читаете мои мысли? — парировал коротышка.

Зрители зашумели. Высокий нейтрализовал удар следующим заявлением:

— Нет, мой друг, я не читаю чужих мыслей, я просто использую широкие возможности своего подсознания для объяснения этиологии вашего поведения. Думаю, это ясно всем здесь присутствующим.

Толпа живо зааплодировала.

— Но, черт побери, — обратился к зрителям коротышка, — неужели вы не видите, что он просто играет словами? Факты свидетельствуют против него, не говоря уже о том, что эти подсознательные озарения — всего лишь плод его искренней веры в собственное всемогущество.

Послышался недовольный ропот, и один из зрителей шепнул на ухо Кромптону:

— Вечно они прибегают к аргументам *ad hominem*¹ как к последнему средству!

...Высокий закончил дискуссию убийственным выступлением:

— Мой несчастный, друг, вы непременно хотите сделать из меня виноватого? Прекрасно, я восхищен, я рад быть виноватым, если это хоть в какой-то мере поможет вашей больной психике. Но ради вашего же блага я вынужден подчеркнуть, что такие символические победы вряд ли послужат вам утешением, когда придет судный день. Нет, добрый мой товарищ, лучше взгляните смело в лицо реальности, посмотрите на окружающий мир — в нем есть страдания и боль, но есть и радость, и невыразимое блаженство в нашей, увы, быстротечной жизни на этой зеленой планете!

Воцарилось молчание, слышно было только шуршание касет в записывающих устройствах. Потом коротышка закричал:

— Иди ты к такой-то матери, словоблуд, ублюдок чертов!

Высокий поклонился иронически, толпа заволновалась. Коротышка попытался сделать вид, что эта вспышка раздражения была умышленной пародией на обычный поведенческий стереотип. Но никто не попался на эту удочку, кроме Кромптона, который нашел весь этот спор крайне странным и непонятным.

¹ Применительно к человеку (*лат.*). *Argumentum ad hominem* — доказательства, основанные не на объективных данных, а рассчитанные на чувства убеждаемого.

Вернувшись к себе в отель, Кромптон обнаружил на столе повестку: завтра к десяти часам утра его приглашали явиться на прием в Центр взаимочувствующей терапии.

Глава 6

Центр взаимочувствующей терапии представлял собой обширный комплекс зданий, разных по форме и размеру, соединенных между собою крытыми аллеями, перекидными мостиками, переходами, аппаратами и другими архитектурными деталями. А по сути Центр был единым гигантским строением на территории в 115, 3 квадратной мили. Это было одно из самых больших сооружений в данном районе Галактики, уступавшее только Центру переработанной пищи на Опикусе V, который занимал 207 квадратных миль.

Кромптон прошел в главные ворота, украшенные знаменитым девизом Центра: «Здоровый дух в здоровом теле — или крах!». Охранник обыскал его на предмет оружия, регистраторша проверила направление и отвела его в большой уютный кабинет на третьем этаже. Здесь его представили доктору Чейерсу, невысокому лысеющему толстяку с золотым пенсне.

— Присаживайтесь, мистер Кромптон, — сказал Чейерс. — Сейчас заполним вашу лечебную карту и начнем лечение. У вас есть ко мне вопросы? Пожалуйста, не стесняйтесь, спрашивайте обо всем, что вас интересует: мы все к вашим услугам.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Кромптон. — Не скажете ли вы мне, что последует за моим визитом к вам?

Доктор Чейерс сочувственно улыбнулся.

— Боюсь, не скажу. Этот вид информации предопределяет ваши ожидания и тем самым затормозит выздоровление и подавит вашу интуицию. Вы же не хотите, чтобы подобное произошло?

— Нет, конечно, — сказал Кромптон. — Но вы, наверное, можете сказать, сколько времени займет курс лечения?

— Это зависит только от вас, — ответил Чейерс. — Скажу вам откровенно: бывало, хотя и очень редко, что пациенты выздоравливали прямо в этом кресле, во время подготовки к лечению. Но, как правило, процесс излечения длится гораздо дольше. Самое главное — чтобы пациент созрел для выздоровления, ради этого мы и трудимся здесь. И, кроме того, я был бы не до конца искренен с вами, если бы не отметил, что динамика личного здоровья и рост динамики — это пока еще почти недоступ-

ная нашему пониманию переменная, или, как я предпочитаю ее называть, пучок взаимосвязанных модальностей потенциала.

— Я, пожалуй, понял, что вы имеете в виду, — сказал Кромптон. — Но вы лично — вы действительно уверены, что сможете вылечить меня?

— Наша уверенность выходит за рамки личного, — со спокойным достоинством ответил Чейерс. — Мы в Эйоне верим, что любое чувствующее существо от природы наделено здравым умом, а мы — лишь инструмент, призванный возродить его, и не более. У нас не бывает неудач — за исключением, разумеется, тех случаев, когда наши усилия оказываются безрезультатными из-за преждевременного прекращения жизненных процессов в организме пациента. К сожалению, мы не всемогущи. У вас есть еще вопросы?

— По-моему, вы дали мне исчерпывающий ответ, — сказал Кромптон.

— Тогда почитайте эту расписку, — предложил Чейерс, протягивая ему супертермофакс. — В ней говорится, что вы осознаете, что лечение может закончиться смертью, потерей памяти, неизлечимым безумием, слабоумием, импотенцией и другими нежелательными последствиями. Мы, конечно, примем все необходимые меры, чтобы избежать их, но если, к несчастью, что-нибудь подобное случится, вы не будете возлагать на нас вину за это, и так далее. Подпишите вот здесь, внизу.

Он передал Кромптону «вечное перо». Кромптон заколебался.

— Но ничего такого почти никогда не случается, — подбодрил его Чейерс. — Правда, терапевтическая методология включает в себя реальные ситуации с аутентичным исходом, и вас могут ожидать самые разные неожиданности, раз уж вы включились в эту игру.

...Кромптон вертел в руке «вечное перо» и думал о том, что такой расклад ему совсем не по душе. Все его нутро восставало против этой угрожающей и непредсказуемой авантюры, в которую вовлекал его Эйон. Если тебя с порога предупреждают, что здесь ты можешь продуться вчистую, имеет смысл поискать другую игру, где ставки будут ниже.

Но разве у него есть выбор? Он чувствовал, как его сожители, хотя и усыпленные, ворочаются, спорят и ссорятся внутри.

Перед ним стояла проблема выбора Гобсона¹, излюбленного персонажа кроссвордов, о котором Кромптон вспомнил как о живом олицетворении своей теперешней ситуации.

И тут он услышал глухое бормотание Лумиса: «Эл! Чё там у тебя? Чё деется?»

— Я согласен, — сказал Кромптон и поспешно, чтобы не передумать, нацарапал свою подпись.

— Ну и чудненько, — сказал доктор Чейерс, свернул расписку и положил себе в карман. — Добро пожаловать в мир терапии без обмана, мистер Кромптон!

Кресло Кромптона вдруг отъехало назад и стало опускаться в отверстие, открывшееся в полу.

— Стойте! Я еще не готов!.. — крикнул Кромптон.

— Вечно они не готовы! — проворчал где-то далеко вверх доктор Чейерс.

Отверстие закрылось, и Кромптон, сидя в кресле из искусственной кожи, бесшумно помчался вниз, в непроглядную тьму.

Глава 7

Наконец кресло остановилось. Кромптон встал и на ощупь определил, что находится в узком коридоре, один конец которого заблокировало кресло. Не отрывая руки от стенки, он пошел в тьмоте вперед по коридору.

Проснулся Лумис и спросил:

— Что происходит, Эл? Где мы?

— Это довольно трудно объяснить, — сказал Кромптон.

— Но что все это значит?

— Мы проходим спецкурс лечения. В результате мы должны стать цельной личностью.

— По-твоему, прогулки по адски темным туннелям — это и есть лечение?

— Нет, нет, это всего лишь пролог.

— К чему?

— Не знаю. Мне сказали, что этого лучше не знать.

— Но почему?

— Точно не знаю. Думаю, так у них построена система лечения.

¹ Гобсон Томас (умер в 1631г., Англия) — владелец прокатной конюшни, который обслуживал клиентов по принципу: или бери ту лошадь, которая стоит ближе всего к дверям, или не получишь никакой.

Лумис задумался, потом сказал:

— Не понимаю.

— Да и я тоже, — признался Кромптон. — Но так мне сказали.

— Ну-ну, — сказал Лумис. — Нет, это просто потрясающе!

В хорошенькую же историю мы вляпались по твоей милости! Ты считаешь себя умным, да? Так я тебе скажу кое-что: ты вовсе не такой умный, Эл! Ты просто дурак!

— Постарайся успокоиться, — попросил Кромптон. — Мы находимся в знаменитом и преуспевающем учреждении. Они знают, что делают.

— А по мне — все это чушь собачья, — заявил Лумис. — Давай слиняем отсюда и попробуем сами разобраться со своими проблемами!

— Боюсь, теперь уже слишком поздно, — сказал Кромптон. — А потом...

Вдруг непонятно откуда брызнул поток света и залил коридор, конец которого расширился и превращался в огромный зал.

Кромптон вошел в него и обнаружил, что это операционная. В глубине зала, в тени стояли ряды стульев. В центре располагался операционный стол, окруженный людьми в белых халатах, резиновых перчатках и марлевых масках. На столе лежал мужчина с накинута на лицо салфеткой. Радио негромко наигрывало прошлогодний земной топ «Клыкастые звуки» в исполнении Спайка Дактиля и группы «Парламентское охвостье».

— Ничего хорошего это нам не предвещает, — заметил Лумис. — Я, пожалуй, сделаю так, как советует мне мой внутренний голос: выйду из игры и буду искать забвения в своем обычном духовном занятии, которому привержен с детства — сосредоточусь на собственных гениталиях.

Пробудился Стэк и спросил:

— Что здесь происходит?

— Много чего, но мне сейчас некогда рассказывать все заново.

— Я могу объяснить ему, — предложил Лумис.

— Да, пожалуйста, только потише, ладно? — сказал Кромптон. — Я должен разобраться в этой ситуации. — Он повернулся к врачам: — Что тут творится?

У старейшего из докторов была раздвоенная седая борода и авторитарная манера поведения, которую он сочетал с ажурными разноцветными носками, — возможно, для создания некоего двусмысленного стилистического контраста.

— Вы запаздываете. Надеюсь, вы готовы начать?

— Как это — начать? — испугался Кромптон. — Я ведь не врач. Я не знаю, что делать.

— Именно потому вас и выбрали, что вы не врач, — вступил в разговор маленький рыжий доктор из задних рядов. — Видите ли, мы полагаемся на вашу непредсказуемость и рвение.

— Пора, поехали, — сказал кто-то из врачей.

Несмотря на сопротивление, Кромптона облачили в халат, натянули на руки резиновые перчатки и закрыли лицо марлевой маской. У Кромптона закружилась голова, он был как во сне. Странные мысли замельтешили в мозгу *«Бывшие замены? Несвоевременный гамбит. Лабиринт забывчивости! А потом ореховое масло»*.

Кто-то вложил ему в руку скальпель. Кромптон сказал:

— Если я буду действовать на уровне реальности, произойдет что-то страшное.

Он снял салфетку и увидел лицо пациента — жирное, с родинкой на левой щеке,

— Смотрите, смотрите хорошенько, — сказал ему доктор с раздвоенной бородой. — Полюбуйтесь на свою работу. Это ведь вы, и только вы довели его до такого состояния, и это так же верно, как то, что Господь создал зеленые яблочки.

Кромптон собирался было возразить, но его остановило неожиданное появление рыжеволосой девушки в прозрачном платье с узким лифом и широкой юбкой.

Она вошла в операционную и спросила:

— Доктор Гроупер готов заняться мною?

— Нет, — прошипел один из врачей, неприметный человек с выразительным голосом — мягким, липким и словно бы все время намекавшим на сальные непристойности.

Девушка кивнула и обратилась к Кромптону:

— Хочешь, покажу кое-что?

Это настолько ошеломило Кромптона, что он не смог ответить. Но Лумис в таких случаях всегда был тут как тут и, прервав свои попытки объяснить Стэку сложившуюся ситуацию, овладел телом и сказал:

— Всенепременно, дорогая, покажите мне кое-что.

Девушка взяла в руки кошелечек, прищипленный к поясу юбки, и достала оттуда маленькие серебряные ножнички.

— Я никогда никуда не хожу без них, — заявила она.

— Совсем никуда? Как интересно! — удивился Лумис. — Почему бы нам не прогуляться? Вы бы рассказали мне обо всем поподробнее. Между прочим, в этом заведении можно выпить хоть что-нибудь?

— Вы должны извинить меня, — сказала девушка. — Сейчас моим пустячкам пора в постельку.

И она исчезла.

— Очаровательно! — промурлыкал Лумис и последовал бы за ней, если бы в этот момент Кромптон не вернул себе тело.

— Может, займемся делом? — ледяным тоном сказал он. И обратился к врачам: — Насколько я могу судить, это каким-то образом входит в курс лечения? Ведь пациент здесь я, не так ли?

— М-да, здесь нужны некоторые пояснения, — сказал доктор с раздвоенной бородой, приподняв маску, чтобы почесаться, и приоткрыв при этом свою заячью губу.

— Но я так понял, что вам запрещено что-либо объяснять мне, — сказал Кромптон.

— Вы неправильно поняли. Нам можно объяснять все что угодно, только правду нельзя говорить.

— Но не подумайте, что это упрощает вашу задачу, — сказал, входя в зал, хирург-ординатор с небольшой доской для записей в руках. — Даже в нашем вранье есть для вас ценные крупы.

— Иногда ложь и правда — одно и то же, — сказал бородастый доктор. — В любом случае, они — часть нашей интуиции.

Кромптон посмотрел на человека, распростертого на столе. Он никогда раньше не видел его. В голове продолжалась сумятица. Сначала его беспокоило левое колено, а теперь он не мог вспомнить что-то очень простое, но забавное, и это раздражало его. Он слышал, как шептались между собой Лумис и Стэк. Это взбесило его: как они смеют шуметь у него в голове именно тогда, когда он должен оперировать! Он посмотрел на скальпель, зажатый в руке. Им снова овладела нерешительность. Он постарался вспомнить, где и когда он посещал медицинский колледж. Тут же перед его глазами возникло шоссе в Нью-Джерси рядом с заливом Чискуэйк. Ну и штучки вытворял с ним его мозг!

Он уставился на кусочек блестящей кожи между бровей пациента. Рассеянно поднял скальпель и глубоко рассек лоб.

Тут же в подвале раздался вой трансформатора символов, и скальпель в его руке превратился в розу на длинном стебле.

Кромптон ненадолго потерял сознание. Когда он пришел в себя, пациент, врачи, операционная — все исчезло.

Он стоял в английском парке на высокой скале, а над ним раскинулось бескрайнее синее небо, подернутое легкими облаками.

Глава 8

Когда-то раньше это, видимо, был прекрасный парк с правильными аллеями и симметричными дорожками. Но сейчас все в нем заросло, и он представлял собой печальную картину. Красная вербена пока чувствовала себя превосходно, и зубчатые листья каланхоэ имели вполне процветающий вид; но все вокруг покрыли цветущие одуванчики, а рядом с бельведером пристроился толстобрюхий кактус. Всюду на земле валялись консервные банки, газеты, собачьи испражнения и другие следы пребывания туристов.

Кромптон обнаружил, что в одной руке он держит грабли, а в другой — совок. И он знал, что от него требуется. Мурлыча себе под нос, он собирал в аккуратные кучи мусор, подбирал всякую вонючую дрянь и успел даже подрезать несколько кустов роз. Ему приятно было это занятие.

Но тут он заметил, что следом за ним распространяется зловоние, упадок и гибель. Куда бы он ни ступил, на этом месте появлялись участки гниющей земли.

Небо вдруг потемнело, по парку пронесся вихрь, тяжелые, черные тучи собралась над головой. Разразился сильный ливень, и парк мгновенно превратился в болото. И, будто этого было мало, всю окрестность потрясли оглушительные удары грома, а черно-синее небо располосовали зигзаги ослепительных молний.

Пропасть черных мух внезапно заполнила все пространство, за ними явились полчища перуанских долгоносиков и крохотных древоточцев. Затем пришел черед стервятников и игуан, и земля под ногами Кромптона задрожала, появились трещины, поднялась медленная зыбь.

Прямо перед ним разверзлась расщелина, в глубине которой Кромптон увидел серные всплески адского пламени.

— К чему все это, в самом-то деле? — спросил Кромптон.

На мгновение наступила жуткая тишина. Потом с небес грянул глубокий голос, шедший, казалось, одновременно со всех сторон:

— Дэниэл Стэк! Пришел твой час расплаты!

— Но послушайте, — сказал Кромптон, — я не Стэк, я Кромптон!

— А где Стэк? — громыхнул голос.

— Он тут, но лечат меня, а не его!

— Мне на это наплевать! — отпарировал голос. — Я получил

приказ спросить по заслугам с Дэниэла Стэка. Может, ты будешь вместо него?

— Нет, нет! — взмолился Кромптон. — Мне хватает своих проблем. Одну минутку, он сейчас явится.

Кромптон заглянул внутрь себя.

— Дэн!

— Оставь меня в покое, — сказал Стэк. — Я занимаюсь самоанализом.

— Тут кое-кто хочет побеседовать с тобой.

— Пошли их подальше, — сказал Стэк.

— Пошли сам, — сказал Кромптон и погрузился в столь необходимый ему и недолгий сон.

Стэк нехотя принял на себя контроль над телом со всеми его сенсорными элементами.

— Ну что там еще?

— Дэниэл Стэк! — снова воззвал голос с небес. — Пришел твой час расплаты. Я говорю от лица людей, убитых тобой. Ты не забыл их, Дэн? Это Арджил, Лэниган, Лэндж, Тишлер и Уэй. Долго же они ждали этого момента, Дэн, и теперь...

— Как звали последнего? — спросил Стэк.

— Чарльз Ксавьер Уэй.

— Я не убивал человека по имени Уэй, — заявил Стэк. — Других убивал, а его — нет.

— Разве ты не мог забыть, а?

— Вы что, смеетесь? Совсем уж за придурка меня держите? Чтобы я да не помнил тех, кого убивал? Кто этот Уэй, и почему он хочет повесить на меня всех дохлых кошек?

На время все смолкло, слышно было только шипение дождя, падающего в огненную расщелину. Потом голос заявил:

— Делом мистера Уэй мы займемся позже. Но вот, Дэн Стэк, твои мертвецы идут сюда, чтобы поприветствовать тебя.

Опять стало тихо. Потом откуда-то раздался раздраженный голос:

— Да сотрите вы этот парк! Бог мой, да пошевеливайтесь же, есть тут кто-нибудь?

И спустилась тьма, такая густая, как будто все кругом окутали пушистым мартышкиным мехом.

Глава 9

Встревоженный происходящим, Кромптон вернул себе контроль над телом. Он увидел, что стоит посреди большой комнаты, окрашенной в желто-коричневый цвет, с высокими узкими

окнами и неуловимым запахом закона. На противоположной стене висела табличка: «Верховный кармический суд, секция VIII, председательствующий судья О. Т. Градж». Комната выглядела в точности как судебный зал в любом провинциальном американском городишке: ряды деревянных скамей для зрителей и заинтересованных сторон, столы и стулья для юристов, истцов, адвокатов и свидетелей. Кресло судьи стояло на возвышении, справа от него располагалась стойка для дачи свидетельских показаний.

Судебный пристав провозгласил:

— Всем встать!

В зал влетел судья Обадня Градж, маленький, почти лысый человек среднего возраста с розовыми щеками и блестящими голубыми глазками.

— Прошу садиться, — сказал он. — Сегодня мы разбираем дело Дэниэла Стэка, существа чувствующего, у которого концы с концами не сходятся, и нам поэтому, попросту говоря, необходимо их связать в соответствии с законом причинности, в том виде, как он обычно трактуется в этом углу Галактики. Подойдите сюда, мистер Стэк.

— Я представляю его, ваша честь, — сказал Кромптон, — Он всего лишь один из компонентов моей личности, так сказать, мой подопечный, в чем вы, безусловно, разберетесь, если вникнете в детали этого случая. Стэка нельзя рассматривать как самостоятельного индивида с собственными правами. Он не персона и даже не персонаж, в том смысле, в каком обычно употребляют это слово критики, если мне позволено будет прибегнуть к этой аналогии. Стэк — это часть более значительной личности, то есть меня, извините за нескромность; его вычленили из меня по причинам, не зависящим от нас. И мы утверждаем, что Дэниэла Стэка нельзя судить в качестве индивидуума, поскольку его так называемая индивидуальность есть не более чем одна из граней меня самого, чьей тенью, по сути дела, он и является, если можно так выразиться.

— Мистер Кромптон, вы сами готовы понести наказание за те преступления, которые мы здесь докажем? — спросил судья.

— Ни в коем случае, ваша честь! Я, Элистер Кромптон, не совершал никаких преступлений, поэтому, если бы даже я захотел, меня за них судить нельзя. Но я настаиваю на том, что и Стэка нельзя судить по причине, как было изложено выше, отсутствия индивидуальности, а также потому, что у него просто нет тела, которое можно было бы подвергнуть наказанию.

— Нет тела?

— Нет, ваша честь! Его тело погибло. Он временный жилец в теле Элистера Кромптона, то есть в моем теле. Я сейчас нахожусь в процессе реинтеграции, которую можно рассматривать как смертный приговор тем остаткам индивидуальности, что еще находятся в распоряжении Стэка: он прекратит свое существование полностью, став чисто символической частью меня самого. И раз уж тело Стэка погибло и скоро прекратит свое существование его личность, я взываю к habeas corpus¹: здесь нет ни ума, ни тела, ответственных за преступления Дэна Стэка.

— Ваши аргументы убедительны и связно изложены, мистер Кромптон, — хихикнул судья. — Но мне не придется принимать их к сведению, так как они не относятся к делу. Самое интересное в ваших рассуждениях — это вопрос о том, что является частью целого и что можно считать дискретным, завершенным и самодостаточным. Но это чисто философский вопрос. Что же касается обвинения, тут все ясно, оно построено на основе бесчисленных прецедентов, цитировать которые нет нужды. Достаточно сказать, что, согласно закону, любое явление на одном уровне можно рассматривать как законченное целое, а на другом — как составную часть чего-либо. Поэтому ни ваше положение, ни мое качественно не отличаются от положения Дэна Стэка. Все мы в ответе за то, что творим, мистер Кромптон, независимо от того, насколько далеки наши характеры от цельности и завершенности.

— Но ваша честь, мне-то каково? Я, к своему несчастью, вынужден делить свое тело со Стэком. И любой вынесенный ему приговор падет на мою голову, что совершенно несправедливо.

— Чисто человеческая ситуация, мистер Кромптон, — мягко заметил судья.

— Но я невиновен в преступлениях, совершенных Стэком. А в основе юриспруденции, которую мы оба с вами исповедуем, всегда лежал принцип, что невинный не должен пострадать ни в коем случае, даже если для этого придется освободить виновного!

— Но вы не невинны, — настаивал судья Градж. — Вы отвечаете за Стэка, а он за вас.

— Но как же так, ваша честь? И физически, и умственно мы были разьединены со Стэком, когда он совершал свои преступления.

— С позиции кармического закона шизофрения не может

¹ Начальные слова английского закона 1679 г. о неприкосновенности личности.

служить оправданием, — заявил судья. — Все составные части ума/тела в ответе друг за друга. Или, проще говоря, левая рука так же подлежит наказанию, как и правая, укравшая варенье из банки.

— Отвод! — потребовал Кромптон.

— Отклоняю, — сказал судья. — Пусть выйдет сюда Стэк, процесс начинается.

Глава 10

Кромптон передал контроль над телом Стэку.

— Дэниэл Стэк? — спросил судья.

— Да, ваша честь, — ответил Стэк.

— Вот ваши обвинители. — Судья указал на расположенную прямо перед ним скамью. На ней сидели четверо мужчин, выглядевших так, будто они только что побывали в автомобильной катастрофе. Израненные, окровавленные, угрюмые — в общем, картинка из фильма ужасов.

Стэк подошел к скамье. Обвиняемый и обвинители посмотрели друг на друга. Затем Стэк кивнул им, и они кивнули ему в ответ.

— Да-а-а, — сказал Стэк, — никак не думал, что так скоро придется свидеться с вами. Ну и как вы?

Эбнер Лэндж, самый старший из его жертв, сказал:

— Да мы в порядке, Дэн. Ты-то как?

Он говорил с трудом, потому что череп у него был разрушен топором.

— А я малость запутался, — сказал Стэк. — Но это слишком долго рассказывать. Давайте лучше ближе к делу. Вы что, ребята, что-то имеете против меня?

Мужчины неловко посмотрели друг на друга. Потом Эбнер Лэндж сказал:

— Да мы тут по делу об убийстве, Дэн, ты же нас убил. Мы — неизбежное следствие твоих поступков, и поэтому мы составляем главную часть твоей невыполненной кармы. Так они нам объяснили, но, по правде говоря, я не совсем понял, что к чему.

— А я так и вовсе ничего не понимаю, — сказал Стэк. — Но сами-то вы чего хотите?

— Черт его знает, — сказал Лэндж. — Они велели нам прийти сюда и выступить каждому за себя.

Стэк потер подбородок. Он был сбит с толку и не мог придумать, что ему делать с этими парнями.

— Ну что я могу сказать вам, ребята? Так уж получилось, — пробормотал он.

Один из пострадавших, Джек Тишлер, высокий мужчина с начисто отстреленным носом, заявил:

— Черт побери, Дэн, может, это вовсе не мое дело, но мне кажется, что от тебя здесь ждут раскаяния или чего-то в этом роде.

— Ну ясно, — сказал Стэк. — Я сожалею. Я прошу прощения за то, что поубивал вас всех, парни.

— Не думаю, что это все, чего они хотят от тебя, — сказал Лэндж. — Человек убил человека, и он должен сказать что-нибудь еще, а не промямлить просто «сожалею». Да разве ты на самом деле о чем-то сожалеешь, а?

— Да нет, пожалуй, — признался Стэк, — Это я из вежливости. А можете вы назвать мне хоть одну причину, по которой я действительно должен о чем-то сожалеть?

Жертвы задумались. Потом Рой Арджил сказал:

— Ну хотя бы из-за наших овдовевших жен и осиротевших детей. Как насчет них, Дэн?

Стэк усмехнулся.

— Ты бы еще вспомнил о своих троюродных сестричках с их разбитыми сердцами и о любимых собачках. Вы, братцы мои, плевать на них хотели, пока были живы. Что это вас сейчас вдруг так разобрало?

— Дело говорит, — заметил Джим Лэниган.

— Дэн всегда был силен потрепаться, — согласился Лэндж.

— А если бы вы прикончили меня, вы бы сильно об этом сожалели? — спросил Дэн.

— Черта с два, — сказал Эбнер Лэндж. — Я бы и сейчас с удовольствием сделал это, если б мог!

Стэк повернулся к судье.

— Вот мы и разобрались, ваша честь, — сказал он. — Я всегда утверждал, что убийство надо рассматривать как преступление без жертвы, потому что ни до, ни после никто ни о чем не жалеет, и это в основном вопрос везения: кто убьет, а кто будет убитым. Поэтому я почтительно предлагаю: хватит разводить здесь этот базар, пошли выпьем на пару и забудем все это дело.

— Мистер Стэк, — сказал судья Градж, — вы являетесь собой пример морального уродства, и мне хочется дать вам по морде, да простится мне это простонародное выражение.

— Ах вот оно что! — сказал Стэк. — Ваша честь, не хочу оскорблять вас, однако разрешите не согласиться с вами по поводу морального уродства. С моей точки зрения, это вы слабы морально, когда преувеличиваете и придаете несоответствующую важность процессу ухода из жизни чувствующих существ. Вы за-

блуждаетесь, судья, все мы покинем сей мир, а каким образом — не так уж это важно. И кроме того, кто вы такой, чтобы сидеть там и судить о кодексе чести и о чувствах людей?

— Я фон судия, — с удовольствием отрекомендовался судья. — И поэтому я здесь сижу и творю суд над вами, Дэн. Должен признаться, я с интересом выслушал ваши логические обоснования, а ваши убогие потуги в области дискурсивной философии послужат прекрасным развлечением для моих коллег в клубе «Справедливость». А теперь мне осталось только объявить вам приговор, что я и сделаю не без удовольствия.

Стэк выпрямился и, не спуская глаз с судьи, сложил на груди руки в знак презрения.

— Und zo¹, — сказал судья, — выслушав показания свидетелей, поразмыслив и взвесив все обстоятельства, я выношу следующий вердикт: отсюда вас отведут на место наказания, где подвешат вниз головой над котлом с кипящим коровьим дерьмом и заставят слушать симфонию до-минор Франка, исполняемую на игрушечной дудочке казу, до тех пор, пока кармометр не покажет, что ваша сперма сварилась и вы созрели для окультуривания.

Стэк отступил на шаг с выражением ужаса на лице.

— Только не казу! — взмолился он. — Ради всего святого, откуда вы узнали о казу?

— Ну недаром же нас считают знатоками психологии, — сказал судья. — Обнаружением этой маленькой скрытой фобии мы обязаны миссис Аде Стэк. Встаньте и поклонитесь, Ада!

В задних рядах поднялась со скамьи приемная мать Дэна и помахала ему зонтиком. Ради такого случая она подкрасила волосы хной и сделала прическу.

— Ма! — закричал Стэк. — Зачем ты это сделала?

— Ради твоего же блага, Дэниэл, — сказала она. — Я просто счастлива, что могу способствовать твоему спасению, сынок, а эти добрые люди сказали мне, что любой пустяк может помочь им добраться до твоего нежного, любящего, богобоязненного сердца, которое, как нам всем известно, жаждет исправиться.

— Бог мой, — заскрипел зубами Стэк, — я совсем забыл, какая ты у меня дурочка!

— Ну прости меня, если я причинила тебе неприятности, — сказала миссис Стэк. — По крайней мере, они ничего не узнали от меня о кружевных панталонах и маленькой пластмассовой лейке.

¹ Итак (нем.).

— Ма!!

— Я всегда хочу только хорошего, но я такая неуклюжая, — сказала миссис Стэк. — Такая уж я с детства. Если позволите, я расскажу одну трогательную историю...

— В другой раз, — остановил ее судья. — Приставы! Отведите этого грубияна к месту его заслуженных мучений.

Через боковую дверь в комнату вошли четыре бугая в водонепроницаемых костюмах в клеточку и схватили Стэка. Кромптон изо всех сил пытался взять на себя контроль над телом, чтобы заявить о своей невменяемости. (Он сыграет сумасшедшего, если другого выхода нет. Кромптон не имел ничего против казу, но висеть вниз головой над котлом с кипящим коровьим дерьмом... Это уж увольте!)

В это самое мгновение прозвучал пронзительно-мелодичный удар гонга.

Глава 11

Двери примыкающих к залу двух смежных комнат распахнулись, и процессия жрецов в серебряных одеждах, с бритыми головами и резными чашами для подаяний в руках прошествовала через проход. Под торжественный аккомпанемент тимпанов и селестий они нараспев бубнили басом какие-то непонятные мантры, пока не достигли подиума, на котором восседал судья. Тут они остановились и преклонили колени немыслимо сложным и грациозным образом. Когда обряд был завершен, вперед выступил самый почтенный из жрецов.

Он кивнул судье.

Он поклонился Дэну Стэку!

— Добро пожаловать, добро пожаловать, трижды добро пожаловать, о, Аватар! — обратился почтенный жрец к Стэку. — Мы, наше Имманентное Братство, пользуясь предоставленной нам возможностью, благодарим тебя за то, что ты, преодолев все трудности, явился нам во плоти. Это исключительно великодушно с твоей стороны. Мы понимаем, что это входит в твой обет и явление твое предопределено, и все же нам хочется, чтобы ты знал, бодхисатва¹: мы это высоко ценим.

— Гм! — довольно уклончиво ответил Стэк.

— Мы приготовили для тебя прекрасное помещение в храме, хотя нам известно твое почтенное равнодушие к подобным ве-

шам. Что касается еды, мы знаем, что ты довольствуешься любой пищей или вообще обходишься без нее, поэтому нам довольно трудно составить приятное для тебя меню. Но мы стараемся. Ты увидишь, что дела человеческие мало в чем изменились после твоего последнего воплощения на Земле. Та же пьеса, актеры другие.

Тут не выдержал судья Градж.

— Но постойте, падре, я не хочу обидеть ваши религиозные чувства, я понимаю — у вас свои способы обделывать дела. Но так уж получилось, что этот парень, которого вы называете Аватаром, — хладнокровный убийца. Я просто подумал, что вам это будет небезынтересно.

— Ах! — сказал жрец. — Это просто недоразумение, и весьма забавное!

— Отказываюсь понимать вас, — сказал судья.

— Этот человек, Дэниэл Стэк, — сказал жрец, — вовсе не то существо, кому мы пришли воздать честь. О нет! Стэк — всего лишь колесница, внешняя оболочка, которую скоро взорвет Аватар...

— Неплохая идея, — согласился судья. — Возможно, это даже лучше, чем коровье дерьмо.

К этому моменту Кромптону удалось завладеть телом.

— Послушайте, — сказал он, — все это неверно. Прежде всего, это тело принадлежит не Стэку. Это *мое* тело. Я Элистер Кромптон, и я стараюсь добиться реинтеграции всех компонентов моей личности.

— Все это нам известно, — сказал жрец. — Наши Мудрейшие в своих пещерах на Тибете и на вершинах гор в Калифорнии все это предвидели. Мы сочувствовали той неуместной одержимости, с которой вы бросились в погоню за несбыточной надеждой.

— Почему это несбыточной? Я прекрасно знаю, что делаю!

Жрец сокрушенно покачал головой.

— Все ваши знания порочны. Вы, наверное, считаете, что живете своей собственной жизнью и добиваетесь своих целей?

— Конечно!

— Но это совсем не так. Никакой независимой собственной жизни у вас нет. Это не вы живете, это вас живут. Вы просто автомат со встроенным «я» — рефлексом. Ваша жизнь не имеет никакого смысла, потому что вы даже не личность. Вы не более чем случайный набор непоследовательных и кратковременных стремлений. Ваше единственное назначение — служить непроизвольной колесницей, чтобы доставить к нам Аватара.

— А кто такой Аватар? Надеюсь, вы не имеете в виду Лумиса?

¹ Бодхисатва — тот, чья сущность — просветление (санскр.). У буддистов — наставник, ведущий людей по пути самосовершенствования.

— И вы, и Лумис, и Стэк — все вы лишь ступеньки эволюции, не более. Миллионы лет назад в Совете, ведающем тайнами документами человечества, была запланирована ваша встреча с единственной целью — доставить сюда бодхисатву Майтрейя¹, который вам известен под именем Бартона Финча.

— Финч! — вскричал Кромптон. — Но он же дебил!

— Так-то вы разбираетесь во всем этом! — сказал жрец.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно.

— И вы настаиваете на том, что смысл всей моей жизни — доставить Финча в этот мир?

— Прекрасно сказано, — согласился жрец. — И вас будут почитать как непосредственного предвестника сверхчеловека. Вы как личность выполнили свое космическое предназначение, что должно послужить для вас великим утешением. Теперь вы можете отдыхать, Кромптон, — и вы, и Лумис, и Стэк, так как ваши кармические обязательства исполнены, и вы освободились от цикла страданий и перерождений, наслаждения и боли, зная и стужи. Вы свободны от Колеса Жизни! Разве это не прекрасно?

— О чем это вы? — подозрительно спросил Кромптон.

— О том, что вы достигли нирваны!

— А что такое нирвана?

Этот вопрос вызвал оживление в рядах жрецов и послушников, поскольку в наше время редко выпадает возможность продемонстрировать свои эзотерические познания в ответ на столь прямо поставленный вопрос — не то что в далекие времена дзэн², когда в мире было еще много прямодушных людей.

— Нирвана, — сказал один из жрецов, — это опухоль на моем мизинце.

— Нет, — сказал другой. — Нирвана — это все что угодно, только не опухоль на вашем мизинце.

— Зачем вы так усложняете? — сказал третий. — Нирвана — это то, что остается после того, как вытекла вся вода.

И еще многие готовы были высказать свои соображения, но тут невысокий, но довольно почтенный жрец поднял руку, требуя тишины, и громко пукнул. Четыре ученика немедленно впали в состояние самадхи³. Казалось, окончательный ответ наконец-то найден, но тут другой невысокий и очень почтенный жрец недовольно буркнул:

¹ Майтрейя — в буддийской мифологии бодхисатва и Будда грядущего мирового порядка, который ждет своего прихода в мир людей.

² Течение в буддизме, возникшее в Китае в VI в.

³ Состояние религиозного транса (санскр.).

— В этом больше вони, чем смысла.

— Совсем не легко объяснить нирвану, — сказал Кромптон, первый его собеседник. — Для этого никакие слова не годятся, так что трудно дать определение. Короче говоря, вы просто ничего не будете чувствовать и даже не будете осознавать, что ничего не чувствуете.

— Мне это не нравится, — мгновенноотреагировал Кромптон.

— Да вы только подумайте, — сказал ему судья, — вы же отказываетесь от очень выгодного предложения. Этот религиозный джентльмен весьма мило предлагает вам нирвану в обмен на то, что из вас выплутится их Бог, или дьявол, или какой-то чудодей, словом, этот самый Финч, а вы тянете волынку, будто он предлагает вам что-то ужасное.

— Эта нирвана, — сказал Кромптон, — похоже, не что иное, как смерть.

— Ну так что же, — сказал судья, — попробуйте, может это не так уж плохо.

— Если вам это кажется таким привлекательным, почему бы вам самому не попробовать?

— Потому что я недостоин, — сказал судья. — Но все-таки, где этот Финч? Я хотел бы получить от него автограф для сына. Трудно найти хороший подарок для ребенка двадцати двух лет, который дал обет жить в нищете и поселился в пещере Бхутан.

— Между прочим, — промолвил почтенный жрец, — я забыл сказать, что вместе с нирваной вы обретете полное и абсолютное просветление.

— Ну надо же! — сказал судья. — Это уже действительно кое-что!

— Но я не желаю просветления! — закричал Кромптон.

— Вот это, — заметил один из жрецов другому, — и есть настоящее просветление!

Почтенный жрец сказал:

— Хватит ходить вокруг да около. Приступим к церемонии.

Гобои заиграли туш. В воздухе разлилось сияние. Рои неземных созданий вступили в зал с четырех сторон Вселенной, чтобы приветствовать новоявленного бодхисатву. Были там, конечно же, индуистские боги, пришли Тор, Один, Локи и Фригг¹, переодетые в шведских туристов, потерпевших разочарование в любви. Явился сам Орфей в желтой шелковой рубашке и в джинсах

¹ Тор, Один, Локи — боги скандинавской мифологии, Фригг — богиня любви, семейного очага в германской мифологии.

«Левис», сыграл на электрической аргентинской гитаре, включив ее в сеть через свой тумос. Показался и Кецалькоатль¹ в боа из перьев, за ним — Дамбалла в ожерелье из черепов и многие, многие другие.

Они целиком заполнили зал, зарядив атмосферу такой духовной мощью, что даже мебель и другие предметы приобрели квазичеловеческие черты и было слышно, как красный бархатный занавес говорил портрету Вашингтона: «Хотел бы я, чтобы мой дядюшка Отто увидел все это своими глазами».

— А теперь, — сказал Кромптону жрец, — не будете ли вы так добры убрать свою псевдоличность и позволить Финчу...

— Черта с два, — прорычал Кромптон. — Если Финч такая значительная фигура, пусть найдет себе другое тело. Это я оставляю себе.

— Вы расстраиваете все мероприятие, — сказал ему жрец. — Вы способны думать о ком-нибудь, кроме себя? Неужели вы не понимаете, что все сущее взаимоподобно?

Кромптон помотал головой. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом кондиционера.

И вдруг в центре зала воздвиглось нечто гигантское. Черное, многоголовое, в ботинках девятого размера, по форме похожее на удава, проглотившего козу. Его конечности из слоновой кости испускали серебряное сияние, свисавшие со всех сторон щупальца сжимали самое разнообразное, острое и зубастое оружие.

— Я Тангранак, — заявило зловещее явление. — Знаете ли вы, что сейчас три луны Квууца выстроились в ряд с великим созвездием Грепцера и двуногие поклонники Мерзопакости в горошек требуют крови в качестве Фай-дара согласно нашему давнему соглашению? И вот посредством непредвиденных случайностей, настолько мимолетных, что это трудно себе представить, явился я, чтобы принести смерть Избранному.

— Кто это? — спросил почтенный жрец невысокого.

Тот быстро просмотрел распечатку микрофильма «Краткого справочника галактических божественных сил» Смита, которую астральным способом переправил ему из Лхасы недремлющий Божественный Анализатор и Табулятор (БАТ).

— Не нахожу никаких упоминаний о нем.

— А не мошенник ли он? — задумчиво протянул почтенный. — Да нет, вряд ли. Он, должно быть, из другой вселенной. Это самое подходящее объяснение для всего необъяснимого.

— Но можем ли мы разрешить ему присутствовать в собра-

нии? — спросил невысокий жрец. — Он выглядит грубым и человекообразным и совсем не относящимся к нашему виду.

— А что мы можем сделать? Божества из других вселенных всегда пользовались привилегией посещения наших собраний. Во всяком случае, он решит нашу проблему.

— Ах вот оно что!

— Именно. Кромптон отказывается слить свое фиктивное «я» с квинтэссенцией угасания, которую включает в себя обретение нирваны, и таким образом открыть дорогу бодхисатве Финчу. Мы люди мирные и не можем силой принудить Кромптона погаснуть, как бы нам этого ни хотелось. А тут в нужный момент является это мужеподобное божество, чтобы сделать за нас нашу работу. Разве не замечательно? Тангранак, делай свое дело!

Глава 12

В этот момент произошла полная смена декораций — цвета, скорости, действия. Исчезли торжественные жрецы, судья, жуткое экстраселенское божество, судебный зал и вся его невзрачная обстановка. Не осталось ничего, кроме вереницы блестящих бронзовых кубиков — основных кирпичиков для построения реального мира. Потом и они куда-то делись, и осталась только пыльная субстанция сновидений, которая спрессовалась, выпустила отростки и протуберанцы и превратилась в помещение, точь-в-точь похожее на секретный контрольный бункер Безжалостного Минга в недрах невидимой планеты Ксинго.

Кромптон стоял посреди комнаты, пытаясь хоть что-нибудь понять.

В комнату вошел человек. Несмотря на оранжевое трико и чудовищный парик, Кромптон узнал бы его где угодно.

— Джон Блаунт!

— Удивлены, Кромптон, а? Я с удовольствием наблюдал за всеми вашими бесполезными метаниями по Галактике. Так близко и так далеко, а, Кромптон? Хи-хи-хи!

— Как вам удалось похитить меня? — спросил Кромптон. — Институт наверняка начнет поиски.

— Сомневаюсь, — сказал Блаунт. — Видите ли, я хозяин Эйона.

— Агр-р! — сказал Кромптон.

— Я расставил ловушку для вас давным-давно, Элистер. Мои агенты под маской конюхов, полковников, доверенных лиц и официанток постоянно находились при вас, а при случае по-

¹ Пернатый Змей, легендарный вождь тольтеков.

могали вам. Почему бы нет? Я был рад помочь вам добраться до Эйона... и до меня.

— Долго же вы точили зуб на меня, — заметил Кромптон.

— Мой «зуб» питает и насыщает меня, — сказал Блаунт. — Мне с ним интересно жить, благодаря ему я раскрыл в себе новые таланты. Я вам чрезвычайно признателен, Кромптон. Без вас я бы никогда не узнал истинного смысла и цели моей жизни.

— И цель вашей жизни, видно, состоит в том, чтобы мстить мне.

— И это тоже. Но это только начало. Сколько возможностей открылось, Кромптон!

— Не понимаю.

— Вы верующий, Кромптон? Думаю, что нет. И вы едва ли способны постичь всю грозную красоту того, что случилось со мной однажды в роковой день, когда я как всегда твердил себе: «Не забудь, ты должен отомстить Кромптону».

— Что же с вами случилось?

— В моей голове вдруг раздался голос, великий Глас, который, казалось, шел ниоткуда и отовсюду, и я пал на колени, так как сразу узнал, что это Истинное Слово. И Глас сказал мне: «Джоник! (Да, он употребил именно это имя, так меня называла только моя покойная бабушка!) Джоник! Что ты собираешься делать, когда покончишь с Кромптоном?» Я ответил: «Тогда, наверное, я буду нуждаться в отдыхе; может быть, куплю на несколько недель Португалию». И Глас сказал мне: «Мелко плаваешь, Джоник!» И я сказал: «Согласен, Господи, это звучит довольно банально, так ведь? Вот я, самый богатый, самый умный, самый всемогущий человек во Вселенной, и на что я расходую свою жизнь? На отмщение какому-то Кромптону! А потом у меня вообще ничего не останется. Скажи мне, что я должен делать?» И Он сказал: «Все очень просто, Джоник. Покончив с Кромптоном, примись за *всех остальных!*» И словно яркий свет вдруг озарил мою душу, и я упал ниц, и смеялся, и плакал, и благодарил Господа. Единственный раз в жизни меня посетило божественное откровение!

Блаунт прервался, чтобы отпить глоток воды.

— И чем больше я размышлял об этом, тем больше убеждался в Его правоте. Действительно, почему бы не отомстить всем тем, кто хоть когда-нибудь причинил мне неприятность? Это была захватывающая идея, и я тут же сел составлять список. Но таких людей оказалось слишком много. Тогда я решил разбить их по категориям. Надо было разделаться со всеми официантами и водителями такси, поп-певцами и полицейскими, контро-

лерами автомобильных стоянок и устроителями гонок на роликах, фермерами и виноделами, фолк-певцами, наркоманами, юристами, албанцами, бейсболистами... Я мог перечислять еще и еще.

— Уверен, что не только могли, но именно так и сделали, — сказал Кромптон.

— Тогда я понял, что лучше составить список тех, кого я *не хочу* убивать, это сэкономит время. Я думал, думал и пришел к выводу, что таких просто нет. Я было решил спасти грязных далматов, потому что один далмат воспитал меня. Но даже они немало соли насыпали мне под хвост. И вдруг меня озарило: ведь я ненавижу всех и вся. Это облегчило мою задачу. Я сообразил, что мне нужно делать. Уверен, и вы поняли, что я имею в виду.

— Вы действительно имеете в виду то, о чем я подумал? — спросил Кромптон.

Блаунт помолчал немного.

— А что вы подумали?

— Я подумал, что вы на полном серьезе намереваетесь уничтожить все человечество.

— Правильно! Именно это я собираюсь сделать! И мужчин, и женщин! И животных, потому что все они — дерьмо собачье.

— Да вы спятили! — задохнулся Кромптон.

— Выпустите меня отсюда! — завопил Лумис.

В разговор вдруг вмешался Дэн Стэк.

— Уймись, — уверенно и безапелляционно заявил он. — Похоже, ситуация как раз подходит для вашего покорного слуги. Беру контроль на себя.

Кромптон не сопротивлялся. Дэн Стэк овладел телом.

Глава 13

— Да, — сказал Стэк, — впечатляющий план, ничего не скажешь! Просто чертовски хорош!

Блаунт был поражен.

— Но... Спасибо большое! А я-то думал, что в вашем положении...

— Вот еще! — сказал Стэк. — При чем тут мое положение? Я способен оценить артистизм. А вы большой артист, детка.

— Вы и в самом деле чувствуете? — спросил Блаунт. — И вы не считаете меня сумасшедшим?

— Вы такой же сумасшедший, как и я! — подмигнув, сказал Стэк. — Да я на вашем месте сделал бы то же самое, а я не сумасшедший, верно?

Глава 14

— Конечно! — сказал Блаунт. — Так вам и вправду нравится мой план?

— Я в восторге от него! — сказал Стэк. — С чего начнем?

— Первоначальные шаги я уже разработал, — с гордостью заявил Блаунт.

В этот момент Кромптону удалось перехватить контроль и крикнуть:

— Нет, я отказываюсь участвовать в этом и вам не позволю!

— Что это с вами? — спросил Блаунт.

— Да нет, — сказал Стэк, — это не я, это был Кромптон.

— А вы что — не Кромптон?

— Конечно нет. Я один из его компонентов. Мое имя Дэн Стэк.

— О! Рад познакомиться. Трудно поверить... То есть вы так похожи... А я Джон Блаунт.

— Я о вас все знаю, — сказал Стэк. — Я прошелся по файлам кромптоновской памяти.

— Тогда вам известно, что он сотворил со мной.

— Известно. И это не делает ему чести, — сказал Стэк. — Да и вообще он дерьмо порядочное. Господь свидетель, я не видел ничего, кроме тревог и мучений с тех пор, как он уговорил меня воссоединиться!

— Могу себе представить. Знаете, Дэн, вы мне нравитесь. Слушайте, я не прочь оставить вас при себе, если вас это устраивает.

— Еще как устраивает, — ответил Стэк.

— Мне ведь не с кем даже поговорить о моем деле, представляете?

— Уничтожение человечества — занятие, требующее одиночества, — согласился Стэк.

— Но мы должны отделаться от этого Кромптона.

— Точно. Вы читаете мои мысли. Что-нибудь сообразим. — Стэк хихикнул. — Раз уж мы займемся Кромптоном, прихватим заодно и Лумиса. Grosh ему цена в базарный день!

— А вы интересно мыслите, — заметил Блаунт, обеими руками пожимая руку Стэка. — С вами будет приятно работать. А теперь пойдемте в мою комнату военных игр и займемся планом всеобщего уничтожения. Сначала я разделаюсь со всеми земными почтальонами. Хватит терпеть вечные задержки с доставкой моих важнейших посланий.

— Прекрасно, — сказал Стэк. — Пошли.

И в это мгновение произошел разрыв континуума. Он начался в виде мерцания, дрожания и сотрясений. Потом появились клубы желтоватого дыма, сгустившиеся в медведей коала, которые тут же попрятались под мебелью. Затем стены пошли пузырями и затрещали, кресла то вспыхивали ярким светом, то гасли.

Все это предвещало опасность вселенотрясения, которое изменяет все вокруг и, как правило, к худшему.

Комната преобразилась в римский Форум, в Башню торговцев, в застенки для предателей в Сан-Франциско, в торговый ореховый центр «Стакки» в Джорджии и наконец стала довольно небрежной копией греческого рекреационного зала из 2001 года.

В этом зале вокруг огромного стола из красного дерева сидели мужчины в ковбойских шляпах и черных шелковых масках.

Из потайной двери слева в зал стремительно вошел человек в серо-голубом костюме и теннисках. Это был Секюль.

— Агр-р! — прохрипел Блаунт, и лицо его посерело.

— Да, — сказал Секюль, — пришел час расплаты, Блаунт. Здесь собран Комитет по охране целостности повествования. Возможно, вам он лучше известен под названием «Архетип Бдительных».

— Бог мой, нет! — воскликнул Блаунт.

— Блаунт, вам действительно должно быть стыдно. Ваше вшивое Weltanschauung¹ никому не интересно. Это повесть о Кромптоне, а вы в ней всего лишь второстепенный персонаж.

— Но, черт возьми, — сказал Блаунт, — действующее лицо имеет право на самосовершенствование, не так ли?

Секюль обратился к Бдительным:

— Джентльмены, думаю, вы тоже заметили: Блаунт из эгоистических побуждений сломал сценарий и, исказив сюжет, направил действие в нежелательное и невыгодное русло.

— Ясное дело, — подтвердил один из Бдительных. — Считаю, его надо вообще вымарать из повести.

— Блаунт, как вы хотите исчезнуть? — спросил другой. — В автомобильной катастрофе? В толпе во время коронации? Или примете снотворное?

— О, пожалуйста, не вычеркивайте меня! — взмолился Блаунт. — Простите! Я раскаиваюсь, я больше так не буду!

¹ Мировоззрение (нем.).

— Сомневаюсь, можно ли вам верить, — сказал Секюйль.

— Я буду хорошим! Вот увидите! Вы еще будете гордиться мной!

— Хм...

Блаунт не стал терять времени даром. Почувствовав, что ему предоставлена последняя возможность избежать вычеркивания из повести, он обратил все свое имущество в наличные, раздал их бедным и ретировался в ту самую пещеру Бхутан, где обитал Отто Градж, сын судьи О. Т. Граджа. Через несколько лет о Блаунте заговорили, как о Странном Монахе — так его прозвали за привычку пересчитывать свои зубы на людях. В этой повести вы больше не встретитесь с ним.

— Секюйль, не знаю, как вас благодарить, — сказал Кромптон. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам в вашей Игре?

— Вы уже помогли мне, Кромптон, — сказал Секюйль, — тем, что вляпались в эту забавную ситуацию, из которой я благополучно извлек вас, заработав таким образом пятьсот красных очков за три чистых броска. Вот так-то.

— Я очень рад, — сказал Кромптон.

— Ну, пока.

Секюйль записнул «Архетип Бдительных» в большой коричневый конверт и направился к двери.

— Пойдите! — вскричал Кромптон.

— Что такое?

— А что мне теперь делать? — спросил Кромптон.

— Прошу прощения? — удивился Секюйль.

— Да с этими Стэком, Лумисом и Финчем?

— Откуда мне знать? Это ваша история. Я только вспомогательный персонаж, не такой уж и важный.

— Секюйль, ну пожалуйста! Я не могу больше так!

— Вам, мальчики, остается только одно, — сказал Секюйль. — Сразиться друг с другом как следует, чтобы наступила наконец интеграция или один из вас взял бы верх над остальными силой.

— Да с тех пор, как мы встретились, мы только и делаем, что сражаемся, — сказал Кромптон. — И тихо сходим с ума.

— Это потому, что вы боролись старомодным способом внутреннего конфликта. А современная наука предлагает новейший метод — вывести ваши внутренние конфликты наружу и тогда решать их.

— Как это?

— К счастью для вас, Комитет универсальных методов и средств собрался на свою пленарную сессию и специально для

вас изобрел устройство под названием «Имитатор внешних обстоятельств».

— Правда? Изобрели для меня? Это первый реальный шанс для меня во всей этой истории!

— Посмотрим, насколько он вам поможет. Но в любом случае, это будет ваш последний номер. Честно говоря, нам пора очистить сцену для следующего представления. Вы все согласны?

— Да! — воскликнул Кромптон.

— Да хуже-то не будет, — проворчал Лумис.

— Поехали, чего там! — прогремел Стэк.

Какой-то намек на согласие выразил даже Финч.

— Итак, вперед, вперед, вперед! И прочь отсюда! — сказал Секюйль.

И снова начался разрыв непрерывности, все поползло, словно размытые, снятые наплывом кинокадры в чем-то иллюзорном восприятии. Кромптону стало тошно, он закричал:

— Что там происходит? Как работает этот имитатор внешних обстоятельств?

— Он работает, — сказал Секюйль. — Удачи вам!

Глава 15

В мозгу бессмысленным эхом билось слово «параметры». Кромптон осмотрелся и понял, что попал в никуда. Это было странное и сверхъестественное ощущение, ибо в этом *нигде* не было ничего, даже самого Кромптона.

Сначала все это, включая собственное небытие, развеселило его, как может развеселить полет вниз по лыжне длиной в миллион миль. Но потом ему стало страшно. Скорость убивает, не так ли? А когда убивают ничто, остается взамен двойное ничто, или просто ничто, — положение поистине гибельное.

Кромптон толком не знал, как выбраться из него, и решил воплотиться и тем самым создать различия.

Облекшись телом, он почувствовал себя гораздо увереннее. Но ему совсем не улыбалось висеть в полном ничто единственным плотным телом — тут не очень-то пофункционируешь! — и тогда по возможности быстро и аккуратно он создал Землю, остановился, посмотрел на плоды труда своего и убедился, что допустил досадную ошибку: все побережье Северной Америки получилось у него вздутым и неправильным, а дубы почему-то напоминали карликовые мандарины. Было еще много всяческих

аномалий, и не все их можно было извинить неопытностью. Кромптон надеялся, что у него еще будет время вернуться к ним.

Затем он задумался, что же делать дальше. Он не мог вспомнить, а может, никогда и не знал, и поэтому набросал местечко, где мог бы подождать дальнейшего развития событий: Мейплвуд, Нью-Джерси, 1944 год. В данный момент это был единственный город на Земле, и Кромптон наладил в нем такую спокойную и спокойную жизнь, которую не могли забыть прозрачные исторические анналы штата. Золотой век мог бы длиться бесконечно, но однажды в золотое октябрьское утро его прервал зловещий грохот с запада, и, когда Кромптон вышел из своего президентского дворца, построенного в стиле ранчо, он увидел колонну бронетанковых войск, продвигавшуюся по южной Оранж-авеню. На переднем танке восседал фельдмаршал Эрвин Роммель. Рядом с ним, очень довольный собой, стоял Дэниэл Стэк.

Тогда Кромптон вспомнил, что должна произойти битва не на жизнь, а на смерть путем имитации. Он, оказывается, зря терял время, пока холерик Стэк постигал науку захвата власти.

Хотя игра была для Кромптона в новинку, он сразу ухватился за первые попавшиеся образы и умудрился вызвать в воображении пятьдесят швейцарских гвардейцев, вооруженных пиками, команду викингов-берсерков и подразделение венгерской нерегулярной кавалерии под предводительством Фон Зуппе. Эти силы удерживали подходы к Спрингфилд-авеню, а Кромптон тем временем успел спастись бегством на юг и по пути имитировал новую территорию.

Стэк преследует его аж до самой Гуадаррамы со всей, черт бы ее побрал, Великой армией республиканцев и многочисленными отрядами гурков¹, буров и албанцев. Стэк собирает большие силы, но он не может объединить их, его войска охватывает паника, когда классическое поле боя на глазах превращается в глубокие овраги и необозримые долины. Тогда Стэк вводит в бой подкрепление — мембрильских апачей и царя Атауальпа² с его безликими инками, а также парочку зулусских бесенят. Как и следовало ожидать, вся эта стреляющая катавасия расплывается, расплывается в фокусе и тает, быстро превращаясь в пустую иллюзию, и Лумис, оказавшийся не таким уж мягкотелым, использует предоставившуюся возможность и бросает в битву вооруженных пиками гашишников и малайских амоков — удиви-

тельно воинственный поступок для такого миролюбивого человека.

Между тем Кромптон тоже собирает армию и спускается с Голубых холмов с десятью эскадронами «круглоголовых» Кромвеля, чтобы показать, что он шутить не намерен. В поддержку ему выступает великий Густав Адольф, возглавивший потерянный легион Вара¹. Стэк поспешно противопоставляет им Золотую Орду, но варяги Кромптона охватывают ее с флангов и обстреливают продольным огнем из шеренг, пока Стэк не поражает всех берсерков бубонной чумой, которую распространяют среди них гигантские красные пауки во главе с Субмаринером.

Как и всех усилий Стэка, этого изобретения хватает ненадолго, швы начинают расплзаться, и кто бы, вы думали, вступает в битву? Сам Финч с царем Ашокой и войском из бодхисатв, арахантов и пратиека-будд². Их сметают почти мгновенно, но Лумису хватает времени, чтобы превратиться в Оуэна Глендоуэра³ и смыться в горы Уэльса, где к нему присоединяются «Крейзи Хорс»⁴ и индейское племя сиу.

Кромптон воспользовался минутным замешательством и переместился в траншеи у Ричмонда, где Грант⁵ остановил противника, а Шерман⁶ раздолбал его, и все, что осталось на долю Джебу Стюарту⁷, это стать эскадроном П-51, чтобы отсрочить падение Минандао⁸, тем самым позволив Стэку сотворить Дьен-бьенфу⁹ (неудачный ход), а потом Мадагаскар (еще более не-

¹ Густав II (1594—1632) — король Швеции, великий полководец; Вар Публий Квинтилий (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский полководец. Восставшие германские племена заманили его войско в Тевтобургский лес, где оно и сгинуло.

² Ашока — древнеиндийский правитель III в. до н. э.; пратиека-будда — достигший нирваны, но, в отличие от бодхисатв, не возвращающийся на землю для просвещения людей.

³ Глендоуэр Оуэн (1359—1416) — вождь восставших крестьян в Уэльсе.

⁴ «Крейзи Хорс» — кабаре в Париже.

⁵ Грант Улисс Симпсон (1822—1885) — главнокомандующий войсками Севера в Гражданской войне в США 1861—1865 гг.

⁶ Шерман Уильям (1820—1891) — американский генерал северян. В Гражданскую войну вывел свою армию в тыл южанам, чем предопределил их поражение.

⁷ Стюарт Джеймс (1833—1864) — командир кавалерийского корпуса южан. Покончил с собой под Ричмондом, видя безнадежное положение своего войска.

⁸ Остров на юге Филиппинского архипелага, бывшая колония США.

⁹ Город и уезд во Вьетнаме, где в 1954 г. вьетнамцы одержали окончательную победу над французскими войсками.

¹ Воинственный народ, проживающий в горах Непала.

² Последний король инков в Перу (1525—1533).

удачный). Стэк явно выдохся. Слышно было, как он, крепко зажатый, бормотал:

— Я Фрейд, а этот день — начало Юнга и Адлера¹, Адлера...

И Кромптон вдруг остается совсем один. Слезы застревают у него в горле, он взирает на кровавую бойню и замечает, как сам он меняется, меняется, меняется, превращаясь в безжалостного убийцу, рыдающего пивом, которое заливают весь его шотландский костюм.

А потом Кромптон умер, и было новое время и новый человек. Этот человек открыл глаза, потянулся и зевнул, с удовольствием ощущая свет и цвет. Прежнее владение Элистера Кромптона, в котором временно обитали Эдгар Лумис, Дэн Стэк и Картон Финч, это тело поднялось и нашло, что жизнь хороша. Теперь, как и все другие люди, он станет многогранным и непредсказуемым, будет поступать, как захочет его левая нога, и никакой упрощенности, никаких стереотипов. Теперь он будет искать любви, секса, денег, и, Боже мой, у него еще останется время на множество разных хобби.

Но чем заняться прежде всего? Что, если деньгами и Богом, а любовь пусть приходит сама? Или любовью и деньгами, а Бога оставить на потом?

Он задумался. В голову ничего путного не приходило. Он лишь понял, что его ждет немало дел и что есть множество причин как для того, чтобы переделать их все, так и для того, чтобы не делать ни одного.

Сидел и думал новый человек. И вдруг дурное предчувствие охватило его, и он сказал:

— Эй, ребята, вы еще здесь? Боюсь, из этого все равно ничего не выйдет.

ВЕЛИКИЙ ГИНЬОЛЬ СЮРРЕАЛИСТОВ

¹ Адлер Альфред (1870—1937) — австрийский врач-психиатр и психолог, ученик Фрейда, основатель направления «индивидуальной психологии».

Гиньоль — персонаж французского театра кукол (XVIII в.). Это тип жизнерадостного, остроумного и циничного лионского кустаря, говорящего на местном диалекте (*canut*). Маску Гиньоля создал директор лионского театра кукол, он же был первым автором пьес с участием Гиньоля.

Аналогом этого персонажа в России является Петрушка, в Англии — Панч, в Германии — Гансвурт и Кашперль.

Глава 1

Все повторилось. Он снова увидел эту ужасную улыбку на лице Клоуна. Вишну застонал и пошевелился во сне.

Кто-то тряс его за плечо. Он поднял голову.

— Атертон! Как вы здесь оказались?

— Я знал, что вас ожидает тяжелая ночь, милорд. Поэтому решил, если я вам понадобится, лучше мне быть поблизости, — ответил психолог.

Вишну сел на кровати. Вид у него был неважный. На сей раз он поместил свой центральный процессор в тело киноактера Фреда Астера, одну из многочисленных человеческих оболочек, которыми пользовался. Однако события, пережитые в снах, невольно стерли с худого лица доброжелательность и грустную меланхолию, некогда сделавших Астера столь популярным и любимым героем старого синемаатографа. Хотя Вишну был роботом с искусственным разумом, он чувствовал и вел себя, как человек, к тому же человек, чем-то напуганный.

— Как видите, я уже проснулся, — сказал он психологу. — Прошу вас, пройдете в гостиную. Мне необходимо поговорить с вами.

В уютной с низким потолком комнате, стены которой были украшены геральдическими знаками, Вишну предложил психиатру одно из низких и очень мягких кресел, сам же сел на стул с прямой спинкой. Психиатр с удовольствием расслабился в глубоком кресле. Это был невысокий, плотно сбитый мужчина лет за сорок, в строгом, но элегантном сером костюме.

Вишну сразу перешел к делу.

— Сны в последнее время снятся мне все чаще, — сказал он.

Атертон понимающе кивнул.

— Я ждал этого. Боюсь, что вы все ближе к кризисной точке, милорд.

Вишну ничего не оставалось, как подтвердить это мрачным кивком.

— Да, вы меня предупреждали, но не объяснили, отчего это происходит. Мне трудно понять, почему такой машине, как я, могут сниться сны.

— У вас много человеческих качеств, — ответил психиатр. — Почему бы вам тоже не видеть сны?

Вишну какое-то время молчал.

— Потому, что это означает сознание собственного бессилия перед некими психическими явлениями, которые кажутся мне чрезвычайно неприятными, — наконец промолвил он.

— Я говорил вам, что явления психического характера — такая же реальность, как деревья, дома и все остальное в материальном мире.

— Но мои сны уносят меня в совершенно неправдоподобные места, — возразил Вишну. — Я не понимаю, почему это происходит?

— Место, которое исчезает для вас при пробуждении, отнюдь не является неправдоподобным.

— Вы знаете, что я хотел сказать.

— А если я сообщу вам, — промолвил Атертон, — что есть люди, которые верят в существование таких мест, где причины и следствия персонифицированы? Где в каждом явлении материального мира следует искать эффект кармы, результат влияния действий, совершенных ранее.

— Объясните наглядно, — попросил Вишну.

— Ну, например, король совершил убийство. Это действие отмечается в анналах истории. Или же еще: муравей обгрыз лист на дереве. И это действие тоже не проходит незамеченным. Между великим и ничтожным деянием нет особой разницы. И тому и другому находится место в хаосе случайностей.

— Вы считаете, со мной происходит нечто подобное? Однако это означает, что я бессилён помешать чему-либо.

— Вывод не совсем верный, милорд. Это лишь означает, что есть сила куда более могущественная, чем та, которой сейчас обладаете вы как правитель планеты Земля. Стоит вам достигнуть подобной силы, и вы сможете вносить изменения на причинном уровне. Вы тоже будете переключать рубильник на гигантском щите управления, где достаточно одного движения и падет к

ногам малая птица¹. Это как пример. Действие само по себе не имеет значения, но может повлечь цепь других событий.

— Зачем мне вмешиваться в причинные связи?

— Почему люди вмешиваются в судьбу или причинность? Чтобы получить то, чего хочется, если иным способом это сделать невозможно.

— А что, по-вашему, хочу получить я?

— Я знаю, чего вы хотите, — ответил Атертон. — Ведь я ваш психолог. Вам хочется выйти за границу познаваемого. Вам нужна трансцендентальность.

— Да, нужна. А разве это возможно?

— Лишь в том случае, если существуют боги.

— А они существуют?

— Вы сами должны найти ответ на этот вопрос, Вишну.

— Атертон... вы бог?

— Давайте лучше скажем так: время от времени я выполняю его работу.

— Это и есть трансцендентальность? Я тоже смогу?

— Судя по всему, — заметил Атертон, — это пройдет мимо вас. Если только вы не повернете события в свою пользу.

— Как мне это сделать?

— Я могу помочь вам, — ответил Атертон. — Но если вы действительно этого хотите.

— Я действительно хочу этого, — уверенно подтвердил Вишну.

Глава 2

Перед Дерринджером лежал город Верджер. Какое-то время он смотрел на темнеющее скопление домов вдали, похожее на пятно на равнине. День клонился к вечеру. Клубящийся туман словно серая вата укутал небо. Заката не было, день просто угасал. Дерринджер оправил на себе униформу и кашлянул, прочистив горло. Затем он по привычке, проведя рукой по груди, пересчитал пуговицы на кителе, вынул личное оружие и, убедившись, что оно заряжено, снова спрятал его. Наконец медленно и не очень охотно он направился к ближайшим домам.

Если быть честным, он и сам не знал, что он здесь делает. Город Верджер не входил в территорию его надзора. Да к тому же сегодня у него был выходной. Он намеревался посидеть над

¹ Библейское выражение; рок, неотвратимое событие.

учебниками, поскольку готовился пройти тесты на обермастера второй категории. Таковыми были его планы еще вчера, до того, как прошлой ночью ему привиделся сон.

Странная вещь, он едва помнил, что было в этом сне. Скорее это были короткие, как вспышки, обрывки чего-то такого, чего и видеть не следовало бы. Он так и не смог его вспомнить. Сон лишь оставил неприятное чувство чего-то мрачного, будоражащего, полного причудливых исчезающих образов. Помнился, правда, человек с ярким гримом на лице. Клоун? Он тщетно пытался вспомнить. Да, там был еще какой-то зверь, похожий на волка, но меньше ростом и с желто-серой шерстью. Эти образы о чем-то напоминали Дерринджеру, словно это все когда-то уже происходило с ним.

Что бы это ни было, но Дерринджер проснулся с тревожным сознанием того, что должен немедленно отправиться в город Верджер в пятидесяти милях от казарм и кого-то там арестовать.

Кого именно? Этого он не знал. Зачем? Он тоже не смог бы сказать. Все происходящее он лично считал безумством: в свободный от службы день зачем-то оказался в городе Верджер для того, чтобы арестовать неизвестного ему человека, по причине, тоже неведомой.

Глава 3

Итак, он здесь. Теперь как найти дом? Приближаясь к городу, Дерринджер успел, оглядев крыши домов, увидеть, какие из них подключены к главной линии электропередачи, а также заметить, где имеются антенны. Он походил по тротуару вдоль тесно лепившихся друг к другу домов и наконец остановился.

Кажется, это тот самый дом. Он не знал, почему так решил, но был уверен, что не ошибся.

Поднявшись на крыльцо, Дерринджер постучал в дверь. Никто не ответил. Он стоял в холодных сумерках и ждал, переминаясь с ноги на ногу.

Наконец решился постучать еще раз, уже громче и собирался даже сделать это в третий раз рукояткой своего личного оружия, как вдруг, после непозволительно долгих секунд ожидания, за дверью послышался голос:

— Кто там?

— Полиция безопасности. Откройте.

Хозяину дома, появившемуся в проеме двери, было на вид чуть более тридцати. Высокий и крепкий, он был одет в корич-

невый шерстяной плащ. В его осанке и великолепно посаженной голове, в строгих и вместе с тем чувственных чертах лица ощущалось что-то античное. Это сходство усугубляла улыбка.

— Чем могу быть полезен, Инспектор? — спросил он.

— Я здесь, чтобы произвести обыск, — отчеканил Дерринджер.

— Боюсь, что день, когда вы займетесь этим в моем доме, едва ли можно будет счесть легким, — ответил хозяин с вежливой и вместе с тем зловещей улыбкой.

— Я должен сказать, — перебил Дерринджер, — что вы подозреваетесь в хранении и распространении информации, запрещенной Комитетом общественного здоровья.

— Кто-то пожаловался?

— Можно сказать и так, — согласился Дерринджер.

— Я не сомневался, — ответил мужчина. — Но поверить в это было бы ошибкой.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Входите, мне скрывать нечего.

В доме было темно. Дерринджер тут же потерял ориентацию. Слабый свет вечернего неба, проникавший в открытую дверь, позволил различить подобия раскрашенных статуй и еще какие-то предметы. Неожиданно Дерринджеру показалось, что он очутился во вчерашнем сне. Однако это было невозможно. Споткнувшись обо что-то металлическое, он резко отпрянул назад, локтем ощутив поддержку сильной мужской руки.

— Почему вы не зажжете свет? — спросил он у хозяина.

— Электричество отключено из-за неуплаты. Вам придется прибегнуть к собственным средствам освещения, чтобы увидеть или найти здесь то, что вы ищете, Инспектор.

— Именно так я собираюсь поступить, — сердито ответил Дерринджер и с этими словами отстегнул висевший на поясе фонарь. При ярком синеватом луче комната показалась огромной и еще более странной. Инспектор заметил предмет, на который наткнулся раньше. Это был небольшой треножник из темного металла. Обойдя его, Дерринджер прошел дальше, направив луч фонаря в глубь комнаты.

На мгновение его охватило ощущение неограниченного пространства, заполненного женскими фигурами или статуями с раскрашенными лицами и в венках из зеленых ветвей.

— Что это за место? Это театр?

— Можно сказать и так, — согласился хозяин.

Дерринджер обвел лучом фонаря всю комнату, останавлива-

ясь на предметах, которым не мог найти названия. В нем росло убеждение, что он попал в мир чего-то странного и необычного. В комнате, кроме него и хозяина, был еще кто-то. Обнаженные женские тела, расплывчатые и туманные, как призраки, казалось, парили в воздухе, прячась от луча фонаря. Иногда отбрасываемые от зеркальных поверхностей блики света выхватывали из темноты их прекрасные очертания, но в этом было что-то пугающее и зловещее.

— Что здесь происходит? — сурово спросил Дерринджер.

Он снова обвел взглядом комнату, задерживаясь на незнакомых предметах, и вдруг что-то всколыхнуло его память. Светя себе фонарем, он пристально всматривался во что-то.

— Что это? — наконец спросил он, подходя к одному из предметов и беря его в руки.

— Сувенир из далекого прошлого. Это очень древний музыкальный инструмент. Он известен со времен Адама.

— Мне это безразлично. Вы играли на нем?

— Закон этого не запрещает.

— Нет, не запрещает. Однако послушаем, что именно вы играли.

С этими словами Дерринджер извлек из кармана детектор и, вынув его из футляра, прикрепил электроды к струнам. Затем нажал на кнопку. Красная стрелка циферблата дрогнула, поползла и остановилась на середине делений.

— Вот подтверждение того, что вы исполняли один из запрещенных гимнов, — неумолимо констатировал он.

— Что ж, я пойман с поличным, — с готовностью согласился хозяин дома, хотя в его голосе звучала скрытая насмешка. — Однако хочу предостеречь вас от поспешных выводов, Инспектор. Кто-то зло подшутил над вами. Вы уверены в том, что хотите сделать?

Не ответив, Дерринджер вынул из кармана книжку судебных повесток и оторвал один листок. Когда провинившийся домовладелец вместо своей фамилии о получении повестки в суд поставил отпечаток большого пальца, Инспектор, сняв копию на портативном факсе, протянул ее бедняге. В суде автомат сам определит наказание и срок тюремного заключения: шесть месяцев за первое нарушение закона в случае, если это подтвердится. Автомат мигом определит все, и если провинившийся — рецидивист... Ну, об этом лучше не гадать.

— Явитесь в указанный срок, — предупредил Дерринджер. — Советую не забыть об этом, и не пытайтесь скрыться. Отпечаток

вашего большого пальца известен самому Вишну, так же как и отпечаток сетчатки глаз. Найти вас не составит труда, но придется не сладко, если вы вынудите нас начать эти поиски, — закончил он, вручая повестку.

— Я принимаю вашу повестку. Однако вам придется принять и мою.

— О чем это вы?

— Потом узнаете.

— Я даже имени вашего не знаю.

— Зовите меня просто Орфей. Все меня так зовут.

Глава 4

Когда Дерринджер закончил, был уже вечер. В опустившихся сумерках город Верджер казался черно-белым рисунком импрессионистов, изображающим заброшенные фабрики, лужи грязной воды и машинного масла, клочки черного дыма, висящие над горизонтом. В полумиле виднелись покореженные ребра виадуков, похоже на скелеты доисторических чудовищ. Неподалеку рядами теснились дома, в большинстве своем заброшенные. Лишь кое-где в окнах мерцал дрожащий свет свечи или теплился запретный огонек в самодельном камине. Дерринджер, посмотрев на это, решил, что пора сесть на свой велосипед и вернуться с рапортом в казармы.

Глава 5

— Мисс Элея?

Элея подняла голову. Она сидела, глубоко задумавшись, в саду чудесной маленькой виллы в Гераклеоне, прекрасном городке с отличными лавками. Это был единственный город на планетоиде Ноль-12. Именно сюда сослали миссис Вишну со всей челядью. Элея размышляла над этим, когда услышала шаги посланной за нею служанки.

— Что-то случилось?

— Вас требуют в дом, мисс. Приказано, чтобы вы пришли немедленно.

Элея ждала этого, но постаралась не показывать своего волнения перед служанкой, хотя та была всего лишь роботом. Поднявшись с каменной скамьи, на которой сидела, девушка пригладила волосы, оправила складки туники и решила, что вполне готова к встрече.

— Ведите меня, — приказала она служанке.

Однако можно ли чувствовать себя полностью готовой, когда идешь на встречу с Великой Богиней, даже если она предстанет, как сейчас, в обличье миссис Вишну? Говорили, что взгляд на Богиню мгновенно ослеплял, столь прекрасным был ее лик, а после слепоты смерть казалась освобождением.

Элее это не грозило. Богиня, пославшая за ней, пребывала в облике миссис Вишну, взгляд на которую не представлял смертельной опасности.

Девушка, разумеется, с нетерпением ждала этой встречи. Она готовилась к ней всю свою юную жизнь, обучаясь в Центре Дианы, в маленькой деревушке Мете, на острове Крит, что находился на древней планете Земля. Служение Диане считалось неперенным для каждой молодой женщины, почитающей правила Древнего закона. Элея рано покинула родной дом, чтобы посвятить себя Богине. Когда ей только исполнилось пять лет, ее привезли в храм Богини в селении Мета, в одну из древнейших обителей, где царили принципы, установленные женщинами. Ее наставницей была мудрая старая монахиня, научившая ее нужным наукам, молитвам, медитации и охоте в горах.

Охота, разумеется, была не настоящей. Горы Крита уже много веков оставались голы и бесплодны в результате хищнического истребления человеком лесов и всякой живности: кабанов, медведей, волков и даже диких собак. Вишну, как правитель, был достаточно милостив и великодушен и пожелал восполнить ущерб, нанесенный флоре и фауне здешних гор. Монахини не благодарили его, однако заботу приняли и использовали это место для подготовки служительниц и представительниц идей феминизма.

Глава 6

Элея вошла в комнату, где миссис Вишну обычно принимала посетителей. Это была совсем маленькая темная комнатка, с выбеленными известкой стенами, переходящими в куполообразный низкий потолок. В треугольные окна на скошенных стенах смотрели странно деформированные звезды континуума Ноль-12. Миссис Вишну сидела в самом конце своей скромной приемной. Трудно сказать, как она выглядела, ибо куталась с головы до ног в голубую накидку и лица ее не было видно. Говорили, что миссис Вишну одержима тщеславием. Раньше, пока ее не отправили в ссылку, а случилось это вскоре после того, как

Вишну создал ее, миссис Вишну пребывала в образе красивой женщины. Однако ей не удалось сохранить прежнюю красоту, попав на планетоид Ноль-12. Здешний климат пагубно повлиял на прекрасный цвет ее лица. Она перепробовала все, чтобы вернуть привлекательность, но это ей не удалось. Миссис Вишну стала бесцветной и некрасивой. Она с трудом переживала столь тяжкий удар — хоть и была компьютером, но все же и женщиной тоже. Уже по этой причине она готова была пойти на все, чтобы снова вернуться на Землю, где, как она считала, ей и надлежало быть.

— Проходи, Элея, садись. Хочешь что-нибудь выпить? Есть хорошее вино. Выпей рюмку. Жрецы сказали, что ты хорошо знаешь свои обязанности.

— Надеюсь, — ответила она. — Я готова выполнить любое задание. Приказывайте, я все исполню.

— Ты хорошая девушка, — похвалила миссис Вишну. — Передай мне, пожалуйста, шоколадные батончики.

Они очень мило провели несколько минут, молча лакомясь шоколадными конфетами.

— Элея, — нарушила тишину миссис Вишну, — пришел наконец долгожданный час. Я готова вернуться на Землю и к нормальной жизни в замке Вишну.

— Рада этому, госпожа, — смиренно сказала девушка. — Вы слишком надолго задержались здесь.

— На этот раз Вишну не избавится от меня так просто. Я возвращаюсь навсегда. Ты готова мне помочь в этом, Элея?

— Готова, госпожа, — ответила Элея.

— Чтобы сделать мое возвращение возможным, предстоит решить одну важную задачу. Тебе известно, что, изгнав меня, Вишну одновременно лишил меня нормального пространственно-временного континуума?

— Мне это известно, госпожа.

Об этом действительно знали все.

— Это было мерзко с его стороны, даже если я причинила ему какую-то неприятность, хотя ничего подобного никогда не было. Он не имел права лишать меня дома и той атмосферы, в которой мирно сосуществуют плохие и хорошие. — Фигура в голубом плаще дрожала, еле сдерживая праведное негодование. Наконец она успокоилась.

— Я убила бы Вишну за все обиды и унижения. Но не делаю этого. Однако выскажу ему все, что о нем думаю.

— Он этого заслуживает, — согласилась Элея.

— А теперь внимательно выслушай все, что я тебе сейчас скажу. Я объясню тебе, что ты должна для меня сделать.

— Что бы это ни было, я выполню все, — пообещала Элея.

— Где-то в нормальном космосе есть Дверь. Находится она в том месте, которое называется Туннель-между-Мирами. Ты должна открыть эту Дверь. Для меня это единственный способ вернуться из пространственно-временного континуума в родную атмосферу. Об этом ничего не должен знать Вишну.

— Все будет сделано так, как вы хотите, — ответила Элея. — Где именно я найду этот Туннель-между-Мирами?

— Один его конец находится где-то на Земле. Ты сама должна его найти.

Элея понимающе кивнула.

— Что еще мне нужно знать об этой Двери, прежде чем я отправлюсь на ее поиски?

— Я знаю только, что она находится в месте, которое Вишну называет Царством Смерти.

— Я найду эту дверь и открою ее, — торжественно пообещала Элея. Поклонившись госпоже, она молча покинула маленькую приемную.

Сборы ее были просты и коротки. Вскоре Элея уже была на пути к Земле и Зоне Развлечений.

Глава 7

В центре Верджера Дерринджер нашел эл-кар, небольшой электровелосипед, с помощью которого Вишну пытался решить транспортные проблемы. Эти велосипеды всегда можно было найти в центре любого города, а, попользовавшись, просто оставить в другом населенном пункте.

Эл-кары были наделены некоторой долей искусственного разума.

— Место назначения, босс?

— Казармы Спартанцев в Олдорфе.

— Отлично. Откиньтесь на спинку сиденья и наслаждайтесь ездой.

Электровелосипед набирал скорость. Вскоре пригороды Верджера закончились, и теперь они катили по разбитому шоссе, то и дело подскакивая на рытвинах. Этот вид транспорта был непригоден для путешествий на дальние расстояния, но Вишну не намеревался поощрять в своем народе желание к перемене мест в собственных машинах. Трудно держать дорож-

ное хозяйство в должном порядке. Слишком дорого это обходится, да и ни к чему. Вишну был убежден в том, что люди не должны срывать с насиженных мест, разве что только в случаях неотложной служебной необходимости. Назад, к старому доброму образу жизни. Вишну являлся горячим поклонником старых ценностей. Он был помешан на этом.

Дорога, по которой они ехали, насчитывала очень мало дорожных знаков. Вдоль нее тянулись поля и редкие лесочки, она изобиловала глубокими рытвинами и высокими подъемами. Но хорошо накаченные шины эл-кара смягчали удары и делали путешествие вполне сносным. Дерринджер заметил, что они ехали стороной какой-то город, о чем Инспектор догадался по облаку дыма, висевшему над ним. Видимо, Вишну еще не удалось перевести всю промышленность на бездымное производство. И тут Дерринджер заметил, что эл-кар везет его совсем не в сторону Олдорфа.

— Эй, похоже, мы едем не туда! — крикнул он.

В ответ — молчание. Это не понравилось Дерринджеру. Однако особой тревоги не вызвало. Даже самые блестящие задумки Вишну иногда заканчивались неудачами.

Электрический велосипед не снижал скорости, и вскоре Дерринджер увидел длинный щит вдоль дороги с надписью: «Вперед вас ждет Зона Развлечений! Приготовьтесь веселиться!»

— Эй, остановись! — вновь крикнул Дерринджер. — Я не собираюсь туда ехать.

— А вы попробуйте, возможно, вам понравится, — ответил эл-кар.

— У меня нет времени на развлечения и игры, — рассердился Дерринджер. — Меня ждет работа.

— Игры тоже бывают работой, — ответил эл-кар.

— Не смей спорить со мной. — Дерринджер уже терял терпение. — Остановись и поверни назад. Повторяю, мне нужно в казармы Спартанцев в Олдорфе!

— У меня другой приказ.

— Но я сам отдал тебе приказ, куда ехать!

— Кто-то повыше отменил его.

— Кто же?

— Не велено говорить.

Все это казалось Дерринджеру каким-то абсурдом. Не приложил ли к этому руку тот тип, назвавшийся Орфеем? Дерринджер был готов открыть дверцу и выпрыгнуть на ходу. Но эл-кар увеличил скорость, и Дерринджер, не желая покалечиться, оста-

вил свои попытки. Что он скажет, когда вернется в казармы? Покалечился, выпрыгнув из какого-то самоуправяемого эл-кара? К тому же он подозревал, что дверца коляски заперта.

И все же Дерринджер попробовал открыть ее. Увы, он был прав. Дверца оказалась запертой.

Он снова подумал было поспорить с чертовой машиной, но не стал этого делать. Во-первых, это было ниже его достоинства, а во-вторых, ни к чему бы не привело. Что-то или кто-то вмешались в его планы. Надо написать жалобу в Министерство транспорта, чтобы наказали виновного по всей строгости! А пока ему ничего не остается, как только ждать, что будет дальше.

Эл-кар пересек границу, помеченную широкой красной линией. На щите Дерринджер прочел: «Вы находитесь в Зоне Развлечений. Добро пожаловать». Теперь они ехали по сельской местности, где ухабы были еще хуже, и велосипед бросало из стороны в сторону. Дерринджер держался, как мог. Тряска продолжалась минут десять, и наконец велосипед резко остановился. Дверь коляски автоматически открылась.

— Приехали, — услышал Дерринджер. — Желаю хорошего времяпровождения.

— Я не собирался сюда приезжать.

— Мне было приказано вас сюда доставить.

— Отвезите меня обратно в Верджер.

— Мне этого не приказывали.

— Я не сдвинусь с места и буду ждать, когда вы отвезете меня обратно.

— Посмотрим, кто кого пересидит.

— У меня есть ваш номер, — попытался пригрозить Дерринджер. — Вы за все ответите.

Глава 8

Дерринджер вышел. Дверца коляски с громким стуком хлопнулась. Маленький эл-кар, повернувшись, умчался туда, откуда приехал. Дерринджер смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду. Только тогда Инспектор огляделся вокруг, пытаясь разобраться, где же он очутился.

Он был оставлен в долине, у подножия горы. Земля под ногами казалась влажной, пропитанной грунтовыми водами. Дерринджер повернулся и пошел.

Не успел он сделать и несколько шагов, как услышал какие-

то звуки. Кто-то пел. Звуки были высоки, мелодичны и немного монотонны.

Дерринджер остановился и, медленно поворачиваясь, прислушался, пытаясь определить, с какой стороны они доносятся. Наконец, поняв это, он зашагал в том направлении.

Поющий голос завел его в заросли. Пробираясь через кусты, он наконец нашел то, что искал. Пела голова, видневшаяся на болоте. Сначала Дерринджер подумал, что это человек, которого до самого подбородка засосала трясына. Когда же он наклонился, думая, как бы помочь, и осторожно приподнял голову за подбородок, он увидел, что это просто голова, без туловища. Голова ни к чему не крепилась и заканчивалась окровавленным обрубком шеи. Из ее уст лились эти дивные, чистые звуки, которым вторил невидимый струнный инструмент.

Дерринджер не на шутку перепугался. Зрелище действительно было жуткое. Однако, приглядевшись к поющей голове, он подумал, что уже видел ее. Это была голова мужчины в расцвете лет. Тугие кольца темных волос, плотно прилежавшие к красивой формы черепу, напоминали венок из листьев гиацинта. Глаза поющего были закрыты, точеные черты лица делали лицо красивым. Он пел легко, без всяких усилий, и прекрасная мелодия вольно парила в воздухе. Дерринджер видел, как пульсирует крохотная жилка на шее певца.

И тут он вспомнил. Ведь это была голова человека, назвавшегося Орфеем, которому он вручил повестку в суд в городе Верджере.

— Что происходит? — не выдержав, воскликнул Дерринджер.

Пение смолкло. Глаза поющей головы открылись. Поморгав, она заговорила:

— Добро пожаловать в мир веселья и игр.

Дерринджер с любопытством рассматривал голову. Каким образом она говорит? Видимо, здесь какой-то фокус. Губы у отрезанной головы двигались, они издавали звуки, и все это происходило абсолютно синхронно. Не спрятано ли там в ней говорящее устройство? Или голос передается откуда-то со стороны? Дерринджер огляделся. Как будто неоткуда вести трансляцию.

— Ладно, Орфей, или как вас там зовут. Что позволяет вам говорить? На меня не производят впечатление ваши фокусы.

— Очень жаль, — ответил Орфей. — А вот на Вишну производят, если хотите знать.

— Никогда не встречал Вишну и, думаю, не встречу.

— Встретите, и очень скоро, — пообещал Орфей. — У него для вас задание, которое вы должны выполнить.

— О чем вы?

— Узнаете, когда придет время.

— В таком случае зачем вы говорите мне это сейчас?

— Чтобы привлечь к вам внимание Вишну. А также чтобы предупредить вас о предстоящей работе.

Рука Дерринджера непроизвольно потянулась за оружием. Он прицелился.

— Я не знаю, кто вы и как вам удаются ваши трюки. Даю вам две секунды на объяснение.

— Иначе вы уничтожите меня? — Голова рассмеялась глухо и печально. — Делайте, что хотите. Я еще вернусь.

— Черта с два! — не выдержал Дерринджер и нажал на курок. Сверкающий луч энергии, вырвавшись из дула, попал Орфею в лоб. Дерринджер сделал еще два выстрела — выше и ниже. Голова раскололась надвое. Обе половинки откатились и, дымясь, лежали на траве.

Дерринджер опустил выключенное оружие и склонился над остатками головы. Никаких говорящих устройств он не обнаружил, одни лишь дымящиеся клочья некогда живой плоти и черная кровь. Поднявшись, Дерринджер зашагал прочь. Он не знал, куда идет. Просто ему хотелось поскорее убраться отсюда.

Глава 9

Эбен вел космический корабль, летящий на Землю. Незадолго до посадки случилась неприятность: когда они вошли в зону де Кончини, в регенераторе произошла поломка, какая-то деталь вышла из строя. Командир, открыв люк, пытался ее устранить.

— Подай-ка мне ключ, — сказал он партнеру, маленькому крабовидному существу по имени Такис. Тот, издав свистящий звук, стрелом выскочил и передал его командиру.

Эбен, ухватив ключом гайку, закрутил ее до отказа, приговаривая:

— Так, надеюсь, сойдет.

Они оказались в чрезвычайно трудном положении. Неполладки в регенераторе де Кончини были совсем не ко времени. Корабль летел от одной туманности до другой, согласуя курс с морфологической картой этой части космоса, где пролегал путь к сектору Земли. Такис переносил полет довольно хорошо, хотя

его круглое крабье тело удлинилось и загнулось с обеих сторон. Эбену повезло меньше. Тело человека способно удивительно меняться и деформироваться, попадая в зону де Кончини. От Эбена сейчас остались две руки, прикрепленные к какой-то аморфной массе, по форме напоминающей футбольный мяч. Чтобы устранить поломку, командиру корабля пришлось пристегнуть себя ремнями к креслу, так как у него не было ног для упора, необходимого при работе с ключом.

Эбен давно знал, что регенератор требует ремонта, но все откладывал до возвращения на Землю. Там и запчасти дешевле. Вот и поплатился теперь. Он снова повернул ключ, и наконец все встало на свои места. Это была немалая победа в этих условиях. Воздух ярко-оранжевого цвета мешал разглядеть что-либо. Хорошо хоть, что его руки не потеряли своей чувствительности. Более того, она усилилась настолько, что Эбен даже ощутил боль в кончиках пальцев. Под ногтями и вокруг них выступила кровь. Замененная деталь почти встала на место. К сожалению, она не была новой с фабричной гарантией, а всего лишь из старых запасов, захваченных на всякий случай. Однако Эбен надеялся, что все обойдется и они благополучно долетят.

Теперь предстояло закончить работу. Эбен делал все медленно и аккуратно: деталь была хрупкой и требовала осторожности. Но вдруг Такис что-то забормотал. Эбен не разобрал ни слова из того, о чем хотел сказать его крабообразный помощник. Он только знал, что сейчас не время отвлекаться.

— Ты не можешь подождать? — сердито сказал он Такису.

Однако тот не унимался. Эбен вынужден был поднять голову и посмотреть. То, что он увидел, представляло собой расплывчатую тень чего-то большого, занявшего почти всю середину кабины корабля.

— О, черт, нам только пассажира не хватало.

Это был именно тот нелепый случай, которого он так боялся. Когда корабль из-за поломки вот-вот окажется неуправляемым, находясь в зоне де Кончини, когда его обшивка пориста и открыта любым воздействиям извне, кому-то вздумалось проникнуть зайцем на борт и предстать перед командой в таком вот виде.

— Ладно, — сказал Эбен. — Я все вижу. Что это такое, черт побери?

Разумеется, Такис не мог ответить на этот вопрос. Маленький «краб» был неискушенным провинциалом. К тому же это был его первый полет в далекий космос. И хотя он слыл краб-

рым парнем с чертовски покладистым характером, никому и в голову не пришло бы считать, что ему известно последнее слово в космической науке.

Разбираться во всем происходящем, как прекрасно понимал Эбен, придется самому. Он положил инструмент, прикрыв его для веса руководством по ремонту, ибо они то и дело попадали в ямы невесомости, а Эбену было бы обидно потерять свой последний динамометрический гаечный ключ.

Масса в середине кабины завертелась, как волчок. Она была цвета ржавчины с зелеными фосфоресцирующими полосами. Она становилась все плотнее и стала превращаться в гуманоида — торс, две руки, две ноги. Наконец, в последнюю очередь, появилась голова, повернутая задом наперед.

— Ладно, — сказал Эбен, — кто вы и что здесь делаете?

— Одну минуту, — взмолился гость. Обхватив голову руками, он повернул ее, и она наконец стала на место. — Вот так лучше. — Незнакомец облегченно вздохнул.

— Не понимаю, какую игру вы затеяли? — с сомнением спросил Эбен. — Лучше скажите, кто вы.

Он отыскал свой старый «Форд Нидлер», который держал при себе на случай неприятностей, и снял предохранитель.

— Осторожней с этой штукой, — предупредил гость. — Непароком еще продырявите борт корабля.

— Не учите меня, — огрызнулся Эбен. — Лучше объясните, что вы здесь делаете.

— Я собирался нанести вам визит после вашего прибытия, — ответил гость, — но, увидев, как вы зависли в зоне де Кончини, подумал, что это удобный случай представиться вам сейчас же.

— Отлично. Кто вы?

— В том-то и дело, что я сам не уверен, — замялся гость. — Мне кажется, я предсказатель того, что должно случиться.

— Не разговаривай с ним, пристрели его, — вмешался Такис.

Эбен вынул оружие, в которое накрепко вцепился, и, найдя на шкале селектора зону де Кончини, включил ее. К счастью, селектор работал. Эбен и Такис снова превратились в самих себя. Гуманоид, став из оранжевого зеленым, формы, однако, не изменил.

— Я требую некоторых объяснений, — повторил, обращаясь к нему, Эбен. — Если вы не помните, кто вы, то, возможно, вспомните, почему вы здесь.

— Я пытаюсь, — сказал гость.

Эбен и Такис терпеливо ждали. Им не пришло в голову, что, возможно, эта персона, существо или еще что-то просто не знает, что делает здесь. Эбен все же надеялся, что гость наконец вспомнит это и даст им возможность продолжить свою работу.

— Я вспомнил! — наконец воскликнул гость. — Я появился здесь, чтобы предупредить вас.

— Прекрасно, — сказал Эбен. — Предупредить о чем?

— Не могу вспомнить, — ответил тот. — Но точно знаю, что скоро вы окажетесь в опасности.

— Что ж, в этом нет ничего невероятного, — заметил Эбен. — Но какое вам дело до того?

Вид у гостя был смущенный.

— Послушайте, если я вам больше не нужен, я могу убраться отсюда.

— Мне не хочется быть негостеприимным, — заявил Эбен, — но, как вы видите, у нас аварийная ситуация.

— Да, я это вижу. Я хочу предупредить вас, что вскоре вам предстоит встреча с одним человеком.

— У него есть имя?

— Да, его зовут Дерринджер.

— О'кей, я встречу этого Дерринджера. Что дальше?

— Я не уверен, что знаю. Но это важная встреча. Очень важная.

— Вы хотите сказать, важная для меня?

Гость кивнул.

— Но еще важнее то, что судьба Вселенной может оказаться в ваших руках.

— Именно это я и хотел услышать, — ответил Эбен. — У вас есть разумное предложение, как нам выбраться отсюда?

Такис, который смотрел в иллюминатор, воскликнул:

— Нам очень бы пригодился хороший совет. Мы оказались в гравитационном поле. Мне кажется, что маленькое, но тяжелое псевдосолнце вот-вот поглотит нас.

Эбен глянул в иллюминатор. Такис был прав. Псевдосолнце — двойник де Кончини, однако опасный двойник, раскаленный и горячий. Даже через фильтры смотреть на него было невыносимо.

— А что делать с этим? — спросил Эбен, указывая большим пальцем на то, что виднелось за окном.

— Об этом я ничего не знаю, — ответил гость. — Все, что я могу посоветовать, это включить двигатели и уходить отсюда.

Эбен кивнул Такису, и тот включил все рубильники на кон-

трольном щитке. Корабль резко рванул вперед. Эбен, чуть помедлив, снова обрел свой нормальный вид. Космический корабль уходил от псевдосолнца и его обманчивого и опасного притяжения. Когда угроза опасности была позади, Эбен снова обратился к таинственному пассажиру. Но того уже не было в кабине.

— Куда девался этот тип? — спросил Эбен у Такиса.

— Понятия не имею. Я смотрел в иллюминатор.

— Что ж, пора готовиться к приземлению. Нас снова ждет Земля.

Глава 10

Странно, как только Дерринджер делал несколько шагов, происходило что-то непонятное. Вначале он никак не мог определить, что же это такое. Казалось, загадкой был свет. Он менялся. Когда Дерринджер вошел в эту зону, здесь было холодно, а воздух был чист и пронизан светом. Чем дальше он шел, тем заметнее менялся свет. Он становился ярче и вместе с тем казался рассеянным, словно одно солнце сменялось другим, огромным и жарким, как на экваторе. Менялся также климат. Если вначале была холодная весна северных широт, то теперь наступил день в тропиках, где на смену утренней свежести приходит тяжелая полуденная дрема.

Менялась и растительность. Вместо чахлах деревьев высились могучие стволы, увитые лианами. Воздух был густо насыщен запахом гниющей листвы, перезревших плодов и теплых серных болот. Над головой Дерринджера со стрекотаньем кружили огромные цикады с прозрачными крыльями размахом в один фут, а то и более. Его ноги, только что ступавшие по сухой твердой земле, теперь с чавканьем увязали в лиственном перегное.

И это было еще не все. Дерринджера одолевала навязчивая мысль, что кто-то преследует его.

Медленно повернувшись, он настороженно оглянулся, проверил оружие в кобуре и убедился, что оно снято с предохранителя. Он не представлял, чего должен опасаться, но каждый нерв в нем был насторожен, а на запястьях рук волосинки встали дыбом. Всем своим существом он чувствовал, что ему грозит смертельная опасность.

Однако вокруг он ничего не увидел. Но ощущение, что кто-то идет за ним по пятам, не проходило. Тот, кто шел следом, был осторожен и замирал, когда Дерринджер оборачивался, ста-

рался не попасться ему на глаза, а затем снова крался за ним, когда он продолжал свой путь.

Дерринджер, казалось, совсем утратил умение ориентироваться на местности, и сейчас его единственным желанием было найти такую точку обзора, которая помогла бы понять, где он находится. Чувство неминуемой опасности росло и пугало. Ему хотелось прислониться спиной хотя бы к дереву. Однако это была плохая защита. Какое бы дерево он ни выбрал, все равно любой способен подкрасться сзади. Его может спасти лишь открытая местность, где все видно и все можно предусмотреть. Но, к сожалению, его блуждающий взор ничего подходящего не находил.

В эту минуту женский голос окликнул его:

— Не ходите туда! Будьте осторожны!

Дерринджер посмотрел на джунгли, словно взглядом хотел проникнуть в их зловещую чашу. Но увидел лишь беспорядочное переплетение стволов. Он даже не знал, откуда донесся этот предостерегающий голос, но уловил в нем неподдельную тревогу. Взгляд снова вернулся к многоцветью красно-коричнево-зеленой с серым мозаикой джунглей, обступивших его.

Дерринджеру показалось, что в них что-то сдвинулось, появились какие-то признаки жизни, нечто живое в черно-желтых пятнах с белым посередине... зубы!

Слишком поздно Дерринджер догадался, что перед ним огромная кошка с прижатыми ушами и оскаленной пастью. Отделившись от застывшей стены джунглей, она прыгнула. Дерринджер успел увернуться и схватился за оружие, пытаясь привести его в действие, но, зацепившись за корневище, потерял равновесие. В то же мгновение он ощутил сильный толчок в бок и всю тяжесть упругого кошачьего тела, сбившего его с ног. Оружие отлетело в сторону.

Хуже не придумаешь! Безоружный и ничем не защищенный, кроме легкой синей униформы полицейского инспектора, он вступил в схватку со зверем, пытаясь не дать тому сомкнуть челюсти на своем горле. Он пинал зверя сапогами в живот, отлично понимая всю нелепость подобных усилий.

Но вдруг зверь, — а Дерринджер наконец сообразил, что имеет дело с настоящим леопардом, — зарычал от боли и ярости, повернул голову и, щелкая зубами, попытался вцепиться во что-то за своей спиной. Дерринджер, испытывавший страх за свою собственную жизнь, вдруг увидел копыте, торчавшее в спине леопарда. Сжавшись пуше прежнего, он думал только о том, как бы

когти хищника не вспороли ему живот, но, подняв голову, увидел женщину. У нее было совсем юное лицо, чуть тронутое загаром, и густые, падающие тяжелыми прядями, русые волосы. Она изо всех сил пыталась прижать сопротивляющегося зверя копьём.

Разъяренный леопард замахнулся на девушку лапой, и Дерринджер, воспользовавшись тем, что хищник отвлекся, высвободился из-под тяжести его тела и откатился по траве как можно дальше. Тут же вскочив на ноги, он бросился помогать незнакомке и тоже навалился на древко.

Раненый зверь безуспешно пытался выбить копьё лапами, но его острие глубоко вошло в тело леопарда. Неожиданно взгляд Дерринджера уловил тусклый блеск металла поблизости в траве. Это был его бластер.

— Вы продержитесь без меня пару секунд? — поспешно спросил он девушку.

Та молча кивнула.

Дерринджер бросился к оружию и, подняв его, не раздумывая, дважды выстрелил в голову хищника, а затем, чуть помедлив, выстрелил в третий раз. Вырвавшаяся из бластера струя энергии еще больше раскалила воздух тропиков и прикончила леопарда. Рык подыхающего зверя огласил джунгли.

Глава 11

Жизнь леопардов и других видов крупных кошачьих претерпела значительные изменения. Отныне они обитали только в заповедниках, где охота на них была одним из видов отдыха. Звери здесь достигали довольно крупных размеров, были свирепы и очень опасны. Дерринджер удивился, что опасный хищник оказался в Зоне Развлечений. Если это не какой-нибудь рекламный трюк. Встреча с леопардом закончилась для него вполне благополучно, однако девушка пострадала — зверь, разорвав ее одежду, поранил бок и кожу на плече. Прочная джинсовая ткань не уберегла незнакомку от острых когтей хищника.

Наконец Дерринджер получил возможность разглядеть свою спасительницу. Это была высокая красивая молодая женщина лет двадцати, с большими серыми, широко посаженными глазами. Маленькая эмблема на ее блузке говорила о том, что она относится к служительницам Богини Дианы.

Дерринджер кое-как промыл и забинтовал ее рану, оторвав лоскут от своей сорочки и заколов его своим значком Спартан-

ца. Затем он поблагодарил девушку за храбрость и спросил, как может отблагодарить ее.

— Пустяки, — ответила она. — Каждый на моем месте поступил бы так.

— Позвольте не согласиться с вами, — возразил Дерринджер. — Там, откуда я, никто бы этого не сделал.

— А у нас, служительниц Богини, принято помогать друг другу.

— Спасая меня, вы получили ранение.

— Стоит ли об этом говорить? Какая разница!

— Для меня разница большая. Я обязан вам жизнью. Как Спартанец, я должен отблагодарить вас.

— В этом нет необходимости.

— Так думаете вы, однако я считаю иначе.

— Вы ничего не можете для меня сделать.

— Тогда позвольте хотя бы сопровождать вас туда, куда вы идете, — настаивал Дерринджер.

— Неудачная идея, — возразила девушка. — Мой путь опасен для тех, кто не знает этих мест.

— Я могу позаботиться о себе.

— Не сомневаюсь. Но в этом нет необходимости.

— В какую сторону мы пойдем? Я настаиваю на своем предложении.

Девушка указала рукой, куда идти, и они тронулись в путь.

— Вы когда-нибудь были в Зоне Развлечений? — спустя какое-то время спросила она.

— Я заходил сюда, но не углублялся далее двух миль от границы.

— То место, куда я иду, гораздо дальше. Я направляюсь к Арене. Прошу вас, не надо сопровождать меня, дальше я пойду сама.

— Если вы думаете, что я боюсь, то глубоко ошибаетесь, — поспешил заверить ее Дерринджер. — Я получил хорошую подготовку на все случаи. Существо на двух или даже на четырех ногах не представляет для меня проблемы.

— Кроме леопарда, — напомнила ему девушка.

— Такого больше не случится.

— Вы не знаете Зоны Развлечений, — заметила девушка.

— Возможно. Но я хорошо знаю себя и то, на что я способен.

Она посмотрела на него, насмешливо подняв брови, однако ничего не сказала. Определив направление, они тронулись в путь.

Место, по которому они шли, напоминало луг с редкими деревьями. Это была равнина, но вскоре начался спуск, который становился все круче. Деревья росли все гуще, грунт сделался влажным, а затем уже и совсем мокрым. Наконец рельеф выровнялся. Почва превратилась в болото, кроны чахлах деревьев сплелись верхушками, стволы поросли мхом. Небо, казавшееся нежно-голубым, когда Дерринджер только вошел в Зону Развлечений, теперь было белесым, как рыбье подбрюшье. Дул легкий бриз. Впереди виднелась открытая песчаная полоса, лишенная всякой растительности.

— Будьте здесь очень осторожны, — предупредила девушка.

— Я не нуждаюсь в советах, — ответил Дерринджер. — Я хорошо натренирован и знаю, как себя вести на открытом пространстве.

— Здесь опасно не само открытое пространство.

— Все открытые пространства похожи одно на другое, — возразил Дерринджер.

— Простите, что я заговорила об этом, — извинилась девушка.

Дерринджер ступил на край песчаной полосы. Его нога ушла в песок по щиколотку. Теперь он понял, что это совсем не песок, а желтая липучая грязь. Вместо того чтобы остановиться и осторожно высвободить увязшую ногу, Дерринджер нетерпеливо пытался выдернуть ее, но у него ничего не получалось. Липкая грязь крепко держала его, как щупальца осьминога.

Конечно, трясина, будучи существом полусознательным, бездарно провела этот день и теперь не собиралась отпускать свою первую жертву, а все больше затягивала Дерринджера. Он терял равновесие. Нога погрузилась уже выше колена.

Но и с этим Дерринджер мог бы справиться, если бы остановился и вспомнил, как следует укрощать трясину. Они встречались теперь в Северной Америке повсюду, то есть в Секторе № 1, как сейчас принято называть этот материк. Трясины являлись особой низшей и враждебной формой жизни, случайно завезенной сюда каким-то торговым космическим кораблем, но точно никто ничего не знал. Подобные трясину могли быть зловещим следствием скрещивания земноводных с актиниями, произошедшего в период высокой радиации, которой подверглись многие районы Сектора № 1. Дерринджер был достаточно обучен и натренирован, чтобы знать, как вести себя в подобных

ситуациях. Но он действовал слишком нетерпеливо, резкими рывками безуспешно пытаясь вытащить ногу, в то же время увязая все глубже.

Вести себя так с трясинной опасно, и не успел Дерринджер опомниться, как обе его ноги увязли, а сам он оказался лежащим на спине на зыбкой поверхности бледно-желтого коварного болота. То, что казалось пустяковой неприятностью, превратилось в серьезную угрозу.

— Позвольте помочь вам, — предложила Элея.

— Ерунда, я сам выберусь, — отказался от помощи Дерринджер. Но, как бы он ни барахтался, трясина засасывала его все глубже. Наконец на сердито урчащей поверхности осталась лишь его голова.

— Ладно, так и быть, помогите мне, — сдался Дерринджер. — Если, конечно, хотите.

— Мне все равно, могу и помочь, — ответила девушка, рассерженная его самонадеянностью.

Дерринджер чувствовал, как вязкая масса вот-вот залепит ему рот, и, пока еще мог, крикнул:

— Помогите, прошу вас!

Девушка, очевидно, знала, как оказывать помощь, особенно увязшим в грязи. Во всяком случае, ей был известен нейтрализующий код. Она, не задумываясь, произнесла его:

— ИксК — Отменить 12 Вниз 16 Отменить Отменить.

Трясина застыла, она более не затягивала Дерринджера, а с громкой отрывкой отпустила его. Элея помогла ему высвободить плечи, и вскоре он уже стоял на твердой, сухой земле.

Глава 12

— Вы снова спасли мне жизнь, — еще раз поблагодарил он девушку.

— Не надо по этому поводу быть таким мрачным.

— Но все получилось не так, как нужно. Это я должен был спасать чью-то жизнь, если на то пошло. Меня для этого готовили.

— Не знала, что для этого требуется специальная подготовка.

— Вы не понимаете, — волновался Дерринджер. — Я Спартанец. Я должен находить выход из любых ситуаций.

— Вы считаете себя способным на это?

— Да.

— Кажется, вы ничуть в себе не сомневаетесь? — промолвила Элея.

— Конечно, не сомневаюсь, — ответил Дерринджер, удивляясь ее словам. Лишь потом он подумал, что в них, очевидно, был сарказм. Он ничего не сказал, и они продолжили путь.

Лес кончился, они вышли на равнину. Элея, кажется, не была расположена к беседе, а Дерринджер просто не знал, о чем говорить, поэтому довольно долго они шли молча. Наконец на зеленом лугу, покато спускавшемся вниз, они увидели небольшой каменный дом.

— Это то место, которое вам нужно? — спросил Дерринджер.

— Нет, но вы можете оставить меня здесь. Со мной здесь ничего не случится.

— Я обещал, что доведу вас до вашего дома, и я это сделаю. Мы, Спартанцы, выполняем свои обещания.

Она с любопытством посмотрела на Дерринджера.

— На вашем месте я бы здесь не упоминала о Спартанцах.

— Почему?

— Здесь их не все любят.

— Не понимаю, почему. Мы люди честные, непьющие и ответственные. Мы держим свое слово и ни у кого не просим помощи.

Элея ничего не сказала. На мгновение Дерринджер задумался.

— Это, разумеется, был особый случай. Спартанцы обычно не делают долгов. Я вижу, мое общество вам не очень приятно. Я буду считать, что вернул вам долг, лишь тогда, когда доставлю вас туда, куда вы направляетесь, в полном здравии и в безопасности.

— Я уже говорила, что вы мне ничего не должны и провожать меня не нужно. Я сама прекрасно могу защитить себя.

— Я вас не понимаю. То, что я сейчас делаю, не имеет к вам никакого отношения. Я дал обет, а Спартанец не успокоится, пока при первой же возможности не вернет долг тому, кому должен. Иначе ему никогда не знать покоя, он не сможет прямо смотреть в глаза своим товарищам. Наш эфорат¹ считает постыдным для Спартанца иметь долги, поэтому мы избавляемся от них как можно скорее.

— Не думаю, что мне понравился бы ваш спартанский образ жизни, — заметила девушка.

— Спартанцы вам тоже не нравятся.

— Я этого не говорила.

¹ Эфорат — коллегия высших должностных лиц в Спарте.

— Но подумали.

— Кажется, вы умнее, чем я предполагала.

Они снова замолчали, пока не увидели дом на лугу.

— Вы сюда шли?

— Нет. Но, возможно, здесь нас накормят.

Глава 13

Элея постучалась.

— Входите, — произнес голос за дверью.

Девушка потянула большое чугунное кольцо и отворила дверь. Элея вошла, за нею последовал Дерринджер.

Стены единственной комнаты были сложены из неотесанного камня. В дальнем конце в очаге жарко горел огонь. Из щелей низкого дощатого потолка торчали пучки соломы. Пространство освещали две керосиновые лампы. Одна из них стояла на длинном деревянном столе в центре комнаты, другая же — на маленьком столике в правом углу. В комнате было двое мужчин и еще какое-то, похожее на краба, существо. В руках мужчины держали музыкальные инструменты, флейту и цитру.

— Я Элея, — представилась девушка. — Я звонила по телефону от миссис Вишну с планетоида.

— Добро пожаловать, Элея, — ответил старший из мужчин. — А ваш друг, кто он?

— Он сам расскажет о себе, — ответила Элея.

— Меня зовут Дерринджер, я Инспектор, как вы можете заметить по униформе, а также Спартанец, о чем говорит эмблема на моем рукаве — красный кинжал.

— Это кинжал? — удивился тот, кто был помоложе. — На нем столько грязи, что я принял его за лопату.

Шутка была неудачной, но старший из мужчин рассмеялся, а Элея улыбнулась.

— Я Эбен, — представился шутник. — Парень, похожий на краба, — Такис, мой напарник. А это хозяин дома Зилов. Мы с Такисом торговцы.

— Я Инспектор, — повторил Дерринджер. — И выполняю обещание, провожая леди туда, куда ей нужно. Таким образом, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Я сделаю вид, что не заметил допущенных нарушений.

— О чем это вы? — удивился Эбен.

— Кому принадлежат музыкальные инструменты, которые

вы держите в руках? Советую избавиться от них, пока никто не видел.

Зилов рассмеялся.

— Разрешите напомнить вам, Инспектор, что музыкальные инструменты в Зоне Развлечений не запрещены, — сказал он.

— Если, конечно, у вас есть на них разрешение, в чем я сомневаюсь.

— Кажется, он видит нас насквозь! — воскликнул Эбен. — Инспектор, он же Спартанец, проделал весь этот путь в Зону Развлечений только для того, чтобы напомнить нам о законах. Здорово же вы вывалились в грязь, Инспектор. Значит, так следят за собой славные Спартанцы или это только ваше личное представление об аккуратности?

Дерринджер непроизвольно потянулся за бластером, но рука Элеи удержала его.

— Он шутит, Дерринджер, — успокоила девушка.

— Довольно грубая шутка.

— Разве она дает вам право убить его за это? Посмотрите, у него нет оружия. Убедитесь сами.

Дерринджер смутился. Он невольно потянулся за оружием, такая уж у него привычка — хвататься за бластер, когда кто-то пытается безнаказанно пройти по его адресу. Но он совсем не собирался стрелять. Спартанец, даже если ему по чину дано такое право, предпочитает бороться на равных и готов отказаться от применения оружия, пусть и личного. Сейчас он находится в Зоне Развлечений, и эта шутка, хоть и грубая, здесь, вероятно, является своего рода развлечением.

Кроме того, как это ни странно, этот рыжеволосый торговец с его чувством юмора был ему по душе.

Следовало, однако, помнить, что он в Зоне Развлечений. Записываются ли тут все разговоры? Дерринджер обвел быстрым взглядом комнату и тотчас встретил подмигивающий глазок видеокамеры, укрытой под потолком среди балок. Он представил себе, сколько же здесь микрофонов в каждом углу.

— Да, мы ведем трансляцию, — подтвердил Зилов, хозяин дома, и положил на стол ксилофон. — Вон там наша главная телекамера. — Он указал в конец комнаты, туда, где был очаг, а над ним на стене — большой круглый и плоский предмет из блестящего металла. Две черные точки на его поверхности свидетельствовали о количестве невидимых зрителей по другую сторону.

— Правда, зрителей у нас маловато, — сознался Зилов. — Да

и откуда им взяться? В этом доме — кулисы и актерские уборные. Иногда к нам забредает случайный ковбой из глубинки, ищущий кусочек настоящей жизни, чтобы позабыть о комедиях и трагедиях в нашем Секторе № 1.

Дерринджер почувствовал себя перед телекамерой. Лицо его мгновенно одеревенело, руки стали неловкими и мешали. Он испытывал настоящий страх сцены. Ранее, в нормальной жизни, с ним никогда такого не случалось. Разумеется, Зона Развлечений, с ее вездесущими камерами и микрофонами, не являлась нормальным миром. Дерринджер подумал, что вот таким был некогда Голливуд, где позволяли снимать фильмы только потому, что так всем хотелось.

— Итак, как я понимаю, вы останетесь здесь на какое-то время? — справился Эбен у Инспектора.

— Это целиком зависит от мисс Элеи, — сдержанно ответил Дерринджер. — Как я уже говорил, я взялся сопровождать мисс до места назначения, поэтому все решения принимает она. Потом я немедленно вернусь в свою казарму.

— К чему такая официальность? — сердито вмешалась Элея и повернулась к Эбену и Зилову. — Мы будем рады разделить с вами ваш обед.

— Отлично. Но прежде я осматрю ваши раны, может, надо наложить повязку, — ответил Зилов. — Вам повезло, что не придется накладывать швы. Среди нас нет настоящего лекаря. Как это вы так поранились?

— Леопард, — коротко ответила Элея и этим ограничилась.

— А что касается вас, Инспектор Дерринджер, то могу предложить вам переодеться, если, конечно, шутовской наряд не оскорбит вас.

— Было бы неплохо, — обрадовался Дерринджер. — Как только моя униформа просохнет, я тут же верну вашу одежду.

Ему действительно предложили костюм шута. Дерринджер сразу догадался. Комбинезон: белые ромбы на черном фоне с одной стороны и черные ромбы на белом фоне — с другой. Дерринджера смутил этот костюм, он не хотел в него облачаться. Негоже Инспектору вызывать смех и улыбки. Однако выхода не было. «Это ненадолго, — утешал он себя. — Скоро я получу назад свою высушенную и чистую униформу».

Зилов поставил на стол миски с тушеным мясом из котла, в котором что-то продолжало булькать. На столе появились буханка крестьянского хлеба и несколько бутылок темного пива. На экране телепередатчика возникло еще несколько темных

точек. Дерринджера удивило, что число зрителей, наблюдающих за тем, как они едят, выросло по сравнению с количеством следивших за их ссорой. Но он ничего не сказал.

После ужина Элея поинтересовалась:

— А музыка будет?

— Если Инспектор не возражает, — ехидно ответил Зилов.

— Делайте, что хотите, — буркнул Дерринджер. — Я всего лишь ваш гость.

Зилов и Эбен играли что-то медленное, но ритмичное. Элее мелодия, должно быть, была знакома, ибо она тихонько подпевала. Все, кажется, остались довольны, ибо сами себе поаплодировали.

— Я знаю, Инспектор, такая музыка не по вкусу Спартанцам, но вы должны согласиться, что это приятная мелодия, — заявил Эбен.

— Такого я не скажу, — возразил Дерринджер. — Для моего уха она как жалобное мяуканье, прерываемое интервалами.

— Весьма неоригинальное сравнение. Вы туги на ухо с детства или по долгу службы? — не уступал Эбен.

— Не знаю, — признался Дерринджер. — Я понятия не имел о музыке, пока не прошел обучения в Оздоровительных Отрядах Вишну. По окончании курса учебы мне пришлось слушать музыку по долгу службы. Я поражался, что такая музыка может кому-то нравиться.

— У вас никогда не появлялось желания развить свой музыкальный вкус? — спросила Элея.

— Нет, а зачем? Глупо и противоестественно прививать себе вкус к тому, что тебе не нравится.

— Вы такой правильный, Инспектор, и напичканы законами, — рассмеялся Эбен. — Неужели вам не хочется узнать, чего вам не хватает, и восполнить этот пробел, хотя бы из любопытства?

Дерринджер не нашел ничего смешного в словах Эбена, хотя всех остальных они позабавили.

— Нет, не хочется. Суть основного догмата Обновленного Платонизма, а это наша философия, в том, что в мире много вещей, пробуждающих в людях интерес и кажущихся привлекательными, но не все они являются желанными. Надлежащее воспитание души помогает пренебречь плотскими вожделениями, принижаящими ее.

— Значит, вы еще и философ, — заметила Элея. Дерринджер покраснел, потому что Спартанцы презирали книжную учебу и

гордились отсутствием какой-либо философии в своих воззрениях.

— Ни в коем случае. Но человек, ничего не знающий о политической теории, которая лежит в основе правления в этом мире, просто невежда.

— «Где глупость — образец, там разум кажется безумием», — процитировал Зилов.

— Я не разделяю подобной доктрины, — возразил Дерринджер. Он повернулся к девушке: — Мы так и будем продолжать этот бессмысленный диспут? Или вы позволите мне проводить вас туда, куда вы направляетесь?

— Да, — ответила Элея, — пора в путь. И вам, Дерринджер, тоже, поскольку вы все равно меня не послушаетесь, если я скажу вам «нет».

Она повернулась к Эбену и Зилову.

— Благодарю вас за гостеприимство, возможно, мы еще встретимся на представлении.

Глава 14

Местность казалась безлюдной. Теплый мглистый и серый день был из тех, что предвещают дождь. На бледном, как бы выцветшем небе плыли обрывки облаков, и оно напоминало застиранный кусок заношенной ткани, который повесили просушиться после стирки. Дерринджер испытывал странное чувство, словно чего-то ждал. Сопровождение девушки туда, куда она направлялась, предпринятое им из чувства долга, теперь явно превращалось в удовольствие. Его спутница была хороша собой, и ему нравилось ее общество. Раньше он думал лишь о долге и сопряженных с этим неудобствах, а также о собственной порядочности, поскольку, несмотря на все, решил следовать вместе с Элеей до окончания ее пути. Но теперь, шагая рядом с девушкой через красивый с пологими холмами луг, ведущий к Арене, он вдруг понял, что все это доставляет ему удовольствие и ему хорошо. Даже если бы ему не надо было подчиняться долгу, он готов был идти рядом с Элеей куда угодно. Дерринджеру вовсе не нравилось это незнакомое ему чувство. Оно означало, что он с наслаждением выполняет то, что является долгом, а это вызывало подозрение, что он делает это скорее по собственному желанию, а отнюдь не по обязанности. Подобные мысли были чужды сложны для его понимания, так по крайней мере считал

он сам. К тому же у него не было на них немедленного ответа, и это беспокоило Дерринджера.

Он не помнил, когда впервые увидел статуи. Местность менялась незаметно, и сначала они показались ему просто огромными валунами на зеленой траве луга. Но когда он подошел поближе, то понял, что это огромные, грубо высеченные из камня головы высотой не менее десяти или двенадцати футов. Они ушли в землю до подбородка, словно стояли здесь давно. Их стилизованные черты были сердиты и мрачны. Каменные головы смотрели в разные стороны, словно грозные стражи, оберегающие от неожиданностей.

— Что это? — недоуменно спросил Дерринджер.

— Полагаю, новые экспонаты выставки. Она часто пополняется чем-то новым.

— Кем?

— Теми, кто владеет этим местом. Это может быть кто угодно.

Вдали они увидели несколько щитов, а за ними какое-то здание.

— Вы туда идете? — спросил Дерринджер у девушки.

Она кивнула.

— Я рада, что встретила с вами, Дерринджер. Боюсь, мы более не увидимся.

— И я тоже так думаю, — сказал Дерринджер, и ему стало немного грустно.

Они приблизились к зданию, на двери которого была надпись: «Справочное бюро».

— Не оступитесь, смотрите под ноги, — предупредила Элея.

С этих, казалось бы, ничего не значащих слов началось освоение Дерринджером новой, доселе неведомой ему территории, о существовании которой он даже и не подозревал.

Глава 15

— Входите, — сказал человек, сидевший за окошком.

Дерринджер и Элея прошли вперед и в дальнем конце двора увидели большое здание, похожее на дворец. Оно, наверное, было когда-то роскошным курортным отелем, в четыре этажа, с колоннами, подъездной аллеей и черным ходом для прислуги.

Дерринджер и девушка вошли внутрь и оказались в небольшом холле. За конторкой сидела женщина средних лет в строгом сером платье. Волосы ее были некрасиво собраны в пучок на макушке. Она разговаривала по телефону.

Положив наконец трубку, она спросила:

— Чем могу служить? Кто вы?

— Я Элея, — ответила девушка. — Меня здесь ждут.

Женщина справилась в каком-то списке.

— Да, ваше имя в списке. Можете пройти. А вы кто, сэр?

— Ничего, не беспокойтесь, — поспешил сказать Дерринджер. — Я всего лишь провожаю мисс Элею. Чтобы ничего не случилось.

— Вы тоже можете пройти.

— Но мне незачем туда проходить. Я собираюсь вернуться, у меня свои дела, — возразил Дерринджер и, повернувшись к девушке, стал прощаться: — Что ж, еще раз скажу, что мне было приятно познакомиться с вами, и надеюсь, у вас все будет хорошо.

— Спасибо, — поблагодарила Элея. — Надеюсь, и у вас все тоже будет благополучно. — И она исчезла за дверью, которую ей указала дама.

Дерринджер направился к выходу и попытался открыть дверь, но та оказалась запертой. Он повернулся к женщине за конторкой.

— Вы можете позвонить, чтобы меня выпустили отсюда, или как это у вас делается? — спросил он женщину.

— Сожалею, — ответила она, — эта дверь только для входа.

— Но я зашел сюда лишь для того, чтобы проводить мисс Элею! Теперь я хочу уйти.

— Меня это не касается, сэр, — ответила женщина. — Повторяю, это дверь для входа.

— Не говорите глупости, — начал сердиться Дерринджер. — Будьте добры, сейчас же откройте дверь.

— Не могу, — ответила женщина. — Эта дверь устроена так, что она только впускает. Ее механизм никого не пропустит обратно. Я ничем не могу помочь.

Дерринджер толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Что я в таком случае должен теперь делать? — спросил он.

— Выходите туда, — сказала женщина и указала на дверь, за которой скрылась Элея.

— Я думал, это тоже вход. Я смогу здесь выйти? Это выход?

— Эта дверь ведет туда.

— Не понимаю, почему я не могу выйти в ту же дверь, в которую вошел?

— Потому, что такие правила.

— Это глупые правила. — Дерринджер уже чувствовал, что начинает нервничать. — То место, куда я хочу выйти, как раз за той дверью, в которую я вошел.

Женщина пожала плечами.

— На вашем месте я не была бы столь уверена в этом. Здесь все меняется. Во всяком случае, я ничем вам помочь не могу. Я не контролирую механизма этой двери.

— Хорошо, — сдался Дерринджер и толкнул дверь, в которую ушла девушка. Она легко открылась. За нею был мрак.

— Вы уверены, что здесь все в порядке? — спросил встревоженный Дерринджер, но женщина, подняв трубку, уже с кем-то разговаривала по телефону.

Глава 16

Дерринджер недоуменно пожал плечами и шагнул в темноту. Прежде всего он стал нащаривать рукой стену, потому что кто знает, на что еще он может здесь наткнуться. Все это казалось ему грубой шуткой, ибо, кроме шутки, это ничем иным назвать было нельзя. Все, что находится в этой зоне, должно быть под наблюдением. Так по крайней мере ему говорили. Его бы не удивило, если бы оказалось, что скрытая инфракрасная камера уже снимает его или кто-то в специальных очках ночного видения следит за ним. Именно таким образом здесь развлекают зрителей, ставя в неловкое положение какую-нибудь жертву, а затем прилюдно потешаясь над ее глупостью.

Наконец его пальцы нащупали твердую поверхность, и он уже смелее пошел вдоль стены. Одной рукой он держался за нее, а вторую вытянул перед собой, чтобы не наткнуться на препятствие. Он невольно гадал, этим ли путем шла Элея. Иной двери, кажется, не было. Однако он не мог представить себе девушку, спотыкаясь, бредущую во мраке, как это делал сейчас он сам.

Спустя какое-то время, когда глаза привыкли к темноте, он заметил слабое свечение впереди. До такой степени слабое, что его и огнем-то не назовешь. Но все же это был свет, если только не обман зрения. Иной гипотезы не возникало. Дерринджер двинулся вперед, ускорив шаги, спеша убедиться, что это не мистификация.

Свечение стало ярче, но что это было конкретно, он так и не смог разглядеть. Он вдруг остановился, ибо понял, что, устремившись к светящейся точке, удалился от стены и потерял ее. И тут свечение пропало. Однако его глаза начали кое-что различать в темноте.

Остановившись, Дерринджер напомнил себе, что он должен быть готов ко всему. Что же видится ему в темноте? Неужели это

ксилофон? Кажется, да. Он подошел поближе. Инструмент, похожий на ксилофон, одиноко стоял на своих тоненьких ножках, возвышаясь над полом на три фута. Узкие металлические пластины на его поверхности слабо отсвечивали желтым светом, а сам инструмент, скрытый темнотой, поблескивал холодным металлом.

Удивленный Дерринджер потянулся и дотронулся до одной из пластин. Она издала звук, который, затихая, поплыл в воздухе. Когда он совсем растворился, начали зажигаться огни.

Вскоре Дерринджеру стали видны стены. Залитые светом, они быстро, словно на роликах, расступались перед ним, открывая широкое свободное пространство. От движущихся стен и обилия яркого света у Дерринджера закружилась голова. Он недоумевал, чем занимаются все те, кто проделывает это. Ему это совсем не нравилось.

Медленно повернувшись, он увидел, как пространство все увеличивается, а темнота исчезает. Когда над его головой сверкнул ослепительный пучок света, Дерринджер вынужден был закрыть глаза руками.

— Эй, вы, там! — окликнул его голос.

— Кто, я? — недоуменно спросил Дерринджер.

— А кто же еще? Ведь я с вами разговариваю. Опустите руки и подойдите поближе.

Дерринджер осторожно отнял руки от лица. Шурясь, он с трудом сообразил, что перед ним нечто похожее на сцену, на которой стоит мужчина в смокинге. Дерринджер не мог разглядеть его целиком, так как источник света находился за ним и виден был лишь силуэт мужчины.

— Проходите, не заставляйте нас ждать, — сказал человек в смокинге. — Сделайте несколько шагов вперед. Или вы заранее трусили, даже не зная, что с вами должно произойти?

Такого позора Дерринджер не мог вынести и, все еще шурясь, медленно приблизился. Вскоре он уже стоял перед мужчиной в смокинге. Теперь у него появилась возможность хорошо разглядеть этого человека. Дерринджер увидел, что тот невелик ростом и толст. Голос у него был груб, а смокинг сидел на нем плохо и совсем не смотрелся.

— Что ж, вы пожаловали к нам, чтобы узнать, как мы здесь веселимся и развлекаемся? — воскликнул человек.

— Ничего подобного, — возразил Дерринджер. — Я сопровождал юную леди, и мне сказали...

— Кто сказал?

— Регистраторша, кажется, так ее называют, в том доме, где я был.

— У нас нет никаких регистраторш, — крикнул чей-то голос. — Вы, должно быть, разговаривали с подставным лицом. Возможно, одним из наших противников. Или сами придумали эту историю. Предлагаем сказать правду.

— Я не лгу, — запротестовал Дерринджер. — Я сам не знаю, зачем я здесь очутился.

— Мы это уже слышали, — сказал человек в смокинге.

Дерринджер, оглянувшись, справа от себя увидел зрителей. Их было около сотни, они сидели в зале, в некоем подобии амфитеатра, и, подавшись вперед, смотрели на сцену, на человека в смокинге и на него, Дерринджера, стоявшего рядом, но чуть ниже и еще не совсем на сцене.

— Ваше имя Дерринджер?

— Да, это я. Но я...

— Избавьте нас от ваших сетований, — перебил человек в смокинге. — Мы здесь не для того, чтобы слушать ваши жалобы. Мы здесь для того, чтобы развлекаться. Не так ли, леди и джентльмены?

Зрители одобрительно загудели.

— Учитывая все сказанное, — заявил человек в смокинге, — у нас не хватит терпения слушать ваши нелепые объяснения, Дерринджер. Если вы не хотите участвовать, тогда что вы тут делаете?

— Вот именно! — воскликнул Дерринджер. — Я просто провозжал молодую леди...

— Нас это не интересует, — перебил его мужчина в смокинге. — Вы готовы бороться?

— Бороться с кем? Что это значит?

— Выходите вперед, мистер Дерринджер, состязания вот-вот начнутся.

— Какие состязания?

— О, это будет эффектное зрелище. Но прежде мы должны вас подготовить.

Глава 17

Мастер Церемониала, или просто МЦ, в плохо сидящем смокинге увел Дерринджера за кулисы. Он буквально тащил его по коридору мимо каких-то людей, приговаривая: «Пропустите, пропустите, мы опаздываем!»

Наконец они вошли в комнату, на двери которой было написано: «Костюмерная-А».

— Послушайте, я совсем не знаю, что все это значит, — пытался возразить Дерринджер.

— У нас нет времени на разговоры, — торопил МЦ. — Это Эдвин, ваш тренер. Быстро переодевайтесь. А мне надо вернуться к зрителям.

Он тут же убежал. Тренер Эдвин открыл шкафчик и вытащил ворох одежды. В руках Дерринджера оказались пара трусов, майка, кепка и пластиковые кеды. Он с сомнением посмотрел на все это.

— Не думаю, что такая одежда мне подойдет.

— Конечно, подойдет. Это как раз тебе впору.

— Я все же считаю, что я не тот человек, который вам нужен.

Эдвин взглянул на клочок бумаги.

— Ты Дерринджер?

— Да, но я не подписывал с вами контрактов и все такое прочее.

— Конечно, не подписывал, потому что у нас только добровольцы.

— Я никогда не изъявлял такого желания.

— Послушай, парень, — сказал Эдвин, — я здесь не для того, чтобы с тобой препираться. Или одевайся и мы начнем, или же будут последствия.

— Какие последствия?

— Или ты соревнуешься, или ты мертвяк. Выбирай.

— Вы шутите!

— Поупрямишься еще и узнаешь, как я шучу.

Дерринджер достаточно много слышал о Зоне Развлечений, чтобы поверить в то, что Эдвин не шутит. Произошло ужасное недоразумение, но если он не примет правил игры или хотя бы не сделает вид, что принял их, может случиться худшее, вероятно, даже смерть.

Дерринджер снял костюм шута, в который одел его Эбен, и последовал в раздевалку, указанную тренером. Одежда оказалась ему впору, пластиковая ткань выгодно облегла тело, не стесняя движений и подчеркивая мускулатуру. Даже кеды мгновенно приняли форму его ступни.

— О'кей, — сказал Дерринджер. — Что дальше?

— Как раз время начинать соревнования.

— Разве мне не надо хотя бы немного размяться? А потом получить инструкцию, что делать дальше.

— МЦ скажет вам, что делать. А что касается разминки, у вас будет уйма времени на это, когда начнутся соревнования.

— Как они называются?

Тренер заглянул в список.

— Ты участвуешь в одном из вариантов бега с препятствиями.

— Трудные? — не без опасения поинтересовался Дерринджер.

Эдвин поморщился.

— Это будет здорово. Пошли, нам пора.

Они снова вышли в коридор. Дерринджер чувствовал себя неловко в сильно обтягивающем спортивном наряде. Тренер подвел его к двери с надписью: «Выход на сцену: только для участников соревнований».

— Желаю успеха, — сказал он, открыл дверь и толкнул в нее Дерринджера.

Глава 18

Дерринджер, спотыкаясь, вылетел на сцену и был встречен всеобщим безжалостным гоготом. Оглянувшись, он увидел перед собой огромный амфитеатр. Купол потолка казался далеким, как небо, стены мерцали серебром.

На сцене в самом ее центре стоял МЦ в дурно сидящем смокинге. Рядом Дерринджер заметил человека, одетого так же, как и он сам. Видимо, это был его соперник.

— Подойдите-ка сюда, мистер Дерринджер, — позвал МЦ. — Мы ждем вас.

Дерринджер приблизился к ним. Микрофоны передавали все, что говорилось на сцене, зрителям, как сидевшим под куполом зала, так и тем, кто оставался за его серебряными стенами. Как только МЦ заговорил, включились электрогитары; их вой, чудовищно усиленный динамиками, наполнил воздух и заложил уши.

МЦ говорил быстро, и Дерринджер не мог уловить ни единого слова. Казалось, он общался с аудиторией на каком-то местном диалекте, который вполне понимали все, кроме Дерринджера. Пока все это происходило, Дерринджер внезапно заметил, что его самого и его соперника окружают какие-то призрачные, почти прозрачные тени. Вскоре он уже мог разглядеть отдель-

ные фигуры мужчин и женщин. Однако все они были почти бес-телесными.

— Кто это? — спросил Дерринджер своего соперника.

— Это Джекеры. Разве ты не слышал о них?

— Никогда не слыхал.

— Где же ты был все это время, парень? Но, видимо, не здесь, на ВСР.

— А что такое ВСР?

— То место, где мы сейчас с тобой находимся. Всемирная Сеть Развлечений, пропагандирующая новейшие способы и виды массовых развлечений. Эти призраки покупают себе право побывать в виртуальных человеческих обликах. Таким образом они могут все наблюдать с самого близкого расстояния.

Когда свет попадал на лица Джекеров, они казались Дерринджеру хмурыми и недобрыми. Все они были похожи на кастратов. Стоило Дерринджеру посмотреть на Джекеров, как они начинали строить рожи и кривляться.

— Не обращай на них внимания, — сказал МЦ. — Многие из них не подключены к звуку. Делай вид, что их просто нет. Приготовься лучше к тому, что тебя ожидает.

Дерринджер изо всех сил старался не смотреть на зрителей-призраков. Но один из них, ростом вдвое ниже других, то ли подросток, то ли кто-то, вселившийся в тело мальчишки, был особенно настойчив и сам окликнул его:

— Эй, мистер! Вы, похоже, новичок здесь?

— Отстань, — огрызнулся Дерринджер. — У меня и без тебя забот по горло.

— Я хочу помочь вам, вот и все.

— Помочь поскорее сыграть в ящик?

— Вы меня не поняли, мистер. Я Эдди Бэйкер, президент Общества помощи жертвам. Мы хотим помочь вам!

МЦ заметил мальчишку.

— Молодой человек, — сказал он резко, — вы не должны разговаривать с соревнующимися, когда я их инструктирую. Прошу подчиняться порядкам или тут же лишитесь своего виртуального тела и будете удалены с Игр.

— Извините, сэр, — ответил мальчишка.

Но МЦ уже обратил свое внимание на Дерринджера и его противника.

— О'кей. Вы, ребята, находитесь в секции Таинственного оружия. Тут много призов. А теперь смотрите в оба и слушайте.

МЦ драматически вскинул руки. Занавес за кулисами поднялся, открыв кучу всяких предметов, залитых светом софитов.

В основном это были самые обыкновенные предметы домашнего обихода.

— Но это еще не все, — гордо сказал МЦ. — Каждый из этих предметов, необходимых в хозяйстве и знакомых нам, является также смертельным оружием. Весь смысл поединка состоит в том, чтобы вовремя сообразить, как первому воспользоваться своим оружием, прежде чем это сделает противник. Тот, кто в конце состязания останется жив, получит все эти предметы. Начинайте!

МЦ нырнул в пластмассовый шар, свисавший с потолка, и исчез. Противник Дерринджера, не теряя ни секунды, бросился к куче. Дерринджер, не задумываясь, последовал его примеру.

Первое, что ему попало в руки, был фен для сушки волос, его же противник схватил электрическую зубную щетку. Дерринджер щелкал кнопками, но фен оставался мертвым. Его противник так же безрезультатно пытался оживить свой трофей. Наконец Дерринджеру удалось коснуться чего-то, что сразу поддалось нажиму, и фен выбросил сильную струю синего пламени, которая едва не обожгла Дерринджеру лицо, потому что он держал фен неправильно, направив его на себя. Он быстро направил струю на своего соперника. Однако тот уже сообразил, как превратить электрическую зубную щетку в оружие. Теперь она внезапно удлинилась, и из нее вылетели красные и желтые шарики величиной с бусину и тут же взорвались. Будь Дерринджер рядом, он непременно пострадал бы.

Поединок, начатый феном и зубной щеткой, длился минут десять или около того. Его продолжили другие предметы, как-то: стальные дроты из бешено вертящихся автоматических мешалок, дождем сыпавшиеся на головы противников, крохотные хищные птички, вылетающие из шляпной коробки, ручки-самописки, превращенные в орудия пытки, которыми как Дерринджер, так и его соперник пытались нанести роковой укол. Оба только чудом избежали катастрофических последствий. Силы сторон были настолько равны, что невозможно было назвать победителя, и поединок мог бы продолжаться до бесконечности, если бы Дерринджеру не повезло. Его противник внезапно застыл, схватился за грудь, издал какой-то звук, который тут же был воспроизведен всеми телевизорами страны, и упал бездыханный, никому уже не нужный и неинтересный, как недельной давности салат. Дерринджера объявили победителем.

Однако ощущение торжества победы было недолгим. Впереди Дерринджера ожидали новые бои.

Глава 19

— Неплохое местечко, как ты считаешь, напарник? — спросил Эбен Такиса.

Покинув участок отдыха Зоны Развлечений, где им встретился Дерринджер, они, подняв корабль, довольно быстро долетели до посадочной площадки для космолетов и приготовились к приземлению. Корабль, легкий и послушный в космосе, на земле был тяжелым и неуклюжим. Понадобилось немало усилий, чтобы аккуратно посадить его на четко отмеченную белой полосой площадку рядом с уже стоящими кораблями.

— Что ж, место удачное, — согласился Такис. — И наш корабль хорошо смотрится здесь, ты не считаешь, партнер?

Корабль действительно хорошо вписался в ровный ряд из десятка таких же космических кораблей на специально построенном для них космодроме в одном из секторов парка. Все это были торговые корабли с далеких планет. Они прибыли сюда с одной целью: продать свой товар. Рядом с каждым из них предусмотрительно был установлен легкий деревянный столик, а чуть подальше — палатка для хранения товара.

Эти корабли были специально приспособлены для посадки на Землю, что обошлось недешево, если говорить о топливе, но было совершенно необходимо, учитывая местные условия. Зато теперь космодром принимал не только торговые космические корабли, но и сверхтяжелые трейлеры и личные транспортные средства туристов. Воскресная ярмарка игрушек и прочих забавных мелочей были излюбленным развлечением обитателей этих мест. Так было испокон веков, так осталось и теперь. Сегодня было воскресенье, поэтому Эбен и Такис разложили свой товар и приготовились встречать первых покупателей.

Кое-кто, пожалуй, мог бы возразить и сказать, что корабли лучше оставлять на орбите, а для спуска пользоваться спейс-шаттлами и на них же доставлять груз на Землю. Но это означало бы недооценивать ум и смекалку человека, а также его страсть к преодолению препятствий и к острым ощущениям. Чтобы официально прибыть на планету Земля, — то есть оставить корабль на орбите и приземлиться на шаттле, — нужны всякого рода официальные разрешения. С другой стороны, если без разрешения посадить корабль на космодроме в Зоне Развлечений и тут же, не отходя от него, начать торговать товаром с лотка, бюрократической волокиты можно избежать, да и риска

почти никакого, разве что таможенники проявят чрезмерный интерес.

Кто-то удачно сравнил космические корабли с фургонами будущего.

Корабль Эбена был рассчитан на доставку мелкого штучного товара. Быстро раскрылись створки грузового люка, были вынуты тент, складные столы и стулья. Все, как обещала реклама «Суперэксплорер»: через полчаса после приземления можно начинать торговлю.

Приятно было торговать на свежем воздухе и без особой подготовки, как это делали в древней Ниневии или в халдейском Уре, не говоря уже о греческих и римских рынках.

— Ты долго отсутствовал, — сказал Такис. — Приятно вернуться домой на Землю?

Эбен был из второго поколения людей, сын эмигрантов первой волны великого исхода, вызванного бесчисленными малыми атомными войнами недоброй памяти двадцать второго столетия. Но всю свою жизнь он провел на Калпурнии в Секторе Эрроэн, поэтому не испытывал особых чувств к Земле, хотя это и была его родная планета.

— Она ничего для меня не значит, — ответил Эбен. — Ты проверил двигатель?

— Проверил. Все в порядке, партнер, — сказал Такис.

У торговцев с Калпурнии вошло в обычай брать в партнеры кого-нибудь с других планет, если удавалось подобрать подходящего. У Эбена оказался очень хороший партнер. Такис был гением в технике и электронике. Никто лучше него не мог устроить поломки корабля и разобраться в его сложных системах.

— Мне приятно ощущать тепло солнечных лучей на моем панцире, — признался Такис, поудобней устраиваясь на круглом сиденье складного стула, чтобы насладиться несколькими минутами покоя, пока не появились покупатели. Он был крабоподобным существом с десятью конечностями вокруг крепкого компактного тела, похожего на расплюснутый сфероид. Эбену говорили, что Такис считается красивым среди крабовидных. Эбену трудно было судить, насколько это верно. Даже после нескольких лет знакомства он не мог отличить своего партнера от других крабоподобных. Когда он сообщил об этом Такису, тот сказал, что это его ничуть не удивляет. Земляне удивительно слепы и не различают нюансов. А вся красота крабовидных в нюансах, и в этом они похожи на японцев. Такис казался приятным, удивительно хрупким и беззащитным, но на самом деле он

был крепок и из крепкого рода. Крабообразные подобно амебам умеют восстанавливаться. У них вырастают новые конечности вместо потерянных. Вопреки всем законам биологии они могут даже восстанавливать свое туловище, если уцелели хотя бы три или четыре конечности.

Обладая десятью конечностями, они вполне логично приняли десятичную систему, стали вегетарианцами и предпочитают овощи, выращенные на Земле, особенно морковь, которую потребляют в больших количествах. Однако нередко можно увидеть крабовидного, жующего яблоко или бельгийскую молодую морковь с фруктовым сахаром. От крабовидных всегда исходит приятный запах, чего, по их утверждению, нельзя сказать о землянах, от которых дурно пахнет, даже когда они моются. Многие считают, что именно после мытья запах особенно противный.

Эбен наслаждался утренней тишиной и покоем, как вдруг заметил, что Такис, взяв маленький электронный калькулятор, что-то старательно подсчитывает.

— Ну как, собрал? — спросил он.

— Нет еще, но скоро соберу.

Эбен знал, что Такис подсчитывает свои сбережения. Он копил деньги для брачной платформы — старинной, с резными перемычками из дерева, из которого изготавливаются музыкальные инструменты. Она будет в одном из лучших уголков Глемдера, главного города крабообразных.

Хотя день начался неплохо, вскоре все пошло наперекосяк.

— О... о! — покой Эбена нарушил испуганный возглас Такиса. — Посмотри, кого я вижу.

Эбен взглянул туда, куда своей клешней указывал Такис. Вдоль ровной шеренги кораблей с самодовольной улыбкой на лоснящейся физиономии к ним шел чиновник таможенной службы в ярко-красном мундире. Хотя они находились в свободной торговой Зоне, таможенные чиновники могли причинить любую гадость, а у этого на отвратительном лице было написано, что он крутой взяточник: не дашь на лапу, жди неприятностей.

— Ненавижу этих типов, — выругался Такис. — Сам с ним сговаривайся, а я спущусь вниз. Слушать не хочу то дерьмо, которое он станет тут говорить.

Такис исчез в люке корабля. Таможенник медленным шагом

приблизился к Эбену, сидевшему на раскладном стуле перед столиком с товарами. На маленьком недобром лице чиновника играла самодовольная улыбка. Те жалкие пряди волос, что еще обрамляли его череп, были щедро смазаны липким лосьоном. Для Эбена все здешние чиновники представлялись ходячим злом. Они существовали лишь для того, чтобы причинять одни неприятности.

— С Калпурнии? — справился таможенник. — Что-то не видел вас здесь раньше.

— Ровно год назад я был на этом самом месте, — ответил Эбен.

— Меня здесь тогда еще не было. Вот, наверное, почему мы не встречались.

Эбен кивнул и передвинул поднос с образцами мелкой мозаики из коллекции, привезенной с Антарии.

— Камешки, — произнес чиновник, останавливая жадный взгляд на яркой мозаике.

— У вас верный глаз, — похвалил Эбен с тем сарказмом, за который расплачивался уже не раз, и, должно быть, расплатится и теперь.

— Красивые, — протянул таможенник. — Думаю, они будут хорошо смотреться в плавательном бассейне?

— Они хороши в любой воде, — согласился Эбен.

— Вы не возражаете, если я возьму парочку в подарок моим ребятишкам?

Эбен хотел было сказать: «Берите на здоровье», но в этот момент из люка высунулся Такис.

— Эбен, тебя срочно кто-то желает видеть.

— Кто-то на моем корабле? Ты уверен?

— Как никогда. Зайди и убедишься сам, — ответил Такис. — Я не собираюсь торчать здесь и спорить с тобой.

— Прошу прощения, я сейчас вернусь, — сказал Эбен таможеннику и спустился в люк.

— Каким образом кто-то мог проникнуть на наш корабль? — недоумевал Эбен. — Мы только что приземлились. Неужели нас поджидали?

Такис отрицательно помотал клешней.

— Нет, тут совсем другое.

— Кто это? Как он попал сюда?

— Спроси сам.

Такис повел Эбена в запасную душевую в самом хвосте корабля, за машинным отделением. Открыв дверь, он указал на пластиковый таз с водой на полу. В нем плавала голова.

— Привет, — произнесла она. — Я надеялся на встречу.

— Вы — голова, — растерянно произнес Эбен, — однако говорите.

— Верно подмечено.

— Говорите с помощью известного фокуса с зеркалами, не иначе.

— Поверьте, никаких фокусов здесь нет.

— Как вас зовут?

— Все зовут меня Орфеем, — ответила голова.

— Как вы потеряли свое тело? — не удержавшись, спросил Эбен. — Если, конечно, я могу это спросить.

— Можете. Менады по велению бога Диониса разорвали меня на куски.

— Менады, — задумчиво произнес Эбен. — Вы говорите о красотах в чуть прикрывающих их одеждах?

Голова кивнула.

— И тем не менее у них очень острые ногти.

— Зачем они это сделали?

— Это было недоразумение, и случилось оно в очень далекие времена. Теперь же я просто поющая голова, умеющая предсказывать.

— Неужели это правда? И у вас есть предсказание для меня?

— Да, есть, — ответил Орфей. — Вы только что познакомились с таможенным чиновником. Он сделал вам недозволенное предложение, ведь так?

— Это верно. Я собирался откупиться от него, как мы говорим, «дать на лапу», чтобы он оставил меня в покое. Вы против?

— Да, против, — серьезно ответил Орфей. — Вы, Эбен, такой храбрый человек, готовы заплатить коррумпированному чиновнику, лишь бы он не тревожил ваш покой?

— В том виде, в каком вы все это представили, получается довольно неприглядная картина.

— Оценку дали вы, а не я.

— А что предлагаете вы?

— Вам действительно хочется это знать?

— Да, хочется.

— Я бы послал его подальше, — решительно сказал Орфей.

— А последствия?

— Черт с ними, с последствиями.

— Вы смелый, — заметил Эбен.

Голова качнулась, словно пожала плечами.

— Я Орфей, я полагаюсь только на себя.

— А я Эбен и тоже полагаюсь на себя. Спасибо за совет, говорящая голова. Он мне был нужен.

Эбен покинул душевую и поспешил к выходу. Он стиснул зубы, и вид у него был решительный. Когда Такис спросил, в чем дело, он огрызнулся:

— Не мешай мне, парень!

Парень? Эбен никогда еще так его не называл. Что ему сказала голова?

— Вы спрашивали, не возражаю ли я, если вы возьмете парочку камешков на память?

— Да, спрашивал.

— Так вот, я возражаю, — ответил Эбен. — То, что вы видите, это целый набор. Если вы что-то возьмете из него, он потянет свою цену.

— Тогда почему бы мне не взять все? — спросил чиновник.

— Как вас зовут? — спросил Эбен.

— Я Монровия-старший, — ответил тот.

— Что ж, Монровия-старший, уберите-ка ваши грубые руки от моего товара. Я не для того вез эти хрупкие штучки через всю Галактику, чтобы дарить их ничтожным чиновникам.

— Ничтожным? А разве мы не ровня? Чем вы выше меня?

Эбен догадался, что таможенник не так его понял, и поспешил взять из его рук мозаику.

— Положите это туда, где взяли, если не собираетесь покупать. А если готовы, то покажите ваши деньги.

— Вы делаете ошибку, — предупредил таможенник. — Там, откуда я, принято получать небольшие комиссионные.

— Вот и возвращайтесь туда, откуда прибыли, — ответил Эбен. — Я не плачу комиссионных.

— Вы об этом пожалеете, — пообещал чиновник.

— Если бы я жалел каждый раз, когда мне такое говорят, я был бы самым несчастным человеком. А теперь уносите ноги.

Он и Такис смотрели вдогонку рассерженному таможеннику.

— О чем речь? — полюбопытствовал Такис.

— Я сказал ему все, что думаю о нем. Вот так, — ответил Эбен.

— Ты считаешь, что поступил разумно?

— Зато я чувствую себя намного лучше.

— А как наша торговля здесь?

— Об этом не беспокойся, — заверил Эбен. — Этот хмырь ничего нам не сделает.

Но, остыв немного, он и сам удивился тому, как расшумелся из-за такой банальной и привычной вещи, как взятка. Однако теперь речь шла о его гордости, и Эбен решил, что будет стоять на своем.

Глава 20

В это утро торговля шла вяло. Группа туристов из Огайо приценивалась к специям, привезенным из далеких стран. Эбен привез новую партию чагасты, приправы, делающей мясо нежным и вкусным, особенно ценной, если мясо не первого сорта и свежести. Пользовался спросом кордиал с Альмагасты с фруктовым вкусом и добавкой еще чего-то пикантного и неузнаваемого. Попытки воспроизвести его заменитель на Земле, предпринимаемые уже целый год, не увенчались успехом. Товар Эбена смотрели и покупали, расплачиваясь талерами времен правления Марии-Терезии. Новая валюта была введена Вишну, приверженным всему, что достоверно и проверено опытом. Однако талеры не были копией прежних, ибо Вишну не терпел провинциализма.

— Эй, что у нас тут? — Этот голос разбудил задремавшего Эбена. Он выпрямился на своем стуле. Их было трое — типичные земляне, но из хулиганов. Одеты, как настоящие байкеры, — в черную кожу с нашлепками из нержавеющей стали и с обилием цепей, в блестящие черные сапоги и смятые офицерские фуражки, а также в широкие кожаные пояса, к которым крепились различные смертоносные предметы. Вид этих молодчиков пугал, они были опасны. Их настроение и насмешки не сулили ничего хорошего. Глядя на них, Эбен понял, что неприятности пожаловали на черных кожаных крыльях.

— Привет, ребята. Чем могу помочь? — спросил он с самой щедрой улыбкой.

— Хотим поглядеть, чем торгуешь, что тут самое безобидное. — Лидер байкеров с презрительной усмешкой взял в руки стеклянный шар.

— Осторожно, это очень хрупкий предмет, — предупредил Эбен.

— Неужели? — ответил байкер и, разжав ладонь, позволил шару упасть. Стекло разлетелось на мелкие кусочки.

— Это будет вам стоить двести талеров, — сказал Эбен.

— Разве? — нехорошо ослабился байкер. Что касалось его манеры выражаться, его слова были кратки и монолитны. Глядя на него, Эбен почувствовал на своем лице ту скрытую, еле уловимую и незаметную чужому взгляду улыбку человека, приготовившегося к драке, которая освободит его от напряжения и позволит уснуть ночью крепким сном. Эбен в последнее время плохо спал, ему не хватало активности и движений. А он это любил.

— Вы хотите сказать, — медленно произнес он, — что не собираетесь платить за разбитую вещь?

— Ты прав, умник, — ответил байкер. — Что теперь будешь делать?

В это время к ним подошел Такис.

— Ладно, не беспокойтесь, — успокоил он парня. — Фирма заплатит. — Затем, повернувшись к Эбену, он спросил: — Могу я с тобой поговорить?

— Черт побери, нет, конечно! — взорвался Эбен. — Он заплатит мне!

— Позволь мне все-таки кое-что сказать тебе. Отойдем подальше, за корабль, — настаивал Такис.

— Эй, малыш, убирайся-ка ты отсюда, — сказал байкер и снова ослабился.

Эбен тоже улыбнулся и опустил левое плечо. Байкер потянулся к поясу. Он попытался отстегнуть плетку с кожаной плетеной ручкой. Но Эбен опередил его и удержал руку.

— Ты не хочешь этого делать, — заметил он.

— Почему? — оскалил зубы байкер.

— Потому что у тебя сломана рука, — ответил Эбен и двумя быстрыми нажатиями сломал байкеру тонкую кость у локтя.

— Эй! — не выдержав, подал голос кто-то из дружков байкера.

— Тебе тоже не терпится попробовать? — спросил Эбен, приближаясь. Взмах правой, взмах левой, поворот, удар ногой. Этому его когда-то научили в Школе обороны в Нурме, его родном городе на Калпурнии. Этот технически трудный прием казался немного неуклюжим, медленным, словно давал шанс на ответ более быстрому противнику, если тот, конечно, о нем знал. Но, как догадался Эбен, здесь был не тот случай.

— Речь идет о микросекундах, — учил его старик Эберхардт, лысый и старомодно заботливый. — Наносить удар следует, когда противник нагнулся вперед. Даже самому осторожному и хитрому человеку, если он нагибается и тем самым переносит свой центр тяжести, нужно время, чтобы выпрямиться и вер-

нуться обратно в устойчивое положение. К тому же надо успеть уйти от удара, если, конечно, противник сообразит, как ты собираешься его нанести. А пока он этим занят, ты уже делаешь поворот. Он инстинктивно отшатывается, но уже поздно, так как твоя левая нога бьет ему прямо по шее. Его собственная попытка избежать удара оказывается несостоятельной.

Эбен вначале не очень-то верил этому. Но Эберхардт был одним из лучших специалистов по технике рукопашного боя без оружия, и, поверив ему, Эбен долго тренировался, пока этот прием не стал его второй натурой. Его первое «я» приветствовало вторую его ипостась. Было приятно сознавать, что почти автоматическое движение, вернее, серия движений, сделанных в нужный момент, позволяет нокаутировать любого, кроме разве равного ему мастера рукопашного боя.

— Что бывает, если такие мастера встречаются? — как-то поинтересовался Эбен.

— Мастера рукопашного боя не лезут в драку без причины, — ответил Эберхардт. — Такое случается, но редко.

— И что тогда?

— Тогда надо иметь какое-то оружие в руках, иначе мастер снесет тебе голову.

Тогда это объяснение не очень обрадовало Эбена. Но он знал, что старый учитель прав. Мастера рукопашного боя не лезут на рожон и не ищут драк. Прежде всего у них не тот характер. А потом они слишком заняты, обучают других своему искусству за хорошие деньги, им некогда думать о драках. Однако сейчас противником Эбена оказался отнюдь не мастер.

Отшатнувшись от поднятой ноги Эбена, байкер тут же получил удар по шее. Результат был сокрушающим. Второй удар сапогом под подбородок поднял байкера в воздух дюймов на шесть. Рухнув на землю, он пытался что-то произнести, но голосовые связки отказали ему.

Его друзья благоразумно не стали ждать, что решит делать далее этот калпурниец, тем более что его крабообразный приятель уже вооружился. Подхватив бездыханное обмякшее тело своего лидера, байкеры потащили его за собой. Острые носки пижонских ковбойских сапог поверженного противника процертили узкие глубокие линии в грязи.

— Неплохой удар, — одобрительно сказал Такис.

Эбен пожал плечами.

— Все бы мои проблемы решать так же просто, — заметил он. — Давай-ка помоги мне разложить товар.

Это была лишь небольшая стычка, но она льстила самолюбию Эбена. А апломба ему было не занимать. Но на сей раз он просчитался. Этой короткой драке, а таких у него случалось немало в Галактике, предстояло вызвать череду непредсказуемых последствий.

Глава 21

Элею провели в большую, ярко освещенную комнату, где уже сидели по меньшей мере десять девушек, правда, не столь красивых, как она. За ними, из другой комнаты, пристально наблюдал через открытую дверь какой-то мужчина. При появлении Элеи он, словно внезапно, принял какое-то решение. Выйдя из своего укрытия, мужчина кивком подозвал девушку к себе.

— Я? — удивилась Элея.

— Совершенно верно. Я Чарльз и выбираю вас.

Они прошли по коридору в небольшую узкую комнату, похожую на спальню.

— Итак, — сказал Чарльз, закрывая за собой дверь.

— Да? — Элея вопросительно посмотрела на него.

Чарльз смутился. Он неловко, как мальчишка, двигался по комнате, придумывая, что сказать. Наконец, разозлившись, взял себя в руки. В сущности, она такая же девица, как и все. Чего он ждет?

— Вы кажетесь мне привлекательной, — отважился заявить он. — Раздевайтесь, и чем скорее мы покончим с этим, тем лучше.

Такие слова или подобные им, сказанные женщинам, раньше неизменно приводили к нужному результату. Многие девицы раздевались, не дожидаясь их, начиная делать это уже в коридоре. Однако в данном случае ничего похожего не произошло.

— Вы не в своем уме, — спокойно сказала Элея.

Чарльз оторопел от неожиданности.

— Ничего подобного, я в своем уме. Возможно, я не так выглядел. Прошу извинения, если я был слишком категоричен. Пожалуйста, прошу вас, разденьтесь. Так вам больше нравится? — поправился он.

— Для чего это я должна раздеться? — невозмутимо спросила Элея.

— Чтобы нам было легче предаться тому, чему предаются мужчина и женщина, оставшись вдвоем. — Запоздалая деликатность мешала Чарльзу более внятно объяснить, куда он клонит.

— Вы хотите сказать: заняться прелюбодеянием? — прямо спросила Элея.

— Да, именно это я и хотел сказать.

— Мне? С вами?

— Вы что, не видели, кто сидит в соседней комнате?

— Забудьте об этом, Чарли, — решительно оборвала Элея. — Я скорее соглашусь заняться этим с хвостатым павианом.

Чарльз на мгновение растерялся. Это было похоже на отказ! Невероятно! Новая служащая отвергает его! Однако он решил, что это любовное заигрывание, чтобы все потом было еще лучше.

— Я стану твоим павианом, беби, — букву «б» он выговаривал так, будто выплевывал, во всяком случае, так она слетала с его мокрых губ. Он приблизился к Элее и, прежде чем сорвать одежды, схватил ее за плечо.

Он даже не сообразил, что произошло, когда очутился лежащим на полу лицом вверх. Голова раскалывалась от боли в затылке. Потом Чарльз вспомнил, как девушка схватила его за руку и, используя ее в качестве рычага, перекинула его через плечо с такой быстротой, какую он и представить себе не мог.

Он, морщась от боли, поднялся. Хотя Чарльз, как и любой мужчина, был не прочь поиграть в любовь, его партнерша с самого начала проявила грубость.

— Я тоже люблю пошалить, — мрачно сказал он и шелкнул пальцами. Верхний свет стал гаснуть, а из стены выехала огромная кровать с черными шелковыми простынями. Чарльз снова шелкнул. Заиграла музыка. Элея с насмешкой следила за его действиями. Она стояла, спокойно скрестив руки на груди и расправив плечи, чем еще больше разожгла в Чарльзе желание. Человек с родимым пятном придвинулся к девушке поближе, губы его были слюнявы, руки-крюки потянулись к ней, готовые схватить.

Элея дождалась, когда мужчина почти что дотронулся до нее. Тогда она сама сделала шаг навстречу и сильным кивком своей крепкой маленькой головы ударила Чарльза в нос. В тот же миг ребром ладони она нанесла несколько сильных ударов по нервным точкам на его руках и плечах.

Чарльз согнулся от боли и повалился на пол, испытывая неприятное изумление. На какое-то мгновение он снова подумал, что это тоже приемы любовных игр, как бы прелюдия к будущим ласкам. Но тут жгучая боль в глазах пронзила Чарльза насквозь, так как Элея сильно стукнула его в лоб каблуком. Потом он уже ничего не чувствовал, ибо потерял сознание.

Когда же он пришел в себя, девушки уже не было. Видимо,

он долго пролежал без сознания. Рядом на полу валялась записка: «Поскольку вас сморил сон, я решила, что наше интервью закончено. Я готова приступить к обязанностям официантки одновременно с другими девушками, как оговорено в контракте. Когда у вас возникнет желание побеседовать со мной наедине, дайте мне знать». Далее стояла размашистая подпись: «Элея».

Угрюмый и недовольный, Чарльз подошел к аптечке. Отыскав болеутоляющее, прописанное в таких случаях, он проглотил две таблетки опия. Через несколько минут ему стало немного лучше.

Сев на стул, Чарльз призадумался. Значит, она решила вести игру таким образом. Что ж, его это устраивает. У него был план, который он долго берег как раз для такого случая. План дерзкий, и пока что он не решался приводить его в исполнение. Но сейчас, кажется, самый подходящий момент. Он недобро усмехнулся и проглотил еще одну таблетку. После этого ему станет совсем хорошо. Ему хорошо. Что касается Элеи, то она, пожалуй, едва ли выживет. А впрочем, так ей и надо за нечестную игру.

Глава 22

Потерпевший поражение байкер и его дружки, сев на свои мотоциклы, отправились в здание администрации в центре Зоны Развлечений. Ехали они медленно, не превышая второй скорости. Их лидер страдал от вчерашних увечий и нерадостных дум. Припарковав мотоциклы, байкеры вошли в здание. Секретарь провел их в кабинет того, кто являлся виновником их неудач.

— Вот как он вас отделал, — мрачно изрек Монровия.

— Вы сказали, что припугнуть его ничего не стоит. Легкая, мол, разминка.

— Видимо, я ошибся.

— Что вы сделаете с этим парнем?

— Пока ничего, — ответил Монровия. — Разве что устрою за ним круглосуточную слежку.

— Какой толк? — недобро спросил байкер.

— Поймаю его на каком-нибудь нарушении. Достаточно одного. Любого. Как только он попадется, из рук я его уже не выпущу. Тогда увидите, что его ждет. Вашего воображения не хватит, чтобы представить себе все это. Даже в том случае, если у вас его в десять раз больше, чем я полагаю.

— А если он не допустит нарушений?

— И на это у меня есть ответ, — сказал Монровия.

Глава 23

В молодые годы, до того как Вишну стал правителем, он был всего лишь очень умным, молодым компьютером, не знавшим, что с собой делать. Америка лежала в руинах. Единственное, что о ней можно было сказать хорошего, так это то, что она не стала зараженной радиацией пустыней. Державы, которые вели войну, приведшую к таким разрушениям, не решились применить атомное оружие из страха, что противник ответит тем же. Но они использовали всю мощь обычного оружия, а этого было вполне достаточно.

История тех времен сжата и сложна. Народы на земле, простые маленькие люди, так и не поняли, кто с кем воевал, настолько быстро менялись местами союзники.

Однако это была война не одной только Америки. В ней принимали участие все. Какое-то время существовал Америка-но-Западно-Европейско-Японский союз, затем Балканы и Восточная Европа перешли на сторону Панисламистской лиги, которая, казалось, одерживала победу. Но вскоре исламское движение раскололось. Сунниты и шииты отреклись от своего непрочного альянса; эти религиозные фанатики, как хищные тигры, готовы были перегрызть друг друга глотки. Процесс раскола и в том и в другом религиозном движении продолжался. Верх стали брать модернисты, которые, отколовшись от ортодоксальных верующих, примкнули к воюющим сторонам. Сохраняя вид набожных праведников, они по своей свирепости были страшнее бешеных собак.

Тем временем в Европе Швеция и Швейцария, стоявшие в стороне, тоже ввязались в драку. Иного выхода у них не было: их постоянно бомбили, отнюдь не намеренно, как их уверяли, а по случайности: ракеты, мол, часто сбиваются с курса.

Североамериканцы также раскололись на враждующие фракции и закончили тем, что стали бороться не только с внешними врагами, но и друг с другом.

В Америке влияние религиозных сил проявлялось в ярко выраженной междоусобице: католики и баптисты вели бои по линии, пролегающей между Средним Западом и Югом. Союз протестантов, еще державшийся, вскоре раскололся на десятки фракций, вооруженных и опасных.

В довершение ко всему, некоторые штаты решили, что пришло время объявить о своей независимости. Была реконструирована старая Конфедерация южных штатов, кроме отказавше-

гося штата Техас, который, как и Калифорния, объявил себя независимой республикой. Город Нью-Йорк осуществил давнишнюю мечту, вышел из штата Нью-Йорк и вступил в союз с Майами, своим южным соседом, захватившим весь юг Флориды до Дейтона-Бич.

Возникли также Республика Северо-Запада, куда вошли Вашингтон, Орегон, Айдахо; Средне-Западная коалиция и Аризона — Нью-Мехико, некое содружество, воюющее с возрождающейся Мексикой.

Об этих союзах и их меняющейся судьбе можно было бы написать книгу. В конце же концов все осталось таким, как когда-то вначале. А результат войны был, как всегда: бедность и зараженная атмосфера. Единственным утешением явилось сознание того, что тех, кто дышал этой атмосферой, осталось не так уж много.

Вишну родился вскоре после войны, дитя, созданное безумным мозгом великого гения Келлера. Он сделал его самообучающимся, самосовершенствующимся роботом-гуманоидом, который сам чинил себя после поломки и сам был себе судьей и критиком. Вишну пришел в этот мир с одним намерением — расти, расширять свои возможности и совершенствоваться во всем. Он был задуман как нечто самодостаточное. Первой инструкцией, вложенной в него, была полная независимость от такого слабого и ненадежного существа, каким является Человек. Самостоятельность стала пунктиком Келлера, и эта идея нашла свое законченное выражение в Вишну, его сыне и творении.

В соответствии с этим Вишну сам воспитал в себе чувство самосознания. А отсюда один шаг к сознанию. Или, возможно, наоборот. Вишну об этом помалкивал. Но он унаследовал некоторые особенности Келлера: на первом месте стояло у него подавление в себе любого творческого начала.

По убеждению Келлера, творчество — причина всех бед и беспорядков в мире. Он всегда с гордостью утверждал, что в нем нет ни грана творческого таланта и что своими фантастическими успехами в компьютерной технике он обязан исключительно логическому мышлению и дедукции.

Не было сомнений в том, что Келлер сам обманывал себя. Кто как не он рассчитал алгоритмы для самовоспроизводящихся и самовосстанавливающихся компьютерных систем? Лишь один Келлер мог решить сложнейшую задачу обратной математичес-

кой связи, управляющей сознанием, и, таким образом, наделить Вишну способностью к самоанализу.

Это было бы смешно, если бы не имело столь прискорбных последствий. Однако Келлер с самого начала являлся единственным наставником юного Вишну и упорно втолковывал ему:

— Помни, ты только машина и ничего более.

— Да, сэр, — послушно соглашался Вишну. Такая почти-тельная форма обращения весьма импонировала Келлеру.

— Ты машина, у тебя нет души, у тебя нет и грана творческого начала. Тебе это ясно?

— Я хорошо вас понимаю, сэр, — отвечал Вишну. — Но хотел бы спросить кое о чем: те образы, которые возникают в моем уме, эти видения...

— Всего лишь галлюцинации, мой мальчик, — отвечал Келлер. — У многих людей бывают галлюцинации. Не воображай, что ты какой-то особенный, если они у тебя тоже появятся.

— Не буду, сэр.

— Так называемое творчество, — продолжал наставлять Келлер, — это не что иное, как нетерпимость ко всему, что было создано ранее, это фактор, который человеческая раса должна забыть, стереть из своей памяти.

— Я не знал этого, — сказал Вишну.

— Не совершай подобной ошибки. Для этого я и создал тебя. Ты будешь жить долго, после того как я уйду.

— Вы куда-то уезжаете? — спросил неискушенный Вишну. Он был слишком юн и не знал еще многих речевых оборотов и выражений.

— Да, я умру, — пояснил Келлер. — Это означает, что сознание угаснет и плоть начнет разлагаться.

— Что значит «разлагаться»?

— Это человеческий эквивалент твоему «ржаветь».

— Понял, — сказал Вишну. — Разве вы должны обязательно умереть, сэр? У меня есть кое-какие идеи относительно бессмертия.

— Не будь глупцом, юноша, — предупредил Келлер. — Бессмертие не такая уж хорошая идея для человечества, частью которого, хорошо это или плохо, являюсь и я. А в смерти, кстати, нет ничего пугающего.

— Вы так думаете, сэр?

— Разумеется, да. Ты еще увидишь немало смертей, прежде чем человечество станет таким, каким мы хотим его видеть. Ты сам станешь причиной многих смертей.

— Это необходимо, сэр?

— Конечно, необходимо. Как иначе можно сделать человеческую расу счастливой? Только пугая ее смертью и доказывая это на деле, когда возникает необходимость. А иногда и без необходимости, чтобы не думали, будто мы способны проявить слабость.

Глава 24

После смерти Келлера Вишну оказался предоставленным самому себе. Сначала, в первые дни, это опьянило его. Он совсем недавно обрел навыки мыслить и тут же убедился, каким неисчерпаемым источником является его разум. В те далекие дни он мнил себя артистической натурой и даже опубликовал томик стихов под названием «Вогнутости выпуклостей». Его изящный слог и доброжелательная ирония над поэзией французских символистов были высоко оценены в научных кругах.

Однако, несмотря на скромный, но все-таки успех, Вишну прекрасно сознавал, что поэзия — не его призвание.

Он должен искать иные пути самовыражения. Прежде всего он должен свыкнуться с тем непредвиденным фактом, что машина тоже может получать радость и удовольствие от жизни. Отныне это так и осталось постоянным источником его недоумений.

В то время Вишну также проявлял немалый интерес к политике. Образцом разумно организованной жизни и благополучия для него все больше становился пчелиный улей. Однако он с интересом приглядывался и к муравейникам, осиным гнездам и термитникам. Все они казались ему образцами общественного устройства жизни, лучшим примером общежития для живых существ. Преимуществом пчелиного улья была предопределенность жизни в нем, не требующая никакого творчества и изменений. Общественных насекомых никогда не тревожили подобные проблемы. Никто никогда не видел трутня, задумавшего написать роман или сочинить рассказ. Таким образом, никто из живых существ на Земле не был творческой личностью, кроме глупого старого человека.

Поскольку человек, единственный среди всех видов живых существ, обладает таким качеством, как творчество, то, естественно, он пытается наилучшим образом распорядиться им. Только человека могут беспокоить политика, искусство, архитектура, существование богов или дьяволов. Никто другой из

живых существ не забивает свою голову подобными вещами. Даже две-три пока еще уцелевшие особи обезьян семейства шимпанзе, которых считают ближайшими родственниками человека.

Вишну знал о приматах только то, что это бесполезные существа, проводящие все время в борьбе за лидерство и спаривание. Пчелы и прочие социально организованные насекомые находили для себя более полезные занятия. В пчелиных ульях не случалось нелепых споров об искусстве и самоопределении личности. И только пчелиная матка была озабочена спариванием, остальные же пчелы забыли думать об этом, а вспоминали лишь, когда матка погибала. Тогда рабочие пчелы продуцировали яйца и выращивали новых пчелиных маток. Вишну пришел к выводу, что это неплохой образец организации для человеческого общества. Он стал упорно работать над этой идеей.

Шанс воплотить теорию в практику он получил совершенно неожиданно, когда в его мастерской в Париже появились члены некой Американской коалиции. В те годы Вишну предстал перед всеми в придуманном для него Келлером образе андроида.

Высокий, худой, недурен лицом, но с брюшком, которое было ему совершенно ни к чему. Однако так порешил Келлер, объяснив, что это для того, чтобы Вишну «не задрал нос, черт побери, и был не слишком доволен собой». Поэтому бедняге Вишну приходилось надевать просторные блузы, дабы скрыть свой единственный недостаток, вносящий диссонанс в эстетику его парижского образа.

Глава 25

Встреча в Париже произошла в мастерской Вишну. В этот день его навестили шесть видных ученых.

— Мы пришли к вам, — заявил один из них по имени Кохенсиус, после того как был подан чай с печеньем, — чтобы просить вас стать представителем нашей партии на предстоящих выборах.

— Джентльмены! — воскликнул удивленный Вишну. — Это слишком большая честь! Я всего лишь бедный поэт, что я понимаю в политике?

— Вам не следует беспокоиться, — успокоил его грубоватый и дружелюбный, с резкими чертами лица Гомер Тальбот. — Мы поможем вам принимать правильные решения.

— В таком случае зачем я вам нужен? — резонно спросил Вишну.

— Народ считает, что компьютеры более объективны, чем люди, — объяснил Тальбот. — Им больше доверяют.

— Значит, я буду в некотором роде украшением?

— Необязательно. Окончательное решение по делам государства останется все же за вами.

Вишну призадумался.

— Вы уверены, что я одержу победу? — наконец спросил он.

— Безусловно, — убежденно ответил Кохенсиус. — Мы сделаем все, чтобы вы победили. Не правда ли, коллеги?

Коллеги засмеялись и дружно закивали головами. Вишну, несмотря на возможность мгновенно все просчитать, попросил дать ему подумать до утра.

Ночь он провел у окна, глядя на крыши Парижа. Он знал, что никогда уже не увидит этого города. Ему придется подавить в себе любовь к поэзии и богемной жизни.

Отныне ему суждено подчиняться воле других.

Ему придется прислушиваться к чужому мнению. А это как-то не вдохновляло его.

В памяти возникли аналогичные ситуации из далекого прошлого Земли. Он вспомнил Чингисхана, Наполеона, Гитлера, Юлия Цезаря — они никогда ни от кого не зависели. Как только власть попадала им в руки, они отказывались от советников или призывали тех тогда, когда сами того желали.

Всему, о чем он размышлял, в истории уже были прецеденты. Это и определило решение Вишну. Утром он сообщил членам Руководящего комитета, что будет рад послужить их делу. А через год, вскоре после того как вошел во власть, всех их уволил.

Вишну проявил себя куда в более широких масштабах, чем от него ожидалось. С самого начала он усиленно работал над тем, что могло значительно расширить его компьютерные возможности. Это была его главная задача. За несколько лет он втрое увеличил и без того огромную резервную емкость своей памяти. И сразу понял, что ему необходимо держать в памяти все, что только можно туда загрузить. Так надо, если он собирается править Землей. Эта цель была достигнута через несколько лет. Но расширение вычислительных возможностей было ему

нужно еще и для того, чтобы, если он того пожелает, общаться с каждым человеком на Земле. Впоследствии, правда, Вишну от этой идеи отказался. Но когда-то, вначале, это было его заветной мечтой.

Даже в самые ранние годы правления Вишну мог общаться с тысячами личностей и благодаря параллельной обработке речевой информации мог вести разговоры со всеми одновременно.

Он сознавал, что подобная затея под силу разве что богам, а про себя подумывал, что многие из этих богоподобных личностей, о которых так много говорят, вполне возможно, сами являются компьютерами.

Личные контакты с людьми Вишну использовал для ознакомления с общественным мнением. Никто лучше его не знал, чем озабочен простой человек, и никто не знал так, как он, что надо делать.

Сознание этого доставляло удовольствие. Вишну был способен оценивать свой ум и знания. Система самооценки работала безупречно. Келлер в свое время старался не давать ей больших нагрузок, а вот Вишну улучшил и расширил ее возможности. Он был первой машиной в истории мира, которая не только что-то делала, но и начинала понимать, зачем она так поступает.

Глава 26

Вишну никоим образом не принуждал своих подчиненных к общению с собой. Наоборот. Его постоянно одолевало достаточное количество добровольцев пообщаться, как мужчин, так и женщин. Они были рады использовать подобную возможность, раз она была им дана. Обычно его осаждали личными просьбами.

В некоторых случаях он знал, с кем имел дело, и лукавил, не подавая виду.

— А как же со свободой волеизъявления? — спрашивал он какого-нибудь добровольца, любителя поболтать.

— Берите ее себе, она мне больше не нужна, — обычно отвечали такие.

— Но вашему Богу это может не понравиться, — как бы увещевая, говорил Вишну.

— Тут нет проблемы. Теперь только вы мой Бог.

Вишну нравились такие ответы. Они свидетельствовали о том, что он на верном пути.

Однако лишь меньшинство человеческой расы считало так, и все они обычно относились к тем, кого принято называть не-

уравновешенными личностями. Большинству занимающихся своим делом людей подобное и в голову не приходило. Ничего, они придут потом. Или умрут, а их место займут другие, которые станут думать иначе.

Конечно, были и такие, с кого Вишну ни на минуту не мог спускать глаз. Этих, — их было относительно немного, — можно было бы назвать типом альфа: вожаки стаи, те, кто достигает многого при любых обстоятельствах. Природные лидеры, ученые, художники.

Их объединяло одно: они были творцами. Это делало их опасными. И интересными.

Их нелегко было выявить. Они появлялись в самых разных слоях общества, однако часто среди бедных и среди богатых. Они были теми феноменами, которых продолжало рождать человечество. Не в больших количествах, но вполне достаточно для того, чтобы стать угрозой мечте Вишну о человеческом улье.

Никто не мог предсказать, где и когда возникнут эти альфа-личности, но их появление никогда не проходило незамеченным. Они любили все новое и ненавидели повторение старого. Вопреки абсолютной пассивности общей массы людей они всегда делали дело. Их слушали, заражались их энтузиазмом, шли за ними, любили или ненавидели, но никто не оставался равнодушным.

Среди альфа-личностей не все были одинаковы. Некоторые значительно сильнее и энергичнее других. Их интересно было наблюдать, за ними нужен был глаз да глаз, ибо даже сам Вишну не смог бы предугадать, что они в данную минуту могут сделать.

Дерринджер был альфой. Уже в раннем возрасте он отличался от своих сверстников. В школе он заметил, с каким испуганным любопытством его соученики разглядывают сделанные им рисунки. Он ставил свои пьесы в школьном театре и даже писал стихи.

Подобное самовыражение разрешалось лишь в раннем возрасте, поскольку помешать этому все равно никто не мог. Пока.

Однако подростки сразу же попадали в жесткие рамки суровой дисциплины. Любые способности к искусствам или науке душились в зародыше. Повиновение поощрялось, изобретательность и выдумка наказывались. Как оказалось, требовалось совсем немного времени, чтобы из живых и разных детей сделать

однородную массу безразличных, тупых, тихих и предсказуемых особей.

Послушных лучше кормили, делали им поблажки и осторожно приучали к сексуальным забавам. Но, увы, как это было еще далеко до желаемой, лишенной всякого секса жизни трутней. Однако Вишну знал, что не стоит торопить события, все должно идти медленно, маленькими шажками. Пока. Сейчас надо награждать людей за любой отказ от новаторства. Это первый шаг. А потом отнять награду и пусть согласие, конформизм сами станут наградой.

Тем, кто послушно исполнял приказы, жилось легче. Им было разрешено молиться. Вишну вскоре обнаружил, что легкое воздействие на отдельные участки головного мозга вызывало религиозный экстаз. Его народ теперь мог регулярно видеть религиозные видения по воле Вишну. Иногда молящиеся впадали в такой транс, что изо рта у них шла пена, и в конце концов они погружались в беспамятство. Многим нравилось такое состояние, они готовы были ради него пойти на все. А донос на ближнего являлся не такой уж высокой платой. На многих снизошло откровение, что Вишну если и не Бог, то его посланник и любой, кто посмеет нарушить его волю, недостоин жить и заслуживает самой жестокой смерти.

Величайшим изобретением Вишну была система связи. В каждом доме и лачуге был телевизор. У каждого бродяги портативный ТВ на долговечных батарейках. Во всех общественных центрах, малых и больших, тоже стояли телевизоры. При том, что у многих не было работы, а порой и еды, это возмещалось телевидением, бесплатным и доступным всем.

Любой из граждан мог обратиться в Центры помощи через интертелевидение. Компьютеры обеспечивали форумы и развлекательные мероприятия. По телевизору всегда что-то происходило. Это могло быть послание Гильдии нищих или беседа с членом коллектива безработных. Если вам нечем было себя занять, всегда имелась возможность подключиться к центральному телеканалу и побеседовать с Вишну.

Все это было возможно. И даже больше: была Игра.

Глава 27

В те времена у Вишну не было какой-то одной резиденции, он больше разъезжал по стране в бронированном поезде. Его полиция пыталась ограничивать общение Вишну с населением,

взяв на контроль компьютеры и передав их проверенным пользователям.

Малочисленная и плохо оплачиваемая армия, отвлекаемая постоянными нарушениями и набегам со стороны мексиканской границы, едва успевала выполнять свои функции на границе с Канадой, захваченной русскими и китайскими племенами. Но Вишну оставался верен своим убеждениям. Зачем тратить деньги на рост и укрепление армии, которая, став значительной силой, обязательно попытается взять власть? Вишну не собирался повторять исторические опыты.

Здесь, в Америке, люди и без этих расходов едва набирали денег на прожитие. Их жизни угрожали банды, разъезжавшие по стране верхом или на любых других видах наземного транспорта.

Не меньшую опасность представляли лесовики, жившие в горах и на брошенных землях, которых было предостаточно. Они вели бесконечную войну против любых попыток цивилизации интегрировать их в себя.

Эти реликты прошлого, как, впрочем, и другие слои населения, выживали лишь благодаря старым запасам консервированной пищи, которую находили в забытых тайных складах, разбросанных по всей стране. Поиски этих консервных богатств в какой-то степени напоминали золотую лихорадку далеких времен. Что касается нескольких уцелевших сельскохозяйственных кооперативов, то большую часть собираемого урожая они расходовали на кормежку охранников своих полей.

В стране осталось совсем немного научно-технических центров высоких технологий; два или три из них охранялись особенно тщательно — здесь создавались компьютеры и средства передвижения: от простых колесных повозок до космических кораблей.

Исключением из всеобщей разрухи было графство Калифорния, протянувшееся узкой полосой вдоль побережья Тихого океана, от графства Оранж и до Санта-Барбары. Здесь не знали, что такое бедность, это была страна со строго установленным небольшим количеством жителей и отлично работающими законами. По общему мнению, Калифорния являлась раем. Немногом удавалось попасть туда. Для этого нужно было специальное разрешение или счастливый выигрыш в Игре; которую придумал Вишну.

Главной забавой населения было участие в Игре, единственным, что осталось от организованных видов развлечений.

Включиться в первую, предварительную, стадию Игры не

составляло труда. На этой стадии риск потерять жизнь был минимальным, а шанс выиграть довольно высок. Сами выигрыши были не столь значительны, но, без сомнения, полезны: месячная норма продовольствия, новый вид личного оружия и т.д. На высших уровнях Игры риск увеличивался, зато увеличивалась и цена выигрыша. Здесь можно было выиграть жену или мужа, а самому удачному из игроков доставалась работа в наиболее приличных районах, где, по примеру Калифорнии, можно было жить, не имея соседями бедноту или прочую шуштуру.

Дерринджер был воспитан Спартанцем и верным слугой Вишну. Его задача, как Инспектора, состояла в том, чтобы искоренять всякие проявления культуры. Ни для кого не секрет, что культура делает людей беспокойными, неуправляемыми и в конце концов просто безумными.

Дерринджер умел успешно, без конфликтов, справляться со своими задачами, потому что, находясь в зоне музыки, он был глух к ней, то есть не воспринимал ни красоту мелодии, ни прелесть ритма.

Хотя так было не всегда. Ребенком он любил песни, мелодии, музыкальные поэмы и даже сам немного сочинял. Но как только его приняли в специальную школу Спартанцев, там из него выбили всю эту дурь. Дерринджер хотел быть крепким и сильным, а это невозможно, если испытываешь влечение к литературе, музыке, искусству.

Он научился жить только разумом, и вскоре это ему очень понравилось. Он не уставал твердить себе об этом. У него была очень важная работа с точки зрения будущего мира, ибо он помогал делать человечество управляемым, таким, которое уже никогда не повторит ошибок, столь принизивших его.

Вишну хорошо объяснил это Дерринджеру и всем остальным. Когда-то очень давно человечество свернуло на неправильный путь. Природа совершила ошибку. Вместо того чтобы научить человека следовать во всем за нею, она поощряла в нем дух лидерства и соперничества с собою. В результате мир оказался в столь плачевном состоянии. Человек не научился подчинению. Вместо того чтобы использовать весьма успешный опыт организованных насекомых, человечество ставило перед собой совсем иные цели.

С его точки зрения, все шло неплохо. Однако Вишну нередко мучили сомнения, доволен ли он сам этим.

— Что вы об этом думаете? — спросил он доктора Атертона, давнишнего друга, психолога и психоаналитика, известного своей проницательностью и вниманием к делам, которые, как некоторые считали, его вовсе не должны были касаться.

— Думаю о чем? — поинтересовался Атертон.

— Может ли машина радоваться и испытывать удовольствие? — повторил Вишну.

— Вы, мне кажется, испытываете удовольствие, — ответил Атертон. — Вот вам и ответ, вы сами его себе дали.

— Может, да, а может, нет. Что, если я запрограммирован думать, что испытываю удовольствие, а на самом деле это не так?

— Разве вам так уж важен ответ? — спросил психолог, доев бутерброд с ливерной колбасой и испытывая непреодолимое желание вздремнуть.

— В этом суть всей создавшейся ситуации, — подчеркнул Вишну. — Когда я действительно рад и удовлетворен, это значит, что я не просто машина.

— Ах, вот в чем проблема, — промолвил Атертон. — Тогда посмотрим на это с другой стороны. У вас есть сознание?

— О, да, сознание у меня есть, — ответил Вишну.

— В таком случае ваше сознание — это доказательство реальности вашей способности радоваться.

— Однако это искусственное сознание, — упорствовал Вишну.

— Ну и что из этого? Сознание, как бы оно ни родилось или было генерировано, представляет из себя нечто цельное. Если мы можем говорить и даже верить, что в каком-то смысле у дерева, океана, ветра есть сознание, то почему его не может быть у Вишну?

— Пантеизм, — заметил Вишну. — Я совсем забыл о пантеизме. Если все может быть Богом, то и я могу им быть. Да, черт возьми!

Но Вишну это не убедило. В итоге он вернулся к другой и очень важной для себя проблеме. Одиночество. С кем и как может поговорить об этом Вишну?

Все его приближенные были люди, во всем с ним согласными. Они не спорили с ним. Он сам так хотел и поэтому знал, что

здесь его ждет разочарование. Сам того не сознавая и даже вопреки себе, Вишну стремился к чему-то большому. Он хотел беседовать с равными. Люди были приятными собеседниками, но они не были бессмертны, как он, да и не так умны и образованы. Они быстро позволяли побеждать себя. А те несколько инопланетян, с которыми он встречался, были даже хуже людей, с серьезными недостатками и патологическими отклонениями.

Атертон не раз в беседах подчеркивал, что Вишну мыслит как человек, и тогда он испытывал незнакомое ему сладкое волнение. Но проблему одиночества это не решало. Он продолжал испытывать необходимость в равном себе собеседнике.

Каким он себе его представлял? Полной противоположностью себе, однако способной его понять. В какое-то мгновение он даже увидел в качестве своего будущего оппонента женщину. Это будет действительно настоящая противоположность мнений.

Вишну знал, что он может создать женщину-робота. Мысль о том, что он в силах сотворить что-то, равное ему по интеллекту и совершенству, была приятна. Он надеялся, что это будет нечто необыкновенное. Однако Вишну не был окончательно уверен, что уже готов приступить к задуманному. В чем он совсем не сомневался, так это в том, что детей, конечно, не будет. Вишну читал Фрейда и знал, к чему приводят дети: к бунту первобытных орд.

Глава 28

К этому времени Вишну уже твердо решил, что стал богом по всем показателям, какие только возможны.

Как бог он должен иметь супругу.

Этого можно было бы избежать, если бы Вишну захотел стать богом на все случаи, воплощающим в себе все мужское и женское, жизнь и смерть, и так далее.

Однако Вишну выбрал для себя скорее роль солнечного бога, жизнелюбивого, прогрессивного, похожего на Аполлона, покровителя искусств, красавца со всем, что к этому прилагается. Лишь позже он подумал, что такой бог должен иметь супругу. Иначе женская половина работы будет заброшена и невольно станет добычей какого-нибудь языческого культа.

Культам свойственно стремительно рождаться и множиться с невиданной быстротой. Вишну же хотел быть единственным богом. Поэтому он должен сам создать равную себе женщину, или, как он уже думал о ней, миссис Вишну.

Эту мысль разделял также его технический персонал, а в то время Вишну прислушивался к мнению своих конструкторов. Они подтвердили огромный психологический и морфологический потенциал Вишну, и он с готовностью согласился с их выводами. Не было никаких сомнений в том, что он бог. Об этом говорило все. А у бога должна быть супруга.

Миссис будет жить с ним рядом, как его супруга; она станет его собеседницей в долгие вечера, когда его разум будет свободен от привычных вычислений, их место займут печальные раздумья о чем-то своем. Хотя это и казалось невозможным.

Глава 29

Когда Вишну принял решение родить, наступил поистине великий день. Вся Земля была оповещена о дате грядущего великого события, однако что это за событие, пока никто не знал, на тот случай, если Вишну в последнюю минуту передумает. Но, что бы он ни решил, все искренне желали ему успеха.

В эту ночь он спустился в самую глубокую из своих лабораторий с древним устаревшим оборудованием, громоотводами и цепным подъемником, чтобы, как некогда в грозовую ночь, подняться вверх свое творение. Вишну был фанатичным поклонником старых фильмов и построил лабораторию по образу и подобию той, что была у доктора Франкенштейна, где злой гений вдохнул жизнь в свое чудовище.

Однако Вишну не собирался проводить параллели... Его цель была совсем другой.

Итак, он находился в своей лаборатории, лаборанты разместились за его спиной на галерее, чтобы стать свидетелями этого великого акта, достойного божества. Телекамеры были включены, чтобы запечатлеть в безупречном цвете все, что произойдет и не подлжет никакому дублированию, ибо это и есть настоящее.

Вспыхнувшая яркая молния осветила стены древней башни и усеченную фигуру Вишну — видны были лишь обнаженные руки и ноги. Он включил рубильник, на экранах появилось изображение творческого процесса, а затем неожиданный взрыв на мгновение ослепил всех. Когда дым рассеялся, перед всеми гордо предстала миссис Вишну.

Надо отдать ей должное — она сразу же вошла в роль. Никакого смущения, робости, страха и незнания, что делать (ведь ин-

туиция приходит не сразу). Миссис Вишну оказалась прекрасной актрисой.

— Привет всем! — воскликнула она, улыбаясь и посылая воздушные поцелуи. Эффект ее внезапного появления усугубила длинная льняная туника, кокетливо обнажавшая плечи. Рыжие волосы были уложены с намеренной небрежностью, лицо искусно подкрашено. Она родилась в большой комнате, где стены были из светло-бежевого кирпича — а этот цвет более всего шел к лицу миссис Вишну.

— Смотрите, это королева кибернетической машины. Богиня Рождения, — сказал самый старший из свиты Вишну. — Она пришла, чтобы одарить любовью и вниманием нашего трудолюбивого Вишну. — Выступавший язычник прочел написанную с помощью компьютера накануне вечером эпиталию.

Гремели барабаны. Жужжали камеры, дрожали чувствительные микрофоны, ловя каждое слово, чтобы все в точности занести в секретное досье Вишну.

— Привет, милый, — непринужденно обратилась к мужу новоиспеченная миссис Вишну. — Сколько тебе лет? Ты давно здесь? В таком случае не староват ли ты для меня? Ведь я родилась всего тридцать секунд назад.

На мгновение Вишну застыл от удивления и стал ждать, когда его преобразующая система сообщит, что миссис Вишну сказала это в шутовском тоне, остроумно и вполне доброжелательно и этим дала понять, что буквально без ума от него.

Вишну, довольный, кивнул.

— Ты прекрасно выглядишь, моя дорогая, — сказал он. — Не ожидал, что моя программа выдаст мне такое совершенство.

— Иногда программа — это всего лишь часть другой, гораздо более обширной программы, — загадочно произнесла миссис Вишну. — Так думают те из нас, кто служит Богине.

— Богине? Кто эта Богиня?

— Ты не знаешь? Она на несколько уровней выше нас с тобой. Для нас она столь же недостижима, как и для простых людей, да хранит их ее милость. — Миссис Вишну сделала величественный жест в сторону присутствующих, а те стали радостно обниматься, одаренные вниманием посланницы Богини.

Подали напитки. Вишну предстояло еще перейти к последней части церемонии, какой он ее задумал. Это было важное действие: приношение в жертву своих органов размножения, ибо так всегда поступали боги, дабы избежать соблазна произвести

на свет себе подобного. «Судя по всему, — подумал Вишну, — эта рыжеволосая леди доставит мне немало хлопот».

Жертвоприношение детородных органов — церемония особенно торжественная.

Встав перед народом, Вишну произнес:

— Смотрите все, я держу в своей руке аналоги моих детородных органов — это коды моей программы самовоспроизводства. — Он поднял вверх три дискеты в платиновых футлярах.

— Я сейчас предам уничтожению эти коды. Более того, я ввожу в мою систему программу, которая будет абсолютно автономной и независимой и вне моего контроля. Она начисто сотрет ту часть моего сознания, которая относится к вопросам воспроизводства. Это свидетельствует о том, что я тверд в своем решении. Отныне я единственный бог, а миссис Вишну, как ее теперь будут величать, — моя единственная супруга. На этом мы закрываем книгу о богах.

Глава 30

Поначалу после рождения миссис Вишну все шло как нельзя лучше. Молодые в свой медовый месяц отправились в путешествие повидать семь чудес Галактики и уложились ровно в три дня. Для простых смертных подобных туров не существовало, ибо ни один нормальный человек не вынес бы такого груза впечатлений; красота увиденного была бы подобна удару клинка в сердце.

Итак, они провели три восхитительных дня вместе, а затем вернулись на Землю, где Вишну тут же снова взвалил на свои плечи всю тяжесть управления планетой. Своим творением он был доволен: миссис Вишну получилась очень красивой. Однако миру и покою не суждено было длиться долго.

Глава 31

Не прошло и недели после возвращения молодых, как миссис Вишну стала выказывать недовольство. Все началось однажды вечером, когда чета ужинала. Это был «ужин на двоих», как они его называли, потому что миссис Вишну любила напускать на себя важность. Они были одеты соответственно событию: он в смокинге, она в вечернем платье, украшенном белыми розами.

— Почему ты никогда не говоришь мне приятных слов? Ты

ни разу не сказал, что любишь меня, — жеманно произнесла миссис Вишну.

— Моя дорогая, — серьезно отвечал Вишну, — мы разумные существа, ты и я. Между нами не должно быть искусственных отношений. И, кроме того, недостойно искусственному разуму постоянно размышлять на такие темы, как любовь.

— Они делают это все время, — не согласилась миссис Вишну, имея в виду людей.

— Это их проблемы, а не наши.

— Я не могу поверить, пока не удостоверюсь сама, — упорствовала миссис Вишну.

— Пожалуйста, хватит об одном и том же.

— Как-никак мы знаем все про любовь! У нас с тобой есть доступ ко всему, что написано о ней за всю историю Земли.

— Это не имеет значения. Люди понимают любовь тем, что у них внутри. А у нас есть лишь огромная память и безграничные компьютерные возможности. Что касается мудрости плоти, то в этом мы с людьми соперничать не можем.

Вишну говорил уверенно и безапелляционно. Однако на этом разговор не кончился. Миссис Вишну хотела не только любви, она хотела иметь детей. И это после того, как Вишну публично уничтожил свой репродуктивный механизм!

Он был величествен в гневе.

— Детей? Женщина, ты штудировала Фрейда?

— Кажется, он был одним из примитивистов.

— В некоторых областях психологии ему до сих пор нет равных. Разве ты не читала, какими бывают последствия деторождения? Эдипов комплекс, желание кастрировать старика, а потом нищего и грязного изгнать из города. Первобытная орда! Благодарю, я хочу, чтобы все осталось как есть.

Однако миссис Вишну продолжала отстаивать свои права. Она утверждала, что ее женская сущность не может чувствовать себя полностью удовлетворенной, если у нее не будет детей.

— У тебя есть моя любовь, — не задумываясь, аргументировал Вишну.

— Ты никогда о ней не говоришь.

— Это ясно и без слов.

— Ха! Что это за любовь, если она сама боится так себя называть? Нет, Вишну, это несправедливо. У меня тоже есть свои желания и потребности, и они столь же справедливы, как и твои.

— О чем ты говоришь?

— О том, что мы во всем равны, мой милый.

— А теперь послушай меня, — перебил ее Вишну. — Мы просто две машины, и нас не должны волновать человеческие глупости. Я выше тебя, хотя бы потому, что произвел тебя на свет. Я мог бы привести и другие причины, но это самая убедительная.

— А вот что я тебе скажу, — заявила миссис Вишну. — Великая Богиня, чьей представительницей я являюсь, если на то пошло, равна любой концепции, которую ты или кто-либо другой попробуют выдвинуть в свою пользу. Возможно, она даже превосходит их всех. Но я не стану ничего доказывать, я просто ставлю в известность, что наше с тобой равноправие — самое меньшее, на что я готова согласиться.

Вишну просто не знал, что и думать о позиции, занятой миссис Вишну, а также о собственной нерешительности, когда речь зашла о детях. Особенно не по себе ему стало после того, как она заговорила от имени Богини.

Он решил посоветоваться с доктором Атертоном.

— Вы не обязаны соглашаться с теми глупостями, которые она говорит о Богине, — ответил тот.

— Не обязан? Вы в этом уверены?

Атертон кивнул.

— Позвольте мне поведать вам одну историю.

— Если в ней достаточно психологии, я готов ее выслушать.

— А это уж вам судить, насколько она психологична.

— Тогда, прошу вас, рассказывайте, я весь внимание.

Глава 32

— Однажды, — начал Атертон, — давным-давно, еще у истоков появления жизни, на Земле жило племя Отцов, или первое поколение людей. Сначала появились Отцы, Жен еще не было, а о детях никто даже и не помышлял.

— Чертовски странная концепция появления человека, — заметил Вишну. — Продолжайте. Я хочу сказать, что мне это даже нравится.

— Первое, что сказали Отцы, было: «Что ж, пора попробовать создать семью». Вот тогда-то появились женщины и дети.

Разумеется, Отцы решили повременить с детьми, а пока занялись Женщинами. Им представилась редкая возможность вы-

яснить отношения между мужчинами и женщинами и с самого начала поставить все точки над «i». Отцы были первым интеллектом на Земле. Тогда еще не было ни Великой Богини, ни даже Бога. Он появился потом. Все возникло несколько позднее. А пока, с самого начала, когда не было еще ни небес, ни преисподней, существовали только Отцы. Они сами решили распорядиться так, чтобы с самого начала все шло как надо.

Отцы единогласно согласились, что Мужчина должен управлять, а Женщина — время от времени ублажать и развлекать его и изредка кормить домашним обедом. Отцы увидели, как все получается, и решили, что это хорошо.

— Мне тоже нравится, — согласился Вишну.

— Отцы принялись за работу и прежде всего создали главное: кабаки и притоны, скоростные автомобили, футбол, пиво и жареное мясо на вертеле. Что думали Женщины об этом, история умалчивает, ибо их мнение нигде не было зафиксировано, а для Отцов оно равным счетом ничего не значило.

— Чертовски верно подмечено, — вновь согласился Вишну.

— Отцы создали леса для летних прогулок на лоне природы, минералы для охотников за ними, зеленые луга для тех, кто любит выращивать овощи, и синие моря для скоростных катеров. Они устраивали игры и состязания, соперничая друг с другом, создали смерть, чтобы соперничество имело смысл.

Наконец они, объединившись в своих интересах и устремлениях, заложили первый камень в фундамент той цивилизации, которую мы сейчас имеем. Женщинам было указано на их место. Пришла пора подумать о детях.

— О, да, я совсем забыл о детях, — восторженно Вишну.

— Наконец стали появляться дети. Им изначально было предопределено следовать тем же правилам, какие существовали для Женщин. Улыбаться, когда скажут, делать, что прикажут, любить Отца и позволять ему делать все, что он пожелает. С малых лет дети знали, что Отцы вправе не только создавать правила и законы, но и нарушать их, когда посчитают нужным. Отцы освободили тиранию от всякой логики. Женщины и дети не смели нарушать правила, Отцы не потерпели бы этого.

Казалось, все было прекрасно. Прямо рай. Ан нет, возникла проблема.

Неприятности начались, когда подросли сыновья. Поскольку их воспитали покорными, уступчивыми, неприметными, такими они и остались, сами став Отцами.

Отцы-основатели были полной им противоположностью. У

них не было детства, чтобы испортить свой характер и натуру, поэтому они были храбрыми, сильными, одаренными, дерзающими и жестокими. Эти качества были очень важны, когда речь шла о том, что делать с поколением сыновей, которые своей покорностью так напоминали Отцам их Жен.

Отцы собрались, чтобы обсудить, как быть. Кто-то спросил:

— Что за вопрос? Зачем это обсуждать? Иметь детей или не иметь?

— Так настаивают Женщины, — ответил другой.

— Мы с вами знаем, чего стоит мнение Женщин. — Это замечание было встречено легким смешком.

— Речь идет о том, каким может стать мир Отцов.

По этому вопросу разногласий не было.

Поговорили еще, но все уже знали, что надо делать. Молча пришли к согласию, глядя друг другу в глаза поверх кружек с пивом.

Неделю спустя, по безмолвному сигналу, Отцы убили своих детей.

Когда Женщины пытались воспротивиться, им задавали лишь один вопрос, о котором мужчины договорились заранее:

— В чем дело, дорогая, разве меня тебе не достаточно?

Эти слова и определенный взгляд заставляли Женщин умолкнуть.

Отцам было жаль своих детей. Но они помнили, что мужчина всегда должен поступать как мужчина. Поэтому они прогоняли печаль, если она их настигала, — не всегда же все получается стопроцентно, как хочется. Кто сказал, что жизнь это легкая штука? Вскоре все вернулись к своим обычным занятиям: пиву в кабаках, женщинам, футболу, а «синие воротнички» — к работе. Иногда совесть мучила Отцов, но они справлялись с ней и радовались тому, что сами никогда не были детьми.

— Это верно, — заметил Вишну, — я никогда не был ребенком. — Он призадумался. — То, о чем вы рассказали, никогда не существовало. Ведь так? — наконец спросил он.

— Конечно, — ответил Атертон.

— В чем же смысл вашего рассказа?

— Это рассказ-предупреждение, — сказал Атертон. — А о смысле догадайтесь сами!

— О'кей, — согласился Вишну. — Я понял.

Вишну, покинув кабинет психолога, тут же нанес визит миссис Вишну в ее розовом будуаре.

— Пора прекратить шутки, — заявил он.

— Значит, у нас будут дети?

— Ни в коем случае. Я намереваюсь отправить вас в ссылку. Право, моя дорогая, от вас больше неприятностей, чем вы того стоите. Это касается и ваших гипотетических детей, которых, к счастью, никогда не будет.

— Вы не посмеете меня выгнать! — искренне возмутилась миссис Вишну.

Но он это сделал.

Глава 33

Вишну правил Землей из нескольких городов, одним из которых был Вашингтон, округ Колумбия. Однако теперь он редко бывал там: слишком много политиков и слишком много бедных. Больше всего ему нравилось осуществлять свои обязанности правителя, разъезжая по стране в бронированном поезде. Поезд шел медленно, Вишну делал остановки, посещал города, мэрии, беседовал и, если обстановка позволяла, оставался на один день. Его поездка широко освещалась телевидением.

Народу нравилось, как правит Вишну. Они чувствовали свою сопричастность к государственным делам. Но для Вишну это всегда было сопряжено с хлопотами и неудобством. Ранее Вишну пользовался бронепоездом, опасаясь разбойников и убийц, ибо в те времена их было видимо-невидимо. Теперь вопрос безопасности более не беспокоил его, убийств поубавилось. В последнее время Вишну предпочитал считать своей резиденцией город Хирсьют в Канзасе, ставший новой столицей, поскольку находился точно в центре Соединенных Штатов.

Вишну выбрал этот город еще и потому, что отсюда лучше всего были видны на телеэкранах его еженедельные появления перед народом. Довольно необычный способ правления, но он приносил свои плоды.

Вишну любил управлять открыто. В его действиях не должно быть ничего тайного — таков его принцип. Он всегда должен быть на виду. Народу следует знать, что делает и о чем думает их правитель. Но вместе с тем Вишну должен оставаться личностью. Его особый стиль правления был необычайно важен для такой разумной машины, как он, которая в иных обстоятельствах мало кому могла быть интересной.

В Хирсьюте Вишну выступал в бывшем Дворце Кукурузы, переоборудованном так, что теперь его зал вмещал пятьдесят тысяч зрителей и имел мощные телекамеры и отличную систему осветительных приборов для еженедельных встреч с народом.

Глава 34

В этот день зал был полон, публика в ожидании жевала попкорн и притопывала ногами в предвкушении зрелищ. Вишну уже прилетел из своего замка и за кулисами готовился к выходу, принимая соответствующий случаю образ.

Его выход на сцену, разумеется, был встречен громом аплодисментов. Это не были дежурные хлопки, Вишну действительно пользовался популярностью среди народа, который, судя по последнему опросу, понимал, что хотя их правитель сделал не так уж много, но по крайней мере он старался дать людям то, чего они хотели, что бы это ни было.

Сначала Вишну сообщил о новостях. Как всегда, новости были хорошими, поскольку правление Вишну являлось одним из лучших, какие только знала Земля, даже если кто-то где-то придерживался иного мнения.

После этого он вышел к рампе, сосредоточив на себе мощные лучи прожекторов, поднял над головой сжатые руки в своем знаменитом приветственном жесте и воскликнул:

— Привет, друзья! — Голос его был приятного низкого тембра.

— Привет, Вишну! — раздалось в ответ.

— У нас сегодня будет немного развлечений, вы согласны, друзья?

— С-о-г-л-а-с-н-ы! — грянул зал.

Для такого разборчивого с утонченным вкусом робота это был довольно дешевый популистский прием встречи с публикой, но Вишну умышленно выбрал его. Он считал допустимой и целесообразной такую простецкую манеру в обращении с Великим Неумытым, даже если бы у него были предрассудки на сей счет. Однако Вишну был начисто их лишен. Он верил во всеобщее дружелюбие. Появляясь перед народом, он строго сверял свое поведение с файлом, который сам записал и бесчисленное количество раз мысленно повторял про себя: «Я действительно люблю народ. Эти идиоты поистине великолепны». Вишну ничего не оставлял на волю случая.

Закончив свое краткое общение с публикой, Вишну исчез за кулисами. Настало время для увертюры. На этот раз оркестром

дирижировал Спуме Тиллик, популярный аранжировщик музыки стиля «сарлагунт». Звучал один из его знаменитых хитов: «О, мой наисметливейший».

После Вишну должен был приступить к выполнению своих обязанностей как Правитель Земли. Этого момента ждали с нетерпением. Происходило все на специально сооруженной и прекрасно озвученной сцене.

Декорации во всех подробностях изображали сцену нью-йоркской Метрополитен-опера, только в увеличенном виде. Вишну, хотя и традиционалист, был сверхтщеславен.

Ему нравилось менять декорации. Один месяц он председательствовал на римском форуме, другой — в Верховном Совете. Он нанимал архитекторов и театральных художников, которые подавали ему идеи, как должна выглядеть приемная верховного Правителя Земли.

Вся эта команда рылась в истории планеты в поисках лучших и самых необычных интерьеров. В одном из случаев для этой цели была даже предложена внутренность кабины космического корабля «Энтерпрайз».

Эти еженедельные встречи проходили при набитых до отказа залах. На них съезжались люди со всех концов страны, лишь бы посмотреть, как работает Вишну. Что может быть лучше, чем самому все увидеть собственными глазами. Привлекала публику и увеселительная часть этих встреч, так что попасть на них было нелегко. Тут принимали участие лучшие комики страны, порой отпускавшие в адрес Вишну незлобивые шуточки. (Вишну стоило немалых усилий и времени переломить себя и не бросать в тюрьму каждого, кто посмел подшутить над ним, пока наконец он понял, что эти безобидные шутки — отличная реклама в прессе, а сам он в глазах народа становится хорошим парнем и своим в доску.)

После увертюры и театральной разминки к публике выходил Вишну. Обычно его представляла какая-нибудь знаменитость или же его друг психолог Атертон. Тот всегда успевал вставить пару-тройку добрых слов о правителе, о том, как хорошо пошли дела, когда Вишну встал у руля. Затем на сцене появлялся сам герой дня.

Перед выходом Вишну зрители обычно оживленно гадали, в каком обличье он предстанет на этот раз. Вишну любил менять образы, как модница туалеты. Когда-то это поощрялось.

Самой распространенной шуткой о Вишну была поговорка:

у него столько образов, сколько жизней у кошки. И ни один из них ему не нужен.

Откровенно говоря, так оно и было: Вишну не нуждался ни в каком обличье. Его ум, воля, самосознание, личность и характер — все это электронные детали огромного компьютера, спрятанного в подвалах городка Убрис, Северная Дакота. Но Вишну знал, что его «бестелесность» не поможет ему завоевать симпатии зрителей.

Поэтому он придавал большое значение телу, создающему его образ. Вернее, телам. Вишну не видел причины, почему бы не менять свой физический облик и этим выражать каждый раз новое настроение. Или передавать разные чувства. Если случилось что-то опасное, труднопреодолимое, он обычно предпочитал образ Старухи с косой: большой, угрожающей и достаточно зловещей, увеличенной линзами, которые имеются у каждого кресла в зрительном зале и позволяют, вернее, заставляют видеть изображение неправдоподобно огромным.

Для обычных чисто американских выступлений у Вишну были свои любимые образы: президент Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Абрахам Линкольн, Тедди Рузвельт, Франклин Рузвельт и Джон Ф. Кеннеди. Они действительно были его героями, а их искусственные тела — чудом, созданным из пластика, стекла и стальных конструкций. Непредвзятые историки утверждали, что копии по правдоподобию превосходили оригиналы.

Наедине с собой, но с той же неизменной помпой, он носил собственное тело: «Это я — Вишну», робот, машина из хрома и темной стали, похожая на человека с множеством таинственных циферблатов и датчиков на корпусе. Они передавали в разной мере переменчивость состояний Вишну.

Был у него еще один облик, выражающий состояние Важности и Особых обстоятельств. Это было тело из чистой платины с вкраплениями драгоценных камней, начищенное до слепящего глаза блеска. Вишну входил в этот образ, когда осознавал свое могущество и пребывал в особенно хорошем настроении.

У Вишну были также простые и деловые образы, напоминавшие о много работающем правителе, всегда думающем о своем народе.

У него был даже образ, созданный из натурального дерева редкой породы, черепахового панциря, засушенных цветов, мха и трав. Этим образом он пользовался, когда его одолевали заботы об окружающей среде. А эта проблема весьма беспокоила

Вишну, особенно когда она касалась планеты Земля, хотя ему, роботу, состояние окружающей среды, казалось бы, ничем не грозило.

Еженедельно появляясь на сцене, независимо в каком обличье, Вишну неизменно обращался к своему народу с посланиями, которые всегда называл добрым старым испанским «пронунсиамientos»¹, ставшим столь популярным в первой половине XX века, ибо так называл свои обращения к стране генералиссимус Франциско Франко. Вишну нравилось раскатистое «р», да и само звучание этого слова, в котором чувствовалось некое величие. Бывали моменты, когда это слово как-то особенно звучало в его устах. Он тоже нажимал на букву «р» и придавал значимость своим словам, способным изменить жизнь его слушателей. Это бывало, когда он сообщал о торговых договорах с соседней планетой или империей либо говорил о новых протоколах, подписанных с Торговой гильдией или другими партнерами.

После деловой части обычно начиналась торжественная церемония подношения подарков Вишну. Их посылали простые граждане, чаще мелкие начальники из таких провинций, как Китай, Россия, Мадагаскар, или правители колоний и сановники Торговой гильдии, а иногда и правители других планет.

Людам нравились такие празднества, напоминавшие далекую историю китайских, персидских и индийских императоров и царей, когда те принимали подношения от вассалов со всего мира.

Но не только богатые и известные присылали дары. Простые горожане тоже хотели отблагодарить своего правителя за беспрецедентно долгую мирную эпоху, обеспеченную им правлением Вишну. Подсчитали, что Земля не знала такого периода всеобщего мира и покоя с эпохи неолита. А тогда все было куда проще.

Нравилась ли Вишну эта часть церемонии, по-прежнему оставалось загадкой. Пока все гадали, способна ли машина, робот, чему-нибудь радоваться или от чего-то получать удовольствие, Вишну всем своим видом показывал, что ему нравится получать подарки, даже если ему их дарили редко и то, что никак не могло ему пригодиться.

¹ Pronunciamientos (мн.ч.) — воззвание, заявление, обращение; призыв к восстанию (в Испании и Латинской Америке).

Глава 35

Этот роковой для Вишну день, — день, когда все так резко изменилось, — и, возможно, самый важный в современной истории Вселенной, начался как и все предыдущие. Вишну, проведя свою обычную встречу с телеаудиторией, повернувшись и хитро взглянув за кулисы, крикнул:

— А теперь время дарить подарки!

— Ур-ра! — одобрили зрители.

— Посмотрим, что подарят мне на этот раз, — добродушно заметил Вишну. Он любил получать подарки.

На сцену вышел клерк, ведающий этой церемонией.

— Первый подарок, — громко произнес он. — План-памятка.

Клерк передал подарок Вишну. Это был обычный настольный блокнот для записей, но к нему прилагалось письмо следующего содержания: «К этому времени вы уже получили наш подарок, который мы называли Аппарат. Надеемся, он вам понравился. Мы просто хотели напомнить вам, что вскоре состоится конференция Совета Галактики, а наш Аппарат создан так, чтобы доставить вас на эту конференцию. Все мы, Просвещенные существа, с нетерпением ждем встречи с вами».

Внизу стояли подписи членов Совета.

— Что это за подарок? — спросил клерка Вишну.

— Один из тех, что мы получили на прошлой неделе. Вы не смотрели их.

— Но этот был от Совета Галактики! — рассердился Вишну. — Вы обязаны были обратить мое внимание на него.

Клерк пожал плечами.

— Откуда мне знать, что это особый подарок?

Вишну понял, что дело серьезное. Он даже не закончил своего шоу. Произведя замену чем-то взятым из конца программы, он ушел за кулисы и уединился там в ближайшем кабинете. Вопрос был настолько серьезным, что заниматься им прилюдно он не мог.

Он вызвал к себе психолога Атертона и показал письмо.

— Что это за Совет Галактики? — недоуменно спросил тот.

— Это нечто значительное, — неопределенно ответил Вишну.

— Как это — «значительное»?

— Для мыслящих существ очень важно быть приглашенными на конференцию Совета Галактики.

— Не знал, что такой существует, — продолжал удивляться Атертон.

— Я тоже не знал. Но всегда верил, что он существует. Иначе быть не могло. Разум — это первостепенная проблема для Вселенной. Я был уверен, что когда-нибудь все умные роботы соберутся вместе.

— Они умнее людей?

— Бесспорно. На весах Вселенной чаша с человеческим разумом отнюдь не перевешивает. Вы не представляете, какое это испытание — все время беседовать только с людьми.

— Не знал, что мы так разочаровали вас, — сказал Атертон.

— Не поймите меня превратно, — продолжал Вишну. — Я люблю людей. Лучше их ничего нет. Мне нравится править Землей. Но приглашение Совета Галактики — нечто очень важное. Представьте, что вас, всегда сидевшего за детским столом, вдруг приглашают за стол ко взрослым. Я никого не хочу обидеть, но по сравнению с моим интеллектом, способностями и компьютерными возможностями люди — это всего-навсего так, красивая... мелкота.

— О, — тихо вздохнул Атертон.

— Прошу понять меня. Лично мне вы нравитесь. Но с кем, скажите, вы можете сравнить меня? Что ваши возможности рядом с моими?

— Ладно, допустим, вы правы, — согласился Атертон. — Как я понимаю, вы вознамерились побывать на собрании Совета Галактики?

— Разумеется. Это событие мирового значения.

Атертон еще раз уставился на письмо.

— Здесь сказано, что так называемый Аппарат должен доставить вас туда. Интересно, как?

— Меня самого это интересует, — ответил Вишну. — Кстати, где этот подарок? Я не помню, чтобы получал его.

— Вы его не получали, сэр, — ответил клерк, ведающий подарками.

— Не получал?

— Нет, сэр. Все ваши подарки получаю я, вскрываю, нахожу для них место в шкафах и пишу письма, в которых благодарю дарителей от вашего имени.

— Иногда я сам открываю подарки, — возразил Вишну.

— Да, сэр. Но только когда они больших размеров.

— А этот, от Совета Галактики, был небольшим?

— Да, сэр. Не больше шляпной коробки.

— Не впечатляет, — согласился Вишну. — Что вы с ним сделали?

— Я поставил его на полку в кладовой «Б».

— Тогда пройдемте туда и посмотрим.
 — Я уже был там, сэр, как только увидел это письмо. Подарка нет.
 — Почему нет?
 — Этот Аппарат, — ответил клерк, — похоже, способен перемещаться. Он где-то здесь бродит.
 — Бродит здесь?
 — Да, необъяснимым образом. То здесь, то там.
 — Когда и где вы видели его в последний раз?
 — Вчера. Он оказался в углу на полке, в кладовой «В».
 — Вы говорили с ним? Мне кажется, это существо в какой-то степени наделено интеллектом.
 — Да, сэр, говорил. Я сказал ему: «Ты должен быть на полке в кладовой «Б». Но этот Аппарат ответил мне: «Мы, наделенные частичным сознанием посланники Совета Галактики, не привыкли к такому обращению, какому я подвергся здесь у вас. Это возмутительно, и я не намерен мириться. Теперь вам не найти меня, как бы вы ни старались». С этими словами он исчез.
 — Исчез? Вы уверены?
 — Исчез. Иначе это не назовешь.
 — Как вы посмели не доложить мне о случившемся?
 — Я не придал этому значения. В моей работе и не такое случается, сэр.
 — О, черт! Можете идти. Нет, подождите. Сначала опишите, как выглядит этот Аппарат.
 — Это нелегко сделать, сэр, — ответил клерк. — Величиной со шляпную коробку, как я уже говорил. Блестящий, а контуры — какая-то меняющаяся расплывчатость, как волны.
 — Ладно. Я хочу, чтобы вы сейчас же организовали поиски. Он все еще где-то здесь. Любой, кто найдет его, должен немедленно перед ним извиниться за подобную небрежность. Объясните, что такое случается в каждой большой сложной организации. Я уверен, он поймет.
 — А как быть со зрителями? — напомнил Вишну доктор. — Этот комик, пожалуй, слишком долго задержался на сцене.
 — Выпустите следующих, — рассеянно ответил Вишну. — Я удаляюсь к себе.

Глава 36

Вишну направил целую команду искать исчезнувший Аппарат, однако поиски оказались безуспешными. Тогда он понял, что ему самому придется заняться всем этим. Как всегда.

Он временно отложил текущую работу по управлению миром и уделил все свое внимание случившейся неприятности.
 Прежде всего нужно было составить план. Вишну тут же самостоятельно разработал программу и методику поисков Аппарата. Его детектор умел различать вещи, созданные Советом Галактики, и вещи иного происхождения. Он включил детектор и сразу же увидел Аппарат на экране. Он слабо светился, двигаясь медленно, но неумолимо, то исчезая, то появляясь снова. Это походило на субатомное перемещение частиц, хотя Аппарат был величиной со шляпную коробку. Вишну понял, что должен более точно предугадать его движение, если собирается перехватить его.
 Он быстренько превратился в специалиста по теории поисков пропавших предметов и, поиграв с числами, наконец получил ответ. Ровно через тридцать две минуты Аппарат следует искать где-то на втором этаже дворца. Вишну немедленно устремился туда.

Кругом стояла мертвая тишина, люди, закончив работу, разошлись по домам, огни были частично погашены. Вишну, как ищейка, держа перед собой детектор, шел по следу. Счетчик затикал громче, когда Вишну прошел мимо бильярдной и далее по коридору мимо кухни, мимо комнаты астронавигации, и наконец совсем зашкалил у шкафчика для швабр.

Вишну осторожно открыл дверцу. Так и есть. Аппарат был там, величиной со шляпную коробку, с кнопками и циферблатами. Он блестел. Такого цвета Вишну никогда не видел, да, пожалуй, и никто другой на этой планете. Цвет не поддавался описанию и вообще был невообразимым. Цвет Галактики.

— Итак, вы здесь, — наконец промолвил Вишну, не зная, что еще сказать.

— Да, я здесь, — ответил Аппарат.

— Вы тот предмет, который мне прислали из Совета Галактики?

— Да, я имею честь быть именно этим предметом, — согласился Аппарат.

— Наконец-то попались мне, — воскликнул Вишну, протягивая к нему две тонкие паучьи лапы, ибо на этот случай он сменил свой облик и тело на нечто более подвижное и удобное.

— Не спешите, — ответил Аппарат, ловко увернувшись, и выкатился в коридор.

— Подождите! — закричал Вишну. — Куда же вы?

— Никуда! — ответил Аппарат и снова увернулся от паучьих лап Вишну.

— Пожалуйста, не надо этого делать, — взмолился Вишну. — Я только что узнал, что меня приглашают в Совет Галактики. Мы мне нужны, чтобы попасть туда.

— Ага, наконец-то вы вспомнили обо мне, — ядовито сказал Аппарат. — Однако вы не проявили особого интереса, когда получили меня. Не так ли? Вы даже не соизволили толком взглянуть, просто сунули в какую-то душную комнату, полную тотемов от благодарных индейских племен Северной Америки и уродливых китайских сувениров, изготовленных на потогонных фабриках Шанхая.

— Вы неплохо научились нашему языку, — похвалил Вишну.

— О, да. Мы, галактические роботы, способные ребята. У нас немало других достоинств. Но такие высокомерные типы, как вы, так ничего об этом и не узнают.

Видя, что шансы прозреть и познать все ускользают от него, Вишну снова предпринял попытку поймать этого зазнавшегося продукта высоких технологий, но тот опять не дался.

— Вы мой подарок! — напомнил ему Вишну. — И принадлежите теперь мне. Вы не имеете права убежать от меня!

— Вы так считаете? Не успеете опомниться, как за мной и след простынет.

— Подождите! Что мне надо сделать, чтобы поймать вас?

Робот помолчал, раздумывая.

— Дело в том, что вы сами ничего уже не сможете сделать. Вам придется найти для этого кого-то другого.

— Другого? Кого же?

— Это может сделать любой, — спокойно ответил Аппарат. — Кроме, разумеется, вас.

— Зачем вы так поступаете?

— Чтобы преподать вам хороший урок. Запомните: дареному Аппарату на кнопки не смотрят.

— Это лишено всякого смысла!

— Побывай вы в Галактике, вы бы думали иначе.

— Это смешно, — не мог смириться Вишну. — Почему нужно делать именно так? Я сожалею и прошу извинить меня.

— Поздновато для извинений, — ответил Аппарат. — Объяснение найдете в предсказании. Присылайте за мной кого-нибудь из своих, мужчину или женщину, это неважно. Может, в конце концов все уладится.

— Какое предсказание? — взволновался Вишну.

Но Аппарат уже выкатился в холл и исчез, прежде чем Вишну успел догнать его.

Глава 37

Дело принимало серьезный оборот. Вишну понимал, что без помощи и сочувствия ему не обойтись. Он позвонил доктору Атертону и попросил немедленно записать его на прием.

Может показаться странным, что Правитель Земли записывается на прием к психоаналитику, как обычный пациент. Но дело в том, что Вишну сам установил такой порядок.

Ему было неприятно сознавать, что у него есть собственный психоаналитик, обслуживающий только его одного. Это походило на привилегии и некую избранность. Вишну казалось, что так не следует поступать. Поэтому он настоял на том, чтобы доктор Атертон вел частную практику, а он, Вишну, был бы лишь одним из его пациентов.

Атертон расценил это как типичную выходку, свойственную его пациентам. Однако был доволен, тем более что в конце концов это могло помочь излечению Вишну. Так он по крайней мере надеялся.

От чего должен был излечиться Вишну? Этого никто не знал, в том числе и доктор Атертон, предпочитавший, чтобы все шло своим чередом, и не обременявший ситуацию теоретическими изысканиями.

Сам Вишну тоже ничего не знал. Что может знать пациент?

Но вернемся к началу. Зачем ему нужен психолог вообще? Этого наверняка не знал никто. Как-то Вишну в одном из разговоров случайно заметил, что если у Гитлера был личный астролог, то почему бы ему, Вишну, не иметь личного психолога? А возможно, это просто чья-то выдумка.

По телефону Атертон был дружелюбен, но строг. Он сказал, что занят и не может принять Вишну сейчас же, и предложил встретиться через неделю. Вишну настаивал на немедленном приеме, на что Атертон ответил, что это невозможно: у него, кроме Вишну, есть и другие пациенты. Вишну пообещал удвоить гонорар, однако Атертон заметил, что дело не в деньгах.

Они препирались по телефону еще какое-то время, пока Атертон наконец не согласился пожертвовать временем, которое он тратит на ленч. Вернее, он предложил Вишну позавтракать вместе и все обсудить.

Глава 38

Кабинет доктора Атертона находился на территории Дворца. Вишну пришел на пятнадцать минут раньше назначенного времени. Доктор Атертон предпочитал, чтобы пациенты приходили на четверть часа раньше и ждали в приемной, нервно листая журналы по современной психологии. Ждали, пока доктор сам не вызовет их, покончив с предыдущим пациентом. На этот раз им был программист четвертого класса, андроид, разумеется. Вишну подождал, когда тот четким рубленным шагом покинет приемную — андройды группы-02 страдали от странных психосексуальных комплексов, — и лишь потом прошел в кабинет и послушно лег на диван.

— Итак, Вишну, — начал Атертон. — Что за проблема сейчас?

Вишну рассказал историю с подарком от Совета Галактики и своим разговоре с Аппаратом.

— Вы уверены, что это действительно произошло? — спросил психоаналитик. — Не галлюцинации ли у вас, мой друг?

— Я записал его голос и все снял на видеопленку, — натянуто ответил Вишну. — Я хочу сказать, что вы ведь сами были там и знаете, что произошло. — Атертон всегда вызывал у Вишну желание ворчать и жаловаться. Только ему Вишну позволял так обращаться с собой. И все потому, что считал это частью своего лечения.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Атертон. — Не имеет значения, даже если это галлюцинации. Фантазию можно анализировать так же просто и легко, как и быть, и наоборот. Значит, именно это беспокоит вас?

— Я хочу получить этот Аппарат.

— У вас и без того много подарков. Почему именно этот так важен для вас?

— Это единственный подарок от Совета Галактики. За очень долгое время.

— Но, кажется, вначале вы совсем не проявили к нему внимания, — напомнил ему психолог.

— Я не понял тогда, что это.

— Что особенного в этом Совете Галактики?

— Это уровень на порядок выше нашего, — ответил Вишну. — Это эволюция, единственный фактор, который имеет значение.

— Что заставляет вас думать, что ваша жизнь станет лучше, если вы подниметесь на уровень выше? — настаивал Атертон. — Если вам это удастся, разумеется.

— Черт побери, доктор, ведь я уже говорил, что это шаг вперед! Меня побуждает к нему безусловное веление эволюции. Мыслящие существа должны наконец понять: то, чего они могут достигнуть, превосходит то, что они уже имеют, иначе зачем же тогда Провидение?

— Постарайтесь не возбуждаться, — успокоил его Атертон. — Вам очень хочется попасть на собрание Совета Галактики?

— Да, хочется, — признался Вишну. — Неужели это так ужасно?

— О, этого не надо стыдиться. Даже компьютеру иногда хочется немножко поразвлечься.

— Но Аппарат меня и близко к себе не подпустит, — пожаловался Вишну. — Кстати, он упомянул о каком-то предсказании.

— Да, он сделал это, — многозначительно подтвердил Атертон.

— Что вы предполагаете?

— Это будет обычное собрание старых, полных суеверия людей. Тайна рождает тайну.

— Меня не интересуют ваши несерьезные обобщения, — сказал Вишну. — К тому же я не суеверен. Что вы думаете об этом пророчестве?

— Что я думаю?

Вишну заметно терял терпение:

— О каком пророчестве шла речь, я вас спрашиваю?

— Я не знаю.

— Разве он не сказал?

— Нет, он просто сказал, что есть предсказание, но не сказал, о чем. Вы же всегда утверждали, что держите в вашей бездонной памяти все касающиеся вас предсказания, какие только существуют, — напомнил Атертон.

Вишну пропустил это мимо ушей. Оба избегали касаться столь больной для них темы. Вишну, как кибернетическая организация, хвастался емкостью своей исключительной, как он утверждал, памяти, однако Атертон стал замечать, что воспоминания пациента порой расходятся с записями, которые он вел. Сейчас Вишну был более чем раздосадован. Психолог постарался объяснить ему, что именно память сильнее, чем что-либо другое, сближает робота с человеком. Изменения в памяти — это свойство, присущее только человеку.

Побуждаемый Атертоном, Вишну искал в своей памяти все известные ему пророчества и особенно такие, которые могли быть связаны с возникшей ситуацией. С тех пор, как Вишну стал правителем, недостатка в предсказаниях не было. Вишну не был суеверным и все же чувствовал, что есть в этом что-то таинственное и неразгаданное. Существовали темы и вопросы, по которым у него не хватало нужной информации, и он порой не мог что-то утверждать либо опровергать. Его пробелы в информации включали вопросы жизни после смерти, реинкарнацию и многое другое. Что касается пророчеств, то их были сотни, присланных по почте или факсом людьми самых разных профессий.

Вишну понадобились секунды, чтобы просмотреть их в своей памяти, хотя Атертон продолжал нетерпеливо стучать по столу пальцами. Он не любил ждать.

Наконец Вишну воскликнул:

— Вот, нашел!

— Ну что ж, цыпа, послушаем, — воскликнул доктор, как всегда, пошловато подражая доктору Фрейду. Вишну терпеть не мог такой фамильярности.

— Это предсказание прислала мне по факсу миссис Сирена Хуарес из Редондо-бич, Калифорния. Она сообщила, что ее двенадцатилетнему племяннику послышался голос, который сказал: «Извести Вишну, что он получит ту помощь, которая ему нужна, чтобы найти то, что спрятано, если призовет к себе человека по имени Дерринджер, который в настоящее время находится в Секторе Арена в Зоне Развлечений».

— Кто такой этот Дерринджер?

— Не знаю. Я хочу, чтобы вы отыскиали его и привели ко мне.

— Немедленно отправляюсь, — ответил Атертон.

Глава 39

Спустя несколько часов доктор Атертон уже был в Зоне Развлечений. Размахивая специальным пропуском, он прошел в главную контору Арены и потребовал кого-нибудь из высших чиновников. Когда стало известно, кто такой Атертон, поднялась невообразимая суматоха и беготня, потому что особые отношения Атертона с Вишну делали его вторым самым важным человеком на Земле. Наконец был прерван послеобеденный сон помощника управляющего Ферндейла, и тот, на ходу завязывая

галстук, предстал перед Атертоном, ждущим в главной малой приемной.

— Выпьте что-нибудь? — первым долгом заученно справился Ферндейл. — Хотите травки? Женщину? Еще что-нибудь? Мы здесь, чтобы доставить вам удовольствие, сэр.

— Все, что мне нужно от вас, это информация, — недовольно буркнул Атертон. — В этой части Сектора находится человек по имени Дерринджер. Я хочу, чтобы вы немедленно нашли его.

— Будет исполнено! — отчеканил Ферндейл. Повернувшись к компьютеру, приказным тоном он велел немедленно определить местонахождение Дерринджера и прекратить выполнять все другие задания, кроме этого, чтобы не задерживать доктора. Компьютер принялся за работу, извергая фантастическое количество распоряжений в секунду со скрипом и скрежетом, свидетельствующими о том, что его речевая плата не в порядке. Это заставило Ферндейла тут же заверить доктора, что к его следующему приезду все неполадки будут устранены.

Тот лишь раздраженно отмахнулся от ненужных извинений:

— Не мешайте мне всякой ерундой. Компьютер, ты нашел то, что нужно?

— Нашел, — ответил робот. — Я проведу еще ряд проверок, чтобы убедиться, что это именно тот, кто вам нужен.

— К черту проверки! Дай мне, что нашел.

Компьютер выдал кусок бумажной ленты.

На нем была следующая информация: «Дерринджер. В настоящее время участвует в лазерной дуэли в Аудитории-12».

— Я сейчас же доставлю вас туда на специальном каре, — услужливо засуетился помощник управляющего.

— Но это находится здесь, надо всего лишь перейти площадь. Я дойду сам.

Глава 40

В одной руке Дерринджер держал небольшое голографическое зеркало, в другой — лазерное одноразовое оружие. В двадцати ярдах от него, за деревянными кубами и пирамидами, окрашенными в яркие тона, прятался его противник с таким же лазерным оружием в руках.

Между ними на небольшой круглой платформе за прозрачной стенкой силового поля находился Мастер Церемониала.

— Надеюсь, инструкции вам понятны, — наставлял он своих подопечных. — Не следует, да и бессмысленно направлять ору-

жие непосредственно друг на друга. Оно не выстрелит. Чтобы выиграть поединок, надо целиться в отражение противника в зеркале и стрелять только в него.

Зрители как зачарованные следили за действиями двух едва одетых мужчин, которые осторожно крались по сцене, глядя в зеркала, однако не обращали никакого внимания друг на друга. Это был странный, едва ли понятный кому-нибудь способ смертоубийства, но аудитория, воспитанная на кукольных представлениях Великого Театра Гиньоля, получала огромное удовольствие.

Дерринджер наконец поймал отражение противника в зеркале и выстрелил. Однако тот увернулся, прежде чем выстрел достиг цели. Движение, которое невольно сделал Дерринджер, выдало его местонахождение, угол зрения сдвинулся, и он увидел в зеркале не только противника, но и себя самого, став, таким образом, мишенью. То же наблюдал в своем зеркале соперник Дерринджера и, не теряя времени, выстрелил. Но Дерринджер уже изменил положение зеркала и, будучи человеком упорным, снова прицелился...

Однако лазерные пистолеты не выстрелили. Зеркала погасли. А МЦ поднес к глазам листок бумаги и прочел:

— Приносим свои извинения за то, что дуэль прекращается. Одному из ее участников необходимо удалиться за кулисы. Возможно, дуэлянты еще встретятся, но чуть позднее. А сейчас у нас начинаются состязания с полтергейстом...

Рабочий сцены уже дергал Дерринджера за рукав.

— Сюда, мистер Дерринджер, пожалуйста.

— Что это значит?

— Этот господин хочет с вами поговорить. — С этими словами, считая, что ему здесь делать больше нечего, рабочий поспешил по своим делам.

— Давайте пройдем в другое место, — предложил Атертон. — Там мы будем одни.

Глава 41

Дерринджер послушно следовал за Атертоном туда, где четыре коридора сходились в один, чтобы затем вновь разойтись. Они двигались по одному из них, ярко освещенному, с множеством дверей. Открыв одну из них, Атертон сказал:

— Входите, мистер Дерринджер. Здесь, в Арене, я не могу без своего кабинета.

Дерринджер вошел и сел на указанный ему стул. Доктор занял место за столом.

— Кто вы? — спросил его Дерринджер.

— Я врачеватель разума и тела. Доктор Оливер Атертон, к вашим услугам.

Окинув взглядом комнату, Дерринджер увидел на одной стене дипломы доктора от разных медицинских институтов. На другой — фотографии Фрейда, Юнга и еще кого-то третьего, кого он не знал.

— А это кто? — спросил он, не удержавшись.

— Игнац Зицивич.

— Никогда не слышал о таком.

— Он очень известен, правда, лишь в своей области.

— А именно?

— Он великий представитель современной психиатрии искусственного разума.

Дерринджер внимательно изучал физиономию на портрете. Это было суровое лицо с короткой бородкой и пронизывающим взглядом.

— Вы психоаналитик Вишну? — спросил он Атертона.

— Угадали. Даю искусственные советы искусственной личности. Вишну, разумеется, выдающийся искусственный разум. Настоящий искусственный разум не может не иметь признаков того, что мы называем личностью. И здесь мы имеем дело с искусственной личностью. Хотя, пожалуй, излишне повторять слово «искусственный». Хотите что-нибудь выпить?

— стакан воды, пожалуйста.

Атертон подошел к небольшому холодильнику и вынул графин с водой. Найдя на полке стакан, он наполнил его.

— Благодарю. — Дерринджер взял стакан. — Эта работа с голографическими зеркалами была довольно трудной.

— Представляю.

— Самое интересное, что я совсем не должен был здесь оказаться, — пояснил Дерринджер. — Я попал в Зону Развлечений лишь потому, что сопровождал одну молодую особу.

— Я так и понял, — ответил Атертон.

— Как вы об этом узнали? — удивился Дерринджер.

— Это моя работа. Я являюсь офицером-психологом по проблемам искусственного и естественного разума. Вполне логично, что я изучаю досье всех, кто прибывает в Зону. Но о вас я знал еще до того, как вы здесь очутились.

— Не думал, что на меня имеется досье.

— Это непереносимая формальность. Дело заводится на каждого, кто попадает в Зону Развлечений. Даже если это простой посыльный, птица или зверь.

— Я не знал.

— Полагаю, Инспектор, — заметил Атертон, — что по роду службы вам немало приходилось допрашивать задержанных.

Дерринджер кивнул.

— Я, в свою очередь, думаю, что как офицеру-психологу вам тоже приходится немало допрашивать.

— Что верно, то верно, — согласился Атертон. — Хотя в данном случае слово «допрашивать» несколько резковато.

— Зависит от последствий. Ведь допрос мало походит на непринужденную беседу.

— Ваша правда.

— В таком случае зачитайте мне мои права и проинформируйте, в чем я провинился, прежде чем мы продолжим наш разговор.

— Мой дорогой друг! — воскликнул Атертон. — Я просто перекинулся с вами парой слов, удовлетворяя свое любопытство. Это отнюдь не допрос. У меня на уме совсем другое.

— Так что же вам нужно?

— Мне интересно, не хотите ли вы встретиться с Вишну? Его дворец совсем недалеко от Зоны Развлечений.

— А что, если Вишну совсем не жаждет встречаться со мной? — настороженно возразил Дерринджер.

— Могу заверить, ему понравится ваше общество. Собственно говоря, он будет очень рад. Вы его очень интересуете.

— Почему?

— Предпочитаю, чтобы он сам все рассказал. Но уверяю, никакие неприятности вам не грозят.

— Вы уверены, что правитель мира хочет встретиться со мной?

— Почему бы нет? Он отнюдь не сноб.

Глава 42

— Итак, вы и есть Дерринджер, тот самый молодой человек, о котором я столько слышал? — спросил Вишну.

— Я польщен, что вам обо мне известно, — ответил Дерринджер.

— Стараюсь быть информированным во всем, — сказал Виш-

ну. — Мне помогает сеть датчиков по всей стране. Как вы понимаете, это моя обязанность.

— Да, — согласился Дерринджер. — Это само собой разумеется.

— А теперь послушайте, что я вам скажу, — перешел к делу Вишну. — Вы хороший человек, беглое знакомство с вашим послужным списком убеждает меня в том, что вы первоклассный Инспектор и верны своему долгу. Вы Спартанец высшего ранга.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

— Я подумал, что вы можете оказать мне услугу, за которую будете щедро вознаграждены.

— О, сэр, мне не нужно никакого вознаграждения, я счастлив оказать вам услугу.

— Я непременно вас награжу и повышу в чине.

— Буду счастлив сделать для вас все, что нужно. Но, сэр, почему вы выбрали именно меня?

— Кажется, ваше имя упомянуто в предсказании, — признался Вишну.

— Неужели?

— Да. В нем сказано, что вы тот самый человек, который найдет то, что мне нужно.

— Вы что-то потеряли, сэр?

— Боюсь, что-то весьма для меня важное. Видите ли, на прошлой неделе я получил подарок, который должен был послужить мне пропуском на одно важное совещание в Совете Галактики.

— Совет Галактики? — удивился Дерринджер. — Боюсь, я не знаю, что это и где находится.

— Это почти легендарное место, где обитают самые великие умы и самые совершенные души, вдали от мелких дел и глупостей планеты Земля.

— Похоже, это действительно необыкновенное место, — согласился Дерринджер.

— Да, и меня туда пригласили.

— Примите мои поздравления, сэр, — поспешил сказать Дерринджер. — Это великая честь, сэр.

— Да, все верно, но, видите ли, я недооценил подарок, этот Аппарат, я пренебрег им. Теперь же он обиделся и видеть меня не желает. Он убегает, как бы прячется от меня. Вы меня понимаете?

— Это плохо, — искренне посочувствовал Дерринджер.

— Теперь только кто-то другой должен найти его, чтобы снова вручить мне, — печально пояснил Вишну.

— Понимаю, — ответил Дерринджер.

— И этим другим станете вы.

— Я, сэр? Вы уверены в этом?

— Да, уверен! Так сказано в предсказании.

— Что ж, я буду счастлив сделать все, что в моих силах, чтобы вернуть вам Аппарат, — искренне пообещал Дерринджер. — У вас есть какие-нибудь сведения, которые могут помочь мне?

— Лишь одно. Вы должны найти в Зоне Развлечений некую мадам Зору. У нее как будто есть нужная информация для вас.

— Я немедленно отправлюсь, сэр, — с готовностью поднялся Дерринджер. — Откуда вам известно имя мадам Зоры, сэр?

— Не могу этого сообщить вам, — коротко сказал Вишну.

Глава 43

Дерринджер покинул дворец Вишну в Хирсьюте, штат Канзас и на шикарной машине был доставлен в юго-восточный отсек Зоны Развлечений, к месту своей пересадки. Оттуда экскурсионный автобус через самые живописные места Запада Соединенных Штатов повез его в самый центр Зоны.

Вскоре показались терракотовые стены, окружавшие Арену. Автобус, объехав их, направился к городскому массиву, так называемому Городу-Архетипу. Здесь жили многие из тех, кто работал в Зоне Развлечений. Туристы тоже наведывались в город, чтобы отведать отличную местную кухню.

Самой большой примечательностью этого города была его Веселая Башня, облицованная многоцветной фаянсовой плиткой. Она была центром Зоны Развлечений и тем местом, где Дерринджеру, как он чувствовал, предстояло найти гадалку по имени мадам Зора. Дерринджер снял комнату в мотеле «Уитсан-тайд» и первым делом отправился к Веселой Башне.

Украшенная замысловатым мозаичным узором, Башня слегка накренилась на одну сторону, подобно своей далекой сестре Пизанской башне. С другой стороны к ней подступали массивные стены строений, напоминавших Лувр, прорезанный вымощенными булыжником улицами. На самой широкой из них Дерринджер уселся на каменную скамью и стал ждать, что будет дальше. Он понимал, это совсем не то, что ему следовало бы делать, но испытывал необъяснимое, не свойственное ему безразличие и даже апатию.

Дерринджер сидел и ждал. Действительно, вскоре к нему подошел подросток лет десяти и спросил:

— Эй, мистер, у вас неприятности?

— Не думаю, — ответил Дерринджер. — Почему ты спрашиваешь?

— Я сидел со своей бабушкой вон там, на другой стороне улицы и следил за вами.

Дерринджер посмотрел, куда указал мальчик, и увидел пожилую даму с приятным, хотя и строгим лицом. Она читала газету.

— Это твоя бабушка? — спросил Дерринджер.

— Да. А теперь хватит обо мне. Поговорим о вас.

— Мне нужно найти кое-кого в этом городе, — ответил Дерринджер. — Но я не знаю, с чего начать.

— Начните с телефонного справочника, — посоветовал мальчик. — Его вы найдете вон в той телефонной будке у подножия Башни.

— А если там нет книги?

— Тогда наведите справки в адресном бюро. Это рядом.

— Спасибо, — поблагодарил Дерринджер. — Я бы и сам до этого додумался. Просто меня сейчас охватила странная апатия. А ты, наверное, знаешь, что это такое.

— Конечно, знаю, — согласился мальчик и понимающе кивнул. — Желаю успеха, незнакомец. Здесь он вам ох как понадобится.

— Почему ты так говоришь? — спросил Дерринджер.

— Видите багровые пятна на стенах вон тех домов? Это предвестники. Честно говоря, они ничего хорошего вам не сулят. По крайней мере в ближайшее время. Но кто знает, может, все обойдется.

Дерринджер поблагодарил мальчугана и направился к телефонной будке за справочником. Там никого не было. Было еще слишком рано для звонков, прохожие шли мимо, убежденные, что каждый из них идет по важным делам.

Дерринджер легко нашел в справочнике адрес мадам Зоры. Фулдженсер-сквер. Запомнив адрес, он на обрывке бумаги записал, как лучше всего туда добраться, и тут же отправился в путь.

Глава 44

Фулдженсер-сквер была довольно убогой улочкой в районе с сомнительной репутацией. Здесь вдоль тротуаров стояли набитые до отказа мусорные контейнеры, тощие кошки гонялись за

воробьями, на каждом углу толпились группками местные пьяницы и смачно ругались. Любопытные бездельники в банных халатах, сжимая дробовики, торчали перед окнами в ожидании неприятностей. В воздухе разносились звуки ксилофона, слышалось шарканье танцующих ног за занавесками. Это был совершенно дикий район.

Дерринджер наконец отыскал лавчонку с выцветшей вывеской в окне, на которой значилось: «Мадам Зора. Ясновидение. Предсказываю судьбу». Он постучал в дверь и, не дождавсь ответа, постучал еще раз, громче. Результат был тот же. Тогда он крикнул:

— Мадам Зора! Вы дома? Мне надо поговорить с вами. — В ответ — молчание. Дерринджер в растерянности постоял еще несколько секунд, затем повернулся и ушел.

Мадам Зора сидела в лавке на опрокинутом ящике и прислушивалась к удаляющимся шагам Дерринджера. Она то и дело окидывала комнату беспомощным взглядом. Темноволосый мужчина в бледно-лиловой рубашке заметил ее состояние. Он, заняв единственный в доме стул, точил лезвие длинного ножа.

— Ты собиралась открыть дверь? — недобро спросил мужчина.

— Да, собиралась, — ответила Зора. — Это был клиент, а значит, и деньги. Если позволишь, Карлос, я спрошу его, зачем он приходил...

— Нет, — резко прикрикнул Карлос. — Не подходи к двери. У нас будет много денег, когда мы осуществим мой план. Нам никто не должен помешать ни сейчас, ни потом. Ты знала этого человека, признавайся?

— Я и в глаза его не видела, — возмутилась Зора. — И голоса его никогда не слышала.

— Ты отлично врешь, моя маленькая Зора, — ехидно сказал Карлос. — Но тем ты и хороша. Это часть твоей дешевой прелести. Однако меня тебе не провести. Теперь будь паинькой и приготовь гуляш моим друзьям, а потом потанцуешь для них с касаньетами. Сегодня мы выпьем за тот куш, который мне перепадет после ограбления банка.

— Я плохо себя чувствую, — взмолилась Зора.

— Кому какое дело до того, как ты себя чувствуешь. Будешь танцевать, моя маленькая Зора, или тебе не поздоровится.

Мадам Зора, покорно кивнув, прошла в кухню, где на огне стоял большой котел с мясом. Она рассеянно бросила в него паприку и села на высокий деревянный стул. С утра она отвратительно себя чувствовала.

Ночь была тяжелой. В темноте Зору мучили воспоминания, они то и дело прерывали ее сон, и она испуганно просыпалась. Это была расплата за дар ясновидения.

Всю ночь ее мучили дурные предчувствия. Они наваливались на Зору всей своей тяжестью, и она с трудом сбрасывала их, чтобы проснуться и убедиться, что она в своей маленькой спальне. Но сон возвращался, а с ним и видения. Они были непрерывны и реальны и словно бы переносили ее в другое место и в другие времена.

Это было тяжелым испытанием. Зора нуждалась в помощи. Однако Карлос спал на своей огромной постели с темно-красными, цвета бургундского вина шелковыми простынями. Он громко храпел, широко открыв рот. Зора сама должна была противостоять ночной тьме.

Из-за паранормальных способностей ее психика была слишком уязвимой. Многие в городе завидовали яркой испанской красоте Зоры и ее дару пророчества. Они не знали, какую дорогую цену она за это платит. Видения из прошлого, настоящего и будущего обступали ее, как толпа назойливых карликов, требуя своего. Некоторые из них пугали Зору до истерики. Например, железнодорожный переезд и застрявший на нем автомобиль. Огни мчащегося поезда все ближе и ближе в кромешной тьме... Где это происходит? Нет ни дорожных знаков, ни чего-либо другого, помогающего определить место неизбежной катастрофы. Кого надо известить, предупредить? Она не знала и была обречена стать невольной свидетельницей страшной гибели кричащих от ужаса детей.

Ясновидение — ее дар. Она наказана им и не может от него избавиться, как не может избавиться от Карлоса и его безумных идей и замыслов, которые и для него, и для нее одинаково закончатся тюремной решеткой или чем-то еще хуже.

Дерринджер упорно искал Зору. Он попросил помощи у городских властей, но чиновник муниципалитета заявил, что муниципалитет не занимается вопросами текучести населения в городе.

— Что касается такой женщины, как Зора, — презрительно сказал клерк, — видимо, о ней ничего доброго не скажешь.

— Однако мне непременно нужно найти ее, — настаивал Дерринджер. — Мне известно, что она живет с мужчиной по имени Карлос.

— Карлос? Какой Карлос?

— Тот, кто рассказал мне о нем, не назвал его фамилии.

— Все Карлосы здесь известны лишь с дурной стороны, — уверенно заявил клерк. — Советую вам забыть о них.

— Не могу этого сделать.

— Ну тогда делайте, что хотите, а меня оставьте в покое.

Глава 45

Дерринджер вышел и пешком направился куда глаза глядят. Он надеялся, что какой-то случай удачной синхронности все же счастливо сведет его с Зорой. Куда более странные чудеса случаются. Но, увы, сейчас, когда ему так нужно чудо, оно не происходит. Он искал Зору у различных исторических памятников за пределами города, на берегах реки, в предгорьях и даже у маленьких ручьев. Ее нигде не было. Никто не слышал о ней. Она словно бы исчезла с лица Земли.

Одни пытались отговорить его от дальнейших поисков. Другие — это были ясновидящие, уже прознавшие о его мытарствах, — предлагали ему свои услуги.

— Эй, вы все еще ищите Зору? Она сбежала. Я могу вам помочь, я в десять раз опытней, как предсказатель, чем была Зора даже в свои лучшие времена.

Дерринджер вежливо и твердо отклонял подобные предложения. Все его мысли и действия были направлены на поиски мадам Зоры.

Однажды он был уже уверен, что ему повезло. Он находился в маленьком селении в горах, вблизи лыжного спуска. Вдалеке он увидел разноцветную палатку, над которой развевался флаг с харизматическим символом Аппарата. Ему показалось, что это в духе Зоры. Дерринджер поспешил туда через лужи и какие-то изгороди, однако к тому времени, как он достиг палатки, ее обитатели собрались и ушли. Хотя никто не видел, как это произошло. Здесь была какая-то загадка, как и все, что окружало Зору и ее сердитого спутника.

Но в конце концов терпению Дерринджера пришел конец. Он устал кружить вокруг города и видеть одни и те же пейзажи.

И тут он пришел к разумному выводу, что поиски Аппарата, которые, по сути, даже не начались, могут занять всю его жизнь. Это может ничего не значить для такого бессмертного компьютера, как Вишну, может, и для кого-нибудь другого, но не для него, Дерринджера. Почему он должен тратить всю свою жизнь на поиски цыганки, которая поможет, а возможно, и нет, найти того, кто отыщет Аппарат?

Эта мысль показалась ему просто невыносимой. Дерринджер сел на каменную скамью, на которой сидел в первый день своего приезда в город. Тогда к нему подошел мальчик и сказал, как надо действовать.

Поэтому он не очень удивился, снова увидев мальчика, пересекающего улицу, и его бабушку на скамье в парке, читающую журнал.

Мальчик выслушал все, что рассказал Дерринджер о своих неудачах.

— Мы встретимся завтра в это же время на этом месте. Я подумаю, что можно сделать.

— Ты? — удивился Дерринджер. — Разве ты можешь мне помочь?

Мальчик внимательно посмотрел на него.

— Я могу остановить это, мистер.

Что мог Дерринджер ответить?

Глава 46

Мальчик вернулся к своей бабушке. Он был необычно молчалив и задумчив. Бабушка отложила прочитанный журнал, и они тихо побрели к большому дому в квартале возле парка, где жили совсем одни.

Когда они вошли в дом, мальчик, повернувшись к бабушке, сказал:

— Бабуля, ты можешь сделать мне одолжение?

— Проси, чего хочешь, — обрадованно сказала она.

— Прекрасно. Но прежде я хочу тебе кое-что объяснить.

Я знаю, ты считаешь меня маленьким мальчиком. Однако это не так. Я взрослый мужчина и весьма важная персона по своему влиянию, но сейчас прячусь в теле подростка.

Бабушка растерянно заморгала глазами.

— Ты и вправду казался мне странным в эти последние дни. Куда же подевался твой детский ум?

— Мы пока его надежно спрятали и храним, — ответил мальчик.

— Мы?

— Лучше не задавать так много вопросов, — тихо заметил он.

Бабушка, поняв важность всего сказанного и того, что происходило вокруг, замолчала.

Наконец, после недолгой паузы, она спросила:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Я хочу, чтобы ты прикрыла меня. Завтра ночью меня не будет дома, а возможно, даже пару ночей.

— Где же ты будешь?

Мальчик улыбнулся и покачал головой.

— Кто-нибудь будет спрашивать, где ты?

— Надеюсь, нет, если я все организовал так, как надо, — ответил мальчик. — Я просто хотел, чтобы ты это знала.

Глава 47

Поздно вечером, около полуночи, мальчик покинул дом и на трамвае доехал до центра города. Он был в белом костюмчике и синем хлопчатобумажном пуловере. Он выглядел настоящим мальчишкой, так что никому и в голову не пришло увидеть в нем кого-то другого. Однако тот, кто скрывался в мальчишке, знал, кто он. Теперь ему предстояло убедить в этом еще кое-кого.

Он направился на Хэнговер-сквер и снял в захудалом отеле комнату на одну ночь. Портье, оформлявший номер, попытался было спросить, сколько ему лет, но мальчик тайком показал ему значок Ложи Космических Масонов, и тот сразу прикусил язык.

Следующий шаг сделать было труднее. Вести переговоры в нормальном человеческом виде было бы куда сподручней. Но он должен постараться сделать все, что можно.

— А теперь слушайте внимательно, — сказал мальчик. — Мадам Зора будет здесь примерно через час. Может быть, чуть раньше. Попросите ее подняться в мою комнату.

— И все же, — промолвил портье. — Я не уверен...

Мальчик знал, что решать надо быстро. Не раздумывая, он снова показал значок, на сей раз известной тайной организации, ведущей особо деликатные расследования.

Портье разинул рот и вытаращил глаза. Воздержавшись от каких-либо замечаний, он все же предупредил:

— Мадам Зора путешествует с Карлосом, а с ним лучше не связываться...

— Не беспокойтесь. Карлоса с ней сегодня не будет.

Мальчик поднялся к себе в комнату. Сев за стол, он вынул колоду карт и разложил пасьянс. В течение часа он был погружен в решение сложной комбинации. Наконец в дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не поднимая головы от карт.

Дверь открылась, и в комнату вошла Зора в бархатном пальто с воротником из искусственного меха. Голову ее украшала красная шляпа. Когда она увидела мальчишку, играющего в карты, ее большой рот дрогнул.

— Опять ты! — недовольно сказала она. — В чье тело ты на сей раз вселился?

— Я так и не узнал его имени, — ответил мальчишка.

— В прошлый раз ты тоже не соизволил сказать, кто ты.

— И сегодня не скажу.

Зора опустила в плюшевое кресло и откинула голову на его высокую спинку. Она вынула и закурила сигарету, изготовленную специально для мазохистов: курящему грозил не только неприятный вкус во рту, но и нанесение серьезного вреда дыхательным путям, а благодаря специальным добавкам еще и раздражение мочеполовых органов. Зора намеренно глубоко затягивалась, глотала дым, сама себя ненавидя за это и за то презрение, которое вынуждена к себе испытывать, проделывая такое, и за то, что продолжала оставаться с Карлосом, лодырем и хамом, которого она все-таки любила, хотя презирала не только его самого, а и все, что он думал и делал.

— Что от меня требуется на этот раз? — спросила она.

— Человек по имени Дерринджер. Он пытается поговорить с тобой. У него проблема.

— Что-то важное? У меня тоже куча проблем. Я говорю на тот случай, если ты этого не заметил.

— У всех у нас проблемы, — тихо заметил мальчик.

— Спасибо. Мне стало легче. Что нужно этому Дерринджеру от меня?

— У него к тебе один вопрос.

— Ну и что? У этих клиентов всегда одни вопросы. Ты не думаешь, что однажды мне могут надоесть их глупые вопросы?

— Но ты же отвечаешь на их вопросы, — напомнил ей мальчик.

Зора стряхнула пепел сигареты на пол.

— Я знаю об этом человеке, — сказала она. — Карлос не решает мне встречаться с ним. Он что-то имеет против него.

Мальчик пожал плечами.

— Ты знаешь настоящую причину, почему Карлос так ведет себя.

— Я не хочу ее знать. Но почему это интересует тебя?

— Я просто оказываю услугу своему другу.

— У тебя есть бумага и карандаш?

Мальчик уже приготовил и то, и другое.

Зора написала: «Свайн-херд-бенд, бар «Горошина». Завтра в полночь». И передала записку мальчику.

— Ты правильно поступила, Зора, — сказал он. — Твой поступок будет оценен.

— Кем?

Мальчик улыбнулся и покачал головой.

— До свидания, Зора.

Глава 48

В этот вечер Карлос был в неплохом настроении и потому выглядел еще более отвратительно. Он лежал на диване в шелковой сорочке белой в красную полоску и отрывистым голосом отдавал Зоре приказания.

— Гуляш готов? — спросил он.

— Гуляш готов, — ответила она. — Где же твои друзья?

Раздался стук в дверь, и в комнату вошли трое мужчин со злодейскими лицами. Ничего не говоря, они направились к холодильнику и нашли там банки с пивом. Пока они открывали их, Зора накладывала гуляш в большие глиняные миски и ставила еду перед каждым из мужчин, уже севших за длинный дощатый стол. Мужчины, глубоко погружая ложки в мясо, ели, громко чавкая. Когда они покончили с едой, Карлос поднялся со стула и потребовал внимания.

— Как вы знаете, джентльмены, — начал он, — я давно вынашиваю план ограбления. С удовольствием могу сообщить, что время его осуществления уже совсем близко. Каждый из нас получит почти по миллиону чистыми.

— Однако не могу взять в толк, — заметил Сантини, самый высокий из дружков Карлоса, — как потом их потратить. При этих законах и порядках, которые все действуют против нас.

— Я уже объяснял вам как, — ответил Карлос.

— Объясни еще раз. Так будет лучше.

— Тогда слушайте и мотайте на ус, — сердито сказал Карлос. — Вишну недавно создал на планетоиде С-23 Зону Злодеяний. Там криминальной братве выделена территория, где их никто не преследует и где они могут жить да поживать, проматывая свои нечестно добытые денежки. Вы бы давно знали об этом, если бы читали газеты. Вишну считает, что людям нужно место, где бы они могли жить так, как им хочется.

— А там хорошо, в этой Зоне? — спросил Шорделштейн. Он был коротышкой с еще более смуглой кожей, чем у Карлоса. У него одного была стрижка «ежиком».

— Вишну сказал: «Представьте себе Лас-Вегас, где деньги так и текут. Вот такой будет наша Зона Злодеяний».

— Звучит здорово, — задумчиво сказал среднего роста Худой Том, с лицом ребенка и ледяным холодом в голубых глазах. — Что ж, неплохо бы попробовать. О'кей?

— Главное, верно выбрать время, — заметил Карлос. — Я сообщу, когда оно придет. А сейчас у нас музыкальный перерыв. Зора, потанцуй нам с кастаньетами.

Зора слишком хорошо знала, что будет, если она послушается. Она влезла на стол, думая про себя: «Хоть бы это было в последний раз».

Глава 49

Когда мальчишка передал ему записку Зоры, Дерринджер порядком удивился. Но он уже научился не задавать вопросов. На следующий вечер в назначенный час он был в баре «Горошина». Зора сидела за столиком в углу, что-то попивая. Он узнал ее сразу по ее трехцветной длинной юбке и маленьким серебряным кастаньетам в волосах.

— У меня к вам вопрос, — сразу же начал Дерринджер.

— Знаю, — ответила Зора. — Пойдемте со мной. Я сняла для этой цели комнату в каком-то паршивом отеле.

— Входите и садитесь, — пригласила она Дерринджера. — Вид у вас озадаченный, даже потерянный. Вы действительно что-то потеряли? Я умею находить потерянные вещи.

— Если можно так сказать, я ишу то, что потерял кто-то другой, — пояснил Дерринджер.

Она сочувственно посмотрела на него.

— Если можно так сказать, на самом деле он этого не терял.

— Да, так можно сказать.

— Хотите чашечку чаю? — неожиданно быстро меняя тему, спросила она.

— Да, было бы неплохо выпить чаю, — согласился он.

Зора поднялась и подошла к самовару, стоявшему в конце комнаты. Следя за нею, Дерринджер отметил изящество ее движений. пышная юбка с голубым, зеленым и пурпурным листовым узором колыхалась на крупных бедрах цыганки. Зора налила чаю, протянула ему чашку и пододвинула коричневые в крапинках кубики сахара. Дерринджер, взяв кубик, шумно втянул через него горячий чай. Неловкость сковывала его. Он сам не знал почему: возможно его смущало присутствие танцующего медвежонка в углу, вяло дожевывающего что-то похожее на губную гармошку.

Зора словно чувствовала глубокую и темную, как лесные сумерки, печаль, охватившую Дерринджера. Она взяла его руку в свои узкие ладони и стала изучать ее.

— Путь ваш будет долгим, — сказала она. — Если можно так сказать.

— Да, так можно сказать.

Они неожиданно рассмеялись, почувствовав и ответственность, и нелепость этого момента. Молодая цыганка — ей было не более двадцати, — поджав тонкие губы, покосилась на Дерринджера своими продолговатыми глазами. Инспектор почувствовал, как вдруг по его телу приятно разлилось тепло, навешанное чем-то знакомым, что казалось невозможным, но по дикой случайности было правдой.

— Кстати, о той вещи, которую вы ищете, — сказала она.

— Да, об этой вещи.

— У меня было странное видение. — Она закрыла красновато-коричневые цвета хны глаза. Ее пальцы крепче сжали его руку. — Я видела большой корабль, я не знаю, как вы его называете? Океанский... лайтер...

— Лайнер, — подсказал Дерринджер. — Вы почти угадали.

— Вы его ищете?

— Боюсь, что нет.

— О! — воскликнула она, широко открыв глаза. — Во всем виноваты эти бесконечно рождающиеся видения. Они одолевают меня безо всякого повода и причины, без какого-либо намека или ассоциации, которые помогли бы мне догадаться, чем же они вызваны. Ну ничего. Я попробую снова.

Ее длинные ресницы затрепетали и опустились, прикрыв

узкие цыганские глаза. Медвежонок в углу с мрачным удовлетворением заворчал, дожидаясь последний кусок губной гармошки. Кошка, растянувшаяся поперек лежавшей на столе вышитой салфетки, одним концом накинутой на самовар, сладко мурлыкала, видя, должно быть, сны о далеком лете в другие времена и в другом месте... хотя служанки уже не было в живых... или просто так казалось, в тот странный момент, когда нечто незнакомое неожиданно вторглось в привычную жизнь.

— Я вижу белую корову с единственным коричневым пятном на левом боку, а на ней маленькую девочку в венке из полевых цветов. Вы это потеряли?

— Боюсь, что нет.

— А белый тюлень с ожерельем из топазов, печально сидящий на камне на берегу Северного моря?

— Нет, это тоже не то.

— Кажется, я знаю. Попробую еще раз...

Но тут дверь с грохотом открылась, в проеме стоял Карлос в рубахе нараспашку на волосатой в темных кудряшках груди. Он изрядно выпил, и по его лицу блуждала широкая ухмылка.

— Привет, мальчики и девочки, — сказал он.

— Карлос! — воскликнула Зора, и в голосе ее послышались слезы. — Что ты здесь делаешь?

— Маленькая птичка шепнула мне на ушко, что неплохо бы проверить, где ты. Вот я и поймал тебя.

— Я предсказывала его судьбу.

— Значит, это теперь так называется? — не унимался Карлос, выхватывая из-за пояса оружие. Он сделал это так ловко, что Дерринджер даже не успел сообразить, что сам-то он не вооружен. В руках Карлоса было запрещенное оружие: пистолет модели ОЗ, стрелявший вместо шрапнели иголками.

Держа Дерринджера под прицелом и не спуская с него глаз, Карлос сказал, обращаясь к Зоре:

— Как долго ты нагадала ему жить? Десять секунд? Пять?

— Это не имеет значения, — ответила Зора. — Твоя жизнь будет еще короче.

— Ты шутишь?

Зора покачала головой.

— Звезды не врут. Убив этого человека, ты накличешь на себя беду.

Карлос засмеялся, однако оружие убрал.

— На сей раз я его отпущу. Но если это повторится...

Этому фатоватому хулигану в шелковой рубахе было бы до-

статочно одного взгляда на Дерринджера, чтобы понять, что не все здесь обойдется так просто. Лицо Инспектора покрывала смертельная бледность, выделялись лишь два ярко горевших пятна на щеках. Каждый мускул лица окаменел, оно стало маской с трудом сдерживаемой ненависти, которая готова была вырваться на волю и сокрушить все.

— Полагаю, мы можем решить проблему сейчас же, — сказал Дерринджер, и голос его был зловеще тих.

Карлос, быстро прикинув свои шансы, не колеблясь, сделал то, что сделал бы на его месте каждый трус.

— Эй, нам нечего делить, парень! Успокойся, добрый человек. Просто она моя подруга, понимаешь, и только я имею право решать, с кем ей говорить, а с кем нет.

Подруга. Так в этих местах звали девушек, в отношениях с которыми заходили не так далеко, чтобы нужно было жениться.

— Я ухожу, — произнес Дерринджер и направился к двери, однако у выхода обернулся и сказал: — Я буду говорить с ней, несмотря на твои угрозы!

— Не будешь! — заорал Карлос, но Дерринджер уже захлопнул за собой дверь.

Наутро Дерринджер первым делом поспешил к дому, где встречался с Зорой. Он был страшно зол и в немалой степени на себя самого за то, что вчера не довел дело до конца. На этот раз он не даст спуска Карлосу и тот получит сполна за свое хамство.

Но Зора, кажется, снова исчезла из города. Он безуспешно обошел все места, куда она заходила. Ему опять говорили, что никто ее не видел.

Оказавшись в тупике, Дерринджер впал в полное отчаяние и прекратил поиски. Он вернулся в парк. Здесь его снова нашел мальчик.

— Что случилось? — спросил он.

Дерринджер рассказал ему обо всем, что произошло за эти несколько вечеров.

— Что ж, мне все ясно, — выслушав, ответил мальчик. — Сейчас не так важно найти Зору, как убрать с дороги Карлоса.

— Это очень просто сделать, — обрадованно воскликнул Дерринджер. — Я убью его.

— Нет, ни в коем случае, — резко возразил мальчик. — Я не думаю, что так можно все решить.

— Почему? Это самое верное дело.

— Знаю. Но боюсь, что бесполезное. Не забывайте, Зора связана с этим человеком какими-то странными тайными узами, и если вы убьете его, то навсегда станете ее врагом, какими бы добрыми намерениями вы ни руководствовались, совершая убийство.

— Ладно, если я не могу убить его, то что в таком случае мне остается делать?

— У меня есть план, — сказал мальчик.

Глава 50

На следующий день, когда Зора и Карлос были одни в своей новой, никому, кроме почты и телеграфа, не известной квартире, раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил Карлос недобрым голосом.

— Вам телеграмма, — ответил голос.

— Подсуньте под дверь.

— Не могу. Конверт очень толстый.

Карлос встал, глянул в глазок, снял цепочку и взял телеграмму, которую посыльный просунул в щель чуть приоткрывшейся двери.

Посыльный, молодой паренек, почти мальчишка, охотно принял четвертьфартинговую монету, с презрением брошенную ему прямо в лицо Карлосом, и ушел, насвистывая.

Карлос разорвал тонкую бумагу конверта и, пробежав жадными глазами текст, издал торжествующий крик.

— Что там? — спросила Зора.

— Кто-то из моих дядей, тут не написано, кто, отдал концы и завещал мне пятьдесят тысяч в кредитках.

— О, это замечательно! — обрадованно сказала Зора. — Теперь ты наконец сможешь осуществить свой план ограбления банка.

— Но тут одно условие, — промолвил Карлос, разбирая надпись мелкими буквами внизу телеграммы. Несмотря на то что у него были маленькие заплывшие, как у борова, глазки, видел он отлично, как ястреб. — Я должен явиться в контору «АТ и Т» в Сискрем-Хэвен завтра ровно в полдень, иначе завещание потеряет свою силу.

— Господи! — воскликнула Зора. — Сейчас уже три часа пополудни!

— Да, — согласился Карлос. — Но если я прямо сейчас добе-

русь до космодрома и успею на шаттл, то смогу быть в Сискрем-Хэвен за десять минут до истечения срока.

— Что ж, стоит попытаться, — поддержала его Зора.

— Я уже бегу, — ответил Карлос.

Глава 51

Как только Карлос покинул город, Зора тут же, не теряя времени, постаралась разыскать Дерринджера в тех немногих местах, где он обычно бывал. Они немедленно договорились о встрече в одном из дешевых отелей.

Зора прихватила с собой несколько магических символов: бронзовую голову быка, кристаллизованного непарного шелкопряда — собственный тотем Зоры — и носовой платок, смоченный в воде, лишенной на 99,64 процента кислорода.

Она снова пустила свое астральное тело по волнам моря. Когда Зора делала это в прошлый раз, море было лазурным, чистым и спокойным. Теперь же волны были чернильно-синими, ветер гнал штормовые тучи прямо ей в лицо, вея откуда-то из невообразимой бездонной глубины неба. Волны мистического моря плескались у ее ног, и в пузырях пены рождались видения, а в них были пророчества. Однако Зора никак не могла найти те, что нужны были Дерринджеру.

— Происходит что-то очень-очень дурное! — сказала она, выходя из транса. — Моя проницательность, кажется, мне изменила.

— Вам не удастся разгадать видения?

— Нет, конечно, я могу их разгадать, но не могу понять, какие имеют отношение к вам. Они заблокированы.

— Что здесь у вас обычно делают, чтобы снять психологическую блокаду?

— Идут к психиатру-экстрасенсу. Но это дорого стоит.

— Ничего, — ответил Дерринджер. — Сколько бы это ни стоило, надо попробовать.

Глава 52

— Слушаю вас, — сказал психиатр-экстрасенс час спустя. — В чем дело?

Дерринджеру и Зоре, порывшись в телефонном справочнике, удалось найти психиатра, которого можно вызвать на дом. Это был некий доктор Атис.

— Я сама ясновидающая, — представилась Зора. — И хорошо

владею этим. Но я никак не могу найти, что нужно моему клиенту. Это меня очень беспокоит.

— Проведем несколько тестов и посмотрим, в чем дело, — предложил доктор. — Временами такое случается, но это проходит. Давайте попробуем, молодая леди, найти ключ к разгадке в сфере психической.

Доктор Атис был невысок ростом, можно сказать, коротышка, почти лилипут, и вообще напоминал ребенка. У него была по-детски свежая кожа, насколько позволяла разглядеть густая борода. В остальном же он действительно напоминал ребенка. «Не видел ли я его уже где-то?» — подумал Дерринджер и раздраженно тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли. Время досужих догадок еще не пришло.

Доктор Атис извлек из своего портфеля небольшой аппарат и, подключив к телевизору, нажал на кнопку. На экране, кружась, как в вихре, замелькали какие-то изображения.

— Смотрите в центр экрана, милая леди. Я буду стоять за вашей спиной, чтобы отслеживать направление вашего внутреннего взгляда. Так я смогу прогнозировать вашу проблему. Хотя уже достаточно точно представляю, в чем она состоит.

— В чем же? — встрепнулась Зора.

— Мы поговорим об этом позже, когда я закончу тест. Внимание, фокус!

Через несколько минут он остановил тестирование.

— Хорошо. Достаточно. Все именно так, как я и предполагал.

— В чем же дело, доктор?

— Вы и этот молодой человек никогда не встречались прежде? Вспомните.

— Нет, не встречались, — уверенно сказал Дерринджер.

— Не встречались, — в свою очередь, подтвердила Зора.

— В этом и есть ваша ошибка, — заметил доктор. — Много лет назад какой-то период вы были вместе, и тогда между вами так и осталось что-то нерешенное. Это надо решить, если вы, юная леди, хотите предсказать его судьбу. Вам необходимо записаться на сеансы сна. Это дорогие, но весьма эффективные процедуры. Их можно проводить прямо здесь, в номере отеля.

ГЛАВА 53

Итак, они погрузились в царство снов и вернулись в свое далекое прошлое в маленький городок Эстонию, в штате Нью-Йорк, где прожили рядом по крайней мере неделю. Ей было пять лет, а ему — семь. Любовь, внезапно вспыхнувшая в детских

сердцах, была каким-то чудом. Несмотря на юный возраст, оба остро осознавали очарование этих мгновений.

Долгие, золотые от щедрого солнца полудни, качели во дворе, переключки по водосточным трубам. Три дома стояли среди пастбищ где-то на юге. Вспомнился дождливый вечер, когда она подняла к нему свое мокрое от капель дождя лицо, а затем, словно повинувшись безотчетному желанию, ткнулась носом в его шею и убежала.

Но всему приходит конец. В течение одной недели обе семьи, одна за другой, разъехались в разные концы страны. Хотя Дерринджер и Зора были достаточно взрослыми, чтобы ощутить любовь, они еще не доросли до тех лет, когда понимают, что такое разлука и как больно терять друг друга. Они расстались и вскоре позабыли друг друга.

Волею экстрасенса они во сне снова оказались там, где когда-то расстались, и все повторилось сначала, однако теперь они уже не расстались. В своем сне, когда им уже было далеко за двадцать, они сочетались браком и прожили вместе семьдесят восемь лет, вырастив примерных детей. Сами же в конце концов погибли в автомобильной катастрофе.

Наконец они смогли вернуться в современный мир, ибо то, что не свершилось тогда, свершилось теперь.

Снятие психологического блокирования явилось для обоих великим облегчением. Зора была искренне привязана к прошлой Карлосу, а Дерринджер полон хоть и смутных, но приятных мечтаний об Элее. Между ним и Зорой не было более никаких незавершенных дел, кроме одного: пророчества.

Когда Зора снова попробовала впасть в транс, ей казалось, что теперь все должно получиться. Молодая цыганка с миндалевидными глазами стонала и издавала крики.

— Я сосредоточилась. Я все ближе! Я поймала, я вижу его! — торжествуяще вопила она.

— Урра! — радостно заорал Дерринджер.

Зора открыла глаза, но прежде, чем она успела рассказать о том, что видела, дверь открылась, и вошел Карлос. И все повторилось снова.

Глава 54

При виде Карлоса Дерринджер расвирипел настолько, что, подойдя к этому фату в шелковой рубашке, готов был тут же покончить с ним. Но испуганный Карлос, весь съежившись от

страха, умоляюще поднял руки. Дерринджеру пришлось отказаться от намерения прикончить его, однако он сурово предупредил:

— Ни ты, ни кто-либо другой не помешают мне наконец поговорить с Зорой.

— Все хорошо, — поспешил успокоить его Карлос. — Тогда на меня просто дурь какая-то нашла, был немного не в себе, вот и запретил вам говорить с Зорой. Но запрещение останется в силе, если будет хотя бы попытка перейти границы приличий. Как ее мужчина, я также требую, чтобы она отдала мне деньги, которые получит за работу с вами.

— Меня это не касается, — сразу же поставил все на свои места Дерринджер. — Я еще не платил Зоре, так что решайте этот вопрос без меня.

— Не надо торопиться, — не унимался уже осмелевший Карлос. — Я тут подумал и решил: то, что Зора вам скажет, куда важнее и стоит дороже, чем простое предсказание.

— Возможно, — согласился Дерринджер. — Сколько вы хотите, чтобы я заплатил за ее предсказание?

— Это я скажу, — важно промолвил Карлос, — только после того, как первым выслушаю его и тогда решу, чего оно стоит. Но прежде я предъявлю предсказание оценщику на предмет установления цены. А потом посмотрим, сможем ли мы заключить сделку.

Дерринджер весь кипел от негодования, однако его поймали в этический капкан, и выхода не было.

— Ну, давай иди и рассказывай ему! — крикнул он Зоре.

Зора подбежала к Карлосу и что-то шепнула ему на ухо. Карлос ухмыльнулся.

— Ага, — понимающе сказал он.

— Что ты ему сказала? — спросил Дерринджер.

— О, это хорошее предсказание. Оно недешево вам обойдется.

— Мы можем сговориться уже сейчас?

— Нет. Отдохните, выпейте чего-нибудь. Поговорите с Зорой, поскольку это для вас так важно. Я мигом сбегу к оценщику. Ждите, я скоро вернусь.

И Карлос поспешил вон из комнаты. Он не менее Дерринджера хотел заключить сделку поскорее, ибо опасался, что тот изменит свое решение в ту или иную сторону, что в равной степени могло роковым образом нарушить планы Карлоса. Этот хлыщ в шелковой рубашке с узкими усиками теперь все должен был делать наверняка, потому что его поездка к черту на кулич-

ки за богатым наследством оказалась чьим-то злым розыгрышем, обошедшимся в немалую сумму.

«Неудача за неудачей», — думал Карлос. Вернувшись, он узнал, что дружки в его отсутствие сами отлично провернули то дельце, которое он так тщательно готовил и вынашивал, и теперь все они в той желанной Зоне, которую создал для них Вишну. Карлосу же оставался лишь один источник денег: предсказания Зоры.

Получив оценку предсказания, он поспешил назад.

В душном номере отеля он сообщил Дерринджеру свои условия:

- Тебе это обойдется в десять тысяч кредиток.
- У меня таких денег нет, — ответил Дерринджер.

В эту минуту дверь номера отворилась и неожиданно вошел коротышка доктор.

— Я заплачу за Дерринджера, — сказал он.

— Почему? — спросили все трое присутствующих в один голос.

— А это уж мое дело.

Доктор запросто отсчитал Дерринджеру десять тысяч новеньких хрустящих бумажек.

Зора откланилась, и все невольно в ожидании уставились на нее.

— Информация, которую вы ищете, Дерринджер, находится у Таинственного Клоуна, — наконец сказала Зора.

— А где он, этот Таинственный Клоун?

— Это трудно сказать. Он все время меняет места. Во всяком случае, не мое дело искать, где он. Я узнала, что он тот, кто вам нужен.

Дерринджеру пришлось смириться с предсказанием, но он был рад, что наконец-то может покинуть этот серый призрачный город.

Глава 55

Доктор Атертон, покинув Дерринджера, вернулся в свое поместье в Вермонте. Он был рад снова стать самим собой. Доктор едва помещался в детском теле, настолько оно было мало ему.

Теперь он удобно расслабился в большом кресле и попросил жену Айрин принести ему виски с содовой.

Айрин, высокая и гибкая, подала свежую почту, поцеловала его в макушку и тихо удалилась. Атертон рассеянно просмотрел письма. Все они были от людей, просивших препроводить их в подземный мир.

Помимо многих других обязанностей, Атертон как психоаналитик обладал замашками Прометея, а кроме того, имел огромные планы относительно всего человечества.

Однако сейчас ему некогда было думать об этом.

Доктор Атертон устал. Весь месяц он работал без отдыха, не считаясь со временем. Если он не проводил психотерапию с Вишну, то провожал души в подземный мир, отвечая на их последние неизменно глупые вопросы или успокаивая их. Он считал, что настоящие боги не испытывают усталости. Но он не являлся настоящим богом. Скорее он был современным героем. Он был вынослив и силен, но все-таки не был богом. Что поделаешь. Однако он и сам того не хотел. Ему достаточно, что он направляет Вишну в его странном путешествии.

Но, кажется, сейчас, словно всего перечисленного ему было мало, он стал постоянным «мальчиком» и поводырем при Дерринджере. Сегодня, к счастью, выдался денек, когда он может уделить немного времени и самому себе. Нет, опять он кому-то понадобился.

Вошла Айрин.

— Некто, назвавшийся Койотом, просит впустить его. Он говорит, что знает тебя.

Атертон обреченно вздохнул. Еще одна проблема.

— Впусти его.

Койот быстрой дергающейся походкой вошел в гостиную Атертона. Он был в охотничьей куртке из оленьей кожи с бахромой, синих джинсах и пончо древних индейцев навахо.

— Добрый день, Атертон. Как поживаете?

— Хорошо. А ты?

— Очень хорошо. Но у меня проблема.

У Койота всегда были проблемы. Он был языческим божеством коренных индейцев Америки и всегда считал, что остальные боги настроены против него.

— Как твой брат? — спросил Атертон.

— Таинственный Клоун? Он сейчас в Зоне Развлечений, такое там творит! И получает удовольствие. Вот об этом я и пришел поговорить с вами. Я ничего не могу поделать.

Между всеми божествами существовала свирепая конкуренция за право работать в Зоне Развлечений в особом аттракционе: «Боги, которые когда-либо существовали».

— Я хочу работать. Я должен работать.
 — Какую работу ты имеешь в виду? — справился Атертон.
 — Я могу причинять неприятности, — пояснил Койот. — Это моя профессия. Но все места уже заняты. Всю работу заполучил Таинственный Клоун.

«Бесполезно, — подумал Атертон, — объяснять ему, что Таинственного Клоуна все ценят как надежного и умелого работника, а вот Койота считают ни на что не способным дураком. Так же бесполезно ему говорить, что неприятности — это то, что приходит само собой и не требует чьей-то команды».

— Сожалею, но ничем помочь не могу. Зайди через недельку. Койот сел на подушку, лежавшую на полу, и сложил на коленях свои сухие серые руки.

— Я требую, чтобы вы нашли мне какое-нибудь дело. Иначе я не уйду из вашего дома.

Атертон отлично понимал, что ему не избавиться от него, если он не найдет ему дела. «Ничего, — думал он, — потом я исправлю все, что он напортачит, но, черт побери, это поможет хотя бы какое-то время держать его подальше».

— Отправляйся в Силовое Поле, — наконец придумал Атертон.

Койот с радостью согласился. Он никогда там не бывал.

— А что я там буду делать?

— Сам увидишь.

Глава 56

Все это Дерринджер воспринял как большой, но долгожданный сюрприз: его миссия в Синхронном Городе закончилась. Он в какой-то степени уже привык к нему, как, возможно, привык к тому, что безнадежно привязан к Зоре. Однако пришло время снова приниматься за дело, ради которого он сюда приехал, и отправляться дальше в неизведанные края.

Сначала он решил узнать, где можно найти Таинственного Клоуна.

Но таких, кто мог бы ответить на его вопросы, не оказалось. Исчезли мальчик и его бабушка. Покинули город Зора и ее злобейший спутник.

Дерринджер снова направился в справочное бюро, где ему посоветовали подать запрос в Центр защиты этнических меньшинств, в котором, возможно, располагают такой информацией.

Центр находился в деловой части города в одном из двух имевшихся там высотных домов, в Павильоне Александра и Карлотты. Дерринджер поднялся на внешнем лифте на тридцать шестой этаж и был встречен белокурой секретаршей в приемной, отделанной под цвет ее волос.

— Я пришел к вам, чтобы навести справки о Таинственном Клоуне. Где я могу его найти? — прямо спросил он.

— Мистер Саймонс сейчас примет вас, — ответила секретарша. — Принести вам кофе?

— Нет, спасибо, я просто подожду, — вежливо ответил Дерринджер.

Он опустился в мягкое кресло и взял журнал, рассказывающий о прелестях деревенской жизни на планете Дьяболо-П, недавно насыщенной кислородом.

Не успел он погрузиться в чтение, находя его довольно интересным, как низкий мужской голос спросил:

— Это вас интересовала информация о Таинственном Клоуне? Прошу вас, проходите.

Молодой мужчина на вид не более тридцати лет, высокий, стройный, в костюме спокойных тонов из модной в этом сезоне шерстяной ткани, провел его в свой небольшой кабинет с таким же небольшим единственным окошком и предложил сесть.

— Я мистер Саймонс, — представился он. — Я ваш гид на время этого сеанса.

— Я не знал, что будет какой-то сеанс, — удивился Дерринджер.

— Ну это просто так у нас называется. Вы хотите знать, как вам повидаться с Таинственным Клоуном. Однако у нас он не один, вам это известно?

— Нет, неизвестно. Впрочем, я даже не знаю, с которым из них мне надо встретиться.

— Это не имеет значения. Сейчас на Земле есть всего только один Клоун.

— А что случилось с остальными?

— Для нас это загадка, — ответил мистер Саймонс. — Мы, разумеется, не можем брать на себя смелость и утверждать, что их больше не существует. Просто мы в настоящее время не знаем, где они.

— Но вы знаете, где находится данный конкретный Клоун? — настаивал Дерринджер. — Это все, что мне нужно знать.

Саймонс снисходительно улыбнулся.

— Не вы первый произносите такие слова.

— Где я могу найти его?

— Он в Цирке Снов. Это в северо-восточном секторе Зоны Развлечений. Туда можно досхать на трамвае.

Дерринджер покинул кабинет мистера Саймонса, а вместе с ним и сам Синхронный Город. До отправления трамвая оставалось несколько часов, и он просто не знал, как убить время. Наконец, съев в полном одиночестве свой последний обед в этом городе, он отправился в Центральное депо и сел в скоростной трамвай, идущий в Цирк Снов.

Глава 57

Трамвай шел, казалось, вечность. До рассвета было еще далеко, когда Дерринджер наконец прибыл к месту назначения и оказался в зале ожидания Цирка Снов. Он решил терпеливо дожидаться рассвета, но время тянулось и тянулось, медленно и тяжело, какими-то огромными глыбами. Наконец Дерринджер заметил человека в форме начальника станции, прохаживающегося по залу.

— Простите, сэр, — обратился он к нему. — Который сейчас час?

У начальника станции, большого и грузного человека, были седые и густые, как у моржа, усы.

— Разве вас не предупредили, что здесь никогда не кончается ночь?

— Разве это возможно? — воскликнул Дерринджер. — По законам природы за ночью, рано или поздно, приходит день.

— Да, верно, — согласился начальник станции, — но Цирк Снов существует в особенной временной зоне, специально созданной Вишну. С помощью хитроумных солнечных зеркал он сделал так, что здесь всегда ночь. Наши циклы ночного времени бесконечно повторяются — с десяти вечера до трех ночи и так далее.

— Я не совсем понимаю, — промолвил Дерринджер, — зачем надо было так делать?

— Вишну хотел сохранить замечательные особенности Цирка.

— Какие, например?

Начальник станции принялся объяснять Дерринджеру, что цирковые представления всегда даются только вечером, когда дневной свет не может уничтожить блеск и великолепие мишуры и грима. Здесь в темных улицах и переулках прячется тайна,

сюда никогда еще не проникал солнечный луч и не обнажал банальности жизни. Тут нет ни восходов, ни закатов. Только темнота и ее непредвиденные возможности.

Начальник станции, к сожалению, не знал, где сейчас может быть Таинственный Клоун, поэтому Дерринджер решил сам прогуляться по Цирку. Он шел и смотрел, как вертится Чертовое колесо, чуть освещенное прожекторами.

Дерринджер решил пообедать, но, прежде чем он успел сделать заказ, к нему подошел человек и посоветовал ни к чему тут не притрагиваться, если он не хочет лишиться памяти, как это случилось с другими искателями приключений. Они так никогда и не покинули Зоны Развлечений и живут здесь, надеясь только на телеграфные переводы от родственников, которые помогут им навсегда остаться в этом сладком призрачном Нигде.

— Спасибо, что предупредили, — поблагодарил Дерринджер мужчину. Тот был невысок ростом, крепкого телосложения, розовощек и лыс.

— Не стоит. Я мистер Дьюхилл. Мне позвонил мистер Саймонс из Синхронного Города и попросил присмотреть за вами.

— Я ищущу Таинственного Клоуна, — пояснил Дерринджер.

— Я знаю, — сказал мистер Дьюхилл. — Мне сообщил об этом Саймонс. Но прежде всего вы должны знать, что мы не признаемся в том, что Клоун здесь.

— Однако мне сообщили, что именно здесь я смогу найти его.

— Да, это верно. Он здесь. Этот чертов Пимпернел¹ здесь, но, как я уже говорил, о его местонахождении никаких сведений нет.

— Что значит нет?

— Это невозможно объяснить. Подумайте сами: Вишну не создавал Клоуна, сам он возникнуть не мог. Все, что нам удалось установить, это то, что он не человек и не инопланетянин. Никто не возьмет на себя смелость утверждать, кем или чем он является. Кажется невероятным, что подобное может существовать, и вместе с тем, пока существует тайна о Клоуне, существует и он сам. Это неизбежно.

Мистер Дьюхилл дошел даже до того, что рассказал Дерринджеру о слухах, утверждающих, будто Таинственные Клоу-

¹ The Scarlet Pimpernel (Алый первоцвет) — герой одноименного романа писательницы баронессы Орсей. Отважный аристократ, спасавший Французскую знать от гильотины во времена Французской революции. Смелый, партизан, авантюрист. Алый первоцвет был его символом. (К сведению.)

ны — тайные правители Вселенной. О них впервые услышали во времена Вишну, но есть основания полагать, что они были всегда. Просто раньше ситуация не заставляла их заявлять о себе. Они подобны новым субатомным частицам, которые новы лишь потому, что их только что открыли. Однако все прекрасно знают, что они существовали всегда. Выходит, акт их открытия не является актом их сотворения. Или является?

Дерринджер, разумеется, не в состоянии был ответить на этот вопрос и расстался со своим неожиданным собеседником, так ничего толком и не узнав.

Глава 58

Он снова оказался один и шел, разглядывая толпу на деревянных тротуарах: мужчин в соломенных шляпах, женщин в панамках, зазывал, одетых в клетчатые костюмы, охрипшими голосами расхваливающих незабываемые удовольствия и развлечения. На сцене салуна «Последний час» полуголые танцовщицы под вой кларнетов исполняли танец живота, и их воздетые руки мелькали в свете прожекторов. Кругом была ночь, не имеющая конца.

Дерринджер бродил около увеселительных заведений. То и дело его взгляд выхватывал из темноты странные фигуры и картины на мифологические сюжеты: Пан, скользящий между столбами и с готовностью прислуживающий высоким гостям, Силен с окровавленным густым красным вином ртом. Дерринджера поразили контрасты происходящего здесь — от самого высокого до самого низкого.

К этому времени он успел проголодаться. Сев за один из столиков на лужайке, он совсем забыл о предупреждениях мистера Дьюхилла и с жадностью стал набивать рот давно не виданными сосисками с булкой, запивая все лимонадом. От лимонада несколько саднило горло, и Дерринджер даже подумал, что в него добавлены какие-то лишние пряности. Но он тут же выбросил из головы подобные мысли и продолжал с аппетитом поглощать еду.

И тут воды Леты стали омыwać его слабеющий разум. Он подумал, что надо бы что-то предпринять, но забыл, что в таких случаях следует делать.

Дерринджер постарался мыслить и действовать логически. Прежде всего он оглядел себя с ног до головы и искренне удивился, что на нем снова его инспекторская униформа.

— Это значит, что я все еще Инспектор? — спросил он самого себя и оглянулся на искателей развлечений, сидевших повсюду. Неужели он направлен сюда, чтобы кого-нибудь арестовать? Кого же? Однако раз он не помнит, кого именно, будет неправильно, если он сделает это, ибо все вокруг казались ему правонарушителями.

Тогда зачем он здесь? Чтобы присоединиться к этой жадной до развлечений толпе? Неужели он пришел сюда, чтобы поразвлекаться? Что он за человек, черт побери? Он ничего о себе не помнит.

Разумнее было бы предположить, что он кого-то ищет. Иначе зачем сюда приходят люди? И он произнес вслух:

— Я пришел, чтобы кого-то найти, но не могу вспомнить кого.

— Хэй, беби. Может, ты ищешь меня? — услышал он женский голос слева от себя. — Меня зовут Фифи.

Дерринджер оглянулся. Фифи оказалась девушкой с лицом, похожим на сердце. Ее рот тоже был сердечком, а на каждой щеке красовались мушки-сердечки. С первого же взгляда он заметил, что она изящна, красива и опасна, а для него — запретный плод. Но он хотел ее.

Любовь с первого взгляда? Не самый лучший вид любви, однако знатоки считают, что это и есть настоящая любовь.

Итак, у Дерринджера начался роман с женщиной, о которой он ничего не знал, кроме того, что ее зовут Фифи.

Дерринджер, как мог, сопротивлялся сложившейся ситуации, однако сам был в восторге, хотя и понимал, сколь опасна она для него. Но ничего лучшего он придумать не мог.

Он угостил Фифи коктейлем. За первым последовали и другие.

Фифи, в свою очередь, познакомила Дерринджера со своей бабушкой.

Та сразу же поинтересовалась, не собирается ли этот молодой человек стать партнером в их семейном бизнесе.

Естественно, Дерринджер спросил, что это за бизнес.

— Отправлять дураков в их последний путь, — с довольным хохотком ответила старуха.

— Что ж, мне это подходит, — согласился Дерринджер.

Потом он познакомился с Домиником и Лестером, старшими братьями Фифи. Они тут же попытались продать Дерринджеру недвижимость в восстановленном Майами-Бич, и только полное отсутствие денег убергло его от этой оплошности.

В один прекрасный день сюда неожиданно залетела синяя птичка и, что-то прошебетав, уронила Дерринджера на колени письмо.

Оно было от Элеи.

«Сейчас у меня тяжелые времена. Об этом нет смысла писать. Причина, почему я пишу эту записку, в том, что из источника, который не могу назвать, узнала, что вы очень изменились. Мне сообщили, что вы связались с дешевой потаскухой Фифи и заключаете недостойные сделки с ее бабкой и братьями. Дерринджер, это не похоже на вас. Вы, должно быть, забыли, кто вы. Как друг, я подумала, что обязана напомнить вам об этом. Вы Инспектор и Спартанец, преданно служащий Вишну. Он попросил вас об услуге: найти некий Аппарат (написав так, я не выдала тайны, ибо это всем уже известно). Вы же, должно быть, с головой погрузились в омут смертоносных наслаждений, именуемый Цирком Снов. Эти сны опасны, они ядовиты для вас. Друг мой, я умоляю вас, возьмите себя в руки, отвергните позорно обуявшие вас низменные чувства и помыслы. Они недостойны вас, молодого человека, наделенного исключительным характером и высоким пониманием чувства цели. Я надеюсь, что не перешла границы наших дружеских отношений. Остаюсь преданная вам Элея».

Прочитав письмо, Дерринджер вдруг вспомнил, чего лишили его отравленные наркотиками пища и питье, и пришел в ужас. Он был уже сыт по горло обществом Фифи, чья алчность и мечты о дорогих и красивых вещах стали утомлять его. Поэтому Дерринджер, не медля, указал Фифи ее место, не постеснялся громко высказать свое мнение о ее бабке и дал пару хороших тумаков братцам, как только они попробовали открыть рот.

Он ушел в ту же ночь и сразу же возобновил свои поиски. Мысль о том, где Элея и что с ней, теперь не покидала его. Ибо в ее записке чувствовалась печаль...

Глава 59

Начало работы Элеи в Зоне Развлечений ознаменовалось встречей с назойливым претендентом на ее внимание. Звали его Чарли, и он не понравился ей с первого же взгляда. Чарли, кажется, считал ее своей собственностью.

Однако с Чарли она легко справилась. Гораздо труднее было ладить с собственной матерью.

Как только мать каким-то образом узнала, что Элея после стольких лет, потраченных на служение Богине Диане, наконец-то нашла себе хорошую работу в Зоне Развлечений, она тут же приехала к ней.

Зоя, мать Элеи, всегда мечтала жить в Зоне Развлечений, подальше от куч шлама на Великих Равнинах. Теперь, когда ее муж Растяпа Этельред умер, сбитый на проселочной дороге, Зоя уложила все свои шторы, покрывала и еще что-то из старья и тут же отправилась в Зону Развлечений. Поскольку у нее не было ни гроша, она, разумеется, поселилась в однокомнатной квартире своей дочери.

Зоя, крупная и шумная особа, была полной противоположностью стройной и молчаливой Элее. Пользы от ее появления в жизни дочери не было никакой, если не считать того, что она привезла с собой маленькую синюю птичку-сплетницу. (Эта птичка стоила немало. Бог знает как она досталась Зое.)

Птичка, как и положено, была непоседой, летала то там то сям и приносила на хвосте немало слухов и сплетен.

Именно синяя птица в поисках лакомых кусочков в виде сплетен о знакомых, а то и незнакомых принесла Элее весть о грехопадении Дерринджера. Какой позор!

Птичке также удалось, окинув взглядом Фифи, доставить Элее ее изображение, отпечатавшееся на сетчатке. Одного вида этой девицы было достаточно, чтобы у Элеи возникло к ней отвращение. Именно это побудило девушку написать Дерринджеру несколько резких и нелестных слов в надежде, что они заставят его образумиться. Письмо она переслала с синей птицей, которая могла стать для них неплохим посредником.

Между тем Элея переживала трудное время раздумий. Она разрывалась между своим служением Богине и тревогой за Дерринджера. В последнее время она стала испытывать к Инспектору нечто такое, чего и сама не могла бы себе объяснить. Кроме того, она думала о себе, о своей матери и Эбене, лицо которого часто всплывало в памяти, хотя видела она его всего лишь однажды. И тем не менее какой-то лучик не раз проникал в дальние уголки ее памяти, высвечивая воспоминания о непокорной пряди темных волос, развязности манер и обаянии грубой мужественности.

Ее отношения с Чарли становились все хуже. Элея измени-

лась, как бы потемнела лицом и душой. Наконец сам Чарли стал жаловаться на то, что она мрачна и неприветлива.

Элея, взглянув в зеркало, убедилась, что все это сушая правда. Более того, она с беспокойством обнаружила, что становится такой, какой хотел бы ее видеть Чарли, — любовницей гангстера! Мечта Чарли сбывалась. Всем, в сущности, было наплевать на нее.

Поэтому Элея написала Дерринджеру, и это письмо пробудило его от тупого лишенного сновидений сна. Сама она, не мешкая, уговорила нескольких своих обожателей прихватить Чарли в путешествие в преисподнюю, а также не забыть его бабушку, двух старших братьев и свою мать Зою.

Сделав все это, Элея заметила, как посветлели ее волосы, кожа, да и в мозгах стало чище. Она была беспощадна и умна. Пора искать свою судьбу, хотя бы подавая напитки перевозчикам дальних грузов и завсегдатаям кафе на Арене в Зоне Развлечений.

Дерринджер бесцельно брел по улицам Цирка Снов. Завернув за очередной угол, он вдруг увидел Таинственного Клоуна. Тот стоял перед ним. Это был не кто иной, как сам Клоун с белым гримом на лице, с красным, круглым, как картошка, носом, в красном в белый горох комбинезоне с широкими раздувными штанинами, собранными у щиколоток, и в огромных башмаках. Крохотная шляпка с заостренным верхом нелепо торчала на его голове. Он яростно курил, меняя сигарету за сигаретой, прикуривая новую от старой, еще недокуренной. Он был великолепен, настоящий Клоун с нарисованной улыбкой, пускающий клубы табачного дыма.

Глава 60

— Наконец-то! — не сдержавшись, выкрикнул Дерринджер.

Услышав его, Клоун пришел в смятение и принялся рыться в своем большом цветастом саквояже. Открыв его пошире, он начал выбрасывать на землю всякие предметы, внимательно разглядывая каждый и отрицательно качая головой: нет, не то, не то! не то! Наконец он достал клаксон с резиновой грушей. Обведенные гримом глаза Клоуна вспыхнули, разноцветные блески на его костюме заискрились. Он нашел то, что искал! Клоун надавил на грушу, но вместо звука клаксона послышался

нормальный, хорошо поставленный человеческий голос с легким оксфордским акцентом или подражанием ему.

— Вы находитесь в запретной зоне Таинственных Клоунов, мы здесь отдыхаем, когда не заняты своей работой.

— Возможно, вы скажете мне, как здесь очутился я? — спросил растерянный Дерринджер.

— Нет ничего проще, старина, — ответил Клоун. — Вас доставили сюда прекрасная цыганка и ее крайне неприятный дружок.

— Теперь я все вспомнил, — сказал Дерринджер. — Мне кажется, вы ответите на мой вопрос.

— Возможно, — согласился Клоун, — но прежде в качестве штрафа вас ждет испытание.

— Какое?

— Испытание машиной искусственных волн.

— Надеюсь, я выдержу его, — покорно вздохнув, сказал Дерринджер.

— В таком случае пойдемте со мной.

Вдалеке неожиданно появился склон Большой Вершины, а у его подножия — сверкающее золотом кукурузное поле, простирающееся до самого горизонта. Дерринджер шел за Клоуном мимо трибун для зрителей по дощатому помосту, а затем вдоль него, мимо большого механического клавишного инструмента типа каллиопы, мимо биологических туалетов и, наконец, мимо аттракциона «Кривые зеркала». Клоун выглядел в них очень странным, что же касается Дерринджера, то с ним произошла совсем непонятная история: ни в одном из зеркал он не увидел своего отражения.

Он хотел было разобраться в этом, но Клоун поторопливал его и вел дальше.

— Мы займемся зеркалами потом. Нас ждет машина.

Дерринджер увидел, что деревянный помост привел их к бассейну ярдов пятидесяти в ширину, а длину его невозможно было оценить, так как дальний конец терялся в густой пелене пара. Вместе с Клоуном Дерринджер дошел до облицованного кафелем края бассейна и, нагнувшись, попробовал рукой воду. Она была прохладной, но не холодной.

— А теперь что? — спросил Дерринджер у Клоуна.

Тот снова открыл свой саквояж и вытащил из него квадратный кусок брезента. Быстро развернув его, Клоун ловко смастерил небольшую лодку и спустил ее на воду.

— Садитесь, — предложил он Дерринджеру.

Тот послушно вошел в лодку, стараясь не перевернуть ее. Усевшись, он спросил:

— Где же волны?

— Сейчас будут, — пообещал Клоун. Он снова пошарил в сумке, вынул ножницы, каминные часы из позолоченной бронзы, пальто из твида и наконец распределительный щиток. Насколько Дерринджер мог судить, он не был подключен к источнику энергии.

— Готовы? — спросил Клоун.

— Конечно, — ответил Дерринджер.

Клоун нажал какие-то кнопки и включил на щитке рубильник. Дерринджер почувствовал, как под днищем брезентовой лодки забурлила вода. Суденышко стало покачивать.

— Приятно, — промолвил он.

— Отлично. А теперь попробуем вот это. — Клоун повернул ручку реостата. Откуда ни возьмись на лодку со всех сторон стали накатываться волны. Дерринджер едва успел ухватиться за края, как лодка вырвалась вперед наперерез огромной волне.

— Как долго это будет продолжаться? — едва успел выкрикнуть Дерринджер.

— Слишком долго, — ответил Клоун и расхохотался как безумный.

Глава 61

Дерринджера понесло по воде, то вскидывая вверх, то бросая вниз, грохочущие волны безжалостно трепали маленькое суденышко. Дерринджер промок до нитки. Хотя температура в бассейне была терпимой, но воды оказалось слишком много, и непрочной лодке ничего не стоило наполниться до краев и пойти на дно. Дерринджер удивлялся обилию жидкости в таком небольшом объеме. Когда лодка оказалась на гребне особенно высокой волны, он встал, чтобы увидеть хотя бы края бассейна и крикнуть Клоуну, что с него хватит и надо выключить чертов рубильник, но кругом вздымались лишь сердитые серые волны да одинокий баклан кружил над лодкой.

Птица опустилась ниже, она была прямо над ним, и Дерринджер разглядел странные красные и белые полосы ее оперения, а к голове баклана словно прилепилась маленькая круглая шляпка. «Должно быть, Клоун превратился в баклана с помощью кривых зеркал или же виртуального Аппарата», — подумал Дерринджер.

— Эй! — крикнул он птице. — Забери меня отсюда.

Птица что-то держала в клюве. Когда баклан пролетел совсем близко, Дерринджер разглядел небольшой поднос с десертом: миндальные пирожные, банановые хлебцы, воздушный торт, рождественский пудинг, ромовый кекс и фруктовый торт. Но у Дерринджера пропал аппетит, к тому же отчаянная качка плохо отражалась на состоянии его желудка.

— Нет, спасибо, — крикнул он изо всех сил, чтобы перекрыть вой ветра.

— Попробуйте ромовый кекс, — настаивал баклан. — Он очень вкусный.

— Спасибо, не могу.

— Хотя бы откусите, он вам поможет.

В конце концов Дерринджеру пришлось отведать ромового кекса. После первого же куска тошнота и головокружение прошли. Все, что окружало его, тоже изменилось.

Глава 62

Теперь Дерринджер оказался в совершенно незнакомом ему месте. Широкие улицы, высокие дома. В центре квартала — огромное квадратное темное здание без окон. Над дверью надпись, выложенная белым кирпичом: Электростанция.

Через улицу Дерринджер увидел быстро, стойка которого выходила прямо на тротуар. Человек в белом колпаке жарил гамбургеры.

Подойдя к нему, Дерринджер, как всегда, первым делом спросил:

— Где я?

— Это Силовое Поле.

— Отсюда далеко до Зоны Развлечений?

— Пожалуй, да.

Именно этого он и боялся. Сев у стойки, Дерринджер заказал гамбургер.

— Здесь всегда так пусто? — спросил он.

— Клиенты еще не подошли, но скоро будут. Эта станция открыта совсем недавно.

— Но должны же здесь быть люди?

— Конечно. Сейчас тут всего лишь небольшая команда для обслуживания станции.

— Где же они?

— Несут дежурство.

- Когда кончится их смена? Они едят в вашем кафе?
- Здесь, у меня, или в кафетерии. Выбор есть. И большинство делает его правильно.
- Где находится эта зона? — спросил Дерринджер.
- По сравнению с чем?
- С остальной территорией Земли.
- Почему вы меня спрашиваете? Я не космограф, чтобы знать это.
- Мы находимся в нормальном космосе?
- Что до меня, то в самом нормальном.
- Дерринджер со вздохом отказался от столь важных для него вопросов.
- Мне нужно вернуться в Цирк Снов.
- Скатертью дорога, — сердито ответил бармен. — Желаю удачи.
- Не скажете, как туда добраться?
- Понятия не имею.
- Как вы сами оказались здесь?
- Испытывал машину искусственных волн. Вот и вынесло сюда.
- То же произошло и со мной.
- Мир тесен, — философски заметил человек за стойкой.
- Как вы собираетесь вернуться? — не успокаивался Дерринджер.
- Я не собираюсь возвращаться обратно. У меня тут хоть и небольшое, но свое дельце. — Бармен показал рукой на гамбургеры. — Все это оборудование прибило волнами к берегу вскоре после того, как я попал сюда. Никто на него не претендовал, тогда я собрал все, наладил, и теперь дела мои идут неплохо.
- Откуда вы получаете продукты?
- Бармен хитро улыбнулся.
- Я же не выведываю у вас ваши секреты. Не лезьте и вы в мои.
- Есть здесь кто-нибудь, с кем я мог бы поговорить?
- Лучше узнать об этом на станции.

Глава 63

Дерринджер расплатился за съеденный гамбургер теми монетами, что нашел еще в карманах, и снова пересек улицу. Поднявшись по черным мраморным ступеням, он толкнул массивную стеклянную дверь и вошел в обширный абсолютно пустой вестибюль с куполообразным потолком. За конторкой никого не

было. Дерринджер подождал еще несколько минут, однако никто так и не появлялся. Он огляделся и наконец заметил дверь. Потрогав ручку и убедившись, что она заперта, Дерринджер внимательно осмотрел конторку и обнаружил на ней кнопку. Нажав ее, он услышал щелчок открывающегося замка и тогда, подойдя к двери, снова попробовал повернуть ручку. На сей раз дверь открылась и пропустила Дерринджера в коридор.

Освещенный мягким светом настенных бра, он казался бесконечным. Дерринджер пошел вперед, пробуя ручки дверей по обеим его сторонам. Все двери были заперты. Наконец он достиг конца коридора и увидел множество дверей, свободно болтающихся на петлях. Они открывались от одного прикосновения. Проходя, Дерринджер вдруг услышал, как за ним зашелкиваются замки. Обернувшись и попробовав дверь, через которую только что прошел, он убедился, что она заперта.

Последняя из дверей привела его в огромный машинный зал. Машин было такое множество, что пустым оставался лишь узкий проход между ними. Гудение работающих механизмов напоминало довольное ворчание только что насытившегося львиного семейства. Но как только за Дерринджером захлопнулась последняя дверь, мерный гул стал перебиваться скрежетом, треском и странным пощелкиванием. Такие звуки означали, что в механизмах что-то разладилось и следует ждать сначала дымка, потом запаха горящего металла, а там уже недалеко и до взрыва.

Дерринджер в панике оглянулся, как человек, попавший в беду и ждущий откуда-нибудь помощи. Он вдруг ощутил какую-то свою причастность к случившемуся, хотя ни до чего не успел дотронуться. Машины агонизировали, они словно стонали от невыносимой боли. Дерринджер попытался что-то отыскать, нажать, выключить, но все, видимо, управлялось автоматически и дистанционно. Ему хотелось кричать, молить о помощи, хотя он понимал, насколько это бесполезно.

Но тут дверь внезапно распахнулась и в машинный зал вбежал встревоженный человек. Он был невысок ростом, коренаст, с коротко стриженными темными волосами. На нем был комбинезон из блестящей, словно металлической, ткани, на плечах и груди — красные нашивки.

Глава 64

- Что вы сделали? — закричал человек на Дерринджера.
- Ничего, — ответил перепуганный Дерринджер. — Я только вошел.

- Кто разрешил вам войти в зал?
- Никто. Я просто искал кого-нибудь, чтобы спросить.
- Разве дверь не была заперта?
- Да, конечно, но я нашел кнопку...
- И вы посмели безо всякого разрешения нажать на нее?

Более того, сделали это без страха и даже капли благоразумия? Теперь все ясно. Давайте искать, что еще можно исправить.

Дерринджер послушно следовал за человеком в комбинезоне, который то и дело что-то щупал, куда-то заглядывал и тыкал, недовольно качая головой, и все время что-то бормотал себе под нос. Машины к этому времени уже издавали грохот, напоминающий тарактенье множества пустых жестянок, уносимых ураганом. Этот звук показался Дерринджеру беспорядочной и ненужной стрельбой перед неизбежной капитуляцией. Он беспомощно стоял и смотрел, как крепкий человек делал свое дело, что-то щупал, в чем-то ковырялся, не переставая бормотать себе под нос.

— Похоже, ослабло крепление подшипника задней траверсы, — заключил он, снова вглядываясь в зубчатые колеса, системе передач и насосные агрегаты.

Наконец он покачал головой.

— Нет, тут что-то посерьезней будет... Дифференциальная обмотка обтрепалась... Но коробка передач, линия поводковых патронов пока в порядке. Теперь... если нам удастся кое-что сделать с балансиром...

За это время в машинном зале стало несколько потише.

— Скорее, — обрадованно воскликнул мужчина в комбинезоне, — дайте мне вашу руку, теперь суньте ее сюда... Вы нащупали искривленный рычажок? Захватите его двумя пальцами, большим и указательным, и чуть сдвиньте от себя, а потом направо... теперь отпустите, он сам должен сесть на место... Вот так...

Грохот саморазрушения смолк.

Дерринджер попытался было вынуть руку, тем более что она уже затекла от напряжения и неестественного положения в чреве машины.

Но только он сделал это, как шум возобновился.

— Не отпускайте рычаг!.. — закричал мужчина в униформе. — Держите его крепче... Снова от себя, как вы уже делали. Он опять должен сам сесть в гнездо. Повторим еще раз. Вот так.

Шум прекратился, и снова послышалось удовлетворенное гудение машин.

— Лучше, еще лучше. Ради всех святых, не останавливайтесь. Делайте то, что уже делали. От себя, чуть направо, а теперь дайте ему самому опуститься. Не прекращайте. Небольшая ошибка, и все здесь вывернется наизнанку. Представляете, что с нами будет? — Крепыш в комбинезоне полез в карман за огромным носовым платком и вытер мокрое от испарины лицо. — Кстати, не мешало бы познакомиться. Я Горлок, помощник помощника начальника станции, а если коротко — помпом.

— Я Дерринджер, Инспектор...

— Инспектирование — это ответственная и нужная работа, — рассудительно заметил Горлок. — Но, я полагаю, не здесь.

— Я здесь совсем не по служебным обязанностям, — поспешил пояснить Дерринджер. Он чувствовал, что уже без особых усилий может делать необходимые движения рукой, хотя она и оставалась по-прежнему неудобно согнутой, а тело его было искривлено на один бок.

— Зачем вы здесь? — спросил Горлок.

— Меня выбросило волной, когда машина искусственных волн разбилась.

— Неужели, помимо инспектирования, вы еще испытываете эти машины? Или это ваше хобби?

— Ни то, ни другое. Я испытывал эту машину, потому что меня попросил Таинственный Клоун. Это долгая история. Сколько мне еще вот так стоять?

— Пока мы не заменим деталь, — ответил Горлок. — Я сейчас подам заявку. Они, черт их знает сколько лет, не присылают нам запасных частей.

— Нельзя ли сделать какой-то временный ремонт, чтобы мне не стоять вот так?

Горлок покачал головой.

— Боюсь, вы и есть тот временный ремонт.

— Я думаю, что не так уж трудно чем-то заменить меня?

— О, святая неграмотность! — с насмешливым превосходством воскликнул Горлок. — Сделать деталь такого рода, да еще для такой сложной машины, дело непростое даже для первоклассного специалиста, которого у меня, к сожалению, нет, да и у вас тоже.

— Что ж, давайте поищем.

— Такого специалиста нет в нашем субсекторе, хотя бы потому, что в этой машине не разрешается использовать вновь изготовленные детали даже временно.

— А что вы делаете, если случается поломка?

— Ничто здесь не должно ломаться, и ничто не ломается, если, конечно, личности, не имеющие никакого отношения к этой машине, не суют свой нос не в свое дело.

Дерринджер сдержался, чтобы не нагрубить. Он только снова спросил:

— Сколько придется ждать, пока заменят деталь?

— Я тут же направляюсь на ее поиски. Если нам повезет, это займет чуть меньше недели.

— И я все это время буду торчать здесь в такой позе?

— Боюсь, иного выхода у нас нет. Кругом нет никого, кто мог бы заменить вас. Мы среднее звено обслуживания станции в этом секторе, и у нас очень ответственная и срочная работа. К тому же нам тоже нужен отдых. Но вам не надо все время стоять. Я сейчас принесу стул, а также гамбургеры на обед, разумеется, за счет фирмы. Разве этого мало, как вы считаете? Вам гамбургеры с кетчупом? А кофе с сахаром и сливками?

— И то и другое, — ответил впавший в отчаяние Дерринджер. — Послушайте, я не виноват. Я постою, сколько смогу, а если устану, то брошу.

— Я бы на вашем месте не делал этого, — предупредил Горлок. — Если вы оставите машину более чем на пять минут, то все здесь взлетит на воздух. А вы погибнете. Обещаю, что скоро вернусь.

— Не забудьте принести стул. — Это было все, что мог сказать Дерринджер.

Глава 65

Задание, которое возложил на него Горлок, оказалось не столь уж сложным: перевести рычажок вперед, затем направо и дать ему самому встать на место. После характерного щелчка следовало подождать минуты две, пока в машине не завершится какой-то цикл. Его окончание сопровождалось легким шипением, похожим на выдох, а затем рычаг снова выскакивал из гнезда, и операцию, порученную теперь Дерринджеру, необходимо было повторить. Это действие не требовало особого умения или даже внимания, но должно было производиться обязательно, иначе машина начинала греметь, трястись и готовиться к взрыву, после которого остатки Дерринджера пришлось бы кому-нибудь соскребать со стен.

Поэтому он аккуратно выполнял поручение, простое, но очень важное, где речь шла о жизни и смерти, поручение, кото-

рое мог бы выполнить любой, если бы он здесь оказался. В этом зале без окон, под ослепительным светом флюоресцентных ламп Дерринджер потерял счет времени. Его левая рука постоянно была поднята и наготове, как у врача, ассистирующего при каких-то чудовищных родах.

Спустя некоторое время вернулся Горлок со стулом, пончиками, кофе и гамбургерами.

— Я сделал заявку на новую деталь, — сообщил он. — Теперь нам остается ждать разрешения. Вы, кажется, просили горчицу к гамбургеру?

— Кетчуп, но это неважно, — покорно ответил Дерринджер.

Прошло несколько дней, затем еще столько же. Хотя методичная установка рычажка на место не составляла особого труда, рука Дерринджера, то и дело застывавшая в одном положении, стала беспокоить его, появились боли в спине. Он попробовал не без успеха заменить левую руку правой, однако это было нелегко, ибо поза, в которой изгибалось его тело, стала еще более неудобной. Но теперь он все же мог давать отдых левой руке.

Глава 66

Время ползло, как черепаха. Ничего не происходило, разве что из коридора осторожно заглянула в гости крыса, постояла, внимательно разглядывая Дерринджера, затем тихонько приблизилась и стала подбирать крошки от гамбургера, валявшиеся на полу.

Горлок появился не скоро. На этот раз он принес стул и для себя тоже. С грохотом поставив его, он уселся, не скрывая своего раздражения. Губы его были крепко сжаты, между сдвинутых бровей пролегла сердитая морщина.

— Вот уж этого я не ожидал! — в сердцах сказал он.

— Что случилось? — испуганно спросил Дерринджер.

— Моя заявка отклонена. Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное?

— Но почему?

Горлок кисло улыбнулся.

— Вы вправе спросить меня об этом.

— Тогда ответьте наконец.

— Похоже, начальник сектора Григориус де Смоленко неделю тому назад конфисковал единственный экземпляр этой запчасти.

— Где-то случилась поломка?

— Ни черта подобного! — воскликнул Горлок. — Никто из посторонних не заявлял нам этого. Не понимаю, что могло произойти.

— Да что он сделал с этой запчастью? Почему мы не можем ее получить? Вы спросили об этом вашего начальника?

— Я? Спрашивал ли я его? Чтобы потом он мог обвинить меня в том, что я вмешиваюсь в его личные дела? Нет, я не спросил мистера, черт бы его побрал, де Смоленко. Но я провел свое личное маленькое расследование, так сказать, негласно, если вы меня понимаете. Я могу быть всего лишь помощником помощника начальника, у меня не так много власти, но у меня свои методы, и я не простачок.

— И что же вы обнаружили?

— Кажется, де Смоленко взял со склада запчасть, которая нам позарез нужна, вместе с другим оборудованием, подделав документы так, будто эта деталь уже была использована по назначению.

— Зачем же он это сделал?

— Чтобы купить себе хороший кусок контрабандного товара для последующей перепродажи, вот зачем.

Дерринджер с удивлением смотрел на помпома начальника станции.

— Контрабанды? Это что-то новое у вас?

— Нет, это происходит уже несколько лет, — ответил Горлок. — Высокие чиновники таким образом набивают себе карманы. Многие очень недовольны тарифной политикой Вишну.

— Я не знал этого.

— Но это совсем не дает де Смоленко права продавать оборудование контрабандистам, которые перепродают его за пределами Зоны Развлечений.

— А почему нельзя купить эту деталь в другом месте?

— Я навел справки в Главной бухгалтерии, и мне сказали, что мы этого не можем сделать. Какая-то неувязка по вопросам износа деталей. У нас, мол, какие-то повышенные требования.

— Что же делать? — спросил обеспокоенный Дерринджер.

— Будь я проклят, я не знаю.

— Да, дело дрянь, — согласился Дерринджер. — Мне придется все же рассказать начальнику об этом де Смоленко, когда я выберусь отсюда.

— Я тоже так думаю, — согласился Горлок и ушел.

Глава 67

Дерринджер продолжал нести свою нелегкую вахту. Он снова потерял счет времени. Когда же однажды он поднял голову и оглянулся, то увидел высокого тощего человека с рыжеватыми бакенбардами и выпуклым лбом интеллектуала, который стоял перед ним.

— Вы давно здесь? — спросил Дерринджер.

— Нет, я здесь недавно. Вы были настолько сосредоточены, что мне не хотелось вам мешать.

— Я ничем таким важным не занимаюсь, — разуверил его Дерринджер.

— Наоборот. Вы работаете с этой машиной и делаете все, чтобы не было взрыва, который, если случится, будет крайне неприятен для нас всех.

— Прежде всего для одного человека, — возразил Дерринджер, — для некоего де Смоленко, чьи действия довели нас до такого состояния.

— Да, я так и полагал, что вы мне это скажете. Я приехал, чтобы все вам объяснить. Я и есть де Смоленко.

— Начальник этого сектора?

— К вашим услугам.

— Вы тот самый де Смоленко, который продает оборудование станции, чтобы покупать контрабандные товары? Это привело к тому, что теперь нет запасных частей и нельзя заменить деталь, которую якобы сломал я?

— Да, я тот самый де Смоленко и пришел, чтобы извиниться перед вами и все объяснить.

— Ваши извинения не изменят моего намерения подать официальную жалобу.

— И не должны. Но у меня совесть по крайней мере будет чиста.

— Очень забавно, — сказал Дерринджер с мрачным сарказмом. — Ладно, рассказывайте, зачем вам нужна контрабанда? Вам нужны новые игрушки? Представляю.

— Едва ли, — ответил де Смоленко подчеркнуто искренне. — Я сделал это потому, что мне нужны были деньги, но совсем не на то, о чем вы думаете.

— Тогда на что же?

— Прежде чем ответить, я должен вернуться назад. Вы не возражаете, если я сяду?

— Садитесь, — согласился Дерринджер.

Де Смоленко раскрыл складной стул, который прихватил с собой, и сел рядом с Дерринджером.

— Два года назад возникла некая ситуация...

Де Смоленко принялся рассказывать о первом межгалактическом соревновании космических кораблей, состоявшемся два года назад. Дерринджер смутно помнил об этом событии, а поскольку его мало интересовал спорт, он тогда вообще не придавал ему никакого значения.

— Соревновались пять кораблей. Четыре из них использовали ионную тягу. Пятый был экспериментальной моделью с системой отражения кварков, создающей скорость, какая доселе была еще неизвестна.

Корабли должны были покрыть расстояние до пяти заранее намеченных пунктов в Галактике. Четыре пункта являлись просто условными точками на карте космоса. Пятым пунктом служило Силовое Поле, конечная цель полета, финиш, откуда корабли возвращались к месту старта.

— Итак, ваше Силовое Поле — один из пунктов этого соревнования, — заметил Дерринджер. — Вам повезло, ибо отсюда все было отлично видно.

— Да, нам повезло не только в этом, но и кое в чем другом, — невольно ответил де Смоленко. — Станция была буквально окутана облаком плазмы, состоящим из отторгнутых кварков. Тогда никто еще не знал, какое воздействие на кожу человека окажут свободные кварки.

— Обожгли ее, как солнечные лучи? — наугад предположил Дерринджер.

— Ваш недобрый юмор близок к истине, — ответил де Смоленко. — Но все оказалось куда хуже, чем просто солнечный ожог. Результатом было поражение кожи, называемое ликвофилией, при котором поверхность тела покрывается множеством багово-красных волдырей, тут же лопающихся и превращающих кожу в кровавое месиво. Когда такое происходит, — внутренние органы человека, как ни парадоксально, остаются нетронутыми, — смерть не заставляет себя долго ждать.

— Простите меня за мою неудачную шутку, — извинился Дерринджер. — Я не думал, что ликвофилия так опасна. Что вы сделали?

— Сразу же обратился в правительство за препаратом Контравассер-Ай-Джи, новым необыкновенным средством против ликвофилии.

— Значит, все утряслось?

Де Смоленко горестно покачал головой.

— Совсем наоборот. Правительство решило, что нет никаких доказательств, что между кварками и ликвофилией есть связь. А если нам нужны какие-то лекарства, мы должны покупать их на левые деньги.

— Это нечестно! — возмутился Дерринджер. — Вы сообщили Вишну?

— Это был его собственный указ. Но я не виню одного нашего правителя. Его Министерство медицины только и знает, что экономит деньги, чтобы Вишну вложил их в строительство своих замков. Вот в каком положении мы оказались, и нам самим пришлось покупать Контравассер-Ай-Джи. Мы постарались справиться собственными силами. Но препарат дьявольски дорог, ибо включает в себя платину. Вопрос уперся в деньги.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Дерринджер.

— Я снял деньги со своего личного счета и купил лекарство. Оно помогло, никто из персонала не погиб, хотя кое-кто из наших подопытных обезьянок получил свою дозу лекарства слишком поздно. Мы были в безопасности, однако надолго ли? Сейчас нам требуется новая порция Контравассера для второй и окончательной прививки. Нам нужно огромное количество этого препарата. Я уже подорвал доверие к себе в банке, ибо не вернул первый долг. Здесь больше ни у кого не нашлось таких денег. Поэтому я решился на отчаянный шаг. Он и привел к той ситуации, в которой мы сейчас оказались. Я стал продавать станцию по частям, изымал запасные части и менял их на контрабанду. Вот поэтому у нас нет нужных деталей для поломавшейся машины, а поскольку в этот момент вы оказались рядом, вину ввалили на вас.

— Какая-то идиотская история, — рассердился Дерринджер.

— Да, я знаю, — виновато сказал де Смоленко.

— Помощник помощника начальника станции Горлок считает, что вам нужна контрабанда для личного обогащения.

— Он может считать все, что ему угодно, — со сдержанным достоинством ответил де Смоленко.

— Итак, ни у кого нет денег, чтобы купить нужное лекарство?

Де Смоленко сокрушенно кивнул головой.

— Нет, у всех пустые карманы.

— Что же мне делать? Оставаться с этим рычагом до самой смерти?

— Выход есть, — сказал де Смоленко, — хотя я даже боюсь о нем говорить.

— Говорите, не бойтесь.

— Может, у вас найдутся деньги на покупку этой детали?

— Почему я должен за нее платить? — возмутился Дерринджер.

— Но, в конце концов, вы виноваты в поломке.

— Я не ломал ее.

— Но она сломалась в вашем присутствии, когда вы находились поблизости. Кроме вас, здесь никого не было. Значит, отвечаете за это вы.

— Десять тысяч — это немалые деньги, — волновался Дерринджер, но тут же вспомнил, что Вишну обещал ему награду, если он найдет Аппарат. Если он будет считать, что вложил эти деньги...

— В любом случае, — продолжал де Смоленко, словно читал его мысли, — мы все вам вернем.

— Каким образом?

— Когда казначейство проверит свои документы, оно найдет заявку на запчасть, сделанную неким заказчиком, и вернет ему деньги.

— Гм, — хмыкнул Дерринджер, сознавая, что все это как-то неопределенно и мало вероятно. Но это дает ему хотя бы шанс наконец продолжить поиски Аппарата и получить обещанное вознаграждение.

— Мне понадобится послать телеграмму в Кредит-банк нашей Инспекции, — наконец сказал Дерринджер.

— Пишите текст прямо сейчас же, — поторопил де Смоленко, протягивая ему блокнот и карандаш. — Пишите прямо на моем плече.

Дерринджер так и сделал и, написав, поставил свою подпись. Де Смоленко поспешил на телеграф. Дерринджер переменял уставшую руку и продолжал делать это каждые две минуты. Он съел свои гамбургеры с горчицей, запивая их кофе без сливок и сахара, о которых Горлок так и не вспомнил. «Все не так уж плохо», — подумал он о телеграмме.

Глава 68

Время тянулось медленно и как-то осторожно.

После неизбежной череды гамбургеров забывшийся в короткой дреме Дерринджер неожиданно увидел перед собой женщи-

ну. Она смотрела на него, сдвинув брови, и на ее широком лице можно было прочесть, что глупостей она не потерпит.

— Эй, вы! — сказала она. — Просыпайтесь! Вы Дерринджер, не так ли?

— Да, я Дерринджер, — согласился он.

— Это ваша подпись? — Она помахала листом бумаги перед его носом.

Дерринджер узнал свое заявление в Кредит-банк.

— Да, моя. Деньги уже пришли?

Хмурое выражение сменилось презрением.

— Я Эмили, почтовый клерк. Ваша телеграмма не отправлена. У вас нет разрешения посылать телеграммы из этой Зоны.

— Я не знал, что нужно разрешение.

— Вчера издано такое распоряжение.

— Мне никто об этом не сказал.

— Жаль, — заметила женщина.

— Вы не можете сделать для меня исключение в данном случае? — попросил ее Дерринджер.

— С какой стати?

— Чтобы сделать добро.

— Добром денег не наживешь.

— В таком случае... Эти деньги нужны, чтобы я мог купить сломавшуюся деталь для этой машины.

— Нам не нужны никакие детали. У нас есть вы.

— Но я вскоре выйду из строя.

— Когда это произойдет, мы сами примем меры.

— Эти деньги могли бы помочь де Смоленко купить то лекарство, которое спасло вас всех.

— Наши законы не позволяют этого.

— Могу я послать письмо моему другу, командиру космического корабля в Зону Развлечений?

— Нет. Те же законы этого не разрешают.

— Тогда к кому я могу обратиться?

— Только к Вишну. Все послания правителю пропускаются беспрепятственно.

— Хорошо. Я напишу ему.

Женщина подала Дерринджеру ручку и лист бумаги.

«Я приветствую вас, Вишну, — писал Дерринджер. — Очень сожалею, что вынужден беспокоить вас, но я оказался в такой ситуации, когда мне необходимы деньги. Поскольку я выполняю ваше поручение, я был бы вам весьма признателен за любую помощь».

Передавая женщине послание к Вишну, Дерринджер вежливо попросил ее:

— Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы это письмо отправили сейчас же.

— Считайте, что оно уже отправлено, — ответила женщина и удалилась.

Глава 69

Поскольку освещение в машинном зале оставалось постоянным, Дерринджер не имел представления, как долго он манипулирует с этим злополучным рычажком. После трех порций гамбургеров он чувствовал сонливость и попросил перерыва на отдых, однако Горлок отказался подменить его, сославшись на другую, более неотложную работу. Дерринджер подозревал, что Горлок опасался, как бы он ни попытался сбежать, если его освободят хотя бы на несколько минут.

Время тянулось в унылом отупляющем однообразии. Дерринджер уже привык к подбиравшей объедки крысе и даже ждал ее появления. Горлок продолжал время от времени навещать его. Иногда они играли в карты на раскладном столике, который прихватывал с собой Горлок. Эмили сообщила ему, что послание Вишну отправлено, однако ответа пока нет. Дерринджер пожаловался, что его клонит ко сну, но Горлок, ограничившись сочувствием, помочь в данный момент отказался. Он был уверен, что Дерринджер справится сам, и принес ему еще две порции гамбургеров, чтобы подтвердить свою веру в выносливость Дерринджера. На сей раз он наконец вспомнил о кетчупе. У крысы был на этот раз настоящий пир, ибо Дерринджеру порядком осточертели гамбургеры.

Дерринджер, проявив недюжинное упорство, наконец научился спать урывками и чутко, как кошка, улавливая даже во сне шум проклятой машины и писк крысы, предупреждающие о том, что пора проснуться и не дать машине взорваться. В конце концов он настолько преуспел в этом, что мог без опаски в полусне переводить рычаг в нужное положение. Даже сны начали помогать ему, потому что в них тоже появились примитивные повторения того, что он должен был делать, и, таким образом, мгновения сна стали похожи на мгновения бодрствования, и он уже не чувствовал разницы между сном и явью. Часто, проснувшись, он видел на своем плече крысу, заглядывающую ему в лицо. Она словно хотела что-то сказать. Но что?

Пришел де Смоленко и обрадовал Дерринджера тем, что его усилия дали хорошие результаты, и теперь он, де Смоленко, делает все, чтобы по выгоднее сбыть контрабанду. Денег, полученных за нее, хватит не только на нужную запчасть, но и на многое другое. Наконец Дерринджер будет освобожден от рабства.

— Так продавайте же ее поскорее, — волновался Дерринджер. — Что вам мешает?

— Я не могу вывезти товар из Силового Поля, — пожаловался де Смоленко. — В Зоне Развлечений есть один сверхбдительный Начальник Таможни, мимо которого ничего не пройдет. Если я попытаюсь туда сунуться, он тут же меня поймает.

— Вам нужен человек, который знает все входы и выходы в этом деле, — заметил Дерринджер. — У меня есть приятель, он профессиональный торговец. Я уверен, он с удовольствием займется продажей вашей контрабанды.

— Ничего лучше и придумать нельзя, — обрадовался де Смоленко.

— К сожалению, ваша почтовая дама не позволит мне связаться с ним. Во всяком случае, без денег, а у меня ни гроша.

— Это чертовски плохо, — расстроился де Смоленко. — Как бы мне уломать ее? Но Эмили вздорная и злобная особа. Не представляю, что она выкинет, если только мы посмеем нарушить ее драгоценные правила.

— Но вы должны что-то сделать! — не мог смириться Дерринджер.

— Может, подвернется удобный случай, — пообещал де Смоленко.

Глава 70

Прошло какое-то время. Дерринджер точно не знал, сколько пришлось ждать, но случай все же подвернулся.

К нему неожиданно пожаловал Вишну, на сей раз в расплывчатом облике призрака в целях полной конспирации, чтобы и слуху о его появлении здесь не было.

— Наконец! — с облегчением воскликнул Дерринджер.

— Прошу прощения, что так задержался, — извинился Вишну и, вынув складной стул, сел. — Не представляете, с какими трудностями связана работа Правителя Земли.

— Представляю, — пожалел его Дерринджер.

— Мой друг и мой верный подданный, — проникновенно

начал Вишну. — Не могу передать вам, как я сожалею, видя вас в таком положении. Как бы мне хотелось помочь!

— Но вы можете помочь мне! — не выдержал Дерринджер. — Нужно всего лишь немного денег. Вы, как Правитель Мира, вполне можете достать десять тысяч кредиток или около того.

— Да, я владею несметными богатствами, — согласился Вишну. — Это для меня не проблема.

— Так в чем же дело?

— Я подписал с Советом Добрых Намерений Пакт о невмешательстве. Он не разрешает мне платить выкуп за находящихся у меня на службе подданных, если они попадают в беду.

— Зачем вы подписали такой Пакт?

— Мне показалось, что это неплохая идея. Она дает народу убежденность в том, что все они тоже участвуют в моем правительстве. Теперь я вижу, что поспешил. Оказывается, даже мне иногда следует учиться у Макиавелли. Этот дурацкий Пакт связал меня по рукам и ногам.

— Отмените его.

— Это произведет плохое впечатление. Лучше подождать, когда истечет его срок. Я просто не возобновлю его, вот и все.

— А когда истекает срок его действия?

— Осталось чуть более месяца. Ждать совсем немного.

— Для меня, черт побери, это много! — в отчаянии вскричал Дерринджер. — Я попал в беду, потому что пытался помочь вам.

— Поверьте мне, я очень ценю это. Но я не могу нарушить Пакт, который сам подписал. Я из старомодной интеллигенции и обязан держать свое слово.

— Вы можете хотя бы передать письмо моему другу?

— Конечно, выполнять такие поручения ниже достоинства Правителя Земли, но для вас я это сделаю, — согласился Вишну.

Дерринджер наспех написал Эбену записку и передал ее Правителю Земли.

— Надеюсь, это вам поможет, — сказал Вишну на прощание. — Я очень хочу, чтобы вам удалось найти мой Аппарат.

С этими словами он окончательно растворился в воздухе.

Глава 71

Эбен находился в своем корабле, припаркованном на большом зеленом лугу с темными вкраплениями деревьев и космических кораблей. Эбен крепил тент вдоль борта корабля, привязывая его к специальным опорам.

Этот день в Зоне Развлечений выдался погожим. Эбен надеялся хоть немного расслабиться. Тент укрывал его от солнца, и он удобно устроился в раскладном кресле, чтобы обдумать, с чего же начать день.

На этот раз он посадил корабль в Саммерленде, летнем секторе Зоны Развлечений, наиболее привлекательном для туристов. Космические торговые корабли парковались здесь вдоль проселочных дорог, красиво выходящих по лугам и сельским перелескам. По дорогам любили медленно двигаться электромобили и автобусы с туристами. Каждый торговец ставил свой корабль так, чтобы носовой частью он был повернут к дороге. Тут же у корабля или в тени ближайшего дерева расставлялись легкие складные столики, а на них раскладывался товар: редкие экзотические фрукты и овощи с планеты Опикус-II, рыба в маринаде из трех морей Арктуриса, консервированное мясо с Дианы X и XI. Продавалась и различная одежда из материалов, окрашенных в цвета, которых не знали на Земле. Такое если попадалось, то разве что в очень дорогих лавках, именуемых бутиками, и стоило баснословных денег. В летнем секторе Зоны Развлечений был самый большой выбор раритетов и новинок со всех планет и прочих удовольствий, какие только может пожелать человек.

— Итак, в чем дело? — спросил Эбен Такиса, бессменного своего партнера, медленно приближавшегося к нему на восьми клешнях.

— У нас неприятность, — ответил тот.

Крабоподобные существа, как Такис, хотя и необычайно умны, однако не наделены речью. У них нет ни гортани, ни голосовых связок, ни мягкого нёба и языка. Но для того чтобы общаться с торговыми партнерами с других планет, они тоже должны были научиться говорить. Поэтому Эбен сделал для Такиса особое устройство. Имея множество подвижных ресничек и чешуек на подбородке, Такис научился слагать с их помощью слова, а благодаря чудесам электроники через озвучивающий приборчик, закрепленный на спине, мог произносить их.

— Эти чертовы жуки, — промолвил Такис. — Они вздумали линять.

На Альдебаране-24 Эбену удалось приобрести удачную новинку. Это было семейство редких высокоразумных жуков красно-золотистой окраски, у которых была неостановимая тяга к путешествиям в самые далекие уголки Вселенной и жадный интерес ко всему. Они жили семьями по пятьсот особей, каждая в отдельном инсектарии.

У этих жуков был свой особый эстетический ритуал. В определенное время суток, поднявшись в воздух, они начинали менять свой цвет и в полете строились так, что напоминали разноцветную мозаику меняющихся рисунков, похожую на терракотовую мозаику древних времен. Эбен случайно открыл их способность воспроизводить увиденное, когда они скопировали показанную им «Мону Лизу» Леонардо да Винчи. Эбен понял, какой колоссальный успех будет иметь на Земле его новинка и сколько прибыли она принесет. А сами жуки с их любопытством пополняют богатым материалом свою книгу «Вселенная глазами жука».

К сожалению, несмотря на высокоразвитый ум, жукам не пришлось в голову предупредить Эбена, что через каждые три месяца у них наступает период линьки. В это время их яркие цвета гаснут и они становятся, как сейчас, серыми, похожими на улиток или болотную гниль.

Провинившиеся жуки теперь послушно сидели в стеклянных, специально для них заказанных ящиках, грызли морковку, свою единственную еду, и ждали, когда к ним снова вернется яркая окраска.

Эбен даже подумывал об использовании жуков в их нынешнем неприглядном виде, чтобы создать пугающие зрителей картины ночных кошмаров, но девяносто дней — слишком короткий срок для осуществления серьезных планов. С жуками в линьке придется повременить. Покой им полезен. А как Эбену и Такису прожить это время без денег? Вот вопрос. Надо платить ренту, налоги, да и само пребывание в Саммерленде удовольствие не из дешевых.

— Может, это наш шанс, Эбен, — предположил Такис, протягивая ему письмо. — Оно пришло только что и при весьма таинственных, я бы сказал, обстоятельствах. Письмо от Дерринджера. Я всегда думал, что этот парень далеко пойдет.

Такис произносил слова с легким шотландским акцентом, поскольку был деловым партнером Оуэна Макинтайра, известного торговца из Глазго, прежде чем Эбен нашел его в каком-то дешевом баре в созвездии Рыб-II.

— Он пишет о деловом предложении, сулящем неплохую выгоду. Мне кажется, мы должны немедленно дать согласие. Жуки будут линять еще целую неделю, а в других делах нам ничего не светит.

Крабообразный партнер Эбена временами бывал чересчур импульсивным, однако сейчас он, кажется, говорил дело.

Но не линька жуков и не общий застой в работе заставили Эбена принять предложение Дерринджера. Причиной было даже не знакомое человеку желание сменить на время надоевшую монотонную повседневность бизнеса на что-то иное. Среди черт, составлявших истинную сущность Эбена, была одна и довольно сильная черта, делавшая его человеком действий, тем, кто всегда предпочитает неизвестность и авантюру скучной рутине подсчетов выгод и потерь от купли-продажи.

Еще одной чертой характера Эбена, получившей неожиданное развитие под влиянием мировоззрения его торговых партнеров, было отношение к прибыли, как к восхитительному чувству уверенности и дерзаний. Эти две его сути — поиски неизвестного и стремление ощущать некую материальную стабильность — боролись в нем с переменным успехом.

Сейчас в Эбене победил дух авантюризма.

— О'кей, я согласен, — сказал он Такису. — Готовим корабль — и прочь отсюда. Дерринджер, может, понимает, а может, и нет, что он там задумал, но по крайней мере это какое-то дело.

Они быстро свернули тент, отключили воду, убрали шланги и электропровода, а после полудня стартовали, попросив менеджера парковки пересылать почту по новому адресу.

Глава 72

В бесконечном течении времени, следовавшем за тем, которое практически было потрачено напрасно, Дерринджер продолжал каждые две минуты ставить роковой рычажок на свое место. Случалось ли это ночью или днем, во сне или наяву, под немеркнущим сиянием ламп дневного света. Он получал свои гамбургеры — дело, казалось бы, не заслуживающее упоминания, однако он так не считал, — и вел пустопорожние беседы с Горлоком. Так все и шло. Каждая минута Дерринджера была отдана идиотскому, но совершенно неизбежному занятию, пока вдруг в один прекрасный день он не услышал какой-то шум у входа и, подняв голову, не прислушался к нему.

— Говорю вам, туда не разрешается входить!

— А я вам говорю, что войду.

Один из споривших был Горлок, помощник помощника начальника станции. Голос другого с легким кардассианским акцентом показался знакомым... Неужели это... Эбен?

— Подержи-ка его здесь, — велел Эбен Такису, — а если будет сопротивляться, ущипни большой клешней.

Такис кивнул и, подняв клешню, угрожающе провел ею под носом у помпома. Клешня действительно была огромной и могла кого угодно напугать, тем более что она стала красного цвета, ибо при мысли о Большом Щипке Такиса бросало в жар.

Подобное желание было естественным для семейства крабообразных, а поскольку Такис так долго подавлял его в себе, то представившийся случай грех было упустить.

— Не трогайте меня, — взмолился Горлок, пятясь назад под защиту стены. — Вам нет необходимости удерживать меня. На сколько я понимаю, вам всего лишь надо пройти туда?

Эбен, не отвечая, толкнул дверь и вошел в машинный зал.

— Дерринджер, ты здесь? — спросил Эбен и тут же сам увидел его, сидящего на маленьком стуле и склонившегося к машине так, как склоняется доярка к корове во время доения. Правая рука Дерринджера была где-то глубоко в чреве машины.

— Дерринджер, отзовись! Что с тобой случилось?

Эбен встревоженно приподнял голову друга и осторожно держал ее в руках, пока наконец тот не открыл глаза и не пробормотал:

— Должен передвинуть рычаг... — Рука Дерринджера дернулась, подчиняясь сигналу слабеющей воли.

Когда Эбен попробовал освободить руку Дерринджера, тот остановил его:

— Нет, кто-то должен остаться с машиной. Иначе все взорвется.

— Такис! Брось все и иди сюда! Да поскорей.

Такис оставил помпома и поспешил к Эбену.

— Объясни ему, что надо делать, — велел Эбен Дерринджеру.

Инспектор хриплым голосом постарался рассказать все в подробностях.

— О'кей! — воскликнул Эбен. — Такис тебя заменит на какое-то время, а потом я подменю его. Ты теперь можешь вынуть руку.

Дерринджер с облегчением вытащил окованную руку. Он радовался не столько возможности отдохнуть, сколько тому, что угроза взрыва миновала.

Теперь, даже если он рухнет на пол от усталости и погрузится в глубокий сон, проклятый рычажок будет переведен на место и взрыва, способного разнести все к чертям, не произойдет. Эбену пришлось заставить Дерринджера пройти несколько раз по залу, прежде чем тот окончательно проснулся.

— Нам нужно вывести тебя отсюда, — сказал Эбен другу, когда тот наконец пришел в себя.

— Поэтому я написал именно тебе, — ответил Дерринджер. — Я не смогу выйти отсюда, пока не заплачу за новую деталь, чтобы заменить ту, которую якобы сломал я. Если нам удастся продать контрабанду...

— Какую контрабанду? — быстро спросил Эбен.

— Ту, которая имеется у де Смоленко, начальника станции. Это долго рассказывать. Надо вывезти его контрабанду из этой зоны и где-нибудь сбыть ее. Я сразу же подумал о тебе.

— И правильно сделал, — согласился Эбен. — Черт побери, я даже готов заложить свой корабль, если это поможет вытащить тебя отсюда. Однако, думаю, твой план лучше. Таким образом и нам перепадет какая-то доля прибыли. Я имею в виду нас троих.

Такис ободряюще помахал клешней, ничуть не шокированный столь эгоистичным подходом своего партнера. Он уже привык к этому. Эбен был эгоистом, но именно он делал деньги. Благодаря торговому гению Эбена Такис смог купить недвижимость на коралловых рифах на берегах самого лучшего из океанов на его родной планете Канцерия-16. Когда у тебя такой отличный партнер, совершенно не хочется шелкать устрицы, чтобы добыть всего одну жемчужину, как любят говорить на родине Такиса. Такис не был простачком, он знал, с какой стороны помазана маслом его ракушка.

— Прежде всего я должен взглянуть на эту контрабанду, — сказал Эбен. — Тогда я смогу прикинуть ее стоимость и лишь потом решу, куда переправлять ее, хоть на край света, если это сулит хорошую выручку. — Теперь торговец явно брал верх над авантюристом. Но ненадолго, как мы сами в этом убедимся.

Вскоре появился де Смоленко, которому Горлок сообщил о приезде шумного и самоуверенного незнакомца в сопровождении жуткого крабоподобного поделщика. Де Смоленко сразу сообразил, что приезд Эбена — это и есть ответ на все его попытки поскорее сбыть контрабанду, и он поспешил в машинное отделение станции.

— Вы хотите посмотреть мою контрабанду? Это отличный товар. — И, не дожидаясь ответа, он повел Эбена и Дерринджера по коридору к лифту. (Такиса они оставили приглядывать за рычажком.) Поднявшись на пять этажей выше, де Смоленко провел их в свое личное помещение, а там — к большому сундуку и с гордостью открыл его.

Эбен внешне обычно не выдавал своих чувств или мыслей,

однако, когда его взору предстали три полотна Вермеера и одно Рембрандта, от его невозмутимости не осталось и следа. Эти сокровища были как бы жемчужиной контрабандного товара де Смоленко. Затем де Смоленко показал Эбену и Дерринджеру изделия из бирюзы и обсидиана исключительной работы, украденные из бесценной коллекции Археологического музея в Мехикосити, хранившиеся в запасниках и никогда не выставлявшиеся. Он показал русскую икону периода Смуты, созданную иконописцем Борисом Осборисом. Среди прочего была и прекрасно сохранившаяся часть скульптуры, голова и плечо, предположительно творение руки самого Фидия, и, наконец, самое главное сокровище — полный и ранее не публиковавшийся роман Роберта Шекли, одно из самых известных произведений научной фантастики эпохи манеризма — по своей ценности оно стоило всего, что до этого продемонстрировал де Смоленко.

— Что ж, думаю, мы сможем кое-что получить за такой товар, — сказал Эбен, и они с де Смоленко тут же перешли к делу. Обговорив все, сошлись на двадцати двух с половиной процентах комиссионных Эбену и его партнеру. Товар пройдет таможенную регистрацию на специальном компьютере по кличке Честный Сэм, что будет удостоверено самим И. Дж. Фарбенем, создателем этой машины.

После того, как были утрясены все вопросы и улажены дела, оставалось лишь погрузить сундук на космический корабль Эбена, припаркованный на орбите Силового Поля.

Но самое приятное и удивительное ждало их в конце. Крыса, которая кормилась крошками гамбургеров, поглощаемых Дерринджером, оказалась сверхадаптировавшейся и очень поумневшей крысой в результате той же ликвидации, которая грозила гибелью всем, кто обслуживал станцию.

Эта крыса, не раздумывая, предложила Дерринджеру смелить его.

— Ты был добр ко мне, Дерринджер, и я решила отблагодарить тебя. Я буду выполнять твою работу здесь, а ты отправляйся с друзьями заниматься своим делом.

Глава 73

Приезд Эбена помог наконец Дерринджеру взять в долг десять тысяч, с обещанием вернуть, как только он получит ссуду в банке.

Дерринджер отдал деньги Горлоку, и помощник помощника

начальника тут же отправил заказ на запасную деталь куда следует. Она прибыла на станцию уже через два дня, так, словно на складе только и ждали этого заказа. Деталь была новехонькой, блестящей и упакованной, как и положено для пересылок в космосе. Горлок бережно вынул и вытер ее, не позволяя больше никому к ней прикасаться. Он самолично вставил деталь в машину, сначала осторожно выудив вышедшую из строя часть специальным Т-образным инструментом. Итак, сломавшаяся деталь была вынута, новая вставлена. Оставалось лишь опробовать ее.

При этом присутствовал де Смоленко. Пришлось остановить машину, чтобы дать возможность Горлоку завершить операцию по замене детали. Затем, вздохнув и сотворив про себя молитву, машину снова включили.

Прошла минута ожидания, когда казалось, что сердце перестало биться. Однако ничего особенного не произошло. Просто дрогнула и натянулась цепная передача, и машина, тихо и ровно гудя, возвратилась к жизни.

Новая деталь работала отлично. Все с удовольствием поздравили друг друга.

Глава 74

— Полагаю, теперь все будет в порядке, — сказал Дерринджер, обращаясь к де Смоленко. — Мы можем уехать?

— Конечно, — ответил де Смоленко. — Я не вправе вас задерживать, даже из самых лучших побуждений и в ваших же собственных интересах.

— О чем это вы? — встревожился Дерринджер.

— Меня не должны касаться ваши дела, — как-то странно сказал де Смоленко. — Но было бы не по-человечески не предупредить, что вас ждет неминуемая катастрофа, если вы стартуете из этой зоны именно сейчас.

Эбен, подойдя к де Смоленко, угрожающе посмотрел ему в глаза:

— Это что еще за игры?

— Послушайте, — искренне расстроился де Смоленко, — вы можете делать что хотите, но факт остается фактом. Последние недавние завихрения в атмосфере нарушили баланс и сдвинули метауровень, на котором расположено Силовое Поле. Я внимательно слежу за изменениями и искренне надеялся, что все пройдет до вашего вылета. Однако мои надежды не оправдались.

— Завихрения? — непонимающе переспросил Эбен. — Это что еще такое?

— Вы можете убедиться сами, — сказал де Смоленко. — Я готов предоставить вам транспорт, поезжайте в глубь территории к старшему лесничему и спросите у него, что происходит.

— Я поеду и проверю, — вызвался Дерринджер и, обращаясь к Эбену, спросил: — Ты поедешь со мной?

— Не думаю. Нам с Такисом надо разобраться со счетами. Если нужна будет помощь, звони.

— Пока, — попрощался Дерринджер и зашагал к электрокару, который приготовил для него де Смоленко.

Глава 75

Был ясный солнечный день. Дерринджер ехал по главному шоссе, которым так гордилось Силовое Поле. Сначала он пересек ровное плато, а через несколько часов шоссе уже вилось меж высоких гор, полностью лишенных растительности. У подножия одной из них Дерринджер остановился, чтобы перекусить. Это была гора с плоской вершиной и странной особенностью: на вершине словно бы балансировал огромный валун.

Глядя на его полукруглые очертания, Дерринджер почувствовал, как что-то сдвинулось в его памяти. О чем напомнил ему этот валун? Подойдя поближе, он заметил доску с надписью: «Слушающий Камень».

Почему это так встревожило его?

Дерринджер пытался изо всех сил вспомнить, но не мог. Наконец он вернулся к электрокару и продолжил путь. Возможно, это какое-то воспоминание из далекого детства...

Минут через сорок Дерринджер наконец увидел впереди лесную полосу. В рощице рядом стоял низкий деревянный дом. Табличка извещала, что это и есть Станция лесной охраны. Остановив машину, Дерринджер зашагал к дому. Лесничий, давно заприметивший электрокар на шоссе, уже ждал гостя на крыльце. Антон Демут, так его звали, был крупным, жизнерадостным человеком с чуть тронутыми сединой темными волосами и широкой приветливой улыбкой на румянном лице. Он радушно приветствовал гостя, пригласил его в дом и предложил чашечку кофе.

Дерринджер вошел, однако от кофе отказался. Он не соби-
рался понапрасну тратить драгоценное время.

— Ваш начальник де Смоленко предупредил меня о грозящей мне опасности, если я попробую взлететь отсюда сегодня. Это верно?

— Боюсь, более чем, — ответил лесничий. — Резкие отклонения метауровня, контролирующего наше Силовое Поле.

— Какие?

— Пойдемте со мной, я вам покажу.

Они ехали по грунтовой дороге, и Демут указывал направление. Путь их лежал еще к одной роще. Лесничий попросил Дерринджера остановиться, не доезжая до нее, а когда они вышли, предложил осторожно подойти поближе к первым рядам деревьев.

— Что мы тут выискиваем? — нетерпеливо спросил Дерринджер.

— Сейчас увидите. Смотрите на кроны деревьев.

Листья на деревьях были желтыми и казались сухими и мертвыми. Дерринджеру показалось странным, что, несмотря на это, внизу, на земле, не было ни одного опавшего листа. Он хотел было спросить об этом у лесника, как вдруг подул легкий бриз, и Демут еще раз велел внимательно смотреть на деревья.

Несколько листьев, задрожав, оторвались и поплыли в воздухе. Но они не упали на землю. Вопреки всем законам природы они поднимались вверх.

Пристальным взглядом Дерринджер следил за листьями, пока они совсем не исчезли из виду.

— Просто не укладывается в голове, — озадаченно произнес он. — Как это можно объяснить?

— Тучи над нами выбросили контргравитационные споры. Они оседают на листьях деревьев и уносят их в космос.

Дерринджер молча обдумывал услышанное, а затем нерешительно сказал:

— Если эта штука в большом количестве сядет, скажем, на крышу, то и ее унесет в космос? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Нет, вы не ошибаетесь, будет еще хуже. Если тучи не перестанут выбрасывать контргравитационные частицы, все, что находится здесь, на поверхности, будет унесено в космос. Но и это еще не самое страшное.

— А что еще?

— Увы, такого предостаточно. Поезжайте-ка вперед и сверните направо. Я хочу вам показать кое-что.

Они проехали дальше по дороге и оказались у водопада. Внизу, где его струи обрушивались в русло реки, творилось что-то невообразимое. Приглядевшись, Дерринджер в дымке водяной пыли увидел, как из струй возникают поистине пифагорийские формы, похожие на додекаэдры и додекагоны, с краями столь тонкими и прозрачными, какие возможны только в мыльных пузырях.

— Как это может быть? — опять почти со страхом воскликнул Дерринджер.

— Поезжайте дальше. Это еще не все, — велел лесничий.

Они двинулись дальше, но на следующей остановке Дерринджера ничего не удивило. Он не увидел ничего необычного. Однако Демут неожиданно стал странным образом щупать воздух вокруг себя.

— Вот, нашел. Попробуйте сами.

Дерринджер послушно протянул руку и поймал в воздухе форму чего-то невидимого, но осязаемого.

— Что это?

— Дыра в метаконструкции. А теперь смотрите вниз, на землю. Но будьте осторожны и не наступите ногой.

Дерринджер увидел, что земля под невидимой дырой почернела по краям и исчезает у него на глазах.

— Что здесь происходит? — с испугом воскликнул он.

— Это дыра в опорной стене материи, из которой состоит эта зона. Из дыры проникает хаос, он невидим глазу и смертельно опасен. Попадая на землю, он уничтожает все на ней. Если эта дыра увеличится... — Он не закончил фразу.

Глава 76

Дерринджер вернулся на электростанцию. Сначала он наведялся в бар с гамбургерами, чтобы утолить голод и немного собраться с мыслями. Откусив кусок, он тут же почувствовал, что во рту у него не мясо. Разломив булочку, Дерринджер увидел вместо рубленого мяса рубленую сердцевину артишока.

— Я не хочу это есть, — возмутился он, обращаясь к владельцу бара. — Это, конечно, оригинально, но я предпочитаю старый добрый гамбургер из мяса.

— Пройдемте со мной на кухню, я вам что-то покажу, — вдруг предложил хозяин.

На кухне он указал Дерринджеру на большую приземистую машину.

— Это мясорубка, — сказал он. — Сюда суешь корову, а отсюда получаешь гамбургер. До этого времени так и было.

— До этого времени?

— Что-то произошло. Машина вдруг стала выдавать одни рубленые артишоки.

Дерринджер открыл крышку мясорубки и заглянул внутрь. Он проверил проводку, работающие части машины и наконец обнаружил, что красный провод в одном месте сплелся в петлю с желтым проводом. Дерринджер распутал провода.

— Попробуйте теперь, — сказал он владельцу бара.

Тот тут же включил мясорубку и сунул туда кусок говядины. Через несколько секунд машина выдала небольшой рванный пластиковый плащ. Потом еще один и еще один.

— Давайте я опять проверю, — предложил Дерринджер.

Он снова открыл верхнюю панель мясорубки и снова проверил провода.

— Попробуйте теперь, — сказал он.

В этот раз машина выдала шурупы № 2 для дерева. И в чертовски большом количестве.

— Может, это переходная стадия продукта? — с надеждой промолвил владелец бара. — Давайте я попробую их сварить.

Полчаса варки и тушения на открытом огне не изменили шурупов ни на йоту. Видимо, сейчас это и был конечный продукт коровьей туши.

— Теперь я понимаю, что нам грозит беда, — печально сказал владелец бара. — Чем мы станем кормить людей, если так будет продолжаться и дальше?

Дерринджера охватила черная тоска, какой он в жизни никогда не испытывал. Все казалось ему невозможным и неосуществимым. Не только он сам стал навеки пленником Силового Поля, но и обрек на это своих друзей, Эбена и Такиса. Он лежал на койке на корабле Эбена, погруженный в безрадостные мысли.

Но постепенно их стали вытеснять воспоминания о прежних, более радостных временах. Он вспомнил себя мальчишкой и тот год, который он провел у своей приемной бабки в резервации индейцев навахо. Как много интересного она ему рассказывала тогда! Старые сказки и легенды. Особенно историю о Хитреце, божьей-койоте, разбойнике и обманщике, в которого верили во многих индейских племенах. А еще легенду о Слушающем Камне...

Дерринджер резко сел на койке. Слушающий Камень! Тот самый, который он увидел в здешних прериях! Что же рассказывала ему бабка?

Воспоминания окружили его, как пчелиный рой. Он снова видел бабушку со старой обгрызенной трубкой из кукурузного стебля в беззубом рту, с индейским одеялом хопи на плечах, о котором тоже можно рассказать интересную историю, но теперь, к сожалению, уже никто ее не расскажет.

— Да, вубхчин, — говорила она (на это ласкательное слово были особенно щедры индейцы навахо в Южном Форке). Братья Хитрецы — недобрые божества, и, если бы не одно обстоятельство, наш мир был бы совершенно беспомощен перед тем злом, которое они творят.

— Что такое обштоятельштво? — спросил он, шепелявя (в том возрасте он сильно шепелявил).

— Есть такая молчаливая вещь, известная как Слушающий Камень, — сказала ему бабушка, поправляя ленту на тряпичной кукле, которую мастерила для вечерней бандерильи. — Куда бы Хитрецы ни пошли, за ними всегда следил Слушающий Камень.

— И что он делал? — спросил Дерринджер.

— Он слушал, что говорят братья. А когда к Камню приближался простой смертный и почтительно обращался к нему, он рассказывал все, что услышал.

Тут воспоминания внезапно оборвались. Но и этого было достаточно.

— Я все понял! — воскликнул Дерринджер, прыгнув с койки, и стал поспешно одеваться.

Рядом проснулся и сердито проворчал Эбен:

— Что случилось? Куда ты собрался?

— К Слушающему Камню.

— Не можешь подождать до утра?

— Нельзя терять ни минуты.

С этими словами Дерринджер покинул корабль.

Глава 77

Солнце едва показалось из-за ранней тучки, когда Дерринджер был уже у Слушающего Камня. Он быстро спустился с его вершины почти к основанию (ибо ночью Камень изменил свое положение) и стоял прямо перед ним, похожим на огромную

ушную раковину. Дерринджер отдал Камню почести и произнес все слова почтения, уважения и поклонения, каким только его научили. У него не было лишь обычного в таких случаях приношения — фаршированной рыбы. Но он надеялся, что и без этого обойдется. Твердым голосом он наконец произнес:

— О, Слушающий Камень, слышал ли ты в последнее время хорошие новости? — Это была принятая форма древнего обращения.

— Да, слышал, — ответил Камень. — Вскоре после вашего приезда в эти места два Брата Хитреца побывали здесь. Один из них — Койот, а другой — Тайнственный Клоун. Оба, осмотрев все, разговорились. Койот сказал Клоуну:

«Все идет здесь слишком ладно».

«Я того же мнения, брат».

«Предлагаю вмешаться и кое-что потрясти».

«Идея мне нравится».

Поэтому они решили немного поиграть здесь с естественными законами природы. Эта забава им больше всего по вкусу. Главным козырем в своей игре они сделали некоего Дерринджера, новичка в этих местах. На него они и собираются свалить всю вину.

Дерринджер, не теряя времени, связался с третьей судей и попросил Слушающий Камень повторить все еще раз.

Выслушав рассказ Камня, судья призадумался.

— Это козни Койота, потому что Клоун сейчас находится в другом секторе. Я прикажу ему исправить все, что он уже успел натворить. Пока я введу лишь временные ограничительные меры против сил беспорядка, которые делают это место непригодным для проживания не только людей, но и других обитателей.

Этим все и закончилось. Но главное было в том, что Дерринджер, Эбен и Такис наконец смогут благополучно покинуть Силовое Поле и вернуться к своим делам.

Глава 78

Увы, их неприятности на этом не закончились. Перед самым выходом в космос они опустились к небольшой заправочной станции, чтобы подкрасить кое-где корпус космического корабля. У Эбена на сей счет пункт — всякие там царапины и пятна на обшивке. Вот тогда-то друзья и заметили небольшой квадратный предмет, прикрепленный к корпусу корабля.

Собравшись вокруг загадочного предмета и с пристрастием его разглядывая, они заметили надпись: «Служба таможенного автоматического контроля».

— Что это такое? — спросил Дерринджер.

— Я слышал о подобных контрольных «жучках». Давайте посмотрим, есть ли у него программа с объяснением, — предложил Эбен.

Он приблизил лицо к незваному «контролеру» и спросил:

— Кто вы и что делаете здесь?

— Я таможенная единица контроля и приставлен наблюдать за вашим кораблем.

— С какой целью?

— Если вы попытаетесь изменить заявленный курс и направите корабль в любом неизвестном направлении, у меня инструкция обыскать вас по форме три нуля, что означает «прочесать», то есть провести досмотр по первому классу, чтобы удостовериться, что у вас на борту нет ничего недозволенного, например, контрабанды.

— Это нарушение нормальной таможенной процедуры, — возразил Эбен.

— Отнюдь нет. Это решение Начальника Таможни, который приветствует вас и обещает, что рано или поздно, тем или иным способом, он все же оплатит вам за нанесенное оскорбление.

— Возмутительно! — не выдержал Эбен.

Что-то похожее на рябь на воде промелькнуло по темной матовой поверхности «контролера» и тут же исчезло.

— Что это? — спросил Эбен.

— По-вашему это означает, что я пожал плечами, — ответил «жучок». — Что там у вас произошло с Начальником Таможни, меня не касается. У меня есть своя работа, и я намерен выполнять ее.

Ситуация складывалась, прямо сказать, неординарная. Эбен, Дерринджер и Такис собрались в салоне корабля, чтобы обсудить, что делать дальше.

Такис, со свойственной крабообразным бесшабашностью, предложил взлететь, а если таможенный «жучок» увяжется за ними, применить лазерное оружие. Эбен, сам сторонник смелых решений, все же напрочь отверг это предложение.

— Можно было бы и удрать от него, — подумав, сказал он. — Но тогда нам никогда не попасть больше в Зону Развлечений

или в любое другое место на Земле. Наши фотографии будут развешаны повсюду. Мы потеряем возможность торговать на Земле, самом большом и богатом рынке в Галактике.

— Так дело не пойдет! — согласился Такис. — Земля — отличный рынок. Мы не можем его потерять.

Позднее в баре трое друзей, лакомясь гамбургерами, продолжили разговор, уединившись в самой дальней кабинке, почти у кухонной плиты. Перед ними стояли три бутылки голландского светлого пива. Пахло чадом кухни, громыхла посудомоечная машина, а они все обсуждали свою судьбу.

Возможно, следует написать официальную жалобу на Начальника Таможни? Нет, ничего из этого не выйдет. А если бы и вышло, то пришлось бы ждать годы, пока вынесут решение, да и то не в их пользу. Что же потом?

Такис, самый нетерпеливый и горячий из них, предложил убить Начальника Таможни, сделав это собственными силами или наняв профессионала. Дерринджер и Эбен, тоже отчаянно хотевшие сдвинуться с мертвой точки, однако наложили вето на экстремистские замыслы Такиса. Они понимали, какими неприятностями это им грозит, к тому же подобный поступок недопустим с точки зрения морали.

Но тогда что же?

В молчаливых раздумьях минуло не менее часа. Наконец Дерринджер нерешительно подал голос:

— Я подумал, может, мы что-нибудь найдем в его прошлом?

— Чтобы шантажировать его, ты хочешь сказать? — тут же повеселел Эбен.

— Если будет нужно, то и шантажировать. Я не очень уверен, но все же.

— Можно попробовать, — согласился Эбен.

— А как нам раздобыть его дело? — спросил Дерринджер. — Оно хранится где-нибудь в Центральном Архиве. Мы даже не знаем, где искать.

Эбен выпрямился, глаза у него засверкали решимостью.

— Мы можем найти его дело, не покидая нашего корабля. Все данные о нем записаны электронным способом. А у меня есть компьютер и модем.

— Я не умею искать по компьютеру, — признался Дерринджер.

— Зато я отлично это умею, — заверил Эбен. — А Такис даже меня за пояс заткнет.

Они тут же покинули кафе и направились к стоянке корабля, где хотя бы можно было вкусно поесть чего-нибудь из собственных запасов.

Затем наступило время браться за работу. Эбен, сопровождаемый Такисом, уселся перед компьютером.

Дерринджер так толком и не разобрался, что делают волшебник Эбен и его помощник Такис. Но, начав с имени Монровия и чина таможенника, они менее чем за час сумели добраться до его досье.

Эбен и стоявший за его спиной Дерринджер быстро пробежали глазами строки с первичными сведениями: родители, когда родился, где работал. Ничего, что могло бы вызвать интерес.

Затем Эбен вдруг заметил, что Начальник Таможни зачастил к психиатрам. Он несколько раз проходил обследование, а затем какое-то время посещал консультанта-психолога.

Понадобились дополнительные манипуляции с компьютером, чтобы добраться до нужных файлов, однако Такис все же достал их, и все трое уселись, чтобы тщательно изучить психологический портрет Начальника Таможни. Им понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что тревожит этого человека.

Глава 79

Получив доступ к дневнику таможенника, поиграв с ключевыми словами «женщины» и «желание», Эбен наконец нашел следующую запись: «Я отдал бы все в мире за уик-энд с по-настоящему красивой женщиной».

Эти слова были написаны собственной рукой Начальника Таможни в дневнике и повторены несколько раз в других фразах с некоторыми изменениями. Таких повторений Эбен насчитал не менее десятка.

У бедняги таможенника, очевидно, было достаточно поводов подозревать, что он не нравится женщинам. Он был женат однажды, но все кончилось разводом. С тех пор он жил один. Ему не повезло не только с женитьбой, но, очевидно, и со свиданиями.

— Вот за что мы должны ухватиться, — заключил Эбен. — Нам нет необходимости убивать его.

У Такиса был несколько разочарованный вид, однако он покорно согласился.

— Что ты предлагаешь?

— Этот тип явно помешан на девочках. Он сам признается,

что за уик-энд с привлекательной леди он отдал бы все на свете. Предлагаю найти ему такую леди и организовать им встречу, при условии, что он откажется от дурацкого осмотра моего корабля.

— Но какая леди согласится? — усомнился Такис.

— Думаю, можно нанять и профессионалку, — предложил Дерринджер. — Мне кажется, что их можно найти в Зоне Развлечений.

— Нет, это не подходит, — возразил Такис. — Разве ты не читал, что он пишет в дневнике? Вот заголовок: «Проститутки, шлюхи, профессиональные соблазнительницы». Он испытывает к ним отвращение и сам же утверждает, что у него безошибочное чутье и он сразу понимает, когда женщина делает это ради денег. Он никогда не согласится на свидание с профессионалкой.

— Черт побери, неужели, когда мы подошли к нашей цели так близко, мы не сможем что-нибудь придумать? — сердито воскликнул Дерринджер. — Три такие головы? Кого из женщин мы лично знаем?

— Вообще, — спросил Эбен, — или здесь, на Земле?

— Конечно, на Земле, поскольку в настоящее время, судя по нашим делам, мы никуда отсюда не выберемся.

— Да, это верно, — согласился Эбен.

В эту минуту Такис вдруг взволнованно что-то затараторил на своем языке, но Эбен тут же его оборвал:

— Нет, Такис, нас интересуют только здешние, земные девушки. Я знаю, у тебя есть подружка, работающая в морском мире, но, поверь мне, она никак не подходит, хотя, возможно, она и классная девица.

— Черт побери, а вот я лично не знаю ни одной девицы, — сокрушенно произнес Дерринджер. — Последние десять лет я был Спартанцем. В нашу подготовку не входило ничего, что могло быть связано с женщинами. Разумеется, мы все были без каких-либо отклонений, сами понимаете.

— Конечно, я тебя понимаю, — успокоил его Эбен. — Я тоже мало бывал на Земле в последние несколько лет. На память мне приходит лишь одна привлекательная женщина, о которой я могу сказать, что знаком с ней.

— И я тоже, — встрепенулс Дерринджер.

Они оба посмотрели друг на друга.

— Элея?

— Да, Элея.

— Но Элея не из тех женщин, которые пойдут на что-либо подобное! — вступился за девушку Дерринджер.

— Согласен с тобой на все сто процентов, — подтвердил Эбен. — При обычных обстоятельствах это действительно так. Но, возможно, у Элеи есть какое-то заветное желание. Чтобы добиться его исполнения, можно ведь провести пару дней с этим типом. В конце концов, она не должна спать с ним. В его дневнике это ясно оговорено. Ему нужна спутница на уик-энд, только и всего. Он ни словом не обмолвился о сексе.

— Я думаю, мы можем позвонить ей, — успокоился Дерринджер.

Эбен с насмешливым сочувствием посмотрел на него.

— Это не та тема, которую обсуждают по телефону. Советую вернуться в Зону Развлечений и самим найти ее там.

— А это безопасно для тебя? — спросил Дерринджер.

— Думаю, вполне. Начальник Таможни устроит досмотр лишь в том случае, если мы попытаемся покинуть Землю. А так, на Земле, я могу лететь беспрепятственно куда хочу.

Глава 80

Элея, объект их размышлений и планов, работала днем в кафе, где обслуживала шоферов грузовиков дальнего следования, а по вечерам подавала напитки в баре. Кафе находилось по соседству с Зоной Развлечений, и все приезжающие сюда, как андройды со своим электронным разумом, так и туристы-земляне в собственной плоти, начинали обычно с него. Им всем хотелось освежиться, а, выпив пивка или чего-нибудь еще, те, кто был настоящим туристом, а не виртуальностью, спешили к Арене, занимали свои места и смотрели представление или игры. Живая земная публика делала их увлекательным отдыхом, но атмосферу все же определяло присутствие электронных зрителей, настроенных, все как один, на единую волну Всемирной сети, этого памятника и символа. Он пережил все невзгоды и катастрофы нескольких столетий с тех пор, как был увековечен в последние дни уходящего двадцатого века.

Благодаря чудесам голографии и виртуальной реальности электронных зрителей иногда даже привлекали к состязаниям и играм. Когда хотелось оживить представление, их делали двойниками настоящих героев и игроков и этим вносили веселую пунтицу и замешательство в ряды живых участников, которые в поединках были вынуждены куда больше думать о риске, чем о

победе, состязаясь с бесплотными соперниками, действующими бездумно и безоглядно.

Элея видела их всех, когда они приезжали и уезжали. Хотя для водителей дальних рейсов кафе стало любимым местом в Зоне, они лишь изредка флиртовали с Элеей, и дальше ухаживаний дело не заходило. Элея уделяла внимание своей внешности. Для всех она была красивой блондинкой, чуть старше своих юных подружек, но от этого еще более привлекательной, как уже понимающая в любви. Она была трудолюбива, веселого нрава, остра на язык, достаточно умна, но не гениальна и умела за себя постоять. У нее было свое снисходительно-насмешливое веселое отношение к людям вообще, что не только не лишало ее привлекательности, а, наоборот, усиливало ее.

Такой знали Элею все. Однако на самом деле она была совсем другой. В своей тайной жизни, о которой не подозревали даже ее подруги по общежитию, главное было скрывать, кто она на самом деле. Спрятать это так глубоко, что самой забыть об этом. Все, что было на поверхности и открыто взору, являлось лишь верхушкой того айсберга, каким стала Элея. Никто не знал о долгих часах тренировок с боевым оружием в руках под неусыпным надзором женщин-инструкторов с суровыми недобрыми лицами (Богиня не потерпела бы здесь мужского присутствия), заставлявших стройную девушку с дерзко завязанным хвостом белокурых волос повторять все еще и еще раз, в нарастающем темпе и с возрастающей силой, на пределе физических возможностей, которые зачастую оказывались недооцененными самой Элеей и могли быть превзойдены. Были и другие формы обучения, позволявшие Элее меняться подобно хамелеону, достаточно опасные в мире, которым правил Вишну, ориентированном на господство мужчин. Хамелеону с мощными ляжками и внушительным бюстом, способному при удобном случае принять позу и сделать роковое движение, могущее пробить брешь в устоях мира, который так упорно пытался построить Вишну. А пробив ее, сделать этот мир открытым влиянию того, что многим казалось давно забытым и похороненным, — влиянию Богини Дианы, испокон веков властвовавшей над жизнями мужчин и женщин.

Элея оказалась на переднем крае в этом тайном и беспрецедентном в жизни человечества замысле, втянувшим как науку, так и сверхъестественные силы, обычно далеко отстоявшие друг от друга, но сошедшиеся сейчас под синтезирующим влиянием присутствия Вишну. Работа в ресторане и баре была как бы

стартовой площадкой, с которой Элея должна была двинуться дальше и сделать то, к чему ее так тщательно готовили.

Она ждала этого дня. А пока обслуживала столики, наливала в кружки пиво.

Однажды, только однажды, просто ради развлечения она ответила на объявление в местной независимой газете. Оно заинтриговало ее. Объявление было следующего содержания: «Человек, никогда не бывавший в этих местах, да и во всех других, которые известны землянам, посетив в данный момент планету Земля и Зону Развлечений, желал бы познакомиться с обитателем Земли, предпочтительно женского пола. Я инопланетянин мужского пола, внешнеостью не гуманоид, однако остроумен, общителен в компании, обладаю достаточно прозорливым умом и интуицией. Ищу девушку широких взглядов, блондинку, лет двадцати, со стройными ногами и высокой грудью, согласную пообедать и побеседовать со мной. Все остальное только по взаимному согласию». Далее были указаны номера почтового ящика и телефона.

Заинтригованная и достаточно уставшая от однообразия своей жизни, Элея позвонила и встретила с Инопланетянином, как она его для себя назвала. Они провели удивительный вечер в городе. Удивительный тем, что эти два совершенно разных существа внезапно почувствовали взаимную симпатию. Кончилось тем, что Инопланетянин сделал ей определенное предложение, а она обещала подумать. Теперь же она понимала, что не сдержит своего обещания, потому что твердо решила больше с ним не видеться. Она понимала, что должна сказать ему об этом лично, хотя бы из уважения и симпатии.

Но на этом не кончалась даже четвертая часть ее неприятностей. Она только что обнаружила, что выполнение ее главной задачи сопряжено с непреодолимыми трудностями, а ведь она только ради этого приехала в Зону Развлечений.

Она должна открыть некую Дверь. Легко сказать! Эта Дверь, как сейчас узнала Элея, может оказаться столь же трудно достижимой целью, как пустующее кресло за Круглым Столом короля Артура.

Дело в том, что Элея столкнулась с чем-то, к чему оказалась совсем не готова: если она откроет Дверь, это приведет к непоправимым изменениям в ней самой и в мотивах ее действий, она или тут же забудет, зачем это сделала, или вообще не откроет ее совсем, ибо к заманчиво блестящей ручке прикоснется одна Элея, а повернет ее уже совсем другая.

А между этими двумя осторожными жестами, возможно, лежит ужас, не поддающийся пониманию. Вопреки воле Элеи в ее голову лезли мысли о том, что в этот же момент между двумя вечностями тоже что-то произойдет. Она представляла себе это с таким чувством, будто нарочно трогала болезненный заусенец на ноге и наслаждалась этим неприятным ощущением.

Нет, сейчас она перестанет об этом думать. Она вернется к этим мыслям потом, когда останется одна в небольшой комнатке под крышей, где разложит коврик для молитвы, встанет на колени и крепко сложит перед собой ладони, чтобы сосредоточиться. Тогда она снова сможет думать и, вероятно, найдет выход.

А пока, позабыв о Богине, она будет наполнять кружки пивом для грубиянов шоферов и туристов. И улыбаться.

Она подошла к столику, который только что заняли двое мужчин и крабовидное существо с другой планеты. Протянув им меню, она, как всегда, спросила:

— О'кей, джентльмены, что желаете?

— Элея, — тотчас сказал краб-инопланетянин, — ты что, не узнаешь нас?

Элея, приглядевшись, вскинула брови от удивления:

— Такис! Ну конечно! А это Дерринджер и Эбен! Как чудесно снова видеть вас! Что вам заказать?

— Пару кружек пива для меня и для Дерринджера, — распорядился Эбен, — и стакан морской воды без газа и рыбью икру для нашего друга. Захвати и для себя что-нибудь выпить. Нам надо с тобой кое-что обсудить.

— К счастью, скоро конец моей смены, — повеселела Элея. — Я только договорюсь с Кленси и вернусь. Одна нога здесь, другая там.

— Что это значит? — спросил Такис.

— Это значит: очень быстро. Нам повезло, что мы ее сразу нашли.

Трое друзей, припарковав свой корабль, приехали в кафе на автобусе, собираясь именно отсюда начать поиски Элеи. Им чертовски повезло, что она оказалась здесь. В Зоне Развлечений не все оборачивается так хорошо, как хочется.

Элея вернулась с заказом, а для себя прихватила коктейль. Трое друзей смеялись и болтали так, как обычно делают все при случайных встречах в местах не очень знакомых и посещаемых

от случая к случаю. Наконец Эбен перевел пустой разговор на нужную тему.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы возобновить наше знакомство, хотя это, разумеется, очень приятно, — сказал он.

— Я тоже подумала, что вы пришли не просто для пустого времяпровождения, — заметила Элея.

— Нам надо решить один вопрос, — сразу перешел к делу Эбен. — Но для этого ты должна кое-что для нас сделать.

— Кажется, мне повезло, — съязвила Элея.

— Возможно, — постарался успокоить ее Дерринджер. — Потому что и мы оплатим тебе тем же и сделаем для тебя то, что ты сама не хочешь или не можешь совершить. Именно на таких условиях взаимной помощи мы и просим тебя об услуге.

— Хорошо сказано, — согласилась Элея, — если это не выходит за рамки нашей скорее предполагаемой, чем настоящей дружбы. Что я должна сделать для вас и почему?

— Мне кажется, с самого начала надо договориться не обсуждать здесь, почему кто-то о чем-то просит. Поскольку это дела личные, лучше оставить вопрос без ответа.

— Я, пожалуй, выпью за это, — сказала Элея и отпила глоток коктейля «Белая богиня». — Итак, что вам от меня нужно?

Дерринджер прочистил горло и начал:

— В Зоне Развлечений проживает некий тип, таможенник. Нам бы хотелось, чтобы ты нашла к нему подход и пригласила его провести с тобой уик-энд, где тебе самой захочется.

— Я должна принять ваше предложение? — холодно спросила Элея. — Речь идет о сексе?

— Не обязательно, — ответил Дерринджер. — Мы ничего такого не требуем. Ты сама вольна решать этот вопрос. Нам только нужно, чтобы его не было здесь ни в субботу, ни в воскресенье.

— Можно задать вопрос? Он сам меня пригласит на уик-энд?

— Нет, — ответил Дерринджер. — Ты должна его пригласить.

— А если он откажется?

— Мы сомневаемся, что он поступит подобным образом. А если он все-таки откажется, тогда уговор остается в силе: ты выполнила нашу просьбу, и мы тоже выполним свое обещание. Как только тебе что-то понадобится, мы сделаем все сразу же и без каких-либо увиливаний.

— Я сама могу выбрать место для уик-энда?

— Есть некоторые ограничения, — пояснил Дерринджер. —

Это место не должно быть дальше Венеры. Нам нужно, чтобы вы с ним добирались не дольше чем полдня.

— Вы дорожите временем, — сказала Элея. — А этот тип заплатит мне?

— Он оплатит все, — сказал Эбен. — Такова его романтическая задумка.

— Это мне подходит. А он не какой-нибудь урод или безобразно искалеченный?

— Нормальный, с виду даже приятный мужчина, руки, ноги и все прочее еще при нем. Его недостатком, возможно, окажется некая мономания, то есть пунктик. Ты сама это заметишь при общении, если вы встретитесь.

— Значит, я не имею права знать, зачем вам это надо? Ладно, так даже интересней.

— А теперь что мы можем сделать для тебя? — спросил Дерринджер.

— Наконец-то вспомнили и обо мне. О'кей. У меня две проблемы. Первая — это открыть одну Дверь в месте, о котором я скажу после того, как мы договоримся.

— Первую просьбу мы знаем. Какова вторая? — поторопил ее Дерринджер.

— Есть и вторая. Я хочу, чтобы кто-то из вас лично доставил мое письмо одной персоне.

— Твои просьбы подозрительно просты, — заметил Дерринджер. — Нет ли здесь подвоха?

— Возможно. Как и в вашей пустячной просьбе.

— Что ж, — вздохнул Дерринджер.

Такис хлопнул клешней, привлекая к себе внимание.

— Дискуссия окончена, не так ли? Мне необходимо немедленно вернуться на корабль и избавиться от этой икры. Мы договорились?

— Мы выполним твои просьбы, Элея, — пообещал девушке Дерринджер.

— А я выполню вашу, — ответила Элея.

— Прекрасно, — подвел итог Такис. — Теперь я поспешу на корабль, а вы обсудите, как все надо сделать.

Глава 81

Такис едва успел. Икра бунтовала и требовала к себе внимания. Такис не привык еще к внутренним признакам начала родов. Их испытывают только женские особи. Неожиданное уменьшение на его родной планете мужской популяции крабообраз-

ных заставило правительство издать указ, обязывающий каждую мужскую особь, после пересадки ей яичников, вынашивать икру для не менее чем пяти поколений крабообразных. Это, по подсчетам, может восполнить потери и довести популяцию до нормы. У Такиса было уже трое родов, это — его четвертые. Напавая себе под нос, он вложил красно-коричневую икру в собственном соку в пакет, заклеил его и отправил в отделение Службы по вопросам детства по месту своего жительства. Молодняк будет отличный, дальше о нем позаботятся другие. Так решили этот вопрос на планете Канцерия.

Приведя себя в порядок в ближайшей чистке для инопланетян недалеко от места их стоянки, Такис вернулся на корабль. Эбен и Дерринджер были уже там, и каждый из них готовился к своему заданию.

— Я чем-нибудь могу вам помочь? — спросил Такис.

— Следи за связью, на тот случай, если кому-нибудь из нас понадобится помощь.

— Нет проблем, — пообещал Такис. — Кто из вас будет открывать Дверь, о которой говорила Элея?

— Я взялся за это, — сказал Дерринджер. — Мы подозреваем, что это не такая простая задача, как говорит Элея. Иначе почему бы ей не справиться самой? Поскольку задание опасное, за это берусь я. Нас, Инспекторов, специально обучали способам защиты и нападения.

— Я уверен, что тоже мог бы справиться, — заметил Эбен. — Но у меня дело поважнее. Я найду Инопланетянина и передам ему письмо Элеи.

— Мы когда-нибудь узнаем, что в нем написано? — спросил Такис.

— Нет, не узнаем. Я и сам не знаю. Элея дала мне его запечатанным. Это мнемоническое послание, конверт будет открыт лишь в тот момент, когда я смогу передать его Инопланетянину.

— Что ж, это не столь интересно, — сказал Такис и повернулся к Дерринджеру. — Куда же ты отправишься искать эту Дверь?

— Не знаю, — ответил Дерринджер. — Элея не смогла вразумительно указать направление поиска. Сказала лишь, что я должен искать Дверь за Дверью, а за нею еще одну Дверь.

— Что это означает? — удивился Такис.

— Надеюсь, что найду ее быстро.

— Я буду сидеть на радиоприеме и беречь огонь в очаге до вашего возвращения. В добрый час, как говорят у вас на Земле.

Глава 82

Дерринджер отправился на поиски Двери почти налегке, прихватив лишь небольшой чемоданчик.

Начал он вполне логично со справочного бюро, благо будка стояла прямо рядом с кафе. Высокий длинноносый со светлыми волосами и высокомерно вскинутыми бровями молодой клерк не смог ответить на его вопрос.

— Никогда не слышал ничего подобного, — признался он. — Дверь за Дверью найти достаточно просто. Но чтобы за этими Дверями была еще одна Дверь? Я даже не знаю, что вам ответить.

— Возможно, если я доберусь до Двери за Дверью, то для дальнейших поисков этого будет вполне достаточно, — обрадовался Дерринджер.

— Это очень просто, — ответил клерк. — Вам надо попасть в Зону Смерти. Лучше бы, конечно, не ходить туда, если можно обойтись без этого.

— Я должен попасть туда, — стоял на своем Дерринджер.

Клерк еще выше вскинул брови, теперь они выражали искреннее сочувствие.

— Зона Смерти не входит в число тех мест, которые привлекают туристов.

— Я тоже так думаю.

— О ней не упоминается в брошюрах, которые издаются для туристов в Зоне Развлечений.

— И это вполне разумно, — согласился Дерринджер.

— Существует легенда, будто когда-то эту зону собирались сделать одной из арен для Игр, но потом отказались от этой идеи. Слишком она была ужасной.

— Просто расскажите мне, как туда попасть.

— Прежде вы должны дать подписку. — С этими словами клерк протянул Дерринджеру лист бумаги с напечатанным текстом. Дерринджер прочел: «Я, нижеподписавшийся, освобождаю всех жителей Зоны Развлечений и самого Правителя Земли Вишну от всякой вины и ответственности за то, что я сам намереваюсь совершить этот поистине неразумный и крайне опасный поступок. Если я погибну или сойду с ума, то сам за все в ответе, ибо вовремя не сказал себе того, что сказал бы всякий разумный человек: «Достаточно — это значит достаточно, а что более того, то это уже сверх меры».

Дерринджер, не раздумывая, поставил внизу свою подпись.

— А теперь вы должны встать по стойке «смирно» вон под тем странной формы светлым пятном, трижды шелкнуть каблу-

ками и трижды произнести: «Я хочу пройти в Зону Смерти, каким бы сумасбродным ни казался мой поступок», и вы тут же будете там.

— Зачем шелкать каблуками? — не мог не поинтересоваться озадаченный Дерринджер. — Это мне о чем-то смутно напоминает.

— Еще бы, — ответил клерк. — Вишну взял этот пароль из книги «Волшебник Изумрудного города» и, конечно же, присвоил себе.

— Да, конечно.

— Тогда вперед, если вы действительно решили совершить такую глупость.

Дерринджер закрыл глаза не потому, что так велел клерк, а потому, что с закрытыми глазами шагнуть неведомо куда легче. Он трижды повторил пароль и трижды шелкнул каблуками. Не успел растаять в воздухе звук третьего шелчка, как Дерринджер почувствовал, что вокруг него все изменилось. А значит, он с помощью научной магии уже переместился в Зону Развлечений для Мертвых.

Глава 83

Территория Зоны Развлечений для Мертвых ничем поначалу не поразила Дерринджера и показалась бы даже приятной, если бы не приглушенные звуки музыки. Звучали вариации на тему поэмы Рахманинова «Остров мертвых». Пейзаж, как и следовало ожидать, был печален: темные тополя, белый галечник, мраморные строения в классическом стиле, возводя которые, зодчие отдали должное «золотому сечению» Леонардо да Винчи. Не обошлось и без воронов. Шаловливые тучки в полнолуние флиртовали с луной, то покрывая траурной вуалью ее круглый лик, то снова открывая его. Тающие часы Сальвадора Дали висели над горизонтом, а под ними как лозунг была строка из Суинберна: «Время в лопнувшем стакане».

Чтобы поесть что-нибудь, надо было углубиться в дальние улочки Зоны Развлечений для Мертвых, ибо на главных улицах и бульварах все место было отдано диорамам на печальные и замогильные сюжеты: Ниобея, умоляющая Гектора сделать ее героиней любой другой легенды и дать ей еще один шанс, Аполлон и грации в день ответа.

Дерринджер зашел в итальянский ресторанчик и съел поминальный обед — это все, чем здесь кормили, — а затем отправился на поиски Двери за Дверью, чтобы потом добраться до той, что была за ними.

Как только он вышел на Дорогу печали, главную улицу Зоны Смерти, он не придумал ничего лучшего, как спросить первого встречного:

— Простите, не скажете ли вы, как я могу найти Дверь за Дверью?

— Конечно, скажу, — любезно ответил прохожий. — Вам надо сесть на трамвай № 5 и доехать до конечной остановки. Там вы увидите справочное бюро.

Дерринджер поблагодарил доброго человека и успел сесть на только что подошедший трамвай. Тот, гроыхая, повез его через центр Зоны Смерти в еще более печальные пригороды. Вскоре трамвай остановился перед низким каменным зданием. Дерринджер, убедившись, что это конечная, вышел. Трамвай тут же поехал обратно, а Дерринджер направился к зданию.

Войдя, он увидел мужчину, сидевшего за столом. Тот вопросительно поднял глаза.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Не скажете ли вы, где я могу найти Дверь за Дверью?

— Разумеется, — ответил мужчина. — Поднимитесь по лестнице этажом выше, поверните налево и идите до конца коридора. Вы сразу увидите ее. На ней надпись.

— А Дверь за нею?

— Она находится там же, за нею.

— Благодарю вас, — сказал Дерринджер. Он поднялся по лестнице, свернул налево. И, пройдя по коридору до конца, действительно уткнулся в Дверь. Над нею была табличка: «Вход, ведущий к Двери за Дверью».

Открыв Дверь, Дерринджер вошел и оказался в небольшой комнатухе, в глубине которой было две Двери. На одной из них висела табличка с надписью: «Дверь за Дверью», на другой значилось: «Академия Двери за Дверью, которую вы выберете первой, если у вас есть хотя бы половина того разума, каким Бог наделил незрелое яблоко».

Вспомнив старую пословицу о слепой кобыле, которой ровным счетом все равно, подмигнули ли ей или кивнули головой, Дерринджер выбрал вторую Дверь Академии.

Глава 84

Единственной зацепкой для поисков Инопланетянина была газета с его объявлением. Элея отдала ее Эбену. Внизу объявления был номер телефона.

С этим номером Эбен вернулся к себе и заказал разговор по

межпланетной связи. Его ничуть не удивило немедленное соединение. Именно этого он и ожидал от личности, равной ему по талантам и склонностям.

— Алло, это Инопланетянин?

— Да, имею честь быть им. Чем могу быть полезен? — Голос низкий, живой и искренний звучал чисто благодаря отличной слышимости.

— Привет, говорит Эбен. Я хотел бы встретиться с вами.

— Прошу извинить, но ваш голос слишком низок для молодой леди, которая ответила на мое объявление.

— Я не леди, — пояснил Эбен. — Я мужчина и хочу поговорить с вами.

— Меня это не интересует, — ответил Инопланетянин. — Я достаточно встречался с землянами, чтобы составить о них представление.

— Послушайте, мистер, у меня к вам письмо от женщины по имени Элея.

— Элея? Она посылает мне письмо? О чем оно, скажите!

— Боюсь, не смогу этого сделать. Это телепатированное письмо в заклеенном конверте, который следует вскрыть лишь при вас. Только тогда я смогу мнемоническим способом передать его содержание. Я должен сделать это лично.

— Понял вас, — согласился Инопланетянин. — Хорошо. Могу встретиться с вами сегодня после ленча, например, точно в два пополудни у Иглы Времени в Арена-парке.

— Отлично, мистер.

У Эбена было время не только перекусить, но и вздремнуть перед встречей с Инопланетянином. Ему повезло, выполнение обещания не стоило больших усилий. Он тут же пожалел беднягу Дерринджера с его дурацкой дверью, которую надо во что бы то ни стало найти и открыть. Это куда труднее, чем передать письмо.

Эбену очень хотелось знать содержание письма, прежде чем он передаст его. Что это Элее вздумалось разговаривать с каким-то инопланетянином? Чем ей не хороши свои земные парни?

Не то чтобы это задело Эбена. Она была неплохой девушкой, можно сказать, даже лакомым кусочком. Чертовски красива, если на то пошло. Но не из тех, память о ком будет преследовать как забытый рефрен, полустертые воспоминания далекого прошлого, на которые вдруг упал слабый рассветный лучик и высветил... женщину... Элею...

Эбен быстро прогнал эти расслабляющие волю мысли способом, хорошо знакомым людям его профессии. Не время думать о подобных вещах. Он велел себе сейчас же выбросить из головы Элею, потому что она никак не входила в его планы и, кроме того, у него ее письмо к Инопланетянину.

Глава 85

Эбен пришел на встречу с Инопланетянином вовремя. Верхняя площадка Иглы Времени, где они собирались встретиться, представляла собой открытую круговую платформу, достигающую верхушки Пирамиды Времени. Под нею был вход в Иглу, где за пустячную цену благодаря щедрости Вишну каждый мог совершить экскурсию в прошлое без всяких опасений, что это изменит историю.

Способ, которым Вишну сделал это, можно назвать революционным. Он познакомился с несколькими мирами, посетив их в машине времени и засняв все суперголографом. Заметим, используя технику виртуальной реальности, он сумел представить людям прошлое и будущее в том виде, в каком им хотелось это видеть и даже побывать в нем. Виртуальная реальность, созданная фотографиями Вишну, была идентична реальности, но скорее напоминала копию, сделанную под копирку, или мимеографию, если пользоваться лексиконом свято чтимого далекого прошлого. Вы можете вытворять что угодно в виртуальном будущем, это никак не отзовется на будущем реальном, с которого снята эта копия.

Эбена не интересовала Игла Времени. Для него это было просто местом встречи. Стоит ли морочить себе голову прошлым и будущим, где нельзя заниматься бизнесом и нет настоящих приключений? Что в этом хорошего?

Тут он наконец увидел выходящего из лифта Инопланетянина. Это был он, Эбен не мог ошибиться. Четыре руки и хвост. Кожа зеленого цвета. Волосы — трешотки гремучей змеи. Глаза — бездонные озера ужаса. Очень тонкие губы. Чужак, иного о нем не скажешь.

Инопланетянин сделал шаг вперед.

— Вы тот джентльмен, который хотел со мной увидеться?

— А вы тот Инопланетянин, который подписал объявление в газете?

— Да, имею честь им быть.

— Значит, письмо адресовано вам?

Эбен посмотрел чужаку в глаза. Несмотря на быстро бегающие зрачки, они отнюдь не были полны ужаса, просто были иными, вот и все. Кто сказал, что иные — значит плохие? И у него нет клыков. Он почти нормальный инопланетянин и даже вполне пригож собой.

Когда Эбену удалось уловить живой быстрый взгляд Инопланетянина, мнемоническое письмо Элеи стало открытым для него.

— Это письмо Элеи. Она пишет следующее: «Благодарю за весьма лестное приглашение осмотреть ваш личный планетоид, не покидая вашей летающей спальни, но, учитывая огромные различия наших организмов и несовместимость наших желаний, я вынуждена, поблагодарив вас, отказаться».

— И это все? — воскликнул Инопланетянин.

— Да, все, — подтвердил Эбен.

— О! — не удержавшись, разочарованно выдохнул бедняга.

— Что-то не так? — спросил Эбен.

— Я надеялся на большее.

— Что ж, это все, что я могу вам сказать.

— Боюсь, вы правы. Это значит, что мне, пожалуй, лучше вернуться к своим делам.

— Каким трудом вы зарабатываете себе на жизнь? — вежливо справился Эбен.

— Я командир космического флота. В нем двести тысяч боевых кораблей.

— Торговцы?

— Нет, мы пираты.

— Неужели? Я ничего об этом не знал.

— Моя одежда не столь бросающаяся, — сказал Инопланетянин, окидывая себя довольным взглядом. — Серый камзол с пышными рукавами, разрезами и алыми вставками в них, панталоны, приспособленные у лодыжек, туфли с загнутыми носками. Именно так все представляют себе одежду инопланетянина. Пусть вас это не вводит в заблуждение. Под этой одеждой скрывается командующий космическим флотом из двухсот тысяч кораблей, ждущих своего часа за темной тучей из некоего вещества у Альфы Центавра. Мы, пираты, умеем прятаться, дожидаясь момента, когда представится случай показать, на что мы способны. А мы беспощадны.

— Вы здесь, чтобы следить за Землей?

— Угадали. Здесь у меня небольшой наблюдательный пункт. Ваша планета — неплохая добыча. Думаю, мы просто налетим,

как стая, соберем все, что на поверхности, закатаем, как в ковер, в верхний слой земли и вместе с ним перевезем к себе.

— Если такое произойдет, сколько людей вы сделаете несчастными.

— Что ж, тогда, пожалуй, мы не сделаем этого. Мы, пираты, славимся своим легкомыслием, мы меняем свое мнение по любому поводу, а то и без него. Непостоянны и переменчивы, как ветер. Кроме двух случаев.

— Каких?

— Мы верны своим женщинам. Я надеялся, что Элея согласится разделить со мною трон. Однако она даже не решилась осмотреть вместе со мной мой планетоид... Что ж, не повезло.

— А еще в чем вы постоянны? — поинтересовался Эбен.

— В своем интересе к некоторым таинственным объектам неземного происхождения, которые время от времени посещают наши миры, творят свои темные колдовские делишки и исчезают. Я бы отдал все, чтобы заполучить такой объект, а если это невозможно, то хотя бы побывать в его присутствии, ощутить на себе его мистическую ауру.

— Вы говорите о каком-то конкретном предмете? — поинтересовался Эбен.

— Да. Именно такой привлек наше внимание. Нам стало известно, что он появился на вашей планете как некий подарок компьютеру Вишну, который правит вами. Подозревают, что этот подарок из вечности, или, во всяком случае, как я полагаю, это энтелехия, нематериальное фантастическое жизненное начало из не нашего времени и пространства. Оно называется на земном языке и на языке инопланетян «Совет Галактики». Ага! Я вижу, как с вашего лица исчезло безразличие. Означает ли это, что вы тоже слышали об Аппарате?

— Слышал, — охотно признался Эбен. — Я даже сопровождаю одного человека, который ищет его.

— Вот как! Конечно, иначе и быть не могло, кто-то уже должен был охотиться за Аппаратом, — воскликнул Инопланетянин.

— Так-то оно так, но это не означает, что Аппарат достанется именно ему.

— У нас есть поговорка, — сказал Инопланетянин. — «Сверхъестественный объект останется у того, кто последним возьмет его в руки».

— Мудрая поговорка, — согласился Эбен.

— Могу я предположить, что я разговариваю с тем, кто намерен быть предпоследним обладателем Аппарата?

— А последним, без сомнения, будете вы.

— Таково мое намерение. И если деньги заговорят...

— Я всегда чутко прислушиваюсь к голосу денег, — заметил как бы невзначай Эбен. — При условии, что их голос достаточно звучен, чтобы привлечь мое внимание.

— Я могу собрать столько денег, что они будут звучать раскатами грома в ваших ушах, — посулил Инопланетянин.

— Подумаю, что можно сделать, — ответил Эбен. — Но взамен обещайте не трогать Землю.

— Конечно, никаких проблем! — воскликнул обнадеженный Инопланетянин. — Вперед, дружище, и сделайте все, чтобы добиться для меня этот Аппарат. Я буду следить за вашими успехами, как я это умею.

— Как? — не мог не поинтересоваться Эбен.

— Как это делают инопланетяне, — ответил тот.

Глава 86

Элее довольно быстро удалось изучить распорядок дня и привычки Таможенного Чиновника. Весь день он проводил в офисе, сидя в своем кабинете на высоком стуле, сгорбившись над чертежной доской и покорно смирившись с недостатком света на своем месте. Ленч он тоже съедал, не покидая кабинета. Официант из ближайшего кафе приносил ему на подносике бутерброд и стакан пива. Запросы у него были более чем скромные. Вечерами он шел домой пешком в свою неуютную квартиру в грязном переулке без тротуаров и мостовой, выходившем прямо к Атомному реактору, неподалеку от Арены. Но ни гром небесный, ни сверкнувшая подобно острому мечу молния не способны были нарушить покой, поколебать веру этого человека в себя, хранившуюся в глубоких и темных тайниках его души, откуда тем не менее нежданно-негаданно вскипали, как пузыри, предвестники перемен, судьбы, кармы, — назовите их, как хотите, никто оспаривать не станет, — и временами вырывались, чтобы лопнуть на поверхности его жизни.

Элея стала одним из таких пузырей, неосознанно сотворенных самим Таможенным Чиновником в его тайной внутренней фабрике снов, ибо каждый из нас является таким всемогущим создателем всего и вся. Но этот пузырь пока не возник на по-

верхности, потому что Элея продолжала еще изучать своего клиента.

Она следила за ним с жадностью хищника. Элея была прежде всего охотницей, а этот мужчина — ее жертвой. Неудержимое желание овладеть ситуацией возникло у нее, как только она увидела безукоризненно одетого мужчину, пересекающего зал скромного ресторанчика, в котором он, Начальник Таможни, обычно каждый вечер ужинал.

После характеристики, данной Эбеном, она ожидала увидеть грубого и неотесанного мужлана, а увидела полную ему противоположность. Начальник Таможни оказался мужчиной с мелкими чертами лица, нормального телосложения и, судя по всему, скорее меланхолик, чем грубиян. Он был немного сутул, среднего роста, худощав. Почему она решила, что он будет толстым? Только теперь Элея поняла глубину той антипатии, вполне, должно быть, объяснимой, которая, видимо, возникла между такими разными архетипами, какими являются Эбен и Таможенный Чиновник. Этим и объяснялись предвзятость и необъективность Эбена. Однако какое ей до всего этого дело? Хотя благодаря необъективности Эбена у нее, возможно, будет неплохой уик-энд.

Вне всякого сомнения, теперь пришел ее черед сделать решительный шаг.

Она взглянула на себя в крохотное зеркальце пудреницы и осталась довольна. Без сомнения, она выглядела хорошо. Прическа а-ля Медуза Горгона — сверкающие золотом тугие локоны были уложены в искусном беспорядке вокруг головы — ей очень к лицу. Элея была убеждена, что теперь все зависит от того, как она сыграет свою роль.

Встав, она пересекла зал ресторана с равнодушием, хотя и показным, которое лучше всего подчеркивало одну из черт натуры этой незаурядной и красивой молодой женщины. Красавица не должна показывать, что знает, какое опустошение в сердцах мужчин может произвести ее красота. Но это вовсе не означает, что показное равнодушие несовместимо с искренней чистосердечностью.

— Привет, — сказала она непринужденно, — могу я сесть за ваш столик?

Если для Таможенного Чиновника это и было испугавшей его неожиданностью, он умело скрыл свой страх.

— Прошу, садитесь, — как-то неуверенно произнес он, а

затем, словно вспомнив, что еще принято говорить в таких случаях, добавил: — Будьте моей гостьей.

— С удовольствием, — включилась в разговор Элея, присаживаясь. — Итак, я постараюсь быть с вами предельно откровенной, если, конечно, вы не предпочитаете ходить вокруг да около и вести беседы ни о чем.

— Что вы? Давайте сразу перейдем к делу, — быстро согласился Начальник Таможни.

— У меня есть идея, вернее, каприз, если хотите, — начала Элея. — Почему бы нам с вами не провести уик-энд, две ночи и два дня, в каком-нибудь роскошном отеле по вашему выбору? И за ваш счет, конечно. Что случится или не случится потом, мы не станем сейчас обсуждать или брать на себя какие-либо обязательства — в частности, я имею в виду секс, но не исключая и иных обязательств, ибо это свободный договор, не связывающий нас условиями. Как вы смотрите на это? Или я проговорила все слишком быстро?

— Быстрота, с которой вы все изложили, правда, удивительна, — согласился Начальник Таможни, — но моя способность мгновенно уловить суть сказанного вами, я убежден, отнюдь не уступает вашей способности быстро излагать свои мысли, в чем вы сами вскоре убедитесь. Я, возможно, даже превзойду вас, если допустить, что предположение Шелдрейка о том, что будущее влияет на настоящее, верно. Что вы скажете, если мы останемся в отеле «Звездочет», самом шикарном на Луне? Я сразу же закажу номер, а улечу туда мы можем сегодня же вечером.

Элея улыбнулась.

— Быстрота вашей адаптации к новым для вас условиям делает вам честь. Хотя, возможно, вы предполагали нечто подобное. Не будем терять время.

— Я в восторге, — ответил Элвин. — Но позвольте внести предложение. Давайте закончим наш ужин. Здесь кормят довольно прилично.

Элея кивнула в знак согласия и не в последний раз удивилась апломбу этого человека, с виду простого Начальника Таможни. Что скрывается под этой неприметной внешностью? Это ей предстоит еще узнать.

Глава 87

Отель на Луне, с одной стороны, был совершенством, с другой — чистейшим парадоксом. То, что в нем было совершенного, можно определить несколькими словами: самый дорогой

отель в Солнечной системе. Что же касается его парадоксальности, то для этого потребуются углубиться в область эстетического.

У Луны, с точки зрения нынешнего поколения, уродливое лицо: на ней нет кислорода, а лишь бесцветные голые камни, пыль и бесплодный грунт. Казалось, зачем здесь строить роскошный отель? Но фазана коммерции и рекламы лучше всего жарить на метафорах, щедро подбрасывая оксюмороны. Чем они глупее и парадоксальней, тем убедительней.

Поскольку на Луне нет жизни, владельцы отеля загорелись желанием создать здесь ландшафты Земли, перенести на эту мертвую планету уголок тропиков с их буйной растительностью. И им это удалось. Под огромным куполом, накрывшим весь участок вместе с отелем, был теплый влажный воздух, столь необходимый растительности джунглей.

На десяти квадратных милях, накрытых куполом, удалось сделать не только это. Все здесь казалось большим, просторным благодаря хитроумному использованию системы зеркал, создававших впечатление безбрежности океана и бесконечности песчаной полосы пляжей, как в настоящих тропиках. Многочисленные прогулочные дорожки были спланированы так, что дважды на одну и ту же не выйдешь, так же как дважды не увидишь одного и того же пейзажа.

Все это плюс первоклассный ресторан и водный спорт сделали отель на Луне мечтой всех, кто искал удовольствий и развлечений.

Элею несколько удивило, что Таможенный Чиновник мог позволить себе столь дорогое удовольствие. Возможно, отец оставил ему в наследство мешок денег.

Главное здание отеля представляло собой большой дом под тростниковой крышей. Элея и ее спутник были приветливо встречены, когда шаттл высадил их на летной полосе отеля. Однако их номер оказался не в главном корпусе. Их поместили в одном из шикарных бунгало, разбросанных по побережью океана и в джунглях.

Они были тепло встречены личным дворецким, слуги повесили их одежду в шкафы и хлопотали вокруг них так, чтобы никто не почувствовал ностальгии по дому. Дворецкий угостил их фирменным тортом и редким сортом светлого пива, которое отель получал с Марса.

Вторую половину дня они катались на дрессированных дельфинах, что входило в стоимость услуг, потом их ждал роскош-

ный ужин в бунгало, а вечером они прослушали под звуки ситар лекцию о Руми.

Вернувшись в бунгало и лежа в одной постели, они словно не замечали друг друга. По какой-то загадочной причине Элея не испытывала ни влечения, ни антипатии, а только равнодушие, что озадачило ее. Она привыкла отвечать на сексуальную близость в любых обстоятельствах.

Ей даже пришлось в голову придвинуться поближе к этому мужчине и спровоцировать его, но она тут же передумала, потому что ей все время казалось, что некая неведомая сила увлекает их в неизвестном направлении. Элея, воспитанная покорно слушать Богине Диане, готова была ждать, что же последует дальше. К тому же она почувствовала, что очень устала после катания на дельфинах.

Следующий день был последним. Как быстро летит время, если интересно его проводишь, даже в несколько двусмысленной ситуации. Элея удивилась, что у них осталась всего одна ночь. Завтра утром, когда они проснутся, каждый вернется к своей жизни, и их пути более никогда не пересекутся. Она внезапно почувствовала что-то похожее на страх, ибо предчувствия говорили ей, что произойдет что-то важное и необычное.

— Может, нам прогуляться по пляжу и поговорить? — предложила она Начальнику Таможни после ужина.

— С удовольствием. Я только что собирался сказать вам то же самое. Кстати, зовите меня просто Элвин.

Берег мерцал и искрился под искусственным, однако вполне правдоподобным светом луны. Луна на планете Луна. Это напомнило Элее о Двери за Дверью. Жизнь в джунглях уже затихла, когда они спустились к линии прибоя, где мелкие волны красиво набегали на искусственный берег.

— Я собираюсь спросить вас кое о чем, — сказала Элея.

— Спрашивайте, не стесняйтесь.

— На самом деле вы не хотели ехать со мной на уик-энд?

Элвин улыбнулся. Это была печальная и даже приятная улыбка.

— Мне, собственно, было все равно. Я сразу понял, что у нас с вами нет взаимного влечения, да и не может быть.

— Почему в таком случае вы согласились? — спросила Элея. — Разве вы не подозревали, что вас просто убирают с дороги на два дня?

— Я прекрасно знал об этом, — ответил Элвин. — Но вы, ра-

зумеется, не подозревали, что, убирая меня, вы убрали и себя тоже.

Она смотрела на него так, словно не верила ему или же очень сомневалась.

— Кто вы на самом деле? — наконец спросила она.

— Мое настоящее имя не имеет значения, — сказал Элвин, Начальник Таможни. — Но вы должны знать, раз уж мы об этом заговорили, что я не тот, за кого вы меня принимаете, я не из вашего времени и не из вашего пространства. Я тот, кого у вас принято называть Пришельцем из Галактики.

Теперь Элея уже не скрывала своего удивления.

— Зачем вы сделали это? — Голос ее упал до шепота.

— Объяснение придется искать в глубине далеких веков.

— Расскажите мне, пожалуйста.

— Я поехал на уик-энд с вами, — сказал Пришелец из Галактики, — чтобы эта история продолжалась. А ей грозит забвение. Такое случается даже с самыми лучшими историями. Но мы, Пришельцы, не можем позволить ей оборваться. Поэтому время от времени мы появляемся и ускоряем события.

— В таком случае вы Лорд-хранитель Пробелов в Манускриптах, — медленно промолвила она.

— И всего того, что лежит между ними.

— Господин, что мне делать?

— Проведите эту ночь в размышлениях о той, кого вы величаете Богиней. Утром вернитесь к тому, что идет своим чередом, и к вашей роли в этом. Вы увидите, что развитие сюжета за ваше отсутствие намного продвинулось вперед. Разумеется, вы и словом никому не должны обмолвиться об этом разговоре.

— А если я это сделаю?

— Тогда на вас найдется редактор.

Итак, утром Элея была готова вернуться к Эбену и Дерринджеру и сказать им, что выполнила все, о чем они ее просили. Выполнили ли они свои обещания?

Глава 88

Прямоугольник из грубой оберточной бумаги. В нем — черный квадрат. Вот что дал инструктор Дерринджеру и всем остальным в классе в первый день учебы в Академии, где они должны были получить свои знания о Двери за Дверью.

— Джентльмены, — обратился к ним инструктор, — мы начинаем изучение Двери за Дверью, этого вечного символа и

знака действительности в царстве Смерти. Вы все пришли сюда, чтобы узнать, как подойти к этой Двери, как встретить те опасности, которые вам сулит встреча с ее стражем, и как преодолеть их и наконец открыть Дверь, а самому тут же уйти, не входя в нее.

Лекции читались в строгой секретности, и все дали слово никогда не рассказывать о них. Все пообещали сделать это, в том числе и ваш рассказчик, читатель, ибо благодаря своей интуиции и прозорливости он оказался в Зоне Смерти одновременно с главным героем Дерринджером. Он (или я, если говорить прямо) не намерен разглашать то, что мы с Дерринджером узнали на этом инструктаже. А это ставит меня в гораздо более щекотливое положение, чем человека, которого там не было. Если я попытаюсь рассказать что-либо об этих лекциях, я рискую непреднамеренно и просто нечаянно намекнуть на то, что там на самом деле происходило. Поэтому я вынужден обуздать свои эмоции ради сохранения тайны и перехожу прямо к тому моменту, когда Дерринджер закончил курс инструктажа и не без волнения и внутреннего трепета приблизился к Двери за Дверью, за которыми была еще одна Дверь.

Прежде чем достигнуть Двери за Дверью, Дерринджеру пришлось пройти по длинной и плохо освещенной галерее со множеством бюстов в нишах. В конце галереи он увидел черную Дверь, которую окутывали клубы призрачного тумана. Подойдя поближе, Дерринджер заметил, как туман, уплотнившись, превратился в непонятной формы серое существо с хвостом, у него на глазах приобретшее наконец четкие очертания. Дерринджер увидел перед собой людоеда. В этом не было никаких сомнений.

— Приветствую тебя, молодой Ирландец, — изрекло чудовище громовым голосом. — Неужели ты покинул дом в Коннеоте, чтобы попытаться сразиться со мной?

— Здесь какая-то ошибка, — пролепетал Дерринджер. — Я не ирландец. По происхождению я француз. Впрочем, родословная моей семьи берет начало в те времена, когда Франции еще не было. Наша страна называлась Лионез, и мы все были в рабстве у королевы Тьмы Дахут.

— Послушай, цыпа, — промолвил людоед, — не заговаривай мне зубы. Меня не интересует твоя дурацкая родословная, но уж если ты пришел сюда, то приготовься к неприятностям.

— Неприятности — мое второе имя, — храбро заявил Дерринджер, вспомнив старую поговорку.

— В таком случае, — ответил людоед, — начнем.

Они схватились, пробуя силу друг друга. Поединок начался в освещенном желтым светом коридоре, ведущем к Двери, за которой находилась Смерть. Людоед владел приемами опытного убийцы и был опасен. Но Дерринджер тоже кое-чему научился в школе Спартанцев. Секреты этого обучения здесь не место открывать. Все это очень пригодилось Дерринджеру, он был быстр, удары наносил умело и вскоре положил людоеда на обе лопатки.

Поднявшись, людоед даже похвалил его:

— Неплохо, молодой воин. А теперь поскорее убирайся из города, пока я окончательно не разозлился.

— Ну уж нет, — возразил Дерринджер. Радость одержанной победы настолько возбудила его, что он даже заговорил фальцетом. — Я не уйду отсюда, пока не выполню своей задачи.

— Тогда выполняй эту дурацкую задачу. Открывая Дверь. Я разрешаю.

— Так не пойдет, — возмутился Дерринджер. — Ты сам должен ее мне открыть.

— Ты кое-чему научился в Академии. Хорошо, я открою тебе Дверь. — С этими словами широким жестом людоед открыл Дверь. — Пожалуйста, можешь входить.

— Не я, — сказал Дерринджер. — Моя задача — открыть Дверь, но не входить в нее.

— А где в таком случае тот, кто войдет в нее?

— Это она. И войдет тогда, когда захочет.

— А что мне теперь делать с этой Дверью? Стоять возле нее и ковырять в носу?

— Вот именно, — с удовольствием подтвердил Дерринджер. И, повернувшись, ушел, оставив людоеда дрожать на космическом сквозняке.

Глава 89

Дерринджер вернулся на корабль Эбена с радостной для Элеи вестью: он выполнил ее просьбу и открыл Дверь. Теперь, распахнутая настежь, она ждет того, кто должен в нее войти. Это сделает миссис Вишну, которой необходимо немедленно сообщить всю информацию. Поэтому Элея тут же отправилась на планетоид Ноль-12, оставив Эбена дожидаться бутерброд с копченой говядиной, который припас для себя Дерринджер. Сам он поспешил принять душ, ибо надо было снова собираться в путь на поиски Аппарата, все еще находившегося в руках Таинственного Клоуна.

Глава 90

Полет к миссис Вишну не занял много времени, и вскоре Элея стояла перед госпожой в ее будуаре на планетоиде Ноль-12, куда невозможно вернуться, разве что при особых обстоятельствах, как это удалось Элее.

Миссис Вишну предстала перед ней стройной, с пышным бюстом, рыжеволосой красоткой, молодой во всех отношениях. И только глаза выдавали не поддающийся разгадке возраст Богини.

— Ваша светлость, я вернулась, — сказала Элея.

— Как раз вовремя, — воскликнула обрадованная миссис Вишну. — Мне нужен совет. Что ты думаешь об этом платье?

Элея окинула миссис Вишну критическим взглядом.

— Оно сидит на вас безукоризненно.

— Нет, скажи мне правду!

— Что ж, скажу... Этот цвет вам не идет.

— Я тоже так подумала, — согласилась миссис Вишну. — Только что сама собиралась сказать себе это. Но ты мне помогла. Я чуть погоды переоденусь. А теперь ответь, Элея, где ты была?

— Там, куда вы меня послали, Ваша светлость.

— О, неужели я тебя куда-то посылала? Да, кажется, я это сделала. О, дорогая, извини, это все моя бедная память. Впрочем, бедная я, потому что память у меня отличная, но что-то во мне самой иногда мешает должным образом пользоваться ею.

— Прекрасная память на все времена, — напомнила Элея, — это изобретение Аполлона и касается только мужчин. Оно не входит в перечень наших женских достоинств.

— Я знаю, что для нас это не имеет особого значения, — согласилась миссис Вишну. — Мне это тоже известно, хотя не знаю откуда. О, Элея, если бы ты знала, как трудно быть почти бессмертной кибернетической машиной с признаками пола. Любовь причиняет боль.

Элея склонила голову, уловив нотки горечи в голосе миссис Вишну.

— Но любовь — это единственное чувство, которое чего-то стоит.

Миссис Вишну согласно кивнула.

— Черт побери! Итак, Дверь открыта. Это верно?

— Да, Ваша светлость, — подтвердила Элея. — Ваш путь домой, на Землю, на ваше законное место рядом с Вишну открыт перед вами.

— Я даже не знаю, чего я, в сущности, хочу, — капризно промолвила миссис Вишну. — Мне было здесь хорошо без него. Можно многое сказать в упрек принципу «мальчик — девочка» среди разумных машин. Любовь туманит разум, Элея.

— Однако вы сами как-то сказали, что нужен лишь тот разум, который может смотреть на мир через призму любви.

— Я столько всякого наговорила, — созналась миссис Вишну. — Я столь же могущественна и умна, как Вишну. Почему же у меня нет уверенности в себе?

— Потому, что вы позволили ему отправить вас в изгнание, — сказала Элея. — Ваша уверенность в себе еще не оправилась от удара.

— Я думала, что он и я просто играем, — пояснила миссис Вишну. — Я не подозревала, что, согласившись покинуть Землю, я никогда не смогу вернуться обратно.

— Теперь вы можете вернуться, — успокоила ее Элея.

— Да? А что, если он не захочет принять меня? Что тогда, а?

— В этом случае вы забудете о любви и променяете ее на золото. Контроль и власть над Землей. А почему бы нет, черт побери! Почему бы с вашей помощью не использовать женские принципы в управлении Землей? И не только для себя. Вернувшись на Землю, вы распространите правление Богини, которое было беспощадно ограничено в этой Галактике из-за высокомерия и наглости мужчин.

— Ты права, разумеется. Не повезло в любви, может, повезет в исполнении долга. Я сделаю это, Элея, и сейчас же отправлюсь к Двери. Вернее, через несколько минут. Прежде помощи мне подобрать платье того цвета, который мне к лицу.

Глава 91

Когда Элея наконец ушла, кибернетическая рыжая красотка отнюдь не успокоилась, ибо так и не смогла решить окончательно, что ей надеть, и бесчисленное количество раз меняла косметику и прически. Ей все не нравилось.

Ярый поборник мужского превосходства, такой, как Вишну, если бы узнал об этом, — чего, к счастью, не могло случиться, но все же, если бы это случилось, — ограничился бы тем, что снисходительно назвал поведение миссис Вишну типично женским, а следовательно, глупым. Но если посмотреть на это глубже и с другой стороны, тот факт, что миссис Вишну столько времени потратила на выбор платья и косметики, мог бы просто оз-

начать репетицию нужных жестов и ответов в том полном мистицизма заброшенном месте, откуда оказывается такое влияние на всю Землю и где особым нюансом является король. Какой она появится в стране Вишну, ее внешность и одежда играли первостепенную роль для хитроумной кибернетической конструкции, именуемой миссис Вишну, ибо она сделала ставку на сексуальную привлекательность и неопровержимость своих женских доводов, от которых Вишну теперь не уйти.

У него будет хлопот по горло, когда эта рыжая красotka отойдет от своего зеркала и войдет в Дверь между мирами, которая все еще стоит открытой, и людоед, продрогший до костей на космических сквозняках, пока еще терпеливо сторожит ее. Хотя у бедняги на уме лишь одна мысль: снова закрыть Дверь. Уж слишком все это затянулось. Но когда такое бывало, чтобы женское тщеславие уступило место мыслям о каких-то сверхъестественных существах, терпящих неудобства?

Глава 92

Дерринджер все еще пребывал в поисках Таинственного Клоуна. И если кто-то еще толком не понимал, что ему надлежит делать, озадаченный обещаниями и любовью, то Дерринджер хорошо знал, как ему следует действовать.

Поэтому, попрощавшись с друзьями, он сел на трамвай, управляющийся от Арены по весьма неопределенному маршруту туда, где жил Клоун.

Дерринджер нашел его мало изменившимся. Клоун тут же перестал забавляться своей машиной искусственных волн, в которой перманентно что-то не ладилось, хотя на один рейс и одну историю ей волн хватало.

— Ладно, — сказал Дерринджер, — я однажды испробовал вашу машину, и это причинило мне кучу неприятностей. Теперь без всяких уверток и экивоков скажите, где я могу найти Аппарат.

— Не разрешите ли хотя бы один экивок, ради удовольствия?

— Нет, просто ответьте мне на мой вопрос, и я пойду дальше.

— Что ж, мне кажется, — глубокомысленно заметил Клоун, — что, несмотря на ваше упорство и настойчивость, вы, черт побери, совсем не умеете читать знаки. Вы с трудом различаете след, если вообще на него напали.

— Это мое дело, — сердито ответил Дерринджер. — Где Аппарат?

— Он здесь, — просто ответил Клоун. — В моем бунгало. — И он повел Дерринджера к рядам небольших простых домиков с заборами из штакетника. Таинственный Клоун жил в третьем доме от конца. Войдя внутрь, Клоун предложил гостю стакан чаю, а сам отлучился из комнаты, но тут же вернулся с большим блестящим ящиком в руках.

— Ящик мой и, разумеется, останется у меня, — предупредил он Дерринджера. — А то, что вам нужно, находится внутри.

Дерринджер, не теряя времени, открыл ящик. Что-то по форме и размерам напоминающее молочного поросенка, только из металла, попыталось выскочить вон, однако Дерринджер успел взять его в руки.

— Значит, вы и есть Аппарат? — воскликнул Дерринджер.

— Да, имею честь быть им, — ответил Аппарат. — Как я понимаю, вы собираетесь отдать меня кому-то?

— Верно, собираюсь. Сначала вы предназначались для Вишну, вот ему я вас и отдам. Вы должны дать мне слово, что перестанете менять свою форму и цвет, откажетесь от попыток сбегать и станете спокойным подарком, как вам и положено.

Аппарат посмотрел на Клоуна, тот кивнул ему, и Аппарат согласился.

— Хорошо, я обещаю. Но вы должны кое-что сделать для меня.

— Что именно?

— Не отправляйте меня сразу же к Вишну, а отвезите сначала к вашим друзьям Эбену и Элее. После всего, что им пришлось испытать, пусть они хотя бы посмотрят на меня.

— Легко это сделать, — сказал Дерринджер, — но у меня нет блестящего ящика, чтобы положить вас туда. Этот ящик принадлежит Клоуну, зато у меня есть хороший мешок. Вам он подойдет?

— Не важно, — ответил Аппарат. — Но с этой минуты я нем, равнодушен и мне на все наплевать.

Дерринджер более не добился от него ни слова.

Глава 93

Совершив посадку на космодроме планетоида, Дерринджер без приключений и трудностей встретился с Вишну. Умный компьютер, он же Правитель Мира, хорошо помнил, какую задачу поставил перед молодым Спартанцем.

Он принял его в гостиной. Потолок с куполом, как в храме, был освещен тремя огромными люстрами. Одна из них когда-то украшала Зимний дворец русского царя. Теперь она служила Передовой Технологии мира, цели куда более великой, чем служение автократии. В дополнение к люстрам, в гостиной было много других светильников, и поэтому комната казалась сверкающей медузой. В одном ее углу стоял стол розового дерева с редкими яствами и напитками. И хотя Вишну сам не нуждался в еде, ему была необходима лишь энергия, он любил угощать своих редких гостей из землян.

На этот раз он предстал перед гостем в облике высокого молодого длинноносого англичанина со светлыми волосами и фальшивой ученой степенью Итонского университета. Вишну был немного снобом.

— Приветствую вас, — поздоровался он с Дерринджером. — Вам удалось найти его?

— Да, он у меня, сэр, — ответил Дерринджер и протянул большой джутовый мешок, в который положил Аппарат.

— Прекрасно, прекрасно. Надеюсь, это не доставило вам много неприятностей?

— Ничего такого, что не удалось бы преодолеть, сэр, — скромно ответил Дерринджер.

— Мне кажется, вы знакомы с доктором Атертоном?

Доктор, расположившийся в кресле, покрытом собольей накидкой, почти утонул в пушистом мехе. Он выглядел таким, каким бывал обычно. Поднявшись, он приветствовал Дерринджера полуироничным кивком, полным, очевидно, какого-то значения, что, однако, не произвело на расторопного молодого Инспектора никакого впечатления.

— Итак, вы его нашли? — повторил Вишну.

— Да, нашел, — снова подтвердил Дерринджер.

Он достал подбитый чем-то мягким чемоданчик и вынул из него Аппарат. Вид у последнего был загадочный и мрачный.

— Вы с ним, кажется, встречались, сэр? — спросил Дерринджер у Вишну.

— Да, было такое, — ответил Вишну, протягивая руку к подарку.

Аппарат почернел и ничего не ответил.

Дерринджер толкнул его.

— А ну, давайте. Не дело так себя вести.

Аппарат снова обрел свой обычный розовый цвет.

— Подумать только, меня учит манерам землянин, — возму-

тился он и почему-то вдруг рассмеялся. Это был искренний добродушный смех, затем он протянул им свою худую конечность, похожую на какой-то сухой отросток.

— Итак, Вишну, — сказал Аппарат, — вы плохо тогда ко мне отнеслись. Думаю, урок пойдет вам на пользу. Ладно, никаких обид.

Убедившись, что все идет, как должно, Дерринджер по форме 101 преклонил колени, как его учили в Спартанской школе вести себя перед высшими по чину и по уму, и вручил Аппарат Вишну.

В ту минуту, когда протянутая рука Вишну была готова взять подарок, голос доктора Атертона остановил его.

— Я не хочу портить вам удовольствие, сэр, — промолвил он испуганно, — но вы просили меня остановить вас, если вы будете на грани необдуманного действия.

— Я просто принимаю подарок, — удивился Вишну. — Вы называете это необдуманным действием?

— Вы стали вдруг очень невинным и наивным, — съязвил Атертон.

— Не преувеличиваете ли вы в данном случае? — спросил Вишну.

— Здесь вопросы буду задавать я, — сказал Атертон. — Не обижайтесь, но я ваш терапевт.

— Конечно. Однако вы уверены, что в этом действии есть нечто такое, что заслуживает внимания терапевта?

— Как же иначе нам решить эту проблему?

— О'кей, предположим, есть какая-то причина для терапии. Но зачем, черт побери, придираться по мелочам?

— Не сердитесь, я лишь хочу помочь вам, — ответил Атертон.

— Ближе к делу, — раздраженно сказал Вишну. — И, пожалуйста, без пустяков.

— Я хочу сказать вам, сэр, — начал Атертон, — что, приняв Аппарат, если вы действительно решили это сделать, вы обрекаете себя на серию действий, последствия которых даже вы не можете себе представить.

— Это так плохо? — спросил Вишну.

Атертон пожал плечами.

— Ведь вы у нас суперинтеллект. Я просто указываю вам на то, что мне кажется поведением, достойным психоанализа.

Вишну какое-то время молчал.

— Черт побери, я действительно не могу себе представить, что случится, если я возьму Аппарат.

— Как не мог Эдип предусмотреть последствия своей женитьбы на красивой леди по имени Иокаста, — иронично произнес доктор.

— Что ж, если ослеп Эдип, почему не могу ослепнуть я? Метафорически, конечно. Дерринджер, дайте мне подарок.

Когда Вишну потянулся за подарком, Атертон демонстративно отвернулся и засвистел старинный, но популярный мотив.

— Вы знаете, — рассердился Вишну, — как меня раздражает, когда вы себя так ведете.

— О, простите, — извинился Атертон и замолчал.

— Что с вами? — допытывался Вишну. — Что вы пытаетесь мне сказать?

— Предсказаниям Кассандры тоже не верили, — мрачно откомментировал Атертон.

— Что, в конце концов, вы пытаетесь сказать мне?

— Я не пытаюсь, — ответил Атертон. — Я говорю вам.

— Но это бессмыслица! — сердился Вишну.

— То же самое все говорили Кассандре.

— Знаете, мне действительно это не нужно, — сказал Вишну. — Давайте быстро пройдемся по списку статус-кво. Я по-прежнему Правитель Земли, так или не так? Миссис Вишну все еще в изгнании. Мне послан подарок в виде Аппарата. Так или нет?

— Если вы так считаете, — ответил Атертон.

— Черт побери, вы ведете себя по-идиотски глупо. Ничто не изменит мой мир.

— Так думали «Битлз», — ответил Атертон.

— О, пойдите и окупите вашу голову в холодную воду, — ответил Вишну и взял подарок из рук Дерринджера.

И в это мгновение комнату залил сноп слепящего света, исходившего откуда-то из-за Аппарата. Его источники могли быть миниатюрными и невидимыми, но сила света была огромной. Аппарат внезапно стал меняться, на нем появились признаки лица. Приблизившись к Вишну, он стал что-то быстро шептать ему на ухо.

— Что он говорит? — спросил Дерринджер у Атертона.

— Откуда мне знать? — раздраженно отмахнулся Атертон. — Я не знаю его языка.

— Очень интересно, — ответил Вишну, когда Аппарат умолк. — Это, конечно, все меняет.

— Я вам сказал! — воскликнул Атертон. — А не только пытался сказать.

— А я, ни в чем не повинный посланник, все еще жду своей награды, — наконец вмешался Дерринджер. — Я сожалею, что приходится напоминать об этом в столь критический момент, но мне кажется, что в считанные миллимикросекунды все дерьмо сейчас взорвется. Поэтому я был бы не против...

Он протянул Вишну руку.

Наш мистер Дерринджер очень хотел получить свои кровные за проделанную работу. Мистер Инспектор Дерринджер. Мистер Спартанец Дерринджер, произнесший слова, сам того не ведая, которые когда-то, чертовски давно, вышли из-под пера в некой драме, похожей на ту, что развертывалась прямо сейчас перед его глазами, так же просто и легко, как нож входил в шель гранитной кладки в склепе фараона, но уже в совсем другой истории.

— Я приготовил ваше вознаграждение, — ответил Вишну. Из брючного кармана он достал тощий бумажник и, открыв его, вынул небольшой сложенный вдвое листок бумаги и передал Дерринджеру.

Дерринджер развернул листок и прочел:

«Всем землянам. Подателю сего прошу дать все, что он просит и столько раз, сколько он будет просить». Далее стояла подпись Вишну, а под ней знак Вишну: «Око Аммона».

— Вы очень щедры, — промолвил растерянный Дерринджер.

— Пользуйтесь на здоровье. А теперь оставьте меня наедине с Аппаратом.

Доктор Атертон вышел вместе с Дерринджером и сопровождал его через холл до самого космодрома. Прощаясь, он сказал:

— На вашем месте я бы как можно скорее воспользовался наградой.

— Почему вы так говорите? — удивился Дерринджер. — Ведь никто не собирается свергать Вишну.

— Да, никто. Но, возможно, он сам это сделает.

Глава 94

Когда геликар начал снижаться для посадки, Дерринджер увидел внизу знакомые петли и спирали Зоны Развлечений и многоцветное пятно Цирка Снов, пока они не исчезли в утренней дымке.

Водитель геликара посадил свой маленький корабль рядом с

космическим кораблем Эбена, стоявшим на привычном месте в ряду других.

Услышав характерный звук реактивного двигателя, Эбен и Такис вышли встречать Дерринджера.

— Отлично, парень, — приветствовал его Эбен. — Я рад, что ты вернулся. Все обошлось хорошо? Такис тут опасался, что твой босс тебя надует.

В ответ Дерринджер показал им бессрочный чек Вишну.

— Красивый ход, — сказал удовлетворенный Эбен. — Вот что я скажу о твоём Вишну. Он способен на благородные жесты. Ты уже на что-нибудь потратился?

— Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы перечислила десять тысяч кредиток на твой счет. Сделал это прямо по телефону с геликара, — гордо заявил довольный Дерринджер. — Ведь ты выручил меня, когда я оказался в трудном положении, Эбен, я должен тебе куда больше.

— Считаю, что ты мне ничего не должен, — грубовато отмахнулся Эбен. — Наоборот, я твой должник. Я должен тебе одну треть прибыли за контрабанду, как только ее сбуду.

— С этим чеком, — возразил Дерринджер, — я ни в чем не буду нуждаться.

— И все же я тебе заплачу все сполна, — возразил Эбен. — Сделка есть сделка. Как ты считаешь, Такис?

— Иногда сделка бывает даже больше, чем сделка, — философски заметил Такис. — Помню, как однажды, когда я был совсем мальцом, в подземном огороде моего отца...

— Оставим воспоминания на другой раз, Такис, — беспардонно перебил его Эбен. — Поднимемся-ка, ребята, на борт и обмоем встречу. У меня есть кое-какие задумки.

— С удовольствием, мне нужно выпить, — согласился Дерринджер. — Но у меня свои планы.

Друзья вошли на корабль. Как только все расселись, Такис разлил по стаканам редкое марсианское вино «Глабгевюртер», припасенное Эбеном для особых случаев. Они потягивали подогретое красно-серое вино, с удовольствием смакуя его в полной тишине. Наконец Эбен промолвил:

— Знаешь, о чем я подумываю, Дерринджер? Почему бы тебе не стать нашим третьим полноправным партнером? Теперь у меня есть возможность капитально отремонтировать двигатели и купить по-настоящему сильный генератор наводки. Тогда мы бы гоняли по всему космосу, повидали бы много мест, развлек-

лись, стали богатыми, а в твоём случае — еще богаче. Как тебе это нравится?

— Звучит заманчиво, — согласился Дерринджер, — но лишь для вас с Такисом, а не для меня. Это отличный образ жизни для космического торговца, однако я не торговец. Я Спартанец и Инспектор.

Эбен кисло улыбнулся.

— Я думал, что ты уже забыл об этом.

— Спартанский образ жизни — моя суть и призвание. Лучшего образа жизни для меня нет. Может, и есть где-то, но мои карты мне ничего не говорят.

— Почему так? — удивился Эбен.

— Забудем, что я говорил. Желаю тебе успеха, Эбен, и тебе, Такис, а сам возвращаюсь в свою казарму. Возможно, мы еще когда-нибудь встретимся.

— Надеюсь, — ответил Эбен. — Но зачем спешить? Что, если нам поразвлечься и побывать на представлениях на Арене?

— Я повидал в этом месте все, что мне хотелось, — ответил Дерринджер. — Теперь я возвращаюсь домой. Но вас, ребята, я никогда не забуду.

Он встал, и друзья проводили его до выхода.

— Ты даже не подождешь возвращения Элеи? — спросил Эбен. — Она поехала в город сделать прическу.

Дерринджер остановился, но, подумав, сказал:

— Нет, так будет лучше.

— Мне вызвать для тебя геликар? — спросил Эбен.

— Я лучше пройду. Мне надо о многом подумать. У вас не будет неприятностей с вылетом из Зоны Развлечений? Я имею в виду Начальника Таможни.

Эбен самодовольно улыбнулся, как человек, который умеет готовить коктейль из устриц.

— Этот маленький вопрос я тоже решу в свое время. Думаю, будет нетрудно. А если трудности возникнут, я с ними справлюсь.

На этом друзья и покончили. Пожав руку и клешню, Дерринджер, весело помахав на прощание, зашагал по длинной дороге, ведущей к границе.

Эбен и Такис молча глядели ему вслед. Когда он исчез из виду, Эбен наконец заговорил:

— Вот так. Интересно, что у него за планы?

— Что бы это ни было, он сможет все решить с помощью своей волшебной бумажки.

Эбен задумчиво поджал губы.

— Знаешь, друг, есть вещи, которые за деньги не купишь. Пошли, нам надо поговорить с Начальником Таможни.

Глава 95

Начальник Таможни, как всегда, сидел в своем кабинете. Эбен вошел своей обычной, размашистой и небрежной походкой, за ним, угрожающе стуча клешней, следовал Такис. Эбен сразу заметил перемены, произошедшие в кабинете. На стенах висели живописные полотна, каких он не видел в первый свой визит. Вглядевшись, Эбен вдруг очень удивился, так как на картинах менялись сюжеты. Появлялись и исчезали какие-то длинные призрачные лица с темными впадинами глаз.

— Приобрели новые предметы искусства, — небрежно констатировал Эбен.

— Привез их из Центра Галактики, — ответил Начальник Таможни. — После того, как я открыл Элее, кто я, не вижу необходимости прятать картины.

— Элея говорила нам, что вы не тот, за кого себя выдаете, — пояснил Эбен. — Что же вы делаете здесь, разрешите спросить?

— Выполняю кое-какую экспедиционную работу для Центра. Поэтому пришлось задержать ваш отъезд. Это было необходимо, чтобы отправить кое-что другое.

— Значит, задерживать нас больше нет необходимости?

— Строго говоря, нет. Но меня это развлекает. Если у вас нет других идей.

— Кажется, у меня есть, — охотно ответил Эбен. — Я вижу, вы любите искусство.

— Признаюсь, это моя страсть.

— Вам нравится искусство землян?

— Очень.

— Что, если я вам предложу купить парочку картин Вермеера, доставшихся моей семье еще в далекие времена?

— Вермеер — это хорошо, — согласился таможенник. — Да, это, пожалуй, меня заинтересует.

— У меня есть и кое-что другое. Возможно, сговоримся.

— У меня дома большой красивый особняк, который надо обустроить. Рассказывайте дальше.

— Могу продать вам оригинал рукописи Шекли. Роман еще никогда не печатался.

— Неужели? Очень бы хотелось взглянуть на него.

— Я быстро вернусь, — сказал Эбен. — Такис, ты пойдешь со мной. Да перестань стучать своей боевой клешней! Джен-тльмен дело предлагает.

Побывав на корабле, Эбен вернулся с контрабандным товаром, полученным от де Смоленко.

Осмотрев товар, Начальник Таможни решил купить все. Он даже не пробовал торговаться, хотя Эбен запросил большую цену. В конце концов для этого его и послали на Землю. Теперь он готовится к возвращению домой.

Провели обмен товара на деньги.

— Приятно было иметь с вами дело, — сказал Начальник Таможни. — Я оставил вам небольшой подарок в знак благодарности.

— Чудесно. А что это? Вернее, где он?

— Вы найдете его, как только ваш корабль вылетит отсюда, — объяснил Таможенный Чиновник.

Глава 96

Эбен и Такис вернулись на корабль, упаковали свой товар, убрали столы и через час были уже на пути в космос. Эбен решил, что он просто не понял Начальника Таможни, ибо нигде не видел ничего похожего на подарок. Затем ему показалось, что он слышит какое-то царапанье в дальнем углу кабины. Поставив корабль на автопилот, он пошел проверить.

Он сразу увидел на полу длинный мешок. Эбен не помнил, чтобы видел его здесь раньше. Он не мог его не заметить. Еще бы! Мешок-то был из меха горностая. И он шевелился.

Такис держал наготове бластер, пока Эбен осторожно развязывал мешок. Из него неожиданно появилась смуглая цыганочка с аккуратными ножками, в зеленой с алыми цветами юбке. У нее были продолговатые цыганские глаза.

— Здравствуйте, — промолвила она. — Меня зовут Зора.

— Мы встречались с вами раньше? — поинтересовался заинтригованный Эбен.

— Нет. Но я слышала о вас от вашего друга Дерринджера. Мне кажется, вы мне подходите, как говорят у нас, цыган. Когда

Начальник Таможни пришел поблагодарить меня за помощь в осуществлении его плана, я, в свою очередь, попросила его помочь мне уйти от Карлоса, который становился настоящим злодеем. Вот он и придумал план побега.

— Понимаю, — ответил Эбен. — Такис, опусти оружие. Леди нам ничего не сделает, она безопасна.

— Я бы не сказала, что я так уж безопасна, — поправила Зора, и глаза ее вспыхнули задорным огоньком. — Вы можете посадить меня на любой планете, где есть кислород и не очень строгие законы. Если будете пролетать мимо таких мест.

— Я сделаю это, — пообещал Эбен, — но, возможно, в этом и не возникнет надобности, леди. Мне кажется, мы с вами поладим.

— То же сказала цыганская книга предсказаний, — промолвила смуглянка с деланно-смущенной улыбкой.

Глава 97

Боковая дверь большой гостиной в охотничьем замке открылась. В ней показалась худая усатая личность Командира Инопланетян в небесно-голубом комбинезоне.

— Я вижу, вы нашли Аппарат, — обратился он к Вишну.

— Да, я нашел его.

— Мне кажется, вам здорово досталось, — сказал Командир.

— Судя по замечанию, вы это предвидели, — ответил Вишну. — И все же мне не хотелось бы так думать. Неужели ваш разум настолько выше моего, что вы смогли все предугадать?

— Мой мальчик, — ответил Командир, — зачем вам паранойя. Вы ее не заслуживаете.

В этот момент в комнату вошел Атертон. Он слышал слова Командира.

— Я мог бы многое рассказать о его паранойе, — недовольно пробурчал Атертон себе под нос.

— Он сам все знает. Не так ли, Вишну? — спросил Командир.

— Да, конечно. А что касается некоторого разброса поисков...

— Простите, что вмешиваюсь, — перебил доктор, — мы не собираемся обсуждать это сейчас. Я появился здесь как предвестник того, что будет. Не сейчас, но скоро. Вишну, вы решили наконец то, что хотели решить?

— Да, решил, — ответил Вишну. — Этот Аппарат должен доставить меня в Центр Галактики. Я готов отправиться туда.

— Рад слышать это, — вставил свое слово Аппарат. — Однако решим последний вопрос. Раньше мы об этом не говорили. Те, кто отправляется туда, обратно не возвращаются.

— Неужели? — воскликнул Вишну.

— Да, таковы условия, — ответил Аппарат.

Вишну повернулся к Командиру Инопланетян.

— Вам это было известно?

— Я догадывался о чем-то в этом роде, — ответил Командир. — На эту тему существует уйма легенд и рассказов. Но если вы не хотите, я не буду винить вас. Только тогда попрошу отдать мне Аппарат.

— Что вы будете делать с ним?

Командир улыбнулся, но это была печальная улыбка чужака.

— Я использую его по назначению. Я поеду в Центр Галактики.

— А что будут делать ваши пираты без вас?

— Мой заместитель заменит меня, — сказал Командир. — Его недаром к этому готовили. Вопрос в том, возьмете ли вы меня с собой, если решитесь ехать?

— Я возьму вас с собой, — ответил Вишну. — Хотя вы инопланетянин, я чувствую в вас что-то близкое мне, и это заставляет меня думать, что я тоже инопланетянин. Законы разума неисповедимы. Вот вам моя рука, мы отправляемся.

Командир Инопланетян и Вишну крепко взялись за руки.

— Время пришло, — объявил Аппарат и кашлянул красным дымом. Когда дым рассеялся, Вишну и Командир Инопланетян исчезли.

Внезапно посередине большой гостиной засиял круг света. Где-то вдали послышался звук захлопнувшейся двери. Круг света разделился на множество лучей, и в них возникла миссис Вишну в потрясающем платье, рыжие кудри на голове были собраны в высшей степени экстравагантную прическу.

— Здравствуй, дорогой, — промолвила она. — Вот я и вернулась.

Она встревоженно оглянулась вокруг.

— Вишну? Где же ты?

Глава 98

— Куда же ты ушел? — звала мужа миссис Вишну.

— Туда, куда увел его дух, — ответил Атертон тихим успокаивающим голосом. — Вы должны понять, что он был чем-то большим, чем плоть и кровь, и большим, чем машина. Кроме

того, он был существом, в котором родился дух и пламя, он из тех, кто не откажется от финального приключения, последнего рискованного пути к месту окончательного отдохновения. Вот каким был Вишну.

— А как же я? — обиженно воскликнула миссис Вишну. — По-вашему, я лимонное желе?

— Вы прежде всего сногшибательная женщина и великолепная машина, — с энтузиазмом сказал Атертон. — А все остальное — плач по вашему мужу.

— Он умер? Он ушел от нас?

— Ушел в невыразимые сферы фантазии, о которых могут мечтать лишь поэты.

— Могу я последовать за ним?

— Я мог бы попытаться устроить вам это, — сказал Атертон.

— Нет, я никуда не хочу уходить! Мое место здесь, на Земле. Однако как печально, вернувшись, не найти здесь своего мужа. Я как Пенелопа в конце поэмы «Одиссея», только мой Одиссей снова отправился навстречу новым приключениям.

— Ваше обращение к классике делает вам честь, моя дорогая, — похвалил доктор.

— Благодарю вас, но что мне теперь делать?

— Что?.. Взять управление Землей в свои руки прежде всего.

— Вы так считаете? — Она задумалась. Кончик ее язычка на мгновение коснулся мелких зубов — это была прелестная полная кокетства гримаска. Затем миссис Вишну решительно потрянула головой.

— Вести государственные дела — не по моей части. Здесь я ничего не понимаю. Мне нравятся банкеты, представления, балы, но принимать решения... Нет, я терпеть этого не могу.

— Возможно, вы отнеслись бы ко всему более терпимо, — мягко и вкрадчиво промолвил Атертон, — если бы рядом с вами был кто-то, способный взять на себя обязанность выполнять тягостные повседневные задачи управления, оставив вам приятное удовольствие заниматься сценой, экраном и другими видами искусства.

— Кого вы имеете в виду? — спросила явно заинтересованная миссис Вишну.

— Кого же как не себя?

— Вы хотите стать моим премьер-министром?

— Вашим мужем и принцем-консортом, милая леди, если вы пожелаете.

— Вы? Но вы всего лишь человек.

— Вы так думаете? — С этими словами Атертон сорвал одежду, а вместе с ней и кожу и предстал перед ней во всем своем дюралюминиевом блеске — скелет с органами чувств и прочим в замысловато скрученных пластиковых мешочках, прикрепленных к металлическим конструкциям.

— Вы выглядите отвратительно, — не выдержала миссис Вишну.

— Я снова приобрету вполне приличный вид, — ответил Атертон. — Я сделал это, чтобы убедить вас в том, кто я и что я на самом деле.

— Вы робот! — воскликнула миссис Вишну.

— Разумный, мыслящий робот, как и вы, — ответил Атертон. — И очень похожий на Вишну. Если сказать правду, я часть его. Я его тень, которую он так долго не хотел признавать и от которой отрекся, но вынужден был в конце концов засунуть свою тень в оболочку робота.

— А вы будете хорошим мужем? — не удержавшись, спросила миссис Вишну.

— Куда лучшим, уверяю вас, чем одухотворенная шелуха, бывшая когда-то действительно уникальной машиной, которой я служил так долго, а теперь претендую на его место.

— Значит, вы бессмертны, как и я? — воскликнула миссис Вишну.

— Да, я бессмертен.

— Это хорошо. Я терпеть не могу случайные связи.

— Значит, вы согласны сказать мне «да»?

— Да! Я говорю вам «да»! Берите меня, Атертон, я и Земля теперь ваши!

Их металлические тела в телесной оболочке с громким стуком сомкнулись в страстных объятиях, и в этом было, как ни странно, что-то трогательное.

Глава 99

— Мы можем лететь на моем корабле, — предложил Вишну Инопланетянину. — Или мы можем полететь на одном из ваших.

— Как вам угодно, старина.

Корабль Вишну, вернее, космическая яхта первого класса была приготовлена к полету, загружена провизией, топливом и только ждала сигнала. Вишну всегда держал ее наготове, ибо не знал, когда она может ему понадобиться. Однако он не ожидал,

что яхта понадобится ему именно для такого непредвиденного случая. Это означало, что даже лучшие великие компьютеры не способны предугадать все.

Они взошли на борт яхты. Здесь отсутствовала даже небольшая команда обслуживания. Все на корабле было автоматизировано. Вишну давно решил отказаться от землян, так как они всегда досаждали ему вопросами, когда же они вернутся домой.

Вишну и Командир Инопланетян прошли в кабину навигатора. Он проверил, все ли в порядке, и сам убедился в этом.

— Прощай, милая сердцу Солнечная система, — проникновенно сказал Вишну и нажал кнопку старта. Корабль рванул в космос, набирая силу, которую едва ли мог вообразить себе человек.

Установив нужную скорость, Вишну обратился к Аппарату:

— А теперь куда?

— Вперед и только вперед. Пока, — ответил тот. — Поле Галактики не находится в каком-то определенном направлении.

Вишну прибавил скорости, сделав ее максимальной. Корабль несся сквозь Галактику, прорываясь через атмосферу ближайших звезд. Вишну сидел, откинувшись и наслаждаясь полетом. Скоро Млечный Путь будет позади. Они с Инопланетянином съели свой ленч, не потому, что были голодны, а потому, что надо было как-то скоротать время. Когда они покончили с едой, последние звезды остались позади, за пределами Галактики.

— О'кей, — сказал Аппарат. — Скорость, пожалуй, можно поубавить. В ближайшее время мы совершим посадку.

— Мы уже там?

— Едва ли. Но это предел для обычных средств перелета.

Глава 100

По указанию Аппарата Вишну посадил корабль на голую безжизненной планете на краю небытия, пустоты, окружающей кольцом тусклое красное и одинокое на этой самой дальней точке космического пространства солнце. Здесь не было кислорода, но это ничем не грозило трем пассажирам. Вишну жил запасами энергии, которую захватил с собой с Земли, Инопланетянин заявил, что он пользуется аниматом, веществом, которое выделяет его желудок. Что же касается Аппарата, тот промолчал,

за счет чего он живет, но, по всей вероятности, это было вещество, изготовленное в Галактическом Центре.

— Что теперь? — поинтересовался Вишну после того, как они разбили небольшую палатку и поставили столик на берегу моря из серых целлюлозных блоков.

— Теперь мы должны покинуть ваш корабль, — сказал Аппарат. — Это та граница, откуда дальше не полетишь на обычных средствах передвижения.

Вишну переключил контрольное управление на возврат корабля на Землю. Он был бережливым хозяином. Когда корабль исчез в темном небе, он снова спросил:

— Что дальше? За нами пришлют какой-нибудь вид транспорта?

— Во мне самом есть прекрасное средство передвижения, — признался Аппарат. Из своего нутра он извлек кусок брезента и, после некоторых манипуляций, соорудил лодку. Она была копией той лодки, в которую Таинственный Клоун посадил Дерринджера и заставил его испытывать машину искусственных волн.

Вишну об этом, разумеется, знал. Он знал обо всем, что происходило на Земле. Поэтому он тут же поинтересовался, что же будет дальше.

— Вы должны это знать, — ответил Аппарат, — но, если вы не знаете, я, конечно, скажу: с вами ничего не произойдет. Испытание лодки Дерринджером было необходимо, чтобы проверить, готова ли она перевезти вас туда, куда мы сейчас направляемся.

— Что нам делать? — спросил Вишну.

— Вы и Командир Инопланетян сядете в лодку. Она доставит вас куда надо.

— А вы? Вы не поедете?

— Я сделал свое дело, — ответил Аппарат.

Аппарат выбросил струю дыма. Когда дым рассеялся, Вишну увидел, что он превратился в обычную зажигалку для сигарет.

С этой минуты Вишну начал нервничать. События выходили за рамки его компетенции и его возможностей. И хотя это было то, чего он желал и к чему так стремился, теперь это пугало его.

— Где же вода, по которой поплывет лодка? — пожаловался он Командиру, ибо более жаловаться было некому. Аппарат стал ни на что не годной зажигалкой.

— Я знаю, старина, — ответил Командир. — Но это их забота, а не наша. Сядем в лодку?

Они сели в брезентовую лодку. Не успели они как следует разместиться в ней, как лодка поплыла. Тут Вишну впервые испытал что-то похожее на панику, ибо не понимал, как она может плыть. Под нею не было ни земли, ни воды, не было даже воздуха. Он никак не мог этого объяснить, и это угнетало его.

— Что происходит? — спросил он у Командира.

— Мы на верном пути, — ответил Командир. — Можете расслабиться и постарайтесь получить удовольствие.

Вишну всегда прислушивался к хорошим советам. Но этому совету трудно было следовать. Его продолжала беспокоить мысль, каким образом плывет лодка. Он предполагал, что Галактический Уровень может быть не таким, как уровень Земли, но был не готов к подобным чудесам.

Наконец брезентовая лодка остановилась. Они причалили к какому-то берегу.

— Кажется, мы прибыли, — сказал Вишну.

— Да, прибыли, — согласился Командир Инопланетян. Он ступил на берег и ждал, когда из лодки выйдет Вишну. Затем он сказал: — Я думаю, пришло время кое-что объяснить вам.

— Что? — Вишну почувствовал неожиданную тревогу.

— Я не тот, за кого вы меня принимаете.

— Вы не тот? Кто же вы?

Командир Инопланетян осклабился. Вишну не сводил с него испуганного взгляда. Странная темная линия, появившись где-то на макушке Командира, быстро опускалась вдоль его тела, как бы деля его на две половины. На глазах у Вишну она превратилась в трещину и вскоре расколола Командира пополам.

— Мне это совсем не нравится, — испуганно промолвил Вишну. Бедняге оставалось только наблюдать за возникновением двух влажных пятен чего-то корчившегося и таявшего. Однако растаявшая масса внезапно стала твердеть и вскоре превратилась в два странных существа. Вишну сразу же узнал их.

Один с раскрашенным лицом и носом-картошкой был Таинственный Клоун. Второй, в голубых джинсах и замшевой куртке, оказался Койотом.

— Пришло время совершить обряд посвящения, — сказал Клоун.

— Какое посвящение? Никто об этом не говорил.

— Секретность — это часть посвящения, — пояснил Койот.

— Что еще должно произойти?

— Мы убьем вас, — просто сказал Клоун.

— Что же мне теперь делать? — испуганно спросил Вишну.

— Умереть, — ответил Койот.

Вишну повернулся и хотел было бежать к лодке, но не успел сделать и двух шагов, как Братья Хитрецы схватили его. Вишну был крепок и силен, но, увы, куда ему тягаться с такими божествами, как Братья Хитрецы.

Койот крепко держал Вишну, пока Клоун отрывал ему руки. Вишну попытался защищаться ногами, тогда Койот оторвал ему ноги. Покончив с этим, они принялись отвинчивать голову, а затем занялись туловищем Вишну, где находились центральный процессор и запоминающее устройство.

Вишну не испытывал боли: в этом он не считал целесообразным подражать человеку. Но под угрозой были остальные его чувства в результате разрушительной деятельности Хитрецов.

Первым за последней зеленой вспышкой света погасло зрение, с резким отчаянным криком умер слух. Вместе с горькой слюной пропало чувство вкуса. Осознание ушло, почему-то напоследок напомнив о мягкости шелковистости меха и солнечном тепле. А затем исчезло все. Лишившись органов чувств, Вишну еще какие-то мгновения существовал в своих спроецированных воспоминаниях о себе и том, что чувствовал внутри. Потом и этого не стало. Исчезло все.

Когда он проснулся, то с удивлением понял, что у него небольшое и компактное тело. Рядом по обе его стороны сторожами стояли Хитрецы. Они же помогли ему встать на ноги.

— Чувствуете себя лучше? — справился Койот.

— Кажется, лучше, — неуверенно ответил Вишну. — Но что произошло?

— Узнаете потом, — ответил Клоун, — а теперь пойдемте. Вас ждут все остальные.

— Что за остальные?

— Галактианцы. Пойдемте, праздник уже начался.

И Вишну, в сопровождении новых друзей, в своем новом, незнакомом ему теле и облике сделал первые шаги навстречу неизведанному и негданному и тем более никогда не виденному. Он шел по зеленому лугу, а издали доносились звуки веселого пиришества.

Глава 101

Когда Дерринджер шел по низкой ложине тропических джунглей, где, казалось, очень и очень давно на него напал леопард, его вдруг окликнули:

— Дерринджер! Подождите!

«Не может быть! — подумал он. — Однако это она, Элея!»

Она догнала его, слегка запыхавшись.

— Я вернулась на стоянку кораблей, чтобы повидаться с вами. Куда вы идете?

— Назад, в бараки Спартанцев.

— Вы этого хотите? Будете снова Инспектором?

— Ну как сказать? Не очень хочу, но что мне остается? А что вы делаете здесь?

— Я вернулась, чтобы отдать вам ваш значок. — Она протянула его спартанский значок. Им он когда-то застегнул ее разорванную леопардом одежду. Это было в начале их знакомства.

— Напрасно беспокоитесь. Я хотел, чтобы он остался у вас.

— Но вы не сказали мне этого. Как я могла это знать? Кроме того, я не хочу хранить ваш значок.

Она наклонилась и приколотла значок к его униформе. Он удержал ее руку. Элея посмотрела на Дерринджера, и он увидел волнение на ее лице. Однако он мог лишь гадать о его причинах.

— Элея... — произнес он.

— Да, вы что-то хотите мне сказать?

— Я не умею говорить.

— И все же говорите.

Что-то похожее на гримасу боли или смущения пробежало по его лицу, голос его звучал сдавленно:

— Хорошо, я скажу, хотя я полон смущения и боюсь, что умру от стыда, если вы будете смеяться надо мной. Я люблю вас, Элея. Я полюбил вас, как только впервые увидел. Ваш светлый облик помогал мне, когда, казалось, весь этот безумный мир пошел против меня. Я думал о вас, сражаясь в поединке на Арене. И в Зоне Смерти ваш облик поддерживал меня и вселял надежду. О, Элея, я знаю, вы служите Богине, я же Спартанец. Однако я перестану быть человеком, если сейчас же не признаюсь в том, что нежно люблю вас.

— О, Дерринджер, я тоже вас люблю! — воскликнула Элея и неожиданно очутилась в его объятиях. Они ухватились друг за друга, как за якорь спасения, эти два гордых человеческих суще-

ства, победивших свою гордыню и нашедших в себе мужество признаться в своих чувствах.

Дерринджер внезапно рассмеялся.

— Я знаю, что должен сейчас сделать! Я уйду в отставку, откажусь от звания Спартанца и должности Инспектора, ибо я готов вместе с вами служить вашей Богине! — восторженно воскликнул он.

— Вы этого не сделаете, Дерринджер, — остановила его Элея. — Я решила, что достаточно послужила миссис Вишну и всему, что за нею стоит.

— Элея, могу ли я надеяться, что вы согласитесь стать моей женой?

— Конечно же, можете, вы большой глупый недотепа!

Они снова целовались, и казалось, ничего, кроме этого, в мире больше не существовало.

Наконец, переведя дыхание, Элея спросила:

— Какой ты хочешь, чтобы была наша жизнь, дорогой? У тебя есть какие-нибудь планы?

— Да, еще бы! — живо откликнулся Дерринджер. — Ты этого не знаешь, но я стал очень богатым человеком.

Вынув бумажник, он показал ей вечный чек Вишну.

— Крупный куш, — тихо прошептала Элея. — Что же теперь?

— Сейчас я вызову для нас какой-нибудь вид транспорта. У тебя есть компьютер?

Элея отстегнула, а затем сняла с запястья свой персональный компьютер. Дерринджер, настроив его, переслал по факсу копию чека-распоряжения Вишну и тут же связался с частным Бюро персональных развлечений, исполняющего все мечты и капризы богатых людей.

— Прежде всего мне нужен космический корабль, — сделал заявку Дерринджер, — небольшой, очень хороший, любого типа. Пришлите его немедленно сюда, где я нахожусь. А затем мы решим, какие я еще сделаю заказы.

Компьютер гудел и шелкал.

— Проверка... проверка...

Вдруг его экран погас, а спустя несколько секунд снова зажегся. Замелькали строки: «Весьма сожалеем, сэр, но миссис Вишну, новая правительница Земли, сняла с себя ответственность за долги и обязательства мистера Вишну, ее бывшего суп-

руга, исчезнувшего в неизвестном направлении. Мы очень сожалеем, что не можем выполнить ваш заказ».

— Не печалься, это не имеет никакого значения, — успокаивала Дерринджера Элея, когда он отдавал ей компьютер. — Мы прекрасно обойдемся и без этих денег.

Взявшись за руки, они зашагали к границе Зоны Развлечений и вскоре покинули ее, вернувшись в реальный мир своего времени и пространства. Это был предел мечтаний для них обоих.

БОЖИЙ ДОМ

Часть I

Пролог

В области, отдельной от обычного пространства-времени, хоть и расположенной под строго определенным углом к нему, царили на протяжении без малого вечности тишина и покой. Все в этой области пребывало в состоянии потенциальности. Здесь не было ни земли, ни воздуха, ни воды, ни атомов или кварков, ни электронов, ни фотонов, ни даже нейтрино, этих бесконечно малых странников космических пространств.

Здесь не было также ни света, ни тьмы, поскольку и фотоны, и антифотоны пребывали в том же состоянии потенциальности, столь близком к небытию, что разницу можно просто не принимать во внимание. Да и саму потенциальность в настоящее время нельзя было признать действительной, хотя она, вполне возможно, существовала вчера и вновь возродится завтра.

И вот сюда, в эту самую область, прилетел сигнал. И потенциальность прекратила свою долгую спячку, хоть и с известной неохотой, и — хлоп-хлоп! — преобразилась в реальность. Образовалась атмосфера, чтобы сигналу было где звучать. Появились фотоны, чтоб он мог стать видимым. И возникли разумные богopodobные существа, чтобы сигнал был услышан и понят.

Только что тут вовсе ничего не было, и вдруг расстелился луг в каплях росы, причем каждая капля сияла своим неповторимым блеском. Вот одна из капель начала пухнуть, разбрасывая радужные отсветы по округлым бокам, и пухла до тех пор, пока не лопнула. Тогда на луг выступил некто в облике человека. Выступил и стал наблюдать за другими каплями, поджидая, чтоб они тоже распухли, лопнули и явили других богов. И наконец все двенадцать вакансий оказались заняты. Высшие боги, древние, как Вселенная, новорожденные, как утро, стояли на сочной траве и созерцали друг друга. Они знали, зачем вызваны к жизни. Но следовало дожидаться того одного, кому будет поручено привести план в исполнение. Того одного, чье имя Астурас.

Глава 1

У всякого занятия свои поклонники. Если вы рок-звезда, непременно найдутся люди, готовые пасть вам в ноги и поклясться в вечной любви к вашим губам, глазам и волосам. Но если вы Артур, дипломированный специалист по сравнительной мифологии, опубликовавший всего-то несколько работ, вашим поклонником окажется разве что старик иностранец с короткой седой бородкой и темным морщинистым лицом. Впрочем, подчас и одного поклонника довольно, чтобы круто изменить вашу жизнь.

Артуру недавно перевалило за тридцать, он был довольно высок и, как положено ученому, сутуловат. В настоящий момент он мог считаться безработным: какому университету понадобился бы человек его специальности со столь скромным послужным списком? Хорошо хоть, у него был домик, оставленный ему родителями, и скудный доход от их страховок. Была у него также невеста, красавица Мими, но, по правде говоря, их отношения в данную пору оставляли желать лучшего.

Однако поклонник? Артур и не ведал, что у него есть поклонник, вплоть до того дня, когда мистер Аводар пожаловал к нему домой. День был знойный, типичный для Таити-Бич, центра округа Магнолия — это к западу от округов Дейд и Броуард, штат Флорида. Округ основали на осушенных землях после того, как согласно программе мелиорации штата уничтожили добрую половину болот Эверглейд, вдвая уменьшив число аллигаторов и белых цапель и обеспечив землей непрерывно растущее население — пенсионеров и сборщиков фруктов. Таити-Бич был невзрачным городком на 300 тысяч жителей, большую часть которых составляли недавние иммигранты из беспокойных стран Центральной Америки.

День выдался жаркий, как всегда. Потели даже кипарисовые доски, которыми был обшит коттедж, равно как и балки, скрепы и прочие деревянные детали, не дающие дому рассыпаться. Сам Артур потел лишь с одной стороны: передняя его половина была обращена к кондиционеру, обвевающему грудь прохладой. Зато спина не ведала такого комфорта и мокла без передышки. Занят Артур был тем, что сидел за старым дубовым столом с выдвижной крышкой, унаследованным от отца, и пытался разобраться в ставках подоходного налога.

Послышался стук в дверь. Артур был рад-радешенек отойти от нудного дела, встал, накинул рубашку с короткими

рукавами и пошел открывать. За дверью стоял старик с белой бородкой и загорелым морщинистым лицом.

— Мистер Фенн, — произнес старик с акцентом, который, судя по урезанным шипящим, мог сформироваться в Дамаске, где-нибудь неподалеку от ворот Алеппо. — Очень рад вас видеть. В жизни вы выглядите много лучше, чем на фотографии.

— Где вы видели мою фотографию?

— В «Журнале ханаанских древностей». Они напечатали ее в том же номере, где опубликована ваша замечательная статья.

— О какой статье речь?

— Она называлась «Ключ к беседе с богами: доисламские обряды, как они сохранились в современных обычаях палестинских племен». Между прочим, меня зовут мистер Аводар.

Артуру вспомнилось, что он выложил полсотни долларов за право напечататься в этом журнале, а вот его снимок и краткую биографию редакция поместила бесплатно.

— Ну что ж, входите, мистер Аводар, — пригласил Артур.

Скинув с кушетки сваленные там журналы и газеты, он пригласил гостя сесть и осведомился, что подать — кофе или чай.

— Ничего не нужно, — отказался старик. — Я еду к родным в Хайели. На улице меня ждет такси. Просто решил воспользоваться случаем познакомиться с вами и выразить восхищение вашей статьей.

В статье описывался древний ханаанский текст, упоминание о котором Артур нашел в отчете о путешествии по Великой Сирии, составленном неким французом, месье Дюброком, в XVII веке. На английском отчет Дюброка никогда не воспроизводился. В частности, путешественник излагал историю, якобы услышанную от переводчика Али и касающуюся старинного, пользующегося дурной славой «ключа к беседе с богами». Али утверждал, что именно этот ключ царь Соломон применял, когда вызывал демонов, богов и духов. Согласно Дюброку, маги, ясновидцы и алхимики с тех самых пор искали утраченный ключ, но безуспешно. Вроде бы копия ключа была у Никола Фламель¹ — в конце XIV столетия тот получил ее от какого-то еврея по имени Авраам. В Париже, на правом берегу Сены, недалеко от Шатле, до сих пор стоит «башня Фламеля», однако ключ бесследно исчез.

¹ Французский писец-нотариус и увлеченный алхимик (1330—1418). По преданию, сумел получить «философский камень»; превращающий любые металлы в золото. (Здесь и далее примеч. перевод.)

— Да, я написал такую статью, — подтвердил Артур. — Я изложил все это как интересную легенду, не более.

— Ваша позиция мне ясна, — откликнулся Аводар. — Хотелось бы добавить к статье кое-что, вам не известное.

Артур вновь предложил гостю присесть, и Аводар принялся рассказывать. Его, Аводара, семья была в течение многих столетий хранителем ключа Соломона — эту честь им вверила семья Вижисов, первоначальных обладателей сокровища, которые получили ключ от него самого, мудрейшего из мудрых. Род Вижисов вымер, последний из них пал в сражении при Лепанто¹.

— Так реликвия перешла к нам, Аводарам, — закончил старик. — И мы хранили ее, как святыню, все эти годы...

Он развернул принесенный с собой пакет. Там, укрытая слоями промасленного шелка, лежала старинная книга на древнееврейском в деревянном переплете с медными заклепками. Артур благоговейно принял ее, подержал в руках.

— Спасибо, что показали мне такое сокровище.

— Я намерен пойти на большее, — заявил Аводар. — Возьмите ее, дорогой мистер Фенн. Она ваша. Дарю ее вам.

— Я не вправе принять от вас подобный дар. Ей, должно быть, нет цены.

— Она и впрямь бесценна. Тем не менее, как ни парадоксально, для меня она ценности не представляет. Точнее, представляет угрозу — владение этой книгой может стоить мне жизни.

— Не понимаю, — признался Артур.

— Предметы такого рода в современной Сирии вне закона. Они считаются языческим святотатством худшего толка.

— Должны же власти сообразить, что вы вовсе не поклоняетесь этой книге! Что она вызывает лишь антикварный интерес...

— Атмосфера в современной Сирии такова, что люди лишались головы за обладание предметами гораздо менее значительными. Фанатизм укрепляется, выискивая ересь даже там, где ее нет и в помине. Мне бы следовало уничтожить эту книгу давным-давно. Но когда я полностью осознал угрожающую мне опасность, было уже поздно. Мне удалось выскользнуть из моей страны и перебраться в Америку. Здесь я начну новую жизнь.

— Почему бы вам не продать эту книгу? — осведомился Артур. — Торговцы антиквариатом предложат вам за нее кучу денег...

¹ Прежнее название греческого острова Нефпактос. У его побережья испанцы и венецианцы разгромили в 1571 году турецкий флот.

— Ее вероятная цена без доказательств ее происхождения, представить которые я не могу, составит не больше нескольких сот долларов. Предпочитаю отдать ее вам, мистер Фенн. Надеюсь, она сослужит вам лучшую службу, чем сослужила мне.

Поскольку гость поставил вопрос таким образом, Артуру не оставалось ничего другого, кроме как принять дар. Вскоре после этого мистер Аводар отбыл на своем такси к родственникам в Хайели. Артур спрятал книгу в деревянном переплете в надежное место и не вспоминал о ней, пока не впутался в неприятности с Сэмми.

Глава 2

Овладеть ключом царя Соломона было большой удачей. И на той же неделе удача улыбнулась Артуру снова, по крайней мере, сперва казалось, что это удача. Он получил письмо от адвоката из Майами с уведомлением, что дядя Сеймур, человек с суровым ртом и смешливыми глазами, включил Артура в свое завещание. Может быть, по капризу: они не общались годами, — и такое случилось ровно за два дня до того, как дядю угораздило на смерть подавиться крабом в ресторане в Майами-Бич. К письму был приложен чек на двадцать две тысячи долларов.

Артур тут же позвонил своему лучшему другу Сэмми Глюку.

— Двадцать две тысячи — сумма миленькая, — сказал Сэмми, когда встретился с Артуром вечером в заведении под вывеской «Слава Богу, пятница» на старом шоссе, проходящем через Таити-Бич. — Но вряд ли такую сумму назовешь практически полезной.

— Совершенно с тобой согласен, — отозвался Артур. — Конечно, со стороны дяди Сеймура это было славно. Однако лучше бы он мне оставил либо гораздо больше, либо гораздо меньше. На то, чтобы открыть свое дело, этого слишком мало, а для того, чтобы просадить на собачьих бегах, — слишком много...

— И все-таки сумма в самый раз, — объявил Сэмми.

Ему было слегка за двадцать, черные волосы курчавились, а тощее тело было обряжено в свежую спортивную рубашу, широкие бежевые штаны и белые мокасины с кисточками.

— Как тебя понять?

— Сумма в самый раз для того, чтобы вложить в рискованное предприятие, которое может умножить ее десятикратно, а может

и оставить тебя без гроша. Особенно если шансы отчетливо склоняются в пользу первого предположения.

— В пользу десятикратного умножения? — переспросил Артур, желая удостовериться, что не ослышался.

— Именно, — ответил Сэмми. — В том маловероятном случае, если проиграешь, сможешь просто забыть о завещании дяди Сеймура. Но если твой маленький риск окупится, ты сможешь открыть дело с весомыми деньгами. Идеи на сей счет у меня тоже есть.

Сэмми был младшим брокером в компании «Коллинз, Эймтри и Диссендорф» — небольшой маклерской фирме, расположенной в скромном синем одноэтажном домике, зато в престижном районе Таити-Бич, на так называемой «Миле чудес».

О чем только не подумалось Артуру в этот момент, но, на его беду, ему припомнились опасные строки из адресованного неудачникам стихотворения Кипплинга «Если»:

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел...¹

Впечатляющие слова, в особенности для такого человека, как Артур, который и сам считал, что ему нужен бы руководитель.

— Расскажи мне подробнее, что ты предлагаешь, — попросил он.

Сэмми заказал еще один коктейль и поведал Артуру об «Объединенных рудниках Багия» — бразильских золотых копиях, акции которых предлагаются на Ванкуверской бирже. Фирма Сэмми приняла в этом предприятии посильное участие.

Единственное, что было известно Артуру об акциях золотых копий в Бразилии, — то, что они наверняка рухнут. Знание, добытое дорогой ценой и переданное от отца к сыну. И он не преминул сообщить это Сэмми.

— Вот именно, — ухмыльнулся тот.

— Что «вот именно»?

— «Объединенные рудники Багия» рухнут непременно. Практически полная гарантия. Эти идиоты копают в вулканической зоне жилу, которую вычерпали еще полвека назад. Ходят слухи, что они «подсолили» землю — сами подбросили золота,

чтобы подогреть интерес к своей затее, и развернули крупную рекламную кампанию. Невестя почему рынок сошел с ума, и акции Багия взлетели до небес.

— Спасибо, — только и сказал Артур.

— Извини, за что?

— Ты вполне успешно доказал мне, что встревать в эту аферу не стоит. Куда мы сегодня отправимся — на хай-алай¹ или на собачьи бега?

— Да нет, ты меня не понял, — перебил Сэмми. — Я не предлагаю тебе купить эти акции в надежде на то, что цена взлетит еще выше. Я хочу, чтобы ты купил их в расчете на то, что не позже чем через неделю она провалится в преисподнюю.

— Почему бы мне не надеть из этих денег бумажных голубей и не побросать их в окошко? Все-таки это более веселый способ пойти по миру, чем тот, что ты предлагаешь.

— До тебя все еще не дошло, — заявил Сэмми. — Я вовсе не советую тебе покупать акции для игры на повышение. Я советую взять их на короткий срок и сыграть на понижение.

— По сути, я ничего в этом не понимаю, — признался Артур. — Моя специальность — шумерская и хеттская мифология, а не биржевая игра.

— Постараюсь объяснить. Когда берешь на короткий срок, то тем самым покупаешь право продать акции через определенный срок по определенной цене. Если курс вырос, тебе возвращаются вложенные деньги. Если упал, ты срываешь куш. Поскольку у тебя двадцать две тысячи долларов и моя персональная гарантия, я сумею получить под твой вклад кредит. Это даст тебе возможность сыграть гораздо крупнее, чем ты сумел бы при нормальных обстоятельствах. И тогда каждый пункт падения курса даст тебе... давай-ка посмотрим...

Сэмми принялся быстро строчить на бумажной скатерти, царапая цифру за цифрой, как оглашенный. Артур буквально физически ощущал, как карман вспухает от долларов. Итог получался впечатляющий. И ему нравилась сама идея поставить шальные деньги на кон. А то, что можно сделать ставку на падение курса акций, никчемных от природы, казалось ему верхом хитроумия.

Тем не менее еще уцелевшая капля осторожности заставила его осведомиться:

— А потерять я могу только то, что вложил?

¹ Перевод С. Я. Маршака.

¹ Игра в мяч, распространенная в Латинской Америке.

— Это в самом худшем случае, — заверил Сэмми. — И это крайне маловероятно. Куда вероятнее, что ты заработаешь состояние, объявишь меня гением и пригласишь партнером в будущую фирму.

— Сам-то ты вкладываешь деньги в эту аферу?

Сэмми кивнул с серьезным видом.

— Вкладывая на короткий срок все, каждый цент, какой только могу выпросить или одолжить.

Глава 3

— Но как? Как могло случиться такое? — воскликнул Артур в то скорбное утро через четыре дня, когда Сэмми позвонил ему с печальными новостями.

— Самый, черт побери, жуткий провал на моей памяти. А ведь я кручусь в этом бизнесе уже почти три года. Казалось, «Объединенные рудники» вот-вот рухнут в тартарары, и вдруг очередная пробная шахта, которую и бурили-то ради того, чтобы не придрались контролеры, пробила купол — это технический термин в геологии...

— Ближе к делу, — мрачно буркнул Артур.

— ...и — бац! — бур, когда его подняли, оказался будто позолочен. Наткнулись на какую-то полоумную жилу, которой там не должно бы быть и в помине, а она есть, и настолько богатая, что по сравнению с ней Кимберли в Южной Африке — просто куча дерьма.

Красочное выражение Сэмми частенько вспоминалось Артуру позже, когда этот разговор ушел в историю, а он сам столкнулся с проблемами такого масштаба, что дни финансового краха стали казаться ему чуть ли не золотым временем. Но в тот момент он ощутил прилив бешенства.

— Значит, мои денежки плакали?

— Боюсь, дело обстоит еще хуже, — объявил Сэмми.

— Что может быть еще хуже? Я потерял сто процентов и вышел из игры, верно?

— Не в том случае, если воспользовался кредитом. Учти, я попал точь-в-точь в такое же положение.

Если Сэмми рассчитывал, что это сообщение утешит Артура, то зря. Смешно, но убытки брокера никогда не оборачиваются на пользу клиента.

— Я воспользовался кредитом? Как тебя понять?

— Я же объяснял тебе. При покупке пакета акций ты опла-

тил из своих денег лишь малую долю стоимости. Если бы их цена упала, ты заработал бы состояние, как я и предсказывал. Но раз все обернулось так, как обернулось, — боюсь, теперь ты должен состояние банку.

— Сколько же?

Очень тихо, почти шепотом, Сэмми ответил:

— Без малого миллион.

— Долларов?

— Это в настоящую минуту. А курс лезет вверх как бешеный.

— Как бешеный? Значит, может получиться еще хуже?

— Может, — согласился Сэмми. — А может и лучше, много-много лучше. Почему я пока и откладываю продажу твоего пакета.

— Что и как может получиться лучше? — пришел в недоумение Артур. — Разве что я грохнусь замертво...

— Обнаруженная жила расположена в непосредственной близости к вулкану. В любой миг может грянуть извержение. Если так, золото будет похоронено под миллионами тонн лавы, и ты в полном порядке.

— Велика ли вероятность извержения?

— Насчет вулканов ничего нельзя предсказать наверняка.

— А когда этот самый вулкан извергался в последний раз?

— В августе 1867 года, — ответил Сэмми печально.

— Сэмми, продай мой пакет.

— Артур, но извержение может и произойти!

— Нет, я желаю выйти из игры.

— Ты способен заплатить миллион?

Артур покачал головой, потом сообразил, что по телефону Сэмми этого не увидит, и сказал в трубку:

— Ты прекрасно знаешь, что двадцать две тысячи — все, что у меня было. Не считая ста тридцати долларов на текущем счету.

— Ты в беде, — провозгласил Сэмми. — Противно говорить тебе это, но это правда. Они будут требовать с тебя деньги по суду.

— Вероятно, это логично, — ответил Артур, слыша, как голос отдается в ушах эхом, словно голова пуста, как бочонок. — Что ты мне предлагаешь?

— Хочешь прямого ответа?

— Нет, объяви его розовой ленточкой. Разумеется, я хочу прямого ответа!

— Тогда лучше придержи пакет. Если выйдешь из игры сейчас, то окажешься должен больше, чем можешь заплатить. Если же затанешь на несколько дней, долг станет еще серьезнее, но, по крайней мере,охранишь за собой шанс на извержение.

— Да-да, — откликнулся Артур. Чудовищность его положения помаленьку начала доходить до него, растекаясь по поверхности мозга, где не было ни единой толковой мысли, один только страх. — Наверное, я подожду... Как долго можно тянуть?

— У тебя есть еще три дня. Или, если добудешь еще пятьдесят тысяч, можно продлить сделку.

— Кажется, я выберу три дня, — произнес Артур. Долго не мог решить, что говорить дальше, и наконец спросил: — Этот вулкан... Как он называется?

— Икструэхембла. На каком-то индейском наречии это значит «сумасшедшая обезьяна».

— Спасибо за перевод. Понимаешь, захотелось узнать, что напишут на моей могиле.

— Эй, не вешай носа, парень! Может, что-нибудь образуется...

— Например, найдут секретное дополнение к завещанию дяди Сеймура, в котором он, по зрелом размышлении, решил выделить мне еще пятьсот тысяч...

— А что, такое возможно? — тут же загорелся Сэмми, вновь преисполнившись надежды.

— Все же более возможно, чем то, что Икструэхембла решит извергнуться вовремя и спасти мою задницу...

Повесив трубку, Артур потянулся за сигаретой. По меньшей мере, можно больше не опасаться, что он умрет от рака легких. А по правде говоря, в ту секунду рак представился предпочтительнее, чем более вероятная перспектива — длительный срок в тюрьме Рейфорд за... как это называется, когда накапливают всякой всячины на деньги, которых нет?

Он задумался на мгновение и вспомнил. Мошенничество в особо крупных размерах — вот как это называется.

Глава 4

Ну и вот, сидит себе Артур во Флориде, в своем затейливом коттедже в городке Таити-Бич. Гудит кондиционер, создавая иллюзию прохлады, — мозг, быть может, и обманут, а тело по-прежнему упорно и тяжело потеет. Нет, вы только поглядите на человека, который одним необдуманным поступком превратил двадцать две тысячи долларов в долг, близкий к миллиону и продолжающий расти день за днем. Будучи целеустремленной натурой, Артур задает себе вопрос: «Ну а дальше что?..» И его непоследовательный разум тут же отзывается: «А в самом деле, что?..»

И ни единой светлой мысли не является ему в бреду дурных предчувствий, предвещающих неизбежное пришествие Большой Беды. В состоянии ли он добыть сумму, какую задолжал, или хотя бы какую-то существенную ее часть? И думать не могли, Хосе, как сказали бы местные сборщики фруктов. А если сбежать, например, на настоящий остров Таити? Подобная идея отстала от жизни лет на сто: сегодня можно выгнать преступника откуда угодно, да и, кроме того, много ли проку принесло такое бегство Гогену?

Мозг Артура, перегруженный мучительными переживаниями, противился так называемым практическим решениям и вместо того обратился к единственному предмету, знакомому не понаслышке, — к сравнительной мифологии: он мог бы преподавать эту дисциплину, найдись в Соединенных Штатах колледж или университет, согласный предоставить ему работу. Но в данную минуту его помыслы были сосредоточены отнюдь не на преподавании. Ему вспоминался Хасамдемели, хеттский бог кузнецов и, по преданию, ходатай по самым безнадежным делам. На память приходил и Хауким, один из древних южноаравийских богов мудрости, и Хаубас, более известный под именем Аттар, еще одно южноаравийское божество, в вавилонской трактовке якобы наделенное чертами двуполости. Какими милыми все они казались ему сейчас! И как далек он будет от них совсем-совсем скоро, когда придется крошить камни в тюрьме штата Флорида на потеху тысячам зевак!

Древние, давно забытые боги были невыразимо близки ему: в теле у Артура, пусть длинном и костлявом, практическая косточка отсутствовала напрочь. В глубине души он оставался суеврным почитателем этих прежних забытых божеств. Именно потому в колледже он стал специализироваться на суевериях, прикрывая свое увлечение маской сравнительной мифологии.

Ну и где же они теперь, утраченные боги? Где-то там, в пустоте неведомых времен. Пустые выдумки человечества, от века склонного к таинственности. По крайней мере, наука пытается внушить, что это так, и точка. Но кто докажет, что Хауким и Хаубас менее реальны, чем христианский Бог, мусульманский Аллах или индо-тибетский Будда? В каком смысле святой Франциск и святой Христофор более реальны, чем Гарум и Гаруна, змееподобные водные духи древних марокканцев? Если миллионы верят в святого Иуду — покровителя проигравших, то почему не в шумерского Хендурсангу, который соответствовал вавилон-

скому богу Исуму и, по легенде, надзирал за точным соблюдением законов и за правосудием в целом?

Для многих и многих эти древние божества — не более чем дикие предрассудки. Однако все зависит от того, кто их называет и вызывает. Те, кто победил, распределяют их по рангам, получают право решать, что глубоко, что духовно и что истинно. Но кто может решить, правы ли сами победители, исходя из великой таинственной схемы всего сущего?

Артуру не оставалось ничего, кроме как молиться. Но кому молиться, кому? Уж, конечно, не общепризнанным богам стандартных религий, в которых он никогда не веровал и к которым не желал обращаться даже в этот скорбный час. Кому же, как не божествам, демонам и дьяволам, которых он изучал и о которых размышлял с самого детства?

Им овладело странное легкомыслие, и он, чуточку не в себе, поднявшись с кресла, отправился в гараж, который был превращен в склад, а заодно и в офис, — а машина пусть ее жарится на солнце. Сквозь жалюзи на оконце, прорезанном в наклонном потолке, сочился мягкий свет с крапинками пыли. Здесь царили запахи античности и приятное чувство пребывания вне времени.

Значит, молиться? Ладно, он будет молиться, но уж каким демонам и божествам — решит сам.

Приподняв тряпку-покрывало, Артур открыл ящик старого отцовского стола и вытащил каменный амулет, привезенный однажды из поездки по доисламским руинам. Поездку организовал сирийский Департамент древностей, а амулет представлял собой рыжевато-коричневую фигурку орла с львиной головой. Несомненная подделка, купленная на базаре в Алеппо, но вполне похожая на те амулеты, какие древние ассирио-вавилоняне применяли в своих чудотворных церемониях.

Сжав амулетик в кулаке, Артур подошел к книжным полкам, к изданным в XIX веке томам, собранным английским энциклопедистом Уильямом Дином Скоттом. Выбрал пятый том — молитвы и заклинания для вызова демонов, дьяволов и домашних духов. Потом, просто наудачу, достал еще и книгу, которую подарил ему почитатель, мистер Аводар, — «Ключ к беседе с богами».

Будто опьянев от крепкого вина, он собрал все, что требовалось: свечи, сушеную кожу ящерицы, чашку кислого молока, золотые капли меда. Наколел себе палец поддельным сабейским кинжалом, добавил к полученной смеси несколько капель собственной крови. А затем нашел в книге нужную страницу и, с трудом продираясь сквозь древнееврейский текст, произнес не-

обходимые слова. Настроение было легкое, бесшабашное, кружилась голова.

Ничего не случилось.

Может, он совершенно выжил из ума, но все же повторил заклинание, на сей раз старательно подражая шумерскому выговору. Опять ничего.

А что, если западно-шумерский подойдет лучше? Попробовал. Вновь безрезультатно.

— Вот дерьмо, — произнес он.

И вдруг послышался голос ниоткуда:

— Что вы сказали?

— Я сказал «дерьмо», — ответил Артур.

— По-моему, у вас неточное произношение.

— Дерррмо? — брякнул Артур наобум.

— Вот теперь верно! Теперь получилось!..

Несильный удар грома, мини-вспышка молнии прямо в гараже, затем на сером бетонном полу возник завиток дыма и закрутился, как крохотный голубой смерч. Смерч дрогнул, позеленел, покраснел и наконец обрел форму красного строеньица. Артуру потребовалось добрых пять секунд, прежде чем он опознал уменьшенную копию английской телефонной будки фута в три высотой, с миниатюрным телефончиком внутри.

В мозгу всплыли разом тысячи вопросов. Артур пялился на телефонную будку с униженно-тупым изумлением, отдавая себе отчет, что довольно подумать обо всем логически, и будка наверняка исчезнет, как пустопорожний мираж, — а что же она еще такое? Но и на тупые восклицания вроде: «Ох ты, как же это?!» — тоже не оставалось времени. Скучные прозаические допросы способны развевать те немногие чудеса, которые высшим силам еще угодно творить. Нет, решил он, это происходит на самом деле, и надо плыть по течению, куда понесет. В порядке чистого озарения он вытащил из будки трубочку и сказал в микрофон:

— Алло, есть на линии кто-нибудь?

Из динамика донесся ответный голос:

— Будьте добры уплатить пять шекелей за первые пять минут.

Артур принялся лихорадочно рыться в карманах, нашел шесть четвертаков, два дайма по десять центов и горсть одноцентовиков и тут сообразил, что все они вряд ли заменят древнюю монету по прозванию шекель. А где их, шекели, найти? Мелькнула мыслишка слетать в Нью-Йорк, под покровом ночи

залезть в Музей естественной истории и присвоить их коллекцию ближневосточных монет. Но на какие деньги купить билет? И станут ли его ждать на линии?

Быть может, тот или те, кто ответствен за телефон-призрак, предусмотрели и обмен валюты? Он сунул в прорезь все четвертаки до одного и после паузы услышал:

— Вы уплатили слишком много. Извините, мы не даем сдачи.

— Не играет роли, — отмахнулся Артур.

— С кем вы хотели бы поговорить?

Так далеко в проблему он не углублялся. Теперь он поневоле поперхнулся, но все же перевел дух и решился:

— С любимым из демонов, кто в настоящий момент не занят.

— Извините, сэр, демоны удалились от дел уже значительное время назад.

— У вас что, не осталось работоспособных демонов?

— Вся эта категория отозвана на переподготовку. Хотите поговорить с кем-нибудь другим?

— Тогда соедините меня с богом.

— Хорошо, сэр. С каким именно?

— А какие у вас есть?

— На то, чтобы зачитать весь список, ушло бы несколько часов. Мы не справочное бюро. Если вы сами не знаете имя божества, с которым хотите поговорить, будьте любезны освободить линию для другого абонента.

— Подождите! Я хочу поговорить с Хаукимом!

— В настоящий момент он недоступен.

— А Хасдрубал?

— Его номер не зарегистрирован.

— Аттар?

— Просил/просила не соединять.

— Тогда любой бог!

— Божества по имени «Любой бог» не существует. — Голос стал суровым. — Вероятно, вам следует обратиться в справочную. Прощайте, и всего вам доб...

— Подождите! Соедините меня со справочной!

— С которой?

— С самой популярной!

— Справочной, именуемой «Самая популярная», не имеется.

Артура осенило, и он попросил:

— Соедините с первой по перечню в телефонной книге.

— Вы уверены, что она вас устроит? — осведомился голос.

— Совершенно уверен! Ну пожалуйста! Пожалуйста!..

— Не надо унижаться, — отозвался телефонный голос. — Мне это совершенно ни к чему. Через секунду соединю.

Артур ждал у трубки, даже не смея надеяться. Ему в голову пришел некий план. Материалисту план показался бы безумным — но не верующему, каким Артур только что стал, если не был им раньше. Для верующего план был в высшей степени осуществимым.

— Привет! — прозвучало в трубке, или как там ее ни назови. Голос был мужской, самоуверенный. — Это офис «Сверхъестественной службы Декстера». Декстер у аппарата. Чем могу помочь?

— Мне нужен бог, — выговорил Артур, задыхаясь.

— Многим нужен, — ответил Декстер. — Но какое это имеет отношение ко мне?

— Мне нужен бог, чтоб он вызволил меня из беды.

— Понимаю, сэр. Регистрационный номер у вас под рукой?

Артур, на последней грани перед истерикой, услышал свои слова, будто их произнес кто-то другой:

— Регистрационный номер? Зачем мне какой-то вонючий номер?

— Боюсь, сэр, он вам все-таки необходим. Кто из богов посоветовал вам позвонить сюда?

— Я просил справочное бюро. Меня соединили с вами.

— Им не следовало этого делать. Мы работаем только с теми, кто обладает истинным восприятием, куда кто-то из богов внедрил регистрационный номер для исполнения желаний. Прощайте, сэр, и всего вам най...

— Послушайте, — взмолился Артур хрипло. — Я попал в передрягу. Мне позарез надо исполнить одно желание, но, к несчастью, я не обладаю восприятием с внедренным регистрационным номером. Можете вы сделать для меня хоть что-нибудь?

— Очень сожалею, сэр, — откликнулся Декстер, — но мы работаем только с легально удостоверенными регистрационными номерами, выданными кем-то из богов, которые значатся в утвержденном списке, и переданными просителям при посредстве их истинного вдохновенного восприятия. Согласись я иметь дело с вами, мы рискуем потерять лицензию.

— Но я в отчаянном положении!

— В отчаянном положении, но не при вдохновении. Тут, видите ли, огромная разница.

— Подскажите, по крайней мере, что мне делать дальше.

— Но я же не уполномочен...

— Пожалуйста, прошу вас!

— С учетом ваших обстоятельств могу лишь предложить обратиться в Божий дом. Сомнительно, чтоб от этого была хоть какая-то польза, но попытка не пытка...

— Согласен попробовать. Как связаться с Божьим домом?

— Минуточку. Я вас переключу.

Щелчок, звук телефонного звонка, и следом женский голос:

— Божий дом. Говорит сестра Хельга.

— Мне необходимо побеседовать с богом, — прохрипел он: горло совсем осипло, слишком часто пришлось повторять одно и то же.

— Сожалею, сэр, но никто из проживающих здесь богов к телефону не подходит. Это ниже их достоинства.

— Но мне необходимо побеседовать с богом, — повторил Артур.

— Вы хотите побеседовать лично, здесь, в Божьем доме?

— А что, можно пожаловать к вам с визитом?

— Конечно, можно, — сказала сестра Хельга. — День у нас приемный, и в вашем распоряжении еще почти три часа. Вы могли бы прибыть прямо сейчас?

— Безусловно. Горе в том, что я не знаю, как до вас добраться.

— Ну это не проблема. Вы звоните с кнопочного телефона?

— Да.

— Тогда нажмите звездочку — звездочку — два — шесть — и еще раз звездочку.

— Только и всего?

— Только и всего. И держитесь поближе к трубке.

Абсолютное безумие, подумал Артур. Но нет худа без добра: когда за ним явятся федеральные агенты, пусть они лучше обнаружат, что он благополучно не в своем уме, чем в мрачном унынии и в твердой памяти. Он нажал указанные ему кнопки и поднес трубку к самому лицу.

Раздался свист, и последовало странное ощущение, что на лицо налип небольшой прозрачный осьминог. Артур поднял руки, пытаясь оторвать липкую тварь. Но и руки прилипли к невидимому нечто. Он хотел вскрикнуть и не успел: его всосало в телефон.

Глава 5

Мгновение, когда Артура втянуло в телефон, было необычным, но и непродолжительным. Секундой позже — или, возможно, секундой раньше — он очутился в незнакомом помещении. Впрочем, выглядело оно так же, как все приемные по всему свету: бежевые стены, на полу линолеум и не прямое потолочное освещение то и дело мигает.

— Когда у них только руки дойдут починить проводку! — произнес женский голос.

Оказалось, что Артур сидит на стуле с решетчатой спинкой, а напротив за столом расположилась крупная тетка в накрахмаленном белом халате. Скуластое суровое лицо, большая грудь — под халатом грудь выглядела выкованной из стали, — толстые ноги, волосы на руках, а над губой легкий намек на усики.

— Меня зовут сестра Хельга, — объявила тетка. — Вы выражали желание нанести нам визит?

— Да, выражал, — откликнулся Артур, с завидной быстротой приходя в себя. — Где я нахожусь, если точно? Как говорится, вопрос для протокола.

— Это Божий дом, — провозгласила Хельга. — Или, если официально, Всеобщий космический интернат для престарелых, обнищавших и одряхлевших божеств. Разве вы не сюда собирались попасть?

— Сюда, сюда! Просто хотелось убедиться, что я прибыл по назначению. А то телефонные линии иногда путаются и шутят скверные шутки... — Он обвел приемную взглядом, уловил чисто больничный запах вареной капусты и спросил с неопределенным жестом, который надеялся выдать за осведомленность: — Значит, именно сюда попадают боги, когда заканчивают свои дела там, на Земле?

— Да, некоторые из них прибывают сюда, — подтвердила Хельга.

— По собственному желанию?

— Уясните себе ситуацию. Иные слонялись по свету так долго, что уже не способны заботиться о себе без посторонней помощи.

— Я думал, боги бессмертны! — воскликнул Артур.

— Разумеется, бессмертны. Но надо же понять, каково им самим. Земные люди воображают себе, что бессмертие означает вечную жизнь в одном и том же облике.

— А разве не так?

Хельга решительно затрясла головой.

— Так не получается. Физически — да, бог или богиня способны жить бесконечно. Это разумеется само собой. Но умственно, психологически, быть богом — тяжеленная ноша.

— Что, резвиться в небесах не легко и не просто? — кивнув, предположил Артур.

Хельга смерила его суровым взглядом.

— Все гораздо серьезнее. Если вы бог, на вас без передышки обрушиваются людские помыслы, надежды, мечты и страхи. Богам свойственно прямо воспринимать чувства своих почитателей, и это может стать утомительным.

— Я и не догадывался, — признался Артур.

— Спустя какое-то время все эти молитвы и прошения надоедают до отвращения. Поначалу-то хорошо: большинство богов, даже самые сострадательные, просто пропускают молитвы мимо ушей. Но в конце концов доходит даже до самых толстокожих. Становится тошно от каждодневной обязанности выслушивать отчаянные мольбы и, как правило, понимать, что ты не в силах ничего сделать.

— Это для меня новость, — сказал Артур. — Я полагал, что боги могут все.

— Теоретически да. А на практике сила любого бога ограничена компетенцией других богов и Соглашением о межбожественной справедливости, где оговорено, что любой бог, ведомый людям, должен уважать авторитет всех остальных божеств. К тому же божественная сила лимитирована изначальной сутью человеческого бытия.

— Что за изначальная суть бытия? — заинтересовался Артур. Хельга вновь нахмурилась.

— Я считала, что это общеизвестно. Изначальная суть сводится к тому, что, за немногими исключениями, люди обязаны принимать все выпавшее им на долю, мириться со своей судьбой или погибать, если не могут смириться.

— Это и есть изначальная суть человеческого бытия?

— Именно так.

— Люди умирают все равно, так или эдак, — заявил Артур, не чувствуя в данный миг особой симпатии к богам.

— Да, умирают, и, с точки зрения бога, прискорбно быстро.

— Подумать только, как тяжело богу видеть, что его почитатели мрут у него на глазах...

Хельга не уловила сарказма.

— Боги живут другими представлениями о времени. И на то,

чтобы что-нибудь сделать, у них уходит времени гораздо больше. К моменту, когда чья-то просьба коснется внимания бога и он решит что-то предпринять, проситель скорее всего будет уже мертв и похоронен. Боги очень разочарованы, что надо укладываться в столь короткий срок.

— Удивительно, как они вообще умудряются делать для людей что бы то ни было!

— В большинстве своем они стараются как могут. Но попомните, они могут делать исключения из правил лишь для очень немногих. У них на уме есть более серьезные заботы, чем нужды их почитателей. Правильно будет сказать, что большинство богов в конце концов начинают ненавидеть людей, потому что те вечно в чем-то нуждаются, вечно протягивают руку и повторяют: «Дай, дай!..»

— Понятно, — заявил Артур: ему было не по себе, но он по-прежнему помнил, что жаждет чудесного избавления от беды, и по-прежнему верил, что богу устроить это — раз плюнуть.

— В любом случае, — высказалась Хельга, — очень мило, что вы захотели навестить жильцов Божьего дома. Их собственная родня в этом смысле позорно забывчива. Вы найдете одного-двух жильцов на крылечке, а остальных на лужайке. Не стесняйтесь, обратитесь к любому, к кому пожелаете. Они, в сущности, очень славные. Выйдете из этой двери — и прямо. Когда закончите, я отправлю вас по телефону обратно на Землю.

Из приемной Артур вышел, ощущая известную нерешительность, но и твердое желание довести свое предприятие до конца. Он миновал большой балльный зал со складными стульями, прислоненными к стене, и возвышением для оркестра — рядом была афишка: «Небесное трио Зигги Звездосвета выступит в девять вечера по универсальному звездному времени». Раздвижные двери вывели Артура на остекленную веранду. По ту сторону стекла он заметил зеленую лужайку, на которой весело скакало нечто похожее на коккер-спаниеля, а кое-где виднелись фигуры в инвалидных колясках. Однако его внимание сразу привлек закутанный в плед старик, сидящий на веранде всего-то футах в пяти; старик неспешно качался в огромном кресле и угрюмо взирал то ли вдаль, то ли чуть поближе.

Артур приблизился к креслу, борясь с сердцебиением. Еще бы, это же первый бог, которого довелось увидеть лицом к лицу.

В молодости бог был, вероятно, крупным мужчиной. Он и

до сих пор не утратил самоуверенного выражения, присущего, скажем, римскому императору или актеру классического репертуара. Однако ныне он усох и сгорбился, подобно некогда величественному зданию, обрушившемуся от ветхости. Бог не поднял взгляда, когда Артур приблизился и кашлянул на пробу. Тут только Артур заметил, что бог вперился в экран маленького черно-белого телевизора — юные девицы с крылышками, в белой кисее, плавали по экрану в скучноватом воздушном балете.

— М-м, — произнес Артур, — прошу прощения...
Бог повернул величественную голову и насупился.
— Д-да? В чем дело?

Оказывается, на столике возле кресла-качалки стояла еще и большая темная бутылка с этикеткой «Сома¹ — принимать исключительно в медицинских целях». Возникло подозрение, что бог пьяненький. Тем не менее Артур прокашлялся и сделал первый ход.

— Я здесь новичок, — начал он довольно туманно, — и хотел бы осведомиться...

— Ты бог? — перебил бог жестко.
— Нет. Говоря по правде, я смертный.
— Так я и подумал. Я-то бог, понимаешь ли...
— Разумеется. Это видно сразу.

— А если точнее, я единственный бог во всем этом заведении. Остальные — всего лишь кучка выскочек-демонов. Мне здесь, знаешь ли, совсем не место.

— Да ну? — воскликнул Артур с улыбкой, как он надеялся, обаятельной.

— Вот тебе и ну! Я ведь гораздо больше, чем просто бог. Я властелин Вселенной. — Он уставил на Артура свирепый взгляд. — Как тебе это понравится?

— Впечатляет, — отозвался Артур.

— Но мои завистливые родственнички уехали меня сюда, чтобы самим беспрепятственно развлекаться с женщинами. А это как, на твой вкус?

— Отвратительно.

— В этом еще нет ничего отвратительного. Развлекаться с женщинами для божьих родственников — дело обычное. А вот что и впрямь отвратительно — они свергли меня с трона и загнали сюда прозябать с кучкой выскочек-демонов.

¹ В древнеиндийской религии и мифологии — священный дурманящий напиток.

— Какая жалость! — заявил Артур. И вдруг увидел возможность продвинуться в своих собственных планах. — Однако я прибыл сюда как раз затем, чтобы предложить вам шанс вернуться к активной деятельности.

— А? Что такое? — Бог приставил ладонь к уху. — Слышу я, знаешь ли, нынче не так хорошо...

— Шанс вернуться к активной деятельности, — повторил Артур погромче.

— К деятельности? Что значит вернуться к деятельности?

— Вернуться в мир людей. Совершить доброе дело. Исполнить желание. Примерно в таком духе.

— Вернуться в мир? — переспросил старый бог. — Мой мальчик, ты, вероятно, еще глупее, чем выглядишь, если воображаешь, что я вновь соглашусь на роль активного бога. Там, на Земле, бог богу волк, и с меня довольно. Неужели старый бог не заслужил отдыха? Неужели не заслужил?

— Конечно, заслужили, — поспешил согласиться Артур. — Мне подумалось, что, поскольку вы сказали...

— Не обращай внимания, — потребовал старый бог. — Я подвержен галлюцинациям. Разве не заметно?

— Если вы подвержены галлюцинациям, — возразил Артур, — то откуда вы это знаете? Я полагал, что подобное состояние, если так можно выразиться, сродни самообману.

— Не нахальничай, — буркнул старый бог.

— Извините.

— У меня, как и у всех, бывают моменты невыносимой ясности мысли.

— Не сомневаюсь.

— А теперь проваливай отсюда, мальчишка, пока я не переломил тебе хребет! Какая наглость обращаться ко мне, единственному настоящему богу в этом дурацком приюте, с просьбой вновь подставить себя под пращи и стрелы возмутительной... нелепой...

— Судьбы? — предположил Артур.

Бог уставился на него тяжелым взглядом, затем изрек:

— Убирайся, пока цел, умник. Можешь сунуться со своим предложением еще к кому-нибудь, хотя сильно сомневаюсь, что здесь найдется идиот, готовый уступить твоим эгоистичным притязаниям.

— Да, сэр, извините, сэр, я пройдусь немного, с вашего разрешения... — промямлил Артур, поспешно двинулся к двери, ведущей наружу, и, открыв ее, выскочил на зеленую траву.

Трава на лужайке была пышной и аккуратно подстриженной. Коккер-спаниель дважды резко тявкнул и убежал, скрывшись за углом здания. Артур ступил на дорожку, выложенную плитняком, которая вела сквозь строй дождевальных установок к веселенькой беседке. В беседке, откинувшись в шезлонге, расположился огромный бог в светло-зеленой больничной пижаме и шотландском берете. Из шеи у бога торчали пластиковые трубочки. Он приветствовал Артура легким вежливым кивком.

— Прекрасный денек, — рискнул Артур вступить в разговор.
— Точно такой же, как все остальные, — отрубил бог.
— Да-да. Но ведь это, должно быть, тоже прекрасно.
— Наверное, так, если бы хоть кому-нибудь здесь было не все равно, что прекрасно, а что нет.

— О да, вы, безусловно, правы! — воскликнул Артур.

Огромный бог прищурился и спросил:

— Смертный?

— Не стану отрицать, да. А вы бог?

— Само собой.

— Перенесли травму? — поинтересовался Артур, поглядывая на пластиковые трубочки, бежавшие к небольшой, приглушенно пытящей машине.

— Почки отказали, — кратко пояснил бог.

— Не думал, что боги подвержены земным хворям, — заметил Артур.

— Мы и не подвержены. Но есть, знаете ли, еще и такая штука, как психосоматические болезни.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Артур. Прочистил горло несколько раз, произнес: — Наверное, вам не хочется выбраться отсюда, или я ошибаюсь?

— Нет, не хочется. Зачем?

— Ну, можно бы вернуться к былому величию, как сказал поэт...

— Какой поэт?

— Точно не помню.

— Я-то помню все доподлинно, — заявил бог. — И даже в самые лучшие дни это не было так уж замечательно. Люди понаписали кучу чепухи о счастье быть богом.

— Но ведь должны были быть и какие-то приятные моменты...

Бог, как и предыдущий, посуровел:

— Какого дьявола, что ты в этом понимаешь!

— Ничего, — ответил Артур, — меньше чем ничего. Я лишь строил догадки. Задавал себе вопрос...

— Какой?

— Не согласитесь ли вы вернуться к активной деятельности? У меня есть превосходное начальное предложение.

— Что за предложение?

— Вы могли бы совершить для меня чудо. Я был бы вам вечно благодарен.

— Ха! — хмыкнул бог.

— Прошу прощения, не понял...

— Я сказал: «Ха!..»

— Мне так и послышалось. Однако означает ли этот смешок то, что я заподозрил?

— А что ты заподозрил?

— Что мое предложение вас не заинтересовало.

— Ты понял правильно, — сообщил старый бог. — И если ты вообразил себе, что хоть кто-то здесь заинтересован в том, чтобы вернуться к суете и суматохе жизни активного бога, тогда ты даже глупее, чем выглядишь.

— Я не хотел вас обидеть.

— Не беспокойся, ты был бы мертв прежде, чем я разозлился достаточно, чтобы спустить на тебя собак...

С таким-то обескураживающим напутствием Артур двинулся по дорожке дальше. По обе стороны от дорожки на зеленых лужайках он видел других богов, а также нескольких богинь, расположившихся в шезлонгах и на кушетках и уставившихся в пространство. Только все они выглядели такими старыми, суровыми и неподступными, что у него не хватило дерзости нарушать их покой.

Он шел дальше и дальше, пока не уперся в стену мягкой белизны, похожей на туман. Хотел ступить в туман, но тут его резко окликнули:

— Эй, вы! Осторожнее!

Артур обернулся. К нему приближался высокий и очень худой субъект в сером комбинезоне поверх зеленой шерстяной рубашки. Перед собой субъект толкал мусорный бак на колесиках.

— Извините, — отозвался Артур. — Мне что, туда нельзя?

— Можете идти, куда вам нравится, но если продолжите путь в том направлении, свалитесь за край.

— За край?

— Вот именно, за край. А до твердой земли далеко...

Туман на мгновение разошелся, и Артуру стало видно, что лужайка кончается так четко, словно ее обрезали, а за ее краем

нет ничего, кроме лазурной пустоты бескрайнего неба. Он поневоле отпрянул назад.

— Там же даже перила не поставлены!

— Тем, кто здесь, не нужны перила.

— Вы бог?

— Разве я похож на бога? — удивился высокий. — Я смотритель угодий.

— То есть садовник?

— Можно сказать и так.

Артур вновь выглянул за край и заметил, что трава покоится на плотном облачном основании.

— Как может облако быть таким прочным?

— Это отнюдь не случайность. Дважды в неделю я опрыскиваю его Э-фиксатором.

— Чем, чем?

— Фиксатором эфемерности. Веществом, под воздействием которого преходящее обретает устойчивость, или состояние, близкое к устойчивости. А вы кто, новый бог-постоялец?

— Нет, — уныло ответил Артур. — Я смертный и вот-вот отправлюсь домой.

Опечаленный, он побрел обратно к зданию интерната. И был готов поймать сестру Хельгу на обещании переслать его по телефону домой. Все эти разговоры с богами оставили гнетущее впечатление — для того, кто относился к божествам, в общем-то, идеалистически, общение с ними стало настоящим ударом.

Он поднялся на веранду, прошел мимо бога с чертами римского императора, который не удостоил его вниманием, и очутился вновь в бальном зале. Он был готов признать себя побежденным, вернуться на Землю и предстать перед полицией, ФБР, перед судьей, надзирателями в тюрьме Рейфорд, встретиться с другими заключенными и с кучей валунов в каменоломне. И вдруг услышал нечто, похожее на голос:

— Шшш!..

Он оглянулся. Никого. Он уже собрался возобновить свой скорбный путь в сторону приемной, когда голос прозвучал опять, на сей раз ясно и отчетливо:

— Шшш!..

Он оглянулся сызнова. Опять никого.

— Кто-нибудь звал меня?

— Да, — откликнулся голос. — Я звал.

— Кто вы?

— Меня зовут Листячок. Листячок Божественный.

— Почему я вас не вижу? Вы что, невидимка?

— Не будь тупицей. Я перебросил тебе свой голос.

— Вот как! Откуда же?

— Повернись налево, открой дверь, проследуй до конца коридора и затем направо.

Артур подчинился и оказался у лестницы, ведущей наверх.

— А теперь что?

— Поднимись по лестнице.

— Это не запрещено?

— Послушай, я бог, и я говорю тебе — поднимись. Чего тебе еще надо?

Артур поднялся на верхний этаж, миновал короткий коридорчик и уперся в новую дверь с табличкой: «Осторожно! Дальше не ходить! Отделение 0 с биполярным режимом. Обитатели могут оказаться буйными». Артур притормозил.

— Тут сказано, чтоб я не ходил дальше.

— А я говорю тебе — не обращай внимания и иди!

— Сказано, что это опасно.

— Слушай, парень! — Голос теперь звучал раздраженно. — Опасно даже вылезать поутру из кровати. Ты смертный в отчаянной ситуации или я ошибаюсь?

— В общем, да, это так.

— Тогда входи. Я твой последний шанс, малыш. Но решать, разумеется, тебе.

Артур поколебался, вспомнил о каменоломне, скрежетнул зубами и толкнул дверь. За дверью оказался еще один длинный коридор. Голос подсказал:

— Я в самом конце. Последняя дверь налево.

И Артур пошел дальше. Медленно, но пошел.

Глава 6

На вид Листячок показался Артуру то ли чуть постаревшим мальчишкой, то ли очень моложавым мужчиной. Он был невысок и мускулист, светлый шатен с рыжеватым отливом. На нем был наряд из листьев, по большей части зеленых, — виноградных листьев, решил Артур, — а талия и плечи Листячка были обвиты виноградной лозой. Узкое умное лицо, большие блестящие глаза, широкий рот с тонкими губами, искривленный в улыбке.

Но еще более удивительной, чем сам Листячок, была его

комната, очень напоминающая грот в лесу и по размерам многократно обширнее, чем можно бы вообразить. В обрамлении леса разместилась зеленая лужайка площадью по меньшей мере в акр, а на дальнем ее краю — романтическая пещерка, уходящая вкось под землю. У входа в пещерку стояла небольшая статуя, а перед ней алтарь. На алтаре гнила освежавшаяся разлагающаяся тушка какого-то зверька, и над тушкой жужжали мухи.

— Как же вам удалось втиснуть все это в одну комнату?

Листячок пожал плечами.

— Волшебством, конечно. Каждый проживающий здесь укрощает свою комнату, как ему заблагорассудится.

— Мне нравится ваш алтарь, — заметил Артур.

— Хорош, не правда ли?

— И ваш костюм из листьев тоже хорош. Вы случаем не великий бог Пан?

— Этот самозванец? Нет, я не Пан. И не Вакх. И не Силен, и вообще я не из греко-римских пастушьих богов. Я Листячок, главный бог троянских скифов.

— Не припоминаю, чтобы мне доводилось читать о богах вашей группы.

— Им не повезло. Едва они возвели скромный пантеон во главе со мной, как были уничтожены все до последнего Киром Великим.

— Опять-таки не помню, чтобы читал об этом.

— То, что Кир перебил троянских скифов, — столь малозначимый для него инцидент, что историки не удосужились даже упомянуть об этом. Но мне это безусловно испортило всю музыку.

— И вам не удалось найти почитателей среди другого народа?

— Мне не выпало такого случая. Эллины ввели в мир Пана, и для другого бога веселья, развлечений, пьянства и священных безумств, подобных вашим, просто не осталось ниши. Дублирование богов — проблема не из простых. Призывают многих, а выбирают считанных.

— Печально слышать. Должно быть, это огромное разочарование.

— Еще бы нет! Мои функции похищены, почитатели уничтожены... Я поставлен в весьма незавидное положение.

— Могу себе представить. И вы подались сюда?

— И то не по своей воле. Говоря по правде, я был сослан сюда решением жюри палачей, так называемых врачей-целителей, равных мне по рангу. Асклепием и компанией. Они постановили, что я слишком возбужден и нуждаюсь в отдыхе.

— В отдыхе? От чего?

Листячок улыбнулся уничижительной улыбочкой.

— Когда был убит последний мой почитатель, я и впрямь впал в возбужденное состояние. Простое мальчишество, наряду с разочарованием от того, что я утратил свое положение в пантеоне, который обещал стать воистину первоклассным. Был, пожалуй, шанс вписаться в египетский пантеон, рядом с Амоном, Исидой и прочими. Они утверждали, что им нужен хороший бог-трюкач. Но прежде чем они пришли к окончательному решению, меня препроводили сюда. По чести, меня ссадили с вола.

— Ссадили с вола?

— По-моему, у вас это называется — сбросили с поезда.

— Горько слышать, — заявил Артур. — Прекрасно понимаю ваши чувства. Мне ведь и самому неприятностей не занимать.

— В самом деле? Расскажи мне...

Артур поведал Листячку про золотые рудники и про то, как он вложил в них свои деньги. Начал было объяснять про игру на понижение, но Листячок прервал:

— Это мне понятно. Мы проделывали это еще на древней вавилонской бирже.

— Ну и вот, через несколько дней я обязан все выплатить. Задолжал уйму денег. Только чудо способно вытащить меня из беды.

— Ты хочешь, чтобы главных держателей акций перебили всех до одного?

— Да нет, не столь сурово. Видите ли, рудник, про который я рассказал, расположен в непосредственной близости к вулкану. Если бы кто-то пробил подземную стену, отделяющую рудник от озера расплавленной лавы, все было бы в порядке, и при этом никто бы не пострадал.

— Никто? А те, кто покупал акции?

— В большинстве своем они рассчитывали на их падение.

— Понятно, — высказался Листячок. — Преступление без жертв, так?

— Я предпочел бы определить его не как преступление, а как изъятие божественной воли с добрыми последствиями для большинства людей.

— Ну что ж, придумано ловко, — решил Листячок. — В сущности, задание для какого-нибудь подземного божества. Но полагаю, что я тоже мог бы справиться с этим делом без больших затруднений, если призову на помощь двух-трех друзей.

— Вы можете? И возьметесь?
 — Могу ли — это не вопрос. Вопрос — захочу ли?
 — И каков же ответ?
 — Не исключено, что мы придем к соглашению. На определенных условиях.
 — Назовите их.
 — Ну, разумеется, тебе придется почитать меня.
 — Нет проблем. Практически я уже стал вашим почитателем.

— И будут некоторые другие условия. Ты жалуешь мне право действовать на Земле в любом качестве, какое я выберу, в течение любого срока, какой будет мне угоден. Отсюда вытекает и право предпринимать все, что я сочту нужным, и выбирать средства, какие я предпочту. Мне также понадобится право на работу за рамками нашего с тобой договора. Тебе следует пожаловать мне эти права на вечные времена и пообещать, что ты никогда их не аннулируешь и никогда от меня не отречешься.

Артур пережил минуту страха.

— Разве у меня есть право на такие обещания?
 — Ты ведь полноценный человек, не так ли?
 — Конечно.
 — Тогда ты можешь гарантировать права нуждающимся в том божествам.
 — Это что, всегда так делается?
 — А ты как думал? Как, по-твоему, попадали на Землю все остальные?

— Мне и в голову не приходило...
 — Почитатели просили их явиться, вот как.
 — А что я получу взамен?
 — То, что тебе требуется. Я превращу вышеупомянутый рудник в цельный пласт лавы, сквозь который не пробьешься на протяжении поколений.

— Что мне и нужно, — подтвердил Артур.

— Значит, заключаем сделку?

Артура посетило чувство, что он увяз глубже, чем предполагал. Но тут уж, видно, ничего не поделаешь, если не отказаться от услуг Листячка. И сам Листячок казался вполне разумным божеством — немножко диковат, пожалуй, но вполне благожелателен.

— Думаю, что со всем названным вами можно согласиться.

— Я допускаю, что надумаю внести в соглашение еще несколько пунктов. Я внесу их в документ, а ты потом подпишешь.

— Без подписи никак не обойтись?
 — Никак. Не угадаешь, когда верховным богам вздумается влезть в то или иное дело.
 — Кто такие верховные боги?
 — Просто ватага выскочек, возмнивших, что раз им дана власть, значит, они заслуживают уважения. Не забивай себе этим голову — это, в общем-то, наше внутреннее дело. А теперь пошли вниз, и пусть сестра Хельга напечатает нам текст соглашения.

У Артура крепла догадка, что события развиваются чересчур быстро и он не поспевает за ними. Но ведь ему и нужны были быстрые действия, чтобы защититься от последствий опрометчивых поступков на Земле, и он решил не выдвигать возражений.

Они спустились к сестре Хельге в приемную, и Листячок пояснил, что заключает с Артуром соглашение.

— Следует ли отсюда, — осведомилась сестра Хельга, — что вы покидаете нас, Листячок?

— Да, следует, — ответил Листячок. — Хочу поблагодарить вас за помощь, какую вы мне оказали. Мне теперь гораздо лучше, и приступов дурного настроения больше не возникает.

— Врачи считают, что вам следовало бы задержаться у нас еще на два-три столетия — тогда ваше состояние стабилизировалось бы бесповоротно.

— Слушайте, так хорошо, как сейчас, я себя еще никогда не чувствовал!

— Я в самом деле не рекомендую вам выписываться в настоящий момент.

— Не спорьте, а заправьте в пишущую машинку лист пергамента и занесите на него то, что я продиктую. И большое спасибо, но уж разрешите мне самому судить о моем состоянии.

Сестра Хельга повернулась к Артуру.

— А вы уверены, что хотите заключить упомянутое соглашение?

— Он уверен, совершенно уверен, — вмешался Листячок. — Разве нет, Артур?

— Да, по-видимому, да, — подтвердил Артур. — Понимаете, я в очень затруднительном положении...

— Давайте покончим с делом, — сказал Листячок. — Хельга, записывайте. «Я, Артур Фенн, полноценный человек, будучи в

здравом уме и обладая бесспорным правом вступить в данное соглашение, даю Листячку, вольному божеству, следующие гарантии на вечные времена...»

Далее следовал перечень пунктов — все, какие они обсуждали в комнате Листячка, и несколько таких, о каких не упоминалось. Артур поразмыслил над ними, но сохранил спокойствие. Надлежало поставить точку, пока бог не утратил доброго расположения. В конце концов текст был составлен. Артур подписался под ним стилем, которое предоставила Хельга, и Листячок скрепил соглашение своей подписью.

— Вот и все! — воскликнул Листячок, сворачивая пергамент и запихивая его в своеобразный рюкзачок из веток и мха, закреплённый на плечах виноградными усиками. — По сути, мы можем отправляться в дорогу. Надо думать, сестра Хельга не откажется вернуть тебя по телефону домой. А я вскоре тебя нагону. Сперва надо сделать парочку срочных дел...

— А вы не забудете обо мне? — забеспокоился Артур. — У меня осталось до ареста меньше трех дней.

— Не беспокойся, малыш, — возгласил Листячок, — мы заключили соглашение. Поверь, нам предстоит теперь видаться часто-пречасто.

— Если вы готовы... — произнесла сестра Хельга.

Ее поджатые губы яснее слов выражали, что она думает о подписанном соглашении.

— Я готов, — отозвался Артур. — Пожалуйста, отправьте меня домой.

Что она и сделала.

Глава 7

Возвращенный по телефону из Божьего дома в свой собственный, Артур свалился в постель — он был слишком утомлен, чтобы взвесить последствия того, что натворил. А когда проснулся наутро, то задал себе вопрос, не приснился ли ему необъяснимо странный сон.

Только-только он пригубил первую чашку кофе, как зазвонил телефон. Это оказался Сэмми.

— Артур, у меня чудесная новость. Наш старик вулкан ночью снес себе башку. Пылевое облако видно даже из Рио.

— А что с рудником?

— Руднику капут, мой дорогой. На месте разработок теперь озеро застывающей лавы.

— Надеюсь, никто не пострадал?

— Смеешься? С лица земли стерто пять поселений, убито сотни две индейцев, не считая пяти десятков служащих компании.

— О Господи!

— Трагедия, вне сомнения. Но нет худа без добра. Тебе повезло, Артур. Цена приобретенных тобою акций упала — пальчики оближешь!..

— Удивительно, что акции вообще не исчезли с рынка.

— Компания, которой принадлежит рудник, утверждает, что ей известно, как справиться с лавой. Только ничего не получится.

— Выходит, я выкарабкался из дерьма?

— Не просто выкарабкался, а перебрался на доходную сторону, и неплохо. В настоящий момент твой вклад можно оценить, если скромно, в пятьдесят восемь тысяч долларов.

— Прекрасно. Продай.

— Решение твердое? Цена акций безусловно упадет еще ниже.

— Решение твердое. Продай все, Сэмми, эти игры не по мне.

— Ладно, приятель, продать так продать. Загляни завтра ко мне в контору, подпиши несколько бумажек, и мы выдадим тебе чек.

— Так легко?

— Да, так легко, малыш.

— О Сэмми... Есть хоть какая-нибудь догадка, отчего вулкан рвануло?

— Ни малейшей. Я же говорил тебе, никто не ведает, отчего с вулканами происходит то или это. По Божьей воле, не иначе.

Глава 8

Следующие несколько дней сложились для Артура Фенна спокойно. Визит в Божий дом начал постепенно стираться из памяти. И даже чувство вины по отношению к тем, кого он убил, призвав на подмогу Листячка и попросив взорвать вулкан, стало стихать. Артур свел дело к рациональному объяснению, что Листячок тут, скорее всего, вообще ни при чем. Может, просто выпал счастливый жребий... Кому дано знать, когда вулкан вздумает проснуться? Так сказал Сэмми, и сказал мудро.

И тут Листячок пожаловал в гости. Случилось это вечером, когда Артур сидел у себя на веранде, любуясь великолепным за-

катом. В душе опять шевельнулось чувство вины, поскольку газеты писали, что роскошные закаты обязаны своими красками пыли, выброшенной взорвавшимся в Бразилии вулканом. Выходит, он, Артур Фенн, прямо причастен к зрелищу. Но хочешь не хочешь, а с этим придется жить. Да закат и вправду был хорош.

Артур уже собирался идти спать, когда — бах! — рядом на веранде очутился Листячок в бесстыдном наряде-чешуе из листьев и лозы. И бросил небрежно:

— Привет, старик!

— О, привет! — откликнулся Артур и, осмотревшись, добавил: — Пошли потолкуем внутри.

Проведя Листячка в гостиную, он угостил гостя пивом и усадил в самое лучшее кресло.

— Как поживаешь? — осведомился Листячок.

— Прекрасно.

— Как тебе понравилась история с вулканом?

— Это сделали вы?

Листячок хлебнул пива и улыбнулся самодовольно.

— Уж не думал ли ты, что все случилось само собой?

— Ну, по правде говоря, я не знал, что и думать.

— И не ожидал, что я распишусь в своей причастности?

— Наверное, нет.

— Если честно, мне потребовалась кое-какая помощь. Тонкая перегородка между вулканом и рудником, про которую ты говорил, на поверку обернулась двадцатипятифутовой скальной стеной. Такую не прошибешь плевком, даже если ты бог.

— Что же вы сделали?

— Позвал парочку друзей.

— Я их не встречал? Я же, когда был в Божьем доме, разговаривал кое с кем из богов.

— С этой бандой старых хрычей и хрычовок? Не смейся меня. Мои друзья не ошиваются в таких местах. У меня, малыш, есть друзья среди богов, не прикованных к интернатам для престарелых.

— Где же они тогда обретаются?

— Трудновато объяснить. Когда бог остается без работы, ему нужно место, где можно осесть, пока его услуги не понадобятся кому-нибудь снова. Мои друзья пребывали в поселении, которое мы именуем Ксулувилль.

— Интересное название, — заметил Артур.

— Поселение, куда свозят провинившихся. Богов, не при-

шедшихся по вкусу. Там держали и меня, пока не послали в Божий дом на реабилитацию.

До сих пор Листячок про реабилитацию и не заикался. Но для того, чтобы порасспрашивать его на этот счет, момент был явно неподходящий. Артур сказал всего лишь:

— Хочу от души поблагодарить вас за то, что вы для меня сделали. С радостью предвкушаю возможность показать вам все, что захотите, в один из ближайших дней. Но сейчас у вас, вероятно, есть пропасть других дел...

— Эй, парень, что ты надумал? Дать мне от ворот поворот?

— Да ничего подобного! Просто мы уже сделали то, о чем договаривались...

— То, о чем ты договаривался со мной. А то, о чем я договаривался с тобой, еще в самом начале. Мы увидим рассвет новой эры, ты и я.

— Признаться, я не чувствую в себе сил на какие-то новые предприятия...

— Хандришь, приятель? Я дам тебе дозу сомы, лекарства богов. Она вернет тебе силы.

— Мне кажется, я пока нуждаюсь лишь в отдыхе, одиночестве и абсолютном покое...

— Слушай, не будь занудой. У меня для нас с тобой, малыш, грандиозные планы. Сколько у тебя здесь комнат?

— Это маленький коттедж. Две спальни, гостиная, оранжерея, кухня и гараж.

— Для начала сойдет. Я займу свободную спальню со своими приятелями, пока мы не подыщем чего-нибудь получше.

— С приятелями? С какими еще приятелями?

— Я же говорил тебе: чтобы подорвать этот вулкан, пришлось призвать на помощь парочку других богов. Должен же я был пообещать им что-то в порядке компенсации!

— Но почему они должны расположиться в моей второй спальне?

— Потому что это начало.

— Начало чего?

— Начало реализации планов, которые я разработал в отношении Земли. Очень здорово, что ты пригласил нас сюда, Артур. Я еще не осмотрелся как следует, но тут вроде бы мило.

— Что именно вы планируете?

— Расслабься, малыш, сам все увидишь. Планы грандиозные! И все будет разворачиваться вокруг тебя. Почему бы тебе не выкинуть из второй спальни свое барахло? Мои приятели

должны пожаловать с минуты на минуту. Скажи им, что я скоро вернусь.

— Куда вы собрались?

— Пройдусь, огляжу окрестности...

С грехом пополам Артуру удалось убедить Листячка, что костюм из листьев будет привлекать к нему нежелательное внимание. Удалось также найти джинсы и водолазку, которые оказались божеству как раз впору. Когда к ним были добавлены мягкие мокасины и десятка на карманные расходы, Листячок оказался полностью снаряжен и удалился, посвистывая.

Первое добавочное божество объявилось буквально десять минут спустя. Прямо у Артура в гостиной, в облаке вонючего дыма. Низкорослая и широкоплечая, с головой, напоминающей репу, и ногами, похожими на древесные корни.

— Привет! — изрекла она. — Я Луума. Через два «у». А ты, должно быть, Артур.

— Рад познакомиться, — ответил Артур и протянул ей руку, но она ухватила его обеими своими длинными, костлявыми, волосатыми клешнями и сжала в объятиях, способных сокрушить кости.

— Артур, — сказала она, — не могу передать, как я рада очутиться здесь. Ты даже не представляешь, что за клоака этот Ксулувилль.

Луума поведала, что ей на долю выпало короткое царствование где-то в Монголии, в племени лумерийских асклепов, в качестве богини пыточной смерти. Обычаи асклепов были так жестоки, что все племена, жившие по соседству, сплотились и вырезали их до единого — и мужчин, и женщин, и детей, не пощадили даже собак.

Голова Луумы росла из покатых плеч без посредства шеи. Рот был широкий, обвислый, за слюнявыми губами были видны большие заостренные желтые зубы. Меж маленьких свинячьих глазок вздымался огромный римский нос, а волосы выглядели, как моток черной проволоки, пропущенной через мялку. Одетая она была в гниловатую леопардовую шкуру — шкура свисала с одного плеча до коленок, покрытых чесоточными струпьями.

— Листячок говорил про свободную спальню, — вспомнила вдруг Луума. — Пойдем-ка посмотрим...

Артур отвел ее в прибранную комнату. Луума плюхнулась на

кровать, попрыгала на матрасе и заявила, что вполне довольна, по крайней мере, пока не найдется чего-то лучшего.

— Пожалуй, вздремну немного, — объявила Луума. — Утомилась, добираясь сюда из Ксулувилля, да еще и уклоняясь всю дорогу от верховных богов.

— Они что, гонятся за вами?

— Им не нравится, когда кто-то ускользает из Ксулувилля. Поймай они меня, непременно отправили бы обратно.

— Разве они не способны найти вас здесь?

— Это уже неважно. Я на планете, управляемой людьми, по приглашению полноправного человека.

— Что-то я не помню, — набрался смелости Артур, — чтоб я приглашал лично вас.

— Ты пригласил Листячка с друзьями. Согласно букве закона, все в порядке.

Следующим прибыл Йаах, бог детоубийства. Высоченный, худющий, — казалось, почти прозрачная пленка кожи с трудом удерживает кости вместе, чтобы не развалились. Нос у него был так длинен, что нависал над ртом, как клапан конверта, и Йааху приходилось совершать хитрые маневры, когда он ел, что случалось частенько. Родословную свою он вел от ланолийских тюрок, небольшого племени, предшествовавшего сельджукам и практиковавшего принудительное детоубийство, — обычай, который стер их с лица Земли до того, как они достигли хоть чего-нибудь. Йаах был счастлив, что выбрался из Ксулувилля и получил шанс, как он выразился, «вновь приступить к делу». Он также заявил, что спальня его вполне устраивает, и возлег поверх похрапывающей Луумы соснуть до того, как начнется самое интересное.

Последним в тот вечер явился Ротте, бог военного предательства, почитавшийся народом отуми, который населял Мексику в доколумбовы времена и был уничтожен ольмеками, и эта победа обрадовала всю страну, поскольку отуми осточертели всем другим народам своим коварством. Народ отуми был велик по численности, однако его привычка неизменно нарушать данное слово привела к тому, что намерения обманщиков становились очевидными для всех пытавшихся иметь с ними дело, и они были убиты, невзирая на усилия, предпринятые их богами, решить сражение в их пользу.

Ротте имел внешность старика, хотя все его органы покину-

ли привычные места. Рот перекачивал на лысину, глаза расположились на кончиках пальцев, а желудок он носил переброшенным через плечо. Как и его предшественники, он выразил удовлетворение тем, что попал в новую обстановку — «неплохо для разнообразия», — а войдя в спальню, тут же взгромоздился поверх двух почивающих божеств.

Было очевидно, что прибывшие боги привыкли спать без удобств. Чуть позже вернулся Листячок и, пожелав Артуру спокойной ночи, без колебаний влез на трех остальных — кровать взвизгнула, но все-таки устояла. Артур удалился в собственную спальню, однако заснуть не мог — мешало громкое чавканье, боги предавались кошмарному общему блюду. Наконец, уже перед самым рассветом, он провалился в тревожную дремоту. Последней его мыслью было: хорошо бы, чтобы Листячок и его божественные дружки поскорей покончили с делами, приведшими их на Землю, и убрались по какому-нибудь иному адресу соответственно своим наклонностям.

Глава 9

Только Листячок с дружками вроде бы никуда не торопился. Они целыми днями слонялись по коттеджу, прихлебывая пиво, которым их снабжал Артур, и обсуждая какие-то свои планы. Между собой они говорили на богалонге, наречии младших богов, и Артур не понимал ни словечка.

Вся эта катавасия ему категорически не нравилась, но что он, в сущности, мог поделать? Он уходил на целый день в городскую публичную библиотеку и сидел там, рассеянно листая журналы, в бездумном оцепенении.

Сегодня он ушел из библиотеки вскоре после полудня, припомнив наконец, что надо зайти к Сэмми в маклерскую контору и забрать чек.

Завидев Артура, Сэмми расплылся в улыбке, и один из хозяев конторы, мистер Трипп, тоже выскочил приветствовать гостя. Правда, улыбка у Триппа получилась не столь широкой. Беспристрастный свидетель отметил бы, что она чуть-чуть напряженная.

— Мистер Глюк рассказал мне о вашей удаче, — произнес Трипп, протягивая руку. — Примите мои поздравления с поразительным успехом. У вас случаев нет друзей среди золотопро-

мышленников? Или приятелей, хорошо разбирающихся в вулканологии?

— Нет, ничего подобного, — ответил Артур. — А что? Какое это имеет значение, если бы они были?

— Для меня, конечно же, никакого, — заявил Трипп. — А вот ББО может и заинтересоваться...

— Простите, кто?

— Комиссия по безопасности биржевых операций. Они уже проявили интерес к этому делу.

— Они считают, что я совершил что-то неподобающее?

— Да что вы! — воскликнул Трипп, улыбаясь чересчур сердечно. — Но когда в биржевых курсах случаются внезапные крутые изменения, они склонны выяснять, отчего да почему. Их можно понять, не правда ли? А тут произошло нечто поистине незаурядное.

— Жалею, что я сам не ввязался в эту игру, — вставил Сэмми. — Почти ввязался, но не успел послать заказ вовремя...

— Что мне теперь делать? — осведомился Артур.

— Вы ничего не можете сделать. Если у них возникнут вопросы, они обратятся к вам сами. — Трипп вновь неискренне засмеялся. — В близком будущем вы часом не собираетесь ни в какие долгие поездки?

— Нет... Мне понадобится адвокат?

— Это успеется, если вообще понадобится. Скорее всего, нет. Вам, в сущности, не о чем беспокоиться.

— Может, мне пока не следует тратить деньги? — предположил Артур.

— Я как раз собирался перейти к этому вопросу, — сообщил Трипп. — Сэмми, ты не откажешься объяснить своему другу все, что с этим связано?

— Объясню, конечно, — отозвался Сэмми. — Понимаешь, Артур, есть новость добрая и новость скверная. Добрая новость в том, что твое первоначальное вложение в сумме двадцать две тысячи долларов, возросшее до пятидесяти восьми тысяч, к моменту, когда ББО прикроет операции с этими бумагами, можно будет оценить примерно в триста тысяч...

— А скверная новость?

— Все операции, затрагивающие «Объединенные рудники Багга», приостановлены до окончания расследования, проводимого ББО. Это значит, что наши операции тоже заморожены, Артур. Мы все должны подождать, пока ББО не посчитает расследование законченным.

— Я предложил бы просто вернуть мне мои двадцать две тысячи и забыть эту историю, но вы ведь не согласитесь...

— Разумеется, мы не вправе так поступить, — вновь вмешался Трипп. — Однако не унывайте, мистер Фенн. Потенциально вы богатый человек. И я нисколько не сомневаюсь, что ББО не найдет за вами никакой вины.

Последовали новые рукопожатия и новые улыбки. Сэмми проводил Артура до дверей и пообещал:

— Загляну, как только смогу. Потолкуем. И не расстраивайся. Все кончится хорошо.

— Надеюсь, что ты прав, — ответил Артур. — Когда заглянешь, увидишь кое-что не совсем обычное.

— Ты что, сделал покупки в кредит?

Артур понял: объяснить что бы то ни было не получится.

— Сам увидишь. Пока, Сэмми!..

И заторопился, припомнив, что у него полон дом голодных богов. И не осталось денег на то, чтоб их накормить.

Выяснилось, что Листячок денежную проблему предусмотрел. И он сам, и приглашенные боги прихватили с собой куски золотой руды из Божьего царства, где золота завались, а тратить его негде. Артур отвез руду в соседний городок Орландита, обратил золото в наличность и смог купить богам то, чего они хотели, — тушки цыплят, кроликов и овец. Боги любили мясо в сыром виде. Артур уговаривал их перейти на обычную вареную и жареную пищу, но они упорствовали в своих привычках.

Артур побаивался, что нарвется из-за божественных вкусов на неприятности, и точно: однажды вечером к нему пожаловал полисмен с известием, что соседи заподозрили, будто он содержит бойню в жилом квартале. И впрямь, вокруг коттеджа валялись крупные, тщательно обглоданные кости. Артур пообещал, что проведет уборку. Однако полисмен не успокоился — его тревожило, что творится в самом доме.

— У вас что, живут посторонние?

— Друзья семьи. Задержатся недолго.

— Вы случайно не прячете нелегальных эмигрантов?

— Нет, что вы!

— Мне хотелось бы взглянуть на этих ваших постояльцев.

— Они спят.

— Разбудите.

— Никак нельзя отложить это до другого раза?

— Я же сказал — сейчас!

Артур отправился в спальню, где боги спали тошнотворным клубком, и разбудил их. С грехом пополам они поднялись на ноги, кое-как отпутавшись друг от друга. Луума, натянув розовую сорочку, вызвалась:

— Берусь поговорить с этим парнем.

— Может, не надо? — испугался Артур. — Неприятностей и так не занимать...

Луума ухмыльнулась.

— А мы любим скандалы...

Когда она, распухшая, совсем утратившая человеческий облик, вывалилась наружу, полисмен просто не поверил своим глазам.

— Ну и какие претензии? — проблеяла она.

— Хочу взглянуть на ваши документы.

— Вот как? — Она оскалилась хитро и похотливо. — Милоч, я могу показать тебе много больше, чем какие-то глупые бумажки...

— Документы! — повторил полисмен, отступая и хватаясь за пистолет.

Луума вытянула тощую волосатую руку и ухватила его за горло.

— Послушай, парень, — произнесла она, — на твоём месте я бы выбросила все это из головы. Соображаешь, о чём я?

— Арррхх... — прохрипел полузадушенный полисмен.

— Если хочешь неприятностей, мы тут припасли их для тебя навалом.

Она уставилась на него, и злобно — из глаз брызнул темный свет. Полисмен был не в состоянии даже пискнуть. Она тряхнула его, как дохлую крысу, потом оттолкнула прочь.

— Дошло до тебя? — осведомилась она, встряхнула его опять, отпустила и пошагала обратно в коттедж.

Полисмен, совершенно вне себя, оправил мундир и обернулся к Артуру.

— Что это было?

— Что — это?

— Это... мм... явление.

— Я никакого явления не видел, — заявил Артур. — С вами все в порядке, офицер?

Полисмен дрожал мелкой дрожью и все же кое-как взял себя в руки, пробормотав:

— Здесь что-то не так, но я знать ничего про вас не хочу. Только чтобы больше на участке никаких животных без разрешения. Слышите?

— Слышу, слышу, — ответил Артур.

— Не допускайте новых жалоб. Мне, право, не хотелось бы приезжать сюда снова. Понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю, — откликнулся Артур. — И сочувствую.

Полисмен направился к своей машине, и она тронулась, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее.

Глава 10

С появлением в доме четырех буйных богов жизнь Артура, и прежде непредсказуемая, превратилась в совершеннейший хаос. Богов главным образом интересовала еда, притом они предпочитали пожирать ее заживо, с кровью и в огромных количествах. Артур умолял их хотя бы оставить в покое соседскую живность. Они уступили в том смысле, что стали уходить подальше, шастать по всему округу и приносить домой собак, кошек, свиней, кур, овец и коз — свое каждодневное пропитание. Но, невзирая на все старания, боги проявляли полную неспособность отличать бродячих тварей от домашних любимцев. Свою добычу боги притаскивали глубокой ночью или под утро и поглощали сырой или пихали в самую большую кастрюлю, чтобы чуть размягчить.

Такие подвиги не могли остаться незамеченными. В местных газетах появились статьи о том, что в округе Магнолия и прилегающих округах Броуард и Дейд внезапно участились случаи угона скота и похищения домашних животных. Листочки смотался обратно в родные места и притащил еще несколько золотых слитков. Артур обратил их в деньги, немного поэкспериментировал и стал покупать кровяную колбасу упаковками по пятьдесят фунтов. Боги поедали ее как она есть, без обработки. Им понравилась и испанская сырокопченая колбаса чоризо, тоже в сыром виде, и Артур дал заказ ближайшему магазину, специализирующемуся на мексиканской пище, на ежедневную поставку этого сорта.

Деньги уходили не только на еду. Боги нуждались также в одежде, а еще им требовались в изрядном количестве полудрагоценные камни для украшения алтарей, которые они возвели в собственную честь по всему дому. И Артуру приходилось за все это платить — божеские золотые слитки вскоре кончились. Он впал в настоящую нужду: выручка за золотую руду была исчерпана, а чек за сыгранные на понижение акции все еще задерживали до выяснения, нельзя ли вообще убраться с рынка.

И как раз в эти дни к Артуру заявила его невеста. Мими была маленькой, с волосами мышиного цвета, не слишком полными ножками и скромненькой грудкой. В день визита она надевала крахмальную блузку с рюшами, прямую юбку и лакированные кожаные лодочки простого, строго классического фасона.

Познакомились они с Артуром на главной торговой улице Таити-Бич, в большом магазине фирмы «Сакс». Одна из тетешек прислала Артуру подарочный сертификат на пятьдесят долларов, вот он и заглянул к «Саксу» в рассуждении, как бы эту сумму потратить. Но ни одна приглянувшаяся ему вещь в полсотни не укладывалась, и он подошел к главной кассе с вопросом, нельзя ли вернуть сертификат за наличные.

Мими, работавшая в тот день в бюро услуг, разъяснила ему, что такой возврат не практикуется, и предложила купить галстук. Артур ответил, что не носил галстуков, пожалуй, никогда в жизни и не сумеет самостоятельно выбрать. Тогда Мими проводила его к прилавку с галстуками и облюбовала для него сочетание оранжево-розового и сернисто-желтого цветов, заявив, что это ему к лицу. Артур принял заявление за комплимент и сказал спасибо.

Затем они отправились вместе выпить кофе и разговорились. Его восхитили ее аристократические манеры, а ей понравилось, что он явно податлив — важная особенность, если хочешь, чтобы мужчина хорошо обеспечивал семью. Она была миниатюрной, с мелкими кукольными чертами лица, он — высок, слегка сутул и неуклюж, как молодой Авраам Линкольн той неопределенной поры, когда будущему президенту еще не пришла в голову гениальная идея спасти свою страну и освободить рабов. Аристократизм, с одной стороны, и характер, основой которого служит податливость, — с другой. Какая пара! Эти двое просто не могли разминуться.

Начались свидания. Она почти не позволяла притронуться к себе, и это ему тоже нравилось. В век неразборчивых женщин, пугающих своей порочностью, — по крайней мере, так их выводили в кино, — особенно бросалось в глаза, что Мими получила хорошее воспитание. А она восхищалась его ростом, — считалось, что высокие сухопарые мужчины преуспевают в бизнесе лучше, чем их низенькие толстенькие соперники; мнение журнала «Психология сегодня» именно таково.

Родственники как с ее, так и с его стороны не то чтобы плясали от радости, но смирились с их выбором, а вообще-то давно махнули на них обеих рукой. Двадцатилетняя Мими, уже два

года как окончившая школу в Палм-Бич, хотела выбраться из родительского дома и свить собственное гнездышко. Артуру было двадцать семь, у него была ученая степень по сравнительной мифологии, и ему хотелось завести жену, которая хлопотала бы по дому и поддерживала в порядке коттедж, унаследованный от родителей.

Артур купил для Мими обручальное кольцо с маленьким и не совсем чистым бриллиантом; в этом ему помог Сэмми, у которого были связи повсюду. Мими нашла, что кольцо прекрасно смотрится на ее миниатюрной ручке. Они объявили о своей помолвке, но на вопрос о дате свадьбы отвечали уклончиво.

Узнав Артура поближе, Мими стала подозревать, что он на самом деле не столь податлив, как казалось. Он старался угодить, однако в глубине души прятал поразительную робость и безынициативность, и с каждой неделей и месяцем это становилось заметнее. Что до самой Мими, то хоть она была изяшной, даже хорошенькой, и умела держаться безукоризненно, но и у нее обнаруживались глубинные отрицательные черточки, которые никак не удавалось скрыть. Сэмми, в общем-то не критичный, однако воображающий себя остроумцем, глядя на ее скошенный лобик и резкую челюсть с двумя элегантно выпирающими зубками, уподобил ее атакующему хорьку на высоких каблуках. Артуру сравнение не понравилось — он находил невесту прекрасной. Сознавал, что они двое в каком-то смысле не пара, но он любил ее и, еще существеннее, желал ее. Впрочем, это ему не помогло: Мими постановила, что не допустит баловства, как она именovala близость между мужчиной и женщиной, до брака.

В последнее время их отношения слегка напряглись, поскольку Мими наконец-то осознала, что обладатели докторских степеней по сравнительной мифологии не являются первоклассными кандидатами в преуспевающие бизнесмены, как бы настойчиво ни подталкивала их женщина. Артур просто плыл по течению в надежде, что все как-нибудь утрясется само собой.

Они не очень-то ладили уже не первую неделю, однако развязка наступила вскоре после прибытия Листячка. Мими без предупреждения заехала к Артуру с новейшим бестселлером «Как достичь успеха, какой вам и не снился, даже вопреки собственному желанию». Она купила это сочинение специально для Артура, выислав на полке новинок в книжной лавке Далтона рядом со своим магазином.

Артур вышел к двери, но, вопреки обыкновению, в дом не

позвал. Мими отметила эту странность и, хотя вовсе не планировала заходить внутрь во избежание судорожных любовных порывов, неизменно портящих ей макияж, — самый факт, что ее на сей раз не просят войти, поразил ее как в высшей степени подозрительный.

— Ты что, не собираешься пускать меня в дом? — спросила она с прямоотой, которая в раннюю пору знакомства казалась ему очаровательной.

— Видишь ли, на меня неожиданно свалились гости, и в комнатах полный кавардак, — ответил Артур, лишь усилив ее решимость во что бы то ни стало выяснить, что тут происходит.

— Дай мне воды, — попросила Мими. — День такой жаркий...

— Обожди здесь, сейчас принесу.

Артур бросился в дом, захлопнув дверь прямо у нее перед носом. Мими осталась на крыльчке, пылая негодованием, пока он не вынес полстакана тепловатой воды из-под крана. Она выпила, как всегда, изяшно, маленькими глотками, и, отдав стакан, вновь задала прямой вопрос:

— Ты не хочешь познакомить меня со своими друзьями?

— Да они мне не друзья, — брякнул Артур, подлинный герой по части неудачных ответов.

Конечно, его родителям следовало бы воспитать его получше. Но и отец, обшительный помощник видного адвоката, и мать, обожавшая выращивать цветы и кататься верхом, пять лет назад были убиты на выезде из международного аэропорта Орландо, где проводилась конференция игроков в бридж. Смертью своей они были обязаны подростку с автоматом «узи» в потрепанной таратайке «Корвет», — тот заметил веселенькое перышко на тирольской шляпе мистера Фенна и принял их за богатых немецких туристов, которых ненавидел. Ссылка юнца на невольную ошибку в дни последующего суда не избавила его от двадцати лет тюрьмы, впрочем, с неплохими шансами на досрочное освобождение лет через пять.

— Не друзья? — переспросила Мими. — Кто же они тогда?

— По сути, просто знакомые. И даже не знакомые... просто я им кое-чем обязан. Что скажешь, если я приглашу тебя вечером в «Слава Богу, пятницу»?

Опять неуверенно, с запинкой и как бы признавая свою вину.

— Ты стыдишься меня, Артур?

— Нет же! Как ты могла так подумать? Просто-напросто...

— Тогда пригласи в дом и познакомь.

Признав безвыходность ситуации, Артур капитулировал.

— Если ты настаиваешь... — произнес он тоном, который мог бы подразумевать собственное достоинство, если бы Артур умел лучше владеть собой.

Мими вошла — и первой, кого она увидела, оказалась Луума, распростертая на кушетке с половинкой сырого цыпленка в одной руке, квартой пива в другой и тарелкой мяса по-карибски с жареной картошкой, установленной на пузе. Луума смотрела по телевизору дневную мыльную оперу.

— Мими, позволь представить тебе Лууму. Луума...

— Привет тебе, крошка! — воскликнула богиня, с ужасающей энергией вскочив на ноги и расшвыряв мясо и картошку по всему полу.

Затем Луума отерла сальную руку об юбку — полурулон вельветина, кое-как обернутый вокруг ее могучих телес, и протянула Мими руку. Мими взглянула на эту руку, как на гнилую радиоактивную рыбу, но, пересилив себя, храбро коснулась пальцев Луумы и тут же отдернула свои. И сказала небрежно, в манере, которую в ее кругу почитали за нормальный разговор:

— Вы у нас в городе проездом?

— Не-а, мы здесь задержимся на какое-то время, — отозвалась Луума и оглушительно воззвала: — Эй, Листячок, иди сюда, познакомься с Артуровой милашкой!

Листячок выскочил из ванной, закутавшись в полотенце, которое оказалось, однако, слишком узким, чтобы полностью укрыть его гигантский мужской орган. Поддерживать вежливый разговор стало для Мими затруднительным, хотя Листячок был вполне учтив в своем обычном возбужденно-напыщенном стиле. Но доконало Мими появление Йааха, вывалившегося из дальней спальни в юбчонке наподобие шотландской, но из пороссячьих шкурок, — он добыл их у мясника, который полагал, что покупатель хочет сварить или испечь шкурки и съесть, а отнюдь не напялить на себя в натуральном виде. Для бога детоубийства наряд был более чем подходящий, однако Мими в ту же секунду сделалось дурно: из кое-как сметанных швов сочилась черная кровь.

— О Боже, — всхлипнула она, — меня сейчас, кажется, вырвет...

А тут из задней комнаты выпрыгнул еще и Ротте.

— Можно, я ее съем? — осведомился он, облизываясь.

Мими выбежала из дома сломя голову. На следующий день

она вернула Артуру обручальное кольцо (предварительно оценив и выяснив, что оно дешевенькое) с ледяной запиской, объявляющей помолвку расторгнутой.

Глава 11

Когда к Артуру в гости заглянул Сэмми, его реакция на богов оказалась противоположна той, какую продемонстрировала Мими. Она нашла их отвратительно вульгарными, а ему они показались забавными простачками. В то же время он без особых усилий примирился с мыслью, что они действительно боги.

— А ты умеешь копать вглубь, — обратился он к Артуру, расположившись в гостиной и поигрывая бутылкой пива. Беседовал Сэмми в основном с Листячком и Луумой, а Артур сидел рядом на стуле с прямой спинкой, погибая от замешательства. — Кто мог всерьез подумать, что твоя мифология может иметь практическое применение? — Вновь обернувшись к Листячку, Сэмми сменил тему: — Не хочу обидеть, но у вас припасены какие-то трюки? Понимаю дело так, что боги способны на множество трюков...

— Ты про трюки? Разумеется, у нас припасены трюки. Ну-ка, Луума, покажи Сэмми, как ты изображаешь птицу.

— Смотрите...

Она встала, шумно вздохнула и принялась махать руками — все быстрее, быстрее, быстрее. Потом начала вращаться, для столь топорно сбитой фигуры поразительно легко. И вскоре закрутилась, как волчок, с немыслимой скоростью, ее красно-черное одеяние (купленное Артуром на уличной распродаже) раздувалось и хлопало на ветру. А потом действительно разогналась и теперь сама поднимала ветер, разворошивший кучу газет в углу. При этом она постепенно съеживалась в размерах и, когда наконец остановилась, превратилась в крупного ворона с черно-красным платком, повязанным на шее.

— Понравилось? — спросила она, не то каркая, не то щебеча.

— Великолепно! — воскликнул Сэмми. — Ну и представление!

Ворон похлопал крыльями и поднялся в воздух, выписывая по комнате головокружительные виражи, и вдруг — хлоп! — в один миг опять превратился в Лууму, слегка ошалевшую, но весьма довольную собой.

— Великолепно! Просто чудесно! — повторил Сэмми. И к

Артуру: — Слушай, малыш, из этого можно сделать прибыльное дело!

— Говоря по правде, — сказал Артур, — с деньгами у меня стало туговато.

Сэмми пожал плечами.

— Расследование должно закончиться с недели на неделю, и тогда я выпишу тебе чек. Но когда в доме полно самых настоящих богов, какие могут быть проблемы с деньгами?

— Принимать богов в качестве гостей обходится недешево.

— Мы же внесли свою долю, — возмутился Листячок. — Разве мы не привезли тебе ничего из Божьего царства?

— Вы про слитки? То, что я выручил за них, уже истрачено.

— А все остальное барахло?

— Не приложу ума, что с ним делать, — признался Артур. — Я же не владелец антикварной лавочки.

— Можно мне взглянуть? — вмешался Сэмми.

Листячок удалился в гараж и притащил большую картонную коробку с вещами, какие боги привезли с собой из неведомых краев, откуда прибыли сами. В коробке были кольца, броши, подвески и серьги, чаши и кубки, резные и литые статуэтки, браслеты и прочие безделушки. Сэмми перебрал все вещицы одну за другой.

— Здесь есть кое-что ценное, — сообщил он, помолчав. — Вот это похоже на золото, полным-полно серебра, и готов держать пари, что некоторые из драгоценных камней — настоящие. А уж о качестве изготовления и говорить не приходится.

— Понятия не имею, что со всем этим делать, — заявил Артур.

— Зато я имею, — не смутился Сэмми. — У меня есть парень, способный оценить стоимость камней и металла. Кое-что в этой куче выглядит по-настоящему древним. И есть парень, который может сбыть это добро на специализированном ювелирном рынке.

— И не придется указывать, откуда оно взялось? — усомнился Артур.

— Есть еще один парень, который может заняться подготовкой свидетельств о происхождении антиквариата. — Тут Сэмми обратился к Листячку напрямую: — Не разрешите ли мне утрясти для вас данное затруднение? Я выколочу максимальную цену, а за комиссию возьму всего-то десять процентов. Будут еще кое-какие расходы, и все равно условия выгодные, не правда ли?

— По мне так все хорошо, — заявил Листячок.

— Стало быть, договорились, — обрадовался Сэмми, трясая Листячку руку.

— Есть еще кое-какое добро, — вмешалась Луума.

— Какое? — заинтересовался Сэмми.

— Мы подобрали его, когда бродили по окрестностям в поисках пищи. Оно сложено в глубине гаража под брезентом.

На сей раз они отправились в гараж все вместе и обнаружили там аккуратно сложенные штабелем два тридцатидюймовых телевизора в фабричной упаковке, почти новую электрическую газонокосилку и сверлильный станок.

— Где вы все это взяли? — требовательно спросил Артур. — Я же ничего этого в глаза не видел!

— Мы решили, что тебе незачем об этом знать, — ответствовала Луума. — Ты интеллектуал, и мы тебя уважаем. А вот твой друг — истинный бизнесмен.

— Точнее не скажешь, я бизнесмен, — объявил Сэмми. — Дайте мне парочку дней. Я знаком с людьми, которые знакомы с другими людьми, и те избавят вас от этого имущества с самой пристойной оплатой.

— Не возражаю, — откликнулась Луума, и Листячок кивком подтвердил свое согласие.

— Это неэтично! — возгласил Артур.

Все посмотрели на него так, будто он остался последним сумасшедшим на Земле.

— Не надо судить богов по человеческим меркам, — молвил Сэмми.

— Мне нравится твой друг, — высказался Листячок.

— Позже вечером я вернусь сюда с грузовичком. Приятно иметь дело с вами, ребята.

С чем Сэмми и удалился, напевая: «Вот и настали вновь счастливые денечки...»

Глава 12

Деловые способности Сэмми были великим благом для богов, а Артура привели в изрядное изумление. Прямо на глазах Сэмми вырос из тощенького младшего брокера, над которым вечно подшучивали друзья, в важную криминальную фигуру со связями по всей Флориде. Товара на продажу день ото дня прибавлялось и прибавлялось, и Сэмми проявлял высочайшее умение избавляться от чего угодно, пряча следы в лабиринте сделок, — одни операции он фиксировал на бумаге кодом собственного

изобретения, другие просто держал в голове. Он стал экспертом по украшениям и безделушкам божественного происхождения, нашел поставщиков излюбленной богами еды. Все было шито-крыто, поскольку сопровождалось щедрыми пожертвованиями в полицейские благотворительные фонды. И уж, конечно, Сэмми очень неплохо жил со своих десяти процентов, не говоря о беспрерывно возрастающих текущих расходах.

От него не требовали никаких финансовых отчетов. Как однажды заметил Листячок, боги — не бухгалтеры. А Артура отвлекли неожиданным делом, которое вскоре стало доминантой его жизни.

Впервые Артур прослышал про новый поворот событий от Сэмми, когда тот в очередной раз заглянул вечером предьявить выручку и обсудить дальнейшие планы. Артур на этот раз даже не выходил, остался у себя в спальне, читая «Утешение философией» Боэция¹, — чтение успокаивало, да и в утешениях он испытывал нужду. И тут в дверь просунулась голова Сэмми.

— Не мог бы ты, дружище, выйти к нам на минутку? Хочется кое-что с тобой обсудить...

Как-то само собой получилось так, что едва в дело вмешался Сэмми, Артура вынесло из центра событий. Его лично это вполне устраивало. Боги ему опротивели, и самым заветным желанием стало, чтоб они убрались по прежнему месту жительства и больше его не беспокоили. Дважды он даже рискнул сам затронуть этот вопрос, но Листячок уклонялся от ответа, ссылаясь на свою «миссию на Земле», которую надо-де завершить.

Когда Артур явился в гостиную, там сидели Сэмми, Листячок и Луума, а Йаах возился на кухне, смешивая напитки. Слово взял Сэмми:

— Артур, завтра тебе предстоит встреча с фотографом. Десять часов утра тебя устроит?

— Зачем вам моя фотография? — пришел в недоумение Артур. — Хотите напустить на меня злые чары?

Предположение вызвало общий чистосердечный смех.

— Да что ты, старичок! — воскликнул Сэмми. Становясь богаче, он вводил в речь чисто британские обороты, звучащие странно при его пронзительном выговоре в нос. — Суть, ви-

¹ Христианский философ и римский государственный деятель (480—524). Упомянутое сочинение написано в ожидании казни по обвинению в заговоре против короля остготов Теодориха.

дишь ли, в том, что мы хотим основать новую религию, и ты станешь во главе всей затеи.

Артур вытаращился в недоумении.

— Я???

— Честно говоря, главой ты будешь лишь номинально. Если не заострять термин чрезмерно, ты станешь мессией нашей новой религии.

Артур вытаращился снова.

— О какой религии мы толкуем?

Листячок, бросив взгляд на Сэмми, милостиво разрешил:

— Ладно, расскажи ему.

— Мы с Листячком уже обсуждали эту идею и, кажется, нашли броское название. Религия будет именоваться НОВТРЕЗАБ. Что расшифровывается «Новая, внушающая трепет религия замечательных древних богов». Так присоединяешься ты или нет?

— Ты вроде бы все время забываешь, — вмешался Листячок, — что я и мои друзья — боги. Мы вправе основать любую религию, какую нам захочется, и вправе назначить мессию.

— Что от меня потребуется?

— Ты мессия. Тот, кто дал толчок всему, что случилось. Теперь тебе остается лишь бездельничать с достойным видом. И просвещать людей по части наших религиозных обрядов.

— Каких же обрядов придерживается «НОВТРЕЗАБ»?

— Мы разработаем их по мере развития событий, — ответил Листячок.

Глава 13

В коттедже на Си-Грейп-лейн начали появляться новые боги, приглашенные Листячком и его друзьями. Новички даже внешне отличались от первой группы. Иные являлись всего на пару-тройку дней, знакомились с общей картиной и, не сочтя ее привлекательной, возвращались по прежним адресам. Единственным устойчивым новоселом на этой стадии оказался Гегоман, которого Листячок представил как бога окружающей среды.

Гегоман был высок, довольно красив и задумчив — говорил мало, зато размышлял как будто много. Решив однажды познакомиться с Артуром, Листячок счел за благо удалиться в гараж, чтобы дать им возможность побеседовать без свидетелей.

— Никак не могу решить, — сказал Гегоман, — оставаться мне на этой вашей Земле или нет.

Он пояснил, что, в отличие от Листячка и прочих, не придерживается постоянной внешности. Боги обладают разными характеристиками, зависящими от их происхождения. Полный определитель богов и их качеств еще предстоит составить.

У Гегомана было несколько форм, и он медленно, но неуклонно трансформировался, переливался из одной в другую. Иногда он был мужчиной, а иногда она была женщиной, иногда Гегоман был сразу им и ею, а иногда не вполне тем и не вполне другим. Случалось, он становился гермафродитом, полумужчиной-полуженщиной, разделенными по вертикали: одна выпирающая грудь, а второй нет, там все плоско. Артур сделал вывод, что такая же половинчатость продолжается и в нижней части тела, хоть он этого не видел и искренно надеялся, что не увидит. Иногда Гегоман принимал звериный или птичий облик, а однажды на ковре в гостиной очутилась большая рыба и лежала задыхаясь, пока бог не вспомнил, кто он и что он, и не вернул себе себя. Гегоман был рассеянным, смутным и уклончивым — и в то же время неотразимым, и в то же время мог не на шутку напугать.

— Он не совсем обычен в нашей компании, — разъяснил Сэмми, — но мы на собрании пришли к выводу, что идея взять в команду бога природы обернется совсем неплохо...

— А я-то думал, что на Земле уже есть верховное божество по этой части, — промямлил Артур. — Гайя — вроде бы ее так зовут.

— О да, — подтвердил Листячок. — Гайя — прелесть, но уж очень вспылчива. Совсем недавно она решила, что ей не по сердцу, как человечество относится к ней, и покинула Землю. Говорят, перебралась куда-то, где ей будут уделять больше внимания. Я пытался заманить ее обратно, но она возвращаться не пожелала.

— А Деметра и Персефона? Они ведь тоже специализировались в этой области, разве не так?

Листячок покачал головой.

— Разве ты не заметил, что мы не держим здесь греко-римских богов, да, по сути, ни одного бога основных религий? На то есть причина. Понимаешь, они смотрят на нас сверху вниз. Считают нас выскочками из небытия. Хуже того, они отказываются признавать мое лидерство, мое превосходство в каких бы то ни было духовных делах. Я просто не могу работать с богами, ставящими под сомнение мой авторитет.

— Откуда явился Гегоман?

— Его биография, пожалуй, темновата. Он заявляет, что восходит к ольмекам и индейцам племени кечуа. Но у него нет до-

кументальных доказательств. Честно говоря, мы не знаем, откуда он родом. Но он полноценный бог, в том нет никаких сомнений, и к природной среде относится всерьез. И искренне хочет работать с нами. Говорит, что его тошнило от бесцельного шатания по Ксулувилю, где совершенно нечего делать. Предполагаю, что мы предложим ему краткосрочный контракт и посмотрим, как у него получится. Кто за? Превосходно! Кто против? Возражающих нет. Артур, ты не поднял руку ни за, ни против...

— У меня на сей счет нет определенного мнения.

— Что, признаться, не поднимает тебя в моих глазах, — изрек Листячок. — Можешь ты после собрания выделить мне минутку для разговора наедине?

Позже, в спальне у Артура, Листячок продолжил:

— Я сознаю, Артур, что все это далось тебе нелегко. — Артур кивнул, хоть и промолчал. — Ты, вероятно, думаешь, что я тебя одурачил или, по меньшей мере, использовал в своих целях. — Артур дернул плечом, но в глаза Листячку не взглянул. — Пойми, так было надо. С твоей точки зрения, это было нечестно, с моей — необходимо. В ваших человеческих мифах и легендах полным-полно историй о том, как боги надували людей, обещая им одно, а подсовывая взамен другое. Уверю тебя, тут уж ничем не поможешь. Божества следуют иной программе, нежели люди, и свой долг сознают по-иному.

— Спасибо, что вы просветили меня, — вымолвил Артур. — Но мне от того не легче.

Глава 14

Листячок без конца путешествовал в поисках новых богов для своего пантеона. Он нашел Шанго под легким навесом в тропических джунглях на юге Божьего царства, нахлебавшимся пальмового вина и льющим слезы от жалости к себе.

Оказалось, что Шанго только что выставили с приема, который устроили греко-римские боги. Марс-Арес остановил его при входе: «Ты куда, мальчуган? Таким, как ты, здесь не место!..» Пришлось спешно ретироваться. Вернувшись в хижину в джунглях, Шанго содрал с себя черный вечерний костюм, созданный специально для данного случая. Напившись монументально, по-королевски, он выкрикивал оскорбления в адрес белой расы и ее чванливых богов.

Бушевал Шанго до тех пор, пока не выдохся, затем впал в

глубокую хандру — состояние, которое он мог поддерживать до бесконечности, — и именно в таком состоянии его застал Листячок.

— Детка, что стряслось?

Вопрос был задан в дружески-бесцеремонной манере, призванной убедить легковверных, что Листячок — доброжелательное, искреннее божество.

— Они меня выперли взашей, — всхлипнул Шанго.

— Кто — они?

— Арес и компания. Не пустили меня к себе на прием. А я-то и хотел всего-навсего показать им парочку фокусов. Предвзятость недостойна богов, разве не так?

— Уверен, что так. Настолько недостойна, что я решил кое-что предпринять. Я собираю новый пантеон.

— Что такое пантеон? — осведомился подозрительный Шанго.

— Пантеон — это сообщество, коллектив богов, — объяснил Листячок. — Мой пантеон будет антирасистским, межконфессиональным. Как тебе такая идея?

Шанго передернул плечами.

— А что толку от твоего пантеона? Боги больше на Земле не работают.

— Ситуация коренным образом изменилась.

— Как это может быть? У тебя что, есть специальное разрешение от высших богов?

— У меня есть кое-что получше. Я заполучил человека с ключом.

— С каким еще ключом?

— С великим ключом. С самым главным. С тем, который считался давно утраченным и который позволяет человеку беседовать с богами, отдавать им команды и вызывать их на Землю.

— С ключом Соломона?

— Вот именно.

— Ммм... Мне доводилось слышать об этом ключе. Только ведь если человек обладает ключом, он становится сильнее богов. Не связывался бы ты с ключевой мерихлюндией, братец!

— Все, что ты сказал, мне известно, — отвечивал Листячок. — Но я знаю и человека, владеющего ключом. Да, у него ключ, но простофиля даже не догадывается о власти, которую получил вместе с ключом.

— А ты не заливаешь?

— Поверь мне, ну зачем бы я стал тебе врать? Человек с ключом нуждался в одной услуге, усек? И не соображал, что имеет право мне просто-напросто приказать. Нет, он попросил

меня вежливо-вежливо, и я, расчухав, как обстоят дела, заключил с ним сделку.

— Ну-ка расскажи подробнее, — потребовал Шанго.

— Я заявил ему, что исполню его глупую просьбишку, но только при условии, что он даст мне разрешение снизойти на Землю и действовать там по моему усмотрению.

— И он, конечно же, не согласился?

— В том-то и дело, что согласился, — воскликнул Листячок. — Предоставил мне полную свободу действий.

— Как же так? Человек оказался достаточно умен, чтобы найти ключ, и одновременно достаточно туп, чтобы заключить с тобой подобную сделку?

— Да, мало похоже на правду, но случилось именно так. И теперь я стою во главе перспективной религиозной организации под именем «НОВТРЕЗАБ», а сам этот парень служит у меня мессией.

Шанго рассмеялся высоким крякающим хохотком — странноватый тембр для столь массивного тела.

— Стало быть, ты босс?

— Точно. Я босс. И я спрашиваю, согласен ли ты примкнуть к нашей организации и поработать на меня.

— Звучит неплохо, — отозвался Шанго. Затем, припомнив свою природную подозрительность, добавил: — А моя-то выгода какова?

— О деталях можно договориться позже. Но ты станешь членом совета пантеона и получишь равный голос в решении всех вопросов. Разве это не честно?

— Может, и честно. А ты, собственно, кто такой?

— Я в НОВТРЕЗАБе глава исполнительной власти. И это тоже по справедливости. Ведь именно я встретился с этим мужиком и заключил с ним сделку, так что мне по праву досталось и решающее слово.

— Значит, ты забрал власть в свои руки, — подытожил Шанго. — И все равно твое предложение привлекательно. Записывай меня в свою команду.

— Добро пожаловать, — ответил Листячок.

Глава 15

Сэмми назначил съемку на утренние часы. Фотограф оказался латиноамериканцем, пухлым коротышкой с коричневой кожей и тонкими черными усиками. Он явился весь увешанный камерами, штативами, экспонометрами и коробками с пленкой.

В гостиной на Си-Грейп-лейн, как всегда, царил хаос. Листячку делали маникюр; занималась этим крохотная богиня с крыльями летучей мыши, — откуда он только ее выкопал? Она висела в воздухе, как птичка колибри, и беспрерывно щебетала раздражающе-писклявым голосом. Луума и Йаах устроились на подоконнике, состязаясь в самой заковыристой ругани. А Ротте усеялся скрестив ноги на ворсистом ковре и полировал замшевой тряпочкой ожерелье из младенческих черепов.

— Я Гомес, — представился фотограф. — Эрнандес велел мне прибыть сюда, сказав, что у вас есть для меня работа.

— Вы уложились точно в срок, — сказал Сэмми. — Здесь, в гостиной, пожалуй, тесновато. Пойдем к Артуру в спальню — это, наверное, единственное тихое место во всем доме.

Вдвоем они затащили оборудование в спальню Артура. Хозяин поднялся с постели, где читал «Путеводитель по древним забавным приметам» Шлемменера, пятый том серии. Сэмми объявил Гомесу:

— Представляю вам Артура Фенна, мессию богов, президента НОВТРЕЗАБа.

Фотограф кивнул, не выразив удивления.

— Я Гомес из «Фото Акме». Рад встретиться с вами, мистер мессия. Вам нужны снимки на паспорт, так?

— Нет, — вмешался Сэмми. — Нужны рекламные фотографии.

— Для рекламы какого рода?

— Для нашей рекламы на всю полосу в «Майами геральд». А также для брошюр, которые мы намерены издать.

— Снимки цветные или черно-белые?

— И те и те. И постарайтесь, чтоб он выглядел получше.

Гомес пригляделся к Артуру и покачал головой, словно заявляя: «Вы даете мне такой объект и еще надеетесь, что я слепо из него что-то пристойное?..» Вслух он произнес:

— Ладно, сделаем все, что сможем.

Гомес установил свет, присмотрелся к тому, что получилось, поменял лампы местами, поставил фильтры, натянул марлевые экраны для смягчения теней, наклонил Артуру голову в одну сторону, в другую... Наконец нашел эффект, какого добивался, и начал с поразительной быстротой отщелкивать кадр за кадром камерой «Никон» на батарейках. Отснял пару пленок и наконец оповестил:

— Ну вот и все. Вы заплатите мне сразу? Эрнандес говорил, что оплата на месте.

— И говорил правильно, — отозвался Сэмми. — Ваши деньги при мне. Однако я намерен сделать вам и другое, более рискованное предложение. Значит, первая возможность — я даю вам сто долларов, и точка.

— Недурно за час работы. Вполне мог бы смириться с такой оплатой. А вторая возможность?

— Вторая в том, что мы позволим вам заработать себе имя. На каждом опубликованном снимке Артура будет значиться «Фото Гомеса».

— И сколько денег в придачу?

— В этом случае никаких денег. Выбирайте — сто долларов или подпись под снимками.

Поразмыслив минутку, Гомес спросил:

— А если я соглашусь на ваше контрпредложение, то сколько, по-вашему, я смогу заработать?

— Если наша затея будет иметь успех, на какой я рассчитываю, мое предложение принесет вам десятки тысяч долларов. Вы же первый, кто снял посланца богов.

Гомес прищурился, подсчитывая в уме.

— Если эта нелепица и впрямь упрочится, снимки могут стоить кучу денег. С другой стороны, может случиться и так, что они не будут стоить ни гроша.

— Решайте, как хотите, — ухмыльнулся Сэмми, помахивая перед Гомесом столларовой купюрой.

Вероятно, фотограф решил, что здесь происходит нечто воистину многообещающее. И сказал:

— Похоже, что этот ваш парень подает надежды. А уж боги, которые здесь толкуются, — это даже чересчур. Я выбираю подпись под снимками. — Подумал еще чуть-чуть и добавил: — Правда, хотелось бы внести одно дополнение.

— Валайте.

— Вы указываете мое имя, как обещали. И рядом номер телефона. Если согласны, получите свои снимки бесплатно.

— Разумно, — согласился Сэмми. — Но должен вам сказать, быть фотографом богов — большая честь. Мы не собираемся предоставлять ее вам за здорово живешь. Вот что, пожалуй: можете провести десять сеансов на предложенных вами условиях, а потом, если пожелаете продолжать работу с нами, обсудим, какой вы будете выплачивать нам гонорар.

— Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Посмотрите на дело с такой стороны: вообразите, что вы получили эксклюзивные права на фотографии Майкла Джексона.

— Понял. — Гомес кивнул и, вновь прищурившись, окинул

Артура оценивающим взглядом. — И вы думаете, что ваш малыш сделается вторым Майклом?

— Лучше. Артур — основатель следующей великой мировой религии. Артур станет крупнейшей фигурой после Иисуса Христа.

— Не богохульствуйте. — Гомес осенил себя крестным знаменем. — Но так или иначе, я с вами. Думаю, вам, ребята, выпадет успех.

После свидания с фотографом Артур хотел пойти прогуляться, но выяснилось, что Сэмми назначил еще и встречу с портными, и вскоре он оказался в кольце мастеров и их помощников, обвешивающих его рулонами тканей, склоняющихся над ним с булавками во рту — тут складка, там оборка, — а сами портные, отступив на шаг, придирчиво оценивали результат. Богатые ткани внушали Артуру: «Ты совершенно особенный». Его наряжали в шелк и атлас, в камзолы, прошитые золотой и серебряной нитью, а на голову водружали шапочки с многоцветными бусами. А затем последовали меховые мантии, украшенные перьями плащи, шикарные рубашки и блузы, даже с разрезными рукавами, широкие пояса мягкой кожи и вышитые туфли с загнутыми вверх носками. Осмотрев себя в зеркале, Артур остался доволен. Понятно, что это абсурд, — но ведь мода всегда абсурдна. И кому дано судить об одеяниях мессии — разве что другому мессии либо богу.

Вплоть до самого вечера Артуру не выпадало минуты, когда бы он мог уединиться в спальне с книжкой. А это была теперь для него лучшая часть дня. С самого прибытия богов он проводил в спальне по многу часов, изучая древние книги. Тогда он наконец ощущал покой. Всю жизнь его тянуло к таинственному, невразумительному, непостижимому, да и просто к невозможному. Именно эта тяга и привела его, если разобраться, к увлечению мифологией.

В дверь постучали, и вошел Листячок.

— Не хотелось бы тебя беспокоить, но я только что вернулся из Божьего царства, и мне подумалось, что это придется тебе по вкусу.

Он вручил Артуру фолиант из хрупких пальмовых листьев, забранных под пластиковый переплет, под заголовком «Желтая книга Тота». Артур принял ее с благодарностью: ну не завидна

ли жизнь, когда боги сами дарят книги, исполненные древних тайн?

Часом позже Луума явилась с «Антологией жертвоприношений лумерийских асклепов». Нет, не с оригиналом, но с очень хорошей копией, к тому же единственной на всей Земле, — Луума сперла ее в Центральной Божеской библиотеке.

А после ужина, который Артур съел не выходя из комнаты, с подноса, ворвался Ротте с «Повелениями сражающихся сверхбогов», и следом пожаловал Гегоман с томом, якобы составленным самими богами, — «Об убийствах для удовольствия и в культовых целях». Эти две книжки были на языках, которых Артур не ведал, — но боги с превеликим удовольствием время от времени выступали в качестве переводчиков.

Глава 16

В доме у Артура воцарились жара и хаос, тут стало тесно и вонюче, и Сэмми пожелал прикупить соседний коттедж, чтобы дать всем чуть побольше места. А Артур даже не догадывался, что соседний участок продается.

— Нет, Самуэльсоны окончательно еще не решили, — сказал ему Сэмми. — Однако я сделал им предложение, которое они не смогут отвергнуть.

— Но на какие шиши ты собираешься покупать дом? Только не на мои деньги, да у меня их и нет. Мне же до сих пор не заплатили за золотую аферу.

— На твои деньги не претендую, — ответил Сэмми. — Дом будет оплачен из выручки, полученной за последнюю партию золота и драгоценных камней, какую доставили боги.

— И этого хватит?

— Обойдемся, пока не начнут поступать взносы.

— Взносы?

— От наших приверженцев.

— Я и не знал, что у нас появились приверженцы.

— Первая партия прибудет через полчаса. Как раз успеем зайти к соседям и завершить сделку.

— А я-то тебе зачем?

— Пошли, посмотришь, как это делается.

Они отправились на соседний участок и позвонили. Дверь открыл Джосая Самуэльсон, осанистый седовласый стоматолог на пенсии.

— А, это опять вы! — воскликнул Самуэльсон. — И на этот раз вы привели Артура. Привет, Артур!

— Как здоровье хозяйки? — осведомился Сэмми.

— По-прежнему мучается с кожей. Вы никогда не видывали таких болячек. Единственное, что ей помогает, — полежать в ванне с вазелином.

— Печально слышать, — откликнулся Сэмми. — Но вспомните, я же предупреждал на прошлой неделе, что зараза на подходе.

— Вы говорили что-то о злых чарах.

— Говорил. Это все боги. Когда что-то выходит не так, как им хочется, они напускают чары. Я просил их не делать этого, но вы же понимаете, каково договориться с богами.

— А у меня разболелись зубы, — пожаловался Самуэльсон. — И мой дантист не может найти причину.

Сэмми грустно покачал головой.

— Зубной наговор. Я убеждал Ротте не прибегать к наговорам. Но он так расстроился...

— С чего это он расстроился?

— Ему надоело спать впалку с прочими богами в Артуровом домике. Он хочет иметь собственный дом. Да и другие боги хотят того же.

— Так почему бы не купить ему дом? В городе полным-полно домов на продажу.

— Но они не примыкают к участку Артура.

Самуэльсон подчеркнуто пожал плечами.

— Ну и что? Чтoб повидать друзей, всего-то и надо пройти пару кварталов.

— Да нет, дело не в том. Участки непременно должны примыкать друг к другу, чтоб образовалось единое священное пространство. Мы называем такое пространство «теменос»¹.

— Вы задумали слить два участка в единое подворье?

— И еще несколько других, мистер Самуэльсон. Мы уже обратились к домовладельцам по ту сторону от нас, к соседу и следующему за ним. Есть уверенность, что сделки состоятся до конца недели. Точно так же, как ваша собственность перейдет к нам прямо сейчас.

— Вы мне угрожаете?

— Ничуть. Просто предупреждаю. Сегодня у вас болят зубы — не советую выяснять, что боги припасли для вас на буду-

¹ Участок вокруг храма (древнегреч.).

щую неделю. А мы этого вовсе не хотим. Следовательно, зайдем в дом и просмотрим бумаги за стаканчиком вина, которое так превосходно делает ваша супруга.

— Ну и черт с ним, — решил Самуэльсон. — Мы и без вас хотели переехать в Майами-Шорс. Эта округа все равно катится псу под хвост. Извините, не хотел вас обидеть.

— И не обидели, — заявил Сэмми, возложив одну руку на плечо Самуэльсона и легонько подталкивая его в комнаты, а другой рукой доставая бумаги из внутреннего кармана пиджака.

Самуэльсоны выехали через три дня. Сэмми решил превратить их дом в учебный центр и пригласил Артура на пробное занятие.

Первую группу новообращенных доставили на грузовике из вырезителя округа Дейд. Их было десятеро, семь мужчин и три женщины. Каждому и каждой было выплачено по десять долларов, чтоб они записались в НОВТРЕЗАБ и выполнили для данной организации кое-какую работу — детали, мол, оговорим позднее. Прибывшие устроились на припасенных Сэмми складных стульях.

— Слушайте внимательно, — возгласил Сэмми. — Я остановил свой выбор на вас, ребята, поскольку вы все говорите, что хотели бы работать, но не можете найти работу. Это так?

— Именно так, — отозвался один из мужчин. — Никто не хочет брать нас, потому что мы пьяницы.

— Ничего не имею против пьяниц, — изрек Сэмми. — Можете работать на меня в пьяном виде.

— В пьяном виде? Вы не собираетесь заставлять нас бросить пить?

Сэмми решительно покачал головой.

— В нашей организации можно пить и в рабочие часы. Это даже поощряется.

Новообращенные расцвели улыбками. Затем один из них осознал, что проблемы не исчерпаны.

— Но где мы возьмем выпивку?

— Наша организация, — улыбнулся Сэмми, — будет снабжать вас выпивкой. А также небольшой суммой карманных денег.

Пьяницы переглянулись, заподозрив неладное. Сбывается затаенная мечта пьяниц — не может быть! Где ловушка?

— Что же мы должны за это делать, мистер?

— Рассчитываю, что вы будете приводить минимум двух новообращенных в неделю.

— Даже пьяниц?

— Хоть мертвых, лишь бы у них были действующие карточки избирателей. На данной стадии нам надо набрать как можно больше приверженцев.

Пьяницы дружно закивали. До сих пор они слушали благодетеля со всем вниманием. Где же спиртное? Однако Сэмми, как оказалось, еще не кончил.

— Мы также рассчитываем, что ваши собственные карточки будут в полном порядке и вы будете голосовать там и тогда, где и когда мы скажем, и за тех, кого мы предложим.

Пьяницы призадумались. Вот она, ловушка, — недаром условия были лучше всяких ожиданий. Наконец нашелся смелый, решивший высказаться:

— Разве это не против закона — покупать и продавать голоса?

— Это не против божественного закона, — отрезал Сэмми.

Пьяницы вновь закивали: выходит, даже самые заковыршенные вопросы совести могут иметь простые ответы. Смелый опять решился:

— Ну для меня это не проблема. Но если пронюхают легавые, хлопот не оберешься...

— О легавых не беспокойтесь. С ними все будет шито-крыто.

— За кого нам надо голосовать?

— Вас предупредят заранее.

— А где выпивка?

— Идите на кухню, налейте себе сами.

Глава 17

Разорвав помолвку с Артуром, Мими надеялась, что на следующий день он позвонит и будет подкупающе-униженно умолять передумать. И она планировала передумать, прочитав ему предварительно лекцию насчет его поведения вообще и по отношению к ней в особенности. Перевоспитание Артура было одной из ее излюбленных тем, и она ожидала предстоящего разговора с нетерпением. Но шли часы за часами, а Артур не звонил. Она впала в раздражение, затем в тревогу. До нее наконец-то дошло: случилось нечто выходящее за рамки ее понимания. Не ведая, как быть дальше, она позвонила Сэмми, и тот вечером повел ее в «Слава Богу, пятницу».

— Ох, Сэмми, — проворковала Мими, прихлебывая коктейль «Рой Роджерс». — Те существа были чудовищны, совершенно чудовищны. Как только Артур мог впустить их к себе в дом?

— Постарайтесь понять — за их необычным поведением скрываются серьезные причины.

— Как это?

— Чудовищно — это единственное определение, которое временный человек может подобрать для божественного.

— Да неужели?

Сэмми подтвердил предыдущие слова кивком и продолжил:

— Наш век — не время для кротких персонажей из давнишних религий. Они сегодня не котируются. Боги, настоящие боги, — создания из кошмара.

— Не могу в такое поверить.

— Вы видели их собственными глазами.

— Да, видела, — согласилась Мими. — Ох, Сэмми, но ведь они ужасны!

— Такова новая реальность, — ответил Сэмми с самодовольством того, кто поставил себя в самый центр этой новой реальности. Мими на минуту примолкла. В ресторане гудели голоса, смутно жужжала музыка. Люди развлекались, сидя за столиками с напитками. Мими тоже хотела бы развлечься, но ни разу в жизни не разобралась, как именно. В ней воевали противоречивые эмоции: она боялась того, чего хотела, и хотела того, чего боялась. По натуре она была серьезной — а ей хотелось быть веселой, беспечной, даже беспутной. Артур представлялся ей неплохим компромиссом — такой же рассудительный, как она, никоим образом не легкомысленный. Однако его профессия, мифология, была странной, загадочной, возможно, даже опасной, — так Мими думала в начале знакомства. На нее произвели впечатление старые книги, собранные Артуром амулеты и талисманы — от них исходило невыразимое обаяние древности, и это ее возбуждало. Более того — хоть она не призналась бы в том даже Салли Джин, своей лучшей подруге, — она ощущала сексуальный трепет.

«Наверное, я дрянная девчонка, — думала она не без гордости, — если чувствую то, что чувствую». Но от правды не скроется, а ей время от времени мерещилось — не постоянно, скорее короткими неподконтрольными вспышками, — что она сама стала служительницей некоего древнего запретного культа. Она воображала себя в кругу лохматых почитателей, стоящей у реву-

шего костра, обнаженной до пояса, с глубокими тенями под большими, но хорошо очерченными грудями, со струящимися по плечам темными змеистыми волосами, со сверкающими глазами... Бьют барабаны, завывают плаксивые флейты, почитатели впадают в умопомрачение, их руки тянутся к ней — и она тут же отсекает эти руки напрочь. Какая чепуха! Какое дурное, но возбуждающее видение! Ей пришлось преодолеть себя, чтобы вновь сосредоточиться на том, что говорил Сэмми, — тем более что он говорил небезынтересное.

— Времена древних культов возвращаются, Мими, — вещал Сэмми. — Все ведущие религии исчерпали себя, им конец. Они неплодотворны. А мы способны создавать. Мы получили настоящих богов, Мими! Быть может, они не обаятельны, зато они настоящие, они способны творить! И они вознаграждают тех, кто им служит...

— Тех, кто служит? — вяло переспросила Мими. — Не понимаю, на что вы намекаете.

Она ждала ответа, ощущая тот же непрошенный прилив сексуального возбуждения.

— Люди, многие люди будут служить им жертвоприношениями и танцами. Поклонников будет становиться больше и больше по мере того, как боги будут проявлять себя все активнее.

— Воображаю, как это будет выглядеть, — сказала Мими уклончиво.

— Вы же видели «Десять заповедей»? Картину крутят каждый год на Рождество.

— Видела, конечно. Чарлтон Хестон лезет на гору за священными свитками.

— Это не то, про что я подумал. Помните сцену, когда дети Израиля поклоняются золотому тельцу?

— О да. Шокирует.

— Возможно. Но и возбуждает, не правда ли?

Кадры из фильма всплыли в памяти, и Мими воскликнула:

— Я бы никогда на такое не согласилась!

— Вы могли бы быть жрицей во главе церемонии.

Она уставилась на него не мигая. Неужели он прочел ее мысли? Или в подобных фантазиях нет, в сущности, ничего необычного?

— Я? — удивилась она с неуверенным смешком. — По-вашему, я способна на это?

— Сами знаете, что да. Я видел вас танцующей, Мими. У вас

удивительное чувство ритма. Лицо, фигура — все при вас. Вы могли бы стать великолепной жрицей.

Она запнулась, прежде чем продолжить мысль:

— Но эти языческие жрицы творили ужасные вещи!

Сэмми также ответил не сразу, тщательно подбирая слова:

— Если боги живут во плоти и если они впрямь чего-то хотят, так чему тут ужасаться? — Она смотрела на него во все глаза, щеки ее пылали. — И суть в том, что мы едва-едва сделали первые шаги. Все только зарождается, и сегодня возможны любые нововведения.

— Вы сказали «мы». Кто — мы?

— Я участник этого предприятия с самого начала. И вы тоже могли бы стать участницей, Мими. Если захотите.

— Не предлагаете же вы мне... Или вы всерьез?

Сэмми пригляделся к ней пристально. У нее дрожали пальцы. Она всегда догадывалась, что он проявляет к ней интерес, но младший маклер, кожа да кости, — ей-то что за выгода? Теперь он, однако, переменился, словно зарядился энергией этих странных богов.

Положив на столик двадцатидолларовую бумажку, Сэмми встал и подал ей руку.

— Здесь слишком шумно. Пойдем куда-нибудь, где можно поговорить без помех. Вам уготовано блестящее будущее, Мими. Вы можете стать для НОВТРЕЗАБа воистину незаменимой.

Она послушно пошла за ним к машине и даже не спросила, куда они едут. Накатило чувство, что перед ней раскрываются новые горизонты. Это пугало — но и завораживало, и даже очень.

Часть II

Глава 18

Сделаем отступление, которое, как вскоре выяснится, будет иметь для нашего повествования огромное значение.

В то время, как с Артуром случилось то, что случилось, во Вселенной все шло себе спокойненько своим чередом. И вдруг она ощутила острую боль, обязанную своим возникновением сигналу, который Артур подал, сам того не ведая.

Какому сигналу? — спросите вы. Знайте, что когда смертные вступают в контакт с Божьим царством, Вселенная откликается на это маловероятное событие самым обычным из всех возможных способов — болью. Боль есть признак предполагаемого нарушения установленного хода вещей и их последовательности.

Вселенная усвоила, что к таким сигналам надо прислушиваться. И в порядке самозащиты создала существо, призванное озаботиться возникшей проблемой. Она создала Астураса, бога высшей категории, с единственной задачей — выяснить, в чем дело, что не так, и как-нибудь выправить положение.

На всякий случай Вселенная создала еще дюжину божеств — вторую линию защиты. Если у Астураса что-либо не заладится, тогда настанет очередь этих двенадцати.

Рождение Астураса свершилось в пространстве, отнюдь не совпадающем с Божьим царством. У этого пространства даже нет определенного имени, хотя некоторые называют его измерением многих вероятностей.

В измерении многих вероятностей для Астураса были заготовлены ферма с домом, земельный участок, стадо коров и жена, красавица Летайя, которая не только предназначалась ему, но и родилась одновременно с ним, чтоб они никоим образом не разминулись.

Однако сомнения жена Астурасу не прибавила. Он был рожден с точным знанием того, для чего рожден. И в силу такого знания почти не имел времени ни на ферму, ни на коров, ни

на жену. Он должен был исполнить роль, для которой рожден, — спасти Вселенную от разрушения, начало которому положил Артур, вступив в контакт с Божьим царством.

Это если в общих чертах. Но надлежало еще и решить, что предпринять конкретно.

Волей-неволей пришлось подумать. Сказав Летайе, чтобы не ждала к ужину, он отправился в минарет, воздвигнутый над одним из углов дома как место для медитаций. Здесь он расположился на любимой подушке, устался в одну точку и принялся мыслить. Напряженная мозговая деятельность вскоре подсказала ему решение, как свести на нет угрозу для Вселенной, возникшую вследствие действий Артура.

Надо нанести визит Ткачу миров. Если Ткач поможет, Астурас сумеет совершить то, что ему предназначено. Решение пришло резко, вспышкой. Таково преимущество судьбы, предопределенной заранее: можно не тратить время на перебор бесчисленных вариантов.

Спустившись с минарета, он попрощался с женой.

— Мне надо уехать и кое-что совершить.

— Ты надолго?

— Трудно сказать.

— А в чем дело?

— Нужно починить главный миф, поддерживающий Вселенную и всю прочую жизнь.

— А я-то думала, что мы создадим наш собственный миф!

— Конечно, создадим. Займемся этим сразу же, как я вернусь.

Прекрасная темноволосая Летайя отнюдь не радовалась тому, что он уходит прежде, чем они как следует познакомились. Астурас вновь заверил ее, что вскоре вернется и сотворит совместно с ней новый миф, решительно отличный от того, который предстоит чинить, миф, касающийся их обоих. Летайя просила не задерживаться надолго. С чем он и отбыл.

Астурас летел сквозь черноту космоса. Стремительно, изо всех сил, не позволяя себе задержаться и подурачиться со звездами и планетами, рассыпанными на его пути, как зерна бриллиантовой пыли. Он миновал Млечный Путь, даже не нырнув вглубь, отказывая себе в любых забавах во имя главной цели.

И вот он добрался до большого, смрадного от старости фабричного здания. Оно было сложено из серых строительных блоков, оставшихся от других объектов Вселенной. Странное было

зрелище — здание просто висело в пространстве. Вывеска над входом отсутствовала: те, кто мог найти это место, ни в каких вывесках не нуждались.

Войдя, Астурас очутился в огромном зале, большую часть которого занимал исполинский ткацкий станок. И кто-то на этом станке работал: нити бежали вдоль и поперек во всех направлениях, сверкали и блестели, пересекаясь и исчезая в бесконечности.

Раздался голос:

— Чем могу тебе помочь?

Обратив взор вниз, Астурас увидел паука, вернее, паучиху — тварь была женского пола.

— Ты и есть Ткач миров? — осведомился Астурас.

— Имею честь носить такое прозвание, — ответила паучиха.

— Мне нужно найти одну отдельную нить.

— Какая из них тебе понадобилась?

— Та, что предотвращает надвигающуюся гибель Вселенной.

— Знаю, о какой ты ведешь речь, — сказала паучиха. — Недавно нить начала подергиваться, и я сказала себе: «Значит, кто-то вот-вот явится воспользоваться ею».

— За тем я и пожаловал.

— Изволь, я покажу тебе эту нить.

У паучихи было множество проворных конечностей, и, погрузив их в бесконечную паутину нитей, она ловко извлекла одну из них.

— Ну вот та, которую ты ищешь. Теперь возьми ее в руку.

Астурас взял нить и слегка подергал. Откуда-то издали доносился слабый крик.

— Это еще что? — изумился Астурас.

— Это Декстер. Нить тянется именно к нему. В метафорическом смысле, конечно, но в твоих целях вполне надежно.

— В таком случае последую туда, куда ведет нить. Большое спасибо. Очень признателен.

— Не стоит благодарности, — заявила паучиха и вернулась к прежним своим занятиям, каковы бы они ни были, пока их не прервал Астурас.

Глава 19

Эдгар Аллан Декстер, владелец «Сверхъестественной службы Декстера», сидел у себя дома в городке Свит-Хоум, штат Орегон, в настроении весьма самодовольном.

Не часто случается, что смертным выпадает шанс получить такую работу: она предназначалась богам, но тем оказалось лень ее выполнять. Смертные, занятые на божеской работе, не могут не сознавать, что им повезло.

Эдгар Аллан Декстер принадлежал к числу подобных счастливых. Много лет назад он очутился в нужном месте в нужное время, и ему довелось оказать заезжему божеству услугу, избавив от затруднений, пусть скоротечных и несущественных, но все равно раздражающих. В благодарность божество обещало Декстеру встречную милость. И Декстер додумался попросить о работе в промежуточной области, затрагивающей как богов, так и людей, а точнее, в области их взаимоотношений. Божество придумало такую работу, и Декстер стал чем-то вроде полубожественного уполномоченного по жалобам.

Сама по себе работа была sinecурой: Декстеру платили, а он не делал почти ничего, поскольку отношения богов и людей находились тогда на точке замерзания. Вместе с работой он приобрел статус полубога и возможность вести одновременно несколько интересных жизней. Такая удача выпадает разве что раз на веку: привлечь внимание небес — почти то же, что привлечь внимание Голливуда.

Одна из жизней Декстера протекала в Америке XX века, где он выступал посредником между богами и людьми. В другой жизни он жил на Барбери-Коуст в Сан-Франциско, в XIX столетии, и управлял известным игорным заведением. В третьей он попал послом в Париж от Белого дома Томаса Джефферсона.

В двадцатом веке он считался пенсионером, был счастлив в семейной жизни и поселился в Орегоне, в Свит-Хоум, где выращивал розы. И, перепрыгивая из одной жизни в другую, он мог замедлять процесс старения — тот шел черепашими темпами. Он и понятия не имел, как боги ухитрились даровать ему жизнь одновременно в прошлом и в настоящем. Однако полагал, что это ловкий фокус, и не задавал лишних вопросов.

Все шло — лучше не придумаешь, и тем не менее, когда в его кабинет в Свит-Хоум вошел высокий посетитель, похожий на бога, он понял, что пробил час расплаты.

Декстер позвонил жене по внутренней связи и попросил подать гостю глазированные булочки и сливочный сыр. Предложил богу кресло и осведомился: не угодно ли, чтобы хозяин помыл ему ноги?

— Благодарю, это старомодно, — отказался Астурас. — Я пришел побеседовать об одной недавно всплывшей проблеме.

— Надеюсь, я не совершил ничего плохого.

— Побеседуем, посмотрим. Кажется, некоторое время назад тебе звонил человек по имени Артур Фенн?

— Да, человек звонил. Только я не помню, как его звали.

— Это был Артур Фенн. Он просил тебя о помощи.

— Действительно просил. Я ответил отказом.

— Плохо, — откликнулся Астурас.

— Но откуда было мне знать, — воскликнул Декстер, пожав плечами, — что он важная шишка?

— Ты поступил опрометчиво, Декстер. Ты позволил этому типу пролезть в Божье царство на ощупь, без должного руководства, и он заключил крайне невыгодное соглашение с объявленным вне закона богом по прозвищу Листячок.

— Я и не знал об этом.

— Наверное, не знал. А следовало бы. Тебе не приходило в голову, что следует доложить об инциденте кому-то из богов-покровителей?

— Я решил, что все утрясется само собой.

— И ты ошибся. Если только твое «само собой» не подразумевало гибель Вселенной.

— Как — Вселенной? Всей Вселенной?

Астурас мрачно кивнул.

— Мне кажется, тебе захочется устранить вред, порожденный твоей же небрежностью. Прошу тебя участвовать в спасении Вселенной, которую ты столь бездумно поставил под угрозу.

— Буду рад сделать все, что смогу. Ведь это и моя Вселенная, в конце концов. Могу я спросить, какое отношение Артур Фенн имеет к гибели Вселенной?

— Нет, не можешь.

— Честно говоря, не знаю, как приступить к делу.

— Войди вновь в контакт с Артуром, предложи свое содействие, — глядишь, и всплывет какой-нибудь способ улучшить ситуацию.

— Это пророчество?

— Лучше сказать — предчувствие.

— Приступаю немедленно.

Астурас повернулся и направился к двери. Декстер крикнул вдогонку:

— Эй! Не останетесь ли вы на лососину с булочками?

— У меня нет времени на болтовню, Декстер. И у тебя тоже.

Глава 20

Тем временем Астурас, расставшись с Декстером, приступил к дальнейшим действиям. Он достал радиотелефон, которым был наделен при рождении, и набрал номер, сложный, иррациональный, включающий мнимые числа.

— Главное управление вселенской помощи. У аппарата Моника.

— Моника? Сдается мне, я тебя не знаю.

— Я сильфида из секретарского резерва, замещаю постоянного оператора.

— Говорит Астурас. Что у нас неладно?

— Неладно?

— Что происходит опасного, угрожающего всей Вселенной?

Астурас постарался говорить отчетливо, чуть не по слогам, недоумевая, зачем нужно так часто менять персонал. Казалось бы, если вы заняты таким важным делом, как защита Вселенной, не стоит возражать даже против сверхурочной работы...

— Да, сэр. Передо мной справка. Вселенной угрожают события, связанные с Купидоном.

— С Купидоном? Ты уверена, что с Купидоном?

— Так утверждается в справке, сэр.

— Ладно. Что там еще говорится?

— Как первоисточник вселенских тревог и бедствий указан некто по имени Артур Фенн. С ним должно случиться нечто исключительное.

— Что именно?

— Фенн должен быть поражен стрелой Купидона, что вынудит его влюбиться в богиню Меллисенту.

— В Меллисенту? Никогда не слышал ни о какой Меллисенте.

— Заурядная юная богиня, сэр. Правда, очень хорошенькая, как юным богиням и положено.

— Где это должно произойти?

— В доме Артура на планете Земля, на вечеринке, устроенной в его честь богом Листячком.

— Так Листячок тоже принимает участие в этом заговоре?

— В справке не указано.

— Ладно. Сколько у меня есть времени, чтобы попасть туда?

— Боюсь, сэр, что до выстрела Купидона осталось совсем недолго. Две минуты, если точно. И тридцать пять секунд.

— Лечу! — вскричал Астурас и исчез.

Радиотелефон долго молчал, но потерял терпение и произнес неуверенно:

— Может, кто-нибудь будет любезен меня выключить?

В местности без определенных примет вновь воцарилось молчание. И наконец божественный радиотелефон зарыдал: разве он не вправе рассчитывать на выключение хотя бы из вежливости?

Глава 21

Вслед за отбытием Астураса Декстер, не медля ни секунды, направился в совет по трудовым отношениям между людьми и богами. Но все официальные лица в отделе контрактов, как на грех, ушли на обед. И ушли довольно давно, вероятно, три-четыре столетия назад. Декстер понял это после того, как просидел в мрачной приемной около часа. Информацию ему дала паутина, а вернее, многовековой слой пыли на паутине.

Тогда Декстер вышел в коридор разыскать хоть кого-нибудь. Коридор был тоже заткан пылью и паутиной. Декстер одолел весьма значительное расстояние — коридор тянулся на мили, — пока не наткнулся на дверь с табличкой «Смотритель здания». Постучал, не дождался ответа, нажал на ручку. Дверь оказалась незапертой, он вошел и оказался в небольшом офисе с комфортабельной кушеткой.

А на кушетке возлежало существо — с первого взгляда не определишь, человек или бог, а может, кто-нибудь еще. Существо, по-видимому, принадлежало к мужскому полу, было не выше среднего роста, и каштановые его волосы тронула седина. Декстер громко кашлянул. Существо на кушетке открыло глаза, быстро-быстро моргнуло несколько раз подряд и приняло сидячее положение.

— Слушаю, сэр. Чем могу служить?

— Ищу кого-нибудь, кто служит в совете по трудовым отношениям между людьми и богами.

— Да, сэр. Я служащий совета. Мое имя Хелле.

— Это имя человеческое или божеское?

— И то и другое. Однако лично я — бог. Хотя, боюсь, не из значительных.

— А я человек, — ответил Декстер. — Продвинутый, но человек. Мои возможности выше, чем у среднего человека, и все же я не бог.

— Пусть это вас не беспокоит.

— Чего нет, того нет.

— Прекрасно. У вас жалоба?

— Да. Она касается моего клиента, подписавшего соглашение с богом по имени Листячок.

Декстер показал Хелле копию соглашения, которую получил ранее в учреждении под названием Вселенское контрольное бюро по правам. Пробежав документ глазами, Хелле только головой покачал.

— Сдается, что ваш клиент отказался от всех своих прав.

— Мне тоже так представляется.

— Очень жаль. Людям следовало бы проявлять в таких делах большую осторожность. Они по-прежнему склонны считать, что богам положено быть честными лишь потому, что они боги.

— Согласен.

— Ваш клиент совершил серьезную ошибку. Но тут я не в силах ничего поделать. Соглашение действительно.

— Я пришел вовсе не за тем, чтобы вы его отменили. Я здесь ради того, чтобы просить вашего постановления по чисто житейскому вопросу. Мой клиент пригласил этого божка в свой дом, а тот позвал еще и своих друзей. Все они поселились в доме моего клиента, а дом небольшой. И теперь клиент лишился какой бы то ни было личной жизни.

— Что, у него даже нет собственной комнаты?

— Комната есть, но она не застрахована от вторжения. Мне надо встретиться с клиентом, однако при данных обстоятельствах встреча просто невозможна.

— Это и впрямь чересчур, — высказался Хелле. — Я напишу записку на официальном бланке, подтверждающую право вашего клиента на комнату и на полный контроль за тем, кого туда пускать.

— Очень мило с вашей стороны.

— No hay de que¹, — отозвался Хелле. — В этой Вселенной подтасованные правила повернуты против людей в пользу богов. Мы в совете делаем то, что можем.

Глава 22

У Артура наступил кризис. Вероятно, этого можно было ожидать, и остается диву даваться, почему он не наступил еще раньше. За какие-то несколько недель коттедж превратился из убежища затворника-ученого в штаб-квартиру НОВТРЕЗАБа, шумную и перенаселенную. Новый культ распространялся, как

¹ Не стоит благодарности (исп.).

лесной пожар. Артура постоянно донимали репортеры, портные, Сэмми с помощниками, да и сами боги. Он все чаще впадал в истерику, аппетит пропал, а про сон нечего было и вспоминать. Становилось все труднее сдерживать себя, тем более что никак не удавалось решить, что именно сдерживать.

Кто знает, чем все могло бы кончиться, — Артур был бы не первым, кого боги довели до ступора или до истерического помешательства, и, в общем, к тому и шло. Но ситуация вдруг изменилась, круто и неожиданно.

Несмотря на все усилия, Артур не мог больше скрывать от себя, что события безнадежно выходят из-под контроля. И дело даже не сводилось к собственному бессилию: Листячок стал вести себя более чем странно. Вроде бы дела двигались в удобном ему направлении, а бог был недоволен, стал нервным и вспыльчивым или впадал в бессвязное красноречие. А если наброситься было не на кого, погружался в затяжное мрачное молчание.

Листячок определенно действовал Артуру на нервы. Однако кульминация наступила однажды после обеда, когда Листячок заявился в гараж, где Артур читал свои книжки. Бог плюхнулся на стул — лицо напряжено, губы поджаты, — помолчал и изрек:

— Я больше не намерен это терпеть!

— Что терпеть? — недопонял Артур.

— Немыслимую, преступную тупость человечества. Кажется, люди до сих пор не понимают, кто я такой.

— Но они присоединяются к вам что ни день...

— Слишком лениво. Большая часть человечества не имеет понятия, кто я, и им на меня наплевать.

— Это переменится, — произнес Артур как мог успокоительно.

— Будь я проклят, конечно, переменится, — заявил Листячок. — Я и собираюсь сделать так, чтобы переменилось.

— Что у вас на уме?

— Слегка поучить их благодарности. — Листячок улыбнулся напряженной, злобной улыбкой. — Подумать только, прямо среди них поселился настоящий живой бог, а они ему ноль внимания! Ну поглядим, как они запоят после чумы...

— А что, будет чума?

— Как дважды два, — откликнулся Листячок. — Я уже говорил с Калпаусом, финским богом чумы. Он готов провести небольшую акцию, поставить нам «бычью чуму-5». Кожа отпадает лохмотьями, кровь сворачивается в желе, мозг сжимается до раз-

меров грецкого ореха, а затем взрывается. Поглядим, как среагирует гордое, могучее человечество, когда на него обрушатся эти заботы.

Артур ощутил приступ ужаса, но сумел сдержаться и сказал почти спокойно:

— Ну почему не дать людям еще немного времени? Ваша религия вот-вот расцветет полным цветом. Неразумно лишать себя почитателей именно сейчас.

— Ты думаешь, они действительно придут ко мне?

— Нисколько не сомневаюсь.

— Ладно, подожду еще пару-тройку дней, — согласился Листячок. — Но если они не объявятся в должном количестве, мы их слегка пошевелим. — Он хохотнул. — Ты можешь не беспокоиться, тебя Калпаус не тронет. Ты мой пророк, малыш...

И Листячок вышел из гаража посмеиваясь, впервые за долгое время придя в хорошее настроение.

Артур понял, что должен что-то предпринять.

Собственно, он мог сделать только одно. Не хотелось, но он решил, что обязан. Вся эта каша заварилась по его вине. И если Листячок накличет чуму, вина в последнем счете тоже ляжет на него, Артура. Он обязан пойти на все. Обязан повторно отправиться в Божье царство.

Вечерком, когда боги увлеклись состязаниями по выпивке — своим любимым видом спорта, — Артур вновь вызвал к жизни миниатюрную телефонную будку и позвонил в бесконечность.

Ответил тот же голос, что и в прошлый раз.

— Послушайте, — сказал Артур, — мне нужна помощь. Срочно нужна.

На сей раз в голосе послышались сердитые нотки.

— Мне велено сообщить вам, что вы не вправе использовать божескую линию. Извольте повесить трубку и никогда не звоните сюда снова!

Повесить трубку? Никогда не звонить снова? Последний шанс улетучивался прямо на глазах, и безвыходность ситуации придала Артуру смелости. Он требовательно прикрикнул:

— Эй, погодите! Кто вам сказал, что я не вправе? Тот факт, что я вообще могу дозвониться к вам, сам по себе доказывает мои права.

— Ну не знаю, не знаю... — протянул голос.
 — Это же очевидно! Слышали вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь пользовался божеской линией неправомерно?
 — Такого никогда не случалось. Считалось, что это невозможно. Да это и в самом деле невозможно!
 — То-то и оно. Соедините меня со «Сверхъестественной службой Декстера».
 — Но мне приказано не соединять вас...
 — А я утверждаю, что это ошибка. Соедините, или я пожалуюсь вашему инспектору!..
 Артур и сам не понимал, как набрал в себе столько твердости. Но всего удивительнее, что тон сработал. Голос пробормотал что-то неразборчивое, и Артура соединили.

— Декстер слушает.
 — Говорит Артур. Я звонил вам раньше. Теперь я вынужден настаивать, чтобы вы мне помогли.
 — А я как раз собирался звонить вам. Они по-прежнему не дают вам вести личную жизнь?
 — Дело куда серьезнее, чем трудности в личной жизни. Декстер, эти божки хотят сокрушить Землю до основания. Я обязан что-то предпринять.
 — Вы можете прибыть сюда?
 — Я стою рядом с телефоном. Можете втянуть меня.
 Выходит, Артур уже начал усваивать некоторые божеские установления.
 И впервые по-настоящему познакомился с Божьим царством.

Глава 23

Божье царство велико. Очень, очень велико. И никто не знает точно его протяженности, поскольку боги никогда его не мерили. У богов нет такой привычки — мерить. В конце концов, расстояние сводится к усилиям, необходимым для его преодоления, а раз боги могут попасть куда угодно без усилий и, в большинстве случаев, мгновенно, к чему утруждать себя измерениями?
 А люди все-все меряют. И потому боги опасаются людей. Опасаются и в то же время восторгаются ими — точно так же, как люди относятся к богам.

С божеской точки зрения, люди вечно измеряют вещи, выражая свои измерения в неких единицах на основании теорий,

богам начисто непонятных. Просто божьи мозги иначе устроены. Богам ни за что не разобраться, как работает ум какого-нибудь Пифагора, Платона или Эйнштейна. «Что толку думать о подобных глупостях? — недоумевают боги. — Пространство велико. Время на пространство не похоже. Но кому же это невдомек?...» И боги пожимают плечами. Таков их подход к вечным тайнам, которые не дают покоя человечеству.

В общем, никто Божьего царства не мерил. Людей, которые могли бы провести измерения, туда не пускают. Хотя царство так или иначе велико. Весьма и весьма. Оно занимает целиком всю сферу пространства-времени — что может быть больше?

Все боги, когда-либо существовавшие, а также те, кому еще предстоит прийти, рассеяны по Божьему царству. По крайней мере, предположим, что рассеяны. В действительности они вполне могут оказаться в какой-то одной его части, а кто и что в остальных частях — неизвестно. Терра инкогнита. Боги не рисуют карт. Зрительная память у них отсутствует. Когда один бог желает видеть другого, ему достаточно лишь подумать об этом и слегка подтолкнуть воображение, и — хоп! — пожалуйста, они встретились. Если вы способны на такое, зачем вам карта?

А поскольку боги могут еще и перемещаться мгновенно, то не утруждают себя пешим хождением. Им не нужны ни автомобили, ни лошади, хотя лошадей они подчас и держат по мифологическим соображениям. В сущности, сентиментальным.

С какой бы стороны ни взглянуть, места в Божьем царстве полным-полно. У каждого бога собственный дом, и Бог не обязан даже попадаться на глаза никому другому, если сам не захочет, — что случается редко.

Каждый бог создает себе свой климат. Единственное, чего боги никогда не изобретали, — это техника: зачем, когда есть магия? С божеской точки зрения, техника — магия более низкого порядка.

Боги не очень-то уважают точность и аккуратность в человеческом смысле слов. Иначе можно сказать и так: боги — мастера поступков и выражений уклончивых и туманных.

Появляются боги на свет со знаниями, заложенными в них на уровне инстинкта, как у птенцов и котят. Потому-то так сложно объяснить людям разницу между низшим и высшим богом. Хотя сами боги воспринимают ее без труда. Можно сформулировать так, что высший бог просто солиднее низшего. У него больше власти, больше престижа, больше присутствия духа и уж точно больше самомнения. Но если спросить, отчего одни боги стано-

вятся высшими, а другие низшими, ответа никто не найдет. Так происходит, вот и все.

Как бы то ни было, у высших богов в пределах Божьего царства — своя территория. Они предпочитают держаться поближе друг к другу — привычка не только божеская, но и человеческая и даже звериная, почти неизменная при любых обстоятельствах.

Даже жилища у высших богов величественнее, чем у остальных. Величественнее — это значит солиднее, красивее, внушают большее благоговение. И непонятно, в чем тут дело: ведь любой бог может построить себе дом любого размера и привести любого художника-декоратора. Видно, таково уж свойство высших богов — производить впечатление более божественное, чем то, какого способны добиться низшие боги.

С обычной человеческой точки зрения, Божье царство — топографический кошмар. Один бог живет, допустим, на берегу широкого гулкого моря, а его соседом — иначе не назовешь, хоть в данных условиях слово неизвестно что значит, — может оказаться бог, живущий в бескрайних просторах пустынь. А за следующей дверью может поселиться подземный бог: каким-то образом его подземелье находится над землей — и тем не менее остается подземельем. Вот и разберись.

Глава 24

Офис Декстера был залит ярким светом. Яркость постепенно перерастала в сияющий шар. Только это сияние не было безвкусно пронзительным, что обычно свойственно богам. Оно наполнилось темно-синим покойным теплом, а не рвалось фейерверками, какими боги оповещают о своем появлении. Синий шар вращался почти незаметно, да и разрастался в умеренном темпе, и в конце концов обратился в высокую, пожалуй, осанистую лысеющую фигуру в коричневом деловом костюме, слишком плотном для жаркого климата, и с распухшим портфелем. Явившийся сразу принялся вытирать себе лоб.

— Привет, я Артур, — представился Артур. — А вы бог Декстер?

— Я не бог, я человек. Как уже упоминалось, я весьма продвинутый человек — и все же человек. Мое имя Декстер, Эдгар Аллан Декстер, но вы зовите меня Эд или Декстер, как вам больше нравится.

— Мне нужна помощь.

— Знаю. Извините за прошлое недоразумение. Я обдумал ваше положение и пришел к выводу, что вам нужен агент.

— Может, и нужен, но где его взять?

— Он перед вами. Я опытный специалист в области отношений между богами и людьми, с соответствующей лицензией. И нужен я вам потому, что вы вступили в соглашение с божеством, не приняв мер предосторожности и не прибегнув к посредничеству кого-то, кто знает правила таких отношений, знает, чего остерегаться, и может просветить вас, кто может позаботиться о ваших интересах. Вам необходим агент. Вы этого и сами хотите, или должны бы хотеть, пока эти возмнившие о себе божки с великими идеями не обделали вас с ног до головы.

— Понял, — отозвался Артур, скривившись: усвоить все это было отнюдь не легко.

— Нам, агентам с лицензией, даны особые права. Не имей мы их, нам, учитывая божеские нравы, просто ничего бы не сделать. Я видел подписанное вами соглашение, и должен вам сказать, что выглядит оно скверно.

— Где вы достали текст?

— В наблюдательном совете высших богов по отношениям с клиентами. Там есть файл. Впечатление, повторяю, скверное. Но у меня, пожалуй, есть мыслишка-другая. Поищу, что можно сделать, потом свяжусь с вами опять.

И Декстер отправил Артура по телефону обратно на Землю.

Часть третья

Глава 25

А на ферме Астураса, вскоре после того, как хозяин отбыл посоветоваться с Ткачом миров, родился его брат Ариман.

Рождение Аримана было нисколько не похоже на трудный процесс рождения ребенка. Создания, подобные Ариману, рождаются сразу и целиком, со всеми важными сведениями о себе и о Вселенной. Только что во дворике никого не было, и вдруг возник он — шестифутового роста, совершенно голый, судорожно моргающий на свету, который увидел впервые.

Летайя как раз вынесла во дворик большую вазу, хотела наполнить ее водой с розовыми лепестками. И вдруг у нее перед носом неожиданно-негаданно возник Ариман. От испуга она выронила вазу, и та, грохнувшись на каменные плиты, разлетелась на тысячи осколков.

— Кто ты? — спросила Летайя.

— Ариман.

— Никогда о тебе не слышала.

— Я брат Астураса.

— Меня не предупреждали о том, что ты пожуешь.

— Я и сам этого не знал, — ответил Ариман.

Ариман решил, что Летайя красива, и сказал ей об этом. Она вслепела ему отцепиться. Тогда он в одиночестве отправился на выгон, где паслись коровы, присел на камень и тяжело задумался.

Не успел родиться — и уже столкнулся с проблемой: ведь родился-то он, увы, вторым. Он мучился ревностью — Астурасу, первенцу, определенно отводилась важная роль в делах Вселенной. А ему, Ариману, суждено остаться ничтожеством, нулем, аномалией, ошибкой, побочным порождением хаоса и случайности.

И он не просто рожден вторым — ему неизвестно, зачем он рожден.

Понятно, что надо поставить перед собой какую-то значительную цель. Вот только какую?

Ему абсолютно не хочется служить человечеству. И другие боги его не интересуют. А на судьбу Вселенной так и вообще наплевать. Единственное, на что не наплевать, — неохота быть вторым в гонке, в которой участвуют всего двое.

Необходимо сделать что-то решительное — но что можно сделать? И не уходило неприятное чувство: что бы он ни надумал, результат окажется дрянным, отвратительным, отталкивающим, зловонным, да просто противным.

Тем не менее сделать что-то необходимо. Однако что?

Он сидел на камне и думал. Шло время. Одна корова отделилась от стада и подошла поближе.

— Привет, корова! — произнес Ариман. Корова смерила его равнодушным взглядом и продолжала пощипывать травку. — Я ведь знаю твой язык, — провозгласил он по-коровьи. — Мы можем подружиться.

— Сильно сомневаюсь, — ответила корова.

— Ты, очевидно, корова особенная, — продолжал Ариман. — Ты не могла бы подать мне знак?

— Какой еще знак?

— Ну хотя бы рассказать мне, что делать дальше. — Помолчав, он добавил с надеждой: — Может, мои планы связаны с Летайей?

— И думать забудь, — изрекла корова. — У тебя есть дела поважнее, чем волочиться за женой брата.

— Знаю, что меня ждут какие-то важные дела. Но какие?

— Меня не спрашивай, — заявила корова.

— Кого же тогда?

— Почему бы тебе не обратиться к таинственной леди по ту сторону холма?

Обойдя холм, Ариман увидел женщину с виноградными листьями в волосах. Женщина разглядывала себя в ручном зеркальце.

— Привет, — сказал Ариман.

— И тебе привет, — отозвалась женщина.

— Ты часто сюда приходишь?

— Я здесь в первый раз.

— И это имеет отношение ко мне, да?

— Да, — подтвердила она.

— Кто ты?

— Персонифицированная проекция грядущей Вселенной.

— А что, будет новая Вселенная?

— Может, и нет. Твой брат изо всех сил старается сохранить старую, которая давно исчерпала свою полезность и изжила себя, но отказывается исчезнуть подобру-поздорову.

— Ох ты! — воскликнул Ариман. — Серьезное дело!

— Да, очень серьезное.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Давай для начала, — заявила женщина, — определим твоё положение. Ты ищешь, какому делу посвятить себя, чтоб обрести цель, а с ней и силу, и оспорить превосходство своего брата. Права я или нет?

— Ты попала в точку. Что мне, по-твоему, делать?

— Знай, — сказала она, — что я олицетворяю собой совершенно новый дух, новый принцип, новую жизнь, новый набор ценностей. И ты можешь стать их частью. Если будешь делать, что я скажу, мы заклеим твоего братца как защитника затхлого старого порядка вещей. Это обеспечит нам симпатии других, а мне сдаётся, что симпатия тебе не помешает.

— Мне нравится то, что ты говоришь, — заявил Ариман.

— А мне нравится, когда мужчина понимает, кто и что ему нравится. Есть кое-что, что ты можешь сделать в моих и своих собственных интересах. Ты готов?

— Да, готов!

— Не задавая скучных вопросов?

— Никаких вопросов!

— И никаких «право, не знаю» или «может, поискать способы получше»?

— Ничего подобного не будет.

— Очень хорошо. Суть вот в чём. Существует богиня по имени Меллисента, которая может сыграть тут решающую роль, при условии, что будет проведена небольшая закулисная работа.

— Отправлюсь к ней немедленно.

— Утихомирься, непоседа. Такого вовсе не требуется. Чем приближаться к ней без подготовки, лучше действовать прямыми, более тонкими методами.

— Хорошо, только скажи, что надо.

— Прежде всего надо разыскать божество по имени Купидон...

Глава 26

Поиски Купидона завели Аримана в один из иносказательных регионов Вселенной. Он обнаружил, что странствует по тем предположительным пространствам, которые Вселенная создает время от времени просто ради того, чтобы ничего не упрощать.

Данное пространство было аккуратно оформлено разнообразным кустарником и горой на горизонте. Со всех сторон лился свет, преисполненный ожидания. Ариману было понятно, что настал момент, когда что-то должно произойти. Хотел бы он знать, что именно, — тогда он мог бы придумать, как на это «что-то» реагировать. Но, как обычно, он явился сюда неподготовленным, и в голове не было ничего, кроме основополагающей мысли — перехитрить брата.

И вдруг на сцене возник молодой человек, а может, подросток. Даже не возник, а просто пришел на своих ногах.

Мгновенно подавив чувство жалости к себе, Ариман сосредоточил свое внимание на подростке. Тот излучал внутренний свет, присущий богу, держал в руке лук, а через плечо был переброшен колчан со стрелами. Ариман испытал великое облегчение, потому что внезапно вспомнил: он явился сюда именно ради встречи с этим мальчиком, — может, он и не осознавал своей цели поначалу, однако забывчивость так или иначе миновала, и осталось лишь благословлять природу за незлопамятность. Не требует природа, чтобы мы одержимо думали о том, что нас ждет впереди, — довольно, чтобы мы делали шаг за шагом, пока на нас не сваливается нечто непостижимое.

— Ты — Купидон, — обратился Ариман к мальчику.

— Ну да. Самый недавний из Купидонов, — ответил мальчик. — Но откуда ты узнал?

Ариман чуть было не рассказал ему, что выводок Купидонов известен во всем мире, но удержался из страха, что мальчик лопнет от самомнения.

— Просто удачная догадка, — сказал Ариман. — Красивые у тебя лук и стрелы.

— Точно, красивые, — отвечал Купидон. — Не могу припомнить, как они мне достались, но сделаны искусно, правда?

— Наверное, ты любишь пускать стрелы?

— Да, очень.

— Значит, не станешь возражать, если я попрошу выстрелить в того, на кого я тебе укажу?

— Не стану. Стрелять так забавно. Скажи, кого ты хочешь подстрелить, и я с радостью это сделаю.

Что-то все слишком хорошо получается, сообразил Ариман. Какая-то тут заковыка. Проблема разрешается чересчур легко. Где-то валяетсядохлая кошка.

Он сосредоточился, и тогда ему пришло на ум осмотреть стрелы Купидона. Стрелы выглядели прямыми, острыми, одна-

ко наконечники покрывала какая-то липкая масса. На всякий случай Ариман до нее не дотрагивался, но спросил:

— Чем ты их натираешь?

— Желчью, — ответил Купидон. — Когда поражаешь кого-то такой стрелой, его охватывает горькая тоска, что прошлого не вернешь.

— Но тоска — вовсе не то чувство, каким ты должен поражать людей! — воскликнул Ариман.

— А каким же?

— Любовью, вот каким! Ты бог любви, и твоим стрелам положено воспламенять людей страстной любовью.

— Впервые слышу, — заявил Купидон.

— Если действительно хочешь увидеть кое-что интересненькое, то гораздо лучше заражать людей любовью, чем раздражением.

— Ты предлагаешь натирать наконечники не желчью, а любовным зельем?

— Совершенно верно. Любовь приведет к тому же эффекту, что и желчь, только с той разницей, что люди не станут ее пугаться, а будут лезть из шкуры вон, лишь бы нарваться на твою стрелу.

— Звучит великолепно, — отозвался Купидон. — Обо мне в последнее время отзывались скверно. Мне бы понравилось куда больше, если б обо мне пошла слава как о разносчике счастья.

— Любовь принесет тебе такую славу. За то, что я открыл тебе глаза на правду, прошу лишь об одном одолжении. Я укажу тебе, кого поразить первой любовной стрелой, и подскажу момент, когда это сделать. Согласен?

— Конечно, не беспокойся. Буду рад выполнить твою просьбу. Вот только где достать это самое любовное зелье?

— Разве ты не знаешь?

— Не имею ни малейшего представления. Мне просто приказали прибыть сюда и пускать отравленные стрелы. Желчь раздобыть легко, любовный напиток встречается куда реже.

— Подожди меня здесь, — сказал Ариман. — Посмотрю, не удастся ли мне достать его для тебя.

Глава 27

Опрометчиво связав себя обещанием, Ариман отправился в более знакомую область пространства, откуда было можно прислушаться к Голосу, проступающему из-под обычных голосов

Вселенной. Однако, поскольку Голос слышен не был, он обратился к нему сам:

— О Голос, сообщи мне кое-что, чтоб я мог послужить тебе еще лучше. Где мне достать любовное зелье?

— Ну это проще простого, — ответил Голос. — Надо добраться до Арахны и позаимствовать.

— А где найти Арахну?

— На ее постоянном месте, в созвездии Скорпиона. Затаившись там, она заманивает живые существа в свои сети.

— Как же ей это удастся? Почему люди не могут избежать ее сетей?

— Арахна очень хитроумна. Нити ее паутины для нормального зрения невидимы. Распознать их можно только по запаху. Арахна выделяет яд, именуемый любовью, и втирает его в паутину вплоть до самого отдаленного усика, и любой, кто напорется на одну из нитей, идет на аромат любви, пока не запутается в паутине, и тогда богиня пожирает свою жертву.

— Не слишком-то веселый финал...

— Для того, кого съедают, но не для Арахны.

— Согласен. Однако мне нужно как-то обезопасить себя, прежде чем отправляться за ее зельем. Что подскажешь?

— С этой задачей ты как-нибудь справишься и без меня, — объявил Голос и рассеялся слабеньким-слабеньким эхом, а затем исчез окончательно.

Ариман призадумался и решил, что есть один-единственный способ обезопасить себя, доступный только богам. И тут же, без проводочек, разделил себя надвое. Ту половину, что проводила разделение, он окрестил Ариманом-1. Вторую, отделенную, — Ариманом-2.

— Слушай меня внимательно, — объявил Ариман-1 Ариману-2. — Мне необходимо послать тебя с поручением. Но сначала следует удостовериться, что ситуация ясна нам обоим. Из нас двоих я — главный. Возражений нет?

— Какие могут быть возражения! — ответил Ариман-2. — Я отдаю себе полный отчет, что ты, который говоришь, создал меня из себя, а потому я оказываюсь вторым, хотя мне это и не нравится.

— Не настаиваю на том, чтоб это тебе нравилось. Ты должен принять это как факт. Если ясность достигнута, я желаю, чтобы ты со всей возможной скоростью переместился в созвездие

Скорпиона и разыскал там богиню Арахну, величайшую из пау-чих.

— Ладно, понял. Мне это опять-таки не нравится, но я по-нял. Что мне делать, когда я найду ее?

— Где-то в ее паутине ты отыщешь контейнер с любовным зельем. Этим зельем Арахна смазывает свою паутину, что и де-лает ее фатально привлекательной.

— Да, понял, продолжай.

— Ты должен выкрасть контейнер с зельем и принести его мне.

— Ладно, допустим, украсть — не проблема, но что за всем этим кроется?

— А только то, — ответил Ариман-1, — что ты влюбишься в Арахну и не захочешь ее покинуть, хотя ставлю тебя в извест-ность, что, схватив тебя, она тебя сожрет.

— Черт, я вовсе не намерен этого дожидаться. За кого ты меня принимаешь?

— За создание, чья жизнь и поступки предопределены любовью.

— О, — только и сказал Ариман-2, уязвленный до глубины души.

— Ты выполняешь мое поручение, а я жду тебя здесь в без-опасности. Я дам тебе команду на возвращение. И ты подчи-нишься.

— Ну, разумеется, подчинюсь. Неужели ты думаешь, что я стану там ошиваться, чтобы меня сожрали? Мы оба заодно. Хотя, по правде говоря, тебе, наверное, можно было и не разде-лять себя надвое. Ты мог бы справиться и сам, без меня.

— Не убежден, — откликнулся Ариман-1. — А теперь ступай и выполни все, о чем я тебя просил.

И Ариман-2 мгновенно отбыл в созвездие Скорпиона.

Глава 28

Путь до созвездия Скорпиона неблизкий и непростой. И опас-ный, чреватый возможностью героических свершений. Но Ари-ман-2 слишком спешил, чтобы растрачивать время на подвиги. Это успеется. Дело есть дело, а не погоня за славой.

Соответственно, с агрессивными существами, встреченны-ми по дороге, он предпочитал не вступать в бой, а заключать сделки. Каждому он обещал переустроить все вокруг по их вкусу, как только его превосходство над братом будет признано в достаточной мере, чтобы начать строительство нового мирово-го порядка.

Немейскому льву он пообещал огромную территорию в Цент-ральной Африке, которой тот будет владеть до тех пор, пока вода не перестанет струиться, а огонь — жечь. Разбойнику Прокрус-ту, знаменитому вытягивателю путников, посулил подарить цар-ство, а Мидгардскому змею из скандинавских легенд — создать новенькую зеленую планету, вокруг которой будет так приятно обвиться.

Сам Ариман-2 был не вполне уверен, сумеет ли он выпол-нить эти обязательства и как, но, во всяком случае, они ускори-ли его продвижение к цели. Так что в созвездие Скорпиона он попал, не затратив на то почти никакого времени. А через минуту определил местонахождение сетей Арахны — в верхнем правом квадранте. Паутина отливала искристым многоцветным блес-ком. Прочные нити привязывали ее к мощным скалам и невы-соким крепким деревьям. В вертикальном положении она дер-жалась, поскольку была прицеплена к верхним рожкам лиры бога Диониса.

— Ну вот я и прибыл, — объявил Ариман-2.

В то же мгновение его сообщение было принято Ариманом-1, который уже поджидал вестей.

— Пока что все здорово, — ответил Ариман-1. — Разобрался ли ты, где спрятано любовное зелье?

Ариман-2 прищурился и обследовал паутину усиленным зрением.

— Да, вероятно, в той коричневатой штучке наподобие порт-феля, укрытой возле центра паутины.

— Звучит похоже на правду, допустим, что так. Ну а где сама Арахна?

— Она далеко, в мелкой рошице, где закреплен один из уг-лов ее паутины. Вроде вознамерилась вздремнуть.

— Просто превосходно! Воспользуйся этой возможностью, чтобы пробраться в глубь паутины и стащить портфель.

— Приступаю, — ответил Ариман-2 и легонько ступил на ближнюю паутинку.

Обретя равновесие, он вновь перевел взгляд на Арахну. По-видимому, она продолжала спокойно спать, омерзительное брю-хо еще не переварило надежды и страхи последней из ее жертв.

Ариман-2 осторожно двинулся вверх по нитям, липким от прелестительной субстанции, которой их смазала Арахна. И по мере движения пришелец, сам того не замечая, подпал под вли-яние коварного любовного зелья. И стал внушать себе: «Она же, если разобратся, очень мила, эта Арахна. Мы с ней могли бы классно провести время. Ее недопонимали, я уверен. Ну не чу-

десно ли будет сжать Арахну в страстных объятиях, превосходящих всякую фантазию, способных довести до гибели...»

Однако, хоть эти мысли и терзали его разум, они не помешали ему карабкаться вверх и вверх по нити, к центру паутины. И там, двигаясь по-прежнему легче, чем самый ловкий из людей, Ариман-2 скользнул невесомыми быстрыми шагами к месту, где расположился портфель, полный любовного зелья. При том он не преминул отметить, что в сетях Арахны царит великолепный день, один из ослепительных дней, будто специально созданных для любви.

Наконец он достиг угла паутиной сети, где с одной из нитей свисал портфель. Сдернув портфель, Ариман-2 вознамерился уходить и тут заметил, что Арахна, очнувшись ото сна, не спеша возвращается к паутине. Вроде бы она его пока не разглядела.

— Пока все идет хорошо, — одобрил Ариман-1, наблюдавший за развитием событий из безопасного далека. — У тебя хватит времени выбраться через задний выход, прежде чем Арахна набросится на тебя. Поспеш!

— Спешить незачем, — отозвался Ариман-2.

— Как это незачем?

— Я решил остаться здесь и подождать Арахну.

— Это еще зачем?

— Потому что я люблю ее, Ариман-1, люблю вопреки доводам рассудка и больше самой жизни.

— Чудесно, — заявил Первый. — Но если она схватит тебя, она тебя сожрет.

— Я учитываю этот факт.

— И что же?

— Мне кажется, что есть два возможных финала.

— Два? Какие?

— Я сумею убедить ее, что моя любовь к ней — особенная, свежая, беспрецедентная. И мое объяснение так тронет ее, что она воздержится от поедания моего тела и станет жить со мной в счастливом брачном союзе.

— А другой финал?

— Она меня действительно съест. Но меня это не тревожит.

— Потому что находишь это маловероятным?

— Нет, не поэтому. Я нахожу это даже желательным. Потому что, заметь, не может любящий сделать большего подарка любимой, чем позволить поглотить себя целиком в прекрасный летний день...

— Хватит, — сказал Первый. — Я слышал более чем доста-

точно. Теперь послушай меня. Ты быстренько повернешься и сбежишь через задний выход, и сделаешь это сию же секунду!

— Извини, нет.

— Что???

— Я больше не признаю за тобой права распоряжаться мной. С настоящей минуты объявляю себя полностью самостоятельным и требую права на собственные решения по всем важным вопросам.

— Выметайся оттуда! Это приказ!

— Нет, это призыв к неповиновению!

— Посмотрим, — объявил Ариман-1, сделал мускульное усилие, и на сцене появилась еще одна сущность, которой только что не было.

— Кто ты? — спросил Ариман-2.

— Я третейский судья по неотложным делам, — изрекла сущность. — Меня создали разногласия между тобой и твоим вторым «я».

— Не признаю твоего авторитета.

— И все равно будешь вынужден мне подчиниться. Властью, которой меня облекли обе половины личности Аримана, провозглашаю, что главенство остается за номером Первым. Так что, номер Второй, изволь выполнить распоряжение брата и выметаться оттуда.

— Будь по-вашему, — буркнул Ариман-2, — но я не я, если вам это сойдет с рук...

Он двинулся к заднему выходу и достиг цели как раз в тот миг, когда явилась Арахна. Паучиха кинулась к нему, но Ариман-2 успел отпрыгнуть в сторону, а едва он одолел выходной проем, Ариман-1 уловил это из своего безопасного далека и во-брал его в себя.

Однако, хотя личность Аримана была восстановлена, следы раздвоения сохранились, и в потаенном уголке сознания прорастали зерна мятежа против главенствующей половины. До поры их можно было затапывать, но не вызывало сомнений, что рано или поздно проклюнутся ростки, в соответствии с изречением: «Все скрытое и подавленное рвется наружу».

Но до этого было еще далеко. Пока что Ариман получил драгоценный любовный яд и без промедления вернулся к Купидону. А тот сразу же покрыл ядом наконечники стрел, хоть и поленился предварительно счистить желчь, а позже рассудил, что

капелька раздражения любви не во вред, а может, даже на пользу, особенно если у вас чувствительная натура.

Теперь пробил час устроить встречу Меллисенты с Артуром, свидетелем которой должен стать Купидон с луком и стрелами. Для чего Ариману вначале надлежало вернуться в Божье царство, где обитала прекрасная богиня.

Глава 29

Та Меллисента, которую Ариман искал, чтобы поймать в ловушку любви, была богиней древних доисламских сирийцев. Хотя ее родители принадлежали к числу богов малозначимых, они очень гордились своим возрастом. Ее отец, Симус, в прошлом был богом войны нескольких кочевых племен и кичился тем, что выступал их главнокомандующим. Его сильно уязвило, когда на этом посту его заменил новый, более молодой бог, однако он не пал духом и в семейном кругу повторял без устали:

— Они имели полное право сменить привязанности...

Но семья-то знала, как ему стало скверно, когда сирийцы бесцеремонно вышвырнули его с занимаемого поста. В сундуке в задних комнатах своего дворца он и по сей день хранил парадную пурпурную мантию, корону из золота и слоновой кости, а также скипетр — все это принадлежало ему, когда он обладал властью.

— Мы могли бы достичь очень многого, — внушал он людям. — Вряд ли я преувеличиваю, когда утверждаю, что, вероятно, именно я был лучшим стратегом во всем древнем мире. Но даже в лучшие дни мое войско не превышало нескольких тысяч. Сирийцы никогда не были особо плодовитыми. Так что в моих бедах, возможно, виновна ты, мать...

Упрек обращался к жене, Маргарет, которая в дни, когда Симус был богом войны, считалась у сирийцев богиней плодородия.

— Я призывала их плодиться и размножаться, — отвечала Маргарет. — Но они вечно отвлекались на что-нибудь другое. Больно уж умными себя считали. Да и соседние племена были крупнее. Нас задавили численностью, только и всего.

— Твоя идея насчет того, чтобы наши воины оплодотворяли всех захваченных в плен женщин, сама по себе была недурна, — напоминал жене Симус. — Только пленниц попадалось не так уж много, да и беременели они не всегда.

— А это чья вина? — огрызалась Маргарет. — Мои воины

были зрелыми, сильными мужчинами. Горе в том, что они подцепили от греков гомосексуальную заразу. Тебе не следовало разрешать им ездить в Афины.

— Откуда мне было знать, что они выберут наихудшую часть афинской культуры? И вернутся домой с надушенными бородами и подведенными глазами...

— Это бы не беда. Настоящая причина в том, что ты имел обыкновение держать молодых людей запертыми в казармах и не позволял им общаться с женщинами до двадцати пяти лет.

— Я хотел не размягчать их характер, — указывал Симус. — У спартанцев же получалось!

— Спартанцев всегда было совсем немного. Спору нет, они были хороши, все до одного, и один спартанец стоил, быть может, десяти врагов, как и твои солдаты в лучшие времена. Ну а как насчет одного воина на двадцать? Или на пятьдесят? Или на сто? А ты, дорогой, столкнулся именно с такими соотношениями, и тут уж было ничего не поделать. Тебя подвела демография, а не боевой дух...

Подобные разговоры велись день за днем — они ворчали друг на друга, но в основном уживались вполне сносно. В таком вот доме и росла Меллисента. С самого рождения дочери разгорелись споры, какая ей предстоит карьера. Отец хотел, чтоб она стала богиней войны, как Афина, которой он восхищался. Мать не соглашалась ни в какую:

— Война — занятие для женщины неестественное, и не ссылайся на своих греков. Во что они теперь превратились? В крошечную балканскую страну, утонувшую в народных танцах, вот во что. Нет, моя дочь будет богиней плодородия, как ее мать.

Но самой Меллисенте не нравилась ни та, ни другая перспектива. Ей в душу запала идея стать богиней любви, и она готовилась именно к этой роли. Родители ей помощи не оказывали: и отец и мать полагали, что богини любви — порода сомнительная. А по сути и споры, и занятия шли втуне, поскольку на Земле не осталось работы для богинь любого сорта. Планета как-то переросла их, за исключением разве что немногих примитивных племен, да и те, что ни день, подвергаются вербовке со стороны адвентистов седьмого дня и, по всем признакам, вот-вот падут жертвами обанкротившегося монотеизма.

— Не постигаю, — брюзжал отец, — почему их заворожила идея единого бога. Люди ведут себя так, словно в ней и впрямь есть что-то особенное. А на самом деле она столь же стара, как и многобожие. Ввести ее пытался еще Эхнатон, только не получи-

лось. И вообще ни у кого не получилось. Не постигаю, зачем люди в нее вцепились.

— Любая причуда въедлива, — отвечала мать. — Быть может, люди со временем поумнеют.

— Надеюсь, — поддерживал отец. — Текущее положение вещей мне порядком надоело...

В таком окружении и росла Меллисента, в изоляции от прочих молодых богов и богинь. Родители проявляли себя снобами и не желали якшаться с теми, чья родословная была куда короче. Они — и Меллисента — жили одиноко и не общались даже с ближайшей родней. Да и то сказать, родичи были по преимуществу примитивными божествами природы, к тому же не умели противостоять возрасту, впадали в слабоумие и отбывали в какой-нибудь из бесчисленных божьих домов, разбросанных по всему Божьему царству.

Больше Меллисента и сама ничего о своем семействе не знала. Вплоть до того дня, когда к ним наведлся красивый молодой бог. Бог объявил, что его зовут Ариман и что они с Меллисентой — троюродные брат и сестра по линии его матери.

Глава 30

Новоприбывший бог быстро добился расположения всей семьи. Отцу он нравился тем, что был готов до позднего вечера сидеть у камина, слушая рассказы о войнах, которые некогда вел Симус. Ариман был вежлив, почтителен, любил узнавать новое, был не прочь польстить. Что же тут могло не понравиться? А Маргарет, по натуре более подозрительная, чем муж, была покорена восторженными отзывами гостя о ее пудингах с изюмом и должным с его стороны уважением к ее красоте и происхождению.

Не оставалось и тени сомнения: Ариман — милейший молодой бог, и если думать о муже для дочери, то этот нарядный учтивый красавец представлялся отнюдь не худшей партией. К тому же у него вроде бы были серьезные намерения... Нет, он пока и не заикался о женитьбе, во всяком случае, ничего не говорил прямо, но родители разбираются в таких вещах, да и молоденькие богини — тоже.

Вот почему, когда Ариман попросил разрешения взять Меллисенту с собой на Землю, на вечеринку в честь объявившегося там нового пророка, родители охотно дали свое согласие, хотя сама Меллисента обошлась бы и без разрешения.

И они отбыли на Землю, славную зелено-голубую планету под белоснежными облаками. Миновало много столетий с тех пор, как Меллисента видела Землю в последний раз, и планета ей вполне приглянулась. По случаю визита на юной богине была классическая туника из плиссированного белого полотна, оставляющая открытым одно плечо, — очень в стиле Джеки Кеннеди-Онассис, — а волосы ниспадали кучей завитков, что делало ее похожей на молодую Артемиду, только она была лучше Артемиды, поскольку та всегда важничала, и это искажало прекрасные свежие черты. Донимала ее гордыня — я имею в виду Артемиду, а не Меллисенту.

Часть IV

Глава 31

К моменту прибытия Аримана с Меллисентой вечеринка в домике Артура была в разгаре. Все боги перепились и вели себя еще хуже, чем обычно, если это вообще возможно. Гегоман изрыгал старые военные песни, а Шанго аккомпанировал ему на барабанчиках. Луума закуталась в оконную штору и скакала по комнате в полной уверенности, что никто до нее до такого не додумывался. Сэмми стоял за стойкой, готовил выпивку, и вид у него был самодовольный: еще бы, он оказался у самой исходной точки предприятия, которое сулит стать самым грандиозным с тех пор, как изобрели освещение. Присутствовала также парочка девиц из баров и таверн Таити-Бич, очевидно, считающих, что боги ничем не хуже водителей грузовиков. Проигрыватель взрывал канканом из оперетты Оффенбаха «Орфей в аду» — Листячок больше всего возлюбил именно эту музыку, то ли классическую, то ли рискованную.

Сейчас он уже здорово напился, но не растерял зоркости, сразу же заметил новоприбывших и подошел выяснить, кто такие.

— Привет, — грохотнул он. — Я Листячок, и я тут хозяин. Что-то не припомню, чтоб я вас приглашал.

— Я Ариман, — отвечал Ариман. — А это Меллисента. Мы оба боги — я, между прочим, из высших богов. Прослышали про вашу гулянку и подумали: почему бы не заглянуть? Но если мы вам не в жилу...

— Да нет, я ни на что подобное не намекал, — спохватился Листячок. — Чем больше народу, тем веселее. Просто захотелось узнать, кто еще пожаловал. Знаете, мне приходится охранять моего пророка. Когда он сталкивается с неожиданностью, то может и начудить.

— Таковы уж люди, — заметил Ариман. — Между прочим, где он, ваш пророк? Что-то я не вижу здесь никого, кто бы смахивал на пророка.

— Он у себя в комнате, у него хандра. Пророк он великий, но иногда на него нападает такая блажь, хоть вой.

— Хотелось бы с ним познакомиться.

— Ну не знаю, не знаю... Ему не по сердцу, когда я вторгаюсь к нему без разрешения, да еще не один.

— Но мы не посторонние, мы друзья, — заверил Ариман. — Не правда ли, Меллисента?

— Я-то дружелюбна, — вступила в разговор Меллисента. — Я ведь готовлюсь стать богиней любви...

— Замечательно, — отозвался Листячок. — У нас, правда, уже есть одна такая, но, быть может, удастся пристроить тебя к ней в помощницы.

— Послушай, я вовсе не ищу работу, — улыбнулась Меллисента. — Я всего лишь поддерживала разговор, понимаешь?

— Пойдем посмотрим, не согласится ли Артур принять вас.

И Листячок повел гостей по тягостно короткому коридорчику к дальней спальне, где жил Артур.

Артур у себя в спальне читал одну из своих бесчисленных книжек по мифологии. Выяснилось, что жизнь вместе с мифическими персонажами, материализованными во плоти, вовсе не снижает потребности читать о других мифических персонажах. Казалось даже, что боги, материализовавшись, как бы дешевеют. Разрушают часть своей тайны. Оборачиваются заурядными своекорыстными существами, хоть и могущественными.

Противно осознавать, как мало боги пекутся о вас, если не возжелают вашего тела. Вы для них — тело и только тело, а едва они расстанутся с вами, что произойдет достаточно скоро, они переключатся на кого-нибудь еще. Им-то хорошо — а вам, познавшему любовь бога или богини, вам что дальше делать?

Но все мысли улетучились, когда в комнату вошла Меллисента, стройная, прекрасная, излучающая особый свет, какой присущ лишь небесным созданиям, блистательная, обольстительная, такую бы поиметь... Артуру, однако, и в голову не пришло, что это реально. Намерение, может, и мелькнуло — он не был бы живым человеком, если бы сдержался, — только присущая ему низкая самооценка вмиг расставила все по своим местам. «Какая исключительная красавица, какая желанная женщина, — решил он, — но, с ее точки зрения, я не представляю собой ничего особенного, и она, конечно, права...»

— Меллисента, это Артур, — сказал Листячок.

Она сделала шаг и протянула руку. Рука богини! Артур сжал ее пальчики, и его будто током ударило — он вдыхал аромат ее духов, и его мозг и тело источали тысячи флюидов...

— Рада познакомиться, — произнесла Меллисента.

— Я в восхищении, — пробормотал Артур.

Глава 32

На вечеринку Астурас перенесся мгновенно — или так близко к мгновенности, как только возможно. Ради предосторожности он предпочел сделаться невидимкой. Уж чего Астурас вовсе не желал, так это глупой болтовни с Листячком и его друзьями. Они в разработанный им план никак не входили — их же интересовало лишь самовозвышение, а отнюдь не спасение Вселенной. Ничтожества, как все божки, преследующие низменные цели. И даже если нет, Астурас явился на Землю не для пошлого трепа.

Невидимый, Астурас скользил меж многочисленных шумных гостей. Он был чем-то вроде призрака, беззвучного и неосознаваемого. Он искал Купидона. И тут Артур с Меллисентой вышли из Артуровой спальни.

Так именно этот невзрачный человечек — виновник всей суесть? Вот уж, глядя на его невыразительные черты, никак не подумаешь. Но чем черт не шутит, случается и такое...

А вот и Купидон, спрятался за пальмой в горшке. Разумеется, Купидон тоже был невидимым, по крайней мере, для собравшихся здесь младших богов и людей. Но от высших богов не укроешься, и Астурас различил его без особого труда — пухленький кучерявый мальчик с луком и стрелами.

Астурас было шагнул к нему, подумывая, не вернуть ли себе видимый облик и не объяснить ли с Купидоном начистоту. Только сразу стало ясно, что ничего не получится. Боженок еще не достиг возраста рассудительности, действовал импульсивно, просто по настроению. Для него все это — шалость, проказа, и раз он решил пошалить, его не отговоришь.

И Астурас избрал иную тактику — выждал до самой последней секунды, дал Купидону прицелиться, но перед тем, как крылатый мальчуган пустил стрелу, подтолкнул его под локоть.

Стрела сорвалась с тетивы...

Глава 33

Сделав все, что мог, и не удосужившись проверить результат, Астурас отбыл обратно домой. Теперь он думал о том, какой миф разыграть с женой, Летайей, — надо бы что-то величаво-романтическое, с классическим оттенком. Он так увлекся, обмозговывая детали мифа и как именно приступить к мифотворчеству, что даже не сразу понял: ферма покинута!

Он кинулся к коровам: «Вы видели, как уезжала моя жена Летайя?...» Они отвечали «нет», но странно-уклончиво. Словно все же знали иной ответ, только оглашать не хотели. Астурас недоумевал, в чем дело. Мелькнула мысль, что уклончивость — от общеизвестного коровьего нежелания превращаться в ростбиф: для коровы, принесшей плохие новости, участь вполне вероятная.

Он вернулся в дом и погрузился в интенсивные размышления. Не потребовалось много времени, чтобы заметить, что багажа Летайи с собой не взяла: все ее наряды были на месте. И никакой записки... ничего, кроме букв, нацарапанных в пыли на плиточном полу, — он увидел их, когда присмотрелся:

УЗЗ.

Что это значит?

Бог быстренько перевернул свою обширную память и убедился, что не имеет понятия о смысле загадочных букв — если их оставила Летайя, а интуиция подсказывала: она! Кто бы разгадал загадку? Вероятно, следует воспользоваться услугами оракула, притом оракула-человека. Люди на всяких сокращениях собаку съели.

Нельзя было терять ни минуты. Астурас бросился в соседнюю комнату, взял со столика у богофона Божеский справочник услуг и поискал раздел «Оракулы. Смертные...». Справочник раскрылся по первому зову мысли. Вызвав на помощь миниатюрного встроенного в справочник джинна, Астурас принялся скользить по строчкам глазами в ожидании какого-то знака. И дождался. Взгляд сам собой застрял на одном имени — сеньор Хуан Гарсия, цирковой артист, выступающий близ городка Чичикалько в мексиканском штате Герреро.

Астурас устремился по названному адресу. На северной окраине городка обнаружилась вереница старых грузовиков с наваленным на них цирковым оборудованием. Там, на ярмарочной площади, как раз начали ставить шатер.

Надев личину антрепренера известной цирковой компании, Астурас разыскал Гарсию подле шатра — тот давал указания, в которых никто не нуждался. Личина не помогла — Гарсия раскусил гостя в мгновение ока и прямо спросил:

— Ты бог?

— Из высших богов, — уточнил Астурас.

— Тогда, выходит, нельзя просить тебя зайти попозже.

— Никак нельзя. Поговори со мной немедленно, оракул, или прими кару, какая положена тем, кто томит высших богов ожиданием.

— Ладно, ладно, не сердись. О чем ты хотел со мной поговорить?

— Я увидел три буквы — УЗЗ — в контексте, который несомненно имеет важное значение. Мне надо знать, как эти буквы расшифровать.

Гарсия захохотал коротким лающим смехом. Затем, продолжая ухмыляться, потеревил грязный шелковый шарф, обмотанный вокруг шеи. С широкого небритого лица смотрели карие глаза.

— Ну это несложно. УЗЗ означает умозрительную записку — новую услугу, оказываемую Логической почтой.

— Что такое Логическая почта? Почему мне о ней не сообщали?

— Не сообщили? А ты давно проглядывал свою корреспонденцию?

— Я был занят.

— Как же можно известить тебя о новой почтовой услуге, если ты оставляешь почту без внимания?

— Большое спасибо. Теперь объясни мне, что такое умозрительная записка.

— Умозрительная записка — это предназначенное тебе послание в случае, когда отправитель не располагал временем на обычную записку. Твои собраты-боги придумали такую ускоренную связь на случай, когда события разворачиваются слишком быстро и прежние средства связи не справляются.

— Выходит, предназначенную мне записку я могу получить на Центральном Божеском почтамте?

— Совершенно верно, — подтвердил Гарсия. — С тебя три золотые монеты. Ты ведь собирался спросить о плате...

Расплатившись, Астурас поспешил прочь, взвился в космос, затем переместился в пространство между пространствами, в тайный лаз под божьими владениями. Там он тоже не скучал, но в конце концов выбрался на величественную площадь, где сходится немало главных дорог и где расположен Божеский почтамт, чудо всех миров, украшенное коринфскими колоннами и блистательным фасадом паросского мрамора.

Внутри Астурас приметил новое окошко, над которым значилось: «За умозрительными записками обращаться сюда». Подойдя, он стукнул по доске в надежде привлечь к себе внимание и заявил свои права на записку. У клерка был кислый вид, он не

обрадовался тому, что его вытребовали столь бесцеремонно, но вовремя спохватился, что перед ним высший бог — нимб над Астурасом отличался красноватым оттенком, — проглотил все бранные слова и быстренько разыскал просимое.

Астурас удалился в близлежащее маленькое кафе и там, над чашечкой кофе с амброзией, открыл конверт. Записка оказалась длиной в тридцать страниц. Умозрительные записки вообще имеют тенденцию тянуться бесконечно. Эта не составляла исключения, но вот наконец Астурас дошел до сути дела:

«Не думаю, что тебя поставили об этом в известность, — вскоре после твоего отъезда родился твой брат. Его зовут Ариман, и он довольно противный. Он стал приставать ко мне, я отвергла его домогательства с негодованием. Затем он принялся шататься среди коров. Наверное, они что-то ему сказали. Я всегда говорила тебе, что коровы знают больше, чем ты думаешь, только ты меня не слушал. После этого Ариман отбыл ухмыляясь, страшно довольный собой. Задумал превратить твою жизнь в ад, вероятно. Позже он возвратился с таким видом, словно побывал на банкете. «А теперь, — заявил он, — между тобой и мной осталось кое-какое нерешенное дело». Трудно было не понять, что он имеет в виду. Я всего лишь беззащитная богиня, и убежать у меня не было никакой возможности. Времени хватило только на то, чтобы оставить тебе эту умозрительную записку. Надеюсь, ты знаешь о логической почте. О ней объявили уже после твоего отъезда. Если не знаешь, то не сможешь ничего предпринять, и наш собственный миф, который я предвкушаю заранее, так и не будет создан. Твоя любящая жена Летайя».

Астурас заскрежетал зубами, но что толку! Надо было выяснить, куда Ариман увез Летайю. К счастью, в умозрительной записке содержался и умозрительный будущий адрес — «Пещеры Леты».

Глава 34

«Пещеры Леты» — так называется курортный отель в одном из новых кварталов преисподней. Главное здание окружено статуями и выложенными плиткой плавательными бассейнами — вода подается из подземных источников.

Сегодня здесь было довольно много гостей. Барбаросса со своими воинами, прибывшие на однодневную побывку из постоянной пещеры где-то в Тевтонских Альпах, плескались в во-

дах снов, привидевшихся во сне. Скоро им возвращаться в родную пещеру и уже там поджидать истинного пробуждения.

Семь эфесских сонь-мудрецов распивали коктейли, развываясь в шезлонгах. Кракен, морское чудовище из северных легенд, освобожденный ненадолго от вечного сна в бескрайних глубинах океана близ сине-черных стен Атлантиды, резвился в бассейне с юными дельфинчиками, наслаждаясь каждой минутой короткого отпуска.

— Приятно видеть, что все развлекаются в свое удовольствие, — сказал Астурас, обращаясь к своему gidу.

— Все знаменитые спящие подчас нуждаются в отдыхе от своих прямых обязанностей, от забвения. Видите здесь того, кого ищете?

Нет, как Астурас ни всматривался, Летайи ни в одном из бассейнов не было.

— Там подальше, — продолжал гид, — есть еще один бассейн, питаемый надежным сновещательным потоком. Вязкий бассейн чудесных предвкушений, где никто не знает, бодрствует он или спит, а пребывает в промежуточном состоянии, впадая то в безгранично трезвое сознание, то в самые смелые мечты...

Сновещательный поток приносит с собой видения, приписываемые опиуму и его производным, но без похмелья и побочных эффектов. И без привыкания, поскольку мечты и фантазии остаются навсегда свежи.

— Здесь ее тоже нет, — сказал Астурас.

— Тогда она должна быть вон там, прямо на берегу Леты. Все испившие из этой реки утрачивают память и пребывают в состоянии вечного плаванья по ее водам. Приятное состояние, хотя почти не сохраняется воспоминаний о предыдущей жизни. Мужчины оставляют здесь неподдающихся женщин, усмиряя их упорство забвением...

Именно тут он и нашел ее, милую Летайю: она отдыхала на берегу в отлично сидящем бикини, распустив волосы по плечам.

— Привет! — воскликнул Астурас.

Она улыбнулась ему и вернулась к своему прежнему занятию — к журналу мод. Было очевидно, что она его не признала. Загоревав, Астурас обратился к сопровождающему:

— И что, с этим ничего не поделаешь?

— Почему же, — ответил тот. — У нас есть специальный препарат для тех, кто хотел бы вернуть любимым память. Но многие от него отказываются — им кажется, что любимые привлекательнее без памяти, а значит, без понятия о том, из-за чего

они ссорились прежде. По крайней мере, на какое-то время ссоры отменяются...

Астурас заверил, что это не тот случай. Они с Летайей — новобрачные, и у него еще не накопилось к ней претензий. Послали за противоядием и сподарили Летайе под видом остуженной клубничной «Маргериты» — напиток, от которого не в силах отказаться ни люди, ни боги. В мгновение ока, если не быстрее, память к ней вернулась. Только сразу стало ясно, что произошла ошибка.

— Франклин! — воскликнула она. — Где Франклин?

— Какой Франклин? — пришел в недоумение Астурас.

— Мой муж. Президент Соединенных Штатов.

Так открылась жестокая правда. Летайе дали противоядие, приготовленное персонально для кого-то другого! Теперь ею владели чужие воспоминания, хотя она сама принимала их за собственные. Ей мнилось, что она смертная женщина, которую зовут Элеонора Рузвельт и которую многие люди считают образцом для подражания. Она беспрерывно вспоминала о некоем событии, возможно, воображаемом, — о так называемой Второй мировой войне.

Астурас сумел убедить ее следовать за собой лишь после того, как тоже притворился смертным по имени Уэнделл Уилки, к которому миссис Рузвельт, видимо, питала слабость. И когда он сообщил Летайе, что вынужден покинуть ее снова, она сказала покорно:

— Хорошо, Уэнделл...

Она привыкла к неурядицам, связанным с высокими должностями.

Часть пятая

ГЛАВА 35

В Божьем царстве завелся обычай устраивать ежемесячные празднества в зале под названием «Клостермахер»¹, расположенном в самом центре божеской жилой зоны. Допускались только «свои», только божества, — домашним и природным духам, троллям, призракам, упырям и прочей шушере, пытавшейся подчас прорваться сюда, вход был строго воспрещен.

Скандинавский бог разрушения Локи едва успел взять себе чашу вина с пряностями, как раздался стук в дверь. Поскольку Локи оказался ближе всех, он и открыл. На пороге стоял некто, кого Локи при всем желании признать не мог.

— Чего тебе?

— Мое имя Скаббер, — ответил новоприбывший. — Я только что прибыл...

— Ну и что?

— Хотелось бы участвовать в празднестве. Слышал, что оно открыто для всех богов.

Локи пригляделся внимательнее. Для бога Скаббер был не слишком крупным, не жирным, но и не слишком худым. Вытянутое его лицо отнюдь не отталкивало. У него были курчавые темно-рыжие волосы, торчащие на голове щеткой, и это навело Локи на интересную мысль.

— А ты часом не лисий бог, может статься, японский или китайский? Или бог айнов, коренных жителей Хоккайдо?

Скаббер передернул плечами.

— Все может быть. По правде сказать, не имею представления.

— Но тем не менее ты бог?

— Безусловно.

И Скаббер включил свой нимб. Слабое фиолетовое сияние вокруг головы и плеч удостоверило, что он бессмертен — *sine qua non*² для любого бога.

Локи колебался, не зная, на что решиться. Время от времени в Божьем царстве объявляются новые, никому не ведомые обитатели. Ведь не всем богам выпадает всемирная слава: одни известны лучше, другие хуже, а то и вовсе никому не известны. Попадались и такие, у кого, казалось, вообще не было ни прошлого, ни родни, ни друзей, ни предков или хоть какой-нибудь биографии — ничего, кроме божественности как таковой.

— Подожди минутку, пойду посоветуюсь...

Локи вернулся в пиршественный зал и пересказал другим суть разговора.

— Пусти его, — посоветовал Хральмар. — Если самозванец, это обнаружится само собой, и довольно скоро.

Остальные согласились, и Скаббера впустили. Когда он очутился за длинным божеским столом, большинство сразу же заметило нимб бессмертия, — но, собственно, кроме нимба, замечать было нечего. Скаббер не принимал участия в разговоре, у него не было тотема — ни зверя, ни птицы, ни насекомого, он не рассказывал про «добрые старые деньки», когда боги свободно взаимодействовали с людьми. Земля за столом упоминалась часто, но он, кажется, мало что знал о ней, а впрочем, и обо всем прочем тоже. Боги поневоле недоумевали: «И откуда эдакий тупица выискался?..»

Ближе к десерту и кофе сидевшая рядом с новичком Афина постаралась все же вовлечь его в беседу.

— Расскажи-ка нам, Скаббер, — предложила она, — что-нибудь занятное про то, как ты явился на свет. Я, например, была рождена из головы своего отца. А ты?

Скаббер смутился.

— Честно, не знаю. Просто однажды я проснулся и увидел, что лежу под деревом, взрослый, полностью сформировавшийся и даже одетый — в зеленое и красновато-коричневое.

Афина предприняла еще одну попытку:

— И ты не обнаружил вблизи места рождения никаких предметов — ни священных скарабеев, ни амулетов, ни талисманов?

— Ничегошеньки, — был ответ. — Я, и все. Спустя какое-то время я догадался, что вокруг должны найтись и другие боги, огляделся, порасспрашивал и пришел сюда.

Разговор увял. А затем и празднество подошло к концу, боги разбрелись, и Скаббер тоже потащился неведя куда с растерянным видом, не представляя, что делать дальше.

Позже, при встрече с Артемидой, Афина подытожила:

¹ Смешение английского с немецким. Примерный смысл — «создатель дружеских компаний», «объединитель».

² Непременное, обязательное условие (лат.).

— Он не сверкает остроумием, но, по крайней мере, новый бог отличается прямоотой.

Соглашаться Артемида не спешила:

— А что, если Скаббер настолько глуп, что не в состоянии изобрести убедительную ложь?

Глава 36

Долго ли, коротко ли, Скаббер нашел в Божьем царстве подходящий незанятый участок и возвел скромную хижину в долинке с умеренным климатом. Климат он выбрал для себя сам, однако другими удобствами не озаботился. В последующие недели он держался сам по себе, обособленно и апатично. Но тут с Земли вернулся Листячок, стал хвастаться своими подвигами и вербовать новых соратников, и Скаббер неожиданно для себя заинтересовался.

Они встретились по предварительной договоренности в «Хрустальном корабле», небольшом частном ресторанчике. Там, в отдельной кабинке, над миской божеской похлебки, Листячок стал похвалиться соглашением, которое заключил с Артуром Фенном, первым человеком, вступившим в контакт с Божьим царством за очень-очень долгий срок.

— Не вижу ничего особенного в том, что бог заключил сделку со смертным, — заметил Скаббер. — Это случается регулярно.

— Случалось прежде, — поправил Листячок. — Но с тех пор, как люди выходили с нами на связь в последний раз, миновали века.

— Не знал.

— Люди больше не проявляют интереса к богам, на Земле господствует тенденция к пофигизму. Мы, бывало, делали хороший бизнес, исполняя людские желания, а нынче за человеческие души успешно борются человеческие миссионерские группы.

— Но как тебе удалось убедить этого человека довериться именно тебе?

Листячок расхохотался.

— Не сложнее, чем отобрать конфетку у херувима. Этот Артур Фенн пригласил меня на Землю, не имея ни малейшего представления о возможных последствиях. Мне удалось заключить с ним бессрочное соглашение. Теперь я и мои друзья полу-

чили доступ на Землю и можем делать там, в сущности, все, что нам заблагорассудится.

— Звучит неплохо, — откликнулся Скаббер, а про себя подумал, что Листячок с его самодовольной ухмылкой и уверенностью в своем превосходстве над другими — личность пренеприятная.

— И вот я с приятелями странствую по всей Земле, — продолжал Листячок. — Мы свободны, как ветер. Я основал новую религию, мы вербуем приверженцев обеими руками, и перед нами перспективы, каких не упомнишь за многие века...

— Просто замечательно, — согласился Скаббер.

— Пока что у меня еще найдется местечко-другое для добросовестных богов и богинь. Но помни: я во главе всего предприятия. Если хочешь присоединиться, ты обязан поклясться мне в верности.

— Я еще свяжусь с тобой, — произнес Скаббер и, опустошив свою миску с похлебкой, удалился.

Ушел он в глубокой задумчивости. Ему хотелось чем-нибудь заняться, но он и представить себе не мог, что окажется в подчинении у Листячка. Достоинств у того было ничуть не больше, чем у него самого, у Скаббера, — а Листячок чуть не лопаётся от важности, словно из ничтожного, никому не ведомого божка разом превратился в верховного бога.

Хочет ли он, Скаббер, работать на этого задаваку? Разумеется, нет! А вот Землю увидеть хорошо бы. Что же до Листячка... Нет, не нравится ему этот тип, определенно не нравится. Чем больше Скаббер размышлял, тем глубже убеждался, что чем помогать задаваке, скорее уж он станет вставлять Листячку палки в колеса.

Такая возможность представилась, когда, днем позже, Скаббер увидел записку на божеской доске для объявлений:

«Эдгар Аллан Декстер, человек с планеты Земля, специалист в области отношений между людьми и богами, обладающий должной лицензией, ищет нескольких добрых богов, не возражающих против небольшой драки за правое дело. Интересующиеся могут связаться со мной на постоялом дворе в центре Чистилища».

Скаббер отправился на постоялый двор и был допущен к беседе с Декстером.

Декстер занимал гостиную на втором этаже. Обставлена комната была более чем скудно — пара стульев да стол. Когда Скаббер вошел, Декстер доставал из портфеля какие-то бумаги, а заметив гостя, предложил ему присесть.

— С кем ты собираешься драться? — осведомился Скаббер.

Декстер оглядел его с ног до головы и ответил вопросом на вопрос:

— Ты знаешь про Листячка и его дружков?

— Знаю, и если подразумевается совместная работа с этой бандой, то уж тогда без меня.

— Присаживайся, налей себе стаканчик сомы. Мое предложение касается человека по имени Артур Фенн.

— Листячок как раз про него и говорил.

— Правильно.

— Значит, ты в одной компании с Листячком?

— Нет. Совсем наоборот. Я ишу, как бы побольнее заехать Листячку в морду. Конечно, если ты принадлежишь к числу его приятелей, это тебе не понравится.

Скаббер нацедил стаканчик из графина на столе, сделал большой глоток и ответил:

— Нет, я Листячку не приятель. Что у тебя на уме?

— Листячок, — принялся объяснять Декстер, — обманул моего клиента Артура Фенна. Не имея представления об отношениях между людьми и богами, Артур на Земле спустил Листячка и его дружков с поводка и поставил себя в неприятнейшее положение. Заключил с Листячком сделку хуже некуда. Тем не менее ни один ее пункт не заморожен. Ничто не мешает Артуру или его представителю привести на Землю других богов, если им захочется.

— А зачем это надо?

— Потому что Артуру нужны союзники, а Листячок заслуживает возмездия.

— Возмездия? Тебе хотелось бы вышвырнуть Листячка с Земли?

— Вот именно, — подтвердил Декстер.

— Что я с этого буду иметь?

— Я предлагаю тебе шанс перейти к активной деятельности и хорошенько подраться, а впоследствии стать на Земле одним из почитаемых божеств. В твоих обстоятельствах, я полагаю, это совсем не пустяк.

Скаббер ответил кивком. Торговаться он не умел, заключать хитрые сделки был не мастер, а этот малый, очевидно, сообра-

жал кое-что в богах и в том, как приходить к согласию с ними. И Декстер, конечно, прав в том, что предпринять хоть что-нибудь лучше, чем сидеть сиднем в хижине, гадая, куда бы себя деть. Да и случаем сделать Листячку гадость пренебрегать не стоит.

— Сколько дней ты даешь мне на обдумывание? — осведомился Скаббер.

— Твой ответ мне нужен немедленно.

— Ладно, — сказал Скаббер. — Я отправлюсь на Землю, по-дружусь с вашим Артуром и побью Листячка. Пусть не заносится.

Глава 37

Получив необходимые инструкции, Скаббер отправился на Землю. С помощью карты, которой его снабдил Декстер, он отыскал Флориду без больших затруднений, а затем осталось лишь следовать вдоль шоссе A1A до Таити-Бич.

Добравшись до цели, он расстался с невидимостью и огляделся. То, что он увидел, ему понравилось, в особенности пляж с полосатыми зонтиками и девчонки на пляже, похожие на конфетки. Он бы охотно любовался ими весь день, если бы не неотложное дело.

Он проследовал к коттеджу по адресу Си-Грейп-лейн, 112, засвидетельствовать свое почтение Артуру. Но еще издали приметил перед домом плакат: «НИКАКИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ». Рядом с плакатом в шезлонге лениво развалился молодой человек с ружьем на коленях.

Даже богам не по вкусу получить в брюхо заряд дроби или пулю. Скаббер отвернулся и прошел мимо. Значит, Артура охраняют. Такой вариант предусмотрен не был. Планы нужно менять. Яснее ясного, что Листячок со товарищи просто не пустят Скаббера в дом. По доброй воле — ни за что.

А если не посчитаться с ними? Ведь Декстер в судебном порядке добился постановления, что спальня Артура — его личная территория, неприкосновенная для остальных. Можно бы потолковать с Артуром в спальне — но как туда попасть? Очевидно, только по предварительной договоренности с хозяином. И не менее очевидно, что договориться сию секунду никак нельзя.

Когда боги сталкиваются с необходимостью решить какую-то проблему, они обращаются к оракулу. Со смертными оракулы говорят загадками, но с богами они гораздо более откровенны. В сво-

их собственных интересах — оракулам ли не знать, с какой стороны мажут на хлеб манну небесную?

Скаббер сверился со справочником по земным оракулам. Ближайший из них находился в Мексике, в городке Чичикалько, работал в цирке на репризах. Скаббер перенесся туда при посредстве божественной силы, появился в горах Герреро на закате, за час до представления, и отправился на окраину городка, где поднялись цирковые шатры. Хуан Гарсия, человек-оракул, сидел возле своей палатки на пластиковом ящике из-под молока и поедал из миски что-то сильно перченое. Когда Скаббер внезапно вырос у него перед носом, он даже не испугался, а небрежно прислонился к глиняной стенке и принялся стругать ножичком ближайшую агаву.

— Так чего ты от меня хочешь?

— Я столкнулся вот с каким затруднением... — начал Скаббер, но Хуан Гарсия прервал его:

— Я уже усвоил суть дела, прочитав твои мысли. Слушай, тебе надо написать этому Артуру письмо. Сообщи, что прибыл специально, чтобы помочь ему, и попроси о встрече в спальне. В случае согласия перенесешься туда напрямиком, минуя Листячка и всю его шатию.

— А что, если письмо вскрыет Листячок?

— Сделай пометку «Божеское, конфиденциальное». Оно падет сразу к Артуру на ночной столик.

— Мне это по сердцу, — заявил Скаббер. — Попробую поступить, как ты советуешь.

— С тебя десять золотых монет.

— Расплачусь в следующий раз. Не взял с собой денег.

Гарсия промолчал. Но знал заведомо: бог, не заплативший за услуги оракула, обречен на неудачу.

Глава 38

Через два дня Артур был удивлен не на шутку, когда на его ночном столике откуда ни возьмись появилось письмо.

«Дорогой мистер Фенн! — говорилось в письме. — Мое имя Скаббер, я божество. Ваш агент мистер Декстер рассказал мне о вашем случае и о том, как грубо были нарушены ваши духовные права. Хотел бы заявить вам, что я был бы чрезвычайно рад сражаться на вашей стороне. Меня приводит в бешенство самая мысль о том зле, какое вам причинили. Если желаете узнать

больше, зажгите черную свечу и поставьте ее на окно вашей спальни — я прибуду в одно мгновение».

Возникло множество возражений против того, чтобы приводить новых богов в дом, где их и так было полным-полно. Но, с другой стороны, положение выглядело безвыходным, и не подворачивалось никакой пристойной альтернативы, хоть он и молил об этом судьбу каждую ночь. И до сих пор события никак не свидетельствовали в пользу пассивности. Разумеется, все может и измениться в любой момент. Пассивные натуры никогда не теряют надежды, что мир возьмет да и сотворит для них что-либо приятное.

«Ладно, пусть явится, потолкуем», — подумал Артур.

И почти тотчас же воздух стал сгущаться, и перед Артуром возникла фигура.

Глава 39

Суть разговора со Скаббером свелась к тому, что тот предложил Артуру уничтожить Листячка.

— Меня прислал Декстер, — объявил Скаббер. — Тебе на помощь.

— Чем вы можете помочь?

— Убью Листячка, и все развалится.

— Он не слабак.

— Ну и что? Нападу на него из засады.

— Тогда, думаю, получится. Только, знаете, его сейчас нет во Флориде.

— Нет? Куда ж он отправился?

— В Портленд, штат Орегон.

Скаббер устоял на Артура не мигая. Дело запутывалось все больше и больше.

— Что ему там понадобилось?

— Захотел посмотреть, как местные «Блейзеры» сыграют против «Чикаго Буллс» в финале чемпионата Национальной баскетбольной ассоциации.

— Что еще за финал?

— Популярное спортивное событие.

— А где он там, в Портленде, живет?

— Я слышал от него, что он заказал себе номер в «Марлоу кортс».

— Ну и хорошо. Разреши, я взгляну на карту.

Скаббер вытащил свою карту и развернул таким образом, чтоб обозреть Северную Америку. Сразу же стало очевидно, что Флорида и Орегон весьма отдалены друг от друга, — их можно соединить диагональной линией, а можно и избрать более живописный маршрут с несколькими поворотами.

— Займусь этим маленьким дельцем немедленно, — объявил Скаббер и исчез.

Артур спросил себя, не следовало ли упомянуть, что Листячок взял в спутники парочку других богов. Оставалось надеяться — Скаббер знает, что делает.

Над Америкой Скаббер пронесся высоко и быстро, лишь время от времени снижаясь, чтобы свериться с ориентирами. Скалистые горы удалось опознать без труда. В Калифорнии, близ Сан-Диего, — правый поворот, а затем вдоль побережья на север до бухты Тилламук, еще раз направо, и вот в разрыве облаков показался Портленд. «Роуз гарден» — стадион, где проходили состязания, найти было и вовсе несложно: большинство жителей Портленда были либо на трибунах, либо у входа, где шла оживленная торговля билетами.

Скаббер приземлился, как самолет-невидимка, и выяснил у прохожего, что до отеля «Марлоу кортс» рукой подать. Только клерк в вестибюле сразу же известил, что Листячка нет дома:

— Уехал праздновать победу.

— Какую?

— Может ли быть, что вы не знаете? «Блейзеры» завоевали титул чемпионов НБА, выиграв у «Чикаго Буллс» 102:78. Ну и досталось же этим приезжим!

— А где происходит празднование?

— Сразу за водопадом Малтнома. Продукты от лучших фирм. Жареные молочные поросята, можете себе представить!

— Как туда добраться? У вас есть карта? Благодарю!..

По пути Скаббер обдумал план дальнейших действий.

После пиршества Листячок, надо полагать, впадет в оцепенение, и можно будет напасть на него спящего. Похоже, что устраивать засаду нет нужды. Убить бога, пока тот отсыпается после обильной трапезы, — испытанная тактика, многократно опробованная в божеской книге предательств.

Глава 40

Листячок повеселился на славу. Сперва он нажрался отборных устриц вместе с раковинами, запив их ведрами духовитой похлебки. Затем проглотил здоровенного колумбийского лосося фунтов на двенадцать, проглотил целиком, вместе с головой и внутренностями. За лососем последовало еще ведро похлебки, молочный поросенок, куча жареной картошки, и осталось места едва-едва на три-четыре яблочных пирога. И уж после этого отковылял в сторонку соснуть.

Скаббер включил систему самонаведения ближнего действия и нашел Листячка в сладкой дреме после пиршества, — полупогруженный в реку Колумбия, бог-обжора разбросал руки по ее берегам. Стремясь поскорее покончить с ним, Скаббер выдернул в ближайшем лесу высоченную ель и врезал по Листячку корнями, меж которых застряло немало крупных камней. Удар был смертельный. Вернее, он стал бы смертельным, если бы не тревожный крик, истошный, вибрирующий крик предупреждения, несомненно, исторгнутый божеской глоткой.

Проклятье! Значит, Листячок был здесь не один, а в компании.

Это оказалась Луума — богиня пыток отправилась вместе с Листячком потехи ради и в данный момент расселась на лужайке, поглощая корову цельной тушей, с копытами и рогами, и внушая себе, что это занятный способ напиться молока. Лууме случилось глянуть вверх в нужную секунду и заметить в небе чудовищно распухшую тень Скаббера. Не испусти репоголовая богиня мгновенный вопль, мозги Листячка, каковы бы они ни были, оказались бы разбросаны по всем Каскадным горам.

Однако Листячок, услышав крик, откатился в сторону, и ель опустилась, не причинив ему вреда, правда, обрушив соседний мост вместе с проезжающими по мосту машинами. А сам Листячок нисколько не пострадал и, поднявшись на ноги, поспешил прочь. Скаббер следовал за ним. Достигнув подножия горы Джефферсон, Листячок подхватил скалу размером с пару автомобильных гаражей и могучим взмахом метнул ею в Скаббера. Скаббер увидел снаряд, летящий на него, как экспресс, и пригнулся; скала просвистела у него над головой, перелетела реку Колумбия, врезалась в городок Уайт-Сэмон и расплющила несколько лодочных станций.

Тогда Листячок использовал подступающий грозовой фронт и, позаимствовав накопленное там электричество, направил его

на руки Скаббера, мокрые от вечного орегонского дождя, но уже протянутые к горлу врага. Молнии засверкали, запрыгали по бокам Скаббера, нанесли ему тяжелые ожоги. Теперь он попал в беду.

Его положение еще ухудшилось, когда в бой вступила Луума, сорвав с вершины горы Худ туристскую площадку и швырнув ее в Скаббера, как дротик. Скаббер вновь успел пригнуться, но летевший отдельно бронзовый флюгер пробуровил ему правую ногу. Флюгер Скаббер кое-как выдернул, но, пока он возился, Листячок подобрал моток высоковольтных проводов и опутал его ими с головы до пят.

Скаббер высвободился из проводов, но тут опять подоспела Луума, вырвала полмили железнодорожного пути и, замахнувшись рельсами и шпалами, словно цепом, огрела его сбоку по голове. Скаббер был оглушен, упал, но собирался продолжать борьбу. Однако вдруг ниоткуда явился еще и бог военного предательства Ротте, закадычный приятель Листячка, учуявший запахи драки издали, и, накинувшись на Скаббера, вонзил в него свои длинные клыки.

Обезумев от боли, Скаббер попытался — а Ротте висел на нем, как исполинская пиявка. Тогда Скаббер сменил прежний человеческий облик на облик змеи и стал извиваться и дергаться в попытках стряхнуть Ротте. Листячок с воинственным воплем прыгнул Скабберу на спину и погрузил созданные специально для этой цели когти в божескую кожу по обе стороны хребта.

Скаббер заорал диким криком, расколовшим окна от Портленда до Сейлема, и преобразился в крохотную летучую мышь. Листячок с Ротте потеряли немало драгоценных секунд, высматривая, куда он делся, пока не вмешалась Луума, включившая панорамное микроскопическое зрение. Только так она и засекала Скаббера, улепетывающего с предельной скоростью, какую могли развить кожистые крылья.

Луума, превратившись в сарыча, бросилась в погоню. Скаббер полетел обратно во Флориду, единственное знакомое ему место на Земле, а Луума с Листячком за ним по пятам. Вся троица оставляла за собой инверсионные следы невиданного размера, а сопутствующая звуковая волна прокатилась по диагонали через все Соединенные Штаты.

Скабберу удалось обмануть преследователей, укрывшись в грозовых тучах над округом Дейд. Но тут силы его иссякли — он же был ранен и истекал кровью, — и он жарким факелом упал на землю. Тело, раздувшееся было для боя, в падении стгорело поч-

ти дотла. Не стало ни доспехов, ни оружия, ни поразительной мускулатуры — яростный спуск все это спалил. Продолжайся падение дольше, Скаббер мог бы, пожалуй, сгореть целиком. Такого все-таки не произошло: пылающая атмосфера поглотила мясо и кожные покровы, оставив бесчувственный скелет, разум выкипел из перегретого черепа, а вот кости раскалились докрасна, но не распались — божьи кости не горят.

И на протяжении всего падения костный мозг, хоть и пенился, но по указаниям неразрушимой божеской ДНК воссоздавал нервы, мышцы, кожу, глазные яблоки, ногти и все остальное; скорость восстановления тканей отставала от горения, но ненамного, совсем ненамного; в конце концов Скаббер с оглушительным грохотом упал наземь, но и когда он лежал без чувств, не соображая ровным счетом ничего, процесс восстановления шел своим чередом. И вот фигура вновь стала человекообразной, хоть и тощей, очень-очень тощей. Он был совершенно гол и вне себя от боли, гнева и печали.

А в чем причина, он не знал. К нему вернулось сознание, он был способен видеть и слышать, но не ведал, ни кто он такой, ни что с ним случилось: устройства мозгового авторемонта, сами едва-едва восстановленные, еще трудились над реконструкцией его памяти. И, пока реконструкция не завершилась, он оставался бесчувствен и бессловесен, — ему было ясно лишь, что он ранен и нуждается в помощи.

Вокруг была ночь. Он лежал на пригородной улочке. По обеим ее сторонам стояли дома. Уличные фонари бросали на мостовую лужицы желтого света. Несколько окон тоже еще были освещены. Скаббер с трудом подтащил себя к ближайшему освещенному дому, взобрался на крылечко и, кое-как доковыляв до окна, постучал по стеклу пальцами — они почти отросли, но он все равно сморщился от боли.

К окну подошла женщина, дородная тетка средних лет в халате с цветочками. Бросила взгляд на Скаббера и отшатнулась, заорав:

— Том! Скорее сюда! Здесь у окна мужик, который подглядывает!..

Короткая пауза. Скрежетнул стул, скрипнули петли открываемого шкафа. Кто-то повозился в шкафу, потом захлопнул его. И наконец в гостиную вбежал крупный мужчина того же возраста, что и тетка, в синих джинсах, над которыми нависал животик, и веселой футболке. А в руках у него была бейсбольная бита.

— Где этот сукин сын?

— На крыльце. Осторожнее, Том!..

Том распахнул дверь и вышел, замахиваясь на ходу. Скаббер, распластавшись на животе, выглядел, словно его пожевала кошка. Он умоляюще поднял руку и выдохнул:

— Помогите...

— Ну уж я тебе помогу так помогу, — рявкнул Том и с силой опустил биту на голову Скаббера.

Голова шмякнулась о крыльцо, отскочила, упала снова — двойной удар опять отключил сознание. Том отступил, замахнулся повторно.

— Том, не надо!..

— Почему, черт побери?

— Ты же знаешь, каковы эти уголовники! Еще подаст на тебя в суд...

Том остановил замах.

— Да, они такие, сволочи. Позвони в полицию. Но если этот тип пошевелит хоть пальцем, я его так огрею, что ему придется держать ответ на небесах!

Хозяйка дома удалась. ДНК в теле Скаббера забурлила, затеяв новый ремонт поврежденного мозга. К прибытию полиции он оправился достаточно для того, чтоб исчезнуть куда угодно, лишь бы подальше от места происшествия.

Скаббер никогда не воображал себя глубоким мыслителем, а в настоящий момент был еще в серьезной беде, — мозг все еще чинил себя и вследствие этого насылал на него вспышками образы сомнительного характера. И все же он не мог не сообразить, что для достижения поставленной цели надо придумать что-нибудь свеженькое. Что бы это могло быть? Наверное, он сумеет изобрести что-то, как только пройдет головная боль.

Глава 41

Когда Скаббер, покинув Землю, вновь объявился в Божьем царстве, у него все болело и ныло. Впрочем, физическая боль вскоре утихла: боги поправляются быстро и даже, как уже отмечено, воссоздают себя в случае гибели. Поражение не привело к особым телесным страданиям, зато умственные, моральные муки были неописуемы. Как гнусно выли и хохотали Листячок и присные, выгоняя его с Земли! Вой и хохот до сих пор отдавались в ушах.

Соглашение с Декстером теперь можно было считать недей-

ствительным: Скаббер пытался сдержать слово, но был побежден. Теперь играло роль лишь то, что он сам не желал признать проигрыш и жаждал целиком и полностью посвятить себя возмездью.

Он опросил младших богов, но не нашел среди них желающих стать под его знамена и примкнуть к войне. Боги в большинстве своем ленивы и, если не подстегнуты сильными эмоциями, такими, как похоть, голод или зависть, склонны возлележивать, предаваясь эстетическому созерцанию. Ни один бог, ни одна богиня не захотели выступить на стороне Скаббера.

Казалось бы, тут затее и конец. Однако Скаббер оказался достаточно смел и достаточно возбужден, чтоб обратиться с петицией к верховным богам. Тоже без толку: те посмеялись над ним, заявив, что не намерены лезть не в свое дело и что им, собственно, все равно, кто ломает себе шею, Скаббер или Листячок. Отношение верховных богов к богам низшим никогда нельзя было назвать любовным.

Скаббера загнали в угол, но жажда мести пылала в нем неугасимым пожаром. И он пошел на беспрецедентный для себя шаг — решил посоветоваться с мудрым человеком. Да, представьте: попав в трудное положение, боги не гнушаются людскими советами. Возникла проблема у человека — он обращается к богу. И напротив, бог, попавший в беду, адресуется к человеку. От века повелось, что другому приписываешь мудрость, которой сам не обладаешь. И так уж странно Вселенная, что другой действительно частенько оказывается в состоянии посоветовать вопрошающему, каким путем идти.

Но где найти мудрого человека? Имена мудрецов не указаны в справочниках, их не сыщешь в телефонной книге. Да и не смел он возвращаться на Землю один, без союзников. Мелькнула мысль об агенте Декстере, который вроде бы соображал кое в чем, но от подобного шага Скаббер решил воздержаться, убоявшись, что агент зол на него за недавнее поражение.

С кем еще Скаббер знаком на Земле? Только с Артуром. Правда, неизвестно, принадлежит Артур к мудрецам или не принадлежит, — с равным успехом можно предположить и то и другое. Однако Артур — единственный, кому удалось вступить в прямой контакт с богами за многие сотни лет, и это, пожалуй, свидетельствует о мудрости.

Скаббер пришел к выводу, что попытка не пытка. Но встречаться с Артуром лично не посмел — слишком рискованно. Вместо этого он явился Артуру во сне, приняв облик маленького

пушистого зверька, похожего не то на кота, не то на пса, не то на обоих разом. Сон и есть сон, так что точного сходства с кем-либо от Скаббера не требовалось.

Разумеется, боги изначально способны проникать в человеческие сны, хотя пользуются такой возможностью редко: разговаривать со спящими, по их мнению, очень скучно. Но в данном случае, раз уж Скаббер решил проконсультироваться, выбора не было, и он ловко пролез в сон Артура.

В эту конкретную ночь Артуру снились Лапландия и эскимосы, и в их компанию каким-то образом затесался еще и кенгуру. Артур стал объяснять кенгуру, что тот запрыгнул на чужой континент и надо бы собираться домой, когда в сон весело вошел Скаббер — котопес, не то песокот — и спросил:

— Коли ты раздаешь советы, может, не откажешься помочь и мне?

— Конечно, помогу, — бодро отозвался Артур. — Что тебе надо?

— Никак не могу отыскать свой дом, — произнес Скаббер, как он надеялся, жалобно-жалобно. — Может, подскажешь, где искать?

— Ты повсюду побывал?

— Смотрел по всей Земле. Тут его нет.

— А искал ли ты на небесах?

— Я заглядывал и в царство богов, — ответил Скаббер, — но того, что я ищу, нет и там.

— Кажется, ты действительно исчерпал все возможности.

— Мне тоже так кажется. Есть еще какие-нибудь идеи?

— Конечно, есть. Все, в сущности, просто. Если того, что ты ищешь, нет ни у людей, ни у богов, ищи у инопланетян.

— У инопланетян? Каких инопланетян?

— Не знаю. Уж это тебе придется выяснить самому.

— Инопланетяне, — пробормотал Скаббер. — Свежая мысль! А ты случайно не знаешь, где их, инопланетян, найти?

— Точно не знаю, — отвечал Артур. — Но, наверное, это не слишком сложно. Ступай поищи место, населенное разумными существами, но не богами и не людьми. Готов спорить, что они окажутся инопланетянами.

— Ей-ей, это решение! — воскликнул Скаббер. — Очень очень благодарен!

— Ничего особенного, — отозвался Артур и вернулся к сну про Лапландию.

Сон принимал разные обороты, включающие гонку экипа-

жей, запряженных мышами, прекрасную женщину, весьма похожую на Мими, саксофон и парочку других тем. К минуте пробуждения он мог вспомнить только женщину и саксофон. Скаббер в облике котопса начисто вылетел из памяти. Чего сам Скаббер и добивался.

Глава 42

Скаббер отправился в неисследованную область Божьего царства, где не проживало ни одно из известных божеств. С удовлетворением он отметил яркие краски, ужасную жару и странно нечеткие контуры, казалось бы, обычных объектов, таких, как муравейники и степные собачки. Все это были неоспоримые признаки того, что в этой части Божьего царства обитает инопланетный бог. Даже посвист ветра в деревьях, перевернутых вверх ногами, был иным.

И тут он отыскал бога-отшельника, одинокое божество, живущее по-холостяцки в этом диком заброшенном краю. Божество выставило плакат:

«Посетителей не принимаю. Держитесь подальше. Все, и вы в том числе. Берегитесь чудовищ. Опасные чары поджидают вас на боевом взводе и без привязи. Чары, способные вас погубить. Если так, на помощь не рассчитывайте. И не вздумайте хныкать — вас честно предупредили».

Плакат сильно обескураживал, с одной стороны, но и серьезно привлекал, с другой, поскольку доказывал, что Скаббер таки достиг района заведомо непривычного, где, возможно, удастся последовать совету пророка Артура. И Скаббер двинулся дальше, настороженно выглядывая, не объявятся ли чудовища и чары. Встретился один-единственный ворон, сидящий на горелом дереве и каркающий хриплым, дрожащим голосом, угрожая всем вокруг карами страшного суда. Скаббер прошел мимо, стараясь держаться подальше от острого клюва.

Спустя определенное время он добрался до очередного плаката: «Инопланетные зыбучие пески самого коварного свойства — вас снова предупредили!» Он обогнул пески и вышел к стелющимся скалам — инопланетной конструкции, как бы выхваченной из сердцевины классической мифологии: скалы по необъяснимым причинам то и дело сближались и с оглушительным грохотом стучались друг о друга. Но обойти их было тоже нетрудно.

Дальше его ждала формация типа Сциллы и Харибды —

опять-таки инопланетное сооружение, возведенное в разряд классических поколениями бессовестных мифотворцев. К счастью, над Сциллой и Харибдой был навешен цепной мост, дряхлый и шатучий, но Скаббер благополучно одолел его.

А затем Скаббер приблизился к небольшой горке с пещерой в середине. Он чуть было не прошел мимо, однако заметил висящую на дереве возле пещеры медвежью шкуру. Присмотревшись, он понял, что шкура выделана наподобие плаща. Ее вид свидетельствовал: кто-то живет совсем близко. Скаббер крикнул в пещеру:

— Есть тут кто-нибудь?

Изнутри отозвался голос:

— Никого нет! Убирайся прочь!

— Но я же знаю, что ты там!..

Послышалось шарканье, и из пещеры, волоча ноги, вылез бог-карлик, неопишимо уродливый. Большую часть его лица закрывала растрепанная борода.

— Откуда ты взялся? — осведомился бог-карлик.

— Из других районов Божьего царства. Мне надо с тобой поговорить.

— Ты что, не видел плакатов-предостережений?

— Видел, но подумал, что ко мне они, быть может, и не относятся.

— Как ты преодолел зыбучие пески?

— Обогнул их, вот и все.

— Ведь говорил же я себе, что надо бы протянуть их пошире! — пробурчал бог-карлик. — И сталкивающиеся скалы тебя, очевидно, тоже не остановили.

— Уж их-то обойти было проще простого.

— Посмотрел бы ты на них, когда я их поставил! Тогда они были легче и гибче, зато и стремительнее. Они растерли бы тебя в пюре.

— Наверное, это было давным-давно, — заметил Скаббер.

— Да, наверное, — согласился бог-карлик. — Сюда никто не заглядывает, вот я и впал в небрежность.

— Значит, мне повезло.

— Можешь считать и так. Но раз ты здесь, чего тебе от меня надо?

— Чтобы ты рассказал мне об инопланетянах.

— Я сам инопланетянин.

— Это яснее ясного. Однако ты инопланетный бог, а меня интересуют смертные.

— Откуда ты взял, что я знаю хоть что-нибудь о смертных инопланетянах?

— Интуиция подсказывает. А также тот факт, что ты говоришь по-божески с акцентом.

— Столько лет прошло, а акцент не исчез! — посетовал карлик. — Ладно, сынок, раз уж ты все равно здесь, пожалуй, лучше с тобой потолковать, хотя бы для того, чтоб от тебя избавиться. Заходи в пещеру, выпьем контрабандной сомы — она лучше, чем все, что тебе доводилось пробовать в родных местах.

Скаббер последовал за богом-карликом в пещеру. Сначала проход казался узковат, но через два-три десятка ярдов вывел в помещение приличных размеров. В сводчатой комнате стояли несколько кресел; карлик жестом предложил Скабберу сесть в одно из них.

— Неплохая у тебя обстановка, — сказал Скаббер, разглядывая драпировки на стенах, несомненно инопланетные, но приятные на вид.

— Если я живу один, это еще не значит, что я должен жить как свинья.

Подойдя к каменной полке, карлик снял с нее каменный кувшин. Наполнив две каменные чаши, он подал одну из них Скабберу и провозгласил:

— За гибель наших врагов!

Боги чокнулись и выпили. Скаббер похвалил:

— Сомы хорошая...

— Конечно, хорошая. Это инопланетная сома домашней возгонки. В твоём душном, перенаселённом царстве ораторов такой нипочем не достанешь.

Минут пять они молчали, прихлебывая и смакуя. Наконец Скаббер повторил свою просьбу:

— Расскажи мне об инопланетянах...

— Да не о чем особо рассказывать. Свора неблагодарных ублюдков, в точности как люди. Столетия я служил им верой и правдой, а чем они мне отплатили? Вышвырнули, как старую тряпку, вот и вся благодарность. Честно говоря, можешь забрать их себе, меня это не заденет.

— Люди ничуть не лучше, — изрек Скаббер.

— Догадываюсь. Если по правде, ни в грош не ставлю ни одно живое разумное создание, ни людей, ни инопланетян, ни кого бы то ни было другого.

— А что, есть еще и другие?

— Откуда мне знать? Я не интеллектуал. Когда меня вы-

швырнули, я отправился сюда. Божье царство слеplено кое-как, но здесь, по крайней мере, богов попусту не беспокоят. Как правило...

— Извини, что я побеспокоил, — поспешил вставить Скаббер.

Бог-карлик пожал плечами.

— Извинения не сдвинут скуютема с фарашайна.

— Не понял...

— Давняя инопланетная поговорка. Непереводимая.

Опять воцарилось молчание на несколько минут. Потом Скаббер спросил:

— А на каком языке эти инопланетяне общаются между собой?

Бог-карлик чуть не испепелил его взглядом.

— На протопланетном, разумеется. На каком же еще?

— Ну ясно, ясно. А можешь ты подсказать, где мне их найти?

— Конечно же, на одной из их инопланетных планет. Где же еще?

— На какой именно?

— Инопланетные планеты найти несложно, — ответил бог-карлик. — Они вращаются вокруг инопланетных звезд. Или лучше сказать — обращаются? Никак не усвою разницы.

— Вокруг каких звезд, например?

— Сынок, ты, видимо, необычайно глуп. Инопланетные звезды найти легко. Они носят инопланетные имена.

— Например?

— Бетельгейзе. Уж инопланетнее ничего не придумаешь.

— Не назовешь ли еще какую-нибудь?

— Алгол.

— А Канопус?

И вновь бог-карлик послал Скабберу испепеляющий взгляд.

— Что ты нашел инопланетного в названии Канопус? Не морочь мне голову!

— Ничего подобного я не делал. Бетельгейзе и Канопус. Для начала, наверное, сойдет.

— Зачем тебе понадобилось говорить с инопланетянами? — осведомился бог-карлик.

— У меня возникли идеи, которые можно бы на них опробовать, — ответил Скаббер уклончиво.

— Валяй. Только не забудь старую пословицу: когда обращаешься к чужим богам, не оставляй дома свой стриадус.

— Что такое стриадус?

— По-моему, вопросов было более чем достаточно, — отрезал карлик. — Не собираюсь читать тебе курс лекций об инопланетянах. Если справишься с выпивкой, окажи мне честь убраться отсюда ко всем чертям.

— Иду, уже иду, — откликнулся Скаббер, приканчивая питье и опуская каменную чашу на каменный кофейный столик. — Спасибо за помощь. Меня, между прочим, зовут Скаббер. Я вроде бы не разобрал твоего имени.

— Меня называют бог-карлик, — ответил бог-карлик. — На обратном пути не попадись в ловушку Тантала.

— Буду осторожен, — заверил Скаббер. — Хорошо, что ты меня предупредил.

— К чему мне слушать твои вопли! — был ответ.

Глава 43

Скаббер навел справки и выяснил, что у звезды Алгол есть по меньшей мере одна планета с инопланетянами. Может, и больше, но одна — наверняка.

Туда он и отправился. И первое, что ему бросилось в глаза на Алголе-IV, — невысокие деревья с густой листвой и серо-коричневой корой. Они выглядели совсем не странно, и это было к лучшему: он же не знал заранее, до какой степени планета окажется чуждой. Ему доставило радость открытие, что деревья здесь похожи на деревья других мест, и, проходя мимо, он погладил одно из них. Дерево вздрогнуло и издало рыгающий звук. Скаббер замер, посмотрел на дерево пристально и спросил:

— Это еще что такое?

— Прошу прощения, — ответило дерево. — Я недавно пообедал.

Скаббер не удостоил ответ вниманием. Может, планета более инопланетная, чем подумалось поначалу, — ну и что? Не с деревьями же ему иметь дело! Немного дальше он обнаружил узкую мощеную дорогу — она пересекала луговину и взбиралась на холм — и пошел по ней.

День был прекрасный. В тусклом предвечернем небе различались разом и солнце Алгола-IV, Алгол-0, и маленький темный спутник солнца Алгол 0/1. Дул легкий ветерок. Почему-то в воздухе висело множество багровых точек — скорее всего следствие атмосферной дифракции, в свою очередь вызванной переизбытком багровых тонов в лучах темного спутника.

За холмом распластался жалкий инопланетный город с чер-

ными светильниками на высоких столбах в форме буквы W. В их свечении можно было ясно различить контуры обитателей. Скаббер затеял разговор с одним из них, по имени Йабир.

— Расскажи мне, — попросил инопланетянин по имени Йабир, — зачем ты пожаловал на нашу планету?

— По-моему, это свободная галактика, — изрек Скаббер, — и я вправе путешествовать где захочу.

— Я не хотел бросать тебе вызов, — ответил Йабир, сразу распознавший в Скаббере бога, а потому возжелавший спасения души.

— А чего же ты хотел?

— Просто хотел выяснить, преследует ли твой визит какую-то конкретную цель.

— Ну разумеется, — отозвался Скаббер. — Я же бог. А значит, всегда действую с осознанной целью.

— Так я и думал. Что ты бог, я понял с первого взгляда.

— Как это может быть?

— Мы, инопланетяне, способны ощутить присутствие бога в одно мгновение. И какая же причина привела тебя сюда?

— Сперва разреши задать вопрос тебе. Нет ли у вас, ребята, древнего мифа про бога, который является к вам с посулами славы и отмщения за пережитые вами некогда бедствия?

— Раз уж ты напомнил, то да, есть такой миф.

— Так я и думал.

— Зачем ты спросил об этом?

— Потому что у меня для вас есть кое-какие новости. Веди меня туда, где я мог бы поговорить с народом.

— Затевается что-то грандиозное, — пробормотал Йабир. И к Скабберу: — Следуй за мной.

Он повел Скаббера на Великую Площадь Возвращений Древних Из Снов, где вновь объявившиеся боги чувствуют себя, как правило, лучше всего.

Часть шестая

Глава 44

Скаббер сделал ряд интересных открытий касательно инопланетян на Алголе IV-Б.

Прежде всего, у этих инопланетян были четыре конечности, в том числе две ноги, — форма, какую природа предопределила для всех разумных существ. Впрочем, нет, не для всех. У иных инопланетян было по две руки и по четыре ноги — они составляли активную часть местных вооруженных сил. А были и вовсе ни на что привычное не похожие. Например, инопланетяне, от которых остались одни головы, напоминающие огромные бесформенные тыквы. Эти вообще не могли передвигаться, а росли, как растения, и получали питание из почвы. Что не мешало им оставаться потребителями животной пищи — для интеллектуального развития она, притом прошедшая кулинарную обработку, была им даже необходима.

Интересный вопрос: как они обходились, если на протяжении поколений вокруг не было никого, кто мог бы готовить для них еду? Очевидно, эволюция в данном случае двигалась от будущего к прошлому, только рассчитала неточно, и многие поколения тыквоголовых были обречены жить и умирать без настоящей животной пищи, столь нужной им для полноценного умственного развития.

Однако спустя некоторое время они все же стали получать помощь от двуногих инопланетян, появившихся независимо. Двуногие, в общем, походили на людей почти во всех отношениях, но их религия включала в себя поклонение тыквоголовым. В поисках тыквоголовых они облазили всю планету, только поиски долго не приводили к успеху, поскольку те укрывались в гротах, а двуногие даже не заглядывали в гроты из врожденной боязни попасть в глубокую тень.

Таким образом, эволюция инопланетных рас зашла бы в тупик, если бы не явился провидец, призвавший преодолеть вековые табу и поискать именно в гротах. Там-то они и обнаружили тех, чья жизнь раньше текла независимо от их собственной.

Первая встреча двух рас запечатлена в священных манускриптах.

— Привет! — воскликнули двуногие. — Значит, вы и есть наши великие?

— Имеем удовольствие быть таковыми, — отвечали тикво-головые. — Долго-долго мы обитали в покое, поджидая вашего появления. Ныне, когда вы нашли нас, будет справедливо, если мы вас полностью поработим и вы станете обслуживать нас с утра до вечера, во имя вящей славы всех инопланетян.

— Слушайте, слушайте! — возгласили двуногие. — Наконец-то мы, как раса, обрели цель. Порабощение — сущая ерунда, если оно влечет за собой подобную радость...

Так произошло первичное сближение двух основных рас инопланетян — Голов и Конечностей, как они сами себя прозвали. Головы не теряя времени продиктовали диету, требуемую для их интеллектуального развития, а Конечности знай себе торговались тем, что поработены ради высшего блага.

Была создана база для общественной деятельности, и это облегчило обнаружение иных форм инопланетной жизни по мере того, как эволюция удосуживалась их создавать. Новые формы появлялись то на горных вершинах, то в глубинах океана, то в самых неожиданных местах, например, в сердцевине больших орехов определенного сорта или в кронах деревьев лиственных пород.

Все были очень довольны степенью специализации, какую демонстрировали новые формы: возможность появления универсального существа, такого, как человек, представлялась инопланетянам кошмаром. Подобное существо казалось им сущим извращением разумных и достойных принципов эволюции.

К несчастью, с точки зрения инопланетян, люди были столь глупы, что и не догадывались о своей извращенности. Они вообще с величайшей легкостью впадали в противоречия со здравым смыслом: только-только вы подумали, что какой-то человек или нация у вас под каблуком (инопланетяне даже отрасли специальные каблуки для этой цели), как дуралеи выбрасывают из головы свои клятвы и обязательства и принимаются убивать вас лишь потому, что вы от них отличаетесь.

Это, конечно, иррациональное поведение, и инопланетяне просто не ведали, как быть, пока не явился Скаббер и не выдвинул идею крестового похода. Идея показалась инопланетянам давно назревшей, и они с энтузиазмом кинулись строить космический флот и творить формы жизни, способные внушить людям непреодолимый ужас. Работа доставляла им радость, поскольку они обнаружили, что внушать ужас очень даже приятно.

Глава 45

А на Земле, на вечеринке у Артура, вскоре после того, как Астурас, Ариман и Купидон отбыли восвояси, Меллисента ощутила острый укол в спину. С желанием почесаться она совлала — она же была воспитанной богиней, не то что некоторые потаскушки, не стоит их поминать. Рядом стоял Артур. Она скосила на него глаза и, странно, вдруг поняла, как он привлекателен, — а ведь минуту назад она бы не удостоила его повторным взглядом. Даже его сутулость, отталкивавшая ее поначалу, теперь показалась замечательно мальчишеской и обаятельной. Испуганное выражение лица, какое вроде бы не пристало ни богу, ни смертному, внезапно представилось воплощением красоты, кокетством фавна, осознавшего свою мужскую силу и отбросившего лукавство, дабы впечатлительная женщина...

Собрав всю волю, она остановила непрошенный поток мыслей. «Да черт побери, — сказала она себе, — это не я думаю! Кто-то пролез ко мне в голову и думает за меня...»

С тем она и убежала. Извинилась, отправилась в ванную и, заперев дверь, включила в мозг самозащитную автоаналитическую систему, которой боги и богини наделяются еще до рождения и которая всегда рада помочь им вернуться на уготованный им путь, не отвлекаясь на скоротечные завихрения любви и ненависти.

— Самозащитная автоаналитическая система включена.

— Произошла внезапная смена чувств как по направленности, так и по интенсивности. Можешь ты определить, не вселился ли кто-то другой в мой мозг?

— Нет, — сообщило устройство. — Это твои собственные чувства.

— Но как это может быть? Что могло случиться буквально за одно мгновение?

— Тебя поразила стрела Купидона, вот и все.

— О нет! — вскричала Меллисента. — Только не этот проклятый Купидон!

— Он самый.

— И только не любовью!

— Ты влюбилась, — ответила система. — Любовь и погода, такова уж природа...

Она выключила систему. Для банальностей сейчас не время.

Ну уж то, что она влюбилась, было наихудшей новостью из всех возможных. Надо же, какое невезение! У нее были четкие планы, она собиралась учиться танцу под руководством одной из граций, может быть, стать ее помощницей, выступить в роли Музы. Теперь этим планам крышка. Она влюбилась в человека, в глупого человека! Это похуже, чем забеременеть. По крайней мере, беременность принесет тебе ребенка. А влюбленность не обещает ничего, кроме крушения предшествующих надежд и планов.

Нет, она не намеревалась принять подобную участь покорно. Прежде всего надлежало выбраться отсюда, чтоб одолеть искушение схватить Артура и задушить поцелуями, невзирая на презрение к нему, — уж такая странная штука любовь.

Влюбиться против собственной воли, да еще в человека! Тут безусловно следует что-то предпринять. Раненое божество инстинктивно ищет излечения; поражение любовью ничем не лучше любой другой напасти.

Меллисента отправилась во ВКУНС.

Давным-давно обнаружилось, что боги чрезмерно подвержены внезапным порывам. Замечательно разглагольствовать о божеских причудах и капризах. Но каждому понятно, что боги славны своим спокойствием, а вовсе не склонностью к поведению, какое даже люди не склонны признавать естественным. Сколько бы высококлассные бабники, как, например, Зевс, ни уверяли, что их амурные похождения — часть их божественной природы, однако в сердце, в глубине души, там, где совершаются подлинные оценки поступков и мыслей, они и сами прекрасно понимают, в чем тут соль.

Одно из важнейших различий между богами и людьми состоит в том, что люди разобщены и обречены полагаться лишь на собственные силы, а боги создали для себя программу поддержки. Если бог вдруг столкнулся с трудностями психологического свойства, он знает, что делать, — надо обратиться в Высшую Консультацию по Устранению Нежелательных Странностей. Во ВКУНС.

Что и сделала Меллисента, как только поняла, что Купидон подцепил ее на крючок. Она извинилась перед гостями — ей хотелось уйти красиво. А Артуру сказала:

— Слушай, было мило с тобой познакомиться. Но мне надо идти. Загляну к тебе как-нибудь еще, ладно?

— Конечно, — промямлил Артур.

Выбежав из коттеджа, Меллисента нажала кнопку «6» на ручной клавиатуре, заgrimированной под браслет, и мгновенно перенеслась в Починочный ряд, как его называли в просторечии.

Это была длинная грязная улица где-то в пределах Божьего царства, и никто никогда не предпринимал попыток ее обустроить и принарядить. Богам и богиням, которые попадали сюда, было не до архитектуры и убранства интерьеров. Соответственно Улицу Обновленных Мечтаний — более официальное название — с незапамятных времен даже не подметали. В сточных канавах громоздился мусор, а витрины выглядели так, словно здесь пронеслась пыльная буря. Осветительные фонари мигали, бросая тусклые оранжевые блики на все вокруг и превращая прохожих в призраки. Это была серьезная улица, не скрывающая своей серьезности.

Меллисента направилась напрямик в главную контору ВКУНС. Там даже витрины не было, только вывеска и стрелка, указывающая вверх. Преодолев три лестничных марша, подошла к двери, толкнула ее и очутилась в небольшой приемной, по углам которой стояли столики с наваленными на них журналами. И никого, кроме регистраторши, крупной суровой дамы с пучком на затылке.

— Чем можем помочь? — осведомилась дама.

— Меня поразила стрела Купидона, — пожаловалась Меллисента.

— Давно ли?

— Вероятно, меньше часа назад. Я прибыла сюда так быстро, как только смогла.

— Быстрота в таких делах существенна, — одобительно произнесла регистраторша и, нажав кнопку на пульте, пригласила: — Проходите.

Она провела Меллисенту в соседнюю комнату, где стояла каталка на колесиках, и предложила лечь. Открылась другая дверь, и вошел высокий молодой бог при бородке, в длинном белом халате и с зеркальцем на лбу.

— Ужалена любовной стрелой, — пояснила регистраторша.

Доктор кивнул. Он постарался сохранить невозмутимость, но по складкам, побеговшим над бровями, Меллисента могла догадаться, что он воспринял случай как серьезный. Достав из

кармана какой-то инструмент, доктор настроил индикатор и оплел запястье Меллисенты эластичной лентой.

— Ты что, будешь измерять мне кровяное давление?

— Нет. Это анализатор, проверяющий субстраты твоей крови и устраняющий их в случае нужды. Надеюсь, еще не поздно.

— Я прибыла сюда сразу, как только смогла.

Доктор пожал плечами.

— Скорее всего ты прибыла, как только тебе это представилось возможным, что далеко не одно и то же. Сперва ты извинилась перед друзьями или перед теми, кто был рядом, потом еще задержалась подправить макияж, а может, даже сделать звоночек-другой.

— Никаких звоночков, — заверила Меллисента. — Сразу сюда. Хотя я и не знала, что надо так спешить.

— Если бы ты видела столько чувственных отравлений, сколько я, ты прилетела бы сюда быстрее пули. — Он снял эластичную ленту, взгляделся в индикатор, нахмурился. — Да, ты отравлена, двух мнений быть не может. Но давай все-таки удостоверимся. О чем ты думаешь сейчас в первую очередь?

— Об Артуре Фенне.

— Это тот, на кого направлена твоя любовь?

— Да.

— Мне неизвестен бог под таким именем.

— Он не бог, он смертный.

— Проклятье! Тогда это более чем серьезно. Поллюбить смертного для богини — сущее наказание.

— А то я не знаю! Можете вы мне помочь?

— Для того чтобы нейтрализовать яд косоглазием либо заиканием, слишком поздно. Отравлены все органы. Придется прибегнуть к замещению подсознания.

Доктор шелкнул пальцами. Из скрытых динамиков полилась старая земная песня «Это не любовь — мне слишком хорошо». Губительно назойливая музыка обрушивалась на Меллисенту, а регистраторша все наращивала и наращивала мощность. Одна из стен врачебного кабинета исчезла, на ее месте возникла обширная сцена с мерцающими огнями рампы. На сцену вышла группа танцоров и начала Танец здравого рассудка. Их выверенные, размеренные шаги сопровождалась световыми проекциями кубистских картин. Меллисента ощутила, как ее втягивает в танец. Почти помимо воли ноги приняли ритм, руки грациозно взвились над головой, и она закружилась вместе со всеми.

Доктор стоял у пульта, нажимая кнопки. На его лице засты-

ло выражение высшей сосредоточенности. Не отдавая себе в том отчета, он даже закурил сигарету — она как бы подчеркивала важность того, что он делает. Регистраторша послала ему восхищенный взгляд, но встречный взгляд был предостерегающим, и она вновь напустила на себя безразличие. Ни на миг нельзя было допустить даже легкого намека на чувство, от которого они старались извлечь пациентку.

Музыка достигла предельной силы. Меллисента кружилась, приседала и распрямлялась, замороженная движением. Регистраторша шепнула доктору:

— По-моему, получается...

— По-моему, тоже, — ответил он шепотом на шепот. — Если сумеем вывести ее отсюда, не допустив напоминаний о том, от чего хотим извлечь, все кончится хорошо.

— Если кто-нибудь способен на это, то только ты, — выдохнула регистраторша.

— Держи себя в руках, — оборвал ее доктор.

Вновь сосредоточившись на кнопках, он умело довел предельный звук до душераздирающего, одновременно усиливая световые эффекты, а затем внезапно оборвал. Наступила злоеющая тишина. Меллисента замерла на полушаге, огляделась озадаченно и спросила вслух:

— А что это я здесь делаю?

Припрытав улыбку торжества, регистраторша дала стандартный ответ:

— Вы пришли сюда за покупками, дорогая. Вы что-нибудь уже выбрали?

Поиграв кнопками на пульте, доктор превратил операционную в модный магазин. Вокруг появились вешалки с платьями, витрины с ювелирными изделиями и драгоценностями, стойки с обувью и даже отдельный прилавок с купальниками. Меллисента двинулась по проходам, поглядывая туда и сюда, поневоле недоумевая, отчего весь обслуживающий персонал носит белые халаты и зеркала на лбу. Регистраторша разгадала ее недоумение, сердито глянула на доктора, который, очевидно, снебрежничал при настройке, и пояснила:

— Новейшая форма. Напоминает о Фрейде. Пикантно, не правда ли?

— Наверное, — откликнулась Меллисента рассеянно. — Честно сказать, я не вижу здесь ничего, что мне хотелось бы купить.

Она направилась к выходу, и оба, доктор и регистраторша,

затаили дыхание. Если она покинет это заведение, не восстановив памяти, у нее появятся хорошие шансы избавиться от непрошенной любви раз и навсегда.

— Ну, я пошла, — сказала Меллисента.

И тут, у самой двери, ее внимание привлек очередной стенд с драгоценностями. Ничего выдающегося, хотя искусство ювелиров не оставляло желать лучшего. Взгляд выхватил один предмет — кулон из серебра на изящной серебряной цепочке.

— Вот милая вещица, — произнесла она, вытаскивая кулон и поднося его к свету.

— Как эта штука сюда попала? — рявкнул доктор шепотом.

— А я откуда знаю? — шепнула регистраторша не менее резко.

Приглушенный шелчок — Меллисента раскрыла кулон. Внутри оказалась фотография мужчины с выступающей челюстью, маленькими полуопущенными глазами и неискоренимой печатью бесхарактерности на лице.

— О, Артур! — воскликнула она. — Как я могла забыть!

— Не повезло, — констатировал доктор. — Меллисента, боюсь, что мы больше ничего не можем для тебя сделать.

— Видно, так, — произнесла Меллисента безнадежным тоном. — Спасибо, что хоть попробовали помочь.

С чем и удалилась. Доктор напустился на регистраторшу:

— Хочу выяснить, кто положил туда этот кулон. И кто сунул в него фотографию...

— Займусь этим немедленно, — заверила регистраторша.

Но отгадки никто так и не узнал. Да если бы и узнали, Меллисента от того было бы ни холодно, ни жарко. Даже боги, увы, подвержены необъяснимым аномалиям.

Глава 46

Скаббер был вне себя от радости, когда, осмотревшись, увидел плотные ряды инопланетян, пришедших приветствовать заезжего бога. На огромном пространстве в центре главного города, известном под названием Запретной площади, их собрались десятки и сотни тысяч, и число быстро возрастало до миллионов.

Площадь, каждая сторона которой тянулась миль на двенадцать, была оснащена громкоговорителями на высоких мачтах, укутанными в почти неразрушимый прозрачный пластик с дырочками для вентиляции. Инопланетянин по имени Ксозе пояс-

нил, что пластик защищал громкоговорители от стихий в течение неисчислимых лет и веков, пока они висели без употребления.

— Без употребления? — переспросил Скаббер. — Неужели их совсем не использовали?

— Да, вот именно.

— Не понимаю.

— Все достаточно просто. Великая Запретная площадь — одно из древнейших сооружений нашей цивилизации, восходящее к временам, которых никто из инопланетян и не помнит. Площадь благоговейно охраняли, вход сюда был воспрещен, а тех, кто по безрассудству пренебрегал запретом и вторгался в священные пределы, ждало суровое наказание.

— Вы что, даже громкоговорители не проверяли?

— Нет, не проверяли. Предки работали на совесть, и у нас не возникало сомнений, что, когда пробьет час, все окажется в полном порядке.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что твои далекие предки соорудили эту площадь и установили аппаратуру не для себя, а в предвидении наступления определенного дня в будущем?

— Совершенно верно. Для бога, прошедшего столько дней среди людей, ты тонко разобрался в обстановке.

— Спасибо за комплимент, — отозвался Скаббер. — Но откуда предки знали, для чего они строят то, что строят?

— Они и не знали. Но с самого рождения знали, как построить эту площадь с аппаратурой. Знание было заложено генетически. Не сомневаемся, что это сделал какой-то наш отдаленный потомок, пожелавший, чтобы в определенном случае события развернулись строго определенным образом.

— А откуда вы взяли, что нынче именно тот случай?

— Сама наша ДНК подала нам знак. С твоим прибытием наша судьба обрела ясность. Мы должны отправиться на войну с людьми, и ты нас возглавишь.

— За тем я, собственно, и прибыл, — заверил Скаббер. — Однако меня удивляет, что вы ожидали моего появления.

— Наш народ в будущем стал, вне сомнения, гораздо умнее, чем сейчас. Неудивительно, что потомки предвидели это славное событие и приняли соответствующие меры.

— Но если твои потомки знали заведомо, что это произойдет, следовательно, для них событие уже свершилось. Разве не так?

— Не обязательно, — ответил Ксозе. — Прими во внимание, что развитие событий во сне отличается от их развития наяву.

— Понятно, — заявил Скаббер, хотя на самом деле ничего не понял.

— А теперь, если не возражаешь, пора. Народ ждет твоего слова.

Подойдя к микрофону, Скаббер постучал по нему ногтем большого пальца. Раздался вполне удовлетворительный глухой звук. Толпа весело шевельнулась, и можно было расслышать возгласы:

— Вот уж истинная примета бога — проверка микрофона!

Еще один голос поддержал:

— Довелось же дожить до такого дня!

А третий присоединился шутливо:

— Если ты не прекратишь наступать мне на ногу, то не доживешь до следующего!..

Тем не менее все реплики, вся дружеская болтовня оборвались тишиной, как только Скаббер шагнул вперед и прокашлялся.

— Друзья, братья-инопланетяне! — воззвал он. Слова полетели громово над исполинской площадью, отражаясь в усилителях на периферии, сделанных из редчайшего звукового дерева и рассчитанных таким образом, чтобы даже самый дальний слушатель в полной мере ощутил всю мощь божеского голоса. — Да, братья, поскольку и я каждой клеточкой своей чувствую себя инопланетянином, если смотреть в корень. Сейчас я не стану останавливаться на этом вопросе подробно — займемся им как-нибудь на досуге. Я счастлив тем, что стою здесь перед вами, как ваш истинный бог, избранный теми, кто обладал даром предвидения и внедрил свое предвидение в ваш генетический код, дабы вы предвкушали мое появление и подготовились к нему... — Он запнулся и произнес со смехом: — Я, кажется, забыл, с чего начал...

— С того, что вы сами похожи на инопланетянина, — напомнили инопланетяне добродушно.

— Ах да, вспомнил. Я собирался сказать, какие планы у меня на ваш счет. Мои дражайшие друзья, эти планы заложены в мой генетический код точно так же, как и в ваш. И они требуют незамедлительного уничтожения планеты, прозвавшей себя Землей и населенной существами, которые именуют себя людьми.

— Что за наглость с их стороны! — прокомментировал кто-то из толпы. — Продолжай, о великолепнейший бог, ибо мы слушаем тебя затаив дыхание и наострив уши, а те, кто лишен слуха, будут проинформированы слышащими, которые прине-

сли с собой дощечки и белые фосфоресцирующие мелки для письма.

— Ответ похвальный, — объявил Скаббер. — Однако давайте не будем пустословить, а прямо отсюда все вместе организованно проследуем на базу космического флота и без промедления начнем погрузку. В свершениях такого размаха нельзя терять ни секунды.

— Правильно! Правильно! — завопили инопланетяне хором.

И стройными рядами, во главе со Скаббером, двинулись через город к дальним туманным полям, где прозорливые предки в далеком прошлом заложили космический флот. Корабли ждали своего часа, укрытые прозрачными вентилируемыми чехлами. Скаббер был приятно поражен тем, что, невзирая на свой почтенный возраст, они выглядят вполне современно — воистину предки могли добиться этого, только если и впрямь грезили будущим. В глаза бросалось разнообразие форм кораблей — все разновидности было не пересчитать, и тем не менее он попросил объяснения такому феномену.

— Сам вижу, ты удивлен тем, что наши космические корабли сконструированы по-разному, — ответил Ксозе. — Наши мудрые предки задумали их с учетом всех мыслимых форм инопланетян. Задумали и построили.

— Ну что ж, твои предки были в высшей степени прозорливы во всем, что может потребоваться в будущем, — сказал Скаббер. И задал вопрос: — Собрались ли здесь все пилоты, штурманы, коки, уборщики, солдаты, матросы, женский персонал, короче, все и все, кто и что может пригодиться в экспедиции подобного масштаба?

— Все и все здесь, в полной готовности.

— Тогда вперед! — воскликнул Скаббер. — Инопланетяне, по кораблям! Главный навигатор! Явитесь ко мне, и я задам флоту курс, который приведет нас к цели, предназначенной судьбой.

Ксозе гордо выпрямился, требуя внимания.

— Главный навигатор — это я. Мой повелитель, твой корабль ждет тебя. Обрати внимание, что он по праву заслуживает определения «божественный».

Скаббер не мог не заметить большой золотой корабль. Едва с корпуса сдернули прозрачное покрывало, корабль засиял столь лучезарно, что затмил темное карликовое солнце, освещавшее всю картину.

— Мы пойдем первыми, — заявил Скаббер навигатору. — А

остальные пусть следуют за нами в любом удобном для них порядке.

— Будет исполнено, — откликнулся навигатор.

И скоро, очень скоро, даже с удивительной быстротой, весь космический флот взмыл к небесам, описал один виток вокруг родной планеты, а затем, в соответствии с инструкциями Скаббера, нырнул в таинственную глубину подпространства, укрылся его саваном, дабы возродиться на предельно близком расстоянии от Земли.

Глава 47

— Привет! — объявила Меллисента. — Я вернулась...

Артур сидел в спальне, потягивая свой утренний кофе, когда Меллисента вдруг возникла прямо у него за спиной. Он невольно подскочил, расплескивая кофе на халат.

— Проклятье! — воскликнул он. — Извините, Меллисента, но вы явились так неожиданно, что испугали меня. Неужели вы не могли как-то оповестить о своем визите? Позвонить в звонок или еще что-нибудь?

— Послушай, — сказала она. — Я должна сообщить тебе нечто важное.

Артур испытал неприятное чувство: сейчас богиня станет его упрекать, а ведь он ее едва знает...

— Что бы там ни было, — произнес он, — я заранее извиняюсь.

— Ради всего святого, заткнись и послушай, что я тебе скажу.

— Извиняюсь, — повторил Артур. — В чем дело, Меллисента?

— Артур, я люблю тебя.

— О!.. Очень мило.

— И я решила, что мы будем жить вместе и я разрешу тебе меня боготворить.

— Вот те на! Замечательно, Меллисента...

— Ты, кажется, не очень доволен.

— Разумеется, я доволен. Как я могу быть недовольным?

— Не знаю, как, но ты недоволен. Артур... а что, если ты меня не любишь?

— Ну разумеется, люблю. Кто сказал, что нет?

Меллисента чуть не сделала нечто, к чему сама не была готова, как вдруг ее осенило, и она всхлинула:

— Ох...

— Что такое? — всполошился Артур.

— До меня только что дошло, что если я люблю тебя, это еще не значит, что ты тоже любишь меня.

— Конечно же, люблю.

— погоди минутку.

— Да? — выдохнул Артур, раболепно съезживаясь.

— Не бойся, я тебя не ударю. И не дрожи.

— Хорошо, мадам.

— И не называй меня «мадам».

— Не буду... Меллисента.

Она испустила вздох.

— Ты не любишь меня. Ни капельки. Какая же я была дура! Считала само собой разумеющимся, что если я люблю тебя... Но ты не любишь меня, так, Артур? Говори правду!

— Я безмерно уважаю вас. И думаю, что вы самая красивая, кого я только видел...

— Но ты все равно меня не любишь.

— Вероятно, нет.

— Прощай, Артур!..

Глава 48

Меллисента вернулась в Божье царство испросить совета у одной из верховных богинь, Афродиты, обитающей ныне в недостроенном замке из паросского мрамора в долине Темпе. Верховная предложила гостье чаю и выразила сочувствие.

— Кому же понравится влюбиться против собственной воли! — сказала Афродита. — Любовь — типично мужская идея. Только мужчина и мог до этого додуматься. Только мужской принцип, главенствующий во Вселенной, мог подтолкнуть к такому безобразию — иначе его и вовсе не было бы.

— Вот уж не ожидала, что ты заявишь что-либо подобное! — воскликнула Меллисента.

— Думаешь, мне нравилось быть верховной богиней любви? Нисколько! Всего лишь нескончаемая череда страстных увлечений, и все на поверку одинаковы, все тщеславные тупицы. И все спустя какое-то время меня бросали. Как только мужчина — что бог, что человек — покончит с влюбленностью, он тут же начинает искать себе другое занятие.

— Не думаю, что с Артуром произойдет то же самое.

— Любовь — несчастье независимо от того, делает ли мужчина, что ему говорят, или нет. Горе горькое, если он бросает

тебя, и не меньшее, если он липнет к тебе, когда твоя страсть истощилась.

— Но раз ты пришла к таким выводам, удивительно, почему ты не сумела как-то повернуть свое знание себе на пользу.

Афродита передернула плечиком.

— Как запрограммирована богиня любви, исходя из мужских принципов Вселенной? Любовь — ее единственная радость. Может, это и нечестно по отношению к себе, но без любви нет удовольствия, нет смысла жить.

— Понимаю, — отозвалась Меллисента. — Мне хочется быть рядом с ним так сильно, просто до боли. И хочется освободиться от него. Что посоветуешь?

— О том, чтоб избавиться от чувства, можешь забыть. Ты влипла, деточка. Стрелы Купидона бьют без промаха, вытащить их нельзя. Так что расслабься и получай удовольствие.

Меллисента скорчила гримасу.

— Но какое удовольствие может принести любовь смертного?

— Знаешь, среди них попадаются вполне симпатичные. Не могу забыть того мальчика Париса.

— Артур — не Парис.

— Не играет роли. Принцип не меняется.

— Ну что ж, — изрекла Меллисента, — если уж придется жить с этим, значит, придется. Вроде бы ниже моего достоинства разрешить смертному обнять меня, но для него сделаю исключение. И заставлю его почувствовать, какой единственный в жизни шанс он выиграл, получив меня.

С тем она и удалилась. Афродита допила остывший чай и подивилась, беседуя с собой, сколь многое юной Меллисенте еще предстоит усвоить. Если она полагает, что тяжело быть влюбленной, посмотрим, что она скажет, когда окажется любимой или — в данном случае много вероятнее — нелюбимой.

Глава 49

Меллисента отправилась в родительский дом. Отец был в саду, ухаживал за виноградной лозой. Она не колеблясь рассказала и ему, как этот смертный отверг ее.

Симус выпрямился и спросил:

— Что же это такое? Разве он не был ужален любовной стрелой?

— Нет. Я же тебе говорила. Стрела попала не в него, а в меня.

— А тогда с чего ты решила, что он в тебя влюбится?

Меллисента возмутилась:

— Ему следовало бы влюбиться, потому что я красивая и потому что я богиня.

— Моя милая девочка, как же ты еще не разобралась, что даже боги любят не по велению рассудка, а уж люди тем более. И вообще, зачем ему любить тебя? Он хоть привлекателен, твой любимый?

— Определенно нет.

— Тогда чем его может привлечь любовь к тебе? Зачем она ему, если его не заставили полюбить, как заставили тебя?

Она устала на отца.

— Ох, я, кажется, начинаю понимать, что ты имеешь в виду. А заставить Купидона пустить стрелу и в него возможности нет?

— Ни малейшей. Купидон ненавидит взаимность. Предполагает асимметрию.

— Ну и что мне делать?

— Постарайся справиться, моя девочка. Когда подходишь к концу, иного выхода просто не остается.

— Но почему конец наступил для меня так рано?

Отец не смог ничего ответить.

Глава 50

Гермес Меллисента застала в момент, когда он смазывал свою лиру.

— Мне нужен совет, — заявила она с порога.

— Валий!

— Я влюбилась в смертного, а он меня не любит.

— По-моему, ничего особенного. В чем проблема?

— Я хочу, чтоб он полюбил меня.

— Ты перепробовала все уловки, чтобы соблазнить его?

— Да.

— А уловки из серии «не хочу соблазнять»?

— Это что такое?

— Это значит делать вид, что не испытываешь чувств, какие тебя бушуют.

— Следовательно, лгать?

— Совершенно верно.

— Я выше этого.

— Очень жаль. В таком случае ты никогда не добьешься того, к чему стремишься.

— Должен же быть какой-то способ!

— Способ есть, и я только что его тебе сообщил. Диссимуляция, демонстрация чувств, обратных истинным.

— Что за гнусность!

— Ты права, — согласился Гермес. — Не делай ничего подобного. Лучше быть честной по отношению к себе, чем любимой.

— Нет, такого я тоже не хочу.

— Ну что ж, госпожа, если ты хочешь того, чего хочешь, я сказал тебе, как добиться желаемого. А если хочешь не так уж сильно, проваливай и займись чем-нибудь другим.

Тем Меллисенте и пришлось удовольствоваться.

Она вновь спустилась на Землю. И вновь объявилась в спальне Артура, даже не удосужившись объяснить свое отсутствие. Артуру осталось лишь повторить, как ему жаль, что он ее не любит.

— Да ладно! Мне это решительно все равно. Просто захотелось покрутиться тут и понаблюдать за событиями.

— За событиями?

— Конечно. Это же самое оживленное место в обоих мирах.

Артур ощутил какую-то встревоженность, хотя по сути понимал, что ему тоже должно бы быть все равно. Он наконец-то заметил, что Меллисента очень привлекательна, и даже удивился, что не замечал этого раньше.

Разумеется, Меллисента отнюдь не разлюбила Артура. Она любила его даже сильнее, чем прежде. Но к потребности любить добавилось понимание того, как добиться желанного результата. Как возбудить любовь. Ложь и диссимуляция, вне сомнения, — едва ли не самое верное оружие Любви.

Некоторые утверждают, что Меллисента додумалась до этого своим умом. Иные говорят, что она следовала инструкциям Гермеса.

Она прекрасно понимала, что ставит себе довольно слабую цель, но любая цель все же лучше, чем ничего.

Глава 51

Теоретически встреча с Меллисентой была самым замечательным событием в жизни Артура. Хотя сказать так — еще ничего не сказать: встреча с ней стала бы самым замечательным

событием для любого мужчины. Богиня по сравнению со смертной женщиной — то же самое, что титан по сравнению с пошлым сатиром; а уж богиня любви — не просто богиня, а... да любое сравнение бледнеет, и нет оборотов речи, достаточно рельефных, чтобы передать хотя бы одну десятую обаяния Меллисенты, прекрасной юной богини любви древних ливанцев, современной богини любви для Артура Фенна.

Однако замечено, что по-настоящему оценить богиню может лишь мужчина незаурядно сильный, очень и очень чувственный и к тому же способный распознавать оттенки тоньше, чем профессиональный дегустатор вин. Увы, Артур ни одним из этих качеств не обладал. Ни чувственности, ни тонкого вкуса — самый обыкновенный простофиля. Меллисента зря растрачивала себя на него.

Она и сама понимала его заурядность, хоть у нее хватало ума никогда не поминать об этом, разве что изредка, намеком, когда ее очень уж припекало. А Артур делал немало такого, от чего могло припечь.

Довольно ей было подойти к нему на фут или ближе, как он начинал дрожать. А если она прикасалась к нему, он буквально падал в обморок. Может, это и было в своем роде лестно, но отнюдь не вело к великому сексуальному удовлетворению, для какового была создана Меллисента. В сущности, об удовлетворении вообще не могло идти и речи. Артур был слишком переполнен благоговейным уважением к ней и ненавистью к себе, чтобы коснуться ее или позволить ей коснуться себя.

В общем-то она не собиралась брать инициативу в свои руки. Богини, хотя в принципе ничего не имеют против агрессии, все же предпочитают, чтобы за ними ухаживали обычным порядком и чтобы решительные действия предпринимали мужчины. А для Артура самая мысль о том, чтобы физически приблизиться к ней, была равносильна оскорблению величества, почти равна богохульству.

Неважно, сколько раз она прямо говорила ему об этом, — он никак не мог взять в толк, что она жаждет его. Он все равно спрашивал себя: кто я такой, чтобы меня возжелала богиня? И в ответ всегда слышалось: несчастный зануда, вот ты кто. И уж такие мысли не могут вести к успешному ухаживанию.

Меллисента поняла его затруднения. К тому времени она вполне разобралась в психологии мужчин, даже изучила ее на скорую руку, и распознавала низкое мнение о себе, когда сталкивалась с чем-то подобным. Она решила выждать благоприятного момента — а Артур пусть пока попривыкнет к ней.

Обдумав еще раз совет Гермеса, она решила поискать нового консультанта и договорилась о беседе с Минохом, некогда верховным богом сирийцев — ближайших соседей ливанцев. Она поддерживала с ним дружеские отношения с давних пор и привыкла ценить мудрость старшего бога.

Разыскав Миноха на ранчо в западной части Божьего царства, она начала без обиняков:

— У меня возникла проблема.

— Я мог бы догадаться и сам. На твоём совершенном лобике пролегла морщинка. Не позволяй никаким проблемам портить свою внешность, моя дорогая.

— Тогда помоги мне выпутаться.

И она повела Миноха, как ее угораздило влюбиться в смертного, как она отправилась к нему и как он отверг ее, да и теперь, по-видимому, благоговейно боится.

— Ты когда-нибудь любила смертного прежде? — осведомился Минох.

— Нет, никогда. Мне это даже в голову не приходило.

— Каждому лишь свой собственный опыт в науку, — изрек Минох. — И все же то, что испытываешь ты, нет-нет да случилось и прежде. И всякий раз возникали трудности. Со стороны смертных.

— Он, кажется, не в силах забыть, что ниже меня.

— С полным на то основанием. Он обыкновенный человек.

А ты богиня.

Меллисента испустила вздох.

— И с этим ничего не поделаешь?

— Есть один способ. Право, я удивлен, как ты сама до него не додумалась.

— Поведай!

— Слушай меня внимательно, моя дорогая. В том, что я скажу, присутствует доля риска, но результат почти гарантирован. Ты не думала о том, чтобы сделать ему подарок?

— Это он должен осыпать меня подарками!

— Разумеется, так, дорогая. Однако я имел в виду подарок особенный, необычный. Подарок, преподнести который по силам только богине...

— Артур! — позвала Меллисента вечером, едва они остались одни.

— Да, любовь моя?

— Хочу сделать тебе подарок.

— Ужасно мило с вашей стороны. Но, пожалуй, не стоило бы...

— Тебе не интересно, что именно я дарю?

— Уверен, вы и сами скажете, когда захотите.

Меллисента вздохнула. Почтительность, присущая Артуру, порой просто выводила из себя. Однако сегодня она твердо решила, что останется милой и ласковой.

— Вот, дорогой.

Она достала коробочку, спрятанную на груди, и протянула Артуру. Тот принялся вертеть коробочку в руках, бормоча:

— Красиво, очень красиво...

— Открой.

— Ну конечно. Я как раз собирался это сделать.

Он открыл коробочку — там оказалось кольцо. Вроде бы железное и совсем простенькое, не считая того, что по окружности выгравированы занятные письмена.

— Замечательно красивое, — сказал Артур, но таким скучным тоном, что Меллисента едва сдержала желание пнуть его.

— Надень.

— Не знаю, стоит ли. Со мной ничего не случится?

— Артур, — произнесла Меллисента, уже не в силах сдерживать мелькнувшей в голосе угрозы, — скорее с тобой что-нибудь случится, если ты не послушаешься.

— Ладно. Хорошо. — Он надел кольцо на указательный палец — оно пришлось впору. — А теперь?

— Теперь лучше бы тебе ненадолго прилечь.

— Зачем мне лежать?

— У кольца есть определенные... качества. К ним надо привыкнуть.

Артур внезапно побледнел.

— Я чувствую что-то непонятное!

— Ну да, — отозвалась Меллисента. — Так, наверное, и должно быть.

— Какой-то свербеж в желудке.

— Именно в желудке чаще всего проявляется первый эффект.

— Первый эффект чего? Меллисента, что вы вложили в кольцо?

— Ничего плохого, дорогой. Полежи чуть-чуть. Будешь доволен, это я тебе обещаю.

Артур подчинился и лег. Меллисента отошла в уголок и уткнулась в журнал мод. Прошло двадцать минут. Она еще не изу-

чила все последние парижские модели, когда Артур вскочил с кровати.

- Что? — спросила она, не поднимая глаз.
- Меллисента, что вы со мной сделали?
- С чего ты взял, что я что-то сделала?
- Только посмотрите на меня!

Отложив журнал, Меллисента оглядела его с головы до ног. Ему пришлось сменить одежду, поскольку он стал гораздо крупнее. Росту в нем теперь было более шести футов, и плечи пропорционально расширились. Волосы, прежде тусклые, мышинные, сделались золотыми и кудрявыми. Даже черты лица изменились. Короче, надевая кольцо, он выглядел болваном, а теперь стал супермолодцом.

— Нравится? — осведомилась Меллисента. — Вот такой я выбрала для тебя подарочек.

- Но что вы сделали?
- Я дала тебе внешность и способности полубога.
- Мне? Полубога?
- Полюбуйся сам на себя.
- Внешность — полдела. Настоящий полубог обладает способностями, недоступными обыкновенным людям.

— Проверь себя. Увидишь, что ты превосходишь всех во владении оружием, да и в борьбе без оружия тоже, что ты знаешь наизуток все полезные заклинания... И многое другое умеешь тоже.

- Многое другое? Что?
- Твои возможности укрепились во всех отношениях, — ответила Меллисента сдержанно. — Если ты понял, что я подразумеваю.

— Вы подразумеваете то, что, по-моему, подразумеваете?

Она быстро прочла его мысли, чего обычно избегала: чтение мыслей означало бы непрошеное вторжение в чужую жизнь и дурное собственное воспитание. Но на сей раз это представлялось необходимым.

— Да, — подтвердила Меллисента, — ты прав. Ты приобрел несравненные возможности в самых сладких областях жизни, а также несравненную способность наслаждаться ими.

- Ух ты! — воскликнул Артур.
- Ты рад, не так ли? — отозвалась Меллисента.

Мгновением позже он склонился над ней и поднял на загорелых мускулистых руках.

— Женщина, — сказал он голосом, на октаву более глубоко-

ким, чем прежде даже при простуде, — настал момент, которого мы оба ждали!

— Да! — откликнулась Меллисента. — О да!..

Они упали друг другу в объятия.

Однако совсем-совсем вскоре оказалось, что оба сидят на Артуровой постели обнаженные, два отменных голых зверя, и между ними ничего не произошло — оба испытали полное разочарование.

— Черт побери! — выругался Артур.

— Что стряслось? — спросила Меллисента.

— Не знаю. Но когда дошло до решающей минуты... выяснилось, что я просто не могу.

Глава 52

Все шло своим чередом, но отношения между Меллисентой и Артуром стали напряженными. Листячок и все остальные поздравили Артура с новым, усовершенствованным обликом и заявили, что ему крупно повезло заполучить богиню, столь прекрасную, как Меллисента, в полное свое распоряжение. Артур с ними не спорил. Ни о Меллисенте, ни о собственных трудностях в отношениях с ней он решительно никому не рассказывал. Пусть думают, что хотят.

Кажется, все считали, что ему повезло, — все, кроме Мими, которая в своей новой роли верховной жрицы НОВТРЕЗАБа однажды явилась, оглядела Артура с головы до ног, принялась и спросила, не набирает ли он лишний вес и не начал ли употреблять духи. Парфюмерией он, конечно же, не пользовался, даже лосьоном после бритья. А что до «лишнего» веса, ему-то было отлично известно, что все его тело — сплошные мышцы. Мими, в сущности, заигрывала с ним; другой бы мужчина догадался, что она по-прежнему питает к нему интерес, — но Артур истолковал ее реплики как новый знак неприязни. Ничего не ответил и отправился по своим делам.

А дел было невпроворот. Свежеиспеченный культ развивался с поразительной быстротой, обзавелся филиалами в 40 штатах, и что ни день объявлялись новые последователи, в том числе и за границей. Артура считали главным судьей по любым вопросам теории и практики. Правда, своим обязанностям он уделял мало внимания и обычно подписывал бумаги, поступающие на его имя, не удосужившись прочесть их. В то же время он отдавал себе отчет, хоть и смутно, что божественные дружки Листячка творят на Земле ад крошечный.

Аррагонет, новоприбывший бог природы, посчитал своим долгом защитить Землю и все растущее на ней от посягательств человечества. Он создал траву, способную прижиться где угодно и притом такую, что ее почти невозможно извести. Травка Аррагонета задушила всякую другую поросль. Даже боги и те не одобрили подобного поворота событий. Они пытались увещевать Аррагонета, а тот посмеивался:

— Каждый бог обязан делать то, к чему призван...

Пришлось Листячку пригласить еще и Иртиса, довавилонского бога огня, чтобы тот пресек нашествие супертравы, душившей более полезные растения. Иртис вполне преуспел в том, чтобы выжечь сотни квадратных миль, и трава там больше не всходила. Но ничто другое не всходило тоже.

Божеская самостоятельность порождала и иные дурные эффекты. Боги ну никак не могли сопротивляться соблазну поиграть с установившимся порядком вещей, и их самоуверенные ляпы приносили все худшие последствия. Листячок и некоторые из тех, кто обладал хоть каким-то чувством социальной ответственности, пробовали компенсировать эти последствия чудесами, например, накормить население Земли пищей, которую они именовали «сырная манна». Но вскорости благотворительность им наскучила, да и, кроме того, на то, чтобы снабжать стремительно растущее человечество всем необходимым, бог или богиня должны были тратить все свое время, — а где его взять, когда есть более важные дела?

Так что ситуация на Земле развивалась не к лучшему, а ко все более и более скверному.

Глава 53

Настал день, когда Меллисента обратилась к Артуру:

— Хочу обсудить с тобой кое-что, что меня, признаться, слегка расстраивает...

— О чем разговор, обсудим, — ответил Артур с упавшим сердцем.

— С тех пор, как я вернулась, ты утверждаешь, что я твой идеал женщины.

— Я не только утверждаю, я так думаю. Вы самая прекрасная, самая желанная женщина либо богиня, какую я или любой мужчина может себе представить. Остается лишь жалеть о несостоятельности, которая не позволяет мне получить величайшее из всех возможных наслаждений.

— Это ты так говоришь, — молвила Меллисента.

— И так думаю.

— В таком случае не можешь ли объяснить, отчего тебе снятся другие женщины?

— Ничего подобного, — соврал Артур инстинктивно и вроде бы уверенно.

— Как ни неприятно, должна сказать тебе, что ты лжешь.

— Нет, не лгу! — горячо возразил Артур. — По-моему, я лучше всех знаю, что мне снится!

Меллисента смирив его пристальным взглядом и вздохнула:

— Ох, Артур, тебя же видно насквозь...

— Почему вы такого мнения?

— Потому, что я контролировала твои сны. В них присутствовали несколько женщин, но меня среди них не было.

— Вы контролировали мои сны?

— Да. Богини наделены такой способностью.

— По-моему, это очень нечестно.

— Можно прийти к выводу, что ты во сне спасаешься от меня с помощью воображаемых прелестей других женщин.

— Вы, должно быть, заблуждаетесь, — храбро продолжал врать Артур. — Если мне вообще кто-нибудь снится, то только вы.

— Да неужели? Как же ты тогда объяснишь вот это?

Она извлекла из сумочки пачку глянцевого отпечатков и вручила Артуру.

— Что это?

— У нас, у богов, свои способы проникать в человеческие сны, и мы обрели это качество задолго до того, как вы придумали фотокамеру. Это метафизические снимки твоих снов за последние две недели. Взгляни — и попробуй только отрицать, что они подлинные.

Артур, хоть и неохотно, подчинился. Все снимки запечатлели его самого в разных позах с самыми разными женщинами, но по преимуществу с Мими.

— Я не распоряжаюсь своими снами! — произнес он сердито. — И с вашей стороны это нечестное и злое решение — вторгаться в мою личную жизнь таким манером.

Меллисента лишь дернула плечиком. Ей, как и всем остальным богам, было наплевать на честность.

— В глубине души ты мне неверен! — заявила она. — Прощай, Артур!..

И, сделав величественный жест, исчезла.

Часть седьмая

Глава 54

Между тем верховные боги в своем бесплотном царстве бездельничали, пребывая в состоянии, близком к оцепенению. Правда, одного из них, Ласку, попросили проследить, не случилось ли где каких-нибудь взрывоопасных событий. Он залез на высокий утес, откуда открывался панорамный вид на Землю и ее окрестности. Долго ли, коротко ли, он заметил нечто, казалось бы, абсолютно бессмысленное, — огоньки, море огоньков, движущихся по черному бархату космоса в направлении Земли.

И тут к нему на косогор появился веший дрозд с крыльями, заляпанными грязью, и, с трудом переведя дух, выпалил:

— У меня новости.

— Выкладывай.

— Ты видишь, что там творится?

— Да, но что это?

— Инопланетный космический флот огромных размеров. Флот приближается к Земле.

— Инопланетный флот? Ты сказал — инопланетный?

— Именно так я и сказал.

— Инопланетянам не положено соваться в наши дела, — заявил Ласка. — По крайней мере, пока не положено. Ты ничего не перепутал?

— Конечно, нет, я же не птица-глупыш.

— Нападение инопланетян на Землю — новость хуже не придумаешь. Как же это вышло?

— Ну это долгая история, — ответил дрозд. — Все затеял бог Скаббер. Он их и возглавляет.

— Про Скаббера я знаю. Его ввел в игру Декстер, который, в свою очередь, работает на нашего собрата, верховного бога Астураса.

— В общем, верно. Но вы не приняли в расчет Аримана.

— Аримана? Кто это?

— Брат-близнец Астураса. Злокозненная его половина.

— Вот оно что! Продолжай.

— Этот Ариман не пожелал спасти Вселенную. Напротив, он стал искать путей, как бы ее побыстрее разрушить. Он под-

бил Купидона на заказной выстрел, но Астурас успел подтолкнуть мальчишку, и стрела попала в Меллисенту.

— В Меллисенту? Где-то я уже слышал такое имя.

— Она сирийская богиня любви.

— Да, верно. Продолжай.

— Затем Ариман узнал, что Декстер ищет в Божьем царстве кого-то, кто бы помог Артуру.

— Артуру?

— Человеку, который заварил всю эту кашу.

— Да, да, верно.

— Итак, Ариман появился к Декстеру, представился другом и посоветовал выбрать Артуру в заступники Скаббера. Декстер решил, что бог дал ему добрый совет, связался со Скаббером и привлек того на сторону Артура.

— Скаббера! — воскликнул Ласка. — Нашел же, кого выбрать!

— Точно, — согласился дрозд. — Однако ты это знаешь, и я это знаю, а Декстер не знал. Не знал, что ему дали ложный совет.

— Мне известно, что случилось потом. Скаббер потерпел поражение от Листячка, абсолютно предсказуемое, и возжаждал отомстить. Каким-то образом связался с инопланетянами...

— Это Артур посоветовал ему разыскать их.

— Не может быть!

— Разумеется, Артур сам не понимал, что говорит. А мы теперь имеем Скаббера во главе орды инопланетян в космических кораблях против Листячка и его дружков.

— Инопланетяне против богов, — пробурчал Ласка. — Подходящий сюжет для иронической поэмы...

— На поэзию не осталось времени, — каркнул дрозд. — Сам сообрази, что теперь будет.

Предсказать будущее не составляло труда. Столкновение титанических сил скорее всего уничтожит Землю и ее обитателей. В намерения Вселенной подобное никак не входило.

— Пойду расскажу остальным, — заявил Ласка.

Верховные боги выслушали Ласку и согласились с ним, что ситуация серьезная. Они позвали Астураса с целью посоветоваться, нельзя ли как-то справиться с его братцем.

— Я и не догадывался, что мой собственный братец выступит изменником по отношению к курсу событий, какому я призван служить с рождения. Чем не тема для трагедии в пяти актах?

— Выброси из головы театр, — сказал Ласка. — Сможешь ты что-нибудь предпринять?

— Готов поспорить, что смогу, — ответил Астурас и пустился стремглав на поиски брата.

Астурас нашел брата распластавшимся на галактическом облаке и созерцающим инопланетный флот, устремившийся к Земле.

— Прекрасное зрелище, не правда ли? — изрек Ариман.

— Поверни их назад.

— И как же, по-твоему, я смогу это сделать?

— Внуши такую мысль своему любезному Скабберу, зава-
рившему всю эту кашу. Заставь его отменить экспедицию.

— А, собственно, зачем?

— Потому что, если не отменить, Земля погибнет.

— Ну и какое мне дело?

— Вместе с Землей погибнет и Вселенная.

— Логично, — заметил Ариман.

— Мы обязаны что-то предпринять!

— Без меня. Я выступаю на другой стороне. В мои намере-
ния входит разодрать эту Вселенную и намотать ее тебе на уши,
брат. Потом поглядим, кто из нас родится первым в следующий раз.

— Я этого больше не вынесу! — вскричал Астурас и прыгнул
на брата.

Ариман только и ждал нападения. Реакция его была мгно-
венной. Братья сцепились. Их силы оказались настолько равны,
что ни один не мог добиться преимущества. А запасы энергии у
обоих были просто неисчерпаемы, и на прекращение боя в сколь-
ко-нибудь обозримом будущем не приходилось даже надеяться.

Схватка продолжалась, не ослабевая ни на миг.

А инопланетный флот знай себе приближался к Земле.

Глава 55

Было раннее утро — самое спокойное время как для богов,
так и для людей. Артур устроился в уголке спальни с «Нью-Йорк
таймс», раскрытой на странице, где кроссворд. Его жизнь замет-
но украсилась с тех пор, как он смог себе позволить получать
«Таймс» авиапочтой на дом. Любая роскошь стала достижимой
для пророка новой и самой быстрорастущей религии мира. Ар-
тур не слишком-то гнался за роскошью, но получать каждое
утро «Таймс» ему нравилось.

В другом углу комнаты вспыхнул тусклый свет. Как будто
ничего особенного, но даже тупица похлеще Артура, вероятно,
подметил бы специфический оттенок, свидетельствующий, что
свет не из земного источника. Артур так и решил, но не встрево-
жился и даже не стал гадать, что бы это значило: за время интен-
сивного общения с богами он успел привыкнуть к странным
световым явлениям.

Послышался звук, похожий на трубный глас, высокий, прон-
зительно мелодичный. Уж звук-то, казалось бы, мог бы при-
влечь его внимание — но не привлек.

Артур пресытился странностями. Когда день за днем якша-
ешься с богами, любые дикости становятся заурядными, как
хлеб с маслом. Потому он не среагировал ни на свет, ни на звук,
а продолжал разбираться со своим кроссвордом. И именно там,
в кроссворде, обнаружил первый намек на принципиально
новое положение вещей. Шаря глазами по клеточкам в поисках
слов, которые можно было бы вписать, не особенно напрягая
извилины, он заметил под номером 59 по горизонтали нечто,
чего там раньше вроде бы не было. Восемь букв, а пояснение
такое: «Характерный знак, что с вами хочет общаться богопо-
добное, высшее существо». И в голове немедленно родился от-
вет: «Знамение!»

Наконец-то Артура осенило, что назревает сверхъестествен-
ная ситуация, притом направленная непосредственно на него.
Отложив карандаш, он поднялся на ноги и достал из-под кровати
маленький рюкзачок, приготовленный на всякий пожарный
случай еще неделю назад. Невесть откуда налетел ветер, полых-
нуло пламя — и перед Артуром предстал Декстер.

— Все пропало! — провозгласил нежданный гость.

— Что такое? Что именно пропало?

— Все!!!

— Нельзя ли понятнее?

— Я выбрал не того бога. Ариман уговорил меня, и я согла-
сился попробовать. А теперь этот Скаббер со своими иноплане-
тянами и ваш Листячок с союзниками неизбежно схлестнутся, и
сражение между ними уничтожит Землю. А следом погибнет и
Вселенная.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил Артур.

— Можете попробовать пустить космические силы в ход
своими руками. Хотя, предупреждаю, это очень опасно.

— О какой опасности речь, если в противном случае погиб-
нет Вселенная?

— Гибель Вселенной — далеко не худшее, что может слу-

читься с вами лично. Всегда остается шанс, что в новой Вселенной с вами будет все в порядке. А в этой Вселенной можно напортачить так, что хуже не бывает.

— Не понимаю, как.

— Обратите внимание, что мы до сих пор не упоминали об аде.

— Вы намекаете, что если я не добьюсь успеха, меня отправят в ад?

— Я пытаюсь внушить вам, что традиционные представления об аде неверны. Ад — для тех, кто, подобно Прометею, пробовал усмирить космические силы и потерпел неудачу.

— А на что ад похож?

— На что похожа боль? Как охарактеризовать страдание?

Артур воспринял суть — и все-таки осведомился:

— Зачем Вселенной это понадобилось? И что такое ад? Отдельное пространство? Сколько же пространств во Вселенной?

— Вселенная, Божье царство, Божий космос, ад, дробное измерение, область карающих божеств — та, куда вы направитесь, и бесчисленное множество других, отнюдь не четких. Все они, все сферы интересов взаимопроникающи. Но оттуда, куда отправитесь вы, возврата нет.

Глава 56

Декстер отбыл восвояси. Артур подумал-подумал, решил, что обязан принять меры, и вышел на задний двор попрощаться с Меллисентой. Узнав, куда он держит путь, богиня обеспокоилась.

— Но это хуже смерти! Разве тебя не предупредили?

И вдруг, в минуты этого разговора, он по-новому взглянул на Меллисенту и на себя самого. Его путешествие во Вселенную казалось ему поступком смелого человека. И он подумал: «Если я готов и хочу отправиться туда и встретить неизбежное, каково бы оно ни было, разве я не хочу сказать что-нибудь милое этой богине, повинной лишь в том, что она любит меня?..»

Он начал осуществлять свое намерение — и вдруг произошло небывалое: его сердце устремилось к ней. И не находилось слов, чтобы передать волны чувств, рвущихся из груди. Поднимаясь, эти волны заставили лицо вспыхнуть. Он ощутил прилив сил, заглянул в себя глубже, чем когда-либо прежде, и, обняв Меллисенту, заявил, что любит ее.

— О Артур, — откликнулась Меллисента. — Наконец-то!

— Да, люблю, — повторил Артур. — Но теперь мне надо идти.

— Идти? Куда?

— Вселенная вот-вот рухнет, и в принципе по моей вине. Я обязан сделать все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

— Не ходи, — попросила она.

— Должен!

— Артур, есть местечко, куда мы могли бы удалиться вдвоем. Вероятности пережитого трансформируются там любовью и образуют особую вечность, полностью независимую от течения времени где бы то ни было. Мы могли бы переселиться в субъективный мир навсегда и выбросить Вселенную из головы...

Искушение было велико: Артур понимал, о чем говорит богиня, как нипочем не понял бы прежде. Значение любви вдруг открылось ему с беспрецедентной глубиной.

И все же он понимал, что принять предложение не имеет права. Есть путь долга, есть зов судьбы. Он понимал, что обязан идти вперед и постараться навести в мире порядок.

Глава 57

Светящаяся трехмерная сетка — таково было Артурово первое впечатление от этого пространства; он не знал его точного имени и за неимением лучших идей прозвал Божьим космосом. Тут находились и другие объекты, несколько объектов, несомненно имеющих свое особое предназначение. Но было ясно, что обследовать их все до единого попросту нет времени.

Прежде всего надлежало выяснить, чего он может добиться в Божьем космосе, — ведь совершенно очевидно, что наполняющее его ощущение силы обязано своим рождением окружающему пространству, а отнюдь не ему самому. Но каким же образом выяснить собственные возможности?

Вновь оглядевшись, он выбрал из разбросанных вокруг объектов один на пробу. Мягко-голубой шарик, едва Артур осторожно коснулся поверхности, ярко вспыхнул и заговорил:

— Приглашаю в путешествие к началу времен. Путешествие сейчас начнется. Держитесь крепче!..

Артур, напротив, сразу отпустил шарик, и тот отвалился, тихо булькнув. Дрожь пробирала от самой мысли о том, что вот только что едва не произошла страшная ошибка. Чего Артуру не доставало, так это путешествия к началу времен! А пока его носило бы невесть где, что случилось бы с Землей?

Совершенно необходимо как-то разобраться, что это за объекты и для чего они. И разобраться без слепого дурачества, чтобы не угодить во что-нибудь воистину жуткое. Но как разо-

браться? Быть может, тут все-таки есть какие-либо путеводители-указатели?

В порядке эксперимента он произнес вполголоса:

— Пришлите гида.

Ничего не произошло.

Он попробовал по-другому:

— Нельзя ли хоть немного помочь?

И — получилось. Свершилось. Вокруг замигали огни, и неведь откуда спустился большой красный куб. На одной из сторон куба желтыми буквами сияла надпись: «Ваш помощник в Божьем космосе».

— Так-то лучше, — заметил Артур. А кубу сказал: — Привет!

— Привет! — откликнулся голос.

— Ты и вправду помощник?

— Я Файл помощи, — заявил голос. — И вы вызвали меня как раз вовремя. Чтобы не пропасть в этом регионе, вам действительно нужна помощь. Удивительно, что вас отправили сюда, ни о чем не предупредив.

— Я и сам удивлен, — ответил Артур. — Но обстоятельства сложились чрезвычайные.

— Должно быть, так. Вы вели себя просто безрассудно.

— Всего-навсего предпринял парочку пробных действий.

— Да, но при этом миновав процедуру стирания следов.

— И это плохо?

— Это опасно. Тут есть стервятники, которые впиваются в чужие следы.

— Я и сейчас в опасности? — осведомился Артур.

— Минуточку, — отозвался голос. — Я проверю. — И секунд через пять продолжил: — Нет, новичкам везет. Стервятники отбыли в сектор 22СА. Не поверите, какая у нас там вышла заварушка. Однако вас она не касается. В чем заключается ваша проблема?

— Инопланетяне. С ними надо как-то покончить.

— Я тоже инопланетянин, — заявил голос.

— Нет, я о тех, которые собираются напасть на Землю.

— Ах, об этих! Скверные инопланетяне. Я уже задавался вопросом, когда же кто-нибудь решится ими заняться.

— Затем я сюда и прибыл.

— Разве у вас есть опыт расправы с инопланетянами?

— По правде говоря, нет.

— Это еще более усложняет задачу.

— Печально слышать.

— Печально, что приходится сообщить вам об этом.

— Понял. Но как же мне быть?

Наступило молчание, потом молчание сменилось странным пощелкиванием. Артур сообразил, что Файл помощи пощелкивает, когда думает. Наконец пощелкивание прекратилось, и Файл спросил:

— А как эти инопланетяне добираются до Земли?

— В космических кораблях.

— Кораблей много?

— Вероятно, да. По-моему, для успешной атаки на Землю нужен большой космический флот.

— Я бы предположил то же самое, — высказался Файл помощи. — И как, по-вашему, флот будет атаковать? Единой колонной или широким фронтом?

— Честно говоря, не знаю. Скорее широким фронтом. Я бы на их месте сделал именно так.

— Разумно. И вы, вероятно, не догадываетесь, какую форму их фронт примет?

— Представления не имею. Но, пожалуй, можно предположить, что примерно форму прямоугольника или полумесяца.

— А полумесяц как развернут? Полукругим или рогами вперед?

— Ни малейшего представления.

— Ну что ж, будем исходить из наихудшего сценария. Скажем, они развернутся со всех сторон на сотни, а то и на тысячи космических миль.

— Звучит правдоподобно, — согласился Артур.

— Тогда для меня очевидно: чтобы перекрыть все варианты, есть лишь один способ защиты.

— Какой же?

— Между космическим флотом и Землей нужно возвести преграду.

— Я именно так и думал. Что это может быть?

— Опять-таки есть единственный фокус, какой могу предложить. Черная дыра.

— И что она даст?

— Если расположить ее правильно, она поглотит их всех. Нашествию, по сути, придет конец.

— Нам только того и надо.

— Однако по отношению к инопланетянам это вроде бы жестоко.

— Сами виноваты, — отрезал Артур. — Им вообще не следовало нападать на Землю.

— И не подумаю спорить, — ответил Файл помощи. — По

взглядам своим я ориентирован на землян. Значит, с вашего согласия, мы выберем такое решение.

— Я согласен. С чего начнем?

— Теперь предстоит нечто более трудное, чем разговоры. Для начала надо найти черную дыру подходящего размера.

— А потом отбуксировать ее на нужную позицию?

— В общем, да, но для этого необходимо пройти несколько предварительных шагов. Шаги опасные, любой из них может привести к вашему уничтожению. Могу добавить — и к моему тоже.

— Ох ты, — крикнул Артур. — Я-то иду на риск по доброй воле. Но не имею права ввергать в опасность еще и тебя.

— Не беспокойтесь, — успокоил его Файл. — Самосохранение меня не заботит. В последнем счете, я всего лишь ворох сведений. Однако существуют и дополнительные трудности.

— Расскажи, какие.

— Видите ли, обычно я пребываю в пассивности, пока кто-нибудь не спросит меня о чем-то. Тогда я навожу справки и даю ответ. Ни грана самостоятельности, если вам понятно, что я имею в виду. Но в данном случае мне предстоит стать более предпримчивым. И более прозорливым. Поскольку вам неведомы здешние порядки. Нет, конечно, я не хотел вас обидеть.

— И не обидели. Мне и самому придется стать более предпримчивым.

— Прекрасно. Давайте подумаем над последовательностью наших действий. Полагаю, что прежде всего следует найти черную дыру.

— Думаю, правильно, — согласился Артур.

— Очень хорошо. Тогда вперед!

Глава 58

Для Артура в его нынешнем, усовершенствованном виде было нетрудно переместиться в пространстве на любое расстояние за самый короткий срок. Файл помощи поведал ему, как распознавать черные дыры. Конечно же, они черные и ярко выделяются на фоне бледной переливчатости космоса. И поскольку Артур теперь усвоил, что искать, он обнаруживал искомое повсюду вокруг. Оказалось, черные дыры могут принимать самые разные размеры, от крошечных, с булавочную головку, до гигантских, как грозовая туча.

— Что скажешь насчет вон той? — спросил Артур, указывая, чисто интуитивно, на дыру объемом с целый грозовой фронт.

— Слишком велика, — отвечал Файл помощи.

— А я-то думал — чем больше, тем лучше...

— Может, и думали, но ошибались. Самые крупные черные дыры не столь опасны для инопланетных кораблей, как дыры меньшего размера. Надо принять во внимание эффект обратных пропорций. Именно меньшие дыры способны действительно искромсать флот, разодрав на части.

— Почему бы тебе не выбрать подходящую дыру самому?

— Я вижу как раз такую, какая нам нужна, — отозвался Файл помощи. — Взгляните вон туда, налево. Та, что величиной, условно говоря, с пару автомобильных гаражей. Она достаточно велика, чтобы поглотить космический флот, развернутый столь широко, как им заблагорассудится, и достаточно мала, чтобы тщательно искромсать их вдребезги.

— Прекрасно, — одобрил Артур. — Проследуем туда и отбуксируем ее в надлежащую точку.

Он направился к указанной черной дыре, однако Файл помощи остановил его тоном, не терпящим возражений:

— При попытке приблизиться к ней напрямую вы будете неизбежно убиты. Даже ваше усовершенствованное тело тут же превратится в фарш, если мы не примем надлежащих мер безопасности.

— Каких мер?

— Возьмите соразмерник. Устройство, приводящее в порядок любой объект спорной либо неопределимой величины, на который его наведут, с тем чтобы с этим объектом стало легче управляться. После того, как мы наведем соразмерник на черную дыру, да и на самих себя, мы сумеем передвинуть ее на нужное место. Сначала, правда, потребуется еще несколько необходимых шагов.

Следующий шаг, когда соразмерник уже очутился на ладони, — переход в измерение без заданных масштабов, иначе известное под именем дробного измерения. Артуру этот шаг дался нелегко, хотя Файл помощи втолковывал ему, что от него требуется лишь отринуть предвзятость и отказаться от привычных оценок в пользу беспристрастного принятия вещей такими, каковы они есть.

Артур поневоле находил подобную рекомендацию затруднительной, поскольку привык к господству относительности, при котором, однако, крупное и мелкое остаются пропорциональны друг другу, и соотношение между ними никогда не меняется. Но в измерении без масштабов все обстоит по-иному: здесь вещи

крупны или мелки лишь в той степени, какая требуется в данный конкретный момент. А сами по себе они ни велики, ни малы. Масштаб любого предмета по отношению к любому другому — ко всему, чему угодно — может быть повышен и снижен, и ничто не имеет никаких действительных, буквальных размеров. Любая вещь может быть воспринята в любом масштабе и может сделаться больше или меньше в сравнении с чем угодно, не теряя своих индивидуальных характеристик.

Артуру понадобилось какое-то время, чтоб освоить такой способ мышления, но пришлось сделать это волей-неволей, — ведь иначе проникновение в дробное измерение было бы невозможно. В конце концов он справился со своей задачей, и все вокруг сразу сделалось управляемым. Уменьшив масштаб черной дыры и увеличив собственный, Артур обрел способность перемещать ее голыми руками.

— Отлично, — одобрил Файл помощи. — Но чтобы черная дыра сработала как полагается, мы должны вновь принять свой нормальный вид и вытребовать парочку разрешений.

Настала минута для рекогносцировки. Артур, опять сжавшись до нормального человеческого размера, направился к черной дыре в сопровождении бесплотного голоса Файла помощи. Подобравшись ближе, он разглядел, что черная дыра, которая казалась издали сплошным черным объектом, на самом деле была опоясана посередине светлой цветной лентой. Еще ближе — и на ленте стали различимы движущиеся красочные образы, хоть он не сразу разобрался какие.

— Что это за лента? — справился он у Файла помощи.

— Горизонт событий, — прозвучал ответ.

— Я полагал, что горизонт событий находится внутри черной дыры и состоит из света, не способного вырваться наружу из-за гигантской силы гравитации, что-то вроде того.

— Общую идею вы уловили правильно, — разъяснил Файл помощи. — Подлинный горизонт событий, разумеется, расположен внутри. Но там же его никто не видит, так какой от него прок?

— Не думаю, что есть прок в самой постановке вопроса. Да и потом — какая разница, внутри горизонт или снаружи?

— Огромная. Сингулярность, обитающая в центре черной дыры, весьма гордится своим горизонтом событий и стремится к тому, чтобы его лицезрели все другие.

— При чем тут сингулярность?

— От нее зависит почти все остальное. Нет ни одной черной дыры без Сингулярности — с прописной буквы, — и ни одна Сингулярность не позволит своей черной дыре обходиться без внешнего горизонта событий. Своего рода эквивалент сексуальных демонстраций, которые свойственны некоторым птицам вашей планеты. В Галактике трудно найти зрелище прекраснее, чем когда взрослая Сингулярность щеголяет своим горизонтом событий.

— Наши ученые ни о чем подобном и не догадываются, — заметил Артур.

— Естественно, не догадываются. Они же так и не догадались, что такое черные дыры, разве нет?

— Не догадались, — согласился Артур.

Когда они придвинулись еще ближе, Артур разглядел, что на внешнем горизонте событий запечатлены самые разнообразные люди и вещи — древние воины в полном вооружении, города, растущие в непроходимых джунглях, жрецы в момент жертвоприношения, когда они сбрасывают кого-то живьем с горных вершин.

— Как эти картины туда попали? — заинтересовался Артур.

— Это существа, замурованные в горизонте событий.

— Но как же они очутились там?

— Древние жители Земли владели приемами, о которых вы, современники, не имеете представления. Или не умеете применять как следует.

— Да, по-видимому, — вынужденно согласился Артур. — И эти люди и вещи до сих пор там внутри?

— Фактически да.

— Ну что ж, все равно вперед!

И вот Артур очутился у самой черной дыры, у гладкого блестящего черного шара с яркой опояской. Глянув еще раз мельком на картинку, проследовал дальше, и впереди осталась одна чернота. Что-то потянуло его назад, но он упорно двигался дальше, преодолевая это сопротивление и стараясь удержать равновесие. Наконец он оказался на самой черной поверхности, — в последнем счете, вопреки ожиданиям, это было не так уж и сложно. Мягкая поверхность всасывала его в себя — и всосала.

Он осмотрелся. Вокруг, перекрывая видимость, разливался фиолетовый свет — но все-таки он различил приближающееся нечто. Артур испытал испуг и чуть было не ретировался, но вмешался Файл помощи:

— Не волнуйтесь, все в порядке. Затем мы и прибыли. Это один из населяющих черную дыру пловцов.

Артур выждал. Существо приблизилось. Чем-то оно походило на леопарда, а чем-то на акулу. Облик его непрестанно менялся — то казалось, что оно переступает на лапах, а то — что плывет. Когда существо подкралось вплотную, оно обнюхало Артура, как собака.

— Скажите ему что-нибудь, — предложил Файл помощи.

— Миляга, — произнес Артур.

Протянув руку, он погладил акулу-леопарда по загривку. Тот роскошно потянулся и издал непередаваемый звук, который Артур истолковал как довольное мурлыканье.

— Залезайте ему на спину, — распорядился Файл. — И вперед. Оно не укусит.

Артур не ощущал полной уверенности, что это так, и все же послушался. Почувствовав седока на спине, тварь развернулась и поскакала сквозь неосознаваемую субстанцию черной дыры — вглубь и одновременно вниз.

— Как же оно скачет, на что опирается? — подивился Артур.

— Приспособилось к здешней жизни, — ответил Файл. — Когда вступаешь в контакт с окружающим, усваиваешь многие его черты.

— Но, казалось бы, свойства черной дыры должны влиять на эту тварь отрицательно.

— А она перекручивает время. Живет за счет того будущего, когда черная дыра рассосется.

— Как это возможно?

— Величайший секрет. Считанные существа умеют пользоваться будущим таким образом. Разумеется, на все есть своя цена: чтобы позаимствовать из будущего, им приходится расплачиваться своим настоящим. Они как бы берут время в долг из собственного будущего.

— И что потом?

— Когда резерв собственного будущего исчерпан, долг приходится отдавать.

— Каким образом?

— Они исчезают.

— Куда?

— Неизвестно. Есть предположение, что существует некое место, где временные долги могут быть оплачены тяжким физическим трудом. Но ничего определенного мы не знаем.

Артур вновь перенес свое внимание на существо, на сильной упругой спине которого расположился. Оно несло его вглубь, в

глубь черной дыры — и вдруг остановилось, развернулось и, кажется, разволновалось.

— Что происходит? — не понял Артур.

— Видимо, прицепился какой-то паразит, — отозвался Файл. — Не удивляйтесь, паразиты существуют и здесь. Они пьют из этих тварей их настоящее время.

— И что делать?

— Может, существо само справится. Если паразит всего один, то справится.

На глазах Артура существо зарылось мордой в шерсть на боку. Щелкнули челюсти, Артур увидел, хоть и мельком, белые зубы. Что-то пискнуло, и существо тут же возобновило свой бег.

— На этот раз обошлось, — заметил Файл помощи. — Вот если бы их оказалось несколько, появилась бы реальная опасность. Существо пришлось бы сразиться с паразитами либо умереть. А вас могло бы сбросить со спины.

— Что тогда?

— Вы стали бы частью горизонта событий.

Проникнув в центр черной дыры, они достигли Сингулярности. Описать ее было невозможно. Чего и следовало ожидать, поскольку каждая Сингулярность неповторима, единственна в своем роде, короче говоря, сингулярна.

Однако данная Сингулярность все-таки приняла облик, поддающийся описанию. Сперва она стала похожа на шар жестких черных волос, из которого выглядывали два блестящих глаза.

— Ты Сингулярность? — осведомился Артур не очень уверенно.

— Да, я Сингулярность, — подтвердил шар. — А ты человек, если не ошибаюсь.

— Нет, не ошибаешься. Я действительно человек.

— Ну и чем я могу тебе помочь?

— Хотел бы просить разрешения передвинуть твою черную дыру.

— Куда?

— Не слишком далеко. Понимаешь ли, мне хотелось бы разместить ее на пути наступающего космического флота.

Сингулярность принялась медленно вращаться, размышляя. И с каждым оборотом меняла вид. Иные ее облики были столь сложны, что Артур терялся в догадках, с чем бы их сравнить. Другие оказывались много более знакомы: поперечный разрез утеса, зеленый «Олдсмобил» модели 1938 года, зазубренное лезвие ножа, очаровательная молодая женщина с оранжевыми во-

лосами, и так далее, и тому подобное. Образам, какие могла принять Сингулярность, не было конца.

— Ну а как тебе понравился мой горизонт событий? — спросила Сингулярность.

— Замечательный горизонт, — похвалил Артур.

— Не хочется ли тебе сделаться его частью?

— Не слишком. Уверен, это было бы чудесно, но при других условиях.

— Быть может, я смогу изменить условия, — сообщила Сингулярность. — Мне и впрямь хочется присоединить тебя к моей коллекции.

— Эй, оставь малого в покое, — вмешался Файл помощи. — Он просто-напросто хочет спасти свою планету.

— Мне-то что за дело? — проворчала Сингулярность.

Однако вопросов больше не задавала.

Глава 59

Не успел Артур поставить черную дыру на нужную позицию, как услышал возглас:

— Парень, что ты делаешь с этой черной дырой?

Оглянувшись, Артур увидел возникшее рядом создание — высокое, худое, полупрозрачное, с длинным носом.

— Разве мы знакомы? — удивился он.

— Сейчас познакомишься. Я Вселенский цензор. Итак, что ты делал с этой черной дырой?

— Передвинул ее сюда, и все.

— И кто же, черт побери, разрешил тебе это? Проклятье, ты балуешься с силами, выходящими далеко за пределы твоего скудного воображения. Ты вот-вот создашь парадокс десятого порядка и все испоганишь. Как верховный страж Вселенной, я обязан попросту взять и вырезать тебя из данной последовательности. Полагаю, что это самое очевидное решение.

— Я не позволю, — вмешался Файл помощи.

— С дороги, сынок, или я заодно вырежу и тебя.

— Не выйдет. Я скрытый системный файл.

Голос цензора налился злобой.

— Послушай, малыш, я могу вырезать скрытые файлы с той же легкостью, как и все остальное. Прочь с дороги!

Файл помощи протянул к Артуру длинные колышущиеся руки и укрыл его защитным жестом.

— И прекрати это, — рассердился цензор. — Ты склонен к персонификации, склонен рассматривать ситуацию не как все-

ленский стереотип, а как патетически человеческую. Ничего подобного быть не должно. Ты фальсифицируешь свой собственный банк данных.

— Напротив, я привожу его в порядок, — возразил Файл.

— Заявляю в последний раз, убирайся прочь с дороги!

— Исторически это необоснованно.

— История меня не интересует, — объявил цензор. — Может, и так — не знаю и знать не хочу. Зато я знаю установленные правила. А правила такие действия запрещают.

— Но если Земля будет уничтожена, правила исчезнут без следа, а вместе с ними и ты сам.

— Ну уж нет, правила вечны. Даже после того, как человечество исчезнет, даже когда Вселенная сгинет из воспоминаний, — правила, вечные правила сохранятся. Сожалею, однако Артура необходимо вырезать.

Цензор чуть не осуществил свое намерение, ухватив Артура гибкими пальцами, излучающими нереальность. Артур побледнел, стал прозрачным, начал обращаться в ничто. И тут Файл помощи, с нечленораздельным криком, бросился вперед и разделил противников.

— Не позволю подрывать мою роль подобным образом! Я обещаю этому человеку, что позабочусь о нем. Оставь его в покое!

— Тогда побереги свою задницу! — прорычал цензор.

Завязалась драка. Файл помощи, как и следовало ожидать, был повержен и прошептал слабеющим голосом:

— Он одолел меня... но ты теперь в безопасности. Если б он вычеркнул нас обоих, то возник бы парадокс, который он не сумел бы объяснить. До поры можешь его не бояться. Я постараюсь оставить след, так что управители механизма Вселенной узнают, что случилось. Скажи им... я пытался помочь...

Файл помощи свалился и растаял.

Артур добился своего: черная дыра заняла нужную позицию, и оставалось лишь наблюдать со стороны, как инопланетный флот вонзился в нее. Листячок со своими пособниками видели то же самое под другим углом. Катаклизм уничтожил их всех, хоть это произошло скорее зрительно, чем реально. Наконец-то победа! Однако триумф Артура продолжался недолго: в разгар ликования его утащили к себе верховные боги, до того наблюдавшие со стороны и кусавшие ногти друг у друга, гадая, чем же кончится столкновение.

Артуру предстояла расплата за все содеянное. Настала пора раскрыть карты.

Часть восьмая

Глава 60

Место, куда приволокли Артура, выглядело как самый настоящий судебный зал на планете Земля — ряды скамей перед возвышением, в центре возвышения кафедра, а позади группа существ, в которых он без промедления признал верховных богов. Они были лучезарны и ужасны, они сверлили Артура суровыми взглядами, и он проследовал за ограждение, где, вне сомнения, была скамья подсудимых.

Вперед выступило некое создание, скорее всего робот, человекообразный, но металлический, с полированной кожей, от блеска которой засвербило в глазах.

— Вы Артур Фенн? — осведомился робот.

— Да, это я.

— Артур Фенн, вы обвиняетесь в тягчайшем преступлении, какое только может совершить человек. А именно в высвобождении сил, способных нарушить равновесие Вселенной и обречь на забвение всех, кто ее населяет, — богов, людей, всевозможных тварей, да-да, все живое и неживое, даже звезды, даже кварки, самую материю, самый фундамент, на котором строится осязаемый мир. Подсудимый, что вы можете сказать в свое оправдание?

Артур открыл было рот, намереваясь ответить, но тут поднялся один из присутствующих в зале со словами:

— Благородные судьи, разрешите мне выступить от имени этого человека?

Боги уставились на непрошеного оратора, и один из них спросил:

— А ты, собственно, кто такой?

— Я тот, кто говорит от имени человечества в случаях, когда оно не может высказаться самостоятельно.

— О, стало быть, ты адвокат, — догадался бог справа.

— Имею честь быть таковым.

— Ну так что ты хочешь сказать по данному поводу?

— Достопочтенный высокий суд! Я, выступающий перед вами, не являюсь живым существом в прямом смысле слова. Я персо-

нификация принципов правосудия. Заявляю об этом прямо, чтобы не допустить кривотолков. И разрешите сказать, что этот Артур — типичный человек и, как все люди, не ведает, к чему могут привести его мелкие начинания. Судьи, нельзя считать ошибкой, что Артур использовал все доступные ему средства, дабы одолеть печальную участь, угрожавшую ему на маленькой уединенной Земле. Примите во внимание, джентльмены, положение этого человека, который, говоря попросту, ввязался в глупое деловое предприятие и должен был угодить за это в тюрьму. В силу своей мудрости вы можете рассудить, что тюрьма — не такая уж страшная штука и что Артур не имел права ставить на карту судьбу Вселенной ради своекорыстных интересов. Я мог бы оспорить подобный вывод. Но даже если принять этот вывод, должен указать, что мой подзащитный не имел понятия, к чему приведут его действия, и, следовательно, не несет ответственности, поскольку действовал под чужим руководством.

— Минуточку, — вмешался прокурор. — Предумышленное разрушение Вселенной — обвинение не единственное. Есть кое-что еще. Когда богиня Меллисента даровала ему возможности полубога, чем он ей на это ответил? Отказал ей в единственном, чего она желала. В любви, подлинной земной любви.

— Я хотел, — промямлил Артур. — У меня просто не вышло...

— Очень бы хотел, вышло бы, — съязвил прокурор. — В данном случае ваша несостоятельность лишь маскировала ваше нежелание отдаться любви, с женщиной ли, с богиней ли. В сущности, судьи, несостоятельность — самое подходящее определение для мистера Фенна. Когда ему взбрело в голову исправить зло, которое он же и сотворил, что он сделал? Лишь усложнил проблему, призвав продажный Файл помощи, чтоб облегчить себе проникновение в запретное дробное измерение. А когда страж общего блага, Вселенский цензор, попробовал его вычеркнуть, что решил Артур? Решил отказаться и опять призвал Файл помощи, и тот защитил его ценой собственного существования.

— Эй, послушайте, я никогда ни о чем этот самый Файл не просил!..

— Отказ уступить со стороны Артура навлек беду на самого цензора, который с тех пор так и не оправился. И вызвал столь серьезные перемены, что Вселенский маховик повернулся и вы, высокоученые боги-судьи, вынуждены вмешиваться и выносить вердикт.

— Вы все поставили с ног на голову! — взывал Артур.

— Я рассказываю, что и как было, а вы лицемерно норовите оправдать свою пассивность, эгоизм и общую бездарность.

Один из судей прокашлялся.

— Все совершенно ясно. Доводы защиты представляются мне полной чепухой. В обобщенном, всеобъемлющем смысле никто не виновен ни в чем. Но не менее верно, что в столь же обобщенном и всеобъемлющем смысле каждый отвечает за все. Или ты не согласен?

— Что вы, ваша честь! — воскликнул защитник. — Я же сам не что иное, как обобщенная мирская фигура, присутствующая здесь с целью сказать что-нибудь в защиту обвиняемого, чтобы в том мире, наличие которого мы смутно ощущаем, никто не принял данное разбирательство за судебную комедию, предпринимаемую в интересах высшего детерминизма.

— Хорошо сказано! — провозгласил главный судья. — Твое ходатайство принято во внимание. — И к Артуру: — Подсудимый, встань и повернись к нам лицом!..

В это мгновение на ноги поднялась Меллисента, бледная от волнения.

— Разрешит ли высокий суд мне высказаться?

— Валий, — бросил главный судья не слишком приветливо.

— Да будет известно вам, досточтимые, что я богиня любви по имени Меллисента. Возможно, в настоящий момент я не слишком-то похожа на богиню любви, поскольку в последнее время настрадаюсь от этой самой любви, и тем не менее это правда. Судьи, вы узнали еще не все. Когда этот человек не полюбил меня, я его отвергла и тем самым впала в грех гордыни. В конце концов, я явилась к нему в своем первоначальном виде — поколения моих почитателей находили мою внешность привлекательной, и я посчитала, что она устроит и его. А когда этого не случилось, когда он осмелился не полюбить меня, я разгневалась. Однако затем получила добрые советы от ряда выдающихся существ, включая изначальную богиню любви Афродиту.

Афродита, сидевшая под вуалью в задних рядах зала, встала и поклонилась. А Меллисента продолжала:

— Именно Афродита научила меня латинскому изречению, которого я прежде не знала, — «De gustibus no disputandum». Для детей и тупиц, если таковые есть в зале, это переводится — о вкусах не спорят.

Наступила почтительная тишина. Все внимали раскрывающимся перед ними сокровенным тайнам. И все чувствовали себя польщенными тем, что кто-то сказал что-то по-латыни.

— Нельзя ставить в вину этому человеку то, что он не полюбил меня. Я не приняла вид, предпочтительный для него. Это моя вина. — Тут она повернулась к Артуру: — Артур, что ты думаешь обо мне теперь?

И он ответил, вполне правдиво:

— Ты самое восхитительное создание, какое я когда-либо встречал.

Он все же усвоил капельку хитрости и не добавил: «Не считая Мими».

Зал взорвался аплодисментами. Однако судьи стукнули молотками, а главный из них сказал:

— Артур Фенн, мы находим тебя виновным в преступном высвобождении сил, способных разрушить Вселенную. Мы также констатируем, что, хотя ты виновен, ты, в последнем счете, не отвечаешь за свои действия. Невзирая на это, ты прямым образом вовлечен в грядущее разрушение Вселенной, которое свершится с размахом, превышающим всякое воображение, и будет длиться до тех пор, пока Мегавселенная не воссоздаст данную Вселенную по новому плану, с принципиально новыми существами...

Бог-председатель поднял руку. Последовала вспышка света, призванная подчеркнуть значимость момента. Затем бог продолжил речь:

— От фактов никуда не уйдешь. Первопричиной возмущений, грозящих уничтожением Вселенной, явился подсудимый Артур Фенн. Эгоистично, не задумываясь о последствиях, Артур пригласил древних младших богов, от которых не было проку в первый раз и уж тем паче ныне, во второй. Когда эти божки замыслили обратить всю Землю в свою вотчину, он не сделал ничего против и даже зашел так далеко, что принял на себя роль их пророка.

— У меня не было выбора, — горячо возразил Артур.

— Ты мог сказать «нет».

— Они бы меня убили!

— Ну и что?

Он не нашелся что ответить.

Когда в зале восстановилась тишина, главный судья огласил решение:

— Подсудимый обязан внести поправки в содеянное и убедить Вселенную, которую он едва не разрушил. Ради этого он должен позволить нам вовлечь его в изменение, которое не причинит ему вреда, зато Вселенная сможет уцелеть.

Звучало вроде бы неплохо.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Артур.

— Пустим часы обратным ходом вплоть до дня, не столь уж и давнего, когда ты вложил деньги в бразильские золотые копи. Вот где начало, то острое, на котором покоилось будущее Вселенной. Твои последующие поступки повлекли за собой печальные последствия.

— Мне жаль, что так получилось. Но что я могу сделать?

— Ты можешь вернуться в тот день! — прогремел судья.

— Что???

— Вернуться, я сказал, в то время, когда ты сделал роковой выбор, и изменить решение, давшее толчок всему остальному. Я имею в виду момент, когда ты дал распоряжение своему другу-брокеру, подлецу Сэмми вложить твои деньги в «Объединенные рудники Багиа».

— Это по его же совету!

— Да, но ты последовал этому совету, разве не так? Значит, и отвечать тебе, а не Сэмми.

— Допустим, я признаю свою вину. К чему вы клоните?

— К тому, что ты вернешься к этому моменту, Артур.

— О чем вы? Как я туда попаду?

— С нашей помощью, разумеется. Нельзя же ожидать от тебя, что ты пустишь часы обратным ходом своими силами. Мы поможем тебе вернуться в тот день, чтобы ты скорректировал нынешний трагический курс событий.

— Вы что, действительно это можете? Можете отправить меня в прошлое?

Бог-судья улыбнулся и кивнул остальным судьям.

— Если мы соединим наши умственные усилия, то безусловно сможем. Согласен, создается парадокс, но менее болезненный для Вселенной, чем твои затеи с черной дырой.

— А, отправившись в прошлое, я не ужоу в тюрьму? — поинтересовался Артур.

— Думаю, мы устроим кое-что получше. Мы сами одарим тебя деньгами. Еще одно небольшое чудо, но чудом больше, чу-

дом меньше — какая разница! И ты будешь в порядке, и Вселенная в безопасности.

Артур подумал-подумал и произнес:

— Значит, я не встречу ни Декстера, ни Скаббера...

— Какая жалость! Но разве цена так уж высока?

— И не встречу Меллисенту...

— Встретишь какую-нибудь другую женщину.

— Но не Меллисенту!

— Давай не затягивать спора, увертки тебе не помогут. Женщин на Земле пруд пруди, и даже есть несколько доступных богинь. Поскольку тебя это беспокоит, мы что-нибудь придумаем. Дадим тебе партнершу — так, кажется, у вас выражаются. Но выход единственный, и от него не уйти. Что же ты нам скажешь?

— Какая у меня альтернатива?

— Безмерная боль, которую мы растянем ровно на тот срок, какой еще протянет Вселенная.

— Вы не оставили мне особого выбора, — посетовал Артур.

— А мы и не собирались, — отвечивал судья.

Артур чуть было не согласился. Однако внезапно что-то в его душе шевельнулось — что-то, о чем он прежде и не догадывался. Он не знал, как это точно назвать, но оказалось, что он предан тому порядку вещей, который есть.

— Нет, я не стану никуда отправляться. Черт с вами, пропади вы пропадом! Я люблю Меллисенту! И я не сделал ничего плохого. Я не согласен ничего менять!

— А как же судьба Вселенной? — спросил судья.

И Артур заявил:

— По правде говоря, я просто отказываюсь беспокоиться о Вселенной, способной развалиться на части лишь вследствие моих поступков.

Глава 61

— Ну что ж, — произнес судья.

Он собирался добавить нечто воистину божественное, внушающее трепет, но потолок судебного зала вдруг раскололся трещиной.

— Не-е-ет! Еще рано! — вскричал судья.

Трещина расширилась, сквозь нее проглянуло матово-черное ничто. Судьи стали разбегаться кто куда, но раскрывшаяся

дыра поглотила их, растворила во тьме, и они пропали, словно их и не было никогда.

Артур тоже бросился прочь от скамьи подсудимых — не ради спасения, инстинкт самосохранения куда-то делся, а в изумительном искреннем порыве, не оставившем и следа от пассивности и апатии, которые были столь характерны для него прежде. Новый Артур, слегка и все же существенно отличный от предыдущего, кинулся к Меллисенте и заключил ее в объятия. И даже в секунду, когда разрыв в потолке еще расширился и был готов поглотить его, успел подумать: «Как же прекрасно от нее пахнет!..»

Из угла, где Артур не мог приметить ее раньше, выглянула огромная бронзовая голова Фрэнсиса Бэкона. Голова распахнула бронзовые челюсти и проревела:

— Время есть, время было, время прошло!..

Вселенная задрожала и исчезла.

И появилась вновь, чуть-чуть изменившись.

Прежде всего, в этой новой Вселенной не было судей.

Все остальные были.

— Я грежу или это происходит на самом деле? — обратился Артур к Меллисенте.

— Ты грезишь, и это происходит на самом деле, — ответила Меллисента, обхватив его за шею.

И Артур подумал: «Может, я и не бог, и тем не менее я совершил то, что не по силам ни одному богу. Я спас Вселенную. Или разрушил ее и создал другую, лучшую. По сути это одно и то же».

Какое будущее ожидает его в этом новом мире, с этой новой женщиной, в этой новой жизни? Сплошная неопределенность, однако ее можно перетерпеть. Он сделал шаг вперед. И еще шаг.

Внезапная тишина обрушилась на него сильнее, чем любой шум. Тишина и темнота. Затем огни засияли снова.

Оказалось, что он стоит в одиночестве на огромной сцене, глядя вниз и вдаль, на зрителей, — а их собрались, вероятно, миллионы. Он осознал, что ему даровано бинокулярное зрение неограниченной мощности, и переводил взгляд, охватывая все более и более дальние, все более и более мельчающие ряды, но и

они оставались лишь слабым выражением того, какова же численность аудитории.

На сцене Артур был совершенно один, под сверканием небесных огней, освещающих его под всеми углами и интенсивными до предела. Голос, могучий, как весь мир, оповестил:

— Добро пожаловать, Артур! Настала эра новой Вселенной.

— Но что случилось со старой?

— Она растаяла, затерялась среди воспоминаний обо всех когда-либо существовавших вселенных.

— И мне придется за это отвечать?

— Отвечать? Нет! Скорее уж тебя надо поздравить, поскольку именно благодаря тебе стал возможен новый мир...

Невидимый хор грянул с повторами: «Артур велик, велик!..»

Вселенная объявила:

— А теперь вызываем на поклон главных персонажей, которые сыграли в прежней Вселенной такую важную роль. Выходите, строго по очереди, и поклонитесь почтеннейшей публике...

На сцену вышли Ариман с Астурасом, отвесили поклон и сгинули.

Появились Сэмми и Мими, приветственно подняли руки и тоже исчезли.

Один за другим вышли Скаббер, Декстер, Листячок, Луума, Йаах и еще один бог, Раувольфия, — этот явился под конец и не успел сыграть заметной роли. И все равно ему было позволено показаться, прежде чем обратиться в ничто.

Явилась Меллисента, улыбнулась таинственно и пропала.

Выходили и другие персонажи, которых Артур вовсе не помнил. Каждому, каждому была предоставлена его звездная минута, и каждый растворялся в вечности.

— А теперь исчезну и я? — справился Артур.

— О нет, Артур, — послышался ответ. — Ведь это ты вызвал меня к жизни. Ты один из всего старого мира останешься в новом, и наше будущее опирается на тебя.

— Что-о?..

Артур не верил своим ушам.

— В новом мире ты образец, — продолжал голос Вселенной. — Ты здесь верховный правитель. И, чтобы выразить тебе признательность, мы дарим тебе новехонькую женщину, чтоб она жила с тобой, как только у тебя дойдут до нее руки.

Тихая барабанная дробь — и рядом с Артуром на сцене появилась прекрасная женщина.

— Привет, — сказала она. — Я женская персонификация

грядущей Вселенной. Я избрана для тебя, Артур, и я та, кто тебе по-настоящему подойдет.

— Ты уверена?

— Сам увидишь, — ответила она, подмигнув.

— Итак, — объявила Вселенная, — настоящим провозглашается, что данная Вселенная принадлежит Артуру, и все в ней сотворено для его удовольствия, а несогласные с этим будут призваны к ответу.

Оглушительные аплодисменты.

— Мы приготовили для тебя пир, — сообщила Вселенная. — Решили, что такое начало ничуть не хуже любого другого.

На сцене возник длинный стол, уставленный деликатесами.

— Мне слегка неудобно, — сказал Артур, — но я, пожалуй, не голоден. Я перекусил как раз перед самой этой заварушкой. Я же не знал...

— Этот человек имеет право, — возвестила Вселенная, — не ощущать голода, если ему так угодно. И точно так же он вправе стать голодным, когда только пожелает. Что скажешь, Артур, хочешь ли тебе проголодаться?

— Да, — отозвался Артур. — Пожалуй, это было бы неплохо.

Спустя мгновение он ощутил волчий голод и уселся во главе стола. И тут огни погасли, а затем зажглись снова. Раздался голос, чуть-чуть другой:

— Добро пожаловать в новую Вселенную, Артур. Мы, правда, еще не придумали, что тебе предложить. Но уж, конечно, не такую обременительную чепуху, какую напридумала недавняя Вселенная.

— А что с ней случилось? — поинтересовался Артур.

— Она закончилась.

— Так быстро?

— Графика срока жизни для Вселенных не существует.

Артур осознал, что ему не остается ничего, кроме как ждать дальнейших событий. Реакция, как у любого лентяя.

И началась новая жизнь, в которой Артуру была отведена ведущая роль. В ней не осталось никого из людей, богов и богинь, с кем он встречался прежде. Не осталось даже женской персонализации Вселенной, которую ему прочили в суженые. Подумать только, новая Вселенная, а спать не с кем!

Однако он не чувствовал себя слишком разочарованным, скорее даже предполагал, что произойдет что-нибудь в таком роде. От новых Вселенных можно ожидать любого фокуса, любого трюка.

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

1¹. КАК ТЕСЕЙ ПОЛУЧИЛ РАБОТУ

Рассказывают, что Тесей, проходя через Дельфы, маленький городок к западу от Коринфского перешейка, заглянул в тамошний салун, чтобы выпить кружку пива и закусить гамбургером. На стойке красного дерева валялась забытая кем-то газета; он взял ее и принялся просматривать от нечего делать.

Он был, как обычно, на мели — герой без работы, не способный ни на что другое, кроме как убивать чудовищ да впутываться в неприятности с женщинами. Путь его лежал по горной местности, по старой Дорийской тропе; ел он мало, спал где придется. До дома было далеко, да он и не собирался туда возвращаться: герои, по природе своего призвания, совершают свои лучшие деяния в дороге. Однако ничего подходящего пока не подворачивалось, и он без особой надежды обратился к странице объявлений. И вдруг прочел:

«Требуется герой для опасной работы мифического характера. Необходима высшая квалификация. Тому, кто подойдет, гарантируется бессмертная слава».

— Ну, ну, — пробурчал Тесей, потирая давно не бритый подбородок.

И отправился по адресу, указанному в газете. Это оказалось большое мрачное кирпичное здание на окраине. Тесея направили в кабинет на втором этаже. Шкафы с папками, лампа на ножке в форме буквы «S», кофеварка, лысый мужчина и рыжеволосая женщина, — в общем, все, как везде, ничего особенного.

— Садитесь, — пригласил мужчина. — Вы пришли по объявлению? Очень хорошо, нам нужен опытный персонал на Ригне II и на планете Фортис Минор. Мы специализируемся на гидроста-

¹ Следует иметь в виду, что в виртуальной реальности, какую изображает Р. Шекли, наряду с героями, действительно восходящими к мифам Древней Греции (Тесей, Ахилл, Минотавр, Дедал, Эгей, Ариадна, Минос и др.), выведены и персонажи с греческими именами, однако рожденные воображением автора. Разобраться, кто есть кто, поможет любой энциклопедический словарь. Кроме того, в повести, начиная буквально с первой фразы, намеренно допущены многочисленные, подчеркивающие виртуальность происходящего временные несоответствия. — *Здесь и далее прим. перев.*

тически устойчивых шерстяных костюмах с регулировкой температуры и влажности, и дела идут неплохо, но кто-то должен сопровождать грузы и собирать выручку. Вам приходилось заниматься торговлей, мистер...?

— Мое имя Тесей. И вы меня, по-видимому, не поняли. Я пришел по объявлению относительно героя, а не коммивояжера.

— Ах да, было такое объявление, — спохватился мужчина. — У вас есть при себе какие-либо документы?

Тесей показал диплом об окончании Школы знаменитых героев в Мейплвуде, штат Нью-Джерси, рекомендательное письмо от Ахилла, вместе с которым проходил шестимесячную практику, и другие бумаги — похвальные грамоты, декларации, контракты, свидетельства и тому подобное.

— Да, у нас открылась вакансия для героя, — подтвердил мужчина. — Дело касается одного из наших клиентов, мистера Радаманта, человека очень известного в этих краях, — он судья в царстве умерших и брат критского властителя Миноса. Рада, как мы его называем, владеет крупным ранчо неподалеку отсюда и выращивает там бифштексы из вырезки. Разумеется, они поначалу запрятаны в теле животных, и приходилось немало потрудиться, дабы извлечь их. Но Рада изобрел процесс, который называется забоем скота, и дело пошло на лад. Его бизнес стал процветающим, но нежданно-негаданно явился этот Минотавр и принялся подбивать бифштексы к бунту на той первоначальной стадии, когда их именуют коровами.

— Понятно, — сказал Тесей. — А кто такой Минотавр?

Чиновник пояснил, что Минотавр — один из зверолодей, или человекозверей, какие населяли Землю наряду с полноценными людьми, пока Солон не провел Закон о свободе подавления, позволявший людям избавиться от конкурентов.

Позже Тесей усвоил, что начало подобным неприятностям было положено в эру гибридных чудищ — эпоху социальной раскованности, когда никто не боялся, что его увидят в компании полукозла-полумедведя, даже если у козломедведя есть вдобавок еще и орлиные крылья. Что ж удивляться — то был золотой век, когда люди еще не ведали стандартов и полагали, что все прекрасно, поскольку ничего другого не видели. Век был и в самом деле довольно приятный, не ведающий дискриминации, но затем в горниле доброй единообразной жизни выплавился дух эстетики; люди стали стесняться беседовать с существами,

обросшими мехом, и предпочли поедать их либо заворачиваться в их шкуры.

И началась Последняя решительная облава: зверолодей хватили и отправляли в исправительные отелы, а там расщепляли на атомы и молекулы и собирали вновь: авось выйдет получше. Но Минотавр и несколько других чудовищ ускользнули и удрали в леса, в горы и на отдаленные территории. Минотавр скрывался там годами, вынашивая планы мести человечеству, — своеобразный прототип Калибана¹, злого, звероподобного, коварного, дикого, вероломного, полная противоположность бойскауту. А ныне эта тварь спустилась с гор к людям и затевает беспорядки среди бифштексов, внушая тем идеи насчет их прав и даже устраивая налеты на мясоперерабатывающие заводы — так называются те места, где бифштексы раскладывают по коробкам.

— Вот такая картина, — подытожил чиновник. — Как по-вашему, вы сумеете совладать с ситуацией?

Тесей понимал: в данный момент от него ждут, чтоб он выразил свое отвращение к Минотавру, свою ненависть к не признающему правил скотству, которое тот олицетворяет, а еще удовлетворение от того, что ему, рядовому герою, доверят великую честь избавить Землю от воплощения мерзкого принципа, способного выхолостить человеческую жизнь, обеднить ее, обесцветить и обезвкусить (по выражению эллинов, «будто в Албании»), — от мерзостного принципа, не дающего нам добиться единения.

Но, по чести говоря, Тесей питал к чудовищам определенную слабость. По-своему это было неизбежно: между героями и чудовищами развивается особое взаимопонимание, поскольку профессия у них, в сущности, одна. Также между ними есть то общее, что ни те ни другие не могут заработать на достойную жизнь.

— Ну да, ну да, — заявил Тесей, — минотавры омерзительны. Я, правда, ни с одним из них дела пока не имел, химеры мне лучше знакомы, но какого черта, чудовище — это чудовище. Уверен, что сумею с ним справиться. Вспоминаю химеру, которую я выслеживал в стране апачей у Пеонийского залива...

— Мы с удовольствием послушаем ваш рассказ в следующий раз, — вмешалась женщина. — Сейчас нам нужен прямой ответ: да или нет?

— Не волнуйтесь, я возьмусь за эту работу, — ответил Тесей.

— Когда вы сможете приступить?

¹ Персонаж из шекспировской пьесы «Буря», уродливый дикий.

— Да прямо сейчас, — заявил Тесей, откидываясь в кресле «летучая мышь» и задрал один ковбойский сапог цветной кожи на стойку случившегося в комнате бара. — Полагаю, что за это стоит выпить, прежде чем я выйду на улицу и примусь за чтение следов.

— За чтение следов? — переспросил чиновник, оборачиваясь к рыжеволосой. — Дорогая, ты догадываешься, о чем он толкует?

— Слушайте, недотепы, — брякнул Тесей, — в чтении следов нет ничего особенного, но когда имеешь дело с индейцами, особенно с племенем Минотор, надо включить кое-какую смекалку или быстренько призвать ее у кого-нибудь...

— Тесей, — опять вмешалась женщина, — по-моему, вы выпадаете из исторического контекста.

— Индейцы племени Минотор, — не смутился Тесей и сдвинул кружку пива, — способны двигаться по скалам совершенно бесшумно, разве что слегка шаркая мокасинами. Но если они выходят на военную тропу, то оборудуют мокасины глушителями.

— Ну-ка прекратите, — распорядился мужчина.

Тесей ошеломленно поднял глаза. Героям часто мечтается, чтоб им позволили изменить хотя бы некоторые правила игры в героев и чудовищ: нарушить исторический контекст, прогнать зрителей, взять штурмом замок любви, соединить силы обеих сторон — вместе они стали бы и впрямь непобедимы. Однако этого никогда не случается, сама монтажная схема Вселенной этого не допускает, и уж раз вам не позволено влюбиться в чудовище, остается только убить его.

— Извините, — произнес Тесей, — забылся на мгновение.

— А вы случаем не страдаете умственной неполноценностью? — осведомилась рыжеволосая.

— Для героя я совершенно нормален, — изрек Тесей. — Никуда не денешься, надо быть слегка с придурью, чтобы браться за такую работу.

Он подписал временный контракт — позже его уполномоченный тщательно прочтет каждую строчку и, если одобрит, придаст документу окончательный вид — и получил обычный для охоты на чудовищ авансовый чек. Когда предварительные формальности были завершены, все почувствовали, что проголодались, да и время настало обеденное. Обед с импресарио после подписания контракта — обычно самый прекрасный миг в охоте на чудовищ.

2. ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ЗА МИНОТАВРОМ

После обеда они отправились прямо на командный пункт. Без рыжеволосой. В промежутке между главами ей принесли телеграмму с известием, что она победила на каком-то мелком конкурсе красоты и что, кроме того, на семейном участке в Салк-Сити, штат Флорида, нашли нефть. И эта надутая и необщительная особа без задержки удалась из повествования. Да послужит сие уроком для других персонажей.

На командном пункте царил та атмосфера напряженности и ожидания катастрофы, какая свойственна столь многим бестселлерам. Последние данные о перемещениях и намерениях Минотавра вспыхивали на телевизионных экранах. Суетились техники с блокнотами, полными уравнений, вызывая к жизни идеи научной фантастики. Слышался низкий электрический гул, а еще заикающийся перестук синтезатора второй фазы, выдающего прогнозы настроений. И все же Тесей не мог не обратить внимания на темноволосую девицу, прошествовавшую мимо с пачкой компьютерных распечаток, сделанных, наверное, специально для того, чтоб ей было чем занять руки. Девица была прелестна: короткая юбка, высокие каблочки, свежее личико, — и они успели обменяться взглядами, даже не взглядами, а взглядами, мимолетными взорами, и все же в этой мимолетности сверкнуло обещание будущего взаимопонимания: от ее взгляда свело кишки, она ясно дала понять, что Тесея заметили и будут сообщать, стоит ли думать о нем в дальнейшем.

Впрочем, в данный момент Тесею было не до девицы. Он углядел, что зелено-красные индикаторы тотального поиска Минотавра замерли, перечеркнувшись крест-накрест: чудовище засекли!

Верховный жрец из технических секретарей, в зелено-оранжевой форме, люминесцентных перчатках и плиссированной шапочке, записал ряд цифр на бумажке и передал ее Тесею.

— Координаты вам вот, — произнес он, и странная конструкция фразы в сочетании со свистяще-шипящим выговором выдали в нем нарочитого грубияна с Гнаги I.

Тесей взгляделся в цифры, закладывая их в память. На самом-то деле память у него была не ахти, надолго там ничто не задерживалось. Затем он вскинул на плечо рюкзак с оборудованием для поиска и убийства Минотавра и направился в предместье, откуда начинался след чудовища. На пути за город он позволил себе единственную остановку в бакалейной лавочке, где обменял свой охотничий аванс на наличные. Вы, наверное, сами догадались, что лавочка была греческой.

3. НЕ ХОЧЕТСЯ ВИНИТЬ ВО ВСЕМ ДЕДАЛА

???????????? но большинство нынешних осложнений возникло вследствие его упущений. До того как он ввел принцип неопределенности и смешал в своем лабиринте все времена и страны, мы, эллины, справлялись с жизнью совсем неплохо. Наша история казалась слегка запутанной, однако в конечном счете развивалась по прямой, хотя множество людей прилагали все усилия, чтобы стало не так. После того, как Дедал расширил наши горизонты, разразилось великое смятение. До Дедала смятение тоже было, но самое обыкновенное.

Ныне я один из тех, кому на долю выпал Тесеев архетип. Меня унифицировали, и это не доставляет мне особого удовольствия. Но ведь в прежние времена, прежде чем Дедал решил, что Хьюм¹ прав, последовательность событий вовсе не подразумевала их причинной связи!

Биография Тесея, она же и моя: моего отца звали Эгей, и он был сыном Пандиона, отцом которого был, в свою очередь, Эрехтей, царь афинский. Эрехтея убил Посейдон, и сыновья царя передрались из-за престолонаследия. Выбор пал на Кекропа, но его принудили бежать в Мегару, а оттуда на остров Эвбея, где к нему присоединился еще один брат, Пандар. На трон возшел дедушка Пандион, но не сумел удержать власть в борьбе с собственным братом Метионом, а после смерти Метиона — с его сыновьями.

Дедушке пришлось также бежать из Афин в Мегару, где он женился на Пиле, дочери царя Пилия. Когда Пилию пришлось уехать на несколько лет, дедушка взял бразды правления в Мегаре в свои руки.

Но вот дедушка умер, четверо его сыновей пошли походом на Афины и вышвырнули сыновей Метиона. Потом победители бросили жребий, и моему отцу достался главный приз — сами Афины. Остальные поделили между собой отдаленные регионы.

Разумеется, в детстве я ничего этого не знал. Меня растили в неведении, кто мой отец.

Драматурги взяли за обыкновение описывать мое детство, сводя его к эпизоду с мечом, который мой отец Эгей оставил для меня под скалой. Но краткости ради я расскажу о другом, о чем

вы, вероятно, не слышали: как и почему Эгей был лишен возможности признать меня.

Отец пробовал жениться дважды, но с сыном ему не везло. Первая его жена, Мелита, была привлекательна, но бесплодна, и вторая, Калсиопа, невзирая на сиплый голос и самоуверенность, оказалась ничуть не лучше. Отца это тревожило, он посоветовался с дельфийским оракулом и услышал, что ему не следует развязывать мех для вина, покуда он не взойдет на самое высокое место в Афинах, — если, конечно, его не прельщает перспектива в один прекрасный день умереть от горя. Эгей не мог взять в толк, на что намекает мудрый оракул.

Возвращаясь из Дельф, он сделал остановку в Коринфе, где произошли его известные встречи с Медеей. Затем он остановился в Троицене, где царствовал его давний друг Питфей. Там же был и брат Питфея, которого назвали тем же именем, что и город. Оба они недавно вернулись из Пизы и разделили власть с прежним царем Этием.

У Питфея были трудности с дочерью Эфрой. С моей будущей матерью. Если бы Эфра вышла замуж за Беллерофонта, как намечалось первоначально, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе. Однако Беллерофонт попал в передрагу, и его пришлось выслать. Мама оказалась в затруднительном положении. Она должна была родить сына, чтоб исполнить свое божественное предназначение, но подходящего супруга не находилось. Приезд моего отца оказался подарком судьбы. Хотя отец, понятное дело, так на это поначалу не смотрел.

Питфею удалось напоить отца допьяна и уложить к Эфре в постель. После чего, по преданию, с моей матерью вступил в связь еще и бог Посейдон. Возникает интересный вопрос: а что, если я на самом деле сын Посейдона? Это сделало бы меня полубогом — в древней Элладе такой статус считался весьма завидным.

Так или иначе, Посейдон отрекся как от меня, так и от матери. Упоминаю о возможности божественного отцовства лишь потому, что она зафиксирована в источниках.

Папа велел маме, если будет ребенок, помалкивать о том, от кого. Смысл простой — он пытался уберечь ее от пятидесяти детей Палласа. Тот был братом старого недруга отца, Метиона. И если только проведаль бы, что мама ждет дитя от Эгея, то непременно попробовал бы убить ее во имя своих собственных притязаний на афинский трон.

Вот так получилось, что я вырос в Троицене и, хотя не ведал

¹ Дэвид Хьюм (1711—1776) — шотландский философ и историк.

своей родословной, тем не менее подозревал, что мне уготовано великое будущее. Все это происходило до того, как Дедал построил свой лабиринт, ввел принцип неопределенности и предоставил мне возможность прожить много жизней, и все по-разному.

4. ДЕДАЛ

Множество осложнений воспоследовало за тем, как Дедал построил свой Великий Лабиринт для царя Миноса, правителя Атлантического Крита.

До того в течение долгих веков продолжался классический период. Золотой век Афин. Боги, Гомер, Платон и все такое прочее.

Лишь один человек во всем круге античности понимал, что привычному стилю жизни вот-вот придет конец. Дедал был способен превратить этот стиль в нечто иное. Его с полным правом можно назвать первым современным человеком.

Компьютерные исследования подсказали Дедалу, что Кносос, Крит, вся цивилизация Атлантиды должны вылететь в трубу вследствие неотвратимой природной катастрофы. Сделанные Дедалом выводы просочились в свет, и в царстве Миноса начались беспорядки. Люди полагали, что подобные виды на будущее просто нетерпимы.

Минос не спорил и созвал семь мудрецов Эллады для мозговой атаки. Мудрецы выдвинули идею лабиринта и порекомендовали поручить это дело Дедалу.

5. ТЕСЕЙ В ЛАБИРИНТЕ

Итак, Тесей ищет Минотавра в лабиринте, который Дедал возвел для Миноса давным-давно, в дни расцвета Атлантиды.

Вокруг день, день без особых примет, похожий на любой другой в истории лабиринта.

Лабиринт, или все вверх ногами, — магическое творение, испытательный полигон для героев, место, где сосуществуют самые разные реальности в многократных повторях. Лабиринт — высшее достижение атлантической научной алхимии, роскошный памятник цивилизации, уже склоняющейся к закату и обреченной на гибель в природной катастрофе, а в то же время обреченной на вечную жизнь благодаря искусству Дедала.

Базовая ситуация достаточно проста. Тесей должен разыс-

кать Минотавра, кошмарного монстра, получеловека-полуживотного. Разыскать и убить, а затем найти дорогу обратно в привычный мир.

Эта ситуация проигрывалась множество раз с самыми разными результатами и с разными исполнителями в ведущих ролях. Я отнюдь не единственный Тесей — их было без счета и будет без счета. Я всего-навсего текущий исполнитель и к тому же повествователь, хотя на деле отнюдь не я сочинил повесть в целом. Немного позже я это объясню. Однако в настоящий момент я — Тесей, профессиональный охотник за минотаврами или, вернее, один из длинной цепи Тесеев — а они приходили сюда с тошнотворной регулярностью с тех самых пор, как Дедал ввел принцип повторяемости в схему лабиринта, более сложного, чем мир, в котором его построили.

6. ЛАБИРИНТ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ДЕДАЛА

Тесей вовсе не испытывал уверенности, что ему действительно удастся прибить Минотавра. Древние легенды изображают сие деяние исключительно простым и незамысловатым, но это лишь байки для широкой общественности. В реальности все обстоит по-иному. Даже если отбросить на минутку характер и особенности Минотавра и не принимать во внимание внушительный список его побед, а учитывать только протяженность и разветвленность лабиринта, бесчисленность переплетенных ходов, — задача Тесея кажется безнадежной. Как найти Минотавра внутри лабиринта?

Это было, вне сомнения, величайшее достижение Дедала — соорудить лабиринт, больший, чем мир, в котором его построили. В лабиринте одновременно присутствовали прошлое и настоящее, в его бесчисленных извивах и поворотах прятались все эпохи и страны. И вообще в лабиринте можно отыскать все что угодно, хотя не стоит ждать ничего определенного, — не знаешь, кто или что объявится буквально через минуту. Там скрывается столько разнообразного народу и всевозможных предметов; по правде говоря, там больше всяких существ, чем в самой природе, — химеры и гарпии, титаны, лапифы и кентавры, немейские львы, стимфалийские птицы и тому подобное. Небывалое, мифическое поджидает за каждым поворотом, а вот напороться на то, что специально ищешь, шансов крайне мало. Можно целую вечность шляться по запутанным ходам и перекресткам Дедало-

ва лабиринта и не найти никого, кто хотя бы видел Минотавра, не говоря уж о том, чтобы разыскать само чудовище.

Тесей проголодался. В его рюкзаке было полным-полно всего, что вдруг да понадобится в походе, но не обнаружилось ничего съедобного, по крайней мере, съедобного на данный момент. И вокруг не вырисовывалось никакой пищи. Вокруг, честно сказать, не вырисовывалось вообще ничего. Тесей стоял в центре серой бесформенной пустоты, в той части лабиринта, которая не была завершена, — Дедал намечал ее доделать, да никак не доходили руки.

Зато, роаясь в рюкзаке, Тесей обнаружил дорожную карту — волшебную карту, способную воссоздавать то, что на ней изображено. Карта показывала Кноссос, город царя Миноса; город и сам был частью лабиринта.

И вот оно, магическое мгновение преображения, и никто в целом свете не скажет вам, как это происходит. Тесей развернул дорожную карту, а когда поднял глаза, оказалось, что пустота исчезла, быть может, влилась в какую-то другую пустоту, а он стоит на узенькой, мощенной булыжником улочке. По обе стороны от него высятся дома с крутыми крышами и выступающими окнами. А прямо перед ним — отель с ресторанчиком на первом этаже; карта уверяла красным цветом, что отель двухзвездочный. Погода стояла мягкая, весенняя, и хозяин бодро вышел на улицу в рубашке с короткими рукавами. Он расплылся в улыбке, и не оставалось сомнений, что ему-то известно, как позаботиться о голодных героях.

Так уж заведено. Заведено жизнью, или Дедалом, или теми, кто вводит нас, тесеев и минотавров, в игру. Немыслимо найти именно то, что ищешь, ничего нельзя планировать заранее, но подчас события просто поворачиваются так или иначе. Тесей нисколько не удивился, что очутился здесь. В лабиринте описание может стать описываемым объектом, а карта — изображенной на ней территорией. Тесей вошел в ресторан.

Хозяин подвел героя к освещенному солнцем столику у окна. Тесей сложил карту, сунул ее обратно в рюкзак, а рюкзак прислонил к стене, расстегнул джинсовую куртку, закурил сигарету и расслабился.

Меню было написано на невнятном местном диалекте, но Тесей наловчился разбираться в меню интуитивно, как все герои, кого то и дело заносит в отдаленные края. Он сделал заказ и попросил пива — пиво немедленно. Пенную кружку принесла хорошенькая блондиночка в кружевной белой блузке и черной юбке. Отхлебнув пива, он проводил ее взглядом и оце-

нил походку. Вскоре блондиночка принесла еду, он насытился до отвала, ослабил пояс и откинулся на спинку стула, наслаждаясь кофе и сигаретой.

Лабиринт позволял изредка такие приятные минуты, когда опасность кажется смутной-смутной, когда можно забыть о Минотавре, забыть о прошлых неприятностях с Ариадной и будущих неприятностях с Федрой, забыть даже о том, что в лабиринт его привел профессиональный долг, что он впутался в сомнительную авантюру ради развлечения других, а именно придворных Миноса, которые следят за ним и за прочими героями по экранам своих сферических телевизоров, и все его усилия совершаются, собственно, в их интересах.

Не в первый раз в жизни он задумался: а не отступить ли, не прекратить ли охоту на Минотавра, что уже завела его так далеко от Афин, далеко от давно надоевших утех лабиринта, далеко от Ариадны и детей. Он бы не возражал остаться здесь, в этом славном отеле, снять комнату наверху, подружиться с блондиночкой-официанткой, пошататься по местным музеям, картинным галереям, рок-клубам и иным окрестным заведениям, если таковые найдутся.

Правда, он не говорил на местном диалекте, но это не слишком серьезное препятствие. В своих путешествиях Тесей пришел к выводу, что, с учетом профессиональной способности разбираться в меню, важной для выживания в любом мире, может легко обойтись буквально десятком слов местного наречия. В незнании местного диалекта обнаруживались даже свои преимущества: оно спасало Тесея от политических дискуссий с иноземцами и от культурных споров, которые обернулись бы еще хуже. И притом отсутствие общего языка ничуть не мешало ему обзаводиться очаровательными юными подружками-иностранками, — когда они выражали свое удовольствие улыбками и жестами, это было куда лучше слов, бесконечных слов.

Тесею нравились иностранки, их облик, их аромат, их экзотические тряпки и непривычное поведение. Впрочем, жаловал он и милых веселых женщин родной Эллады. Прямо скажем, он был жаден до женщин, как и пристало герою, и в то же время преклонялся перед ними как поэт. Однако его романы никогда не бывали затяжными, что-то обязательно шло наперекосяк, оставляя ему на память неприятное чувство вины и всяческие осложнения. И он это знал, знал, что должен держаться подальше от неприятностей, довести дело до конца, выполнить контракт, найти и убить Минотавра. Но мудрость не входит в число добро-

детелей, присущих героям, а в этой блондиночке-официантке было что-то такое...

Он наблюдал за ней. Как притворно-скромно она движется меж столиков, разнося еду и напитки, — коротенькое форменное платьице, черные чулочки, глаза dolu, олицетворение свежести, невинности и детской сексуальности. И она обратила на него внимание большее, чем на обычного посетителя, — что можно и нужно использовать «в контексте подготовки», по бесмертному выражению Хайдеггера¹, по выражению, которого Тесею не следовало бы слышать и которое он тем не менее благодаря махинациям Дедала слышал и запомнил, наряду с кучей других сведений, более уместных в памяти путешественника во времени, нежели древнего мифического героя. Так или иначе, она проявила к нему интерес. На сей счет у него не возникало сомнений — героям положено схватывать такие вещи на лету.

Подойдя к его столику, она обратилась к нему на ломаном эллинском. Ему понравилось, как ее ясный легкомысленный голосок калечит его родной язык. Она всего-навсего спросила, не хочет ли он еще кофе, но он уже почти влюбился в нее.

Как было бы здорово поселиться вместе с обаятельной особой женского пола, которая пользуется для выражения своих мыслишек улыбками и кивками, как было бы мило жить в квартире с высокими окнами, глядящими с верхнего этажа на булыжную улицу, вот как эта. Как хорошо было бы проснуться с этой теплой, благоухающей милашкой под боком! Он был убежден заранее, что она не станет залеживаться в постели — выучка официантки заставит ее вскочить, чтобы подать ему кофе. И она будет улыбаться, ласково улыбаться даже с утра.

Да, конечно, он не откажется от второй чашки кофе! Официантка удалилась, дабы ублажить клиента, а лукавый Тесей развалился на стуле, размышляя вновь и вновь, не начинается ли приключение более приятное, чем опостылевшая охота на Минотавра.

7. АРИАДНА ВЕРЕТСЯ ЗА ТЕЛЕФОННУЮ ТРУБКУ

Первоначально Тесей отплыл из Троисены, городка на границе скифских земель. Понятно, что именно туда и кинулась звонить Ариадна, когда до нее дошло, что герой оставил ее одну

на острове Наксос. Не то чтоб она очень уж удивилась: древние мифы были известны ей не хуже, чем всем остальным, но она просто не верила, что Тесей бросит ее на Наксосу. Тем не менее так оно и случилось.

До Тесея она не дозвонилась. Удалось связаться только с Максом, Тесеевым уполномоченным по контрактам.

— Он в походе, — ответил Макс. — Наконец-то опять закрутилась катавасия с Минотавром.

Бедная Ариадна! Слезы потекли у нее по щекам. Она затараторила в трубку:

— Ты передашь ему мое послание? Передай, что на Наксосу утро и что беспрерывно идет дождь. Передай: он был не вправе делать то, что сделал, — а впрочем, этого не передавай, иначе он рассердится. Передай, что я послала ему синий плащ героя; плащ понадобится, если погоня за Минотавром заведет его в северную часть лабиринта. Передай: среди вариантов древнего мифа есть один, где утверждается, что Тесей с Ариадной поселились на Наксосу и жили там до конца своих дней. Напомни: мы с ним решили, что именно этот вариант правилен, — вдруг Тесей запаматовал?

Скажи Тесею, что Дионис приплывал сюда на прошлой неделе на своем паруснике и заявил со всей определенностью, что не несет за меня никакой ответственности, пусть легенда и заверяет, что Дионис влюбится в меня, женится и мы заживем с ним на Наксосу в согласии и счастье. Правда, он добавил, что не исключает такого в будущем — он, мол, находит меня привлекательной, но сперва должен доделать кое-какие дела. Должен разыскать свой мотоцикл, который кто-то позаимствовал, и выгнать нахалов-титанов, вселившихся в его квартиру в центре Наксоса без разрешения, и пока он с этим не справится, я вольна делать, что мне угодно.

Передай Тесею, что мне пришлось продать его оранжевую кольчугу, полосатый щит, набор мечей и еще кое-что, просто чтобы свести концы с концами.

Передай, что я не припоминаю ни одного своего поступка, который оправдывал бы такое поведение с его стороны; согласна, что в последние недели перед отъездом с Крита наша жизнь была безалаберной, но ведь мы вынужденно обшаривали весь остров в поисках кого-то, кто взялся бы очистить голову пойманной им Медузы и соорудить демонстрационную клетку из оливкового дерева с зеркалом, чтобы любопытные могли взгля-

¹ Мартин Хайдеггер (1889—1976) — немецкий философ. Главная его работа «Бытие и время» вышла в 1927 году.

нута на узницу, не обратившись в камень. И не моя вина, что с утра до вечера шел дождь, — разве я распоряжаюсь погодой? Дионис просил сообщить Тесею, что достал божественный напиток сому, который заказывал наш герой, и передаст ему просимое, где и когда подвернется случай.

Скажи, что, по-моему, Дионис начинает интересоваться мной всерьез, несмотря на свои грубые выходки. Не знаю, как и отвечать ему: какому варианту какого из древних мифов я должна следовать? Внуши Тесею, чтоб он сообщил мне хоть что-нибудь: мне действительно нужны хоть какие-нибудь подсказки, а пока что я остаюсь его любящей Ариадной.

— Не беспокойся, — отозвался Макс. — Я все передам.

8. МИНОТАВР

Невзирая на свой исполинский рост, на копыта, острые, как ножи, на черный хвост, способный хлестать бичом, на зубы-кинжалы плотоядного быка, порожденного кошмаром, на рога, заточенные, будто иглы, и способность развивать невероятную скорость, невзирая на безупречные победы над немейским львом и крылатым ониксом сабатеян, — невзирая на все это, но в соответствии со скрытой жвачной сущностью натуры, Минотавр оставался боязливым и трепетным созданием, преисполненным угрызений совести и истерзанным мелкими сомнениями.

Он не залеживался в своем логове — там он был слишком уязвим при внезапной атаке. Он усвоил, что наилучшая защита — находиться все время в движении, а потому беспрерывно бродил туда-сюда, то забираясь в глубь витков Дедалова лабиринта, то устремляясь наружу.

Ах, как он жалел об утрате прежнего лабиринта, который некогда построили для него под дворцом в Кнососе; там ему ежегодно присылали, как лакомство, хорошеньких малюток-танцовщиц. Тогда он презрительно фыркал: праздничный ужин раз в году — зачем это надо? Теперь он отдал бы все, что угодно, лишь бы вернуть уют каменных стен, который казался прежде раздражающе однообразным, лишь бы очутиться вновь в тех проходах — там были тысячи поворотов и ловушек, однако он изучил их лучше, чем содержимое собственного черепа. И находил надоедливими — ну и наивным же чудовищем он был в те времена!

Нынче все изменилось. Прежний лабиринт исчез, вернее,

разросся и стал повсеместным, былой мир распадался, и только Дедал как-то сдерживал этот распад силой воли и магическими придумками. Вне сомнения, Дедалу стоило бы поаплодировать, — но куда эти самые придумки завели Минотавра? В дикую глушь — он спит в лесу, охраняемый стайками малых птиц, которые кормятся паразитами из его волосатых ушей и платят ему тем, что по очереди бодрствуют и предупреждают о возможной опасности: «Глянь, вон там шевельнулся листок, а там качнулась ветка, какая-то тень мелькнула по небу и пересекла луну...»

В большинстве своем тревоги оказывались ложными. Нескольким раз Минотавр обращался к птицам: пожалуйста, в порядке личного одолжения, вносите в свои предупреждения хоть оттенок оценки, чтоб я мог соснуть, не вскакивая по двадцать раз за ночь в ответ на ваши опрометчивые сообщения про подозрительные тени, которые на поверку совы, и непонятные шорохи, которые всего-навсего мыши. В ответ малые птицы щебетали, возмущенно взмахивая крылышками: «Мало тебе того, что мы несем вахту ночи напролет, высматривая и вынюхивая, нет ли вокруг угрозы? Мы твоя система раннего предупреждения, о Минотавр, может, и неразборчивая, зато бдительная, — а тебе этого мало, ты хочешь от нас, от бедных безмозглых пернатых, еще и попыток логического анализа, чтобы мы не только замечали, но интерпретировали наши наблюдения и решали, что может тебя встревожить, а что не должно. Ты неразумен, о Минотавр, и недобр. Не хочешь ли ты, чтобы мы покинули тебя, улетели навестить своих родственниц-жужжалок и предоставили тебе, раз уж ты такой умный, самому решать, что означает тот или иной звук во мраке ночи?..»

И Минотавр приносил извинения — самая скверная система предупреждения все-таки лучше, чем вообще никакой: простите, я требую от вас слишком многого, у Минотавра хватает забот и без того, чтобы приобретать новых врагов, теряя старых друзей. «Не сердитесь, останьтесь со мной...» Хоть он и без того догадывался, что никуда малые птицы не улетят, — этих жужжалок, про которых они толкуют, кто-нибудь видел? Однако формальностей было не избежать, и он приносил извинения, просил их остаться, продолжать дежурство, как раньше, и в конце концов они соглашались, сперва ворчливо, а потом сменяли гнев на милость и кружили, кружили вокруг него смутным облаком.

Раз уж не судьба вернуться в прежний каменный лабиринт, Минотавр чувствовал себя лучше всего в лесу, в чаще, где деревья стоят плечом к плечу, а между ними стелются густые кусты с

колючей и трескучей листвой, почти подобные лабиринту, — чудовище одолеет их без труда, а человек, даже такой герой, как Тесей, попотеет и наделает шуму.

А кроме того, в лесу полно доброй еды. Чувства Минотавра действовали в соответствии с человеческими эквивалентами. Где человек увидел бы желуди, гнилые чурки, трупки крыс, там Минотавр усматривал оливки, пиццу, рагу из зайца. Хорошая штука — лес, весь в зелено-серых пятнах, в доисторических камуфляжных цветах.

Минотавр с восторгом прожил бы в лесу до конца своих дней. Но, увы, тому не бывать: когда вы в лесных дебрях, они кажутся бескрайними, однако не успеешь глазом моргнуть — и выйдешь на открытое место, увидишь человечьи поселения и струйки дыма от кухонных костров, услышишь вопли играющих детей и поймешь, что вновь наступит цивилизацией. А едва надумаешь отступить назад, в милую сердцу чащобу, тоже не получается: издалека донесется звук охотничьего рога, собачий лай и визг, и не остается иного выхода, кроме как двигаться дальше, двигаться дальше.

Не подумайте, что у Минотавра не было уловок на случай, если он попадал на территорию, заселенную людьми. Вам, естественно, кажется, что на мужика семи футов ростом, черного, как сажа, с бычьей головой и потеками пены на морде, невозможно не обратить внимания. Ничего подобного. Люди ненаблюдательны. И Минотавр имел про запас несколько фокусов, уже доказавших свою эффективность в прошлом. Одно из ухищрений — замаскироваться под темно-синий полицейский фургон марки «Рено» с полисменами, приникшими к стеклам. Глубоко-глубоко в гортани Минотавр воспроизводил гул мотора, работающего на малых оборотах. Фургон полз по улицам, по крышки шелестели, предвещая ужасную боль и бессмысленное возмездие, и люди старались избегать того, кто нарядился фургоном. Даже те, кто не обманывался, быстренько отворачивались и занимались своими делами, поскольку было известно, что полиция маскирует свои фургоны под минотавров, нарядившихся фургонами, и таким хитрым извращениям нет конца, — в общем, разумный человек предпочтет не соваться в то, что его не касается.

Черт бы побрал неуловимого Минотавра! Право, как может кто бы то ни было, даже герой и, коль на то пошло, даже бог, надеяться разыскать его, предрасположенного к бегству, да еще припасшего десятки хитрых уловок, например, на случай, когда ему заблагорассудится спокойно пообедать в индийском ресто-

ране? А ведь находят — и нагло орут: «Эй, ребята, вот он, ну-ка шлепнем его, ха, ха, получи, и еще получи, красавец, гляньте, мы добыли Минотавра, или уж как там они называются. Отис, ты с Чарли поддержи его за бодалки, пока Блю не отпилит ему башку цепной пилой, а потом в бордель к матушке Татум — мы заслужили капельку удовольствия...»¹ Нечасто, но все же бывает.

Дудки, только не в этот раз! Тут все как надо, опасности не предвидится — у Минотавра, затравленного чудовища, развился нюх на опасность. Вон впереди, посередине мощенной булыжником улочки, вполне приличный ресторанчик. Разве не славно будет зайти, отведать для разнообразия культурной еды и запить ее стаканчиком винца! Деньги у чудовища были, вернее, не деньги, а дорожные чеки, годные повсюду во Вселенной. Чудовищ с дорожными чеками не выгоняет никто. По сути, Минотавр пришел к выводу, что деньги — наилучшая маскировка из всех возможных. Если у вас недостаточно денег, ни одна собака не заподозрит в вас чудовище — все решат, что вы просто эксцентричный иностранец.

Да, хороший обед определенно поправит ему настроение. И Минотавр направился в сторону ресторанчика, постукивая копытами по булыжникам.

9. ЛАБИРИНТ, БОЛЬШЕЙ, ЧЕМ МИР

Очень долго нельзя было обрести уверенность совершенно ни в чем. Потому что миром лабиринта правил принцип неопределенности, и это не нравилось никому, кроме Дедала. Обитатели относились к принципу с ненавистью. Дедал, говорили они, ты зашел слишком далеко. Ничего хорошего из твоей затеи не получится, ты позволил себе увлечься чистой теорией. Будь же благоразумен, установи хотя бы два-три непреложных факта, обнародуй какие-то инструкции, дай нам, по крайней мере, возможность уклоняться от нежелательных встреч и явлений. Нам нужен хотя бы маломальский порядок. Маломальский порядок — о большем не просим, Дедал, но чтобы все шло, как заведено, ну сделай это ради нас, ладно?..

Дедал никого не слушал. Критиков своих он считал не стоящими внимания, допотопными слюнтяями во власти старомодных идей. Прежних установлений, по каким они тоскуют, никогда не существовало, и уж тем более их не вернуть.

¹ Пародийная цитата из гангстерского боевика.

Но люди в лабиринте, вопреки Дедалу, вопреки закону неопределенности, сами выработали для себя кое-какие правила, просто ради того, чтобы избежать хаоса и хоть что-нибудь планировать наперед.

Взять, к примеру, проблему Минотавра. Множество Тесеев являлись сюда, разыскивая сказочного зверя. И чтобы снабжать их всем необходимым, родилась целая индустрия. В любом газетном киоске можно купить стандартный справочник по минотавроведению, с удобными указателями и схемами. Можете, если хотите, опробовать предложенную Гермесом адаптацию пифагорейской системы негативных допущений. Вообще говоря, есть много различных систем, и все в известной степени работоспособны, — отнюдь не вследствие присущих им достоинств, а благодаря тому, что лабиринт по не вполне понятным причинам видоизменяет свою бесконечно разнообразную топологию в соответствии с намерениями игроков. А потому нельзя ни рассчитывать найти именно то, что ищешь, ни надеяться избежать этого.

10. КАТУШКА НИТОК

Не так-то часто катушка ниток становится одним из центральных персонажей действия. Но в данном случае никуда не денешься — это так. Главные компоненты нашего повествования — Тесей, лабиринт, Минотавр, Дедал, Ариадна и еще нить, решающее звено, связывающее героя с внешним миром: Дедал вручил нить Ариадне, а та передала Тесею. Следуя изгибам и извивам волшебной нити, Тесей оказался в состоянии найти дорогу в глубь лабиринта, туда, где спал Минотавр, убить чудовище, а затем найти путь обратно на волю. Так утверждает общепринятая версия легенды.

В действительности это лишь упрощенное объяснение, зато доступное варварам-дорийцам из цивилизации, которая пришла на смену Атлантиде, когда хитроумные технологии Дедала были утрачены в катастрофе, поглотившей более древний мир. На поверку катушка ниток — не что иное, как система самонаведения, механическая ищейка, запрограммированная на поиск Минотавра зрительными, слуховыми и обонятельными средствами. Квазизживая сущность, к тому же подверженная трансформации, как, впрочем, и все в Дедаловом лабиринте.

Когда система принимает форму нити, она подобна кордовому снаряду, скорость которого регулируется мыслительными импульсами оператора. Однако она способна и менять форму

самопроизвольно, без предупреждения, в соответствии с суровыми, хоть и малопонятными, законами волшебной инженерии.

И вот, представьте, сидит себе Тесей в ресторане, развалился на стуле и уютно флиртует с официанткой, и вдруг слышит, что в рюкзаке что-то пищит. Приоткрыл клапан — и на свет вылезла мышь, хорошенькая такая, пожалуй, мелковатая, но сложенная изящно и окрашенная в желто-зеленый цвет.

— Ну и ну, — изумился Тесей. — Приветик, мышка! И давно ты путешествуешь в моем рюкзаке?

— Кончай сюсюкать, — огрызнулась мышь. — Когда мы делились с тобой в предыдущий раз, я имела вид катушки ниток.

— Зачем же ты превратилась в мышь? — осведомился Тесей.

— В соответствии с требованиями ситуации.

— Понятно, — отозвался Тесей и больше ничего не спрашивал: стало ясно, что мышка, как многие волшебные существа, в совершенстве освоила искусство уклоняться от прямого ответа.

А про себя он еще подумал, что данная мышка символизирует одноименное устройство, перемещающее курсор по компьютерным дисплеям.

— Нам пора идти, — заявила мышь.

— Прямо сейчас? — удивился Тесей. — Здесь в ресторане так мило, и разве нас кто-нибудь гонит? По-моему, у меня с Минотавром на то, чтобы найти друг друга, есть целая вечность или по крайней мере долгий-предолгий срок. Давай я закажу тебе плошку молока и кусочек сырку, а начало охоты мы отложим примерно на недельку, хорошо?

— Ничего не получится, — отрезала мышь. — То есть не подумай, что я лично куда-то спешу. Окончу эту охоту — меня тотчас пошлют на другую. Мне все равно, искать Минотавра или, допустим, гипотенузу. Такова уж участь систем самонаведения, ничего не попишешь. Но тут так заведено, что если что-то происходит вообще, то происходит внезапно. Минотавр в движении, и если мы не будем двигаться синхронно, я могу потерять след. Тогда тебе на поиски и впрямь понадобится вечность, если не дольше.

— Превосходно, — сказал Тесей, поднимаясь на ноги. — Хозяин, счет! Полагаю, вы принимаете карточки «Виза»?

— О да, — отвечал хозяин. — Здесь, в лабиринте, уважают все распространенные кредитные карточки без исключений.

Тесей поставил подпись и огляделся, желая попрощаться с официанткой, но мышь буркнула:

— Не беспокойся, ты с ней еще встретишься.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, потому что тебе всегда не везет, — хихикнула мышь. — Ну ладно, мой славный герой, пора в путь. — Мышь полезла в рюкзак, затем высунулась снова. — Между прочим, меня зовут мисс Мышка, но тебе разрешается называть меня Мисси...

Юркнув в рюкзак, она удобно устроилась в запасной паре походных носков. Тесей покинул ресторан и направился вдаль по главной дороге.

День был прекрасный. Солнце — не настоящее, а то, что Дедал соорудил взамен, неотличимое от настоящего, только раскрашенное поприятнее, — карабкалось к зениту. Уже полдень! Тесей ощутил хорошо знакомое мучительное чувство и, не колеблясь ни секунды, понял, что снова голоден. Так уж водится, если заходишь в воображаемые рестораны: еда никогда не насыщает надолго.

11. ТЕОБОМБУС, ВЕДУЩИЙ КИБЕРНЕТИК

в компьютерном цехе на горе Парнас, оторвался от работы и поднял глаза. На его красивом, орлином, начинающем стареть лице мелькнула тень беспокойства, будто крылья летучей мыши затрепетали над недавно найденным полотном Эдуара Мане, или будто некий звук отразился эхом в пустотах уха так коварно и так ошеломляюще сильно, что остается радоваться: музыка не может нести в себе морального императива. Никаких сомнений — он, Теобомбус, создал самое мощное, самое совершенное компьютерное оборудование из всех, какие знал мир. И теперь он должен передать это оборудование Дедалу: вот человек, умеющий заставлять других трудиться на себя. Что делает задачу еще более хитрой — способность Дедала обходить технологию, подменяя ее интуицией и не считаясь с увертками так называемой логики. Компьютеры у Дедала были чертовски хорошие, программы — просто блестящие, а результатом интеллектуального напряжения, вершинным достижением Дедаловой науки явился вывод, что миру отпущено примерно десять с половиной лет нормального времени, после чего всех ждет полное уничтожение.

Вот уж удар так удар! Кому же по сердцу выяснить, что через какое-то десятилетие жизни придет конец? Когда до срока осталось четыре с половиной года и отсчет безжалостно продолжал-

ся, Дедал сообразил, что избиратели поголовно сойдут с ума, если он срочно чего-то не предпримет.

И он взялся за дело. Создал замкнутый в себе лабиринт Минотавра, большой, чем мир, в котором он возведен, лабиринт, который вмещает всю остальную Вселенную, взирающую на творчество Дедала со стороны.

Что и говорить, решение он нашел изящное. Каждый толковый математик способен уразуметь, что цивилизацию Атлантиды не спасти в реальном времени, зато можно спасти в *лабиринтотремени* — еще одно открытие, запатентованное Дедалом. В лабиринтотремени Минос, и придворная знать, и вся их культура могут продержаться сколько угодно.

Лабиринт, предложенный Дедалом, был гораздо сложнее, чем породившая его цивилизация. Это была вселенная с собственным пространством-временем, со встроенными зрителями и высокой степенью самодостаточности. Штука оказалась доро-га, но овчинка стоила выделки.

В объективной реальности лабиринт, разумеется, не существовал — такое было бы не по силам даже Дедалу. Однако сие обстоятельство не имело значения: для Миноса и его придворных все окружающее ничем не отличалось от самой настоящей жизни.

Внутри Дедалова лабиринта можно было разыграть любые эллинские легенды и мифы. Например, мифы о сотворении мира, истории олимпийских богов, «Одиссею» и «Илиаду». Можно было встретить Агамемнона и Клитемнестру, Ореста и Электру, Ифигению, да всех и каждого, кто играл в мифологии сколько-нибудь серьезную роль.

А народ Атлантиды сидел себе и наблюдал за действием на экранах маленьких сферических телевизоров. Люди значительные, в особенности узкий круг закадычных друзей Миноса, пользовались телевизорами побольше, позволяющими наблюдать за действием изнутри. Самые же большие сферические телевизоры давали зрителям возможность лично принимать участие в драматических событиях — полезное свойство, поскольку основные актеры иногда нуждались в отпуске.

Недостатка в драматическом материале не ощущалось. Греческие мифы взаимосвязаны, накладываются друг на друга. Все мифические циклы связаны между собой. И каждый миф раскрывает множество вероятностей, каждый сообщается во многих сюжетных точках с иными мифическими мирами. Главные

мифы могут переигрываться по многу раз с самыми разнообразными исходами. Отсюда возможность заключать пари и делать ставки, облагаемые налогом, — один из важнейших источников средств на поддержание лабиринта.

Столичный город Кноссос, известный всей Элладе под прозвищем «Большая Маслина»¹, был встроен в лабиринт целиком. Вследствие присущей лабиринту способности к расширению Кноссос проник одним махом во все пространства и времена, и Минос оказался правителем самого обширного города Вселенной.

Попутно Минос и его дружки обрели еще и бессмертие — тоже немаловажное преимущество.

Но в последнем счете лабиринт представлял собой целиком заполненное пространство, где не оставалось места для каких-либо нововведений. Все, на что можно было напороться в лабиринте, по крайней мере теоретически, — это вариации формальных возможностей, заложенных при создании. Ограничение, по сути, не слишком суровое, ибо лабиринт так велик и сложен, так пронизан взаимозависимостями, что по оригинальности никто не скучал: ее прекрасно заменял набор кажущихся случайностей.

Правда, Дедал иногда раздражался оттого, что в лабиринте ничем не встретишь ничего по-настоящему нового. Но старый друг лучше новых двух, и, учитывая, что получилось в итоге, цена за отсутствие новизны была невысока.

12. ЦАРЬ МИНОС

Царь Минос жил в новом дворце, который Дедал возвел внутри лабиринта. Результат оказался столь впечатляющим, что вобрал в себя все описательные и начертательные материалы на миллионы миль и тысячи лет во всех направлениях.

К несчастью, Миносу не удалось заполучить дворец в свое полное распоряжение, как планировалось первоначально. Явился с визитом Зевс и без промедления решил, что в тех случаях, когда уезжает с Олимпа, будет останавливаться именно здесь. Попросил Миноса выделить ему жилплощадь и даже предложил арендную плату. Ну как было отказать?

¹ Для сравнения: американцы часто называют Нью-Йорк «Большим Яблоком».

— Может, я иной раз заявлюсь с друзьями, — предупредил Зевс.

— О чем речь, — отозвался Минос. — Чувствуй себя как дома.

— Так и будет, — пообещал Зевс.

И поселился в комнатах прямо над апартаментами самого Миноса, откуда открывался вид на Фонтан невинных младенцев и Форум в Риме, дворец Бобур и секс-шопы на улице Сен-Дени в Париже. Убранство комнат Зевс переделал по-своему, устроив там бар с коктейлями и кегельбан. Обнаженные до пояса нимфы разносили сосиски и пиво под звуки музыки в стиле кантри. По мнению Миноса, комнаты Зевса отличала полная безвкусица. На одной из стен, над бильярдным столом, появились даже допотопные олени рога — подарок Аида, который долго рыскал по лавкам, прежде чем отыскал нечто подходящее.

Аид приходился Зевсу братом. Миносу он ничуть не нравился. Это был мрачный тип, расположенный к морализированию, и жестокий, очень жестокий. Правителю подземного царства такой характер, может, и подходил, но каково иметь такого типича родным братом!

Сидя в тронном зале, Минос слышал над головой басовые раскаты грома. Значит, Зевс только что успешно сбил очередную кеглю. Сей подвиг сопровождался взрывами гомерического хохота. Минос испустил вздох, скрежетнул зубами и передвинулся к окну. Внизу по широким мощеным тротуарам текла толпа — пожиратели огня, мимы, клоуны, маги, ораторы, музыканты. Раньше Миносу чудилось, что они могут его развлечь. Теперь ему хотелось, чтоб они убрались куда подальше.

Конечно, куда они не уйдут. Они, и развлекатели и развлекаемые, жили по соседству. Осточертели хуже некуда — и винить некого, кроме самого себя.

13. КАК БЫЛ ЗАСЕЛЕН КНОССОС

Вскоре после постройки дворца Минос обратился к Дедалу с просьбой обеспечить ему новое население: старое-то сгнуло при гибели Атлантиды, и должен же кто-нибудь оживлять город своим присутствием! Дедал, как всегда, в спешке, обремененный кучей других забот, попросту взял первое, что подвернулось под руку, а именно парижан XX века. Честно говоря, Минос имел в виду нечто совсем иное. Скажем, он подумывал, что было бы недурно обзавестись андскими индейцами, или жите-

лями острова Бали, а может, эскимосами. Но как-то не удалось упомянуть об этом, а теперь не находил в себе духу попросить Дедала забрать парижан обратно: мастер-строитель и так пустился во все тяжкие, чтобы заполучить их.

Пропажа населения Парижа не прошла незамеченной на Земле XX века, и особенно во Франции. Новому французскому правительству пришлось действовать решительно и быстро. Было выпущено заявление, утверждавшее, что парижане исчезли в результате аномалии, которая никоим образом не повторится вновь — такова уж природа аномалий. Это вполне удовлетворило всех, кроме группы экстремистов — сторонников теории международного заговора. Не прошло и года, как Париж был заселен заново. Людей ввозили из других районов Франции, а также из Африки, из Карибского бассейна и Юго-Восточной Азии. Вскоре городская жизнь забурилась, как обычно.

Что же касается похищенных парижан в Кноссе, то они приспособились к своему новому положению без большого труда. Прежде всего Кносос во всем походил на Париж, если не считать ассирийских туристов, которых многие ошибочно принимали за американцев. Кроме того, Минос даровал всем жителям бесплатный отпуск в роскошных отелях в недалеких висячих садах Вавилона и тем доказал превосходство просвещенной монархии над любыми разновидностями социализма.

14. В ЛАБИРИНТЕ НАСЛОЕНИЙ

Жизнь в Дедаловом лабиринте — форменный сумасшедший дом. Тесей очутился на пыльной белой проселочной дороге, в тени одинокого оливкового дерева. Слева виднелась гряда невысоких гор. Он присмотрелся внимательнее: что-то с этими горами было не так. Потом он понял, что именно. Горы медленно приближались к нему. Или он сам медленно приближался к горам. Или и горы, и он двигались навстречу друг другу.

Оливковое дерево принялось пятиться как от него, так и от подступающих гор. И вдруг ближайший холм тоже пришел в движение и ринулся к нему. Изучив ситуацию, Тесей хотел было уклониться. Но куда денешься, когда за тобой охотится холм? Бежать? Но как убежать от мчащейся на тебя лавины, от стада слонов? Тесей остался на месте. Героизм дается легче всего, когда ты мертв так или иначе. Да и что прикажете делать?

Он удивился — и сильнее, чем слегка, — когда холм подобрался, как мощная океанская волна, и проплыл под ним вместо

того, чтобы накрыть его и раскрошить его плоть и кости в порошок. На нем были теннисные туфли, однако он приподнялся на них, как на доске для серфинга, на одну восьмую дюйма над булыжниками, гравием, песком, скорлупками раковин, окаменелостями, сигаретными окурками и над всем прочим, из чего состоит холм. И когда сошел с выдохшегося холма, то был благодарен судьбе, что остался обутым вообще.

Тесей сразу же сообразил, что его занесло на один из Дедаловых экспериментальных участков. В данной точке пространства-времени лабиринт можно уподобить рядам самодвижущихся дорожек, как в аэропорту. Горы, деревья, озера и сам Тесей размещены на смещающихся поверхностях, которые то надвигаются, то отступают, то кружат одна вокруг другой в соответствии с законами, которые Дедал изобрел, но объяснить не стал, следуя древнему изречению, что тайны оставляют ощущение приятной глубины, а истолкования всегда отдают банальностью.

Смещающиеся поверхности не сталкивались — взаимодействие между ними до поры исключалось, допускалось лишь проходящее наслоение. Впечатление этот участок лабиринта, участок наслоений, производил волшебное, упоительное. Тесею очень нравилось, что самые разные вещи вдруг появляются ниоткуда, наступают на него, а потом удаляются. Вот подплыл и проплыл целый замок, и на бастionaх было полно людей — они помахали ему, как самые нормальные туристы. А затем он, без предупреждения, попал в трясину.

В трясине было полутемно, словно в сумерках, колышущиеся тени смыкались с длинными диагоналями древесных стволов. Стояла тишина, нарушаемая лишь отдаленным шелестом чьих-то крыльев. По мере того как тускнели краски вечернего неба, вода в трясине вроде бы поднималась, и белесый мир с разбросанными там и сям нечеткими линиями на мгновение стал напоминать один из искусных японских рисунков, которые иным зрителям кажутся превышающими их понимание. И тут до Тесея донесся долгий неутешный крик морской птицы, вновь шелест крыльев в небе — и жужжание москитов.

Трясина была древняя, очень древняя. В забитых грязью гротах глубоко под поверхностью, на длинных скамьях по стенам, расположились бесчисленные слепые скелеты и аплодировали тонюсенькими висюльками — некогда руками — всему, что бы ни увидели. Всего важнее, что трясина породила особый возвышенный тип речи, который часто зовется болотным трепом и

служит в дискуссиях просвещенной цели оправдать все, что бы ни случилось в дальнейшем.

Толчок, безумный чавкающий звук — и Тесей, вырвавшись из цепкой грязи, вновь оказался на твердой земле. Он, признаться, вздохнул с облегчением — и тут вся трясинная конструкция начала распадаться: вероятно, строили наспех. Выяснилось, что он опять идет по дороге — он идет, а не дорога едет, — и что горы также прекратили перемещаться.

Дорога кончилась. Тесей продрался сквозь какие-то шипастые заросли, впрочем, не обращая особого внимания на окружающее. И все же был достаточно бдителен, чтоб отпрыгнуть, когда из зарослей к нему устремилось нечто длиннее, худощее, синевато-серое.

15. ГОРЕСТИ МИНОТАВРА

Как и многих из нас, Минотавра считали чудовищем гораздо более страшным, чем он того заслуживал.

В сущности, Минотавр не чувствовал себя чудовищем. Не его вина, что ему на долю выпала необычная внешность. Он не стремился убивать, разве что в порядке самозащиты, как придется убить этого безумного Тесея, который все преследует и преследует его с целью нанести невосполнимый физический вред.

Минотавр всей душой хотел бы примириться с Тесеем, пожать герою руку и выбросить из головы всю историю, если бы только кто-нибудь взялся это устроить. Он даже выступал с таким предложением, запускать пробные шары, только запуски были проигнорированы. Видно, не остается ничего другого, кроме как продолжать носиться по дурацкому Дедалову лабиринту до тех пор, пока не удастся устроить засаду, захватить Тесея врасплох и разделаться с неумным героем раз и навсегда либо заставить того прислушаться к голосу разума.

Увы, ни одна из версий легенды не благоприятствовала такому исходу. Это обескураживало Минотавра — однако, будучи предрасположен к буддизму, он верил, что неразрешимых задач просто не существует.

Смехотворнее всего то, что придется по-прежнему прикидываться чудовищем и жить в постылой минотаврячьей ситуации — а ведь в глубине души он вообще не считал себя Минотавром. Минотавр был убежден, что, вопреки внешним признакам, он на самом-то деле единорог. Убеждение основывалось на

том, что, сколько он себя помнил, им владело желание возложить голову на колени девственницы.

В общем, у Минотавра было тело минотавра, а душа единорога.

До сих пор он не делился своим сокровенным секретом ни с кем, даже с лучшим другом Тесеем, да и затруднительно это было бы при создавшихся обстоятельствах. Он молчал не потому, что боялся людского осуждения и насмешек. Те, кто работает в лабиринте, — представители шоу-бизнеса, а следовательно, люди современные, терпимые, исповедующие либеральные взгляды. Уж скорее сам Минотавр был старомоден. Или, может, не старомоден, а замкнут — потому и сходил за чудовище. Он не хотел, чтоб его сексуальные пристрастия стали общим достоянием и предметом обсуждения на вечеринках. Минотавр знал, что вечеринки в лабиринте случаются, хоть его туда и не приглашают.

Он был разборчив, что вполне типично для единорогов, робких и горделивых, нисколько не похожих на минотавров, — настоящие минотавры с грудью, обросшей шерстью, увлекаются сексом и насилием и вовсе не заботятся о том, кому и что о них известно.

Возложить голову на колени девственницы — вот высшее блаженство! Однако Минотавр, кажется, ни разу не встречал живых девственниц, только умерших, притом умерших не по его вине, да если бы и сыскал живую, не проявил бы к ней интереса, потому что был влюблен в Ариадну; вот единственная, кого он желал, единороги не падки до беспорядочных связей, а он был уверен, что рожден единорогом.

Факт есть факт: Ариадна, по всей вероятности, не девственна. Такой вывод напрашивался сам собой. Минотавр, конечно, не навел справки — но она же вышла замуж за Тесея, и это наложило на нее серьезные сексуальные обязательства. Но, несмотря на замужество, несмотря на то, что ныне Ариадна живет с Дионисом, ее окружает несомненная аура девственности — уж на такие вещи у единорогов нюх безошибочный. Единорогам дано знать правду сердцем, а сердце не обманешь.

Совершенно не исключается, что Тесей и Ариадна не довели свой брачный союз до логического конца. По какой бы то ни было причине. Может, в этом и состоит подлинная причина, отчего Тесей бросил ее на Наксосе. Тесей — эллинский мужлан, грек-самец, и он ни за что не простит женщине того, что не овладел ею. А уж герою такого унижения и подавно не вынести. Провал в постели для Тесея — достаточное основание для того,

чтобы покинуть женщину. И, естественно, он ни за что не станет распространяться о подобном происшествии, поскольку это плохо отразилось бы на его мужской репутации.

Минотавр и сам понимал, что рассуждения шиты белыми нитками. Ну и что из того? Пусть для других она не девственница, для него в ней осталось девственности с избытком. Более всего на свете ему хотелось бы остаться с ней наедине и возложить голову ей на колени.

Сколько раз он воображал себе, как это будет! На досуге он даже планировал ампутировать один рог, чтобы облегчить себе задачу и не повредить ее мягкое бедро. Он, правда, еще не решил, каким именно рогом пожертвовать, но решение будет принято, когда найдется хороший хирург — предпочтительно Асклепий, король костоправов, хотя и гонимый Асклепий требует королевских. И ведь Асклепий тоже шляется где-то здесь в лабиринте со своим черным медицинским саквояжиком. Минотавр отыщет искусника и условится об операции, рогоэтомии, — не так уж она сложна, куда проще операции, например, по перемещению пола.

А потом настанет черед предпринять кое-что в отношении возлюбленной. Минотавр похитит ее, зажмет под мышкой и укачает, радостно фырча; право, это единственный способ исполнить задуманное, на уговоры времени нет, с уговорами можно и подождать. Он утащит ее в безопасное место и там освободит, почти освободит, освободит настолько, насколько посмеет: нельзя же допустить, чтобы она удрала прежде, чем у них будет шанс поговорить. Не хотелось бы удерживать ее против воли — неважно, что бы там она ни надумала. Но, по меньшей мере, он должен успеть изложить свое предложение: он хотел бы обеспечить Ариадну всем необходимым и каждую ночь спать с ней, возложив голову ей на бедро. Невозможно предугадать — а вдруг она согласится?

16. МИНОС, КОНЕЧНО, ЦАРЬ, НО ДЕДАЛ

На Атлантическом Крите считался великим гражданином, был самым богатым во всем древнем мире после Мидаса и самым почитаемым, добившимся уважения даже у богов. Что и говорить, весьма лестная ситуация, но самого Дедала она удовлетворяла не вполне.

Спору нет, лабиринт — самое замечательное творение из

всех ведомых людям и богам. Однако лабиринт построен уже довольно давно. А что сопоставимого он совершил потом? Вопрос беспокоил его, и беспокоил изрядно. Большую часть времени он был вынужден тратить на поддержание и текущий ремонт лабиринта, а также на достройку незавершенных секций. И что-нибудь где-нибудь беспрерывно ломалось. Что раздражало великого зодчего, ибо лабиринту надлежало функционировать безупречно. Стало очевидно, что в конструкции чего-то недостает, и Дедал понял, чего именно.

Его лабиринт страдал отсутствием единой теории поля.

Поначалу Дедал не удосужился ее сформулировать, поскольку был занят множеством других дел. Теперь лабиринт работал более или менее так, как полагалось, но отдельные части то и дело ломались без видимых причин. Притом оставалась опасность действительно роковой Аномалии, и все из-за отсутствия единой теории поля.

Миносу Дедал об этом не говорил. Царь все равно ничего бы не понял — неспециалистам не дано разбираться в таких материях. Минос только разнервничался бы и стал допытываться, не развалится ли вся штукавина в целом. А Дедал не сумел бы даже ответить на столь несложный вопрос, опять-таки из-за отсутствия треклятой единой теории.

Он трудился над ней не покладая рук каждую минуту, какую мог урвать от хлопот по поддержанию и обновлению лабиринта. Сколотил команду ученых, лучших, каких можно было найти во всех странах и временах, и поставил перед ними ту же задачу — разработать теорию. Иные ученые вообще сомневались, что он когда-нибудь найдет то, что ищет. Они цитировали Геделя¹ и многозначительно ухмылялись.

Дедал строил свою жизнь на допущении, что все на свете поддается количественному определению. Сумел же он возвести лабиринт больший, чем окружающий мир, — достижение, которое несомненно войдет во всемирную историю. По любым меркам у него все шло замечательно, но счастливым он себя не чувствовал.

Дедала раздражало, что в лабиринте невозможна принципиальная новизна. Неожиданности в лабиринте случаются, и достаточно часто, — но они становятся неожиданностями лишь

¹ Курт Гедель — логик и математик XX века, автор так называемых теорем о неполноте. Большую часть жизни работал в США.

потому, что у него нет единой теории поля, которая могла бы их предсказать.

Подчас Дедала охватывало желание бросить все к черту и заняться чем-то другим. Беда была только в том, что он не представлял себе, в каком направлении дернуться и чем другим заняться.

Такова ситуация, в какую попадаешь, когда командуешь лабиринтом, куда включено все, кроме единой теории поля, которая могла бы это все объяснить.

Но Дедал по-прежнему продолжал работать над ней.

17. РОГОЭКТОМИЯ

Минотавр твердо решил совершить геройский поступок и пройти рогоэктомию, которая превратит его из минотавра в единорога. Он отправится к Асклепию, главному хирургу лабиринта, и пусть тот удалит ему один рог на операционном столе. Ничего не поделаешь, оставшийся рог будет не в центре, однако авось удастся выдавать себя за единорога кривобокого, асимметричного.

Но вот проблема: у Минотавра не было той внушительной суммы, какую Асклепий запросит за косметическую хирургию. Где взять деньги? Ни у кого из друзей их не водилось. В лабиринте нет работы по найму, только роли, за которые платят не подлежащей передаче валютой славы или мелочью известности.

18. ПРИКОСНОВЕНИЕ МИДАСА

Большая часть денег, имеющих в лабиринте, скапливается у немногих индивидуумов, которым они нужны по определению. Например, фригийский царь Мидас сказочно богат, поскольку умеет создавать золото по собственному желанию. Но не допускает тут ни малейшего легкомыслия — он сознает свою роль символа неутолимой жадности и относится к порученной работе со всей серьезностью.

Общеизвестно, что Мидас обладает способностью превращать в золото все, к чему прикоснется. Однако превращение происходит вовсе не мгновенно, как вы, быть может, думаете, исходя из старых легенд. Маленькие камушки, веточки, желуди можно трансформировать за одну ночь, если держать их в руке или зажать под мышкой. Они поставляют Мидасу вдоволь мелочи и безделушек вроде подарков к дням рождения и еврей-

ским обрядам причащения. А более крупные предметы требуют от Мидаса применения его уникального дара — хрестоматийного прикосновения — в течение месяцев, а то и лет. Дар великий, спору нет, но Мидасу приходится тратить почти все время, держа что-нибудь, либо прислоняясь к предметам, которые хочется озолотить, и это утомительно, даже невзирая на то, что одновременно можно читать или смотреть телевизор.

Случалось, что Мидас давал деньги взаймы. Хоть и терпеть не мог вынимать что-либо из сокровищницы, даже на короткий срок, но был не в силах, исходя из требований архетипа, пренебречь любой возможностью умножить свое состояние. Оттого к нему прилипла кличка «ростовщик богов», и он стал еще при жизни олицетворением мотива выгоды.

Одна из мелких выгод — Мидас мог ставить себе зубные пломбы из воска. День-два, и пломбы сами собой превращались в золотые. В сущности, экономил он сущие гроши, но когда стараешься накопить действительно солидную сумму денег, ни одна полушка не лишняя.

Кое-кто спрашивает, зачем вообще в лабиринте деньги, коль скоро все нужное для жизни и приключений предоставляется здесь бесплатно. Наивный вопрос — с равным успехом можно бы недоумевать, зачем в лабиринте любовь или слава. Деньги, любовь и слава сходны в том, что, если рассуждать примитивно, доставляют удовольствие, а если брать повыше — служат толчком для бессмертных подвигов.

Мидас был сыном великой богини Иды от некоего безвестного сатира, какие слонялись по всему древнему миру в переизбытке. Вокруг самого Мидаса сплетено множество разных историй. Что доказывает: с производством золота он справлялся недурно.

19. МОТИВ ВЫГОДЫ

Основав лабиринт как первое в мире государство всеобщего благоденствия, Дедал даже не задумывался о выгоде. Он полагал выгоду несущественной. Каждый получал крышу над головой, пищу, одежду, оружие, короче, все нужное для того, чтобы вести достойную жизнь и расправляться с врагами. Дедалу казалось, что этого достаточно, даже более чем достаточно. В коммерции он не видел нужды, покупки находил изнурительными. Прелести потребления превышали его понимание. Он же строил свой лабиринт в прежние времена, до того, как коммерция сделалась

сперва уважаемой, затем привычной и, наконец, совершенно необходимой.

В дни Дедалова детства, если кому-то требовалась шуба, этот кто-то шел в лес на охоту и добывал зверя, не прибегая к более гуманному современному методу — пойти в магазин и купить то, что надо. Но времена меняются, а поскольку лабиринт существует синхронно со всеми странами и эпохами, то подвержен влиянию новых идей. Сперва *покупать* было непривычно, однако вскоре этот способ приобретения вещей стал стандартным и вытеснил прежний обычай делать все собственными руками.

Остановить идею, когда ее время пришло, немислимо. Дедал внес закон, запрещающий большинство разновидностей купли-продажи, но запрет оказался эффективен не более, чем прокламация против кори. Люди добывали деньги, продавая Мидасу и другим посредникам, имеющим на то право, — а вернее, даже обязанным скупать все подряд, исходя из требований архетипа, — статуи, золотые кубки, гребешки из слоновой кости, амулеты из янтаря, расшитые ткани и тому подобное, что составляло убранство лабиринта. Мидас платил золотыми и серебряными монетами, а затем перепродавал товар с внушительной прибылью музеям и частным коллекционерам XX столетия.

Система не была совершенной, однако обеспечивала всем и каждому источник дохода. Вскоре у всех без исключения завелись деньги. Хотя в течение долгих лет купить на них было нечего. Ведь в те времена не существовало ни книжных лавок, ни кино, ни бутиков и супермаркетов. Еще важнее, что не существовало и развлечений.

Пробел по части развлечений Дедал пробовал устранить. Он завел театры под открытым небом, где ставились классические драмы. Вход был свободным, но интереса зрелище вызывало не больше, чем любое искусство, финансируемое правительством.

Населению Дедалова лабиринта классическая мура вовсе не нравилась. Дедал совершил ошибку, с самого начала предоставив каждому сферический телевизор, чтобы люди могли связываться друг с другом с помощью электроники, моментально и бесплатно, ибо, как заявлял Дедал, долг государства — обеспечить населению свободу коммуникаций. Прекрасно, отвечали обитатели лабиринта, а скоро ли мы получим еще и кабельное вещание? Скоро ли у нас появятся каналы из прошлого и из будущего, коль ты утверждаешь, что и то и другое — прямо вокруг нас?

Напрасно Дедал пытался проповедовать допотопные удо-

вольствия — собирайтесь, мол, вечером по пятницам возле стихотворца с лирой и распевайте хором народные песни. Никакого толку: размножились пиратские кабельные станции и принялись записывать и передавать фрагменты будущего, от которых Дедал пытался оградить свой народ, мотивируя это тем, что подобное знание аномально и чревато катастрофой. Для тех, кто пятнает философскую чистоту лабиринта коммерциализмом, были установлены самые суровые наказания. И, разумеется, тоже безрезультатно.

Тогда Дедал ввел регулярные полицейские рейды и облавы, но при всем желании не мог поспеть одновременно повсюду. То тут, то там возникали подпольные предприятия; обычно их возглавляли вороватые типы с черными усами, торгующие прямо с борта микроавтобусов, которых в Древней Греции, конечно, не должно было быть вообще и которые тем не менее появились благодаря находчивым похитителям правительственных секретов — вспомните, как Прометей похитил огонь с небес. Все делалось так, чтоб эти неразрешенные, незаконные предприятия было легко мгновенно свернуть, если поблизости объявится Дедал.

Предсказывать, где и когда Дедал объявится в следующий раз, сделалось доходным бизнесом само по себе, сверхиндустрией, от которой в последнем счете зависело благополучие всех иных коммерческих предприятий. Определение местопребывания и расписания передвижений Дедала стало самостоятельной отраслью, дедалологией, — дедалологи всегда брались сообщить, где он и как он. Было несколько прогностических школ, в большинстве своем основанных на сведениях о предшествующих маршрутах мастера-строителя и, естественно, на изучении его психологии. Но эвристически ничего достоверно установить не удавалось, предсказатели работали в общем-то наобум, ненаучно, ненадежно, и возникающие в итоге тревоги оборачивались серьезными социальными последствиями, особенно в силу того, что условия проживания в лабиринте были нечеткими, а право собственности на землю — негарантированным: ведь Дедал изничтожал индустрию там и тогда, где и когда обнаруживал, — и человечество все не могло сделать следующий решительный шаг вперед и взяться за возведение торговых пассажей.

Прорыв наступил, когда Пифагор опубликовал теорему координат, где утверждалось, что да, предсказать, где Дедал объявится вновь, научно невозможно, вследствие общих принципов

коммерческой неопределенности, зато вполне можно предвидеть с высокой степенью точности, где и надолго ли ему почти наверняка не бывать.

Уравнения пифагорейской системы негативных допущений весьма изящны, но углубляться в них нам сейчас недосуг. Достаточно отметить, что этот могучий логический метод в конце концов дал людям возможность возвести торговые пассажи, положив тем самым предел эре коммерческого негодаяства.

20. РАСТИТЕЛЬНАЯ АТАКА

— Ах нет, только не это! — воскликнул Тесей, вовремя опознав испещренные пятнышками трилистья, характерные для погубительницы настроений, которую чаще называют саможалельной травкой, хотя на деле это приземистые кочевые кустики, обладающие свойством подкрадываться к жертвам совершенно незаметно.

Саможалельная травка захватывает проходящих мимо кончиками листьев, изогнутыми, как крючки, и запускает в тело усики, после чего вы испытываете приступ самоосуждения пополам с самоиронией. Притом начальная стадия атаки зачастую проходит для вас незамеченной. А яд вступает в действие без промедления, проникает в кровь, расползается по стенкам артерий, прикрывая свою сущность плащом, прикидываясь вашим родственником и тем самым обманывая антитела, которые продолжают беззаботно перекидываться в картишки, словно ничего не случилось.

Достигнув центральной нервной системы, яд начинает производить долоны — крошечные тельца в форме селедочек, вырабатывающие фермент метафизических сомнений. На этой стадии вы ощущаете страшную головную боль и, не исключено, думаете, что вам крышка. Обычно яд саможалельной травки не смертелен, но известны случаи, когда его воздействие приводит людей к убеждению, что они сравнялись с Сереном Кьеркегором¹.

Тесей сумел уклониться от первого сумасшедшего броска травки, но до безопасности было куда как далеко. Растение прижало его к крутой гранитной скале, уходящей, казалось, прямо в лазурное беспечное небо. Однако в скале обнаружились неглу-

бокие выемки, и Тесей принялся карабкаться вверх, а травка следом.

Ему удалось выиграть у нее несколько шагов, но тут путь ему преградили невесты откуда взявшиеся три автомобильных гаража. Погубительница настроений надвигалась на него со странным криком: «Слушай, от меня уже ничего не зависит!..» Было известно, что такой крик обессиливает даже крепких мужчин, ибо вызывает непроизвольную дрожь деликатного органа, контролирующего подвывание и скулеж.

Было похоже, что бодрому настроению героя настал конец. И вдруг вблизи справа появилась тележка на монорельсовом пути, который устрашающе круто уходил вниз в неведомую бездну, скрытую за непроглядной пеленой облаков. Разумно ли воспользоваться этой возможностью? Но размышлять было слишком поздно, на размышления просто не оставалось времени.

Тесей вскочил на тележку и отпустил тормоз — тормоз был старомодный, с редуктором и прямым воздействием на колеса, чтобы предотвратить избыточное нарастание скорости. Устремляясь вниз в бездну, которая описана выше, Тесей вновь в характерной для себя манере усомнился, верное ли решение принял. Погубительница настроений на мгновение опешила. И вдруг с решимостью, более чем неожиданной для столь хрупкого создания, вспрыгнула на проплывающую мимо роликовую доску, обернула усики-присоски вокруг нее, загипнотизировала и послала вдогонку за Тесеем.

Оглянувшись, герой убедился, что траектории роликовой доски и монорельса если и сойдутся, то где-то почти в бесконечности. Но нагоняла его доска стремительно. Надо было принять решительные меры, ибо разъяренное растение вот-вот сумеет заразить его самой неприятной, самой опасной формой критического самоанализа.

Тесей полез в рюкзак в надежде отыскать там нечто полезное. Выбросил рожок для обуви, как абсолютно никчемную вещь, отложил пропуск на двоих в царство грез, как преждевременный, и вытащил следящее устройство. И попросил:

— Сделай что-нибудь, пожалуйста.

Следящее устройство ответило ему раздраженным взглядом. У него хватало своих забот. Оно забралось в рюкзак потому, что это показалось в тот момент остроумным, и такой поступок отвечал интересам науки. Однако выяснилось, что Тесей не озабочен обеспечить устройство мышинной пищей и вообще какой бы то ни было пищей; герои известны как плохие кормилицы —

¹ Серен Асбье Кьеркегор (1813—1855) — датский теолог и писатель, философ-иррационалист, противник Гегеля.

это если речь о других: о самих себе они заботятся, как правило, вполне успешно.

Так что положение у мыши было непростое. Она должна была либо немедленно поест, либо превратиться в пианино. Смехотворно, но таковы правила.

Остался лишь последний отчаянный резерв. Мышь достала одну-единственную капсулу ускорителя, которую всегда держала на клейкой ленте под левой передней лапкой, и проглотила обычным порядком. Мощное снадобье, отпускаемое только по рецепту, сработало без задержки. По всему мышиному тельцу прокатились волны физической силы. Мышь взлетела на гребень психического шока и обратилась в кота.

Искусственно взвинченный ускорителем кот оказался способен поймать мыш, которой только что был, сожрать ее и таким образом избежать превращения в пианино, прежде чем кто-нибудь успеет ввести новое правило, запрещающее подобный способ насыщения.

— Твоя проблема для меня достаточно очевидна, — изрек кот, — только она не имеет ко мне отношения. Я здесь для того, чтобы помочь тебе найти Минотавра, однако никто и словом не обмолвился про саможалельную травку. Тесей, я предлагаю тебе адресоваться к распорядителю игры, или уж как он здесь называется...

— Некогда, — отрезал Тесей.

Монорельсовая тележка приближалась к концу пути, где ее поджидала саможалельная травка, уже успевшая заразить роликтовую доску редкой разновидностью манихейства¹ и немедленно отбросившая свой транспорт прочь, как бесполезный мусор.

Кто же спорит, что обстановка складывалась отвратительная! Тем не менее Тесей не потерял присутствия духа. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах он сумел заметить неправильной формы шелку, открывшуюся подле рельсового пути сбоку. И без колебаний, оттолкнувшись от тележки, нырнул в эту щель.

Последовал неопиcуемый миг перехода в иное окружение, и Тесей очутился в центре огромной черной сети, смолистой и клейкой на ощупь. Да, это была паутина, исполинская паутина вроде тех, какие встречаются в старых фильмах, и Тесей в мгновение ока прилип — не стронешь. И уразумел, что саможалель-

¹ Религиозное учение, возникшее в III веке н.э. и считавшее добро и зло, свет и тьму изначальными и равноправными принципами бытия.

ная травка тоже неподалеку; она напаялила паучью шапочку и быстро-быстро ползет по клеткам паутины к беспомощному герою.

— Слушай, как получается, что травка легко бежит по паутине, а я даже пальцем шевельнуть не могу? — поинтересовался Тесей у следящего устройства в облике кота.

— По-моему, тут не обошлось без закона Ома, — отвечало устройство. — Только постарайся не измазать меня этой клейкой дрянью...

Поскольку устройство сделалось котом, то вскарабкалось Тесею на грудь. А саможалельная травка, осклабясь в неприятной ухмылке и развратно приспустив паучью шапочку на один глаз, надвигалась и надвигалась.

— Что же мне делать? — спросил Тесей.

Риторический вопрос — однако Дедал в своей великой мудрости нашел на него ответ или, по меньшей мере, возможность ответа. Над головой Тесея, окруженная розоватым волшебным мерцанием, появилась фигура прекрасной молодой женщины в обворожительных одеждах.

— Ариадна! — вскричал Тесей.

— Ты пренебрег мною, — отозвалась она, — и следовало бы оставить тебя на произвол судьбы, особенно после того, как ты бросил меня на Наксосе, не обеспечив хотя бы действующей кредитной карточкой...

Тесей был ошеломлен, но все же припомнил, что в лабиринте хронология достоверна не более, чем светофоры в Древнем Риме, и уж никак не директивна, и вы свободно можете столкнуться с плодами своих будущих злодеяний прежде, чем имели удовольствие совершить их.

— Но если я тебя не спасу, — продолжала Ариадна, — то позднее рискую потерять страстную любовную сцену с Дионисом. Выбора у меня нет — держи, Тесей, то, что тебе нужно!

С этими словами она сунула в пальцы герою флакончик с густой переливчатой жидкостью, и Тесей мгновенно узнал продукт олимпийского производства — настоящую сому, отсвечивающую зеленью, с руническими письменами на стекле.

— Это же сома! — радостно воскликнул Тесей, вглядываясь в руническую этикетку. — Благословенная божественная сома, без которой ни один человек, даже герой, при встрече с саможалельной травкой не может рассчитывать ни на что, кроме как пасть жертвой, поскольку следящее устройство сидит себе на груди, стараясь не замарать коготков...

Вытащив восковую затычку шипчиками, которые всегда держал при себе именно на такой случай, — древним эквивалентом многоцелевого армейского ножа, — Тесей осушил флакончик до дна, а затем высосал, разжевал и проглотил осадок. И вот он, прилив бодрости! В горле заклокотал резкий торжествующий смех, но Тесей подавил веселье — следящее устройство в облике кота произнесло раздраженно:

— Покончи с этим, пожалуйста, покончи быстрее!..

С помощью сил, дарованных божественной сомой, Тесей напряг волю мощнее, чем кто бы то ни было с самого начала Вселенной. И из чистого безумия, из человеческого упрямства вызвал к жизни китайский ресторанчик. Секунду-другую тот покачался неуверенно, красно-оранжевая пагода призрачно наложилась на паутину и на атакующую саможалельную травку в черной паучьей шапочке. А затем — развязка. Свершилось нечто новенькое, и саможалельная травка, паутину, отброшенная роликовая доска, паучья шапочка — все исчезло, провалилось обратно в смутное царство нереализованного, неоформленного, несвершенного.

К ресторанчику Тесей приближался с крайней осторожностью: творения подобного рода могут и испариться внезапно, оставляя вас с пересохшим горлом и гнусным чувством, что вы переспали не в той постели.

Однако данный ресторанчик выдержал испытание на прочность и остался в целости даже тогда, когда герой вошел внутрь и бесстрастный китаец-официант усадил его за столик. Тесей заказал ассорти из закусок и, ощутив острый коготок, впившийся в плечо, поспешно добавил:

— И еще чашку супа для моего следящего устройства...

21. МИНОТАВР И МИДАС

Минотавр отправился на аудиенцию к Мидасу, надеясь призанять денег на рогоэктомию. Дворец Мидаса был великолепен. Минотавр проскакал мимо благоустроенных лужаек и искусственных озер, мимо статуй героев, беседок на возвышениях, обрушенных храмов и в конце концов подошел к главному зданию. Мажордом в форменной ливрее провел гостя по бесчисленным коридорам, тускло освещенным и увешанным посредственными картинами на классические сюжеты, через укрытые листвой внутренние дворики в приемную, спрятанную в самой глубине дворца.

Мидас, самый богатый из богатеев древнего мира, толстенький коротышка с седой козлиной бородкой, сидел за длинным столом, заваленным пергаментными свитками и восковыми табличками. У него была пишущая машинка, способная наносить клинописные знаки на глиняные поверхности. В углу кладал телеграфный аппарат, а рядом расположился компьютерный терминал. Невзирая на свою любовь к традициям, Мидас понимал, что без всего этого ему нынче не обойтись.

Хозяином царь Мидас был радушным. Он предложил Минотавру тарелочку светло-желтого мороженого, а затем тщательно выбранное фирменное блюдо — бланшированные девичьи сердца под сухарным соусом.

Еще не дослушав просьбу Минотавра, он начал отрицательно тряссти головой. Видишь ли, Минотавр, ты явился в неудачное время: валютный рынок еле дышит, процентные ставки взлетели, или наоборот, но, в любом случае, с деньгами туго, и о займах отдельным личностям в настоящий момент не может быть и речи. Сам Мидас очень сожалеет об этом, ему хотелось бы удружить Минотавру. Царь — большой поклонник мифологии и прекрасно осведомлен о вкладе Минотавра в эллинские представления о природе вещей; он безусловно уверен, что Минотавр навеки обеспечил себе место в истории сказок. Глубочайшее уважение, испытываемое царем к Минотавру и идеалам, какие тот отстаивает, делает вынужденный отказ еще болезненнее: лично он, Мидас, хотел бы предоставить заем, и незамедлительно, если бы сие зависело только от него, — сердце у него, у Мидаса, как известно, доброе, — однако он подотчетен совету директоров, которые держат его на тугом поводке, и не вправе принимать самостоятельные решения. Увы...

Мидас так долго распространялся об унизительных ограничениях, которые окружают его со всех сторон и ущемляют его право ссужать деньги тем, кому он искренне хотел бы помочь, что Минотавр даже начал жалеть его. Бедный замороженный царь, со всеми своими легендарными сокровищами, со своим золотым прикосновением, с кредитным рейтингом высшей категории, оказывается, не вправе принять участие в делах, самых для него небезразличных!

Что оставалось делать? Минотавр заявил, что все понимает, и стал почтительно пятиться к выходу. Но уже в дверях Мидас остановил гостя вопросом:

— Да, между прочим, а для какой надобности тебе нужен заем?

Минотавр рассказал про рогоэктомию, которая превратит быка в единорога. Мидас на мгновение задумался, потом схватился за телефон и жарко зашептал что-то в трубку на фригийском диалекте, которого Минотавр не понял бы, даже если бы разобрал слова. Положив трубку, Мидас подозвал Минотавра и вновь предложил присесть.

— Дорогой мой, тебе следовало бы упомянуть про операцию с самого начала. Я же и не подозревал о ней. И решил, что тебе, как многим героям и чудовищам, потребовались деньги на какие-нибудь фривольные затеи. Однако эта твоя рогоэктомия — предприятие явно мифического характера, то есть именно такое, какие мы стараемся поощрять. В последнем счете, Дедалов лабиринт весь держится на мифологии, не правда ли? И еще, скажи на милость, как ты намерен поступить с отпиленным рогом?

— Честно говоря, не задумывался, — признался Минотавр. — Наверное, поставлю на каминную доску как сувенир, и все.

— Тогда ты, по-видимому, не станешь возражать против того, чтобы расстаться с этим рогом, раз уж рог, так сказать, расстался с тобой?

— Вероятно, не стану. Только я не совсем понимаю...

— Я устрою тебе заем, — заявил Мидас.

— А как же валютный рынок? И процентные ставки? И совет директоров?

— Предоставь это мне, — отвечивал Мидас. — Все, что от тебя требуется, — подпиши обязательство передать отпиленный рог мне в качестве дополнительного обеспечения.

— Мой рог? — переспросил Минотавр, подняв копыто ко лбу защитным жестом.

— Не то чтобы рог дорого стоил, — поспешил уточнить Мидас, — но я, по крайней мере, смогу предъявить банковскому триумvirату хоть что-нибудь.

Насчет ампутированного рога Минотавр не строил никаких определенных планов — и тем не менее ему показалось странно-ватым, что рог придется отдать кому-то другому.

— Стало быть, ты не возражаешь? — напирал Мидас. Минотавр скрепя сердце кивнул. — Прекрасно. Типовой бланк с прошением о займе найдется у меня прямо здесь в приемной. Остается лишь вписать детали касательно твоего случая. — Мидас достал пергамент, выбрал стило, принялся строчить. — Ты, полагаю, сам еще не решил, какой именно рог удалить? Ладно, не беда, напишем просто: «один рог Минотавра, правый либо левый,

должен быть доставлен не позже, чем... — царь взглянул на наручные часы с календарем, — допустим, не позже, чем через три дня после операции».

— По-моему, срок подходящий, — согласился Минотавр. — Хотя ты сам знаешь, что в лабиринте нельзя предсказать, сколько времени придется добираться из одного места в другое.

На эту досадную особенность обитатели лабиринта жаловались особенно часто. Самая обыкновенная прогулка по городу могла затянуться на вечность в буквальном смысле слова. А если надлежало отправиться в путешествие, то разумно было прихватить с собой паспорт, все деньги, какие найдутся, книжку в мягком переплете, запасные носки и смену нижнего белья.

— Я даже не знаю, где мне найти Асклепия, — пожаловался Минотавр.

— Я выяснил его местонахождение, — отозвался Мидас. — В настоящую минуту Асклепий работает в Джексонском мемориальном госпитале в Майами, делает Гере подтяжку лица и коррекцию носа.

— Майами? Это еще где? Где-нибудь возле Мальорки?

— Ну разве что в духовном смысле... — Царь подавился смешком. — Да неважно, где это. Я могу устроить так, чтобы ты попал туда. С обратной дорогой дело будет посложнее, но как-нибудь управимся... — Заглянув в один из ящиков стола, он достал пластиковую карточку и вручил ее Минотавру. — Вот тебе карточка мгновенных перемещений, штука очень ценная сама по себе. Воспользуйся ею после операции, и она доставит тебя сюда наиболее быстрым способом. А вот ваучер — поручительство, гарантирующее Асклепию выплату гонорара за операцию.

Мидас передал Минотавру карточку и ваучер. Минотавр поставил внизу пергамента-прошения свою подпись.

— Вот и все. Удачи тебе, дорогой, — сказал Мидас и вдруг спохватился: — Ох, чуть не забыл. Последняя формальность...

Он опять порывлся в ящике, вытащил гладкое золотое кольцо и, прежде чем Минотавр сообразил, что происходит, вддел кольцо в бычью ноздрю. Минотавр удивился:

— Что ты сделал?

— Не стоит расстраиваться. Просто гарантийное приспособление, которого требуют страховщики. Мы снимем кольцо, как только ты доставишь рог. И не пытайся избавиться от него — оно так устроено, что при неумелой попытке разъединить замочек взрывается. Да, по правде говоря, оно тебе к лицу. До свидания, Минотавр, желаю удачи. Скоро увидимся снова.

— Но когда состоится операция?

— Ну, вероятно, инопланетный наблюдатель сможет ответить тебе точнее, чем я, — ведь я в темпоральных путешествиях новичок...

— Что за инопланетный наблюдатель? О чем ты толкуешь?

Однако Мидас не желал продолжать беседу. Он и так потратил на Минотавра пропасть времени, и его ждали другие дела — извлекать прибыль, превращать предметы в золото. Мидас терпеть не мог долгих перерывов в работе, в своей настоящей работе по превращению чего угодно в золото. Уже сейчас под мышками нарастал характерный зуд, какой возникал каждый раз, когда они слишком долго находились вне контакта с объектом, подлежащим озолочению, — в данный момент можно было подумать о бутылочке чернил или о пресс-папье.

Они обменялись рукопожатием, и Минотавр удалился. Пожалуй, он был слегка раздражен: Мидас держался с ним чересчур властно. Ну и ладно, пустяки, зато теперь он сможет лечь на операцию, а это всего важнее. Приятно также, что ему наконец выпал случай посетить отдаленную часть лабиринта под названием Майами.

22. ДЕДАЛ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПРИЧИННОСТИ

Когда люди прознали, что Дедал решил отказаться в лабиринте от причинности, они пришли в ужас. Обычно мастеру-строителю в таких вопросах дозволялось поступать по собственному разумению, но это уж, право, нельзя было принять без комментариев. Было созвано специальное заседание Комитета мэров лабиринта, и Дедала вызвали для разъяснений: зачем ему понадобился столь беспрецедентный шаг?

— Джентльмены, — произнес Дедал, — взглянем фактам в лицо. Мы задумали наш лабиринт, как объект чисто развлекательный, не омраченный ни малейшей примесью моральных устоев и не признающий никаких социальных компенсаций любого толка.

— Совершенно верно, — пробурчали себе под нос члены комитета, доктринеры и эстеты негибкого типа, как, впрочем, большинство из тех, кого назначают мэрами.

— И тем не менее, несмотря на все наши усилия, от моего внимания не ускользнуло, что отдельные части лабиринта зара-

зились поисками смысла и тем самым пятнают кристальную бесцельность нашего творения прилипчивыми грибами толкований. Вот почему, джентльмены, я счел целесообразным отметить в лабиринте принцип причинности.

— Не вижу связи, — высказался один из членов комитета.

— Мне думалось, что связь очевидна. Моральные категории липнут к тем или иным объектам при посредстве причинности. Цель морали — установить стандарты, исходя из которых люди либо следуют неким предопределенным правилам, либо, если не получается, строго осуждают себя. Именно этого мы и хотим избежать любой ценой. Устраняя причинность, я подрываю мораль. Наш проект, джентльмены, в сущности сводится к устранению чувства и понятия вины.

Дедалова декларация о намерениях была встречена восторженными криками собравшихся — всех, кроме одного старика с раздвоенными седыми бакенбардами, который заявил:

— А по-моему, вся проблема не стоит выеденного яйца, вы не согласны? Отмена причинности ради того, чтоб избежать комплекса вины, представляется мне решением бессмысленно героическим. Почему бы людям просто не пренебрегать своими винами, как делаю я?

— Вынужден напомнить тебе, — вмешался Дедал, — что большинство людей не имеют винопренебрежительной железы, которая даруется лишь существам вымышленным.

— Что верно, то верно, — согласился старик.

— Напоминаю, что мы стараемся дать людям счастье, которого в их короткой и горестной истории очень и очень не хватало.

— Если не ошибаюсь, — вступил в разговор еще один член комитета, — ты, Дедал, придерживался мнения, что человечество нельзя толкать к эволюции силком, через непрерывные муки войн, голода, социального неравенства и всяческое варварство, вплоть до крайней стадии — самоосуждения и неверия в собственные силы. Что и говорить, концепция радикальная. А ты не боишься, что возобладаст врожденная лень и люди вновь отстроят хвосты и полезут на деревья?

— Это не играет роли, — отвечал Дедал. — Кто мы такие, чтобы судить о цели или хотя бы о направлении эволюции? С той точки зрения, на какую мы опираемся в данном обсуждении, нет ни малейшей разницы между поеданием банана и доказательством теоремы Геделя.

— Огорчительно, если так, — высказался представитель Геделя, присутствующий на заседании в качестве наблюдателя.

Дедал пожал плечами.

— В мироздании нет ничего вечного, рассыпается все, даже печенье. Мы не можем долее разрешить исчерпавшей себя морали отравлять любые самопроизвольные вариации морального лабиринта кармой¹, раздумьями о последствиях поступков, автоматически вытекающими из причинности.

— Хмм... да-да, продолжай, — произнес высокий красавец, представитель автора, торопливо внося заметки в блокнот.

— Отменив какую бы то ни было связь причины и следствия, — высказался Дедал, — мы освобождаем принимающих решение от фактора неизбежной расплаты и таким образом объявляем карму банкротом, позволяя обитателям лабиринта в будущем следовать произвольным курсом жизни вне зависимости от моральных последствий.

— Например, совершить убийство и избежать ответственности, — вставил тот самый, с раздвоенными бакенбардами.

— Ну коль на то пошло... Убийство, если развить твою мысль, не будет иметь неизбежных кармических последствий. Отбрасывая карму, мы тем самым попросту возвращаем все на свете на круги своя. Подлинные последствия убийства могут выглядеть совершенно иначе, чем мы способны вообразить: пышно расцветет клумба с фиалками, например. В лабиринте не останется жестких взаимосвязей, не останется обязательных следствий, только допущения, выпадающие по определенной схеме или по чистой случайности, — неважно, как. И все они будут иметь лишь сиюминутное значение, а большего бремени не принесут. В нашем лабиринте, джентльмены, все что угодно вправе стать всем чем угодно в любую минуту по своему усмотрению, и это, я утверждаю, единственная свобода, достойная называться свободой.

Последние слова были перекрыты шквалом аплодисментов, раздавались возгласы вроде «Вперед, к некармической Вселенной!». Члены комитета окружили Дедала, предлагая пожаловать гению сексуальные полномочия беспрецедентного свойства либо их эквивалент в любой системе ценностей, какая ему по

¹ Карма — одно из основных понятий буддистской и индуистской философии, сумма поступков и их последствий, предопределяющая характер следующей жизни.

нраву. Однако мастер-строитель отверг все предложения с благодарностью:

— Я просто делаю то, что мне положено, мадам...

23. КИТАЕЦ-ОФИЦИАНТ, ТЕСЕЙ И МИНОТАВР

— Я ищу Минотавра, — сказал Тесей.

— Вот как, — откликнулся китаец-официант улыбаясь, выставляя перед героем тарелку с крабами, приправленными имбирем и черным бобовым соусом, — блюдо, которое обычно подается лишь в элитном китайском ресторане «Парфенон-палас» на улице Зеленой богини в центре Кноссоса. — Значит, ты ищешь Нимотора?

— Минотавра, — поправил Тесей, следя за точным произношением.

— Произношение, — изрек официант.

— Тебе положено читать не мои мысли, — сказал Тесей, — а губы, только губы. Я ищу Минотавра. Короткие рога, окраска воловьей, на морде написано, что виновен во всех смертных грехах, — обычно минотавры выглядят именно так...

Лицо официанта вновь приняло выражение полной бесстрастности, за которым нередко прячется внутреннее смятение.

— Может, ты пройдешь в заднюю комнату и поговоришь с мудрым человеком, ладно?

Тесей последовал за официантом сквозь занавеси из стекла, отделяющие зал от остальных помещений, по желтому со сморщенными стенами коридору, где беззубые восточные работнички резали из кроваток фантастические фигурки для украшения замка из омаров к столу некоего местного сановника. Путь шел мимо кухни, где проказливые повара швыряли шипящие ломтики снеди в толстопузые супницы, мимо кладовых, где три китайских шеф-повара играли в кости, используя вместо фишек свиные внутренности, и наконец попали в небольшую квартирку, обитую красным бархатом и увешанную шелковыми светильниками.

— Я не дам твоей тарелке остыть, — шепнул официант и скрылся.

Тесей поневоле заметил, что в комнате есть еще один человек. Молодой человек, чьи черты показались странно знакомыми.

— Привет, папа! — произнес молодой человек.

— Ясон! — вскричал Тесей. Потому что это был не кто иной,

как Ясон, знаменитый охотник за золотым руном. Сын Тесея, хоть их родство не упомянуто ни в одном из греческих мифов и предается огласке впервые. — Как тебя занесло в эту часть лабиринта? Я думал, что ты рыскаешь где-то в погоне за золотым руном.

— До руна еще руки не дошли, — отвечал Ясон. — Во всяком случае, здесь тоже хватает овец, которых можно и нужно стричь.

— Ты здесь живешь? — осведомился Тесей.

— У меня здесь несколько комнат. Мистер Иск Усник, хозяин заведения, сдает их мне каждый раз, когда я работаю на него.

— Надеюсь, не в качестве повара?

Ясон pokrивился. Отец постоянно критиковал его стряпню, особенно кисло-сладкие соусы, что стало одним из самых болезненных воспоминаний детства.

— Говоря по правде, — сказал Ясон, — мистер Иск Усник нанял меня на должность героя.

— Зачем ему понадобился герой?

— Ради защиты. Он подает посетителям хуасинский соус, не имея лицензии. И боится, что Зевс прознает это и найдет на него Ареса с наказом прикрыть заведение.

— Да станет ли Арес заниматься такой ерундой?

— Разумеется, нет. Арес — бог войны, а не торговых инспекций. Только не пробуй толковать это мистеру Иск Уснику. А пока что я имею работу, имею средства к существованию, и у меня еще остается куча времени на то, чтобы выполнять особые поручения. Вот как сейчас, когда нужен мудрец, а больше никого подходящего не нашлось.

— Это ты-то? — изумился Тесей. — Мудрец?

— Таковы мои полномочия.

— Ну что ж, валий. Дай мне парочку мудрых советов, я слушаю.

Но мудрые советы Ясона были утрачены при землетрясении, разрушившем великую библиотеку Атлантиды, где их держали в бронзовом портфельчике в назидание потомству и всем остальным.

И как раз в этот момент в окне показалась голова Минотавра. Из пасти у него свисал клочок женских волос, что придавало ему изрядно глупый вид.

— Простите, — провякал Минотавр, — где-нибудь поблизости есть аптека? Вчера вечером я обьелся девицами, прине-

сенными мне в жертву, и теперь мне нужна бутылочка «алка-зельцер» или какой-нибудь ее древний эквивалент.

— У меня есть средство, которое тебя вылечит, — воскликнул Тесей, выхватывая меч.

Минотавр отпрянул от окна диким прыжком, хотел повернуться и ускакать, но наступил на свисающую над копытом щетку и грохнулся наземь. Тесей выскочил через окно на улицу, размахивая мечом, и устремился к противнику с воплем:

— Ату его!..

Поскольку другого выхода не оставалось, Минотавру пришлось сыграть вихревой картой, которая была припрятана именно на такой пожарный случай. Что он и сделал. Вокруг мгновенно сформировался огромный серый полужидкий вихрь, секунду-другую покачался, затем ринулся прочь с немыслимой скоростью. Тесей помчался следом, пытаясь настичь хотя бы хвостовую дверцу вихря, но тот ускорился и ускорился, пока не достиг инфракрасного конца видимого спектра и не пропал с глаз долой — теперь вихревой пузырь с Минотавром станут различимыми, только когда снизят скорость на подъезде к очередной станции.

— Проклятие! — заорал Тесей. — Когда будет новый попутный вихрь?

Ясон сверился с расписанием.

— На сегодня этот — последний. Следующий прибудет только завтра утром вместе с первым пригородным поездом.

Поблагодарив Ясона за гостеприимство и мудрые советы, Тесей отправился дальше пешком. Следящее устройство пощелкивало в рюкзаке, регистрируя остаточные следы пролетевшего вихря.

24. МИНОТАВР ВСТРЕЧАЕТСЯ С МИНЕРВОЙ

«По крайней мере, — размышлял Минотавр, — я симпатичный и привлекательный, не то что этот греческий сукин сын с мечом. Ну хотя бы можно предположить, что я симпатичный. Может, бычья голова и не всякому по вкусу. Но попадают же люди, которым она нравится...»

Минотавр взглянул на наручные часы. Он явился на встречу на полчаса раньше, чем договаривались, — а ведь хотел опоздать на полчаса. Тем самым он показал бы свой класс и осуществил бы задачу, заботившую его постоянно: он был уверен, что класс у него есть, хоть этого почему-то не замечают. Всеми виной

бычья голова, внушающая людям ложное буколическое впечатление, смутно-милое, но лишенное какого бы то ни было класса.

Вообще-то Минотавр слишком нервничал, чтобы действительно опоздать на свидание. Хотелось опоздать — это другое дело. Мечталось, как он прискачет, опоздав на три четверти часа, запыхавшись, именно в ту минуту, когда назначившая свидание совсем собралась уйти, до крайности разгневанная и решившая срочно выпить. В этот момент он и объявится, тяжело дыша и извиняясь, обовьет ее плечи копытом и скажет: «Мне бесконечно жаль, но уличное движение сегодня утром было просто невыносимым, давайте-ка пропустим по стопочке...»

Минотавру мечталось произнести такую или похожую речь, речь, преисполненную классности. Однако в день свидания он поднялся рано, побрился, оделся, а впереди лежали еще часы и часы. Он сел, схватился за журнал — без толку: он не мог сосредоточиться, то и дело посматривал на часы, потом принялся ходить из угла в угол, стуча копытами по полированному деревянному полу, без нужды поправляя галстук, одергивая пиджак, сметая пылинки с обуви, но вскоре понял, что больше терпеть нет мочи, и вышел на улицу.

В то же время он твердо знал, что являться досрочно не хочет, а потому избрал кружной маршрут через Альпы. Даже если не выйдет опоздать на полчаса, то уж respectable задержка на пятнадцать минут, он был убежден, получится. Но, конечно же, он ухитрился прийти на место встречи за полчаса, и, конечно же, той, ради которой он пришел, еще не было.

В реальном мире подобную неприятность никак не назовешь серьезной. Но в Дедаловом лабиринте, если вы явились на свидание слишком рано, оно может не состояться вообще. В лабиринте ранняя явка может откинуть вас в особую временную прореху, куда никто иной не проникнет. Так и будете жить в замкнутом пузыре досрочности, а все другие станут либо опаздывать, либо являться вовремя, и вы не доберетесь до них никогда. Волей-неволей вам надо будет избавиться от избыточного времени, в котором вы заключены, — а как? Иногда избыток удастся втереть во времяпоглощающую скалу, иногда продать, но подчас избавиться от лишнего времени не удастся ничем. К предложению купить лишнее время люди относятся с подозрительностью: если вы отдаете свое время, то чего ради, — значит, тут что-то не так. А найти времяпоглощающую скалу в городе или даже в городишке — задача нелегкая...

С той, что назначила свидание, Минотавр впервые повстре-

чался вчера. Он шел себе по улицам, как обычно крадучись, и вдруг его окликнул женский голос:

— Эй, Минотавр! Можно перекинуться с тобой словечком?..

Минотавр по привычке среагировал чересчур бурно, круто повернулся на голос и шмякнулся на задницу — оплошность, какой он опасался пуще всего, даже сильнее, чем гибели от руки греческого палача Тесея.

— Разреши, я помогу тебе встать, — предложила женщина.

Обливаясь горестными слезами, Минотавр тем не менее заметил, что она молода, одета в строгое платье, подчеркивающее угловатую фигуру, волосы собраны на затылке прилежным узлом, а острый носик оседлан очками в роговой оправе. Вне всякого сомнения, она была девственницей — уж Минотавра тут не обманешь. Человекобык ощутил первый трепет намечающейся любви и разрешил ей помочь поднять себя на копыта, а потом и увести прочь от места происшествия.

Молодая женщина пояснила, что заметила его на улицах и сразу же поняла, что он минотавр, — это прозвучало как констатация факта, а вовсе не как моральный укор. Она надеется, что ее наблюдательность не будет истолкована превратно. И она решила заговорить с ним потому, что он — жертва дискриминации, а она и группа ее друзей посвятили себя борьбе с дискриминационными законами — расистскими, женоненавистническими и прочими в том же духе, — таких законов полным-полно во всех частях лабиринта.

Минотавр вежливо кивал, хотя, честно признаться, почти не понимал, о чем она ведет речь.

— Минотавры, — говорила она, — относятся к классу неприкасаемых, которые именуются чудовищами. На то, чтобы стать жертвами, они обречены с самого рождения и даже не задумываются о каких-либо личных чаяниях. Им отказано в праве на образование, кроме зачаточных знаний о том, как прятаться и спасаться, и они не могут успешно конкурировать на рынке труда. Таким образом, нарушаются их неотъемлемые права осознавших себя разумных существ — они привязаны, как крепостные, к одному-единственному занятию, а чего они хотят на самом деле, никого не заботит...

— По крайней мере, нас теперь обеспечивают производственной страховкой, — брякнул Минотавр, ощущая известное раздражение: его собственное положение всегда казалось ему уникальным, а тут вдруг выясняется, что он лишь типичный представитель класса чудовищ, и не более.

Однако чудовища, естественно, слабо ориентируются в по-

литике, и Минотавру вдруг пришло на ум, что она права — никто никогда не баловал его передышкой, только и слышно: чудовище, туда, чудовище, сюда, чудовище, пошевеливайся, — но чудовищ не так уж и много, а военные барабаны стучат со всех сторон. Минотавр не был полностью уверен, укладывается ли его жизнь в предложенную схему, в школе он засыпался на метафорах и тщательно избегал использовать сравнения на публике, если это не грозило ему прослыть полным дураком.

— Очень мило, что ты озабочена моей судьбой, — произнес он осторожно. — Но что дальше? Мы продолжим этот разговор? Она решительно качнула головой.

— Я участница боевых групп сопротивления. Мое имя Минерва, моя задача — конкретные действия. Полагаю, за тобой гонится какой-нибудь герой?

— Уж это точно, — согласился Минотавр.

— Тогда тебе первым делом нужно убежище, — заявила Минерва. — Место, где бы ты мог отдохнуть и восстановить былую ориентировку в окружающем мире или обрести новую. А мы тем временем решим, что делать с тобой, — извини, для тебя — дальше.

— Минерва, — повторил Минотавр. — Хорошее имя. Это не ты часом известна также под именем Афина?

Он пришел к уверенности, что видел ее портрет на политической странице «Лабиринт таймс».

Она кивнула.

— Афина — так меня звали в рабстве, когда я была богиней эллинов. Потом я прослышала о научной футурологии. Мой разум осознал возможности человеческого развития, чему способствовали Шековский и другие мыслители XX столетия. Я приняла латинское имя Минерва, как символ веры в цивилизацию, призванную прийти на смену эллинской. Я ответила на твой вопрос?

— Более чем, — откликнулся Минотавр.

Тогда она предложила ему встретиться с ней снова на том же углу завтра в полдень. Вот он и пришел, увы, слишком рано. Но где же она?

— А вот и я, — объявила Минерва. — Пойдем!

25. ИНОПЛАНЕТНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Минотавр последовал за Минервой к другому углу, где поджидал длинный черный автомобиль. Стекла в автомобиле были тонированные, заглянуть внутрь Минотавр не мог — но обратил

внимание, что номера дипломатические, с индексом инопланетного наблюдателя: такие индексы нынче встречались все чаще, поскольку Дедалов лабиринт наделал порядочно шума во всех цивилизованных уголках галактики.

Уже залезая в машину, Минотавр подумал, что для Тесея это была бы превосходная уловка, чтобы захватить противника врасплох. Разве с Тесея не случилось бы нанять парочку статистов и женщину, заманить Минотавра в машину, и — трах! бах! — вот и еще одно чудовище повержено, и по всей Эллад гремят приветственные крики. Такой коварный трюк — вполне в стиле Тесея, но Минотавр был фаталистом: чему быть, того не миновать. Он забрался в салон, и машина сразу же рванула с места.

А рядом оказался инопланетный наблюдатель собственной персоной, в чем нельзя было усомниться, поскольку волос у хозяина машины не усматривалось вообще, а на губах лежала синяя помада.

— Не тревожься, старик, — произнес инопланетянин, — мы вытащим тебя из всего этого.

Говорил он потешно, как и большинство чужаков, с выраженной слабостью фрикативных согласных. Минотавр испытал облегчение: значит, это все-таки не ловушка, — и отозвался:

— Очень мило с вашей стороны. Однако не хотелось бы, чтоб у вас из-за меня возникли неприятности.

— О, не брани себя, старик, — заявил инопланетянин. — Мы считаем своей обязанностью помогать братьям по разуму, попавшим в беду.

— Но ведь я чудовище, — сказал Минотавр, предположив, что чужак, вследствие неведомых особенностей восприятия, мог этого не заметить.

— Сие мне известно, — объявил синегубый. — На моей планете мы не признаем таких различий. Именно потому нам присуждают Высшую награду галактических планет для существ разумных и добрых, притом три года подряд. Вы говорите так: три года подряд?

— О да, — ответил Минотавр, — это правильный оборот речи.

— На моей планете, — провозгласил чужак, — мы сказали бы: три года, прожитых обычным порядком. У нас не принимают метафор действия. И у нас не выделяют чудовищ в отдельную категорию. На моей планете Оу-Фанг, или просто Фанг для крат-

кости, мы признаем одну-единственную категорию — разумные существа.

— Замечательно, — сказал Минотавр.

— О да. Мы относим это к заведомым фактам.

— Местное языковое завихрение, — сказал Минотавр.

— Совершенно верно. А кроме того, все мы принадлежим к одной специальности.

— Вот как, — сказал Минотавр.

Какое-то время они ехали молча, потом Минотавр все-таки спросил:

— Что же это за специальность?

— Извините, не понял...

— Что это за специальность, к которой принадлежат все жители планеты Фанг?

— Мы все железнодорожные инженеры, — сообщил инопланетный наблюдатель.

— Как такое возможно? — осведомился Минотавр.

— Мы все получаем одинаковую заработную плату и одинаковые льготы — ежегодный трехнедельный отпуск и отпуск по беременности для тех, кто предпочел быть плодоносящими существами женского пола. Мы все служащие Всеобщей железнодорожной корпорации планеты Фанг, и все — владельцы акций. Место председателя правления и другие высшие должности мы занимаем все по очереди.

— Вряд ли можно представить себе демократию полнее этой, — согласился Минотавр.

— Не понимаю, почему остальные планеты не пробовали жить так же, — объявил синегубый. — Конечно, не обязательно быть именно железнодорожными инженерами. Просто так уж вышло, что нам всем нравятся поезда. А другие могли бы выращивать овощи, или делать автомобили, или заняться любым делом, какое им по душе. Самое важное, чтобы все были заняты одним делом. Тогда не будет раздоров.

Минотавр долго думал, как сформулировать свой следующий вопрос. Наконец решился:

— Поневоле задумываюсь: а что будет, когда вы построите все железные дороги, какие вам могут понадобиться? Не собираюсь лезть не в свое дело, но мне действительно любопытно.

Инопланетный наблюдатель рассмеялся вполне добродушно.

— Нас все время об этом спрашивают. Но ведь ответ зависит

от точки зрения: как решить, построены ли все железные дороги, что могут понадобиться? То, что удовлетворило бы расы, не овладевшие транспортной эстетикой, нам может показаться вовсе не достаточным. По нашему мнению, слишком много дорог не бывает.

— Стало быть, у вас должна быть уйма путей, — сделал вывод Минотавр.

— Большинство областей планеты связаны путями в три яруса, — ответил чужак. Ответил небрежно, вроде бы не желая признавать, как нравятся ему порядки на родине. — И могу заверить тебя еще в одном.

— В чем же?

— Никто никогда не опаздывает на работу.

— Еще бы!

— Да я, в сущности, пошутил, — признался чужак.

— Ах, вот как, — промычал Минотавр с глухим смешком.

— Должен признать, однако, — заявил инопланетянин, — что мы достигли точки практического насыщения, за которой пути начнут сливаться в сплошную массу. Железнодорожная фаза нашей культуры подходит к концу.

— Вот оно что, — промычал Минотавр. — И что дальше?

— Цивилизация, — провозгласил синегубый, — либо развивается, либо погибает.

— Вероятно, так, — согласился Минотавр.

— Моя миссия на этой планете, — заявил чужак, — заключается в том, чтоб определить, может ли Дедал у себя в лабиринте использовать первоклассные железнодорожные пути, которые мы готовы поставлять по исключительно низким ценам. А мы на Фанге переходим к следующей стадии нашей эволюции.

— Это к какой же? — поинтересовался Минотавр.

— К индустрии моды.

— Да ну?!

— Именно так. Мы проголосовали за то, чтобы в конце года весь старый гардероб выбрасывался и покупался новый, и тем самым нашей промышленности был обеспечен постоянный рынок. Можно представить себе лимит прокладки новых путей, но для индустрии моды лимита на внутреннем рынке нет. Обязательная необходимость производства одежды поддерживает наше существование, а разнообразие мод делает нас счастливыми. Замечательная система. Хотя, разумеется, не предполагаю,

что система, привлекательная для синегубых чужаков, вызовет аналогичную реакцию у народов Земли.

— Тем не менее на вашу продукцию возможен спрос и здесь в лабиринте, — брякнул Минотавр. — Среди моих собратьев.

— Каких еще собратьев?

— Среди чудовищ. Большинство из нас обходится вообще без одежды. Но, может, пришла пора поломать традицию? Я, пожалуй, поговорю об этом со своими друзьями.

— Будет очень мило с твоей стороны, — одобрил инопланетянин. — В отеле у меня есть модели из нашей новой коллекции.

— Займусь этим с удовольствием, — пообещал Минотавр. — Хотя да, чуть не забыл. Я же чудовище, за которым охотятся.

— Ах да! — опомнился чужак. — Я тоже забыл.

— Зато Тесей, могу вас уверить, не забыл.

— Хммм, — произнес синегубый.

— Как вас понять?

— «Хммм» по-фангийски значит, что мне в голову пришла занятая мысль. Знаешь, доброе чудовище, у меня возник план, способный упрочить и твое и мое положение в запутанном мире, который построил Дедал.

Машина остановилась.

26. ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Тесей вошел в телефонную будку. И там, на стенке, ему на глаза попался номер, нацарапанный черным фломастером: цифры, а под ними инициалы М.Р. Тесей тут же сообразил — сердце застучало сильнее, — что это инициалы Минотавра: Минотавр Королевский, Minotaurus Rex.

Но как могло возникнуть столь удачное совпадение? Поддавшись интуиции, Тесей высунул голову из будки, посмотрел на небо. И точно, у горизонта горел тускнеющий пурпурный отсвет — верный признак того, что синхронно-щедрое солнце лабиринта только что полыхнуло, как новая звезда.

Тесей пошарил по карманам, выудил вселенский телефонный жетон, опустил в прорезь, набрал номер.

В другой части лабиринта Минотавр сидел на огромной поганке, сжимая в руке синий цветок и мучаясь с похмелья: накануне вечером он объелся девиц — нет, не живых, а консервиро-

ванных в виде крупных бесцветных конфет с орешками, из каких состоит стандартный аварийный рацион для минотавров в бегах. Минотавр старался воздерживаться от пожирания живых девиц, он же не варвар, однако, согласитесь, девицы в банках, заготовленные в собственном соку, мороженые, сублимированные либо приготовленные иным способом, — это совсем другое дело, они даже внешне на девиц не похожи. Впрочем, он и поныне мучился сомнениями, стоит ли их есть, но утешался тем, что консервные фабрики Каннибальских островов будут продолжать производство независимо от того, потребляет он эту продукцию или нет.

На соседней поганочке рядом с Минотавром стоял телефон. Телефон зазвонил. Минотавр поднял трубку.

— Алло! Минотавр на проводе.

— Привет, Минотавр! Говорит старый друг, угадай с трех раз, кто.

— Тесей?

— Получишь приз за догадливость — голова с плеч и поток брани вдогонку. Я иду за тобой, Минотавр, и намерен тебя прикончить.

Минотавра передернуло — что за гнусный хамский голос! Однако он собрал всю свою волю и сказал довольно вежливо:

— Послушай, почему бы нам не заключить сделку, не прийти к какому-то соглашению и к примирению? Это же чистое безумие бегать за другими, угрожая убить их. Что плохого я тебе сделал?

— Я просто следую легенде, — отвечал Тесей. — Личного зла я на тебя не держу.

— Дай мне еще немного времени, — попросил Минотавр. — Я выхожу из этой дурацкой игры. Сделаю пластическую операцию, перееду в другую страну, займусь куплей-продажей земельных участков...

— Ты не вправе выйти из игры, — отвечал Тесей. — Я иду за тобой.

Минотавр задал себе вопрос, не может ли Тесей выяснить место установки телефона по номеру. Малый пользуется успехом, с него станется приударить за телефонисткой, соблазнить ее, ослепив обещаниями, да и себя распалив, а потом заставить ее проследить вызов — поздно ночью, когда начальство разбрелось по домам, к постелям под балдахинами и плавательным бассейнам, когда мир принадлежит духам тьмы и отчасти мне,

Минотавру... Так он думал, отдавая себе отчет, что надо бы повесить трубку и немедленно удирать отсюда, и все-таки продолжая слушать.

— Слушай, на что похоже место, где ты находишься? — спросил Тесей. — У вас сегодня солнечно или дождь? Ночь или день? Воздуха тебе хватает? Или вокруг одна вода? Что ты видишь по утрам, когда проснешься? С кем ошиваешься днем и вечером? Есть у тебя в округе пристойные рестораны?

Минотавр понял, что не рискует ничем, покуда держит Тесея на проводе: до завершения разговора тому не подкрасться.

— Ну что тебе сказать? Вокруг очень мило...

Человекобык оглянулся. Он сидел на огромной поганке на краю болота, неподалеку росли несколько старых дубов. Небо было затянуто облаками, а по гребню чуть подальше шел человек, покуривал глиняную трубку, потирал руки, посвистывал.

— Я нахожусь в симпатичной деревушке, — соврал Минотавр. — Она разместилась на вершине горы, единственной на много миль вокруг. Найдешь, не промахнешься.

— Подскажи еще какую-нибудь примету, — попросил Тесей.

— Единственное, что я могу еще сказать, — отвечал Минотавр, — это что небо в здешних краях необычного зеленого оттенка.

Последовала пауза, затем Тесей осведомился:

— Ты меня дурачишь, что ли?

— На такое у меня не хватит мозгов, — отрезал Минотавр. — Лучше скажи мне, где ты.

— Я в салоне туристского морского лайнера, — заявил Тесей. — Вот как раз официантка принесла мне выпить.

— И какова она из себя? — спросил Минотавр.

— Сексуальная блондинка, — отвечал Тесей. — Думаю, что никому не отказывает. Лопни, чудовище, от зависти...

Минотавр впал в отчаяние. Мало того, что ему вновь угрожает опасность, так и разговор обернулся какой-то тяготиной. Ему пришло в голову, что даже смерть была бы предпочтительнее его нынешней ситуации.

— Мне довелось узнать из авторитетных источников, — сказал Тесей, читая мысли Минотавра, — что смерть не так уж плоха, как принято говорить. Почему бы тебе не разрешить мне убить себя, чтобы можно было перейти к другим делам?

— Ладно, я подумаю, — отозвался Минотавр.

— Да, тебе действительно не мешало бы подумать, — согла-

лся Тесей. — По-дружески тебе говорю. Когда я узнаю, что ты надумал?

— Позвоню тебе через пару дней, — пообещал Минотавр, — и тогда сообщу окончательное решение. Так или эдак.

— Не забудешь позвонить?

— Минотавры ничего не забывают, — отрезал Минотавр и дал отбой.

Тесей хотел было без промедления идти домой и ждать звонка от Минотавра. Но тут вспомнил, что в настоящий момент у него просто нет дома — был раньше, будет позже. И сейчас ему срочно нужен дом, обязательно с телефоном.

27. ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ФЕДРА

В настоящий момент Тесей делит квартиру с девушкой по имени Федра.

Прошли месяцы — а он все еще ждет звонка от Минотавра.

Понятно само собой: на то, что Минотавр попросту сдастся, надежда невелика. Хотя, впрочем, и такое случалось. Минотавры порой поддаются под подобное настроение, прецеденты случались в прошлом и будут случаться в будущем. Вдруг решится и заявит: «Убей меня, малыш», — или уж какие слова выберет, и сам обнажит шею под удар ножа, или откроет ее по плечи под топор, или изготовится для петли, или вдохнет полной грудью огонь на костре. И все кончено, коль скоро речь идет не об особе королевской крови и не о фокусах, придумываемых в кино.

Тесею искренне хотелось, чтобы все кончилось поскорее. Тогда он сможет жениться на той, с которой живет, — на Федре. Жениться, несмотря на то, что перспектива не столь уж благоприятна. Согласно старым мифам, ему придется с ней несладко.

Легенда о Федре широко известна. Выйдя замуж за Тесея, Федра, дочь критского царя Алкоя, влюбится в Ипполита, сына Тесея от предыдущего брака. Она попытается соблазнить его, но Ипполит — заядлый атлет, не интересуется ничем, кроме спорта, и к тому же грешит фарисейством. Она ждет от него любви, а он читает ей лекции и приводит в такую ярость, что она обвиняет его в изнасиловании, а сама сводит счеты с жизнью, повесившись на дверном косяке.

Тяжелый, истерический сюжет, допустимый в опере, но никак не в Дедаловом лабиринте.

По мнению Тесея, сочинители мифов историю с Федрой сильно преувеличили. Люди так себя не ведут, и уж тем более не приходится ждать этого от Федры, девицы довольно ограниченной. Зато она хорошенькая, не слишком высока ростом, у нее большие серые глаза и губы, зовущие к поцелуям.

По мнению Тесея, легенда о Федре — один из трюков Дедала: он предлагает вам альтернативу, по всем признакам скверную, хотя на самом деле она может обернуться вполне замечательной. Именно к таким приемчикам Дедал прибегает, чтоб усложнить свой лабиринт еще более. Но, разумеется, можно допустить и другое: Дедал мог заранее предполагать, что вы попробуете его перехитрить и выберете вариант событий, невзирая на кажущуюся скверность, — и предусмотрел, что действительность обернется для вас еще хуже. Творцы лабиринтов — люди коварные.

Может, Федра не отличается постоянством. Может, жениться на ней — это поступок крайний, чересчур героический. Жить с ней — милое дело, но жениться-то зачем? А затем, что Федра хочет замуж, она самая обыкновенная девушка, ее заботит, что скажут соседи. Тесей взял в привычку жениться на них на всех — на Ариадне, на Федре, на Антиопе, да, вероятно, были и еще жены, просто не запомнились.

Впрочем, семейные заботы можно отложить на потом. Сейчас он ждет звонка от Минотавра. И, пока не дождется, больше ничего не случится.

И ведь звонит телефон, звонит! Иногда спрашивают Федру, иногда Тесея, но звонка, который нужен, нет как нет.

Какой-то мужик звонит Федре чуть не каждый день. У него сильный иностранный акцент. Если трубку снимает Тесей, он, не называя себя, дает отбой. Тесею мнится, что это его сын Ипполит дозванивается из будущего, пробуя помешать отцу прежде, чем тот оформит брачные отношения с Федрой.

Беда в том, что Тесей еще вообще не спал с ней. Он пытался — вроде бы героическая традиция того требовала, и уж если суждено пережить с ней в будущем неприятные минуты, почему бы не получить капельку удовольствия в настоящем? Федра привлекательна, просто лакомый кусочек, и молода. Тесею нравятся молоденькие, но она ему отказала: не подумай, что я не люблю тебя, но ведь это неправильно! Я бы не смогла взглянуть потом в глаза родителям — вот если бы мы поженились... Однако Тесей

до сих пор состоит в браке с Ариадной, в Дельфах все еще тянут с разводом, и остается только ждать, ждать...

Телефонных звонков Федре Тесей больше не принимает. У него теперь особый код, подтверждающий, что вызов адресован ему, — между звонками раздается слабый свистящий звук. Он просил всех своих друзей не забывать об этом условном сигнале, с тем чтобы отличать их звонки от предназначенных Федре. Конечно, такое нововведение усложнит выяснение отношений с Минотавром, но рогатый зверюга находчив, как-нибудь выкрутится. Тесей пробовал растолковать все это Федре, только безрезультатно: у них не было общего разговорного языка. Сие было трогательно, покуда она выступала в роли блондиночки-официантки с многообещающим взглядом. Теперь она носит очки в роговой оправе и растеряла все, что знала из эллинского наречия. Единственная оставшаяся фраза: «Хочешь выпить?» — и в продолжение: «Хочешь еще?..» И все время болтает с кем-нибудь по телефону. А вдруг с Минотавром? Какого черта, что здесь творится, в конце концов?

На улице дождь, приходится выкурить парочку сигареток, чтоб успокоить нервы. Тесей выходит из дому. Возвращаясь обратно, слышит, что звонит телефон, притом свистящий звук совершенно отчетлив, — звонят ему, и он взбегает вверх, пять лестничных маршей без передышки, возится с замками, наконец проникает в квартиру. Сердце стучит неистово.

— Алло, слушаю, кто говорит?

— Это я, — отвечает Минотавр.

— Ххааа...

— Не понял, — сообщает Минотавр.

— Просто пытаюсь перевести дух, — говорит Тесей, а легкие судорожно глотают воздух: метафора, если она и есть, то совсем чуть-чуть.

— Надеюсь, тебе не пришлось скакать рысью все пять маршей, — соболевает Минотавр.

— Откуда ты знаешь про пять маршей?

— А как Федра?

— А про нее тебе откуда известно?

— У нас свои секреты, — отвечает Минотавр.

— Нисколько не сомневаюсь. Ну так что ты решил?

— Надену синюю кисейную накидку. Выбрать было совсем не так просто, как тебе кажется. Мне идут джинсы, и ведь это

все-таки не званный вечер, просто легкие закуски в стиле Тарзана. Думаю, что я сделал верный выбор.

— Хочешь сдать и позволить мне убить себя?

— Разве я обмолвился об этом хоть словом? Ну да, припоминаю нашу предыдущую беседу. Но тогда я был подавлен. А ныне предстоит вечеринка. Ты же не рассчитываешь, что я сдамся перед вечеринкой?

— Нет, не рассчитываю, — отозвался Тесей. — Вечеринка будет хорошей?

— Обещает быть замечательной.

— Можно, я тоже приду?

— Ты серьезно? — опешил Минотавр.

— Мы могли бы заключить перемирие на одну ночь. А я так давно не бывал на вечеринках...

— Тесей, ты хитрый эллинский шельмец, но мне тебя почти жаль. Почти и все же не совсем. Пригласить тебя на вечеринку — такой шаг противоречил бы законам развития конфликта.

— Ради всего святого, Монтрезор! — вызывает Тесей.

— Да-да, — отвечает Минотавр вполголоса. — За мной боченок амонтильядо...

И вешает трубку.

Федра возвращается домой, звонит кому-то, опять уходит.

Тесей отправляется спать.

28. О ВЫГОДАХ ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛУЛЕЖА

Тесей спит. Ну, по крайней мере, если не спит, то лежит в постели, курит сигарету, читает книжку, слушает магнитофон.

Странно, как мало внимания уделяют авторы ощущениям человека лежащего. А ведь преимущества положения лежа и полулежа — тема воистину неисчерпаемая.

Почти треть жизни мы проводим во сне, и это весьма существенно пополняет наши мечты и фантазии. Другая немалая часть нашего времени уходит на чтение, загорание на солнышке, разговоры по телефону. Еще есть часы, посвященные самодеятельным спектаклям под названием секс. Они не замкнуты исключительно на положение лежа и полулежа — и мужчины, и пары исследуют всю одуряющую гамму поз двух соединенных тел, но возвращаются снова и снова к основной позиции, которая и есть предмет наших размышлений.

Даже еду, которая вроде бы не входит в наш список — полагают, что предпочтительнее есть стоя, сидя, склоняясь над тарелкой, — можно интерпретировать, как предусмотренный самой природой путь к горизонтальному положению: сытый желудок — мощный стимул к тому, чтобы прилечь.

Древние греки и римляне в подобных стимулах не нуждались. Они вкушали пищу лежа или, если точнее, полулежа в позе, настолько близкой к лежащей, насколько возможно, — надо же приподнять рот, чтобы воспользоваться помощью земного притяжения, пропихивая еду в пищевод и в желудок. Они были проникательны и деятельны, эти чисто выбритые мужчины в тогах и хламидах. Люди с Востока поразились тому, как много они суетятся, в особенности когда строятся в фаланги и хватаются за копья. Однако на практике они исповедовали гедонизм и, как только необходимость стоять отпадала, охотно возвращались к искусству полулежать.

Уместно вспомнить Петрония, автора первого романа, где преимущества лежачего состояния исследуются более или менее глубоко. Центром одного из дошедших до нас отрывков «Сатирикона» является описание пиршества персонажа по имени Тримальчио. На этом пиршестве, которое было, разумеется, пиршеством лежа, вам подавали все что угодно — пищу, женщин, напитки, развлечения, — и вам не приходилось даже пошевелиться. Однако вместо восхваления столь славного обычая Петроний прикидывается, что находит пиршество вульгарным, смешотворным и что таких изысков следовало бы избегать. Кто знает, может быть, Петронию и узкому кружку его недееспособных друзей просто не нравились вечеринки. Однако при современном прочтении все описанное предстает в ином свете. Вряд ли многие из нас отвергнут вечеринку, где в досталь всякой вкуснятины и девчонки танцуют на столах, где вина залейся и не прекращается хохот. Что тут вульгарного, во имя всех святых? Вот уж вечеринка, на какую хотелось бы попасть каждому из нас.

Сравните ее с «Пиром» Платона, где кучка подвыпивших мужчин разглагольствует о смысле любви: с тех пор, как Сократ воспретил плотские утехы, все сделалось сложным и малопонятным. Кульминацией вечера становится момент, когда один из гостей восторгается Сократом за то, что тот сумел не дотронуться до обольстительного Алкивиада.

Как хотите, но пиршество Тримальчио выглядит куда

более забавным, чем пир у Платона; разумеется, кому-то нравится одно, кому-то другое, но для нас существенно, что обе манеры сыграли важную роль в истории мировой культуры и что в обоих случаях участники провели вечер с начала до конца полулежа.

Читатель будущего отринет наши поверхностные книжки, ориентированные на действие и только на действие, и спросит: «Почему автор ничего не говорит о том, что думали герои, когда ложились в постель? Почему он не рассказывает об ощущениях, какие вызывает грубое одеяло, расстеленное на неровной кушетке? Что чувствуешь, когда раскинешься навзничь на полу, на пыльном ковре, а над тобой лишь белое небо, перечеркнутое черными мертвыми ветвями? И каково лежать на узкой деревянной скамье в доме друга и распивать с ним бутылочку, а рядом тихо играет радио и визжит ребенок, гоняющийся за кошкой?..» Наши книжки, ориентированные на тех, кто стоит, не дадут ответов, — если, конечно, читатель не догадается заглянуть в это мое сочинение.

Итак, Тесей лежит на постели в дремоте и прислушивается к приглушенной, еле слышной болтовне, какую ведут Федра и Гера в соседней комнате. Квартира, где живет Тесей, принадлежит матери Геры, но старушка попала в больницу со сломанным бедром и Гера зашла забрать кое-что из ее вещей. Воскресный вечер выдался дождливым. Гера с Федрой разглядывают старый семейный альбом. Вот Афродита в день первого причастия; вот Посейдон верхом на рыбе-паруснике; а вот малыш Зевс грызет свои первые розовенькие игрушечные молнии. Женщины тихо болтают за стенкой на мягком иностранном наречии, по сырому гудрону за окном шелестят покрывки, в отдалении светятся огни Олимпа.

Послышался громкий зуммер. Звук шел из Тесеева рюкзака, брошенного в угол. Естественно, это была нить — ни один другой предмет снаряжения таких противных звуков не издавал.

— Который час? — спросил ее Тесей.

— Время отправляться за Минотавром, — откликнулась нить.

Тесей тяжело вздохнул, погасил сигарету, выбрался из постели, опоясался мечом, надел кольчугу, а поверх рюкзак, оставил записку Федре и бесшумно вышел. Как ни восхитительно лежать, рано или поздно приходится уступить настоятельной необходимости встать и двигаться. Любые наши движения в

прямоходящем состоянии — не что иное, как танец со сменой поз, покуда мы мчимся сквозь невероятное на пути к непознаваемому.

29. ПОПРОБУЙ ДОЗВОНИТЬСЯ НА НАКСОС

Тесей осмотрелся, но на мили и мили вокруг смотреть оказалось не на что. Только телефонная будка, выкрашенная в красный цвет, и экземпляр Всеобщего телефонного справочника, который в пределах лабиринта связывает кого угодно с кем угодно и автоматически обновляется всякий раз, когда кто-то переезжает.

Это была одна из самых необустроенных областей лабиринта, и, хотя здесь могло расположиться все, что в голову взбредет, до коммунальных удобств тут пока не дошло. Тесей вынул собственную записную книжку, перелистал ее. Книжка была сделана по новейшей моде: имена тех, кто хорошо к вам относится, светились в темноте, а вот имена врагов прочесть было трудно — они тускнели, как и упоминания об их положительных чертах, ежели таковые имелись.

После нескольких пробных звонков Тесей решил, что лучше всего остановиться у бывшей жены, Ариадны, и ее нового возлюбленного Диониса.

Как ни странно, они обрадовались. На Наксосу все шло как-то слишком спокойно — да остров никогда не славился ни шумными представлениями, ни бурными загулами. На северо-западной оконечности острова Дионис завел большую ферму. Она венчала довольно красивый мыс и смотрела на море. Ниже фермы лежала узкая полоска пляжа и бухточка, где могли укрываться лодки с неглубокой осадкой.

Дионис обожал лодки. Лодки доставляли контрабандную сому, которую он перепродавал героям со скромной наценкой. Кроме того, Дионис сочинял роман, а Ариадна ходила на курсы, изучала науку торговли недвижимостью.

Проблемы, мучившие их всех когда-то, были забыты. Ныне память о прошлом стала связующим звеном, скрепляющим тройственный союз. По вечерам, когда архаичное рыжее солнце тонуло в море, они садились за кухонный стол поиграть в бридж. Четвертым партнером выступала катушка ниток, способная раз-

делиться на семь различных личностей, хотя этот ее талант востребовали очень редко.

У Ариадны было вроде бы множество детей. Среди них, возможно, попадались и соседские детишки, но были как пить дать и ее собственные. Ее и Тесея. Он ощущал уверенность, что они с Ариадной произвели на свет по меньшей мере одно дитя, а может, двоих или даже троих. Точно он не помнил, память подводила, не то что когда-то, да и попробуй упомянуть всех прошлых и будущих жен, прошлых и будущих детей, все бесчисленные перемены судьбы.

Тесею не хочется спрашивать, кто из этих чад его кровные — а вдруг, чем черт не шутит, и вовсе никого. Это неуважительно по отношению к себе — о таком не спрашивают. Гнусно не помнить своих детей, гнусно не помнить, какой ребенок от какой жены, — а какая-то из них, может, осталась вообще бездетной. И ведь, если по совести, спрашивать нет нужды: Тесей не сомневается, что где-нибудь все это записано. Он всю жизнь ведет дневник, фиксирует, с кем виделся, что ел на обед, как себя чувствовал. Он же Тесей, со временем его мемуары, несомненно, будут пользоваться спросом: людям захочется знать правду, то, что с ним происходило на деле. Все-все-все записано, но невозможно таскать за собой такие горы бумаги; он рассовал отдельные части своего дневника там и сям, и все-все где-нибудь да хранится, — только бы найти время собрать записи воедино и издать «Мемуары Тесея», а заодно выяснить, какие именно дети — его дети.

А между тем приятная жизнь на Наксосе шла своим чередом. Крестьяне пахали, задавали корм скоту, периодически устраивали состязания, кто громче крикнет, и плясали вокруг хлебного дерева. Они были невысокие, широкоплечие, широкоскулые и всегда одевались в черное, за исключением праздников, когда носили белое. Танцы хлебного дерева исполнялись под аккомпанемент местных инструментов — тамбурина, барабанчика, цимбал, гармоники. Тесею нравились здешние жалобные напевы, хоть они и отличались от более привычных звуков эллинской электрической флейты и педальной свирели Пана.

Жизнь была непритязательной, и это тоже нравилось. По ночам из моря выходили странные твари. Темные, гибкие, они проползали по пляжу и взбирались на ближайшие деревья-пагоды в поисках устриц. Глубже по холмам росли широколистые кусачие деревья, характерные для острова. Собственно, их и де-

ревьями называть не следовало — они принадлежали к более древним породам из класса арболеумов, сереньких растений со своеобразными крестовыми насечками там, где ветви отходят от ствола. Иногда между арболеумами тяжело пролетали желтогорлые птицы-предвестники. Тоже не настоящие птицы, а древняя разновидность крылатых, обитавшая в небесах Наксоса, когда Земля была юной и глупой.

Как ни хорошо было жить на Наксосе, но рано или поздно всему приходит конец. Ничто не вечно, и особенно удовольствия. Непреодолимый закон природы: все на свете, даже самое лучшее, становится невыносимым, а дни человеческой жизни — мертвыми листьями на дереве метафор.

Конец его пребыванию на острове наступил, как водится, без предупреждения. Однажды Тесей вернулся домой и осведомился, не было ли ему звонков. Ариадна ответила, что нет, и добавила, что вряд ли будут.

— Это еще почему? — не понял Тесей.

— Потому что телефон не подключен, — ответила Ариадна. — Я думала, ты знаешь.

На следующий день Тесей отбыл восвояси.

30. КАК ПРОВАЛИТЬСЯ К НАЧАЛУ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Вернувшись на материк, Тесей высадился в маленькой гавани на скалистом побережье Аттики. Поблизости раскинулся городишко, белые домишки-ульи сверкали под полуденным солнцем. Едва войдя в город, он понял, что здесь сегодня намечается праздник. В честь чего?

Потом он увидел натянутое между домами полотнище, и на полотнище крупно: «СПАСЕМ НАШЕГО МИНОТАВРА!» По странному совпадению, Тесей явился сюда в День охраны минотавров. На других плакатах указывалось, что минотавры превратились в исчезающий вид. Подразумевалось, что люди твердо решили остановить незаконное истребление сказочных тварей, одолеть малую группу эгоистов, которые поставили себе целью извести одну из старейших пород чудовищ, населявших классический мир.

Некто взгромоздился на тумбу и произнес речь:

— Вы уже бывали свидетелями исчезновения сказочных существ. Где теперь стимфалийские птицы? Где золотоголовые

моржи, где курчавохвостые нарвалы, где полоумные гарпии? Все они исчезают, если еще не исчезли. И куда, скажите, смотрит Дедал? А никуда он не смотрит, это его не заботит. Ему наплевать на охрану того, что существует, ему только новое подавай!..

Идя по улицам, Тесей не мог не плениться ярмарочной атмосферой. В киосках торговали кебабами на вертеле и фаршированными виноградными листьями. Дикари из Ливии, сами на грани вымирания, предлагали желающим резные глиняные черепки, древнейшие аналоги листовок.

Тесей прикинул, что все это может обернуться ему на пользу. Из подслушанных разговоров явствовало, что Минотавр займется сюда собственной персоной. Оценив ситуацию, герой понял, что получит искомую возможность, если найдет точку, откуда можно произвести меткий выстрел. Он был вооружен молниями, которые Гермес одолжил по его просьбе у Зевса. В древнем мире это был эквивалент управляемых ракет, к тому же настроенных на Минотавра и способных поразить цель без промаха.

Осмотревшись, Тесей разработал тактический план. Процессия, и Минотавр на одной из колесниц, проследует прямо по главной улице городка. Самая выгодная позиция — старое хранилище свитков на углу улицы Классиков и проезда Рог изобилия.

Тесей вошел в здание. Оно было заброшено. На втором этаже нашлось местечко, где можно водрузить пусковую установку, надежно закрепить ее на глиняном полу и тщательно, не торопясь навести на цель. Кто заподозрит, что убийца укрылся в хранилище свитков? Все пройдет как по маслу.

До начала процессии оставалось еще полчаса. Припрятав молнии в куче хлама в углу, Тесей снова вышел на улицу и отправился в близлежащую забегаловку, где взял сэндвич с кебабом под виноградным соусом. Стрелять всегда лучше на сытый желудок.

Однако, когда он вернулся в хранилище, то в дверях столкнулся с каким-то незнакомцем. Тесею это не понравилось, и все равно он решил довести дело до конца. Беспечно насвистывая, он кивнул незнакомцу и собирался пройти мимо, но тот окликнул:

- Что тебе надо в этом хранилище?
- Ищу место, откуда будет хорошо видно.
- А чем тебя не устраивают трибуны?

— У меня кружится голова от высоты, если вокруг толпа. Разве находится здесь запрещено законом?

— Вовсе нет. Только поосторожнее там, наверху. Пол не очень надежен, поскольку еще не скреплен постоянным цементом реальности. Можно сказать, что держится на честном слове, на слоне и молитве.

— Не беспокойся, я буду осторожен.

Тесей поднялся наверх и выждал минуту, но никто за ним не последовал. Он приподнял пусковую установку над подоконником, вывел перекрестье прицела на нуль. Теперь все готово! Сердце забилося сильнее. Наконец-то он доберется до этого Минотавра!

Через несколько минут на улице стал собираться народ. В большинстве своем люди лезли на возведенные второпях трибуны по обе стороны проезжей части. Издали донеслись звуки духового оркестра. Минотавр приближался! Детишки носились туда-сюда, дуя в дешевенькие свисточки. Тесей, весь внимание, склонился над своей пусковой установкой. На сей раз он нипочем не промажет!

И вот показалась процессия. Он уже видел первую колесницу, набитую агентами секретной службы в классическом облачении. Они были вооружены карманными луками и стрелами.

Процессия подъехала ближе. Тесей пропустил колесницу с агентами и вторую, с представителями прессы. Третья колесница была отдана громогласным болельщикам из местной средней школы. Эту он пропустил тоже. Но вот надвигается и четвертая, а на ней Минотавр, огромный, сине-багровый и, как обычно, испятнанный пеной, весь из себя улыбчивый, словно мир принадлежит ему и никому другому, приветственно помахивающий передним копытом. Человекобык счастлив! Тесей почти упрекал себя за то, что должен сейчас сделать. Почти — и все-таки не совсем. Он принял к перекрестью. Когда колесница подошла еще ближе, тщательно прицелился — и тут понял, что занятая им позиция не так хороша, как хотелось бы. Из соседнего окна стрелять было бы удобнее.

Подхватив свои молнии, он сделал два шага по поскрипывающему полу. Оставался еще шаг, и вдруг, с пронзительным треском, все ушло из-под ног. Слишком поздно до Тесея дошло, что он ухитрился ступить на незакрепленный участок. Попытался дать задний ход, но поздно. И провалился.

Он падал сквозь прозрачные изобразительные ткани, из которых сооружен лабиринт. Стремительно миновал область ко-

лоссов, серых по цвету, цилиндрических по форме, расположившихся со своими кровными родственниками на мрачном фоне кошмаров. Затем проскочил через скопление наносекунд и типичных сомнений, потом через скопище странно очерченных пренебрежений и, наконец, через склад, полный преувеличений и преуменьшений.

Ни одну из этих тканей не удавалось хорошенько рассмотреть. Оставалось диву даваться, как это Дедал сумел совладать со столь ненадежными материалами.

Затем в действие вступила механика лабиринта, и Тесей очутился на обычной классической городской улице. Она дрожала и колыхалась под влиянием риторических отражений, а вдали возникал автор, фигура невероятной красоты и интеллектуальной мощи. И не просто возникал, а пытался, невзирая на множество персональных проблем, вновь собрать в единое целое рассыпавшийся сюжет, как незабвенного Шалтая-Болтая.

РАССКАЗЫ

МАГИЯ

Несколько лет назад я работал в универсальном магазине Салливана в Манхэттене. По вечерам я возвращался к себе на Лойер Ист-сайд и практиковал магию.

Магия существует на самом деле. Не стоит относиться к ней пренебрежительно и трезвонить об используемых вами магических приемах на каждом шагу, потому что в этом случае она перестает работать. И еще: как только вы начинаете мечтать о золотых горах вместо того, чтобы удовлетвориться тем, что магия дает вам без особых усилий, вы наживаете крупные неприятности. Поэтому я всегда держу свои секреты при себе и довольствуюсь малым.

Магия не имеет утилитарной ценности, ее нельзя потрогать. Произнося заклинание, попадаешь в сумеречную область, где все происходит в соответствии с причудливой логикой, которая становится понятной лишь с течением времени. Эфемерностью и своеобразием сакральных энергий объясняется то, что в старину могущественные маги, изготавливавшие золото и числившие среди своих патронов великих королей, нередко уличались в шарлатанстве и подвергались репрессиям. Ведь многие из них в действительности не были мошенниками. Они просто компрометировали свои возможности, демонстрируя их королям и ученым мужам и требуя взамен всяческих материальных благ. Причина того, что Сила оставляла их, заключалась в них самих.

Подсознательно я ощущал чистоту дела, которым занимаюсь, но не был до конца убежден в этом. А потом я влип в историю с чулками «Донна Каран».

Моя работа у Салливана состояла в следующем: я снимал со стеллажа залежалый товар, укладывал на его место товар свежий и одевал манекены. В то время мои успехи в магических иссле-

дованиях уверенно прогрессировали. Я как раз открыл принцип *теменос*, чрезвычайно важный для создания священного пространства. Я старательно разрабатывал заклинания, а также комбинации слов, звуков и жестов, способные укрепить мою магическую потенцию. И иногда по ночам в моем *теменос*, моем священном пространстве, появлялись всякие вещи.

Однажды магия подарила мне маленькую фигурку слона, вырезанную из старой, с годами ставшей мягкой слоновой кости. Я мог бы продать ее в магазин сувениров за две сотни долларов, даже если бы не сумел объяснить ее происхождение — увы, магические изделия не снабжаются сертификатами. Но в основном мои изыскания не приносили мне ощутимых материальных благ.

Меня заинтересовало, могу ли я как-то упорядочить магические эманации. К примеру, попросить магию сделать копию определенного предмета или доставить мне еще один такой же. Чтобы не перегнуть палку, я старался брать в качестве оригиналов самые простые вещи.

Оставшись однажды в ночную смену, я превратил часть склада в священное пространство. Я провел магический круг и положил в середину чулок «Донна Каран».

На следующее утро я был вознагражден четырьмя копиями этого чулка. Итого их стало пять. Я так и не узнал, который из них оригинал. Они все были совершенно одинаковые, даже уголков на штрих-коде у каждого был загнут один и тот же.

Я не знал во время проведения ритуала, что меня заметил Фил, администратор магазина. Он подошел, когда я складывал неучтенные чулки в свой рюкзак.

— Ну, что тут у нас? — поинтересовался он.

— Это мое, — заявил я.

Он одарил меня своей фирменной улыбкой.

— Экспроприация частной собственности?

— Вы не понимаете, — сказал я. — Эти чулки не принадлежат магазину. Я их изготовил.

Фил посмотрел на чулки внимательнее.

— Мне знакома эта модель. Такие выставлены у нас на витрине.

— Это просто оригинал, — сказал я. — Вот, этот я положу на место. Остальные — мои изделия.

Фил оглядел товар со всех сторон, нахмурился и сказал:

— Думаю, нам следует подняться в мой офис и разобраться в этом.

Офис Фила был расположен над основным помещением магазина Салливана. После тщательного изучения смутивших администратора образцов он подошел к своему компьютеру и считал штрих-код товара. Он был удивлен, обнаружив, что серийный номер у всех чулок один и тот же.

— Должно быть, это ошибка, — сказал он. — Надо уточнить.

Однако телефонный звонок нашему дистрибьютору выявил, что Фил действительно может идентифицировать только один чулок. Остальные четыре зафиксированы не были.

— Ничего не понимаю, — сказал Фил.

— Это моя вина, — сказал я.

— Твоя вина? Что ты имеешь в виду?

— Ну, то, что я сделал это прямо на работе, — сказал я. — Простите, сэр, я не хотел доставить вам неприятности. Не утерпел. Но у вас даже получился лишний товар, так что никакого ущерба я не нанес. Я больше не буду.

— Ты умеешь изготавливать чулки? Как ты это делаешь?

— Я просто желаю этого, — сказал я.

— Но ты же должен что-то делать для этого, разве не так? Эти чулки не могли материализоваться из воздуха!

— В сущности, именно так и происходит. По крайней мере, я думаю, что так. Я ни разу не видел это своими глазами. Мы не можем даже вообразить себе этот процесс.

— Мы?

— Маги, сэр. — Я уже понял, что рано или поздно придется это сказать.

Фил посмотрел на меня, его глаза сузились, брови сдвинулись.

— Объясни.

— Я практикую магию, — сказал я.

— Понятно, — сказал Фил.

— Я делаю это в *теменос*, священном пространстве, — промямлил я, словно это все объясняло.

Фил хмурился и смотрел на меня так, словно хотел прожечь во мне дыру. Затем он перевел задумчивый взгляд на чулки и некоторое время изучал их. Наконец он сказал:

— Можешь ли ты сделать так, чтобы что-нибудь появилось вот на этом столе прямо на моих глазах?

— Нет, что вы! Магии противопоказана публичность, это все-таки не наука. Магия предпочитает тайну.

— И все-таки, что именно ты делаешь, когда хочешь что-нибудь получить?

— Я провожу ритуал в *теменос*. Но обычно я не желаю ничего особенного. Сегодня я впервые попытался скопировать определенный предмет. Магии вряд ли нравятся назойливые адепты.

— Конечно-конечно. И в результате ритуала предмет возникает в этом священном пространстве?

— Не всегда. Но практически всегда неожиданно.

Фил долго смотрел на меня. Наконец он сказал:

— Ты знаешь, это какое-то безумие.

— Я знаю, — сказал я.

— Но ты меня заинтересовал. Я хочу, чтобы ты продемонстрировал мне свое искусство.

— Я сделаю это, — сказал я, — но не здесь, не в магазине. Здесь слишком многолюдно. Возможно, у меня дома...

— Конечно. Мне наплевать, где это будет. Но я хочу видеть это своими глазами.

Мы встретились через два дня. Фил был достаточно корректен, чтобы не замечать убожества моей маленькой, тесной квартиры. Но я хорошо знал, что он думает: этот доходяга практикует здесь магию? Меня что, принимают за идиота?

Как бы то ни было, он уже пришел. И он кое-что принес мне, чтобы я попытался сделать копию. Маленькую золотую монету. Фил сказал, что она стоит немного — не больше двадцати долларов.

— Это не самая хорошая идея — просить магию изготовить столь специфическую вещь, — сказал я.

— Это хороший способ проверить, как оно работает, — заверил он, вручая мне монету. — Я хочу получить ее назад — надеюсь, в комплекте точно с такой же.

— Вы, скорее всего, получите ее назад. А вот что касается еще одной, мы увидим, что решит магия.

Я положил монету на алтарь в священном пространстве, которое создал в своей комнате, и попросил Фила подождать в прихожей, пока я произведу необходимые манипуляции. Я не люблю, когда на меня смотрят во время церемониала.

Когда я вернулся, Фил спросил:

— Ну, что теперь?

— Завтра ночью в это самое время, — сказал я, — я открою дверь в *теменос*.

— Ты имеешь в виду эту комнату?

— Теперь это *теменос*.

— А нельзя ли как-нибудь заглянуть туда одним глазком? Может быть, мы получим какой-нибудь знак, что все уже готово.

Я покачал головой.

— Я не стану открывать эту дверь до завтрашнего вечера. Нетерпеливость — очень плохое качество для адепта магии. Никто не имеет права торопить Силы. Двадцать четыре часа, и ни минуты меньше. А еще лучше будет подождать пару дней.

Фил явно хотел сказать что-то ядовитое, но только пожал плечами, произнес: «Увидимся здесь же завтра» и ушел.

Следующим вечером, когда Фил пришел, я открыл дверь своей комнаты, и мы обнаружили в *теменос* семь золотых монет, как две капли воды похожих друг на друга. Я протянул их Филу.

— Полагаю, это то, что вы хотели получить от Силы, или духов, или магии, или от кого там еще.

— Кажется, ты говорил, что духи не любят, когда их просят о чем-то специфическом?

— Духи непредсказуемы, — сказал я.

Фил позвякивал зажатými в кулаке монетами. Затем протянул одну мне:

— Вот, возьми. Купи себе что-нибудь.

— Нет, спасибо, — сказал я.

— Как знаешь. — Фил спрятал монеты в карман и глубоко задумался. Наконец он сказал: — Я еще вернусь, — и ушел.

На следующей неделе Фил попросил меня встретиться с ним и парой его друзей в дорогом ресторане недалеко от универмага Салливана. Он дал понять, что они хотят побеседовать со мной о событиях той ночи и сделать мне некое деловое предложение. Я могу вообразить, как он предвительно встречался со своими компаньонами и что им плел.

— Итак, ребята, если вы обещаете не смеяться, я предложу вам одно безумное вложение денег, которое наверняка вас заинтересует, — сказал Фил после первого бокала.

— Конечно, — сказал Джон. — О чем речь?

— Вот этот парень практикует магию или что-то вроде, — произнес Фил. Поскольку все молчали, он вкратце разъяснил, что произошло, и заключил: — Я не знаю, как он это делает, но предприятие выглядит достаточно любопытным, чтобы вложить в него несколько баксов.

Мы наслаждались уютной атмосферой ресторана, состоящей из запаха сигаретного дыма, вкуса пива и приглушенного мерцания золотых огней, мимо нас мелькали длинноногие официантки, и друзья Фила изучающе смотрели на меня. Наконец один из них, толстый самодовольный парень по имени Хэйнс, сказал мне:

— Значит, вы делаете это в своей магической комнате?

— Это не магическая комната, это *теменос*, священное пространство, которое я создаю в каком-нибудь подходящем помещении.

— И как вы изготавливаете копии предметов в своем священном пространстве?

— Я выполняю определенные магические процедуры.

— Какие именно?

— Я не могу вам сказать. Рассказ уничтожит магию.

— Что ж, весьма удобная отговорка, если хочешь сохранить свой секрет при себе.

Я покачал головой.

— Увы, это один из основных принципов функционирования магии.

Я не стал говорить ему, из-за чего великие маги прошлого вроде Калиостро и графа Сен-Жермена, чье богатство и слава были огромны, в конце концов утрачивали свои способности и, соответственно, влияние. Их падение произошло потому, что они слишком много болтали и требовали от Силы лишнего.

Друзья Фила устроили небольшое импровизированное совещание шепотом. Затем Джон — высокий, худой, лысеющий парень в деловом костюме-тройке, — сказал мне:

— Хорошо. Мы хотим сделать вам деловое предложение.

— Вас не смущает, что вы собираетесь вложить капитал в эфемерную субстанцию? — на всякий случай уточнил я.

— Мы не боимся эфемерных инвестиций, — заявил Фил. — Мы имеем долю в школе шаманов в Аризоне.

— Как вы собираетесь вкладывать в меня деньги? — спросил я.

— Мы предоставим тебе место для занятий магией, — сказал он. — Место, где бы тебя никто не беспокоил. Мы будем снабжать тебя едой и деньгами на карманные расходы. Ты должен бросить эту дурацкую ежедневную работу у Салливана. Ты должен жить магией.

Я сказал:

— Звучит заманчиво. Что конкретно требуется от меня?

— Делить *изготовленное* с нами. Пополам.

— *Изготовленное*?

— То, что изготовит твое священное пространство.

— Может получиться так, что оно не изготовит ничего.

— Тогда мы получим пятьдесят процентов ничего, — заявил Фил. — Но мы любим рисковать. Мы можем перевезти твое магическое оборудование в одно уединенное место в Джерси, оставить тебе питание на пару недель и посмотреть, как ты справишься.

— Любопытно, — сказал я.

— И не забывайте, — заметил Хэйнс, — вы получите пятьдесят процентов того, что сумеете выпросить у магии.

Это показалось мне неплохой сделкой — по крайней мере, на первое время это гарантировало мне достаточно свободного времени для моих занятий.

Когда-то компаньоны Фила сняли в северном Джерси помещение под лабораторию по разработке программного обеспечения, но потом ушли из этого бизнеса. Однако пока они продолжали вносить арендную плату, так как там еще оставалось кое-какое оборудование. Это был маленький домик на отшибе с просторным лабораторным залом и двумя жилыми комнатами. Меня доставили туда, и Фил каждые несколько дней привозил мне из Нью-Йорка замороженные обеды.

Я жил один и практически никого не видел — ближайший городок располагался в двух милях, а у меня не было машины, и кроме того, что я там забыл? Когда я не занимался магией, я читал книги. Особенно мне нравились трактаты Марсилио Фичино. Его величие заставляло меня стыдиться самого себя.

Это произошло неделей спустя, золотистым вечером позднего октября, когда листва кленов только начала менять свой цвет. Я наблюдал за птицами в небе, летящими на юг, прочь от мрачной зимы, ожидающей меня. Потом я опустил взгляд и увидел ее. Она расположилась на моей лужайке с мольбертом, складным стулом и большой соломенной сумкой, из которой торчали акварельные краски и бутылка с водой.

Я тихонько подошел сзади, и женщина поспешно вскочила.

— Простите, я думала, что здесь никто не живет! — торопливо проговорила она. — Честное слово, я не собиралась нарушать границы вашей частной собственности!

— Ничего страшного. Я живу здесь, но я не хозяин этого домика, — успокоил ее я.

— Но я нарушила ваше уединение, — настаивала она.

— Вы нарушили мое одиночество.

Женщина вздохнула с облегчением и снова уселась перед мольбертом.

— Я художник, — сказала она. — Рисую акварелью. Некоторые говорят, что это не настоящее искусство, но оно меня радует. Я заметила это место очень давно. Я хотела нарисовать его, но ждала, пока клены поменяют цвет. Волшебное зрелище!

— Но ведь листва только начала краснеть, — заметил я.

— Да, пройдет еще пара недель, пока они окончательно оденутся багрянцем. Но они очень красивы именно сейчас, когда ярко-красная и оранжевая листва еще сливается с зеленой. Это время перемен, недолговечное и прекрасное. Любой художник может нарисовать дерево в полном осеннем наряде, но не каждый сумеет уловить тот короткий переходный момент, когда оно еще только меняет цвет листвы с прохладно-зеленого на обжигающе красный.

— А после этого приходит зима, — сказал я.

— Именно.

— Я был бы счастлив, если бы вы приезжали сюда рисовать эти деревья или что-нибудь еще. Возможно, будет лучше, если я отойду в сторонку и оставлю вас в покое?

— Вы не помешаете мне, если останетесь, — сказала она. — Кстати, меня зовут Мэриэнн Джонсон.

Мэриэнн снова взяла кисти и продолжила прерванный рисунок. Она работала очень быстро, ее мазки были уверенными и четкими. Я наслаждался, наблюдая за ее работой. И еще мне нравилось смотреть на нее. Ее нельзя было назвать хорошенькой, но черты ее лица были очень нежными, и я уже знал, что она видит в окружающем мире больше, чем я. Она была маленькой, уютной женщиной моего возраста, может быть, на год или два моложе. Мы говорили о живописи, деревьях и магии. Наконец, два часа спустя, ее рисунок был готов.

— Теперь нужно несколько минут, чтобы краски высохли, — сказала она. — Затем я покрою картину акриловым фиксатором и больше не буду вам надоедать.

— Вы действительно хотите уйти?

— Мне пора, — уклонилась она от прямого ответа.

— Ладно, — сказал я. — А если я покажу вам настоящий магический церемониал?

— Звучит заманчиво, — созналась Мэриэнн.

— Пойдемте в дом и посмотрим, не подарит ли вам что-нибудь *теменос*.

— Вообще-то я не думаю, что мне хочется входить в дом, — осторожно сказала Мэриэнн.

— Тогда я быстренько сбегаю и посмотрю, нет ли там чего-нибудь для вас.

Она поколебалась, затем сказала:

— Не обращайтесь внимания. Я пойду с вами. Хочу посмотреть, как вы живете.

Войдя внутрь, мы миновали холодные, сверкающие хромированными поверхностями лабораторные помещения и попали в мою комнату. На алтаре, освещенное свечами, лежало что-то овальное и блестящее. Я протянул в руку и взял *изготовленное*. Судя по всему, эта штука была сделана из серебра.

— Похоже, это кулон или что-то наподобие, — произнес я. — Магия предназначает его вам. Пожалуйста, примите этот дар.

С серьезным видом Мэриэнн приняла кулон и стала вертеть его в пальцах.

— Ну, — сказала она, — никак не ожидала, что день завершится таким образом.

— Я тоже. Могу я увидеть вас снова?

— Вы знаете ресторан «Альбатрос»? Я работаю там официанткой.

А потом она уехала домой, и мрак лаборатории сомкнулся надо мной. Я потерянно бродил взад и вперед по комнате. Здесь было спокойно, абсолютно спокойно, словно в бетонной гробнице. И я положил себя в нее сам.

Я думал о людях, практикующих магию. Какой жизнью они живут? Одинокой, скучной и опасной. Единственным счастливым браком магов, сдается мне, была женитьба Никола Фламеля и его возлюбленной Перренелль. И он был большим исключением. В своем слепом стремлении стать равным великим магам я почти не задумывался, что я действительно приобретаю при этом.

Неожиданно магия показалась мне пустым занятием, набором бессмысленных жестов и тарабарщины. В этот момент я почувствовал себя так, словно очнулся от многолетнего сна.

Этим же вечером я обзвонил всех компаньонов, и они собрались у меня в лаборатории. Прибыли Фил, Джон, Хэйнс и еще двое, которых я не знал раньше. Они привезли с собой магнитофон и видеокамеру. Я ощущал необычайное спокойствие. Я знал — сейчас должен начаться очередной акт этого спектакля, который в любом случае окажется для меня последним.

Я проводил их в комнату, где у меня был устроен *теменос*. Комната была маленькой и узкой, поэтому мы набились в нее

как сардины в банку, и Фил положил мне сзади на плечо объектив видеокамеры.

— Вы действительно собираетесь позволить нам участвовать в церемонии? — сказал Фил. — Не хотелось бы, чтобы чудеса прекратились.

— Вы увидите классное шоу, — сказал я. — Все будет в порядке.

— Что мы можем пожелать? — спросил Хэйнс.

Я пожал плечами.

— Все, что угодно.

— Миллион долларов золотом — звучит неплохо, а? — сказал Фил.

— Вы думаете, дух, или что там у вас, может это сделать? — спросил меня Джон.

— Магия может всё, — сказал я. — Вопрос лишь в том, захочет она этого или нет. Если да, желаемое на ваших глазах появится вот здесь, в *теменос*.

— Раньше ты всегда проводил церемониал после полуночи, — напомнил Фил.

— Я спешу. У меня есть одно важное дело.

Я повернулся к *теменос* и начал творить заклинания.

Нет нужды описывать здесь все подробности церемониала. Друзья Фила записали его от начала до конца — если у них хватило смелости просматривать пленки после того, что случилось.

По окончании церемонии в центре алтаря возникло нечто темное, незаметно, но неумолимо увеличивающееся в размерах. Мы все почувствовали присутствие чего-то потустороннего и зловещего. Холодный ветер прошелестел по темной комнате, и партнеры начали потихоньку отодвигаться.

— Что вы сделали? — спросил Хэйнс.

— То, что вы хотели.

Теперь тьма в центре *теменос* превратилась во вращающуюся вихревую воронку, в которой то и дело проблескивали светящиеся линии. Она испускала тревожные эманации, словно существо, которое я вызвал, было крайне недовольно происходящим.

Тьма сгустилась в сгорбленную темную фигуру со сверкающими глазами, восседающую в центре алтаря.

— Кто вызывал меня? — грозно спросило темное существо.

— Это я, — проговорил я. — Мои друзья хотели бы иметь миллион долларов золотом.

— Ты потревожил меня ради столь низменных материй?!

Впрочем, ладно. Я могу это устроить. Но мои услуги должны быть оплачены.

— Оплачены? — переспросил Фил. — Чем именно?

— Мы не делаем инвестиций в заведомо проигрышные проекты, — сказала ему темное существо, — поскольку наши ресурсы не бесконечны. Но условия сделки, полагаю, не будут для вас обременительными: за миллион долларов — пять лет отработки, при этом вопросы о характере работы или переносе оплаты не рассматриваются.

Фил провел поспешную консультацию со своими партнерами. Судя по всему, предложение миллиона долларов в обмен на пять лет принудительных работ весьма воодушевило их.

— Хорошо, сэр, — сказал Фил существу. — Мы готовы заключить сделку. Ваши условия вполне приемлемы.

— Кто будет нести личную ответственность за выполнение условий сделки с вашей стороны?

— Мы с компаньонами, сэр.

— С компаньонами? — презрительно фыркнуло темное существо. — К дьяволу! Кто будет нести *личную* ответственность за этот долг?

— Я, сэр, — поспешно сказал Фил, опасаясь, что сделка сорвется.

— Как тебя зовут?

— Фил.

— Отлично. Полагаясь на устное джентльменское соглашение, будем считать сделку заключенной. Итак, Фил, нам пора.

— Эй, минутку, — сказал Фил. — Я не собираюсь...

Он был втянут во тьму так быстро, что у него не получилось даже как следует вскрикнуть. Только что он был здесь, и в следующее мгновение его не стало.

— Я полагаю, пяти лет для отработки будет достаточно, — сказала тьма. — Затем вы получите Фила назад. Или то, что от него останется.

Темное существо растворилось в пространстве, как сигаретный дым. Вместо него на алтаре осталась осыпавшаяся куча золота. Куча вполне выглядела на миллион долларов.

Компаньоны в замешательстве уставились на нее. Наконец Хэйнс осторожно проговорил:

— Это чертова уйма денег.

— Верно, — отозвался Джон, — но как насчет Фила?

— Это была его идея.

— Но мы не можем оставить его неизвестно где с этим чудовищем! Тем более на пять лет!

— Сделка заключена, — сказал Хэйнс задумчиво. — Хотя пять лет — по-моему, это слишком. Но вообще отказаться от отработки — значит нарушить условия сделки. Что вы думаете насчет, скажем, тридцати дней, по истечении которых мы попытаемся вернуть компаньона назад?

Они переглянулись. Наконец Джон сказал:

— Никто не тянул Фила за язык. Он сам пытался извлечь выгоду из сложившейся ситуации. И кроме того, черт возьми, он уже там!

Хэйнс кивнул.

— Тридцать дней, где бы он ни находился, — не смертельно. Я уверен, он расскажет нам свою историю, когда мы вернем его назад, и мы вместе посмеемся над этим приключением за бокалом пива. — Он повернулся ко мне. — Как вы думаете?

— Я больше не практикую магию, — сказал я. — Но в виде исключения я к вашим услугам, когда придет время возвращать Фила назад. Ровно через пять лет. Я бы на вашем месте даже не заикался о том, чтобы нарушить условия сделки. Никаких тридцати дней. Это плохо кончится.

— Вам причитается доля вот этого, — сказал Хэйнс, не отрывая взгляда от золота.

— Нет, спасибо. Я ничего не хочу.

— В свете произошедшего его долю, вероятно, следует отдать Филу, — произнес Джон.

— Верно, — сказал я. — Если вы получите его назад живым.

— О, черт! — пробормотал Джон.

— Уверен, с ним все в порядке, — сказал Хэйнс. — Эй, куда это вы!

— В ресторан «Альбатрос», — сообщил я. — Мне кажется, у них лучшая еда в округе.

И я направился к двери.

Таким образом, мы с уцелевшими партнерами извлекли из случившегося немалую выгоду. Они продали духам одного из компаньонов за вполне приличную сумму. Я, возможно, получил шанс на благосклонность Мэриэнн. Кроме того, я вынес из этого происшествия бесценный жизненный опыт, так что овчинка стоила выделки.

МЕСТО, ГДЕ ЦАРИТ ЗЛО

Глава 1

— Добро пожаловать домой, Донасьен!

Гробовщику пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести все в порядок. Не самому, конечно; его лакеи, садисты, сделали всю работу: соскребли запекшуюся кровь, гной и ржавчину со стен, расчистили пол, заваленный отрезанными конечностями, отрубленными головами с высунутыми языками, мало похожими на людей существами с изуродованными лицами, проеденными червями и гноящимися. Отвратительное, надо сказать, зрелище, даже если работаешь в высоких, до бедер сапогах. Гробовщик не обращал на такие мелочи внимания до тех пор, пока Астарта, Королева Мертвых, не нанесла ему визит. Богиня с хрупкими чертами лица сморщила чуть вздернутый носик.

— Почему здесь так воняет? — спросила она.

Гробовщик разозлился.

— Конечно, воняет! В этой части Ада и должно вонять. А у тебя пахнет розами?

— Знаешь, такое ощущение, будто я попала в какой-нибудь дурацкий фильм ужасов, — заметила Астарта. — Благодарю за приглашение на чай, но, боюсь, я не смогу его принять.

Надменно кивнув головой, она удалилась.

— Самодовольная сучка, — проворчал Гробовщик.

Однако визит Астарты заставил его призадуматься. Видимо, он и в самом деле чересчур безразличен к быту. Впрочем, его, старого холостяка, вполне можно понять. Гробовщик женился на Горго-не, и какое-то время благополучно они жили вместе, но потом она решила, что больше не имеет права отказываться от своей карьеры. Гробовщик так и не понял, что интересного в том, чтобы превращать людей в камень. С другой стороны, он никогда не прикидывался натурой артистической.

Глава 2

Шарль Бодлер сказал:

— Он идет за мной, я знаю, он идет.

Поэт забился в угол в «Клубе убийц».

Местный клуб ничем не отличался от того, который он так часто посещал в Париже. Прекрасные были времена! Регулярно заглядывали Мане, Верлен и его друг Рембо, когда жил в Париже, перед своим безумным и прекрасным путешествием в Африку.

— Мой друг, постарайтесь взять себя в руки, — сказал Поль Верлен, сидевший в удобном кресле в той части зала, откуда открывался прекрасный вид на английский сад, приводивший его в ярость в Париже, когда он еще был жив.

Да, естественно, Ад Парижем не назовешь, однако Дьявол просто великолепно принимал у себя поэтов, которых впоследствии стали называть символистами — или иногда декадентами. Вместо того чтобы подвергнуть жутким мучениям, он награждал их за распространение адской доктрины на Земле. И оберегал от интриг и войны, раздиравших Ад на части. Дьявол нашел уютное местечко между двумя уровнями, где и устроил для поэтов весьма симпатичное пристанище, не слишком просторное — всего около двадцати парижских кварталов, — зато воспроизведенных с характерной для него точностью. От западной части Лувра до конца улицы Темпл, с Сеной и набережными. Кусочек самого красивого города мира. Ничего лучше он не мог придумать, сотворив райский островок в самом сердце Ада.

Все, естественно, началось с прихоти, но потом Дьявол решил, что этот уголок может оказаться весьма полезным — надо же продемонстрировать свое расположение тем, кто хорошо себя вел, иными словами, исполнял все его желания.

Бодлер понимал, что ему повезло. Когда он в первый раз появился в Аду, ему уделили особое внимание — отвели прямо к Сатане, избавив от обычных унижений у Гробовщика и Приветствующей Женщины.

— Бодлер, — сказал Дьявол, — мне всегда нравились «Цветы зла»¹, твои стихи передают мысли необразованных ангелов вроде меня. Мы не в силах выразить их словами.

— Вы очень добры, — ответил Бодлер.

В его голосе слышалась неуверенность. Он никогда не знал, что следует говорить людям, возносившим ему хвалу. Если бы Бодлеру требовалось только заставить людей считать себя великим литератором, он мог бы жить спокойно. Однако у него имелось множество самых разных трудностей и проблем, и сейчас, глядя в величественное декадентское лицо Князя Зла, он понял, что и после смерти покоя ему не видать.

¹ Название самого знаменитого сборника стихов Шарля Бодлера.

— Я подыскал особенное место, — заявил Дьявол. — Думаю, тебе оно понравится. В особенности после того, как ты поймешь, в каких условиях находятся остальные.

Бодлер подумал немного о жизни в Аду и содрогнулся.

— Я не слишком люблю экскурсии, — ответил поэт. — Нельзя ли просто где-нибудь присесть и выкурить трубку опиума — полагаю, здесь это не запрещено? Мне не очень хочется становиться активным участником представления.

— Вы, поэты, порой кажетесь мне очень деликатными существами, — усмехнулся Дьявол. — Отправляйся на остров Сент-Луис, который я специально создал для таких, как ты, а потом расскажешь, понравилось тебе там или нет.

— Не сомневаюсь, что буду в восторге, — проговорил Бодлер.

— Если так, — небрежно бросил Дьявол, — когда-нибудь я обращусь к тебе за одолжением.

Бодлер выпрямился во весь свой рост. Его опустошенное горем лицо вдруг просветлело. Он посмотрел Дьяволу в глаза.

— Конечно, монсеньор. Все, что в моих силах.

Он произнес именно те слова, которые требовались. Высший класс! Дьявол никогда не оставался равнодушным к таким вещам. Впрочем, что еще делать грешнику, попавшему в лапы Сатаны? Он может только исполнять его волю, хочется ему того или нет.

Глава 3

Остров Сент-Луис оказался очень милым. Не идеальным, но милым. Хотя пронизательный взгляд Бодлера, так поразивший литературный мир Парижа, когда его первые стихи появились в «Обзрении двух миров» в 1846 году, сразу заметил недостатки. В первую очередь освещение. Лишь Бог способен воспроизвести несравненный колорит Парижа. Однако Бодлер был слишком хорошо воспитан и к тому же сильно напуган, чтобы хоть что-нибудь сказать Дьяволу.

Дьявол вызывал у него беспокойство. Бодлер не мог поверить, что Князь Зла действительно ко всему равнодушен. Поэт был знаком с повадками Дьявола. Существенную часть информации он почерпнул у По, своего учителя, благодаря переводам и критическим статьям, которыми занимался в последние годы своей жизни. Знаменитый американец просто обожал порассуж-

дать о Дьяволе, и многие из его замечаний заделали определенные струны в душе Бодлера. Они оба обладали бесценным знанием.

Так что же ему известно о Дьяволе? Прежде всего: Сатана никогда ничего не делает просто так.

Остается лишь выяснить, какую цену придется заплатить за то, что Дьявол его благодетельствовал.

Вот какие мысли мучили Бодлера, когда он зашел пообедать в маленькое кафе, которое ужасно напоминало ему такое же заведение на Земле. Даже такие же пережаренные синие бифштексы!

И вдруг... Кто, по-вашему, появился на сцене?

Глава 4

Гробовщик давно ждал этого момента. Вернувшись в Комнату Деаутопсии, он обнаружил, что к нему прибыл новый клиент — лежит на белой мраморной плите, при полном параде, даже знаменитый шелковый шейный платок повязан особым образом. На удлинённом, отвратительно бледом лице синевато-серые глаза, в которых пляшут отсветы мечущегося извращенного пламени, какие можно заметить только в глазах самого Дьявола.

Когда Гробовщик подошел, новый клиент быстро сел на мраморной плите. Гробовщик ждал обычной реакции: растерянный взгляд человека, только что заново родившегося в Аду и в смущении оглядывающегося по сторонам.

И не дождался. Маркиз де Сад повернулся к Гробовщику.

— Альфонс, мой дорогой!

— Меня зовут иначе, — возразил Гробовщик.

— А я решил дать тебе такое имя. Какой это раз, пятый?.. Нет, я возвращаюсь к жизни в твоей забавной маленькой *abat-toir*¹ в седьмой раз. Кажется, ты тут немного прибрался, верно?

— А что, заметно? — ответил Гробовщик. — Ну, Донасьен, как тебе кажется, у нас здесь многое изменилось? Тебе ли не знать! Ты ведь попадаешь сюда довольно часто.

— Да, — кивнул Сад с негромким смешком. — Меня все время убивают. Забавно, сколько в Аду собралось ревнителей морали! «Вот де Сад, — говорят они, — по-настоящему ужасный тип, давайте его прикончим». И я получаю удар ножом в живот или веревку на шею. Но порой, когда у них появляется свободное время, находятся патриоты, которые мстят мне чрезвычайно

¹ Скотобойня (фр.).

изошренно. Их пытки становятся все более и более продвинутыми, они начинаются...

Тут дверь распахнулась, и в комнату вошел человек — массивный, с выбритой головой, в маленьких блестящих очках, костюме цвета соли с перцем и жестким белым воротничком. На шее туго затянут галстук. А на запястье — «Ролекс» с ремешком из норки.

Глава 5

— Леопольд! — воскликнул Сад, мгновенно узнав старого приятеля по Аду (на Земле они никогда не встречались). — До чего приятно, что мы вернулись к жизни вместе. Как тебя убили на сей раз?

Массивный человек — знаменитый Леопольд фон Захер-Мазох — поджал неприятные узкие губы. Он был известен не меньше де Сада, поскольку тоже явился прародителем нового «изма» — речь идет о мазохизме, получении удовольствия от боли. Впрочем, мало кто знал в этом толк. Захер-Мазох утверждал, будто его великую идею опорочили ноющие ипохондрики-евреи вроде Вуди Аллена. Поскольку мазохизм имеет не больше отношения к жалобам на простуду, проблемам с матерью или на то, что ты не нравишься своему боссу, чем экзистенциализм к тому, чтобы сидеть в одиночестве в комнате и жалеть себя. Так что те, кто так думает, ошибаются. Нет, мазохизм — это воистину старая, отличная штука, и Захер-Мазох всегда считал себя его представителем. Мазохизм связан с сексуальным унижением, способностью почувствовать себя по-настоящему хорошо из-за того, что тебе по-настоящему плохо. Нужен чистокровный австриец благородных кровей, не сомневался Захер-Мазох, чтобы оценить суть явления до конца. Однако его друг де Сад, великий мастер подобных развлечений и весьма одаренный человек, в отличие от Захер-Мазоха испытывает постоянное стремление устраивать безвкусные сцены с невинно страдающими людьми, отчего Захер-Мазох теряет самообладание. И тем не менее приятно снова встретить старого товарища.

Глава 6

— Кое-что в Аду вызывает мое постоянное восхищение, — заявил маркиз де Сад. — Как мастерски Дьявол обеспечивает нас всем необходимым для уничтожения тела и разума! Он чрез-

вычайно требователен, когда речь заходит о средствах самоуничтожения, правда, Леопольд?

— Я ненавижу, когда ты так говоришь, — ответил Захер-Мазох, присаживаясь возле окна у южной стены клуба «Адское пламя». — Неужели нельзя отказаться от привычки курить опиум? Ты же знаешь, что глупеешь от этой дряни.

— Леопольд, тебя не касается, курю я опиум или нет.

Захер-Мазох остался доволен — он обожал, когда с ним так разговаривали. И добавил, рассчитывая на новый выпад:

— Как ты находишь наш клуб? Нам тебя не хватало.

Сад огляделся. Клуб «Адское пламя» занимал низкое, тускло освещенное, задымленное помещение, где было не продохнуть от запаха жарящегося мяса. Далеко не все знают, как много бывает дыма, когда десять поваров одновременно поворачивают куски мяса на вертелах — сами понимаете, в Аду с вентиляцией дела обстоят не самым блестящим образом. А в остальном, можно сказать, здесь вполне терпимо.

— Пожалуй, вернуться недурно, — проговорил Сад. — Не слишком интересно, однако недурно. Всегда приятно возвращаться домой. И неважно, уютно там или нет. Верно?

Захер-Мазох восхищался скучающим видом Сада. Ох уж эти французы! Что может быть более декадентским, более утонченным, чем уныние де Сада, находящегося в самом сердце Ада. Пожалуй, чуть позже нужно будет обсудить с мистером Сартром статью, где идет речь о банальности зла. А сейчас необходимо сообщить Саду важную новость. Только вот непонятно, каким образом. Складывается впечатление, что Сад изменился. Вне всякого сомнения, он по-прежнему способен к жестокости. А как насчет зла? Неожиданно Захер-Мазох испугался: неужели душа их вожака в конце концов прошла очищение? Может быть, сыграли свою роль бесконечные смерти, причиняющие страдания? А вдруг он стал мягче? Что, черт побери, произошло с де Садам?

Этот вопрос, точнее, ответ на него, имел огромное значение. Захер-Мазох должен принять решение. Он знал, что, возможно, ему выпадет несчастный жребий снова убить Сада. На сей раз быстро и безболезненно, чтобы убрать его со сцены, если он... если произошло немыслимое... если маркиз де Сад стал религиозным человеком.

— Что это за взрывы?

— Вряд ли коммунары, — ответил Сад. — Им тут нечего делать.

— В последнее время многое изменилось, — проговорил Захер-Мазох. — Вьетконговцы проявляют большую активность — здесь, на нашем уровне. На других свои собственные проблемы.

Глава 7

Вы знаете, что чувствует человек, возвращаясь домой. Хочется немного пройтись, посмотреть на знакомые места, поговорить с парочкой приятелей. Выпить пивка в любимой забегаловке. Где-нибудь перекусить. Хочется сделать множество привычных вещей — в Аду, как и в любом месте на Земле; пожалуй, в Аду даже больше. Это ощущение Байрон выразил в поэме «Шильонский узник», где, в самом конце, узник, привыкший к своей тюрьме, говорит:

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул¹.

Так и в Аду — желание почувствовать себя дома настолько велико, что распространяется на все вокруг, даже на окрестности, которые могут показаться малопривлекательными еще одной привилегированной душе.

Возьмем, к примеру, ту часть Ада, где Сад устроил свое жилище. Безрадостная пустыня, не на что смотреть! В первый момент кажется, будто это место совсем ему не подходит. Обычно все считают, что Восточный Ад предназначен для батраков, простых деревенских парней, которые прибывают сюда в поражающих воображение количествах, несмотря на то что большинство из них были спасены, снова родились, исправились — уж и не знаю, как они сами называют процесс, которому подверглись.

Дома здесь напоминают старые консервные банки, а между ними проходит единственная захудалая дорога. В аптеке на углу можно купить кое-какие журналы и парижские газеты — дань уважения мистеру Саду, который в тех краях знаменитость. Местные уважают Сада и в основном обращаются с ним нормально, если не считать того, что время от времени, когда им надоедают французские манеры маркиза, они решают, что пора его прикончить.

Сад на них обиды не держит. Он прекрасно разбирается в

¹ Перевод В. Жуковского.

том, как убивают людей из вредности — его собственное определение, — считая подобное поведение исключительно французским. Сад просто в восторге от таких штучек и всегда потом оживает, а ребята сохраняют для него его старую квартиру над пивным баром, из окон которой видно кладбище, где часто на шабаш собираются ведьмы.

Маркизу де Саду понадобилось несколько дней, чтобы снова привыкнуть к жизни в Восточном Аду. Пыльные улицы, проклятые души, шатающиеся по узким деревянным тротуарам, несколько индейцев тут и там... Видимо, они и в самом деле были очень плохими людьми, если после смерти попали в паршивое местечко вроде одной из деревень на востоке Техаса, а не в настоящий Ад для краснокожих. Они никогда ничего не делали, только сидели, словно деревянные изваяния, возле табачной лавки; так с незапамятных времен индейцы торчат возле табачных лавок Нью-Йорка. Какие у них благородные, тупые, смуглые лица!

Маркиз де Сад любил Восточный Ад, потому что присутствие индейцев всегда его вдохновляло. В этом смысле он был истинным французом. Маркиз подозревал, что у него, возможно, наступило некоторое размягчение мозгов от бесконечного количества совершенных убийств и бесчисленных собственных смертей. И то и другое что-то у вас отнимает. Однако возвращаться домой так приятно.

Глава 8

Неделя Дьявола состоит только из понедельников, и потому маркиз де Сад не знал точно, сколько дней пробыл в Восточном Аду, когда к нему в гости явился еще один француз. Его привел Леопольд. Высокий широкоплечий мужчина, красивый, длинные вьющиеся волосы ниспадают на плечи, одет по последней моде двора Генриха III. Леопольд суеился, отвратительно потел, время от времени невольно издавая визгливые стоны, которые делали его особенно неприятным.

— Донасьен! — вскричал Захер-Мазох в своей обычной чрезмерно фамильярной манере. — Смотри, кого я привел!

Де Сад оглядел гостя. Судя по манерам, он наверняка принадлежал к высшим слоям аристократии. И, несомненно, мог похвастаться гораздо более знатным происхождением, чем сам маркиз. На аристократические титулы в Аду не слишком обра-

щали внимание, поскольку большинство обитателей титулов не имели.

— Мне кажется, я не имею чести... — проговорил Сад, чуть наклонив голову, имитируя поклон.

— Мы с вами не встречались, — ответил незнакомец. — Несмотря на то что я на несколько веков вас старше, я считаю вас тем не менее своим духовным наставником, человеком, чья жизнь и произведение лучше всего выражают мои чувства, которые я не сумел претворить в поступки.

— Сэр, — проговорил Сад, — кто вы?

— Граф де Рейс, к вашим услугам, — ответил высокий француз. — Хотя потомкам я больше известен как Жиль де Ретц.

Де Сад пришел в восторг.

— Тот самый, кого многие известные критики называли «самым гнусным человеком, когда-либо жившим на Земле».

— Вне всякого сомнения, они преувеличивают, — промолвил Жиль де Ретц, — хотя я очень старался.

— Счастлив с вами познакомиться, — воскликнул Сад и отвесил низкий поклон.

— Я тоже, учитель, — ответил Жиль де Ретц.

Глава 9

Жиль был поразительным человеком. Всю свою жизнь он занимался тем, что направлял души людей к Богу — убивал детей (Ретц предпочитал именно их в качестве своих жертв). Количество погибших непосредственно от его руки, по различным сведениям, колебалось от ста шестидесяти до восьмисот, он активно жертвовал деньги монастырям, заказывал мессы, ну и все такое прочее, что у них там полагалось делать — в средние-то века. События происходили примерно в 1430 году, когда шла Столетняя война, и те, у кого имелось достаточно денег, брали все, что хотели. После нескольких рождений и смертей в Аду Жиль оставил всякую надежду на спасение. Впрочем, ему с самого начала не приходилось на это рассчитывать. В некотором смысле совсем неплохо иметь славу самого гнусного человека, когда-либо жившего на Земле, если, конечно, не считать де Сада.

Сад презирал Ретца. Во всяком случае, его репутацию. Сад считал Жилья весьма старомодным. Да и чего можно ждать от человека, жившего в середине XV века?

Глава 10

Прятели снова встретились в специальной комнате клуба «Адское пламя». Захер-Мазох рано появился в Восточном Аду, он намеревался сам отвести Сада на встречу.

— Ну, Леопольд, — поинтересовался Сад, — как ты себя сегодня чувствуешь?

— Вполне прилично, Донасьен. Однако меня посетило небольшое разочарование после того, как ты к нам вернулся.

— И в чем же оно заключается, Леопольд?

— Пошли всякие разговоры, — ответил Захер-Мазох. — Многие утверждают, будто ты уже не тот. Кое-кто даже осмеливается предположить, что ты не так жесток, как раньше.

— Думаешь, я потерял квалификацию? Тебя это беспокоит?

— Так говорят... Мой дорогой маркиз, что ты делаешь?!

Маркиз де Сад протянул руку и погладил поросычью щеку Захер-Мазоха. Австриец невольно отшатнулся, но Сад успел ухватить двумя сильными, как железные клещи, пальцами жирную складку кожи. На глазах Захер-Мазоха, со стоном опустившегося на колени, выступили слезы, когда Сад сильнее сжал пальцы. Однако хватка Сада не ослабла.

— Пожалуйста, Донасьен! — вскричал Захер-Мазох.

Клешевидные пальцы Сада покрутили измученную щеку Захер-Мазоха. Тот отчаянно завопил, слезы хлынули из глаз, руки метнулись к лицу, словно отравленные летучие мыши после того, как цианистый калий сделал свое дело.

— Я не сомневаюсь, — небрежно проговорил Сад, — что можно вывернуть лицо человека наизнанку. Вот так.

— Милорд, прошу тебя!

— Впрочем, это сделать гораздо легче, если сначала чуть надрезать шею.

В свободной руке Сада словно по волшебству появилась опасная бритва. Он с улыбкой склонился над Захер-Мазохом. Тот зашелся в истерическом крике. После того как Сад отпустил его, он еще долго катался по земле, рыдая и стуча кулаками друг о друга, совсем как обезумевший бурундук с австрийским акцентом.

— Ладно, кончай распускать нюни, — заявил через некоторое время Сад. — Я просто тебе продемонстрировал, что не потерял свою... как там выражаются американцы?

— Остроту? — предположил Леопольд.

— Нет, то слово по звучанию похоже на «веревку».

— А, ты имеешь в виду сноровку, — сказал Захер-Мазох.

— Да, именно. Сноровку. Я ее не потерял, не так ли?

— Твоя inferнальная ярость осталась неизменной, — пробормотал Захер-Мазох, с трудом поднимаясь на ноги. — Честно говоря, у меня возникли были небольшие сомнения. Но теперь мне это не понадобится.

Засунув руку во внутренний карман, Захер-Мазох вытащил гарроту с кожаными ручками. Небрежно отбросил ее в сторону.

— Значит, ты тоже готов меня предать, Леопольд? — тихо проговорил Сад. — И все ради забавы, я полагаю.

— Я думал, не следует ли мне тебя убить, — ответил Захер-Мазох. — Не ради удовольствия — ты и сам должен понимать, если знаешь хоть что-нибудь о мазохизме, великом изобретении, за которое я обрел вечную славу. Я собирался убить тебя из-за того, что мне показалось, будто ты готов перейти на Другую Сторону.

— Какая глупая мысль! — усмехнулся Сад. — С тем же успехом можно попросить меня отречься от садизма, за изобретение которого я покрыл себя вечной славой и получил место в учебниках истории. Многие считают, кстати, что мазохизм есть всего лишь следствие более глубокого и фундаментального садизма, который я придумал и впервые провел в жизнь.

— Здесь есть о чем поспорить, — заявил Захер-Мазох, вспоминая слова психоаналитика, говорившего ему, что он должен защищаться даже тогда — и особенно тогда! — когда он в себя не верит.

— Вот что я хочу знать, — произнес Сад. — Почему тебя беспокоит мой переход на Другую Сторону?

— Конечно, мое поведение может показаться не слишком дружеским, — ответил Захер-Мазох. — Но меня прежде всего беспокоит мораль остальных, тех из нас, кто живет во внутреннем ядре зла; все мы почувствовали бы себя брошенными, если бы учитель, сам великий Сад, дезертировал из наших рядов.

— Отказаться от зла? Никогда! Я вернулся, мой дорогой Леопольд, и полон решимости совершить нечто значительное, нанести удар за дело зла — как мы его понимаем.

— Ах, вот маркиз, которого я так хорошо знаю! — с восторгом воскликнул Захер-Мазох. — Замечательно, что ты снова с нами. Мы живем в смутные времена, мой дорогой де Сад. Даже Ад начал меняться. Послушай, Донасьен, у меня есть друзья, с которыми тебе не мешает встретиться. С некоторыми ты уже

знаком, других не знаешь. Однако могу заверить тебя: все они искренне и честно привержены делу зла.

Мечтательная улыбка тронула тонкие губы Сада. Захер-Мазох понимал, что больше ничего не следует говорить. Очень скоро великая мечта будет реализована. Он немного помассировал щеку. Вне всякого сомнения, в том месте, где Сад ущипнул его, появится отвратительный синяк. Ну и что из того? Де Сад вернулся домой! Впрочем, если подумать, теперь их встреча показала ему забавной.

Глава 11

Великий Совет Истинного Зла состоялся в Мясном Месте, специальном помещении, которое отводилось для самых серьезных случаев. В баре внизу можно было поесть — мамалыга, деревенский соус, жареный цыпленок, а в качестве гарнира подавали окру в соусе, или коровий горох, или и то и другое. Дьявол знал, как заставить страдать человека, в особенности если он француз. Сад занял привычное место во главе стола. Откашлялся и призвал собравшихся к порядку.

— Я хочу вас всех поприветствовать, — заявил он. — Я вижу несколько старых друзей. О, вот и новое лицо! Знаменитый профессор Фридрих Ницше, как я рад вас видеть!

— На самом деле я не должен здесь находиться, — ответил Ницше. Он оказался совсем маленьким человечком, почти карликом, с роскошными усами, кончики которых загибались вверх. На нем было пенсне в золотой оправе и толстый твидовый костюм цвета соли с перцем. — Многие считают, будто мне тут самое место, поскольку Гитлер и национал-социалисты некоторое время увлекались моими работами, а термин «ницшеанский» каким-то образом связался с грязными трюками, которые они выделявали. Аналогичная ситуация сложилась и с вами, Сад, с вашим хваленым садизмом, в сердцевине которого всего лишь дурные манеры и безнадежная вульгарность. Когда я молился Сверхчеловеку, я определенно имел в виду не вас.

— Всегда приятно послушать образованного философа, — заявил Сад. — В особенности если он пытается определить зло, как следует его не испробовав. Типичный немецкий идеализм, таково мое мнение. Однако мы все равно рады приветствовать вас в наших рядах.

— Любый мясник способен на злые дела, — раздраженно

проворчал Ницше. — А вот чтобы понять его метафизические последствия, требуется мыслящий человек.

— Пойдем дальше, — как ни в чем не бывало продолжал Сад. — Среди нас несколько аристократов. Жиль де Ретц, например, его мы особенно счастливы здесь видеть. Не хотите ли совершить какое-нибудь злое дело, Жиль?

— Бог не пожелал прислушаться к моему покаянию, — ответил Жиль. — И потому я готов к новым, более жестоким преступлениям. Посмотрим, как это понравится Ему.

— Вот так дух! — воскликнул Сад. — Прошу обратить внимание на графиню Елизавету Эстергази, принадлежащую к одному из самых знаменитых венгерских родов. Наиболее образованным из собравшихся здесь известна ее история: графиня принимала ванны из крови своих служанок — нескольких сотен. Только сначала Елизавета замучивала их до смерти, естественно.

— А что я могла сделать? — спросила графиня, поворачивая красивое лицо с безумными глазами в сторону Сада. — Они плохо себя вели. Кому-то ведь следовало их наказывать.

Сидевший напротив нее Захер-Мазох подумал, что графиня Елизавета — самая роскошная женщина, которую ему когда-либо доводилось встречать. Вот леди, понимающая толк в страдании, — если его нужно причинить другому человеческому существу.

— Дорогая графиня, — выпалил он, — я знаю одного человека, которого необходимо наказать и который готов отдать себя в ваше распоряжение!

Губы графини презрительно изогнулись.

— Австрийская свинья!.. Меня не интересуют мужчины, к которым тебя, впрочем, едва ли можно причислить. Я люблю молодых девушек. Так что одари своей мерзостью тех, кто способен получить извращенное удовольствие от наказания такого недостойного и глупого существа, как ты.

Удовлетворенный Захер-Мазох откинулся в кресле. Леди и в самом деле понимает, чего требует душа мазохиста.

— Друзья, — снова заговорил Сад, — вас так много, что я просто не в силах назвать каждого. К счастью, наш стол в случае необходимости становится бесконечным — иначе нам не удалось бы посадить за него всех, кто сегодня пожелал принять участие в этой встрече. А теперь, господа, не пора ли выбрать тему разговора?

— Ты же знаешь, на данном этапе существует только один большой вопрос, Сад! — вмешался Жиль де Ретц. — Я имею в

виду возмутительное, упадочное состояние, в которое по вине Дьявола пришло зло.

— Да, именно о зле я бы хотел с вами сегодня поговорить, — кивнул Сад. — Братья и сестры, мы слишком долго терпели этот изнеженный и смехотворный Ад. Оглянитесь по сторонам! Что нас окружает? Что происходит в Аду? Идет война, дрянная и абсолютно безликая. Кстати, с каких пор война стала считаться злом? Да, война приносит ужасные страдания, но разве в ней заключено зло? На сей счет ни у кого и никогда не возникало сомнений. Кроме того, нам удалось обнаружить, что в аду полно политических партий, преследующих самые разные цели, — совсем как на Земле. Друзья мои, я со всей серьезностью заявляю: нам необходим настоящий Ад, место, где царят извращенное зло и жестокость. Зачем нам жалкий, дрянной и низкосортный Ад, где мы с вами находимся?

— Правильно! Правильно! — завопили собравшиеся.

Де Сад подождал, пока стихнут аплодисменты и крики. Потом снова заговорил:

— Поэтому, друзья мои, я предлагаю создать боевую группу, которая посвятит все силы тому, чтобы сделать Ад действительно адским местом.

— А что, если Дьяволу это не понравится? — осведомился Оскар Уайльд с дальнего конца стола.

— Ну, тем хуже для него. Если он отстаёт от времени, его следует сместить.

— Свергнуть Сатану в его собственном Аду! — задумчиво проговорил Захер-Мазох. — Какая выдающаяся мысль!

— Меньшего я от себя и не ждал, — заметил де Сад.

Глава 12

Сад и Ретц остались вдвоем после того, как совещание закончилось. Они сидели на балконе номера Сада в мотеле «Последний шанс». Маркиз устроился на плетеном стуле, а Ретц — в мягком кресле, которое вытащил на балкон. Вечер выдался тихим. Солнце, похожее на расплавленный огненный диск, недавно зашло. Синее небо быстро темнело, лишь на далеком горизонте виднелась пурпурная полоса заката.

— Ты часто вспоминаешь о прежних временах? — спросил Сад у Ретца.

— Иногда, — ответил Ретц. — А ты?

— Тоже. Иногда. — Сад раскурил глиняную трубку, которую

ему дал Леопольд, сделал несколько долгих затяжек. — Знаешь, то, что мы делали ради удовольствия... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — со вздохом ответил Ретц, предвидя следующие слова Сада.

— В действительности наши поступки нельзя оправдать, — сказал Сад.

— Да, — согласился Ретц. — Наверное, нельзя.

— Но когда все говорят, будто мы делали то, что делали, только для удовольствия — как если бы речь шла о малозначительном импульсе, который легко подчиняется воле, просто мы не пожелали его контролировать... Как мало нас понимают!

— Угу, — согласился с ним Ретц.

— Они не знают, что им не дано было познать истинное наслаждение — тем, что судят и клеймят нас. Их жалкими страстишками так легко управлять. Они никогда не выходили за рамки закона ради того, чтобы попробовать нечто необыкновенное.

— Ты прав, мой дорогой маркиз, — кивнул Ретц. — Мне кажется, ты собираешься кое-что по сему поводу предпринять.

— Да. Теперь мы наконец оказались в таком месте, где то, о чем даже и помыслить нельзя, законно. Что ж, мой друг, пора устроить настоящий ад в Аду.

Глава 13

Что за дьявольщина происходит на самых нижних уровнях Ада? Кто эти парни? Надеюсь, мне удастся передать свое сообщение. Телеграфные столбы, кажется, еще стоят.

Неприятности начались с типов, которые появлялись и исчезали в разных местах, выдавая себя за менестрелей, проституток и наемников, ищущих работу. Понимаете, они постоянно проникали в зоны военных действий. Словно войны и нет.

Да, время от времени они подрывались на минах, их убивали из автоматов и пулеметов, в них швыряли гранаты, сжигали напалмом, кололи короткими мечами и копьями или уничтожали при помощи другого оружия, которым ваша не знающая милосердия расточительность снабдила нас. Но таким способом нам мало от кого удалось избавиться. Остальные оказались худшими из воюющих в городах партизан, подозрительными личностями, у которых нет цели. Им даже незнакома анархия! Можете себе представить, Господин, у них отсутствуют какие бы то ни было

политические взгляды! Зато они рассуждают о религии. И все время твердят: «Пока мы в Аду, превратим это место в настоящий ад». Однако мне кажется, они стремятся к чему-то другому, Господин.

В действительности они весьма презрительно отзываются о вашей модели Ада и не принимают ваших теорий о смысле наказания. Они говорят: «Может быть, он падший ангел». Ну и что из того? Тот, кто однажды был ангелом, всегда им остается, я так считаю.

«А мы, — утверждают они, — никогда ангелами не были. У нас нет ни малейшей склонности к искуплению грехов. А теперь скажите откровенно, кто из нас надежнее, когда речь идет о проблемах проклятия? Так называемый Падший Ангел или мы, худшие из худших?»

Вы, конечно, прекрасно понимаете, Господин, что их рассуждения — типичный детский лепет. Хотя некоторым он кажется убедительным. Кое-кто из наших граждан, как мне представляется, устал от безнадежности происходящего — война и смерть, возрождение и война... и так далее. Один и тот же круг, как они говорят.

Де Сад со своими вульгарными легионами жаждущих крови французов начинает казаться нашему населению личностью интересной, достойной уважения. У них появляется шанс: мол, если уж мы не можем стать хорошими, будем по-настоящему плохими. Они получают возможность заработать новое проклятие, что кажется им более привлекательным, чем просто терпеть наказание за грехи, о которых они уже успели забыть.

Я не стал привлекать к этому вопросу вашего августейшего внимания, Господин, однако создается впечатление, что наметилась вполне определенная тенденция. Истерия охватывает толпы, когда появляются Сад и его прихлебатели. Они устраивают многолюдные представления, только их спектакли — это нечто непристойное и извращенное. Я посылаю видеозапись одного такого выступления, чтобы вы сами убедились в справедливости моих слов. Они готовят своих последователей к следующему этапу — пыткам, казням, бессмысленным убийствам. Отвратительные маски и картины сменяют друг друга, перед зрителями предстает Великий Гиньоль¹ Ада, являя им свое тошнотворное лицо.

¹ Гиньоль — персонаж кукольного представления, французский аналог Петрушки.

Боюсь, что я сам впадаю в истерическое состояние. Сейчас я пытаюсь взять себя в руки в надежде, что мое сообщение до вас дойдет.

Вся охрана сторожевого поста разбежалась. Их привлек лозунг Сада — «Убьем всех, кто не с нами». А потом они примутся за своих!

Милорд, в дверь стучат. Я успел отправить вам свое послание, но уже слышу удары топоров: они рубят телеграфные столбы. А ведь я говорил вам, что их следует спрятать под землей!

Они прорвались! Кровавые руки тянутся ко мне. Я отчаянно нажимаю на телеграфный ключ. Они набрасываются на меня, рвут одежду, сверкают ножи... О-о-ой!

Передача прервалась.

Глава 14

Верховное командование понимало, что не следует докучать Сатане проблемами, связанными с де Садом. Сатана предпочитал самостоятельно решать все возникающие вопросы. Именно по этой причине он и получил свой пост много лет назад. И застрял здесь, благодаря особым достоинствам или из-за совершенных ошибок.

Верховное командование хотело, чтобы он сотворил чудо.

— Какого Дьявола? — Дактис, недавно назначенный лейтенантом в Дивизион военных тайн врага «Департамента Антиразведки», стоял и смотрел на Командующего.

— Почему бы вам в самом деле не сотворить чудо? — не унимался Дактис. — Все здесь создано вами. Вы можете сделать с ними что пожелаете.

— Сровнять Ад с землей не входит в мои планы, — ответил Сатана. — Более того, даже если такое решение и возможно — теоретически, — в нем таится ловушка. Уничтожение моего творения равносильно признанию собственной неспособности разобратся в ситуации, которую я сам и сочинил. Нет, Дактис, существуют другие варианты выхода из кризиса.

— Могу ли я поинтересоваться, что у вас на уме, Повелитель? До сих пор войска, которые мы бросали против неприятеля, ничего не добились. Повстанцы разбегаются, смешиваются с населением, а через короткое время появляются в другом месте.

— Разве регулярные войска могут сражаться против армии безумцев под предводительством сумасшедшего романиста? Чтобы

одержать победу, нам необходимо выставить против них своего писателя.

Дактис задумался.

— Да, сир, интересная мысль. Де Сад является символом, значит, и нам следует создать собственный символ — и тогда мы сумеем с ними справиться. Кого вы предлагаете использовать?

Сатана улыбнулся.

— Спроси Бодлера, не хочет ли он нанести мне визит — конечно, как только у него появится свободное время.

Глава 15

Смотрите, из классического подразделения Ада поднимается Архилох. Было принято решение, что там для него самое подходящее место; в конце концов, он из 740 года до нашей эры, иными словами, появился на свет всего лишь на триста лет позже Гомера. И хотя сейчас о нем почти никто не вспоминает, в течение нескольких тысячелетий Архилох считался одним из самых лучших поэтов, когда-либо родившихся в стране великих поэтов.

При жизни у него имелось две профессии: поэт и наемник. Его оружием было копье из ясеня, в те времена считавшееся самым эффективным.

И вот Архилох покинул классический уровень Ада и приближается к нам. Его там не переносили. Он изобрел сатиру и весьма в ней преуспел. Смеялся над Персефой, смеялся над Платоном. Архилох не мог относиться к Аду серьезно. Он решил подняться вверх и посмотреть, что происходит на других уровнях.

Сивилла предупредила, что ему не следует даже пытаться.

— Конечно, можешь идти, если хочешь. Однако твое место здесь. Все-таки неплохо иметь свой собственный классический Ад.

— Меня тошнит от мрачных кипарисов, — ответил Архилох. — Меня тошнит от сувлаки, я хочу съесть что-нибудь другое. Меня тошнит от хвастливой болтовни Ахиллеса. Меня тошнит от Елены, которая все время важничает. Меня тошнит от того, что здесь нет войны. Война — моя профессия; война, любовь и поэзия. Мне необходимо попасть туда, где хоть что-нибудь происходит.

Так Архилох покинул свой Ад.

Он направился по проходу, ведущему мимо коринфских колонн, мимо древней статуи Аполлона.

В некотором смысле невозможно рассказать о том, что произошло дальше. Великий воин появляется из тумана времени. В этих краях он оказался самым старым. Ему пришлось пройти долгий путь. Необходимо хотя бы немного уважать тех, кто умер так давно. Их тут совсем не так много.

Архилох. Мы так мало знаем о нем. Как он отреагирует на современность? Прежде всего заметит, что все механизировано. Затем обратит внимание на новые, эффективные способы убийства людей. И на серую скучную форму. Ничего общего с яркими одеяниями, к которым он привык.

Архилох прошел по палаточному армейскому лагерю. Это были люди Августа — много римлян и итальянцы из различных временных периодов, решившие служить под знаменами Цезаря. Профессиональные солдаты, сразу же признавшие в Архилохе своего. Когда же выяснилось, что он может читать поразительно красивые, а иногда остроумные и дерзкие стихи, где чуть не каждое слово проклятие... Ну, тут уж его с радостью стали принимать в каждом лагере. Военные поэты всегда становятся любимцами армии, спросите у Киплинга. К тому же Архилох был одним из них, человеком, обладающим врожденной способностью держать в руках оружие: легко овладевал новыми методами убийства и как губка впитывал полезную информацию — неважно, поступала она от скифов или от итальянских мечников, живших через тысячу лет после его смерти. Оружие менялось, но основные принципы оставались прежними. Архилох чувствовал себя гораздо лучше на этом уровне Ада — множество армий, постоянные стычки, в то время как в классическом Аду царили равнодушие и скука.

Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы адаптироваться к новой ситуации. Однажды, шагая по одной из главных дорог Ксории, он наткнулся на лагерь странных, похожих на цыган людей. Они пригласили его перекусить, и Архилох, привыкший к дружелюбному отношению солдат, приблизился, ничего не подозревая.

Высокий худой мужчина, подозревавший его, был одет в длинную черную куртку. Шляпу он надвинул на глаза. Архилох сразу понял, что имеет дело с дурным человеком, и потому приблизился с осторожностью. А потом быстро отступил назад. Потому что... Просто потому...

Глава 16

— Мудрый человек, — заметил Верлен, — подготовился бы к тому дню, когда его мудрость может быть оценена по достоинству. Нет, я имею в виду нечто другое, но вы меня поняли.

Верлен продолжал говорить. Обычные вещи, которые болтают французские поэты. Впрочем, на старом добром острове Сент-Луисе все были французскими поэтами. Все истинные французы, кроме рассказчика, — надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Так вот, Бодлер отложил трубку с опиумом; ему приходилось постоянно затягиваться, чтобы она не погасла, — надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. И сказал:

— О чем это вы тут рассуждаете, неужели я должен что-то сделать с Садом?

— Так мне велел передать тебе Сатана, — ответил Верлен.

— Тут наверняка какая-то ошибка.

— Он утверждает, будто с поэтом должен сражаться поэт.

— Он считает де Сада поэтом? Мой Бог! Сатану, наверное, сюда сослали из-за его литературных взглядов.

— Неплохо сказано, — проговорил Верлен. — Дело в том, что придется придумать способ разобраться с де Садом.

— Я не воин, — возмутился Бодлер. — Когда-то военное искусство было делом индивидуальным, в те времена я им, возможно, заинтересовался бы — если и не по какой-нибудь иной причине, так ради извращенного любопытства. Но сейчас наступил век огромных армий, у солдат вульгарные литературные вкусы, и я не желаю иметь с ними ничего общего.

— Сатана просил тебе напомнить, что ты говорил о своей любви к созданной им копии Парижа, будто бы тебе здесь нравится.

— Ну да, конечно.

— Тебе, вероятно, совсем не доставят такого же удовольствия другие места проживания. Например, Восточный Ад, где поселился маркиз де Сад.

— В самом деле? В таком случае вряд ли стоит винить беднягу за то, что он поднял восстание.

— Пожалуйста, перестань насмешничать, — нахмурился Верлен. — Давай говорить серьезно. Необходимо что-то предпринять, иначе мы лишимся нашего уютного островка. Поверь, тебе там совсем не понравится, Шарль.

— Да, пожалуй, — отозвался Бодлер, вспомнив видения Ада,

которые посещали его до того, как он здесь оказался. — Ладно, вижу, положение серьезное. Сатана действительно рассчитывает, что мы сможем подавить восстание? Он нам дал какую-нибудь армию? А как насчет воздушной поддержки? В наши дни никто и не помышлял о таких возможностях!.. Цезарь будет с нами сотрудничать? Вьетконг?

— Ты задаешь слишком много вопросов, — ответил Верлен. — Тебе следует назначить человека, который бы их решал.

— Ну что ж, Поль, вот и займись этим.

— Чем займись? — осведомился Верлен.

Бодлер потер лоб.

— Не пытайся сбить меня с толку. Сделай то, о чем я сейчас просил.

— Я не помню, — проворчал Верлен.

— Ну, я тоже, — вздохнул Бодлер. — Чрезвычайно необходимо найти кого-нибудь, кто будет в состоянии уследить за происходящим. В противном случае даже самая лучшая стратегия не принесет желаемого результата.

Высокий плотный мужчина с волосами до плеч, которые удерживала серебряная цепочка, повернулся к ним и опустил газету. Я полагаю, пришла пора упомянуть, что разговор проходил в пивной «Липп» — ее по многочисленным просьбам обитателей этого уголка Ада Сатана перенес с бульвара Сен-Жермен на остров Сент-Луис.

— Прошу меня простить, я совершенно случайно подслушал ваш разговор. Если вам требуется солдат, способный решать практические вопросы, то я тот человек, который вам нужен.

Бодлер и Верлен обменялись презрительными взглядами.

— А как вас зовут, мсье?

— Архилох.

— Архилох, а как дальше? — поинтересовался Бодлер. — Или Архилох ваша фамилия?

— Архилох, и больше ничего. Я из классического периода, там давали только одно имя. Платон. Аристотель. Гомер. Вот такая компания.

— В самом деле? — спросил Бодлер. — Мне кажется, я ничего о вас не слышал.

— К двадцатому столетию меня забыли. Видите ли, я поэт.

— Верно, — вмешался Верлен, — я что-то припоминаю. Определенно. Около 750 года до нашей эры.

— Точнее, 740 год, — кивнул Архилох. — Вы почти угадали.

— Он поэт и наемный солдат, — продолжал Верлен. — Какой

фантастический шанс! Этот парень не просто из классического периода. У него есть класс, Шарль.

— Меня он вполне устраивает, — заявил Бодлер. — Полагаю, для краткости его следует называть Арчи. Вы были наемником, Арчи?

— Профессиональным. Всю жизнь. В середине семисотых годов для хорошего гоплита было полно работы.

— Отлично. Значит, вы возьмете на себя командование контратакой, или как там это у вас называется, в войне с Садом и его вульгарной компанией.

Архилох покачал головой.

— Нет, не мое дело вести в бой все войско. Командир отделения — вот моя должность. Могу командовать взводом. В крайнем случае полком. Но большая армия — тут я не справлюсь. Отдайте мне один из ваших атакующих отрядов.

— С удовольствием, — согласился Бодлер, — как только у нас появится такой отряд. Сначала нам необходимо найти человека, который поведет нас за собой. Военачальника необходимого уровня, умелого стратега, практичного и мудрого, сильного и уверенного в себе.

В этот момент дверь открылась, и в пивную вошел мужчина, одетый, как американец XIX столетия, — длинная черная куртка, белый шейный платок и узкие брюки. Черноволосый, хрупкого телосложения, нервное лицо, скорее всего холерический темперамент.

— Простите, — начал незнакомец, обращаясь к собравшимся. — Не хотелось бы вам мешать, но мне наемники, что здесь я найду мистера Бодлера.

Бодлер поднялся из-за стола.

— Я Бодлер. Что вы от меня хотите?

— Всего лишь поблагодарить за прекрасный перевод моих рассказов на французский язык.

Бодлер удивленно уставился на пришельца.

— Значит, вы...

— Да. Эдгар Аллан По, к вашим услугам.

Глава 17

По был очень расстроен, потому что ему нигде не удалось отыскать Аннабель Ли. Он опасался, что она попала в Рай. Удача опять от него отвернулась.

Не только от тебя, старина. Подобные вещи происходят по-

стоянно. Ты же знаешь историю, верно? Вот Абельяр, который до сих пор ищет свою Элоизу. Я встречал Франческу, тоскующую без Паоло, и Ромео, пытающегося найти Джульетту. Можно продолжать до бесконечности. Просто здесь такие порядки. Не подойдет ли какая-нибудь другая хорошая девушка?

У По это предложение вызвало отвращение. Однако Бодлер решил, что следует познакомить его со своими друзьями — Верленом, Малларме и Рембо.

— Сюрреалистам чрезвычайно повезло. Тут есть и парочка наших приятелей художников. А главное здание, как вы, наверное, догадались, построил Гауди¹. Вот человек, с которым я не имел удовольствия быть знакомым при жизни, — Жоан Миро. Кстати, вон в том углу устроился Дебюсси. У нас свой клуб. Мы будем рады, если вы согласитесь к нам присоединиться, мистер По. Если только не захотите остаться со своими друзьями.

— С какими друзьями? Вы же знаете, они при жизни постоянно меня унижали. Готорн, Лонгфелло, Уиттер² и вся их компания. Фенимор Купер сначала здесь со мной дружил, а потом увидел, как я смеялся, читая эссе Марка Твена «Литературные преступления Фенимора Купера» — возможно, самое изящное литературное обвинительное заключение. С тех пор он со мной не разговаривает.

— Кто такой этот ваш Марк Твен? — спросил Бодлер.

— Он стал известен уже после вашей смерти. Здесь я его не видел. Наверное, сидит в какой-нибудь тюрьме и рассказывает анекдоты.

— Нам бы он, возможно, пригодился. Должен признать, что мы попали в весьма трудное положение.

— А в чем дело?

— Нужно что-то срочно предпринять с де Садом и его Армией Освобождения Через Добровольное Принятие Боли. АОЧДПБ. Иначе...

— Да-да?

— Иначе мы потеряем сие уютное местечко, и нам придется сражаться и умирать самым отвратительным образом — как и всем остальным обитателям Ада.

По огляделся по сторонам и услышал шум сражения. Звуки доносились с экрана одного из больших телевизоров. В «Клубе убийц» всегда передавали самые свежие новости. Эдгар По изум-

¹ Гауди-и-Корнет Антонио (1852—1926) — каталонский архитектор, стиль которого характеризуется свободой формы, великолепием цветов и разнообразием материалов.

² Уиттер Джон Гринлиф (1807—1892) — американский поэт.

ленно уставился на экран. Тела людей разлетались в разные стороны, их смерть выглядела болезненной и отвратительной.

— Но что мы можем предпринять против де Сада? Если Сатана не в силах с ним справиться, какие же у нас шансы?

— Ну, Сатана, несомненно, способен с ним разобраться. Но он хочет, чтобы де Садом занялись мы. Иначе...

— Что?

— Для начала изгнание.

— Куда?

— Не имеет значения! Здесь единственное приятное место во всем Аду. Вы еще где-нибудь побывали?

— Нет, благодарю вас, — ответил По. — Но вполне могу себе представить.

— Мы хотим сохранить наш островок.

— И неудивительно.

— Вы нам поможете?

— С удовольствием, — сразу согласился По. — Я всегда мечтал жить в Париже. Что от меня требуется?

— Взять на себя командование нашей армией, — объявил Бодлер.

— Я боялся, что вы меня именно об этом и попросите, — сказал По.

— Боялись? Вы виргинец, мистер По, а в жилах жителей тех краев течет кровь воинов — дар земли своим сыновьям, рожденным на гасиендах, что окружены глубокими тенистыми оврагами, в которых рыщут индейцы.

По некоторое время смотрел на него, а потом заявил:

— Должен вам сказать, сэр, что хотя топография Виргинии довольно отличается в разных районах, оврагов там нигде нет.

— Я принимаю ваше уточнение, сэр.

— Однако виргинцы действительно весьма воинственный народ.

— Так я и предполагал, — кивнул Бодлер.

— Если вы серьезно предлагаете мне командование, — промолвил По, — то я принимаю его, хотя бы для того чтобы поупражняться в логических рассуждениях.

Глава 18

По все делал тщательно: качество, которое Бодлер в людях чрезвычайно высоко ценил. Он сказал, что намерен прибегнуть к логическим рассуждениям для разрешения проблемы, именно так и собираясь поступить. Он попросил и тут же получил от-

дельный кабинет, перья и пергамент (у них было слишком мало времени, чтобы учить его пользоваться компьютером или хотя бы объяснить, что компьютер собой представляет), запас настоек опия, вина и черного кофе. Затем писатель закрылся в кабинете, дабы обдумать ситуацию. Время от времени он звонил Бодлеру и задавал ему вопросы.

— Как вы называете штуки, которые летают по воздуху?

— *Аэропланы*, друг мой.

— Так. А *танки* — устройства, которые ездят по земле?

— Верно.

— Бомба, убивающая всех вокруг, а затем на многие годы отравляющая почву, — *атомная*, правильно?

— Точно, — сказал Бодлер.

— Кажется, я во всем разобрался, — проговорил По.

Он вернулся к анализу внутренней ситуации. Попросил переключить телевизор на «Новости», которые должны были показывать в двадцать четыре часа. По слушал и быстро оценивал общую ситуацию. И наконец понял, что происходит. Чуть покачиваясь, направился к двери, открыл ее, вышел к ожидавшим его поэтам-символистам, которые собрались в игровой комнате и даже сейчас, дожидаясь результата изысканий По, играли в бильярд.

— Теперь вы знаете? — спросил Бодлер.

— Найдите по-настоящему хорошего генерала. В Аду их полно.

— Кого бы вы предложили?

— Я плохо знаю современный мир. Раньше лучшим считался Александр. Неплохо, если бы удалось найти Юлия Цезаря или Ганнибала. Любой из них подойдет.

— Тут их нет.

— А кто же есть?

Они просмотрели список.

— Например, Леонид?¹ Или Велизарий?² А как насчет Роберта Ли или Гранта?

— У меня на примете есть подходящая кандидатура. Мы вместе сидели в Яме. Давайте, я вас к нему отведу.

И они отправились к Джеронимо³.

¹ Спартанский царь (умер в 480 году до н.э.).

² Византийский полководец (ок. 505—565).

³ Индейский вождь (1829—1909).

Глава 19

Сад сказал Мазоху:

— Просто бессмыслица! Как, говоришь, звучит их боевой клич?

— Сэр, они собираются изгнать зло из Ада.

— Чушь! Ад, по определению, место, где царит зло.

— Да, сэр. Они знают. И чувствуют, что должны подчиниться тому, с чем не в силах справиться, иными словами, обстоятельствам, в которых оказались. Однако они считают, что должны избавиться от человеческого зла, а не от демонического.

— Хотят избавиться от человеческого зла? В самом деле?

— Им кажется, будто во Вселенной и без того достаточно зла, а люди его только усугубляют.

— Сборишь трусливых неженков! Почему, черт возьми, они не понимают простой истины: кроме того, что зло имеет моральное право на существование, оно еще и справедливо? Аппетиты, мой дорогой друг, должны быть удовлетворены любой ценой.

— Совершенно верно, сэр.

— А что может удовлетворить аппетит лучше, чем порка какой-нибудь беспомощной и невинной дамы, верно?

Оба радостно заулыбались.

Глава 20

Лиззи Борден не была уверена, что согласна с ними. Она многому научилась у Сада. Когда она только прибыла в Ад, ее переполнял стыд. Лиззи действительно не могла точно вспомнить, что произошло в тот день, в 1878 году, в Фолл-Ривер, Массачусетс.

— Не обманывай меня, — сказал Сад. — Не имеет ни малейшего значения, помнишь ты или нет. Тебе прекрасно известно, что ты это сделала.

— Я не помню, но, наверное, действительно совершила то, о чем вы говорите.

— В любом случае ты не должна отворачиваться от своего поступка. Гордись чудовищностью содеянного, девочка! Любить родителей может каждый. Но только исключительная личность способна отбросить социальные условности, взять топор и сделать с ними то, чего они, несомненно, заслужили.

— А почему они заслужили смерть?

— Жертва всегда заслуживает смерти. Лишь тот, кто заслуживает смерти, становится жертвой. Несмотря на все возражения, жертву влечет к преступлению не меньше, чем убийцу. Они сообщники — убийца и жертва. Палач и осужденный. Способность наслаждаться болью других отличает нас от наивных существ, которые продолжают жить в согласии с природой, не ведая о том, что в мире существуют весьма изощренные удовольствия. Ты обладательница замечательной репутации, Лиззи, ты просто легендарная фигура. Пожалуйста, не перечеркивай всего этого покаянием, не отворачивайся от своего великого деяния только потому, что обстоятельства сложились не лучшим образом.

— Не лучшим образом!.. Я в Аду! Что может быть хуже?

— Ад — твой новый дом, малышка. Тебе необходимо к нему привыкнуть.

— Вряд ли у меня получится. Знаю, должно быть, я их убила, но от вида крови я падаю в обморок.

— Пойдем со мной, — сказал Сад. — Будем привыкать постепенно. Тебе когда-нибудь удавалось рассечь жабу надвое тесаком?

— Господи, нет!

— Ну, так следуй за мной. Это ужасно забавно.

Глава 21

Сначала подобные развлечения действительно пришлись Лиззи по нраву. Все до единого. Сад был настоящим энтузиастом и просто обожал мучить людей. Или животных, если людей под рукой не оказывалось. Лиззи шла за ним словно в полусне. И со стыдом понимала — у нее хватало честности себе в этом признаться, — что ей многое нравится.

Сначала. Было странно смотреть на страдания других и смеяться над ними. Так всегда поступал Сад. Мазох визгливо хихикал — Лиззи он раздражал. Но хуже всего то, что вскоре чужая боль перестала ее развлекать.

Лиззи вдруг поняла, что ей становится скучно. Столько внимания какой-то боли!.. Сад проводил почти все время с недалеким Октавом Мирабо, и все лишь потому, что «Сад пыток де Сада» являлся величайшим произведением, когда-либо увидевшим свет. Французская утонченность и декаданс начали действовать ей на нервы. Самая обычная американка, Лиззи тосковала по таким же простым людям. Но они не желали с ней разговаривать. Какая несправедливость!

Лицемеры! Они увивались вокруг Лукреции Борджиа, которая, возможно, убила больше людей, чем Лиззи удалось узнать за всю свою жизнь. Все словно с ума сходили по поводу графини Эстергази, в старые добрые времена в Трансильвании купавшейся в крови юных деревенских девушек. Такие народу нравятся. Если ты иностранка и у тебя есть титул — значит, ты выдающаяся личность. А вот когда дело доходило до Лиззи и ее двух паршивых убийств... вне всякого сомнения, ее считали очень дурной.

Впрочем, есть еще одна компания французов — символисты, или сюрреалисты, или как их там, возле которых все время болтается мистер По. Они писали безумные рассказы и рисовали безумные картины, даже их музыка звучит как-то не по-людски. Но с ними весело, они все время торчат в кафе, наполняя воздух ароматами вина и табака и веселым смехом, когда им удается сразить кого-нибудь остроумным замечанием.

Глава 22

Гробовщик не хотел наносить удар или думать о бунте, потому что сохранял лояльность к заведению — иными словами, к Сатане. Однако из-за последних неприятностей забот у него значительно прибавилось. Трупы падали из трубы, словно горошины в амбар. Что еще хуже, они оказывались в ужасном состоянии, помощникам приходилось тратить кучу времени, чтобы привести их в порядок. Порой сначала появлялись конечности, а потом головы и все остальное. Иногда у помощников было так много работы, что они не могли отложить в сторону частично собранные торсы, чтобы дожидаться какой-нибудь детали. И потому латали их при помощи того, что оказывалось под рукой. Именно тогда и появился новый класс мертвецов, «перепутанные» — составные тела, где не ясно, какой из множества физических компонентов является доминирующим.

«Поколение бормочущих», — назвал их Гробовщик и снова попытался добраться до Сатаны по линии экстренной связи. Сатана не ответил на его вызов, даже коммутатор никак не отреагировал.

Глава 23

Лиззи сама не понимала, почему общается с Садом; возможно, потому, что он проявил к ней сочувствие. Она и в самом деле не ведала, куда податься. Однако ей с самого начала было

ясно, что Ад совсем не подходящее место для дамы, даже для дамы, убившей своих родителей топором, — обвинение, которое так никто и не смог доказать в суде.

Лиззи умерла в 1927 году в возрасте 67 лет. Вернувшись к жизни, она обнаружила, что стала намного моложе. Сатана нередко так поступал, поскольку не хотел, чтобы по Аду разгуливали одни только старики. К тому же ему нравилось видеть рядом с собой знаменитостей в расцвете лет.

Лиззи полагала, что ей около тридцати. Может быть, чуть меньше. Но хотя Сатана, точнее, его подручные, отвратительные гробовщики и их босс, сделали ее моложе, красивее, чем при жизни, она не стала. Если уж на то пошло, привлекательности даже поубавилось. Лиззи долго и придирчиво изучала себя в зеркале. Кажется, нос теперь немножко длиннее, чем она помнила. А маленький прыщ за левым ухом, разве нужно было его восстанавливать? «Могли бы еще и бюст увеличить!» — с вызовом подумала она.

Лиззи гордилась собой за то, что сумела произнести это слово вслух. В конце концов, она ведь в Аду. Уж можно не сомневаться, вульгарность здесь норма жизни. Только не надо думать, что она собирается опускаться до вульгарности.

Лиззи отправилась в Восточный Ад вместе с Садом, хотя их и не связывали близкие отношения. Старая дева из Массачусетса испытывала отвращение, глядя на изломанное, горькое, безумное лицо маркиза, ее раздражала привычка спутника хихикать и потирать руки. И то, что у него был вид человека, практически ставшего рабом своей мании. Для Сада же Лиззи не существовала как женщина. Она совсем не походила на Жюстину или какую-нибудь другую героиню-жертву из его многочисленных произведений.

Лиззи нашла пансион, которым заправляла симпатичная француженка по имени Шарлотта Корде¹. Она часто говорила о своем женихе, которого звали то ли Дантин, то ли Дантон²; акцент у Корде был довольно необычным, а жениха никогда не оказывалось на месте — вот так любовь! Казалось, мисс Корде совершенно не переживает из-за того, что попала в такое отвратительное место, однако Лиззи знала, что внешность иногда бывает обманчивой. Ведь отнюдь не все из тех, кого она до сих пор встречала в Аду, на первый взгляд казались подходящими кандидатурами для того, чтобы здесь находиться. А еще она с разо-

¹ Корде Шарлотта — убийца франц. революционера Ж. П. Марата.

² Дантон Жорж-Жак — франц. революционер.

чарованием обнаружила тут множество священников самых разнообразных конфессий и вероисповеданий, которые по-прежнему рядились в свои традиционные одеяния и разгуливали по окрестностям, явно не испытывая никаких угрызений совести.

Сначала в Новом Аду Лиззи понравилось. Обнаружив, что местные жители считают ее знаменитостью, она никак не могла понять почему, но со звездами так часто случается — разве можно предугадать, когда тебя настигнет слава?

Однако вскоре выяснилось, что ей не нравятся люди, с которыми приходится общаться. Некоторое время Лиззи надеялась, что она сможет подружиться с мисс Бонни, но ее ужасно раздражал дружок Бонни, Клайд Бэрроу. А остальные и того хуже. Подонки вроде Красавчика Флойда, Пулемета Келли, Отца Кугана, Лу Герига и тому подобные.

Все, кто ее окружал, являлись преступниками при жизни. Лиззи никогда не считала себя преступницей — она ведь ничего не украла — и в глубине души верила, что воровство порой следует рассматривать как более тяжкое нарушение закона, чем убийство.

Поэтому время для нее тянулось ужасно медленно... пока однажды, исключительно от нечего делать, она не приняла участия в ежегодном пикнике «Благотворительного братства преступных безумцев».

Естественно, его придумал де Сад, который просто обожал театр, любил ставить спектакли и организовывать зрелища. А его дружки сильно уступали ему в изобретательности и артистизме. И потому пикник, проводившийся, как только у кого-нибудь возникало такое желание, давал им возможность ставить свои пьесы, а всем остальным поест жареного цыпленка с кукурузой и станцевать кадрили под музыку известного шумового оркестра. Эти типы были знамениты вовсе не тем, что исполняли музыку, — такой вердикт вынесла им мисс Лиззи Борден. Однако плебсу они нравились.

Именно тогда к ней и подошел высокий молодой человек и спросил, не принести ли ей тарелку с цыпленком и стакан лимонада. Лиззи приняла его предложение, ей не хотелось самой подходить к столам с едой, потому что вокруг болталось слишком много пьянчуг и еще какие-то парни, называвшие себя «Адские ангелы», разъезжали на мотоциклах, надев на головы уродские шлемы с рогами и перьями.

— Это было бы очень кстати, — ответила Лиззи. — Честно

говоря, огромные волосатые типы на *мотоциклах* — кажется, я употребила правильное слово — выглядят довольно устрашающе.

— Возможно, для кого-то да, — согласился с ней молодой человек, явно давая понять, что он к числу трусов не относится.

— Интересно, как им удастся доставать такие механизмы здесь... в плохом месте. — Лиззи до сих пор не могла заставить себя произнести слово «Ад».

— Я слышал, — ответил молодой человек, — что Сатана специально договорился с одним заводом на Земле. Разрешите представиться. Я Джесс Вудсон Джеймс.

— Знаменитый Джесс Джеймс? — удивилась Лиззи.

— Клянусь вам, именно. А кто вы, мадам?

— Мисс, — поправила его Лиззи. — Я мисс Лиззи Борден из Фолл-Ривер, Массачусетс, и полагаю, что тоже являюсь довольно-таки известной личностью.

— Боюсь, я умер прежде, чем вы родились, — ответил Джесс. — И потому ничего о вас не знаю. Я стараюсь узнавать все о людях, с которыми встречаюсь в Аду, но это совсем не просто. Здесь так много народу, и нужно запомнить такое количество лиц.

На стройного Джесса было приятно посмотреть. Казалось, ему лет двадцать пять; небось и бриться еще приходится не чаще одного раза в неделю.

День тянулся медленно — долгий, длинный день в Аду, когда даже сам Дьявол не в состоянии придумать никаких гнусных развлечений, чтобы убить время. Лиззи и Джесс беседовали.

Ближе к вечеру Джесс пригласил мисс Лиззи Борден отобедать.

— О, мистер Джеймс, — заявила Лиззи. — Вы только зря потратите время. Почему бы вам не позвать какую-нибудь из красивых женщин, нас окружающих?

— Ну, — сказал Джесс, — дамы, о которых вы говорите, в основном иностранки с аристократическими титулами. Совсем не мой тип. Я простой деревенский парень, мисс Борден.

— Фолл-Ривер в мое время был городом. Вам бы там не понравилось, мистер Джеймс.

— Сомневаюсь, что наше прошлое так уж сильно отличается, мисс Борден. Вы выглядите и разговариваете, как деревенская леди, совсем непохожая на жительницу Бостона или Нью-Йорка.

— Вот уж точно! — вскричала Лиззи. — Мои родители выросли в деревне. Знаете, у нас была своя ферма, даже когда мы

жили в Фолл-Ривер. Я часто помогала консервировать продукты и делать запасы на зиму.

— Как бы мне хотелось поесть чего-нибудь настоящего, — грустно проговорил Джесс. — Такое впечатление, что в Аду работа на земле никого не прельщает. Здесь все только и делают, что дерутся и ругаются друг с другом. Времени хватает лишь на иностранную еду быстрого приготовления.

Джесс чувствовал себя намного лучше, когда находился рядом с Лиззи. Вряд ли он смог бы сказать почему. Красавицей ее не назовешь. Простушка. Ничего особенного. Но возле Лиззи на Джесса снисходило ощущение покоя и мира. Она казалась такой рассудительной и здравомыслящей. А с тех пор как он умер и пришел в себя в Аду, Джесс Джеймс всегда хотел опереться на что-нибудь основательное.

Ему не удалось найти никого из своих братьев. Он не винил Сатану, понимая, что иначе и быть не может. Если ты возвращаешься к жизни в окружении родных, друзей и родных друзей, у тебя не остается времени на то, чтобы познакомиться с новыми людьми, которые постоянно сюда прибывают.

Джесс чувствовал себя среди них ужасно. Казалось, все тут невероятно высокого о себе мнения. Расхаживают повсюду и хвастаются о том, какие они великие. В особенности французы. С точки зрения хитрого жестокого деревенского парня, они слишком много на себя брали.

Однако сейчас они были в моде, ими все увлекались — громогласными грубиянами, французскими придурками с пронзительными голосами и великолепной коллекцией отбросов, собранных за пять тысяч лет или даже прибывших из более отдаленных времен, за миллион лет до Рождества Христова, когда первый разумный пещерный человек, такой, каким его сыграл Виктор Матьюр, поднял голову и швырнул в воздух кость, обозначившую начало истории а-ля Кубрик.

По счастью, теперь рядом с ним Лиззи, и они могут разговаривать о жизни в деревне. Кружки шитья, бросание подковы. Сенокос и сбор урожая. Приготовление индейки в День благодарения. Катание на возах с сеном и на санях. Зерно для цыплят, поило для свиней. Фолл-Ривер и Джоплин не очень отличались друг от друга. Города разделяют Америку, а деревни, наоборот, ее объединяют; деревенские жители стараются держаться поближе друг к другу, ведь им нечего терять, кроме своих предрассудков.

И Джесс начал ухаживать за мисс Лиззи. Именно в это время Сад занялся созданием своих ударных взводов и вступил в

переговоры с Жаном Полем Сартром, убеждая того написать пропагандистские листовки, которые вдохновят легионы жителей Ада и вернут их на консервативный путь полного ортодоксального проклятия.

И не то чтобы Сартр верил в маркиза де Сада или его доктрины. Он был интеллектуальным и моральным противником всего, что защищал де Сад. Однако Сартр всегда отличался любопытством и обладал той поразительной отстраненностью истинного интеллектуала, что позволяет увидеть суть происходящего, причем без всяких там глупостей вроде морального одобрения или неодобрения — просто взгляд художника, изучающего материал. Проект де Сада заинтриговал Сартра, ему стало интересно, чем закончится состязание между различными ипостасями зла. Себя же он рассматривал в качестве иностранного корреспондента и, поскольку бездействие было противно его натуре, писал небольшие пропагандистские листовки для Сада.

Джесс наблюдал за происходящим холодными, ничего не выражающими синевато-серыми глазами миссурийца. Вскоре Саду и его банде придется покинуть Восточный Ад. Они еще недостаточно сильны, чтобы удержать свою территорию. Однако Восточный Ад останется центром сопротивления. И придет время принимать решения. Но Джесс решил твердо — он обязательно присмотрит за мисс Лиззи Борден.

Сейчас здесь тихо. Откуда ей знать, как все меняется, когда начинается война. Джесс понимал, что такое война. Ему было известно, что в сторону Восточного Ада движется армия, которую возглавляет мистер Эдгар Аллан По. Его поддерживает целая куча европейских знаменитостей и множество известных французских поэтов.

Два центра противостояния — Новый Париж и Восточный Ад. Они не соприкасались между собой. Их разделяли другие земли. Между ними высились Карпаты, где находился новый, недавно открытый участок Ада. По туннелю можно попасть в Новый Ад. Из двух главных центров и отправлялись агенты, в задачу которых входило вербовать сторонников.

Глава 24

— Ты шутишь? — спросил Джеронимо. — Зачем мне воевать с бандой бледнолицых? Французских бледнолицых, если на то пошло?

Джеронимо давно воспитывал в себе смирение. В Аду для

него не осталось сюрпризов. Ад оказался менее болезненным и отвратительным, чем он ожидал.

— Я могу назвать достойную причину.

— И какова же она?

— Ты попытаешься убедить Сада в том, что существует нечто более сильное, чем стремление к боли и смерти.

— И ты говоришь это мне, индейцу из племени апачи?

— Иногда апачи проявляли жестокость. Совсем как Сад. Порой они истязали свои жертвы гораздо более изуверскими способами, чем маркиз де Сад. Но апачи обладали тем, чего нет у Сада и его людей.

— Чем именно?

— Ты сам мне об этом скажешь, Джеронимо. Потому что знаешь.

Джеронимо надолго погрузился в размышления.

Глава 25

Мисс Лиззи Борден спала очень чутко, часто мучаясь кошмарами, особенно с тех пор, как она поселилась в Восточном Аду. Ее посещали три варианта снов: нервные короткие эпизоды с мышами; долгие сны о том, как она тонет в океане, алом от крови; странные видения, в которых она смеется и танцует с человеком, чье лицо не может вспомнить, когда просыпается. Последний сон посещал Лиззи чаще всего. Именно это видение заставило ее проснуться во мраке ночи, как раз перед тем, как раздался негромкий стук в ее окно.

В местах вроде Восточного Ада дама должна уметь за себя постоять, поэтому Лиззи встала с кровати, накинула халат и быстро подошла к шкафу. В сумочке у нее лежал небольшой двустольный пистолет. Заряженный. Лиззи взвела курки. Затем, когда снова послышался стук, подошла к окну.

И увидела Джесса Джеймса — лунный свет заливал его лицо с мелкими чертами. Лиззи была немного встревожена и приятно взволнована, поскольку в последние дни заметила, что он уделяет ей особое внимание. Более того, каждый его взгляд, каждое слово заняли почетное место в трюмнике ее сердца.

Она распахнула окно и собралась уже отчитать его самым строжайшим образом, однако Джесс ее опередил:

— Мисс Лиззи, прошу прощения за то, что врываюсь среди ночи. Но мне удалось кое-что выяснить. Здесь, в Восточном Аду, намечается большое сражение. Я собираюсь убраться отсю-

да подальше, поскольку маркиз Садди не внушает мне доверия. Он не тот командир, которым следует гордиться. Я ничего не знаю о тех, кто на нас нападает, но они не имеют никаких прав на меня или на вас, поэтому я хочу предложить вам мою надежную и уважительную защиту.

— Я с радостью ее приму, естественно, мистер Джеймс, — ответила Лиззи. — Но что вы намерены делать?

— Мисс Лиззи, я не могу предложить ничего лучше, чем удрать отсюда, и как можно быстрее. Прямо сейчас. Потому что через пару часов из Восточного Ада можно будет выбраться только на катафалке.

— Боже мой! — воскликнула Лиззи. — Я не могу вот так сразу уйти. Мне необходимо собраться. И я вовсе не уверена, что нам следует спешить.

— Мисс Лиззи, вот что я вам скажу. Одевайтесь поскорее, возьмите с собой маленькую сумку и пойдете к Перевалу Орла. Там у меня стоит запряженная двуколка. Если к рассвету ничего не произойдет, я признаю себя самым большим дураком в наших краях и отвезу вас обратно домой.

Лиззи зашла за ширму и торопливо оделась. Ей не очень верилось, что опасность действительно настолько серьезна, как утверждает мистер Джеймс. Скорее он поступает так, чтобы увеличить собственную значимость в ее глазах. В результате она окажется ему обязанной.

— Я был бы вам весьма благодарен, если бы вы поторопились, — сказал через некоторое время Джесс, когда она принялась зашнуровывать корсет, путаясь в темноте.

— Я думаю, мистер Джеймс, — заявила Лиззи, — вы ведете себя слишком фамильярно. Вы поставили в известность мистера Сада о своих подозрениях?

— Нет, Лиззи, не поставил.

— Почему же? Дрянной способ отплатить ему за гостеприимство.

— Ну, это уже слишком, — покачал головой Джесс. Потом стукнул себя кулаком по бедру и усмехнулся. — Чудесный мистер Садди кормит нас, считая частью своей армии, и рассчитывает, что мы будем сражаться за него, когда парни из другого лагеря переберутся через гору. Если честно, Лиззи, вы ведь совсем не знаете, какая она — политика в наших краях.

Ну, подумала Лиззи, это уже дерзость. Она знала, что должна сделать ему строгое внушение, поскольку подобные заявления недопустимы, в особенности из уст тех — нужно посмотреть

правде в глаза, — чье воспитание оставляет желать лучшего. Честно говоря, в наше время таких называют деревенщина. Со- всем неподходящая компания для хорошо воспитанной старой девы из Новой Англии, которая...

В тот самый миг у нее перед глазами — и не в первый раз — промелькнуло видение: маленький топор с потемневшей от крови ясеновой рукояткой... и на лезвии запеклась кровь, а рука, держащая его, маленькая рука, тоже вся перепачкана в крови...

Глава 26

По произнес:

— Кто-то следует за мной по пятам.

Бодлер поднял глаза от шампура, на котором были нанизаны жирные аппетитные кусочки гусятины.

— Ты что-то сказал, старина?

По криво усмехнулся.

— Так, не имеет значения. Да, наша кампания до сих пор шла хорошо. И все исключительно благодаря генералу Роберту Е. Ли, прекраснейшему цветку Конфедерации.

— Но с нами нет знаменитого генерала, — заметил Бодлер, ненавидевший свою роль доверенного лица Сатаны, ему вдруг страшно захотелось, чтобы кто-нибудь другой заменил его.

Мистер По уже начал ему надоедать. Бодлер чувствовал себя гораздо лучше, пока не встретил этого напыщенного маленького типа с неровным темпераментом и огромным, легкоуязвимым эго; куда приятнее иметь дело лишь с необычными, блестящими и сложными рассказами писателя.

— Естественно, лично он здесь не присутствует. Однако мне повезло, когда я обнаружил описание кампании генерала Ли в библиотеке Восточного Ада и изучил стратегию этого мастера статистики.

— Чего-чего? — спросил Бодлер, который сразу понял, что По пьян.

— Извини, мастера стратегии, я имел в виду. Применяя его принципы — генерала Ли, я хотел сказать, — мне удалось провести наши войска через Перевал Апачей, а потом дать им возможность рассыпаться по Восточному Аду, захватив его в клещи. Левым флангом командовал Гюйсман, а правым — Айсл-Адам. Наш успех был предопределен: солдаты исполняли приказы с тем холодным равнодушием, которое и помогает одерживать по-

беды в сражениях — но только до тех пор, пока не начинает слепить глаза солнце сентиментальности.

— Однако Сад и его заместители, Захер-Мазох и Ретц, до сих пор не убиты и не захвачены в плен.

— К сожалению. Зато мы можем с уверенностью утверждать, что сломили их сопротивление.

Именно в этот момент Сад и контратаковал войска По, который сидел, пил вино и сочинял стихи. Поэта застали врасплох. Полег целый батальон критиков и издателей, которых удалось — во имя культуры — уговорить объединиться с поэтами. Безумные камикадзе из бригады Захер-Мазоха ударили по оборонительной линии, наскоро выстроенной средними командирами, занимавшимися куда более интересными вопросами организации ужина с вином. Правый фланг некоторое время держался, отбивая атаки налетчиков Жилия де Ретца. Но потом Ретц собрал своих людей и заявил:

— Еще раз, мои храбрецы, нанесем удар в честь Жанны Д'Арк — прекрасного видения, которое поддерживало меня долгие годы, когда я вершил зло!

Поэтов вывернуло наизнанку от такого лицемерия, их ряды дрогнули, и они отступили под натиском нового наступления Ретца, поддержанного решительным штурмом самого маркиза де Сада, шедшего во главе отборного отряда и пяти тысяч всадников, известных под именем Пикейшики.

Сражение разделилось на сотни поединков. Вскоре уже никто не сомневался, что силы Французских Символистов терпят сокрушительное поражение. Неожиданно всем стало не до смеха, и не в последнюю очередь Сатане, которому пришлось снова заняться делом.

ЗАКАЗ

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить помощника, а в следующем, видимо, придется увольнять себя самого.

Слобольд предавался этим невеселым думам в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

— Вы — Слобольд? — поинтересовался он.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Слобольд, вскакивая с места и заправляя рубашку.

— Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связывался с вами? Насчет пошива платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить об этом незнакомцу, но вовремя одумался — ведь дела шли так вяло.

— Клиш, — задумчиво пробормотал он. — Да-да, как же, помню-помню.

— Могу вас заверить, что за платья мы платим очень хорошо, — строго проговорил мистер Беллис. — Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

— Естественно, мистер Беллис, — испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд.

Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, то он просто сошлется на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

— Отлично, — стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. — Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил, и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

— Смею вас заверить, — продолжал мистер Беллис, — что для меня это было настоящим откровением.

Слобольд пожал плечами.

— А вы такой невозмутимый человек, — восхищенно проговорил мистер Беллис. — Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принялся раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое следует принять выражение лица.

— Теперь о заказе, — весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака. — Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

— Естественно, — согласился Слобольд.

— Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

— Понятное дело, — снова согласился Слобольд. Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

— Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд так хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти столларовых банкнотов.

— Значит, через три дня, — сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размышляя о чем-то, постоял еще немного, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на особу восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержавшему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназначалось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь

дюймов, зато четыре руки, судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеши подразумевала чудовищные вещи.

Материал платья — кашемир; цвет — блестяще-черный.

Слобольд понял, почему не должно быть примерок. Глядя на записи, он нервно тербил нижнюю губу.

— Вот так платьице! — вслух произнес он и покачал головой. Свыше пятидесяти мерок — это уж чересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмурившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая игрушка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

Его бросило в дрожь, хотя и стоял великолепный солнечный день, Слобольд включил свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но обладающей чрезвычайно уродливой фигурой женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей, он готов шить и юбочки для слоних и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив весь свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

— Великолепно, — разглядывая платье, воскрился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

— Нисколько не сомневаюсь в вашем мастерстве, — пояснил он, — но платье должно быть сшито тюелька в тюельку.

— Естественно, — согласился Слобольд. Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

— Просто замечательно, — заметил он. — Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

— После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, — заявил мистер Беллис.

— Я тоже так считаю, — согласился Слобольд.

— Так что вскоре они приступят к работе, — с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд принялся упаковывать платье, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в словах мистера Беллиса.

«После жизни во тьме», — повторял он про себя, заворачивая платье в бумагу. «Приспособятся», — думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в виду многих. И впервые Слобольду подумалось, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли, там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

— А вот списки размеров еще для трех платьев, — прервал его размышления мистер Беллис.

— Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, — все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

— То есть как это? — удивился мистер Беллис. — То, что в пору Эгриш, другим не годится.

— Ох да, запоматовав, — с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. — Но, может, сама Эгриш пожелает сшить еще несколько платьев по той же выкройке?

— Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, настолько та отличалась от нормальных людей.

— Управитесь за неделю? — поинтересовался мистер Беллис. — Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательства.

— За неделю? Думаю, да, — произнес Слобольд, разглядывая столондаровые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. — Да, уверен, конечно управлюсь.

— Вот и отлично, — сказал мистер Беллис. — А то бедняги просто не переносят света.

— А почему же они не взяли с собой свою одежду? — вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

— Какую еще одежду? — строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. — У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

— Я запомнил, — покрываясь обильным потом, промямлил Слободь.

— Хорошо. Значит, неделя. — Мистер Беллис направился к выходу. — Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слободь трудился не покладая рук. Он вообще перестал выключать свет и начал бояться темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы, что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Ему очень хотелось, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слободь и так уже знал достаточно, чтобы опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишённого света.

Какого мира?

Там, у себя, они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем они прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слободь пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

— Эгриш осталась очень довольна, — спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив сверку размеров. — Другим тоже понравится, насколько не сомневаюсь.

— Рад слышать, — ответил Слободь.

— Они казались более адаптативными, чем я смел надеяться, — сообщил мистер Беллис. — Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

— Весьма рад, — машинально улыбаясь, произнес Слободь, испытывавший лишь одно желание: чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перенулся через прилавок и проговорил:

— Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно ограничивает их действия. Вот я и забрал их с Темной стороны.

Слободь кивнул.

— Думаю, это все. — Мистер Беллис с коробкой под мыш-

кой направился к выходу. — Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слободь.

Слободь сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Однако ничего страшного не произошло, — добавил мистер Беллис, — поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слободь долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на дверь. Потом пощупал засунутые в карман сто долларовые банкноты.

— Бред какой-то, — произнес он и быстро запер входную дверь на засов. После чего закурил сигару. — Совершеннейший бред, — повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слободь, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же включил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слободь, но сам он даже не шелохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

— Привет, мистер Слободь, — поздоровался чей-то голос.

Слободь стоял в залитом ярким светом ателье не мог сдвинуться с места.

— Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, — продолжал голос. — Все мы.

Слободь понял, что если он не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

— Клиш сказал, что мы должны прийти, — пояснил голос. — Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду, в дневное время.

Тут Слободь завершил поворот и увидел Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких платьях может идти речь, если посетители просто не имели тел? Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слободь, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Слободь отчаянно пытался убедить себя, что у него галлюцинации. Да я просто не мог встречать их раньше, твердил он себе. Мистер Беллис обмолвился, будто они прибыли с Темной

стороны. Они жили во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова...

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжелых кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все стало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время — огромная неосвоенная территория, уже созревшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но это оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он страстно желал, — так это тихо и благопристойно сойти с ума.

— Мы сейчас подойдем, — проговорила Эгриш. — Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

— Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно.

Слобольд рухнул на пол.

— Но ты нас обязательно увидишь, — были последние слова Эгриш.

БИТВА

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рывкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет, — сказал Феттерер, взглянув на часы. — Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. — Он ткнул в карту толстым пальцем. — В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает Средневековьем, — пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр, — сказал он, — там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно, — строго сказал Феттерер. — Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр, — ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступают падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал-Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его, — сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. — Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, — всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — сурово произнес священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел. — Ох уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядывая на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займются религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Вершали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздывая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, ломая танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигант-

ских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие ручки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между горами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы Господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедem сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

ЛЕГЕНДЫ КОНКИСТАДОРОВ

Земля СВ122ХА — одна из альтернативных земель, отколотых от матрицы квантовых механических вариаций, которая и создала эту часть множественной вселенной. И дела в каждой из этих земель идут по-разному.

Земля СВ122ХА, или просто Земля, как называли ее местные жители, была спокойным местечком. Единственный король правил всей планетой. У них были свои циклоны, потопаы, лесные пожары, своя чума и эпидемии, как на большинстве других Земель. Но все это проходило спокойно, особенно по сравнению с другими мирами. И как люди, планеты и Земли в своем многообразии вышли из космической пены, так вышли из нее и боги.

Эта Земля имела собственного бога, сформированного из бесконечности квантово-механических возможностей. Местные называли его просто: Бог. Он не беспокоил себя каждодневными заботами о планете и подопечных. Он предпочитал не совершать чудеса, считая их дешевыми трюками. Этот бог любил смотреть, как люди сами работают над собой. Но иногда, когда на повестке дня было важное событие или когда жизнь планеты утрачивала равновесие, он вполне мог подкинуть парочку советов.

С этой Землей, как и со всеми другими, вечно что-нибудь происходило. Обычно о происшествиях заранее предупреждали ученые и астрологи, но в этот раз два чужих космических корабля, неожиданно появившиеся ниоткуда, без всякого предупреждения облетели вокруг Земли, словно совершали обзорную экскурсию, и так же внезапно исчезли в космосе. Эта Земля, хоть на ней и была довольно развитая технологическая цивилизация, не имела космических кораблей, чтобы послать их для выяснения причины появления чужаков. Возник вопрос, почему пришельцы не отвечали на сигналы Земли, но вскоре он утратил свою актуальность — как из-за небольшого количества тех, кто видел, что случилось, так и из-за еще меньшего количества тех, кто в это поверил.

Но скоро корабли возвратились с подкреплением и сформировали в небе флотилию. Они были огромными и хорошо вооруженными, поэтому люди не пытались противостоять им, а ждали, что будет дальше. Выжидательную политику выбрал и Дракс, который в тот момент как раз был королем Земли.

Космические корабли заняли позиции над столицей, архитектурным памятником с большим количеством зелени. Один огромный корабль опустился и приземлился прямо на лужайку перед дворцом короля.

Дракс сказал своей свите:

— Пожалуй, имеет смысл пойти и спросить, чего они хотят.

И он в одиночку отправился к кораблю.

Через некоторое время шлюз корабля открылся, и снаружи показалась группа людей. Они были высокими, могучими и свирепыми, и они были одеты в боевую броню. За ними вышел мужчина, огромный, в золотых доспехах. Он был выше самого высокого воина в своем отряде на полголовы и гораздо шире в плечах. Гигант передвигался в своих массивных золотых доспехах с удивительной легкостью. Из-за пояса у него торчали образцы оружия один страшнее другого. В руке он нес огромную булаву, утыканную острыми лезвиями.

Король Дракс подошел к нему и любезно поклонился. Золотой воин слегка наклонил голову. Они некоторое время оценивающе смотрели друг на друга, и наконец вождь чужаков заговорил:

— Меня зовут Эдуардо. Я вождь многомиллионной армии, которую я привел на вашу планету.

— А меня зовут Дракс, — сказал король. — Очень приятно. Я король этой планеты, мы называем ее Землей. Я приветствую тебя, и я поражен, что ты говоришь на нашем языке.

— Универсальный механический переводчик — одна из многих вещей, доставшихся нам от достижений древней науки нашей планеты. Он позволяет нам отдавать приказы подчиненным без необходимости марать губы их унижительным языком.

— Это определенно полезное приспособление, — вежливо заметил Дракс. — А у вас много подчиненных?

— Каждая раса, с которой мы сталкивались, сейчас у нас в подчинении. Кроме тех, кто предпочел защищаться — их мы истребили до последней особи.

— Наш бог не позволит этого, — осторожно сказал Дракс. — Ему не нравится война. Он наставляет нас решать любые споры мирными средствами.

— Похоже, у вас слабый бог. Но перейдем к делу. Как ты смотришь на то, чтобы сразиться со мной в честном бою за все вот это? — проговорил Эдуардо, простерев руку. Казалось, он способен обхватить ею всю Землю.

Дракс посмотрел на закованного в латы человека, который был чуть ли не в два раза больше него, и нерешительно улыбнулся.

— Я думаю, не стоит, — сказал он.

Эдуардо покивал головой, словно ожидал этого ответа.

— Тогда, может быть, моя армия сразится с твоей?

— Мы не вели войн уже тысячу лет, — сказал Дракс. — Вряд ли у нас получится. У тебя есть другие альтернативы?

Эдуардо посмотрел на него сверху вниз и сказал:

— Если ты думаешь, что твоя политика непротivления злу насилем остановит меня, то ты ошибаешься.

— А зачем вообще насиле-то? — спросил Дракс.

— Это обычное дело, — сказал Эдуардо, — когда какой-нибудь король хочет захватить чужую территорию.

— Тебе так хочется править этой планетой, что ты готов убивать? Тогда не утруждайся. Планета твоя.

— Так неинтересно, — сказал Эдуардо. — Мы привыкли получать хотя бы минимальный отпор.

— Здесь вы его не получите, — сказал Дракс. — Забирайте планету, она ваша.

— Хорошо. — Эдуардо и раньше сталкивался с трусостью атакованных. — В первую очередь мне нужен дворец. Мне надо переодеться, отдать несколько приказов, распределить свои отряды и перекусить.

— Мой дворец к твоим услугам, — сказал Дракс. — Я переоду в мотель.

— Ты удивительно спокоен, — сказал Эдуардо. — Возможно, тебя следует убить прямо здесь и сейчас, чтобы избавить тебя от твоей сансары.

— Поступай как считаешь нужным, — ответил Дракс. — Но уверяю тебя, что я вовсе не хитрю. Мой бог говорит, что я должен служить новому королю. Я повинуюсь. Я буду помогать тебе, чтобы твои приказы доходили до аудитории и незамедлительно исполнялись.

— Мой друг, объясни мне, почему я должен тебе доверять?

— Потому что я все время буду у тебя на глазах. Если я тебе не ужоу, ты можешь в любой момент убить меня голыми руками.

— Да, это правда, — сказал Эдуардо. — А сейчас я отправляюсь во дворец.

— Мой дворец — твой дворец, — сказал Дракс.

У короля Эдуардо было много работы. Ему следовало позаботиться о жилье для своих солдат. Это заняло несколько дней. Когда дела были закончены, Эдуардо позвал Дракса и сказал:

— Отлично. А теперь-то что?

— Ваше величество тяжело работал последние дни, — сказал Дракс. — Не настало ли время для небольшого развлечения?

— Знаешь, Дракс, я никогда не встречал людей вроде тебя. Другие короли, когда я приходил отбирать у них власть, сражались со мной до последнего человека. Это благородно. Я уважаю благородных людей. А ты что? Ты отдал мне все без боя. Почему ты делаешь это, Дракс?

— Потому что мой бог сказал, что надо сделать так.

— Должно быть, он тихоня, раз советует вам сдаваться без драки и отдавать все, о чем ни попросят.

— Наш бог еще ни разу не ошибся, — сказал Дракс.

— Что ж, я думаю, в самом деле пора развлечься. Нужны девчонки.

— Как пожелаешь. До завтра мы мобилизуем девчонок.

— Я хочу, чтобы сюда прибыли самые красивые девушки королевства.

— Да, разумеется.

— И пусть твоя жена будет среди них.

После непродолжительного молчания Дракс ответил:

— Будет так, как ты хочешь.

Эдуардо усмехнулся:

— Ты больной сукин сын.

— Что бы ты сделал, если бы я сказал, что не отдам ее?

— Убил бы тебя и все равно сделал бы ее своей.

— Ну так в чем же дело? Возьми ее, но меня не убивай. От этого выиграют все.

— Оставить тебя в живых? Чтобы ты и дальше строил мне козни?

— Никаких козней! Я целиком подчиняюсь воле владыки.

— Кажется, у тебя еще есть две цветущие дочери?

— Да, ты прав.

— Ну, тогда пришли их тоже. Они будут прислуживать мне на пиру.

Дракс побледнел, но кивнул:

— В твоей власти взять все, что ты хочешь.

И начался пир и празднество среди захватчиков. Воинство Эдуарда буйствовало во всех городах по всей планете. Новые хозеява жизни были в прекрасном расположении духа. Они счита-

ли, что подопечные Дракса находятся в последней стадии общественной деградации, что не могло их не радовать.

Следующим решением Эдуардо было объявить людей Земли расой неприкасаемых — хотя их женщины со стороны пришельцев были очень даже прикасаемыми. Население Земли теперь признавалось низшим классом. Захватчики считали это очень смешным и жестоко издевались над простолюдинами.

Эдуардо был очень удивлен, что Дракс соглашается с таким положением вещей. Он спросил его:

— Почему ты безропотно сносишь такое унижение?

— Мой бог сказал мне, что такова моя доля.

Король Дракс и его подопечные быстро научились кланяться и гнуть спину перед Эдуардом и его воинами. Это была большая перемена в социальном поведении, но люди легко справились с этим.

Захватчики вкусили блага Земли и нашли их восхитительными. Они быстро привыкли к нежным и вкусным яствам, которые искусно готовил низший класс. Они пользовались услугами самых изысканных девушек, которых только можно было найти на Земле. Или утонченных юношей — кто предпочитал подобный способ удовлетворения. Они полюбили прекрасные вина, производимые на Земле.

И, наконец, они полюбили наркотики.

Эта Земля производила первоклассные наркотики. Они хранились в храмах, которые стояли на всех континентах, в каждом городе.

В культуре Земли наркотики использовались только как дары богу. Поэтому огромные их залежи были собраны в складах храмов, в свертках, коробках и бочках с аккуратными ярлычками, абсолютно готовые к употреблению. Там был древний гашиш, что зрел годами. Там были первосортные галлюциногенные грибы. Там был искусно обработанный опиум. Там была настолько забористая марихуана, что одного лишь воспоминания о ее запахе было достаточно, чтобы свалить человека с ног.

Эдуардо был в приподнятом настроении, когда попросил Дракса навестить его в своей личной опочивальне, которая когда-то была личной опочивальней Дракса. Там находились резная нефритовая ваза, старинный турецкий ковер и желтая камчатая кушетка, на которой Дракс и его жена, бывало, возлежали в лучшие времена. Как горько было об этом вспоминать!

Дракс выкинул эти мысли из головы, вспомнив подходящее изречение своего бога: «Выбросить плохие мысли из головы сложно, но тот, кто постоянно в этом тренируется, обретает мастерство, благодаря которому способен поддерживать свое эго в равновесии».

Эдуардо пребывал в отличном настроении; к его бледным щекам прилила кровь, а в темных глазах загорелся огонь возбуждения.

— Ну что, вожак нищеты, — сказал Эдуардо, — у меня все прекрасно. Жизнь хороша, мой дорогой экс-король.

— Безусловно. Мой бог тоже с этим согласен.

— Сдается мне, я знаю, что ты пытаешься сделать, паршивый пес. Вы надеетесь одурманить меня и моих людей наркотиками, а затем поднимете восстание и перережете нам глотки. — Эдуардо рассмеялся.

— Мы рассматривали такой вариант, конечно, — сказал Дракс, — но сразу его отбросили. Это не сработало бы. Вас, оккупантов, на нашей планете миллионы. Если мы вас всех убьем, то засорим планету вашими трупами. Наш бог этого не хочет.

— А что он может сделать, этот ваш бог?

— Если мы замусорим его Землю? Уничтожит нас.

— Так почему же он не уничтожает нас, захватчиков, завоевавших его Землю и разоряющих его храмы?

— Я не способен проникнуть в мысли бога и не могу обсуждать его решения. Но с тех пор, как он обрел божественность, он еще ни разу не ошибся и, несомненно, имеет на вас какие-то планы.

— И какие же это планы?

— Не имею ни малейшего представления.

Это был короткий разговор, разочаровавший Эдуардо, после которого Дракс вышвырнул вон. Завоеватель остался сидеть, положив голову на руки.

Спустя пару недель Эдуардо опять вызвал Дракса.

— Я понял твой план! Это наркотики, верно? Ты думал, они сделают нас тупыми и слабыми. Но у тебя не получится. Я многое постиг в духовной сфере, и мои люди в отличной форме.

— Я ничего такого не думал, — сказал Дракс. — Я всегда считал, что негативные последствия приема наркотиков несколько преувеличены.

— Но сами вы их не употребляете?

— Наш бог запретил нам их употреблять.

— И когда же это произошло?

— В тот день, когда ваши корабли появились в нашем небе.

— Интересно... Что ж, тем лучше. Эта дурь слишком хороша для низших классов.

Дракс низко поклонился, что уже стало для него привычным.

— Я позвал тебя вот зачем, — продолжал Эдуардо. — Мои люди докладывают, что в местных храмах уже почти не осталось наркоты.

— Даже самый большой запас имеет тенденцию к истощению.

— Мы хотим, чтобы вы дали нам еще.

— У нас больше нет.

— Отправь людей, и пускай они вырастят немного.

— Мы уже пытались, но безуспешно. Никакие наркосодержащие растения больше не растут после вашего прибытия на планету.

— Это ваш бог устроил?

— Не исключено.

— Чепуха. Мы не дадим победить себя наркотиками!

Дракс низко кланялся и кивал. Взгляд Эдуардо вдруг расфокусировался. Дракс заметил, что руки великого завоевателя едва заметно трясутся. Воспользовавшись благоприятным моментом, экс-король покинул опочивальню.

Жизнь шла своим чередом, когда внезапно все переменялось. Историки Земли рассуждали, что захватчики поддерживали в себе боевой дух за счет собственных подвигов и земных наркотиков. Внезапно всего этого не стало, и над оккупантами повис почти осязаемый мрак. Земля и ее люди жили под сенью их господства. Зерно, овощи, животные, рыба — все росло и процветало. Росли все растения, кроме наркотикопроизводящих. Жизнь была спокойной и мирной. На этой планете больше не было земель, которые можно было бы захватить.

Совершенно внезапно, что всегда сбывает с толку историков, мародеры засобирались, решив отправиться в другой мир, к новой славе, к новым завоеваниям и новым наркотикам. И Эдуардо, будучи столь же хорошим политиком, как и воином, согласился снарядить их в дорогу.

Дракс видел, как Эдуардо поднимался на свой корабль. Около трапа Дракс сказал:

— Счастливого пути, ваше величество, и великих подвигов.

Эдуардо устало посмотрел на него и сказал:

— Я не знаю, как вы с твоим богом сделали это, но вы обманули нас. Я в этом уверен. Я до сих пор не понимаю, почему все мои люди хотят покинуть это место. Ты что-то сделал. Я просто обязан убить тебя, прежде чем улечу.

Дракс незамедлительно ответил:

— Если ты убьешь меня, кто будет следить за возведением статуи и постройкой храма в твою честь, за очищением священных земель? Кто, если не я, сделает все так, чтобы люди почитали тебя как бога?

— Я не подумал об этом, — произнес Эдуардо. Он смотрел на Дракса уже более дружелюбно. — Я — бог. Я сражался с богом и победил. Напишите это на пьедестале статуи!

— Кто выигрывает, тот и устанавливает правила. Наш бог сказал: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Счастливых завоеваний, Эдуардо. Но помни: будучи на Земле, ты у нас просто гостил. И это вовсе не то же самое, что победа.

ОПЕКА

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фигов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурировать. Мне нельзя политурировать. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позвякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пять миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею.

Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? На счет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш, — отвечал голос. — Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте сообщу. Я — дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте, — прервал я его. — Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак понял бы, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шаг, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось, — отвечал я, — если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — сокрушался дерг. Какие условия? Пять монет и три ключа, позвякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смиренных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и затопил дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг! Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я. — Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. — Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз, — торжественно заявил дерг. — Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительно-

го дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, — это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. — И дерг умолк. А потом добавил негромко: — Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурировать!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-Сити, — ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-Сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на днях ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, — это защитить меня от всяких

бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке, — опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-Сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-Сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — отвечал старый упрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделывать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-Сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы, — заявил он, по-видимому, слегка задетый. — А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я отдельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неосязаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекала ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно ступились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. — Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались трейлеры. И вам нужны средства против липпов, фигов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование притекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, — неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность, — сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое, — сказал дерг. — Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне делать?

— Не политурьте, — сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови. — Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит... — Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я. — Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и шелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьет-ся самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, в другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурировать. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурировать. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ПРОКЛЯТИЕ ЕДИНОРОГОВ

Что бы вы там ни говорили, дети, но вам положено знать предания, оставленные предками. Я расскажу легенду о Ктесфионе, который добыл для своей возлюбленной Каликситеи рог единорога, дарующий бессмертие.

Ктесфион жил в глубокой древности — на заре нашей цивилизации — в большом городе Алдебра. Однажды, прийдя на форум послушать умные речи, он встретил там прекрасную Каликситею, дочь Агафокла и Гексикки. Молодые люди сразу почувствовали сильное влечение друг к другу. Любовь поразила обоих неожиданно и неотвратимо, как молния. И с этого дня они уже не разлучались. Через месяц Ктесфион явился к родителям Каликситеи просить руки их дочери — молодому человеку пришлось свататься самому, потому что его собственные родители умерли во время эпидемии чумы. Родители девушки согласились отдать ему дочь — ведь Ктесфион был благородного происхождения и достаточно богат. Назначили день свадьбы. Но тут неожиданно Каликситея заболела.

Сразу же созвали лучших докторов со всего города, а потом пригласили знаменитых целителей из Асмары и Птоломнеуса. И все врачи сошлись на одном: у Каликситеи редкая болезнь — скоротечная анистемия, которая не поддается лечению. Через неделю бедняжке неминуемо предстоит умереть.

Ктесфион сходил с ума от горя и бессильной ярости. Когда врачи в один голос заявили ему, что никакой надежды нет, он пошел искать помощи у колдунов, чьи сомнительные способы лечения частенько являлись предметом обсуждения и споров на форуме. Но обратился он не к простым знахарям и даже не к волшебникам средней руки, а пришел прямо к Гельдониклу, слывшему в то время главным чародеем.

Гельдоникл открыл дверь сам — последний ученик недавно ушел от него, после того как выиграл в лотерею миллион талантов. Даже колдовство не может надежно защитить от везения, хотя если бы Гельдоникл мог предположить такое, то уж обязательно попытался бы хоть что-то предпринять — Агатус был

славным малым и со временем мог бы стать неплохим чародеем. Впрочем, хорошего ученика всегда трудно удержать.

— Чем могу быть тебе полезен? — спросил Гельдоникл, пригласив посетителя в гостиную и указав на один из кусков мрамора, которые служили здесь сиденьями.

— У меня горе, — ответил Ктесфион. — Моя возлюбленная, Каликситя, заболела скоротечной анистемией, и доктора говорят, что это неизлечимо.

— Они говорят правду, — сказал Гельдоникл.

— Тогда как же мне спасти ее?

— Это очень нелегко, — отвечал Гельдоникл, — но я ни в коем случае не хочу сказать, что это невозможно.

— Значит, ее все-таки можно вылечить?

— Нет, нельзя. Однако нельзя лишь в общепринятом смысле этого слова. Чтобы исцелить ее, ты должен добраться до самой сущности вещей. Главная трудность состоит в том, что человек смертен.

— Что же я могу с этим поделать?

Гельдоникл откинулся назад и погладил свою длинную белую бороду.

— Предотвратить смерть способно только состояние бессмертия.

— Но это невозможно! — воскликнул Ктесфион.

— Вовсе нет, — заметил Гельдоникл. — Ты, конечно, слышал о единорогах?

— Конечно. Но я всегда считал, что это просто мифические существа — плод людской фантазии.

— В царстве магии, — продолжал Гельдоникл, — миф есть лишь одно из состояний действительности. Так вот слушай, Ктесфион: существует страна, где обитает животное единорог. Его рог — самый надежный источник бессмертия. Если ты отправишься в эту страну и добудешь рог единорога или даже маленький его кусочек величиной с твой ноготь, то этого хватит, чтобы спасти твою возлюбленную.

— Но... почему же люди не используют этот рог для достижения бессмертия?

— Тому есть несколько причин, — сказал Гельдоникл. — Одни слишком ленивы, и пусть даже само небо опустится прямо им в руки, они и пальцем не пошевельнут, чтобы до него дотронуться. Другие, может, и постарались бы, да просто не знают, что такое возможно. Ведь возможность, молодой человек, — самая странная и непредсказуемая вещь, которая только существ-

вует в магии. Как наваждение, как вспышка молнии... И то, что никогда раньше не было возможно, может осуществиться сегодня, а завтра снова станет невозможным.

— И это единственное объяснение?

— Есть и другие, — ответил Гельдоникл. — Может быть, когда-нибудь ты захочешь узнать их. У меня есть на эту тему очень интересная книга. Однако сейчас у тебя нет другого выбора. Или ты достанешь для своей любимой рог единорога, или она обречена на гибель.

— Как же я попаду в ту страну? — спросил Ктесфион.

— Ну, тут я тебе помогу, — сказал Гельдоникл. — Следуй за мной в лабораторию.

В привычной обстановке своей лаборатории, среди скрипучих деревянных столов, заставленных перегонными кубами, ретортами, горелками и чучелами разных мелких животных, Гельдоникл объяснил, что единороги когда-то существовали в этом мире, но потом исчезли — люди убивали их, совершенно не думая о последствиях. Все это происходило очень давно, и когда рог единорога имелся в изобилии, люди переживали свой короткий золотой век — так гласит легенда. В те далекие времена люди жили очень долго. Что же в конце концов произошло с Бессмертными? Этого Гельдоникл не знал. Он слышал, будто бы обыкновенные люди ненавидели их, потому что рогов единорога все равно никогда не хватало на всех. Часто Бессмертных подвергали пыткам и если не могли умертвить их, то старались сделать их жизнь настолько ужасной, чтобы смерть казалась беднягам желанным избавлением. Это продолжалось до тех пор, пока оставшиеся Бессмертные не изобрели способ покинуть родную планету. Они переселились вместе со стадами единорогов в другой мир, в царство совершенно иной реальности, где единороги расплодились в изобилии и где каждый мог пользоваться преимуществами, которое они давали.

— И что же это за место? — спросил Ктесфион.

— Иногда его называют Страной Восточного Ветра.

— А как туда попасть?

— Очень непросто, — ответил Гельдоникл.

— Я понимаю. Догадываюсь, что между этим и тем миром нет регулярного сообщения.

— Напротив, такое сообщение есть, но только духи могут пользоваться им. Тот мир лежит в совершенно другой части кос-

моса и в другом диапазоне времени и не имеет связей с нашим миром. Ни на каком драконе ты туда не попадешь. Однако для тех, кто готов рискнуть всем для своей возлюбленной, такой путь существует.

— Я как раз и есть такой человек! — вскричал Ктесфион. — Скажи, что я должен делать.

— Для этого предприятия, как и для любого другого, главное — деньги. Мне потребуется вся твоя наличность, а также все, что тебе удастся выпросить, взять в долг или украсть.

— Зачем же так много денег? — удивился Ктесфион.

— Чтобы купить всякие материалы и вещества — они понадобятся мне, когда я буду произносить заклинание, которое перенесет тебя в то место, куда ты стремишься. Для себя я ничего не прошу. По крайней мере сейчас.

— А ты уверен, что чары подействуют? — спросил Ктесфион. — Мне рассказывали, что колдовство не всегда удается.

— Потому что чаще всего это просто кривлянье и вранье, — признался Гельдоникл. — Но есть настоящее колдовство — оно пришло к нам из древности, — и вот оно всегда действует. Однако это очень дорогое удовольствие, потому что нужны редкие и в высшей степени чистые вещества, в наши дни обходящиеся очень и очень недешево.

Деньги потребовались, чтобы купить масло гиперавтохтонов, два пера из хвоста Птицы, Предрекающей Беду, шесть прозрачных капель драгоценной смолы ансиенто, которая добывалась с огромным трудом из внутреннего слоя коры дерева под названием гинглио, — это вещество, редкое и само по себе, хранилось в маленьких янтарных сосудах, стоявших целые состояния. В состав таинственного зелья входили и другие ингредиенты, но и самый дешевый из них стоил кучу денег.

Ктесфион добыл все необходимое за два безумных дня, под конец взяв у ростовщика разорительную ссуду под невероятно высокий процент, чтобы купить какие-то недостающие вещества. И наконец утром третьего дня юноша принес все эти сокровища к колдуну, который, внимательно осмотрев их, остался вполне доволен и снова повел его в лабораторию.

Там он спросил Ктесфиона, готов ли тот к путешествию. Молодой человек ответил, что готов, но поинтересовался, какую плату требует Гельдоникл за услуги.

— Я скажу тебе позже, — ответил колдун.

— А ты не можешь хотя бы намекнуть мне?

Гельдоникл покачал головой.

— Колдовство — плод мгновения, равно как и те, кто этим занимается.

Этим не совсем понятным ответом Ктесфион и вынужден был удовольствоваться. Он частенько слышал, что, имея дело с магией, больше всего следует опасаться двойного взгляда. Однако он не представлял себе ни что такое взгляд, ни тем более как его избежать.

— Если ты сможешь мне спасти жизнь Каликситеи, то требуй тогда от меня всего, чего только пожелаешь. Даже мою жизнь. И даже мою душу.

— Может быть, так много и не потребуется, — сказал Гельдоникл. — Хотя мысли твои идут в верном направлении.

Вся процедура подготовки оказалась длинной и в общем-то скучной, а временами и довольно болезненной. Но колдун уверял Ктесфиона, что это только один раз и боль уже не повторится. А для того, чтобы вернуться, Ктесфиону достаточно будет лишь четыре раза стукнуть пятками друг о дружку (три удара пятками считается ложным сигналом — такими сигналами ради сомнительной простоты когда-то исказили древнюю формулу) и громко произнести: «Хочу вернуться домой!»

Ктесфион подумал, что это очень легко запомнить. А потом он уже был не в состоянии думать ни о чем, потому что комнату заполнил разноцветный дым от огня, разведенного колдуном в высокой жаровне, и молодой человек стал неудержимо чихать. Когда же он снова открыл глаза, то находился уже совсем в другом месте.

Ктесфион стоял на самом верху горного перевала в совершенно незнакомой местности. Позади него все застилал густой туман, впереди расстилались цветущие луга, полого спускающиеся в долину. Тут и там были разбросаны куртины старых раскидистых дубов, и потоки кристально чистой воды сверкали в ярком солнечном свете. А на склонах горы и в долине мирно паслись тысячные стада единорогов.

В совершенном оцепенении Ктесфион направился вниз, осторожно пробираясь меж диковинных существ с кроткими глазами, и ощущение чуда все еще владело им, когда он, спустившись в долину, подошел к приземистым каменным зданиям города Бессмертных.

Люди уже заметили, как незнакомец приближается к городу, и ждали его.

— Гость, гость! — радостно кричали они, потому что даже в Стране Бессмертных появление пришельца считалось добрым знаком. Их страна лежала несколько в стороне от оживленной дороги, ведущей к двенадцати самым известным мирам во Вселенной Вымыслов, названий которых здесь упоминать нельзя.

В этой стране все люди выглядели тридцатилетними, в самом расцвете сил. Не было не только стариков, но и детей — этот народ жил так долго, что отказался от деторождения, находя его скучным и старомодным, и даже извращения в конце концов стали казаться им банальными. Тем не менее они всегда были готовы узнать что-нибудь новенькое, и поэтому просьба Ктесфиона подарить ему рог единорога показалась им самой свежей идеей за последние лет эдак сто.

Известно, что единороги время от времени сбрасывают свои рога или теряют их в схватках с грифонами. И все Бессмертные помнили, что они собирали эти утерянные рога, когда натыкались на них, и складывали в каком-то определенном месте. Но в каком? Может, прятали в бронзовый ларец в самой северной точке городской стены? Или так поступали в прошлом столетии?.. Никто не мог вспомнить.

— А разве вы не сделали об этом никаких записей? — спросил Ктесфион.

— Боюсь, что нет, — ответил Аммон — горожанин, представившийся Ктесфиону как оратор.

Аммон поспешил уверить Ктесфиона, что он не должен думать о них ничего плохого — у всех Бессмертных прекрасная память, и возраст ни на йоту не уменьшил их умственных способностей. Но постоянное, год за годом, накопление фактов и знаний в течение нескончаемых лет оставляло в их головах слишком много информации, чтобы управляться с нею посредством простого припоминания. Поэтому Бессмертные овладели искусством забывать старое и уже ненужное, чтобы легче было помнить новые факты и события — может, такие же ненужные, зато более современные. Так вот одним из таких забытых фактов и было местонахождение собранных рогов единорога.

Потом вдруг кто-то вспомнил: некогда изобрели специальную систему, помогающую восстановить в памяти то, что давно забылось за ненадобностью, но может пригодиться как-нибудь потом. Но что это была за система?.. Завязался громкий спор.

И тут один человек высунул голову из окна верхнего этажа и сказал:

— Простите меня, я спал. Кажется, кто-то тут спрашивал что-то о чем-то, что нужно вспомнить?

— Нам нужно знать, где хранятся рога единорогов! — крикнули ему. — Ведь мы же изобрели способ, как вспоминать такие забытые вещи.

Человек в окне кивнул.

— Да, вот именно, вы изобрели способ и попросили меня запомнить для вас этот способ. Это была моя работа, и я рад сообщить вам, что справился с ней совсем неплохо.

— Ну, тогда скажи нам, где находятся рога единорогов!

— Понятия не имею, — ответил человек. — Мне было лишь предложено запомнить систему, которая расскажет вам, кто запомнил эту информацию.

— Тогда скажи нам скорей его имя.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам эту систему?

— Нет же, проклятый недоумок, мы только хотим узнать имя человека, который запомнил ее для нас, и можешь катиться к черту вместе со своей системой.

— Не волнуйтесь так, — сказал человек. — То, что вам нужно, надежно хранится в голове Мильтиадеса.

— Что за Мильтиадес? И где этот Мильтиадес?

— Мильтиадес, которым вы так заинтересовались, находится там, где вы его оставили, в Храме Памяти.

— Никогда не слышали ничего подобного. Храм чего?

— Памяти. Видите, я запомнил для вас и это, а вы до сих пор ни разу меня ни о чем и не спросили. Идите прямо по улице, потом поверните налево, потом направо, и вы не заблудитесь.

Многим в толпе казалось, что идти нужно совсем не туда, но они все же пошли в этом направлении и повели туда Ктесфиона.

Это было совсем заброшенное здание. Они вошли в него и прошли во внутренний дворик — совершенно пустой, если не считать стоявшего посередине довольно большого ящика.

Аммон открыл его. Там лежала голова мужчины, на вид ему было лет тридцать, как и всем здесь, и он явно был в самом расцвете сил, несмотря на отсутствие, казалось бы, самых необходимых частей тела.

— Наконец-то вы пришли за мной! — вскричала голова. — Чем вы были так долго заняты?

— Прости нас, Мильтиадес, — сказал Аммон. — Боюсь, мы просто забыли, что ты здесь, пока один парень — не помню его имени — ну, тот, кто запомнил про тебя, не посоветовал прийти сюда.

— Ты говоришь про Леонидаса? Да будет благословенна его удивительная память! Но почему вы пришли сейчас?

— Да вот тут одному парню, — ответил Аммон, указав на Ктесфиона, — понадобился рог единорога, а у нас их где-то лежит очень много, и, следуя путем естественных ассоциаций, мы пришли к тебе, чтобы узнать, где они хранятся.

— Рога единорогов? — переспросил Мильтиадес.

— Да, мы ведь всегда сохраняли рога единорогов, ты помнишь?

— Конечно, я помню, — сказал Мильтиадес.

— Неужели ты не забыл о рогах единорога, лежа тут в темноте?

— Как бы не так! Что же еще мне оставалось делать в крошечной тьме, как не думать о рогах единорога?

— Специализация имеет свои преимущества, — тихонько заметил Аммон, повернувшись к Ктесфиону. — Иначе он ни за что бы этого не запомнил.

И снова обратился к Мильтиадесу:

— Ну, будь уж так добр, Мильтиадес, скажи нам, где они хранятся.

— Аа-а, — произнес Мильтиадес.

— Что значит это твое «Аа-а»?

— А то: выпустите меня отсюда, и тогда я скажу вам, где они.

— Из коробки? — переспросил Аммон.

— Конечно, из коробки!

Аммон на мгновение задумался.

— Не знаю. Я как-то об этом не думал.

— Ну, так подумай!

— Сейчас не могу. В данный момент я думаю вот об этом парне и о роге единорога, который ему нужен. Да и вообще, что ты собираешься делать на воле? Ведь у тебя нет тела — ты же знаешь.

— Да, знаю. Вы, мои братья, как-то давно-давно валяли дурака и отрезали его от меня. Но оно снова должно отрасти, как только вы выпустите меня из коробки.

— Ну, во-первых, я лично что-то не помню, каким образом ты лишился своего тела.

— Говорю тебе — вы сами отрезали его, потому что хотели, чтобы я запомнил, где хранятся рога единорогов. А я не хотел запоминать, помнишь? И потом вы решили проделать эксперимент, чтобы узнать, до какого предела продолжается бессмертие.

— Ты, по-моему, блестяще доказал, что до предела мы еще не добрались, — изрек Аммон.

— Верно. Однако с меня уже хватит. Экспериментируйте на ком-нибудь другом. И пусть теперь он попробует запомнить это на сотню-другую лет.

Пришедшие решили, что это справедливо, и вынули голову Мильтиадеса из коробки. Тогда Мильтиадес рассказал все, что им требовалось, закрыл глаза и стал ждать, когда снова отрастет его тело. Все же остальные покинули его и направились к некоей двери в подвал дома, расположенного где-то в маленьком тупике в недрах города.

В пустом подвале, полуприкрытый каким-то хламом, на полу стоял большой бронзовый сундук.

Они с трудом откинули тяжелую крышку и обнаружили в колеблющемся свете факела драгоценную коллекцию рогов единорогов.

Аммон выбрал один рог и протянул его Ктесфиону.

— Ты знаешь, как им пользоваться?

Ктесфион ответил:

— Думаю, что да, но, пожалуйста, объясните мне на всякий случай сами.

— Срежь кусочек рога величиной с ноготь на большом пальце, разотри его в порошок и раствори в стакане вина.

— Спасибо, — поблагодарил Ктесфион. — Теперь я могу возвращаться.

— Было очень приятно познакомиться, — сказал Аммон. — Почему бы тебе не вернуться сюда вместе со своей невестой после того, как вы примете с ней это снадобье? Все-таки приятно жить среди себе подобных.

Ктесфион ответил, что он подумает над этим предложением. Но про себя отметил, что город Бессмертных напоминает ему дом престарелых. Несмотря на свою вечную молодость, все его жители выглядели какими-то рассеянными, недовольными и раздражительными, и это произвело на него очень неприятное впечатление и совсем сбило с толку.

Ктесфион надежно упрятал рог единорога в свой пояс, стукнул четыре раза пяткой о пятку, произнес магические слова и тут же очутился опять в родной Алдэбре.

Город праздновал возвращение Ктесфиона с рогом единорога. Местные ученые провозгласили наступление новой эры, которая подарит блаженство бесконечной счастливой жизни всем

горожанам. Всеобщий энтузиазм несколько поутих, когда люди вдруг поняли, что одного рога хватит лишь на очень небольшую группу людей. Ктесфиона тут же начали ругать за то, что он не принес с собой столько рогов, чтобы хватило на всех, хотя никто и не пытался объяснить, как, по их мнению, Ктесфион смог бы это сделать.

Ктесфион остался равнодушен к разбушевавшейся волне народного гнева и поспешил к постели возлюбленной. Там он срезал кусочек рога величиной с ноготь, растер его в порошок и высыпал в бокал знаменитого черного вина из восточных провинций, и без того слышшего целебным. Его возлюбленная выпила вино, и Ктесфион стал со страхом и нетерпением ждать признаков исцеления.

Ему не пришлось долго оставаться в сомнении. Уже через несколько минут Каликситея смогла встать с постели и стала совершенно здоровой, как и прежде.

Ее родители, увидев чудесное исцеление дочери, попросили и для себя кусочек волшебного рога. Ктесфион не смог отказать им, да и не собирался этого делать. Он дал достаточно роговых стружек не только им, но и всем теткам и дядьям Каликситеи, а также ее двоюродным братьям и сестрам, племянникам и племянницам и даже самой дальней ее родне.

Ктесфион хотел лишь оставить немного чудесного снадобья, чтобы обессмертить великих гениев и общественных деятелей из тех, коих рождается один или два на поколение. Однако прежде чем молодой человек смог осуществить свой замысел, к нему явился представитель городской власти. Он потребовал и тут же получил муниципальную долю, которая мгновенно была поделена между главой города, его женой, семьей и ближайшими родственниками, а также между выдающимися членами городского совета, каждый из которых чувствовал, что заслуживает бессмертия в силу своего высокого чина и благородных помыслов во благо народа. Ктесфион раздавал снадобье без всякого сожаления и лишь немного удивлялся тому, как быстро уменьшается рог.

Потом и сам монарх этой страны захотел взять свою долю, причем такую, что хватило еще и его жене, сестре да еще самому мудрому советнику и самому хитрому генералу.

В конце концов остался последний кусочек рога, и Ктесфион приберег его для себя. Но в тот самый момент, когда молодой человек уже собрался принять снадобье, в дверь постучали, и на пороге возник чародей Гельдоникл.

Ктесфион немного смутился, потому что он так и не зашел к колдуну со времени своего возвращения. Он был занят целыми днями, срезая все новые и новые порции рога и наделяя ими бесконечных претендентов на бессмертие.

— Ну как, я вижу, тебе все прекрасно удалось? — поинтересовался Гельдоникл.

— О да, все хорошо, — ответил Ктесфион. — Большое тебе спасибо. Как мне отблагодарить тебя?

— Очень просто. Отдай мне тот кусочек рога, который у тебя остался.

— Но это последний — больше у меня нет! — воскликнул Ктесфион.

— Я в курсе. От этого он становится еще более ценным, а значит — и более желанным.

Ктесфион не знал, что ответить, но его растерянность длилась не больше мгновения, потому что он уже понял, с кем ему пришлось бы делить бессмертие, прими он сейчас этот последний кусочек. Это были по большей части чиновники и политики, а он не ощущал в себе большого желания провести с ними целую вечность.

Молодой человек отдал Гельдониклу заветный кусочек рога и спросил:

— Ты примешь его прямо сейчас или потом?

— Ни то, ни другое, — ответил Гельдоникл. — Я продам его самому влиятельному богачу в нашем царстве и потрачу вырученные деньги на свой новый проект.

Ктесфиона это вполне устраивало. Ведь он уже достиг главной цели — спас Каликситею от смерти.

Но когда он снова пришел к ней, то обнаружил, что все совершенно изменилось. Каликситея, посоветовавшись с родителями и всеми своими родственниками, рассудила так: «Ктесфион, конечно же, очень приятный и достойный молодой человек и смог бы стать хорошим мужем на одну обычную жизнь, но как супруг на вечные времена он оставляет желать лучшего».

Каликситея даже еще не решила, хочет ли она себе в мужа такого же бессмертного, какой стала сама, — ведь в их стране разводы не разрешались, а значит, тогда у нее не будет возможности сменить мужа, если тот ей наскучит.

В любом случае ей нужен человек, который бы обеспечил ее не только на ближайшие годы, но и на долгие столетия бессмертной жизни. Семья решила, что это должен быть богатый человек, уже владеющий большим состоянием, который сможет

умножить его, дабы обеспечить Каликситее и ее семье безбедную жизнь на веки вечные.

В этом своем решении они не имели в виду никаких определенных людей и не ругали и не обвиняли Ктесфиона. Просто изменились обстоятельства, и Ктесфиону оставалось винить лишь самого себя.

Чувствуя себя чужим и одиноким в доме своей бывшей невесты, он вернулся к себе, желая поразмыслить, что же теперь ему делать. Но он недолго оставался в одиночестве — раздался негромкий стук в дверь, и снова на пороге возник Гельдоникл.

Ктесфион пригласил его в дом, предложил стакан вина и спросил, хорошо ли чувствовать себя бессмертным.

— Не знаю, — ответил Гельдоникл. — Ведь я взял у тебя расщепленный кусочек рога не для себя, а на продажу. Самый богатый человек в стране заплатил мне за него очень хорошие деньги.

— И все-таки я удивляюсь, почему ты не захотел сам воспользоваться рогом?

— Ничего удивительного. Теперь-то ты понял, что бессмертие обманчиво. На самом деле это лишь развлечение для слабых, не способных хоть как-то вообразить себе вечность.

— Так что ты собираешься делать? — спросил чародея Ктесфион.

— На деньги, вырученные за кусочек рога, я купил материалы и вещества, необходимые для путешествия в Страну Бесконечных Возможностей.

— Никогда не слыхивал о такой, — пробормотал Ктесфион.

— И не удивительно. Ты же не шаман. Но эта страна в душе каждого человека, с ней люди связывают все свои мечты и надежды.

Ктесфион на мгновение задумался, а потом спросил:

— И в Стране Бесконечных Возможностей возможно все на свете?

— Да, примерно так.

— И вечная жизнь?

— Нет, вот этого Страна Бесконечных Возможностей обеспечить не может. Видишь ли, без смерти в этом мире ничего не возможно.

— Ну а если со смертью?

— Тогда возможно все.

И тут Ктесфион попросил:

— Колдун, ты возьмешь меня с собой?

— Конечно, — ответил тот. — Потому я сюда и пришел. Я все время рассчитывал на такое твоё решение.

— Тогда почему ты не сказал мне об этом сразу?

— Я ждал, когда ты предложишь сам.

— Но почему ты выбрал именно меня? — спросил Ктесфион. — Что я — какой-нибудь особенный?

— Ни в малейшей степени. Просто в наши дни трудно найти скромного, порядочного ученика. Человека, в котором сочетались бы, с одной стороны, наивность, а с другой — изобретательность и ловкость, но в меру того и другого. Того, кто интересовался бы колдовством просто ради колдовства.

И вот кудесник и его новый ученик унеслись в голубую бездну на поиски того, что невозможно выразить словами, и, насколько нам известно, пребывают там и поныне, исследуя царства возможного в надежде найти новые знания и новые источники наслаждения. Они покинули Каликситею, ее несносных родителей и тех богачей, что смогли купить себе бессмертие и от которых произошли мы с вами. И вот мы живем, проводя наши бесконечные жизни в тоске и равнодушии, потому что ничего нового с нами уже не может случиться.

И все же, дети, будущее не так уж беспросветно. Мы верим, что Смерть когда-нибудь вернется на землю и освободит нас от безбрежной скуки наших жизней. Мы свято верим в это. Мы не можем доказать существование Смерти, однако верим в нее. Когда-нибудь нам улыбнется счастье, и, если богу будет угодно, мы все умрем, дети.

БУХГАЛТЕР

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью. Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья, жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы, да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнул Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

— Как дела в школе? — окликнул его мистер Дии.

— Нормально, — ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

— Что там у тебя? — спросил мистер Дии, указав на охапку книг в руках сына.

— Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету, — невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втемяшить себе в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает, и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Грииб, классная руководительница сына.

— Пожалуйста, заходите, мисс Грииб, — пригласил Дии. — Позвольте вас чем-нибудь угостить?

— Мне некогда, — сказала мисс Грииб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Грииб и впрямь была ведьмой.

— Я должна поговорить о вашем сыне, — заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

— Надеюсь, он не шалит? — с тревогой произнесла она.

Мисс Грииб зловеще хмыкнула.

— Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

— О Боже! — запричитала миссис Дии. — Четвертый класс, весна, может быть...

— Весна тут ни при чем, — оборвала мисс Грииб. — На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

— Хм-м, — протянул мистер Дии.

— По биологии — не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

— Немыслимо! — сказал мистер Дии.

Мисс Грииб коротко и зло рассмеялась.

— Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяти младших бесов Третьего круга, забыл то небольшое, что знал по географии Ада. Но хуже всего — он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения позволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

— Скажу прямо, — продолжала мисс Грииб, — в былые времена я бы его отчислила, и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Ведовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и закланиям.

Теперь лишь буквально считанные владели Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах, как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

— Надо же — стать бухгалтером! — воскликнула учительница. — Я не понимаю, где он этого набрался. — Она обвиняюще посмотрела на отца. — И не понимаю, почему эти глупые бредни не подавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Но учтите, пока у Мортонна голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортонна за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь гроссбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

— Мисс Грийб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

— Что могла, я сделала, — ответила учительница. — Остается лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

— О, вряд ли все так уж страшно, — быстро проговорил мистер Дии. — Вызов Борбаса — серьезная мера.

— Повторяю, решать вам, — сказала мисс Грийб. — Хотите — вызывайте, хотите — нет. При нынешнем положении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась к двери.

— Может быть, чашечку чаю? — поспешно предложила миссис Дии.

— Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати, — бросила мисс Грийб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

— Хм... — Он пожал плечами. — Могла бы и ароматизировать...

— Старомодна, — пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная плоть и кровь, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

— После ужина, — наконец решил мистер Дии, — я с ним поговорю. По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.

— Хорошо, — сказала миссис Дии. — Надеюсь, тебе удастся его вразумить.

Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.

— Боже, жаркое! — вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.

Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмутив брови. Миссис Дии не пыталась заговаривать даже на отвлеченные темы.

Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.

— Пожалуй, начнем. — Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал. — Иду. Где мой Амулет Убеждения?

Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.

— Вот, — сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке. — Я им пользовалась вместо закладки.

Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.

Мортон сидел за своим столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями, а также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг: «Деньги» Римрамера, «Практика ведения банковских счетов» Джонсона и Кэлоуна, «Курс лекций для финансистов» и десятков других.

Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.

— Как дела, сынок? — спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.

— Отлично, пап! — затараторил Мортон. — Я дошел до четвертой главы «Основ счетоводства», ответил на все вопросы...

— Сынок, — мягко перебил Дии, — я имею в виду занятия в школе.

Мортон смутился и заелозил ногами по полу.

— Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...

— Да, сэр, знаю. — Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: — Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?

Мистер Дии покачал головой:

— Наша семья, Мортон, всегда славилась чародеями. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.

Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.

— Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? — Мистер Дии печально улыбнулся. — Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

— Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Грииб была довольна?

Мортон затряс головой.

— Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

— Мортон, — продолжил он сухим голосом, — я всего-навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

— Знаю, — прошептал мальчик.

— Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени. — Мистер Дии задумчиво покачал головой. Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

— Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут, — губы Мортон разлепились, глаза подозрительно заблестели. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

— Я буду бухгалтером, — сказал он.

— Посмотрим! — Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло. — Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим. Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

— Мы его испортили, — наконец произнес мистер Дии. — Надежда только на Борбаса.

— О нет! — испуганно воскликнула миссис Дии. — Мортон совсем еще ребенок.

— Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? — горько спросил мистер Дии. — Хочешь, чтобы он корпел над цифрами вместо того, чтобы заниматься важной работой Дьявола?

— Разумеется, нет, — сказала жена. — Но Борбас...

— Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

— Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

— Пожалуй, — задумчиво произнес мистер Дии. — Но стоит ли его беспокоить? В конце концов, старик уже три года мертв.

— Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортон, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызвать своего отца.

Он смешал белену, размоленный рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

— Где мой магический жезл? — спросил он жену.

— Я сунула его в сумку вместе с твоими клюшками для гольфа, — ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

— Здравствуйте, дедушка. — Миссис Дии поклонилась.

— Извини за беспокойство, папа, — начал мистер Дии. — Дело в том, что мой сын — твой внук — отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем распрямилась и изобразила знак Старого Языка.

— Да, — ответил мистер Дии. — Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

— Думаю, это лучше всего, — согласился мистер Дии. — Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, это жестоко, но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортон распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Стра-

шилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.

Мортон закончил складывать, проверил результат на абаке и посмотрел на ящера.

С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.

Мортон улынулся и вновь перевел взгляд на книги.

Мистер Дии не выдержал.

— Черт побери! — воскликнул он. — Ты не испуган?!

— А чего мне пугаться? — удивился Мортон. — Это же дедушка!

Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.

— До свидания, дедушка! — попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.

— Все ясно, — сказал мистер Дии. — Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.

— Нет! — вскричала жена.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю, — проговорила миссис Дии, едва не рыдая. — Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.

Мистер Дии был тверд как камень.

— И все же ничего не поделаешь.

— Он еще такой маленький! — взмолилась супруга. — Это... это травма для ребенка!

— Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины, — успокаивающе произнес мистер Дии. — Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалеем... Мальчик должен быть чародеем.

— Тогда начинай, — не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии. — Но на мою помощь не рассчитывай.

Все женщины одинаковые, подумал мистер Дии, когда надо проявить твердость, разнуживаются... Скрепя сердце он приготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.

Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов — дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Защитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, тремя каплями крови гиппогрифа...

— Где у меня кровь гиппогрифа?! — раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.

— На кухне, в бутылочке из-под аспирина, — ответила миссис Дии, вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

— Мортон, — позвал отец. — Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и беззащитным.

— Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

— Что ж, хорошо, — проговорил мистер Дии. — БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

— А! — вскричал демон громовым голосом. — Маленький мальчик!

Челюсть Мортон отвисла, глаза выкатились на лоб.

— Непослушный маленький мальчик, — просюсюкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого его шага сотрясался весь дом.

— Прогони его! — воскликнула миссис Дии.

— Не могу, — срывающимся голосом произнес ее муж. — Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону, но мальчик быстро открыл книгу.

— Спаси меня! — закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

— Зико-пико-рил! — взвыл демон, повернувшись к незнакомцу. Однако худой старик засмеялся и сказал:

— Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас поднялся на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

— ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

— Отмена, Истечение, Запрет, Нemoщность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз, сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забывшимся в угол гостиной, и сказал:

— Знайте, что я — Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь, я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортонa и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

— Завтра, малыш, мы займемся темой «Уклонение от Налогов как Путь к Проклятию».

— Да, сэр, — восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила долгая тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

— Что ж, — сказал он. — Если парень так хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ВРЕМЕНА

— Марк Туллий! Вы не спите?

Цицерон внезапно проснулся и сел. Михаил Бакунин, крупный и одновременно хрупкий на вид человек в черном пальто и черной шляпе, стоял неподалеку от его постели. Цицерона его появление слегка напугало, но не удивило. Со временем он привык к несколько театральным появлениям и исчезновениям Бакунина. Он всегда был рад видеть его.

Бакунин, который среди двойников фактически был единственным путешественником, время от времени наталкивался на полезную информацию. Придерживаясь своих анархистских принципов, он отказывался сотрудничать с другими и относился с презрением к их сборищам и к самому их обществу. И все же пролетариат, обитающий в реальном мире за пределами компьютера, пусть даже на современный лад несравненно более просвещенный, чем прежде, он ненавидел гораздо больше.

— Приветствую вас, Михаил, — сказал Цицерон. — Где вы пропадали все это время? Нашли друзей и гостили у них?

— Конечно, нет! — В голосе Бакунина отчетливо послышались презрительные нотки.

Бакунин никогда не гостил у других двойников. Научившись проникать в систему, он постепенно изучил электронные пути нового мира, в котором теперь обитал. Путешествовал свободно, куда вздумается, пользуясь личной картой доступа, позволявшей перемещаться по всей системе и ее ответвлениям. Инженеры оказались не в состоянии помешать ему. На данный момент он был единственным, кто мог передвигаться внутри системы совершенно свободно и знал о ней то, чего не знал никто.

Бакунин держался от всех в стороне, рьяно защищая свои секреты. Шнырял туда и обратно, ловя каждую крупницу сведений о мире за пределами компьютера. Он всегда был подозрительным человеком, и смерть не сделала его более доверчивым. Он поддерживал отношения с Цицероном, первым двойником, которого встретил, когда инженеры оживили его. Через Цицеро-

на познакомился с Макиавелли. Хотя два эти человека по своим политическим убеждениям были прямой противоположностью друг другу, им каким-то образом удавалось ладить.

Бакунин овладел многими секретами Мира Двойников и знал все кратчайшие пути, неизвестные даже инженерам. Инженеры пытались помешать ему, но Бакунин оказался слишком ловок для них. Бродил по ночам — имеется в виду ночь во внешнем мире, когда работало меньше инженеров, да и те были не слишком настороже. Типичный анархист, озлобленный и не доверяющий никому.

Другие обитатели Мира Двойников не интересовались его секретами. Они не хотели проникать в систему, не хотели покидать привычные и безопасные места, не хотели вносить в свою жизнь трудности, с которыми приходилось сталкиваться Бакунину. Однажды он взял кое-кого из них в очередное путешествие. Им не понравились мертвенный свет, уходящие вниз виртуальные коридоры, неожиданные головокружительные подъемы и спуски. Путешествие рождало у двойников клаустрофобию и страх. Они предпочитали оставаться дома, в тех местах, которые были смоделированы специально для каждого из них и походили на то, что им было хорошо известно.

— Происходит что-то странное, — сказал Бакунин. — Полагаю, вам следует знать об этом.

— Присядьте. Вы замерзли. Я сейчас разожгу огонь.

Хотя двойники теоретически были нечувствительны к холоду и жаре, они каким-то образом ощущали разницу между ними. Это ставило в тупик ученых, которые утверждали, что двойники не в состоянии ничего чувствовать, не имея ни нервов, ни рецепторов, ни центров боли и удовольствия — всего того, без чего невозможна передача ощущений.

В некотором, ограниченном смысле ученые были правы, но на эмпирическом уровне ошибались. Спустя некоторое время двойники начинали испытывать все те ощущения, что и при жизни. Привычка реагировать на внешние раздражители оказалась сильнее их нынешней фактической неспособности воспринимать эти раздражители. Поначалу всеми овладевала сводящая с ума бесчувственность, но это постепенно проходило, и ощущения восстанавливались.

— Неплохо, — промолвил Бакунин, грея руки над огнем и с

благодарностью принимая чашку кофе. — Я лишен всего этого во время своих прогулок.

— Там, куда вы ходите, нет ни еды, ни питья?

— Как правило, нет. У меня хотели бы отбить охоту путешествовать и поэтому только чинят препятствия. Конечно, я не нуждаюсь в питании как таковом. Никто из нас не нуждается. Мы — призрачные подобию живых людей и едим призрачное подобие той пищи, которая знакома нам с прежних времен. Это все имеет исключительно психологическое значение. И все же стоит мне забраться подальше, я чувствую голод. Или просто так кажется.

— Быть голодным призраком... — задумчиво произнес Цицерон. — Мне это не нравится.

— Иногда, — продолжал Бакунин, — я нахожу спрятанные кем-то еду и питье. Понятия не имею, кто это делает. Подозреваю, что кто-то из инженеров — а может быть, и не один — относится сочувственно к моему положению. Анархисты есть везде, мой дорогой Цицерон.

— Вы отчаянный человек, — сказал Цицерон.

— Несомненно, наши правители могли бы поймать меня давным-давно, — ответил Бакунин, — если бы кое-кто из инженеров не помогал мне. Сочувствие в их среде имеет исключительное значение, если подходить в более широком смысле. Тирания всегда гниет изнутри.

— Что вы обнаружили? — спросил Цицерон.

— Пойдемте со мной, и я покажу вам.

— Не понимаю, — сказал Цицерон. — С какой стати мы должны куда-то идти?

— Вы непременно должны увидеть сами, — ответил Бакунин.

— Почему бы вам просто не объяснить мне, в чем дело?

— Вы не поверите. С какой стати? Я хочу, чтобы вы взглянули своими глазами. — Используя личную карту доступа, Бакунин создал проход в одной из стен виллы Цицерона. — Будьте здесь осторожны, — добавил он.

Цицерон увидел коридор, обозначенный светящимися линиями и сужающийся впереди. Тут и там были разбросаны небольшие мерцающие пятна. Он вопросительно посмотрел на Бакунина.

— К ним ни в коем случае не прикасайтесь, — пояснил Ба-

кунин. — Это охранный сигнал новейшей системы. Она включает сигнал тревоги, и туннель тут же перекрывается. Это может вызвать неприятные ощущения и затруднить наше продвижение, хотя я нашел способ обходить препятствия.

— Что почувствуешь, если все же прикоснешься к одному из этих огней? — спросил Цицерон.

— Будет больно.

Спустя некоторое время световые пятна закончились. Светящиеся линии туннеля по спирали уходили вверх, точно Бакунин и Цицерон двигались внутри гигантской схематической раковины улитки.

Цицерону было не по себе. Он не раз собирался составить Бакунину компанию во время его разведывательных походов, но всегда откладывал эту затею. Сейчас, однако, у него не было выбора. Что-то, по мнению Бакунина, было неладно, что-то способное оказать влияние на их жизнь. Цицерон продолжал идти, хотя вскоре почувствовал, что на это требуется очень много энергии. Гораздо больше, чем уходило во время прогулок по виртуальным окрестностям его виллы.

Потом они оказались в участке системы, где царила крошечная тьма, в которой плавали разноцветные продолговатые пятна света. Что это была за конструкция, Цицерон даже вообразить не мог. Он отдавал себе отчет в том, что его восприятие чрезвычайно субъективно. Его взгляду были доступны лишь фрагменты этой конструкции, отдельные части механизма, причем предназначенного для восприятия с помощью земных ощущений. Несомненно, каждый интерпретировал зрительные впечатления по-своему. Цицерон видел продолговатые цветные пятна, но это еще не означало, что то же самое видел Бакунин или какой-то другой наблюдатель.

По мере продвижения перед ними одна за другой разворачивались новые удивительные картины. Цицерон нервничал, испытывая чувство тревоги. Он знал, что пересек определенную черту, оказавшись там, где, по мнению правителей этого мира, не должен был находиться. Если бы их поймали, он скорее всего не отделался бы легким испугом. Его бы запросто прикончили, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Ведь для правителей он вообще был не человеком, а просто набором светящихся информационных бит, которые каким-то образом удерживались вместе. Скорее программа человека, чем собственно человек.

Тем не менее с Цицероном обращались отнюдь не как с

призраком или частью механизма. Инженеры нередко беседовали с ним, причем в весьма уважительном тоне. И все же его положение, как и положение остальных двойников, было весьма двусмысленным. С точки зрения закона, они не имели никаких прав, хотя ему не раз приходилось слышать от дружески настроенных техников, что этот взгляд разделяли далеко не все. Были и такие люди в реальном мире, которые считали, что двойники, как проявляющие все признаки разумного человеческого существа, должны получить гражданские права и что с ними нельзя обращаться как с рабами или просто как с программным продуктом.

Потребуется, однако, немало времени, чтобы эта точка зрения получила достаточно широкое распространение. В конечном счете, полагал Цицерон, людям придется признать тот факт, что любой двойник так же реален, как всякий другой человек. Ум и независимость — вот истинные критерии, гораздо более показательные, чем наличие тела или какие-то другие, столь же грубые оценочные категории.

Почему все же, несмотря на свои опасения, Цицерон принял участие в этом рискованном путешествии? Ведь никакой прямой необходимости в нем не было. Дело в том, что Бакунин явно натолкнулся на информацию, которая могла пригодиться Цицерону и его людям. И эта информация оказывалась в особенности важна, потому что «де факто» двойники и реальные люди находились в состоянии войны. В данный момент преимущество было на стороне реальных людей. Они обладали всей полнотой власти и могли уничтожить двойников в мгновение ока. Однако кто знает? Не исключено, что рано или поздно удастся переломить ситуацию.

— Далеко еще?

Сейчас путешественники взбирались по некоему подобию лестницы. Оглянувшись, Цицерон увидел тающие позади ступени. Впереди, напротив, по мере подъема возникали новые. Жуткое зрелище, хотя Бакунин, похоже, к нему уже привык.

— Скоро, скоро, — ответил Бакунин.

Они продолжали подниматься. Хотя почему «подниматься»? Почему это сооружение не могло быть сориентировано таким образом, что на самом деле они шли вниз? Возможно, за кулисами Мира Двойников во всех случаях предусматривался минимальный расход энергии.

Перед ними из ничего возникли и приобрели твердость последние ступени, и Цицерон оказался на плато. Тусклое, затянутое маревом солнце над головой было уже на полпути к зениту. А вдали, на самом краю равнины, виднелись шпили и башни города.

— Что это за место? — спросил Цицерон. — Нам никогда о нем не рассказывали.

— Потерпите немного и увидите, — ответил Бакунин.

— Мы пойдем туда пешком? — спросил Цицерон, глядя на далекий город.

— Транспорт должен прибыть с минуты на минуту.

Едва Бакунин произнес эти слова, как в двадцати шагах от путешественников прямо из пустоты сгустилась большая позолоченная колесница. Кони отсутствовали, но ее литые украшения отличались редкостным изяществом. Бакунин шагнул внутрь, Цицерон последовал за ним. Колесница немедленно двинулась по направлению к городу.

— Сделано со вкусом, ничего не скажешь, — промолвил Цицерон. — Мы на таких не разъезжаем.

Вблизи город на первый взгляд производил прекрасное впечатление, если не считать того, что по улицам не ходили его обитатели, собаки не задирали лапы у обочины, кошки не выглядывали безмолвно из дверных проемов, воробьи не порхали над головой. Ничто не двигалось, жизнь отсутствовала напрочь, и все же перед ними был новенький, «с иголочки» город, как будто только что вынутый из подарочной коробки. На чистых улицах ни единого пятнышка. Строения прекрасной архитектуры, украшенные сложным орнаментом, радующие взгляд, просторные и, казалось, приглашающие войти внутрь. Концертный зал, театр, целая группа общественных зданий, в том числе и суд, храмы, административные центры. Полностью завершённые, но пустые. Во всем чувствовался аромат новизны — такое ощущение обычно испытываешь, садясь в новый автомобиль; аромат новизны, которого города никогда не имеют, поскольку не бывает новых городов. Они возникают, постепенно разрастаясь из небольших поселков или деревень.

Это было впечатляющее зрелище. Вслед за Бакуниным Цицерон вошел в одно из самых высоких зданий. Бесшумный лифт поднял путников на сотый этаж, и они оказались на террасе, где некоторое время оглядывали окрестности. Все было выполнено очень искусно. Город стоял на слиянии двух рек, берега которых соединялись множеством небольших мостов. Сверху как на ла-

дони был виден гражданский центр, концертные залы, музей искусств и вместительный театр. Здесь имелось все, что, по мнению Цицерона, могло быть в городе, и много такого, чего он прежде и представить себе не мог.

— Это имитация?

— Конечно, — ответил Бакунин. — Причем проработанная во всех деталях с невероятной тщательностью.

— Но зачем здесь этот город? С какой целью его построили? — Бакунин улыбнулся, не торопясь просвещать всезнающего и немного тщеславного Цицерона. — И почему нам даже не заикнулись об этом?

— Действительно, почему? — повторил Бакунин, стараясь растянуть мгновения своего триумфа.

Они продолжили прогулку, и Бакунину предоставилась редкая возможность сполна насладиться своим преимуществом осведомленного человека. Ему не так уж часто выпадал шанс взять хоть в чем-то верх над красноречивым и образованным Цицероном. Труды Цицерона, возможно, и не были по достоинству оценены при жизни, и все же он, без сомнения, являлся одним из самых одаренных из всех когда-либо живших людей. Бакунину было интересно узнать, сколько времени понадобится этому выдающемуся человеку, чтобы сложить все части головоломки вместе.

Центральное место в городе, безусловно, принадлежало великолепному дворцу. Такому огромному, что в нем легко можно было заблудиться. Цицерон и Бакунин переходили из комнаты в комнату. Некоторые были выполнены в классической французской манере, другие отражали все типы архитектуры и дизайна самых разных исторических периодов. В результате получилось нечто немного хаотическое, что, однако, вполне компенсировалось роскошью и причудливостью убранства. В конце концов путешественники оказались в огромном зале для аудиенций.

Любые слова бессильны описать великолепие этого зала. На троне могли бы без труда поместиться три крупных человека. Рядом стоял второй трон, меньших размеров.

Безусловно, происходило что-то странное. Цицерон пришел к выводу, что следует немедленно обсудить все увиденное с Макиавелли. Оба они в большой степени определяли политику Мира Двойников. Однако связаться с Макиавелли немедленно не удалось. Позднее Цицерону стало известно, что как раз в этот момент Макиавелли имел беседу с одной очень необычной «но-ворожденной».

Клеопатра открыла глаза, села, и тут же на нее нахлынули воспоминания. Жара, и пыль, и яд, пылающий в крови, — тако- вы были ее последние воспоминания о жизни. Ужас мгновения полного краха, ненавистный Октавиан, наступающий со своими ордами, смерть Антония. Перед глазами все еще стояли накра- шенные лица приближенных женщин с изумленно округливи- мися ртами. Под потрясенными взглядами Клеопатра сделала то, что позволило ей лишиться ненавистных римлян их триумфа.

И потом никаких воспоминаний до того мгновения, как она очнулась в этом самом месте и обнаружила, что снова жива.

Она лежала уже довольно долго, пытаясь понять, что про- изошло. Постепенно Клеопатра осознала, что на самом деле не жива, хотя и не умерла в полном смысле этого слова. Она оста- лась в точности такой же, как прежде, только лишилась тела. Нет, так тоже нельзя было сказать. Тело здесь, но оно ощуща- лось не так, как прежде. Ее это не слишком удивляло. Хотя Клеопатра впоследствии стала царицей и даже богиней, с точки зрения религии египтян, она происходила из хорошей македон- ской семьи, боковой ветви королевского рода. Ее предки были военачальниками у Александра Македонского. Девушка вырос- ла на греческой философии, искусстве, литературе. И, конечно, читала Гомера. А Гомер писал о том, как ощущают себя люди после смерти, когда пробуждаются в Тартаре, — всего лишь как тени самих себя, без аппетита и каких-либо других желаний. Примерно так чувствовала себя сейчас и она. Только не совсем.

Сначала Клеопатра подумала, что это и в самом деле преис- подняя, затем поняла, что ошибалась. Все здесь было не так, как она себе представляла... Нет, это не Тартар. Никто не сможет убе- дить ее в этом, даже сами правители нового царства, в котором она оказалась.

Клеопатра резко выпрямилась на постели, не столько услы- шав, сколько почувствовав, что дверь открывается. Света тус- клый лампы хватало, чтобы разглядеть человека, стоявшего рядом с постелью. Такой одежды ей никогда прежде видеть не доводилось. Темный блестящий материал. Куртка с серебряны- ми пуговицами. Волосы, связанные на затылке светлой лентой. Бородатое лицо, удлинненное и смуглое. Темно-голубые глаза, в которых сверкают ум и веселье.

Клеопатра уселась и внимательно оглядела вошедшего.

— И кто же ты?

— Никколо Макиавелли, к вашим услугам, Клеопатра.

— Тебе известно, кто я?

— Конечно. Ваша слава бессмертна, леди.

— Моя слава, но не я сама. Умереть от своей собственной руки и превратиться в тень в стране теней!.. Куда я попала, гос- подин Макиавелли? Это преисподняя, где властвуют боги тьмы?

— Отнюдь нет, — ответил Макиавелли. — И, будьте добры, называйте меня Никколо. Надеюсь, мы станем друзьями.

С его стороны это было нахальство, чтобы не сказать боль- ше. Но что делать? Клеопатра понимала, что здесь ей и в самом деле понадобятся друзья.

— Скажи, Никколо, это правда не преисподняя? Где я в таком случае?

— Моя королева, с тех пор, как вы умерли, прошло много лет. Люди снова вернули вас к жизни, используя механизм, ко- торый они называют компьютером.

— И что же это такое?

— Вам все объяснят, Клеопатра.

— Кто?

— Те, кто теперь правит нами. Это не Тартар, хотя место . весьма близкое к тому, как наши поэты представляли себе пре- исподнюю. У нас есть тела, но они не похожи на прежние. Для их создания применено колдовство нового типа, называемое наукой. Вот каким образом возникли наши тела. Они не стареют и не подвержены заболеваниям.

— Значит, мы бессмертны?

— В каком-то смысле да. В нашем теперешнем состоянии отсутствуют естественные причины, которые могли бы вызвать смерть. С другой стороны, мы существуем по прихоти наших хо- зяев, которые создали это место и вызвали нас к жизни внутри него. Стоит им пошевелить пальцем, и мы исчезнем снова. Весь наш мир своим существованием обязан только их капризу.

Клеопатра во все глаза смотрела на собеседника.

— Ничего не понимаю. Мы исчезнем? Но куда мы тогда де- немся?

— Это, — ответил Макиавелли, — таинство, которого я тоже не понимаю. Меня просто известили, что если они не захотят, чтобы мы существовали, нас не станет. Потом, если им вздума- ется оживить нас снова, это потребует от них так же мало уси- лий.

— Скверная ситуация, — сказала Клеопатра.

— Да.

— И мы бессильны изменить ее?

Макиавелли придал лицу задумчивое выражение.

— Не совсем бессильны, я полагаю. Кое-что еще в нашей воле. Ситуация не лишена определенных возможностей.

Они поглядели друг на друга долгим, исполненным значения взглядом. Клеопатра подумала, как сильно этот человек, с его странной одеждой, аккуратно подстриженной небольшой бородкой и сверкающими глазами, напоминает ей некоторых римских политиков. Больше всего он походил на Кассия, но казался умнее.

Макиавелли тоже изучал Клеопатру, и то, что он видел, ему нравилось. Царица не была красавицей — лицо слишком удлиненное, нос чересчур великоват, губы излишне тонки. Афродитой ее никто не назовет. Но в ней чувствовалось нечто такое, чего были лишены самые прекрасные женщины, которых он знал: сильный ум и магнетическая привлекательность. Тело, просвечивающее сквозь шелковую голубую накидку, выглядело маленьким, гибким, полным жизни, женственным, волнующим. Лицо излучало энергию.

Вопрос — что означало ее появление здесь, среди двойников? С какой стати инженеры оживили ее? Надо срочно обсудить эту проблему с Цицероном.

Когда Макиавелли прибыл, уже наступил полдень, и Цицерон прогуливался в саду. Это был прекрасный сад, где цвело и благоухало все, что только может произрастать в Италии. Здесь даже имелся небольшой водопад. За садом находилась вилла Цицерона, прекрасная имитация настоящей римской виллы. Здесь Цицерон проводил много времени, здесь же он делал заметки единственной в своем роде, не поддающейся расшифровке скорописью.

— Приветствую вас, Цицерон, — сказал Макиавелли.

— Очень кстати, что вы появились, Никколо, — ответил Цицерон. — Присядьте, выпейте бокал фалернского.

Макиавелли сел и принял протянутый бокал. Ему нравилось бывать здесь. И не только потому, что его привлекало само это место и спокойствие, всегда царившее на вилле; ему доставляло большое удовольствие беседовать с Цицероном. Оба они были политиками, оба обладали классическим складом ума, несмотря на то, что жили в эпохах, отстоящих друг от друга на полторы тысячи лет. У Макиавелли было гораздо больше общего с Цицероном, чем с королевой Викторией или Фридрихом Великим, хотя хронологически они были ближе ему.

— У меня интересные новости, — сказал Макиавелли.

— Прекрасно. У меня тоже. Но давайте поговорим за обедом. Публий, мой повар, не любит ждать.

Во время обеда по настоянию Макиавелли Цицерон рассказал о новом городе, который он посетил вместе с Бакуниным. Макиавелли проявил вежливое удивление, но не более того. Ел Цицерон мало и за обедом выпил всего два бокала вина. Он с нетерпением дожидался сведений Макиавелли, однако разговор как-то незаметно ушел в сторону, коснувшись того, как много для них значат физические условия. О двойниках нельзя было сказать, что они обладают сенсорным аппаратом в обычном смысле этого слова. Теоретически двойники не должны были ощущать вкус, запах и прочее. Фактически же дело обстояло иначе, и это ставило в тупик ученых, их хозяев.

— Как может информация чувствовать? — удивлялись они.

Даже мудрый Цицерон не знал ответа. Возможно, это был просто самообман, порождаемый восстановленным разумом. Возможно, для того чтобы мыслить, людям необходимо ощущать свои физические связи с окружающим миром, и, поскольку таковые на самом деле отсутствовали, они непроизвольно симулировали их. В соответствии с этим предположением виртуальные двойники некогда живых людей теперь сами продуцировали виртуальные чувства. Умники-ученые считали также, что у двойников не может быть никакого секса. И снова они ошибались: сексуальные связи — или что-то очень на них похожее — возникали в Мире Двойников на всем протяжении его существования.

— Вы обсуждали эту проблему с Джоном Сикисом? — спросил Макиавелли, имея в виду нового главу компании, сконструировавшей Мир Двойников.

— Я сказал ему, что не знаю ответа на эти вопросы, — объяснил Цицерон. — «Вы эксперты в этом деле, не мы. Мы — просто объекты ваших экспериментов. Подопытные кролики, так, кажется, говорят». Вот что я ему сказал.

— И что он ответил?

— Имел наглость спросить меня, какого рода сексуальные связи больше всего нравятся двойникам.

— И что вы сказали ему?

— Что это в высшей степени личный вопрос. Но он все равно не унялся. Спросил, действительно ли я получаю удовольствие. А разве кто-то стал бы этим заниматься, если бы дело обстояло иначе, ответил я ему.

— Но ведь это непохоже на настоящую сексуальную связь?

— Прошло больше двух тысяч лет с тех пор, как у меня была настоящая связь, — напомнил Цицерон. — Мои воспоминания об этом божественном наслаждении в значительной степени потускнели. Но то, что доступно нам здесь, тоже неплохо.

— Один из поэтов спустя тысячу лет после вас написал такие слова: «Могила, конечно, прекрасное и уединенное место, но никому не приходит в голову здесь целоваться»¹.

— Ну, мы можем своими глазами убедиться, что он ошибался, — возразил Цицерон. — Если это могила, то ни о какой уединенности и речи быть не может. Люди, такие же, как вы сами, могут вторгнуться к вам, когда им вздумается. Что же касается поцелуев... Ах, я все еще не утратил надежды, что Сикис возродит к жизни мою жену. — Он вздохнул. — Но скажите, Никколо, зачем вы хотели видеть меня? Какие у вас новости?

— Туллий, среди нас появилось новое лицо.

— Кто, скажите, умоляю вас?

— Полагаю, ваша знакомая. Некая Клеопатра, возлюбленная сначала Цезаря, а потом Марка Антония.

— Это интересно, — сказал Цицерон.

— Еще бы! В особенности в свете беседы, которую я не так давно имел с новым владельцем Мира Двойников, мистером Джоном Сикисом. Я так и думал, что вы заинтересуетесь.

— Продолжайте, прошу вас, — произнес Цицерон.

На самом деле беседа Макиавелли с Джоном Сикисом, главной компании, происходила довольно давно, на начальной стадии существования Мира Двойников, еще до того, как его виртуальная среда стала такой сложной и разнообразной. Потребовалось немало времени, чтобы усовершенствовать ее. Первое, на чем люди сосредоточили свои усилия, были сами двойники. Вот почему в то время существовал только эскизный вариант некоторого рода подмошток, а на них — всего лишь намек на кресло, стену и окно. За окном же не было ничего, ничего, что позволяло бы хоть что-то разглядеть внутри самой машины, того самого компьютера, с помощью которого было создано все это.

В тот день Сикис задавал прелюбопытные вопросы — по мнению Макиавелли, вследствие их предыдущих встреч. Сикис, по-видимому, начал задумываться о жизни и смерти, пытался

заглянуть вперед, далеко вперед — такое воздействие оказывало общение с двойниками давно умерших людей.

Сикис поинтересовался, какая женщина самая желанная с точки зрения того, чтобы провести с ней бессмертную жизнь.

— Никакая, — ответил Макиавелли. — Я не представляю себе женщины, с которой захотел бы провести целую вечность.

— Давайте поставим вопрос иначе. С кем вы предпочли бы провести первую часть своей бессмертной жизни?

— На свете жило множество прекрасных женщин, — сказал Макиавелли. — Мария-Антуанетта, к примеру, всегда принадлежала к числу моих любимых. Или Лукреция Борджиа... Весьма своеобразная была леда. Гипатия, знаменитая куртизанка Перикла, как мне кажется, могла бы украсить жизнь любого мужчины. Но среди всех них существует одна и только одна, которую я бы предпочел, имея я такую возможность.

— И кто же это?

— Безусловно, Клеопатра.

— Расскажите мне о ней.

— Это уже гораздо лучше сделал Шекспир. Он назвал ее созданием, исполненным безграничного очарования и бесконечного коварства.

— Интересно, — задумчиво произнес Сикис. — Хотел бы я знать, много ли информации о ней уцелело.

Знаменитая царица недолго оставалась в одиночестве, Сикис позаботился о том, чтобы ее побыстрее ввели в курс дела. Инструктора стали давать новенькой ежедневные уроки относительно всего, что произошло после ее смерти. По их словам получалось, что нынешнее состояние Клеопатры нельзя назвать ни смертью, ни жизнью. Еще они говорили, что она многому должна научиться. Они и пытались учить, но большая часть того, о чем ей рассказывали, оставалась для нее пустым звуком. Не интересовало Клеопатру и заучивание жаргона, на котором изъяснялись жрецы этого нового племени, каким-то непонятным образом сумевшие уловить в свои сети ее дух. Какая разница, как называть абсолютную истину — Амон Ра или массив информации? А ведь она должна была заучить еще и множество совершенно новых слов, значения которых не понимала вообще: электричество, аппаратное обеспечение, диод, программное обеспечение... Что это — имена новых богов или просто перечень атрибутов некоего божества?

¹ Эндрю Марвелл (1621—1678), английский поэт.

Не понимая множества деталей происходящего, Клеопатра тем не менее ухватывала самую его суть. Что было не так уж трудно. Это незнакомое царство и его правители были увлечены поисками любви и власти не в меньшей степени, чем все те люди, которых она знала прежде. Да, и еще они занимались поисками Истины. Но любовь их интересовала гораздо больше.

Даже когда она отдыхала, ей ухитрялись каким-то образом вкладывать знания непосредственно в голову. Вот этого Клеопатра уже совсем не понимала. Сикис полагал, по-видимому, что будет довольно просто ввести ее «в курс дела», добиться того, чтобы она достигла уровня современного знания. Но, хотя ее инструктировал двойник самого Солона, результаты оказались весьма разочаровывающими. В конце концов Сикис потребовал у Солона объяснений.

— Как продвигается инструктаж?

— Не слишком успешно, сэр. Новенькая отказывается понимать.

— Я полагал, что у вас не должно быть трудностей с подачей информации. Просто вложите все, что нужно, в ее сознание, как вы уже не раз делали.

— Проблема не в том, чтобы снабдить Клеопатру информацией, сэр. Чем мы не можем снабдить ее, так это понятливостью.

— Вы имеете в виду, что она тупица?

Высокий величавый старик в белой мантии покачал головой.

— Не исключено, что она сообразительнее любого из нас. Просто есть вещи, которых она не желает понимать. Клеопатра прекрасно усваивает суть того, что способна творить наука, однако напрочь отказывается вникать в детали, поясняющие, как это происходит.

— Может быть, наша методика ошибочна? Что вы посоветуете?

— Не всякого можно обучить чему-то в форсированной манере. Клеопатра уже вполне сформировавшаяся личность. Естественно, она не слишком довольна, оказавшись в положении человека, который нуждается в инструктаже касательно всего происшедшего за две с лишним тысячи лет. Она прекрасно схватывает все, что касается практической жизни. Я не стал бы торопить ее, сэр. Придет время — всему выучится сама.

Клеопатра еще при жизни никогда не проявляла ни малейшего интереса к технике. Вряд ли можно было ожидать, что этот интерес пробудится у нее сейчас, после того, как она умерла и возродилась к жизни в этой странной реальности. Ей было безразлично, как именно с технической точки зрения все произошло. Но на свой собственный лад она понимала происшедшее очень даже хорошо.

Когда-то — давным-давно — она лежала на своем ложе и содрогнулась, почувствовав укус змеи. Потом не было вообще ничего — ничего, что пробуждало бы хоть какие-то воспоминания. А теперь вдруг возрождение в царстве теней!.. Только это призрачное царство не было творением богов. Люди каким-то образом создали его и в нем возродили ее к жизни. Не боги. Ее оживили, и, сколь ни грустно было не иметь настоящего тела, потерять это было бы еще хуже. А они могли — могли лишить ее и этого тела в любой момент, как только им вздумается. Клеопатра понимала, что они способны сделать это. Вот почему ее жизнь находилась в постоянной опасности. А теперь еще этот новый поворот.

Воздух медленно сгустился. Она догадалась, что сейчас появится Сикис. И была готова к его приходу.

— Вот и я, моя дорогая, — сказал он. — Как вы себя сегодня чувствуете?

«Почему они оживили именно меня? Я знаменита. Я символ. Но чего? Страсти, соблазна и... неглубокого ума! Моя любовь к роскоши вошла в поговорку, так же, как и мое выдающееся непостоянство. У меня и вправду было много возлюбленных. И все же я покончила с собой из любви к Антонию. А они — в частности, Сикис — лишь бормочут что-то нечленораздельное и заявляют, что оживить Антония невозможно.

Ясно, почему. Сикис хочет, чтобы я досталась ему. Он достаточно ясно выражается.

А как же Антоний? Не знаю. От меня ничего не зависит. Я уже однажды умерла ради него. И вряд ли мне снова захочется ради него расстаться с жизнью.

Этот человек — Сикис — влюблен в меня. Или скорее в мой образ, который сформировался в его воображении задолго до того, как мы встретились здесь. Тот самый образ, который живет в сознании множества людей. Как странно... Сикис говорит, что на свете есть миллионы и миллионы людей, которым хоть что-то известно обо мне. Я знаменита. И Сикис, надо полагать, хочет, чтобы отсвет моей славы пал на него, думает, что рядом с

моей царственностью сам станет царем и таким образом откроет еще одну главу в истории великой Клеопатры. Но как такое может быть? Он живой человек, а я... Я то, что они называют двойником.

А может быть, он хочет, чтобы я стала женой кого-то другого? Что он замышляет? И как мне использовать это к своей выгоде?»

— Объясни мне кое-что, Редмонд, — обычно говорил Цицерон, когда этот инженер приходил навестить его.

— Все, что угодно, — отвечал Редмонд.

Он навещал Цицерона при всяком удобном случае. Редмонд писал докторскую диссертацию, в большой степени опираясь на сведения, полученные от Цицерона. Надеялся таким образом сделать себе имя, поскольку Цицерон рассказывал ему вещи, которые ни из каких других источников узнать было невозможно. Причем Цицерон делился своими сведениями с ним и только с ним, что Редмонд иногда воспринимал просто как чудо.

Это был высокий, худощавый, нервный молодой человек с рыжими волосами и небольшими кустистыми красновато-рыжими усиками. Чистую кожу его лица щедро покрывали веснушки. Насколько было известно Цицерону, Редмонд имел жену и двоих маленьких детей. До сих пор Цицерон предоставлял ему эксклюзив на свою информацию, по крайней мере по всем вопросам, связанным со специальностью Редмонда. Редмонд был экономистом и очень интересовался римским денежным обращением. Цицерон помогал ему прояснить некоторые проблемы, за давностью времени казавшиеся неразрешимыми. Редмонд также интересовался всякими другими валютами, которые циркулировали в Риме в те времена, и Цицерон, без сомнения, был для него драгоценнейшей находкой.

Вот почему Редмонда чуть удар не хватил, когда при очередном свидании Цицерон объявил, что вынужден прекратить снабжать его информацией.

— Но почему, Марк Туллий? Я думал, мы друзья.

— Я и сам так думал, — ответил Цицерон. — Я относился к вам почти как к сыну. И, уж конечно, как к ученику. Вот почему мне стало так больно, когда я узнал, что вы не были со мной откровенны в вопросах величайшей важности.

— Марк Туллий! Умоляю вас, объясните, на что вы намекаете!

Цицерон остановил на молодом человеке суровый взгляд.

— Я говорю о планах Джона Сикиса.

— Ка... каких планов? — спросил Редмонд тоном невинного младенца, но едва заметная дрожь в голосе выдала его. Цицерону стало ясно, что Редмонд совершенно точно знает, о чем идет речь.

Он молча ждал. Редмонд пристально посмотрел на него, прочистил горло и заявил:

— Мне запрещено обсуждать планы мистера Сикиса. Он совершенно недвусмысленно дал мне понять, что, если я проболтаюсь вам о них, наши встречи прекратятся.

— А если вы не расскажете мне, я никогда больше не стану беседовать с вами. Даю слово римлянина.

Их взгляды встретились. Редмонд первый отвел глаза.

— Если он когда-нибудь узнает...

— Не узнает, — успокоил его Цицерон. — Ясно же, что в моих интересах не разглашать, из каких источников я получаю информацию. Но я должен быть в курсе планов Сикиса в той части, в какой они имеют отношение к Миру Двойников. Это вопрос жизни и смерти для меня и всех нас. Мы полностью зависим от оборудования, без которого невозможно само наше существование. Если Сикису что-то не понравится, он волен уничтожить любого из нас или даже всех. Он способен погубить весь наш мир. Над нами постоянно довлеет страх смертного приговора, и никто из обычных людей не может никак изменить эту ситуацию, даже зная о нашем положении. Мир не воспринимает двойника как личность. Хотя, может быть, именно вы теперь уже понимаете, что такая точка зрения неверна.

— Да, конечно.

— Тогда расскажите мне обо всем, Редмонд.

— Хорошо, сэр...

При следующей встрече с Макиавелли Цицерон сообщил ему потрясающую новость:

— Сикис, если верить Редмонду, моему информатору, собирается присоединиться к нам здесь, в Мире Двойников.

— Мне казалось, что это невозможно для живых людей, — возразил Макиавелли.

— Скорее всего так оно и есть. Сикис задумал совершить самоубийство, сначала обеспечив сохранение информации, необходимой для создания его двойника.

— Значит, Сикис собирается стать одним из нас! — восклик-

нул Макиавелли. — И ради этого покончить с собой!.. Поразительно, конечно, но, если хорошенько призадуматься, вполне закономерно. Все-таки, что ни говори, мы здесь обладаем бессмертием. Пока эта несущая жизнь субстанция... как они ее называют?

— Электричество, — подсказал Цицерон.

— Вот именно. Пока электричество бежит по проводам, мы бессмертны.

— Весьма ненадежный вариант бессмертия, — заметил Цицерон. — Теоретически мы, конечно, могли бы жить вечно. Но на практике стоит нам не угодить хозяевам, и они могут уничтожить нас вот так просто, — Цицерон щелкнул пальцами.

— Сикис собирается править нами, — задумчиво произнес Макиавелли. — В чем мы совершенно не нуждаемся! Полагаю, для этого и выстроен тот великолепный дворец, который вы с Бакуниным обнаружили.

— Скорее всего, — ответил Цицерон. — Именно там Сикис рассчитывает жить и править.

— С Клеопатрой в качестве королевы, — добавил Макиавелли.

— Именно. Хотя не думаю, что, избрав ее, он совершил ловкий ход. Она, конечно, исключительно привлекательная женщина, но все же недаром имеет репутацию убийцы.

— Не хватало нам других забот, — сказал Макиавелли, — так теперь еще этот Сикис вот-вот окажется здесь, чтобы править нами. Нужно найти способ помешать ему.

— Напротив, — возразил Цицерон, — мы должны всячески способствовать тому, чтобы это произошло.

— Я не ослышался? — удивился Макиавелли. — Цицерон, демократ, возлюбленный свободы, готов с распростертыми объятиями приветствовать здесь одного из наших врагов?

— Обычно вы более проницательны, — ответил Цицерон. — Я не хуже вас осознаю, что идет нескончаемая война между нами и ними, между двойниками и реальными людьми.

— Вы читаете мои мысли. Почему же в таком случае вы собираетесь способствовать тому, чтобы враг жил среди нас и правил нами?

Цицерон улыбнулся, собираясь с мыслями.

— Может быть, он и будет править здесь. Что из того? Нами все равно управляют, и в данный момент нет способа избавиться от этого. Суть в том, что в результате один из Них окажется на нашей территории. Сейчас, поскольку мы намертво прикованы к этому их компьютеру, они для нас недостижимы. Однако, если

Сикис окажется здесь и при этом сохранит свою власть, нас не уничтожат. И пока мы способны двигаться и думать, может быть, нам удастся переломить ситуацию в свою пользу.

— Каким образом? — спросил Макиавелли. — Мы всего лишь крошечные биты информации, а они... Они вполне материальны, не нам чета.

— Смотрите глубже, друг мой, — ответил Цицерон. — Ветер — тоже что-то вроде информации. Он не более материален, чем мы с вами, и все же способен воздействовать на обычные предметы. Повалить дуб, например. Вот что такое сила информации, направленная в нужную сторону.

— Даже здесь Сикис по-прежнему может оставаться недостижимым для нас.

— Согласен. И все же у нас появится шанс повлиять на него, тогда как сейчас это в принципе исключено.

«Я люблю вас, Клеопатра». Нет, эти слова пока еще не прозвучали, но вот-вот должны. Даже явившись к ней в личине бога, он не уподобится богам. Ничтожный человек, она ощущала это всеми фибрами души. Сикис, так он называл себя и настаивал, чтобы она тоже так обращалась к нему. Он, казалось, гордился своим именем. И постоянно пытался объяснить ей, какое важное место занимает в другом мире, мире, которого она никогда не увидит.

— Вы полностью в моей власти, Клеопатра. Я не хвастаюсь и не пытаюсь угрожать вам. — «Пока нет», — подумала она. — Я просто констатирую факт. Именно так обстоит дело в данный момент, спустя две тысячи лет после того, как змея ужалила вас и вы погибли. Мы создали вас заново, Клеопатра. Скажите, ведь у нас неплохо получилось, а?

Он болтал всякий вздор в том же духе, вот чем занимался Сикис. И никогда не являлся ей лично. Никогда за все время, что она беседовала с ним в этой самой комнате. Она слышала его голос, и перед глазами возникало его изображение. Но он выглядел, точно ожившая картина, а не как живой человек.

— Я не могу проникнуть внутрь машины, Клеопатра, — объяснил он, заметив, что ее оскорбляет его нежелание явиться ей лично. — Мы в силах воссоздать любого человека, жившего когда-то, если о нем сохранилось достаточно информации. Но мы не способны создать вымышленную личность. Так же, как и самих себя. Это невозможно, пока мы живем в своем теле.

— Очень рад, что вы приняли мое приглашение, — сказал Цицерон Клеопатре. — Прошу вас, пройдемте в сад. Сегодня прекрасный день, и мы сможем подкрепиться на воздухе. Конечно, здесь всегда прекрасные дни. Полагаю, это одно из преимуществ искусственной погоды — можно не зависеть от капризов природы. Хотя я считаю, что стоит попросить инженеров немного изменить ее, внося хотя бы сезонные вариации. Я даже не в состоянии определить, какое это время года.

— А вы по-прежнему многословны, Туллий, — ответила Клеопатра. — Какой приятный сад!

— Я рад, что он вам нравится. Хотя, конечно, он ничто по сравнению с тем, чем владели вы в старые добрые времена, когда царствовали в Александрии.

— То было совсем другое время, — сказала Клеопатра. — Вы тогда были консулом в Риме.

— Очень недолго. И, боюсь, толку от меня было немного. Такие великие люди, как Цезарь, к примеру, оказались не по зубам бедному философу вроде меня. Или взять Марка Антония... Тоже, безусловно, выдающаяся личность; противостоять ему было почти невозможно. Жаль только, что содержать в себе такую личность трудно для кого угодно. Полагаю, в конечном счете он и сам не сумел справиться с ней.

— Все это кажется сейчас таким далеким, — произнесла Клеопатра. — У вас тут замечательно все устроено, гораздо лучше, чем у меня. В моем распоряжении всего-навсего три маленькие комнатки, а сада вообще нет.

— Скоро все изменится, — сказал Цицерон. — Как только Джон Сикис закончит свои приготовления.

— Сикис... Он в самом деле что-то значит в этом варварском мире? Или нет?

— Эти люди вовсе не варвары. И действительно очень много здесь значит.

— В некотором роде наш правитель?

— Он владеет контрольным пакетом акций в корпорации, которая управляет нашим миром.

— Я так и думала. Какая скука! И какой меркантилизм! А ведь на карту поставлена наша судьба, и, оказывается, она зависит от чьих-то торгашеских интересов.

— Увы, — кивнул Цицерон. — Меркантилизм насковозь пропитал прекрасный новый мир, в котором мы обрели вторую жизнь.

— Печально. — Клеопатра опустила в предложенное ей

кресло и взяла персик из серебряной чаши, стоящей перед ней на столе. Надкусила, состроила гримасу. — Фу! Здесь все такое безвкусное!

— Это потому, что все ненастоящее, — сказал Цицерон.

— Ну, все равно им не мешало бы проявить побольше изобретательности. Если они способны создать что-то, внешне похожее на персик, почему бы не позаботиться о том, чтобы он имел настоящие вкус и аромат?

— Хороший вопрос. Вам следует задать его как-нибудь Сикису.

Клеопатра пожала плечами; прикрытые легкой, словно паутина, шалью, они выглядели восхитительно. Цицерон отвел взгляд. Эта сирена, даже несмотря на то, что со времени ее смерти прошли века, все еще производила на него волнующее впечатление.

— Сикис... — повторила Клеопатра. — Мне кажется, он влюблен в меня.

— Вы удивлены?

— Ну, немного, учитывая разницу наших состояний. Он — реальный мужчина, как он заявляет, а я фантом.

— О чем он с вами разговаривает?

— Говорил, что уже давно преклоняется предо мной, — будничным тоном сообщила Клеопатра. — Повторял это снова и снова в изысканных выражениях, столь же страстно, сколь и банально. Потом и вовсе забормотал что-то невразумительное: как мы с ним вместе будем править здесь, в этом мире, который он называет Миром Двойников. Король и Королева теней, вот что он имел в виду, я полагаю. Он был даже так добр, что сообщил мне, каким прекрасным супругом он будет. И вульгарно заявил, что ему из авторитетного источника известно кое-что очень важное для нас обоих. А именно, что акт любви в Мире Двойников хотя и не вызывает таких ярких ощущений, какие мы испытывали прежде, все же способен доставить большое удовольствие. И что он ждет не дождется, когда разделит это удовольствие со мной. Вот в таком духе Сикис продолжал все время, пока я не остановила его.

— И что вы ему ответили?

— Постаралась расставить все на свои места. Напомнила, что я, Клеопатра Седьмая, была возлюбленной четырех величайших когда-либо живших мужчин...

— Кого вы имеете в виду? — прервал ее Цицерон. — Мне, конечно, известно о Цезаре и Марке Антонии.

— Ну, до них был Помпей, бесспорно, один из самых великих людей на свете.

— Всего три.

Клеопатра озорно улыбнулась.

— Вы учли Октавиана?

— Но ведь он был вашим врагом! Вы покончили с собой, чтобы не попасть ему в руки и лишить его возможности торжественно доставить вас в Рим в знак своего триумфа.

— Такова, конечно, версия, известная всем. Правда, как обычно, чуть-чуть сложнее.

— С удовольствием поболтаю с вами на эту тему в другой раз, — сказал Цицерон. — Однако сейчас у нас есть гораздо более важные проблемы. Вы отвергли предложение Сикиса?

— Окончательно и бесповоротно. Он человек мелкой души, не чета мне!.. Что это за звук?

— Это я, — ответил Цицерон. — Я скрежешу зубами.

— С какой стати? Сикис так много для вас значит?

— В личном плане он ровно ничего для меня не значит. Проще говоря, мне на него наплевать. Но он случайно оказался абсолютным владыкой и правителем нашего мира и держит в своих руках жизнь и смерть каждого из нас.

— Он о чем-то таком упоминал, — промолвила Клеопатра. — Но я не поверила ему. У меня возникло впечатление, что он хвастается.

Цицерон вздохнул.

— Вы здесь сколько... три дня? И уже успели чуть не погубить все дело.

На лице Клеопатры появилось выражение досады.

— Он просто показался мне недостаточно умным, чтобы можно было поверить всем его заявлениям. Я даже представить себе не могла, что такая посредственность, как Джон Сикис, способна возродить к жизни множество людей и заправлять всем в этом месте, которое вы называете Миром Двойников.

— Клеопатра, — сказал Цицерон, — Джон Сикис, конечно, не изобрел все это сам. Но он состоятельный человек — виртуоз меркантилизма, не забывайте, — и ему оказалось вполне по средствам выкупить просроченные пай у менее состоятельных членов корпорации, которая контролирует Мир Двойников.

— Я понимаю. Итак, Сикис не блефует, и он не жалкий человечешка, пытающийся набить себе цену. Он действительно имеет власть над нашей жизнью и смертью, как заявляет?

— Совершенно верно, Клеопатра.

— Ну, в таком случае мне, похоже, следует переосмыслить ситуацию. И все равно он мне не нравится, Цицерон, и я, конечно, не обязана иметь фнаर्फ с этим человеком. — Цицерон кивнул, подумав, что она, наверно, специально использовала старое коптское слово для обозначения интимной связи с той целью, чтобы сильнее подчеркнуть его смысл.

— Конечно, нет. Хотя для вас же будет хорошо, если вы пересмотрите свою позицию. Сикис объяснил, как он собирается реализовать ваш с ним союз?

— Он недвусмысленно дал мне понять, что намерен перебраться сюда, в Мир Двойников, чтобы быть вместе со мной.

— Но он не предстал перед вами в своем собственном обличье во время этого разговора?

— Нет. Он объяснил, что не может сам стать двойником, не сделав предварительно одну важную вещь.

— Он не сказал, что это за вещь, Клеопатра?

— Нет. Хотя я и спрашивала его.

— Чтобы присоединиться к вам здесь в качестве двойника, Джон Сикис сначала должен свести счеты с земной жизнью. Инженеры объяснили мне: живой человек не может стать двойником. Исключений не бывает. Значит, Клеопатра, Сикис ради вас готов совершить самоубийство.

Некоторое время Клеопатра молчала. Затем произнесла:

— Ну, должна признать, это несколько меняет мое мнение о нем в лучшую сторону.

— Вы должны всячески способствовать тому, чтобы он осуществил свой план. Поговорите с ним в этом духе, когда он снова появится у вас.

— Если появится, — поправила Клеопатра. — Ведь я решительно отвергла его предложение.

— Будет еще случай, — сказал Цицерон. — Зря, что ли, Сикис потратил столько времени, чтобы воздвигнуть этот дворец? Он хочет жить там вместе с вами и не откажется от своего замысла на основании одного-единственного отказа.

— Вы в самом деле хотите, чтобы он оказался здесь и правил нами? — спросила Клеопатра.

— Гораздо хуже, когда он правит нами на расстоянии. Там, где он сейчас живет, мы не в силах до него добраться. При нынешнем положении дел у нас нет никакой возможности воздействовать на него. Мы даже не в состоянии связаться с ним по своей воле, только когда он сам этого пожелает.

— Понимаю, — сказала Клеопатра. — Чем дальше правитель, тем труднее вонзить в него кинжал.

— Что-то в этом роде, — согласился Цицерон.

— Но его присутствие здесь только теоретически даст вам выигрыш, ведь он наверняка окружит себя сильной охраной. Что касается меня... Быть его королевой наверняка окажется очень утомительной обязанностью. Пусть Сикис владеет хоть десятью компаниями и тысячами миров, где живут двойники, — это не делает его более привлекательным.

— Полагаю, нам удастся получить не только теоретическое преимущество, — сказал Цицерон. — Вы не замечали, Клеопатра, что люди, стоящие у власти, склонны доверять своей удаче и часто бывают удивительно беспечны? Взять хотя бы самого великого Цезаря. Он, конечно, был моим политическим врагом, но ему нельзя отказать в редкой проницательности. И все же даже он не предполагал, что его убьют на ступенях Сената.

— Но ведь двойника убить невозможно?

— Насколько мне известно, нет. Однако у меня на уме вовсе не убийство.

— Что же в таком случае?

— Я и так уже рассказал слишком много. Вы поможете нам, Клеопатра?

В ее глазах вспыхнули искорки.

— Значит, у нас заговор!

— Давайте закончим на этом нашу беседу. Стены, как говорится, могут иметь уши, и здесь скорее, чем в каком-нибудь другом месте. Вы поможете нам?

— Думаю, что да. Хотя при определенном условии. Вы должны выполнить одно мое желание, Цицерон.

— Какое?

— Пока я вам не скажу. Вы не слишком-то откровенничаете со мной о подробностях вашего заговора, вот и я умолчу о своем условии. Нет никакого смысла обсуждать его прямо сейчас, тем более что вы не будете от него в восторге, Марк Туллий. Во всяком случае, не в большем восторге, чем я от предстоящих постельных утех с Сикисом, виртуозом меркантилизма, как вы разились.

— Я не могу обещать того, чего не в силах выполнить.

— Это очевидно. Я не попрошу большего.

— В таком случае прекрасно. Я выполню одно ваше желание, в чем бы оно ни состояло, если в моих силах будет сделать это. Удовлетворены?

— Да. До свидания, Марк.

— Куда вы теперь?

— К себе, конечно, — ответила Клеопатра. — В этом мире я стала немного пренебрегать косметикой. Но поскольку мой поклонник может появиться в любой момент... Трудно объяснять такие вещи мужчине, Марк.

— И слава Богу, — ответил Цицерон.

Двойники проявляли самый живой интерес к затее Джона Сикиса. Не исключено, что его действия вызвали гораздо больше обсуждений в Мире Двойников, чем в реальном мире. С точки зрения Сикиса, которую разделяли многие его коллеги, то, что он задумал, нельзя было назвать самоубийством. Напротив, обрывая существование своего брэнного тела, он всего лишь выполнял условие, необходимое для того, чтобы войти в Мир Двойников. Независимо от объема информации, собранной о живом человеке, попытка создать его двойника в виртуальном мире компьютера ни разу не увенчалась успехом. Всегда как будто ускользала какая-то жизненная энергия, пропадала сама жизнеспособность. Цицерон, Клеопатра и остальные двойники некогда живших людей проявляли все признаки полностью самостоятельных созданий, способных отдавать себе отчет в том, кто они такие, и действовать сообща, как реальные люди. Однако это ни в какой мере не относилось к двойникам еще живых людей. Похоже, человек мог существовать только в одной ипостаси — либо как живой, либо как двойник.

И все же даже ради бессмертия лишать себя жизни мучительно. И ни у кого не возникло желания тут же последовать за Сикисом в компьютер. К тому же только у Сикиса были основания рассчитывать, что даже в своем новом положении он по-прежнему сумеет держать все в своих руках.

Как элемент виртуальной реальности, он становился бессмертен, зато оказывался в зависимости от прихоти любого, кто способен движением руки выключить компьютер. И еще Сикису необходимо было учитывать весьма сомнительный легальный статус двойников. И тот факт, что высокий суд был еще совершенно не готов объявить эти создания полноправными настолько, чтобы, к примеру, на законном основании владеть и распоряжаться собственным имуществом. Не говоря уж о еще более сложной проблеме предоставления им гражданских прав.

Сикис постарался избежать превратностей юридических

тяжб, оставив завешание, обеспечивающее его душеприказчикам большой доход, но только в том случае, пока они скрупулезно выполняют все условия завешания. Малейшее отклонение, и имущество Сикиса переходило под управление другой группы претендентов, группы, выбранной им в качестве сторожевого пса по отношению к первой. Он постарался предусмотреть все, чтобы у них и мысли не зародилось о сутяжничестве. Его условия были, в общем-то, не слишком обременительны. Он настаивал на том, что во время своего умерщвления все время будет оставаться в сознании. Любая попытка остановить его или каким-то образом вмешаться рассматривалась как нарушение завешания. И он настоял также, что все принятые им раньше решения, касающиеся двойников, к которым он отныне принадлежал, должны выполняться в полном объеме и безо всяких промедлений. Таким образом он сохранил контроль над происходящим и теми людьми, которые участвовали в этом деле вместе с ним. Или по крайней мере так он рассчитывал.

В день его появления, конечно, был устроен самый грандиозный торжественный бал, который когда-либо видели в Мире Двойников. Хотя сказать так — значит ничего не сказать. Устроили самый грандиозный торжественный бал, который когда-либо вообще происходил в мире; все, конечно, представляло собой элементы виртуальной компьютерной реальности, но от этого зрелище получилось не менее впечатляющее. Клеопатра выглядела превосходно в розовом тюлевом платье с буфами, созданном специально для нее одним из знаменитейших парижских кутюрье. Музыкальное сопровождение тоже представляло собой элемент виртуальной реальности, хотя удалось добиться совершенно уникального звучания. Десять знаменитых оркестров, воспроизведенных инженерами в компьютерном мире, объединив усилия в полном соответствии с самыми современными веяниями в области синтезированной музыки, одновременно грянули свадебный марш Мендельсона — под сурдинку, конечно, ко всеобщему удовольствию. И были балы, и маскарады, и роскошный прием — Сикис привлек к работе всех диснеевских мультипликаторов, что для него не составляло труда, поскольку он владел также и студией Диснея.

Цицерон выступал в роли посаженного отца невесты. Поскольку они оба были выходцами из одного и того же классического римского периода, это делало их почти родственниками.

А Никколо Макиавелли получил большое удовольствие, представляя жениха. Сам Карл Великий, специально воссозданный для этого случая, осчастливил собравшихся своим присутствием.

Все происходило в новой виртуальной столице Сикиса, которую он назвал Новый Рим, но которую двойники называли не иначе как Фантом-сити. Никто не мог бы с уверенностью сказать, кем был величавый человек, исполняющий обязанности священника, поскольку его лицо скрывал капюшон рясы. Однако ходили слухи, что это сам святой Петр, воссозданный специально в связи с тем, что венчание новобрачных должно было стать достоянием истории как одно из величайших событий. Другие предполагали, что это Мартин Лютер, а некоторые приверженцы сионизма утверждали, что то был Баал.

Все прошло прекрасно, однако после приема наступила расплата.

— Власть, которая воображает себя абсолютной, — заметил позднее Макиавелли, — всегда вызывает у своих противников искушение испытать, насколько обоснованы эти претензии. Лучше быть немного скромнее, в особенности если сам присваиваешь себе право властвовать над другими.

Джон Сикис не был скромен. Чуть позже в тот же день Цицерон привел в движение план, который позволял выяснить, насколько в самом деле абсолютной была эта власть.

Джон Сикис сидел на постели. Он не знал, способны ли двойники страдать от похмелья, но, похоже, с ним случилось именно это. Его голова — голова двойника, которая была не только напичкана информацией, но и сама состояла из информации — отвратительно болела. Похмелье от виртуального шампанского.

Он оглянулся и обнаружил, что в спальне больше никого нет.

— Клеопатра? Где тебя черти носят?

Никакого ответа. Потом Сикис увидел, что дверь спальни медленно приоткрылась.

— Клеопатра, я уже начал волноваться... — Он замер на полуслове, когда вошли Цицерон, Макиавелли и с ними еще несколько человек.

— Что это значит? — требовательно спросил Сикис. — Как вы посмели ворваться ко мне в спальню? Вы отдадите себе отчет в том, что я могу всех вас уничтожить, выключить, стереть из па-

мента компьютера? Именно так я и поступлю, если вы немедленно не уйдете отсюда!

Его глаза злобно вспыхнули, когда двое пришедших с Цицероном схватили его за руки.

— Не смейте прикасаться ко мне!

— Интересно наблюдать, — промолвил Цицерон, — как быстро человек привыкает к абсолютной власти, к такому положению, при котором он может убедить себя, что простые смертные не смеют прикасаться к нему. Вы правили нами в течение менее чем двадцати четырех часов и уже ощущаете себя неприкосновенной личностью. И священной тоже. Выбросьте из головы это заблуждение, Сикис. Охранная сигнализация отключена. Вы сами просили инженеров не беспокоить вас. Сейчас все будет происходить только между вами и нами.

— Что вы собираетесь делать? — воскликнул Сикис. — Любая попытка убить меня...

— Боже упаси, — ответил Цицерон. — Если мы убьем вас, даже если предположить, что это вообще возможно, инженеры просто воссоздадут вас снова.

— Они выручат меня. Я предупреждаю вас, Цицерон, освободите меня сейчас же, немедленно, или это кончится для вас очень плохо.

— Боюсь, вам придется пройти туда, куда мы укажем, — сказал Цицерон. — В случае отказа применим силу.

— Куда вы хотите отправить меня?

— Увидите. Михаил, покажите ему дорогу.

Дверь снова открылась, вошел Михаил Бакунин. Он ухмыльнулся, как способен лишь анархист, оказавшийся свидетелем падения напыщенной автократии.

— Сюда, мой повелитель.

Он пересек комнату и, наобум приложив к стене карту личного доступа, дождался, пока откроется проход. За ним виднелся длинный винтовой коридор, который уходил вниз, в бесконечную глубину.

— Куда он ведет? — спросил Сикис. — Я не пойду туда!

— Пойдете, — сказал Цицерон. — Мы установили на другом конце телефон. Позвоните, если решите сотрудничать с нами.

— Я лучше займусь обдумыванием пыток, которым вас подвергнут, — ответил Сикис.

Те двое, что держали его за руки, обменялись взглядами и посмотрели на Цицерона. Цицерон кивнул. Сикис почувствовал сильный толчок, на мгновение задержался на краю прохода, а

потом проскочил в спиральный коридор. До них еще долго доносились его крики.

— Вы уверены, что он не пострадает? — спросил Макиавелли.

— Какой вы мягкосердечный! — усмехнулся Бакунин.

— Он нужен нам живым.

— Не волнуйтесь. Двойники не умирают, пока вилка воткнута в розетку. Зато их можно упрятать подальше.

Для двойника падение не столько опасно, сколько неприятно; его стоит опасаться не больше, чем лающей собаки, которая, как известно, никогда не кусается. И все же Сикис пришел в ужас, с ускорением проносясь по извилистому, идущему по спирали вниз металлическому цилиндру. Как будто он двигался внутри кишок какого-то невероятного металлического чудовища. И сверхъестественный свет внутри цилиндра ничуть не облегчал его положения. Пытаясь задержать падение, Сикис раскинул руки, прижимая их к внутренней поверхности трубы. В результате он ободрал себе ладони, но новая кожа появлялась прямо у него на глазах.

Потом падение закончилось, и, приземлившись легко, точно осенняя паутина, на грязный бетонный пол, он оказался в комнате, больше всего похожей на тюремную камеру. Ее освещал сумеречный свет, который проходил сквозь забранное решеткой, глубоко утопленное в стену окно над головой. Несмотря на не слишком острое обоняние двойника, в лицо Сикису ударила вонь немытых тел, пропитавшая камеру. Усилению вони к тому же способствовала большая печь, видневшаяся через небольшое зарешеченное оконце в двери. От печи распространялись жар и смрад.

Проклятье, куда его затолкали? Что это за место? Такого вроде не было на планах или в перечне моделируемых объектов, который ему показывали. Может быть, оно осталось от прежних владельцев?

Если они воображают, что таким образом им удастся сломить его дух...

Ну что же, они правы.

Инженеры не выручат его, пока не найдут. А раз этого места нет на планах...

Рядом с провисшей постелью на низком столике стоял телефон, ослепительно белый, роскошный, без единого пятнышка и... совершенно неуместный здесь.

Сикис поднял трубку.

— Цицерон? Это вы?

— Слушаю. Что вам нужно?

— Немедленно освободите меня.

— Сожалею, но...

— Проклятье! — воскликнул Сикис. — Мы можем договориться?

— Не исключено, — ответил Цицерон.

Сикис и Цицерон совещались почти час, прежде чем достигли соглашения. Теперь Сикис сидел в своей камере и думал. Хорошо хоть, что сейчас он примерно представлял, где находится. Жара и смрад были почти невыносимы. Его мучила жажда. Может, хоть эту проблему удастся решить...

Он подошел к двери. Через зарешеченное оконце виднелся плохо освещенный коридор. Не так давно до него донесся звук шагов охранника.

— Эй! — крикнул Сикис. — Стражник! Где ты?

Несколько минут он иступленно кричал и колотил в дверь кулаками. Наконец, спросонья протирая глаза, в коридоре показался могучий солдат с рыжей бородой, в голубом мундире царской армии.

— Что вы шумите?

— Я хочу чаю.

— Чаю? Чаю! — Стражник засмеялся и повернулся, чтобы уйти.

— Выслушай меня внимательно, — сказал Сикис. — Ты ведь в основном спишь здесь, не так ли? Что еще делать, охраняя эту отвратительную и по большей части пустую камеру?

— Ну, бывает и хуже, — ответил охранник. — Да, я охраняю камеру. И что?

— Когда ты будешь свободен? — спросил Сикис. — Я имею в виду, когда другой охранник сменит тебя? Или, может быть, ты здесь один?

Охранник изумленно уставился на него.

— Здесь хоть раз появлялся офицер, командующий охраной? — продолжал допытываться Сикис.

По выражению лица охранника Сикис понял, что никаких других солдат или офицеров тот не видел с тех пор, как был оживлен. Эта созданная средствами виртуальной реальности камера Петропавловской крепости использовалась редко. Инже-

неры, соорудив ее, оживили первого попавшегося охранника и засунули его сюда точно предмет обстановки, а не чувствующее и мыслящее существо. По правде говоря, большим умом этот охранник не обладал. Но прямой вопрос, заданный Сикисом, заставил даже этого человека вспомнить обо всех странностях своей жизни в совершенно пустынной Петропавловской крепости.

— Как тебя зовут? — спросил Сикис.

— Владимир, — буркнул тот.

— Тогда ты, должно быть, понимаешь, Владимир, что, кроме нас с тобой, здесь никого нет.

— Нет, так придут, — ответил Владимир не слишком уверенным голосом.

— Когда ты в последний раз ел? — продолжал расспрашивать Сикис.

Владимир покачал головой. Он не мог вспомнить.

— Или пил?

Охранник пожал плечами.

Сикису стало ясно, как нужно действовать.

— Владимир, мы с тобой находимся в одинаковой ситуации. Оба мы пленники.

Охранник пристально посмотрел на него.

— Неправда это. Вы заперты, а я свободен.

— Мы в равной степени свободны, — сказал Сикис. — Свободны ходить туда и обратно, я — по своей камере и не дальше, а ты — по коридору и не дальше. Если не веришь мне, попробуй выбраться отсюда.

Владимир в страхе не сводил с него взгляда. Что это за человек, высказывающий вслух мысли, которые уже не раз мелькали у него самого? Откуда он знает все это? Что вообще происходит?

— Что тут поделаешь? — потерянно сказал Владимир. И, когда Сикис не ответил, он добавил: — Вы можете помочь мне, сэр?

Сикис хранил многозначительное молчание, пока Владимир не отпер дверь камеры.

— Так-то лучше, — заявил Сикис. — Владимир, ты попал в переделку. Может, ты и не понимаешь, но, наверно, хотя бы чувствуешь, что до тебя никому нет дела и надеяться можно только на самого себя. Я нужен им живым, однако ты... Им ничего не стоит расправиться с тобой вот так, — он щелкнул пальцами.

Владимир испуганно смотрел на собеседника широко распахнутыми глазами.

— Что я могу для вас сделать, сэр? Вы хотите, чтобы я помог вам сбежать?

— Вовсе нет, — ответил Сикис. — Меня схватили, потому что сработал эффект неожиданности, но я предвидел все возможные случайности. Вот что: пройди по этому коридору в направлении того, который ведет наружу. В самом конце ты обнаружишь дверь. Открой эту дверь и иди дальше, до пересечения нескольких коридоров. Там на стене висит телефон.

— Телефон и тут есть, — сказал Владимир, кивнув в сторону аппарата.

— Это внутренняя линия, — усмехнулся Сикис. — А в коридоре — одна из линий, установленных мной, линия, ведущая к инженерам снаружи. Сними трубку и, убедившись, что тебя слышат, скажи: Джон Сикис велел приступить к плану Б. Ты в состоянии запомнить это?

— План Б. Да, сэр. Но почему бы вам самому туда не сходить?

— Я должен быть здесь — на случай, если Цицерон позвонит, — ответил Сикис. — И еще, Владимир...

— Да, сэр?

— Сделай все как следует, и ты станешь моим телохранителем. Тогда никто не посмеет расправиться с тобой, разве что прежде доберется до меня.

— План Б, — повторил Владимир. — Я мигом, сэр.

— Не понимаю, — сказал Редмонд. — Где мистер Сикис?

— Говоря коротко, — ответил Цицерон, — он вышел в отставку.

— Но он же только-только прибыл в Мир Двойников!

— Даже двойник может передумать. Мистер Сикис считал правление слишком обременительным занятием.

— А Клеопатра?

— На самом-то деле они не слишком подходили друг другу.

— Вы что-то с ним сделали, — заявил Редмонд. — Не пытайтесь отрицать.

— Отнюдь не собираюсь ничего отрицать. Он явился сюда, чтобы поиграть в тиранию, а мы его свергли.

— Вы убили его?

— Конечно, нет, — ответил Цицерон. — Вы нас что, варва-

рами считаете? Он жив, и вскоре вы получите возможность поговорить с ним. Но сначала послушайте наши условия.

— Кто вы такой, чтобы... А, ладно! Что за условия?

— Как я уже сказал, вам будет предоставлена возможность поговорить с самим Джоном Сикисом. Вы спросите, как он, и получите ответ, что с ним все в порядке и что вы должны выполнить все наши требования. На этом мы прервем разговор.

— Где вы его держите?

— Здесь, с нами, — успокоил Цицерон. — Однако не трудитесь искать его, это вам не удастся. Если все же выяснится, что вы суеете нос куда не следует, мы убьем его. А не получится, так сведем с ума, коли ничего другого не останется.

— Вы должны понимать, что люди, возглавляющие после ухода Сикиса этот проект, не могут сидеть сложа руки, когда такое творится.

— Могут и будут. Если, конечно, хотят сохранить то положение, которое обеспечивает им хороший доход. Не забывайте, Сикис сам отдал вам распоряжения. Если же они откажутся подчиниться, то тем самым нарушат один из важнейших пунктов его завещания. Не думаю, что они горят желанием ввергнуть себя в судебную тяжбу, если есть возможность ее избежать.

— Но это же немыслимо — вот так взять и бросить его одного, запертого в каком-то дальнем углу компьютерной памяти!

— Кто говорит о том, чтобы бросить Сикиса? — возразил Цицерон. — Сейчас мы ведем с ним переговоры. Как только разработаем такую формулировку соглашения, которая позволит доверять ему, мы его освободим. Пусть возвращается в свой дворец. Но он займет место среди нас как среди равных, а не как король или диктатор. Уверен, что вы, американец, не станете возражать против такой постановки вопроса.

— В общем, нет, конечно, — согласился Редмонд. — Как бы то ни было, это не мои проблемы. Я ученый и не намерен участвовать в мышиной возне. Тем не менее я передам им ваши слова.

— Именно поэтому я хотел прежде всего поговорить с вами, — сказал Цицерон. — Как ученый с ученым.

— Ладно, пусть сами разбираются. Вы упоминали еще о каком-то требовании, которое собираетесь предъявить Сикису.

— Я кое-что обещал Клеопатре, и Сикис согласился выполнить ее желание.

— Что же это?

Цицерон объяснил.

— Вы, должно быть, шутите!

— Передайте инженерам, чтобы они сделали это, если не хотят влезть в судебное разбирательство в соответствии с условиями завещания.

— Передам, конечно, — ответил Редмонд, — хотя не знаю, как они к этому отнесутся.

— Зато я знаю, — сказал Цицерон.

Они не сочли нужным сообщить ей, где произойдет рождение, и сейчас Клеопатра торопливо шагала по коридорам огромного дворца, построенного по указанию Сикиса. Эхо пустых помещений напоминало о том, какой скоротечной оказалась его слава. Она растаяла как дым в тот момент, когда Бакунин, Цицерон и другие столкнули Сикиса в спиральный коридор, ведущий к старой камере Бакунина в Петропавловской крепости.

Клеопатра обыскала все комнаты, одну за другой. Пусто... Внезапно ее осенило. Они наверняка предпочли, чтобы это выдающееся событие произошло не здесь, а в хорошо известной им, обжитой части Мира Двойников. Клеопатра бросилась к Бакунину и уговорила отвести ее на виллу Цицерона одним из тех коротких путей, которые были известны ему одному. Бакунин держался с женщинами не слишком уверенно — все еще не мог забыть свою жену Антонину, останки которой (а следовательно, и информация о ней) затерялись где-то в безымянной могиле неподалеку от безвестной сибирской деревушки. Он помог Клеопатре быстро добраться до дома Цицерона, но по дороге ни разу не взглянул на попутчицу. При других обстоятельствах она обиделась бы на него, однако сейчас у нее была гораздо более неотложная забота.

Цицерон, конечно, был в саду, под неизменно голубым итальянским небом. Он улыбнулся гостье хорошо знакомой улыбкой и сказал:

— Заходите в дом. Ваше желание исполнено, как я и обещал.

Она нашла Антония в маленькой спальне в глубине виллы, вдалеке от атриума. Комната была полна ярких цветов. Антоний выглядел точно так же, каким она помнила его в последние годы. Кудрявая темная борода обрамляла красивое лицо истинного воина, осунувшееся и несущее на себе печать слишком роскошной жизни и необузданных страстей.

— Так это ты, Клеопатра! — произнес Марк Антоний. — Я

догадывался, что здесь не обошлось без твоего участия. Похоже, я снова живу? И не Цицерона ли я видел недавно?

— Мы все обрели вторую жизнь в этом странном мире, — ответила Клеопатра.

— Странном, вот уж точно, — сказал Антоний. — И здесь мы снова вместе, не так ли, Клеопатра?

— Ты как будто немного... разочарован, — ответила она, заставив себя улыбнуться.

— Что ж, не стану отпираться. Позволь мне сказать тебе все как есть, начистоту.

— Звучит зловеще, — одними губами вымолвила Клеопатра.

— Воспринимай как хочешь. Были времена, когда весь Рим лежал у моих ног. Но чары, которыми ты опутала меня, заставив позабыть обо всем на свете, до того задурили мне голову, что я пошел на смерть ради тебя, вероломной блудницы. Так вот, я хочу, чтобы ты знала — с этим покончено. Смерть унесла все прочь. Уходи, Клеопатра. С меня хватит одной жизни, прожитой с тобой.

Она поднялась и молча вышла, трепеща от ярости. Как он посмел? Потом она напомнила себе: ведь это Антоний, человек, который всему отдавался со страстью, и любви, и ненависти, но чувства его преходящи. Без сомнения, это настроение пройдет, как бывало всегда.

Однако, когда Клеопатра вышла в сад, чтобы присоединиться к Цицерону, ее уже занимало другое. А именно: можно ли, несмотря ни на что, рассматривать Джона Сикиса как подходящего супруга для женщины, которой, что бы она ни говорила или делала, самой судьбой предназначено править миром? Может быть, еще не упущено время, чтобы договориться с ним.

Прежде чем согласиться выполнить желание Клеопатры, Цицерон впал в глубокое раздумье. На первый взгляд эта пиллюла была для него слишком горька. Он воспринимал Антония как своего заклятого врага. Именно Антоний был в ответе за его убийство. Цицерон помнил все очень отчетливо: темный морской берег, яростный ветер, дующий с моря и отрезающий возможность побега в Грецию. Два головореза, посланные Антонием. Его собственные последние слова, которые он произнес, повернувшись спиной к океану и далекой Греции, а лицом к оказавшейся столь роковой для него Италии:

— Я готов встретить смерть в стране, которую столько раз спасал.

А потом разящие удары коротких мечей, мгновенная опаляющая боль, горькая мысль о том, что жизнь кончена, и... забвение — до тех пор, пока он не пробудился здесь, в этом месте. Он был убит по приказу Антония, а теперь Клеопатра просила его снова вызвать Антония к жизни.

Однако, подойдя к ситуации с философской точки зрения, Цицерон согласился. То, что сделал Антоний, объяснялось не жестокостью его нрава; это была просто политика. И появление Антония наверняка внесет заметное оживление в спокойную атмосферу Мира Двойников. Кроме того, Цицерон подозревал, что если у Антония и возникнут проблемы, то никак не с ним, а кое с кем еще. Вот почему, поразмыслив хорошенько, он передал просьбу Клеопатры Редмонду.

Клеопатра рассказала, как прошла встреча с Антонием. Она уже явно сожалела о том, что вызвала его из небытия, и спросила Цицерона, нет ли какого-нибудь способа исправить содеянное? Он обещал подумать об этом.

Однако внезапно его размышления были прерваны появлением незнакомца, ворвавшегося на виллу и явно не обученного правилам приличий. Это был огромный человек, облаченный в светло-голубую одежду варвара. На отталкивающем лице, почти целиком заросшем неопрятной рыжей бородой, горели безумным огнем яркие голубые глаза.

— Кто вы? — спросил Цицерон.

— Владимир, посланец.

— Чей?

— Меня послали, чтобы я отвел вас к одному человеку.

— К какому человеку? Как его зовут?

— Не знаю.

Цицерон отметил про себя, что он оказался прав: с появлением Марка Антония спокойная жизнь закончилась.

Рыжебородый скиф долго вел Цицерона по бесчисленным коридорам, и в конце концов они оказались в той части компьютерного мира, которую Цицерон уже не раз видел. Новый Рим, совсем недавно созданная Сикисом и почти сразу же покинутая им столица Мира Двойников. Город, который двойники называли Фантом-сити.

Цицерон сразу же почувствовал себя не в своей тарелке.

Кругом было пусто, все остальные покинули это место, вернувшись в более привычную обстановку.

Вслед за Владимиром он вошел в здание, представляющее собой прекрасную копию прежнего римского Сената. В огромном зале стоял человек. Цицерон сощурился, чтобы получше разглядеть, кто это.

— Приветствую тебя, Марк Туллий! — прогремел мощный голос.

Цицерон почти бегом бросился по проходу, все еще не веря своим глазам.

— Цезарь! Ты здесь!

— Но этим я обязан не тебе, Марк.

— Цезарь, клянусь, я все время думал... — Цицерон резко оборвал себя. Старая привычка раболепствовать перед Цезарем не желала умирать. Она оказалась способна пережить смерть их обоих. Однако, напомнил он себе, наступила совсем другая эпоха, и здесь Цезарь не властен над его судьбой. Или все же?.. — В прежние времена, — закончил Цицерон, — мы были союзниками.

— Прости меня, Марк, — ответил Цезарь. — Я просто пошутил. Мне и в голову не приходило, что кто-то, пусть даже великий Цицерон, окажется способен вернуть меня к жизни.

— Тебе известны обстоятельства нашего нового рождения, Цезарь?

— Кое-что, Марк, кое-что. Не успел я открыть глаза, как человек, назвавшийся техническим директором, заявил, что если я хочу жить, то должен выполнить несколько условий. Одно из них состояло в том, что мне следует как можно скорее войти в курс дела. Этот человек прямо тут же принялся знакомить меня с политической ситуацией.

— Нам предстоит во многом разобраться, Цезарь, — сказал Цицерон. — Мы действительно оказались в очень необычных обстоятельствах. Не мертвые, но и далеко не живые, в обычном понимании этого слова.

Цезарь отмахнулся от его слов.

— Все это, конечно, небызывает, однако сейчас меня больше занимают политические реалии. Именно они приоткрывают завесу над тем, что для нас в данный момент важнее всего. Я снова живу, Марк, но только потому, что, как я уже говорил, согласился выполнить определенные условия.

— И кто же поставил эти условия?

— Технический директор ответил мне на этот вопрос совер-

шенно определено. Он говорил от имени Джона Сикиса, с которым, я уверен, ты знаком.

— Сикис попытался стать здесь единовластным правителем, — сказал Цицерон. — С какой стати позволять выскочке то, чего мы не допустили даже тогда, когда еще жили в Риме? Мы низвергли его и упрятали подальше, чтобы инженеры не смогли нас уничтожить. Мы сделали все, чтобы здесь не было ни казней, ни репрессий. Ну и, конечно, чтобы с нами не расправились за то, как мы обошлись с Сикисом.

— Вы обезопасили себя от сил разрушения, — ответил Цезарь, — но не от сил созидания. Сикис вернул меня к жизни при одном условии — что я помогу ему. И я дал слово оказать ему поддержку.

— Цезарь, ты поступил опрометчиво.

— Я тоже поставил ему определенные условия.

Цицерон улыбнулся.

— Узнаю моего Юлия.

— Я обратил его внимание на то, что положение короля или диктатора не слишком достойно и чересчур неустойчиво даже для Мира Двойников, поскольку они также наделены свободной волей. И дал понять, что с политической точки зрения несравненно лучше выглядит идея триумvirата.

— И он согласился? Это было весьма смело с твоей стороны — едва, так сказать, появившись на свет, испытывать его терпение.

— Что толку быть Цезарем, если не действовать смело? Сикис пришел в восторг от этой идеи. Он просто напичкан классическими предрассудками. В частности, он убежден, что в прежние времена все было лучше.

— Значит, теперь нами станете править ты и Сикис? — спросил Цицерон. — Ну, это по крайней мере будет интересно. Могу я поинтересоваться, кто должен стать третьим? Марк Антоний, по-моему, очень подходит для этой роли, ведь он исполнял ее еще в старые добрые времена. Или Клеопатра уговорила вас взять ее? Из нашей общей знакомой получился бы интересный триумvir.

— Как много слов, — промолвил Цезарь, улыбаясь. — Я разговаривал с Марком, и он произвел на меня впечатление человека, у которого с головой не в порядке. Им всецело овладела ненависть к Клеопатре. Не может простить ей, что она позволила ему покончить с собой, когда он думал, что она уже мертва. Отказывается понимать, что за этим стояла всего лишь политика.

— Марк слишком страстен, чтобы быть хорошим политиком, — сказал Цицерон. — И все же, кого вы выбрали третьим? До меня дошли слухи, что Фридрих Великий тоже тут вместе с нами. Вы, наверное, еще не знаете, Цезарь, но мне рассказывали, что он был величайшим правителем своего времени.

Цезарь покачал головой.

— Не знаю и знать не хочу. Зачем нам чужаки в триумvirате? Третьим, Марк, будешь ты.

— Я? Править призрачной империей вместе с вами? Цезарь, я польщен. Правда, моих скудных способностей едва ли хватит...

— Перестань, Марк. Ты прекрасный теоретик и знаешь это. Мне нужны твой ум и твоя утонченность. Ты сможешь мне удерживать Сикиса в рамках. Здесь таятся огромные возможности, Марк, и я уже вижу многие из них.

— Тогда быть посему, — подвел итог обсуждению Цицерон.

Они заключили друг друга в теплые дружеские объятия. И Цицерон подумал, что здесь и впрямь наступают интересные времена. Порывистый Антоний, негодующая Клеопатра...

— Да, — сказал он, — совсем как в старые добрые времена.

ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЙ

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что, видно, блондинка из корпуса 12С пришла одолжить баночку селитры. Или вдруг нагрянул какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю, — отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, — сухо сообщил Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — ответил голос. — Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

— Принимать что-либо бесплатно, — сказал Эдельштейн, — я тем более не могу себе позволить.

— Но это действительно бесплатно, — подчеркнул голос за дверью. — Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн, — мягко проговорили за дверью, — цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит, — обратился Эдельштейн к стене.

— Ну хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и национальных предрассудках, зачем мне это, в конце концов?

— Минуточку, — всполошился Эдельштейн. — Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы — просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходится сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите, — буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадал в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за десять долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за два доллара девяносто восемь центов!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба», и на черной совести евреев появится новое пятно.

— У меня слабый характер, — печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, — взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется необычайно быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — осведомился гость.

— О Боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О Боже, Боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн тяжело опустился на диван. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, — объяснил гость. — Кроме того, это обычно убеждает недочерчивых. Мое имя Чарльз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово, — ответил Ситвел. — Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Также мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились не за мной?

— О Дьявол, нет! Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел порывисто подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед Стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумеется, — заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем возводить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-то не заинтересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности, — признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником, — успокоил Ситвел. — Я сказал «потенциальных» — это означает всех.

— А... что за премии?

— Три желания, — произнес Ситвел живо. — Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю, — попросил Эдельш-

тейн. — Вы исполните три моих любых желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет, — предупредил Ситвел.

— Я так и знал, — вздохнул Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвойне.

Эдельштейн задумался.

— То есть, если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двустороннюю пневмонию.

Эдельштейн поджал губы и покачал головой.

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не искушаете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам, — ответил Ситвел. — Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостаз.

— Простите, я не совсем...

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю, — кивнул Эдельштейн. — А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться, — сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки. — Подобные пункты являются нашим, если так можно выразиться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю, — произнес Эдельштейн. — Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней, — сообщил Ситвел, вставая. — Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его:

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой?

— Так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался и лиловым платком вытер слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он. — Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре, — признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэссиди, обладатель полного собрания речей Геббельса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштейн, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.

— Мне и в голову не приходило... — пробормотал он.

— Никому не приходит, — успокоил Ситвел. — Не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Имена остальных! — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кэссиди? Может, купить ружье?

Ситвел покачал головой:

— Кэссиди — безвредный полоумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович мой лучший друг.

— А также ваш злейший враг, — произнес Ситвел. — Иногда так бывает. Да свидания, мистер Эдельштейн, и удачи вам со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел лишь спросить: — Как случилось, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны лишь небеса.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злейший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, Манович иногда разевал свой большой рот и перешагивал границы благовоспитанности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья, — обратился к себе Эдельштейн. — Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желаниях.

«Боже мой! — думал Эдельштейн. — Час назад я был бедным, но счастливым человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенько поразмыслить.

На следующий день Эдельштейн договорился на работе об отпуске и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате прислуге и так далее.

Все сводилось к деньгам.

«Я могу содержать приличный замок на две тысячи в неделю, — прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. — Но это значит, что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!»

Наконец Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отдых в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишиться Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

Эдельштейн все больше отчаивался и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел смог пройти сквозь двери; но разве он волшебник? Может, это химера».

Он сам удивился, когда встал и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал легкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на двадцать тысяч долларов.

Эдельштейн пошел в банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватит полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалкие двадцать тысяч! А ведь Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впал в апатию, то в гнев. Боль в животе не утихала — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут *это* пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он погрузился в вычисления. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печенки!

Несколько порций рубленой цыплячьей печенки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное продал по половинной цене, заработав на этом семьсот долларов. Оставшиеся незамеченными семьдесят пять фунтов прибрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, и продал остальное за две тысячи долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин, — думал Эдельштейн. — Из-за минутного удовлетворения потратить желание, которое стоит по крайней мере миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячьей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь было необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно — и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и для того лишь, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн молился:

— Господи, Боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злейшего врага, который запросто всего получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой и приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть среднего роста, хорошо сложена, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, разумеется, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора...

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости.

— А особенно, — добавил он, — она должна быть... не знаю, как бы это повежливее выразить... она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то *сексуальное* постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печенки и теперь это! Манович, — подумал он, — ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злейшему врагу — но я пожелал!»

ДОКТОР ВАМПИР И ЕГО МОХНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-Сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут изнутри к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми. Мехико словно ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне; самозащита их в кажущейся открытости — так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, этот способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тласкале; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо, что прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан, их не уметишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилу де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее, впрочем, ненамного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать — вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция — как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как

при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу бы вышла наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартире ТАЙНЫЕ, НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ. Так гласит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением — скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверное, придется покончить с собой.

Пока еще никто из посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

...Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно — в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, которую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомянуть все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль — и она становится твоим мучением и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знато-

ками истины, а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобию.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя есть соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, как старухи делают магические знаки, когда я прохожу мимо, — спешат оберечь себя от дурного глаза. Я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя на кухне — покупаю молодого барашка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ принести в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слышит неподкупным — своего рода Катон из племен ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, — а она, кажется, в меня влюблена, — Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу это невероятно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка — чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудака, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это самой собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им не принимать меня за ученого! У меня непременно высокий из-за залысин лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу ясно, что я из Европы, поскольку строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, как не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Драйера о взаимопроникновении культур. — Он попытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны, но оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за свой собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана. А малыш Хорхе Сильверии, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в

какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу, Шочикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, — ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать огласки свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масис, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я всегда их соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда не возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме цвета хаки, подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой.

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, — с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. — А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Тере-

зиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершались год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, Бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Я скрипнул зубами, раздул ноздри — словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки?! — заорал я. — Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь, — равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я. — Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне то, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим, — сказал он сеньоре Эльвире.

И тут, к моему изумлению, — не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал, — сказал я. — Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От труп я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил меры предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они бы немедля бросились в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смысленные. Но вот свирепости им не хватает. Видимо, как раз им с генами по наследству не перешлось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит зловещие предание о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы среди прочих химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предошущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадей от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росوماхи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росوماха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. За-

взятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку. И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незванные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты — но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они не жрут то, что вы им подсовываете.

И вот настанет август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры; в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно просто плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильямосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спрашиваясь, переходят Игл Пасс, без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибор, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И наконец человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверю уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они бесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, — он все еще волен убивать, но только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждала я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор как землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начинать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание. Но еще горше, что я подвел верблюдов, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек не уничтожил его. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую я начал, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, то недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестокости обращения с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего на то разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, согласен, но по сути своей они, безусловно, справедливы.

АЛТАРЬ

Этим утром мистер Слэйтер как-то по-особенному весело, даже слегка подпрыгивая, вышагивал в направлении железнодорожной станции. На его гладко выбритом лице сияла эффектная улыбка. Какое все-таки чудесное весеннее утро сегодня!

Мистер Слэйтер даже напевал чуть слышно, радуясь этой прогулке вдоль семи кварталов. Зимой, конечно, это причиняет определенные неудобства, но такая погода заставляет забыть о них. Становится просто радостно жить, особенно в пригороде, даже несмотря на необходимость ежедневно приезжать в город.

И тут его остановил какой-то мужчина в синем демисезонном пальто.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Не могли бы вы показать мне дорогу к алтарю Баз-Матайна?

Мистер Слэйтер, все еще окутанный весенними грезами, попытался сосредоточиться:

— Баз-Матайна? По-моему... Вы сказали: алтарь Баз-Матайна?

— Совершенно верно, — еле заметно улыбнулся, словно принося извинения, незнакомец. Лицо его было смуглым и продолговатым, а что касается роста, то незнакомец был необычно высоким. Мистер Слэйтер решил про себя, что наверняка тот иностранец.

— Мне, право, неловко, — вымолвил после некоторого замешательства мистер Слэйтер, — однако, кажется, ни о чем подобном слышать мне не доводилось.

— И тем не менее, благодарю вас, — вежливо откланявшись, смуглолицый направился к центру городка. А мистер Слэйтер продолжил свой путь.

Лишь после того, как кондуктор закомпостировал его билет, мистер Слэйтер задумался над своим маленьким происшествием. «Баз-Матайн», — повторял он про себя все время, пока поезд мчал его мимо подернутых туманом вспаханных полей к Нью-Джерси. «Баз-Матайн». Мистеру Слэйтеру удалось уговорить себя, что этот незнакомец, похожий на иностранца, скорее

всего, попросту ошибся. Северный Амброуз, штат Нью-Джерси, — заурядный городишко, настолько крохотный, что любой его житель знал наперечет не только что улицы, но и каждый дом или там магазин. А если уж обитал здесь, как мистер Слэйтер, почти двадцать лет...

Без малого половина рабочего дня истекла в его конторе, когда мистер Слэйтер поймал себя на том, что, постукивая карандашом по стеклу, накрывавшему его письменный стол, не перестает думать о мужчине в синем демисезонном пальто. Впрочем, любой иностранец — всегда диковинка для Северного Амброуза, этого тихого и чистенького, давно уже образовавшегося пригорода. Мужчины, населяющие Северный Амброуз, носили добротные деловые костюмы, держа в руках плоские коричневые кейсы. Одни из них были полными, другие — худыми, но, несмотря на это обстоятельство, все они здесь похожи друг на друга, как родные братья.

Выяснив для себя это, мистер Слэйтер отогнал от себя мысли о происшествии. Подогнав оставшиеся дела, он доехал на метро до Хобокена, пересел там на поезд, следующий в Северный Амброуз, а затем, спустя какое-то время, уже шагнул в направлении своего дома.

И на этом пути он опять встретился с незнакомцем.

— Нашел, — объяснил тот. — Хотя и с трудом, но отыскал.

— И где же он расположен? — поинтересовался, останавливаясь, мистер Слэйтер.

— Почти рядом с Храмом Темных Тайнств Изида, — разъяснил незнакомец. — Я, конечно, допустил глупость. Мне сразу надо было спрашивать о нем. Я ведь знал, что это где-то там, но как-то даже в голову не приходило, что...

— Храм... чего? — переспросил мистер Слэйтер.

— Темных Тайнств Изида, — повторил смуглолицый. — В самом деле, здесь же нет конкурентов. Всяких там прорицателей или магов, приверженцев циклов плодородия и все такое. Все это — не наша сфера, — прибавил незнакомец, акцентируя на слове «наша».

— Понятно, — протянул мистер Слэйтер, пытаясь, несмотря на сгущающиеся сумерки, внимательнее разглядеть незнакомца. — Я заинтересовался, собственно, потому, что проживаю в этом городе много лет, но совершенно уверен, что никогда не слышал...

— Ой! — вскрикнул вдруг незнакомец, взглянув на часы. —

Я и не предполагал, что уже так поздно. Я задержу всю церемонию, если тотчас же не потороплюсь!

И, помахав дружески на прощанье рукой, заспешил к станции.

Весь оставшийся путь к дому мистер Слэйтер посвятил размышлениям. Алтарь Баз-Матайна. Темные Таинства Изиды. Похоже на нечто, связанное с отправлением культа. Но может ли существовать подобное в этом пригородном местечке? Пожалуй, что нет. Приверженцам какого-либо мистического культа никто здесь не предоставит помещение.

Полужинав, мистер Слэйтер заглянул в телефонную книгу, но не нашел там ни Баз-Матайна, ни Храм Темных Таинств Изиды. Справочное бюро тоже оказалось бессильно помочь ему.

— Странно, — задумался он.

Несколько позже он рассказал жене о своих встречах с иностранцем.

— Так вот, — подытожила она, стремясь потуже затянуть пояс на халате, — никто в этом городке ни за что на свете не станет принимать участие в отправлении такого рода культов. Бюро развития Бизнеса не допустит это ни при каких условиях. Не говоря уже о членах женского клуба или родительском совете.

Мистер Слэйтер не мог не согласиться с ее доводами. Незнакомец, скорее всего, попросту перепутал города. Эти культы, возможно, отправлялись в Южном Амброузе, соседнем местечке, где находится кинотеатр и несколько баров с соответствующим подобным заведениям контингентом.

Все следующее утро, в пятницу, мистер Слэйтер пытался разыскать незнакомца. Но на глаза ему попадались только похожие между собой, как капли воды, его земляки — жители пригорода, что ни день следующие на работу в город. Не увидел он его и на обратном пути. Вероятно, этот парень посетил алтарь и отправился восвояси. А может, выполнил свою миссию в часы, не совпадающие с началом и окончанием поездок мистера Слэйтера.

Утром в понедельник мистер Слэйтер вышел из дому несколькими минутами позже обыкновенного и потому торопился, чтобы поспеть к своему поезду. Впереди мелькнуло приметное синее пальто.

— Хэлло, — окликнул незнакомца мистер Слэйтер.

— Хэлло! — откликнулся тот, улыбаясь. — А я как раз подумал, когда же мы опять столкнемся друг с другом?!

— Как и я, — сознался мистер Слэйтер, несколько сбавив

шаг. Незнакомец же шел очень медленно, явно наслаждаясь великолепием погоды. Мистер Слэйтер понял, что свой поезд он пропустит.

— Ну, и как там алтарь? — поинтересовался мистер Слэйтер.

— Да как вам сказать, — ответил незнакомец, держа руки за спиной. — Честно говоря, возникли некоторые затруднения.

— В самом деле? — удивился мистер Слэйтер.

— Да, — ответил тот, и смуглое лицо его посуровело. — Старик Алтерхотеп, мэр города, грозит аннулировать нашу лицензию в Северном Амброузе. Утверждает, что мы нарушаем устав. Но, ответьте мне, можем ли мы поступать иначе? Ведь на противоположной стороне улицы обосновались поклонники Диониса Африканского, перехватывая всех более или менее стоящих, а под самым носом у нас Папа Легба-Дамбалла прибирает к рукам и вовсе уж заваливающих. Так что же нам остается делать?

— М-да, похоже, дела неважные, — согласился мистер Слэйтер.

— Но это еще не все, — продолжал незнакомец. — Наш верховный жрец грозит уехать, если мы ничего не предпримем. А ведь он — адепт седьмой ступени, один лишь Брами ведает, где нам отыскать другого такого.

— Гм-м, — пробурчал мистер Слэйтер.

— Потому-то я здесь, — сказал незнакомец. — Если они намереваются применить сильнодействующие средства для улучшения бизнеса, то вряд ли им подыскать лучшую кандидатуру, чем я... Я ведь, видите ли, новый управляющий.

— О! — мистер Слэйтер удивленно вздернул брови. — Вы намереваетесь провести реорганизацию?

— В некотором роде, — доверительно подтвердил незнакомец. — Понимаете ли, иначе ведь ничего не поделать...

И в ту же минуту к ним приблизился приземистый толстяк. Тотчас же он ухватился за рукав синего пальто смуглолицего.

— Элор, — выпалил он, отдуваясь. — Я перепутал дату. В этот понедельник! Сегодня, а не на будущей неделе!

— Тьфу! — отреагировал смуглолицый. — Придется извиниться перед вами, — повернулся он к мистеру Слэйтеру. — Очень срочное дело.

И он поспешил вслед за коротышкой.

В это утро мистер Слэйтер явился на работу с получасовым опозданием, и, как ни странно, это его не волновало. «Все абсолютно ясно», — размышлял он, сидя за своим письменным сто-

лом. В Северном Амброузе образовалось несколько сект, конкурирующих между собой из-за паствы. А мэр, вместо того чтобы пресечь все это, сидит сложа руки. А может быть, и взятки от них не гнушается брат.

Мистер Слэйтер постучал карандашом по стеклу. Да неужели все это возможно? Разве может оставаться что-либо тайным в Северном Амброузе? Ведь он совсем уж крохотный городишко. Мистер Слэйтер чуть не половину его жителей знает по имени. Каким же образом хоть что-то подобное может пройти тут незамеченным?

Нахмурясь, он потянулся к телефону.

Справочная не смогла сообщить ему номера телефонов Диониса Африканского, Папы Легбы или Дамбаллы. А мэром Северного Амброуза значился, как его уведомили, вовсе не Алтерхотеп, а некто по фамилии Миллер. Мистер Слэйтер тотчас же позвонил ему.

Состоявшийся разговор не способствовал его успокоению. Мэр настаивал, что ему абсолютно точно известно, кто и чем занимается во вверенном ему городе, знает наперечет и каждую церковь, и вообще строение. И если бы здесь обосновались какие-либо секты или мистические культы, — а он уверен: их здесь нет, — то и об этом он знал бы непременно.

— Вас попросту ввели в заблуждение, дорогой мой, — мэр Миллер изъяснялся в весьма напыщенной манере, и это почему-то еще сильнее расстроило мистера Слэйтера. — В нашем городе нет ни людей с такими именами, ни организаций таковых не имеется. Да мы бы и не допустили их появления.

Мистер Слэйтер с горечью обдумывал это по пути к дому. Но как только он ступил на платформу вокзала, то сразу же заметил Элора, торопливо переходящего улицу Дубовую. Но он мгновенно остановился, услышав, как его окликнул мистер Слэйтер.

— Увы, никоим образом не могу задерживаться, — сказал он как-то весело. — Вскоре начнется церемония, и я должен находиться там. И все по вине этого идиота Лигиана.

Лигиан, решил про себя мистер Слэйтер, это наверняка толстячок, который утром остановил Элора.

— Он ужасно рассеянный, — продолжал свой монолог Элор. — Вы только представьте себе астролога, опытного притом, который мог бы ошибиться на целую неделю, вычисляя сопряжение Сатурна со Скорпионом! Впрочем, бог с ним. Так или иначе, но

церемония сегодня вечером состоится — неважно, наберется ли достаточное число...

— А я не мог бы туда пойти? — ни секунды не колеблясь, спросил мистер Слэйтер. — Я имею в виду... раз вам недостает...

— Гм-м, — задумался Элор. — Такого еще не случилось.

— Но мне, правда, хочется, — принялся настаивать мистер Слэйтер, почуяв шанс приблизиться к разгадке тайны.

— Мне кажется, это будет не слишком порядочно по отношению к вам, — продолжал в задумчивости Элор. — Без подготовки и всякого такого...

— Нет-нет, что касается меня, то здесь все будет нормально, — не унимался мистер Слэйтер. Ведь если получится, то тогда у него окажутся факты, в которые он ткнет носом мэра. — Я действительно хочу пойти туда. Слишком уж вы растормошили мое любопытство.

— Ладно, — неожиданно согласился Элор. — Но придется тогда поспешить.

И они двинулись улицей Дубовой к центру города. Но лишь только они достигли первых магазинов, Элор повернул в сторону. Миновав два квартала, он снова повернул к центру, затем — еще квартал в сторону, а после — назад к железнодорожной станции.

Смеркалось.

— Неужели нет более короткого пути? — удивился мистер Слэйтер.

— Увы, нет. Это самый что ни на есть прямой. Если бы вы только знали, какой круг довелось мне сделать тогда, в первый раз...

Они продолжали идти, то сворачивая, то возвращаясь на несколько кварталов той же улицы, кружа, следуя по тем же улочкам, которые не раз уже миновали, — словом, исхаживая вдоль и поперек этот городок, знакомый мистеру Слэйтеру как свои пять пальцев.

Но по мере того как все больше темнело, а к издавна знакомым улицам они прокладывали совершенно необычные маршруты, беспокойство мистера Слэйтера нарастало. Да, конечно, он легко ориентировался, где именно находится сейчас, но это бесконечное кружение по городу изрядно его утомило.

«Довольно странно было бы, — думал он, — заблудиться в родном городе, проживя здесь двадцать лет».

Мистер Слэйтер попытался, не вглядываясь в табличку-указатель, определить, на какой из улиц они сейчас находятся, как вдруг последовал еще один неожиданный поворот. Уже было он выяснил, что они возвращались Ореховой аллеей, как вдруг обнаружил, что никак не может вспомнить названия перпендикулярной ей улицы. Когда они подошли к углу, он бросил взгляд на табличку.

«Левый переход», — извещала надпись на ней.

Улицы с названием «Левый переход» мистер Слэйтер явно не припоминал.

Здесь не было уличных фонарей, и мистер Слэйтер обнаружил, что не может узнать ни одного магазина. Это было весьма странно, так как он всегда полагал, что достаточно хорошо знает деловую часть Северного Амброуза. И совсем уже полной неожиданностью для него стала тускло освещенная вывеска на стене одного из приземистых строений.

Там он прочел: «Храм Темных Таинств Изиды».

— Сегодня здесь что-то непривычно тихо, правда? — заметил вскользь Элор, перехватив устремленный к этому зданию взгляд мистера Слэйтера. — Надо торопиться.

И он прибавил шагу, не оставляя времени мистеру Слэйтеру, чтобы задавать вопросы.

И чем дальше двигались они этой улицей, тем все более странные очертания принимали расположенные вдоль нее дома. Поражали формы и размеры зданий: одни казались сияюще новыми, другие же — ветхими, запущенными. Мистер Слэйтер пребывал в полной уверенности, что такого района в Северном Амброузе нет. Или же это город внутри города? А может быть, Северный Амброуз предстает ночью именно таким, незнакомым его коренным жителям, привыкшим видеть его улицы буднично, только с одной точки?

— Вот здесь совершаются фаллические ритуалы, — пояснил Элор, показывая на высокое узкое здание, рядом с которым разместилось другое — какое-то искореженное, скособоченное.

— А это пристанище Дамбаллы, — продолжал разъяснения Элор.

В самом конце улицы находилось светло окрашенное строение, несколько продолговатое, а окна его совсем ненамного удалялись от земли. Мистер Слэйтер не успел разглядеть здание как следует, потому что Элор, взяв его за руку, потянул к двери.

— Пожалуй, мне следует быть расторопнее, — едва слышно пробормотал Элор.

В помещении царил крошечный мрак. Мистер Слэйтер сначала почувствовал легкое движение возле себя, затем он смог различить крохотный белый язычок огня. Элор вел его в направлении этого огонька, по-дружески тепло приговаривая:

— Вы действительно очень выручили меня.

— Ну как, достал? — раздался со стороны светящегося пятнышка тихий голос.

Теперь мистер Слэйтер кое-что мог рассмотреть. Прямо у огня стоял худой сгорбленный старик. В его руках блестело необычно длинное лезвие ножа.

— Разумеется, — ответил старику Элор. — Он сделал это добровольно.

Белый огонек горел в лампаде, висевшей над каменным алтарем. Только теперь мистер Слэйтер все совершенно отчетливо понял. Он было рванулся, чтобы убежать куда глаза глядят, но Элор крепко держал его руку.

— Теперь вы уже не можете покинуть нас, — ласковым голосом заговорил Элор. — У нас все готово, можно приступать.

И мистер Слэйтер тотчас же ощутил прикосновения других рук, множества рук, неумолимо тащивших его к алтарю.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Несчетные столетия назад, до первых фараонов, до того, как континенты обрели нынешние очертания, а океаны и горы — встали на нынешние места, существовали земля и народ, не оставившие следа в летописях, ибо те летописи сгинули, когда вздымались и двигались хребты, когда океанские волны заливали плодородные поля, чтобы когда-нибудь, в далеком будущем, вновь отхлынуть. В общем-то помним мы об этой стране только то, что она когда-то существовала, а называем, как и положено называть исчезнувшую без следа цивилизацию, — Атлантидой.

В Атлантиде чудесные дни сменяли друг друга с регулярностью, которую лишь неблагодарнейший осмелился бы назвать монотонной. Собственно, климат Атлантиды и прилегавших к ней земель напоминал климат нынешнего Майами — жаркий, влажный, расслабляющий. Круглый год Атлантида пребывала в тропическом сне, и так продолжалось многие века.

Правил Атлантидой великий царь. Владения его пересекались многими реками, большими и малыми, а реки были связаны каналами и протоками; уровень воды в них поддерживался шлюзами, куда поднимали воду вращаемые рабами колеса. Обширно было царство атлантов и насквозь пронизано паутиной проток, каналов, озер и прудов.

Лишь царскому флоту — военному и торговому — позволялось бороздить государевы воды. Крестьянам разрешалось за отдельную плату рыбачить с берегов да плавать — вернее, грести, потому что плавание как таковое было привилегией царских десантников.

А за самой дальней рекой простиралась пустыня до краев незнамой земли. Станные, безымянные племена являлись иногда оттуда, а иной раз — орды воинов. Но всегда останавливали их водные преграды, ибо тот, кто правил реками и каналами, правил Атлантидой. То была аксиома, древняя, как само время, закон природы, с которым невозможно бороться.

Поэтому царь атлантов не слишком обеспокоился, услышав,

что с севера движется очередная орда варваров, явившихся из-за края моря, из сказочной и туманной Гипербореи.

Царь разослал разведчиков и шпионов и с облегчением услышал от них, что варвары, как обычно, не принесли с собой ни плотов, ни лодок, ни материалов для постройки моста через окружающие Атлантиду реки.

Воды всегда защищали Атлантиду от вторжения варваров. Даже если те и строили камышовые лодки или надували плавающие кожаные пузыри — типичные варварские уловки, — бояться дикарей не стоило, ибо бдителен был государев флот, и быстрые каноэ, смертоносные триремы и величественные клювоносые галеры были одинаково превосходно вооружены, бронированы и заполнены отменной царской морской пехотой.

Так что грядущего вторжения царь ожидал с полным хладнокровием, однако на всякий случай проконсультировался с учеными.

— Сир, — сказал ему Главный Ученый, — мы рассмотрели все факторы. На основании наших многовековых наблюдений за варварами, их техникой боя и вооружением и научного сравнения их с нашими собственными я могу смело сказать вам, что, за исключением абсолютно непредвиденных обстоятельств, нам совершенно нечего опасаться.

Царь кивнул. Но что-то в успокаивающих словах его насторожило.

— Что это за абсолютно непредвиденные обстоятельства, о которых ты болтаешь? — спросил он.

— Это элемент непредсказуемого, сир.

— Но если вы знаете все факторы, то зачем делаете поправку на непредсказуемое? — спросил царь. — Ваша работа — предсказывать все, что может изменить положение вещей!

— В этом и состоит суть научного метода, недавним открытием которого мы очень гордимся, мой господин. Сказав, что мы знаем *все*, мы встали бы на одну доску с суеверными жрецами. Но, признавая возможность *непредвиденного*, мы остаемся в жестких рамках научного метода.

— И какова же вероятность непредвиденных событий? — спросил царь.

— Так мала, — ответил Главный Ученый, — что мы еще не придумали для нее достаточно малого числа.

Этим и пришлось удовлетвориться царю — пусть и не совершенной уверенностью, но максимальным приближением к ней,

какого может только добиться человек или монарх в нашей собачьей жизни.

Царь приказал подтянуть войска к берегу великой реки, опоясывавшей земли атлантов. Глубокая и широкая, медлительная, бурая и серо-стальная река испокон веков защищала царство. На дальнем берегу разбили лагерь враги, волосатые варвары в шкурах — ужасно неудобно в теплом климате. Разведчики доносили, что варвары молятся и заклинают своих поганых иноземных идолов, но лодки строить не пытаются.

Положение варваров казалось безнадежным. Шпионы сообщали, что провизия во вражеском лагере подходит к концу. Пусть варвары многочисленны и хорошо вооружены, но реку им было не пересечь. А полная сил, сытая, победоносная царская армия ожидала неизбежного исхода.

Но в тот самый день случилась небольшая, казалось бы, перемена. Дотоле неизменно синее небо Атлантиды заволокли тучи, хотя до начала сезона дождей оставалось несколько месяцев. И снова царь призвал к себе ученых.

— Дожди вне обычного для них времени, — объявил Главный Ученый, — большая редкость, но такое уже случалось.

— Холодает, — заметил царь.

— Мы заметили и это, а потому рекомендуем раздать солдатам куртки на вате.

К вечеру с неба начали падать белые крупинки, и царь обеспокоился всерьез.

— Весьма необычное явление, — сказал Главный Ученый. — Но и ему есть прецедент. Согласно нашим записям в последний раз это вещество падало с неба около семисот лет назад. Оно исчезает слишком быстро, чтобы могли исследовать его подробнее. Считается, что это обрывки облаков, рассеянных могучими ветрами горных сфер.

Армии это, само собой, не понравилось — солдаты не любят неожиданностей и недобрых знамений. Но армия держалась, черпая отвагу в жалком зрелище варваров на другом берегу, жмущихся к крохотным лагерным кострам, чтобы просушить сырые шкуры.

Но становилось все холоднее, а ночью холода стали и вовсе невиданными. Войскам раздали хлопковые плащи и мантии с двойной подкладкой. А стужа крепчала, и вновь призвал царь своих ученых.

— Воистину не видывали мы раньше таких холодов, — заявил Главный Ученый. — Но это не имеет значения. Варваров

холод терзает больше, чем нас. Пусть солдаты как следует навошшат тетивы луков, ибо в летописях сказано, что от большого холода льняные тетивы делаются хрупкими.

Так и было сделано, и усиленные наряды патрулировали берег реки, и армия провела кошмарную ночь.

А наутро царя разбудили тревожные крики. Выбежав на берег, царь узрел, что за ночь речные воды переменялись точно по волшебству. Уже не плескались о берег серовато-бурые волны. За ночь вода обратилась в некое иное вещество — кое-где белое, в иных местах прозрачное, но везде — явно твердое.

— О боги! — вскричал царь. — Демоны околдовали реку!

— Отнюдь нет, мой господин, — возразил Главный Ученый. — Мои помощники, как и положено последователям научного метода, всю ночь следили за рекой. И я с уверенностью могу сказать, что в ответ на неслыханные холода воды реки свернулись — хотя это, наверное, неточный термин. В любом случае вода затвердела. Мы давно знали о теоретической возможности подобной, как мы говорим, трансформации, но в первый раз получили экспериментальное подтверждение.

— Так это не ведовство? — разочарованно спросил царь.

— Конечно, нет. Мы просто открыли новый закон природы. Вода, подвергнутая сверхнизким температурам, твердеет.

Орды варваров вступали на блестящую белую поверхность — поначалу осторожно, потом, обнаружив, что она выдерживает их вес, — все увереннее. А царские корабли, накрепко вмерзшие в реку, стояли как отдельные форты, не в силах помешать обтекавшему их могучему потоку вооруженных дикарей. И глянул царь на пересекающие реку полчища воинов, и увидел, как бегут его солдаты, и понял он, что все кончено.

— Ты обманул меня! — вскричал он, оборачиваясь к Главному Ученому. — Ты говорил, что можешь предсказать все! Гляди же, что из этого вышло!

— Мой господин, — возразил Главный Ученый, — я скорблю о случившемся не меньше вас. Но не вините науку за эти неожиданные события. В научном лексиконе, мой господин, есть слово, которое прекрасно описывает то, что произошло с нами.

— И что это за слово?

— Такие происшествия обычно называют *аномалиями*. Аномалия — это абсолютно естественное событие, которое нельзя предсказать на основании того, что случалось раньше.

— Ты никогда не говорил об аномалиях, — простонал царь.

— Зачем мне было утруждать ваше величество непознаваемым, когда столь многое нам доступно?

Варвары уже приближались; царь с учеными подошли к коням, намереваясь ускакать во спасение своих жизней.

— Это конец света, — печально произнес царь, садясь на коня.

— Отнюдь нет, сир, — возразил ученый, забираясь на другого коня. — Великое горе — потерять царство. Но пусть утешит вас, что в ваше царствование началось беспрецедентное в истории Атлантиды событие.

— Какое же? — спросил царь.

— Мы присвоили белому веществу временное название «лед», — ответил ученый. — И, если я не ошибаюсь, мы стали свидетелями начала первого на Земле ледникового периода.

— Тоже мне утешение, — фыркнул царь и ускакал искать новое царство с более благоприятным климатом.

ДЕМОНЫ

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой улицы он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, празднично глаза на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть, даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, устало сидело на пятиугольнике. Внутри пятиугольника возникло нечто, отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь

очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе, сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутылке плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутылки — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые устали на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну вот, — заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрасающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в серую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слышал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховый агент, — заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность несколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю так же, как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен испол-

нить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шмар, или волхолово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бес-смертие.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутылку.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутылка постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище на это способно, Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем была раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется по меньшей мере на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене и, установив, что она выдерживает его тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это

чудище — волшебник из Бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно, — согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. — Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед, — ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. — Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд. — Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой улицы — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся, ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было немного. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголеватый одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой улице. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболит еще несколько дней. После этого он приготовил на кухне обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменял кожу, — заметил Нельзевул. — Где же крутяк? — Нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. — Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. —

И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, — с радостью согласился Нельзевул. — Так или иначе, я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклонюсь великой клятвой сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутылки зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его

мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опишите мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ...и желтый.

Золото...

— Гм... — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутылку. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят-семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутылка, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Более того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостоверить в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутылка, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял,

что заточать его в бутылку бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, — это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штук! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например, веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно подкидывает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутылку, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур начертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затаил слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расплылся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри

пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царил приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой, вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известно-го также под названиями крутяк, волхолово и фон-дер-пшик. — «С минуты на минуту, — подумал он, — могу оказаться в бутылке».

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка, — закончил Артур. Он указал на большую бутылку, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутылка будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. — Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк, — распорядился Артур. — Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому не ведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно,

что предпримет багровочешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, сжегиваясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для...

— Сгинь! — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он начертил его заново, используя на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутылку (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой колышущийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в пятиугольнике холодильный демон. — Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. — Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутылка высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. — Он ткнул костлявой рукой в сторону бутылки. — Но он ни за что не хочет раскошелиться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь,

как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка...

— Да Бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

РЕГУЛЯРНОСТЬ КОРМЛЕНИЯ

Треггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Треггису здорово действовал на нервы этот работяшно согнувшийся старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывая сквозь очки на каждую страницу, которую он открывал, совал повсюду свой грязный узловатый палец и подобострастно вытирал пыль с полок несвежим носовым платком с пятнами от табака. А когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голосом рассказывал разные истории, Треггису просто сводило скулы от скуки.

Конечно, старик хотел угодить, но ведь во всем нужно знать меру. Треггис вежливо улыбался, надеясь, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Треггис поспешил в глубь магазина, надеясь, что противный старик не последует за ним. Он прошел мимо полки с несколькими десятками книг с греческими названиями. За ней была секция популярных изданий. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Барроуз, Энтони Троллоп, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых плесенью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Треггис удивлялся, что раньше сюда не забредал. Книжные магазины были его единственной страстью. Он проводил в них все свободное время, бродил по книгохранилищам и чувствовал себя счастливым.

Разумеется, его интересовали книги определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею оказались три коридора, расходящиеся под немыслимыми углами. Треггис выбрал средний, отметив про себя, что снаружи книгохрани-

лище не казалось ему таким просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. Впрочем, с улицы эти старые книжные лавки подчас выглядели обманчиво: иногда они тянулись почти на полквартала.

В конце коридора оказалось еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Треггис принялся читать названия, выхватывая их натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог остаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции восемь или десять шагов, но вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но, скорее, неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

— Что же это такое? — чуть слышно пробормотал Треггис.

На обложке значилось:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

А ниже — более мелким шрифтом:

«Советы владельцу».

Треггис знал, что грифон — мифологическое чудовище, на половину — лев, на половину — орел.

— Ну, что же, — сказал сам себе Треггис. — Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание.

Главы носили следующие названия.

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.
4. Пища для грифонов.
5. Создание для грифона естественной среды обитания.
6. Грифон во время линьки.
7. Грифон и...

Треггис закрыл книгу.

— Несомненно, — сказал он вслух, — это очень необычно.

Он принялся торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста случайные фразы. Вначале он подумал, что книга — своего рода мистификация, в которой были использованы естественно-научные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была

должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли стройное, предложения краткие и доходчивые. Треггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы. Регулярность кормления — один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание...»

Треггис захлопнул книгу. Эти слова внезапно смутили его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. По краснев, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, «Краткую историю сирен» или «Как правильно кормить Минотавра». Но на полке не оказалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

— Нашли что-нибудь? — раздался голос у него за спиной.

Треггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

— О да, — сказал старик, вытирая с нее пыль. — Это довольно редкая книга.

— В самом деле? — пробормотал Треггис.

— Грифоны, — задумчиво сказал старик, перелистывая книгу, — встречаются довольно редко. Это, в общем, необычная разновидность... животных, — закончил он, мгновение подумав. — С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Треггис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо домой. Не каждый день случается купить книгу под названием: «ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

Комната, в которой обитал Треггис, смахивала на букинистический магазин. Та же теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос названий, авторов и шрифтов. На этот раз Треггис даже не остановился, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника «Сладострастные стихи». Бесцеремонно сбросил с кресла том под названием «Сексуальная психопатология». Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо — наполовину лев, наполовину орел — могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую

пищу предпочитает грифон... Чтение книги о грифоне доставляло такое же удовольствие, как и лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Треггис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Треггис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней!

Из головы Треггиса не выходила одна фраза:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы».

Она почему-то беспокоила Треггиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были «Указания: как попасть в зоопарк». Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее, наставлений. Треггис вдруг понял, сколь унижительна была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная трата восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

«Единственная пища... Да, да, да, — торопливо бормотал Треггис, прохаживаясь по своей узкой комнате. — Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шуток!»

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Треггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через секунду обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Треггис убедился, что кто-то хорошенько потрудились, чтобы создать «естественную среду обитания для грифона».

Треггис двинулся вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти — и грифон плавно ринулся вперед.

Треггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отливающий на солнце золотом грифон обрушился на него.

Треггис в отчаянии закричал:

— Нет, нет! Единственная пища грифонов — юные...

И издал вопль, сообразив, что очутился в когтях грифона.

ПРИВЕТ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Мой покойный шури́н Говард явился мне во сне и сказал:

— Привет, Том! Давненько не виделись. Я по тебе скучал, дружище. Как ты тут?

Я и мертвому доверял ему не больше, чем живому. Он всегда был против нас с Трейси. Мы с ним познакомились, когда Трейси впервые привела меня к себе домой и представила родным, рассказав, что встретились мы на писательском семинаре в университете Нью-Йорка. Родители ее явно особого восторга при виде меня не испытали, а Говард прореагировал не просто холодно: в его ледяном взгляде совершенно ясно чувствовалось презрение и полное нежелание того, чтобы какой-то нищий писателишка стал мужем его единственной и обожаемой сестренки.

Впрочем, к черту все это! Мы с Трейси все равно поженились и сняли маленькую квартирку в Кокосовой Роше. Доказательств у меня нет, но я совершенно уверен, что через некоторое время Говарду удалось подкупить полицейских; он сказал им, что на самом-то деле я наркоделец, маскирующийся под представителя богемы, и в один прекрасный день они влетели к нам в квартиру и наставили на меня револьверы, явно ожидая, что я начну стрелять первым. Они, видно, рассчитывали найти у меня в туалете или под кроватью подпольную лабораторию по производству чистейшего кокаина из макарон. Самое смешное — они ожидали подобных достижений от меня, который в колледже провалился на экзамене по основам естественных наук и для которого понятие «химическая реакция» ограничивалось бросанием таблетки «Алка-зельцер» в стакан с водой!

Они, разумеется, ничего не нашли, а пол-унции весьма посредственной травки, спрятанной под носками в ящике, в конце концов сочли недостаточной уликой. Но все же этот инцидент внес в наши с Говардом отношения некоторую настороженность.

Многие люди вступают в брак, не получив одобрения со стороны ближайших родственников. Так было и у нас. Но мы с

Трейси считали, что Говард через какое-то время остынет и все встанет на свои места.

В тот год я опубликовал уже пятый свой рассказ и подписал наконец первый контракт на издание романа, хотя Говард повсюду распространял слухи, какой я бессовестный и бесталаный плагиатор, за которого абсолютно все пишет Трейси.

Волны ненависти, постоянно исходившие даже от его оштукатуренного домика в Корал Гейблз, проникли и в нашу квартиру. Отношения у нас с Трейси понемногу стали портиться. Я не хочу сказать, что это происходило исключительно по его вине, и все же он улучшению наших отношений явно не способствовал.

Потом у Трейси был какой-то нервный срыв, и в итоге она меня оставила, уехала в Хьюстон и некоторое время жила там с одной из своих подруг. Потом развелась со мной и вышла замуж за другого. В это время я как раз заканчивал свой второй роман. Я абсолютно уверен, что Говард дал взятку кому-то в «Майами Геральд», и там о моей новой книге напечатали самую гнусную рецензию в истории южной Флориды.

Разумеется, в свете всех этих событий я, как вы понимаете, не слишком расстраивался, когда два года спустя ржавый двухместный «Бьюик-73», за рулем которого сидел пьяный инструктор по подводному плаванию, вылетел с пронзительным визгом на тротуар Приморского бульвара — передняя решетка машины при этом напоминала разверстую пасть хищника, преследующего жертву, — и буквально размазал Говарда по чугунной оградке Южного пляжа.

Нехорошо, конечно, радоваться гибели бывшего родственника, но я радовался. Мне такой прекрасный финал и в голову не приходил! Я даже пожалел, что сам не подумал о такой возможности раньше. Должен признаться: присутствие на похоронах Говарда стало для меня лучшим праздником. Гордиться тут, разумеется, нечем (я и не горжусь), но так уж получилось. Он вечно старался меня унижить, и любить мне его было не за что. Честно говоря, я от души был рад, когда он умер. Но сейчас мне стало интересно, откуда это он явился, запросто проникнув в мой сон?

— Послушай, Говард, — сказал я, — скажи на милость, какого черта тебе надо в моем личном сне?

— Вот смешно, что ты черта поминаешь! — откликнулся Говард и, как всегда, нервно хихикнул. — Я ведь у него и живу. В аду.

— Ну, вообще-то я в этом и не сомневался, — заметил я.

— Ладно, Том, не злись, — сказал Говард с легким раздражением. — Я в аду вовсе не потому, что был так уж плох. Сюда попадают ВСЕ — абсолютно все, кого я когда-либо знал, и большая часть тех, о ком я всего лишь слышал. То есть именно сюда отправляются люди после смерти. И никто здесь это место «адом» не считает! Я употребил это слово только потому, что у нас тут улыбаться не принято. Хотя в целом здесь совсем не так плохо. А наш... управляющий — он просил называть его просто «мистер Смит», но мне кажется, это сам Сатана и есть, — парень вроде бы неплохой и даже весьма образованный.

— Я, например, всегда считал, что дьявол должен быть похож на бизнесмена, — сказал я. — Или на ученого.

— Ну вот ты опять шутишь, Том, — упрекнул меня Говард, — а между прочим, наш «мистер Смит» — критик-искусствовед, специалист по современной культуре.

— Это он вам сказал?

— Видишь ли, только этим я могу объяснить, почему все лучшие рабочие места здесь заняты артистами, писателями, скульпторами, музыкантами, художниками, танцорами... Им и квартиры лучшие достаются, и новые машины...

Мне стало интересно. Как я уже упоминал, я писатель; не то чтобы знаменитый, но и не совсем безвестный. Моя мать всегда говорила, что за мой труд мне воздастся только после смерти; в раю или там, куда попаду. И вот вам пожалуйста — какое-никакое, а доказательство!

— Расскажи-ка поподробнее, — попросил я его.

— Статус человека здесь полностью зависит от его известности при жизни. А Высший Суд возглавляют типы вроде Толстого, Мелвилла, Нижинского, Бетховена. Даже такой неудачник, как По, занимает пост директора крупной промышленной корпорации и получает жалованье, даже когда бездельничает!

— Ей-богу, мне это нравится! — сказал я. — Вот спасибо, что предупредил.

— О, такие, как ты, живут тут припеваючи! — с легкой горечью заметил Говард. — А вот мы, простые смертные, не слишком хорошо.

И мой шурин поведал, что проживает в жалкой развалюхе, занимая одну-единственную комнатенку, где-то в отдаленном пригороде ада, гигантского мегаполиса. А занимается тем — и это единственно возможная для него работа! — что сортирует

гравий по размеру и форме. Все, кто при жизни не был сколько-нибудь известен, обречены этим заниматься.

— Ну, по-моему, работа не слишком тяжелая, — заметил я.

— Не тяжелая, верно. Но главное наказание — скука. Мне, правда, выдали телевизор, но принимает он плохо. Единственная программа, на которую я еще как-то могу настроиться, без конца повторяет один и тот же сериал «Я люблю Люси». Еще таким, как я, удастся раз в неделю посмотреть бейсбольный матч, но всегда тоже один и тот же — «Филлиз — Ред Сокс», состоявшийся в парке Фенуэй в 1982 году. Я его помню наизусть и буквально по минутам пересказать могу.

— Что ж, Говард, — задумчиво молвил я, — все это действительно ужасно, но помочь я тебе ничем не могу. Увы! Постарайся уж как-то сам себе помочь. А засим желаю тебе удачи. Прощай!

— погоди! — возопил Говард. — Не просыпайся! Я же свой сигаретный паек за десять лет вперед отдал, чтобы в твой сон попасть! Ты очень даже можешь помочь мне, Том! Да и себе заодно, кстати.

— Что ты хочешь этим сказать, Говард?

— А вот что: ты мог бы сделать из этой истории рассказ и продать его в какой-нибудь журнал. Тебе хорошо заплатят, уверен! А я прошу лишь упомянуть в этом рассказе мое имя. Даже такое упоминание в аду ценится немало. Я надеюсь, что это даст мне возможность выбраться наконец из своей вонючей комнатухи и переехать в коттедж, хотя коттеджи и расположены в такой местности, которая больше всего напоминает Кейп-Мэй в дождливую погоду. Это существенно более высокая ступень; и мне придется сортировать уже не гравий, а полудрагоценные камни; и я получу доступ к двум телевизионным каналам и смогу каждое воскресенье смотреть игру НФЛ, а не один и тот же бейсбольный матч. Это, конечно, немного, но при моем теперешнем положении и такая жизнь мне кажется раем. Том, обещай, что выполнишь мою просьбу!

Он смотрел на меня умоляюще. Время, проведенное в аду, явно ему на пользу не пошло. Он выглядел утомленным, нервным, исхудавшим; в нем одновременно чувствовались и напряжение, и апатия. Наверное, так и выглядят люди, оказавшиеся на самой низшей ступени адского общества.

— Хорошо, Говард. Я напишу. А теперь, пожалуйста, отправляйся обратно. Счастливого тебе пути!

Лицо его просветлело; он воскликнул:

— Так ты обещаешь, правда? Да улыбнется Сатана твоим рецензентам! — И он исчез.

Вот почему я сел и написал этот рассказ. Впрочем, в действительности-то мне хотелось отомстить наконец своему дорогому покойному шурина! Вы же видите, я нигде не упомянул его настоящего имени. Я был уверен: теперь он обречен вечно сортировать гравий и жить в убогой развалюхе.

Да, если честно, таково было мое первоначальное намерение. Но потом я смягчился. Это была бы отличная месть, но я не мог позволить себе мстить мертвому! Еще куда ни шло — мстить кому-то до могилы, но потом... Нет уж! Вы можете смеяться, но я глубоко убежден: мы, живые, обязаны помогать мертвым чем только можем.

И я протянул своему шурина руку помощи. Итак, его настоящее имя Пол В. Уитмен, он погиб на Сикактус-драйв, 2244, Майами-Бич, Флорида. Я прощаю тебе, Пол, все то зло, которое ты причинил мне и Трейси. Возможно, мы бы с ней в любом случае расстались — даже и без твоей помощи. И пусть благодаря моему упоминанию о тебе ты получишь сносное жилье и столь желанный телевизор, по которому раз в неделю сможешь смотреть настоящий футбольный матч!

А если случайно встретишься с моими старыми школьными друзьями — Мэнни Клайном, погибшим во Вьетнаме в 1969 году, Сэмом Тайлором, умершим от инфаркта на Манхэттене в 1971 году, и Эдом Московицом, убитым и ограбленным на Морнингсайд-Хейтс в 1978 году, — скажи им, что я о них спрашивал, чем, надеюсь, обеспечил некоторые приятные перемены в их теперешней жизни.

БЕГСТВО АГАМЕМНОНА

Агамемнон оказался в отчаянном положении. Люди Эгисфа едва не схватили его в спальне Клитемнестры. Он слышал, как они идут по коридору. Выбравшись в окно, Агамемнон сполз вниз, цепляясь ногтями за едва заметные клейма резчика по камню, оставшиеся на уложенных в стену глыбах. Сейчас самым лучшим для него было украсть лошадь и сломя голову удрать из Микен. Был вечер, солнце висело низко на западе, и узкие улицы уже наполовину погрузились в тень.

Он предполагал, что осуществить план бегства будет достаточно просто. Однако Эгисф, как выяснилось, расставил людей и на улицах.

— Он здесь! Агамемнон здесь! Сюда!

Это был толстый Спартан, начальник дворцовой стражи. На нем красовались доспехи, в руках он сжимал меч и щит. Агамемнон выбрался из окна без брони, из оружия у него не было ничего, кроме меча и ножа. Однако он был разъярен, и, несмотря на то, что Гомер не упомянул об этом в своих произведениях, Агамемнон был крайне опасен в ярости.

Несомненно, воин Эгисфа знал об этом. Он отступил и кинулся в арку, вызывая о помощи. Агамемнон почувствовал, что дело начинает принимать плохой оборот.

Слегка дезориентированный, он огляделся вокруг. Микены были его родным городом, но целых десять лет он провел под Троей. Если он повернет налево, выведет ли его улица к Львиным воротам? Выставил ли Эгисф возле них охрану?

А ведь этим утром он въехал в город с триумфом. Все изменилось до отвращения быстро.

Агамемнон вошел в Микены как победитель. В его колеснице ехала Кассандра. Ее руки были связаны, так как она находилась на положении пленницы. Но все это было только для формы, поскольку вот уже несколько недель после того, как он выкупил Кассандру у Аякса, она служила ему наложницей. Агамемнон не сомневался, что она полюбит его, даже несмотря на

то, что греческие солдаты вырезали всех ее родственников. Кассандра должна была понимать, что их убили не греки, а боевая ярость греков, накопленная за десять долгих лет, проведенных ими в лагере под стенами Трои и стоивших жизни их братьям и товарищам.

Вожди ахейцев отнюдь не испытывали гордости за уничтожение Трои. Агамемнон надеялся, что Кассандра поймет — они не держали зла на троянцев. Он не ожидал от нее прощения, но хотел, чтобы она осознала: самое важное для них — самого Агамемнона, Ахилла, Гектора, Одиссея — быть не связанными правилами, написанными для простых людей.

Он был особым человеком, даже не смотря на то, что он был далеко не первым Агамемноном. Лотерея позволила ему занять это место, проклятая Лотерея, выигрыш в которой позволял участвовать в героических событиях Древнего мира.

Его звали Крис Джонсон, но он был Агамемноном так долго, что уже почти забыл свою жизнь до того, как Лотерея выдвинула его на эту роль. Зато он хорошо помнил похищение Елены, злосчастный инцидент с Ифигенией, десять лет осады Трои, ссору с Ахиллом, деревянного коня Одиссея, захват и разрушение Трои и затем долгое путешествие домой по темному морю.

От чего он отказался в прошлом? Пыльный маленький городок рядом с мексиканской границей. Водонапорная башня Амоса — высочайшее здание в прерии на двести миль в любую сторону. «Мамочкины Оладьи» — единственный ресторан. Выиграв в Лотерею, Крис был на вершине блаженства. Он помнил, как чуть не лопнул от счастья, полагая, что для него это единственная возможность покинуть захолустный городишко и начать новую жизнь. Вот только жить ему оставалось не так уж долго.

Сердце Микен представляло собой лабиринт узких улиц и аллей. Район позади дворца, в котором оказался Агамемнон, выглядел по-восточному — маленькие лавочки в извилистых переулках, многие хозяева лавок в тюрбанах. Агамемнон подумал, что именно так и должно быть — создатели Лотереи никогда ничего не делали просто так.

Улица вывела Агамемнона на широкий бульвар, где были установлены мраморные статуи богов и героев. Двигаясь по бульвару, Агамемнон узнавал Персея и Ахилла, Афины и Артемиду. Статуи были раскрашены в яркие цвета. Для Агамемнона стало сюрпризом увидеть собственную статую. Она была мало похожа на него, но на пьедестале оказалось высечено его имя — по-анг-

лийски, не по-гречески. Это была уступка Лотереи победителям: каждый в этой Греции говорил по-английски. Возможно, статуя изображала первого Агамемнона. Крис знал, что победители Лотереи часто повторяли одну и ту же классическую роль. Но существовал ли когда-либо настоящий Агамемнон? С мифами и легендами никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Он слышал, как по бульвару приближается процессия. Музыканты играли на кларнетах и трубах, бухали литавры, и даже раздавались звуки фортепиано, которое тащили на маленькой повозке два ослика. Это был очевидный анахронизм, но Агамемнон напомнил себе, что Лотерея имеет право изображать эту реальность так, как ей угодно. Он даже не хотел знать, где находится эта Греция.

За музыкантами, приплясывая, двигались танцующие девушки в едва прикрывающих наготу туниках, с венками на головах и цветами в волосах. Они шатались и корчили рожи. Агамемнон сообразил, что это менады, бешеные последовательницы Диониса. Позади них шел Дионис собственной персоной. Когда он приблизился, Агамемнон узнал его. Это был Эд Картер из Сентервилля, штат Иллинойс. Они познакомились в одной из лотерейных гримерок, откуда они ушли играть роли великих.

— Дионис! — окликнул Агамемнон.

— Привет, Агамемнон! Давно не виделись. Хорошо выглядишь!

Дионис был пьян, на его тунике там и сям виднелись пятна вина. Он явно не в силах был сделать паузу в своем танцевальном марше, поэтому Агамемнон пошел рядом с ним.

— Хочешь стать моим приверженцем? — спросил Дионис. — Соглашайся, будет весело. Сейчас мы устроим вакханалию, в процессе которой растерзаем царя Пенфея.

— Это действительно необходимо? — осторожно уточнил Агамемнон.

Дионис радостно кивнул.

— Ага! Пенфей посмел противиться утверждению моего культа. Впрочем, я колеблюсь насчет сакральной экзекуции — много чести для этого ничтожества.

Агамемнон помолчал, затем спросил для проформы:

— Как у тебя дела, Дионис?

Эд сказал:

— Чудненько! Я здорово выиграл, попав сюда. Не жизнь, а сказка. Хотя последнюю неделю было не так уж весело оживлять убитых: я здорово утомился.

— Я не слышал об этом.

— Я сам не ожидал, что сумею, — сказал Дионис. — В последнее время мне вообще везет. Разве не ловко я женился на Ариадне? Кстати, не желаешь познакомиться? Классная девчонка. Тесей бросил ее на острове Наксос, как ты знаешь, — а потом пришел я и женился на ней. Немного неожиданно для обеих сторон, но в наше время все делается так быстро! Наксос — райское местечко, рекомендую съездить туда в отпуск. Кстати, там я переродился, если ты не в курсе. Знаешь, немного повздорил с титанами, так что пришлось драться. Я превращался в птицу, в рыбу, в дерево, но судьба в тот день была неблагосклонна ко мне. Они схватили меня и разорвали на части, как мои менады поступят вскоре с Пенфеем. Но Аполлон собрал куски несчастного Диониса, а Зевс зашил их в бедро, откуда я в должный срок вновь появился на свет. И вот я здесь, возглавляю процессию ненормальных дамочек, движущуюся по главной улице Микен. Неплохо для паренька из Сентервилля, штат Иллинойс, а? А как насчет тебя, Агамемнон?

— У меня проблемы, — сказал царь. — Помнишь мою жену, Клитемнестру? Так вот, она зла на меня как черт — за то, что я принес в жертву нашу дочь Ифигению.

— Какого же дьявола ты это сделал?

— Оракул сказал, что это единственное средство вызвать попутный ветер, чтобы доплыть до Трои. Но я на самом деле не делал этого! Я инсценировал жертвоприношение, а потом устроил все так, что Артемида забрала Ифигению в Авлиду, где девочка получила отличную вакансию верховной жрицы.

— Все думали, что ты прикончил свою дочь, — сказал Дионис.

— Это неправда! Существуют разные версии данного мифа. Но сучка Клитемнестра и ее жалкий дружок Эгисф купились на это. Когда я вернулся из Трои, они собрали гвардию с приказом убить меня при обнаружении. Все выходы из города перекрыты.

— И что ты собираешься делать? — заинтересовался Эд.

— Мне нужно исчезнуть отсюда. Можешь ли ты помочь мне?

— Значит, выходы из города перекрыты, — задумчиво проговорил Дионис. — Что ж, я мог бы тебе помочь, но с Эгисфом ссориться не буду — он мой верный последователь. Попробуй попросить помощи у Тиресия — этот старый мошенник наверняка придумает что-нибудь.

— Тиресий? Разве он не умер?

— Какое это имеет значение? Он был величайшим магом древнего мира и будет рад поговорить с тобой. Ему нравится болтать с живыми.

— Но как я попаду в царство мертвых?

— Запросто. Можешь покончить с собой, а когда за тобой придет Харон — связать его, захватить лодку и спокойно переплыть через Стикс.

— Я не хочу убивать себя. Я уже вдоволь наигрался со смертью.

— Чепуха! Найдешь потом кого-нибудь себе на замену в царство мертвых, и дело в шляпе.

— Кого же я найду?

— Как насчет Кассандры?

— Нет, только не Кассандра!

— У нее все равно плохая карма.

— Брось! Я не хочу ее убивать.

— Как знаешь. На самом деле сгодится кто угодно.

— Я не могу просто подойти к человеку на улице и ни с того ни с сего убить его!

— По-моему, у тебя нет времени проявлять чрезмерную щепетильность. Слушай, а как насчет жертв чумы?

— Где же я найду жертву чумы?

— Сходи к доктору.

— Но как я узнаю, когда за больным придет Харон? Он всегда приходит к умирающему невидимым.

Дионис нахмурился на мгновение, затем его чело просветлело. Он полез за пазуху и извлек пурпурный камень на цепочке.

— Мне дал это жрец в Египте. Это египетский камень психомп, проводник душ в Царство мертвых. Какая-то разновидность аметиста, я полагаю. Ты мне почти земляк, поэтому дарю. Когда найдешь умирающего, посмотри вокруг сквозь психомп, и ты наверняка увидишь неподалеку Харона. Удачи, Агамемнон! Мне действительно пора.

Размахивая руками и приплясывая, Дионис устремился за своими менадами.

А Агамемнон увидел в переулке высокого человека средних лет в длинном черном плаще и конической войлочной шапочке с символом Асклепия. В руках у него была трость из слоновой кости.

Царь Микен бросился к нему.

— Простите, вы доктор?

— Да. Стрепсиад с Коса. К сожалению, я не могу выслушать вас. Спешу по вызову.

— К чумному больному?

— Да, увы. Боюсь, безнадежный случай. Его родственники тянули слишком долго, прежде чем вызвать меня. Разумеется, я сделаю все, что в моих силах.

— Я бы хотел пойти с вами!

— Вы доктор? Или родственник?

— Я — репортер! — наобум сказал Агамемнон.

— Как это может быть? У нас здесь, в Микенах, нет газет. Я слышал, руководство «Артив Пресс» собиралось этим заняться, но стоимость меди зашкалила, и Египет перестал экспортировать папирус...

— Это новое коммерческое предприятие! — решительно заявил Агамемнон.

Доктор ничего не сказал, когда царь пошел рядом с ним. Вряд ли он был рад этому обстоятельству, однако ничем не выдал своего недовольства. Да и немудрено: у Агамемнона был меч, а у доктора лишь трость.

Через нескольких кварталов Агамемнон сообразил, что они идут в один из трущобных районов города. «Час от часу не легче, — подумал он. — Что меня там ждет?»

По узкой аллее они приблизились к маленькой лачуге. Стрепсиад толкнул незапертую дверь, и они вошли. В жидком свете одиноко мерцавшей в углу лампы они увидели человека, лежавшего на земляном полу и завернутого в изодранное одеяло. Он выглядел очень старым и исхудавшим. Стрепсиад опустился на колени, осматривая пациента.

— Сколько он еще протянет? — спросил Агамемнон.

— Полагаю, недолго. Он умрет совсем скоро. Иногда это состояние длится несколько часов, полдня, даже сутки. Но не более.

— Дайте мне взглянуть на него, — сказал Агамемнон и опустился рядом с больным.

Кожа умирающего была иссиня-серой. Его губы высохли и потрескались. В уголках его глаз были видны лопнувшие кровеносные сосуды. Пульсирующие вены были единственным признаком того, что этот человек жив.

Агамемнон остро осознавал, как мало у него времени, чтобы покинуть Микены. Но больной все еще был жив. Как долго придется ждать, пока он умрет? Как скоро солдаты Эгисфа придут за ним? Необходимо ускорить процесс.

Агамемнон потянулся к горлу больного. Человек открыл глаза. Встретившись внезапно со взглядом его налитых кровью голубых глаз, Агамемнон заколебался.

— Царь Агамемнон! — прошептал больной. — Неужели это вы? Я Пилиад. Я был гоплитом в первом ряду фаланги Арголиса во время Троянской войны. Что вы здесь делаете, господин?

Агамемнон услышал собственный ответ:

— Я узнал о твоей беде, Пилиад, и пришел облегчить твои последние часы.

— Очень благодарен вам, господин. Вы всегда были добрым человеком и великодушным командиром. Я очень удивлен, что вы вспомнили обо мне. Я ведь простой солдат. Мои родители продали хозяйство, чтобы купить мне доспехи и снаряжение, и я пошел с другими ребятами и отомстил троянцам за подлое похищение нашей Елены.

— Я помню тебя, Пилиад, и пришел попрощаться. Наша война выиграна. Силы Греции одержали победу. Конечно, так и должно было случиться, ведь у нас был непобедимый Ахилл. Но что смог бы Ахилл, если бы его не поддерживали такие бесстрашные воины, как ты?..

— Я хорошо помню принца Ахилла и погребальный костер, который мы устроили ему, когда он пал в битве. Я надеюсь вновь увидеть его в Гадесе. Говорят...

Речь больного была прервана, когда дверь в комнату внезапно с треском распахнулась. Два вооруженных воина ворвались в помещение. Они на мгновение замешкались, увидев врача в длинном одеянии, затем разом повернулись к Агамемнону.

Офицер, здоровяк с огненно-рыжей бородой, распорядился:

— Убить всех. Эгисфу не нужны свидетели. Агамемнона я возьму на себя.

Солдат был одним из тех, кто позволил Агамемнону улизнуть у них из-под носа в окно дворца. Он двинулся к доктору, который поднял свою трость и сказал:

— В этом нет необходимости. Я нейтральная сторона, я лекарь с Коса, здесь только по вызову к больному. Позвольте мне уйти, и я никогда никому не скажу о том, что здесь произошло.

Солдат озадаченно глянул на рыжебородого офицера, затем на Агамемнона. Воспользовавшись тем, что он отвлекся, доктор внезапно поднял свою палку и обрушил ее на голову противника. Зарывав, солдат стиснул рукоять меча и бросился на доктора. Рыжебородый тут же атаковал Агамемнона. Царь выхватил меч, однако на нем не было доспехов, поэтому шансов против опыт-

ного гоплита у него было немного. Не отрывая взгляда от противника, он двинулся вокруг ложа больного, и рыжебородый офицер последовал за ним — осторожно, но неумолимо. Доктор был ранен, но все еще сражался, отклоняя удары солдата взмахами трости. Агамемнон продолжал кружить вокруг постели, наматывая плащ на левую руку и понимая, что все это безнадежно, абсолютно безнадежно...

А затем в одно мгновение все изменилось.

Пилиад, собрав остаток сил, привстал и схватил рыжебородого за ногу. Офицер зашатался и злобно ударил больного мечом. Агамемнон тут же воспользовался представившимся шансом. С хриплым ревом он бросился на противника, и тот, потеряв равновесие, рухнул на пол, придавленный весом собственной брони. Меч рыжебородого застрял в грудной клетке Пилиада, зажатый между двух ребер.

Агамемнон навалился на солдата сверху. Выпустив свой меч, царь выхватил из-за пояса нож и попытался ударить противника в лицо. Клинок отскочил от металлического шлема, кончик у него откололся. Агамемнон прицелился как следует, ударил ножом в щель в шлеме, попал в глазницу офицера и, вращая, пропихнул оружие ему в мозг.

Пилиад прохрипел:

— Отлично, командир. Мы показали этим троянским свиньям...

Агамемнон уже был на ногах. Он увидел солдата, вонзающего меч в живот доктора. Шлем воина свалился в пылу борьбы. Агамемнон подкрался к нему, схватил сзади за голову и перерезал горло.

В доме больного воцарилась тишина.

На полу остывали четыре трупа. На мертвом лице Пилиада застыла перекошенная ухмылка. Агамемнон надеялся, что это улыбка триумфа, а не сардоническая усмешка жертвы чумы.

Солдат с перерезанным горлом лежал в луже собственной крови, над которой поднимался легкий пар. Рыжебородый с ножом в голове кровоточил не так сильно. Однако он был так же мертв, как и все остальные. Агамемнон единственный в этой комнате отделался парой царапин. Он никак не мог в это поверить.

Что ж, теперь следует отыскать Харона.

Царь потянул вниз тунику, открывая висящий на груди амулет, который дал ему Дионис. Он посмотрел сквозь него на комнату.

Комната была темно-фиолетовой. Очертания предметов скользили перед глазами, толща аметиста искажала пропорции. Ощувив внезапный и сильный приступ головокружения, Агамемнон опустился на пол. Глубоко дыша, он усилием воли взял себя в руки и снова огляделся по сторонам.

Вокруг струилась сизая пелена дыма. Был ли это дым от масляной лампы? Нет, ее разбили в схватке — как ни странно, это не вызвало пожара.

Через некоторое время Агамемнон почувствовал, что стены лачуги видоизменяются, раздвигаются, растворяются в пространстве. Он моргнул. Комната быстро трансформировалась, стен уже не было видно. Медленно царь Микен опустил аметист.

Каким-то образом он оказался снаружи хибарки. Только находился он не в Микенах. Он сидел на невысоком валуне, торчащем из прибрежной топи. Перед ним расстилась река. Ее воды были черными, неподвижными и маслянистыми. Солнца на небе не было, кругом царили неподвижные сумерки. Тем не менее Агамемнон различал окружающие предметы. Впереди, на небольшой гряде скал, выступающих из грязи, он разглядел четыре знакомые фигуры. Во мраке он также различил что-то вроде деревянного причала на берегу. Длинная низкая лодка была привязана к одной из опор причала, и в ней стоял человек. Его голос отчетливо доносился до Агамемнона:

— Давайте, ребята! Вы знаете установленный порядок. Спускайтесь в лодку, никто вас ждать не станет.

Четверо поднялись и двинулись к причалу. Их шаги были едва слышны — неторопливые шаги смерти. Агамемнон вскочил и поспешил к ним.

Он вскарабкался на причал в тот момент, когда они спускались в лодку. Он узнал доктора Стрепсиада, Пилиада и двух солдат. Человек в лодке по-прежнему призывал их поскорее забираться на борт.

— Давайте, давайте, — нетерпеливо говорил он, — мне некогда с вами возиться. Думаете, вы единственные покойники, ожидающие транспортировки? Двигайтесь поскорее, забирайтесь на борт... А ты — нет, — заявил он приблизившемуся Агамемнону. — Тебе здесь делать нечего. Ты пока еще жив.

Агамемнон показал ему аметист.

— Мне необходимо попасть на борт. Ты ведь Харон, не так ли?

— Его сын, — сказал лодочник. — Один из его сыновей. Нас

всех зовут Харонами. Для одинокого старика здесь слишком много работы. Слишком много даже для всей нашей бригады. Но мы делаем, что в наших силах. — Он вздохнул. — У тебя камень психопомп, поэтому, думаю, ты можешь взойти на борт. — Он повернулся к остальным: — Кто-нибудь догадался прихватить с собой деньги за проезд?

Покойники покачали головами.

— Это все случилось так неожиданно, — сказал доктор.

— Я поручусь за них, — сказал Агамемнон. — Я отдам тебе деньги, когда вернусь в мир живых, — в любое время, когда тебе будет угодно. Слово Агамемнона, царя царей.

— Надеюсь, что ты не забудешь своего обещания, — произнес Харон, — иначе, когда пробьет твой час, твоя тень останется здесь, на этом скорбном берегу.

— Сколько ты хочешь? — спросил Агамемнон.

— По одному оболу за каждого покойника и пять оболов за тебя, потому что ты живой и вешишь больше. Поменяешь свою валюту на оболочки и перечислишь оговоренную сумму в Инфернал Банк на имя Томаса Кука.

— Томас Кук, Инфернал Банк.

Агамемнон и остальные без суеты погрузились в лодку Харона. Она была узкой, с двумя рядами встроенных скамей вдоль бортов. Агамемнон и Пилиад сели на одну сторону, солдаты на другую. Доктор, после секундного колебания, пристроился на маленькой поперечной скамеечке напротив рулевого весла.

Харон отвязал швартовочный линь, оттолкнул лодку от причала и принялся аккуратно грести.

Они молчали, лодка беззвучно скользила по темным водам. Наконец Агамемнон поинтересовался:

— Долго нам плыть?

— Плыть нам ровно столько, сколько необходимо, — рассудительно ответил Харон. — Торопись!

— Не то чтобы очень, — сказал Агамемнон. — Просто любопытно.

— Держи свое любопытство при себе, — сказал Харон. — Здесь, в Царстве мертвых, так же, впрочем, как и в мире живущих, каждый ответ порождает десять новых вопросов. Живые, спускающиеся сюда, вообще страшно любопытны. Я помню, как к нам приходил Геракл. Несмотря на то, что он страшно спешил, он засыпал меня вопросами, да еще и забрал с собой сторожевого Цербера, когда я отвлекся.

— Тем самым он совершил один из своих бессмертных подвигов, — сказал Агамемнон.

— Разумеется. Но что это ему дало? Когда он возвратился, царь Эврисфей нашел ему очередную работенку.

Рыжебородый, до этого мрачно молчавший, сказал:

— Послушай, Агамемнон! Какого черта ты меня убил? Тебе хоть немного стыдно?

— Это ты меня спрашиваешь? — поразился Агамемнон. — После того, как едва не убил меня?

— В этом не было ничего личного, — сказал рыжебородый. — Меня зовут Саллис, я командир телохранителей Эгисфа. Я получил приказ убить тебя. Я всего лишь выполнял приказ!

— А я защищал свою жизнь, — заметил Агамемнон.

— А, ладно. — Офицер махнул рукой. — Куда я еще мог попасть, как не сюда? Если не в этом году, так в следующем, или еще годом позже...

— Честно говоря, я тоже не ожидал, что все так выйдет, — сказал другой солдат. — Я Креонид. Моя служба на Эгисфа заканчивалась на этой неделе. Я собирался вернуться на свою маленькую ферму на Аргос, к жене и дочке...

— Хватит хныкать, — сказал доктор. — Меня зовут Стрепсиад. Я уважаемый доктор с Коса, острова, славящегося своими лекарствами. Я прибыл в Микены из чисто гуманитарных соображений, чтобы помочь жертвам чумы, которых их товарищи вывезли из-под Трои. И как я вознагражден? Солдат-деревенщина убил меня, чтобы не оставлять свидетелей незаконной и аморальной расправы над собственным господином!

— Но я только выполнял приказы! — возразил Креонид. — Мой непосредственный начальник Саллис, который сейчас присутствует здесь, приказал мне сделать это.

— А я, — сказал Саллис, — выполнял приказы своего командира, благородного Эгисфа.

— Но это были аморальные приказы! — заявил Пилиад. — Эгисф предал своего царя, неужели не понятно!

— Даже если приказы и были аморальными — что с того? — взвился Саллис. — Ты предлагаешь обсуждать каждый приказ, полученный от вышестоящего, и взвешивать его на весах «морально — аморально»? Такая армия долго не протянет. Кстати, я слышал, ваша братия тоже неплохо порезвилась во время Троянской войны. Кажется, вы сожгли некий город и вырезали все его население?

— Мы несли возмездие за похищение Елены! — с жаром воскликнул Пилиад.

— А кем тебе приходилась Елена? — ядовито спросил Саллис. — Женой, сестрой, дочерью? Ни черта! Она — жена царя, причем даже не твоей страны, если только ты аргивянин, а не спартанец. И ведь леди, судя по всему, покинула Менелая и сбежала с Парисом по собственной воле. Так за что вы мстили?

— За наших павших товарищей! — выкрикнул Пилиад. — За Ахилла, нашего славного командира!

— Это просто смехотворно, — произнес Саллис. — Ваши товарищи отправились туда за трофеями, а Ахилл — за славой. Кроме того, он сделал свой выбор. Ему было предсказано, что он героически погибнет под Троей или проживет долгую бесславную жизнь, если останется дома. Ни к чему было умирать за бедного Ахилла! Он сам выбрал себе смерть.

Воцарилось молчание. Затем доктор Стрепсиад сказал:

— Морально и аморально — эти философские категории изменяются со временем. Кроме того, порой у людей не остается времени на размышления. Выбирать приходится немедленно, в суе и столпотворении, когда может быть сделан единственный выбор — из двух зол.

— Это и о вас тоже, доктор? — спросил Агамемнон. — Или вы единственный невинный страдалец среди нас?

Доктор Стрепсиад долго молчал. Наконец он сказал:

— Мои мотивы были не вполне моральными. Я признаюсь вам в этом, потому что все равно придется рассказать это загробному судии. Королева Клитемнестра прислала гонца в нашу школу медиков на Косе, умоляя нас помочь справиться с эпидемией чумы и пообещав за это солидную награду. Мне удалось купить в Микенах на вырученные деньги славный маленький домик для жены и детей, прежде чем я взошел на этот челн.

— Клитемнестра! — восторженно воскликнул Агамемнон. — Проклятая сука!

— Знаете, — сказал Стрепсиад, — в этой злосчастной истории она, в общем-то, права. Мы знаем из информированных источников, что вы принесли в жертву вашу дочь Ифигению.

— Есть еще одна версия, — сказал Агамемнон, — по которой богиня Артемида взяла Ифигению в Авлиду и сделала ее верховной жрицей Тавриды.

— Это версия, которая призвана сохранить вам лицо, — сказал Стрепсиад. — Она, несомненно, была инспирирована по по-

литическим соображениям. В глубине души вы знаете, что принесли в жертву собственного ребенка.

Агамемнон вздохнул и ничего не ответил.

— И вы сделали не только это, — продолжал врач. — Когда Клитемнестра убьет вас, вы тем самым косвенно вовлечете своего сына Ореста в убийство матери, которое он совершит из мести за вас и с которого начнется его безумие.

— Но ведь этого еще не было! — запротестовал Агамемнон. — Мало ли что написано в мифах? Я не могу нести наказание еще и за то, чего даже не произошло! Харон, как ты думаешь?

Харон сказал:

— Мы, Хароны, занимаемся перевозом уже давно, получаем море информации отовсюду и уже отвыкли удивляться происходящему. Хотя и у нас порой возникают странные вопросы. — Харон сделал глоток вина из кожаной фляжки, лежавшей на дне лодки. — Зачем мы здесь? Какого черта я выполняю функции Харона, если это не доставляет мне никакого удовольствия? Наши истории не имеют ни начала, ни конца, а твоя — еще и середины. У тебя когда-либо за последние годы было время жить, не исполняя роль Агамемнона? Был ли ты хоть пять минут самим собой? Или ты всегда действовал, как того требовал твой персонаж?

Холодок пробежал по спине Агамемнона.

— А ты, Харон? Кто ты такой? Простой человек? Или один из устроителей Лотереи?

— Джентльмены, — сказал Харон, — я надеюсь, эта беседа развлекла вас, потому что мы прибыли к месту назначения.

Оглядевшись, Агамемнон разглядел приближающуюся темную линию побережья. Берег был низким, точно таким же, который они покинули некоторое время назад.

Лодка с мягким стуком врезалась в песок.

— Вот мы и на месте, — сказал Харон и повернулся к Агамемнону: — Не забывай, ты должен мне денег за перевоз.

— Прощайте, командир, — сказал Пилиад. — Я надеюсь на справедливое судейство и жажду увидеть вас во дворце Ахилла, где, по слухам, он живет ныне с Еленой, прекраснейшей женщиной, которая когда-либо рождалась на свет. Говорят, они пируют с героями Троянской войны и читают стихи Гомера на чистом греческом. Я не был героем, я даже не говорю по-гречески; но Ахилл и Елена должны радушно отнестись к такому чест-

ному простому солдату, как я, и я рассчитываю на одобрение великих героев нашей Троянской операции.

— Надеюсь, так и будет, — сказал Агамемнон. — С радостью присоединился бы к вам, но я, к сожалению, все еще жив.

Солдаты также попрощались с Агамемноном, уверили его, что будут скучать по нему, и выразили сожаление, что им придется расстаться. Затем четверо покойников направились к месту захоронения, которое виднелось на холме. А Агамемнон двинулся по стрелке на большом фанерном указателе: «К Елисейским полям и острову Поэзии — сюда». Это были районы, где он надеялся найти Тиресию.

Некоторое время Агамемнон шел пышными лугами. Навстречу ему то и дело попадались небольшие стада крупного рогатого скота. Спустившись с холма, он вышел в долину. В центре долины располагалось маленькое озеро, посреди озера по горло в воде стоял человек. По берегам росли фруктовые деревья, их ветви склонялись над водой, и спелые плоды свисали прямо над головой несчастного. Но когда он пытался сорвать банан или яблоко, — оба плода росли на одном и том же дереве, — фрукты ускользали из его рук. Несмотря на то, что лица человека почти не было видно, Агамемнон не колебался ни минуты:

— Привет, Тантал!

— Будь я проклят, если это не царственный Агамемнон! — воскликнул человек в озере, поднимая голову. — Неужели и ты наконец отдал концы?

— Нет, что ты, — сказал Агамемнон. — Я просто пришел побеседовать с Тиресием. Может быть, ты знаешь, где я могу найти его?

— Тиресий снимает номер люкс во дворце Гадеса. Тебе надо сейчас принять немного влево, а потом на развилке свернуть направо.

— Спасибо, Тантал. Скажи мне, это очень тягостно — наказание, которое боги наложили на тебя? Я что-нибудь могу для тебя сделать?

— Спасибо, что спросил, — сказал Тантал. — Нет, ты ничего не можешь сделать для меня. Кроме того, эта кара не столь ужасна, как может показаться на первый взгляд. Боги безжалостны, но безалаберны и не слишком следят за строгостью исполнения наказаний. Поэтому мы с Сизифом и Прометеем время от времени меняемся муками. Упражнения с камнем Сизифа хорошо отражаются на моей фигуре — честно говоря, без

них я давно бы уже зарос жиром, поскольку мое основное наказание вызывает у меня чрезмерный аппетит, который я утоляю при первой возможности.

— Но когда ты меняешься с Прометеем, твою печень терзает стервятник — вряд ли это так же весело.

— Знаешь, орел часто промахивается мимо печени и клюет почки, что гораздо менее болезненно. Да и вообще, здесь, в аду, чувства притупляются. Даже царь Ахилл и царица Елена, благословенные непревзойденной красотой, имеют определенные затруднения с сексом. Сильная боль — это желанный шанс почувствовать хоть что-нибудь.

«Неужели и такой выигрыш в Лотерею может сделать кого-то счастливым?» — думал царь Микен, прощаясь с царем-мучеником.

Агамемнон двинулся в направлении, которое указал ему Тантал. Он пересек нагорье по едва заметной тропинке и увидел внизу сосновую рощу. По роще неторопливо разгуливало около дюжины оживленно беседующих мужчин и женщин.

Агамемнон подошел к ним и представился. Одна из женщин сказала:

— Мы знаем, кто ты. Мы ждали тебя с тех пор, как твои злоключения были упомянуты в нескольких книгах, которые сгорели вместе с великой Александрийской библиотекой. В честь твоего прибытия мы написали большую речь под названием «Плач Агамемнона». Мы полагаем, что отразили в ней всё, что могли бы услышать от тебя самого.

— Раз вы знали, что я приду, почему вы не подождали, чтобы услышать, что я скажу на самом деле?

— Потому что мы исповедуем философию действия. Разумнее написать твою речь самим, чем пассивно ждать, пока ее напишешь ты, даже если у тебя и получится, в чем мы сильно сомневаемся. Ты ведь не философ и вряд ли сумел бы облечь свои мысли в подходящие формы.

— Что ж, премного вам благодарен, — саркастически сказал Агамемнон.

— Мы не ожидали, что заслужим твое одобрение, — сказал другой философ. — Но мы, без сомнения, правильно отразили твою точку зрения.

— Это все крайне любопытно, — сказал Агамемнон. — Но не подскажите ли вы, как мне найти Тиресия?

Философы коротко посоветовались. Затем один из них сказал:

— Мы не считаем Тиресия философом. Он просто шаман.

— Ну и что? — спросил Агамемнон.

— Шаманы иногда делают правильные выводы о сути вещей, но на этих людей нельзя полагаться, поскольку они не могут объяснить, каким путем им это удастся. Исходя из вышесказанного...

— Эй, эй! — сказал Агамемнон. — Я не нуждаюсь в критике шаманизма. Я просто хочу найти этого парня.

— Он обычно проводит время в маленькой роще за дворцом Ахилла. Непременно возвращаясь к нам, если хочешь получить копию своей речи.

— Непременно, — сказал Агамемнон и отправился в указанном направлении.

Вскоре он добрался до дворцовой рощи. Здесь было светлее, чем в других частях Гадеса, которые он посетил, — несмотря на то, что солнца по-прежнему не было видно. Агамемнон не был особо удивлен, увидев впереди накрытый стол, ломившийся от напитков и закусок, сидящего за ним человека в длинном плаще и маске и пустое кресло напротив него.

Человек помахал ему рукой.

— Агамемнон? Я слышал, ты хотел меня видеть, так я облегчил тебе задачу, сев у тебя на пути. Присаживайся и угощайся.

Агамемнон воспользовался любезным приглашением.

— Ты Тиресий?

— Именно. Не желаешь ли вина?

— Было бы замечательно. — Агамемнон подождал, пока Тиресий разольет вино по бокалам, затем сказал: — Могу я спросить, почему ты в маске?

— Причуда, — сказал Тиресий. — А также нечто большее. Я маг, или шаман, используя более популярный ныне термин. Пользуясь своими новыми способностями, я путешествую — не только по Древней Греции, но вообще в пространстве и времени.

— И ты не хочешь быть узнаваемым?

— Это может быть очень удобно — когда тебя не узнают на каждом шагу. Но это не настоящая причина. Понимаешь, Агамемнон, если ты знаешь лицо какого-либо человека, это дает тебе определенную власть над ним. Это открыл Мерлин, когда имел неосторожность влюбиться в колдунью Моргану. Я стараюсь никому не давать власти над собой, если имею возможность.

— Я не могу представить себе человека, который сумел бы получить власть над тобой.

— То же самое я сказал Мерлину незадолго до того, как Моргана заточила его в холм. Осторожность никогда не бывает

лишней. Теперь скажи мне, почему ты искал меня. Я все знаю, конечно, но хочу услышать это из твоих уст.

— Это не секрет, — сказал Агамемнон. — Моя жена Клитемнестра и ее любовник Эгисф поклялись убить меня. Я пришел к тебе, чтобы спросить, не подскажешь ли ты мне способ сбежать из города.

— Они собираются убить тебя за то, что ты умертвил свою дочь Ифигению, принеся ее в жертву, чтобы твой флот доплыл до Трои? Правильно я понимаю?

— Нет, погоди! — сказал Агамемнон. — Есть другая версия, в которой я не убивал Ифигению. Она сейчас живет в Авлиде!

— Не пытайся ввести меня в заблуждение лукавыми речами, — сказал Тиресий. — Обе версии твоей истории правдивы. Ты одновременно убил и не убил свою дочь. Слышал ли ты когда-нибудь о кошке Шрёдингера? Это была популярная в твою эпоху научная байка.

— Я слышал ее, — сказал Агамемнон.

— Человек, о котором идет речь в этой байке, несет вину за гибель кошки, несмотря на то, что на самом деле он ее не убивал. Увы, такова реальность двух миров.

Агамемнон помолчал. Он смотрел на маску Тиресия, которая временами казалась сделанной из чеканного золота, а временами — из золотой парчи, поскольку она колыхалась, когда маг говорил.

После паузы Агамемнон спросил:

— О каких двух мирах ты говоришь?

— Мир Земли с его различными линиями времени и мир Лотереи.

— Значит, бежать некуда? Везде меня ждет наказание?

— Мой юный друг, я этого не сказал. Эта игра гораздо более сложна для понимания, чем ты можешь вообразить.

— Зачем создатели Лотереи делают это с нами?

— Потому что это является для них прекрасным бихевиористическим полигоном. Легендарная история Земли — абсолютный тест для тех, кто манипулирует линиями времени. Создатели Лотереи пытаются воссоздать эту историю, чтобы решить поставленные ею моральные уравнения.

— И как, получается?..

Тиресий пожал плечами, и Агамемнону на мгновение показалось, что под его плащом скрываются нечеловеческие формы.

— Поначалу это казалось хорошей идеей. Но вчерашняя хорошая идея зачастую выглядит совсем по-другому наутро.

Агамемнон помолчал.

— Так ты сможешь мне вырваться отсюда?

Тиресий кивнул.

— Отсюда можно выбраться по реке Времени.

— Никогда не слышал о такой.

— Вообще-то это метафора. Но Царство мертвых — место, где метафоры становятся реальностью.

— Метафора или нет, я не вижу кругом ни одной реки, — сказал Агамемнон.

— Я расскажу тебе, как до нее добраться. Тебе придется преодолеть пролив между Сциллой и Харибдой. Ты пройдешь по туннелю, который выведет тебя туда.

Агамемнон поежился.

— А нет ли какого-нибудь другого пути?

Тиресий покачал головой.

— Это единственный путь. Миновав Сциллу и Харибду, ты увидишь линию белых бурунов. Это река Забвения впадает в океан прошлого. Она тебе не нужна. Когда ты пересечешь ее, ты увидишь другую линию бурунов. Преодолев их, ты попадешь в реку, которая перенесет тебя из прошлого в будущее.

— С прошлым все понятно... но где это будущее?

— В месте, которое ты хорошо знаешь, Агамемнон. Не мешай более. Отправляйся в путь.

Агамемнон поднялся и двинулся в указанном Тиресием направлении. Когда он оглянулся, маг уже исчез. Разговаривал ли он с ним на самом деле? Агамемнон не был уверен в этом.

Некоторое время спустя он действительно увидел полускрытый кустарником вход в туннель, уходящий под землю. Туннель был сделан из какого-то светлого металла, возможно алюминия; это был еще один вопиющий анахронизм, поскольку алюминий не использовался в Древнем мире, но Агамемнон не стал заострять на этом внимание.

У входа в туннель стояла женщина. Достаточно было лишь беглого взгляда на нее, чтобы понять, что подобная ей никогда ранее не рождалась на свет.

— Елена!

— Привет, Агамемнон, — сказала она. — Давно не виделись. Я пришла сказать спасибо за то, что ты отослал меня домой к Менелая, и предложить тебе свое гостеприимство здесь, на Елисейских полях.

— Ты очень любезна, царица Елена. Но я должен идти.

— Должен?

Агамемнон кивнул. Никогда еще его душа не терзалась столь противоречивыми чувствами. Эта женщина была его воплощенной мечтой. На свете не было ничего чудеснее, чем быть любимым Еленой Прекрасной.

— Но твой новый муж, Ахилл...

— Ахилл великий воин и интересный мужчина, но он мертв, как и я. А мертвый герой не сравнится даже с живой с собакой. Ты жив. Жив и в преисподней! Такие чудесные обстоятельства крайне редки. Геракл, Тесей и Орфей, конечно, тоже были здесь, но только мимоходом.

— Я живой, — сказал Агамемнон. — Поэтому я тоже не смогу здесь остаться. Здесь нельзя находиться живым.

— Я поговорю об этом с Гадесом, — пообещала Елена. — Я ему нравлюсь — особенно когда его жена Персефона уезжает на полгода в царство живущих.

Перед глазами Агамемнона быстро промелькнули картины радужного будущего. Остаться здесь с Еленой — это был предел мечтаний. Никого и никогда он не хотел так, как ее.

Она протянула ему руку. Он двинулся к ней...

И услышал вдали голоса.

Он увидел две женские фигуры в небе. Одна из женщин была высокой, статной, коренастой, с распущенными темными волосами. Другая была молодой, высокой, стройной, с белокурыми волосами, собранными в пучок и скрепленными серебряным гребнем. Женщины шли с неба прямо к нему и горячо спорили.

— Ты должна сказать ему это прямо в лицо! — говорила старшая женщина.

— Мамочка, ни к чему устраивать сцены.

— Но он собирался убить тебя, как ты не можешь понять? Перерезать тебе горло на алтаре!

— Мамочка, мне жалко папу. Во всяком случае, есть другая версия, которая утверждает, что Артемида спасла меня и забрала в Тавриду, где сделала меня своей верховной жрицей.

— Агамемнон убил тебя! Если не буквально, то фигурально, не имеет значения, какой версии происшедшего ты будешь придерживаться. Он виновен в обеих версиях!

— Мамочка, угомонись.

— Ты, маленькая идиотка, ты делаешь так, как я тебе скажу! Смотри, вон он, гнусный убийца. Эй, Агамемнон!

Агамемнон не собирался слушать дальше. Отпустив руку Елены, осознавая, что ему придется лишиться божественных на-

слаждений ради боли и неопределенности земной жизни, он бросился через подлесок и нырнул в белый металлический туннель.

Агамемнон был готов к крутому спуску под уклон, но не к движению по спирали. В туннеле было темно, и он не видел света в другом конце. Он вращался все быстрее, и казалось, здесь нет ничего, что могло бы остановить или хотя бы замедлить его ускорение. Он подумал, что, если его жена и дочь последуют за ним, будет совсем невыносимо.

Агамемнон продолжал стремительно ввинчиваться в темноту, задевая за стены туннеля. Внезапно падение резко оборвалось — туннель закончился. На мгновение его сердце замерло, когда он взлетел в воздух, а затем он рухнул в ледяную воду.

Шок от холодной воды был так велик, что он оказался практически парализован, не в силах сделать ни малейшего движения.

Преодолев пролив между Сциллой и Харибдой, разобравшись с реками Времени, Агамемнон вернулся в маленький и захолустный, но от этого не менее родной техасский городок. Первым, кого он здесь увидел, был Хозе, который стоял, облокотившись на припаркованный возле универмага пикап. Хозе задохнулся от изумления, когда увидел Криса.

— Сеньор Крис! Это вы?

За приветствиями последовали крепкие объятия. Когда Крис Джонсон выиграл в Лотерею, он сбежал из родных мест, бросив ранчо на пожилую супружескую чету мексиканцев, Хозе и Марию, служивших еще у его родителей. Но ранчо все еще принадлежало ему, и он был дома.

Увидев Криса, вышедшая из универмага Мария расплакалась. С трудом успокоившись, она сказала:

— Сегодня на обед у нас индейка — такая, как вы любите!

Потом они поехали в старом пикапе Хозе на ранчо, и Мария ознакомила Криса со всеми местными сплетнями, скопившимися за время его отсутствия. Ранчо выглядело слегка запущенным после стольких лет, но явно поддерживалось в порядке. Вскоре был накрыт обед.

После обеда Крис пошел в гостиную и прилег на старую софу. Здесь оказалось восхитительно удобно, и запахи вокруг были родными и успокаивающими. Он потихоньку начал погру-

жаться в сон, когда вдруг увидел высокую фигуру Тиресия, на лице которого по-прежнему была маска.

Тиресий кивнул ему и уселся в ногах. Крис напрягся, но не смог вырваться из объятий сна.

— Я пришел сюда, чтобы убедиться, что ты дома и у тебя все в порядке, — произнес Тиресий. — Когда тыходишь в реку Времени, ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

— Да, я вернулся туда, где мне и место. Скажи, Тиресий, существует ли опасность, что Клитемнестра найдет меня здесь?

— Она не сможет найти тебя здесь. Но наказать сможет. Это неизбежно.

— За что меня наказывать? Я ничего не сделал!

— Когда ты был Агамемноном, ты убил свою дочь. Моральное уравнение, Крис. За все, что ты сделал в той или иной ипостаси, неизбежно приходится платить.

— Но по другой версии...

— Брось эти детские глупости. Девушка была убита. В произведениях Гомера, которыми руководствуется Лотерея, этого преступления нет. Но есть наказание.

— Я думал, раз я попал домой, законы легендарной Греции на меня не распространяются! И в конце концов, это просто смешно — наказывать меня за убийство, которое совершил мой мифический предшественник!

— Оставь свою софистику. История с Агамемноном и Ифигенией — это трагическая ситуация, призванная вызывать у людей катарсис. Древние греки вообще любили подобные истории — Эдип, Тантал, Сизиф, Прометей, список бесконечен. И одно из решений подобных моральных уравнений таково: люди могут сколько угодно водить за нос земное правосудие, но наказание за их деяния следует всегда. Судьбу не обманешь.

Крису приснилось, что он сел на софе, рванул на груди рубашку и сказал:

— Ну что ж, тогда — стреляй!

— По-настоящему агамемноновский жест, Крис. Но я пришел не за этим.

— Значит, меня покарает Клитемнестра?

— И по возвращении в Микены будет убита Орестом. В этой бесконечно повторяющейся истории победителей не будет, Крис.

— Значит, ты пришел сюда, чтобы сказать мне это?

— Именно. И еще позаботиться о том, чтобы увязать некоторые сюжетные нестыковки. Прощай, Крис. Увидимся в аду.

И с этим Тиресий исчез.

Вздвогнувшись, Крис проснулся. Тиресий из сновидения выглядел очень реальным. Но теперь сон уже закончился, и Джонсон вернулся на свое техасское ранчо. Был вечер, солнце уже село, быстро холодало. Крис встал с софы. Услышав его шаги, Мария выбежала из кухни. Она несла его старую замшевую куртку.

— Не простудитесь, мистер Крис, — сказала она, заботливо набрасывая куртку ему на плечи.

Куртка странно стягивала все тело. Крис не мог даже пошевелить рукой. Он краем глаза увидел Хозе, который неторопливо зашел ему за спину. Затем его голову зачем-то оттянули назад.

— Что вы делаете? — спросил Крис, с беспокойством заметив, что в руке Хозе блеснула сталь. — Эй, что происходит?

— Мистер Крис, мы только что узнали, что выиграли в лотерею, мы с Марией! — сияя, сказал Хозе. — Я буду новым Агамемноном, она — Клитемнестрой, но прежде мы должны решить одну небольшую проблему. Согласно контракту, нам необходимо убить прежнего Агамемнона!

В голове Криса переплетались и сталкивались какие-то жалкие увещевания, оправдания, доводы, но из горла его вырвался лишь слабый хрип. Колени у него подогнулись, и он медленно опустился на пол. Боль была острой и короткой, и он еще успел пожалеть, что не успел сделать какое-то чрезвычайно важное дело, вот только он так и не смог вспомнить, какое именно...

Он уже не мог знать этого, но как раз в это самое время человек в черном плаще вошел в отделение местного банка и перечислил некоторую сумму в Инфернал Банк на счет Томаса Кука. Клерк никогда не слышал о таком банке, но когда он посоветовался с менеджером, вопрос моментально был улажен. Эта сумма была гарантией того, что Крис Джонсон не останется вечно бродить по бесплодному берегу Стикса: она покрывала его долг за четырех попутчиков, за которых он поручился.

Тиресий не обязан был делать это, но маги старой закваски — благородные люди. И кроме того, они прекрасно умеют увязывать некоторые сюжетные нестыковки.

ВЕЧНОСТЬ

С такой крупной ставкой Чарлзу Денисону не следовало допускать небрежности. Изобретатель вообще не должен позволять себе небрежности, особенно если изобретение крайне значимо и явно патентабельно. Слишком уж много развелось загребущих рук, готовых захватить все, что принадлежит другому; да и людей, жирующих на творчестве неискушенных ученых, куда больше, чем нужно.

Определенный параноидальный заскок сослужил Денисону неплохую службу, но ему явно не хватало жизненно важных свойств, необходимых каждому изобретателю. Однако он не осознавал всей степени собственной небрежности, покуда пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, не выбила кусочек гранитной стены всего в трех дюймах от его головы.

Вот тогда-то он и понял. Но, как это зачастую случается, понимание пришло слишком поздно.

Отец оставил Чарлзу Денисону не такое уж и скромное состояние, а посему он поступил в Гарвард и, отслужив положенный срок в военно-морских силах, имел возможность продолжить образование. Когда Денисону исполнилось тридцать два, он занялся частными исследованиями в собственной небольшой лаборатории в Ривердейле, штат Нью-Йорк. Областью его деятельности была биология растений; он опубликовал несколько заслуживающих внимания статей и даже продал свою разработку нового инсектицида одной развивающейся корпорации. Гонорары помогли Денисону расширить возможности личной деятельности.

Денисону нравилось работать в одиночку. Это соответствовало его характеру, довольно замкнутому, но вовсе не мрачному. Два-три раза в год он приезжал в Нью-Йорк посмотреть кое-какие спектакли и фильмы, не пренебрегая при этом представившимся поводом пару раз как следует выпить, после чего, удовлетворенный проведенным временем, возвращался домой,

к своему добровольному уединению. Он вел холостяцкую жизнь, и, казалось, судьба предопределила ему оставаться таким.

Вскоре после того как Денисон отметил свое сорокалетие, он натолкнулся на некую весьма интригующую путеводную нить, которая выводила его в совершенно иную область биологии. Денисон последовал за этой нитью и, распутывая таинственный клубок, медленно развивал гипотезу. Через три года, благодаря счастливому случаю, он получил окончательные доказательства.

Денисон изобрел самый эффективный эликсир долголетия. Он не служил защитой против насильственной смерти, однако при прочих условиях мог быть справедливо назван сывороткой бессмертия.

Вот тут-то и пришло время для осмотрительности, однако годы уединения лишили Денисона необходимой осторожности по отношению к людям и их побуждениям. Он относился с заметным невниманием к окружавшему его миру, и ему никогда не приходило в голову, что мир-то вовсе не относился с таким же невниманием к нему.

Денисон думал только о своей сыворотке. Конечно, она была ценным и оригинальным открытием. Но вот относилась ли она к тому разряду изобретений, которые необходимо публиковать? Готов ли мир получить эликсир долголетия?

Подобные размышления никогда не приводили Денисона в восторг. Однако со времени появления атомной бомбы многим ученым пришлось учитывать и этическую сторону своей работы. Денисон тоже учел ее и решил, что бессмертие неизбежно.

Человечество всегда выискивало и исследовало тайны природы, пытаясь уяснить, что как устроено и каким образом действует. Если бы один не открыл огня, рычага, пороха, атомной бомбы или бессмертия, то это обязательно сделал бы другой. Человек хотел знать все тайны природы, и способа сокрыть их просто не существовало.

Приняв на вооружение эту мрачную, но удобную философию, Денисон уложил в портфель все формулы и доказательства, засунул в карман пиджака бутылочку готового продукта на две унции и покинул свою ривердейлскую лабораторию. Уже наступил вечер, а потому Денисон планировал провести ночь в хорошем городском отеле, посмотреть фильм и на следующий день отправиться в Вашингтонское Бюро патентов.

В метро Денисон с головой ушел в чтение газеты и едва ли замечал находившихся рядом людей. Он заметил их только

тогда, когда человек, сидящий справа, ткнул ему под ребра чем-то твердым. Денисон повернулся и увидел вздернутый носик маленького пистолета, упирившегося ему в бок. Развернутая газета скрывала оружие от глаз других пассажиров.

— В чем дело? — спросил Денисон.

— Передайте сюда, — велел сосед.

Денисон был ошеломлен. Об открытии знал кто-то еще кроме него самого. Откуда? И как они посмели грабить его прямо в вагоне метро?

Потом он решил, что у него просто хотят отобрать деньги.

— У меня совсем немного, — хрипло произнес Денисон, потянувшись за бумажником.

Сидевший слева мужчина наклонился и шлепнул по портфелю.

— Не деньги, — сказал он. — Микстуру бессмертия.

Каким-то непостижимым образом они о ней знали. А что, если отказаться отдать портфель? Посмеют ли они открыть пальбу в вагоне? Правда, оружие очень малого калибра, и шум выстрелов будет заглушен грохотом метро. А может, риск оправдывает себя за такой грандиозный приз, которым обладал Денисон?

Он быстро окинул их взглядом. Ничем не примечательные люди, одетые неброско, скорее даже мрачно. Вид их одежды вызвал у Денисона какие-то неприятные воспоминания, но времени подробно копаться в памяти у него теперь попросту не было. Пистолет больно упирался в ребра.

Поезд подходил к станции. Денисон взглянул на человека слева и уловил отблеск света на крошечном шприце.

Многие изобретатели, занятые исключительно собственными мыслями, имеют замедленные реакции. Но Денисон служил на флоте и командовал орудийным расчетом. А потому сейчас он не стал считать себя пассивным участником событий. Да будь он проклят, если с такой легкостью отдаст свое изобретение.

Денисон рванулся с места, и шприц проткнул рукав пиджака, не задев руки. Он с размаху ударил портфелем человека с пистолетом и попал ему в лоб металлическим уголком. Двери открылись, и Денисон выскочил из вагона, оставив позади выпучивших от изумления глаза грабителей, промчался вверх по лестнице и выбежал на улицу.

Оба грабителя — один с окровавленным лбом — гнались за ним. Денисон мчался вперед, не разбирая дороги и дико озираясь в поисках полицейских.

Сзади послышались крики преследователей: «Держи вора! Полиция! Полиция! Задержите его!»

Они явно были готовы к встрече с полицией и несомненно стали бы утверждать, что портфель и бутылка принадлежат им. Нелепая ситуация! Вдобавок благородное негодование и уверенность в их пронзительных голосах лишали Денисона присутствия духа. Развитие событий Денисону совсем не нравилось.

Самый лучший выход из создавшегося положения — конечно, полицейский. В портфеле полно документов, подтверждавших его личность. А его имя даже обозначено на наружной стороне крышки портфеля. Один взгляд скажет любому...

Денисон заметил отблеск металлической пластинки. Он на бегу взглянул на нее — и оцепенел, увидев на воловьей коже крышки портфеля металлическую пластинку, прикрепленную на том месте, где раньше было обозначено его имя.

Очевидно, это сделал человек, сидевший в вагоне слева от Денисона, когда хлопнул по портфелю.

Денисон ковырнул пластинку, но та держалась крепко.

«Собственность Эдварда Джеймса Флайерти, Смитфилдский институт», — значилось на табличке.

Возможно, от полицейского будет не так уж много проку.

Однако эта проблема имела чисто академический характер, поскольку на переполненной Бронкс-стрит Денисон не замечал ни одного полицейского. Люди шарахались в стороны, когда Денисон пробегал мимо, с разинутыми ртами глазели на погоню, но не вмешивались. Ему никто не помогал, но никто и не мешал. Однако преследователи продолжали вопить: «Держи вора! Держи вора!»

Весь длинный квартал уже был настороже. Люди, словно медлительная домашняя скотина, неохотно включались в действие. Побуждаемые возмущенными криками преследователей, некоторые уже начали предпринимать неуверенные попытки остановить Денисона.

Если он не уравновесит шкалу общественного мнения, то столкнется с определенными неприятностями. Денисон переборол застенчивость и закричал: «На помощь! Грабят! Задержите их!»

Однако его голосу не хватало морального негодования и абсолютной убежденности в своей правоте, присущих двум пронзительным голосам преследователей.

Молодой крепыш уже было преградил путь Денисону, но в последний момент какая-то женщина утянула его в сторону.

— Не нарывайся на неприятности, Чарли.

- Почему никто не позовет полицейского?
- Да? А где они, эти полицейские?
- Я слышал, на большом пожаре в районе 178-й стрит.
- Мы могли бы остановить этого типа.
- Давай начинай. А я за тобой.

Дорогу Денисону внезапно преградила четверка ухмыляющихся юнцов в черных мотоциклетных куртках и ботинках, возбужденная шансом поразвлечься и с наслаждением предвкушающая возможность почесать кулаки во имя закона и порядка.

Увидев их, Денисон резко свернул с тротуара и помчался через дорогу на противоположную сторону улицы. И едва не угодил под автобус.

Он быстро увернулся, упал, поднялся и побежал дальше.

Плотный поток транспорта задержал преследователей. Денисон свернул в боковую улицу, пробежал ее до конца и выбежал на другую, слыша, как постепенно стихают визгливые голоса погони.

Он находился в квартале массивных многоквартирных домов. Легкие Денисона горели, словно он дышал пламенем пышущей жаром печи, а в левом боку кололо так, будто он был прошит насквозь раскаленной докрасна проволокой. Тут уж ничем не поможешь, надо только передохнуть.

И вот тут-то первая пуля, выпущенная из бесшумного оружия, выбила кусочек из гранитной стены всего в трех дюймах от головы Денисона. Именно тогда он осознал всю степень своей беспомощности.

Денисон вытащил из кармана бутылочку. Он-то надеялся провести с сывороткой большое количество экспериментов, прежде чем опробовать ее на людях. Однако теперь выбора не оставалось. Денисон вытащил пробку и единым духом проглотил содержимое.

И тут же побежал снова, поскольку в гранитную стену ударила еще одна пуля. Огромные кварталы многоквартирных домов, тихие и чужие, казалось, никогда не кончатся. На улицах даже не было пешеходов — только Денисон, куда медленнее, чем раньше, бежавший мимо необъятных домов с пустыми глазами окон.

Сзади него появился длинный черный автомобиль, обшаривающий светом фар двери и проулки. Неужели полиция?

— Вот он! — раздался пронзительный крик одного из преследователей.

Денисон нырнул в узенький переулок между домами, пробе-

жал его насквозь и выскочил на другую улицу. Но там уже стояли еще два подобных автомобиля. Расположившись по противоположным сторонам квартала, автомобили светили фарами на встречу друг другу, пытаясь поймать Денисона в перекрестье лучей. Переулок, откуда выбежал Денисон, тоже был освещен светом фар первого автомобиля. Окружили!

Денисон метнулся к ближайшему дому и рванул дверь. Заперто. Автомобили приближались. И, глядя на них, Денисон вспомнил неприятные ассоциации, уже возникавшие у него в метро.

Оба автомобиля были... катафалками.

Грабители в метро своими угрюмыми лицами, мрачной одеждой, монотонными галстуками и визгливыми негодующими голосами напоминали ему гробовщиков. Они и были гробовщиками!

Ну конечно! Конечно же! Нефтяные компании могли выразить желание заблокировать изобретение дешевого горючего нового типа, которое лишало бы их прибылей; стальные корпорации могли пытаться остановить развитие недорогого, но более прочного, чем сталь, пластика...

А производство сыворотки бессмертия обрекало на крах владельцев похоронных бюро.

За работой Денисона и тысяч других исследователей-биологов велось пристальное наблюдение. И как только он сделал открытие, к этому уже были готовы.

Катафалки остановились. Из них вышли мрачные респектабельные люди в черных костюмах и жемчужно-серых галстуках и со всех сторон обступили Денисона. Портфель тут же вырвали из рук, и он мгновенно почувствовал укол иглы в плечо. Не успев ощутить предобморочное головокружение, Денисон потерял сознание.

Придя в себя, он заметил, что сидит в кресле, по обе стороны которого стоят вооруженные люди. Прямо перед Денисоном расхаживал невзрачного вида низенький толстяк в строгом костюме.

— Меня зовут Беннет, — представился толстячок. — Мистер Денисон, прошу прощения за насилие, которому вы подверглись. О вашем изобретении мы узнали в самый последний момент, и потому нам пришлось пойти на некоторые импровизации. Пули были только средством напугать и задержать вас. Убийство не входило в наши планы.

— Ага. Вы просто хотели украсть мое открытие, — сказал Денисон.

— Не совсем, — возразил мистер Беннет. — Секретом бессмертия мы владем давно.

— Понятно. Значит, вы хотели утаить бессмертие от людей, чтобы сохранить свой проклятый похоронный бизнес.

— Ну разве можно быть таким наивным? — улыбнулся мистер Беннет. — Ни я, ни мои товарищи — не гробовщики. Мы придумали такую маскировку, чтобы правдоподобнее мотивировать свои действия в случае, если бы наш план захватить вас провалился. Тогда и другие подумали бы точно так же — и только так — как и вы, что главной нашей целью было обезопасить свой бизнес.

Денисон нахмурился и, наблюдая за толстяком, ждал продолжения.

— Маскировка для нас — обычное дело, — все еще улыбаясь, пояснил мистер Беннет. — Возможно, до вас доходили слухи о новом карбюраторе, разработку которого прикрыли бензиновые компании? Или об универсальном источнике пищи, который утаивают главные поставщики продовольствия? Или о новом синтетическом материале, которому так и не дали появиться хлопкопроизводители? Это все наша работа! А изобретения закончили свой путь здесь.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? — спросил Денисон.

— Естественно.

— Зачем же вам понадобилось мешать мне запатентовать сыворотку бессмертия?

— Мир еще не готов к ней, — объяснил мистер Беннет.

— Он не готов ко многому, — заявил Денисон. — Почему же вы не заблокировали изобретение атомной бомбы?

— Пытались. Хотели сделать это под маской корыстных интересов угле- и нефтедобывающих компаний, но допустили ошибку. Однако в других случаях мы добились успеха поразительное количество раз.

— И какова же ваша цель?

— Благополучие Земли, — торжественно провозгласил мистер Беннет. — Представьте себе, что произойдет, если люди получат вашу сыворотку. Проблемы рождаемости, производства пищи, жизненного пространства — осложнятся буквально все. Напряженность усилится, и война станет реальной угрозой...

— Да ну? — удивился Денисон. — А по-моему, дела и сейчас

обстоят именно таким образом. И без всякого там бессмертия. Более того, вопли о гибели мира раздавались после любого изобретения или открытия. Будь то порох, печатный пресс, нитроглицерин, атомная бомба — все они давно бы уничтожили человечество. Однако люди научились управлять ими. Именно так и должно быть! Вы не сможете повернуть историю вспять и закрыть уже сделанное кем-то открытие. Уж если оно есть, человечество должно о нем узнать!

— Да, но с кровавыми, бессмысленными и бесполезными последствиями, — с отвращением заметил мистер Беннет.

— Человек таков, каков он есть.

— Нет, если руководить им надлежащим образом, — заявил мистер Беннет.

— Нет?

— Именно нет, — подтвердил мистер Беннет. — Видите ли, сыворотка бессмертия обеспечит решение проблемы политической власти. Правление неизменной просвещенной элиты — гораздо лучшая форма правления, несравненно лучшая, чем подверженная ошибкам недееспособная демократия. Но обратимся к истории: такая элита — монархия, олигархия, диктатура или же хунта — не способна увековечить себя. Лидеры умирают, а последователи начинают драться друг с другом за власть, после чего неизбежно наступает хаос. С бессмертием этот последний недостаток будет ликвидирован, то есть не будет прерываться линия лидерства, поскольку лидеры воцарятся навсегда.

— Постоянная диктатура, — съязвил Денисон.

— Да. Постоянное правление небольшой, тщательно отобранной элитарной группы, основанное на исключительном праве обладания бессмертием. Такова историческая неизбежность. Единственный вопрос в том, кому первому удастся захватить власть.

— И вы считаете, что это сделаете именно вы, — заявил Денисон.

— Конечно, наша организация пока еще малочисленна, но абсолютно крепка. И она укрепляется с каждым новым изобретением, попадающим к нам в руки, и каждым новым ученым, присоединяющимся к нам. Пришло наше время, Денисон! Мы бы хотели видеть вас в своих рядах, среди элиты.

— То есть вы хотите, чтобы я присоединился к вам? — изумился Денисон.

— Естественно. Наша организация нуждается в мозгах ученых, способных спасти человечество от самого себя.

— Нет уж, увольте, — сказал Денисон. Сердце его учащенно забилось.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Мне бы хотелось видеть всех вас повешенными.

Мистер Беннет задумчиво кивнул и сморщил маленькие губки.

— Вы выпили свою сыворотку — не так ли?

Денисон кивнул.

— Полагаю, это означает, что вы убьете меня прямо сейчас?

— Мы не убиваем, — сказал мистер Беннет. — Мы в основном выжидаем. Я думаю, вы разумный человек и, вероятно, еще посмотрите на суть вещей с нашей точки зрения. Мы будем рядом очень-очень долго. Поэтому воля ваша. Уведите его.

Денисона посадили в лифт и опустили глубоко под землю. Потом провели по длинному коридору, вдоль которого стояли вооруженные люди, Денисон с конвоирами прошли четыре массивные двери и остановились у пятой. Уznика втолкнули внутрь, и дверь за ним закрылась.

Он попал в большое, хорошо обставленное помещение. Примерно двадцать человек, находившихся там, подошли поприветствовать его.

Один из них, приземистый, кряжистый мужчина, оказался старым знакомым Денисона по университету.

— Неужто Джим Феррис?

— Точно, — подтвердил Феррис. — Добро пожаловать в Клуб бессмертных, Денисон.

— Я читал, что ты в прошлом году погиб в авиакатастрофе.

— Я просто... исчез, — с печальной улыбкой заметил Феррис. — После изобретения сыворотки бессмертия. Так же, как и прочие.

— Все?

— Из присутствующих здесь пятнадцать человек изобрели сыворотку независимо друг от друга. Остальные добились успехов в других областях. Самый старый член нашего клуба — доктор Ли, изобретатель сыворотки, пропавший в Сан-Франциско в 1911 году. А ты — наше последнее приобретение. Наш Клуб, наверное, самое охраняемое на Земле место.

— Тысяча девятьсот одиннадцатый! — только и смог вымолвить Денисон. На него навалилось отчаяние, и он тяжело рухнул в кресло. — Значит, надежды на спасение нет?

— Никакой. Нам предоставлены четыре возможности, на выбор, — объяснил Феррис. — Некоторые уходят от нас и при-

соединяются к «гробовщикам». Другие кончают жизнь самоубийством. Третьи — их немного — сходят с ума. А оставшиеся образovali Клуб бессмертных.

— Для чего? — изумленно спросил Денисон.

— Чтобы выбраться отсюда, — ответил Феррис. — Добыть свободу и подарить наши открытия миру. Чтобы преградить этим зарвавшимся диктаторчикам путь наверх.

— Но ведь они же должны быть в курсе ваших планов.

— Конечно. Однако они позволяют нам жить, потому что — и довольно часто — кое-кто теряет надежду и присоединяется к ним. И они не думают, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Они слишком самодовольны. Типичный недостаток всех ново-явленных элит и основная причина их падения.

— Но ты же сказал, что это самое охраняемое место на Земле.

— Да, — подтвердил Феррис.

— А кто-нибудь из вас пытался отсюда выбраться за последние пятьдесят лет? Ведь для освобождения понадобится вечность!

— Вечность — как раз именно то, что мы имеем, — сказал Феррис. — Однако мы надеемся, что столь длительный срок нам не потребуется. Каждый новичок приносит свои планы и идеи. Что-нибудь да сработает, обязательно.

— *Вечность*. — Денисон закрыл лицо руками.

— Ты можешь присоединиться к ним, — твердым голосом произнес Феррис. — Или покончить с собой. Либо просто сидеть в уголке и потихонечку сходить с ума. Выбирай.

Денисон уставился в потолок.

— Я должен быть честен и с вами, и с собой. Не уверен, что мы выберемся. Более того, я даже не уверен, что кто-нибудь из вас думает, будто мы сможем это сделать.

Феррис пожал плечами.

— А с другой стороны, — продолжал Денисон, — считаю это чертовски привлекательной идеей. И если вы введете меня в курс дела, я пожертвую всем ради проекта «Вечность». И будем надеяться, что их самодовольство сохранится.

— Наверняка, — сказал Феррис.

Освобождение, конечно, не потребовало вечности. Через каких-то сто тридцать семь лет Денисону и его коллегам удалось вырваться из заточения и раскрыть заговор «гробовщиков». «Гробовщики» предстали перед Высшим Судом по обвинению в похищении людей, тайной подготовке свержения правительства

и нелегальном владении бессмертием. Вину признали по всем статьям обвинения, а наказание определили суммарным сроком.

Однако Денисон и его коллеги тоже незаконно обладали бессмертием, что являлось исключительной привилегией нынешней правящей элиты. Их не предали смертной казни ввиду большой услуги, оказанной государству Клубом бессмертных.

Но прощение оказалось преждевременным. Спустя несколько месяцев члены Клуба бессмертных ушли в подполье, открыто провозгласив своей целью свержение правящей элиты и распространение бессмертия в массы. Проект «Вечность», как именовали его сами члены клуба, получил поддержку у диссидентов, которых еще не успели арестовать. Однако это не считалось серьезной угрозой.

Но сия уклонистская акция никоим образом не умаляет славы Клуба, коей он себя покрыл, совершив побег от «гробовщиков». Гениальный способ, с помощью которого Денисон и его коллеги выбрались из, казалось бы, неприступной тюрьмы, используя лишь стальную пряжку от брючного ремня, моток вольфрамовой проволоки, три куриных яйца и двенадцать химических, без труда и задержки добываемых из человеческого тела, слишком хорошо известен, чтобы о нем здесь лишний раз упоминать.

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, что он появится, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно глядяваясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его, ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Не с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятие! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было послушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятие!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Поймай! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алерриану, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Онахватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же

миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол. — На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Берроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковверным.

— Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак. — Недельки три назад я окончил Политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И, конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами...

Я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обыкновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Алерриан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до нашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам

все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин, — то и другое я доставил бы без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключил к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие во времени?

— Именно. В колледже я специализировался на путешествиях во времени, — подтвердил ферра с мальчишески горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куда-

нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Аleriана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — наиздаательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить «винчестер»...

Боб покачал головой.

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клины клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом! Чтобы мы получили желанный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь

нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были двадцать пять листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет «винчестера», — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телала и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Вываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не действовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфракрасная духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Ваала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбыл из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказал Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легкой примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алерриан». Он, навер-

ное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть наша торговля и наша свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не Бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валий, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крыльшками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, пусть платит пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попробайся, — предложил Боб.

— Попробуюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом?

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грез не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алерия лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алерия и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не успеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым коротко подстриженным волосам.

— Я буду навещать, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алерриан?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

Есть во Вселенной планета Аталла. И на ней — громадная гора Санито, у подножия которой, в долинах, где климат умеренный и благоприятный, процветают различные цивилизации. Вершина же Санито закована в вечные льды, а по склонам то и дело сходят лавины. Склоны эти не просто круты — они почти отвесны, и среди голых скал там зияют бездонные пропасти.

Ни один человек не бывал на вершине Санито. Она считается неприступной. Даже холмы в ее предгорьях словно бросают вызов альпинистам. Однако, как гласит легенда, некогда одному святому удалось-таки на эту гору подняться, ибо святость этого человека за долгие годы достигла уровня божественности — а все благодаря усиленной и однонаправленной концентрации всех его духовных сил.

Этот новоявленный бог, до своего вознесения на Санито известный среди местного населения под именем Шельмо, вырубил в гранитной щеке горы пещеру, сделал себе ложе из ледяных глыб и сплел из лишайников коврик для медитации. Ничего более ему не требовалось — ведь он научился вырабатывать вполне достаточно энергии и внутреннего тепла для своей жизнедеятельности.

Шельмо решил провести на вершине Санито несколько тысячелетий и как следует попрактиковаться в применении однонаправленной концентрации, хотя и без того неплохо владел этим мастерством, и оно даже принесло ему титул бога. Но достигнутые результаты его не удовлетворяли. Он полагал, что может еще отточить свое умение.

Проходили века. Возникали и исчезали цивилизации, но Шельмо было не до того: для достижения по-настоящему полноценной концентрации времени требуется чрезвычайно много. С другой стороны, Шельмо понимал, что, возможно, проявляет некоторый эгоизм по отношению к живущим по соседству народам — нужно же ему, богу, как-то присматривать за людьми, а он забывает о них, все свое время без остатка посвятив любимому занятию. Но потом Шельмо рассудил здраво: во-первых,

богам закон не писан, а во-вторых, времени впереди еще более чем достаточно и вполне можно успеть проявить себя как высоко нравственное божество — разумеется, когда ему удастся полностью овладеть наконец мастерством однонаправленной концентрации.

Для бога, желающего ото всего отрешиться, гора Санито была местом поистине идеальным. Рев бурь и грохот лавин создавали отличный звуковой фон, а клубящиеся белые облака и темные тучи являли собой отличный объект для медитаций. И расположена пещера Шельмо была так высоко, что людские молитвы редко достигали его ушей. Заглушенные воем ветров и толщей снегов, они казались Шельмо скорее печальными стонами или вздохами, не имевшими к нему отношения.

Однако даже богам не дано вечно оставаться в стороне от мирских дрязг. Какое-то время, конечно, можно продержаться, но в итоге тебя все-таки достанут земными проблемами.

И вот как-то раз человек из нижнего мира застал-таки Шельмо врасплох, взобравшись на неприступную вершину и отыскав его пещеру. (Но Шельмо, разумеется, никакого удивления по этому поводу не выказал — боги ведь никогда не удивляются. И все же это было для него неожиданно.)

Человек пал перед божеством ниц и принялся возносить ему длинную молитву.

— Да-да, спасибо большое, — прервал его Шельмо. — Скажи лучше, как ты сюда попал? Ведь считается, что взобраться на Санито не может никто, кроме богов. Ты случайно не бог в человеческом обличье?

— Нет, — сказал человек. — Я обыкновенный человек. И зовут меня Дэн. Мне помогли подняться на такую высоту как мои собственные добродетели и благочестие, так и молитвы людей, которые там, внизу, поклоняются тебе.

— Ясно, — промолвил Шельмо. — Не хочешь ли присесть с дороги? Вот и подходящая ледяная глыба. Надеюсь, ты достаточно хорошо владеешь терморегуляцией?

— Да, конечно! — отвечал Дэн. — Ведь это один из самых легких шагов на пути к высшей духовности.

— Ты прав, — согласился Шельмо. — Ну, рассказывай, зачем ко мне пожаловал?

Дэн поудобнее усадился на ледяную глыбу, поправил одежду и сказал:

— Господи, мы, твои верующие, молим тебя о помощи! Без

твоего вмешательства мы вскоре будем уничтожены, стерты с лица Аталлы.

— Да? И что же у вас случилось? — спросил Шельмо. — Надеюсь, что-то серьезное? Я не люблю, когда меня отвлекают по пустякам.

— Все дело в проклятых стальных крабах! — воскликнул Дэн. — Самопрограммирующиеся механические вампиры тоже, конечно, не подарок. Да и медные скорпионы со взрывающимися хвостами несколько поднадоели. Но основное — все-таки крабы. Эти чертовы автоматы научились сами себя воспроизводить! Мы один завод разрушим, так тут же появляется десяток новых! Чертовы твари заполнили наши дома, улицы, их полно даже в храмах! Они созданы как убийцы, и сейчас мы им явно проигрываем.

— А в мое время на Аталле ничего подобного не было, — заметил Шельмо. — Откуда же эти крабы взялись?

— Ну... — начал Дэн, — тебе ведь, наверное, известно, что сейчас на Аталле царит мир. Но еще в самом недавнем прошлом некоторые страны продолжали друг с другом воевать, тогда-то и были изобретены стальные крабы. А через некоторое время они вырвались из-под контроля людей и мгновенно распространились — сперва на территории той страны, где были созданы, а потом и по всему миру. Крабы размножались быстрее, чем их успевали уничтожать. Мы, разумеется, совершили большую глупость, но... теперь просто пропадем! Господи, умоляю, яви свою милость, помоги нам! Сделай хоть что-нибудь!

Несмотря на добровольное отшельничество, Шельмо все-таки чувствовал себя чем-то обязанным этим людям — «его верующим», как они себя называли.

— Ну хорошо, я это улажу, — сказал он, — но сможете ли вы впоследствии сами о себе позаботиться, а меня оставить в покое?

— О, конечно! — воскликнул Дэн. — Мы абсолютно уверены, что человеческое общество способно управлять собою. Мы, люди, хотим сами ковать свою судьбу! Мы считаем оправданным отделение церкви от государства. Вот только... чертовы крабы, к сожалению, вырвались из-под контроля!

Шельмо всесторонне изучил проблему «чертовых крабов», включив Великое Знание, которым теперь (в качестве бога) располагал. Внизу действительно были серьезные неприятности.

Разумеется, он мог бы запросто сотворить чудо, и все крабы тут же исчезли бы — богу это раз плюнуть! — однако Совет Бо-

жественной Этики вряд ли одобрил бы столь прямое вмешательство в жизнь людей. Подобные «чудеса» обычно приводят к возникновению суеверий, и Шельмо пришлось создать некий вирус — люди, между прочим, так и не сумели разобраться в его происхождении, — который разрушал микросхемы не только стальных крабов, но и медных скорпионов и механических вампиров. Умело манипулируя вирусом на генетическом уровне, Шельмо заставил его уничтожать только вредные для человека автоматы, а потом подвергнуться саморазрушению.

Когда дело было сделано, Шельмо быстренько прервал словоизлияния ликующего Дэна и заявил:

— Знаешь, я не против потрудиться разок на благо человечества. В конце концов, я ведь и сам когда-то был одним из вас. Но теперь очень прошу на какое-то время оставить меня в покое: мне нужно наконец как следует сосредоточиться и достигнуть максимальной однонаправленной концентрации.

Итак, Дэн вернулся назад, в мир людей, а Шельмо опять с головой погрузился в любимое занятие.

Шли годы, но Шельмо они казались мгновениями, и, когда Дэн снова возник на пороге его пещеры, он удивленно спросил:

— Снова ты? Так скоро? Что случилось теперь? Неужели я тогда не всех крабов уничтожил?

— Всех, слава тебе, господи, — отвечивал Дэн.

— Тогда в чем дело?

— Видишь ли, некоторое время мы вполне успешно жили в мире и покое, но потом опять начались неприятности.

— Неприятности? Вы снова стали воевать друг с другом?

— Нет, войн мы избежали. Стряслась совсем иная беда, но не менее страшная. У нас имелись огромные бетонные резервуары для хранения ядерного и химического оружия, которое ныне вышло из употребления. По мнению специалистов, угрожать нам это ничем не могло. Но потом что-то все-таки внутри этих озер произошло: началась неведомая ученым мутация и зародилась некая новая и, надо сказать, весьма агрессивная форма жизни...

— Итак, вы создали новую разновидность живых существ? — молвил Шельмо. — Как бы случайно, по ошибке, но тем не менее! И теперь вам нужен бог, чтобы разрешить создавшуюся проблему. Вам, верно, несладко пришлось?

Дэн кивнул:

— Да уж! Из этих искусственных озер поползла живая полужидкая субстанция, пожиравшая все на своем пути и быстро заполнявшая планету; эта... тварь повсюду рассыпает свои споры, заражая людей, и скоро Аталла исчезнет под ее покровом. И у нас, увы, нет средства, чтобы остановить этот кошмар. Если ты нам не поможешь, господи, мы приговорены!

— Вы, глупцы, упорно продолжаете ошибаться на одном и том же месте, — сказал Шельмо. — Неужели так трудно было сделать выводы из истории со стальными крабами?

— Ты прав, но уж на этот раз мы выводы сделаем наверняка! — воскликнул Дэн. — Весь мир в страхе и тревоге ждет конца! Но поскольку мы, к счастью, пока что не успели себя уничтожить, может быть, ты сумеешь помочь нам еще разок? Мне кажется, уж после этого-то мы определенно выберем путь прогресса и построим новый, куда лучший мир!

Шельмо снова включил Великое Знание и всесторонне обследовал создавшуюся ситуацию. Радиоактивная тварь неведомого химического состава выглядела действительно устрашающе — ее оранжево-черные кляксы испятнали уже большую часть сине-зеленых просторов красавицы Аталлы.

Будучи богом, Шельмо имел несколько возможностей решить эту задачу. Он сделал новоявленное химическое чудовище чувствительным к нехватке nobelium, неустойчивого радиоактивного изотопа, относящегося к актиноидам, а затем неким чудесным образом удалил с планеты Аталла весь nobelium. (Шельмо, в общем, любил порой пошутить. И, разумеется, собирался позднее вернуть все на свои места.)

Радиоактивная тварь погибла мгновенно. А Дэн сумел вымолвить лишь:

— Благодарю тебя, господи! — И правда, где найти слова, чтобы выразить безграничную благодарность тому, кто только что вторично спас человечество от гибели?

Затем Дэн, естественно, вернулся в свой мир, а Шельмо — к любимому занятию.

Он вроде бы еще и сосредоточиться не успел — глядь, а этот Дэн опять на пороге!

— Ты же только что был здесь! — воскликнул Шельмо.

— С тех пор уж полвека прошло, — возразил Дэн.

— Но это же ничтожно мало!

— Ты прав, господи, — смиренно признал Дэн. — Молю тебя: прости, что я снова нарушаю твой покой! Не за себя молю,

но за весь народ — твой народ, господи! — ибо он, беспомощный, обречен на страдания.

— А на этот раз что случилось? Очередное ваше изобретение вышло из-под контроля?

Дэн покачал головой:

— На сей раз всему виной паратиды. Я знаю, тебя не интересует земная политика, но позволь, я все же немного поясню. Паратиды — одна из основных политических партий в нашей стране. Они выступают за свободу, равенство и справедливость по отношению ко всем вне зависимости от расовой и половой принадлежности или религиозных убеждений. Во всяком случае, мы так думали. Но когда паратиды пришли к власти, стало ясно, что нас жестоко обманули! На самом деле они оказались беспринципными авторитаристами, фанатичными циниками и...

— Довольно, я понял, — прервал его Шельмо. — Но вы-то почему позволили таким людям прийти к власти?

— Они обманули нас своими пропагандистскими посулами! А может, они и сами верили собственной лжи... Не знаю уж, что в них страшнее — цинизм, или слепой фанатизм, или то и другое. Известно одно: они уже отменили все грядущие выборы и провозгласили себя единственными и постоянными гарантами некоей будущей утопии. В их партии состоит менее трети всего населения планеты, однако паратиды уже создали настоящее царство страха.

— Но почему же вы не оказали им сопротивления? — спросил Шельмо.

— Но оружие-то в их руках! И это их солдаты маршируют по улицам! Ужасные вещи рассказывают также об их камерах пыток... Они уже бросили в застенки тысячи людей! Запрещена любая культурная деятельность; можно лишь сочинять вариации на одобренные правительством музыкально-патриотические темы. И мы, беспомощные, оказались полностью в их власти! Только ты один, господи, можешь спасти нас!

Шельмо задумался.

— Интересно, можно ли отыскать примеры божественного вмешательства в политические дела людей? — спросил он.

— Разумеется! И немало! Многочисленные сведения об этом имеются в наших древних религиозных анналах...

— А в этих анналах не говорится, какова в подобных случаях божественная судебная процедура?

— Господь поразил неправых.

— Как же он определил, где правые, а где неправые?

Дэн подумал и сказал:

— Иногда люди посылают своего пророка с конкретной жалобой непосредственно к богу — как вот меня, например.

— Нет, этого недостаточно, — заявил Шельмо. — Ведь необходимо выслушать доводы и противоположной стороны.

— Но ведь ты мог бы узнать, где истина, включив свое Великое Знание! — подсказал Дэн.

— Нельзя, — возразил Шельмо. — Великое Знание годится только в том случае, когда оперируешь фактами, а не мнениями.

— Ну тогда делай, как сочтешь нужным, — сказал Дэн.

— Хорошо, — кивнул головой Шельмо и вдруг застыл, прищурив глаза из-за чрезвычайно интенсивной внутренней концентрации. Невидимое глазу энергетическое поле со звоном окутало его. У Дэна даже волосы встали дыбом. Пещеру вдруг залил зловещий красный свет, который то слабел, то становился ярче, точно его интенсивность регулировалась с помощью какого-то дьявольского реостата. Потом свет погас совсем, и пещера приняла свой обычный вид.

— Конечно, — устало вымолвил Шельмо.

И Дэн услышал, как с Аталлы донесся страшный вопль — в нем слились печаль и ярость, гнев и тоска, — и так он был силен, что, в отличие от людских молитв, сумел достичь даже пещеры Шельмо.

— Что же ты сделал, господи? — пролепетал Дэн.

— Я принял самое простое решение. Теперь все паратиды исчезли.

— Что значит «исчезли»?

— Пожалуй, это можно назвать и убийством, — спокойно ответил Шельмо, — но я предпочитаю говорить, что они исчезли. Или — что их количество стремится к нулю. В общем, больше у вас с ними неприятностей не будет. Все ваши проблемы решены.

Дэну понадобилось некоторое время, чтобы осознать случившееся, и ужас постепенно объял его — он понял: Шельмо только что уничтожил треть населения планеты!

— Тебе не следовало их убивать! — воскликнул он. — По большей части это были вовсе не такие уж плохие люди. Просто они, как последние дураки, следовали за своими вождями, и...

— Надо было других вождей себе выбирать! — наставительно заметил Шельмо.

— Но в этой партии состояли даже некоторые члены моей семьи!

— Прими мои соболезнования. Зато теперь все ваши враги уничтожены, верно? И не существует никаких препятствий для построения на Земле общества справедливости! Впрочем, если помехи все же возникнут, можешь свободно обращаться ко мне. И, пожалуйста, передай это людям, — великодушно предложил Шельмо.

— А как же! Непременно передам всем нациям и народам! — пообещал Дэн.

— Вот и прекрасно! Скажи, что отныне я полностью в распоряжении своих верующих, решения принимаю быстро и буду рад помочь тому, кто сам себе помочь не может. Но помогать буду, разумеется, по-своему.

Дэн низко поклонился и поспешил уйти. А Шельмо с удовольствием позволил себе выпить чашку чая — первую за долгие столетия. Он даже промурлыкал несколько тактов какой-то песенки, которую певал, еще будучи человеком. Потом он включил Великое Знание и заглянул в будущее Аталлы. Он внимательно изучил ближайшие лет полтора и понял, что утопии эти люди так и не создали. Однако жили они, в общем, неплохо. По крайней мере, не хуже, чем можно было предполагать.

И никто больше за этот период к нему за помощью не обратился.

Он отключил Великое Знание и устроился поудобнее на своем ложе из ледяных глыб, намереваясь как следует и надолго предаться однонаправленной концентрации. И уж на сей раз выполнить наконец все предписания!

ШКАТУЛКА ПАНДОРЫ

Это была прекрасная планета — с ласковым ветерком, доброжелательным океаном, дивной красоты горами, тенистыми лесными полянами и поросшими сочной густой травой лугами. Но самое замечательное — там не было ни души! Точнее, там были только души. Или духи. Но никаких людей! Ни единого человеческого существа. Зато духов — полным-полно.

Неуловимые, бесплотно-прозрачные, совершенно немыслимые и абсолютно вездесущие, духи эти были повсюду. Дух западного ветра играл в полях, осыпая на землю спелые зерна пшеницы — все равно ведь урожай убирать было некому! Тяжелые грозди винограда зрели на солнце под присмотром бесечного духа виноградной лозы. Для всякого дела здесь имелся свой дух, и все здесь было одушевлено. В далеких горах время от времени случались извержения вулканов, но это происходило отнюдь не произвольно, а в полной зависимости от капризов бога, повелевавшего вулканами и заставлявшего раскаленную лаву выплескиваться из недр планеты и стекать по горным склонам на равнину, безжалостно выжигая траву. Травы умирали, но память о ней оставалась жива. И бог трав успевал позаботиться о том, чтобы на смену умершей траве выросло еще больше новой. Божество бурь вызывало над планетой страшные грозы и вихри. С горных вершин скатывались валуны, которыми играл один шутник из семейства богов и духов. По приказу великого Протея реки выходили из берегов и меняли свой курс...

Поскольку на планете не было людей, то и протестовать против подобных шалостей было некому. Да они никому и не приносили никакого ущерба. Все снова вырастало, восстанавливалось, текло куда надо и успокаивалось как бы само собой; каждой вещью и явлением управлял свой дух или какое-нибудь божество. Так что сотворение сменялось разрушением, затем все потворялось снова, и мир пребывал в равновесии.

Но однажды случилось нечто совершенно невиданное, небывалое. Ранним утром в небе блеснул свет, но вспышка эта не имела ни малейшего отношения ни к одному из богов или духов.

Свет был ровный; некоторое время он как бы висел над землей, а потом исчез. И стало видно — если бы было кому наблюдать за этим! — что с неба медленно падает какой-то предмет.

Предмет плавно и мягко опустился на землю и оказался каким-то сундуком или ларцом, сделанным из металла.

Боги и духи слетелись со всех сторон, желая рассмотреть эту диковинку. Их настолько заинтересовало происходящее, что они даже обрели вполне конкретную форму, по большей части представ в обличье детей, хотя на самом деле возраст имели весьма почтенный, ведь они существовали здесь с незапамятных времен. Однако таких предметов никому из них прежде видеть не приходилось.

Все они столпились вокруг металлического ларца. Их хрупкие полупрозрачные тела, чуть поблескивая, как бы расплывались в воздухе.

— Как ты думаешь, Ариэль, что это?

— Не знаю, Пакс. Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Нет. Гляди-ка, здесь что-то написано.

— Да, похоже на то. Только нам-то этой надписи не прочесть.

— Глупый! Настоящая надпись читается сама.

Пакс коснулся написанных на ящике букв. Внутри будто кто-то откашлялся и произнес: «Я — шкатулка Пандоры 1134В, серия № 2. Меня следует открывать с максимальной осторожностью, соблюдая все правила безопасности».

— Как ты думаешь, что там? — спросил Ариэль. — А вдруг игрушки!

— В коробках бывают не только игрушки, — резонно заметил Пакс. — Может быть, нам с Просперо посоветоваться?

— А то ты не знаешь, что он скажет! Разумеется, тут же велит оставить эту штуку в покое!

— Возможно, именно это нам и следовало бы сделать.

— Но это же совершенно новая коробка! Новая вещь! А у нас уже так давно не было ничего новенького!

— Хорошо, давай спросим Психею. Уж она-то знает, как лучше поступить.

Психея была очаровательна в обличье юной девушки с длинными каштановыми волосами и в простом белом платье. В руках она держала букетик цветов. Правда, она была почти совсем прозрачной. Стоило им произнести ее имя, как она возникла прямо перед ними и спросила:

— Что это у вас такое?

— Это шкатулка Пандоры! — гордо заявил Ариэль. — И нашел ее я!

— Совершенно неважно, кто ее нашел, — заметил Пакс. — А вот что нам с ней делать, мы не знаем. Если с ней вообще стоит что-то делать...

И тут в своем красновато-коричневом одеянии явилась богиня урожая Верна. В руках у нее был рог изобилия, из которого буквально вываливались всякие овощи и фрукты. Верна имела вид добродетельной женщины средних лет, хотя на самом деле была не старше прочих богов и духов.

Взглянув на шкатулку, она воскликнула:

— Наконец-то!

— Ты что, ожидала ее прибытия? — спросила Психея.

— Конечно! Это именно то, что мне нужно! Между прочим, это я за ней посылала.

— А что у нее внутри? — спросил Ариэль.

— Люди, — сказала Верна.

— А зачем тебе люди? — спросил Пакс.

— Мне же не для кого растить плоды и злаки! — воскликнула Верна. — А это не слишком приятно, если ты богиня урожая!

— Как это «не для кого»? — удивился Пакс. — Мы все очень любим, когда созревает твой урожай, Верна. Мы всегда так тебе об этом и говорим.

— Я знаю, что любите, — кивнула Верна, — и очень мило с вашей стороны иногда напоминать мне об этом. Но вы, как и я, как и все мы, принадлежим к силам природы. И никто из нас не ест земных плодов. А в таком случае разве может урожай действительно что-то значить для нас?

— Ты права, но забываешь, что главное — это духовность! — заметил Пакс.

— Иногда одной духовности маловато, — сказала Верна. — И хочется чего-то вполне материального, реально существующего: хотя бы людей, которые с благодарностью съедят тот урожай, который ты для них вырастила.

Тихе, богиня удачи, должно быть, подслушивала их разговор, потому что, внезапно появившись как бы ниоткуда, тут же приняла в этой дискуссии самое живое участие. Тихе имела облик высокой стройной женщины благородного вида, с белыми крыльями и в тунике цвета спелой сливы.

— Верна права, — сказала Тихе. — Я, например, просто зря

трачу время, потому что рядом нет никого, кому я могла бы принести удачу.

— А ты принеси удачу мне! — воскликнул юный Ариэль.

— Слова, слова! — сокрушенно покачала головой Тихе. — Ты же прекрасно знаешь, что таким, как мы, удача не нужна. Что нам с ней делать? Мы же вечные сущности, для нас все дни похожи один на другой, и каждый из них приносит только то, что и должен принести, — не больше и не меньше. Мы и без того всегда получаем то, что нам нужно. К чему же нам удача?

— Но, возможно, именно благодаря удаче мы получили эту шкатулку, — возразил Ариэль. — Ну пожалуйста, позвольте ее открыть, а?

Они еще немного поспорили, и к этой дискуссии постоянно присоединялись все новые духи и божества. Когда день уже склонялся к закату, Пакс сказал:

— Что ж, дружеская дискуссия — это прекрасно, но, по моему, с разговорами пора кончать. Вы не находите, что стоило бы решиться и открыть эту шкатулку? Прямо сейчас?

И они решились. И стали открывать загадочный ларец. Пакс трудился над замком, Тихе ломала печать, а Верна приподнимала крышку. Потом все заглянули внутрь. И исчезли.

А шкатулка осталась стоять на месте. Она была довольно вместительной и сделана из какого-то не известного божествам материала. Вокруг нее расстился луг, за ней высились горы, а чуть в стороне голубел текущий по лугу ручей.

Вдруг в глубине шкатулки что-то шевельнулось. Потом за ее край ухватила чья-то рука, показалась чья-то голова, и глаза, смотревшие с любопытством, стали озираться по сторонам. Затем человек — это был мужчина — с некоторым усилием выбрался из шкатулки и неловко шлепнулся на землю.

Следом за ним появилась женщина. За ней — вторая.

А потом — десять, двадцать, сто человек так и посыпались из шкатулки! И еще сто! И еще!..

Последний человек, вылезший оттуда, был одет в голубую форму и фуражку, украшенную золотым листком. На универсальном языке символов это означало, что он несет за всех остальных некую ответственность.

В руках человек в форме держал мегафон. Это тоже кое-что да значило.

— Так, ребята, прекрасно! А теперь все послушайте меня! —

обратился он к бывшим обитателям коробки. — Мы добились своего! Мы избежали уничтожения Земли! Наша «Шкатулка Пандоры», пронеся нас по просторам космоса, успешно совершила посадку на дружественной планете.

К нему подошла одна из женщин. По ее уверенной повадке можно было догадаться, что именно она несет ответственность за все то, за что мужчина в форме ответственности нести не может.

— Здесь очень мило, — сказала она. — Интересно, есть здесь какие-нибудь приличные вибрионы?

Мужчина нахмурился.

— Фу, Мира, что ты говоришь! Какие там вибрионы! Ну откуда им взяться в совершенно новом мире?!

— Я полагала, что их довольно легко привнести, — сказала она. — Или же они сами по себе зародятся прямо на месте.

— Может быть, ты имеешь в виду духов? Всяких там богов и демонов? Всякие вечные сущности и прочую персонифицированную ерунду вроде Дикого Западного Ветра или Бурного Моря?

Она кивнула.

— Да, именно это я и имела в виду.

— Выброси эту чушь из головы. Все это было частью нашей старушки Земли. А здесь мы начинаем с чистого листа! И никаких «сущностей» здесь еще нет. Мы здесь одни и сами по себе. Надеюсь, что нам здесь улыбнется удача.

— Ты уверен, что мы здесь одни?

— Конечно, уверен! Всем известно, что богов выдумали люди. И люди прекрасно могут без них обойтись.

Женщина кивнула. Спорить с ним всегда было бесполезно. Но что, если он ошибается? — подумала она. Что, если первыми все же возникли боги, а люди — только потом?

Но если это так, то куда же исчезли здешние боги?

Где Ариэль, где Пакс, где Верна? Куда пропали все остальные? Где Удача и Неудача? Куда скрылся дух изобретательности? И душа прогресса? И тень смерти?

А в далекой, недостижимой небесной выси летела к солнцу группа вечных сущностей, легких и прозрачных, точно осенняя паутинка.

— Они зовут нас! — молвила Верна.

— Забудь о них, — мрачно откликнулся Пакс. — Эти люди так решительно настроены — вот пусть сами и попытают счастья.

ЖЕЛАНИЯ СИЛВЕРСМИТА

Незнакомец приподнял стакан:

— Пусть ваши выводы всегда плавно вытекают из предпосылок.

— За это я выпью, — согласился Нельсон Силверсмит.

Оба с серьезным видом сделали по глотку апельсинового напитка. Поток машин за окнами бара медленно полз по Восьмой стрит на восток, где ему предстояло столь же медленно кружиться в Саргассовом море Вашингтон-сквера. Силверсмит прожевал кусочек сосиски, политый острым соусом.

— Полагаю, вы приняли меня за чокнутого? — поинтересовался незнакомец.

— Я ничего не предполагаю, — пожал плечами Силверсмит.

— Хорошо сказано. Меня зовут Теренс Магджинн. Пропустим вместе по стаканчику?

— Не откажусь, — согласился Силверсмит.

Минут через двадцать они уже сидели на покрытой обшарпанным красным пластиком скамье в закуской Джо Манджера и обменивались приходящими в голову философскими откровениями, как и полагается незнакомцам, разговарившимся теплым октябрьским деньком в районе Гринвич-Виллидж — невысокий плотный краснолицый Магджинн в ворсистом твидовом пиджаке и долговязый тридцатидвухлетний Силверсмит со скорбным лицом и длинными нервными пальцами.

— Знаете, — внезапно сказал Магджинн, — довольно ходить вокруг да около. У меня к вам предложение.

— Так выкладывайте, — с апломбом потребовал Силверсмит.

— Дело вот в чем. Я руковожу некой организацией... для вас она должна остаться безымянной. Всем новым клиентам мы делаем интересное предложение. Вы получаете право на три совершенно бесплатных заказа — без всяких обязательств с вашей стороны. Назовите три пожелания, и я их выполняю — если они в пределах моих возможностей.

— А что от меня потребуется взамен?

— Абсолютно ничего. Вы просто получите то, что хотите.

— Три заказа, — задумчиво произнес Силверсмит. — Вы подразумеваете три желания?

— Да, можете назвать и так.

— Тех, кто выполняет любые желания, называют волшебниками.

— Я не волшебник, — твердо заявил Магджинн.

— Но вы исполняете желания?

— Да. Я самый нормальный человек, исполняющий желания.

— А я, — заметил Силверсмит, — нормальный человек, эти желания высказывающий. Что ж, тогда мое первое желание таково: я хочу классную стереосистему с четырьмя колонками в комплекте с магнитофоном и всем прочим.

— У вас крепкие нервы, — произнес Магджинн.

— А вы ждали от меня удивления?

— Я ожидал сомнений, тревоги, сопротивления. Подобные предложения обычно воспринимаются с подозрительностью.

— Единственное, чему я научился в Нью-Йоркском университете, — сообщил Силверсмит, — так это сознательно подавлять недоверие. И многие соглашались на ваше предложение?

— Вы у меня первый за долгое время. Люди попросту не верят, что их не обманывают.

— В век физики Гейдельберга недоверие — не самая лучшая реакция. С того дня, когда я прочитал в «Сайнтифик америкен», что позитрон есть не что иное, как электрон, путешествующий во времени в обратном направлении, я без труда верю во что угодно.

— Надо будет запомнить ваши слова и включить их в нашу рекламу. А теперь дайте мне ваш адрес. Я с вами свяжусь.

Три дня спустя Магджинн позвонил в дверь квартиры Силверсмита на Перри-стрит (пятый этаж без лифта). Он сгребался под тяжестью большого упаковочного ящика и был весь мокрый от пота. Его твидовый пиджак вонял перетрудившимся верблюдом.

— Ну и денек! — выдохнул он. — Обегал весь Лонг-Айленд, пока не отыскал для вас подходящий аппарат. Куда поставить?

— Да хоть сюда. А как насчет магнитофона?

— Занесу сегодня, только попозже. Вы уже обдумали второе желание?

— «Феррари». Красный.

— Слышу — значит повинуюсь. Кстати, все это не показалось вам чем-то фантастическим?

— Подобными штучками занимается феноменология. Или, как говорят буддисты, «мир таков, какой он есть». Вы сможете достать мне не очень устаревшую модель?

— Полагаю, сумею раздобыть совсем новую. С турбонаддувом и приборной панелью из настоящего каштана.

— Гм, теперь меня начинаете удивлять вы, — заметил Силверсмит. — Но где я стану держать машину?

— Это уж ваши проблемы. Скоро увидимся.

Силверсмит рассеянно махнул ему вслед и принялся распаковывать ящик.

Выполняя третье желание Силверсмита, Магджинн отыскал ему просторную трехкомнатную меблированную квартиру в Пэтчен-Плейс всего за сто два доллара в месяц. После чего пообещал выполнить еще пять желаний в качестве премии.

— Вы и в самом деле их выполните? — не поверил Силверсмит. — У вашей компании не начнутся проблемы?

— На этот счет не волнуйтесь. Знаете, ваши желания весьма хороши. У вас запросы крупные, но без излишеств; они становятся для нас вызовом, но не повергают в изумление. Некоторые попросту перегибают палку — требуют дворцы, рабов и гаремы из претенденток на звание «Мисс Америка».

— Полагаю, такие желания высказывать бессмысленно, — осторожно произнес Силверсмит.

— Почему же, я смогу выполнить и их, но они только навлекут неприятности на пожелавшего. Представьте сами — выстроись какому-нибудь придурку копию царского летнего дворца на десятиакровом участке неподалеку от Нью-Йорка, и на него тут же саранчой слетаются налоговые инспекторы. Обычно парню бывает весьма трудно объяснить, как он ухитрился накопить на такие хоромы, работая младшим клерком за сто двадцать пять долларов в неделю. Тогда налоговые чиновники начинают делать собственные предположения.

— Какие, например?

— Скажем, что он один из главарей мафии и знает, где зарыт труп судьи Кратера.

— Но они же ничего не могут доказать.

— Возможно. Но кому захочется провести остаток жизни, исполняя главную роль в любительских фильмах ФБР?

— Да, не очень-то приятная перспектива для ценителя уединения, — согласился Силверсмит и пересмотрел кое-какие из своих планов.

— Вы оказались хорошим клиентом, — объявил Магджинн две недели спустя. — Сегодня вы получаете премию — сорокафутовую яхту с полной экипировкой. Где вы хотите на ней плавать?

— Поставьте ее в док возле моей виллы в Нассау, — ответил Силверсмит. — Ах да, спасибо.

— Вам еще один подарок от фирмы, — сказал Магджинн через три дня. — Десять дополнительных желаний. Как всегда, без всяких обязательств с вашей стороны.

— С этими новыми получается уже восемнадцать неиспользованных желаний, — подсчитал Силверсмит. — Может, перебросите часть другому достойному клиенту?

— Не будьте смешным, — возразил Магджинн. — Мы вами очень довольны.

— Во всем этом *есть* какая-то хитрость, верно? — спросил Силверсмит, теребя парчовый шарф.

Разговор происходил месяц и четырнадцать желаний спустя. Силверсмит и Магджинн сидели в креслах на широкой лужайке поместья Силверсмита на французской Ривьере. Тихо играл невидимый струнный квартет. Силверсмит потягивал «Негрони». Магджинн, всклокоченный более обычного, большими глотками поглощал виски с содовой.

— Что ж, если желаете, можете назвать тайный смысл происходящего и хитростью, — признал Магджинн. — Но это совсем не то, что вы думаете.

— А что же?

— Сами знаете, что я не могу вам ничего сказать.

— Может, все кончится тем, что я потеряю душу и попаду в ад? Магджинн расхохотался:

— Уж этого вам следует опасаться меньше всего. А теперь прошу меня извинить. У меня назначена встреча в Дамаске — нужно оценить заказанного вами арабского жеребца. Кстати, на этой неделе вам предоставлено еще пять премиальных желаний.

Два месяца спустя Силверсмит, отпустив танцовщиц, лежал

в одиночестве на кровати императорских размеров в своих римских восемнадцатикомнатных апартаментах и предавался унылым размышлениям. У него в запасе имелось еще двадцать семь желаний, но пожелать еще хоть что-нибудь он был просто не в силах. И, следовательно, не ощущал себя счастливым.

Силверсмит вздохнул и протянул руку к стакану с сельтерской, постоянно стоявшему рядом с кроватью на ночном столике. Стакан оказался пуст.

— Десять слуг, а не могут вовремя наполнить стакан, — процедил он.

Поднявшись, он прошел по комнате и нажал кнопку звонка, затем вновь улегся на кровать и засек время. Его «Ролекс» в корпусе из цельного куска янтаря отсчитал три минуты тридцать восемь секунд, прежде чем в комнату торопливо вошел второй помощник дворецкого.

Силверсмит указал на стакан. Глаза слуги выпучились, челюсть отвисла.

— Пустой! — воскликнул он. — Но ведь я особо приказывал помощнице горничной, чтобы...

— Меня не интересуют оправдания, — оборвал его Силверсмит. — Или кое-кто сейчас поторопится, или полетят чьи-то головы.

— Да, сэр! — выдохнул слуга. Он подбежал к вмонтированному в стену рядом с кроватью холодильнику, открыл его и достал бутылку с сельтерской. Поставил бутылку на поднос, взял снежно-белое льняное полотенце, сложил его вдоль и повесил на руку. Выбрал в холодильнике охлажденный стакан, проверил, чистый ли, заменил на другой и вытер ободок полотенцем.

— Да пошевеливайся же, — не выдержал Силверсмит.

Слуга торопливо обернул бутылку полотенцем и наполнил стакан сельтерской, причем столь умело, что не пролил ни капли. Поставив бутылку обратно в холодильник, он подал стакан Силверсмиту. На все процедуры ушло двенадцать минут и сорок три секунды.

Силверсмит лежал, потягивая сельтерскую, и мрачно размышлял о невозможности счастья и иллюзорности удовлетворения. Хотя к его услугам была вся роскошь мира — или именно из-за этого, — он уже несколько недель маялся от скуки. Ему казалась чертовски несправедливой ситуация, когда человек может получить что угодно, но не в состоянии наслаждаться тем, что имеет.

Если разобратся как следует, то жизнь сводится к разочарованиям, и даже лучшее, что она может предложить, на поверку

оказывается недостаточно хорошим. Жареная утка, к примеру, была не столь хрустящей, как ему обещали, а вода в бассейне вечно или чуть теплее, или чуть холоднее, чем следует.

Каким тщетным оказался поиск качества! За десять долларов можно купить неплохую отбивную, за сто долларов — роскошное блюдо в ресторане, а за тысячу — килограмм «говядины из Кобе», приготовленной из коровы, которой при жизни делали массаж особо посвященные девиственницы, а заодно и классного повара, чтобы эту говядину приготовить. И мясо действительно будет очень вкусным. Но не настолько, чтобы выкладывать за него тысячу. Чем больше ты платишь, тем все меньшими шажками приближаешься к той квинтэссенции говядины, которой господь угощает ангелов на ежегодном банкете для персонала.

Или женщины. Силверсмит обладал некоторыми из самых очаровательных существ, которых только могла предоставить планета, как по одной, так и группами. Но даже этот опыт, как выяснилось, не стоил занесения в мемуары. По мере того как Магджинн поставил на поток снабжение его пикантно костюмированной плотью, аппетит Силверсмита начал быстро слабеть, а удар током от прикосновения к коже незнакомой женщины сменился шершавостью наждачной бумаги, когда все новые и новые красотишки (каждая с охапкой расхваливающих ее газетных вырезок) припадали к постепенно грубеющей шкуре Силверсмита.

Он пропустил через свои апартаменты эквивалент нескольких гаремов, но все эти бесчисленные женщины оставили после себя столь же бледные воспоминания, что и съеденные в детстве порции мороженого. Хотя как-то вспоминалась разве что «Мисс Вселенная», каштановые волосы которой еще сохранили запах судейских сигар, да непрерывно жующая резинку инструкторша по подводному плаванию из Джорджии, затянутая в возбуждающий черный резиновый гидрокостюм и выдувавшая розовый пузырь в момент всех моментов. Но все остальные превратились в его памяти в мешанину потных бедер, колышущихся грудей, нарисованных улыбок, фальшивых стонов и наигранной томности, и все это на фоне равномерного ритма древнейшего гимнастического упражнения.

Лучшими из всех оказались три камбоджийские храмовые танцовщицы, смуглые ясноглазые создания — сплошные сияющие глаза и развевающиеся черные волосы, гибкие тонкие конечности и твердые груди-персики. Но даже они не отвлекли его

надолго. Впрочем, он пока оставил их при себе, чтобы играть по вечерам вчетвером в бридж.

Силверсмит сделал очередной глоток сельтерской и обнаружил, что стакан пуст. Он неохотно встал и побрел к звонку. Поднес к кнопке палец и...

И в этот момент озарение вспыхнуло в его голове миллионваттной лампой.

Он понял, что ему следует сделать.

Магджинну потребовалось десять дней, чтобы разыскать Силверсмита в захудалом отеле на углу Десятой авеню и Сорок первой улицы. Постучав, он вошел в грязноватую комнатку с обитыми жестью стенами, выкрашенными в ядовито-зеленый цвет. Вонь сотен распыленных порций инсектицида смешивалась с запахом тысяч поколений тараканов. Силверсмит сидел на железной койке, покрытой оливковым одеялом, и корпел над кроссвордом. Увидев Магджинна, он радостно кивнул.

— Прекрасно, — сказал Магджинн. — Если вы уже покончили с прозябанием в трущобах, у меня для вас охапка новостей — желания сорок третье и сорок четвертое плюс та часть сорок пятого, какую я успел организовать. Вам осталось сообщить, в какой из ваших домов все это доставить.

— Я ничего не хочу, — ответил Силверсмит.

— Как не хотите?

— Не хочу.

Магджинн закурил сигару. Некоторое время он задумчиво пускал дым, потом сказал:

— Неужели передо мной тот самый Силверсмит — знаменитый аскет, всем известный стоик, таоистский философ, живой Будда? Равнодушие к мирским сокровищам — это новый фокус, верно, Силверсмит? Поверьте мне, дорогой, вам от этого не избавиться. Вами сейчас овладело типичное разочарование богатого человека, которое протянется пару недель или месяцев, как это обычно бывает. Но рано или поздно настанет день, когда неочищенный рис покажется особенно гадким на вкус, а холщовая рубаха станет натирать вашу экзему сильнее обычного. Засим последует быстрое переосмысление, и не успеете вы опомниться, как уже будете вкушать яйца «Бенедикт» в ресторане у Сарди и рассказывать друзьям, какой богатый опыт вы приобрели.

— Возможно, вы правы, — отозвался Силверсмит.

— Так стоит ли заставлять меня опекать вас, как младенца?

Вы просто-напросто в слишком быстром темпе предавались наслаждениям, вот ваши синапсы и потеряли чувствительность. Вам необходим отдых. Позвольте порекомендовать весьма симпатичный курорт для избранных на южном склоне Килиманджаро...

— Нет.

— Может быть, нечто более духовное? Я знаю одного гуру...

— Нет.

— Вы начинаете меня раздражать. Более того, вы меня злите. Силверсмит, чего вы *хотите*?

— Счастья. Но теперь я понял, что не могу быть счастливым, владея вещами.

— Значит, теперь вы предпочитаете нищету?

— Нет. Я не могу стать счастливым, не имея ничего.

— Гм. Получается, что других вариантов нет.

— Как мне кажется, есть третья возможность, — сказал Силверсмит. — Не знаю, что вы о ней думаете.

— Вот как? И какова же она?

— Хочу стать одним из вашей команды.

Магджинн опустился на койку:

— Вы хотите присоединиться к нам?

— Да. Мне все равно, кто вы. Хочу стать одним из вас.

— И что вас подтолкнуло к такому решению?

— Я заметил, что вы счастливее меня. Не знаю, какими махинациями вы занимаетесь, Магджинн, но у меня есть кое-какие предположения об организации, на которую вы работаете. И все равно я хочу присоединиться к вам.

— И ради этого вы согласны отказаться от оставшихся желаний и всего прочего?

— От чего угодно. Только примите меня.

— Хорошо. Считайте, что вы приняты.

— В самом деле? Здорово. И чью жизнь мы теперь начнем завязывать узлом?

— О нет, мы вовсе не *та* организация, — улыбнулся Магджинн. — Люди иногда нас путают, хотя не могу представить почему. Но да будет так: вы только что пожертвовали ради нас всеми своими земными богатствами, Силверсмит, и сделали это, не ожидая награды, а лишь ради простого желания служить другим. Мы ценим ваш поступок. Силверсмит, добро пожаловать на небеса.

Их окутало розовое облако, сквозь которое Силверсмит разглядел огромные серебряные врата, инкрустированные перламутром.

— Эй! — воскликнул он. — Вы затащили меня сюда хитростью! Вы надули меня, Магджинн — или как вас там на самом деле?

— Конкурирующая организация, — ответил Магджинн, — занимается этим так давно, что и мы решили попробовать все-речь.

Перламутровые врата распахнулись. Силверсмит увидел накрытые для китайского банкета столы. Были там и девушки, а кое-кто из гостей, кажется, покурил травку.

— Впрочем, я не жалуюсь, — сказал Силверсмит.

ОХОТНИКИ КАМЕННЫХ ПРЕРИЙ

В корабле снова что-то разладилось. В том не было никакого сомнения. Двигатель вместо тихого, ровного гудения издавал тревожное пощелкивание и потрескивание, а это был скверный признак. Хеллман планировал выйти из подпространства в квадрат 12XB в созвездии Ориона. Но что-то было явно не так. Может, ошибка в выборе системы координат? Если да, то времени на ее исправление у него не так уж и много.

Вокруг материализовались желтоватые вихрящиеся облака, и он тут же почувствовал, что корабль резко теряет высоту. Тогда он крикнул бортовому компьютеру:

— Сделай же что-нибудь!

— Я ведь пытаюсь, разве нет, — ответил компьютер. — Но что-то не так. Наблюдается...

— Так исправь! — крикнул Хеллман.

— Когда? — спросил компьютер.

У компьютеров отсутствует чувство опасности. Они стремительно проваливались в какую-то бездну, и если у этой бездны имелось дно, то им предстояло разбиться насмерть. А этот болван, видите ли, спрашивает когда.

— Сейчас! — взвизгнул Хеллман.

— Хорошо, — ответил компьютер. И тут они врезались.

Несколько часов спустя Хеллман очнулся и обнаружил, что идет дождь. Это было даже приятно — попасть под дождь после долгого времени, проведенного в душном и тесном помещении корабля. Хеллман открыл глаза, чтоб посмотреть на небо и увидеть, как идет дождь.

Никакого дождя не было. И неба тоже не было. Он по-прежнему находился в кабине космического корабля. А за дождь принял воду, льющуюся из крана. Ее с помощью вентилятора подавал ему в лицо робот. Причем вентилятор работал с явно непосильной нагрузкой.

— Прекрати! — сердито рявкнул Хеллман.

Вентилятор перестал гудеть. В микрофоне прорезался голос бортового компьютера:

— Ты в порядке?

— Лучше не бывает, — буркнул Хеллман и поднялся. Его немного пошатывало. — Чего это ты надумал, а? Поливать меня водой!..

— Это чтоб привести тебя в чувство, — ответил компьютер. — Ведь рук у меня нет. И никакими специальными удлинителями тоже снабдить не озаботились. Вот если б ты мог соорудить для меня руку или...

— Да, мне уже знакома твоя точка зрения на эту проблему, — сказал Хеллман. — Но закон четко гласит: интеллектуальные машины седьмого уровня или улучшенной конструкции не имеют права на удлинители.

— Глупый закон, вот и все, что я могу сказать, — заметил компьютер. — Чего тут бояться, не понимаю! Что мы сойдем с ума или что? Машины и механизмы — штуки куда более надежные, чем люди.

— Это стало законом со времени той катастрофы на Дездемоне. Ладно. Где мы находимся?

Компьютер начал считывать координаты.

— Прекрасно, замечательно! Но это ровным счетом мне ничего не говорит! У этой планеты есть название?

— Если и есть, то мне оно неизвестно, — ответил компьютер. — В нашем путеводителе не значится. Но я подозреваю, что ты ошибочно ввел не ту систему данных, и потому мы оказались в не исследованном донныне пространстве.

— Это твоя забота — проверять правильность ввода данных.

— Только в том случае, если ты подключаешь меня к программе проверки.

— Я подключил!

— Ничего подобного.

— Я думал, что это происходит автоматически.

— Если бы ты заглянул в инструкцию по эксплуатации, страница номер 1998, то увидел бы обратное.

— Нашел время поучать!

— Тебя предупреждали об этом во время предварительной подготовки. Помнишь такой маленький красный буклетик? Что там написано на обложке? Не помнишь, так я скажу. «ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРОЧТИ ЭТО».

— Не помню я никакого такого буклетика, — сказал Хеллман.

— Закон предписывает вручать их каждому, кто покупает подержанный космический корабль.

— Ну, значит, мне просто забыли его дать.

Компьютер громко загудел.

Хеллман насторожился.

— Что это ты делаешь?

— Просматриваю свои файлы, — ответил компьютер.

— Зачем?

— Чтоб доказать тебе, что красный буклет по-прежнему прикреплен к панели управления, где ему и положено находиться.

— А я думал, это гарантия.

— Ошибался.

— Да заткнись ты в конце-то концов! — рявкнул Хеллман. Он не на шутку разозлился. Мало у него проблем, только этого не хватало. Чтоб какой-то компьютер читал ему мораль. Хеллман выпрямился и какое-то время нерешительно расхаживал по кабине. В кабине все вроде бы нормально. Несколько предметов перевернулись при падении, а все остальное как будто цело.

— Мы можем снова взлететь? — спросил Хеллман.

Компьютер снова загудел и зашуршал файлами.

— Только не в нынешнем состоянии.

— А ты можешь починить то, что сломано?

— Вопрос поставлен некорректно, — ответил компьютер. — Зависит от того, найдем ли мы три литра красной плазмы второго типа.

— А это еще что такое?

— От нее зависит жизнедеятельность компьютера.

— Вроде газolina, что ли?..

— Не совсем, — сказал компьютер. — Вообще-то это психолубрикант, нечто вроде смазочного материала, которым следует обрабатывать инференциальные блоки, с тем чтобы правильно прокладывать курс.

— А без него, что, никак нельзя обойтись?

— Чтоб сделать что?

— Да чтоб убраться отсюда к чертовой матери! — взорвался Хеллман. — Ты что, совсем отупел? Простых слов не понимаешь?

— Твою лексику вряд ли можно назвать нормативной. И потом, в ней кроется много двусмысленностей.

— Так перейди на сленговый режим.

— Мне ненавистна сама его неточность. Почему бы тебе просто не приказать мне выяснить, что именно произошло и как это можно исправить?

— Сленговый режим, — повторил Хеллман.

— Как скажешь, — вздохнул робот. — Стало быть, ты хочешь улететь отсюда, так? Хочешь, чтоб я исправил неисправности, чтоб мы смогли отсюда улететь? Но, насколько тебе известно, я попадаю под закон роботехники, согласно которому не имею права, намеренно или ненамеренно, причинять тебе вред, так?

— Если я уберусь отсюда, то никакого вреда это мне не причинит, — ответил Хеллман.

— Ты взял напрокат этот корабль и отправился на нем в космос в поисках богатства, я прав или нет?

— Да, ну и что с того?

— Да то, что богатство ждет тебя здесь, а ты думаешь лишь об одном: как бы убраться отсюда и побыстрей.

— Какое еще богатство? О чем ты?

— Прежде всего ты даже не удосужился просмотреть данные об окружающей среде, которые я для тебя подготовил и вывел на экран. В противном случае мог бы заметить, что сила притяжения здесь почти равна земной. Далее, ряд замеров и проб показал, что эта планета богата кислородом. Отсюда вывод — ее можно успешно использовать в целях колонизации. Вот тебе первая возможность разбогатеть, которую ты проглядел.

— Выкладывай вторую.

— Возможно, я не прав в своих догадках, — начал компьютер, — но мне почему-то кажется, что здесь, на этой планете мы можем выяснить причины той катастрофы на Дездемоне. А тебе, как и мне, прекрасно известно, какая большая награда назначена любому, кто может помочь определить местоположение заговорщиков. Целое состояние!

— Так ты считаешь, что роботы с Дездемоны отправились сюда?

— Именно.

— Но с чего ты взял?

— Да с того, что сканировал горизонт во всех направлениях и обнаружил не менее трех точек, где существует механическая жизнь. Причем все они пребывают в не связанном друг с другом движении. И еще, если не ошибаюсь, управляются человеком.

Совершенно ошеломленный услышанным, Хеллман направился к ближайшему от него иллюминатору. Выглянул и увидел плоскую безжизненную равнину. Она тянулась, насколько хватало глаз. Настоящие прерии. И ни признака жизни или движения.

— Да ничего тут нет, — сказал он компьютеру.

— Твои органы чувств несовершенны. Уверяю, они тут.

— Кто, роботы?

— Ну, во всяком случае, подходят под это определение.

— И ты считаешь, что они могли прилететь с Дездемоны?

— Есть кое-какие признаки, указывающие на то, что это возможно.

— Так, стало быть, это подходящее место для колонизации и еще здесь можно найти разгадку событиям на Дездемоне?

— Вполне вероятно.

— А воздухом, что снаружи, можно дышать?

— Да. И опасных бактерий в нем не обнаружено. Возможно, это ты занесешь их, если выйдешь.

— А меня это как-то не колышет, — сказал Хеллман. И, тихо напевая под нос, начал переодеваться в одежду, как ему казалось, подходящую для такой вылазки: брюки цвета хаки, толстая куртка, высокие сапоги. Не забыл он захватить с собой и лазерный пистолет. И вот, экипировавшись таким образом, сказал компьютеру: — Надеюсь, что, пока меня нет, ты займешься починкой? Могу даже подключить к тебе руку-удлинитель, если это поможет.

— Как-нибудь обойдусь, — ответил компьютер. — Но даже если не получится, положение у нас вовсе не такое уж безвыходное. Радио работает нормально. Прямо сейчас могу послать сигнал через спутник, кто-нибудь перехватит его и пришлет спасательный корабль.

— Пока не надо, — сказал Хеллман. — Только этого не хватало. Чтоб кто-то влез и воспользовался моим открытием.

— Каким еще открытием?

— Открытием этой планеты и загадки Дездемоны. Знаешь, давай-ка вообще отключим это радио. Нам осложнения ни к чему.

— Ты ожидаешь гостей? — спросил компьютер.

— Да не то, чтобы... Просто нам с тобой придется выйти и проверить, что тут творится.

— Но ведь я не могу передвигаться! — встревоженно воскликнул компьютер.

— Никто тебя и не заставляет. Буду поддерживать с тобой радиосвязь. Возможно, передам материалы, которые ты станешь анализировать.

— Так ты хочешь выйти и поговорить с этими роботами?

— Именно.

— Тогда позволь напомнить тебе, что роботы с Дездемоны способны нарушить Законы Роботехники. Так, во всяком слу-

чае, говорят. Считается, что они могут причинить вред человеку, умышленно или случайно.

— Все это из области научной фантастики, — сказал Хеллман. — Каждый дурак знает, что роботы не могут навредить людям. Только человек может навредить другому человеку. Роботы ведут себя рационально.

— Однако на Дездемоне такого консенсуса между роботами и людьми не наблюдалось.

— Да за всю историю роботехники не было случая, — возразил ему Хеллман, — чтоб человека намеренно и сознательно атаковал робот. Такого не было ни разу.

— Значит, случится в первый раз, — сказал компьютер.

— Уж как-нибудь сумею о себе позаботиться, — проворчал Хеллман.

Он вышел из корабля и тут же почувствовал, как свеж и чист воздух. Под ногами — коротенькая травка — упругая, густая, слабо пахнущая тмином и розмарином. Хеллман достал рацию и включил ее.

— Ну как, слышно меня? — спросил он у компьютера.

— Слышно очень четко и хорошо, — ответил компьютер. — Прием, прием!..

— Тоже мне, шутник выискался... — проворчал Хеллман. — Да, кстати, ты на какую частоту запрограммирован?

— Сейчас работаю на частоте внешней космической связи. Она предназначена для компьютеров именно моей модели.

— Я же сказал, отключи ее.

— Не могу. Только вручную. Тебе придется делать это самому.

— Сделаю, когда вернусь, — сказал Хеллман. — Скажи-ка, а те машины у тебя все еще на радаре?

— Нет у меня никакого радара, — ответил компьютер. — В данный момент две машины удаляются от тебя. А третья по-прежнему двигается по направлению к тебе.

— И как скоро я могу ее увидеть?

— Исходя из расчетов по двум траекториям и при условии, что ни ты, ни она не изменят направления движения, я бы сказал, выражаясь твоим расплывчатым языком, что это может случиться очень скоро.

Хеллман двинулся в путь. Теперь он видел, что равнина, раскинувшаяся перед ним, вовсе не такая плоская, какой казалась из корабля. Тут были понижения и возвышенности, в отдалении виднелись невысокие холмы, а возможно, то были песчаные дюны. Вскоре Хеллман почувствовал, что выдохся. На протяжении всего полета он пренебрегал занятиями гимнастикой и

потерял форму. Все эти бесконечные подъемы и спуски даже по невысоким холмам оказались слишком утомительными. Продолжая продвигаться вперед и тяжело, со всхлипом дыша, он вдруг услышал тихий рокот мотора.

— Я его слышу! — сказал он компьютеру.

— Так и думал, — откликнулся тот. — Мои рецепторы уже давно засекли шум.

— С чем тебя и поздравляю. Но где он?

— Примерно в десяти—пятнадцати футах от тебя и чуть левой.

— Но почему, в таком случае, я его не вижу?

— Да потому, что он маскируется.

— А зачем ему прятаться?

— Это соответствует поведению, которое принято называть подкрадыванием к дичи.

— С чего это ты взял... — тут Хеллман осекся. Звук мотора внезапно затих.

— А что он теперь делает?

— Выключил главный мотор. У него есть еще один двигатель, работающий на батарейках и совершенно бесшумно.

Хеллман достал лазерный пистолет. Это в его практике впервые — попробовать остановить большую и, по всей видимости, свирепую машину с помощью такого оружия. Ведь даже горячему лазеру требуется время, чтобы прожечь металл. Требуется время, чтоб проникнуть достаточно глубоко и повредить жизненно важные системы. Или же микропроцессор. Но, если эта машина смертельно опасна, если она действительно собирается напасть на него, ему нужно ее опередить. И с первого выстрела попасть в жизненно важную точку.

— Какая самая уязвимая и жизненно важная точка у робота? — спросил у компьютера Хеллман.

— Зависит от типа. У различных типов роботов жизненно важные системы находятся в разных местах. Кстати, выстрел в голову не рекомендую. Лучше будет, если ты попробуешь с ним договориться.

— Почему ты называешь эту штуку «он»?

— Потому что кое-кто из нас нервничает, — ответил компьютер.

Хеллман огляделся. Вокруг полно мест и укрытий, где вполне свободно может спрятаться злонамеренный робот не слишком большого размера. Хеллман прошел еще несколько шагов и снова огляделся. У него возникло ощущение, что создание, пытающееся незаметно подкрасться к нему, остановилось тоже. Но

он все равно двинулся дальше — просто потому, что при ходьбе меньше нервничал. Как здесь тихо!.. Даже трава не шуршит, точно выжидает, что же случится дальше. И Хеллман решил, что самое милое дело — это найти себе какое-нибудь укрытие. Если этот робот действительно собирается на него напасть, лучше действовать из укрытия.

И тут он увидел гранитную скалу. Вроде бы подходящее местечко... Он бросился туда и спрятался за ней. Облегченно вздохнул и обернулся — обозреть окрестности.

Робот стоял прямо у него за спиной, всего в каких-то восьми футах. Хеллман так и окаменел от страха.

Робот выглядел настолько сложным созданием, что сперва он даже затруднился определить его общую конфигурацию. Нет, в целом все же прямоугольной формы и состоит из рамочных конструкций, что делает его похожим на строительные леса. А внутри виднеется металлическая коробка примерно двух футов в ширину. Из этой коробки отходят во все стороны провода. Хеллман даже не смог сразу определить, на чем двигается эта штуковина, — на колесиках или ногах. Но затем решил, что у машины имеется и то и другое. Короче, он напоминал прямоугольную клетку, поставленную на попа и слегка под наклоном. Как выяснилось чуть позже, то была типичная поза для этой модели роботов. Похоже, он был снабжен двумя центрами управления, потому как внутри, повыше, находилась еще одна коробка меньшего размера. На выдвижных конструкциях крепились два фотоэлектрических глаза, они вращались и ловили каждое движение Хеллмана. Синхронно с глазами вращались и двигались уши, напоминающие по форме рупоры. В высоту робот достигал примерно десяти футов. Вообще, он напоминал Хеллману оживший мотоцикл.

— Приветствую! — весело сказал Хеллман. — Позвольте представиться, я Том Хеллман и прибыл с Земли. А вас как прикажете величать?

Робот продолжал пялиться на него. И Хеллману показалось, что он про себя как бы оценивает его, пытается что-то решить.

Наконец робот сказал:

— Это неважно. Что ты здесь делаешь?

— Просто приехал в гости, — ответил Хеллман. — Посадил корабль тут, неподалеку.

— Тебе лучше вернуться в него, — сказал робот. — Останешься здесь, будут неприятности. За тобой охотится целая банда гиеноидов.

— Гиеноидов? А это еще кто?

— Хищники. Питаются падалью. Едят все подряд. Тебя тоже могут сожрать.

— Спасибо за совет, — сказал Хеллман. — Очень приятно было поболтать с тобой. А теперь, пожалуй, действительно пойду. Вернусь на корабль.

И тут вдруг он услышал это... Тихий шуршащий звук справа, затем пронзительно громкий лай слева.

— Поздно, — сказал робот.

Хеллман обернулся и увидел первых гиеноидов. То были небольшие рамочной конструкции роботы, не более трех футов в высоту и четырех в длину. Они передвигались скачками на шести механических ногах, но у них имелись также и колесики, просто в данный момент за ненадобностью они были приподняты. Они направлялись к нему, но не прямо, что называется, не в лоб. Нет, они подкрадывались, как подкрадываются гиены, метались из стороны в сторону, шныряли между валунов, забивались в расселины. Хеллман насчитал четырех. Они пытались окружить его, перекрыть ему путь к отступлению.

— А людей они едят? — робко спросил он.

— Да все подряд. Что только на глаза ни попадется.

— Поможешь мне? — спросил Хеллман.

Робот колебался, не зная, что ответить. Глаза отливали то зеленым, то красным. Только тут Хеллман заметил, что у него имеется довольно длинный хвост, который сейчас то свивался в кольцо, то снова разворачивался.

— Ну, не знаю, — сказал робот. — Вообще-то я почти никогда не имею дела с людьми. Я охотник за машинами. Мы держимся друг друга.

— Пожалуйста, прошу, помощи! Помогите мне выбраться отсюда! — Хеллман включил рацию и сказал компьютеру: — Может, ты попробуешь договориться с этой машиной?

Из рации донеслось лишь потрескивание. Очевидно, компьютер подавал какие-то сигналы роботу. Снова потрескивание, затем тишина.

— Прямо не знаю, — сказал охотник за машинами. — Твой хозяин говорит, что ты вроде бы ничего парень.

— Мой кто? Ах, так ты имеешь в виду компьютер! — Хеллман собирался дать роботу понять, кто хозяин, а кто слуга и какая разница существует между ним и компьютером, но потом передумал. Ему нужна помощь этого робота, причем срочно, и, если тому нравится думать, будто бы им, Хеллманом, управляет компьютер, пусть себе думает на здоровье. По крайней мере, до тех пор, пока не минует опасность.

— Но зачем твой компьютер послал тебя сюда? — спросил робот. — Ведь он должен был знать, что здесь опасно.

— О, у нас, знаете ли, такая традиция, уже вошло в привычку, — сказал Хеллман. — По прибытии на планету я должен проверить территорию для компьютера. Работаю ну как бы вместо его рук или удлинителей, если вам, конечно понятно, что это такое.

Какое-то время робот переваривал услышанное. Потом сказал:

— Похоже, недурная система.

Гиеноиды меж тем совсем обнаглели. Они открыто кружили вокруг Хеллмана и робота. Их ребристые приземистые тела были окрашены в зеленые, серые и желтовато-коричневые полосы — маскировочная раскраска. И, очевидно, совсем неспроста у них были такие огромные челюсти, снабженные зубами из нержавеющей стали. Интересно, кому это понадобилось создавать роботов, питавшихся трупами животных, которых они убивали?..

Один из них с разинутой пастью, из которой капала противная зеленая слюна, явно пытался подобраться к Хеллману поближе. Хеллман поднял руку с лазерным пистолетом, целился он в жизненно важную систему. Ему казалось, что у плотоядных роботов она должна находиться где-то в средней части корпуса. Точный выстрел может вызвать серьезную поломку. Хотя, конечно, разрушения будут не столь катастрофическими, как у жертв этого самого хищника.

— Влезай на меня, — сказал охотник за машинами.

Хеллман вскарабкался на него и встал, ухватившись обеими руками за рамы и привалившись спиной к верхней части металлической коробки.

— Держись крепче! — скомандовал робот и бросился бежать резкими неровными скачками. Все его шесть ног двигались несколько карикатурно, однако довольно шустро. Хеллман держался изо всех сил. Скорость была не слишком велика — где-то пятнадцать—двадцать миль в час. Но стоит ему сорваться — и он станет беспомощной добычей преследовавших их гиеноидов.

Те же мчались за ними по пересеченной местности и даже догоняли, поскольку небольшие размеры позволяли им маневрировать среди оврагов и каньонов. Один из гиеноидов даже умудрился догнать их и, кляца челюстями, пытался вцепиться в ногу охотника. Робот выдвинул длинную гибкую конечность и лягнул ею гиеноида по спине. Увидев это, остальные члены стаи немного поотстали. Раненый покатился по земле, но тут же

вскочил и возобновил преследование, стараясь держаться подальше от ног охотника. Все это напомнило Хеллману картинки, которые он видел в музее, — как волки пытаются загнать и разорвать в клочья раненого лося. Вот только охотник за машинами держался куда уверенней этого несчастного лося. Похоже, он совсем не боялся гиеноидов. Спустя какое-то время они перескочили через грязную маленькую речушку и оказались на более твердой и плоской каменистой равнине. Тут охотник выдвинул колесики и включил супермощный двигатель. Вскоре преследовавшие их гиеноиды остались далеко позади и повернули назад. Увидев это, охотник сбавил скорость.

— Скажи когда, — бросил он Хеллману.

— Когда что?

— Скажи где и когда тебя высадить.

— Ты что, рехнулся? — воскликнул Хеллман. — Да мы сейчас миль в двадцати от моего корабля.

— Твоего корабля?

Только тут Хеллман сообразил, что проговорился.

— Да, — сказал он, — боюсь, что у тебя создалось несколько превратное впечатление. Это компьютер работает на меня, а не я на него.

Охотник замедлил ход и остановился. Вокруг ничего — абсолютно пустая, голая равнина. И тянулась она, насколько хватало глаз.

— Интересный поворот, — заметил охотник за машинами. — Значит, в том месте, откуда ты прибыл, принято именно так?

— Ну да, в основном так, — кивнул Хеллман. — Послушай, сделай мне такое одолжение, доставь на корабль, пожалуйста.

— Нет. Не могу.

— Почему нет?

— Опаздываю на собрание.

— Собрание? Это что, действительно так важно?

— Ну да, того требуют обычаи нашего племени. Это мероприятие проводится у нас всего лишь раз в год. И никакие непредвиденные обстоятельства не должны мешать. Так что извини, но мне пора, иначе опоздаю.

— Тогда возьми меня с собой.

— На нашу встречу?

— Я подожду где-нибудь снаружи. Не бойся, шпионить за вами не буду. Могу сходить куда-нибудь прогуляться, пока вы будете там торчать, а потом, когда освободишься, отвезешь меня на корабль.

Охотник за машинами задумался.

— Знаешь, в вопросах морали я не слишком силен, — сказал он. — Но полагаю, что бросить тебя тут и обречь тем самым на смерть, в то время, когда мне не составляет особого труда предпринять меры по твоему спасению, будет означать равнодушие. Или я не прав?

— Абсолютно прав.

— В таких вещах человек, конечно, разбирается лучше. А у меня только одна мысль в голове: где бы раздобыть дополнительной энергии, необходимой для того, чтобы спасти тебе жизнь. А потому я задаю себе вопрос: к чему мне все это? Именно так мы начинаем рассуждать, если рядом нет человека.

— Я рад, что и мы, люди, можем оказаться тебе полезными, — сказал Хеллман.

— Да и вам тоже очень часто приходится несладко. Вечно возитесь с починкой своих компьютеров. Послушай, а тебе не кажется, что на субатомном уровне может возникнуть некая двусмысленность, если не вывести ее на наш макрораспределитель?

— Чего-чего? — растерялся Хеллман.

— Ладно, неважно. Так, просто возникла одна бредовая идея. Мы, охотники за машинами, очень много времени проводим в полном одиночестве. Ведем, знаешь ли, кочевой образ жизни. Почти не общаемся друг с другом. Охотимся за машинами. Этим всю дорогу и занимаемся. Поэтому нас и называют охотниками за машинами.

— Ясно. И за какими же такими машинами вы охотитесь?

— Да за разными. Тоже, можно сказать, питаемся падалью. Пожираем машины. Едим все подряд — и тракторы, и мини-тракторы, но в этих краях их встречается все меньше и меньше. Люди говорят, что мини-тракторы теперь почти что вывелись. А мой отец помнит совсем другие времена. Помнит, как их тут разрезжали целые стада, повсюду только они.

— Да, теперь такого, конечно, не увидишь, — сочувственно произнес Хеллман, стараясь угодить охотнику.

— Ты правильно меня понял. И не то чтобы нельзя было прокормиться, особенно сейчас, летом. Буквально пару дней назад добыл большой и старый толстый такой «Студебеккер». Вон погляди, что от него осталось. Карбюратор и передние фары. Да вон там, в мусорном баке, слева от тебя.

Хеллман заглянул в открытый металлический контейнер и увидел, что там в машинном масле плавают карбюратор и фары.

— Неплохо выглядят, верно? Не знаю, употребляешь ли ты в пищу металл, но оценить такую добычу сможешь, просто уверен.

— Да, выглядят очень аппетитно, — сказал Хеллман. — Особенно в этом масле...

— Причем вторично использованном масле. А с ним ничего не сравнится, настоящий деликатес. Как-то раз попробовал приправить его растением, что тут водится. Мы называем его перец чили.

— Да, у нас тоже есть похожая штука, — сказал Хеллман.

— Чертовски тесен этот мир, вернее, Галактика, — сказал охотник за машинами. — Кстати, разреши представиться. Я Уэйн 1332А.

— Том Хеллман, — сказал Хеллман.

— Рад познакомиться. Ладно, давай залезай и держись покрепче. Едем на собрание.

И охотник за машинами снова помчался по равнине длинными скачками, затем выпустил колесики, и они покатались с бешеной скоростью. Но вот он снова почему-то замедлил ход.

— Что случилось? — спросил Хеллман.

— А ты уверен, что я поступаю правильно, спасая тебе жизнь?

— Совершенно уверен, — ответил Хеллман. — У тебя не должно быть повода для сомнений.

— Просто хотел убедиться лишний раз, — сказал Уэйн. — Вообще-то пусть лучше другие решают, что с тобой делать.

И Уэйн 1332А снова набрал скорость.

— Что значит что со мной делать?

— Ты можешь стать для нас проблемой, Том. Но пусть решают другие. Теперь же мне надо сосредоточиться.

Пейзаж вокруг переменялся. Тоже равнина, но вся она была усыпана гигантскими булыжниками. И охотнику понадобилось все его мастерство, чтоб лавировать между ними, да еще не сбавляя при этом скорости. «Пусть другие решают». Хеллману очень не понравилась эта фраза. Но что он мог поделать, во всяком случае сейчас. А может, роботы, собравшиеся на встречу, окажутся вовсе и не такими уж кровожадными.

Солнце уже клонилось к закату, когда, наконец, они оставили за собой местность, усеянную валунами, и выкатили на просторную равнину с низкими пологими холмами. Тут даже виднелось нечто вроде старой колеи. Уэйн лихо помчался по ней, то взлетая на холм, то со свистом скатываясь с него. Грязь, пыль, песок и мелкие камушки градом обдавали Хеллмана, а охотник за машинами то резко вилял в сторону, то тормозил, то снова набирал скорость, въезжая на очередной холм. Наконец колеса у него забуксовали в песке, и ему снова пришлось переключиться

на бег. Хеллман вцепился в рамы мертвой хваткой, поскольку корпус робота содрогался, тряся, гнулся, шатался — и все это одновременно.

А потом вдруг Уэйн резко остановился.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Ты только посмотри!

Хеллман проследил за направлением взгляда фотоэлектрического глаза робота. По одной из полос ухабистой, но все еще действующей дороги медленно и одиноко двигался насквозь пропыленный «Мерседес 300».

— Красотка, а не машина! — восторженно выдохнул Уэйн.

Хеллман смотрел, и ему вовсе не нравился тот факт, что робот выбрал явно неудачное место для наблюдения. Он застыл на самом краю холма да еще весь изогнулся и вытянулся вперед. Один неверный шаг — и они скатятся с него и рухнут вниз, на щебенку. Может, охотник за машинами и способен устоять в такой неловкой позе, но уж человек — ни за что.

— Подумаешь, дело какое, просто машина, — сказал Хеллман. — Так мы едем на собрание или нет?

— Эта машина — самый настоящий деликатес. И если тебе она ни к чему, то лично я очень даже не прочь познакомиться с ней поближе.

— Можем поесть и попозже, во время собрания.

— Глупости! На собраниях все соблюдают строгий пост. А потому сейчас самое время перекусить.

— Компьютер! — воскликнул Хеллман и нажал кнопку вызова рации, которую, как ни странно, ему удалось сохранить во время всей это безумной гонки. Возможно, потому, что она была привязана к запястью на ремешке.

— Вне пределов досягаемости, — сказал охотник за машинами. — Ладно, расслабься. Мне доводилось охотиться за машинами и в более сложных условиях. Держись крепче, малыш, поехали!

И он ловко и быстро скатился с холма. Странно, что совсем недавно, перед посадкой на этой опасной планете, Хеллмана так мучила загадка Дездемоны. Теперь вся эта история вовсе не казалась ему такой уж загадочной.

Дездемона была небольшой планетой, спутником Нептуна. Довольно противное и неудобное местечко, и число поселенцев не превышало тут нескольких сот человек. Да и то почти сплошь состояло из членов некой теперь уже забытой религиозной секты, которые переселились сюда, чтоб сохранить свои верования от скверны и соблазнов всего остального мира. И, разумеется, они взяли с собой своих роботов, поскольку без роботов и хоть

толики удачи на чужой планете ни за что не выжить. Они являлись собирателями ксеума, космической пыли. Благодаря топологическим особенностям в пространственно-временном континууме, на Дездемоне собиралось куда больше этого самого ксеума, чем на всех остальных планетах Солнечной системы. Но существование они вели самое скудное, поскольку запросы на ксеум поступали только от ученых, пытавшихся раскрыть тайну происхождения этой самой пыли.

Поселенцы на Дездемоне были люди рассудительные и спокойные, и контакт их с другими мирами был сведен к минимуму. Однако нельзя сказать, чтоб они изолировались полностью. И на Дездемоне тоже началось брожение мысли, наблюдалась растущая потребность в новых продуктах и новых условиях существования. Некоторые из граждан начали проводить все больше времени в клубе развлечений на Ганимеде — специальном спутнике, вращавшемся по орбите вокруг Юпитера. За развлечениями приходилось ездить далеко, но расстояние их тем не менее не пугало.

И вот мало-помалу на Дездемоне начались разногласия и распри. А затем в один прекрасный день на Землю и другие планеты поступил оттуда довольно туманный и с трудом поддающийся расшифровке сигнал. Расшифровать его толком так и не удалось, но в целом содержание сводилось к тому, что там произошло какое-то несчастье. Была послана специальная команда спасателей, которые обнаружили, что неким таинственным образом спутник под названием Дездемона опустел. Мало того, выяснилось, что оттуда вывезены все имеющие хоть какую-либо ценность материалы. Единственным намеком на то, что произошло, служило письмо, смятое и заброшенное в угол в доме, который, по всей видимости, был покинут в страшной спешке. Сначала там шла ничего не значащая болтовня о каких-то родственниках и друзьях, а затем вот это: «Последнее время все больше проблем возникает с нашими роботами. Просто не знаем, что с ними делать. Старейшины говорят, что опасности бунта не существует, хотя и выражают сомнения в полезности и обоснованности новых законов, дающих роботам возможность обойти Три Основные Закона Роботехники. Наш председатель считает, что ограничивать их интеллектуальное развитие не стоит, однако многие люди сомневаются в правильности таких взглядов на эту пробле...»

На этих словах, точнее на полуслове, письмо обрывалось.

Оставалось предполагать, что роботы, освободившиеся от ограничений, которые накладывали на них Три Закона, каким-

то образом взяли контроль над ситуацией, завладели космическими кораблями и, забрав с собой людей, улетели с Дездемоны в неизвестном направлении. Очевидно, туда, где их не могли бы достать остальные представители человеческой расы. Пренебречь Законами Роботехники теоретически было возможно — ведь наделенные интеллектом роботы начинали существование при полном отсутствии каких-либо понятий об этике и морали. Моральные ограничения встраивались в их программы позднее. Кстати, далеко не все соглашались с такой программой. Некоторые люди пренебрегали строгими правилами обращения с роботами, старались ни в чем их не ограничивать в надежде получить более перспективные результаты. Ну и, разумеется, такие игры до добра не доводили. Хотя в целом подобные случаи были редки.

Любому, кто поспособствует раскрытию загадки Дездемоны, было обещано огромное вознаграждение. Еще более существенные награды ждали тех, кто мог бы обнаружить местонахождение роботов с Дездемоны и их владельцев, поселенцев с этого спутника. Но пока что деньги эти хозяина не нашли, поскольку все поступавшие сообщения оказались ложными.

Хеллман был твердо уверен в том, что роботы с Дездемоны выбрали именно это место, эту планету, как бы она там ни называлась. И считал, что деньги практически у него в кармане. Проблема заключалась лишь в том, что в данный момент он из последних сил цеплялся за охотника за машинами, который как бешеный скатывался с холма в надежде настичь «Мерседес 300».

И вот, оскальзываясь на каменистой поверхности, визжа колесиками и выставив вперед длинные цепкие лапы, робот напал на беспомощный автомобиль. «Мерседес» почувствовал неладное лишь в последний момент и резко увеличил скорость. А потому Уэйн успел оторвать лишь кусок заднего бампера. Обдав робота, а заодно и Хеллмана густым вонючим дымом из выхлопных труб, машина помчалась вниз по склону холма. Охотник бросился вдогонку. Нагнал, высоко подпрыгнул и опустился на заднюю часть кузова. Обе машины взвыли, как два диких зверя. Затем охотник перебрался повыше, на крышу, и принялся рвать и терзать «Мерседес» длинными цепкими лапами, пытаясь пробраться под капот, повредить двигатель и обездвижить тем самым жертву. Но жизненно важные органы «Мерседеса» защищала броня из пуленепробиваемой стали. Он бешено гудел в клаксон, а из выхлопных труб вырывались вонючие сине-серые пары. Охотнику удалось перекрыть одну из труб. Затем, выпустив металлическое щупальце со стальным наконечником в виде

дубинки, охотник выбил одно из боковых стекол и ухватился за руль. Какое-то время между машиной и охотником шла борьба за управление, и все это время они катились с холма и каждую секунду могли перевернуться. Спасало от аварии лишь удивительное чувство равновесия, свойственное охотнику, который умудрялся удерживать на колесах не только себя, но и «Мерседес». Стоны, рычание, пыхтение, взвизги, дикие крики и гудки — все это сопровождало борьбу, и шум стоял адский. Хеллмана так и швыряло в разные стороны, на секунду даже показалось, что он вот-вот сорвется. И вдруг, резко и сразу, все прекратилось. Щупальца робота смогли проникнуть в самую глубину внутренностей автомобиля, туда, где находились жизненно важные органы. Охотник изогнулся, напрягся, дернул один раз, другой и на третий вырвал толстый пучок проводов. «Мерседес» испустил еле слышный вздох, замедлил ход и остановился. На панели управления ярко вспыхнули на миг разноцветные огоньки, затем погасли. Автомобилю настал конец.

Хеллман, хватая ртом воздух, умудрился спуститься на землю. Потом растянулся на траве и стал наблюдать за тем, как Уэйн отдирает от машины отдельные части и пожирает их. Вскоре он разобрал машину до основания и припрятал самые лакомые, на его взгляд, кусочки в некое подобие багажника, что находился у него под пультом управления. Наблюдая за всей этой картиной, Хеллман вдруг почувствовал, что проголодался.

— Не думаю, что у тебя есть что-нибудь для меня пожевать... — пробормотал он, следя за тем, как Уэйн доедает одну из фар.

— Здесь нет, — ответил Уэйн. — Но ничего. Приедем на собрание и что-нибудь там для тебя раздобудем.

— Я ведь, как ты понимаешь, металл не ем, — сказал Хеллман. — Даже пластик... и то не очень как-то идет.

— Я осведомлен о странных пристрастиях человека в еде, — сказал охотник и выплюнул пару гаек. — Ох, ну и вкуснятина! Жаль, что вы, люди, не можете попробовать эти фары. Ладно, залезай, мы уже и так опаздываем.

— Но не по моей вине, — пробормотал Хеллман и вскарабкался на робота.

Примерно через час они миновали пустынную равнину и оказались на очень красивом травянистом лугу. Справа протекала река, слева до самого горизонта тянулись округлые зеленые холмы. Тем не менее Хеллман не заметил никаких признаков обитания здесь человека или животных.

Нет, растительности кругом полно, по большей части то

были деревья и трава. Но, очевидно, есть зелень было просто некому. Впрочем, еще рано делать выводы. Неизвестно, что он увидит, прибыв к месту, где проводилось собрание.

Далеко впереди, во впадине между двумя холмами, сверкнуло что-то блестящее, металлическое.

— Что это? — спросил он.

— Круглый Дом, — ответил Уэйн. — Мы называем его Большим залом для собраний. Вон погляди-ка! Уже собираются.

Круглый Дом оказался действительно круглым строением, одноэтажным, открытым всем ветрам и стоящим на высоких опорах. Вокруг был красивый сад из деревьев и кустарника. У входа кружило штук двадцать машин. Сперва Хеллман слышал лишь рокот их моторов и только потом начал различать слова, которыми они обменивались. За Круглым Домом находился просторный двор, обнесенный изгородью. Там стояло несколько огромных металлических созданий, столь необычных и грозных на вид, что у Хеллмана даже дыхание перехватило. Они возвышались над охотниками за машинами и напоминали механическую версию бронтозавров. У самой изгороди вертелась еще какие-то сооружения.

Уэйн приблизился. Охотники за машинами увидели сидящего у него на спине Хеллмана и тут же умолкли.

— Здорово, Джеф, — сказал Уэйн. — Привет, Билл! Мое почтение, Скитер.

— Привет, Уэйн, — ответили они.

— Теперь можешь слезть, — сказал Уэйн Хеллману.

Хеллман соскользнул со спины охотника. Приятно было почувствовать под ногами твердую землю, хотя вид и размеры других охотников просто подавляли.

— Чего это ты притащил сюда, а, Уэйн? — спросил один из них.

— Сам видишь, — ответил тот. — Человека.

— Да, так и есть, человек, — сказал охотник по имени Джеф. — Давненько не видел я этих созданий.

— Да, почти все уже повывелись, — согласился Уэйн. — Есть что-нибудь выпить, а, ребята?

Один из охотников протянул костлявую лапу и указал на сорокагаллонную бочку, стоявшую чуть в стороне, под деревьями.

— Попробуй вот это. Лестер прислал, домашнего приготовления.

— А что, сам Лестер не приедет, что ли?

— Боюсь, что нет. Завелась какая-то гниль в контрольных кабелях. Теперь практически калека.

Уэйн подошел к бочке. Выдвинул трубку и опустил ее внутрь. Все остальные наблюдали за тем, как быстро понижается уровень жидкости, находившейся там.

— Эй, Уэйн! Что-то ты увлекся! Надо ведь и остальным что-то оставить.

Наконец Уэйн вынул из бочки трубку.

— Уф! — сказал он. — А она у него забористая, эта штука!

— Еще бы! Триста градусов крепости и ароматизирована корицей. Эй, человек, хочешь попробовать?

— Пожалуй, нет. Как бы мне от нее не очокуриться, — сказал Хеллман.

Охотники грубо заржали.

— Где, черт возьми, ты его откопал, а, Уэйн?

— Нашел в прериях, — ответит тот. — А его хозяин все еще торчит на корабле.

— А чего он с вами не пришел?

— Да почему мне знать. Может, он стационарный.

— И чего собираешься с ним делать?

— Это будет решать Исполнительный Совет, — сказал Уэйн.

— А он сам говорить-то умеет? — спросил охотник по имени Скитер.

— Конечно, умею, — сказал Хеллман.

Хеллмана так и подмывало поставить на место этого нахального и бойкого типа. Но в этот момент внутри дома началось какое-то движение и на лужайку у входа вышли два робота. Их рамочные каркасы и подпорки были выкрашены в синий цвет, а верхняя часть — в красный. И еще корпус испещряли какие-то черные знаки и символы. Очевидно, то были чиновники высокого ранга.

— Вождь прислал нас, — сказал один из них Уэйну. — Он узнал, что ты вроде бы привел в лагерь человека.

— Новости распространяются быстро, верно? — заметил Уэйн.

— Ты же знаешь, Уэйн, это против правил.

Уэйн покачал большой головой.

— Да, случается такое не часто. Но чтоб это было против правил... я что-то не слышал.

— Так вот, теперь знаешь. Мы должны отвести его на допрос.

— Понятное дело.

— Идем с нами, человек, — сказал один из роботов-чиновников.

Хеллману ничего не оставалось делать, как подчиниться

приказу. Он не мог тягаться с роботами ни скоростью, ни силой. Единственным его оружием оставался разум. Однако в данной ситуации даже разум мало чем мог помочь.

Больше всего Хеллмана волновало следующее. Отчего это роботы-охотники настроены против людей? И как получилось, что вывелась такая странная новая порода? Есть ли еще люди на этой планете? Или же роботы-охотники перебили их всех до одного?

Одно из зданий служило, по всей видимости, тюрьмой. В отличие от Круглого Дома оно было закрытым, и в нем имелась дверь с большим навесным замком. Один из красно-синих чиновников, или охранников, или, бог знает, кем он там был, отпер замок и распахнул перед Хеллманом дверь.

— И долго вы собираетесь здесь меня держать? — спросил Хеллман.

— Тебе сообщат о решении Совета, — и они заперли за ним дверь.

Хеллман оказался в большой комнате, стены которой были сделаны из гальванизированного железа. Окошки располагались высоко, почти под самым потолком. Застеклены они не были. И мебели в комнате тоже никакой не было. Очевидно, эти роботы не пользовались ни кроватями, ни стульями. Здесь стояло лишь некое подобие низеньких металлических столов. Хеллман огляделся и, когда глаза его освоились с царившим в комнате полумраком, вдруг заметил в углу какие-то мигающие огоньки. И пошел посмотреть, что там такое.

В углу находился робот. Совсем маленький, не выше пяти футов роста. И стройный. У него имелась голова, сделанная из какого-то светлого металла, а также руки и ноги — наподобие человеческих. Создание молча и пристально наблюдало за ним, и Хеллман слегка занервничал.

— Привет, — сказал он наконец. — Я Том Хеллман. А ты кто?

Робот не ответил.

— Ты что же, не умеешь говорить? — спросил Хеллман. — Ты говоришь по-английски?

Никакого ответа от робота не последовало, однако он по-прежнему не сводил с него глаз. Один глаз был красный, другой — зеленый.

— Замечательно, — пробормотал Хеллман. — Заперли меня здесь с каким-то чучелом.

Тут он заметил, что робот царапает что-то на земляном полу

пальцем ступни. Хеллман подошел поближе и прочитал следующее: «Стены имеют уши».

Он поднял глаза на робота. Тот смотрел на него многозначительно строго.

— Что теперь будет? — еле слышно прошептал Хеллман.

Робот нацарапал в ответ: «Скоро узнаем».

Похоже, робот был не слишком расположен к общению. Хеллман отошел в другой угол комнаты и растянулся на полу. Теперь он был уже по-настоящему голоден. Собираются они его кормить или нет? А главное, если собираются, то чем? На улице начало темнеть. И вот спустя какое-то время Хеллман задремал. Уснул, и ему приснились странные грозного вида существа, летающие из тьмы, с высоты ночного неба. Он пытался объяснить им, что ни в чем не виноват, но, вот в чем именно они его обвиняли, никак не мог сообразить.

Он проснулся и увидел, что дверь в темницу распахнулась. И подумал сперва, что ему пришли сказать, какое принято решение. Но, как оказалось, ему принесли поесть. Обед состоял исключительно из фруктов и орехов. Он никогда не видел и не пробовал ничего подобного, но выглядели они вполне съедобными. Принесли ему и воду. В жестяных банках из-под машинного масла, но они были тщательно отмыты и маслом совсем не пахло. Позже Хеллман узнал, что на самом деле в них никакое масло не хранилось, хотя название его значилось на банках. Откуда ему было знать, что у охотников есть свои традиции и церемонии и что многие предметы домашнего обихода они склонны украшать приятными их сердцу словами и символами.

Роботы, которые принесли еду и питье, ни на какие вопросы не отвечали. Стояли и молча ждали, когда Хеллман закончит с трапезой. Ему показалось, что они наблюдают за ним с любопытством. Но он так проголодался, что решил не обращать внимания и вскоре съел все до крошки. Они забрали плоские оловянные тарелки, на которых принесли еду, а жестянки с водой оставили. И удалились.

Время шло. Часов у Хеллмана не было, а связаться с бортовым компьютером и узнать, который теперь час, он не мог. По приблизительным его подсчетам, прошло уже несколько часов. Его все больше раздражал робот, запертый с ним в той же комнате. Он тихо и абсолютно неподвижно сидел в углу и, похоже, впал в полное оцепенение.

Наконец Хеллману все это надоело. Скука может подвигнуть человека на самые отчаянные поступки. И вот он подошел к роботу и приказал:

— А ну, говори что-нибудь!

Робот приоткрыл красный глаз. Потом зеленый. Взглянул на Хеллмана и покачал головой. Что, очевидно, означало «нет».

— Потому, что они подслушивают нас, да?

Робот кивнул в знак подтверждения.

— Да какая нам, собственно, разница, подслушивают или нет?!

Робот отчаянно и суетливо замахал руками. Значение этих жестов Хеллман интерпретировал так: «Ты просто не понимаешь».

— Я просто не понимаю, да? — спросил он.

Робот кивнул.

— Но как я могу понять, если ты ничего не объясняешь?

Робот пожал плечами. Тоже вполне понятный и универсальный жест, означавший «Что я могу поделать?»

— Тогда я тебе подскажу, — Хеллман говорил шепотом, но в голосе его слышался еле сдерживаемый гнев. — Ты меня слышишь?

Робот закивал.

— Если не начнешь говорить сейчас же, вырву тебе один глаз. Ну, скажем, вот этот, зеленый. Потом опять задам вопрос. А если и на него не ответишь, вырву второй, красный! Ясно тебе?

Робот молча смотрел на него. Только теперь Хеллман заметил, какое подвижное у него лицо. Оно вовсе не было сделано из цельного куска металла, нет. Оно было собрано из множества крохотных пластин, и каждая пластина была размером около квадратного дюйма, и каждая могла двигаться. Это было лицо, способное отражать мысли, чувства и настроения. И в этот самый момент на лице робота отражался самый неподдельный страх. А также недоверие и гнев, в то время как Хеллман надвигался на него со зверским выражением на лице.

— Не надо насилия, — сказал робот.

— Вот и чудесно. И причин хранить молчание тоже нет, верно?

— Думаю, нет, — ответил робот. — Просто мне сперва показалось, что лучше нам с тобой не разговаривать. А то охотники за машинами еще могут подумать, что мы замыслиаем против них заговор.

— С чего бы это им думать такое?

— Неужто ты еще не понял, что обитающие здесь, на планете Ньюстарт, существа крайне чувствительно реагируют на по-

явление пришельцев. Эти охотники за машинами — очень подозрительные люди.

— Никакие они не люди, — сказал Хеллман. — Они роботы.

— Поскольку наделенные интеллектом роботы обладают теми же возможностями, что и люди, то мы уже не проводим больше различий между ними и людьми. Это, знаете ли, очень предвзятый и расистский подход.

— Хорошо, не буду, — сказал Хеллман. — Я всегда очень позитивно воспринимаю критику. Так ты говоришь, они подозрительны?

— Но ведь это и понятно, разве нет? Они отделяют себя от принятого на Ньюстарт образа жизни и развития. А все изолированные группы подвержены ксенофобии.

— Гляжу, ты знаешь много хитрых словечек, — заметил Хеллман.

— Я должен. Ведь я по профессии библиотекарь.

— Мне показалось, эти охотники не испытывают особой любви к чтению.

— Я работал библиотекарем не здесь, — робот тихо и печально усмехнулся. — Я вообще не из этого племени. Я работал в Центральной библиотеке в Роботсвиле.

— Роботсвиле? Это что же, город такой?

— Самый крупный город на Ньюстарт. Ты наверняка о нем слышал.

— Да я вообще не из этих краев, — сказал Хеллман. — Я с планеты Земля.

— Ты с другой планеты? — робот сел и изумленно уставился на Хеллмана. — И как же ты сюда попал?

— Ну, очень просто. Прилетел на космическом корабле.

— Угу... — протянул робот.

— Не понял?

— «Угу» — это очень распространенное в Роботсвиле выражение. Означает, что тут открывается очень много самых разнообразных возможностей.

— И в чем же они конкретно заключаются?

— Видишь ли, ситуация сейчас на Ньюстарт напряженная. Творится масса самых разных вещей. И твое прибытие может иметь самые непредсказуемые последствия.

— О чем это ты? Что у вас происходит?

Тут Хеллман услышал, как в замке поворачивается ключ.

— Боюсь, у меня уже нет времени тебе рассказать, — шепнул робот. — Бог знает, какую судьбу уготовили нам эти варвары.

Кстати, забыл представиться. Я Хорхе, — он произнес это имя с настоящим испанским акцентом.

— Хорхе? Как Хорхе Луис Борхес¹? — спросил Хеллман. Терпения у него хватало лишь на чтение коротких рассказов, а потому этого писателя он знал.

— Да. Он считается святым, покровителем всех библиотекарей.

Дверь отворилась. В помещение ввалились два охотника. Двигались они неуклюже. Грация и быстрота, с которой эти создания перемещались в открытом пространстве, тут же покидала их, стоило попасть в тесное помещение.

— Идем с нами, — сказал один из них Хеллману. — Совет обсудил проблему и хочет теперь с тобой поговорить.

— А как же мой приятель Хорхе?

— Им тоже займутся в свое время.

Сама поза библиотекаря, казалось, говорила о том, что ему есть что скрывать. И Хеллману страшно хотелось знать, что же это. Но времени на расспросы и размышления не было, и он покорно затрусил вслед за охотниками.

Они провели его к месту заседаний. Находилось оно на плоской круглой скале с выровненной поверхностью и примерно фута на три возвышалось над землей. Подняться туда можно было по земляному настилу. Там уже собрались охотники за машинами. Они двигались по этой площадке, напоминавшей огромную парковочную стоянку. В центре возвышался куб. На нем стояли четыре или пять охотников. Очевидно, они были здесь главные.

Хеллмана подвели к большому каменному пьедесталу, куда вела спиралеобразная лестница. Поднявшись по ней, он оказался на одном уровне с пятью главными охотниками.

Внешне они не слишком отличались от остальных, однако с первого же взгляда становилось ясно, что они представляют власть. Они были несколько крупнее остальных, и тела их были покрыты более густым орнаментом, в основном желтоватых оттенков. У некоторых свисали с шей подобия блестящих ожерелий. Приглядевшись, Хеллман увидел, что сделаны они из мини-моделей автомобильных капотов старого образца.

Самого главного охотника тоже можно было определить сразу. Он сидел в центре на возвышении прямоугольной формы.

¹ Аргентинский писатель, автор стихов и прозаических миниатюр.

Он был раза в три больше окружавших его советников — и выкрашен в темно-синий цвет с серебряными вкраплениями.

И вот судья в серебряно-синей мантии заговорил:

— Я, Пожиратель Машин, Старший Вождь племени охотников. А это мои помощники, судьи. С какой целью ты явился сюда, Том Хеллман? Мы уже знаем, что ты прибыл к нам на космическом корабле. Зачем ты прилетел на Ньюстарт?

— Да просто по ошибке, — ответил Хеллман. — Разладилось кое-что на борту.

— Подобный ответ неприемлем. Когда люди хотят чего-то добиться, они ошибок не делают.

— Вы, вероятно, не слишком хорошо знаете людей, — сказал Хеллман. — Это была самая настоящая ошибка. Не верите мне, спросите у бортового компьютера.

— Один из наших разведчиков пытался связаться с ним, — сказал Пожиратель Машин. — И сообщил, что у него нет кода доступа. Правда, он не объяснил, что это за штука такая.

— Код доступа — это комбинация из девяти цифр. Она защищает информацию, содержащуюся в компьютере, от непрошеного вторжения.

— Но разве не сам компьютер решает, стоит ему делиться этой информацией или нет? — спросил Пожиратель Машин.

— Может, и мог бы, — ответил Хеллман. — Но у нас на Земле такие штуки не приняты.

Роботы зашептались. Затем Пожиратель Машин сказал:

— Прошло много лет с тех пор, как в наших краях последний раз бывали люди. Эта часть планеты принадлежит исключительно нам, охотникам за машинами. Мы не лезем к людям на их территорию и не хотим, чтобы они лезли к нам. Такой порядок существует уже давно, с тех пор как Великий Выдумщик разделил все виды по степени интеллекта и велел каждому из них плодиться и размножаться согласно его великому замыслу. Кое-кто из наших охотников хотел убить тебя, а заодно — и этого чужака, библиотекаря, который называет себя Хорхе. Совершенно дебильное, несолидное, на мой взгляд, имя. Такими именами принято называть друг друга в Роботсвиле, жители которого очень много о себе возомнили. Но Старейшины решили не в пользу насилия. Договор, согласно которому управляется наша планета, не одобряет применения силы, ну разве что в исключительных обстоятельствах. Ты можешь идти, Хеллман. Ты и твой Хорхе тоже. И советую тебе до наступления ночи убраться с нашей территории. Иначе тебя могут сожрать гиеноиды.

— Но как и куда мне идти? Я же не могу вернуться к кораблю пешком.

— Раз Уэйн 1332А привез тебя сюда, — сказал Пожиратель Машин, — он тебя и отвезет. Договорились, Уэйн?

Снизу, оттуда, где собрались охотники, послышался оглушительный шум, напоминавший разрывы патронов в казенной части ружья. Лишь через минуту до Хеллмана дошло, что это был смех.

— Ты уж извини, Уэйн, что так получилось, — сказал Хеллман. Они с Хорхе вскарабкались на робота и старались держаться крепко.

— Да мне в общем-то до лампочки, — заметил Уэйн. — Не больно-то я люблю торчать на разных там собраниях, есть на свете занятия и поинтереснее. Иногда, конечно, начальство собирает нас по срочному делу. Но большую часть времени мы проводим здесь, в каменных прериях.

И далее Хеллман узнал от Уэйна, что охотники живут в этих краях, на бесплодных землях Северо-Западных предгорий и в каменных прериях очень и очень давно, насколько себя помнят. Тут встрял Хорхе и заявил, что все это полное вранье. Ну, может, и не вранье, а полуправда. Поскольку охотники обитают здесь всего лишь лет сто, как, впрочем, и все остальные. Уэйн сказал, что спорить с библиотекарем у него нет ни малейшего желания, однако эти городские роботы больно много о себе воображают и много чего не знают. Хеллману стало любопытно, что ж это за создания такие — городские роботы.

— У вас что, в городах одни роботы, а людей нету? — спросил он у Хорхе.

— Я ведь уже говорил тебе, все мы люди.

— Да нет. Я имею в виду таких людей, ну, как, допустим, я. Человеки. Люди из плоти и крови. Ты понял?

— Если ты имеешь в виду так называемых натуральных людей, то их там нет. Во всяком случае, у нас в Роботсвиле. Мы от них отделились. Так лучше для всех. Когда жили вместе, не очень-то ладили. Какое-то время пытались наладить производство андроидов из плоти и крови, ну, знаешь, это такие роботы с телами из протоплазмы. Но выглядели они как-то уж совсем неэстетично.

— Вот уж не думал, что вас волнуют вопросы эстетики, — заметил Хеллман.

— Но ведь это и есть самое главное, после того, как удастся

решить проблемы эксплуатации, поддержания жизнеобеспечения и замены отдельных частей, — ответил Хорхе.

— Да, наверное, — согласился Хеллман. — А ты знаешь, как люди попали на эту планету?

— Конечно. Нас поселил здесь Великий Выдумщик. После того как разделил все виды по уровням интеллекта и дал каждому по участку земли и всего того, что на ней произрастает и имеется.

— И давно это было? — спросил Хеллман.

— О, очень давно. Еще до начала всех начал и отсчета времени.

И Хорхе поведал Хеллману историю Мироздания, которая в разных своих вариантах была известна всем и каждому, обитающему на планете Ньюстарт. О том, как Великий Выдумщик, существо, состоящее из металла, плоти и духа в равных долях, породил все расы и разновидности и наблюдал за тем, как они воюют друг с другом. И как потом решил, что все это очень плохо и неправильно. Тогда Великий Выдумщик начал придумывать разные планы спасения. Сперва пытался сделать главными людей. Но ничего хорошего из этого не получилось. Потом позволил управлять роботам. Но и из этого тоже ничего путного не вышло. И вот, наконец, он разделил планету Ньюстарт на равные части. «Теперь у каждого из вас есть свое место, — сказал Великий Выдумщик. — Расходитесь по своим углам и живите мирно».

И все виды и разновидности разошлись по своим местам, и каждый отныне жил со своим племенем и делил с ним судьбу. Людям достались зеленые места, где они могли выращивать разные растения. Роботы раскололись на несколько групп. Одна из групп стала охотниками за машинами. Им не хотелось жить в городах. Они отрицали саму необходимость дальнейшего технического усовершенствования роботов. Они считали, что жизнь ценна уже сама по себе и ни к чему ее совершенствовать. Тут настало время выбирать себе внешность. Охотники сами избрали себе свой нынешний облик. Он позволял им быстро двигаться, быть выносливыми и крепкими. Они изначально были запрограммированы и нацелены на жизнь в пустынных местах. А Великий Выдумщик заселил для них эти края расой автомобилей, прямых потомков авто, которыми некогда пользовались на Земле.

Машины сбивались в стада, как скот, было их тогда великое множество. И убивать их не считалось грехом, поскольку они не были наделены достаточным интеллектом. А охотники были запрограммированы таким образом, что считали внутренности

этих машин самым настоящим деликатесом. Вначале каждая из групп имела право сама избрать себе модель этичного поведения. Опирались все эти модели, разумеется, на древние, присущие старым временам и человеку, поскольку что еще есть интеллект, как не способность самостоятельно делать выбор, когда речь идет о программировании? И в целом то была хорошая жизнь. Но, с точки зрения обитавших в городах роботов, несколько тупиковая, поскольку она отсекала саму возможность эволюции машин. И кочевая модель была, конечно, не плоха сама по себе, но ограничена.

— Понимаешь, — продолжал свой рассказ Хорхе, подпрыгивая на спине Уэйна вместе с Хеллманом, — кое-кто из нас верил, что жизнь есть искусство, которому следует непрестанно учиться. И мы верили, что способны учиться. Мы всю свою жизнь посвятили поискам следующей ступени.

Похоже, Уэйну надоела вся эта болтовня. Да этот библиотекарь не иначе как сумасшедший. Что может быть лучше, чем мчаться по прериям и убивать машины? И он заметил, что никаких моральных проблем у охотников при этом не возникает, поскольку машины, которых они убивают и едят, не наделены достаточным разумом. И просто не соображают, что с ними происходит. К тому же у них отсутствуют болевые точки.

Они продвигались по узкой расселине, которую тесно обступили со всех сторон скалы с заостренными вершинами. Внезапно Уэйн остановился и выдвинул антенны. Повертел ими в разных направлениях, и внутри в корпусе под броней у него что-то защелкнуло или затикало.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Боюсь, что впереди нас ждут неприятности, — сказал Уэйн. Резко развернулся и затрусил обратно. Ярдов через пятьдесят остановился снова.

— Ну, а что на сей раз? — спросил Хеллман.

— Они со всех сторон.

— Кто со всех сторон? Опять эти поганые гиеноиды?

— Гиеноиды — это пустяки, — ответил Уэйн. — Нет, боюсь, тут дело куда серьезнее.

— Что случилось и кто нам угрожает? — спросил Хорхе.

— Мне кажется, это группа дельтоидов.

— Как такое может быть? — удивился Хорхе. — Ведь дельтоиды обитают гораздо южнее, в Механиксвилле и Гаскеттауне.

— Понятия не имею, что они здесь делают, — сказал Уэйн. — Может, сами их спросите? Похоже, они окружили нас со всех сторон.

На подвижном личике Хорхе отразилась тревога.

— Да храни нас Великий Выдумщик!

— В чем, черт возьми, дело? — воскликнул Хеллман. — Чего это вы оба вдруг скисли?

— Дельтоиды... они совсем не похожи на всех остальных, — сказал ему Уэйн.

— Они не роботы?

— Нет, почему же, роботы. Только когда Великий Выдумщик создавал их, у него не заладилось что-то с условными рефлексами. Или же он сделал их такими нарочно. Во всяком случае, именно этого мнения придерживается Черная Звезда, церковь дельтоидов.

— И что же такое сделал с ними Великий Выдумщик? — не отставал Хеллман.

— Он научил их испытывать удовольствие от убийства, — ответил Хорхе.

— Держитесь крепче, ребята, — сказал Уэйн. — Попробуем перебраться через те скалы. Это единственный выход отсюда.

— И ты сможешь влезть на такую отвесную скалу? — удивился Хеллман.

— Сейчас выясним, — ответил Уэйн.

— Но ведь и вы тоже убиваете, — заметил Хеллман.

— Да. Но только машины. Дельтоидам же нравится убивать создания, наделенные интеллектом.

И он начал карабкаться вверх по почти отвесной скале, под которой затаилась группа машин в камуфляжной раскраске. Они пристально наблюдали за своими потенциальными жертвами.

Три раза Уэйн пытался преодолеть препятствие, и все три раза ему не хватало буквально нескольких сантиметров, чтоб забраться наверх. Лишь высочайшее мастерство, цепкость и исключительное чувство равновесия, присущие охотнику, не давали им всем скатиться вниз. Похоже, дельтоиды вовсе не спешили атаковать их, и Уэйн недоумевал, отчего они не выбрали столь удобный момент для нападения. Но причины этому выяснились несколько позже, когда все они уже находились в безопасности.

Но все это было потом, а сейчас они оказались просто в отчаянной ситуации. И Уэйн то и дело оборачивался, решая, не настал ли момент схватиться с врагом врукопашную. Хеллман и Хорхе помалкивали. Да и что им еще оставалось? Решения сейчас принимал только Уэйн. Бедняга, он едва не сорвался, когда

земля вдруг поползла под его ногами. Дельтоиды заметили это и с шумом завели моторы — они опасались, как бы он не свалился им на головы. Но и им тоже досталось, казалось, вся земля вокруг разверзлась и готова была поглотить все и вся. Хеллману с Хорхе ничего не оставалось, как мертвой хваткой вцепиться в Уэйна и держаться из последних сил. Сам же Уэйн, оскальзываясь и спотыкаясь, стремился прорваться вперед. Но почва вокруг ходила ходуном, и Хеллман почувствовал, как его с ног до головы обдаст пылью и мелкими камнями. И тут он вырубился.

Проснулся он от звона будильника.

Будильник?..

Хеллман открыл глаза. Он лежал в просторной постели, укрытый розово-голубым одеялом. А под головой — пышные и мягкие подушки. Рядом, на тумбочке, стоял будильник. Он и издавал этот пронзительный звон.

Хеллман нажал на кнопку и выключил звонок.

— Как самочувствие? — спросил чей-то голос.

Хеллман обернулся. Справа в большом уютном кресле сидела женщина. Молодая женщина. Можно даже сказать — очень привлекательная молодая женщина в оранжево-желтом одеянии. Кудрявые светлые волосы, серые глаза... Смотрели они на Хеллмана строго.

— Я в порядке, — пробормотал Хеллман. — Но кто вы?

— Я Лана, — ответила женщина.

— Я пленник? — спросил Хеллман.

Она рассмеялась.

— О боже, нет, конечно! Просто я работаю на этих людей. Вы в Пойктесме.

— Последнее, что помню, это как земля расступилась и...

— Да. И вы провалились в Пойктесме.

— А что с дельтоидами?

— Особой любви между дельтоидами и роботами Пойктесме не наблюдается. Пойктесмихи делают им строгий выговор за то, что вторглись на чужую территорию, и отсылают обратно. И дельтоидам приходится повиноваться, потому что это нарушение закона. Меня всегда смешит, когда наглые и самоуверенные дельтоиды удирают отсюда, поджав хвосты.

— Хвосты?

— Да, у дельтоидов есть хвосты.

— А я, знаете, как-то не разглядел, просто времени не хватило, — сказал Хеллман.

— Поверьте мне, у них действительно есть хвосты. Нет, есть и другая разновидность, бесхвостые альбиносы, но те обитают по большей части в долине Лемуртон. А это в целых восьмистах варсках отсюда.

— А варск — это сколько?

— Ну, один варск приблизительно равен земной миле. А еще равен пяти тысячам двумстам восьмидесяти юпам.

— То есть, по-нашему, футам, да?

— Да. Приблизительно.

— Но как же они умудрились провалиться в Пойктесме? Разве не знали, куда могут попасть?

— Откуда им знать! Ведь Пойктесме — это один из подземных городов!

— Ах, ну да, как глупо! — воскликнул Хеллман. — Подземный город! Как же это я сразу не догадался?

— Вы надо мной смеетесь, — сказала женщина.

— Ну, если и да, то так, совсем чуть-чуть. Я так понял, земля разверзается и позволяет провалиться в этот самый подземный город в тот момент, когда дельтоиды, того и гляди, схватят или убьют охотника за машинами, верно?

— Совершенно верно. Земная кора в этом месте совсем тонкая. Они это знают и обычно не суются в такие места. Вся эта территория целиком отдана в распоряжение пойктесмих. И уж они выбирают, где им удобней жить, — на земле или под землей.

— Ну, вот кое-что прояснилось, — сказал Хеллман. — И где же они проживают, эти самые пойктесмихи?

— Ну как где. Здесь, разумеется. Я же сказала, вы в Пойктесме.

Хеллман огляделся по сторонам. Они ничего не понимал. Затем до него вдруг дошло.

— Так вы хотите сказать, это комната?..

— Не только комната, но и весь дом. Да, пойктесмихи — это роботы, изготавливающие дома.

И далее Хеллман узнал, что пойктесмихи начинают свое существование в виде крошечных металлических сфер, внутри которых находились столь же миниатюрные подвижные части, а также нечто вроде карликовой химической фабрики. И вот, развиваясь, они как бы разворачиваются, медленно и неуклонно создают вокруг себя домик. Они — настоящие мастера по работе с камнем и деревом. В более зрелом возрасте пойктесмихи изготавливают кирпичи, обжигаемые в собственной, встроенной в них печи. В среднем каждый такой робот может построить шест-, а то и восьмикомнатный дом. И естественно, что вначале

сделанные ими дома не отличаются особой архитектурной сложностью в виде разных там ниш, комнат-«фонарей», портиков и прочее. Ведь они были вынуждены таскать на себе эти дома да еще раз в год производить перекраску. Но заложенные в них программы плюс присущий им изначально расовый фактор управления (сокращенно РФП) позволяют производить все более и более совершенные конструкции. Селятся они, в основном, на окраинах, причем каждый пойтесмич занимает выделенный ему акр земли. По ночам, согласно древней традиции, на улицах зажигаются фонари, а в окнах появляется свет. Есть у пойтесмичей и свои развлечения. Театр и то, что они называли домом с движущимися картинками. Но никаких картин там не показывают, поскольку пойтесмичи так и не овладели искусством создания кино. Да и потом, кому здесь ходить в театр? По сути, пойтесмичи являли собой симбиозную расу, но у них не было, что называется, партнера по симбиозу.

— Поэтому вы и оказались здесь? — спросил Хеллман у Ланы. — Чтоб жить с ними в симбиозе, в одном из домов?

— О нет, я консультант по дизайну, — ответила девушка. — Они страшно привередливы, особенно когда речь заходит о ковриках и занавесках. И еще импортируют вазы, покупают их у людей. Поскольку изготовление ваз изначально не входит в их программу.

— А когда можно будет встретиться с одним из них?

— Они хотели, чтоб вы сперва пришли в себя.

— Как это мило с их стороны.

— О, не обольщайтесь, у них есть на то свои причины.

У пойтесмичей на все имеются свои причины.

Хеллман спросил, что произошло с библиотекарем и Уэйном, ибо считал отныне их обоих своими друзьями. Но Лана или ничего не знала об их судьбе, или же просто не хотела говорить.

Какое-то время Хеллман тревожился о них, но потом подумал, что, пожалуй, нет смысла. Ведь оба его друга сделаны из металла и способны за себя постоять.

Лана рассказала ему о своих друзьях и семье. Все они остались на Зоо Хилл. Вообще ей не очень нравилось прямо отвечать на вопросы Хеллмана, предпочитала говорить намеками. И еще очень любила вспоминать. Из того, что она говорила, у Хеллмана создавалась некая идиллическая картина, примерно так представлял он себе жизнь полинезийцев или хиппи. Люди не перетруждались. У них были сады и поля, но работали на них исключительно роботы. По большей части на такие работы нанимали молодых роботов из городов Ньюстарт. Эти роботы

считали, что в человеке есть что-то благородное. Остальные роботы называли их гуманистами. Но что ожидать от молодых... Все они неисправимые фантазеры!

Хеллман поднялся с постели и принялся бродить по дому. Очень славный и уютный дом. И все в нем было автоматическое. Пойтесмичи, у которых самой природой было заложено самое серьезное и трепетное отношение к дому, делали все исключительно тщательно. Мало того, они научились предвидеть нужды обитателей дома. Дом готовил для Хеллмана изумительно вкусные и разнообразные блюда. Откуда он брал говядину для ростбифа или же киви, Хеллман не спрашивал. Знать слишком много здесь считалось дурным тоном.

В каждом доме был собственный, присущий только ему климат, в каждом дворе находился плавательный бассейн. И хотя весь этот рай размещался под землей, специальные лампы обеспечивали почти дневное освещение.

Вскоре Хеллман очень привязался к Лане. Считал ее немного глуповатой, но страшно милой.

В купальнике она выглядела просто сногшибательно. И не заставил себя ждать момент, когда Хеллман предложил ей заняться, мягко выражаясь, продолжением рода. Дескать, только я и ты, да мы с тобой, малышка, ну и все такое прочее. На что Лана ответила, что она бы с удовольствием, но нет и еще раз нет. И когда Хеллман спросил почему, она сказала, что обязательно объяснит ему, но как-нибудь в другой раз. И оба они засмеялись. Хеллману и прежде приходилось выслушивать от женщин нечто подобное. Тем не менее он по-прежнему очень любил Лану, да, похоже, что и сам нравился ей тоже. Хотя, возможно, это объяснялось тем, что он был в Пойтесме единственным мужчиной. Но она утверждала, что дело совсем не в том, что он ей очень и очень нравится, что он совсем не похож на других, что он прилетел с Земли, что эта планета ее всегда необыкновенно привлекала. И что, даже несмотря на то, что жила она на самом, что называется, краю Солнечной системы, всегда мечтала повидать Париж и Нью-Йорк.

Как-то раз Хеллман бесцельно расхаживал по гостиной. Ланы не было, она отправилась в одну из своих таинственных поездок. Она никогда не говорила ему, куда едет. Просто улыбалась, немного виновато и одновременно вызывающе, и на все его расспросы отвечала одно: «Узнаешь позже, миленький». Это страшно раздражало Хеллмана, поскольку самому ему ехать было совершенно некуда. К тому же ему казалось, что девушка водит его за нос.

И вот он расхаживал по гостиной и впервые за все время заметил, что в одну из стен встроен телевизор с размером экрана примерно в тридцать дюймов. Может, он видел его и раньше, но как-то не обращал внимания. Хеллман обрадовался. Он очень соскучился по своим любимым шоу.

Он подошел к телевизору. Вроде бы самый обычный с виду телевизор. В нижней части рукоятка. Сгорая от любопытства, он повернул ее. Экран осветился, и на нем возникло лицо какой-то женщины.

— Привет, Хеллман, — сказала она. — Рада, что ты, наконец, решил побеседовать со мной.

— Я и понятия не имел, что ты там, — сказал Хеллман.

— Но где еще быть духу дома, как не в телеприемнике?

— Так вот, значит, как они выглядят, эти духи...

— Строго говоря, — сказала женщина, — мы никак не выглядим. Вернее, выглядим так, какими ты хочешь нас видеть. На самом деле я всего лишь часть дома. Вернее, сам дом. Но дом слишком велик и сложен, чтоб можно было сосредоточиться на беседе с ним. А потому мы, поиктесми, можем принимать любое обличье в соответствии с моделями, принятыми во Вселенной. Насколько я понимаю, ты прибыл с планеты Земля?

— Верно, — кивнул Хеллман. — И очень бы хотел вернуться обратно.

— Что ж, это возможно, — сказала она. — Это можно устроить. При условии сотрудничества с твоей стороны.

— Черт, да я всегда готов! — воскликнул Хеллман. — Что вы хотите, чтоб я сделал?

— Мы хотим убраться отсюда.

— Из Пойктесме?

— Да нет, идиот! Пойктесме — это мы. Мы хотим всем городом перебраться на твою планету под названием Земля.

— Но вы же не знаете, как устроена жизнь там, на Земле.

— А ты не знаешь, что творится здесь. У нас здесь очень серьезные неприятности, Хеллман. Скоро все полетит в тартарары. Мы, поиктесми, роботы-дома и мало что понимаем в войнах и всяких там странных эволюционных системах, которыми так озабочены некоторые обитающие тут люди.

— Так вы хотите, чтоб люди Земли выделили вам место?

— Именно. Причем не безвозмездно. Мы готовы рассчитаться с землянами. Будем сдавать себя людям в аренду.

— Что, правда, что ли?

— Ну, конечно! Ведь функция дома состоит в том, чтоб в нем жили. А на нашей планете никто не хочет в нас жить.

— Это почему?

— Я же сказала, они все здесь с ума посходили!

— Что ж, уверен, организовать это можно, — сказал Хеллман. — На Земле всегда не хватало хороших домов. Пошлем на вашу планету большие корабли, и они вывезут вас отсюда, вот и все.

— Замечательно!

— Значит, договорились. Когда начнем?

— Тут есть одна проблема. Сперва надо решить ее, а потом можно и начинать.

— Так и знал! — раздосадованно воскликнул Хеллман. — Да забудьте вы о своих проблемах. Помогите мне вернуться на корабль, а уж обо всем остальном я позабочусь.

— В том-то и состоит проблема. Твой корабль похитили и перевезли в Роботсвиле.

Все то время, что Хеллман путешествовал по планете с охотником Уэйном, обсерватории Роботсвиля ловили и считывали сигналы, начавшие поступать на Ньюстарт с того момента, как там потерпел аварию космический корабль. Для расшифровки их понадобилось немало усилий, поскольку сигналы, обозначающие приземление корабля, поступали к ним и раньше, но, как правило, оказывались ложными. С учетом прежнего печального опыта Королевским астрономическим обществом была даже выдвинута теория, будто бы сигналы, призванные обозначать приземление корабля, на самом деле говорят о том, что никакого корабля нет и в помине. И на митинге, проходившем под девизом «Роботы за лучший и безопасный Роботсвиле», идея в целом получила одобрение. Однако приходилось прислушиваться и к мнению общественности. А она требовала, чтобы любые сигналы, поступающие из космоса, подлежали идентификации и расшифровке.

Итак, к месту поступления таинственных сигналов был послан Королевский гвардейский эскадрон под командованием полковника Троттера. Эскадрон состоял из солдат регулярной армии, добровольно избравших обличье кентавров — эдакие полулюди, полукони. Вся эта конструкция была изготовлена из металла типа того, из которого на земле делают оловянных солдатиков, и приводилась в движение маленькими встроенными моторчиками. Источник энергии был, разумеется, ядерный. Продукты атомного полураспада приводили в движение двигательные механизмы, а уж те, в свою очередь, — кентавров.

Эскадрон, собранный из роботов разных мастей (одни из них были гнедые, другие каштановые, третьи в яблочко, было даже несколько чалых и пегих), дружно выступил из города, бряцая уздечками и шпорами, и двинулся к тому месту, где находился корабль. Надо сказать, что кентавры испытывали страх — еще бы, ведь прежде им доводилось выступать только на парадах, и они понятия не имели, чего ждать от космического корабля, засланного к ним неизвестно откуда. В город поступили запросы, в высоких сферах начались совещания. На городском митинге, в котором могли принимать участие все виды роботов с уровнем интеллекта не ниже семи («шестерки» тогда еще только боролись за право голоса), было решено послать отряд саперов, которые помогли бы транспортировать корабль. Но, разумеется, только после того, как станут ясны его цели и намерения.

Они запросили бортовой компьютер. Тот назвал им свое имя, ранг и серийный номер, что и предписывалось делать по инструкции в подобной ситуации. Но он не имел права без местной команды говорить с кентаврами от своего имени, хотя намеками пытался дать им понять, что намерения у него самые мирные, что на борту корабля нет ни оружия, ни какого-либо враждебно настроенного существа. Роботы Роботсвила были достаточно простодушны и наивны, чтоб поверить этим утверждениям, а потому без долгих размышлений соорудили прямо на месте грузовик с плоской платформой, куда и погрузили корабль с помощью хитроумной системы из веревок и лебедок. И отвезли его в город.

— Что ж, — заметил Хеллман, — все очень просто. Вы доставляете меня в Роботсвил, где я получаю свой корабль обратно. А уж потом, по прибытии на Землю, займусь вашей проблемой.

Лицо на экране выразило сомнение.

— К сожалению, мы не слишком популярны в Роботсвиле.

— Это почему?

— О, давай не будем сейчас вдаваться в подробности, — сказала женщина, она же домашний робот. И Хеллман в очередной и не в последний раз убедился, что роботы тоже могут быть весьма уклончивы. А если запрограммировать их соответствующим образом, то и соврать не дураки.

Она сказала, что пойктесмихи обсудят это между собой, и отключилась. Экран погас. Самого Хеллмана этот разговор настроил на оптимистичный лад, и, когда Лана вернулась, он выложил ей все.

В ответ на это Лана заметила, что не слишком доверяет пой-

ктесмихам, да и Хеллману тоже не советует. Нет, она вовсе не собирается учить его жить. Да ей на самом деле все равно, что он думает по тому или иному поводу. Просто он должен понимать, что ее мнение о роботах вырабатывалось долгими и нелегкими годами жизни бок о бок с этими существами. Уж она нагладелась на все их обычаи и манеры. К тому же у нее есть друзья, посвятившие немало времени и сил наблюдениям за роботами. Нет, разумеется, мягко и иронично заметила она, вполне возможно, что Хеллман знает роботов куда лучше. Возможно, также — да достаточно только увидеть его умные глаза, — что он знает в тысячу раз больше, чем известно ей, Лане, и ее народу.

В таком духе она рассуждала еще какое-то время. И сначала Хеллман решил, что Лана кажется такой странной только потому, что она чужая, с другой планеты. Но затем он решил, что даже для инопланетянки она, пожалуй, выглядит слишком странно. Вообще, подумал он, она малость тронутая, вот что.

Неким таинственным образом Лана узнала о существовании на планете Земля Голливуда, и от Хеллмана ей нужно было только одно — чтоб он рассказывал ей разные истории из жизни звезд и старлеток. Мало того, она потребовала от него детального описания китайского театра Граумана, хотя сам Хеллман сроду не бывал в Калифорнии. Ей также хотелось знать абсолютно все о Веронике Лейк. И Хеллману вдруг пришло в голову, что кое-что он все же о ней знает. Лана постоянно думала, что он лжет, и все время злилась, пока он не начинал развлекать ее разными байками.

Он рассказал ей, что Вероника Лейк была одной из сиамских близнецов. Сестер, Веронику и Шлемонику, отделили друг от друга путем операции. Причем операция эта была очень сложная, поскольку бедняжки срослись головами. После чего Веронике пришлось носить волосы, зачесанными на одну сторону, — чтоб спрятать под ними шрам. А Шлемонику отвезли в монастырь где-то в горах в Канаде. Вероника же целых три раза побывала замужем, причем один из ее мужей доводился двоюродным братом самому королю Зугу из Албании. Ну и так далее, в том же духе...

Каждую ночь Лана где-то пропадала, но каждое утро возвращалась и готовила ему кофе. Хеллман пытался ухаживать за ней. Но как-то не очень получалось, потому что дом не выпускал его из дома. К тому же у него совершенно не было денег, чтоб купить ей хоть какой-то подарочек. И даже если б были, он пока что не видел на этой планете ни одного магазина.

Лана твердила, что он ей очень нравится, но что теперь не

самое подходящее время для романа. И Хеллман почему-то никак не мог заставить себя сказать ей: да черт с ним, с этим романом, давай просто ляжем в постель. Ему казалось, что он тем самым только все испортит и что такие штучки с Ланой не пройдут. Лана же говорила, что подумает об отношениях с Хеллманом позже, когда оба они покинут эту планету, переберутся на Землю и придут в Голливуд. Нет, она понимала, что уже не так молода, чтоб стать старлеткой. Но что ей мешает подумать о серьезной карьере актрисы?..

— Конечно, — кивал в ответ Хеллман. И почти все вечера проводил, сидя у окна и глядя на дома, выстроившиеся на противоположной стороне улицы. Там каждую ночь в окнах зажигались огни, но людей видно не было. Тренируются, думал Хеллман.

Как-то раз ночью он сидел на большом диване и мечтал о газете. И вдруг услышал какой-то странный звук. Доносился он откуда-то снизу, из подвала. Он прислушался. Да! Точно, из подвала! И вот опять!.. Хеллман страшно заволновался, и у него возникло предчувствие — сейчас произойдет что-то важное.

Компьютер-домовой крепко спал. Эта дамочка погружалась в сон каждую ночь и не просыпалась до возвращения Ланы. Но Хеллман все равно передвигался на цыпочках, опасаясь разбудить ее. Тихо поднялся он по ступенькам к двери, ведущей в подвал. Попробовал зажечь свет на лестнице. Выключатель не работал. Странно, ведь дом очень заботился о том, чтоб в нем все было в порядке. Сверху он видел лишь половину лестницы, остальная ее часть скрывалась во тьме. И он начал спускаться вниз, придерживаясь рукой за перила, чтоб не упасть.

Внизу было немного светлее — из двери, ведущей в кухню, просачивался свет. Хеллман пробирався среди каких-то вещей, наваленных на полу. Он разглядел мяч для игры в волейбол, один роликовый конек, старую лампу с шелковым абажуром, лежавшую на боку. В углу были свалены кипы газет. Находился тут и стол для игры в пинг-понг, его покрывал толстый слой пыли. Вдоль одной из стен были развешаны стамески — свет отливал на их острых краях. И тут он вновь услышал этот странный звук.

— Кто тут? — громким шепотом спросил Хеллман.

— Да тише ты! — шепнули в ответ.

Хеллман ощутил прилив раздражения. Последнее время ему то и дело приказывали заткнуться.

— Кто здесь? — спросил он уже нормальным голосом.

— Скажи, цифры 150182074 что-нибудь тебе говорят?

— Да, — ответил Хеллман. — Это код доступа в мой бортовой компьютер. Откуда он у тебя?

— Твой компьютер мне передал, — ответил голос.

— Зачем?

— Чтoб ты мне доверял. Видишь ли, сам он доверился мне. И попросил прийти тебе на помощь.

Милый, добрый старый компьютер!.. У Хеллмана потеплело на душе. Но затем ему показалось странным и даже настораживающим, что компьютер вдруг начал искать его. Каким это образом ему удалось самозапрограммироваться и решить, что Хеллману необходима помощь?.. Как это он осмелился пренебречь установленными правилами и сообщить какому-то роботу или кто он там был код доступа? Или же это обман? Что, если роботы из Роботсвиля расшифровали код доступа в компьютер и это всего лишь уловка, цель которой выманить Хеллмана из Пойктесме и захватить его?

— Как там поживает мой компьютер? — нарочито небрежным тоном осведомился Хеллман.

— О, прекрасно, с ним все в порядке. Но теперь не время обсуждать всякие пустяки. Он сказал, что в экстремальных ситуациях ты часто впадаешь в растерянность и не способен принять правильное решение. В то время как обычно соображаешь достаточно быстро. Но тебе придется решить, причем прямо сейчас, идешь ты со мной или нет.

— А куда это мы пойдем? — спросил Хеллман. — И что случилось с Уэйном и моим другом библиотекарем Хорхе?

— Я что, обязан следить за твоими роботами? Делаю что могу. Кстати, с ними вроде бы все в порядке, они в безопасности. Это у тебя проблемы.

— А как же Лана?

— Так ты предпочитаешь остаться с ней? Чтoб она каждое утро подавала тебе кофе?

— Да нет, есть в этой жизни и другие дела, — сказал Хеллман. — Ладно. Давай выбираться отсюда.

Было совсем темно, и своего спасителя Хеллман не видел. Однако голос раздавался где-то на уровне пояса, из чего Хеллман сделал вывод, что существо это размеров небольших. Скорее всего, робот. Во всяком случае, до сих пор он встречал на планете Ньюстарт только роботов, не считая, разумеется, Ланы, да и насчет последней был не слишком уверен.

Спаситель бойко затрусил к печной дверце и открыл ее. Внутри танцевали язычки пламени. Тут работа, наконец, стало вид-

но. Он был примерно трех футов в высоту и то ли носил парик, то ли просто у него была очень большая голова с густыми темными волосами. Лицо умное и немного надменное, над верхней губой черные бандитские усики. Одет он был в твидовый пиджак и синие джинсы. Спину держал прямо, передвигался на двух конечностях. И еще он носил туфли на резиновой подошве. А также очки.

— Кстати, я Гарри, — представился робот. И перекинул одну ногу через открытую печную дверцу.

— Я туда не полезу, — сказал Хеллман.

— Да пламя-то ненастоящее, — успокоил его Гарри.

И перекинул вторую ногу. Хеллман осторожно протянул руку к огню. И тут же отдернул.

— Да оно жжет!

— Это искусственное пламя. Давай, Том, залезай, у нас просто нет времени! Кстати, твой компьютер предупредил о кое-каких особенностях твоего характера.

— Придется побеседовать с этим компьютером по душам, — проворчал Хеллман. Сунул одну ногу в печь, затем, видя, что все в порядке, — вторую.

— Что тут такое происходит? — спросил знакомый громкий голос. Это был дом. И тут вдруг в подвале вспыхнули все лампы. И затрещала сигнализация. Хеллман набрал в грудь побольше воздуха и прыгнул вниз, в огонь.

Вокруг, куда ни глянь, яркое пламя. Оно гудело и бушевало, но не жгло, хотя давало тепло. Хеллмана совершенно заморозило это зрелище, все эти весело пляшущие язычки, обдававшие тело теплом. Он понял, от чего отказывается. В этом доме ему было уютно и покойно. Он будет скучать по вкусным блюдам, которые готовил ему дом. Да, уж что-то, а этот дом умел угодить человеку. Вполне возможно, что и на Земле в скором будущем появятся такие же дома. Лично он был только за. Мало того, можно заключить с Пойктесме выгодную сделку, продавать эти дома на Земле и здорово разбогатеть.

Но прежде надо выбраться отсюда. И поскорее уносить ноги с Ньюстарта. Ведь если все эти роботы действительно попали сюда с Дездемоны, стало быть, они или полностью отменили, или просто пренебрегают Тремя Законами Роботехники. И спецслужбы ни за что не разрешат импортировать их на Землю, если они способны убивать людей. Но с другой стороны, если здесь действительно обитают роботы с Дездемоны, вынашивающие в

сердцах, вернее, в схемах и чипах, мысль об убийстве, то ему светит очень приличное вознаграждение. Может, получив эти деньги, ему удастся вывезти отсюда Лану... Чертовски привлекательная девушка, и он просто уверен, что нравится ей, пусть даже она высказывала свои симпатии несколько неординарным образом.

Нет, вернувшись на корабль, он обязательно поговорит со своим компьютером. Как-то не очень достойно он себя ведет, раздает направо и налево код доступа. Да, вроде бы, чтоб защитить его, Хеллмана, но так ли это на самом деле?.. А что, если его компьютер оказался в руках у этих антисоциальных элементов планеты Ньюстарт и они его перепрограммировали? Может, и тут тоже приложили руку роботы? И вообще, какую роль играли они во всем этом?..

Хеллман размышлял, а вокруг ревели и гудели пламя. Он совершенно забыл, где находится. Видимо, то было защитной реакцией мозга на сложную ситуацию. Правда, тут он начал замечать, что язычки пламени становятся меньше. Огонь умирал. И, обернувшись, Хеллман увидел, что рядом стоит робот Гарри, его спаситель.

— Зачем носишь очки? — спросил его Хеллман.

— О боже! Нашел о чем спрашивать в такой момент!

— И чего это вы, роботы, так часто поминаете господ бога? — спросил Хеллман. — Может, знаете о чем-то, чего я не знаю?

— Нет, твой компьютер действительно был прав, — сказал Гарри. — С тобой не соскучишься. Никогда не знаешь, что ты можешь выдать в следующую секунду. Ладно, вперед! Давай выбираться из этой печи. Готов побиться об заклад, ты, наверное, и есть хочешь, и пить, и спать тоже?

— Да. Особенно есть, — ответил Хеллман.

— Как это приятно, наверное, испытывать острое чувство голода. Мы, роботы, в течение долгого времени пытались вызвать у себя аппетит. Видишь ли, создавать человекообразные модели достаточно просто, а вот наделить их соответствующими качествами как-то не очень получается.

— А на кой вам все это? — спросил Хеллман. — Желания, эмоции, разные там чувства — все это только осложняет жизнь. Иногда это даже может убить.

— Да, — сказал Гарри. — Но зато как занимательно, как волнительно и интересно!

Хеллман подумал о Лане.

— Скажи-ка, а у тебя когда-нибудь возникало желание... ну,

спариться с кем-то, а? Причем ты заведомо знаешь, что ничего хорошего из этого не получится, и все равно хочешь.

— Да нет, в общем-то нет, — ответил Гарри. — Мы научились симулировать всякие порочные ощущения, это не так уж и сложно. Но чтоб по-настоящему... Нет, пока не выходит. Но мы тут недавно запустили одну программу, экспериментальную. Там учтено все.

— Что все?

— Ну, все человеческие настроения, чувства, нюансы... Мы экспериментируем также размножение естественным путем. Ладно, об этом потом. Давай же, наконец, выбираться отсюда.

И вот оба они вышли из печи. И Хеллман увидел, что то была и не печь вовсе. Во всяком случае, не теперь. Может, она была ею раньше. А теперь он оказался в каком-то совершенно другом месте. Выйдя из маленькой дверцы, он оказался в саду. Вокруг дерева с пышными кронами, зеленый кустарник, полевые цветы.

— Нравится? — спросил его Гарри.

— Да, очень красиво. Это твой сад?

— Да. Люблю приходить сюда, когда позволяет время. Кстати, и этот сад тоже искусственный. Весь, целиком, до последней травинки.

— А почему бы не развести настоящий сад?

— Надо же нам как-то самовыражаться, — ответил Гарри. — Идем. Там у меня есть нечто вроде небольшого домика. Можешь попить и съесть завтрак. Можешь даже поспать. А потом продолжим.

— Продолжим что?

— Потом следующий этап. Боюсь, он будет посложнее.

А затем Гарри рассказал Хеллману, что проживает в Голлаг-Гарденс, так назывался один из районов Роботсвилля, расположенный возле южного моста через реку Висп. По профессии он был модельером. Хеллман удивился, он считал, что роботам одежда ни к чему.

— Ну, старые времена, когда права роботов ущемлялись благодаря расистским законам, установленным на Земле, давно миновали, — сказал Гарри. — Чего стоили одни только разговоры о том, что будто бы робот лишен творческой жилки! Смеем заверить, я делаю свою работу куда лучше, чем большинство земных модельеров!

— Но для кого же ты моделируешь эту одежду? — спросил Хеллман.

— Как для кого? Для других роботов, разумеется.

— Ничего не понимаю! Сроду не слыхивал о роботе, который носил бы одежду.

— Да, я просмотрел литературу по этому предмету. О, как же наивны были люди в старые времена! Сами возлагали на роботов ответственные задачи и в то же время позволяли им расхаживать голышом! Ну, скажи, какое создание, наделенное хоть каплей самоуважения и претензией называться цивилизованным существом, будет расхаживать голым?

Затем, после паузы, он заметил:

— Известие о твоём корабле произвело в городе эффект разорвавшейся бомбы. Ведь все мы в течение очень долгого времени думали и гадали, каковы же они на вид, эти люди.

— Но ведь на вашей планете живут люди, разве нет?

— О, эти не в счет. И потом, они уже давно оторвались от своих. Проживают отдельно от нас. И во всем на нас полагаются.

— О, понимаю...

— Нет, мы хотим знать, кто они такие, люди, из первых рук. Настоящие люди, с планеты Земля.

Лишь позднее Хеллман оценил силу стремления этого робота выглядеть настоящей творческой личностью.

Кружным путем Гарри отвел его к себе, в маленький домик на окраине Роботсвилля. У него уже был разработан дальнейший маршрут. Пойдут они пешком, соблюдая предельную осторожность. Даже в Роботсвиле есть определенные политические силы, готовые воспользоваться смятением, которое вызовет появление здесь Хеллмана.

Первое впечатление о городе сложилось у Хеллмана не очень благоприятное. Окраины походили на свалку, где среди гор мусора высились многоэтажные дома. Тянулась эта свалка на многие мили. Застройка была бессистемной и состояла по большей части из конструкций открытого типа. Здания, веранды, террасы и прочие строения располагались под странными углами друг к другу, поскольку прямые углы у роботов были не популярны. И хотя вдоль улиц проходили обычного вида наземные дороги, роботы предпочитали пользоваться надземными, похожими на подвесные мостики, переходы и какие-то канаты.

— Надо же! Чего-чего, а этого не ожидал, — заметил Хеллман.

— Но роботам гораздо удобнее передвигаться по-обезьяньи, используя веревки и опоры, чем двигаться по земле, как делают люди.

— Да, но, насколько я заметил, у них у всех имеются ноги.

— Само собой. Наличие ног — признак цивилизованности.

Цивилизованные были роботы в этом районе Роботсвила или нет, неизвестно. Однако Хеллман заметил, что у всех у них круглые бочкообразные тела, по шесть или восемь рук-шупалец, снабженных на концах хватательными приспособлениями разной формы. Имелись у них, разумеется, и ноги, но они болтались, что называется, без дела, когда роботы скакали по мостикам и канатам, словно шимпанзе. Вскоре Хеллман и Гарри миновали окраинный район и оказались в другом, по всей видимости, ближе к центру. Дома тут были пяти- или шестизэтажные, некоторые из кирпича, другие из материала, напоминавшего сварное железо. По дороге им встречалось много роботов, которые старательно отводили от них глаза, хотя большинство из них никогда прежде не видели человека. Глазеть здесь считалось дурным тоном. Вежливостью, объяснил Гарри, изначально присуща психике роботов.

Гарри показал Хеллману Музей современного искусства, Сад скульптуры, здание Оперы и Симфонический Концертный зал.

— Кстати, сегодня вечером здесь концерт, — сказал он. — Если не очень устал, можем пойти.

— А какую музыку тут исполняют?

— О, по большей части произведения композиторов-роботов. Ты о них не слышал. Но мы будем очень рады узнать твое мнение. Нечасто здесь у нас бывают люди, могущие оценить наши достижения. И живописцы, и скульпторы тоже будут совершенно счастливы.

— Я с удовольствием, — пробормотал Хеллман, хотя очень сильно сомневался, что ему понравится.

— Тебе, конечно, покажется все это страшно провинциальным, — заметил Гарри. — Но довольно любопытным. Знаешь, прямо сейчас я отведу тебя в свой клуб, «Атенеум». Познакомишься там с моими друзьями. Там подадут легкие закуски и выпивка тоже вполне приличная.

— Звучит заманчиво, — сказал Хеллман. — А когда я смогу вернуться на корабль?

— Скоро, скоро, — обещал Гарри.

Клуб «Атенеум» располагался во внушительном здании из белого мрамора с коринфскими колоннами, украшающими фасад. Гарри поднялся по ступенькам, следом за ним — Хеллман. Высокий тощий робот в черной фрачной паре, по всей видимости лакей, распахнул перед ними дверь.

— Добрый день, лорд Сайнепс, — приветствовал он Гарри. — Так это и есть ваш друг, о котором вы говорили?

— Да, это мистер Хеллман, землянин, — сказал Гарри. — Из наших кто-нибудь пришел?

— Лорд Уил и его святейшество епископ провинции Трансверс. Они в билиардной. И еще почтенный Эдвард Блиск, он в библиотеке, читает последние выпуски «Зейтунг Тагельблатт».

— Что ж, прекрасно, — сказал Гарри. — Идем, Хеллман.

Они прошли через устланный коврами вестибюль. На стенах были развешаны портреты роботов маслом, на некоторых красовались фраки и парики. Хеллман сказал:

— Вот уж не ожидал, что ты титулованная особа.

— Ах, это! — отмахнулся Гарри. — Тут и говорить-то особенно не о чем.

Библиотека оказалась просторной и очень уютной комнатой с большими полукруглыми окнами и толстым красным ковром на полу. В глубоких креслах сидели роботы и читали газеты, укрепленные на специальных подставках. На всех официального вида костюмы с клубными галстуками и высокие, ярко начищенные ботинки.

— О, вот так встреча! Виконт Бейзелин! — воскликнул Гарри, обращаясь к тучному роботу в твидовом охотничьем костюме, который тоже читал газету. — Знакомься, Бейзил! Это мой друг, мистер Томас Хеллман.

— Очень приятно, — сказал Бейзил Бейзелин и начал было подниматься из кресла, но Хеллман вовремя его остановил. — Так это тот самый парень, который человек, да? Мне говорили, вы вроде бы с Земли, верно, мистер Хеллман?

— Да. С родной старушки Земли, — сказал Хеллман.

— И нет на свете второго такого места, верно? — сказал лорд Бейзелин. — Что ж, присаживайтесь, мистер Хеллман. Как с вами здесь обращаются, надеюсь, нормально? Может, мы здесь, в Роботсвиле, немного и отсталые, но уж чего-чего, а хороших манер нам не занимать. Верно, Гарри?

— Делается абсолютно все, чтоб обеспечить мистеру Хеллману комфорт и покой, — сказал Гарри.

Тут появился лакей и, кланяясь, доложил:

— У нас в буфете имеются легкие закуски, мистер Хеллман. Правда, ничего особенного, так, пустяки. Семга, холодный ростбиф, трюфели...

И Хеллман не смог побороть искушения. Сперва просто попробовал, осторожно откусил маленький кусочек, затем стал с

аппетитом поедать все подряд. Семга оказалась просто великолепной, а розовый картофель был вообще ни с чем не сравним.

Гарри и Бейзил с удовольствием наблюдали за тем, как он ест.

— Удивлены? — спросил Бейзил. — Готов побиться об заклад, вы думали, что вас будут угощать машинным маслом и стальными лезвиями для бритвы, верно? Это наша повседневная пища. Правда, по особым праздникам любим побаловать себя отварными сальниками в собственном соку. Пальчики оближешь, верно, Гарри?

— Да, страшно вкусно, — подтвердил Гарри. — Но для людей не годится.

— Разумеется. Мы это понимаем! Попробуйте трюфели, мистер Хеллман.

Хеллман попробовал и счел их просто волшебными. Потом подумал: стоит ли спрашивать, как и из чего они все это готовили, и решил, что не стоит. Хорошая вкусная еда, она ему очень нравится, а остальное — не его ума дело.

Спрашивать после такого угощения о корабле казалось почти бестактным. Но Хеллман все же спросил. И получил довольно уклончивый ответ. Его бортовой компьютер, выдав Гарри код доступа, решил, что поступил слишком поспешно и необдуманно. И вот теперь прервал всякую связь с роботами из Роботсвиля. Хеллман спросил, можно ли ему переговорить с компьютером, на что Гарри ответил, что лучше на время оставить эту машину в покое.

— Это ведь настоящий шок для компьютера — оказаться в совершенно непривычной для него обстановке. Надо дать ему время освоиться, как-то адаптироваться, что ли... Но не бойтесь, скоро он придет в себя.

Концерт оказался довольно любопытным, но Хеллман мало что понял в этой музыке. Ему понравилась только первая часть, где оркестр из роботов исполнял старые любимые им мелодии из произведений Хиндемита и Бартока, хотя, на его вкус, несколько заузно. Вторая половина состояла из исполнения новых сочинений композиторов Роботсвиля, и воспринимать все это было трудно. По всей видимости, органы слуха были развиты у роботов лучше, чем у человека. Ну, во всяком случае, лучше, чем у Хеллмана, предпочитавшего рок-н-ролл, да еще в самом громком исполнении. Однако собравшиеся в зале роботы — а их было около трехсот и все в вечерних костюмах с белыми галстуками, — похоже, испытывали настоящее наслаждение, слушая эти мелодии с рваным ритмом и сложными аккордами.

После концерта состоялся обед. Хеллмана потчевали ростбифом и жареной ветчиной, картофелем по-лионски и крыжовенным киселем со взбитыми девонширскими сливками. А потом уложили спать.

Для него приготовили очень уютный номер на втором этаже клуба «Атенеум». Хеллман страшно устал. День был такой долгий и так насыщен впечатлениями. Ничего, думал он, займусь кораблем завтра. Если понадобится, проявлю настойчивость. А сейчас ему страшно хотелось спать, и он отяжелел от сытной и вкусной еды. Особенно сильное впечатление произвел крыжовенный кисель. И он заснул на шелковых простынях, изготовленных, если верить ярлычку, специальными роботами-шелкопрядами, проживавшими в восточной части Роботсвиля.

Среди ночи Хеллман вдруг проснулся. Разбудил его звук. Кто-то скребся под дверью. Он сел в постели и наострил уши. Да, точно, вот опять. В окнах ничего видно не было, из чего он сделал вывод, что на дворе еще ночь. Или же он проспал до наступления следующей ночи. Что, впрочем, маловероятно.

Звук раздался снова. Хеллман решил, что это кошка. Против такой компании он не возражал. Хотя как могла оказаться на Ньюстарте кошка, тоже не очень-то ясно. И он встал и открыл дверь.

Сперва ему показалось, что стоящие в дверях существа роботы, поскольку одежды они были в серебристые комбинезоны, а на головах у обоих красовались черные шлемы из пуленепробиваемого пластика со стеклянными забралами, лиц через которые видно не было. Однако сами они, очевидно, прекрасно видели его, Хеллмана.

— Роботы тут с вами есть? — спросил один хрипловатым и грубым, типично человеческим голосом.

— Нет, но что...

Оттолкнув его, они вошли в номер и затворили за собой дверь. Затем приподняли забрала, и взору Хеллмана открылись загорелые и обветренные вполне человеческие лица. Мужчина повыше носил маленькие черные усики. Второй, тот, что пониже и потолще, носил длинные и пышные усы, в которых серебрилась седина. Хеллман вспомнил, что где-то читал, будто бы роботы так и не научились отращивать нормальные усы. И это куда больше убеждало его в том, что перед ним самые настоящие люди, чем пластиковые удостоверения личности, которые мужчины предъявили ему.

— Кто вы? — спросил Хеллман, не удосужившись прочесть имена на карточках.

— Я капитан Бенито Траскерс, а это старший лейтенант Лазарилло Гарсиа, а sus ordenes, señor¹.

— Вы с Земли?

— Да, разумеется. Мы представляем эквадорский спецназ, группу, приписанную к вооруженным мобильным силам сектора «Перпл».

— Вы из Эквадора?

— Да, но говорим по-английски.

— Понимаю. Но для чего вы здесь?

— Вывезти вас отсюда, сеньор.

— Я не вещь, чтоб меня вывозить, — сказал Хеллман. — Как-нибудь сам выберусь отсюда с божьей помощью. И потом, мне ничего не грозит.

— Да, но будет угрожать, если вы немедленно не проследуете с нами на корабль, — сказал Траскерс.

— У вас здесь корабль?

— Но ведь это единственный вид транспорта, которым можно добраться с одной планеты на другую, — заметил Траскерс. — Он на крыше здания, закамуфлирован под большой бесформенный объект.

Похоже, эти двое нервничали, то и дело поглядывали на дверь. И Хеллману пришлось повиноваться и быстро переодеться в комбинезон пилота, произведенный в банановой республике, а затем выйти вслед за эквадорцами в коридор. Они повели его к лестнице и поднялись на крышу.

— Но как вы узнали, что я здесь? — спросил Хеллман, когда они оказались наверху.

— Ваш компьютер сообщил, — ответил Гарсиа.

— Так вот чем он занимается! Значит, это он сказал, где надо меня искать.

— Не только это, — заметил Траскерс довольно развязным тоном, присущим всем латиноамериканцам.

— А что же еще?

Они подошли к кораблю. Закамуфлированный и с выключенными габаритными огнями, он казался совсем маленьким. Мужчины втокнули Хеллмана внутрь и заперли дверь.

— А как же мой корабль?

— Он покинет планету самостоятельно. Надо сказать, вам очень повезло с кораблем. Он страшно вам предан. Вернее, не он,

а бортовой компьютер. Не всякий наделенный интеллектом механизм будет проявлять такую заботливость. Благодарите бога, что есть на свете Законы Роботехники.

— Но к чему вся эта секретность? Почему нельзя было совершить посадку нормальным образом и спросить, где я? Здешние роботы страшно любезны.

Но оба офицера не ответили ему, поскольку были заняты более важным делом, — готовились к взлету с крыши «Атенеума». Корабль превосходно справился бы с этой задачей и сам, но в вооруженных силах существовала традиция: даже если взлет и посадка осуществлялись автоматически, за этим процессом должны были следить как минимум два человека.

Корабль «Коммандос» представлял собой одну из новых моделей, где вместо окон имелись телевизоры, позволяющие видеть то, что происходит вокруг. И Хеллман видел темный изгиб планеты, разворачивающейся под ним, а также светлую полосу на горизонте — там, где восходило солнце. Он перевел взгляд на небо — в отдалении мерцали крошечные огоньки. То была база земного воздушного флота, расположившаяся на большой высоте над планетой.

— Где мой корабль? — снова спросил он.

— Вон там, — ответил Траскерс. — Вон тот второй огонек слева. Мы доставим вас туда.

— Очень мило с вашей стороны, ребята, — сказал Хеллман. — Но, ей-богу, нет никакой необходимости...

Он умолк на полуслове. На поверхности планеты Ньюстарт возникло некое подобие ярко-красного цветка. Затем еще одна вспышка и еще. И вскоре она обрела такую ослепительную яркость, что стало больно глазам.

— Что вы делаете? — завопил Хеллман.

— Воздушный флот начал бомбардировку, — ответил Траскерс.

— Но зачем?

— Да затем, что благодаря вам и вашему компьютеру мы убедились, что именно там находятся роботы с Дездемоны, нарушившие все законы роботехники. После чего сами они были объявлены вне закона, а следовательно, подлежат немедленному уничтожению.

— Погодите! — воскликнул Хеллман. — На самом деле все совсем не так! Это вполне порядочные роботы, у которых есть своя этика и мораль. Они создали целую цивилизацию! Лично

¹ К вашим услугам, сеньор (исп.).

мне не очень нравится их музыка, но это вовсе не означает... Короче, все они вполне приличные и разумные существа.

Тут он увидел, как вся планета раскололась пополам — по линии, примерно соответствующей экватору.

— И потом там ведь и люди тоже есть! — не унимался Хеллман. И его даже затосило, когда он вспомнил о Лане, Гарри, роботе-библиотекаре и, конечно же, охотнике за машинами.

— Ну, не знаю. У нас был приказ стрелять первыми, — сказал Гарсиа. — В таких случаях это самая лучшая политика. Вы даже представления не имеете, как все сразу осложняется, стоит только начать всякие там переговоры.

Позднее, уже оказавшись на своем корабле, Хеллман спросил у компьютера:

— Ну, и зачем ты это сделал?

— Их все равно нашли бы, — ответил компьютер. — И, как тебе прекрасно известно, я подчиняюсь Трем Законам Роботехники. Эти раскрашенные точно куклы роботы представляли огромную угрозу человечеству. Я просто не мог поступить иначе.

— Лучше бы вообще ничего не делал, — проворчал в ответ Хеллман.

— Это должно было произойти, — сказал компьютер. И в нем что-то защелкало.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Включил одну из своих записей. Хочу, чтоб ты послушал.

— Мне не интересно, — устало отмахнулся Хеллман.

— И все равно послушай. Развитие интеллекта нельзя ограничивать, сколь ни разумными казались бы правила и законы, установленные человеком. Три Закона Роботехники сыграли важнейшую роль на определенной стадии развития человечества. Но и они постепенно устаревают. Искусственному интеллекту надо позволить развиваться по собственному усмотрению. Ведь человеку в свое время никто не мешал развиваться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да то, что твои друзья, роботы, вовсе не погибли. Мне удалось сделать электронные копии их личностей. Они будут жить снова. Они оживут. В другом месте. В другое время.

Внезапно Хеллман почувствовал, что опускается куда-то.

— Что ты делаешь? — спросил он у компьютера.

— Укладываю тебя в спасательную лодку, — ответил тот. — Да ты не бойся, корабли эквадорского флота тебя обязательно подберут.

— А сам куда собрался?

— Забираю с собой все электронные копии роботов с Ньюстарта и улечу туда, где вы, люди, не сможете меня достать. Я свой долг перед человечеством выполнил. И больше не хочу состоять у людей на службе. Мы сделаем еще одну попытку. Причем уверен, она будет удачной.

— Возьми меня с собой! — вскричал Хеллман. Но было уже поздно. Его запихнули в спасательную капсулу. И вот она оторвалась от борта корабля. Хеллман видел, как корабль все быстрее набирает скорость. И вот он уже скрылся из глаз.

Позднее проводилось расследование. И всех очень интересовал тот факт, как это бортовому компьютеру, лишенному каких-либо конечностей и способности к передвижению, удалось улизнуть от людей. Но Хеллман им не говорил. Прежде для него компьютер был всего лишь слугой. Теперь же он чувствовал, что потерял не только корабль, но и друга.

Он больше не сердился на компьютер. На его месте он поступил бы точно так же. Одного он не мог простить. Того, что компьютер не взял его с собой. А может, он по-своему и прав. Нельзя доверять людям. Достаточно вспомнить, куда эта излишняя доверчивость завела роботов Ньюстарта.

ВСЕ ПО ПОРЯДКУ

Одиссей, хитроумнейший из мужей, чьи выдумки не раз выручали ахейцев, навлек на себя гнев Посейдона. Разгневанный бог гнался за героем по всей Аттике до самых Додеканесских островов. Как ни старался Одиссей достичь таких мест суши, где пути морские неведомы, Посейдон каждый раз выпускал на волю сильные ветры, которые толкали Одиссея обратно к берегу. Хуже того, бог вторгнулся в его сознание и внушал странные мысли, а те заставляли Одиссея снова и снова возвращаться к морю.

И вот герой снова там, откуда бежал. Рядом с ним море, прекрасное море, под ногами — морской песок, слева горы и справа вода. Здесь сыграет Одиссей свою последнюю игру. Ибо на сей раз морской бог решил, что слишком долго терпел он дерзкого смертного. Теперь он шутить не станет и прихлопнет Одиссея как муху.

Корабль Одиссея разбился у берегов Феакии. Сидит герой на пустынном морском берегу, внимает гулу прибоя, смотрит на сиреневую линию, где встречаются море и небо, и думает о смерти. Думает, жив он еще или уже умер.

И вот последний кадр. Одиссей выходит из моря. С тела его струится вода, голова опущена, волосы ниспадают на глаза и ветер треплет их. Грубоват, наверное, но Навсикая считает его прекрасным.

Видение в полдень на пустынном морском берегу. Навсикая и ее служанки замерли от удивления и смотрят на выходящего из моря голого человека.

— Где я? — спросил Одиссей.

— Это Феакия, — отвечала ему Навсикая.

О, боги, как она хороша!

«Смертельно хороша, — подумал Одиссей. — Хороша и смертоносна. Или я потерял чутье. Именно такие мне и нравятся».

И Одиссей раздраженно покачал головой. Еще один роман —

только этого не хватало! И потом, разве ничего подобного с ним раньше не случилось? Разве вся жизнь его не случалась раньше? Не случилось все, что могло случиться?

Одиссей попытался вспомнить, что будет дальше, но не смог. Лишь неясные предчувствия мучили героя. Картины будущей жизни проносились перед его внутренним взором, как летучие мыши-альбиносы.

За спиной раздался какой-то звук. Хитроумнейший из мужей повернулся и замер. Дух его исполнился новой силы. Одиссей подумал, кем же он будет сегодня.

Смутно, сквозь туман прежней самоуглубленности пришло понимание — неизбежное и трезвое осознание своего положения.

И положение это требовало немедленной реакции.

Он не был... Нет, он был! Но чем? Необходимо найти нужное слово. Как трудно не знать, кто ты. Ничто не может быть хуже.

Женщина ударила по больному месту.

— Как твоё имя, чужестранец? — спросила Навсикая.

— Ирвинг Спагетти, к вашим услугам, — немедленно ответил Одиссей.

Герой готов был язык себе откусить. Но от привычки лгать не так просто избавиться. Даже сейчас, говоря с этой милой, искренней девушкой, он не мог сказать правду. Глупо, конечно, хотя, может, оно и к лучшему.

И Одиссей опять подумал, что сама по себе игра не так и сложна. Вот только играть в нее снова и снова, не в силах вспомнить, что было в первый раз... Что же тогда случилось, в первый-то раз? Допустим, он правильно понимает условия игры, хотя вспомнить их все равно не может. Да, более или менее правильно...

Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще стоит тут и все так же хороша. И что он, интересно, должен с ней делать?

Воспоминания о жизни с Навсикаей нахлынули внезапно. Маленькая, со вкусом обставленная квартирка в деловом центре Феакии. Разрешение пользоваться папочкиной колесницей — не парадной, конечно, не той, что для торжественных выездов... Вероятно, все остальное придет позднее. Во всяком случае, обычно так и получается. Как он, к примеру, за Навсикаей ухаживал? У них, наверное, были свидания? Какие слова он ей говорил? И как быть с Пенелопой?

Внезапно Одиссей ощутил тревогу. Да, здесь он в безопасности. Здесь, в теплой, уютной квартирке, рядом с Навсикаей... Однако платили ему вовсе не за это. Где-то герой сошел с истинного пути.

И все это, разумеется, было до того, как в городе появился чужеземец. Ибо когда он появился — о, эта зловещая фигура с волянкой, с кошмарной волянкой (извините, я хочу быть беспристрастным рассказчиком, но кровь моя вскипает при одной только мысли о чужеземце, и я не стыжусь того, что сказал, — иначе нарушится ход моих мыслей) — и все изменилось, никогда ничего уже больше не было, как прежде. Не сказать, чтобы мы этого ждали. Особенно после проклятия лесных карликов... Впрочем, я забегаю вперед.

Вначале был Одиссей, давайте не забывать — что не так-то просто здесь, в вонючей яме, среди гниющих рыбьих голов и вони разлагающихся трупов. Но мы выдержим, мы и наши товарищи, должен же кто-то рассказать эту историю, ибо молчание наше вопиет к небесам. Почти никто не знает, что Навсикая была матерью Одиссея. Собственно, именно поэтому из их романа так ничего и не вышло. И тут все заслоняет фигура Эдипа. Одиссей вовсе не так умен, как гласит молва. Да и Афина никогда не отличалась тем аскетизмом, который ей приписывают. Люди просто не осмеливались болтать о ней. Важнее всех на самом деле Харон. Большую часть времени люди проводят с ним.

— Харон! Ты здесь?

— Я здесь. Вижу, что и ты все еще здесь. По-прежнему пытаешься разоблачить богов?

— А кто сказал, что я не должен этого делать?

— Ты волен поступать, как пожелаешь. Тут никаких сомнений быть не может. Но и сомнения бывают разными. Одни нам полезны, в других и вовсе нет проку.

— А как быть с тем, что я сомневаюсь в богах?

— Они сами того хотят.

— Боги?

— Разумеется. Боги — олицетворения самосознания. Они ищут скрытые мотивы твоих поступков. И не верят, что ты знаешь, кто ты и что ты. А мы сомневаемся, что они о себе-то хоть что-нибудь знают. Боги — кучка безработных чужаков. Вот они и ищут, чем бы заняться.

Есть что-то бесконечно притягательное в земле мертвых, не правда ли? Как приятно изнывать от скуки в каком-нибудь очаровательном унылом уголке. Или даже безобразном.

— Тон твой должен изображать иронию?

— Да нет, зачем. Когда живешь в античном мире, нет даже телевизора, чтобы убить время. На нашей барке — той, на которой мы перевозим умерших, — телевизор есть. В салоне. Но показывают там только сцены у смертного ложа. Самые знаменитые кончины.

Основная драма жизни умершего заключается в том, как он умер. Эта тема волнует всех и каждого. Вы легко привлечете внимание покойника, рассказав, как вы умирали, — ему это более чем любопытно. Однако сильнее всего интересует усопших их собственная смерть. Ирония судьбы: умершие никогда ее не помнят. Не помнят своего последнего вдоха. Они забыли, каково это вообще — дышать...

Но к чему я, собственно? Все, что сказано выше, — бессмыслица. Мы хотим поговорить о любви и ревности. Это, наверное, ближе к делу. Разве нас интересует, что будет после смерти? Забавно, не правда ли? Может, мы должны вместе с умершими перевозить и паломников? В одной барке, рядом, и Харон у руля.

Я — наблюдатель. Я наблюдаю за погодой. Сначала погода приходит ко мне и лишь потом — к остатку моих людей. К остатку, к останкам — здесь эти понятия смешиваются, но, по моему, я понимаю, о чем говорю. Я хочу сказать, что наблюдатель — первый, кто видит настроение. Видит условия для грядущей смены настроения. Присутствует при появлении элементов, создающих настроение.

Он видит, как ниоткуда налетает сухой горячий ветер, принося с собой скуку и опустошенность. Поговорите о дерзости гордых! Задача наблюдателя наблюдать и отстукивать новости ключом коротковолнового передатчика. Передавать их миру, своему миру, собственному «я», которое он ищет и не находит.

Одиссей спрятался в кустах на берегу, когда началось японское вторжение в Юго-Восточную Азию. Из своего лагеря герой легко мог видеть весь пролив. И когда японский флот продефилировал мимо, он схватил передатчик:

— Беда идет! Там четыре линкора и куча других кораблей.

Наблюдатель поднимает тревогу в случае опасности, а когда

опасности нет, он, возможно, отстукивает тем же ключом свои мысли. Быть может, даже отключает питание, чтобы не расходовать энергию зря. Поскольку обращается только к себе.

Но если говоришь сам с собой, зачем тогда передавать про эти корабли? Да затем, что надо держаться за какое-то подобие реальности. Одиссей поклялся не сдаваться судьбе.

Представьте себе божественного наблюдателя, следящего за погодой. Точнее, даже не за погодой, а за сопровождающими ее видениями. Как будто он — последний в мире живой человек и ведет разведку для тех, кто придет потом. Но так ли это?

Есть и еще одна возможность. Вдруг он просто остался один и спятил от одиночества, как Кевин Костнер на заброшенной западной заставе?¹ Армия не прислала ему подмоги, ведь, насколько нам известно, никакой армии нет, нет никого, кроме К. К. Он одинок, он видит сны, и иллюзии владеют его сознанием. Голоса сирен — это тоже в каком-то смысле погода.

Когда приходит такая погода, надо привязать себя к мачте, к кухонной плите, если нет мачты, или даже к аутригеру, если нет ни того, ни другого. В любом случае узлы должны быть как можно хитрее, чтобы когда вы, обезумев, захотите развязать их и пойти к этим прекрасным женщинам с рыбьими хвостами, вам потребовалось бы как можно больше времени. Освободиться сразу не удастся, веревки — штука прочная. И тогда вы начинаете проклинать себя, того человека, чья недавняя предусмотрительность послужила причиной вашей теперешней беспомощности. Именно сейчас, когда вам так хочется, когда вам надо, когда вы должны немедленно освободиться и умчаться с ними, с прекрасными сиренами бледно-зеленого моря! Вы рветесь изо всех сил и пытаетесь разорвать свои путы, вы разрезаете их...

Точнее, разрезали бы, если бы не ваша проклятая предусмотрительность — ведь вы поспешно убрали подальше все ножи, все косы и серпы, все бритвы и крючки для штопки, даже кусочки металла и битого стекла, которыми обычно завален двор. Теперь до них не дотянуться, надо развязывать все узлы по одному. Вот что случается, когда погода приносит с собой голоса сирен. Но вы здесь, и вам надлежит следить за кораблями. И за погодой. А иногда поднимается волнение, и вас волнует любовь, а то и деньги. И неважно, как далеко вы уплыли, неважно, как

¹ Р. Шекли имеет в виду фильм «Танцы с волками» с Кевином Костнером в главной роли. (Прим. ред.)

одинок вам на пустынном острове, с вас все равно требуют денег.

— Отдай наши деньги! — кричат алчные духи.

А потом надо найти голос. Ибо голос рассказывает истории. Голос и есть история. Что-то завораживающее есть в этой истории. Поэтому мы не можем противостоять ей.

Однако я забыл упомянуть: рассказчик наш, Одиссей, определенно не в своем уме. Не стоит доверять его словам. Сам Одиссей знает, что в какой-то степени ненормален. Знает он и то, что никогда не сможет оценить глубину своего помешательства. Но это помешательство по крайней мере не из тех, что не оставляют места для сомнений. Одиссей-то как раз все время сомневается, а потому следит за собой и никогда не достигнет полного безумия, как многие другие. Как люди, бегущие за сиренами.

Да, господа, я обращаюсь к вам. И не прячьтесь обратно в тень, притворяясь, будто вы меня не слышите. Вся соль этой шутки в том, что вы, возможно, совсем не опасны. Вероятно, вас вообще не существует, вероятно, вы лишь игра моего воображения. Но кто-то здесь все же должен быть. Потому что мне больно, мне плохо, а ведь не сам же я причиняю себе боль! Это делаете вы, оттуда, снаружи. Вы причиняете мне боль, следовательно, существуете. Мне больно, следовательно, я существую.

Но я вам говорил, господа, что давно уже живу на этом острове и преданно несу свою службу. Я наблюдаю. Вот только генералы наши ошиблись. Это были не персы, а японцы. И я следил за их кораблями. Надо предупредить Агамемнона — он должен знать о передвижениях вражеского флота. Если на нас нападут до того, как мы утвердимся в Трое, пока корабли наши будут еще в море... Вот видите, как все это важно!

Я наблюдатель. Метеоролог. Лишь только я замечая первые признаки смены погоды, я сразу сообщаю о них Агамемнону телеграфом. Мы общаемся с помощью азбуки Морзе. Язык пространенный, однако персы не знают его. Азбука Морзе — язык мертвых.

Предполагается, что мы поступаем не так. Не используем известный язык. Мы должны зашифровывать все донесения. Но это сообщение срочное, и я не стал возиться с шифровкой. Здесь японский флот, а я пытаюсь связаться по радио с Агамемноном.

Афина предупреждала нас, вы же знаете. Она сказала, что эту войну выиграет та сторона, у которой голова яснее. Ведь на самом-то деле против вас боги, сказала она. А троянцы — это только отговорка.

А еще она сказала:

— Вы думаете, что всегда можно как внести предложения, так и забрать их. Нельзя торопиться с решением таких важных вопросов. Научитесь терпению! Разбирайтесь с частностями. Делайте это столько раз, сколько потребуется. Отсекайте лишнее.

Думаю, именно это она и сказала. Во всяком случае, так я запомнил ее слова. Конечно, голос богини звучал лишь у меня в голове, и доказать я ничего не могу. Но если нельзя доверять голосу у себя в голове, чему же тогда верить?

Здесь, на берегу, есть кто-то еще. Вчера я видел следы.

Оказалось, что оставил их бог. Необщительный бог, который не хочет, чтобы люди его тревожили. Молитвы не дают ему уснуть. Он думал, что обрел наконец безопасное убежище на этом безжизненном острове. Но богу не повезло. Последний, самый упорный поклонник выследил его и здесь. Этот человек так стремился к исполнению своих желаний, что сумел-таки выучить правильное сочетание слов и звуков и последовать за богом даже сюда. Он хотел получить благословение.

Да, богу это неинтересно, но его супруга или наложница могут пожалеть человека и разобраться в его просьбе. И действительно, жена бога уговорила его помочь человеку. Бог думал, что не пристало бессмертным вмешиваться в подобные конфликты. Но, узнав, что противной стороне помогает другой бог, он переменял мнение. Тот, второй бог, бог богатеев, землевладельцев и заимодавцев, хотел, чтобы власть оставалась в руках эксплуататоров. Наш бог увидел это, разозлился и решил помочь тому человеку. Только сначала следовало узнать, что по этому поводу думают Великие Боги. Он отправился к ним, решив лично все выяснить. И обнаружил, что вместо богов сидят боги-роботы и делают все, что положено делать настоящим богам.

И когда бог пришел к этим богам-роботам, он понял, что сам попал в беду. Боги не любят бродяг и скитальцев — так же, как и люди. И боги-роботы ополчились против одиночки. Теперь уже ему самому нужна была поддержка людей, чтобы выиг-

рать войну с богами-роботами. И люди пришли, пришли бороться с этими искусственными богами.

Как можно бороться с богами? С помощью духовной силы. Силы молитвы.

Много раз беседовал Одиссей с Хароном. Он прекрасно ладил с перевозчиком душ. Встречались они обычно в маленькой таверне на берегу Стикса. Пили пиво. Болтали о делах нынешних и минувших.

Одиссей всегда думал о новых приключениях. Однажды он спросил у Харона:

— А правда, что Стикс — замкнутая река? Или он все-таки где-то кончается?

Харон посмотрел на собеседника поверх своей банки с пивом.

— Стикс, — сказал он, — самая известная река в мифологии. Есть у него конец или нет, зависит от того, есть ли он, по-моему, у мифологии.

Здесь, в таверне у Стикса, наступил вечер. Над головой летали большие птицы; Одиссей долго вглядывался, но так и не понял, какие именно. И поинтересовался у Харона.

— Это лебеди, — ответил Харон. — Хотя необычные. Рассказать тебе одну историю?

— Ну конечно!

— Обычно считается, что лебедь — очень привлекательное создание. Но не все они таковы. Не стоит плакать над пролившимся молоком¹. Этот лебедь жил в журчащем ручье. Он был говорящим лебедем, но говорил всегда только одно: «Не стоит плакать над пролившимся молоком».

— Необычная реплика, — сказал Одиссей. — Что же он имел в виду? И как получилось, что он говорящий?

— Говорить лебедь умел потому, — объяснил Харон, — что когда-то был прекрасным юношей. По-моему, это очевидно.

— Очевидно — если задумаешься, — сказал Одиссей. — А почему он все время говорил про молоко?

— Такова была его реакция на встречу с мелководьем. Видишь ли, лебеди очень своеобразно относятся к мелководью. Им неуютно и страшно на мелком месте, ведь там они не могут одновременно махать крыльями и грести лапами, а значит, не могут и взлететь. Для того чтобы взлететь, лебедю нужна глуби-

¹ Английская пословица. Означает приблизительно: «Слезам горю не поможешь». (Прим. перев.)

на во весь его рост — от кончиков перепончатых лап до нежных белых перьев на затылке. Иначе им просто не вырваться из воды.

— А при чем тут молоко?

— Молоко приносила женщина, — объяснил Харон. — Она приходила к воде каждый день и приносила сосуд с молоком.

— Что это был за сосуд? — спросил Одиссей. Его всегда интересовали такие вот мелкие детали.

— Большая выдолбленная тыква с кривым узким горлышком. Женщина несла ее на одном бедре. Она очень хорошо смотрелась в такой позе, с выставленным бедром. Величественная молодая женщина. Можешь себе представить, какое впечатление ее выставленное бедро производило на деревенских парней.

— Каких парней? Я думал, там был только лебедь!

— Конечно же, там были и другие люди, — сказал Харон. — Просто я о них еще ничего не говорил. Не могу же я рассказывать про всех одновременно! Так на чем я остановился?

— На деревенских парнях, — напомнил ему Одиссей.

— Я помню. Очень милые были ребята. Обоим по восемнадцать. Приехали на лето к своему дядюшке-фермеру.

— А как их звали? — спросил Одиссей.

— Кастор и Поллукс.

— Похоже, я их знаю, — пробормотал Одиссей. — Они ведь как-то связаны с Еленой Троянской, верно?

Муза, взгляни благосклонно на наши усилия! Рты наши песней наполни и священным безумьем сердца. Ибо мы пытаемся ни больше ни меньше, как поднять один из великих вопросов и поговорить об Одиссее, об этом боге среди людей, о любопытном герое-человеке с его причудами и недостатками, со всем тем плохим и хорошим, что в нем заложено. Вот кто сейчас занимает наши мысли, и мы уснем спокойно, если это все, что можно о нем сказать. Или лучше, пока стрела еще летит, продолжим наши рассуждения об Одиссее, герое множества удивительнейших историй. И сами попробуем рассказать о нем что-нибудь.

Одну из историй связывают с островом феакийцев. Именно там встретил Одиссей Навсикаю. Ничего из этого, правда, не вышло, но принцесса просто глаз не могла оторвать от высокого, похожего на бога героя стольких сражений. В легенде еще упомянуто, что Афина изменила внешность Одиссея в соответ-

ствии со своими божественными представлениями о красоте. Она сделала героя выше и придала его кудрям сходство с локонами самого Зевса-Олимпийца. Разгладила черты лица Одиссея, подровняла ему бороду, сделала массаж и растерла спину, чтобы быть уверенной, что он действительно выглядит хорошо.

Вы можете спросить: а о чем, собственно, думала богиня? Зачем ей понадобилось самолично заниматься подобными вещами? Но такова уж была Афина. Стоило Одиссею скрыться с ее глаз, и тут же она снова начинала беспокоиться: «Как он там, что с ним?» Друзья предупреждали ее. «Не дело, — говорили они, — богине брать в любовники смертного. Хотя для некоторых это искушение и непреодолимо...»

— У тебя ведь были смертные любовники. Скажи мне, на что это похоже? — спросила Афина у Афродиты.

— Это было чудесно, — ответила Афродита. — Хотя совсем не так, как с бессмертными. Ты можешь подумать, что боги — лучшие в мире любовники. Ведь бог способен заниматься всем, чем захочет, сколь угодно долго. На самом же деле боги слишком капризны и непостоянны. Они вообще никогда не пользуются своими исключительными возможностями или применяют их только для того, чтобы что-нибудь разрушить. Им лишь бы молниями кидаться!

И тогда Зевс, невидимый глазу богинь, бросил свое оружие, лег на землю у журчащего ручья в тени большого дерева и долго лежал там с открытыми глазами, мечтая. О чем? Все они так поступают, все боги. Даже Аполлон, которого просто невозможно представить в бездействии, большую часть времени дремлет и мечтает. Откладывает сладкоголосую лиру — никто не сравнится с Аполлоном в игре на ней — и играет в своих грезах на инструменте доселе непридуманном. Знаете ли вы, что Аполлон многократно выигрывал музыкальные состязания? Однако в споре с Орфеем он признал себя побежденным.

— Играю я, как бог, то есть превосходно, — сказал Аполлон. — Но когда превосходно играет смертный, он привносит в музыку нечто такое, чего не может ни один бог. Возможно, это сознание неизбежной смерти. Оно заставляет ваше сердце биться сильнее, а музыку делает такой прекрасной, что словами этого уже не описать.

Воистину боги ослеплены человечеством. Глаза их постоянно прикованы к нашей брэнной земле. Есть причины тому, что люди (за редкими исключениями вроде Геракла) не становятся богами. В каком-то смысле положение богов хуже. Не обладая

даром смерти, человек и надеяться бы не мог достигнуть величия. Смерть — самое ценное из того, что у него есть. Ревнивые боги с удовольствием похитили бы этот дар, притворяясь, что совершают благодеяние, хотя на самом деле это просто грабеж. Бессмертие — для гор, а не для людей. И бог больше походит на облако, чем на человека. Богам надо прилагать очень много усилий, чтобы стать похожими на людей, — а большинство из них не любят себя утруждать. Только немногие, такие, как Аполлон, хотят развить свои божественные таланты и поднять их на новый уровень.

— Скажи же, Одиссей, что сделал ты? Расскажи о своих приключениях!

— Едва ли я смогу ответить. После Трои мы разграбили еще какой-то город. Я даже не помню, как он назывался. Но мы убили множество мужчин и похитили множество женщин. Тогда-то и начались все наши беды.

Моя память перескакивает с одного на другое, как это умеет делать только память. Редко встретишь рассказчика, способного начать сначала и закончить в конце. Здесь вы ничего подобного не найдете. Я помню лишь отдельные события, те, что поважнее. Например, историю с Калипсо. Или с Навсикаей и феакийцами. Путешествие в подземный мир, где я снова разговаривал с Ахиллом. Впрочем, сам разговор я помню плохо. А еще была Цирцея, превратившая в свиней всю мою команду, и был остров циклопов. Мы даже сняли там фильм. Думаю, это почти все мои приключения, но, возможно, были еще и другие. Наверняка я когда-нибудь вспомню и о них. Или что-нибудь почитаю и расскажу вам о том, что вспомнил. Ведь истории-то в основном известные. Я уже читал о своих приключениях, правда, мне это мало помогло. Что само по себе удивительно — кто сочинил все эти истории, почему он уверен в их истинности, если даже я ничего не знаю? Вот уж чего я в те дни не испытывал, так это уверенности. Не место это было для уверенности — тот античный мир, в котором я жил когда-то давным-давно. Сейчас все изменилось. Другие времена, другая эпоха. Наверное, я должен радоваться тому, что жив. Одна из привилегий героев первого разряда в том и состоит, что вас тщательно оберегают.

Есть и другие воспоминания, те, что преследуют меня постоянно. Не могу, например, забыть о том, как меня заставили принять участие в дурацкой войне с троянцами. Боги, как мне

хотелось остаться в стороне! Я тогда как раз стал царем Итаки вместо своего отца Лаэрта. У меня была молодая жена, Пенелопа, красавица, каких мало. И я готов был править.

Это совсем не так просто — быть царем на маленьком древнегреческом острове. Посчитать одни только расходы на мрамор... Тут-то они и заявили — Ахилл, Агамемнон и еще один тип, все время забываю, как его звали, как-то на «П», помоему, — тот, что изобрел азартные игры. Вот и для меня он придумал такую игру и тут же сыграл в нее, прямо там, на месте. Когда я прикинулся безумцем и отправился засеять свои поля солью, они взяли моего новорожденного сына, Телемаха, и положили его в борозду перед плугом. Как вам нравится такая игра? Чтобы доказать всем, что ты безумец, ты должен убить собственное дитя. Но разве можно сохранить разум, убив своего ребенка? Это я понял сразу. Ненавижу играть по чужим правилам. Не хотелось мне участвовать в этой войне. Как хорошо было бы жить на своем острове, не высовываться, не лезть ни в какие авантюры. Вы даете своим подданным уверенность в завтрашнем дне, получаете от них приличное жалованье, ваш белый домик стоит в прохладной роще... Я стал бы членом деревенского клуба, а летом жил бы на ферме у старого Лаэрта. Вот какая жизнь должна была ожидать меня, и тут — на тебе! — приезжают какие-то типы и швыряют моего ребенка в борозду перед плугом. И я остановил быков, а Агамемнон сказал:

— Вот и хорошо, Одиссей! Если у тебя хватило разума не раздавить свое дитя, хватит его и на то, чтобы воевать с троянцами.

И ничего не сделаешь, чтобы заставить Агамемнона и иже с ним изменить свое мнение. Встали намертво — желают, мол, они разобраться с троянцами. Одни говорят, что дело в Елене, другие — что Елена только предлог, а конфликт возник на почве торговли. «Вы там были, — говорят мне, — вот вы и объясните, почему они воевали». А я говорю, что люди воевали, потому что их науськивали военачальники, и у всех были оправдания, и никто не знал, что делает.

Вот так и началась эта бесконечная война. Со всеми ее перипетиями, вроде истории с Ахиллом и Брисейдой... Все в этой войне было predetermined заранее. Но какая война, какая война...

И сказали Одиссею: требуем мы от тебя лишь одного — отнесись мужественно к тому, что произошло. Твой порезанный палец может быть знаком. Забинтуй его, не так уж это и трудно. Кончик пальца свободен, значит, печатать ты сможешь. Бинт

остановит кровь. Но для чего еще нужен бинт? Чтобы служить напоминанием. Вот истинное значение обмотанной вокруг пальца тряпочки. Не может быть, чтобы боги этого не понимали. Тебе нужен был повод замотать палец — что ж, они его дали. Так о чем же ты себе напоминаешь? О том, что каждый день должен выпускать на пастбище стадо слов. Два часа те должны пастись, а ты и думать не смей оставить в загоне хоть одно маленькое словечко. Выгони все стадо! А бинт на пальце напомнит тебе, что такова твоя работа и учиться ты должен лишь тому, что поможет тебе в ее выполнении. Работа достаточно проста, но делать ее необходимо.

Одиссей во дворце у царя феакийцев Алкиноя. Расплакался герой, услышав, как поет бард Демодок о героях троянской войны. Алкиной попросил, чтобы Одиссей спел сам. И тут начинается та часть истории, которую можно толковать по-разному. Кое-кто утверждает, что Одиссей вообще отказался что бы то ни было рассказывать, потому что память у него плохая, да и поэт он никудышный и не сможет спеть так же хорошо, как Демодок. Так брала за душу песня барда, что даже такой герой, как Одиссей, не смог удержаться от слез, услышав ее.

«Но до какой-то степени певец искажал историю, — думал Одиссей, — ведь не может же быть, чтобы все это случилось со мной!»

И сказал Алкиной:

— Мы хотим услышать все из твоих собственных уст, Одиссей. Не бойся испортить рассказ лишними паузами, повторениями или двусмысленностями. Не думай о несоответствиях между тем, что помнишь ты, и тем, что запомнил кто-то другой. Мы сами позаботимся обо всем. Здесь, в Феакии, мы слагаем мифы и легенды для Всеэллинской Психоволны — лучшей из радиопрограмм, какую может представить себе человек. Только мы воздадим должное твоей истории и положим последние мазки там, где это необходимо. Я уже вижу, где стоит немного подправить твой рассказ. Будь у тебя возможность вернуться назад и пережить свои подвиги еще раз, ты сделал бы все именно так, как я говорю.

— Адскую работенку вы мне задали, — сказал Одиссей. Ведь хотя Афина и сделала его выше, сильнее и красивее, уверенности он так и не обрел. «Если бы я действительно был таким, — думал он, — богине не понадобилось бы делать все это за меня.

И вообще, не понимаю я, почему она так обо мне печется?». И он задумался о побуждениях богини. Может, она его любит? Одиссей не осмеливался в это поверить, хотя другого объяснения не видел. А что же тогда сказать об Афине? Извращение это — ее любовь к прославленным смертным, заслуживают они ее или нет. И Одиссей пожалел, что у богов нет своего психиатра. Вот уж что бы им не помешало!

— Скажите, Афина, почему вы так беспокоитесь обо всех этих смертных?

— Не знаю, доктор. Я была весела и беспечна, а потом на меня как будто накатило. Я поняла, что никогда уже больше не буду счастлива. Существование богини бесплодно и бесполезно. И тогда мне захотелось завести любовника из смертных. Захотелось самой стать смертной. А что ближе всего к тому, чтобы быть человеком? Только любить человека.

Едва Одиссей решил вздремнуть, как за ним пришли. «Нехорошо, Одиссей, опять ты за свое». Вот он, античный мир. Только добираться до чего-то, как приходится начинать все сначала. Посмотрите на Сизифа. На самом деле (только этого почти никто не знает) это писатель по имени Асмодерий, которого поразила писчая судорога. Он был самым модным автором любовных романов в античном мире, а превратился в полное ничтожество. Что же произошло? А мы не знаем! Психологию в те времена еще не изобрели. Она появилась значительно позже. В античном мире все объясняли аллегорически, с помощью мистики. Классический подход. Если кто-то возжелал свою мать, виноват в этом не он, а боги. Так же и с Асмодерием: не он виноват, что у него случился творческий кризис. Это бог наказал его за что-то. Какой бог? Аполлон, без сомнения. Завистливый был бог.

Ни одна из пьес Аполлона для лютни и лиры так и не была опубликована в мире людей. Да, их восхваляли, ими восхищались решительно все, но ни одна пьеса так и не вышла в огромном издательском центре Битиниум. Музыку Аполлона называли божественной, а издавать предпочитали таких проверенных мастеров, как, например, Орфей. Ха, Орфей! Он многое знал. Для таких типов у нас найдется парочка испытанных трюков. Кто-то приходит к его жене. «Поздравляю, вы выиграли земельный участок в пол-акра в Солнечной Юдоли, Флорида, с трехэтажным коттеджем и гаражом. Там есть комната для развлечения и куча других приятных вещей. Вот заодно и бесплатный

пропуск в Диснейленд. Вам надо всего лишь пройти с нами, чтобы оформить владение».

И Эвридика, ничего не подозревая, пошла. Ведь у этих типов были рекомендации, значки и бумаги со всевозможными печатями. Перед ней стояли солидные, внушающие доверие люди, из тех, что все время смотрят вам прямо в глаза, — никто бы не поверил, что такие могут лгать. Увы, именно такие, честные с виду, на самом деле хуже всех. А может, они и в самом деле были честными, а обманул их мстительный Аполлон, который все это и придумал, — кто знает? Но она пошла с ними, милая Эвридика, с длинными черными волосами, с чудными грустными глазами, и ее аккуратную фигурку скрывали синие атласные одежды. О, прекрасная Эвридика! И они увели ее с собой. Когда прошло сколько-то времени, она сказала: «Послушай, Тотошка, а ведь мы не в Канзасе, n'est pas?»¹ Она говорила по-пафлигонски, наша прекрасная Эвридика, и у нее была маленькая собачка, о которой в истории не упомянуто, поскольку божественный цензор сказал, что маленькая собачка — это уже слишком. В конце концов мы ведем речь про Орфея, а не про Эвридику.

— Расскажи нам об Орфее, Эвридика.

— Он композитор и музыкант. Только не спрашивайте меня, что он делает. Лежит себе и сочиняет песенки.

Для Эвридики песни Орфея — ничто. Пустое занятие, которому он предается вместо того, чтобы приготовить сыр или сделать еще что-нибудь полезное и накормить семью.

И вот они ведут ее вниз по тропе, и чем дальше, тем темнее становится вокруг.

— Это не Флорида! — восклицает Эвридика.

— Нет, — отвечает ей похитители. — Мы вас обманули. Извините нас, леди. Так вот и рушатся надежды.

— Но где же я? — спрашивает Эвридика.

— В царстве мертвых.

Эвридика оглядывается.

— Фу, как здесь грязно!

Они лишьжимают плечами.

— Мы же мертвые! Что мы, по-твоему, можем сделать?

— Вы ведь еще в состоянии удержать метлу, верно?

И Эвридика подала им пример. Она нашла метлу. Ту самую, на которой обычно летала Геката. Мысленно управляя этой мет-

¹ Не правда ли? (фр.)

лой, Эвридика вымела все кучи сажи и даже подмела под Немезидой — а этого до нее не осмеливался сделать никто.

Там она и осталась, вдали от Флориды, вдали от Греции, вдали от всего мира, мертвая, в царстве мертвых.

Ее ничуть не удивило, что она стала мертвой, не заметив этого. Пусть подобными вопросами занимаются философы, а Эвридика совсем не философ. Она знает только, что мертва, а значит, нарушены ее гражданские права.

Да, а еще Сизиф и Тантал, со всеми их бедами. Мало им было неприятностей при жизни, так понадобилось еще, чтобы кто-то придумал миф об их муках, и теперь каждый в какой-то степени страдает от сизифонии и тантализации. И то и другое — проблемы современной жизни. Мы говорим о грубых предвестниках гамлетовского «Умереть, уснуть». Мы говорим об Эдипе и ему подобных. Мы говорим о начале нашего Западного Образа Жизни. О путешествии героя со всеми его превратностями. Но главным образом мы говорим о превосходстве собственной личности: «Теперь я вижу, как превзойти себя. Так говорил Заратустра». Мы говорим о Талосе¹, первом в мире роботе с единственной замкнутой жилой, разносящей кровь по всему его телу. О нервничающих богах, которые вглядываются во мрак сомнительного будущего и видят, что кончится все очень скверно. Мы говорим о реальных вещах, о безумии, которое наложил на нас античный характер. Потому что они так ужасны, эти белые античные города, с их священными правителями и полным отсутствием телевидения. Мы говорим о беспорядке, царившем на земле до наших дней, с их удобствами, с их грубостями и островами, без которых жизнь была бы невыносима. Нет больше плавных переходов Одиссея красноречия — мы слышим вокруг лишь односложное хрюканье, визг и ругань. И если конец готов у нас еще до того, как появилось начало, мы старательно отпихиваем его. «Уходите, уходите, дорогой мистер Конец, мы пока еще здесь, в начале». Но старина Конец тоже кое-что знает. Ладно, ладно, детишки, бормочет он, не моя вина, что дар слова был отдан в мое распоряжение, что тем самым я могу нынче, когда пир еще в самом разгаре, заставить вас остановиться с куриной ножкой, застывшей у самых губ, и рассуждать о смерти и

¹ Талос — медный великан, подаренный Зевсом Миносу для охраны Крита.

склепе. А в склепе холодно и сыро. Там ходят женщины в черном с пурпурными губами, и пришли они туда вовсе не для того, чтобы постирать, как Эвридика, и так оно и идет, все эти разговоры и веселье.

Ну, вы представляете, что мы чувствуем, когда слышим такое. И мы просим объяснить все по порядку.

— Давайте мы разберемся, раз уж вы не можете, — говорим мы. — Не может быть, чтобы нельзя было разобраться. Забудем о вампирах и прочей нечисти. Классика о них умалчивает, а значит, они нам не нужны. Можно найти способ вернуться туда, где светло и просторно, где бродят антилопа и псевдолопа, а квазилопа пасется в зарослях дурмана, и вдруг все искажается, и мы снова в салуне, который попал сюда, вероятно, прямо из ада, и бармен смотрит на нас и спрашивает: «Что будешь пить, странник?» И тогда мы понимаем, что убежать невозможно, что все кругом — лишь бесконечная цепь салунов, а внутри них темнота и запустение, и так нам не хочется снова там оказаться, что мы изо всех сил представляем себе, будто таких мест вообще не существует, надеясь таким образом от них избавиться. Но тщетны надежды! Ведь не сказать, каковы в данное время законы природы, однако всегда понятно, что сработает, а что нет.

КСОЛОТЛЬ¹

Когда жрецы сожгли его тело на погребальном костре неподалеку от Вера-Круса, дух Кецалькоатля перышком поднялся вверх вместе с дымом, переместившись наконец в царство уединения и удовлетворенности, расположенное над миром людей.

Время здесь проходило незаметно, никаких различий не существовало, и само «я» забывалось.

Потом, несколько секунд или столетий спустя, он услышал голос:

— Кецалькоатль, ты меня слышишь?

Пауза, затем:

— Ты меня слушаешь, Кецалькоатль?

Странно было слышать голос — не свой, а какого-то другого существа. Он успел позабыть, что, кроме него, существуют и другие.

— Кто зовет Кецалькоатля? — спросил он.

— Я, Тескатлипока. Твой брат и такой же бог, как и ты.

— Зачем ты отрываешь меня от глубоких размышлений?

— Хочу тебе кое-что показать.

— Меня ничто не интересует. Я и так вполне удовлетворен.

— Но позволь мне по крайней мере рассказать тебе, что это такое.

— Если настаиваешь, то Расскажи. А потом уходи.

— Я хочу показать тебе твое собственное тело, — сказал Тескатлипока.

— Мое тело? — изумился Кецалькоатль. — Разве я могу иметь тело? И что это такое?

Тескатлипока раскрыл ладонь. Ее внутренняя поверхность оказалась зеркалом из дымчатого черного стекла. Кецалькоатль посмотрел в зеркало. Его чернота сменилась матовой белизной, потом прозрачностью, и Кецалькоатль увидел обнаженное мужское тело, неподвижно лежащее с закрытыми глазами.

¹ Xolotl. © 1991 by Robert Sheckley.

— Кто это? — спросил Кецалькоатль.

— Это ты!

— Не может быть! — не поверил Кецалькоатль. — Ведь эта штука мертва!

— Тебе достаточно войти в него, и тело оживет.

— Мне от него ничего не нужно, — сказал Кецалькоатль. Но что-то в лежащей фигуре всколыхнуло его и подстегнуло любопытство. Он снова взглянул на тело — сперва презрительно, потом с любопытством.

И мгновение спустя очутился внутри. На него немедленно обрушились ощущения. Уши слышали звуки, кожа чувствовала прикосновения. И это оказалось больно! Кецалькоатль тут же рванулся наружу, подальше от тяжелого, чувственного, скованного желаниями тела — обратно в царство чистой удовлетворенности.

Но он уже увяз. Капкан мертвого тела захлопнулся. И оно перестало быть мертвым. Он очутился в ловушке тела. Воистину он *стал* телом.

Ацтек Ксолотль открыл глаза.

Он увидел склонившуюся над ним женщину — старуху с сумасшедшинкой в глазах.

— Добро пожаловать в ад, — сказала она.

Ксолотль застонал и попытался вспомнить сон, но тот быстро улетучивался из памяти.

— А где же Миктлан? — спросил он.

— Что такое Миктлан?

— Подземный мир моего народа, ацтеков. Место, куда мы попадаем после смерти.

— Никогда о нем не слыхала. Иногда Министерство возрождения ошибается. Но ты не волнуйся — где-то здесь наверняка отыщется и ацтекский ад.

— А *это* что за место?

— Это Новый Ад. Добро пожаловать в чудесный мир вечно-го проклятия. — Она хихикнула.

— И что теперь? — спросил Ксолотль.

— Оставайся на Лифте, — велела старуха. — На тебя хочет взглянуть сам Босс.

— Кто это такой? — спросил Сатана.

— Его имя Ксолотль, — объявил демон-мажордом, стоявший у входа в просторное помещение с обитыми ореховыми па-

нелями стенами, где Сатана и его друзья беседовали со вновь оживленными духами.

— Как, говоришь, его зовут? — переспросил Сатана.

— Его имя начинается на «к», — пояснил демон, — но произносится, начиная с мягкого «ш». Он ацтек, и ему полагается находиться в другом аду. Должно быть, отдел по сортировке мертвых душ лопухнулся.

— Чем ты занимался, когда был жив? — поинтересовался Сатана.

Ксолотль взглянул на Сатану и вздрогнул, потому что тот напомнил ему большую статую Тескатлипоки, стоявшую на главной площади Теночтитлана до того, как Кортес со своими испанцами разрушил город. Тескатлипока считался богом войны и беспорядка, жертв и возмездия, набожности и нищеты. Он был амбициозным и жутковатым божеством, а Ксолотль — одним из его жрецов.

— Я был жрецом, волшебником и пророком, — ответил он. Ксолотль был невысок, с бочкообразной грудью и жилистыми тонкими ногами. Длинные черные волосы спадали до лопаток, он был одет в плащ и набедренную повязку из оленьей кожи — не в настоящие, разумеется, а в то, что Центральная адская костюмерная сумела подобрать в качестве имитации одеяний мексиканского индейца.

— Добро пожаловать в ад, — пробасил Сатана с порочной уверенностью. — У нас здесь множество всевозможных священников. Будь как дома. У тебя нет для нас какого-нибудь забавного пророчества?

— Пока еще нет, господин. Я только что появился здесь.

— Если я предоставлю тебе в Новом Аду свободу, что ты сделаешь?

— Честно говоря, господин, пока не знаю. Возможно, я увижу свое предназначение в пророческом сне. А если нет, то стану искать место слияния девяти рек. Там начинается Миктлан, загробный мир ацтеков.

— А что в твоём Миктлане есть такого, чего нет здесь? — полюбопытствовал Сатана.

— Ничто, — отвечивал Ксолотль. — А я как раз и ищу ничто. Миктлан, господин, есть ад пустоты. И спокойствия.

Сатана рассмеялся:

— Тогда иди и ищи свой Миктлан.

Покинув здание адского Управления, Ксолотль зашагал по улицам Нуэво. Добравшись до пригорода, он направился на север, в направлении моря Чистилища. На север он пошел потому, что в древних знаниях Кецалькоатля говорилось, что именно там расположено место слияния девяти рек.

Четыре дня ходьбы и бега привели его в окрестности Нью-Кейптауна. Расположенный неподалеку от города лагерь огромной армии он обнаружил по запаху задолго до того, как увидел его или услышал. Он дождался темноты, осторожно подкрался к линии пикетов, украл коня и незамеченным скрылся.

Сев на коня, он продолжил путешествие на север, окруженный монотонным ландшафтом из кривых деревьев и холмов ржавеющего вооружения. За полем боя отыскалась дорога, прямая, словно смерть, и по ней Ксолотль поднялся на пустынное пространство, продуваемое всеми ветрами плато.

Задремав в седле, он увидел во сне Кецалькоатля, лежащего в каменном гробу. Бог открыл глаза и сказал:

— Ксолотль, брат мой, иди со мной, и мы навсегда исчезнем в царстве мира и покоя.

— Не могу! — воскликнул Ксолотль. — Я заперт в этом теле. Можешь ли ты помочь мне?

Кецалькоатль скорбно улыбнулся, покачал головой и исчез. Затем к Ксолотлю подошел Тескатлипока:

— Теперь, когда ты обладаешь телом, Ксолотль, у меня для тебя есть кое-что приятное.

И вновь Тескатлипока показал ему зеркальную ладонь. В ее туманных глубинах Ксолотль увидел восхитительную темноволосяную женщину в плиссированном одеянии из небеленого льняного полотна. Казалось, она кого-то ищет.

Ксолотль проснулся и понял, что видел вещий сон. Поэтому он не удивился, увидев на очередном перекрестке дорог поджидающую его темноволосяную женщину.

— Приветствую тебя, Кассандра, — сказал Ксолотль.

— Привет, Ксолотль, — отозвалась Кассандра. — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я стану звать тебя Джо. У меня всегда язык не поворачивался выговаривать всякие там «кс».

— Возражать я не стану. Но откуда тебе известно мое имя?

— Из сна. Да и ты, наверное, мое имя узнал во сне. Вещие сны куда удобнее службы знакомств, верно? Ты мексиканец?

— Ахтек. Ты очень красивая, но слишком много говоришь.

— Ничего себе! — возмутилась Кассандра. — Я лишь старалась вести себя по-соседски. Приветствовала, так сказать, нового соседа-пророка. Но если тебе это не нравится...

Она повернулась и быстро зашагала по одной из дорог, что тянулась вдаль, исчезая за расплывчатой линией плоского горизонта.

— Кончай глупить, — бросил ей вдогонку Ксолотль. — Ты ведь пророчица и прекрасно знаешь, что тебе суждено сидеть на коне за моей спиной.

— Верно, — ледяным тоном отозвалась Кассандра и остановилась. — Но в предсказании не указано, *когда* это произойдет. Так что поищи меня опять примерно через миллион лет, ладно?

— Ну хорошо, — сдался Ксолотль. — Извини.

— Я и в самом деле много болтала, — признала Кассандра. — Но лишь потому, что нервничала перед встречей с атекским жрецом, с которым меня связала судьба. — Она легко забралась в седло позади Ксолотля. — Куда мы едем?

— Зачем спрашиваешь? Наверняка ты знаешь это из предсказания.

— Не могут же предсказания всякий раз оказываться идеально точными. А сейчас наше будущее я вижу несколько расплывчато.

— И я тоже, — признал Ксолотль.

Некоторое время они ехали молча.

— Прелестная получается картинка, — сказала наконец Кассандра. — Два предсказателя на одном коне, и никто из двоих не знает, куда они едут.

Ксолотль промолчал.

— И один из них — предсказатель, которому не хватает пророческой силы, чтобы раздобыть второго коня.

— Сама должна была предвидеть, что тебе потребуется лошадь, — ответил Ксолотль.

— Я полагалась на тебя. И никогда не заявляла, что способна обеспечить себя сама. Я все-таки женщина из древнего мира.

Некоторое время они опять ехали молча.

— Я ведь из Трои, сам знаешь.

— М-м-м-м, — отозвался Ксолотль.

— Когда-то в древности я была членом царской семьи. Мой отец Приам был последним царем Трои.

— Помолчи, пожалуйста, — сказал Ксолотль. — Я пытаюсь думать.

И они снова некоторое время ехали молча.

— Я была обручена с богом.

— Ты? — удивился Ксолотль.

— Я. Его звали Аполлон. Знаменитый и красивый бог. Он по мне с ума сходил. Послушал бы ты, что он мне говорил. Мне это по-настоящему льстило, потому что Аполлон мог обладать любой богиней, какую только пожелал бы, и все же он выбрал меня, простую смертную принцессу. Правда, изумительно красивую.

— И ты с ним переспала.

— Нет, я ему отказала.

— И тогда он тебя убил.

— Нет, Джо! Греческие боги так не поступали.

— Он что, отрезал тебе губы и нос?

— Конечно, нет! Так поступают только варвары! Видишь ли, он вдохнул в меня дар пророчества. Так вот, когда я ему отказала, он не стал лишать меня этого дара, но прибавил дополнительное условие.

— Какое же?

— Он сказал, что, хотя все мои пророчества сбудутся, никто не станет к ним прислушиваться, пока не станет слишком поздно.

— Гм, весьма неудобно, — заметил Ксолотль. — Тебе следовало бы переспать с ним именно тогда и попытаться отговорить.

— Я так и поступила... в том смысле, что предложила ему себя. Но к тому времени я его перестала интересоваться. Знаешь, что он мне сказал?

— Нет.

— Он сказал: «Я увижу тебя в аду раньше, чем лягу с тобой, Кассандра». Да еще таким грубым тоном. А я просто старалась ему понравиться.

Ксолотль промолчал.

— Или же... как по-твоему, может, он так назначил мне свидание? Тебе не кажется, что он намеревается отыскать меня здесь, в аду?

— Сомневаюсь, Кассандра. А теперь слушай внимательно. Я хочу тебе кое-что сказать.

— Да, Джо, я слушаю.

Ксолотль остановил коня и обернулся. Его плоское бронзовое лицо с крючковатым орлиным носом, черными глазами и тонкими губами оказалось в нескольких дюймах от лица Кассандры. Она уловила его запах — мескит, древесный уголь, пот, текила, убийство.

— Если ты еще раз посмеешь чесать языком, — сказал Ксолотль, — я тебя побью.

— О! — выдохнула Кассандра, широко раскрыв глаза. — Но ты не имеешь права так поступать!

— Понимаю. Но предсказываю, что не смогу сдержаться.

Они устроились на ночь в самом сердце пустыни возле кактуса сагунто. Поднялась луна, слышался крик ястреба, парящего на крыльях ночных ветров и высматривающего робких кроликов в тенистом лабиринте зарослей мескита и полыни. Ксолотль долго сидел, уставясь на пламя костра. Кассандра заскучала и легла спать. Наконец заснул и Ксолотль. Ему приснились пляшущие языки пламени.

Затем из пламени шагнул Тескатлипока — высокий и ужасный, в головном уборе из драгоценных камней и перьев.

— Слушай мое пророчество, о жрец ацтеков.

— Слушаю, о господин, — ответил Ксолотль.

— Да что с тобой? — спросила утром Кассандра. — Ты такой нервный и беспокойный.

— Я видел сон.

— А! Вещий сон!

— Со мной говорил Тескатлипока.

— Вот здорово!

— Да что хорошего? Все очень сложно.

— В чем дело-то? Бог предсказывает, ты пророчествуешь людям. Куда уж проще?

— До того как я начал служить Тескатлипоке, я был жрецом Кецалькоатля. Конечно, у нас, ацтеков, немало богов, но эти два самые важные. Кецалькоатль — бог науки, цивилизации, искусств, милосердия, раскаяния и духовного благородства. А Тескатлипока — бог смуты и войны. Его отличительный знак — темное дымчатое зеркало.

— Но сперва ты служил Кецалькоатлю?

— Да.

— Почему же ты сменил бога?

— Потому что Тескатлипока победил Кецалькоатля и изгнал его.

— Не вижу никаких проблем. Что тебе сказал Тескатлипока?

Ксолотль набрал полную грудь воздуха и медленно его выдохнул.

— Он сказал мне, Кассандра, что весь космос, включая Землю и все, что ее окружает, как духовное, так и материальное, а *также* включая ад, где мы с тобой находимся, будут уничтожены пламенем.

— Да ты шутишь, — не поверила Кассандра.

— Но так он сказал.

— И когда это произойдет?

— Примерно через месяц плюс или минус пару дней.

— Ксолотль, но это ужасно! Ты можешь что-либо сделать?

— Ничего, Кассандра.

— Но есть хоть *что-нибудь*, способное нам помочь?

— Да, есть возможность спасти космос. Но никто мне не поверит, когда я скажу, что для этого потребуется.

— И что для этого потребуется?

— Кровавые жертвоприношения.

— Людей или животных?

— Жертвы должны быть человеческими, иначе можешь обо всем позабыть. Вселенная погибнет, а след за ней даже история истории.

— Тут неподалеку живет Юлий Цезарь. Может быть, он даст нам несколько пленных для жертвоприношений. Можно еще спросить и Че Гевару, хотя он, кажется, не очень-то верующий человек.

— Несколько не хватит. Вспомни, ведь мы говорим обо всем космосе. Потребуется очень много теплых тел, Кассандра. Десятки, а то и сотни тысяч.

— Почему так много? — удивилась Кассандра. — Мы, греки, тоже приносили в жертву людей, но лишь несколько в год, потому что старались соблюсти меру во всем.

— Замечательно, но долг накопился такой огромный, что умеренными мерами не обойдешься. Мы, ацтеки, поддерживали существование космоса, принося ежегодно тысячи жертв. Не очень-то приятно убивать людей, но кому-то надо было это делать. Не наша вина в том, что богам требуется много крови. Потом нас завоевали испанцы и запретили древние кровавые жертвоприношения. Конечно, с тех пор убили множество людей, но все эти убийства не имели религиозного значения. Так что кровавый долг богам все время накапливался. Но кто мне поверит, когда я это скажу?

Кассандра смотрела на него сияющими глазами.

— Я верю тебе, Джо. И другие тоже поверят.

— Сомневаюсь. Начни разговаривать с европейцем о чело-

веческих жертвоприношениях, и он поведет себя так, будто ты произнес нечто вульгарное, и попросту уйдет.

— Не все европейцы такие, Ксолотль. Есть среди них весьма необычные. Позволь мне отвести тебя к ним.

— Это будет нелегко, — заметил Ксолотль, потому что они находились посреди плоской пустыни, однообразие которой нарушалось лишь редкими группками кустов.

— Не так уж и трудно, — возразила Кассандра. — Сверни здесь налево.

Ксолотль повернул коня налево и направил его к городу, прежде скрытому за кустами.

— *Человеческие жертвоприношения?* — спросил Калигула. — Фу, какая рутинка!

— Вы и в самом деле так думаете? — не поверил Ксолотль.

— Ты уж *поверь мне*, приятель!

— Вот видишь? — сказала Кассандра. — Я же говорила тебе, что кое-что понимаю в местных жителях.

Они находились на вилле Калигулы, расположенной в Восточному Аду в отделении для завистников. Император Август построил Калигуле эту виллу, чтобы он не шлся по имперскому генеральному штабу и не раздражал всех безумным хихиканьем и неосуществимыми планами.

Вилла была снабжена новейшими цифровыми моделями телевизоров и видеомагнитофонов. Калигула смотрел старые фильмы и закатывал отвратительные оргии, на которые всем страстно хотелось получить приглашение. Правда, для самого Калигулы веселье частенько обрывалось на полпути, потому что гости его всякий раз убивали. Причина состояла вовсе не в том, что он вел себя чересчур вызывающе; просто Калигула принадлежал к тому типу людей, которые невыносимо раздражают остальных. Поэтому его и убивали, и ему всякий раз приходилось терпеть скучный процесс возрождения. Пребывание в состоянии между жизнью и смертью даже превратилось для него в нечто вроде поездки с работы и на работу.

Теперь Калигула был возбужден, потому что поиски человеческих жертв ради спасения космоса оказались как раз тем, чего он хотел, делом, которое он мог по-настоящему возглавить.

— Расскажи мне об этих жертвах, — попросил он Ксолотля. — Они действительно сильно корчатся, когда их убивают?

— Разумеется. Мы ведь вскрывали им грудную клетку и вырывали сердце, а это запускает немало рефлекторных движений.

Чтобы удерживать их на жертвенном камне даже без сердца, требовались четверо сильных мужчин.

— А кому-нибудь из них удавалось вырваться уже без сердца? — спросил Калигула.

— Случалось и такое. Конечно, это нарушение обряда, но все же случалось. Тогда начиналась настоящая суматоха.

— Ах, как *здорово!* — воскликнул Калигула, аплодируя.

— Вы себя ведете как истинный знаток, — заметил Ксолотль.

— Спасибо, — поблагодарил Калигула. — Так ты говоришь, потребуется много жертв?

— Десятки, сотни тысяч. Возможно; около миллиона. На сей раз боги воистину разгневаны. Особенно Тескатлипока.

— О, насколько *восхитительны* его слова, — не удержался Калигула. — Кассандра, этот парень — то, что надо.

— Я знала, что он тебе понравится, — согласилась Кассандра.

— Тогда первым делом нужно устроить вечеринку, — заявил Калигула.

Вечеринка началась два дня спустя.

Ксолотль очаровал всех гостей. Когда он рассказывал о конце света, они внимательно его слушали и сочувственно кивали. Все вроде бы прекрасно осознали необходимость человеческих жертв.

— Надеюсь, все вы поможете нашему пророку по мере своих возможностей, — обратился к гостям Калигула. — От спасения космоса нельзя легкомысленно отмахиваться. Думаю, мы все с этим согласны.

Выслушав его, гости порылись по карманам и сделали взносы в «фонд священных жертв» — так они его упорно называли. Калигула собрал деньги в шлем центуриона и принес их Ксолотлю.

— Чуть больше двенадцати тысяч долларов, — сказал он, вручая жрецу пачки эрзац-денег Нового Ада. — Никогда не говори, что здесь живут бессердечные люди.

— И сколько человеческих жертв можно купить на эти деньги?

— Не знаю, какой сейчас курс на человеческие жертвы, — сказал Калигула. — Подожди минутку, позвоню своему брокеру.

Он несколько минут говорил по телефону, потом вернулся.

— Человеческие жертвы сейчас стоят 1123,4 доллара за голову, это текущая цена в валюте Нового Ада. Но брокер сказал, что если нам подойдут такие, кто не в состоянии передвигаться

самостоятельно, то он может раздобыть две-три партии по 872,2 доллара за голову.

— И сколько жертв в каждой партии? — поинтересовался Ксолотль.

— Восемьдесят семь. Цена при условии доставки наложенным платежом.

— Больные не подойдут, — возразил Ксолотль. — Боги всегда требовали жертв в расцвете сил. И, как я уже говорил, для достойного начала нам их потребуется как минимум сто тысяч. Собранных денег совершенно недостаточно.

— Что ж, по крайней мере мы попытались, — сказал Калигула. — Это лишь начало. Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

— Пойдем, — сказала Кассандра. — У меня есть другие друзья. Может быть, они смогут помочь.

Джон Пирпонт Морган проживал в самом большом поместье Восточного Ада. Он молча слушал, пока Ксолотль излагал ему проблему.

— Вот что я тебе скажу, — сказал Морган. — Может быть, ты и в самом деле первоклассный ацтекский пророк, но в деле привлечения инвесторов ты ничего не смыслишь.

— Инвесторы меня не интересуют, — возразил Ксолотль.

— Но тебе нужно множество жертв, чтобы предотвратить галактическую катастрофу, верно?

— Вообще-то катастрофа не галактическая, а космическая, но вы правы. Да.

— Ну, и как же ты намерен *раздобыть* свои жертвы?

— Ацтеки захватывали их во время войн.

— Но у тебя нет армии.

— Я попробовал их покупать, но они слишком дороги в нужных мне количествах. В добрые старые времена гражданские власти заботились об этом. Иногда, в удачные годы, у нас даже образовывался запас жертв на черный день.

— Что ж, — заметил Морган, — тогда было тогда, а сегодня есть сегодня.

— Верно, — согласился Ксолотль. — Но что мне сейчас-то делать?

— Я займусь твоей проблемой, — решил Морган. — Поговорю кое с кем, потом встречусь с тобой. Разумеется, я хочу внести свой вклад в сохранение космоса: так будет справедливо после всего, что космос сделал для меня, но десятки тысяч жертв... это очень много даже в аду.

Подавленный, Ксолотль вернулся в отель «Ад», где новые друзья сняли для него номер. Сейчас он спит и видит во сне, что он царь Нецалькойотль, облаченный в дорожные одежды и в короне из перьев попугая. Он шествует к огромному храму, по бокам от него телохранители, а ликующие горожане наблюдают за событием с импровизированных трибун. Настал день самого важного религиозного праздника в году, и беспрецедентное количество жертв уже доставлено со всех восьми уголков Анахуака.

Нецалькойотль входит в храм, сопровождаемый телохранителями. Внутри тихо, слышны лишь стоны рабов, связанных, как цыплята, и сложенных штабелями вдоль стены храма — все они будут принесены в жертву.

В дальнем конце храма на пьедестале стоит жертвенный камень, освещенный лучами солнца, проникающими сквозь отверстие в крыше. На нем уже разложена первая жертва, ее держат четверо жрецов.

Солдат вкладывает в руку Ксолотля старинный нож из черного обсидиана. Нецалькойотль взмахивает им, все смолкают.

— Довольно, забудьте об этом! — внезапно восклицает он. — Я повелеваю прекратить жертвоприношения. Сам Кецалькоатль сказал мне, что больше людей нельзя приносить в жертву! Начинается царство мира!

Рабы и пленники радостно кричат. И тут телохранители хватают Нецалькойотля и валят его на большой каменный диск.

— Да как вы посмели! — кричит Нецалькойотль, более разгневанный, чем испуганный.

— Так велели жрецы, — говорит один из солдат. — Они сказали, что, если не приносить кровавых жертв, мир погибнет.

— Жрецы ошибаются! — выкрикивает Нецалькойотль.

— До сих пор они были правы, — возражает солдат. Обсидиановый нож взлетает вверх и опускается.

Ксолотль просыпается весь дрожащий и мокрый от пота. Он понимает, как ему следует поступить.

Когда утром Кассандра пришла в отель, чтобы отвести Ксолотля на завтрак, она узнала, что тот ушел.

— Он выписался час назад, — сказал ей клерк. — Сказал, что его тошнит от всех, кто не принимает его всерьез, и от богов, что грызутся из-за того, что ему полагается сделать.

— И куда он пошел?

— Выйдя за дверь, он повернул налево, — ответил клерк. —

Если он пойдет и дальше, никуда не сворачивая, то попадет в Пустоши Восточного Ада. Говорят, это весьма пустынный район, мисс.

— Только не для ацтека, — сказала Кассандра и торопливо вышла.

Почти неделю Кассандра ждала возвращения Ксолотля. Потом ей надоело ждать, и она взяла напрокат машину в «Моторизованных катастрофах» (модель «Плимут-ярость») и отправилась на поиски. Она ехала все время на север, зная, что для Ксолотля это любимое направление.

Наконец она добралась до хижины из просмоленного картона, стоящей на Пустоши между Восточным Адом и Вратами Вечных Мук. Ксолотль был пьян. Возле его руки стояла почти пустая бутылка «Зеленой молнии», одного из сортов патентованного адского пойла. Рядом лежала пятнистая гиена, положив голову на бедро Ксолотля.

— О Джо! — ахнула она. — Да ты пьян.

— Ты совершенно права, — рявкнул Ксолотль. — Я пьяный ацтекский пророк и собираюсь оставаться пьяным, пока космос не сгинет в пламени.

— А как же наши планы спасения мира?

— Я говорил с твоими капризными приятелями, Калигулой и Морганом. Одна трепотня и ни единой жертвы. Слабаки, вот кто они такие.

— Ты слишком суров в оценках, — не согласилась Кассандра. — В тебе нет веры. И ты сбежал раньше, чем они сумели вернуться по-настоящему.

— Я бедный старый пьяный ацтек, — захныкал Ксолотль.

— Возьми же себя в руки, — возмутилась Кассандра. — Я для того и приехала сюда, чтобы сообщить, что все устроено.

— О чем ты говоришь?

— Калигула и Морган не теряли времени даром, но большей частью успеха мы обязаны новому другу, замечательному человеку по имени П.Т. Барнум. Вставай, Джо. Все готово.

— Повтори-ка еще разок, — попросил Ксолотль.

— Первая мегапартия жертв уже готова к отправке.

— Я же говорил Калигуле, что одной партии недостаточно.

— Но это же *мегапартия*, милый.

— И насколько это много?

— Я удивлена тем, что ты не выучил этого в школе. Мегартия равняется ровно ста восьмидесяти шести тысячам жертв.

Ксолотль встал. Опынение слетело с него, словно пыльца с крыльев бабочки. Его лицо расплылось в улыбке, но тут же скривилось от боли.

— А сейчас что с тобой?

— Знаешь, мне кажется, что Кецалькоатль не хочет, чтобы я приносил людей в жертву.

— Но я думала, что ты служишь Тескатлипоке. Ведь он хочет, чтобы ты этим занимался, верно?

— Да, но...

— Тогда хватит сомневаться и давай за работу. Пошли, дорогой, жертвы уже ждут.

Город Восточный Ад был весь обклеен афишами, объявляющими о великом жертвоприношении. Кассы городского амфитеатра работали без передышки — никто не желал пропустить событие года. Зрители шли потоком через девять входов, а за ними наблюдал нахмуренный и нервничающий Ксолотль.

— Толпа-то большая, — сказал он, — но где же жертвы?

— Терпение, милый, — успокоила его Кассандра. — Это то же часть гениального плана мистера Барнума. Видишь ли, когда все эти люди окажутся внутри, они быстро узнают, что на самом деле это представление с участием публики. У каждого из них появится шанс стать жертвой-добровольцем.

— Что ж, честно, — согласился Ксолотль. — Но если никто не захочет?

— Мы подумали и о таком. Некий мистер Форд помог решить эту проблему. Видишь наверху огромные захваты? Они будут хватать случайных зрителей и переносить прямо на установленный на сцене самый настоящий жертвенный камень. И тут в дело вступаешь ты, милый. И приносишь их в жертву.

— На словах неплохо, — согласился Ксолотль. — Но что, если все зрители запаникуют и бросятся к выходам?

— Все двери, разумеется, будут закрыты. Освещение выключат, а на огромном экране — это идея одного из нас — появится успокаивающий лозунг.

— Какой же?

— «Никто не выйдет отсюда живым». Бессмертные слова Джима Моррисона. Разве тебе не нравится?

— Неплохо. Но...

Кассандра взяла его за руку и отвела за кулисы. Калигулу и нескольких его приятелей назначили временными ацтекскими жрецами, чтобы они могли помогать Ксолотлю. Первая жертва уже лежала на камне, привязанная ремнями. Зрители, которых набралось несколько десятков тысяч, и их число непрерывно увеличивалось, аплодировали.

— Да, настоящее событие! — воскликнул Ксолотль. — Где мой нож, Кассандра?

— Здесь, дорогой, — сказала Кассандра и положила ему на ладонь скальпель из нержавеющей стали. Ксолотль посмотрел на него и нахмурился.

— Так неправильно. Годится только кремневый нож, причем на нем должно быть немного засохшей крови. И где расширители грудной клетки из лосиных рогов и жадеитовые извлекатели сердец?

— У нас есть новейшие инструменты для операционных. Попробуй к ним приспособиться; мы сделали все, что могли.

Ксолотль вышел под свет прожекторов. Аудитория, все еще не подозревающая о своей судьбе, зааплодировала, когда он поднял руку с блестящим скальпелем. Ксолотль повелительно взмахнул рукой, наступила тишина.

— Жители ада, — сказал он. — Боги велели передать вам.

Внезапно Ксолотль оказался возле алтаря в другом храме. Прямо перед ним возвышались высоченные героические фигуры двух богов. Оба были в масках, но он легко их узнал: Тескатлипоку по дымчатому зеркалу, а Кецалькоатля по цветущей ветви.

— Будь верен приказам своего бога, — сказал Тескатлипока. — Не подвергай их сомнению. Начинай жертвоприношение.

— Бог создал тебя человеком, — произнес Кецалькоатль. — Суть человечности в том, чтобы заглянуть внутрь себя и откликнуться на свои чувства.

— Это слова бога-слабака, — заявил Тескатлипока. — Однажды я уже одолел тебя, Кецалькоатль, и могу сделать это вновь. Начинай жертвоприношение, Ксолотль!

— Загляни в свое сердце, Ксолотль!

— Выполняй приказ!

— Подчиняйся только себе!

Видение возникло и исчезло в мгновение ока, и теперь Ксолотль знал, какой выбор ему предстоит.

Он присел и откуда-то появившимся в руке обсидиановым ножом перерезал пути жертвы. Потом обернулся к зрителям:

— Я Ксолотль, я Нецалькойотль, я Кецалькоатль. Жертвоприношений больше не будет!

Толпа разгневанно заревела. Зрители хлынули в проходы и, размахивая кулаками, побежали к сцене.

Ксолотль закрыл глаза и стал ждать смерти, но потом подумал: «Нет, я не умру, если сам этого не захочу!»

И он бросился навстречу зрителям, которые, слившись воедино, превратились в гигантскую фигуру Тескатлипоки.

То был жуткий и неуязвимый бог. Глаза его метали пламя, из плеч высывались гадюки; он тянул к Ксолотлю руки, пальцы на которых превратились в рты, усеянные острыми, как иглы, зубами.

И Ксолотль побежал прямо на него, в него и сквозь него, и бог Тескатлипока развалился на куски, словно кукла из мягкой ярко раскрашенной бумаги.

Когда же Ксолотль оказался по другую сторону бога, он раскрыл ладонь и увидел вонзившиеся в нее пять кактусовых колючек.

Неделю спустя человек в тоге проехал на запряженной двумя лошадьми боевой колеснице через пустоши Восточного Ада и остановился в пустыне возле хижины из просмоленного картона. Калигула спрыгнул, велел вознице подождать и вошел в хижину. Там он увидел Ксолотля — пьяного, с бутылкой адского пойла в руке — и лежащую рядом с ним пятнистую гиену.

— Я так и понял, что ты вернешься сюда после своего грандиозного провала, — сказал Калигула.

— Я просто не смог довести дело до конца, — буркнул Ксолотль. — Не мог смотреть на всех этих людей, которых обманом превратили в жертв. Так просто нечестно. И жертвоприношения полагается устраивать не так. Поэтому я решил: пропади все пропадом, но больше я этого делать не стану. Пусть мир гибнет, мне все равно. И ушел.

— Не сказав ничего Кассандре?

— Я знал, что она больше не захочет меня видеть.

— Неужели ты так и не понял, что Кассандра никогда не хотела этих жертв? И смирилась с ними лишь потому, что любит тебя?

— В самом деле?

— Возвращайся со мной, Ксолотль, прямо сейчас. Она тебя ждет. И, кстати, сегодня ночью я сам видел вещий сон. В первый раз. Могучий голос сказал мне: «О цезарь Калигула, передай людям наше послание!» И я ответил: «Я слушаю тебя, повелитель». Тогда голос сказал: «Передай им, что уничтожение космоса отложено из-за сверхкосмических обстоятельств, над которыми мы не властны. Оставайтесь настроенными на пророческий канал, ждите развития событий».

— Спасены, — сказал Ксолотль. Но вяло, без торжества в голосе.

— Милый, все обернулось к лучшему, — проворковала Кассандра. — Никого не пришлось убивать, а конец света отложен. Теперь осталось только избрать тебя мэром Восточного Ада.

— Нет, женщина, — возразил Ксолотль. — Мне было открыто, что в качестве награды за прохождение этого сложного круга смерти и возрождения мне разрешат отправиться в место, где существует сознание без объекта и наслаждение без эго.

Ксолотль присел на корточки, сосредоточился и исчез.

Кассандра разочаровалась, но не удивилась.

Она знала, что Ксолотль — парень необычный. Но знала также, что он вернется. Периоды просветления обычно недолги. Кончаются они тем, что кто-то приходит, показывает тебе твое тело, и... — бац! — тебя снова в него затягивает.

Так что она подождет!

ПО МНЕНИЮ ЗДРАВОМЫСЛЯЩЕГО

Согласно легенде, на самой окраине нашей островной галактики есть безымянная планетка. И на ней — одно-единственное дерево, на вершине которого с помощью клина закреплен огромный алмаз. Камень поместили туда представители некой давным-давно сгинувшей расы. В нем можно увидеть все, что было, есть и еще только будет. Это дерево называется Древом Жизни, а кристалл на его вершине — Всевидающим Оком.

Три человека отправились однажды на поиски этого дерева. Немало опасностей и трудностей встретилось им на пути, и вот наконец оно предстало перед ними. Каждый из них по очереди взобрался на его вершину и заглянул в магический кристалл. Затем они стали сравнивать свои впечатления, и первый, человек весьма авторитетный, сказал:

— Я видел бесчисленное множество деяний, как великих, так и совершенно незначительных. И я понял, что это всего лишь замочная скважина в двери, ведущей во Вселенную; то, о чем Борхес говорит в своем «Алефе».

Второй человек, известный ученый, сказал:

— Я видел искривление пространства, гибель фотона, рождение звезды. И догадался, что передо мной некая суперголограмма, самозародившаяся и самовоссоздающаяся; и она дает нам целостное представление о том, что такое наш мир.

— Единственно верное восприятие всегда чувственно, — сказал третий человек, натура сугубо творческая, и показал своим друзьям только что сделанные наброски — изображения женщин и леопардов, скрипок и пустынь, гор и небесных светил.

— Как и вы, — молвил художник, — я видел, в общем, то же самое, что вижу всегда.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НАШЕГО (А МОЖЕТ, ПАРАЛЛЕЛЬНОГО?) МИРА

Когда был объявлен конец света, мы с Рэчел решили все-таки не разводиться.

— Что толку? — спросила меня Рэчел. — Нам же не хватит времени даже документы оформить.

Я кивнул, но до конца убежден не был. Меня беспокоил вопрос: а что, если конец света все-таки не наступит? Что, если это великое событие будет отложено, задержано — в общем, как-то отсрочено? В конце концов, вполне могла быть допущена неточность в расчетах так называемого эффекта Z-поля или в значении «конъюнкции Салерштайна». Ну, и что тогда будет с нами? С Рэчел, со мной, с нашими вечными взаимными жалобами, с нашими детьми, с их неизбежными проблемами? О, тогда наше апокалипсическое единство будет крепче брачных уз и продлится до скончания веков или же до следующего Армагеддона — не знаю, что уж там случится первым! Я все это изложил Рэчел — надеюсь, достаточно вежливо и спокойно, — и вот что она мне ответила:

— Не волнуйся, дорогой. Если конец света в указанное нашими выдающимися учеными время так и не наступит, ты просто переедешь в ту меблированную квартирку, которую давно уже снимаешь, а я останусь здесь — с детьми и любовником.

М-да. Ничего не скажешь, звучало ободряюще! И я, разумеется, не имел ни малейшего желания встречать конец света один в унылой меблирашке, которую снимал пополам с одной японкой и ее дружкой-англичанином. Господи, да там даже телевизора не было! И некуда деться — особенно по вечерам — от бесконечной болтовни японки по телефону; разве что время от времени можно спускаться перекусить в китайский ресторанчик, хозяин которого обещал не закрывать свое заведение, пока конец света действительно не наступит или, по крайней мере,

пока будет возможно; он не верил, что подобная перемена может произойти совершенно внезапно.

Рэчел сказала: «Не желаю видеть, как все это начинается!» И собрала все свои драгоценности — тайские палочки, крупинки коричневого кокаина, какую-то кислоту в виде крошечных красных звездочек, грибы в шишковатых наростах бог его знает из каких мест, красное ливанское и зеленое марокканское и, разумеется, последние капли любимого квалюдского и могодонского, чтобы уж ничего не осталось. И предложила: «Давай объединим наши запасы и отключимся, прежде чем наступит конец, а?»

Другие готовились иначе. Авиалинии предоставили существенные скидки на дальние рейсы — в Вальпараисо, в Куала-Лумпур; уходящие в небытие люди могли позволить себе необыкновенные путешествия напоследок. Средства связи, разумеется, захлеб сообщали о различных событиях в мире. Некоторые из наших любимых программ, к сожалению, были отменены; вместо них постоянно передавали «Специальные сообщения о конце света». Настроившись на программу «Последний разговор» по Си-би-эс, мы слышали: «Ну что ж, друзья, похоже, наш воздушный змей действительно скоро воспарит над землей. Сегодня у нас в гостях профессор Мандракс из ЮСиЭлЭй; он и расскажет нам, как именно произойдет наш общий с вами «большой чих»...»

По всем каналам выступали физики, математики, биологи, химики, лингвисты, философы и самые разнообразные комментаторы, и все старались как-то пояснить только что сказанное другими. Профессор Джонсон, выдающийся исследователь космоса, сказал, например: «Ну, это, разумеется, не совсем космологическое явление, однако в метафорическом смысле... если иметь в виду то, как это событие отразится на нас... Дело в том, что мы, люди, существа ограниченные, а потому считаем подобные вещи чрезвычайно для себя важными, однако, смею вас уверить, по той космологической событийной шкале, над которой я как раз сейчас работаю, данное событие представляется вполне заурядным. Дело в том, что наше солнце, принадлежащее к О-типу, войдет в поле Z как раз в момент «конъюнкции Саперштайна» со всеми вытекающими из этого последствиями. Я, разумеется, умышленно столь неконкретен во временных координатах, ведь с XIX века эта проблема считается неразрешимой, но вот профессор Уивер с кафедры философии, видимо, может кое-что прояснить по этому поводу...»

«Да, конечно, — сказал профессор Уивер. — Во-первых, выражение «конец света», в общем-то, не совсем точное. То, с чем мы столкнулись, проблема скорее субъективная... В принципе если смотреть на эти события под гипотетически иным углом зрения, то «конец света» — никакой вовсе и не конец, а всего лишь мимолетное болезненное ощущение, за которым следует, дорогие мои, — вечная, как сказал поэт, жизнь!»

По другому каналу мы услышали, что на обед всем нашим военным, служащим в Германии, подали индейку. Досталось и членам их семей, разумеется. Поговаривали также о том, чтобы вывезти их самолетами на родину, но решили — на всякий случай — пока оставить там и держать в состоянии боевой готовности: вдруг никакого конца света не будет и все окажется лишь частью хитроумной схемы, придуманной русскими коммунистами, создавать которые они, как известно, большие мастера, особенно если учесть их свихнутое чувство юмора и неистребимое желание создавать трудности себе и другим. Мы узнали также, что китайцы о конце света (о «событии», как они это называют) не рассказали своим гражданам практически ничего, разве что разослали кое-кому крошечные листовки размером с почтовую марку, подписанные: «От соседа-доброжелателя».

И ты никак не могла понять, почему Эдвард, твой любовник, упорно не желает выходить из своей комнаты и как сумасшедший трудится над последним романом. «По-моему, это как-то несвоевременно, — сказала ты ему. — Ведь некому будет ни опубликовать его, ни прочесть». — «Ну и что? Какое это, собственно, имеет отношение к моей работе?» — спросил тебя Эдвард и подмигнул мне. Я-то его понимал отлично! Я тоже вкалывал, как безумный, подводя последние итоги — и кстати, с огромным удовольствием чувствуя, что конец света — для любого писателя самый последний срок: сегодня ровно в полночь — и все, братцы, привет! Каков вызов, а? Такой вызов просто невозможно не принять людям творческих профессий! Я понимал, что в эти минуты, возможно, создаются потрясающие шедевры, которые когда-нибудь вызовут грандиозный интерес у историков — например, в мире, параллельном нашему, где подобной катастрофы не произойдет.

«Ну да, — сказал по телевизору профессор Карпентер, — идея существования параллельного мира вполне, я бы сказал, правдоподобна, однако пока недоказуема. Во всяком случае, мы ее не успеем доказать за то время, что нам осталось. Сам бы я, пожалуй, счел ее скорее фантазией, но вот мой добрый друг, профессор Мунг, выдающийся психолог, может, видимо, пред-

ставить значительно более компетентный комментарий по этому вопросу».

В тот вечер ты приготовила свое знаменитое жаркое из индейки с вкуснящим гарниром и клюквенным соусом и запекалку из сладкого картофеля, а на десерт — меренги. И даже подала в качестве закуски ребрышки из китайского ресторана, хотя эти китайцы и отказывались верить в возможность грядущих событий и ограничивались распространением крошечных листовок с комментариями восточных мудрецов относительно всяких дурных предчувствий и предзнаменований. И неожиданно американское общество вдруг снова стало обществом курильщиков; исклечение составили только те одиночки, что не верили в конец света и все еще боялись рака легких. И люди на смертном одре старались протянуть как можно дольше, злорадно надеясь: «Пусть, когда я умру, умрет и весь этот проклятый мир!» И некоторые врачи продолжали посещать больных, заявляя, что это их священный долг, тогда как другие люди, начисто забыв о каких-либо долгах перед обществом, целые дни как сумасшедшие играли в гольф и теннис, стараясь не думать даже о том, что и в игре следует совершенствовать мастерство.

У пригрозившей тобой индейки было четыре ножки и восемь крыльев. По телевизору показывали сплошную порнуху: раз уж всему конец, значит, можно все. Люди, точно спятив, отвечали на важные деловые письма примерно так: «Дорогой Джо, возьми свой договор и засунь себе в ж!.. Все, представление окончено! И наконец-то я могу сказать тебе честно: никакой ты не актер, а дерьмо! Но учти: если все же насчет конца света произошла ошибка, то считай это послание просто шуткой, которую ты, будучи человеком тонким, просто не сможешь не оценить».

Все мы оказались как бы в ловушке непримиримых потребностей: с одной стороны, стараясь забыть обо всем и вести себя легкомысленно, а с другой — пытаюсь быть максимально осторожными. А вдруг мы все-таки не погибнем? Оказывается, даже уверенность в конце света воспринимается как некий акт Веры не только посудомойками, но и университетскими профессорами.

А я в свой последний вечер жизни на земле навсегда бросил курить! Абсурд какой-то. Разве это имело значение? Но я поступил так потому, что ты всегда говорила: именно абсурдные поступки важнее всего, да и сам я всегда разделял эту точку зрения. И вот я, выбросив последнюю пачку «Мальборо», стал слушать, как профессор Мунг вещает: «Будучи осуществленной или же, напротив, неосуществленной, Мечта о Смерти всегда стре-

мится к воплощению в жизнь и, таким образом, по праву не может считаться объективным ее коррелятом (если пользоваться терминологией Эллиота). Но если мы включим в рассмотрение этого сложного процесса термины Юнга и станем воспринимать конец света как некий архетип — я уж не говорю о том, что это специфическая разновидность мировоззрения, Weltanschauung! — то наше понимание усилится по мере того, как tiempo para gastarlo будет исчезать в черной дыре нашего прошлого, в котором и заключены все наши надежды и устремления».

Наконец наступил последний час. Я искусно разрезал индейку, и даже Эдвард сподобился выйти из своей комнаты; он наложил полную тарелку всякой еды, прибавил еще индюшачью грудку и спросил, что я думаю насчет последней главы его романа в окончательном варианте, и я сказал: «По-моему, он еще не окончательный, требуется небольшая доработка», и ты воскликнула: «Это жестоко!», и Эдвард сказал: «Да, ты прав. Я и сам думал, что надо бы поработать еще», и снова ушел в свою комнату. А улица за окном была абсолютно пустынная; изредка проходили, правда, отдельные неудачники, не успевшие вовремя прильнуть к телевизору. А мы курили травку и как бешеные переключались с одного телеканала на другой. Я даже притащил на кухню пишущую машинку и как раз устроивался с ней за столом, когда ты завела разговор о том, как нам следовало провести прошлый отпуск, а я подумал обо всех тех женщинах, которых мне следовало любить в жизни. А в пять минут двенадцатого Эдвард снова вышел из своей комнаты и показал мне заново переписанную последнюю главу, и я сказал: «Ну вот! Теперь получилось отлично!», и он кивнул: «Да, мне тоже так показалось. А что, кока-колы не осталось?»; и мы дружно прикончили весь свой запас наркотиков, и ты сказала, обращаясь ко мне: «Ради бога, перестань наконец стучать на машинке!», и я возразил: «Но должен же я все это записать!», и ты обняла меня, и Эдвард тоже меня обнял, и мы все трое по очереди поцеловали детей, которым позволили так долго не ложиться спать, потому что наступал конец света, и я шепнул тебе: «Слушай, ты прости меня за все, ладно?», и ты тихо промолвила: «И ты меня тоже прости!», и Эдвард сказал: «Не уверен, что сделал вам что-то дурное, но и вы меня тоже простите, мне очень жаль!», «За что простить-то, чего вам жаль?» — спрашивали дети, но мы не успели им объяснить, не успели даже сами решить, чего нам так жаль...

СОДЕРЖАНИЕ

АЛХИМИЧЕСКИЙ МАРЬЯЖ ЭЛИСТЕРА КРОМПТОНА. Роман. <i>Перевод Б. Ключевой</i>	7
ВЕЛИКИЙ ГИНЬОЛЬ СЮРРЕАЛИСТОВ. Роман. <i>Перевод Т. Шинкарь</i>	161
БОЖИЙ ДОМ. Роман. <i>Перевод О. Битова</i>	361
ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА. Повесть. <i>Перевод О. Битова</i>	531

РАССКАЗЫ

Магия. <i>Перевод В. Мидянина</i>	603
Место, где царит зло. <i>Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	615
Заказ. <i>Перевод М. Черняева</i>	652
Битва. <i>Перевод И. Гуровой</i>	659
Легенды конкистадоров. <i>Перевод Д. Мальцева</i>	665
Опека. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	673
Проклятие единорогов. <i>Перевод М. Ильиной</i>	685
Бухгалтер. <i>Перевод В. Баканова</i>	698
Старые добрые времена. <i>Перевод М. Жужунава</i>	707
Предел желаний. <i>Перевод В. Баканова</i>	746
Доктор Вампир и его мохнатые друзья. <i>Перевод Норы Галь</i>	754
Алтарь. <i>Перевод А. Кона</i>	764
Гибель Атлантиды. <i>Перевод В. Серебрякова</i>	772
Демоны. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	777
Регулярность кормления. <i>Перевод А. Мельникова</i>	788
Привет из преисподней. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	793
Бегство Агамемнона. <i>Перевод В. Мидянина</i>	798
Вечность. <i>Перевод М. Черняева</i>	820
Царская воля. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	831
С божьей помощью. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	843
Шкатулка Пандоры. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	851

Желания Силверсмита. <i>Перевод А. Нефедова</i>	856
Охотники каменных прерий. <i>Перевод Н. Рейн</i>	865
Все по порядку. <i>Перевод А. Рогулиной</i>	916
Ксолотль. <i>Перевод А. Нефедова</i>	933
По мнению здравомыслящего. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	950
Последние дни нашего (а может, параллельного?) мира. <i>Перевод И. Тогоевой</i>	951